КІЕВЪ

съ

ДРЕВНѢЙШИМЪ ЕГО УЧИЛИЩЕМЪ

АКАДЕМІЕЮ.

Соч.

В. АСКОЧЕНСКАГО.

ЧАСТЬ I.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

КІЕВЪ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИМЪ ЕГО УЧИЛИЩЕМЪ

АКАДЕМІЕЮ.

Соч.

В. АСКОЧЕНСКАГО.

ЧАСТЬ I.

Кіевъ.

Въ Университетской типографіи.

1856.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. 1855. Декабря 27 дня.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ, *Ор. Новицкій.*

Посвящается

ВСѢМЪ ВОСПИТАННИКАМЪ

КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ,

БЫВШИМЪ, НАСТОЯЩИМЪ и БУДУЩИМЪ.

На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великъ имать быти.

Пророчество св. апостола Андрея первозваннаго.

Кіевская Академія воспитала для всей Россіи знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ чиновниковъ, и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ.

Митрополитъ Евгеній.

КЪ

ЧИТАТЕЛЮ.

Движимый чувствомъ искреннѣйшей признательности къ воспитавшему меня училищу, я давно желалъ написать Исторію его, по тѣмъ памятникамъ и актамъ, какіе сохранились въ разныхъ архивахъ и по моему крайнему уразумѣнію. Служебныя обстоятельства на долго отвлекли меня отъ этого, еще въ 1838 году задуманнаго, дѣла. Теперь Богъ привелъ меня исполнить мое намѣреніе, и трудъ мой предъ тобою, благосклонный читатель. Не прошу снисхожденія къ ошибкамъ, какія можетъ быть встрѣтятся въ моемъ сочиненіи, но скажу только словами древняго лѣтописца: „отцы и братія, оже ся писахъ, али не дописахъ, али переписахъ, чтите, „исправливая Бога дѣля, а не клените“.

Авторъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начатки Русской грамоты въ Кіевѣ. Училища при св. князѣ Владимірѣ. Наказъ митрополита св. Михаила. Училища для женскаго пола при великихъ князьяхъ Кіевскихъ. Первая библіотека въ Россіи. Кіевъ разсадникъ училищъ. Церковное пѣніе. Первая училищная ревизія. Правда Русская. Баянъ вѣщій.

Кіевъ, бывшій купелію крещенія и обновленія Россіи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и колыбелію умственнаго просвѣщенія обновленнаго народа. Здѣсь впервые русское ухо услышало незнакомыя прежде пѣснопѣнія Церкви православной; впервые изрекались здѣсь слова вѣры, любви и христіанской надежды; впервые явилась грамота словенская, предавшая письмени то, что составило потомъ духовный насущный хлѣбъ просвѣщеннаго Евангеліемъ народа,—»и рады быша Словене, говоритъ Лѣтописецъ, яко слышаша величіе Божіе своимъ языкомъ« [1].

Но этимъ не ограничилось нравственное воспитаніе народа. Креститель Россіи, равноапостольный князь Владиміръ, первый изъ Русскихъ постигъ необходимость просвѣщенія. Грубое невѣжество могло идти рядомъ только съ языческими вѣрованіями въ деревянныхъ Волосовъ и полуметаллическихъ Перуновъ; оно даже необходимо было для жрецовъ, одною лишь недоступностью внушавшихъ простому народу уваженіе къ таинствамъ своей религіи,—ибо царство лжи любитъ тьму. Но все это должно было изчезнуть, какъ скоро свѣтъ Христовъ про-

свѣтилъ всѣхъ. Надо было учить народъ христіанскій евангельскому разуму, — и вотъ великій князь Владиміръ Святославичъ заводитъ въ Кіевѣ и по другимъ окрестнымъ городамъ народныя училища: »и пославъ, говоритъ Несторъ, нача имати у нарочитыя чади дѣти и даяти на ученіе книжное«. Нельзя не видѣть, между прочимъ, особенной мудрости въ этомъ распоряженіи равноапостольнаго Князя. Владиміръ началъ образованіе своего народа сверху, съ высшихъ слоевъ общества, съ дѣтей »нарочитыхъ чади«, очень хорошо постигнувъ то вліяніе, какое неизбѣжно должны были произвести высшіе классы на низшіе; очевидно, что трудное дѣло народнаго образованія чрезъ это долженствовало много облегчиться. Державный учитель народа готовилъ себѣ ближайшихъ сотрудниковъ и пособниковъ. Но къ удивленію, и въ этомъ сословіи обнаружилась крайняя нерасположенность къ небывалому дотолѣ нововведенію: »матери чадъ своихъ, говоритъ намъ лѣтописецъ, плакахуся по нихъ, аки по мертвыхъ«. Но Владиміръ шелъ, — и достигъ своей цѣли. Мало того, что собственно русская грамота скоро перестала казаться дикою и неприступною для Россіянъ; они уже брались и за иностранные языки. Имѣя наставниками своими Грековъ и священниковъ болгарскихъ, »дѣти нарочитыхъ чади« неизбѣжно пріучались къ языку своихъ учителей, а вмѣстѣ съ этимъ усвояли и другія познанія, доступныя ихъ младенческому, по просвѣщенію, возрасту.

Наказъ перваго всероссійскаго митрополита св. Михаила, бывшаго самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Великаго Князя въ дѣлѣ образованія Россіи, можетъ быть и въ настоящее время высокимъ руководствомъ при обученіи юношества. Не учащіеся только, но и учители обращали на себя бдительное вниманіе сего знаменитаго и святаго педагога. »Призываше, пишется »въ Степенной книгѣ, всѣхъ учителей грамотныхъ, и наказоваше »ихъ правѣ и благочинно учити юныя дѣти, якоже словесѣмъ »книжнаго разума, такоже благонравію и правдѣ, и любве, и

»зачалу премудрости страху Божію, и чистотѣ, и смиренно»мудрію. Учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣ»вомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ »и сладкимъ проученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ, да не уны»ваютъ, ни ослабѣваютъ, прилежно и часто послушивати и на»казовати ихъ, предавати и комуждо ихъ урокъ ученія съ раз»сужденіемъ, противу коегождо силы, и со ослабеніемъ, да не »унываютъ: но паче же всегда прилагати имъ ученіе отъ закона »Господня на пользу души же и тѣлу, отъ безумныхъ же и »неподобныхъ словесъ опаятися« [2]. И такъ вотъ еще когда святой Руси указана была настоящая программа воспитанія юношества! Какъ отечески-снисходительно пріучаетъ великій учитель сомнѣвающихся и робкихъ учениковъ къ принятію полезныхъ уроковъ! Какъ твердо и незыблемо основаніе народнаго просвѣщенія, краеугольнымъ камнемъ котораго полагается страхъ Божій и законъ Господень! Это былъ завѣтъ Кіеву, съ которымъ онъ явился потомъ въ тяжкую годину искушенія, когда судьбы Вышняго поставили его на стражѣ храненія чистоты ученія православной вѣры.

Гордая Европа провозгласила древнюю Россію погруженною въ невѣжество, а между тѣмъ эта невѣжественная Россія не отставала и въ томъ, что считалось рѣдкостью даже въ высокопросвѣщенныхъ странахъ. Говоримъ о воспитаніи женщинъ. Конечно, онѣ не составляли у насъ предмета безумнаго обожанія; мы не ломали за нихъ копій на рыцарскихъ турнирахъ, не разоряли городовъ и не объявляли себя оффиціальными защитниками красоты и невинности,—ибо онѣ сами себя защищали, скрытыя отъ нескромныхъ очей праздная любопытства: но мы давали имъ сильное оружіе нравственно-духовнаго просвѣщенія, и дѣлали ихъ соучастницами того движенія, которое сообщено Руси проповѣдію евангельскою. Стрыйковскій, историкъ XVI вѣка, на основаніи русскихъ лѣтописей, пишетъ, что второй всероссійскій митрополитъ Леонтій присовѣтовалъ великому князю

Владиміру Святославичу устроить два училищные монастыря, одинъ мужской, а другой женскій, для обученія дѣтей чтенію и письму [3]. Въ 1086 году великій князь Всеволодъ Ярославичъ, заложивъ въ Кіевѣ церковь св. Андрея, основалъ при ней женскій монастырь, въ которомъ постриглась и первая дочь его, дѣвица Анна. Благочестивая отшельница, не довольствуясь труженическими подвигами, учредила при монастырѣ школу для обученія дѣвицъ, принявъ на себя саму званіе учительницы. Въ этомъ первенцѣ всѣхъ женскихъ училищъ и институтовъ на святой Руси царственная наставница обучала дѣвицъ чтенію, пѣнію, письму и всякимъ женскимъ рукодѣльямъ. Такимъ образомъ Кіевъ является и здѣсь съ своимъ примѣромъ разумнаго вниманія къ нравственнымъ нуждамъ пола, почитаемаго у насъ, повидимому, отдѣленнымъ отъ общаго движенія къ современному просвѣщенію.

При такомъ святомъ началѣ народнаго образованія, не могло оно оставаться неподвижнымъ, и въ скоромъ времени пошло далѣе по пути, указанному первосвятителемъ великаго Владиміра. Сынъ его Ярославъ, искренно преданный наукѣ, завелъ въ Кіевѣ полный составъ переводчиковъ съ греческаго на славянскій языкъ, и основалъ первую въ Россіи библіотеку при новосозданномъ имъ Софійскомъ соборѣ. »Бѣ Ярославъ, говоритъ Не»сторъ, любя церковные уставы и книгамъ прилежа, и почитая »часто въ нощи и во дни, и собра писцы многи, и прелагаше »отъ Грекъ на Славянское письмя, и списаша книги многи, »ими же поучахуся вѣрніи людіе, и положи во святой Софіи« [4]. Нельзя не остановиться на замѣткѣ лѣтописца: »ими же поучахуся вѣрніи людіе«: — значитъ, библіотека Ярослава не оставалась мертвымъ капиталомъ во дворцѣ его и въ храмѣ Софійскомъ, а была открыта всѣмъ и всякому; значитъ опять, между народомъ было довольно такихъ, которые любили чтеніе и умѣли »поучаться«.

Слѣдуя мудрому примѣру своего отца, Ярославъ въ 1025

году открылъ училище и въ Новгородѣ. »И собра, говоритъ лѣтописецъ, отъ старостъ и отъ пресвитеровъ дѣтей триста, и повелѣ учити книгамъ«, вручивъ управленіе вновь устроеннымъ училищемъ епископу Іоакиму Корсунскому: »и бяше,—пишетъ препод. Несторъ, бывшій самъ воспитанникомъ Новгородскаго училища, — ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше«. Подъ руководствомъ сего-то Ефрема нашъ незабвенный лѣтописецъ изучилъ тотъ языкъ, который позволилъ ему бесѣдовать съ византійскими хронографами и повѣдать Россіи ея минувшую судьбу. Это не были какія либо отдѣленныя училища собственно для извѣстнаго только класса, или для приготовленія лишь достойныхъ служителей вѣры; — вся масса народа очищалась въ нихъ отъ прежняго своего невѣжества и суевѣрій, какъ это видно изъ самой цѣли учрежденія сихъ училищъ, чтобы »мужи и жены вѣру христіанскую твердо держали, а поганскую вѣру забывали« [5].

Кіеву суждено было также отъ древнихъ лѣтъ быть вводителемъ и въ послѣдствіи усовершителемъ церковнаго пѣнія. По сказанію такъ называемой лѣтописи Іоакимовой, еще къ Владиміру великому присланы были изъ Константинополя съ митрополитомъ Михаиломъ »демественники отъ Славянъ болгарскихъ«, передавшіе Россіи демественное или доместическое пѣніе, которое впрочемъ мало разнилось отъ столповаго [6]. При Ярославѣ явились въ Россію три греческихъ пѣвца, »отъ нихъ »же, какъ свидѣтельствуютъ Степенныя книги, начать пѣніе »изрядное осмогласіе, наипаче же быти въ Рустѣй земли ан»гелоподобное и трисоставное сладкогласованіе и самое красное »демественное пѣніе« [7]. Съ этой-то поры началось то удивительное пѣніе, которому ни подражать, котораго ни перенять нѣтъ никакой возможности, которое какъ-будто по одной нотѣ сносимо было цѣлыми вѣками и составило ту чудную и непостижимую гармонію, какая восхищаетъ до нынѣ во св. обители Печерской самаго глубокаго знатока музыки.

Не на безплодную землю пало сѣмя христіанскаго просвѣщенія. Какъ лучи отъ солнца, всюду распространялись отъ Кіева благодѣтельныя училища. Подъ 1097 годомъ упоминается, что препод. Несторъ ѣздилъ во Владиміръ, что на Волыни, для обозрѣнія училищъ и наставленія самихъ учителей: [8] — доказательство быстраго образованія Русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство, что и въ то время былъ уже учрежденъ правильный надзоръ за ходомъ наукъ и за внѣшнимъ благосостояніемъ училищъ.

Правильно устроиваемое государство требовало писаныхъ законовъ, приспособленныхъ къ мѣстнымъ потребностямъ и обычаямъ народа,—и въ слѣдствіе этого является *Правда Русская*. Наука правъ достойно уже оцѣнила этотъ вѣковѣчный памятникъ высокой мудрости и рѣдкаго просвѣщенія великаго князя Ярослава, а исторія записала на своихъ скрижаляхъ имя сего перваго законодателя Россіи, озаривъ его ореоломъ заслуженной славы, — и первый, сознательно-благодарный взоръ истинно-русскаго правовѣда обращается къ Кіеву, откуда »пошла есть« правда русская во всѣ концы обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи.

А вотъ и Баянъ вѣщій, соловей стараго времени, который »растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облаки«, который пѣлъ вдохновенныя пѣсни »старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Романови Святославичю«, который »не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на своя струны вскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху«. Много прошло времени, пока остальная Русь прочитала въ мертвой буквѣ вдохновенную пѣснь только ученика того вѣщаго Баяна, а его самаго вживѣ когда-то слышалъ Кіевъ, возростившій и питавшій въ лѣсахъ и рощахъ своихъ этого »славія стараго времени«.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бѣдствія Кіева отъ междоусобія князей. Батый разоряетъ Кіевъ. Галицкіе князья дѣлаются владыками Кіева. Появленіе католиковъ на юго-западѣ Россіи. Распространеніе латинскихъ школъ. Миссіонеры доминиканскіе въ Кіевѣ. Виды папы Иннокентія IV на кіевскую митрополію. Societas Peregrinantium. Католическая епископія въ Кіевѣ. Гоненіе на православныхъ при Ольгердѣ, Болеславѣ, Казимірѣ IV и при Людовикѣ, королѣ Венгерскомъ. Дѣйствія папъ Григорія XII и Урбана VI. Дѣйствія Societatis Peregrinantium. Кіевскій митрополитъ Кипріанъ Сербянинъ. Ягайло, великій князь литовскій. Доминиканцы хозяйничаютъ въ Кіевѣ. Владиславъ Ягелло и дѣйствія его. Князья и знатнѣйшіе дворянскіе роды — защитники православія. Два въ одно время кіевскихъ митрополита. Митрополитъ Григорій въ Римѣ. Учрежденіе постоянной католической епископіи въ Кіевѣ. Армяне въ Кіевѣ. Гоненія въ Литвѣ.

Но наступила тяжкая година и для Кіева. Междоусобія князей потрясли славу и могущество его въ своемъ основаніи, а полчища Батыя довершили паденіе сего новаго Царяграда. »Древній Кіевъ изчезъ, и на вѣки, говоритъ историографъ нашъ: ибо сія, нѣкогда знаменитая, столица, мать градовъ Россійскихъ

въ XIV и XV вѣкѣ представляла еще развалины« [9]. Единственные блюстители народнаго просвѣщенія, митрополиты Кіевскіе уже не находили въ немъ себѣ пристанища, и перенесли свою каѳедру во Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ временно пребывалъ и престолъ великокняжескій. Галицкіе князья сдѣлались владѣтелями развалинъ не такъ давно великолѣпнѣйшей столицы всея Россіи, и занятые своими дѣлами, вовсе не заботились о возстановленіи первопрестольнаго града.

Но шла гроза страшнѣе Батыевой на развѣнчанный и разоренный Кіевъ. Въ 1213 году, Коломанъ, королевичъ венгерскій, овладѣвши галицкимъ княжествомъ, привезъ туда съ собою двухъ католическихъ епископовъ, отдалъ имъ двѣ православныхъ церкви, выгналъ православнаго епископа, и началъ обращать народъ въ римскую вѣру. Такимъ образомъ на горизонтѣ юго-западной Россіи уже показалось облако, ставшее потомъ тучею, которая пала на Кіевъ и окрестности его проливнымъ дождемъ кровавыхъ бѣдствій и лютаго гоненія. Пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи, стонавшей подъ игомъ Татаръ и отъ междоусобія своихъ же владыкъ, князья литовскіе начали покорять себѣ русскія западныя княжества, и въ короткое время завладѣли Новогродкомъ, Полѣсьемъ, Гродномъ, Брестомъ, Дрогичиномъ, Пинскомъ, Туровомъ и Полоцкомъ. Но тутъ еще далеко было до бѣды. Почти дикіе завоеватели охотно вступали въ нѣдра Восточной Церкви, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ и письмо русское; бѣда находила съ другой стороны. Ревнивые слуги папскаго престола не могли хладнокровно видѣть такое преуспѣяніе православія, и пользуясь горестнымъ положеніемъ юго-западныхъ областей, рѣшились прибѣгнуть къ дѣйствительнѣйшему средству, чтобы ниспровергнуть ненавистное имъ ученіе. Въ униженныхъ и разоренныхъ городахъ западной Руси не было уже училищъ; русское духовенство только по преданію держалось истинъ православія, не имѣя возможности изучить ихъ само собою, такъ что каѳедры

митрополитскія и епископскія по необходимости должно было предоставлять Грекамъ и Болгарамъ, приходившимъ на Русь. Хитрые противники православія воспользовались этимъ, и съ необыкновенною ревностію стали заводить училища, привлекая въ нихъ молодое поколѣніе. Основанные въ 1007 году Болеславомъ великимъ Бенедиктинскіе монастыри сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ академіями, и всему духовенству католическому поставлено было въ непремѣнную обязанность пещись о содержаніи училищъ; каждый приходъ долженъ былъ имѣть при костелѣ школу, а при каѳедрахъ и аббатствахъ предположено было завести преподаваніе высшихъ наукъ. Для довершенія образованія отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ посылаемы были въ иностранные университеты, уже облеченные напередъ званіемъ канониковъ и обязанные такимъ образомъ оставаться навсегда вѣрными слугами папскому престолу. При такихъ дѣйствительнѣйшихъ средствахъ, перевѣсъ естественно переходилъ на сторону противниковъ вѣры православной,—и гроза быстро приближалась къ Кіеву.

Наконецъ, около 1235 года при кіевскомъ князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ первопрестольный градъ древней Руси увидѣлъ и у себя католическихъ миссіонеровъ Доминиканцевъ. Они основали Богородицкій монастырь на Оболонѣ, въ предмѣстіи Подола. Вмѣстѣ съ этимъ открыто было ими и училище для дѣтей,—и нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія этихъ пришлецовъ были крайне противны духу православія: ибо, какъ говоритъ польскій историкъ Длугошъ, Владиміръ Рюриковичъ выгналъ изъ Кіева Мартина Сандомирскаго, бывшаго пріоромъ того монастыря, со всѣми монахами, и строго запретилъ имъ возвращаться, опасаясь отъ нихъ заразы православнымъ[10].

Такая безуспѣшность не охладила однакожъ ревности въ кліентахъ папскаго престола. Оставивъ до времени виды свои

на Кіевъ, самъ папа въ 1233 году, учредилъ въ Галичѣ архіепископію, посвятивъ на оную доминиканца Бернарда, убитаго въ послѣдствіи Татарами, и съ этихъ поръ началъ серьозно помышлять объ учрежденіи и другихъ католическихъ епархій по заднѣпровской Руси и Литвѣ. Батыево нашествіе и опустошенія, принудившія кіевскихъ митрополитовъ перенести свою каѳедру во Владиміръ, подали мысль папѣ Иннокентію IV, что кіевская митрополія навсегда прекратилась, и что слѣдовательно это самый удобный случай присоединить церковь русскую къ римской. Съ этой цѣлію онъ льстилъ честолюбивой политикѣ Даніила князя галицкаго, даже далъ ему королевскую корону: но ошибся въ своихъ разсчетахъ. Православный князь не согласился измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ.

При всемъ томъ удаленіе митрополитовъ изъ Кіева усилило вліяніе западной церкви на заднѣпровскія епархіи. Миссіонеры всѣхъ орденовъ безпрепятственно селились въ юго-западной Россіи, къ явному ущербу Церкви православной, а когда Гедиминъ великій, князь литовскій, съ 1320 года завоевалъ и отторгъ отъ Россіи почти всѣ заднѣпровскія княжества, католики толпами начали стекаться въ Литву и Заднѣпровье съ своими проповѣдями, нисколько не опасаясь намѣстника Гедиминова Миндовга, князя гольшанскаго, исповѣдывавшаго вѣру православную и опредѣленнаго въ Кіевъ для успокоенія народа. Учрежденная, около 1252 года, папою Иннокентіемъ IV, такъ называемая, русская миссія, состоявшая изъ Доминикановъ и Францискановъ, подъ именемъ Societas Peregrinantium, дѣлала свое дѣло. Въ короткое время она настроила множество церквей и монастырей, и положила основаніе для будущихъ епископствъ въ Кіевѣ, Луцкѣ, Холмѣ, Галичѣ, Перемышлѣ, Каменцѣ и Цереткѣ въ Валахіи. Когда же, по смерти Льва, наслѣдовавшаго отцу своему Даніилу, королю галицкому, Чермною Русью овладѣлъ Болеславъ, князь мазовецкій; то въ странахъ этихъ

вдругъ появилось множество Поляковъ и Мазовшанъ, исповѣдовавшихъ католическую вѣру. Это обстоятельство было причиною того, что преемникъ Болеслава, Казиміръ великій имѣлъ уже подъ рукою гораздо болѣе способовъ къ обращенію Русскихъ къ папизму. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ облегла православный Кіевъ грозная туча враждебнаго ему ученія, и въ 1321 году онъ увидѣлъ у себя перваго католическаго епископа, а съ тѣмъ вмѣстѣ и размноженіе костеловъ съ школами и училищами.

Ольгердъ, сынъ Гедимина, вступившій на престолъ литовскій 1340 года, хотя и принялъ православіе, по увѣщанію жены своей, тверской княжны Іуліаніи Александровны: но не запрещалъ латинскому духовенству проповѣдывать свое ученіе. За то на Вольши вѣра православная подверглась открытому гоненію. По прекращеніи поколѣнія великихъ князей галицкихъ, Вольнцы около 1340 года поддались мазовецкому князю Болеславу, сыну Тройдена литовскаго, и хотя въ условіяхъ между ними было постановлено, чтобы онъ не нарушалъ ни гражданскихъ, ни церковныхъ уставовъ: но поддавшись вліянію католическаго духовенства, Болеславъ не только обратился самъ къ римской вѣрѣ, но сталъ принуждать къ тому и новыхъ своихъ подданныхъ. По смерти его, послѣдовавшей въ томъ же 1340 году, вся галицкая и вольнская область поддалась королю Казиміру IV на тѣхъ же условіяхъ о вѣротерпимости: но король, принявъ бразды правленія, тотчасъ же явился лютымъ гонителемъ православія. Онъ вездѣ поселялъ между русскими католиковъ, обращалъ церкви православныя въ латинскіе костелы и притѣснялъ до того русское духовенство, что православные рѣшились было поддаться Татарамъ, которые по крайней мѣрѣ никого не гнали за вѣру. Пораженіе ханскаго войска и смерть Казиміра удержали православныхъ отъ этого опаснѣйшаго шага. Однакожъ положеніе ихъ не улучшилось и при Людовикѣ, ко-

ролѣ венгерскомъ, вступившемъ 1370 года на польскій престолъ. Желая присоединить Чермную Россію и Галицію къ Венгріи, а народъ обратить къ римской вѣрѣ, онъ вмѣстѣ съ опольскимъ княземъ Владиславомъ испросилъ у папы Григорія XI буллу на учрежденіе четырехъ католическихъ епархій: галицкой, перемышльской, хелмской и владимірской или луцкой. Обрадованный этимъ Григорій XI немедленно буллою своею 1375 года утвердилъ существованіе требуемыхъ епархій, возведши между прочимъ галицкую каѳедру въ достоинство митрополитанской и подчинивъ оной прочія три епископства. Православные архіереи, въ слѣдствіе повелѣнія папы, немедленно были удалены изъ епархій, и въ русскихъ церквахъ началось католическое служеніе. Въ 1381 году буллою папы Урбана VI открыта была во Львовѣ, знатнѣйшемъ тогда городѣ галицкомъ, и католическая инквизиція.

Соревнуя усердію коронованныхъ распространителей католицизма, члены Societatis Peregrinantium укрѣпляли моральнымъ вліяніемъ то, что доставляемо было имъ насиліемъ и страхомъ. Лишь только поступалъ въ ихъ вѣдѣніе какой либо православный храмъ, они немедленно открывали при немъ школу, и собирая въ нее безъ различія дѣтей всякаго вѣроисповѣданія, отсылали способнѣйшихъ воспитанниковъ въ знаменитую въ то время коллегію, названную по имени своей основательницы Гедвиги королевы польской Collegium Hedvigis Reginæ s. Reginense; отсюда ученики возвращались уже ревностнѣйшими католиками, дѣйствуя потомъ дѣломъ и словомъ противъ отринутаго ими православія. Въ тоже время католическіе миссіонеры всѣми силами старались удерживать православное духовенство отъ просвѣщенія, съ умысломъ выставляя потомъ его невѣжество предъ совращаемымъ народомъ.

Находясь въ ближайшей зависимости отъ государей непра-

вославныхъ, и лишенные пособниковъ, съ которыми можно было бы вести не безуспѣшную борьбу съ сильными противниками, кіевскіе митрополиты съ соболѣзнованіемъ усматривали уменьшеніе своей православной паствы. Ни уступки, ни благоразумная политика, ни смѣлое слово не спасали отъ этого блюстителей вѣры истинной. Напрасно митрополитъ Кипріанъ Сербянинъ, имѣвшій каѳедру свою въ Вильнѣ, снискивалъ благосклонность Ягайлы, великаго князя литовскаго: обѣщавъ, при вступленіи своемъ на престолъ, православнымъ свободу вѣроисповѣданія, этотъ король, при помощи доминиканцевъ и францискановъ, обратилъ къ римской церкви половину своей столицы—Вильно, и далъ латинскому духовенству значительный перевѣсъ предъ русскимъ, стѣсняя постепенно самую вольность и гражданскія права народа. Въ угоду властителю юго-западной Руси удѣльный князь кіевскій Владиміръ Ольгердовичъ далъ право въ самомъ Кіевѣ возобновленному доминиканскому монастырю собирать *поколодную*, то есть извѣстную дань или *помырную* подать съ продаваемаго на рынкахъ хлѣба, и кромѣ сего уступилъ ему деревню на Сыричѣ и потомственно-безоброчную пашню, подъ названіемъ Хлопачъ, что потомъ въ 1411 году было подтверждено и грамотою сына его князя кіевскаго Александра Владиміровича. А между тѣмъ Владиславъ Ягелло, король польскій, сеймовой конституціей 1400 года лишилъ православныхъ подданныхъ своихъ права имѣть гербы, пріобрѣтать дворянское достоинство и пользоваться привиллегіями гражданской службы. Все это предоставлено было лишь тѣмъ, кто исповѣдывалъ католическую вѣру. Русскія церкви безпрестанно были обращаемы въ латинскіе костелы, и хотя въ томъ же году краковскій сеймъ умѣрилъ строгость эту: но черезъ два года она опять возобновилась. Уже Владиславъ Ягелловичъ III, при коронаціи своей 1434 года, сравнилъ православныхъ мірянъ съ неправославными въ вольностяхъ и преимуществахъ.

Не смотря на такое гоненіе, на Волыни и въ Литвѣ еще

оставались нѣкоторые князья и дворянскіе роды, которые не захотѣли измѣнять восточному исповѣданію, и смѣло заципцали православную Церковь на сеймахъ и предъ самими королями. Левъ Скиргайло Ольгердовичъ, княжившій въ Кіевѣ послѣ брата своего Владиміра, Ѳедоръ и Василій князья острожскіе, князья Чарторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе, почивающіе въ православной издревле кіево-печерской лаврѣ, заслужили себѣ вѣчную память непреоборимою ревностію по православію.

Бѣдственное нестроеніе въ іерархіи, возникшее въ слѣдствіе взаимныхъ притязаній двухъ въ одно время кіевскихъ митрополитовъ—Фотія и Григорія Самблака,—одного Грека, а другаго Болгарина, — подало поводъ Витовту задумать подчиненіе русской церкви папскому престолу. Съ полной вѣроятностью можно утверждать, что событіе это, внесшее такой соблазнъ въ нѣдра Церкви православной, было дѣломъ римскаго духовенства, постоянно окружавшаго Витовта; самыя обвиненія, взведенныя на патріарховъ константинопольскихъ и всю восточную іерархію въ мздоимствѣ и незаконности притязаній, обличаютъ, кто собственно былъ составителемъ такой клеветы. Наконецъ отвѣтъ Витовта на убѣжденіе митрополита Григорія обратиться къ восточной церкви, — чтобы онъ ѣхалъ въ Римъ и вступилъ тамъ въ религіозное состязаніе съ папою и его богословами, свидѣтельствуетъ съ одной стороны то, что устами князя говорили хитрые доминиканцы и францискане, а съ другой, что они въ гордомъ убѣжденіи считали самаго представителя россійской іерархіи неискуснымъ въ дѣлѣ Богословія и не сильнымъ устоять противъ образованныхъ клієнтовъ римскаго престола. Согласно волѣ князя, Григорій, въ сопровожденіи лицъ духовныхъ и Витовтовыхъ бояръ, ѣздилъ въ Римъ: но какое было слѣдствіе этого путешествія — неизвѣстно. Современный прусскій лѣтописатель Линденблатъ говоритъ, что дѣйствительно

въ 1417 году Витовтъ посылалъ своихъ епископовъ и священниковъ къ папѣ на констанскій соборъ съ увѣдомленіемъ, что будто бы они желаютъ покориться римской церкви; изумленные спросомъ объ этомъ лица духовные отвѣчали, что они и не думали о какомъ либо присоединеніи, а пріѣхали только по повелѣнію Витовта. Изъ этого сказанія не видно впрочемъ, чтобы Григорію предлагаемы были богословскіе вопросы, какъ этого лично требовалъ отъ него Витовтъ: но Линденблатъ замѣчаетъ, что пріѣхавшіе съ митрополитомъ Поляки были посрамлены и осмѣяны всѣмъ соборомъ[11].

Междоусобная война между Сигизмундомъ, получившимъ отъ Владислава Ягеллы великое литовское княжество, и Свидригайломъ, удержавшимъ въ своемъ владѣніи Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ и Витебскъ, а главное—вѣроломство Герасима, любимца Свидригайлы, возведеннаго имъ на кіевскій митрополитскій престолъ, и потомъ сожженнаго за измѣну въ Витебскѣ, было причиною того, что этотъ князь, хотя и католикъ, но благоволившій до сей поры къ православнымъ, сталъ неблагосклонно смотрѣть на нихъ. Онъ позволилъ латинскому духовенству построить въ Кіевѣ первый мірской костелъ и учредилъ уже постоянную кіевскую епископію, умаливъ до значительной степени права духовенства православнаго. Вслѣдъ за тѣмъ польскій король Казиміръ IV далъ позволеніе Армянамъ селиться въ Кіевѣ и имѣть свою церковь[12], а литовскій великій князь Александръ, король Сигизмундъ I и Стефанъ Баторій снабдили потомъ ее угодьями и различными пожертвованіями. Такимъ образомъ въ самомъ Кіевѣ явилось еще одно исповѣданіе, противное православному ученію.

Между тѣмъ въ Литвѣ усилившіеся католики начали съ большею жестокостію гнать и притѣснять православныхъ. По

свидѣтельству польскаго историка Кромера[13], они вскорѣ по смерти Витовта разрушили и сожгли всѣ русскія церкви, находившіяся въ Литвѣ. Сигизмундъ, великій князь литовскій, состоявшій подъ деспотическимъ вліяніемъ католическаго духовенства, хладнокровно смотрѣлъ на это, и только жителямъ Луцка далъ (1432 г.) охранную грамату, защищавшую ихъ отъ подобныхъ разореній и принужденія къ вѣрѣ католической.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало уніи. Митрополитъ Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ. Прибытіе его въ Кіевъ. Бѣгство Исидора въ Римъ. Первое введеніе уніи. Письма Исидора изъ Рима. Кіевъ — уѣздный городъ. Княгиня Елена. Кіевскій митрополитъ Іосифъ. Козаки. Митрополитъ Іона II. Сигизмундъ I. Преслѣдованіе древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Завоеванія великихъ московскихъ князей и слѣдствія того. Реформаты въ Польшѣ и Литвѣ. Вѣротерпимость Сигизмунда Августа. Отвѣтъ его Іоанну Эку. Борьба реформатовъ съ іезуитами. Протестантизмъ въ юго-западной Россіи. Михаилъ Рагоза и Ипатій Поцѣй. Введеніе уніи во всемъ ея объемѣ. Бѣдствія православія. Сочиненіе Поцѣя. Іезуитъ Скарга. Апологеты уніи. Ученые защитники православія. *Рада* о сохраненіи вѣры въ русскомъ народѣ.

Наконецъ вполнѣ созрѣлъ давно таимый и любимый замыселъ римскихъ первосвященниковъ о подчиненіи церкви восточной своему престолу. Бѣдствія греческой имперіи представляли къ тому самый удобный случай. Условившись объ этомъ дѣлѣ съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ, Евгеній IV, папа римскій, рѣшилъ вмѣшать въ этотъ вопросъ и церковь всероссійскую, сильную союзницу и дщерь константинопольской. Оставалось приготовить такого человѣка, который, бывъ облеченъ высокою властію архипастыря, согласился бы содѣйствовать осуществленію честолюбивыхъ плановъ римскаго владыки. Такимъ, къ несчастію, явился митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ. Извѣстны всѣмъ дѣянія его на флорентійскомъ соборѣ: низкій предатель измѣнилъ своей клятвѣ, данной предъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, не отступать отъ православія, и вмѣстѣ съ греческимъ императоромъ и многими восточными духовными торжественно принялъ унію, признавъ папу главою вселенской Церкви. Прибытіе отступника въ Кіевъ было торжествомъ для него: духовенство встрѣтило Исидора, какъ единственнаго митрополита всѣхъ россійскихъ епархій, нимало не соблазняясь тѣмъ, что передъ нимъ несли крестъ латинскій и три серебряныя палицы; — до того, значитъ, успѣли римскіе миссіонеры подчинить своему вліянію православныхъ на юго-

западѣ Россіи! Ихъ не изумила даже грамата, предварительно присланная Исидоромъ изъ Буддина, столицы венгерской, и наполненная положеніями, стопившими потомъ Кіеву и другимъ городамъ пролитія крови христіанской; — такъ мало, значитъ, было тогда людей, способныхъ истолковать народу это неправославное воззваніе!

Твердость и благочестіе великаго князя Василія Васильевича поразили отступника. Исидоръ, въ собраніи духовныхъ и мірянъ торжественно названный лжепастыремъ, губителемъ душъ и еретикомъ, постыдно бѣжалъ въ Римъ къ своему папѣ. Но зараза, занесенная отступникомъ въ западную часть Россіи, произвела смятеніе и пагубу между православными. Съ радостію ухватились за идею уніятства короли польскіе и великіе князья литовскіе, видѣвшіе въ этомъ дѣйствительнѣйшій и между тѣмъ благовиднѣйшій способъ къ преклоненію народа къ католицизму. Начались открытыя гоненія на всѣхъ, не соглашавшихся съ постановленіями флорентійскаго собора, и устрашенные чада церкви православной — одни начали переселяться въ Великую Россію, другіе принимали вновь вымышленное ученіе, а иные прямо становились католиками. Чтобъ ободрить новыхъ членовъ церкви римской и заохотить другихъ послѣдовать ихъ примѣру, Владиславъ III, король польскій, далъ имъ въ 1443 году привиллегію на всѣ права и преимущества, усвоенныя издревле исповѣдывавшимъ католическую вѣру. Между тѣмъ Исидоръ, находившійся въ Римѣ съ титломъ всероссійскаго митрополита, съ своей стороны присылалъ къ русскимъ епископамъ увѣщательныя и угрозныя граматы, и чтобъ довершить паденіе православія къ юго-западной Россіи, представилъ вмѣсто себя на митрополію всероссійскую любимца и ученика своего Григорія Болгарянина, бывшаго въ Константинополѣ архимандритомъ Дмитріевскаго монастыря и вывезеннаго оттуда самимъ Исидоромъ: но на этотъ разъ уже ни сѣверъ, ни юго-западъ Россіи не приняли ставленика папскаго и за-

ставили его быть безотлучно въ Литвѣ при великомъ князѣ, защитникѣ своемъ. Дорого обошлась такая твердость православнымъ епископамъ и вельможамъ западной Руси. Казиміръ IV, король польскій, издалъ указъ, которымъ запрещалось не только строить новыя православныя церкви, но даже починивать старыя, а Кіевъ, дерзнувшій, по смерти православнаго своего князя Симеона Олельковича, обновителя церкви печерской, не принять отъ короля воеводу Мартина Гаштольда, бывшаго католикомъ, былъ обращенъ въ повѣтовый или уѣздный городъ.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ больше обнаруживались непріязненныя дѣйствія латинскаго духовенства противъ православныхъ. Отъ его вліянія не защищали ни заслуги, ни права, ни даже самая власть королевская. Поразительнымъ примѣромъ этого можетъ служить обхожденіе великаго князя литовскаго Александра Казиміровича съ супругою своею, Еленою, дочерью великаго князя Ивана Васильевича III. Она также раздѣлила съ православными единовѣрцами своими чашу страданій и неутолимаго гоненія; она съ соболѣзнованіемъ видѣла, какъ паписты строили костелы среди селеній православныхъ, какъ привлекали на свою сторону дѣтей льстивымъ ученіемъ, какъ наконецъ употребляли насилія, чтобъ обратить хоть одного Русскаго въ римскую вѣру. Единственная въ томъ краю защитница восточнаго исповѣданія, великая княгиня Елена лишена была придворной греко-россійской церкви, и вынуждена ходить пѣшкомъ на богослуженіе въ приходскую; непримиримые враги православія оставили ее наконецъ безъ духовника и причетниковъ. Напрасно митрополитъ Іосифъ, проживавшій въ Вильнѣ, ходатайствовалъ за права и вольности угнѣтаемаго русскаго духовенства; его не слушали, и только по неотступнымъ просьбамъ княгини Елены дано было Александромъ Казиміровичемъ подтвержденіе судебной граматы кіевскаго князя Ярослава Владиміровича, которою дотолѣ постоянно пользовалось православное духовенство.

Въ сіе-то время лютыхъ гоненій и преслѣдованія греко-

россійской вѣры явились козаки, съ оружіемъ въ рукахъ начавшіе отстаивать то святое достояніе, для защиты котораго въ скоромъ времени не замедлятъ явиться люди, сильные словомъ и великимъ разумомъ.

Въ 1516 году жезлъ кіевской митрополіи принялъ Іона II, бывшій прежде архимандритомъ виленскаго Вознесенскаго монастыря. Онъ явился ревностнѣйшимъ защитникомъ православія и правъ своего духовенства. Многіе князья и граждане литовскіе, совращенные въ унію и католичество, снова вступили въ нѣдра церкви православной, бывъ убѣждены помазаннымъ словомъ мудраго архипастыря. Естественно, что при такихъ успѣхахъ блюстителя вѣры восточной, слуги римскаго владыки не могли оставаться покойными. Овладѣвъ умомъ и волею юнаго короля польскаго и великаго князя литовскаго Сигизмунда I, и подговоривъ приближенныхъ вельможъ къ содѣйствію своимъ замысламъ, они довели властителя юго-западной Россіи до того, что онъ 1522 года на сеймѣ гродзенскомъ обязался не производить въ сенаторы и высшіе сановники людей, не покоряющихся католической іерархіи, подтвердивъ это за себя и за преемниковъ своихъ 1529 года на сеймѣ виленскомъ; а 1543 года особымъ дипломомъ утвердилъ всѣ давнія привиллегіи, отъ предковъ его королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ данныя Русскимъ, лишь только за тѣми, кто присоединился къ римской церкви. Очевидно, противъ кого направляемы были такія несправедливыя ограниченія, — противъ образованнѣйшаго и лучшаго класса народа. Такіе сильные и знаменитые защитники православія, какъ князья Острожскіе, Друцкіе, Саломерецкіе, Пронскіе, Порыцкіе, Несторуцкіе, Путятицкіе, Олельковичи, Слуцкіе, Четвертинскіе, Вишневецкіе, Чарторижскіе, Збаражскіе, Сангушки и другіе были дѣйствительно страшны для латинскаго духовенства своимъ вліяніемъ на массу народа.

Завоеванія великихъ князей московскихъ дозволяли иногда

православнымъ христіанамъ отдыхать отъ неустанныхъ преслѣдованій папистовъ. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III возвратилъ отъ Литвы всѣ княжества по Днѣпръ, исключая Смоленска, а сынъ и наслѣдникъ его Василій Іоанновичъ въ 1514 году завоевалъ и Смоленскъ и доходилъ до самой Вильны; царь Іоаннъ Васильевичъ IV въ 1553 году взялъ Полоцкъ, Витебскъ, Оршу, Дубровну, Копышъ, Шкловъ и потомъ литовскіе города, прилежавшіе къ Пскову. Во всѣхъ этихъ случаяхъ церкви и монастыри очищаемы были отъ католицизма, а жители, неволею и гоненіями увлеченные въ уніятство, охотно обращались къ родному православію; даже два полоцкихъ архіепископа—Гарабурда и Ѳеофанъ Рыпинскій присоединились къ восточной церкви. Вообще въ это время власть римскаго престола представлялась какъ бы ослабѣвшею, и съ этой стороны православіе, по видимому, меньше было обезпокоиваемо.

Но съ другой стороны ему угрожала новая опасность. Папскій деспотизмъ вызвалъ реакцію въ лицѣ Лютера; съ половины XVI столѣтія Польша и Литва также приняли участіе въ религіозныхъ волненіяхъ, колебавшихъ церковь западную, и не только міряне, но и лица духовныя и даже епископы католическіе охотно приставали къ ученію Лютера и Цвинглія. Кіевскій епископъ Николай Пацъ открыто проповѣдывалъ религіозную реформу, и ни опредѣленія сеймовыя, ни строгія постановленія католическихъ соборовъ, нарочно составляемыхъ для противодѣйствія распространявшемуся ученію, ни королевскіе указы не могли остановить пожара, быстро охватившаго области юго-западной Россіи. Въ самомъ сенатѣ польскомъ лютеране и цвинглiане имѣли своихъ защитниковъ, и съ силою оспаривали у епископовъ право наказанія за вѣру лишеніемъ чести и жизни, такъ что съ этихъ поръ католическое духовенство увидѣло себя навсегда лишеннымъ сей власти. Король Сигизмундъ Августъ, въ первые годы своего царствованія ревностно притѣснявшій тѣхъ, которые не исповѣдывали католи-

ческой вѣры, подъ конецъ своей жизни хладнокровно слушалъ жалобы окружавшихъ его іезуитовъ, и въ 1563 году возвратилъ всѣмъ исповѣдующимъ вѣру греческую, вольности и права на чиновныя службы сравнительно съ католиками. Напрасно вопіяло противъ него ожесточенное католическое духовенство; напрасно подаваемы были ему сочиненія, направленныя противъ православныхъ и лютеранъ, и исполненныя упрековъ самому королю: Сигизмундъ не слушалъ ничего. »Съ измѣненіемъ вѣковъ измѣняется и духъ законодательства, отвѣчалъ онъ Іоанну Эку на сочиненіе его ad invictissimum Poloniae regem Sigismundum de sacrificio Missae contra Lutheranos: предоставь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ; будь покоенъ; пиши для славы своей и твоего отечества«. Хотя въ реформаціи, имѣвшей своими органами Лютера, Цвинглія, Кальвина и Меланхтона и не было внутренняго единства и согласія: но въ борьбѣ съ католиками всѣ они дѣйствовали единодушно, и смѣло поражали своихъ противниковъ. Видя на своей сторонѣ уже многихъ приверженцевъ, реформаторы въ 1555 году открыли первый свой соборъ въ Козлишѣ близъ Калиша, продолжавшійся съ 24 августа по 2 сентября, и потомъ 1570 года въ Сендомирѣ, на которыхъ утвердили свое исповѣданіе и приняли въ общеніе съ собою Гуситовъ или братьевъ Богемскихъ. Іезуиты не знали что и дѣлать, ибо видѣли самого короля, снисходившаго къ такимъ преобразованіямъ. Самъ Лютеръ посвятилъ свое изданіе нѣмецкой библіи Сигизмунду Августу, а Кальвинъ поднесъ ему свое толкованіе посланія св. апостола Павла къ евреямъ. Все это кончилось тѣмъ, что Король въ 1572 году обнародовалъ совершенную и полную свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Отъ сего-то, какъ говоритъ Бандке[11], въ малой Польшѣ большая часть шляхты и мѣщанъ сдѣлалась кальвинистами, а въ великой Польшѣ лютеранами; въ Литвѣ также большая часть кальвинистами, и едва десятая часть Литовцевъ осталась вѣрною папскому престолу, да кромѣ того появилось много и Социніанъ.

По видимому, такая религіозная реформа скорѣе могла быть признана благопріятствующею православію; она ослабила ея исконнаго врага; она дала ему какъ будто новыхъ союзниковъ въ борьбѣ съ католицизмомъ: но это было только на время. Какъ послѣ затишья, возстала потомъ сильнѣйшая буря гоненій на вѣру православную, и слабые союзники съ ужасомъ отступили предъ полчищемъ папистовъ, внесшихъ огонь и мечь въ страны, едва лишь успокоившіяся. Самое ученіе реформаторовъ, по существу своему противное православію, готовило ему новыхъ противниковъ, на которыхъ нужно было другое оружіе— разумное слово и крѣпкая наука.

Не доставало еще одного средства къ уничтоженію или, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію православія въ томъ краю, откуда впервые возсіялъ свѣтъ вѣры Христовой; нужно было врагу истины внести въ дѣло свое еще одно оружіе, да во всей полнотѣ явится потомъ сила Божія, въ немощехъ совершающаяся. Жалкое отступничество Исидора было только тѣнію того соблазна въ Церкви православной, который внесли въ нее лжепастыри Михаилъ Рагоза и Ипатій Поцѣй. Преступному дѣлу служило и преступное начало. Безчестная жизнь Кирилла Терлецкаго[15], епископа луцкаго, заставила его опасаться лишенія сана. Чтобы избавиться отъ такой бѣды, онъ успѣлъ вооружить противъ бывшаго тогда въ Кіевѣ Іереміи, патріарха константинопольскаго, кіевскаго митрополита Михаила Рагозу, который тоже опасался суда патріаршаго, чувствуя себя не совсѣмъ правымъ. Душою совѣтовъ ихъ былъ Ипатій Поцѣй, воспитанникъ краковской академіи, человѣкъ ученый, хитрый и предпріимчивый. Съ общаго согласія они рѣшились подчиниться папѣ, предложивъ ему соединеніе греко-восточной церкви съ римскою, и чего не могъ произвесть папа со всѣмъ своимъ флорентійскимъ соборомъ, то сдѣлалъ одинъ русскій митрополитъ съ пятію своими сообщниками епископами. Исторія показала и достойно оцѣнила законопреступныя дѣйствія этихъ

вѣроломныхъ наемниковъ стада Христова, обагрившихъ кровію счастливую Украйну. Напрасно православные епископы, устраненные происками отступниковъ отъ присутствованія на брестскомъ соборѣ, подавали отъ себя протестъ, подписанный всѣми благочестивыми духовными и множествомъ мірянъ: протестъ ихъ не былъ уваженъ. Напрасно князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, поражалъ вѣроломныхъ пастырей словомъ обличенія: ему велѣли выѣхать изъ Бреста. Напрасно православные просили хоть какой нибудь особой церкви для открытія своего собора: имъ и въ этомъ отказали. Оскорбленные и униженные, они собрались въ одномъ частномъ домѣ, приглашая на свой соборъ митрополита и его единомышленниковъ: позовъ этотъ былъ оставленъ въ пренебреженіи. Тогда православные епископы единогласно составили и подписали приговоръ о низверженіи Михаила Рагозы съ произнесеніемъ ему анаѳемы; а чтобы болѣе утвердить это, они, на основаніи прежде данныхъ православной Церкви правъ и привиллегій, подали королю прошеніе, дабы онъ всѣхъ принявшихъ унію епископовъ отрѣшилъ отъ православныхъ епархій, тогда еще не отпадшихъ, и слѣдовательно имъ уже не принадлежавшихъ: но ни просьба эта, ни права, данныя прежними королями, ни подтвердительныя граматы патріарховъ александрійскаго и константинопольскаго не были уважены королемъ Сигизмундомъ III. Вмѣсто ожидаемаго успѣха, повелѣно было, для воспрепятствованія сношеній съ константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, не впускать никого въ предѣлы царства польскаго изъ пріѣзжающихъ отъ константинопольскаго патріарха; запрещено строить православныя церкви и отняты всѣ права и вольности у православныхъ. Дѣло тьмы торжествовало свою побѣду. Монастыри православные подвергались грабежу; приходскія церкви по городамъ и повѣтамъ были разоряемы или запечатываемы; священниковъ ловили и заключали въ темницы, а народъ, собиравшійся уже въ полевые шалаши на молитву, немедленно былъ разгоняемъ.

Соревнуя своимъ клевретамъ-іезуитамъ, уніаты больше

всего старались истреблять православное духовенство, встрѣчая въ немъ сильнаго противника своему ученію. Съ этой цѣлію Ипатій Поцѣй, вступившій послѣ Михаила Рагозы на митрополитскій престолъ, исходатайствовалъ у короля указъ, чтобы не опредѣлять въ духовныя степени не учившихся въ школахъ, а между тѣмъ запретилъ православнымъ обучаться въ польскихъ училищахъ; съ этою же цѣлію учреждена главная уніатская семинарія въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, утвержденная 1626 года совѣтомъ всего уніатскаго духовенства. Кіевъ наводнился католическими монахами всѣхъ орденовъ, которые, забирая имущество православныхъ церквей и монастырей, не щадили и частной собственности жителей. Составленная въ Вильнѣ 1599 года конфедерація православныхъ и шляхты протестантской, равно гонимой и притѣсняемой, мало защищала тѣхъ и другихъ; кратковременное снисхожденіе, имъ даруемое, стоило имъ потомъ тягчайшихъ бѣдствій, которымъ, казалось, конца-краю не было.

Въ эту-то пору начались полемическія состязанія защитниковъ православной церкви съ писателями уніатскими и католическими. Сигналомъ къ этому была книжка, явившаяся 1595 года въ Вильнѣ, подъ названіемъ: *Уніа альбо выкладъ предлѣшыхъ артыкуловъ ку зъодпоченью Грековъ скостеломъ Рымскимъ належачыхъ.* Авторъ этого сочиненія[16], для подтвержденія папистическихъ мнѣній, по извѣстнымъ спорнымъ пунктамъ, собралъ перепачканныя и даже вовсе подложныя свидѣтельства будтобы отцевъ восточной церкви. Знаменитый польскій проповѣдникъ іезуитъ Петръ Скарга употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы оправдать отступничество русскихъ епископовъ и возвеличить дѣло мнимаго соединенія церквей. Помощниками этихъ апологетовъ уніи явились: Мартынъ Бялобржескій, Яковъ Вуйкъ, Фабіанъ Бирковскій, греко-католикъ Петръ Аркуди, Левъ Кревза, Янъ Дубовичъ, Михаилъ Циховичъ, Ѳеофилъ Рутка, Іосифъ Велямпнъ-Рутскій, Іаковъ Суша,

іезуитъ Янъ Алоизій Кулеша, Боймъ, Скулиновичъ и другіе — всѣ почти воспитанники знаменитой краковской академіи. Трудно было бороться съ такими блестящими въ свое время авторитетами; лишенные ученыхъ пособій, изгоняемые изъ школъ, бывшихъ во владѣніи враговъ истины, униженные и угнѣтенные, Русскіе однакожъ не унывали, и среди себя находили достойныхъ защитниковъ святаго и праваго дѣла. Львовскій епископъ Гедеонъ Балобанъ, Пахомій Война-Оранскій епископъ пинскій и туровскій, кіево-печерскіе архимандриты: Никифоръ Туръ и Захарія Копыстенскій, протопопы: Стефанъ Зизаній Корецкій, Василій Суражскій, Андрей Мужиловскій и Геласій Дилицкій, іеромонахъ Мелетій Смотрицкій, и священники: Азарій Хира и Максимъ заслужили себѣ этимъ вѣчную память. Строго держась правилъ, изложенныхъ въ *Радѣ* и способѣ, »яко въ народе Росіискомъ вѣру и догмата церкви всходней заховати и ростити«, они успѣшно отражали ожесточенныя нападенія противниковъ вѣры православной. »Подобаетъ,« совѣтовалось въ »означенной Радѣ, во всемъ вѣру, догмата и церемоніи церкви »всходней хвалити и залецати (одобрять) а иніи всѣ ганити »(отрицать), обличати. Духовнѣ однакъ и розсудне, не зло»речачи, але писмомъ и важными прикладами и указами допо»сити (представляя то есть свидѣтельства писанія, сильные при»мѣры и доказательства), тоежь такъ и писмомъ освѣдчити »(обнародовать). Книги на оборону благочестія писати и презъ »типографію выдавати. Всею душею во смиренномудріи на »святыхъ отцовъ восточныхъ догматахъ и писмахъ и якъ до »нынѣ патріархове четыри вызнаваютъ (исповѣдаютъ) полѣгати »(основываться), а не на латинскихъ силіогизмахъ, а ни на »выкрутне (хитро) презнѣ переверненыхъ писмахъ (ими извра»щенныхъ писаніяхъ) вѣпатися, а не обучатися имъ«[17]. Какая безконечная разница между этими кроткими, благоразумными наставленіями и тѣми полными нетерпимости, лжей и брани пріемами, которыми ополчались на Церковь православную ученые гонители ея!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Появленіе православныхъ училищъ. Училища: Острожское, Львовское, Виленское, Полоцкое, Стрятинское, Луцкое, Кутеинское. Братская школа въ Могилевѣ. Сравненіе ихъ съ училищами католическими. Изчисленіе сихъ послѣднихъ.

Въ сіе-то смутное время стали появляться на юго-западѣ Россіи православныя училища. И прежде сего при знатнѣйшихъ церквахъ и монастыряхъ существовали школы: но ограниченныя преподаваніемъ самыхъ первыхъ начатковъ ученія, онѣ мало отвѣчали современнымъ потребностямъ. Вполнѣ сознавая это, просвѣщеннѣйшіе чада Церкви православной стали основывать училища, стараясь сколько возможно ставить ихъ въ соотвѣтствіе съ заведеніями, основываемыми отъ іезуитовъ. Такимъ первоначально явилось училище *Острожское,* основанное въ Острогѣ княземъ Константиномъ въ 1580 году, вмѣстѣ съ типографіею, первою въ Россіи. Состоя подъ управленіемъ архимандрита Кирилла Лукаря, образованнаго и крѣпкаго въ православіи мужа, это училище не долго однакожъ существовало. Съ кончиною своего основателя оно упало, а когда іезуиты успѣли совратить въ латинство сына Константина Острожскаго князя Василія Януша, — оно и совсѣмъ уничтожилось[18].

Неуспѣшность этого училища заставила православныхъ, для подкрѣпленія себя и въ защиту своего благочестія, завести при церквахъ и монастыряхъ конгрегаціи и братства, къ которымъ принадлежали не одни иноки и ученики, но и всѣ подписавшіеся въ пользу ихъ вкладчики, благодѣтели, защитники и самые прихожане. Знаменитѣйшія изъ этихъ заведеній были:

Львовское, основанное около 1586 года епископомъ Гедеономъ Балобаномъ, по благословенію всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ[19]. Впрочемъ граматою Іоакима, патріарха антіохійскаго, утверждено только основаніе церковнаго братства, безъ прямаго указанія на заведеніе при немъ училища[20]; за то въ подтвердительной граматѣ Іереміи, патріарха константинопольскаго, (1588 г.) поставлено братству въ особенную обязанность составить »шпиталь (богадѣльню) и зданіе для училища »и въ немъ учителей и учащихся въ возрасть премудрости и »наказанія и славы Божія«. Изъ этой граматы видно, что до тѣхъ поръ было лишь одно предположеніе объ училищѣ, но ничего не сдѣлано по отношенію къ школѣ и типографіи[21]. Въ 1590 году послѣдовала другая грамата того же патріарха, въ которой повелѣвалось »не быть другому общественному училищу во Львовѣ, кромѣ одного училища братскаго — Успенія Пречистыя Богородицы, и только въ немъ учить дѣтей благочестивыхъ и православныхъ христіянъ божественному и священному Писанію, а также славянскому и греческому языку, если со временемъ найдутся для этого благочестивые и добродѣтельные учители«. Значитъ, и въ это время львовское училище еще не получило полнаго своего образованія. Заботливость о немъ патріарха простиралась до того, что онъ ограничилъ права домашнихъ учителей, и позволилъ мѣстнымъ священникамъ обучать только одного или двухъ дѣтей, да и то »для послуги«, то есть для пособія при исправленіи церковныхъ требъ, значитъ, никакъ не далѣе первыхъ начатковъ ученія — чтенія и письма. Такое ограниченіе частнаго преподаванія

объясняется тѣмъ, что осторожный архипастырь опасался поручить дѣло высшаго образованія людямъ, не искушеннымъ въ наукѣ, которые легко могли бы впасть въ опасныя ошибки и заблужденія и кромѣ того, дѣйствовали бы въ ущербъ общественной школѣ. Онъ завѣщалъ братству подавать возможную помощь дѣтямъ, которые не имѣютъ достатка, а хотятъ учиться свящ. Писанію, не освобождая и прочихъ христіанъ по всѣмъ церквамъ отъ обязанности оказывать ученикамъ необходимое пособіе. Утвердивъ за львовскою типографіей право невозбраннаго печатанія священныхъ и церковныхъ книгъ, патріархъ предоставилъ ей выпускать въ свѣтъ хроники и другія нужныя для училища книги, именно: грамматику, піитику, риторику и философію[22]. Въ послѣдствіи однакожъ Петръ Могила, опасаясь заразы со стороны отступниковъ православія, гнѣздившихся во Львовѣ, строго запретилъ печатать какія бы то ни было книги во львовской типографіи безъ его благословенія[23]. Въ 1590 году Михаилъ Рагоза, еще до совершеннаго своего отступленія отъ православія, судною грамотою брестскаго собора, оградилъ это училище отъ всякаго совмѣстничества, запретивъ заведеніе другихъ подобныхъ ему. Можетъ быть тутъ была и другая причина, ибо въ ту пору уже зародилась въ этомъ лжепастырѣ мысль объ отступничествѣ, и слѣдовательно, распространеніе училищъ православныхъ не могло не быть противно его преступнымъ цѣлямъ. Какъ бы то ни было, но Рагоза писалъ: »школу Соборную Братскую в мѣсте Львовѣ при храмѣ Успенна »Богородица науки грецкои и словенскои, благословенія патри»аршеского, тую едину благословляемъ и соборно ухваляемъ и »мѣти хочемъ. А при иншихъ церквахъ по предмѣстяхъ и »везде при мѣсте томъ конечно быти имъ забороняемъ и мѣти »не хочемъ, подъ клятвою шире реченною въ правилѣ томъ »патріаршескомъ: да будетъ сей монастырь для потребъ благо»честиваго братскаго устроенія, для распространенія общест»веннаго школьнаго ученія, для прокормленія бѣдныхъ учени»ковъ, требующихъ помощи, для сохраненія типографскихъ при-

»боровъ и вообще на потребу всѣмъ христіанскимъ благочести-»вымъ дѣламъ«[24]. Въ 1709 году львовское братство, не стерпѣвъ угнѣтеній отступника, епископа Іосифа Шумлянскаго, приняло унію[25], и навсегда исключило себя чрезъ это изъ сонма училищъ православныхъ.

Виленское, образовавшееся въ 1588 году, по благословенію константинопольскаго патріарха Іереміи II, иждивеніемъ доброхотныхъ дателей, виленскихъ православныхъ гражданъ, которые учредили при ономъ типографію, богадѣльню и странноприимницу со всѣми принадлежащими къ тому службами. На утвержденіе всѣхъ сихъ заведеній основатели испросили отъ королей польскихъ разныя привиллегіи: отъ Стефана Баторія въ 1585 году, отъ Сигизмунда въ 1589 и 1593; отъ Владислава IV въ 1633 и отъ Августа III 1744. Но въ прежнемъ видѣ оно не долго существовало; іезупты, захватившіе все въ Вильнѣ, изгнали изъ сего училища ученіе православное[26].

Полоцкое Богоявленское, основанное около тогоже времени въ Полоцкѣ на берегу рѣки Двины, опустошенное и разрушенное въ началѣ XVII столѣтія католиками и уніатами[27].

Стрятинское, возникшее около 1596 года, по совѣту и благословенію Мелетія, патріарха александрійскаго. Оно имѣло при себѣ типографію и существовало до кончины основателя своего, епископа Гедеона Балобана[28].

Луцкое, основанное въ 1619 году, »для побожныхъ наукъ людей молодыхъ«, какъ сказано въ грамотѣ Сигизмунда III. Училище это преимущественно предъ всѣми другими пользовалось выгодами и правами, позволившими ему продлить долѣе прочихъ свое существованіе[29]. Кромѣ означенной граматы короля Сигизмунда, оно имѣло двѣ другихъ отъ короля Влади-

слава IV, изъ которыхъ одною (1645 г.) утверждалось построеніе дворяниномъ Александромъ Мозели при церкви луцкаго братства богадѣльни, назначаемой между прочимъ и для содержанія бѣднѣйшихъ изъ учениковъ[30]; а другою (1647 г.) укрѣплялось за тѣмъ же братствомъ все имущество, по завѣщанію того же Мозели. Кромѣ сего въ тотъ самый годъ, когда было положено первое звѣно этого братства, вольпскіе дворяне дали листъ луцкимъ мѣщанамъ на охраненіе онаго, съ тѣмъ, чтобы они во всякомъ затруднительномъ случаѣ относились къ нимъ, какъ къ старшимъ[31]. Вселенскіе патріархи обращали на сіе училище свое особенное вниманіе; такъ Θеофанъ, патріархъ іерусалимскій (1620 г.) благословилъ сооруженіе кресто-воздвиженской церкви въ Луцкѣ, почтивъ самое братство правомъ ставропигіи[32]; Тимофей, патріархъ константинопольскій, какъ бдительный отецъ, снабдилъ оное своимъ посланіемъ, въ которомъ изложилъ краткое исповѣданіе вѣры православной, »да въ немъ твердыми, водруженными, непоколебимыми стоятъ«[33]. Въ 1623 году подтверждена означенная ставропигія Кирилломъ, патріархомъ константинопольскимъ[34], и сверхъ того дана грамата, заключающая въ себѣ полный уставъ для братства, гдѣ обращено вниманіе и на учрежденную при монастырѣ школу[35]. Кіевскіе митрополиты относились объ этомъ училищѣ съ особенными похвалами: »зѣло и обильно насладихся пред»сявзятію (рѣшимости) вашому,—писалъ въ 1623 году митропо»литъ Исаія Копинскій младшей братіи луцкаго братства, — въ »Бозѣ юностію цвѣтуще и растуще, яко лѣторасли масличныя, »при исходищахъ водъ множащеся и богатящеся въ добродѣ»тельныхъ дѣланіяхъ, злобою младенствующе, умомъ же совер»шенны бывше, горняя предъизбираете. Отроцы бо суще »возрастомъ, мужеская мудрствовати предначинаете еже во бла»гочиніи цѣломудренію церковному возслѣдовати наказанію«[36]. Уважая благочестіе и образованность луцкаго братства, Петръ Могила посылалъ туда письмо, приглашая ученую братію къ присутствованію при церемоніи посвященія его въ митрополиты,

совершившагося во Львовѣ[37]; другимъ же посланіемъ онъ просилъ какъ духовныхъ, такъ и »свѣцкихъ братій, ревнивыхъ въ благочестіи и вѣдомыхъ правъ церковныхъ« прибыть на кіевскій соборъ, состоявшійся въ 1640 году и имѣвшій предметомъ своихъ совѣщаній прежде всего одинаковость разумѣнія и твердость храненія догматовъ вѣры православной, и потомъ внутреннее и внѣшнее устройство храмовъ Божіихъ и святыхъ обителей[38]. Такіежъ знаки уваженія оказывали луцкому братству и митрополитъ Діонисій Балабанъ[39], и епископъ (въ послѣдствіи митрополитъ кіевскій) Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертенскій[40]. Князь Николай Чарторыйскій, именуя его »нашимъ монастыремъ«, записью своею опредѣлилъ извѣстную фундацію, не опустивъ изъ виду и имѣвшуюся тамъ школу, положивъ »на учителя по петдесятъ злотыхъ польскихъ«[41]. Іеродіаконъ Сильвестръ, игуменъ чорненскаго монастыря, отписалъ луцкому братству свою типографію[42], а нѣкто Анна Мельницкая, отказала ему же по завѣщанію значительную, по тогдашнему времени, сумму[43]. Такая знатность луцкаго братства и училища не могла быть пріятною іезуитамъ и уніатамъ. Съ злобою и ожесточеніемъ нападали они на него неоднократно[44], и кончили тѣмъ, что довели до совершеннаго упадка.

Кутеинское, учрежденное 1623 года при кутеинскомъ богоявленскомъ оршанскомъ монастырѣ близъ г. Орши, Могилевской губерніи. Основателями онаго были шляхтичъ Богданъ Вилимовичъ Стеткевичъ, подкоморій брацлавскій и жена его Елена Богдановна, урожденная княжна Соломерецкая. Первоначально впрочемъ была построена только церковь во имя Богоявленія Господня, а потомъ заведены при ней школа и типографія. Въ 1655 году игуменъ монастыря сего Іоиль Трупцевичъ, вмѣстѣ съ братіей и типографіею переведенъ, »во время гоненія отъ развращенныхъ уніатовъ«, въ Великій Новгородъ, »понеже въ то время, сказано въ житіи Никона патріарха, нѣсть

»можно бѣ отъ Кіева никако архіерею жительствовати тамо«. Съ отбытіемъ Іопля кутеинское училище пало [45].

Братская школа, бывшая въ г. Могилевѣ, при могилевобратскомъ богоявленскомъ монастырѣ, который начатъ строеніемъ во время жестокаго гоненія, бывшаго въ Польшѣ на православныхъ въ 1621 году. Князь Иванъ Богдановичъ Огинскій, подкоморій Троцкій, пожертвовалъ для постройки землю, а могилевскіе мѣщане, при помощи шляхтича Богдана Стеткевича, испросили у патріарха іерусалимскаго Θеофана грамату, которою благословлено было имъ построить на означенной землѣ храмъ Богоявленія Господня и учредить при оном общежительный монастырь и школьное братство. Это указано 1633 года и въ привиллегіи польскаго короля Владислава IV, съ дозволеніемъ преподавать въ школѣ языки: русскій, греческій, латинскій и польскій, и сверхъ того имѣть типографію для печатанія всякихъ книгъ на сихъ языкахъ. Все это подтверждаемо было и другими польскими королями. Съ учрежденіемъ въ 1788 году могилевской семинаріи, училище монастырское упразднено [46].

Но всѣ эти училищныя заведенія ни въ какомъ отношеніи не могли идти въ сравненіе съ тѣми, которыя безпрестанно являлись между католиками, имѣвшими неутомимыхъ въ этомъ случаѣ дѣятелей—іезуитовъ. Вильна, Полоцкъ, Волынь были наполнены малыми школами; въ Гнѣзнѣ, Варшавѣ, Видавѣ, Львовѣ и другихъ мѣстахъ цѣлыми десятками являлись училища, состоявшія въ завѣдываніи важнѣйшихъ коллегій. Таковыми были: академія *Замойская,* основанная Яномъ Замойскимъ и почитавшаяся дщерію академіи краковской; коллегія *Любранская* въ Познани, такъ названная по имени основателя своего епископа Яна Любранскаго, учредившаго оную въ 1516 году; коллегія *св. Мальгораты* въ Липцѣ; *Хелмская* надъ Вислой; *Пинчовская* въ Пинчовѣ; коллегія въ м. Бѣломъ, въ Тарновѣ и

многое множество другихъ. Всѣ онѣ ректоровъ и профессоровъ получали отъ краковской академіи, которая въ то время была центромъ учености и образованія.

Исторія этого знаменитаго училища необходимо должна остановить на себѣ наше вниманіе, особенно потому, что оно было во многихъ отношеніяхъ образцомъ, по которому устроивалось и слагалось и наше первое въ Россіи православное училище — Кіевская Академія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основаніе краковской академіи. Внутреннее ея устройство. Раздѣленіе на факультеты и коллегіи. Бурсы. Училищный порядокъ въ бурсахъ. Академическія степени. Обязанности членовъ факультета. Призваніе (vocatio). Содержаніе коллегіатовъ. Полученіе ученыхъ степеней. Persona promota. Patres Universitatis. In cathedra mori. Фундуши коллегіальные. Приходъ и расходъ академическихъ суммъ. Запасная сумма. Жалованье профессорамъ. Денежныя награды ученикамъ. Права академіи. Вторженіе іезуитовъ. Борьба краковскихъ ученыхъ съ іезуитами. Вліяніе іезуитовъ на академію.

Казиміръ Великій, принявъ бразды правленія, захотѣлъ, чтобы духовенство получало докторскую степень въ Краковѣ, а не въ Парижѣ, куда нѣкоторые ордена присягою обязывались обращаться за пріобрѣтеніемъ ученыхъ званій. Съ этою цѣлію онъ рѣшился учредить въ Краковѣ училище высшихъ наукъ, по образцу парижской академіи, избравъ для сего мѣстечко Казимірово, гдѣ было прежде селеніе Баволъ. Папа Урбанъ

V, утверждая буллою существованіе сего училища, не позволилъ однакожь преподаваніе въ ономъ наукъ богословскихъ, конечно, опасаясь повѣрить еще не вполнѣ окатоличившимся сарматамъ толкованія свящ. писанія и догматовъ вѣры. Вскорѣ послѣ кончины Казиміра Великаго, отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, оставленное Людовикомъ I, королемъ польскимъ и венгерскимъ, училище это пришло въ совершенный упадокъ и возобновлено уже при Владиславѣ Ягеллѣ, по просьбѣ и завѣщанію Ядвиги, первой его супруги, въ честь которой оно нѣкоторое время именовалось *Коллегіею Ядвиги*. Въ эту пору исходатайствовано Владиславомъ сему училищу и титло академіи и право преподованія въ ней богословскихъ наукъ, съ чѣмъ она и оставалась даже до временъ курфирстовъ саксонскихъ, испытавъ въ это время всевозможные перевороты.

По внутреннему и внѣшнему своему устройству, по правамъ и привиллегіямъ, краковская академія походила на университеты Оксфордскій и Кембриджскій. Въ ней было три факультета: философскій, богословскій и юридическій; каждый факультетъ имѣлъ свою коллегію. Такимъ образомъ въ *меньшей* коллегіи, называвшейся иначе *коллегіей artistarum*, находились философы и математики; коллегія *высшая* состояла изъ профессоровъ старшихъ, или такъ называемыхъ королевскихъ профессоровъ наукъ философскихъ, физико-математическихъ и богословскихъ. Коллегія *юридическая* предназначалась собственно для докторовъ и профессоровъ права. Въ извѣстныхъ случаяхъ всѣ эти коллегіаты собирались въ общій Совѣтъ: но при рѣшеніи вопросовъ, относившихся до внутренняго или внѣшняго благосостоянія училища, не подавали отдѣльно каждый свой голосъ, а представляли общее мнѣніе отъ своей коллегіи. Въ этомъ совѣтѣ участвовали иногда и доктора медицины, не входившіе впрочемъ въ составъ академическихъ ученыхъ, и не имѣвшіе коллегіи отдѣльной: ибо въ краковской академіи не было тогда преподаванія наукъ медицинскихъ во всей ихъ пол-

нотѣ и цѣлости. Всѣ доктора и профессоры, участвовавшіе въ совѣтѣ и распоряженіяхъ, относившихся до академіи, назывались *внутренними* или *наличными*, и проживали въ самомъ корпусѣ академическомъ изъ процентовъ фундуша, положеннаго въ венеціанскій банкъ Лопацкимъ, архипресвитеромъ краковскимъ. Профессоры же и наставники, содержавшіеся на своемъ иждивеніи и называвшіеся *внѣшними* или *экстраординарными*, проживали въ домахъ академическихъ, назначаемыхъ для студентовъ и именовавшихся *бурсами*. Эти профессоры обязаны были имѣть надзоръ за учениками въ ихъ келейномъ образѣ жизни и въ случаяхъ важныхъ доносить о произшествіи подлежащей коллегіи для доклада общему Совѣту.

Такихъ бурсъ краковская академія имѣла шесть, да кромѣ того десять домовъ при школахъ приходскихъ въ самомъ городѣ. Профессоры и студенты, находившіеся въ бурсахъ, имѣли даромъ помѣщеніе, отопленіе и столъ, а жившіе при школахъ, кромѣ даровыхъ комнатъ, все прочее должны были добывать сами. Каждая бурса имѣла своего инспектора или провизора изъ старшихъ коллегіатовъ, назначеніе котораго зависѣло отъ совѣта. Обязанности провизора состояли въ томъ, чтобы онъ заботился о доходахъ, содержаніи и порядкѣ бурсъ, повѣрялъ приходъ и расходъ и докладывалъ объ этомъ академіи. Такая должность обыкновенно предоставлялась настоятелю костеловъ Кромѣ того, для надзора за учениками, были избираемы изъ среды же ихъ такъ называемые *сеніоры* (seniores), которые получали небольшое жалованье изъ общей бурсацкой суммы и изъ пожертвованій учениковъ, поступавшихъ въ училище. Отъ взносовъ этихъ освобождался только самый бѣдный; если же у поступающаго въ училище былъ хоть небольшой достатокъ, то непремѣнно долженъ былъ заплатить сеніору восемь злотыхъ, а то и осмнадцать.

Ученики никуда не могли выходить изъ своихъ бурсъ безъ

позволенія начальства и безъ особенной надобности; въ прогулкѣ непремѣнно сопровождалъ ихъ надзиратель; къ столу и въ классы они были приглашаемы звонкомъ. Каждую субботу, по окончаніи уроковъ, всѣ ученики, жившіе въ бурсахъ, собираемы были въ общую академическую залу, гдѣ по прочтеніи отчета о недѣльныхъ занятіяхъ каждаго, главный сеніоръ дѣлалъ приличныя наставленія и тутъ же наказывалъ лѣнивыхъ и неисправныхъ. Утромъ и вечеромъ ученики созываемы были на общую молитву.

Что касается до академическихъ степеней, то онѣ были весьма многообразны. Внутренніе или наличные ученые дѣлились на *кандидатовъ* перваго и втораго разряда, на *баккалавровъ*, *лиценціатовъ* и *магистровъ* искуствъ (artium). Сіи послѣдніе съ теченіемъ времени прямо получали степень доктора; всѣ прочіе обязаны были держать экзаменъ, и удостоиваемый степени, на примѣръ, магистра считался получившимъ *лавръ первый* (lavrea prima), а степени доктора — *лавръ второй* (lavrea secunda). Кандидаты, баккалавры и лиценціаты обязаны бывали непремѣнно давать въ недѣлю по четыре лекціи, рапортовать о ходѣ экзаменовъ и вести отчетность по ученымъ занятіямъ какъ преподавателей, такъ и учащихся. Магистры и доктора философіи безплатно давали публичныя лекціи и имѣли голосъ въ своемъ факультетѣ, подъ предсѣдательствомъ декана. Число членовъ этого факультета не было опредѣлено; отъ того онъ почитался обширнѣйшимъ всѣхъ, имѣя у себя до нѣсколькихъ десятковъ членовъ. Деканъ былъ перемѣняемъ по истеченіи каждаго полугодія, и преемника ему избирали то изъ старшихъ, то изъ младшихъ коллегіатовъ. Помощникъ декана тоже оставался на одно полугодіе, избираемый непремѣнно изъ младшихъ коллегіатовъ. На вакантное мѣсто въ *высшей* коллегіи *юридической* вызывали младшихъ коллегіатовъ; а въ меньшую коллегію на упраздненное мѣсто избирали одного изъ экстраординарныхъ профессоровъ, смотря по старшинству въ

рангѣ академическомъ, или по таланту и заслугамъ, оказаннымъ той или другой наукѣ. Такіе выборы въ коллегіяхъ назывались *призваніемъ* (vocatio). Избранный на вакантное мѣсто профессоръ обязывался, при вступленіи своемъ, представить отпечатанное уже разсужденіе, и въ общемъ собраніи всѣхъ коллегіатовъ защитить оное изустно. Послѣ сего долженъ былъ дать пирушку для всѣхъ коллегіатовъ, и особенно для новыхъ своихъ товарищей. Пирушка эта на академическомъ языкѣ называлась *jucundus ingressus.*

Каждый *внутренній* коллегіатъ имѣлъ жилье, столъ и не слишкомъ богатую мебель отъ фундуша: все это доставлялось ему, во первыхъ, отъ той коллегіи, которой онъ былъ членомъ, во вторыхъ, отъ факультета, къ которому принадлежалъ, и въ третьихъ, отъ общихъ доходовъ всей академіи. Молодые люди, поступавшіе въ это училище собственно для полученія ученыхъ степеней, должны были учиться и быть на своемъ иждивеніи, кромѣ этого платить за всѣ издержки, сопряженныя съ выдачею дипломовъ и разныхъ другихъ вещей на степень академическую; а получившіе потомъ званіе доктора обязаны бывали давать безплатно публичныя лекціи или быть преподавателями въ краковской или въ какой нибудь провинціальной гимназіи,—и все это для того, чтобы заслужить себѣ почетное званіе коллегіатовъ, и достигнуть въ послѣдствіи высшихъ степеней и выгоднѣйшаго мѣста. Замѣтить нужно, что въ коллегіяхъ были нѣкоторыя мѣста, гдѣ преподаватели получали за свои уроки значительные доходы, не относившіеся къ тѣмъ доходамъ, которые обращаемы были на всѣхъ коллегіатовъ; но полученіе такого мѣста не легко обходилось: оно требовало большихъ заслугъ въ ученомъ мірѣ. Такіе люди, при самыхъ важныхъ вакантныхъ мѣстахъ, напримѣръ при перемѣнѣ декана, всегда бывали на примѣтѣ и титуловались persona promota. Кромѣ этого академическія отличія и повышенія всегда брались въ

разсчетъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ быту, и открывали дорогу къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ. Докторы богословія, юриспруденціи и медицины, коль скоро признаны были таковыми общимъ собраніемъ всей академіи и провозглашены нарочнымъ для этого церемоніаломъ, получали названіе *отцовъ* (patres universitatis). Впрочемъ можно было имѣть степень доктора и не принадлежа къ разряду этихъ *отцовъ*, потому что титулъ этотъ давался преимущественно тѣмъ, кто прослужилъ академіи двадцать лѣтъ и болѣе того; а такихъ ветерановъ бывало всегда немного. Для того, чтобы получить званіе *отца*, надобно было, кромѣ долговременнаго занятія извѣстной каѳедры, выдержать непремѣнно экзаменъ на доктора, и хотя бы эта степень и была присвоена претенденту какимъ либо другимъ высшимъ училищемъ, — краковская академія не признавала его *лавреатомъ*, а заставляла имѣть публичный диспутъ и защитить свою диссертацію. За тожъ такіе люди составляли предметъ особеннаго почтенія, и пользовались уваженіемъ всего ученаго общества; ихъ не обремѣняли ничѣмъ, и только разъ въ недѣлю обязывались они давать лекцію; увольненія для нихъ не было, развѣ только старость и неизлечимая болѣзнь избавляли ихъ отъ этой легкой обязанности; да впрочемъ они и сами никогда не желали покидать своей должности, потому что in cathedra mori было верхъ славы тогдашнихъ ученыхъ краковскихъ академистовъ. Медики однакожъ не слишкомъ дорожили этой честью, особенно когда оскудѣвали финансы ихъ факультета; съ трудомъ удерживали ихъ на своихъ мѣстахъ выдачею денежной награды изъ общихъ академическихъ суммъ.

Каждая коллегія имѣла свои помѣстья и пользовалась доходами отъ нихъ. Главный провизоръ былъ казначеемъ и распорядителемъ суммъ, собираемыхъ всей академіей. Помощникомъ его былъ синдикъ, который завѣдывалъ судебною частію всѣхъ учебныхъ заведеній, и адвокатствовалъ въ судебныхъ

мѣстахъ по дѣламъ училища. Онъ же выдавалъ жалованье по факультетамъ, которое уже члены дѣлили сами по себѣ. Общая академическая сумма дѣлилась на всѣхъ по ровну, исключая ректора и провизора, которые, не имѣя опредѣленнаго жалованья, брали себѣ вдвое противъ одного члена.

Кромѣ этихъ суммъ, была еще сумма запасная, называвшаяся coccus, въ которую при всякомъ дѣлежѣ откладывали количество, равное доли одного члена; ее расходовали въ случаѣ только чрезвычайныхъ академическихъ надобностей. Философскій факультетъ, самый многочисленнѣйшій, былъ и самымъ бѣднѣйшимъ. Годовой доходъ его простирался до нѣсколькихъ тысячъ злотыхъ, которые раздѣлялись на членовъ не по равной части, а по достоинству той или другой каѳедры. На главнаго профессора приходилось въ годъ отъ осьми до сорока злотыхъ, смотря по числу учениковъ, выставленныхъ имъ для экзамена. Даже такъ называемые королевскіе профессоры этого факультета и члены коллегіи получали въ этомъ раздѣлѣ только отъ сорока до ста злотыхъ.

Изъ общей же академической суммы выдаваемы были денежныя награды бѣднѣйшимъ и прилежнѣйшимъ изъ учениковъ, которые проживали въ бурсахъ. Каждую субботу они являлись въ академію съ письменнымъ удостовѣреніемъ о своихъ успѣхахъ и поведеніи, и тотъ, кто имѣлъ аттестацію лучшую предъ своими сотоварищами, получалъ награду. Это дѣлалось два раза въ годъ.

Права краковской академіи, заключались въ привиллегіяхъ, данныхъ ей королями, въ буллахъ папскихъ, въ мѣстныхъ постановленіяхъ, въ предписаніяхъ епископскихъ и самихъ основателей и благодѣтелей сего училища, въ уставахъ, касавшихся всей академіи, ея отдѣльныхъ коллегій и факультетовъ. Сущность этихъ правъ состояла въ слѣдующемъ:

1. Каждый академикъ, учащійся или учащій въ какомъ бы то ни было факультетѣ — первый лично, а второй со всѣми своими домочадцами, освобождается отъ гражданственнаго суда, исключая дѣлъ уголовныхъ; всѣ прочія дѣла предоставляются суду и рѣшенію ректора академіи.

2. Совѣтъ докторовъ и магистровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, въ дѣлахъ, касающихся академіи, коллегій и факультетовъ, можетъ давать предписанія и правила, которыя имѣютъ такую же обязательную силу, какую и королевскія привиллегіи.

3. Каждый публичный преподаватель, какого бы онъ ни былъ факультета, и къ какому бы рангу и сословію ни принадлежалъ, былъ личнымъ дворяниномъ. Преподававшій въ академіи двадцать лѣтъ сряду получалъ право потомственнаго дворянства и поступленія на важнѣйшія мѣста въ государствѣ.

4. Академія краковская есть высшее училище во всемъ королевствѣ; непосредственному ея распоряженію подлежатъ всѣ школы безъ исключенія.

Принимая къ себѣ молодыхъ людей всякаго вѣроисповѣданія, академія въ первые годы своего существованія отличалась рѣдкою въ то время вѣротерпимостью. Но вторженіе іезуитовъ въ это знаменитое училище, обративъ его въ притонъ полемической распри съ тѣми, кто не исповѣдывалъ вѣры католической, положило конецъ его блистательному существованію. Таланты Вуйка, Скарги и другихъ знаменитыхъ своею ученостью мужей, вступившихъ въ число послѣдователей Лойолы, поддерживали вѣсъ этого ордена при самомъ дворѣ и во всемъ королевствѣ. Выдумавъ узаконенія и небывалыя права, іезуиты простерли свое вліяніе на краковскія, львовскія и познанскія училища; для подкрѣпленія своихъ притязаній они достали себѣ нѣсколько королевскихъ указовъ и буллъ папскихъ, которыя

толковали по своему произволу. Позволеніе Сигизмунда III имѣть при костелѣ св. Петра школу іезуитскую, не выходящую однакожъ изъ подъ надзора академіи, распространено было ими далѣе надлежащаго. Самовольно отторгшись отъ нея, они начали заводить въ предмѣстіяхъ и другія школы. Краковская академія вышла изъ терпѣнія, и въ концѣ царствованія Сигизмунда III начала открытую борьбу съ своими лукавыми противниками. Предъ лицомъ всего свѣта выставляла она угрожающія ей несчастія отъ вторженія іезуитовъ; горячо пророчила упадокъ просвѣщенія, если не будетъ обуздано неумѣренное своевольство учениковъ Лойолы; но ослабѣвшее отъ безпрестанныхъ смутъ польское правительство, сознавая справедливость такихъ жалобъ, по неволѣ должно было хладнокровно смотрѣть на беззаконные поступки іезуитовъ, — и вражда разгоралась болѣе и болѣе. Между тѣмъ іезуиты не дремали и все захватывали въ свои руки. Школы существовали только іезуитскія и піарскія; въ самой академіи изчезла прежняя вѣротерпимость, и кто оказывалъ болѣе ревности въ преслѣдованіи разновѣрцевъ, тотъ считался ученѣйшимъ изъ академистовъ, на того сыпались почести и ученыя отличія. Типографіи, вмѣстѣ съ цензурою, поступили въ вѣдѣніе іезуитовъ; уже не выходило никакихъ другихъ книгъ, кромѣ богословскихъ и молитвенниковъ; да и тѣ искажаемы были неумѣренною полемикою противъ иновѣрцевъ, и вмѣсто молитвъ и набожныхъ размышленій заключали въ себѣ ядовитыя укоризны, обвиненія и проклятія на диссидентовъ.

Ученые краковскіе рѣшились прибѣгнуть къ рѣшительной и послѣдней мѣрѣ. Они предстали предъ Сигизмунда III, и сложили передъ нимъ всѣ права и привиллегіи, данныя училищу его предшественниками, оставляя навсегда обезсиленную и угнѣтенную академію. Мѣра эта подѣйствовала; іезуиты увидѣли себѣ побѣжденными[47].

Но зараза, внесенная ими въ училище, быстро распростра-

нилась. Факультетъ богословскій съ большею хитростію и осторожностію продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ нетерпимости и гоненія другихъ вѣроисповѣданій. Ядъ, вливаемый въ чашу ученія и образованности, сдѣлался тѣмъ опаснѣе, что замѣтить его было слишкомъ трудно. Дѣти Церкви православной, поступая въ это училище, выходили оттуда или открытыми папистами, какъ Поцѣй, или не крѣпкими въ православіи, какъ Смотрицкій.

И съ такимъ-то училищемъ суждено было Кіевской Академіи вступить въ неравное соперничество и борьбу. Чѣмъ кончилась эта борьба, кто побѣдителемъ пошелъ въ путь свой,— увидимъ далѣе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Основаніе кіевскаго училища. Митрополитъ Іона IV. Королевская привиллегія. Братство. Ослабленіе власти и вліянія католическаго духовенства. Предметы, преподаваемые въ православныхъ училищахъ. Состояніе кіевскаго училища въ первую эпоху его существованія. Упись. Гоненія отъ уніатовъ на православныя училища. Причины вѣдствія кіевской школы. Іезуиты и Доминиканы основываютъ въ Кіевѣ свои училища. Войны — причина упадка кіевской школы. Воспитанники первобытнаго кіевскаго училища: Карповичъ Леонтій. Копыстенскій Захарія. Плетенецкій Елисей. Саковичъ Кассіанъ-Каллистъ. Транквиллионъ-Ставровецкій Кириллъ. Хмельницкій Богданъ. Наставники: Смотрицкій Мелетій. Борецкій Іовъ.

Основаніе кіевскаго училища относится къ той эпохѣ, когда конституціею сейма люблинскаго, въ 1569 году, окончательно утверждено начавшееся еще съ 1501 года, соединеніе Литвы съ Польшею, и когда Кіевъ съ прочими своими городами причисленъ къ польскому королевству. Король Сигизмундъ Августъ, обрадованный счастливо совершившимся событіемъ, которое безплодно, а между тѣмъ такъ много занимало его предшественниковъ и стоило большихъ, но напрасныхъ жертвъ, обѣщалъ всѣмъ новымъ своимъ подданнымъ равныя съ прочими права, вольности и преимущества, не смотря на разность вѣроисповѣданій. Въ это время (1568 г.) кіевскою митрополіей управлялъ *Іона IV Протасевичъ*, посвященный, по благословенію константинопольскаго патріарха Митрофана III, въ санъ митрополита изъ епископовъ туровскихъ и пинскихъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ ревнителей православія, которые, за свою твердость въ благочестіи и правовѣріи и за распространеніе оныхъ, заслужили отъ католиковъ, а потомъ и уніатовъ достославное порицаніе[18]. Въ слѣдствіе упомянутой королевской привиллегіи, существовавшія при церквахъ приходскія школы, состоя подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ митрополитовъ, день ото дня становились обширнѣе и цвѣтущѣе. Обрадованные успѣхами

воспитанниковъ приходскихъ училищъ, Кіевляне стали думать объ образованіи братства, и обратили особенное вниманіе на приходскую школу, уже существовавшую при Богоявленской церкви на Подолѣ. Лѣтописи не передали намъ памятниковъ заботливой ревности первосвятителей кіевскихъ о благосостояніи такихъ училищъ; но извѣстно только то, что со времени митрополита Іоны I до Иліи Кучи (1482—1577 г.) власть и вліяніе римско-католическаго духовенства во всей Литвѣ, Волыни и Бѣлоруссіи значительно были ослаблены, а восточное православіе замѣтно приходило отъ силы въ силу[49]. Съ полной вѣроятностію можно предполагать, что такой перевѣсъ православія надъ католицизмомъ не могъ произойти безъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, чему неизбѣжно должны были содѣйствовать училища.

Трудно также опредѣлить съ точностію, что было преподаваемо въ этихъ училищахъ: но только, конечно, не одно чтеніе и пѣніе. О митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ извѣстно, что онъ еще до поступленія своего въ священники къ Кіево-воскресенской церкви, былъ ректоромъ львовской школы, гдѣ и самъ получилъ воспитаніе, училъ тамъ по гречески и по латинѣ, а перешедши въ Кіевъ, открылъ при своей церкви школу, скоро заслужившую уваженіе образованныхъ людей[50]. Если предположить, что программа тогдашняго школьнаго образованія ограничивалась только чтеніемъ, пѣніемъ и письмомъ: то нельзя понять, какимъ образомъ Іовъ могъ обратить на себя вниманіе современниковъ преподаваніемъ такихъ скудныхъ предметовъ, и изъ чего могли бы заключить и единогласно свидѣтельствовать объ умѣ и просвѣщеніи его всѣ русскіе и польскіе лѣтописцы. По этому болѣе нежели вѣроятно, что въ приходскихъ училищахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, были преподаваемы, хоть и не въ обширномъ видѣ, и высшія науки, а особенно богословіе, какъ главнѣйшій и необходимѣйшій предметъ всегда и во всякое время, а тѣмъ болѣе тогда, когда Церковь

православная отовсюду была обуреваема разными лжеученіями и кривотолкованіями. Принимая опять въ соображеніе ту статью устава львовской школы, даннаго ей менѣе чѣмъ чрезъ тридцать лѣтъ по основаніи кіевскаго училища, которою позволялось печатать львовской типографіи »хроники (исторію), грамматики, піитику, реторику и философію«, какъ »нужныя для училища книги«, естественно должно придти къ тому заключенію, что нужда эта обнаружилась, во первыхъ, въ слѣдствіе уже существовавшаго преподаванія означенныхъ наукъ, а во вторыхъ, отъ усмотрѣнія трудности имѣть школьныя записки. Такимъ образомъ, что было во львовской школѣ, то очень могло быть и въ кіевской: ибо уставы для братствъ и училищъ сего рода, сколько ихъ сохранилось доселѣ, всѣ одинаковаго свойства и разнообразить ихъ не было никакой надобности, да кромѣ того и первымъ ректоромъ кіевскаго училища былъ человѣкъ, знавшій всѣ порядки и уставъ братства львовскаго, къ которому онъ самъ принадлежалъ нѣкогда, сначала какъ ученикъ, а потомъ какъ учитель.

Не должно при семъ выпускать изъ виду и того, что училища православныя, не смотря на свое младенчество, имѣли прямое и рѣшительное назначеніе противодѣйствовать школамъ католическимъ, а возможный успѣхъ этого условливался не преподаваніемъ только извѣстныхъ начатковъ ученія: но предметами болѣе важными и серьезными. На противника съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ нельзя идти съ палкою. Значитъ, какъ ни несовершенны были первоначальныя православныя училища, но они достаточны были къ тому, чтобы воспитать достойныхъ защитниковъ гонимаго въ то время православія.

Кратковременное управленіе митрополіею Иліи Кучи[61] ничѣмъ не ознаменовалось по отношенію къ кіевскому училищу. Въ это время вся западная Русь наводнилась послѣдователями Лютера, Кальвина, Цвинглія и Социна, а между тѣмъ королевскимъ указомъ 1572 года объявлена была полная свобода всѣмъ

всякаго вѣроисповѣданія. Нѣтъ сомнѣнія, что кіевскія школы не упустили случая употребить въ свою пользу такого распоряженія высшей правительственной власти: при всемъ томъ не видно однакожъ, чтобы первенствующее училище въ Кіевѣ, даже при преемникѣ Иліи, митрополитѣ Онисифорѣ, отличалось чѣмъ либо особеннымъ; ибо иначе патріархъ Іеремія, проѣзжавшій въ 1588 году въ Москву черезъ Кіевъ, обратилъ бы на него свое вниманіе, какъ это онъ сдѣлалъ во Львовѣ и въ Вильнѣ. Уже на обратномъ пути изъ Москвы Іеремія, остановившись на время въ Кіевѣ, получилъ отъ братства просьбу, которою испрашивали у него благословенія преобразовать существующую при Богоявленской церкви школу въ высшее правительственное училище. Благословеніе патріарха было первымъ и основнымъ камнемъ того училища, которому суждено было потомъ возвыситься до званія Академіи, и которое съ того самаго времени рѣзко стало отличаться отъ другихъ совмѣстныхъ и современныхъ ему.

Содержаніе кіевскаго училища вполнѣ зависѣло отъ братства, къ числу котораго принадлежали и знаменитые защитники православія, обладавшіе значительнымъ достаткомъ. Для этого была составлена особая книга пожертвованій, называемая *Упись*, въ которую вносили свои имена благодѣтели училища, иногда съ означеніемъ жертвуемыхъ статей. Изъ этого накоплялась сумма и запасъ жизненныхъ потребностей, которыми начальство распоряжалось съ вѣдома благотворителей, по мѣрѣ возникавшихъ надобностей училища. Такимъ образомъ въ выписи, взятой изъ гродскихъ книгъ воеводства кіевскаго, подъ 1593 годомъ значится, что въ этотъ годъ кіевскій нагорскій священникъ *Филиппъ Аѳанасьевъ* положилъ предъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго, для подтвержденія принадлежащихъ къ церквамъ Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ со всѣми принадлежностями кіево-богоявленскому брат-

ству; а по купчей обывателя кіевскаго *Андрея Обухова* пріобрѣтено отъ него кіево-братскимъ монастыремъ дворовое Свирчековское мѣсто и сѣножать на Оболони за тридцать копъ литовскихъ[52].

Но не успѣла кіевская школа выдти изъ младенческаго состоянія, какъ на нее обрушились такія бѣдствія, которыя трудно было бы перенести и окрѣпшему въ силахъ училищу. Отступничество кіевскаго митрополита Михаила Рагозы и фанатическое изувѣрство преемника и клеврета его Ипатія Поцѣя, повергнувъ весь юго-западный край въ бездну золъ и кровавыхъ междоусобій, неизбѣжно должно было отразиться неблагопріятнымъ образомъ и на всѣ вообще училища, существовавшія въ Кіевѣ. Не могли жаловать и щадить ихъ отступники православія: не будь этихъ школъ, Рагоза не слишкомъ бы боялся простаго народа, и легче бы отуманилъ его дымомъ льстиваго ученія и обѣщаніемъ выгодъ отъ папскаго престола; не назначилъ бы онъ своего законопреступнаго собора въ Брестѣ,—мѣстечкѣ, входившемъ въ составъ Ипатіевой епархіи; не пришелъ бы въ такое отчаяніе отъ вышущеннаго въ народъ сочиненія, въ которомъ почтили его названіемъ Іуды, измѣнника своей вѣры и поставили на ряду съ нехристями[53]. Не будь этихъ училищъ,—книжка объ Уніи,—издѣліе другаго отступника Поцѣя, исполненная лжи, кривотолкованій и несправедливыхъ ссылокъ на отцовъ Церкви, не встрѣтила бы такого равнодушія въ народѣ, а напротивъ, окружная грамата Мелетія, патріарха александрійскаго, не была бы принята съ такимъ уваженіемъ и покорностію.

Но главнѣйшее изъ нихъ Богоявленское болѣе всѣхъ должно было испытать гоненій отъ лженастырей. Оно было возведено на степень первенствующаго училища тѣмъ самымъ патріархомъ Іереміею, котораго отступники ославили клеветникомъ, мздоимцемъ, возмутителемъ[54] и бродягою[55]. Оно, за неимѣніемъ православныхъ митрополитовъ, состояло подъ покровительствомъ Кіево-печерской Лавры, отказавшейся повиноваться Рагозѣ и

не согласившейся признавать его своимъ архимандритомъ, не смотря на привиллегію, данную ему Сигизмундомъ III и на три особыя королевскія граматы[56]; оно считало въ числѣ первѣйшихъ своихъ благодѣтелей и заступниковъ Никифора Тура, ревностнѣйшаго противника католиковъ и уніатовъ, силою своей власти и вліянія затворившаго для ляхастырей святыя врата Кіево-печерской Лавры. Не мудрено послѣ этого, что враги православія обрушили на богоявленское училище всевозможныя бѣдствія. Рагоза, отнявъ у Лавры знатнѣйшія владѣнія, лишилъ ее чрезъ то способовъ быть полезнымъ училищному братству; уніатское духовенство, вторгаясь во всѣ православные монастыри, отнимало у обителей средства не только къ подаянію помощи другимъ, но даже къ своему собственному существованію. Если даже народъ, собиравшійся на молитву въ полевые шалаши, не имѣлъ спокойствія и безопасности, и былъ разгоняемъ вѣроотступниками[57]: то тѣмъ болѣе долженствовало подвергнуться такому насилію братство, образовавшееся съ цѣлію, совершенно противною законопреступнымъ видамъ враговъ православія. Въ 1604 году, по ходатайству Ипатія Поцѣя, королевскимъ указомъ отдана кіевскому бискупу цѣлая часть Кіево-Подола за канавою къ горѣ Щекавицѣ; за тѣмъ бискупъ самъ уже собою отнялъ изъ подъ магистратскаго вѣдомства и все пространство съ дворами до бывшей іорданской обители; наконецъ захватилъ и это мѣсто и все урочище Кожевники[58]. Значитъ, католики заняли тѣ мѣста, гдѣ преимущественно жили ближайшіе члены братства; а съ этимъ вмѣстѣ, какъ властители, они конечно стѣснили прежнихъ благодѣтелей въ ихъ усердствованіи къ училищу. Іезуиты, Доминиканцы, соревнуя другъ другу, заводили въ самомъ Кіевѣ училища, гдѣ съ свойственнымъ только имъ искуствомъ внушали ненависть ко всему русскому и любовь и уваженіе къ западному. Этимъ они искусно подготовляли упадокъ ненавистнаго имъ богоявленскаго училища, и конечно, не безъ тайной радости смотрѣли они на пламя страшнаго пожара, истребившаго въ 1614 году Богоявленскую церковь и бывшую при ней школу.

Inter arma silent musae, говоритъ старинная пословица. Не до наукъ было въ ту пору, когда все Запорожье подняло знамя отмщенія за притѣсненіе своихъ единовѣрцевъ, за оскверненіе храмовъ Божіихъ, за попраніе всѣхъ правъ человѣчества. Слишкомъ близокъ былъ къ сердцу каждаго вопросъ, чтобы не принять участія въ разрѣшеніи его огнемъ и кровью. Молодые люди толпами оставляли тихое убѣжище наукъ и спѣшили на шумное поле брани, мѣняя скромную долю ученыхъ на блистательное званіе вооруженныхъ защитниковъ православія и своего народа. Въ этомъ случаѣ южная Русь, заслонившая собою народность и православіе отъ гибельнаго вліянія запада, достойно отплатила Руси восточной, принесшей себя въ жертву для защиты оной отъ татарскаго наводненія. Дружины малороссійскихъ гетмановъ Косинскаго и Наливайка постоянно увеличивались выходцами кіевскихъ школъ, убѣгавшихъ отъ невыносимаго преслѣдованія враговъ вѣры, и что съ большею твердостію и терпѣніемъ переносили мужи и старцы, то не могло не волновать юношей, кипѣвшихъ силами и жаждою воинской славы. Когда генеральный сеймъ польскій 1596 года опредѣлилъ истребить всю запорожскую Сѣчь, усиливъ въ тоже время преслѣдованіе всѣхъ тайно или явно благопріятствовавшихъ этому воинственному племени,—въ Хортицахъ, главномъ его пристанищѣ, сдѣлалось тѣсно отъ прибывавшихъ отвсюду молодыхъ людей, становившихся въ ряды ожесточенныхъ защитниковъ обагряемой кровью Украйны и всего юго-западнаго края Россіи. Дѣло вооруженной обороны православія, конечно, отъ этого много выигрывало: но просвѣщеніе страдало, ибо липалось лучшихъ и способнѣйшихъ своихъ адептовъ. Дорого поплатились за свою привязанность къ іезуитамъ слабый Сигизмундъ III и неблагоразумные его преемники; увидѣли они, что значитъ борьба съ народомъ, у котораго затронуты самыя живыя струны, звучавшія надъ колыбелью его и разрѣшающіяся полнымъ аккордомъ надъ его гробомъ. Къ стыду своему, они должны были наконецъ увидѣть ничтожность своихъ кровавыхъ опредѣленій,

и уступить той силѣ, которую сначала презирали такъ легкомысленно. Постановленіемъ короннаго сейма 1601 года запорожскимъ козакамъ возвращены всѣ прежнія ихъ привиллегіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ открылась возможность возстановить и утвердить и престолъ православной кіевской іерархіи, святотатственно оскверненный такими лжепастырями, каковы были Рагоза и Поцѣй.

Не смотря на свое младенческое, кратковременное и бурное существованіе въ первое пятидесятилѣтіе, кіевская школа воспитала мужей, стяжавшихъ себѣ потомъ вѣчную славу защитою православія и ревностію ко благу воспитавшаго ихъ училища. Исторія не показываетъ числа всѣхъ получившихъ образованіе въ древней православной школѣ кіевской; она неясно указываетъ даже на тѣхъ, которые между современниками отличались своими талантами и просвѣщеніемъ, позволяя въ этомъ случаѣ только гадательно заключать о томъ священномъ мѣстѣ, которое послужило для нихъ богатымъ музеумомъ »належныхъ« познаній. При всемъ томъ, не распространяя нашихъ догадокъ на счетъ другихъ знаменитыхъ своимъ просвѣщеніемъ лицъ того времени, упомянемъ только о тѣхъ, воспитаніе которыхъ неотъемлемо принадлежитъ древней кіевской школѣ.

Карповичъ Леонтій. По окончаніи курса наукъ въ кіевскомъ училищѣ[59], онъ принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, гдѣ и проходилъ всѣ степени послушанія. Свыше одаренный великими талантами, онъ не зарывалъ ихъ въ землю, и явился ревностнымъ защитникомъ угнѣтеннаго тогда православія. Будучи еще іеродіакономъ лаврскимъ *Карповичъ*, въ 1608 году написалъ *Обличеніе на унію*, обратившее на него вниманіе какъ поборниковъ, такъ и противниковъ истины. Быстро вслѣдъ за симъ пошелъ онъ по степенямъ іерархическимъ, и въ 1615 году былъ уже архимандритомъ виленскаго святодуховскаго монастыря. По духу проповѣдничества, современники

называли *Карповича* »подобнымъ Златоусту« [60]. *Леонтій* скончался въ 1626 году епископомъ владимірскимъ и берестенскимъ на Волыни, заключивъ собою рядъ православныхъ архипастырей этой епархіи, захваченной уніатами [61].

Копыстенскій Захарія. бывшій сначала намѣстникомъ Кіево-печерской Лавры, и потомъ въ 1624 году возведенный въ званіе архимандрита оной. Этотъ образованнѣйшій мужъ всего себя посвящалъ великому дѣлу обороны гонимаго въ то время православія. Опытно зная силу отеческихъ писаній, какъ сильнѣйшаго оружія противъ враговъ истины, онъ первымъ дѣломъ поставилъ себѣ исправленіе древнѣйшаго славенскаго перевода *Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на посланія св. апостола Павла и на Дѣянія св. Апостолъ*, издавъ потомъ оба эти сочиненія въ 1623 и 1624 годахъ. *Копыстенскій* являлся кромѣ того, и ораторомъ на каѳедрѣ церковной [62], издалъ *Номоканонъ, сирѣчь Законоправильникъ:* но важнѣйшимъ изъ его сочиненій почитается большая книга, подъ названіемъ *Палинодія*, написанная противъ виленскаго игумена Льва Кревзы, издавшаго сочиненіе: *Оборона Уніи.* Въ книгѣ своей *Копыстенскій*, исторически изслѣдовавъ вопросъ о значеніи церкви греческой, неразрывно связанной православіемъ съ церковію русскою, показываетъ строгую подчиненность ея іерархическаго порядка, въ духѣ христіанской любви и единенія, патріаршему константинопольскому престолу, и разоблачаетъ причины, побудившія католиковъ вымыслить унію, какъ средство къ распространенію беззаконной власти. Вслѣдъ за историческими изслѣдованіями, *Копыстенскій* приступаетъ къ разбору догматовъ, и вообще тѣхъ пунктовъ ученія христіанскаго, которыми церковь западная разнится отъ восточной. Съ строгимъ спокойствіемъ глубоко-ученаго испытателя, онъ слѣдитъ начало и развитіе догматовъ вѣры, обращаемыхъ къ видамъ честолюбія римско-католической іерархіи, и въ самыхъ обличеніяхъ своихъ сохраняетъ характеръ тишины и спокойствія, совершенно противоположный бранчивой шумли-

вости противника своего Кревзы. *Копыстенскому* приписывается также сочиненіе съ именемъ Азаріи: о вѣрѣ единой, святой, соборной и апостольской церкви, направленное также противъ уніи[63]. *Копыстенскій* скончался 1626 года[64].

Плетенецкій Елисей. возведенный въ санъ архимандрита Кіево-печерской Лавры около 1615 года[65], и бывшій возсоздателемъ разореннаго іезуитами и истребленнаго пожаромъ братскаго богоявленскаго училища. Онъ скончался 1624 года.

Саковичъ Кассіанъ Каллистъ. къ сожалѣнію омрачившій имя свое постыднымъ отступничествомъ отъ православія. Такъ далеко простиралось вліяніе враговъ вѣры восточной — іезуитовъ, что и утвержденные въ истинномъ ученіи увлекались льстивымъ мудрованіемъ! Что *Саковичъ* былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка, это показываютъ всѣ его сочиненія, изъ которыхъ въ однихъ онъ вооружается оружіемъ святой истины, а въ другихъ прибѣгаетъ ко лжи, изобрѣтеніе которой непремѣнно требуетъ хитрости и изворотливости ума. *Саковичъ,* кромѣ всего этого, можетъ быть почтенъ первымъ и древнѣйшимъ піитою кіевской школы[66]. Кромѣ *виршей* на смерть Сагайдачнаго, онъ написалъ въ стихахъ: Dezyderos Polski o mytarstwie и проч. Когда и гдѣ онъ скончался, — неизвѣстно.

Транквилліонъ-Ставровецкій Кириллъ. проповѣдникъ Кіево-печерской Лавры и потомъ архимандритъ въ Черниговѣ. Онъ первый изложилъ въ нѣкотораго рода системѣ науку богословія, служившую, можетъ быть, руководствомъ какъ для него самаго, такъ и для послѣдовавшихъ за нимъ преподавателей въ кіевской школѣ. Сочиненіе это, имѣвшее три изданія, называется *Зерцаломъ Богословіи.* По обязанности проповѣдника, *Кириллъ* составлялъ поученія, изъ которыхъ образовалась въ послѣдствіи особая книга подъ заглавіемъ: *Евангеліе учительное, или поученія* на дни воскресные и праздники всего года. Какъ ученый витія, онъ никому не уступитъ въ полнотѣ и обиліи мыслей, хотя витіеватость его часто доходитъ и до

многорѣчивости, всегда впрочемъ пріятной и увлекательной. Кромѣ этого *Кириллъ* составилъ *Перло многоцѣнное,* въ которомъ, между рѣшеніемъ важныхъ богословскихъ вопросовъ, позволялъ себѣ иногда и стихотворство. Въ послѣдствіи, на московскомъ соборѣ (1690 г.) сочиненія Транквилліона признаны противными православію[67], и до того еще времени, по указу царя Михаила Ѳедоровича и патріарха Филарета, повелѣно было ихъ отыскивать и предавать сожженію. Это впрочемъ не лишаетъ произведеній *Кирилла* принадлежащихъ имъ достоинствъ[68].

Хмельницкій Богданъ, знаменитый защитникъ православія и славный гетманъ войска запорожскаго, первоначальнымъ образованіемъ своимъ обязанъ также кіевской школѣ[69]. Здѣсьто получилъ онъ то крѣпкое убѣжденіе въ истинахъ православія, которое дѣлало его непобѣдимымъ и противъ іезуитовъ, имѣвшихъ его потомъ въ своихъ училищахъ, и въ пору неудачъ на полѣ бранномъ, когда ему оставалось одно лишь утѣшеніе, что онъ стоитъ за правое дѣло. Знаменитый воспитанникъ училища явился потомъ благодѣтелемъ и охранителемъ его, въ годину кровавыхъ смутъ и страшныхъ нестроній всего юго-западнаго края Россіи.

Здѣсь же получили воспитаніе и знаменитые потомъ сподвижники Хмельницкаго *Тетеря* и *Якимъ Самко.* Первый изъ нихъ отличался между современниками отличнымъ знаніемъ латинскаго и польскаго языковъ; а послѣдній, притворясь безграмотнымъ, удивлялъ всѣхъ своей письменностью и образованіемъ[70].

Еще скупѣе древнія хроники въ передачѣ достоуважаемыхъ именъ первобытныхъ учителей и наставниковъ кіевской школы. Мы знаемъ только двухъ: *Смотрицкаго Мелетія* и *Борецкаго Іова.*

Смотрицкій Мелетій происходилъ отъ благородныхъ родителей греческаго вѣроисповѣданія. Получивъ первоначальное образованіе въ виленской іезуитской коллегіи и докончивъ оное

въ краковской академіи, *Смотрицкій*, съ дѣтьми одного литовскаго вельможи, въ качествѣ наставника, ѣздилъ за границу для посѣщенія тамошнихъ университетовъ, и по возвращеніи своемъ, около 1610 года, поступилъ учителемъ въ кіевскую школу[71]. Здѣсь-то составилъ онъ свою грамматику, которая имѣла сильное вліяніе на развитіе въ Ломоносовѣ такой любви къ ученію; здѣсь-то образовалась въ немъ мысль о введеніи въ русскіе стихи тоническаго размѣра, вопреки общепринятому тогда обычаю писать силлабами. Со всей вѣроятностію можно заключить, что *Смотрицкій* былъ преподавателемъ собственно русской словесности, удержавъ за собой эту каѳедру до поступленія своего въ архимандриты виленскаго и дерманскаго монастырей. Къ сожалѣнію, непомѣрное честолюбіе и оскорбленная гордость повели его къ отступничеству, содѣлавшему его гонителемъ вѣры православной и навсегда запятнавшему доброе имя одного изъ первѣйшихъ и образованнѣйшихъ наставниковъ кіевской школы[72].

Борецкій Іовъ, самъ бывшій воспитанникомъ львовскаго училища, до поступленія своего въ игумены Михайловскаго монастыря проходилъ при кіевскомъ училищѣ должность наставника: princeps scholarum, сказано въ одной замѣткѣ рукописной книги, относящейся къ древнѣйшей эпохѣ[73], qui causa necessitatis illustrissimus ipse professor fuerat haurientibus sacra studia,— и »бѣ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добрѣ умѣвый, »и тѣхъ языковъ иныя въ школахъ учивый«[74]. Нѣтъ сомнѣнія, что каѳедра *Борецкаго* была особенно по предмету богословскому, и что преподаваніе языковъ, о которомъ упоминаетъ святитель Ростовскій, было лишь предуготовительнымъ средствомъ къ уразумѣнію наукъ высшихъ, для изложенія которыхъ русскій языкъ того времени былъ мало способенъ. Какъ бы то ни было, но кіевское училище со всегдашней признательностью произносило и будетъ произносить имя этого и ревностнѣйшаго подвижника православія и душеполезнаго просвѣщенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Королевская привиллегія. Лавра возвращаетъ свои помѣстья. Богоявленское училище начинаетъ возрождаться. Анна Гулевичева. Запись Гулевичевой. Исаія Копинскій, фундаторъ кіевской школы. Дѣйствія кіево-богоявленскаго братства. Братскія засѣданія. Обязанности дидаскала. Порядокъ поступленія учениковъ въ школу. Старшіе. Обязанности учениковъ, по отношенію къ Церкви Божіей. Занятія въ школѣ. Домашнія занятія учениковъ. Частныя обязанности школьниковъ. Поведеніе учениковъ внѣ училища. Лица, имѣвшія право поступать въ кіевскую школу. Раздѣленіе учениковъ по разрядамъ. Науки, преподаваемыя въ кіевской школѣ. Іезуиты. Прибытіе въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Обозрѣніе училищнаго порядка. Грамоты Ѳеофана братству и училищу. Стеченіе народа къ 15 августа. Посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты. Клеветы уніатовъ. Гоненіе на православныхъ отъ Сигизмунда III. Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго. Посланіе Іова Борецкаго. Ужасы уніатскаго гоненія. Разореніе кіево-братской школы. Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Сочиненіе его въ защиту православія и кончина. Слѣдствіе, произведенное Сигизмундомъ III о патріархѣ Ѳеофанѣ. Дѣйствія по сему случаю іезуитовъ. Козаки—гроза гонителей православія.

Въ 1615 году, Кіево-печерская Лавра, по ходатайству архимандрита своего Елисея Плетенецкаго, получила отъ короля прежнія свои привиллегіи и возвратила помѣстья, отнятыя у нея Рагозою и Поцѣемъ [73]. Съ этимъ вмѣстѣ и братское богоявленское училище начало возраждаться изъ пепла, еще дымившагося вокругъ него. Состоя въ непосредственномъ попеченіи Лавры, и за отсутствіемъ православныхъ митрополитовъ, нашедши въ бывшемъ воспитанникѣ своемъ архимандритѣ Елисеѣ сильнаго себѣ покровителя, кіевская школа въ тотъ же самый годъ увидѣла плоды просвѣщенной, отеческой его заботливости. Жена мозырскаго маршалка Степана Лозки, урожденная Гулевичева, записью, явленною въ актахъ кіевскаго земскаго суда

1615 года октября 15, съ согласія своего супруга, подарила и отказала въ вѣчное владѣніе »наслѣдственныя свои имѣнія, пользующіяся правами и вольностями дворянскими, подъ монастырь ставропигіи патріаршеской, подъ школу дѣтей, какъ дворянскихъ, такъ и мѣщанскихъ и сверхъ того подъ гостинницу для странниковъ духовныхъ вѣры восточной каѳолической Церкви«. Благородная благодѣтельница кіевскаго училища въ записи же своей показала причину, побудившую ее къ такому пожертвованію: »живя, говоритъ она, постоянно въ древней святой, православной вѣрѣ восточной Церкви, и пылая къ ней побожною ревностію къ распространенію славы Бога въ Троицѣ Единаго, изъ любви и приверженности къ братіямъ моимъ — народу русскому, для спасенія души своей, я съ давнихъ временъ умыслила сдѣлать добро для Церкви Божіей«.

Записью этой Гулевичева отказывала свой собственный дворъ и землю въ городѣ Кіевѣ, находящіеся между извѣстными границами[76], со всѣми, къ тому двору и землѣ относящимися угодіями, доходами и со всѣми принадлежностями, съ тѣмъ, »чтобы монастырь тотъ и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устроиваемы были по закону и чину каѳолической восточной Церкви греческаго обряда, по семи вселенскимъ соборамъ и по преданію святыхъ отцевъ греческихъ«. Между условіями, охраняющими цѣлость жертвуемой ею фундаціи, положено, что ежели бы кто изъ живущихъ на оной и обязанныхъ защищать утвержденныя уже права, въ случаѣ какого либо тяжебнаго дѣла, касающагося какъ самой фундаціи, такъ и цѣлаго общежитія, отказался защищать его интересы, то таковой лишается навсегда права имѣть участіе въ благотвореніяхъ дѣлаемой записи, а равно ни сама Гулевичева, ни потомки ея не должны простирать никакихъ претензій къ фундаціи, подъ опасеніемъ штрафа въ десять тысячъ злотыхъ польскихъ и вознагражденія всѣхъ убытковъ и потерь, безъ судебнаго разслѣдованія и безъ всякаго спора, »на голое реченье слова«. Обязывая за тѣмъ всѣхъ

потомковъ своихъ »никоимъ образомъ не дѣлать препятствій живущимъ въ тоій поссессіи иноками и школьникамъ«, Гулевичева предостерегаетъ, что »если бы какимъ либо угнѣтеніемъ или несправедливымъ судомъ проживающіе на тоій фундаціи были вытѣсненыи«, а пожертвованіемъ ея захотѣлъ бы кто завладѣть, то »весь тотъ дворъ и земля цѣлостно должны быть возвращены ея дому и перейти къ потомкамъ дарительницы, по какой бы линіи они ни происходили«. Принимающій такимъ образомъ во владѣніе жертвуемыя статьи обязывается изъ своихъ собственныхъ грунтовъ выдѣлить для изгнанныхъ и вытѣсненныхъ съ фундаціи такогожъ достоинства и цѣнности земли, съ правами и вольностями земель дворянскихъ, или денежную сумму, по оцѣнкѣ надежныхъ людей. »А чтобы та фундація возъимѣла свое дѣйствіе, то я, пишетъ Гулевичева, тотчасъ же въ тотъ дворъ съ землею, духовныхъ и свѣтскихъ православныхъ, именно: правовѣрнаго священноинока отца Ісаію Купинскаго и другихъ изъ монашествующихъ, также и школу ввела и ввожу, отдавая имъ то, равно и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, пребывающимъ въ православіи восточноій Церкви въ дѣйствительное владѣніе и завѣдываніе«[77].

Уполномоченный такою записью и возведенный того же года въ званіе старшаго іеромонаха богоявленскаго братства, Купинскій немедленно принялъ въ свое управленіе всю фундацію Гулевичевой, и приступилъ, согласно волѣ дарительницы, къ постройкѣ гостепріимнаго дома и училища, заложивъ при нихъ домовую церковь, во имя ангела благотворительницы, св. пророчицы Анны[78]. Въ тоже время начало свои дѣйствія и кіевское братство. Люди обѣихъ сословій—духовнаго и свѣтскаго—цаловали крестъ, »одинъ за всѣхъ и всѣ за единаго«, поклявшись неуклонно пребывать въ православіи, нести всѣ братскія повинности и соблюдать порядки, »на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи россійскому роду, на выхованье (воспитаніе) учениковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, къ по-

даванію наукъ учтивыхъ и къ цвиченію (просвѣщенію) дѣтей народу христіанскаго« [79].

Въ Уписъ или присяжный листъ братства тогда же вписались новые покровители и благодѣтели училища, число которыхъ съ тѣхъ поръ стало возрастать годъ отъ году. Въ непродолжительное время по основаніи училища на землѣ, подаренной Гулевичевою, внесли въ уписъ свои имена: *Аѳанасій Пузина*, епископъ луцкій и острожскій, архимандритъ Жидичинскій; нѣкто *Андрей Литынскій* — изъ Литыничъ; *Исаія Трофимовичъ*, вписавшійся въ кіевское братство »душею и рукою«; *Сильвестръ Коссовъ*, префектъ школъ кіевскихъ братскихъ; *Антоній Пацьвскій*, инокъ монастыря печерскаго; *Іоиль*—іеромонахъ; *Софроній Почасскій*, инокъ монастыря печерскаго; *Аѳанасій Ивашковскій*, инокъ того же монастыря; *Иларіонъ Симовскій*, тоже; *Іоиль Глынковичъ*, намѣстникъ монастыря св. Николая; *Антоній Горбацкій*, іеромонахъ; *Арсеній Бережницкій*, инокъ монастыря печерскаго; *Ѳеодосій Оранскій*, іеромонахъ; *Захарія Копыстенскій*, отличившійся отъ прочихъ особенностью своей подписи: »и ненавидящи злое, пишетъ онъ, прилѣпляющеся благому, со»ставленное въ Кіевѣ градѣ братство пріимаю и облобизаю, по»винующеся Апостолу, глаголющу: братолюбіемъ же другъ ко »другу любезни; на сіе же и руку мою подписую«. Писалъ дня 4 генваря, по старому *правдивому* »року 1616« [80]. *Тарасій Земка*, подписавшійся такимъ образомъ: »азъ во іеромонасѣхъ »худѣйшій братство православныхъ кіевское при храмѣ святыхъ »Богоявленій похваляю и самъ въ немъ быти и при немъ стояти »желаючи въ реестръ и имя свое вписую рукою«. Еще больше усердія высказалъ *Іезекіиль Куневичъ* въ своей подписи: »азъ »треокаянный Іезекіель Куневичъ, архимандритъ монастыря »трехтемировскаго, видя, яко врагъ и ненавистникъ спасенія »нашего накоститъ во благочестіи нашемъ, и сего ради видихъ »вещь зѣло добру составленія братства во градѣ Кіевѣ, и того »ради всегда есмь готовъ съ нимъ пострадати добро и зло и

»кровь мою за благочестіе дати, и для того и руку мою подписую власною рукою«. *Даніилъ Стрыбиль,* обязавшійся давать сжегодно по десяти злотыхъ, а также и съѣстные прапасы. *Григорій Дегиловскій,* обѣщавшій дать лошадь для ѣзды, еслижь не лошадь, то *камень* воску [81]. *Иванъ Путята,* обязавшійся давать все, на что »преможенъ будетъ« [82].

Въ чемъ состояли обязанности собственно членовъ кіевобогоявленскаго братства, по неимѣнію актовъ и памятниковъ, опредѣлить этого съ точностію нельзя; но поелику оно, какъ значится, въ граматѣ патріарха Θеофана, образовалось »по образу прочихъ благочестивыхъ братствъ«, и вписывающіеся въ оное обязаны были »строити себе по чину прочихъ древнѣйшихъ« [83]: то съ полнѣйшею вѣроятностію обязанности членовъ кіевскаго братства опредѣляются по тѣмъ актамъ и памятникамъ, которые касаются однокачественныхъ съ нимъ братствъ львовскаго и луцкаго.

Прежде всего должно замѣтить, что постановленія общежительства касались не однихъ только лицъ монашествующихъ, называвшихся *киновитами,* но и особъ свѣтскихъ, вписавшихъ имена свои въ общій уписъ или реэстръ. Ни тѣ ни другіе не были обязаны ни какой особенной подчиненностью, но въ любви и единодушіи равномѣрно долженствовали нести бремя храненія и управленія дѣлами братства.

Вписавшіе имена свои пріобрѣтали названіе *ктиторовъ,* и обязывались оставаться при братствѣ до конца своей жизни [84]. Они должны были заботиться какъ о самой церкви, такъ и о школѣ, наблюдая при семъ, чтобы »особы, церкви потребныи«, были содержимы, какъ должно, чтобы соблюдаемъ былъ порядокъ, приличный мѣсту священному, и чтобы все это было постоянно и оставалось бы безъ помѣхи и на послѣдующія времена. По этому никто изъ членовъ, даже самъ игуменъ не

смѣлъ вносить въ уставъ братскій ничего новаго »з вымыслу и выналезку власного«, — отъ своего вымысла и изобрѣтенія [85].

Братству вмѣнялось въ обязанность контролировать общежительную сумму и повѣрять приходъ съ расходомъ [86].

Кромѣ общихъ требованій отъ игумена братства, чтобы онъ, то есть, былъ мудръ, благочестивъ и служилъ примѣромъ для другихъ, ему поставлялось въ обязанность держать при себѣ нѣсколько необходимыхъ для братства особъ, какъ то: духовника, проповѣдника, священника, діакона, уставщика, екклесіарха, экономa, палатнаго, двухъ братій для испрошенія подаянія, повара, послушника и учителя [87]. Инструкція для каждаго изъ этихъ лицъ должна быть составляема игуменомъ съ братіею, и утверждаема потомъ всѣмъ братствомъ [88].

Игуменъ и братія обязаны были строго наблюдать общежительство, и отнюдь не позволять отдѣльнаго пріобрѣтенія своей собственности [89].

Вся братія, находящаяся въ монастырскомъ зданіи, одолжена безпрекословнымъ послушаніемъ игумену, которому предоставлялось право исключать изъ общежительства безчиннаго брата: но равно и братія могли общимъ приговоромъ смѣнить игумена, еслибъ онъ оказался »самовластнымъ и самострастнымъ«, не иначе однакожъ, какъ съ вѣдома всего братства [90].

»Такъ какъ пѣвчіе принадлежатъ ко внѣшней церковной красотѣ«: то игумену поставлялось въ обязанность содержать на общемъ столѣ протопсалта, то есть, старшаго пѣвца и школьнаго учителя, равно заботиться и о другихъ отрокахъ, способныхъ къ пѣнію; таковыхъ слѣдовало представлять братству и совмѣстно заботиться о ихъ продовольствіи [91].

Для присмотра за школою и для наблюденія за училищнымъ порядкомъ игуменъ съ братіею выбирали изъ среды себя способнаго на то ректора, который, безъ всякой платы, обязанъ бывалъ повседневно наблюдать, какъ за учителями, такъ и за учениками, и чрезъ каждыя четыре недѣли производить испытаніе въ томъ, что было преподано, »аже бы дѣтокъ, имъ »вручоныхъ, лѣта молодые марне ся не тратили (не терялись »бы по напрасну), за которыхъ учителеве личъбу (отчетъ) Богу »чинити мусять (должны)« [92].

Для сбора братства въ опредѣленный день обсылалось братское знамя (повѣстка), обыкновенно чрезъ каждыя четыре недѣли, а иногда, по требованію надобности, и кромѣ этого срока [93].

Каждый членъ братства обязанъ былъ дать въ мѣсяцъ въ братскую кружку полъ-гроша; а тѣ, которые жили далеко отъ братства, ежегодно вносили туда по шести грошей [94].

Если кто желалъ поступить въ братство: дворянинъ или мѣщанинъ или подгородній житель и вообще изъ какого бы то ни было званія — туземецъ или сторонній, тотъ долженъ былъ дать при самомъ вступленіи шесть грошей [95].

Во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ, касающихся братства, должны были, кромѣ особъ духовныхъ, присутствовать нѣсколько лицъ и изъ свѣтскихъ, какъ дворянъ, такъ и мѣщанъ; всѣ же издержки обращались на счетъ кружки братской [96].

Если бы который братъ имѣлъ какое либо дѣло тяжебное, а не умѣлъ бы самъ повести его должнымъ порядкомъ, то ему позволялось брать къ себѣ на помощь и совѣтъ двухъ изъ братіи, по его выбору [97].

Никакое братское дѣло не должно быть выносимо за порогъ дома братскаго[98].

Главнѣйшими источниками содержанія братства и училища служили: a) взносы иноковъ, при поступленіи ихъ въ общежительство; b) милостыня, для сбора которой нарочно были содержимы два брата, и посылаемы какъ къ дворянамъ, вписаннымъ въ братство, такъ и къ инымъ благочестивымъ сынамъ восточной церкви; c) церковные доходы, какъ то: свѣчи, просфоры, маслосвятія, полотна отъ погребаемыхъ, сукна, сорокоусты и молебны; d) воздѣлываніе огородовъ, и наконецъ e) приличное рукодѣлье и особенно типографія[99].

Братская кружка состояла подъ сохраненіемъ игумена, а ключи отъ ней находились у эконома и у палатнаго. Для веденія приходо-расходной книги назначаемъ былъ особый братъ, который черезъ каждую четверть года представлялъ отчеты игумену и братіи, а сіи въ годичное засѣданіе предлагали ихъ для повѣрки всему братству[100].

Что касается до недвижимыхъ земскихъ имѣній и приносныхъ фольварковъ, пріобрѣтенныхъ куплею или пожертвованныхъ кѣмъ либо по завѣщанію: то всѣ они, равно какъ и доходы съ нихъ получаемые, находились въ вѣдѣніи и распоряженіи свѣтскихъ братій. Эти доходы были употребляемы на строеніе и на »мурованіе« церкви и на всякія ея нужды, на призрѣніе богадѣлень и бѣдныхъ учениковъ, на содержаніе ихъ учителей и убогихъ, не имѣющихъ пристанища, и на убогихъ, проживающихъ въ самомъ братствѣ, на тѣхъ, которые посѣщены какой либо тяжкой болѣзнію, и наконецъ на погребеніе умершихъ«[101].

Братскія засѣданія происходили слѣдующимъ порядкомъ. Въ назначенномъ домѣ ставился посреди комнаты покрытый

сукномъ столъ, на которомъ полагаемо было св. евангеліе, окруженное восковыми зажженными свѣчами и братскій ларецъ. По собраніи всѣхъ членовъ, старшіе братья пѣли: »достойно есть«, и за тѣмъ излагаемъ былъ предметъ засѣданія. По окончаніи трактаціи, предсѣдательствующій обращался ко всѣмъ съ такимъ вопросомъ: »панове братія! если кто знаетъ что либо относящееся къ братству, пусть объявляетъ«! Тутъ же и разрѣшаемо было предложеніе отозвавшагося брата. За тѣмъ спрашиваемы были члены объ исправномъ взносѣ братскаго долга или какой либо другой повинности, и наконецъ предсѣдатель возглашалъ: »миръ Христовъ да водворяется въ душахъ нашихъ, братіе, аминь«. Засѣданіе послѣ этого почиталось оконченнымъ, и уже никакое новое предложеніе не могло быть принято къ разсужденію[102].

Уставъ луцкой школы, писанный 1624 года, можетъ дать полное и совершенное понятіе о тѣхъ обязанностяхъ, какія и кіевское училище возлагало на своихъ наставниковъ и питомцевъ[103]. Основанныя, по благословенію почти однихъ и тѣхъ же патріарховъ, имѣвшія одинаковую цѣль и характеръ, онѣ не могли разниться своими уставами, а существованіе нѣкоторыхъ правилъ до временъ позднѣйшихъ и обычаевъ, сдѣлавшихся потомъ общеизвѣстными, вполнѣ можетъ убѣдить всякаго въ томъ, что кіевская школа руководствовалась тѣми самыми началами, которыя, по счастію, сохранились въ сказаніяхъ о другихъ подобныхъ ей училищахъ.

Вотъ въ чемъ состояли главнѣйшія обязанности учителя (даскала)[104]. Прежде всего онъ долженствовалъ быть образцомъ всѣхъ благихъ дѣлъ: благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не чародѣй, не краснобай, не пособникъ ересей. Принимая поручаемое ему дитя, онъ долженъ заботливо учить его

полезнымъ наукамъ; въ случаѣ провинности наказывать не тирански, а по наставнически, не сверхъ мѣры, а по силамъ, не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не долженъ занимать ученика чѣмъ либо постороннимъ, дабы не остаться виноватымъ въ неуспѣшности его предъ Богомъ, а также предъ родственниками его, и предъ нимъ самимъ. Онъ обязанъ учить и любить всѣхъ дѣтей одинаково, какъ сыновей богатыхъ гражданъ, такъ и сиротъ убогихъ, даже и такихъ, которые ходятъ по улицамъ, испрашивая пропитанія.

Назначеніе часовъ для занятій школьныхъ зависѣло больше отъ усмотренія самаго наставника: но вообще положено было, чтобы въ большіе дни ученики были всѣ въ сборѣ къ девятому часу утра; меньшіе же дни зависѣли отъ распоряженій учителя. Отсутствіе ученика лежало на отвѣтственности наставника; онъ долженъ былъ тотчасъ же узнать причину, по которой нѣтъ школьника въ училищѣ. За неимѣніемъ печатныхъ руководствъ, учитель обязывался диктовать свои уроки и тщательно наблюдать за перепискою ихъ; для малолѣтнихъ же онъ писалъ самъ. Въ субботу каждой недѣли полагалась общая репетиція и тутъ же разборъ и расправа съ лѣнивыми. Впрочемъ учителю предоставлялось право въ этотъ день всякому безъ исключенія ученику давать »по нашѣ школьной испити«. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ учитель обязанъ былъ предъ литургіею бесѣдовать о праздникѣ или о святомъ дня; а послѣ обѣда истолковать имъ праздничное евангеліе и апостолъ.

Обязанности учителя не ограничивались только школою. Онъ долженъ былъ наблюдать за поведеніемъ и занятіями дѣтей и въ домахъ ихъ родителей и въ квартирахъ. Строго взыскивая съ учениковъ за поступки, противные школьному уставу, учитель наблюдалъ также, чтобы ни родственники, ни домохозяева не мѣшали дѣтямъ учиться дома.

Желавшій отдать своего сына или родственника въ науку

бралъ съ собою одного или двухъ сосѣдей и при нихъ заключалъ съ учителемъ условіе. Наставникъ прочитывалъ отцу, или кому приходилось, реэстръ наукъ, преподаваемыхъ въ училищѣ, излагалъ школьныя правила и обычаи, дѣлая это для того, чтобы потомъ не было ни съ чьей стороны помѣхи или препятствій въ веденіи дитяти по заведенному порядку. Вслѣдъ за тѣмъ новобранца оставляли въ школѣ на три дня, чтобы онъ въ это время присмотрѣлся къ ученію и ко всему, что бываетъ въ школѣ, а бѣднымъ же въ эти дни отпускалось и содержаніе. Если ученикъ, послѣ трехдневнаго испытанія, не пожелалъ бы поступить въ училище, то его отпускали съ миромъ; въ противномъ случаѣ о согласіи своемъ онъ объявлялъ старшему, и по его приказанію вносилъ въ школьную кружку четыре гроша, обязавшись оставаться въ школѣ до окончанія всѣхъ наукъ. Послѣ сего имя новичка вносимо было *пентархомъ*[105] въ большой школьный списокъ, и съ этихъ поръ онъ уже считался зачисленнымъ въ ученики. Если же кто пожелалъ бы послѣ сего взять своего сына изъ школы: то долженъ былъ дѣлать это не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и кромѣ того при тѣхъ же свидѣтеляхъ, при которыхъ онъ сдавалъ его на руки учителя, а также и съ объясненіемъ законной причины такого поступка.

Новичокъ съ перваго же шагу поступалъ въ вѣдомство старшаго, которому обязанъ былъ оказывать совершенное и почти безусловное послушаніе, ничего не предпринимать безъ его совѣта и всякое его приказаніе исполнять охотно и безъ ропота. Старшій же указывалъ ему и науку, изученію которой онъ преимущественно долженъ посвящать себя; впрочемъ это распоряженіе больше зависѣло отъ учителя, который, сообразивъ лѣта, наклонность и способности новичка, опредѣлялъ для него извѣстный родъ учебныхъ занятій. Поставляя началомъ всякой премудрости страхъ Божій, благоразумные блюстители школьнаго братства вмѣняли ученикамъ въ непремѣнный долгъ — въ

каждый воскресный и праздничный день присутствовать на вечерни, утрени, божественной литургіи и опять на вечерни. Отъ этой священной обязанности не избавлялся никто и ни подъ какимъ предлогомъ, исключая тяжкой болѣзни. Благоговѣйное стояніе въ церкви, внимательное послушаніе молитвъ и поученій, пособіе лицамъ освященнымъ въ отправленіи богослуженія и наконецъ, сколько возможно, частое пріобщеніе св. Тайнамъ — отличало всѣхъ вообще воспитанниковъ кіевской школы.

Всѣ ученики въ назначенное время долженствовали быть въ училищѣ на лицо. Никто не смѣлъ являться послѣ извѣстнаго часа, а также и выходить изъ школы безъ позволенія учителя. Кто разъ не былъ въ училищѣ, тотъ бывалъ строго наказываемъ, а кто два раза, того исключали.

Ученики должны были садиться каждый на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, которое назначалось имъ по успѣхамъ. Кто лучше учился, тотъ сидѣлъ выше; кто хуже, того сажали назади. Богатство и знатность не имѣли въ школѣ никакого значенія: всѣ были равны, и отличались только успѣхами и прилежаніемъ. Передъ началомъ урока непремѣнно читана была молитва, потомъ дневной апостолъ и евангеліе; за тѣмъ учитель спрашивалъ у каждаго ученика вчерашній урокъ и пересматривалъ школьныя рукописи, въ которыхъ старшіе изъ учениковъ сами излагали слышанные ими уроки.

Въ школѣ ученики должны были вести себя »со всевозможною тишиною, безъ разговоровъ, шептаній, перемижокъ и переходовъ съ мѣста на мѣсто«, и замѣчать все, что сказывалъ, читалъ и диктовалъ учитель, стараясь все слышанное умѣть выражать своими собственными словами. Строго запрещалось также ученикамъ во время уроковъ имѣть при себѣ какіе либо снаряды или инструменты, кромѣ школьныхъ принадлежностей. Что бы

ни дѣлалось и ни говорилось въ школѣ, никто не смѣлъ выносить того за порогъ училища.

Выходя изъ школы, ученики, затвердивъ трудныя слова, должны были другъ друга спрашивать, а послѣ обѣда записывать каждый для себя свои уроки. Вечеромъ, пришедши домой, дѣти передъ родственниками, а чужіе, живущіе на квартирахъ, передъ хозяевами обязывались прочитать свой урокъ, съ приличнымъ объясненіемъ.

Каждую недѣлю были назначаемы по порядку четыре мальчика, изъ коихъ двоимъ поставлялось въ обязанность записывать и доносить о тѣхъ, кто въ церкви стоялъ безчинно, или идучи домой велъ себя непристойно, или дурно учился и надѣлалъ какихъ либо шалостей. Другіе двое должны были пораньше придти въ школу, подмести ее, затопить печку и сидѣть у дверей, записывая всѣхъ, кто поздо приходитъ и не во время уходитъ. Отъ этой очереди не избавлялся никто изъ воспитанниковъ.

Безъ вѣдома учителя не позволялось ученикамъ ничего не предпринимать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно заключать между собою какую нибудь сдѣлку, закладывать что либо, покупать, продавать, или торговать. Старшій начальникъ строго наблюдалъ, чтобъ воспитанники не имѣли у себя никакихъ иновѣрческихъ или еретическихъ книгъ. Посѣщеніе пирушекъ и неприличныхъ собраній, а равно и товарищескія связи съ людьми неодобрительнаго поведенія — строго воспрещались всѣмъ ученикамъ.

Школьный уставъ не оставлялъ безъ вниманія поведенія учениковъ и внѣ ихъ училищныхъ обязанностей. Онъ внушалъ имъ вѣжливость и почтительность предъ старшими и благоговѣйное уваженіе къ мѣстамъ священнымъ. Встрѣчая людей »зацныхъ (достоуважаемыхъ) такъ духовного, яко и свѣцкого

стану«, ученикъ долженъ былъ снимать шапку и отдавать поклонъ. Если бы случилось ученику быть въ обществѣ, то онъ обязывался воздерживаться отъ неприличныхъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ: »збытнихъ поступокъ, спросныхъ словъ и жартовъ неучтивыхъ выстерегатися«. Къ мѣстамъ священнымъ, какъ то: къ церквамъ, кладбищамъ и училищамъ всѣ ученики должны были имѣть особенное почтеніе, остерегаясь отъ всего, что могло бы нарушить благоговѣйную тишину, приличествующую тѣмъ мѣстамъ.

Поступать въ кіевское училище могли дѣти всякаго чина и сословія, лишь бы только они были православнаго исповѣданія. Въ записи своей Анна Гулевичева завѣщаваетъ это право всѣмъ »правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ народу »россійского, въ повѣтѣхъ воеводствъ кіевского, волынского и »брацлавского будучимъ, станомъ духовнымъ и свѣцкимъ, иноkамъ, священникомъ и діакономъ, чину мишскаго и чину »мирскаго, такъ же освѣщонымъ княжатомъ, вельможнымъ на»номъ шляхте и якогожколвекъ иного заволанья (какого бы то »ни было званія) и стану людемъ россійскимъ«, впрочемъ тѣмъ только, »которые неизмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ въ православной благочестивой вѣрѣ Церкви восточной обряда греческаго, въ послушаніи и подъ благословеніемъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, собственнаго и законнаго верховнѣйшаго пастыря народа россійскаго«. Въ послѣдствіи тоже самое подтверждено и граматами патріарха Θеофана и завѣщаніями другихъ благотворителей кіевскаго училища.

Дѣти въ школѣ раздѣлены были на три разряда: одни учились распознавать буквы и складывать; другіе читать и заучивать наизустъ разные уроки, а третьи должны были пріучаться объяснять читанное, разсуждать и понимать[106]. Въ отдѣленіи собственно словенскомъ, ученикъ, пріучившись читать, приступалъ къ изученію граматики, а потомъ церковнаго порядка,

чтенія и пѣнія. Ученикамъ поставлено былъ въ обязанность говорить между собою по-гречески и по-славянски: но такъ, чтобы одинъ спрашивалъ по-славянски, а другой отвѣчалъ бы ему по-гречески, и обратно, а также чтобы на славянскій запросъ держали бы отвѣтъ на простомъ, общеупотребительномъ языкѣ[107].

Изъ четвертаго пункта устава луцкой школы видно, что тамъ преподавались разные языки и науки, которыхъ было такъ много, что ученикъ, не могши въ скорости обозрѣть всего преподаваемаго, долженъ былъ обращаться за совѣтомъ къ самому учителю[108]. Тоже самое, безъ сомнѣнія, было и въ кіевской богоявленской школѣ. Послѣ изученія грамоты была преподаваема граматика, діалектика и реторика, учебники по которымъ еще въ 1620 году уже переведены были по-славянски: »русскимъ языкомъ, сказано въ уставѣ, списано діалектику и реторику і иные філософъские писма школѣ належачие«[109]. Учитель обязанъ былъ преподавать »и на письмѣ подавати«—значитъ, составлять записки, »отъ святаго Евангелія, отъ книгъ »апостольскихъ, отъ пророковъ всѣхъ, отъ отецъ святыхъ уче»нія, отъ философовъ, отъ поэтовъ, отъ историковъ и прочая«[110]. Чтожь это, какъ не полный курсъ академическаго ученія? Здѣсь и толкованіе свящ. Писанія и патрологія и философія и поэзія и исторія и наконецъ — *и прочая*. Но это еще не все: ученики должны были обучаться »пасхалии и лунного теченія и личъбы »и рахованя или мусикъ церковнаго пѣнія«. Выше такого образованія едва ли что могло быть что нибудь и въ европейскихъ тогдашнихъ училищахъ.

Но все ли это преподавалось такъ, какъ требуетъ наука, строго понимаемая? Если не возможно отвѣчать на это утвердительно, то нельзя и отвергать съ аподиктической рѣшительностью. Патріархъ Θеофанъ, благословляя кіевское богоявленское братство, *укрыпляетъ* школу наукъ »еллинословенскаго и

латинопольскаго письма къ подаваню наукъ належныхъ«; слѣдовательно тамъ науки эти уже преподавались, ибо укрѣпляютъ то, что, хоть и шатко, но все же стоитъ; слѣдовательно, опять, всѣ упомянутые языки тамъ были извѣстны, ибо кіевское училище прямо уже называется школою еллинословенскаго и латинопольскаго письма, а преподаваніе языковъ въ древнихъ училищахъ означало не филологическое только изученіе ихъ, а предпринимаемо было, какъ ближайшее средство къ усвоенію себѣ высшихъ наукъ. Такъ это было въ позднѣйшія времена, когда подъ именемъ *латинскихъ школъ* разумѣлись всѣ науки, преподаваемыя на языкѣ латинскомъ[111]; такъ оно долженствовало быть и въ древнюю эпоху существованія кіевскаго училища. Только такія науки по справедливости могутъ назваться »потребными и належными«, и по усмотрѣнію только ихъ достоинства и качества преподаванія образованный архипастырь могъ почтить такимъ нарочитымъ названіемъ училище. Опять же іезуиты и другіе враги православія отнюдъ не подумали бы дѣйствовать противъ школы съ такимъ ожесточеніемъ, еслибъ не видѣли въ ней преуспѣянія высшаго образованія: не языкознаніе имъ было страшно, а изученіе исповѣданія вѣры православной; не лингвистами являлись они сами, въ заводимыхъ ими, наперекоръ кіевскому, училищахъ, а историками, философами и полемико-богословами, показывая такимъ всеоружіемъ своимъ высокое достоинство ученыхъ противниковъ.

Не успѣла кіевская школа еще окрѣпнуть въ своихъ силахъ, какъ исконные враги православія — іезуиты поднялись противъ нея съ своими хитростями и вредными замыслами. Въ то самое время какъ воздвигало православное братство изъ пепла разрушенныя зданія богоявленской церкви, и заводило, подъ руководствомъ Исаіи Купинскаго, училище, — іезуиты, не подалеку отъ него, на томъ же Подолѣ строили свой костелъ и основывали училище[112], не смотря на то, что учениковъ въ ту пору у нихъ на лицо не было. Хитрые послѣдователи Лойолы

знали однакожъ, что дѣлали: они надѣялись современемъ привлечь къ себѣ дѣтей православныхъ, и клевета предъ родителями ихъ на основателей богоявленскаго училища, имѣли въ виду въ послѣдствіи совсѣмъ подорвать его, и остаться единственными руководителями и наставниками кіевскаго юношества[113].

Какъ бы въ укрѣпленіе, утѣшеніе и ободреніе юнаго училища, въ самую опасную годину его существованія прибылъ въ Кіевъ мужъ силы, ума и ревности по истинной вѣрѣ. Это былъ Θеофанъ, патріархъ іерусалимскій, въ 1620 году возвращавшійся во свояси изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ для сбора подаяній, и гдѣ между прочимъ посвятилъ Филарета Никитича въ санъ патріаршій. Пока православные колебались сомнѣніемъ о томъ, входить ли съ нимъ въ сношенія или нѣтъ, пока разсматривали вѣрющую его грамату[114], — кіево-богоявленское братство предложило ему всѣ удобства въ своемъ монастырѣ. Съ радостію принялъ такое обязательное приглашеніе знаменитый архипастырь, и все время пребыванія своего въ Кіевѣ,—около года, безотлучно жилъ въ братствѣ. Здѣсь-то онъ присмотрѣлся ко всему тому, о чемъ съ такимъ искреннимъ утѣшеніемъ говорилъ потомъ въ своихъ граматахъ: »случися намъ благочестія »цвѣты украшенную, паче же соузомъ любви еже о Господѣ »спряженную братію, иже о непорочнѣй еже въ Господа нашего »Іисуса Христа подвизающуюся вѣрѣ зрѣти«[115]; видѣлъ онъ и »церковь новозаложенную святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія пресвятыя Богородицы«, и страннопріимный дворъ братства церковнаго; видѣлъ онъ при немъ и »школу наукъ еллино-словенскаго и латинскаго письма«; радовался онъ учителямъ, которые, научая благочестивой жизни и преподавая потребныя науки, усердно объясняли и внушали желающимъ учиться, а особливо юнымъ умамъ твердое исповѣданіе вѣры и неизмѣнное ученіе о догматахъ, установленныхъ семью святыми Вселенскими соборами[116]. Благодаря о семъ всѣхъ благъ »Дателя

Содѣтеля Бога«, патріархъ Θеофанъ первою своею граматою благословляетъ кіевское старѣйшее братство, укрѣпляя его на вѣчныя времена и соглашаясь на основаніе при немъ меньшаго братства »младенческаго«[117], съ подчиненіемъ его братству старѣйшему. Вторая грамата Θеофана объемлетъ собою весь составъ богоявленскаго училищнаго монастыря, за которымъ утвердивъ право ставропигіи съ водруженіемъ креста, хранящагося до нынѣ и составляющаго драгоцѣнность Кіевской Академіи[118], онъ благословляетъ и утверждаетъ школу наукъ еллино-славянскаго и латинскаго письма, съ такимъ между прочимъ завѣщаніемъ, чтобы дѣти христіанскіе упражнялись во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Кромѣ этого, онъ подъ опасеніемъ анаѳемы запретилъ всякому, какъ свѣтскому, такъ и духовному, какимъ бы то ни было образомъ посягать на неприкосновенность ставропигіи и благосостояніе братства, школы и странноприимницы. Третья грамата Θеофана, данная тому же училищу, есть свидѣтельство его пастырской ревности и отеческой заботливости о нравственной чистотѣ любезныхъ чадъ своихъ. Вѣрно и до него дошли слухи о тѣхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ и хитрыхъ козняхъ, какими постепенно окружаемо было православное училище. »Еще, пишетъ онъ, злохитрый и коварный древній »врагъ, всякому добру ненавистникъ, разсѣятель же злобы сво»ея, да всяко дѣло благо разрушитъ, всяцѣми образы навѣто»вати тщится, и якоже избирая изъначала собѣ сосуды лука»выя человѣки, иже образъ благочестія имуще, силы же его »отвергшеся, иже неутвержденныхъ и простыхъ человѣкъ отъ »вѣры возвращаютъ и во свою всепагубную ересь отводятъ«. Въ слѣдствіе такого усмотрѣнія грозящей опасности, Θеофанъ, благословляя и укрѣпляя братство, какъ надежнѣйшій оплотъ противъ »отступныхъ ухищренія«, повелѣваетъ »не разслабѣ»вати душею и не унывати тѣломъ, но быти благодушными и »готовыми, вземши вся оружія Божія на прогнаніе врага«[119]. Обрадованные такимъ отеческимъ вниманіемъ патріарха, жители

Кіева, ревностно стали вписываться въ унисъ, такъ что новыхъ членовъ набралось въ это время безчисленное множество[120].

Въ это время, къ празднику Успенія пресв. Богородицы съѣхалось, по обыкновенію, множество знатнѣйшаго духовенства, дворянъ и запорожскихъ козаковъ съ своими начальными и гетманомъ Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ. Скорбя о бѣдственномъ положеніи сиротствующей кіевской іерархіи, всѣ, и особенно козаки, стали неотступно просить патріарха Θеофана поставить имъ православнаго митрополита и епархіальныхъ епископовъ. Долго не соглашался осторожный святитель; но когда ему представили сеймовыя польскія конституціи, опредѣлявшія свободу восточнаго вѣроисповѣданія и указали на примѣръ прежнихъ константинопольскихъ патріарховъ, которые присылали въ Кіевъ ими самими избранныхъ митрополитовъ: тогда Θеофанъ склонился на общую просьбу и посвятилъ Іова Борецкаго, игумена Михайловскаго монастыря въ санъ митрополита. Возрадовались православные, увидѣвъ жезлъ архипастырскій въ рукахъ такого просвѣщеннѣйшаго мужа, но не на долго...

Возстановленіе православной кіевской іерархіи въ лицѣ митрополита Іова встревожило уніатскихъ епископовъ. Тотчасъ по отъѣздѣ Θеофана изъ Кіева, они подали доносъ королю Сигизмунду III, что пріѣзжавшій патріархъ былъ не кто иной, какъ султанскій шпіонъ и возмутитель Малороссіянъ, что Іовъ Борецкій и другіе посвященные Θеофаномъ епископы суть его соумышленники, что самое посвященіе ихъ безъ королевскаго разрѣшенія есть нарушеніе и презрѣніе высшей правительственной власти. Окруженный іезуитами, король забылъ на этотъ разъ, что самъ онъ въ томъ же году предписывалъ кіевскимъ гражданамъ принимать священнаго гостя съ почтеніемъ, что самъ онъ въ ту же пору повелѣвалъ всѣмъ украинскимъ и подольскимъ жителямъ провожать его честно, безопасно и со вся-

кимъ удобствомъ, забылъ, что самъ прислалъ ему открытую подорожную чрезъ своего коморника, назначеннаго въ проводники къ патріарху и еще разъ подтверждалъ принимать его, »яко мужа почтеннаго и никакихъ непріятностей ему не дѣлать«; самъ даже писалъ къ нему благосклонное письмо, называя его іерусалимскимъ патріархомъ, снисходя ко всѣмъ его просьбамъ и даже приглашая къ своему двору, — все это забылъ Сигизмундъ III, подстрекаемый злобою уніатовъ и опутанный сѣтями іезуитской политики. Безъ всякаго изслѣдованія доноса, онъ немедленно велѣлъ разослать универсалы, гдѣ всѣ новопосвященные епископы объявлены измѣнниками, которыхъ слѣдуетъ ловить и представлять королевскому суду. Такой несчастный оборотъ дѣла произвелъ страшное смятеніе въ народѣ, среди котораго уніаты усердно сѣяли разныя клеветы и хулы на православныхъ епископовъ. Напрасно новопосвященный полоцкій архіепископъ Мелетій Смотрицкій писалъ въ оправданіе невинности патріарха Θеофана, ссылаясь на права русскаго народа избирать себѣ пастырей; напрасно жаловался онъ на притѣсненіе уніатовъ[121]; голосъ его не былъ услышанъ. Напрасно митрополитъ Іовъ посылалъ для оправданія себя Іосифа, епископа владимірскаго; — король требовалъ, чтобы къ нему явились и *всѣ прочіе*. Исполнить волю королевскую значило бы подвергнуть себя крайней опасности, и потому Іовъ написалъ только свое: *Оправданіе невинности*, посланное имъ къ Сигизмунду III.

Тогда-то ожесточенные изверги поднялись съ огнемъ и мечемъ на вѣрныхъ чадъ Церкви православной. Іезуиты и уніаты, какъ бы соревнуя другъ другу, употребляли все, что только могутъ внушить фанатизмъ и изувѣрство. Описаніе этихъ ужасовъ до глубины волнуетъ душу самаго спокойнаго испытателя и судіи дѣлъ человѣческихъ ...

Въ это-то бурное время наравнѣ съ прочими и кіевское

училище подверглось опустошенію. Братство было разсѣяно; ученики и учители умирали въ истязаніяхъ; церковь разграблена, гостинница разорена, и не остаться бы камню на камнѣ, еслибы гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный съ своими козаками не остановилъ буйства грабителей и убійцъ. Огорченный вѣроломствомъ Поляковъ, онъ отказался помогать имъ противъ Турокъ, и поднявшись съ своимъ станомъ перешелъ черезъ Днѣстръ и вступилъ въ Малороссію. Съ прибытіемъ Сагайдачнаго въ Кіевъ гоненіе на православныхъ значительно стало утихать. Онъ началъ отнимать вооруженною рукою церкви, занятыя католиками и уніатами, и овладѣвъ остатками кіево-братскаго монастыря, занялся возобновленіемъ какъ его, такъ и находившагося при немъ училища. Не жалѣя никакихъ издержекъ, Сагайдачный поручилъ постройки свѣдущему въ архитектурѣ гетману Жицкому, далъ монастырю села, и возстановилъ школу, пожертвовавъ ей все свое достояніе[122]. Устроивъ все, какъ должно, Сагайдачный окончательно сложилъ съ себя гетманство и принялъ иноческій санъ. Меченосный защитникъ угнѣтаемаго православія явился здѣсь мирнымъ оборонителемъ его, написавъ сочиненіе о св. вѣрѣ, которое даже сами враги называли *предрагоцѣннымъ*[123]. Тамъ же, въ возстановленномъ имъ братствѣ покоится и прахъ Конашевича-Сагайдачнаго[124]. Памятникомъ усердія его къ братству остается до нынѣ большой серебрянный крестъ, хранящійся въ монастырской ризницѣ съ слѣдующей надписью: »року 1622 подалъ »сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, гет»манъ войска его королевской милости запорожскаго до церкви »святаго Богоявленія Господня въ домъ братскій на отпущеніе »грѣховъ своихъ«.

Между тѣмъ жалобы православныхъ на угнѣтеніе, терпимое ими особенно отъ уніатовъ, не давали Сигизмунду III покоя. Чтобы избавиться отъ нихъ, онъ посылалъ въ Грецію удостовѣриться, точно ли Ѳеофанъ былъ патріархъ іерусалим-

скій. Утвердительное показаніе посла заставило короля признать гоненіе, воздвигнутое имъ на новопосвященныхъ епископовъ, напраснымъ: но тѣмъ дѣло и кончилось. Хитрые іезуиты не допустили своего питомца прекратить преслѣдованіе православныхъ, и грабежи продолжались по всей Украйнѣ. Только страхъ отъ козаковъ, не щадившихъ въ самомъ Кіевѣ враговъ Церкви восточной[125], укрощалъ нѣсколько фанатизмъ уніатовъ, и имъ только обязанъ утвержденіемъ своимъ престолъ православной кіевской іерархіи, возстановленной патріархомъ Ѳеофаномъ[126].

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ІОВЪ БОРЕЦКІЙ. *)

Смотрицкій и его отступленіе отъ православія. Волненіе по сему случаю. Соборъ въ Кіево-печерской Лаврѣ 1628 года. Катихизисъ Іова. Состояніе кіевской школы. Вмѣшательство шведскаго короля Густава Адольфа въ дѣла Малороссіи. Обѣщаніе Сигизмунда III и его магнатовъ. Іовъ отправляетъ пословъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу. Неуспѣшность сего посольства. Новыя жалобы митрополита королю. Королевская грамота братству Дозволеніе королевское о кіевскомъ помѣстномъ соборѣ. Дѣйствія уніатскаго митрополита Велямина-Рутскаго. Вмѣшательство папы. Уніатскій соборъ во Львовѣ. Постановленіе коронаго сейма 1631 года. Пріобрѣтенія братства въ эту эпоху. Типографія въ Михайловскомъ монастырѣ. Ректоры кіевскаго училища: Саковичъ Кассіанъ, Земка Тарасій. Префектъ школы Сильвестръ Коссовъ. Воспитанники. Училищныя должности. Содержаніе школы.

1620—1631.

Принятіе архипастырскаго жезла Іовомъ Борецкимъ случилось, какъ мы уже видѣли, въ самую неблагопріятную эпоху, продолжавшуюся почти до конца его управленія митрополіей кіевской. Къ величайшему своему огорченію, онъ увидѣлъ одного изъ ученѣйшихъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ праваго дѣла отступникомъ и врагомъ православія, помрачившимъ нѣсколько и славу того училища, котораго нѣкогда онъ былъ достойнымъ ректоромъ. Это Мелетій Смотрицкій. Посвященный вмѣстѣ съ Іовомъ отъ патріарха Ѳеофана въ санъ епископа полоцкаго, онъ приступилъ къ исправленію своихъ обязанностей, не дожидаясь королевскаго утвержденія. Оскорбленный этимъ Сигизмундъ III отказалъ Мелетію въ своемъ утвержденіи на томъ основаніи, что въ Полоцкѣ былъ уже уніатскій архіепископъ, а православный епископскій престолъ предположено было у-

*) Съ этого времени прямыми и непосредственными покровителями кіево-богоявленскаго братства и училища являются собственно кіевскіе митрополиты. Посему, чтобы удобнѣе обозрѣть какъ исторію Кіева, такъ и самый ходъ братской школы, нѣтъ надобности прибѣгать къ раздѣленіямъ на періоды, которые гораздо лучше могутъ быть замѣнены эпохою управленія того или другаго митрополита.

праздникъ тамъ. Такое униженіе глубоко тронуло Смотрицкаго; во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ удержать при себѣ санъ епископскій. Ему предстояла борьба съ ученымъ уніатскимъ духовенствомъ; Смотрицкій не отказался отъ нея и дѣйствовалъ сначала въ духѣ православія, думая разгромить своими сочиненіями противниковъ[127]. Но безуспѣшность такой брани наконецъ опротивѣла ему. Онъ сталъ склоняться на сторону уніи и тайно сноситься съ уніатскими священниками, еще при жизни уніатско-полоцкаго митрополита Іосафата Кунцевича[128]. По смерти его, около 1623 года, Смотрицкій рѣшился отстать отъ своихъ единовѣрцевъ и перейти на сторону противниковъ, чѣмъ надѣялся, и не ошибся, достигнуть верховной власти надъ уніатскимъ духовенствомъ въ бѣлорусскихъ провинціяхъ. Объ этомъ соединеніи его съ римскою церковію велѣно было ему самому сообщить папѣ, и для этого отправиться въ Римъ, такъ однакожъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія въ своихъ единовѣрцахъ. Скоро представился къ тому удобный случай: православные соотчичи дали Мелетію порученіе къ константинопольскому патріарху по какимъ-то дѣламъ церковнымъ. Смотрицкій отправился сначала въ Царьградъ, а потомъ въ Римъ, откуда воротился уже уніатомъ. Скрывая свою тайну нѣсколько времени, потомъ гласно объявилъ всѣмъ о своемъ присоединеніи къ уніатству.

Тяжело было благочестивому и мудрому старцу митрополиту Іову перенести такое отступничество одного изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ своихъ сподвижниковъ[129]. Пріобрѣтеніемъ такого члена общество уніатовъ значительно усиливалось, а православное братство невольно должно было поколебаться въ своихъ мнѣніяхъ, увидѣвъ такого человѣка, какъ Смотрицкій, перешедшимъ на сторону злѣйшихъ своихъ противниковъ. Потому-то просвѣщенному архипастырю кіевской іерархіи предстоялъ великій трудъ успокоивать взволнованныя убѣжденія своего духовнаго стада; сама кіевская школа могла представлять тогда

предметъ справедливыхъ опасеній, ибо ректоромъ ея былъ извѣстный Каллистъ Кассіанъ Саковичъ, человѣкъ отлично образованный, но начитанный духомъ вольномыслія и не твердый въ своихъ убѣжденіяхъ[130].

Чтобъ остановить такой соблазнъ, митрополитъ Іовъ 1621 года 15 декабря писалъ къ львовскому братству, остерегая отъ отступниковъ уніатовъ и убѣждая къ твердости въ вѣрѣ[131]; а чтобъ успокоить ближайшую къ себѣ паству, составилъ 1628 года въ Кіево-печерской Лаврѣ соборъ, на которомъ, по его предложенію, разсмотрѣна книга Мелетія: *Апологія* или *Оправданіе путешествія по землямъ восточнымъ*. Общимъ приговоромъ сочиненіе это признано противнымъ истинной Церкви, а самъ авторъ принужденъ былъ торжественно отказаться отъ своихъ мнѣній, хотя Смотрицкимъ было сдѣлано это неискренно и лживо.

Но соборное обличеніе Мелетія въ неправославіи было только половиною дѣла, имѣвшаго цѣлію положить преграду распространенію мнѣній, противныхъ Церкви восточной. Собору предлежало разсмотрѣть замѣчанія, сдѣланныя Смотрицкимъ на катихизисъ, составленный, по приказанію Іова, греко-россійскимъ духовенствомъ. Отринутыя всѣми, онѣ въ скоромъ времени появились въ печати изъ монастыря дерманскаго, куда удалился раздраженный Мелетій, и тогда какъ самый катихизисъ оставался неизвѣстнымъ народу, критика на него уже ходила по рукамъ ученой братіи, предупредивъ такимъ образомъ всѣхъ не въ пользу предполагаемаго руководства для поученія и просвѣщенія вѣрныхъ.

Между тѣмъ іезуиты и уніаты, оспоривая законность существованія кіевской школы, воздвигнутой Сагайдачнымъ безъ королевскаго разрѣшенія, дѣлали ей разныя притѣсненія и обиды. Многочисленные вкладчики и покровители училища не смѣли продолжать своихъ благотвореній: ибо въ то время, если бы

кто, даже по духовному завѣщанію, отказалъ что нибудь въ пользу церкви и училища, принимать не позволялось[132].

Налоги, утѣсненія, гоненія на Малороссію до того усилились, что наконецъ воевода кіевскій нашелъ себя вынужденнымъ принесть королю и сенату жалобу о горестномъ состояніи народа русскаго, доведеннаго до крайности. Королевичъ Владиславъ, уважавшій отличныя заслуги козаковъ въ ихъ походахъ на Ливонцевъ, гдѣ онъ самъ командовалъ малороссійскими войсками, заговорилъ въ пользу ихъ; король шведскій Густавъ Адольфъ тоже принялъ сторону Малороссіи. Опасаясь потерять въ семъ послѣднемъ надежнаго себѣ союзника, Сигизмундъ обнадежилъ его облегченіемъ участи Малороссіянъ. Но не такъ легко было выполнить это королю, окруженному іезуитами, а магнаты его держали свое обѣщаніе до перваго только сейма, обыкновенно составлявшагося, какъ говоритъ лѣтописецъ, »изъ пьянства и чванства«[133].

Тогда митрополитъ Іовъ отправилъ изъ Кіева въ Москву Исаакія, епископа луцкаго, съ просьбою къ царю и патріарху принять Малороссію подъ свое покровительство. Уважая права народныя и не желая поступить противъ чести, царь Михаилъ Ѳедоровичъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ и нарушить миръ съ Польшею. Обнадеживъ однакожъ Малороссіянъ желаніемъ быть имъ полезнымъ въ свое время, онъ щедро одарилъ митрополита и посланниковъ его, и Малороссія опять осталась бороться своими собственными силами съ врагами мира и спокойствія.

Была кровавая *Тарасова ночь*. Разбитые поляки старались помириться съ козаками, и предложили имъ въ гетманы коневскаго уроженца Тимофея Арандаренка. Митрополитъ Іовъ и новый вождь храбрыхъ запорожцевъ, съѣхавшись въ Черкасахъ, положили отправить къ королю двухъ представителей съ жалобою на разоренія, причиняемыя Украйнѣ войною. Вмѣстѣ

съ этимъ Іовъ поручилъ имъ ходатайствовать у короля привиллегію на заведенную въ Кіевѣ братскую школу.

Оружіе козаковъ, опасность со стороны Великой Россіи, начинавшей съ неудовольствіемъ смотрѣть на бѣдствія своихъ собратій, дипломатическіе переговоры Густава Адольфа съ сильными запорожцами, наконецъ преклонныя лѣта — все это сдѣлало короля Сигизмунда III уступчивѣй прежняго. 1629 года послѣдовала королевская грамата, которою утверждалось устроеніе на усадьбѣ, подаренной Анною Гулевичевою, братства милосердія и богадѣльни, съ тѣмъ, дабы что »они своимъ иждивеніемъ ни построили бы, то на вѣчныя времена должно оставаться во власти и вѣдомствѣ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ потомковъ«[134]. О школѣ впрочемъ тутъ не было упомянуто ни слова; очевидно, что грамата эта писалась подъ редакціею ближайшихъ совѣтниковъ короля — іезуитовъ, для которыхъ борьба съ училищами была во сто разъ труднѣй, чѣмъ разграбленіе церквей, монастырей и богадѣленъ. Но на этотъ разъ довольно было и такой привиллегіи; все таки она могла служить хоть какою нибудь защитой отъ безпрестанныхъ нападеній заклятыхъ противниковъ православнаго училища.

Вмѣстѣ съ этой граматою митрополитъ Іовъ исходатайствовалъ у короля дозволеніе съѣхаться всѣмъ православнымъ въ Кіевъ на помѣстный соборъ къ 29 іюня 1629 года, для совѣщаній объ успокоеніи Церкви православной отъ смятеній, терпимыхъ ею чрезъ отступничество нѣкоторыхъ значительныхъ (щекгульныхъ) особъ. Въ чемъ состояли дѣянія этого собора, вполнѣ неизвѣстно; но изъ сочиненія Евсевія Пимина[135] (псевдонимъ) видно, что тутъ рѣшено было издать катихизисъ, бывшій предметомъ нападеній Смотрицкаго.

Между тѣмъ уніатскій митрополитъ Веляминъ-Рутскій употреблялъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать успѣхамъ православныхъ. Видя, что отъ короля Сигизмунда мало помощи,

онъ обратился къ папѣ, излагая передъ нимъ опасности для церкви римско-уніатской отъ утверждаемой іерархіи восточной и жалуясь на королевскія привиллегіи, ослабляющія дѣйствія усердныхъ слугъ папскаго престола. Встревоженный папа тотчасъ же отправилъ граматы къ королю, своимъ епископамъ и магнатамъ, повелѣвая ловить и истреблять всѣхъ противящихся уніатскому вѣроисповѣданію. Но занятый внѣшними государственными дѣлами, Сигизмундъ III хладнокровно принималъ папскія воззванія, а магнаты сами боялись козаковъ, не щадившихъ ихъ ни на полѣ бранномъ, ни въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Одною властію епископскою въ этомъ случаѣ ничего нельзя было сдѣлать; оставалось употребить болѣе мирное средство. Въ 1629 году Рутскій упросилъ короля созвать во Львовъ уніатскихъ и православныхъ епископовъ для переговоровъ. Предвидя безуспѣшность этого собора, и однакожъ не желая ослушаться воли королевской, православные послали отъ себя своихъ намѣстниковъ, и сдѣлали очень хорошо. Тамъ былъ Смотрицкій, предъявившій собору свой ожесточенный протестъ—Exenthesis s. expostulatie; естественно, разсмотрѣніе этого сочиненія могло бы повлечь къ спорамъ и непріятностямъ, которыя могли бы кончиться не такъ мирно. Въ настоящемъ же случаѣ намѣстники, дѣйствовавшіе не отъ своего лица, не пускаясь ни въ какія состязанія, не согласились отступить отъ послушанія церкви константинопольской, и такимъ образомъ каждая сторона осталась при своемъ. Наконецъ въ 1631 году на коронномъ сеймѣ, послѣ самаго шумнаго засѣданія, повелѣно духовнымъ и мірянамъ обѣихъ вѣроисповѣданій сохранять миръ и спокойствіе, а за насильства и наѣзды на владѣнія, принадлежащія православнымъ, положенъ штрафъ въ три тысячи гривенъ.

Такимъ образомъ, при концѣ жизни своей (1631 г.), митрополиту Іову привелось увидѣть хоть малые плоды своихъ многолѣтнихъ стараній о спокойствіи угнѣтеннаго края. Мудрый и благоразумный, онъ впрочемъ не унывалъ и въ годину бѣд-

ствій, и ревностно заботился о любимомъ своемъ дѣтищѣ — богоявленской школѣ. Благодаря его попечительности, кіевское братство въ 1621 году успѣло пріобрѣсти покупкою у инокини Параскевы Кучинской въ Сокольникахъ, противъ церкви Рождества Христова мѣсто съ строеніемъ и съ семнадцатью оброчными дворами[136]; въ 1624 году, у кіевской жительки, пирятинской старостины Лукіи Миткевичевой купило два мѣста лавочныя на Подолѣ противъ соборной Успенской церкви; въ 1628 у козака Петра Динкова дворовое мѣсто въ улицѣ борисо-глѣбской за восемь копъ литовскихъ[137]. Кромѣ этого самъ митрополитъ Іовъ при дворѣ своемъ въ монастырѣ Михайловскомъ завелъ особую типографію, подъ начальствомъ нѣкоего Спиридона Соболя[138].

Послѣ кратковременнаго управленія кіево-братскимъ училищемъ Исаіи Купинскаго[139], мѣсто старшаго іеромонаха, а съ тѣмъ вмѣстѣ и начальника тамошней школы получилъ (1616 г.) *Кассіанъ Саковичъ*. Одаренный богатыми способностями, отличный богословъ и извѣстный въ свое время поэтъ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ полезнѣйшимъ наставникомъ юношества, пока самъ потомъ не уклонился отъ пути истиннаго. Послѣ него въ 1631 году ректуру кіевскаго училища принялъ *Тарасій Земка,* который однакожъ въ этой должности пробылъ всего только одинъ годъ, по причинѣ постигшей его смерти (1632 г.). Вмѣстѣ съ сими старѣйшими лицами школы проходилъ наставническую должность, въ званіи префекта, знаменитый *Сильвестръ Коссовъ*, самъ получившій первоначальное воспитаніе въ семъ училищѣ, и потомъ путешествовавшій, по распоряженію Петра Могилы, за границей для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Въ бытность свою наставникомъ, Коссовъ сократилъ и издалъ на польскомъ языкѣ *Патерикъ Печерскій,* присовокупивъ къ тому нѣкоторыя историческія примѣчанія, выбранныя изъ писателей греческихъ, латинскихъ и польскихъ, и при концѣ хронологическій списокъ митрополитовъ кіевскихъ отъ времени

крещенія Россіи до Петра Могилы: но, по замѣчанію преосвящ. Евгенія, списокъ этотъ не совсѣмъ вѣренъ. Католики и уніаты всѣми силами старались истреблять эту книгу, и потому-то она, какъ говоритъ Залусскій въ своемъ каталогѣ, удивительно рѣдка (opusculum stupendae raritatis)[140].

Изъ числа воспитанниковъ кіевскаго училища эпохи митрополита Іова Борецкаго пользуются извѣстностью слѣдующіе:

Гизель Иннокентій, уроженецъ польской Пруссіи, принадлежавшій прежде къ реформатскому закону. Въ юношескихъ лѣтахъ прибывши въ Кіевъ и жаждая просвѣщенія, онъ пожелалъ поступить въ кіевское училище; но встрѣтивъ препятствіе къ тому въ своемъ вѣроисповѣданіи, онъ обратился къ грекороссійской Церкви и поступилъ въ число воспитанниковъ православной школы. По окончаніи курса наукъ, Гизель принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, откуда и посланъ былъ за-границу съ Коссовымъ, Земкою, Трофимовичемъ и другими, избранными Петромъ Могилой.

Земка Тарасій, бывшій, какъ сказано, ректоромъ воспитавшей его школы. По возвращеніи изъ-за границы, Земка, какъ лучшій изъ сотоварищей, былъ опредѣленъ проповѣдникомъ въ Кіево-печерскую Лавру, потомъ корректоромъ и директоромъ тамошней типографіи. Кальнофойскій, современникъ Земки, называетъ его въ надгробной надписи »мужемъ ученымъ въ языкахъ грецкомъ, латинскомъ, словенскомъ и русскомъ«[141]. Изъ сочиненій Земки извѣстенъ большой *трактатъ о литургіи*, исполненный обширныхъ каноническихъ и патрологическихъ свѣдѣній[142]. Тарасій Земка скончался 13 сентября 1632 года въ должности ректора училища, и погребенъ въ Кіево-печерской Лаврѣ.

Кальнофойскій Аѳанасій, по всей вѣроятности, былъ тоже воспитанникомъ кіево-братскаго училища. Онъ извѣстенъ

своимъ сочиненіемъ подъ названіемъ: *Тератургима* или чудеса, бывшія въ печерскомъ монастырѣ и въ обѣихъ пещерахъ. Къ этому приложилъ онъ и свои собственныя духовныя размышленія. Потомство обязано Кальнофойскому справедливою благодарностью за сообщеніе многихъ историческихъ свѣдѣній о монастырѣ печерскомъ, и за собраніе любопытныхъ надписей, бывшихъ надъ могилами защитниковъ православія, мужей ученыхъ и благодѣтелей Лавры.

Трофимовичъ-Козловскій Исаія товарищъ Земки и Коссова по путешествію, извѣстный своимъ участіемъ въ приснопамятныхъ дѣяніхъ Петра Могилы[143].

Училищныя должности въ это время являются уже подъ тремя видами. Прежніе *старшіе іеромонахи,* оставаясь также настоятелями братства, получили названіе *ректоровъ* училища. Обязанностію ихъ, какъ наставниковъ, было преподаваніе собственно наукъ богословскихъ; для другихъ предметовъ назначаемъ былъ *префектъ,* начальствовавшій надъ еллино-латинскимъ отдѣленіемъ школы, куда входили реторика, діалектика, исторія, философія и проч. Для низшихъ классовъ состоялъ при училищѣ *даскалъ* или учитель, обязанный преподавать первые начатки ученія; въ его вѣдомствѣ состояли дѣти, изучавшіе букварь, псалтирь и граматику. Вообще же начальствующими въ первобытной кіевской школѣ постоянно являются лица монашествующія, въ силу того пункта записи Анны Гулевичевой, которымъ она первоначально ввела во владѣніе подареннымъ ею дворомъ и землею іеромонаха и »прочіихъ з чернцовъ«[144]. Только при такихъ блюстителяхъ школьнаго ученія могла быть въ то время осуществлена благочестивая мысль дарительницы, желавшей, »абы школа и увесь чинъ по закону и по чину »Церкви каѳолической всходнее (восточной) набоженства (испо»вѣданія) греческаго и подлугъ (по) семи Вселенскихъ соборовъ и »по преданію святыхъ отецъ греческихъ ряжена и справована«[145].

На содержаніе учителей и учениковъ, обыкновенно титулуемыхъ *спудеями*[146], кромѣ доходовъ, получаемыхъ отъ оброчныхъ статей съ мѣстечекъ и дворовъ, пріобрѣтенныхъ или по дарственнымъ записямъ или покупкою, члены братства жертвовали частію своихъ собственныхъ прибытковъ. Въ случаяхъ крайнихъ или какихъ либо особенныхъ нуждъ училища, посылаемы были особо назначенные къ тому члены братства для испрошенія пособія, отъ котораго не въ правѣ былъ отказаться никто изъ особъ, вписавшихся въ братскій реэстръ; да и всякій православный охотно жертвовалъ, что можно, для поддержанія школы. Бѣднѣйшіе изъ учениковъ содержались въ бурсѣ или гостинницѣ, на иждивеніи братства, доставлявшаго имъ все, кромѣ одежды.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ИСАІЯ КУПИНСКІЙ.

Льгота православію. Исаія Купинскій проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. Первые годы Петра Могилы. Поступленіе его въ Лавру. Дума о преобразованіи учебной части. Пишетъ въ защиту православія. Посвященіе Могилы въ архимандриты. Прибытіе изъ-за границы воспитанниковъ его. Заведеніе школы при лаврскомъ больничномъ монастырѣ. Невыгоды сего для богоявленскаго училища. Жалобы кіевлянъ. Петръ Могила присовокупляетъ лаврское училище къ братскому. Актъ дворянства и мѣщанства кіевскаго. Актъ митрополита Исаіи и всего освященнаго собора. Актъ гетмана Петрижицкаго и войска запорожскаго. Дѣйствія Петра Могилы по училищу. Петръ Могила на варшавскомъ сеймѣ. Ему предлагаютъ жезлъ кіевской митрополіи. Могила принимаетъ предложеніе. Оправданіе поступка Петра Могилы. Посвященіе его въ митрополиты. Послѣднее ходатайство Могилы въ пользу училища. Возвращеніе его въ Кіевъ. Кончина Исаіи.

1631—1633.

Кратковременное управленіе митрополіею Исаіи Купинскаго, бывшаго дотолѣ архіепископомъ смоленскимъ и черниговскимъ, ознаменовалось по отношенію къ юго-западной Россіи нѣкоторою льготою для православія, а по отношенію къ кіево-братскому училищу полнымъ развитіемъ многополезной дѣятельности Петра Могилы.

При самомъ вступленіи своемъ на престолъ 1632 года, король Владиславъ IV предпринялъ примирить православныхъ и уніатовъ. Съ этою цѣлію сдѣлано было имъ нѣсколько благодѣтельныхъ распоряженій, которыя потомъ онъ подтвердилъ 1633 года на сеймѣ коронаціальномъ, присягнувъ въ сохраненіи всѣхъ правъ и вольностей диссидентовъ и въ ненарушимости привиллегій, данныхъ церквамъ греческимъ[147].

Не смотря на такую привиллегію, въ самомъ Кіевѣ сила и вліяніе укоренившагося тамъ неправославнаго духовенства не такъ поспѣшно уступали власти королевской. Софійскій соборъ еще находился въ вѣдомствѣ уніатовъ, и потому резиденція православнаго митрополита по прежнему была въ монастырѣ Михайловскомъ. Управляя этою обителію, Исаія Купинскій, по данной ему привиллегіи отъ православныхъ князей Вишневецкихъ, ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ и проживалъ то въ переяславскомъ густинскомъ монастырѣ, то въ ладинскомъ скиту, то въ лубенскомъ монастырѣ. Истинный аскетъ душою, онъ устроивалъ всѣ эти обители по тому образцу, который изложилъ еще прежде въ своей *Лѣствицѣ*[148], а попеченіе о кіевскомъ училищѣ предоставилъ знаменитому уже въ то время своей ревностію по просвѣщенію Петру Могилѣ.

Сей величайшій благодѣтель кіевской школы происходилъ отъ князей молдавскихъ, былъ внукомъ волошскаго князя Іоанна и сыномъ молдавскаго князя Симеона[149]. Онъ принадлежалъ къ тому семейству, которое всегда славилось своею ревностію по православію и любовію къ благолѣпію храмовъ Божіихъ[150]. Въ кіевскомъ каталогѣ митрополитовъ сказано, что Петръ Могила получилъ воспитаніе въ парижскомъ университетѣ, гдѣ выслушалъ полный курсъ словесныхъ наукъ и богословія; другіе же пишутъ, что онъ обучался въ львовской школѣ[151]. Не утверждая ни того, ни другаго мнѣнія, видимъ только, что Могила совершенно былъ знакомъ съ европейскимъ образованіемъ,

ибо лучше всѣхъ усмотрѣлъ то, чего тогда не доставало нашему отечественному просвѣщенію. Въ молодости, по сказанію Нѣсѣцкаго, онъ находился въ военной службѣ, и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно, что заставило Петра Могилу промѣнять блестящую карьеру, ожидавшую его въ свѣтѣ, на скромную долю инока: пути Промысла неисповѣдимы, и часто вопреки всѣмъ человѣческимъ предположеніямъ, ведутъ они смертнаго къ метѣ высокой, которой съ другаго противоположнаго пути и не видно. Нельзя также указать съ достовѣрностію, когда Могила принялъ на себя обѣтъ иноческаго послушанія, но извѣстно, что въ 1625 году онъ былъ уже постриженъ въ монахи въ Кіево-печерской Лаврѣ. Это была самая горячая пора, когда католики и уніаты другъ передъ другомъ осыпали ругательными сочиненіями Церковь восточную, и когда Смотрицкій уже навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ православію. Потомокъ княжескаго рода, имѣвшій, конечно, значительныя связи, отлично образованный, Могила и въ санѣ простаго іеромонаха пользовался особеннымъ вліяніемъ на іерархическія дѣла. Не мудрено также, что такой значительный человѣкъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и къ бывшему тогда митрополиту Іову, и къ архимандриту печерской лавры Захарію Копыстенскому. Съ ними-то онъ думалъ думу крѣпкую о бѣдственномъ положеніи Церкви православной; съ ихъ-то благословенія онъ исполнилъ замыселъ, дотолѣ небывалый. Не столько боясь огня и меча враговъ вѣры истинной, сколько зловреднаго и хитро-обольстительнаго ихъ ученія, Петръ Могила рѣшился образовать достойнѣйшихъ имъ соперниковъ. Для этой цѣли, выбравъ нѣсколько молодыхъ людей изъ иноческаго и свѣтскаго званія, онъ отправилъ ихъ на своемъ собственномъ иждивеніи за границу, для усовершенствованія въ высшихъ наукахъ[152].

Между тѣмъ и самъ Петръ Могила не оставался бездѣйственнымъ зрителемъ ожесточенной борьбы уніатовъ съ право-

славными. Подъ именемъ *Филалета* выходили въ свѣтъ сочиненія, въ которыхъ съ необыкновенною силою обличаемы были корыстныя и противныя чистотѣ вѣры побужденія католиковъ къ распространенію уніатства. Этимъ псевдонимомъ пользовался между прочими и Могила, какъ это доказывается позднѣйшими изысканіями[153]. На одно изъ такихъ сочиненій сильно нападалъ въ послѣдствіи времени Смотрицкій, утверждая, что »един»ство это (унія) не послѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока здѣсь бу»дутъ все портить такіе писатели, какъ Стефанъ Зизаній[154], »Христофоръ Филалетъ и Θеофилъ Ортологъ«[155].

По смерти Захаріи Копыстенскаго, Петръ Могила, по общему согласію всей братіи, возведенъ былъ въ санъ архимандрита Кіево-печерской Лавры, на что черезъ три года послѣдовало и благословеніе Кирилла Лукаря, патріарха константинопольскаго, съ пожалованіемъ его въ званіе экзарха патріаршаго престола. Достигнувъ такой высокой степени и полнаго вліянія на училище — любимый предметъ просвѣщенной его заботливости, Петръ Могила съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія изъза границы своихъ питомцевъ. Наконецъ они явились въ 1631 году, обогащенные всякаго рода свѣдѣніями. Замысливъ съ такими сотрудниками совершенное преобразованіе существовавшаго уже училища, Могила писалъ къ Кириллу Лукарю, прося на то его святительскаго благословенія, а чтобы дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ независимо, онъ, съ согласія всей братіи, вознамѣрился открыть новую школу при лаврскомъ больничномъ монастырѣ, снабдивъ ее особою, сообразною съ открывшимися средствами, инструкціей. Въ томъ же году получено было разрѣшительное благословеніе патріарха Кирилла, и Могила немедленно приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана. Въ новоучрежденную школу опредѣлены были заграничные ученые, и школа открыла свои дѣйствія.

Богоявленскому училищу угрожала явная опасность. Съ

устроеніемъ новой школы, оно теряло одного изъ первѣйшихъ своихъ протекторовъ, какими всегда бывали для него архимандриты Кіево-печерской Лавры; братство лишалось важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ членовъ, къ которымъ оно привыкло прибѣгать и за совѣтомъ и за пособіемъ. Скромныя достоинства домашнихъ наставниковъ никакъ не могли идти въ сравненіе съ талантами и ученостію тѣхъ, которые съ заграничнымъ образованіемъ заняли одинаковый съ ними постъ; число учениковъ въ богоявленскомъ училищѣ неизбѣжно должно было уменьшиться, ибо новый фундаторъ обѣщалъ »для нѣкоторыхъ лицъ назначить изъ своей собственности какъ пищу, такъ и одежду на вѣчныя времена по фундушевой записи; обѣщалъ, доколѣ благодать Божія поддержитъ его на семъ свѣтѣ, и сколько дозволятъ его силы и занятія архимандритскія, быть непосредственнымъ опекуномъ и покровителемъ училища, и ни мало не медля, началъ дѣйствовать съ необыкновенной рѣшительностью и горячностью въ пользу задуманнаго дѣла[156]. Такимъ образомъ школа ѳеофановская видимо падала предъ кирилловскою.

Сильно встревожилось этимъ богоявленское братство. Положимъ, что новоучреждаемая школа также могла быть доступна всѣмъ безъ исключенія; положимъ, что она будетъ даже выше и лучше богоявленскоіі: но она не на такомъ удобномъ мѣстѣ[157]; къ ней нужно будетъ пробираться бѣднымъ дѣтямъ тропинками между горъ и лѣсовъ[158], а между тѣмъ всѣ уже облюбили то мѣсто, гдѣ старая школа; да и больно покинуть его, ибо тамъ водрузилъ крестъ первосвятитель іерусалимскаго престола[159].

Немедленно »шляхта, обыватели воеводства кіевскаго и всѣ »сполне (совокупно) уписніе братія церковніи кіевскаго братства »православніи« вошли съ словеснымъ представленіемъ[160] къ Петру Могилѣ, умоляя его отмѣнить свое рѣшеніе и не основывать новой школы въ кіево-печерскомъ монастырѣ. Въ тоже

время они вступили къ митрополиту Исаіи, къ гетману Ивану Петрижицкому и ко всему войску запорожскому, испрашивая ихъ ходатайства въ семъ дѣлѣ. Умаливаемый всѣми, Петръ Могила »латво и невзбороненѣ« — легко и безпрекословно—согласился исполнить желаніе усердныхъ кіевлянъ, и оставивъ мысль объ учрежденіи училища при Кіево-печерской Лаврѣ, соединилъ его съ богоявленскимъ. Въ благодарность за это всѣ члены братства актомъ, состоявшимся 30 декабря 1631 года признали его старшимъ братомъ, пожизненнымъ блюстителемъ какъ школъ, при кіевской братской церкви »отъ себе уфундованныхъ«, такъ и самой церкви и всего при ней монастыря, съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы и пожертвованія, уже сдѣланныя и имѣющія быть, ни на что другое не были обращаемы и употребляемы, какъ только на тужъ кіево-братскую церковь, на монастырь, школы и трудящихся въ нихъ учителей. Впрочемъ составлявшіе актъ выговорили себѣ право избирать изъ среды дворянъ, вписавшихся въ братство, извѣстное число старостъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы они ни въ чемъ не прекословили совѣтамъ и волѣ главнаго лица, но во всемъ бы слушались его, какъ старшаго брата, безъ нарушенія впрочемъ ихъ собственнаго фундуша, пожалованнаго братству іерусалимскимъ патріархомъ[161]. Въ числѣ дальнѣйшихъ условій сего акта поставлялось, чтобы братство подчинено было только константинопольскому патріаршему престолу, и чтобы не было установляемо ничего противнаго Церкви Божіей. Актодатели предваряли также, что Петръ Могила только лично, а не по сану архимандритскому имѣетъ быть пожизненнымъ блюстителемъ, какъ вписной и православный братъ, и что всѣ, избираемыя имъ лица, должны состоять подъ непосредственнымъ благословеніемъ патріарха константинопольскаго и въ подчиненіи уставамъ Церкви восточной; противника же сему терпѣть не должны. Въ случаѣ выбытія Петра Могилы изъ братства, актодатели предоставляли ему право избрать, съ общаго ихъ согласія, на мѣсто себя кого либо способнаго, усерднаго и преданнаго тому святому мѣсту и наукамъ

изъ духовнаго или свѣтскаго сословія. Подъ этимъ актомъ, кромѣ другихъ рукоприкладствъ всего братства, подписались: Исаія Борисковичъ, епископъ луцкій и острожскій, и Авраамій Стагонскій, епископъ туровскій[162]. Почти въ тоже самое время, именно 5 генваря 1632 года, послѣдовала на имя Петра Могилы другая грамата отъ лица митрополита[163], православныхъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ, іереевъ и иноковъ, которые, какъ видно изъ этого акта, предварительно уговоривъ его не заводить новой школы при Лаврѣ, предоставляли всѣ тѣже права, какія изложены въ актѣ Кіево-подолянъ. Здѣсь впрочемъ избраніе преемника Петру Могилѣ ограничено нѣсколько испрошеніемъ на то митрополитскаго благословенія, и сверхъ того требовалось, чтобы на возглашеніяхъ и ектеніяхъ было поминаемо имя митрополита по тому уваженію, что »яко съ початку, говоритъ Исаія Купинскій, »за стараньемъ нашимъ, такъ и теперь за благословеніемъ тое »мѣстце святое фундоватися маетъ«[164].

Тѣже самыя права утверждены были за Петромъ Могилой и граматою гетмана Ивана Петрижицкаго, эсауловъ, полковниковъ и всего войска запорожскаго, послѣдовавшею 12 марта 1632 года. Утверждая за фундаторомъ извѣстныя привиллегіи, актодатели обѣщались церковь монастырскую, школы, богадѣльню и все къ нимъ относящееся имѣть подъ своей защитою отъ всякихъ »непріятелей, противностей и перешкодъ моцно боро»нити, заступати и за нихъ до смерти своей заставлятися«[165]. Подъ этой граматой, отъ имени двухъ гетмановъ Ивана Петрижицкаго и Андрея Гавриловича, подписался писарь войска запорожскаго Савва Гробневскій[166]. Въ послѣдствіи времени актъ этотъ былъ утвержденъ Богданомъ и Юріемъ Хмѣльницкими, которые подписались »власною рукою, не уймуючи нічого тыхъ правъ и наданья войскового«[167].

Еще до полученія сихъ двухъ послѣднихъ граматъ Петръ

Могила согласился исполнить общее желаніе, и 11 марта 1631 года внесъ имя свое въ братскій упись, какъ »старшій братъ, опекунъ и фундаторъ того святаго братства«[168]. Такимъ образомъ опасность, угрожавшая богоявленскому училищу, была отвращена усердіемъ Кіево-подолянъ, ходатайствомъ христолюбивыхъ защитниковъ Малороссіи и архипастырскимъ благословеніемъ маститаго первостоятеля кіевской іерархіи.

Въ томъ же году (1631 декабря 10) Петръ Могила началъ постройку каменнаго зданія, назначаемаго собственно для аудиторій[169], и въ тоже время перевезъ нѣсколько деревянныхъ срубовъ изъ больничнаго лаврскаго монастыря, при которомъ онъ прежде думалъ основать свое училище. Изъ нихъ воздвигнуты были зданія для помѣщенія учащихъ и учащихся, а въ странноприемномъ братскомъ домѣ заведена для приходящихъ бѣдныхъ учениковъ особая бурса[170]. Все это—какъ постройку зданій, такъ и содержаніе наставниковъ и школьниковъ—Петръ Могила принялъ на свое собственное иждивеніе. Состоя между тѣмъ архимандритомъ Кіево-печерской Лавры, онъ отдалъ въ трехъ-лѣтнюю поссессію богоявленскому училищу изъ лаврскихъ вотчинъ волость Винницкую, село Гнѣдинъ и двѣ деревни—Процевъ и Ревное.

Въ это время, по случаю кончины польскаго короля Сигизмунда III (30 апрѣля 1632 года), составился въ Краковѣ сеймъ для избранія ему преемника, куда приглашены были и всѣ чины духовные и свѣтскіе. Митрополитъ Исаія Копинскій, обремененный немощами и старостію, не могъ самъ туда отправиться, и по совѣту всего кіевскаго духовенства отпустилъ на сеймъ Петра Могилу, въ качествѣ своего представителя. Лучше этого выбора на этотъ случай нельзя было сдѣлать, и самъ митрополитъ Исаія никогда бы не достигъ того, что сдѣлалъ Могила. Немедленно по прибытіи своемъ въ Краковъ, онъ

отъ лица сопровождавшаго его духовенства и дворянъ отозвался, что всѣ они до тѣхъ поръ ни къ чему не приступятъ, пока, по силѣ инструкціи, данной имъ отъ всего народа, не истребуютъ у сейма, чтобы всѣ епископства и прочія церковныя достоинства, вмѣстѣ съ имѣніями, отобраны были отъ уніатовъ, и возвращены православнымъ. Такое настоятельное требованіе сильно изумило членовъ сейма; но не желая останавливать чрезъ это открытія засѣданій и терять время въ спорѣ о постороннемъ вопросѣ, королевичъ Владиславъ съ сенатомъ принялъ предложеніе Петра Могилы. Видя это, митрополитъ уніатскій Велямин Рутскій началъ было защищать права своихъ единовѣрцевъ: но замѣтивъ неуспѣхъ, старался всѣми силами по крайней мѣрѣ отложить на дальнѣйшее время исполненіе этого проэкта. Петръ Могила между тѣмъ дѣйствовалъ неусыпно; несогласія возрастали и грозили подавить собою единодушіе, такъ необходимое при рѣшеніи важнѣйшаго государственнаго дѣла — избранія на престолъ преемника Сигизмунду III. Кончилось тѣмъ, что самъ Рутскій долженъ былъ подписать актъ соглашенія, по которому, между прочимъ, седьмымъ пунктомъ дозволялось братствамъ свободное распоряженіе школами, семинаріями и богадѣльнями. Актъ этотъ утвержденъ былъ печатями королевича и митрополита Велямина-Рутскаго, и для большаго уваженія упомянуто объ немъ въ конвокаціонныхъ актахъ, а для всеобщаго свѣдѣнія списки съ него разосланы были по всѣмъ сеймикамъ, не смотря на несогласіе папскаго нунція и даже самаго папы.

При всемъ томъ договоръ этотъ далеко былъ не таковъ, какого хотѣли Русскіе. Первоначальная уступка придала имъ смѣлости, а тревожная пора позволяла имъ ожидать непремѣннаго успѣха отъ своей настойчивости. Взоры всѣхъ обращены были на Петра Могилу, который больше прочихъ противился принятію этого акта, и тайно разсылалъ по всѣмъ воеводствамъ письма, совѣтуя не принимать уже написанныхъ условій, а до-

жидаться окончанія начатаго дѣла. Между тѣмъ, въ намѣреніи усилить свою партію, онъ приглашалъ какъ можно болѣе обывателей изъ всѣхъ воеводствъ, и пріѣзжавшихъ уговаривалъ твердо стоять на своемъ и ни на шагъ не уступать католикамъ и уніатамъ[171]. Начались споры, самые шумные; нѣкоторые члены сената и рыцарства горячо отстаивали уніатовъ: но противъ всѣхъ ихъ стоялъ Петръ Могила, котораго не такъ легко было побороть. Назначили особую коммиссію для рѣшенія этого вопроса: но и коммиссія ничего не сдѣлала. Тогда дѣло предоставили рѣшенію королевича Владислава и его совѣта. По разсмотрѣніи всѣхъ правъ, какими издревле пользовались православные, и какія предвосхищены потомъ уніатами, наконецъ состоялся приговоръ со взаимными уступками съ той и другой изъ тяжущихся сторонъ. Но ни православные, ни уніаты не остались этимъ довольны. Первые, полагаясь на свою многочисленность и значительность вліянія на избирательный сеймъ, надѣялись непремѣнно поправить дѣло, а послѣдніе, чувствуя себя оскорбленными, пустились въ жалобы, и немедленно отнеслись съ этимъ къ папскому нунціо и самому папѣ. Само собою, что подобный поступокъ уніатовъ при настоящихъ обстоятельствахъ былъ крайне не дипломатиченъ. Противники Петра Могилы, умнаго, твердаго и дальновиднаго защитника праваго дѣла, должны были проиграть,—и проиграли. Не смотря на всѣ протесты католическаго и уніатскаго духовенства, православные получили отъ Владислава дипломъ, которымъ подтверждалось между прочимъ свободное исповѣданіе вѣры, совершеніе таинствъ, позволеніе починять церкви и строить новыя, заводить при церквахъ и монастыряхъ братства, богадѣльни, школы, семинаріи и типографіи; повелѣно всѣ споры и распри о вѣрѣ прекратить, и всѣ приговоры, прежними сеймами противъ диссидентовъ сдѣланные, уничтожить, и впредь жить всѣмъ въ покоѣ безъ притѣсненія другъ друга. По силѣ этой привиллегіи подтверждено было право русскому православному духовенству, дворянству и всему православному народу въ Литвѣ

и Польшѣ избирать себѣ православнаго митрополита, и посвящаться ему отъ константинопольскаго патріарха, по привиллегіямъ, даннымъ отъ прежнихъ королей; каѳедральный софійскій монастырь съ своимъ соборомъ снова поступилъ въ вѣдомство православнаго митрополита, исключая вотчинъ онаго, имѣющихъ оставаться въ дожизненномъ владѣніи уніатскаго митрополита Велямина-Рутскаго, съ предоставленіемъ въ управленіе его и Выдубицкаго монастыря. Всѣ кіевскіе монастыри переданы въ вѣдѣніе православнаго кіевскаго митрополита и проч.[172] Постановленія сіи, не смотря на протесты уніатовъ, утверждены королемъ и сеймомъ 1 ноября 1632 года.

Вотъ что сдѣлалъ одинъ человѣкъ, обладавшій несокрушимою силою воли, гибкимъ умомъ и знаніемъ дипломатическаго дѣла! Княжичъ по происхожденію, мало имѣвшій себѣ соперниковъ по воспитанію, образецъ по ревности къ вѣрѣ и православію,—одинъ только Могила могъ въ то время такъ неутомимо бороться, и такъ побѣдоносно выйти изъ такой неравной борьбы.

Но ему предстояла другая забота. Мало — пріобрѣсти; нужно было подумать о томъ, какъ сохранить пріобрѣтенное. Петру Могилѣ очень хорошо было извѣстно, что іезуиты и уніаты не отдадутъ безпрекословно того, что они уже привыкли считать своею собственностью, что съ ними надо будетъ дѣйствовать энергически, не давая имъ опомниться отъ такого удара, что медленность и нерѣшительность въ этихъ обстоятельствахъ могутъ быть причиною еще тягчайшихъ бѣдствій и гоненій на православіе. Съ другой стороны онъ видѣлъ, что жезлъ кіевской іерархіи въ дряхлыхъ уже рукахъ, что митрополитъ Исаія не выдержитъ ожидаемаго напора со стороны на время только обезсиленныхъ враговъ Церкви восточной. Поставляя все это на видъ православнымъ, собравшимся на сеймъ,

Могила просилъ серьезно заняться обезпеченіемъ того, что пріобрѣтено его собственными трудами. Само собою разумѣется, что всѣ лучшія надежды православныхъ сосредоточивались на самомъ Могилѣ; собравшіеся на сеймъ единодушно предложили ему жезлъ кіевской митрополіи, не смотря на то, что Исаія Копинскій находился еще въ живыхъ. Странно было бы въ такомъ важномъ случаѣ прибѣгать къ лицемѣрнымъ отказамъ, и встанцивши тяжесть до половины крутой горы, оставить, чтобы она потомъ скатилась внизъ. Могила не могъ не видѣть, что соглашаясь на предлагаемый ему престолъ, онъ оказывается нѣкоторымъ образомъ неблагодарнымъ къ своему ближайшему благодѣтелю, что дѣло это можетъ лечь пятномъ на его достославную память: но въ дѣлѣ великомъ умиротворенія напаствуемой Церкви и обороны ея интересовъ, онъ рѣшился пожертвовать своею личною безукоризненностью, и принялъ жезлъ архипастырскій.

А съ другой стороны, не благословилъ ли его на это и самъ Копинскій? Быстрое возвышеніе Петра Могилы по степенямъ іерархическимъ, предоставленіе ему исключительнаго права быть опекуномъ братскаго училища, избраніе и посольство вмѣсто себя на конвокаціонный сеймъ, рѣшительныя и настойчивыя дѣйствія Могилы въ пользу кіевской митрополіи и епархій, зависѣвшихъ отъ нея, — все это такія обстоятельства, которыя рѣшительно заставляютъ думать, что Исаія собственными руками отдавалъ ему жезлъ архипастырства. И въ пору крѣпости и силы онъ не могъ долго нести бремя общественнаго служенія, пробывъ только одинъ годъ блюстителемъ школы, и потомъ снова обратившись въ свои любимыя пещеры препод. Антонія: мудрено ли же, что теперь — дряхлый и немощный, постоянно обуреваемый напастями, противъ которыхъ стоять съ твердостію, приличною столь высокому посту, ему ужъ было не по силамъ, — мудрено ли, что передъ отправленіемъ Могилы на сеймъ, благочестивый старецъ самъ благословилъ его искать

себѣ первосвятительскаго мѣста? Не сказывая никому объ этомъ, Могила дѣйствовалъ въ пользу Церкви, дабы заслужить право быть архипастыремъ ея; потомъ уже, когда дѣйствія его увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, онъ заговорилъ и объ обезпеченіи плодовъ своей ревности на будущее время. Тайны тутъ не было никакой; предложеніе сана митрополитскаго сдѣлано было ему гласно, и быть не можетъ, чтобы кто либо изъ знавшихъ объ этомъ не потрудился донести обо всемъ здѣсь происходившемъ Купинскому. Будь же это избраніе Могилы не по мысли Исаіи, онъ успѣлъ бы предупредить исполненіе затѣяннаго дѣла, продолжавшагося почти годъ, и не преминулъ бы писать объ этомъ и къ православнымъ, бывшимъ на сеймѣ, и къ подвѣдомственнымъ ему епископамъ и даже къ самому королю; наконецъ хоть кто нибудь отозвался бы словомъ несогласія, когда Могила объявлялъ себя кіевскимъ митрополитомъ; а мы не видимъ ни протеста, ни жалобы. По прибытіи новаго митрополита, Исаія спокойно и благодушно сходитъ съ утомившаго его поприща, конечно, благословляя въ душѣ сильнаго умомъ и волею мужа, подъявшаго тяжкое бремя на рамена свои.

Наконецъ что могло заставить Петра Могилу прибѣгать къ такому неблаговидному поступку? Желаніе почестей? Но онъ и безъ того былъ осыпанъ ими. Жезлъ первосвятительства кіевскаго? Но комужъ не было видно, что онъ непремѣнно и скоро перейдетъ въ руки сего достойнѣйшаго мужа? Да и могъ ли такой глубокій дипломатъ и политикъ, какимъ является Петръ Могила, рѣшиться на дѣло, ближайшимъ исходомъ котораго была оппозиція, смятеніе въ цѣлой іерархіи и наконецъ неудача? Если даже предположить въ такомъ человѣкѣ ненасытимую жажду честолюбія, то и тутъ не было никакой надобности прибѣгать къ поступку, который въ политическомъ отношеніи могъ быть болѣе чѣмъ преступленіемъ, — ошибкою. Подождать годъ—другой, и желаемая цѣль была бы достигнута.

Купинскій былъ дряхлъ, немощенъ и видимо клонился къ могилѣ, въ которую и сошелъ менѣе чѣмъ черезъ годъ по оставленіи первосвятительскаго поста. Но кто же осмѣлится въ Петрѣ Могилѣ, въ высшей степени безкорыстномъ, честномъ и благородномъ, противъ котораго даже самые враги не находили что сказать, предполагать такія жалкія, близорукія и нечистыя побужденія? Если іезуиты, такъ всегда склонные къ клеветѣ, во время своего нападенія на коллегію, не поставили фундатору ея—Могилѣ въ вину предвосхищеніе митрополитскаго престола, и только обвиняли его въ мнимомъ неправославіи: то не явный ли это знакъ того, что дѣло Могилы было чисто и право? Слишкомъ много данныхъ предоставилъ намъ Могила всею своею жизнію, чтобы поступокъ его съ Купинскимъ можно было считать пятномъ, лежащимъ на его достоуважаемомъ имени.

Характеръ митрополита Исаіи является въ этомъ случаѣ во всемъ блескѣ христіанскихъ добродѣтелей. Сознавъ себя немощнымъ въ дѣлѣ многосложнаго управленія тогдашней іерархіей, онъ поставилъ себя выше всякаго самолюбія, такъ къ несчастію, сроднаго человѣку; а избравъ въ лицѣ Петра Могилы преемника себѣ, онъ показалъ тѣмъ мудрость и умѣнье найти и отличить достойнаго человѣка.

Согласившись на желаніе православныхъ, Петръ Могила обратился съ представленіемъ объ этомъ къ королю. Съ этой стороны остановки не было; Могила немедленно получилъ грамату. Но чтобы поступкомъ своимъ не произвести какого либо смятенія между православными, остававшимися въ Кіевѣ, онъ отправилъ въ Константинополь ректора кіевскихъ школъ Исаію Трофимовича для полученія отъ патріарха благословенія на посвященіе свое въ митрополиты. Бывшій тогда на патріаршемъ престолѣ Кириллъ Контарино, безъ всякаго съ своей стороны прекословія, изъявилъ согласіе. Чтобы придать болѣе силы и

важности сему дѣлу, новонареченный митрополитъ, уже имѣвшій на своей сторонѣ избранныхъ людей отъ кіевскаго братства, отправился въ г. Львовъ, и тамъ при братскомъ ставропигіальномъ монастырѣ Успенія пресв. Богородицы, среди ученыхъ братій, сталъ ожидать прибытія депутатовъ отъ луцкаго братства[173]. Оградивъ такимъ образомъ избраніе свое всѣми законными формальностями, и пріобрѣтши въ лицѣ всѣхъ современныхъ ученыхъ наличныхъ свидѣтелей, Петръ Могила вызвалъ во Львовъ валашскаго митрополита съ епископами и принялъ отъ него посвященіе 1633 года на Ѳоминой недѣлѣ[174].

Послѣ этого Петръ Могила снова воротился въ Краковъ и присутствовалъ при коронаціи короля Владислава IV, послѣдовавшей 6 февраля того же года. И въ эту торжественную пору Могила не терялъ изъ виду своего возлюбленнаго училища. Испросивъ себѣ позволеніе и въ санѣ митрополита оставаться архимандритомъ Кіево-печерской Лавры, а также и Никольскаго монастыря блюстителемъ, Могила началъ ходатайствовать о дозволеніи преобразовать кіево-братскія богоявленскія школы въ православную академію. Но сколь легко достигъ онъ утвержденія первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять послѣднее требованіе. Особенно непріятно это было католическому духовенству и уніатскому: ибо оно ясно видѣло, что заведеніемъ первокласнаго училища готовится неизбѣжный подрывъ всему тому, что воздвигали они столько лѣтъ и съ такими непріятностями и трудами. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ чиновъ сейма рѣшительно отвергли просьбу Петра Могилы: но когда Владиславъ IV, по неотступному его ходатайству, изъявилъ твердую свою волю о преобразованіи кіево-братскаго училища; тогда заспорили о переименованіи его въ академію. Могила уже не счелъ нужнымъ гнаться за именемъ, когда самое дѣло было сдѣлано, и 14 марта 1633 года получилъ желаемую привиллегію на образованіе *коллегіи*[175]. Не смотря однакожъ на то, что грамата эта написана была въ самомъ о-

ограниченномъ смыслѣ, коронный великій канцлеръ Жадзикъ, епископъ хелмскій, и подканцлеръ коронный Ѳома Замойскій не захотѣли приложить къ ней своихъ печатей[176].

Въ 1633 году Петръ Могила возвратился въ Кіевъ и объявилъ себя митрополитомъ. Престарѣлый Исаія Копинскій немедленно переѣхалъ изъ Михайловскаго монастыря въ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ 1634 года и скончался[177].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПЕТРЪ МОГИЛА.

Война между Польшею и Великой Россіей. Уніаты снова поднимаются противъ православныхъ. Могила возвращаетъ и возобновляетъ Софійскій соборъ. Занятія его по училищу. Преобразованіе школы. Пожертвованія Могилы и прочаго братства. Интриги іезуитовъ. Возстаніе кіевлянъ на братскую школу. Апологія Коссова. Кіевляне успокоены. Костелъ доминиканскій. Уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ. Грамата Владислава IV богоявленскому училищу. Угнѣтеніе Малороссіи. Козацкія войны. Новые происки іезуитовъ. Безмятежность кіево-братскаго училища. Обезпеченіе его въ содержаніи. Распредѣленіе классовъ. Классы низшіе. Классы средніе. Пінтика и реторика. Діалектика. Любовь воспитанниковъ къ словеснымъ наукамъ. Классы высшіе. Философія. Холодность воспитанниковъ къ этой наукѣ. Другія науки, входившія въ классъ философскій. Богословіе. Причины цвѣтущаго его состоянія. Руководства по богословію. Гомилетика. Великая и малая инструкція. Преподаваніе языка латинскаго. Авдиторы. Нотаты. Субботки. Экзерциціи и оккупаціи. Соревнованіе учениковъ. Calculum. Языкъ славянскій. Бѣдность преподаванія его въ коллегіи. Теоретическое изученіе и филологическая разработка русскаго слова. Граматика львовская. Граматика Зизанія. Граматика Смотрицкаго. Словарь Зизанія. Памва Берында и словарь его. Преподаваніе греческаго языка. Польскій языкъ. Начальствующія лица въ коллегіи. Ректоръ и обязанности его. Префектъ. Суперъ-интендентъ. Визитаторы. Сеніоры. Директоръ. Цензоры. Magistri sodalium. Инспекторы. Калефакторы. Студенты и ученики. Наименованіе кіевскаго училища коллегіей. Патріотическое слово Петра Могилы и слѣдствіе того для коллегіи. Завѣщаніе Петра Могилы. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. 31 декабря. Послѣднее слово о Могилѣ. Состояніе коллегіи послѣ Петра Могилы. Ректоры коллегіи: Трофимовичъ Исаія. Початскій Софроній. Оксеновичъ Игнатій. Кононовичъ Іосифъ. Гизель Иннокентій. Наставники: Галятовскій Іоаннікій. Славенецкій Епифаній. Сатановскій Арсеній. Замѣчательные воспитанники: Баганевичъ Лазарь. Домецкій Гавріилъ. Іовлевичъ Игнатій. Радивиловскій Антоній. Савеловъ Іоакимъ. Софоновичъ Ѳеодосій.

1633—1647.

Въ первый годъ вступленія Петра Могилы на кіевскую митрополію возгорѣлась война между Польшею и Великой Россіей. Оскорбляемый явною непріязнію Поляковъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ выслалъ противъ нихъ огромное войско, снабдивъ его всякими боевыми снарядами и назначивъ главнымъ полко-

водцемъ воеводу, боярина Шеина. Но походъ этотъ кончился весьма неудачно: при заключеніи мира Русскіе должны были уступить Полякамъ Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Смоленскъ[178].

Пользуясь такимъ неблагопріятнымъ для нашего отечества оборотомъ дѣлъ, и выставляя на видъ сочувствіе Малороссіянъ къ общему дѣлу всей Россіи, митрополитъ уніатскій Веляминъ-Рутскій сильно началъ настаивать на то, чтобы отнять у Петра Могилы кіевскую митрополію: но благодаря твердости короля Владислава IV и зоркой блюстительности Могилы, опасность эта была отвращена. Мало того, конституціею 1635 года подтверждены вновь привилегіи православныхъ.

Не медля ни мало, митрополитъ Петръ Могила отобралъ отъ уніатовъ и соборъ и монастырь Софійскій. Враги православія, зная напередъ, что они недолговѣчные тутъ хозяева, спѣшили сколько можно воспользоваться вотчинами и сокровищами софійскими, и самый храмъ до того ободрали, повредили и опустошили, что пастырю-возобновителю стоило большихъ трудовъ и издержекъ очистить только его отъ развалинъ и кучи сору и щебня. Опасаясь за прочность вѣковѣчныхъ стѣнъ, подточенныхъ невѣжественною злобою изувѣровъ, Петръ Могила велѣлъ наложить съ боковъ надъ нижними боковыми присѣнками вровень съ Ярославовою церковью по двѣ верхнія галлереи, а западный присѣнокъ остался крыльцомъ. Кромѣ этого, до самаго верха придѣланныхъ галлерей подведены контрфорсы или быки. Такимъ образомъ древняя Ярославова церковь скрылась въ этихъ прибавленіяхъ; но крайней мѣрѣ она хранится въ нихъ въ цѣлости, какъ драгоцѣнный перлъ въ ковчегѣ.

На Могилѣ предлежалъ важнѣйшій трудъ возобновить древній порядокъ церковныхъ чиноположеній и обрядовъ по всей православной іерархіи. Уніаты коснулись нечистой своей ру-

кой и этой святыни; они даже постарались истребить изъ памяти тотъ уставъ церковный, какого держался Кіевъ[179]. Для возобновленія православной обрядности во всей ея чистотѣ, Могила издалъ прежде всего церковный служебникъ и наконецъ полный требникъ,— плодъ неусыпной своей заботливости о благосостояніи Церкви православной.

Исправивъ такимъ образомъ собственно по кіевской іерархіи самое необходимое, Могила обратился къ кіево-братскому училищу. Онъ подарилъ ему съ перваго раза хуторъ Позняковщину, и потомъ занялся внутреннимъ его преобразованіемъ. Подчинивъ своей власти заведенный имъ въ эту пору братскій коллегіатскій монастырь[180], Могила, слѣдуя примѣру академіи краковской, открылъ въ своей школѣ полный курсъ наукъ словесныхъ, начиная съ нижнихъ классовъ до философіи и богословія, завелъ библіотеку и типографію, которая впрочемъ недолго тамъ существовала, а была соединена съ лаврскою. Вмѣстѣ съ этимъ кіево-братская школа была переименована въ *коллегію*, и возведена на степень первоклассныхъ училищъ, а для приготовленія учениковъ въ новообразованную коллегію, Петръ Могила основалъ особую школу въ Виницѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ прежде Лаврѣ.

Воспитанники училищъ были раздѣлены на два разряда: высшій и низшій. Къ первому принадлежали студенты богословія и философіи, называвшіеся sodales Majoris Congregationis, ко второму ученики реторики и низшихъ классовъ, носившіе наименованіе sodales Minoris Congregationis. Съ этимъ вмѣстѣ построена и конгрегаціонная училищная церковь во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба[181]. Въ настоятели этой церкви назначенъ былъ іеромонахъ, обыкновенно бывшій учителемъ реторики, который потому назывался Pater Congregationis. Впрочемъ для служенія, происходившаго здѣсь только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, опредѣленъ былъ особый изъ

учителей же священникъ бѣлаго духовенства, который бывалъ и духовникомъ воспитанниковъ, напутствовалъ больныхъ таинствами и погребалъ умершихъ.

Обновляемая внутри, кіевская коллегія видѣла умноженіе своего благосостоянія и съ внѣшней стороны. Гетманъ Петрижицкій и все кіевское дворянство, въ самый годъ прибытія Петра Могилы на митрополію, дали училищу въ вѣчное владѣніе сельцо Борщаговку. Въ 1632 году оно получило отъ нѣкоего Криштофа Сулимовскаго дворовое мѣсто[182], да по духовной записи мѣщанина Семена Татарина дворъ со строеніемъ на криницкой землѣ. Привиллегіею Владислава, короля польскаго, пожалованною 1636 года, позволено братству провести трубами воду въ монастырь, а по данной Ѳедора Семенова 1643 года, коллегія пріобрѣла дворовое мѣсто на Подолѣ[183].

Такое возвышеніе кіевской коллегіи не могло быть пріятно іезуитамъ и монахамъ другихъ орденовъ, основавшимъ еще прежде того свои училища. Отчаявшись побѣдить коллегію открытою силою, они рѣшились прибѣгнуть къ злобной хитрости. Изъ подъ руки стали они распускать слухи, что вновь сформированная коллегія отнюдь не есть православное училище, что самъ Петръ Могила есть не русскій, а какой-то злонамѣренный выходецъ, что онъ нарочно, для развращенія простаго народа, посылалъ за границу молодыхъ людей, которые, воротившись оттуда аріанами, кальвинистами и лютеранами, нынѣ въ качествѣ наставниковъ юношества распространяютъ ученіе, совершенно противное православію. Такіе толки расходились въ народѣ съ необыкновенною быстротою. Преподаваніе наукъ на языкѣ латинскомъ служило какъ бы подтвержденіемъ клеветы, распускаемой іезуитами и ихъ клевретами. Простодушные кіевляне начали уже неблагосклонно смотрѣть на коллегію, и воспитанниковъ ея величали бранчивымъ названіемъ латинниковъ и уніатовъ. Поджигаемые католическимъ духо-

венствомъ, они требовали, что если ужь нельзя обойтись безъ иностраннаго языка, то чтобы вмѣсто латинскаго введенъ былъ греческій, и наконецъ стали приступать съ угрозами къ стѣнамъ самой коллегіи. Около 1634 года волненіе это достигло высшей степени; толпами стекались козаки, подущаемые нѣкоторыми неученными священниками изъ православныхъ, и требовали немедленнаго прекращенія ученія, угрожая въ противномъ случаѣ убить и Петра Могилу и всѣхъ коллегіальныхъ учителей. Коссовъ, на первой страницѣ своей апологіи, пишетъ, что наставники однажды уже приготовились исповѣдію къ смерти. »Это было такое время, говоритъ онъ, когда мы, исповѣдавшись, ежеминутно ожидали, что шляхта вздумаетъ начинять нами днѣпровскихъ осетровъ, или когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ«. Едва кое-какъ могли образумить бунтовщиковъ. Сильвестръ Коссовъ, бывшій на ту пору префектомъ коллегіи и лично защищавшій ее словомъ убѣжденія отъ нападеній неблагоразумныхъ ревнителей чистоты вѣры, написалъ въ послѣдствіи апологію[181], въ которой, изъяснивъ различіе догматовъ аріянскихъ, кальвинскихъ и лютеранскихъ отъ православныхъ греко-россійскихъ, увѣряетъ, что преподаватели коллегіи совершенно далеки отъ всего, что противно вѣрѣ истинной, и хотя они сами и обучались въ иностранныхъ академіяхъ, но всѣ истинно православные и всегда твердо стоятъ въ томъ. Что касается до преподаванія наукъ на языкѣ латинскомъ и вообще до латини: то »самая главная необходимость, »говоритъ Коссовъ, въ латинскихъ школахъ та, чтобы бѣдной »Руси нашей не называли глупой Русью. А то поѣдетъ бѣд»няга Русинъ на трибуналъ, на сеймъ или на сеймикъ въ у»ѣздный городской судъ или земскій, смотришь — bez łaciny »płaci winy (безъ латини безъ вины виноватъ): ни судьи, ни »стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то »на другаго, вытаращивъ глаза, какъ ворона«. Притомъ, доказываетъ Коссовъ, по привиллегіи короля Сигизмунда III, полатинѣ обучали и въ львовскомъ и въ виленскомъ православ-

номъ училищѣ, и однакожъ никто не ставилъ имъ этого въ упрекъ и поношеніе. А что теперь въ кіевскихъ школахъ преподаваніе наукъ обширнѣе, то за это надо благодарить Бога, ибо теперешнее русское юношество уже не имѣетъ надобности ѣздить за образованіемъ въ какой нибудь Ингольштадтъ или Ольмюцъ; все то можно пріобрѣсти нынѣ дома. »Ты же, заключаетъ »свою апологію Коссовъ, исполненный святыни народъ Русскій, »при иныхъ, издавна принадлежащихъ тебѣ, правахъ, прежде »помазанниками Божіими преемственно тебѣ дарованныхъ, и »нынѣ умиленнѣйше проси, какъ милости, чтобы тебѣ не воз»браняли сей манны свободныхъ наукъ, а чтобы удовлетворяя »твоей настоятельной потребности, позволяли источнику обще»полезныхъ музъ разливаться у тебя океаномъ, при содѣйствіи »твоихъ же братій, утвержденныхъ въ древней твоей вѣрѣ. Ибо »тогда только церкви твои наполнятся священниками просвѣ»щенными и богобоязненными; каѳедры твои процвѣтутъ про»повѣдниками краснорѣчивыми; потомки твои, утвержденные »въ отеческой вѣрѣ и украшенные витійствомъ, философіею, »законовѣденіемъ, прославятся мнѣніями, сужденіями, доводами »на вольныхъ сеймахъ, на трибуналахъ и земскихъ судахъ; »твои ходатаи по дѣламъ не преминутъ искать справедливости »у судовъ, какіе бы они ни были, и неусыпно станутъ оберегать права твои. Мы же, ради ихъ и ради тебя и ради клеветника, завистливо расточающаго клеветы на насъ, почитаемъ »себя обязанными молить Всевышняго, да благословитъ Онъ »даровать нашей Сусаннѣ своихъ Даніиловъ«.

Къ счастію, невольное ослѣпленіе кіевлянъ продолжалось не долго. Они увидѣли, кому служили орудіемъ, и не только не мѣшали дѣтямъ своимъ поступать въ эти Horrea Apollinea, но еще усилили и свою собственную ревность различными приношеніями. »По благословенію Всевѣдущаго, говоритъ Коссовъ, »ихъ милости господа обыватели города Кіева и другихъ удѣ»ловъ стали не только наполнять наши Horrea Apollinea дѣтьми

»своими, какъ муравьями, гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ »прежде, при нашихъ предшественникахъ: но и титуловать оныя »Геликономъ, Парнассомъ и хвалиться ими«.

Не смотря однакожъ на всю энергію, съ какою Петръ Могила приступилъ къ очищенію своей паствы отъ католицизма и уніатства, онъ ни какъ не могъ совладать съ орденами монаховъ, вездѣ, гдѣ только можно, утверждавшихъ свои приходы и капитулы. Въ самомъ Кіевѣ Доминикане въ 1640 году построили на Подолѣ новый великолѣпный Никольскій монастырь[185], въ которомъ генералъ-викарій русской доминиканской провинціи Іеронимъ Грабовъ-Гроховскій открылъ тогда же и капитулъ свой[186]. Намѣстникъ Велямина-Рутскаго новый уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ, не смотря на безспорный смыслъ королевской граматы, вздумалъ отстаивать и укрѣплять за собою дожизненныя права своего предмѣстника: но Петръ Могила не допустилъ его до этого, и въ туже пору назначилъ Выдубицкій монастырь своему коадьютору, котораго впрочемъ не имѣлъ. Неусыпно радѣя о пользахъ богоявленскаго монастыря, Могила внушилъ бывшему тогда игумену онаго и ректору коллегіи Игнатію Оксеновичу-Старушичу ходатайствовать у короля о предоставленіи братству во владѣніе двухъ кіевскихъ церквей, Трехъ-святительской и Кресто-воздвиженской[187], остававшихся долгое время въ запустѣніи и потомъ перешедшихъ въ собственность частныхъ лицъ. Просьба эта имѣла успѣхъ, и королевскою грамотою 1640 года богоявленскій игуменъ и братія его введены во владѣніе упомянутыми церквами со всѣми дворами, оброчными людьми, строеніями, грунтами, полями, сѣнокосами, пастьбищами, озерами, прудами, садками и всякимъ инымъ имуществомъ и доходами, издревле принадлежавшими тѣмъ церквамъ[188]. Все это подтверждено было въ послѣдствіи времени (1650 г.) и граматою короля Яна Казиміра.

Но что значили всѣ королевскія привиллегіи, всѣ акты и

договоры для народа, которымъ управляли нѣсколько своевольныхъ магнатовъ, котораго совѣсть убаюкивала іезуитская логика, въ основѣ своей имѣвшая *честную ложь* (pia fraus)! Ставя собственный произволъ себѣ закономъ, королевскіе чиновники притѣсняли всякаго, не принадлежавшаго къ церкви католической, въ полномъ убѣжденіи, что они, если нужно, всегда найдутъ защиту въ высшихъ сановникахъ, постоянно окруженныхъ послѣдователями Лойолы. Малороссіяне взялись за оружіе. Несчастная для нихъ битва подъ Кумейками была началомъ бѣдствій, едва прекращенныхъ граматой Владислава IV. Сеймъ 1637 года уничтожилъ всѣ прежнія преимущества и привиллегіи, отнялъ право свободнаго избиранія и сравнялъ регистроваго козака съ холопомъ. Іезуиты и уніаты ободрились, и стали настоятельнѣе дѣйствовать подъ защитой польскаго оружія и подъ предлогомъ искорененія мнимыхъ мятежниковъ королевской власти. Напрасно честный и великодушный Владиславъ IV старался оградить конституціонными граматами гонимыхъ сыновъ Церкви восточной[189]; напрасно выставлялъ онъ на видъ членовъ сейма страшный вредъ для самаго государства, происходящій отъ такихъ кровопролитій: ожесточенные магнаты ничего не слушали, и вносили огнь и мечъ въ бѣдствующую Украйну. Самый Кіевъ подвергался болѣе или менѣе жестокимъ опустошеніямъ, и только крѣпкая рука Петра Могилы могла удержать іезуитовъ и уніатовъ отъ неоднократныхъ покушеній на Софійскій и Михайловскій храмы; только имя его одного еще держало въ границахъ нѣкоторой умѣренности враговъ кіевской коллегіи. Все прочее подвергалось грабежу и разоренію. Толпы вооруженныхъ Поляковъ безпрепятственно расхаживали по узкимъ улицамъ первобытной столицы Руси святой, и считали себѣ все позволеннымъ, не уважая ни святыни, ни пола, ни возраста. Подолъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ съ такими же башнями, и окопанный ничтожнымъ рвомъ, представлялъ самую жалкую защиту для жителей, которыхъ въ обѣихъ частяхъ Кіева было всего отъ пяти до шести

тысячъ. Бопланъ пишетъ, что въ его время (около 1646 года) во всемъ Кіевѣ насчитывалось не болѣе десяти православныхъ церквей, да и то полуразрушенныхъ и ограбленныхъ[190].

По истинѣ удивительно, какъ въ такое бурное время Петръ Могила могъ удержать свою коллегію въ возможно-цвѣтущемъ состояніи! Все вокругъ волновалось и кипѣло, а въ стѣнахъ богоявленскаго братства была тишина и спокойствіе, да слышался голосъ педагога, внушавшаго юному поколѣнію »належныя науки къ цвѣченю побожнаго живота«.

Обезпеченная въ содержаніи капиталами, щедро отпускаемыми привиллегированнымъ опекуномъ своимъ, и доходами отъ селъ, деревень и дворовыхъ мѣстъ, коллегія кіевская при Петрѣ Могилѣ не имѣла большой надобности въ тѣхъ пособіяхъ, къ которымъ въ послѣдствіи принуждена она была прибѣгать. Хотя Петръ Могила и учредилъ такъ называемыя *конгрегаціи*, имѣвшія цѣлію сборъ доброхотныхъ подаяній: но онѣ существовали только, какъ болѣе торжественный обходъ всѣхъ вписанныхъ членовъ училищнаго братства. Могущественное вліяніе Петра Могилы отстраняло отъ коллегіи всѣхъ посягателей на какую бы то ни было ея собственность, и воспитанники, равно какъ и наставники сего училища во сто разъ меньше чувствовали тѣ нужды, какія обременяли обывателей напаствуемаго города.

Естественно, что при такомъ благосостояніи училища, и науки, введенныя въ него Могилою, должны были находиться въ цвѣтущемъ состояніи. Съ пріумноженіемъ учебныхъ предметовъ послѣдовало и отличное отъ прежняго распредѣленіе классовъ. Такъ какъ первою статьею училищной инструкціи поставлялось изученіе языковъ: латинскаго, славянскаго и греческаго, то для этого открыты были четыре низшіе класса. Въ первомъ изъ нихъ обучали читать и писать, но непремѣнно

на трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ это было въ приходскихъ школахъ; этотъ классъ назывался *Аналогіею* или *Фарою*. Во второмъ классѣ, именуемомъ *Инфимой*, пріучали учениковъ уже къ граматическому разбору, не заходя впрочемъ далѣе первоначальныхъ понятій. Въ классѣ *Грамматики* прочитывались уже сполна граматики означенныхъ языковъ съ подробнымъ филологическимъ разборомъ; за тѣмъ ученики переходили въ классъ *Синтаксимы*, гдѣ они практиковались въ переводахъ съ означенныхъ языковъ на русскій и славянскій и обратно. Кромѣ сего здѣсь преподавали катихизисъ, ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти инструментальную музыку. Окончившій ученіе въ низшихъ классахъ переходилъ въ средніе, которыхъ было два: классъ поэзіи или *Піитики*, и классъ *Реторики*.

Замѣчательно такое распредѣленіе уроковъ словесности. Теперешнія наши понятія о поэзіи представляютъ ее, какъ вѣнецъ и высшее проявленіе обработаннаго ученымъ образомъ слова человѣческаго: но не такъ было въ то время. Коллегія разумѣла поэзію, только какъ artem pangendi versus — какъ искуство сплетать вирши, и конечно, потому поставила ее прежде реторики, что по опыту знала, что это ремесло не требуетъ большаго труда и строгой послѣдовательности мыслей, особенно подъ защитой нарочно придуманной для этого вольности піитической (licentia poëtica), что механическая работа стихосложенія сама собою вызываетъ слово за словомъ, особенно, если стихи еще не чуждаются рифмы: тогда уже и мысли самыя, говоря словами Пушкина, *двѣ придутъ сами, третью приведутъ*. А всякій порядочный ученикъ переходилъ изъ синтаксимы въ поэзію съ огромнымъ запасомъ равнозначащихъ выраженій, эпитетовъ и сближенія понятій. Надобно было придумать средство къ установкѣ всего этого въ какомъ нибудь порядкѣ, и для сего тогдашніе ученые признали лучшимъ извѣстное количество слоговъ, метръ, цезуру и проч. Невольно этими услов-

ными берегами стѣснялось разливное море словъ и понятій, накопленныхъ отъ неизбѣжныхъ справокъ съ лексиконами при синтаксическихъ переводахъ, и отъ критическаго выбора того или другаго болѣе годнаго выраженія. Стѣсняемый правилами пінтики, ученикъ свободнѣе потомъ писалъ въ классѣ реторики, которая уже не предписывала ему ни метра, ни цезуры, а между тѣмъ онъ тутъ являлся уже пріученнымъ къ обдумыванію каждаго ставимаго на бумагу слова. Но пріучая механическимъ слаганіемъ виршей къ правильному сочетанію понятій и предложеній, наставники поэзіи въ тоже время сообщали своимъ питомцамъ современныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи, начиная отъ эпопеи до простой надписи на какомъ либо памятникѣ. Такимъ образомъ въ учебникѣ, дошедшемъ до насъ отъ времени Петра Могилы (1637 г.) усматриваемъ, что тогда трактовали о происхожденіи, достоинствѣ и значеніи поэтовъ, о томъ, что можетъ быть предметомъ поэтическихъ произведеній, и какъ раздѣляется поэма, что такое эпопея, комедія, трагикомедія, трагедія, буколическая, элегическая, идиллическая, дидактическая и сатирическая поэзіи и наконецъ истолковывали всѣ виды эпиграмы или надписей[191].

Миѳологія, считавшаяся необходимой принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитой обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ воспитанникахъ, что кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами языческаго Олимпа, не свободны были отъ миѳологическихъ примѣненій даже и такія сочиненія, которыя легко могли бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая ни мало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній[192].

Преподаваніе реторики ничѣмъ не отличалось отъ того, какимъ оно было въ знатнѣйшихъ того времени высшихъ ев-

ропейскихъ училищахъ. Въ руководствахъ, относящихся къ XVII вѣку, реторику раздѣляли то на двѣ, то на три части: но каждая изъ нихъ имѣла предметомъ своимъ одно и тоже. Сначала говорили объ изобрѣтеніи мыслей, потомъ о расположеніи и наконецъ о выраженіи. Къ этому иногда были присовокупляемы правила, какъ сочинять рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, просительныя, прощальныя и надгробныя. Этимъ по большей части и ограничивался курсъ реторики[193].

Впрочемъ въ составъ ея входили иногда и изслѣдованія о церковномъ краснорѣчіи: но эта наука, какъ и слѣдовало, отнесена была къ классу богословія и преподавалась уже тѣмъ, которые имѣли въ непродолжительномъ времени поступить въ проповѣдники слова Божія.

Съ реторикою была иногда соединяема и діалектика, составлявшая какъ бы переходъ отъ наукъ собственно словесныхъ къ наукѣ свободнаго мышленія. Это былъ непрерывный рядъ схоластическихъ диспутацій, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на нѣсколько вопросовъ, и потомъ на нѣсколько болѣе частныхъ пунктовъ, дробилась далѣе на частнѣйшія положенія, которыя съ своей стороны вызывали по нѣскольку возраженій и наконецъ опроверженій. Посредствомъ такой почти механической работы молодые умы заранѣе приготовлялись къ ловкости и оборотливости мышленія и къ критическому принятію того, что готовила имъ каѳедра философіи[194].

Классы реторики и поэзіи никогда не были скудны слушателями; ибо тутъ именно преподавалось то, что было самымъ необходимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ училища. Съ готовой привѣтственною рѣчью или праздничными виршами школьникъ всегда былъ не лишнимъ на домашней пирушкѣ какого нибудь зажиточнаго обывателя, и возвеличивъ такимъ об-

разомъ своего милостивца, имѣлъ полную надежду уйти отъ него не съ пустыми руками. Замѣчательно, что на изученіе сихъ двухъ видовъ словесности полагалось всего только одинъ годъ, а между тѣмъ и этого короткаго срока достаточно было для того, чтобъ воспитанники переходили въ высшій классъ уже довольно приготовленными; значитъ, въ синтаксимѣ они развивались уже въ совершенствѣ и являлись въ словесной аудиторіи съ немалымъ запасомъ свѣдѣній въ языкахъ, какъ существенномъ условіи ихъ успѣховъ въ дѣлѣ сочинительскомъ.

Высшихъ классовъ было два: философскій и богословскій. Кіевская коллегія, поставленная Могилою на ряду съ знаменитѣйшими училищами Европы, съ самаго преобразованія своего, повела науку той стезей, какою она шла у прочихъ просвѣщенныхъ націй. Но вмѣстѣ съ этимъ коллегія устранила философію отъ всякаго вліянія на ученіе евангелія, и потому-то, оставаясь вѣрною данному ей направленію, она никогда не имѣла въ нашемъ отечествѣ того опаснаго и мятежнаго характера, какой раскрывался въ ней время отъ времени на западѣ Европы и разразился потомъ въ возмутительныхъ ученіяхъ, ниспровергнувшихъ благосостояніе цѣлыхъ народовъ. Осторожные преподаватели въ древней коллегіи оставляли метафизику, какъ соприкасавшуюся слишкомъ часто съ богословіемъ, самою меньшею и почти незамѣтною частію философіи. Корифеемъ этой науки въ то время былъ Аристотель. Несокрушимое владычество его процвѣтало и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона (Bacon) и Локка, а Франція Декарта. Подражая въ этомъ отношеніи старѣйшимъ училищамъ въ Европѣ, кіевская коллегія тоже вела у себя философскую науку по указанію Аристотеля. Дошедшія до нашего времени руководства, относящіяся къ XVII вѣку, всѣ составлены по одному образцу, и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную или логику, естественную или физику и божественную или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, въ ко-

торой прежде всего разсуждаемо было о законахъ, руководствующихъ разсудокъ въ его дѣйствіяхъ. Сообщивъ свѣдѣнія о самомъ законѣ и его природѣ, діалектика приступала къ раскрытію перваго разсудочнаго дѣла, именно: составленія понятій, за тѣмъ предложеній и наконецъ доказательствъ, или силлогистическихъ умозаключеній. Такимъ образомъ это была какъ бы теоретическая часть философіи умственной; нарицаемая же логика становилась въ этомъ случаѣ наукою прикладною, ибо тѣже самые законы мышленія она прилагала только къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Вторая часть науки философской—физика была обширнѣе всѣхъ: общее начало всѣхъ вещей, матерія, форма и ихъ видоизмѣненія; природа и свойство предметовъ видимыхъ, и жизнь ихъ, какъ самихъ въ себѣ, такъ и внѣ себя; безконечное въ его качествахъ; пространство, время и физическая пустота; законы общаго движенія; наконецъ душа вообще и душа разумная со всѣми ея силами и способностями—вотъ предметы, которыми занималась естественная философія временъ давноминувшихъ. Остальная часть, именовавшаяся философіей божественной или метафизикой, была ограничиваема лишь разсужденіями о существѣ возможномъ, какъ произведеніи ума философствующаго и наконецъ о существахъ безтѣлесныхъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что на философской каѳедрѣ были предлагаемы и разбираемы всѣ тѣ вопросы, какими оглашались въ то время обширнѣйшія аудиторіи европейскихъ университетовъ. Но не смотря на то, что коллегіальное начальство старалось поддерживать любовь къ этой наукѣ, включивъ адептовъ ея въ разрядъ Majoris Congregationis; не смотря на то, что для слушанія философіи положено было ровно два года,—суровая строгость и головоломная сухость этой науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украйны. Они уважали ее, даже поставляли за честь себѣ отличаться діалектической тонкостью: но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно, всей душой

привязаться къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать, въ глубину ея ни у кого не доставало охоты. Какъ будто въ духъ и душу воспитанниковъ православной коллегіи вросло то правило *совѣтованія о благочестіи*, которымъ повелѣвалось »всею »душею въ смиренномудріи утверждаться на догматахъ и пи»саніяхъ святыхъ отцевъ вселенскихъ, а не основываться на »латинскихъ силлогизмахъ и хитро ими извращенныхъ писаніяхъ »и не обучаться имъ«[195]. Ихъ не прельщало и то, что въ этомъ классѣ преподаваемы были геометрія и астрономія[196]; хотя и обучались они этимъ наукамъ, но мысли ихъ были устремлены на другой важнѣйшій предметъ.

Выше всѣхъ наукъ въ кіевской коллегіи стояло богословіе, какъ предметъ, характеризующій спеціальность этого училища. »Еслибы изшедшіе отъ насъ, говорилъ одинъ депутатъ на сеймѣ »1620 года, не возстали на насъ: то такія науки, такія учи»лища, такое число достойныхъ ученыхъ людей не явились бы »въ русскомъ народѣ; ученіе въ храмахъ нашихъ по прежнему »было бы покрыто пылью нерадѣнія«[197]. Мы уже видѣли, что было причиною возникновенія училищъ на юго-западѣ Россіи; знаемъ, съ кѣмъ приходилось вступать въ религіозное состязаніе защитникамъ православія, и потому не сочтемъ удивительнымъ, что богословіе въ то время было преимущественнѣйшею наукой. Оно читалось съ величайшей обширностію и отчетливостью, и потому полный курсъ богословія оканчивался не иначе, какъ въ четыре года. Всякій вопросъ по неволѣ сталкивался съ убѣжденіями и вѣрованіями, противными духу православія, и отъ того преподаваніе этой науки непзбѣжно принимало характеръ нѣсколько полемическій, и слѣдовательно въ высшей степени интересный, по соприкосновенію и частному обращенію слушавшихъ уроки съ лицами неправовѣрующими. Если присовокупить къ сему и то еще, что преподавателями богословія избираемы были люди самые ученѣйшіе и читали его съ искреннимъ увлеченіемъ: то ни мало не покажется удивительнымъ,

что наука эта была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи въ древней кіевской коллегіи.

Вся Европа состояла тогда подъ игомъ такъ называемаго схоластицизма, которому подчинены были даже и такія науки, какъ богословіе. И здѣсь господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формулами своей методики. Всѣ заведенія руководствовались, по части богословія, системою Ѳомы Аквината, носившаго пышное названіе Doctoris Angelici et Divini, и только лучшій изъ тогдашнихъ университетовъ парижскій рѣшился отступить отъ этого авторитета, издавъ въ 1658 году свою особую систему богословія: Summa Theologiae Scholasticae: но и она, какъ видно изъ самаго заглавія, закована была все въ тѣже оковы схоластицизма, какія лежали на всѣхъ прочихъ руководствахъ по сему предмету.

Первые наставники могилинской коллегіи, сами воспитавшіеся за границей, не смѣли съ перваго же раза измѣнить авторитету, руководившему ихъ въ изученіи важнѣйшей изъ наукъ. Тотъ же Ѳома Аквинатъ явился и въ Россіи съ своей системою[198]. Его придерживались, какъ школьнаго руководителя: но живые интересы, затрогиваемые современными событіями, неизбѣжно должны были вызывать наставниковъ на рѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ Аквинатъ вѣроятно и не думалъ. Нельзя было миновать тѣхъ мнѣній, которыя ревностно были распускаемы между народомъ и служили въ подрывъ православію: ибо въ Кіевѣ было все — и католицизмъ и лютеранство, и уніаты и армяне и кальвинисты и социніане и наконецъ евреи. Спорный вопросъ невольно заставлялъ преподавателя отрываться отъ Аквината и вести рѣчь не »латинскими силлогизмами«, а отъ догматовъ и писаній святыхъ отцовъ восточныхъ. Системы богословскія, въ непродолжительномъ послѣ сего времени появившіяся въ кіевской коллегіи, отличающіяся своеродностію взгляда и особенностію плана, служатъ очевиднымъ доказатель-

ствомъ того, что въ дѣлѣ богословствованія наши ученые не довольствовались европейскими образцами и пошли дальше, оставивъ назади своихъ руководителей.

Въ классѣ богословія, какъ выше упомянуто, была преподаваема и гомилетика: но подчиненная общимъ реторическимъ пріемамъ, она мало была приспособлена къ высокому дѣлу проповѣданія слова Божія. Тогда не считалось не приличнымъ святыя преданія Церкви мѣшать съ баснями миѳологическими, нападать на противника со всѣмъ жаромъ полемики безъ большой разборчивости въ выраженіяхъ. Самое расположеніе бесѣдъ и поученій неизбѣжно подчинялось классическимъ образцамъ, и превосходное на римскомъ форумѣ ошибочно почиталось хорошимъ и на каѳедрѣ церковной. Но не смотря на недостаточность школьнаго преподаванія гомилетики, всѣ наставники коллегіи, согласно волѣ и распоряженію мудраго основателя ея, обязаны были говорить поученія въ храмѣ Божіемъ. На всякій воскресный и праздничный день назначаемъ былъ очередной коллегіатъ, который проповѣдывалъ въ большой братской церкви. Кромѣ этого установлены были такъ называемыя *инструкціи*, изъ коихъ одна называлась *великою*, а другая *малою*. Первую составляли поученія, которыя были произносимы чрезъ весь годъ передъ позднею литургіей учителемъ реторики или префектомъ въ классѣ реторическомъ. Предметомъ этой инструкціи было систематически-послѣдовательное истолкованіе какой либо цѣлой книги изъ ветхаго, а чаще изъ новаго завѣта. Кромѣ воспитанниковъ, обязанныхъ непремѣнно бывать на этой инструкціи, къ слушанію ея безпрепятственно были допускаемы и лица постороннія, и особенно богомольцы, приходившіе изъ дальнихъ странъ на поклоненіе святынѣ Кіева. *Малая* инструкція состояла въ изъясненіи народу православнаго катихизиса. Это дѣлалось на ранней обѣдни, для чего избираемъ былъ одинъ изъ младшихъ учителей, который въ теченіи цѣлаго года являлся на каѳедрѣ церковной съ своими поученіями.

Главнѣйшимъ изъ языковъ, преподаваемыхъ въ древней коллегіи, былъ языкъ латинскій. На него было обращено особенное вниманіе какъ потому, что онъ былъ, по выраженію патріарха Паисія, »благопотребенъ тогда кіевлянамъ, яко между латинами живущимъ«[199], такъ и по той причинѣ, что это былъ классическій языкъ, на которомъ во всѣхъ европейскихъ училищахъ преподаваемы были всѣ вообще науки. Безъ этого языка нельзя было пріобрѣсти названіе образованнаго человѣка. За тожь въ кіевской коллегіи приняты были всѣ мѣры, чтобы усовершить воспитанниковъ въ знаніи латини. Едва ребенокъ поступалъ въ школу, ему тотчасъ давали въ руки латинскій букварь, и отчета въ заданномъ урокѣ требовали гораздо строже, чѣмъ по другимъ языкамъ. Придти въ училище съ невыученнымъ урокомъ и скрыть свое незнаніе не было никакой возможности: ибо пока доберется учитель до ученика, онъ обязанъ былъ проговорить свой урокъ предъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ своихъ товарищей, которому поручаемо было наблюденіе и надзоръ за успѣхами нѣсколькихъ человѣкъ. Этотъ строгій блюститель, называвшійся *авдиторомъ* (auditor), выслушавъ одного изъ подвѣдомственныхъ себѣ, подъ личной отвѣтственностью отмѣчалъ степень его знанія или незнанія на листѣ[200], называвшемся *потатою* или *эрратою* (notata s. errata) и представлялъ ее учителю, который по этому безъ труда могъ знать успѣхи и прилежаніе каждаго изъ своихъ учениковъ. Потачка или послабленіе со стороны авдитора строго была взыскиваема; виновный лишался авдиторскаго званія, и иногда подвергаемъ былъ и тѣлесному наказанію. Отъ обязанности сдавать уроки избавлялись только двое или трое самыхъ отличныхъ учениковъ и выслушивали самихъ авдиторовъ, называясь по этому *auditores auditorum*. Они уже непосредственно состояли подъ вѣдомствомъ учителя и только ему отдавали отчетъ въ своемъ знаніи. Въ каждую субботу происходила главная репетиція за цѣлую недѣлю и сличались отмѣтки въ потатахъ; оказавшіеся лѣнивыми

тутъ же получали приличное вразумленіе. Это называлось тогда субботками (sabbativa).

Сверхъ этого ученики занимаемы были переводомъ латинскихъ авторовъ на языкъ русскій. Это происходило двоякимъ образомъ: устно и письменно. Послѣднимъ дѣломъ ученики занимались и въ школѣ и дома; школьныя ихъ задачки назывались *экзерциціями* (exercitiæ), а домашнія *оккупаціями* (occupationes). Для послѣднихъ ученики имѣли особыя разрисованныя тетради, связанныя въ порядкѣ, съ надписью: Liber diligentiarum — тетрадь занятій, или Codex laborum — книга трудовъ, или просто Labor — трудъ и Occupationes — упражненія. Школьныя задачки всегда были оканчиваемы въ самомъ классѣ и подавались учителю, который, прочитавъ ихъ у себя дома и подчеркнувъ, а иногда и поправивъ ошибки, наутро возвращалъ ученикамъ съ приличною рецензіей, соотвѣтственно уже даннымъ правиламъ[201]. Домашнія упражненія были предварительно показываемы авдитору, который, по мѣрѣ силъ своихъ, исправлялъ ихъ и представлялъ потомъ учителю съ надписью: *correcta;* лучшіе же изъ учениковъ подавали свои тетради прямо учителю, означая на нихъ: *non correcta.*

Такія задачки дѣлались иногда средствомъ къ соревнованію учениковъ между собою; въ такомъ случаѣ на тетради надписывалось: de calligraphia (въ чистописаніи), de diligentia (въ прилежаніи), de loco (о мѣстѣ), de erratis (на счетъ большаго или меньшаго числа ошибокъ). Соревнователь указывалъ и имя одного изъ своихъ товарищей, съ которымъ вступалъ въ такой споръ. И если въ претензіи своей онъ оказывался достойнымъ требуемаго преимущества, въ такомъ случаѣ получалъ должное; буде же затронутый ученикъ не только не уступалъ ему, но даже превосходилъ своего противника въ затѣянномъ имъ спорѣ: тогда ему предоставлялось право искать удовлетворенія, и те-

традь обиженнаго такимъ совмѣстничествомъ требовала несостоятельному претенденту розогъ (de plagis). Иногда эти упражненія бывали средствомъ получить то, въ чемъ нуждался бѣдный школьникъ. На уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ мы читаемъ надписи: de pane (о хлѣбѣ), de candella (о свѣчкѣ), de indutio (объ одежѣ), de calceis (объ обуви),—и грустно становится, когда подумаешь, какимъ лишеніямъ обрекали себя эти люди, которыхъ удерживала при школѣ одна лишь жажда къ просвѣщенію,—грустно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отрадно, ибо знаешь, что изъ этихъ горемыкъ выходили потомъ знаменитые пастыри Церкви, ученые и государственные мужи.

Воспитанники низшихъ классовъ и особенно синтаксимы непремѣнно обязаны были объясняться между собою на языкѣ латинскомъ, хотя бы то было внѣ школы. Провинившійся въ этомъ или сказавшій что либо граматически-неправильно, тотчасъ получалъ отъ товарища calculum—узенькій, столпцеватый бумажный свертокъ, вложенный въ небольшой футляръ. Имѣющій эту явную улику своего преступленія всѣми силами старался сбыть calculum кому либо менѣе его осторожному и опытному въ языкѣ латинскомъ,—и горе, если этотъ свертокъ оставался у кого нибудь черезъ ночь! Авдиторъ отмѣчалъ тогда: pernoctavit apud dominum N (переночевалъ у господина такого-то), и бѣдный dominus подвергался стыду и поношенію отъ своихъ товарищей, да сверхъ того и тѣлесному наказанію отъ учителя.

За латинскимъ языкомъ слѣдовало изученіе языка славянскаго и мѣстнаго русскаго[202]: но что это были за языки! Странная и нескладная смѣсь польскихъ и малороссійскихъ выраженій—вотъ та рѣчь, которая иногда встрѣчалась между лучшими сословіями, говоримъ: иногда, потому что въ высшемъ классѣ болѣе любили говорить по-польски, чѣмъ древнимъ, прекраснымъ

языкомъ, уцѣлѣвшимъ въ народныхъ думахъ и пѣсняхъ, и нѣсколькихъ договорныхъ и актовыхъ сдѣлкахъ. Въ самомъ низшемъ слоѣ общества оставалось, правда, то сильное и неиспорченное нарѣчіе, которое такъ прельщаетъ насъ въ воззваніяхъ Хмельницкаго и его сподвижниковъ: но то былъ языкъ *хлопскій,* и подавленная польщизною русская народность не замѣчала, что враги ея посягали на одно изъ лучшихъ достояній народа, рабски поддѣлывавшагося подъ говоръ своихъ притѣснителей. Представители кіевской учености, кажется, меньше всѣхъ хотѣли это видѣть; оно и то сказать, въ полемико-ожесточенныхъ спорахъ за первѣйшее достояніе Руси православной некогда было выбирать слова и наблюдать чистоту слога; нужно было говорить съ противной партіей тѣмъ языкомъ, который она лучше понимала, и Русскіе говорили: но въ рѣчахъ ихъ, кромѣ русской души, не было ни одного чисто русскаго оборота. Не могло этому горю пособить и изученіе языка славянскаго, сохранявшагося въ книгахъ церковныхъ; извѣстно, что всякій языкъ совершенствуется не столько теоретическимъ изученіемъ, сколько практическимъ его употребленіемъ; посему-то школьное изученіе языка церковно-славянскаго приносило только ту пользу изучавшимъ его, что позволяло понимать все, что пишется въ нашихъ священныхъ книгахъ: но какъ скоро доходило дѣло до передачи или до объясненія тѣхъ же самыхъ вещей народу, надобно было прибѣгать къ нарѣчію, ходившему среди его, и замѣнять прекрасное, но не совсѣмъ понятное слово дурнымъ, исковерканнымъ, но знакомымъ всѣмъ и каждому.

Тѣмъ не менѣе теоретическое изученіе русскаго языка и филологическое его изслѣдованіе началось собственно на юго-западѣ Россіи, и Кіевъ въ этомъ отношеніи имѣетъ едва ли не первую долю. Въ 1591 году студенты львовскаго училища составили полную эллино-славянскую граматику: но это былъ лишь переводъ граматики греческой, и поелику въ ней нимало не взяты въ разсчетъ законы русской рѣчи: то она и не могла

привиться къ слогу книжному. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого (1596 г.) явилась славянская граматика львовскаго протоіерея Лаврентія Зизанія. Это ужъ былъ огромный шагъ впередъ. Для русской рѣчи указаны надлежащія формы; видно углубленіе въ характеръ и духъ самаго языка: но написанная нарѣчіемъ церковно-славянскимъ, бѣло-русскимъ и польскимъ, она въ самой себѣ носила живое противорѣчіе тѣмъ правиламъ о чистотѣ и правильности русской рѣчи, которыя проповѣдывала, и сама »партаючи въ писмѣ и словахъ«, отнюдь не могла »отворить всѣмъ умъ къ познанію въ преправый разумъ«[203]. Наконецъ въ 1619 году вышла въ свѣтъ граматика, которая, по опредѣленію автора, долженствовала быть »извѣстнымъ художествомъ благо и глаголати и писати учащимъ«. Это безъ всякаго сомнѣнія, было то руководство, которымъ пользовались воспитанники кіевской школы, въ бытность Мелетія Смотрицкаго преподавателемъ наукъ. Болѣе вѣка прожила она, заслуживъ честь быть извѣстною всей Россіи; самъ великій творецъ русскаго слога Ломоносовъ изъ ней почерпнулъ первыя понятія о механизмѣ той молви, которую онъ потомъ геніемъ своимъ возвелъ »въ перлъ созданія«. Кіевская Академія по праву можетъ считать граматику Смотрицкаго законнымъ своимъ достояніемъ: ибо правила, изложенныя въ ней, слышала она изъ устъ самаго автора, здѣсь же изучавшаго ту рѣчь, которую уложилъ онъ потомъ въ умно-придуманныя формы[204]. Положимъ, что дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе языка далеко оставило за собой правила граматики Смотрицкаго: но и въ ней осталось многое, что доселѣ можетъ считаться незамѣнимымъ, не смотря на хитрости и мудрости новѣйшихъ граматиковъ[205].

Рано юго-западъ Россіи началъ разработывать родное свое слово, какъ будто страшась за свое драгоцѣнное достояніе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе заглушаемое чужеядными растеніями, щедро посѣваемыми отъ враговъ русской народности. Работа была механическая, не просвѣтленная наукою: но все

же въ ней виднѣлась мысль искренняя — сберечь и сохранить по возможности какое есть добро. Такъ поступилъ Лаврентій Зизаній при составленіи своего словаря[206]. Не пускаясь въ корнесловіе, не дѣлая никакихъ другихъ филологическихъ изслѣдованій, онъ только собиралъ извѣстныя ему русскія и славянскія слова, и объяснялъ ихъ иногда реченіями польскими и бѣлорусскими, какъ болѣе употребительными въ томъ краю. Очевидно, что ближайшею цѣлію такого собиранія было желаніе уяснить тѣ выраженія, которыя сдѣлались уже не такъ доступными понятію слушавшихъ Зизаніевы уроки: но наука находитъ нынѣ въ этомъ высшую пользу. Кіеву предоставлена была честь видѣть у себя ученѣйшаго филолога того времени, если не въ школѣ, то въ нѣдрахъ его изучившаго тотъ языкъ, которому онъ былъ чуждъ по своему происхожденію. Это былъ *Памва Берында,* молдаванскій уроженецъ, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ XVII вѣка. Его познанія и страсть къ ученымъ занятіямъ скоро нашли себѣ должное упражненіе. Когда Кіево-печерская Лавра пріобрѣла себѣ стрятинскую типографію Балобана[207], Берында опредѣленъ былъ къ ней начальникомъ. Тутъ-то раскрылась въ немъ та страсть къ филологическимъ изслѣдованіямъ, которой мы обязаны первымъ, правильно составленнымъ славяно-русскимъ лексикономъ[208]. Его поразило богатство славянской молви, имѣвшей »оквитое заленене (важное значеніе) »не толко отъ писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ зъ »еллинского нимъ претлумачоныхъ (переведенныхъ) але (но) »изъ божественной литургіи и иныхъ таемницъ (таинствъ), ко»торыя ся тымъ языкомъ въ великой и малой Россіи, въ Сербіи, »Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ«. Ему прискорбно стало, что по причинѣ трудности къ уразумѣнію нѣкоторыхъ словъ славянскихъ и самая Церковь россійская многимъ »власнымъ (собственнымъ) сыномъ своимъ въ огиду (недобрую славу) »приходитъ«, и для того онъ предпринялъ дѣло, котораго до него только едва коснулся Зизаній. Все было для Берынды средствомъ къ уясненію того или другаго слова: и польско-

русское нарѣчіе тогдашняго времени, и филологическія замѣтки древнихъ писателей, и ссылки на свящ. книги, и языки еврейскій, греческій, латинскій и молдавскій.

Но всѣ эти многополезные труды были только частнымъ дѣланіемъ мужей просвѣщенныхъ. Изъ нихъ даже видно, что кіевская коллегія была крайне бѣдна познаніями въ языкѣ чисто русскомъ, и что сами руководители ея въ этомъ дѣлѣ не могли оторваться отъ того говора, который былъ общеупотребительнымъ въ Кіевѣ и во всей юго-западной Россіи. Тѣмъ не менѣе школа, по мѣрѣ силъ и возможности, старалась очищать родную рѣчь отъ наносныхъ выраженій и значительно успѣвала въ этомъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Іезуиты, возмутившіе Кіевлянъ противъ коллегіи, между прочимъ, и тѣмъ, что въ ней находится въ большомъ пренебреженіи языкъ греческій, къ явному предпочтенію предъ нимъ латинскаго, нѣкоторымъ образомъ имѣли основаніе. Хотя Коссовъ въ своей апологіи и обѣщался поставить грецизмъ на такую степень, что онъ будетъ ad chorum, а латинь ad forum: но тѣмъ дѣло и кончилось; языкъ греческій и послѣ этого ни какъ не могъ крѣпко привиться къ школьному образованію кіевскихъ коллегіатовъ. Патріархъ Паисій, въ грамотѣ своей училищному братству, упоминаетъ, что языку греческому обучали тамъ только *отчасти*[209]. Главнѣйшую причину сего должно искать въ томъ, что языкъ сей въ тогдашнее время былъ мертвымъ даже въ учебномъ отношеніи: ибо все относящееся къ школьному кругу въ цѣлой Европѣ выходило и печаталось на языкѣ латинскомъ, и слѣдовательно, если изученіе послѣдняго было неизбѣжимою надобностію, то знаніе перваго могло быть только ученою роскошью, а въ то время не до нея было кіевскимъ коллегіатамъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ языкъ греческій былъ вовсе въ пренебреженіи; иначе коллегія не произвела бы

такихъ еллинистовъ, какъ Славеницкій, Сатановскій и подобные имъ.

До Петра Могилы въ школахъ кіевскихъ существовало преподаваніе и польскаго языка: но съ переименованіемъ оныхъ въ коллегію и съ введеніемъ новой програмы, нарѣчіе польское исключено, какъ совершенно ненужное, главнѣе всего потому, что имъ говорило почти все народонаселеніе Кіева, а граматическое изученіе онаго не представляло никакого дѣльнаго результата. Такому исключенію можетъ быть содѣйствовало еще и то обстоятельство, что нарѣчіе это принадлежало отъявленнымъ гонителямъ православія и притѣснителямъ Украйны, которые презрительно смотрѣли на угнѣтенный народъ и самый говоръ его прозвали *хлопскимъ*.

Главноначальствующими лицами въ коллегіи, какъ и прежде, были ректоръ и префектъ. Къ нимъ въ настоящую пору былъ присоединенъ суперъ-интендентъ и нѣсколько учителей, въ вѣдомствѣ которыхъ состояли *товарищи братства младшаго* (sodales minoris congregationis).

Обязанности ректора, какъ главнаго лица въ коллегіи, были многоразличны. Какъ игуменъ братскаго монастыря, онъ предсѣдательствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ монастырскихъ и предстоятельствовалъ во время богослуженія, имѣя ближайшій надзоръ и наблюденіе за нравственностію иноковъ и всей братіи. По должности наставника, онъ занималъ обыкновенно каѳедру богословія, исправляя въ тоже время обязанность надзирателя и ревизора включительно по всѣмъ частямъ училища. Въ силу этого наставники представляли ему свои учебные отчеты, составляемыя ими руководства, а воспитанники ему, какъ главному лицу, обязаны бывали дальнѣйшей своей *промоціей* (promotio) въ высшіе классы. Для удостовѣренія въ успѣхахъ учениковъ, принадлежавшихъ къ младшему братству (minoris congregationis),

кромѣ учительскихъ аттестацій, ректору были представляемы изъ низшихъ классовъ оккупаціи и экзерциціи, а изъ среднихъ латинскіе, славянскіе и польскіе стихи, а также рѣчи и письма разнаго рода. По разсмотрѣніи ихъ, ректоръ утверждалъ или отмѣнялъ распоряженія наставниковъ о переводѣ того или другаго ученика въ высшій классъ. Завѣдывая такимъ образомъ и монастыремъ и училищемъ, ректоръ имѣлъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи общіе монастырскіе и училищные доходы, и назначалъ, съ вѣдома значительнѣйшихъ лицъ братства, то или другое количество суммы на разныя потребности собственно коллегіи. Въ его же рукахъ находились судъ и расправа за всякій поступокъ наставника или ученика, противный правиламъ чести и общественнаго долга; на его отвѣтственности лежало, чтобы »въ собраніе ученическое неспокойныхъ не при»нимать, а найпаче остерегая того накрѣпко, чтобъ ученіе было »благочестивое, христіанское восточнаго исповѣданія, а отступ»никовъ и еретиковъ і противниковъ вѣре грекороссійской въ »тѣ школы не допускать и прелесть противнаго исповѣданія і »еретическая обученія весьма отсѣкать и іскоренять, а студен»товъ, которые явятца кому въ чемъ винны, унимать и смирять, »и по винамъ ихъ управу чинить, ни въ чемъ имъ не паровя, »и ни до какова своеволства ихъ отнюдъ не допушая«[210]. Только уголовныя дѣла выходили изъ круга суда и расправы, чинимыхъ ректоромъ: но и въ этомъ случаѣ не обходилось безъ училищнаго начальства, которое посылало отъ себя, въ качествѣ депутата, кого либо изъ младшихъ учителей.

Префектъ, до назначенія суперъ-интендентовъ, совмѣщалъ въ себѣ и инспектора и экономa и профессора. Въ настоящую эпоху онъ былъ оставленъ при двухъ только послѣднихъ обязанностяхъ. Предметомъ его въ учебномъ отношеніи, были собственно науки философскія, а по части экономіи, онъ имѣлъ въ непосредственномъ своемъ завѣдываніи продовольствіе и содержаніе студентовъ и учениковъ.

Суперъ-интендентъ былъ избираемъ обыкновенно изъ учителей minoris congregationis. Черезъ годъ его перемѣняли, если умѣньемъ вести свое дѣло не заслуживалъ отъ всего коллегіальнаго начальства лестнаго приглашенія еще продолжать свою службу. Обязанности суперъ-интендента были чрезвычайно обширны: онъ долженъ былъ наблюдать за благочиніемъ питомцевъ и тѣхъ, которые жили въ бурсѣ, и тѣхъ, что на квартирахъ, и наконецъ за приходскими школами. Для облегченія этой многотрудной обязанности въ помощь суперъ-интенденту были назначаемы *визитаторы* (visitatores) по нѣскольку изъ каждаго класса. Изъ нихъ одни были явные, а другіе тайные. Всѣ они въ свое время доносили суперъ-интенденту о состояніи подвѣдомственныхъ ему совоспитанниковъ, и сообразно ихъ донесеніямъ, суперъ-интендентъ дѣлалъ студентамъ выговоры и замѣчанія, а въ случаяхъ важныхъ докладывалъ ректору; съ учениками же онъ поступалъ рѣшительнѣй, и по мѣрѣ проступковъ ихъ, самъ наказывалъ виновныхъ, не доводя до свѣдѣнія высшаго начальства. Кромѣ этого, въ пособіе себѣ, суперъ-интендентъ, для присмотра за учениками, проживавшими въ бурсѣ, назначалъ въ каждую комнату *сеніоровъ* (seniores) и одного *директора* изъ благонравнѣйшихъ студентовъ, которому предоставлялось право, въ случаѣ провинности, дѣлать замѣчанія самимъ сеніорамъ, а учениковъ наказывать тѣлесно. Для наблюденія за порядкомъ въ церкви, избираемы были *цензоры*, строго смотрѣвшіе, чтобы всякій ученикъ велъ себя въ храмѣ Божіемъ прилично и сообразно священному мѣсту.

Обязанности ординарныхъ учителей ничѣмъ не разнились отъ нынѣшнихъ: но въ пособіе каждому наставнику назначаемы были лучшіе студенты, изъ которыхъ одни, называвшіеся *magistri sodalium*, должны были объяснять уроки въ самыхъ классахъ передъ приходомъ учителей, а другіе, подъ именемъ *инспекторовъ*, наблюдали за изученіемъ уроковъ въ жилыхъ ком-

натахъ бурсы. Въ каждомъ классѣ, кромѣ этого, былъ свой *цензоръ*, наблюдавшій за порядкомъ. У него былъ ключъ отъ класса; онъ же смотрѣлъ за чистотой и опрятностью, содержалъ алфавитный списокъ всѣхъ учениковъ, въ которомъ отмѣчалъ, кто не былъ въ классѣ или въ церкви, или кто замѣченъ былъ въ шалости. Обо всемъ этомъ онъ докладывалъ учителю передъ приходомъ его въ классъ, гдѣ и чинима была послѣ этого надлежащая расправа. Для исполненія экзекуціи избираемо было нѣсколько самыхъ худшихъ учениковъ, носившихъ названіе *калефакторовъ*[211]. Они должны были имѣть на всякій случай розги, пали (линейки) и прочіе принадлежности своего званія, а также исправлять должность бурсацкихъ истопниковъ.

Воспитанники коллегіи носили двоякое названіе: тѣ, которые принадлежали къ братству младшему (sodales minoris congregationis), назывались *учениками;* товарищи же старшаго братства (sodales majoris congregationis) носили почетное имя *студентовъ*, какъ назвалъ ихъ самъ Петръ Могила въ своей завѣщательной граматѣ[212].

Поддерживаемое и управляемое такимъ образомъ, кіевское богоявленское училище, въ честь знаменитаго и незабвеннаго фундатора и преобразователя своего, при самомъ еще началѣ, назвалось *Кіево-Могилянскою* коллегіей, и носило это имя до тѣхъ поръ, пока Высочайшею волею величайшаго изъ царей земныхъ не получило другаго, болѣе высшаго наименованія.

Неутомимый и непобѣдимый защитникъ православія[213], Петръ Могила былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ охранителей спокойствія усыновившаго его отечества. Зоркимъ окомъ слѣдилъ онъ за современными событіями, и въ самыя опасныя минуты являлся или примирителемъ волнующихся странъ угнѣтаемой Малороссіи, или совѣтчикомъ, ободрявшимъ бѣдствующихъ. Такъ, когда въ Запорожьи, по случаю сомнительнаго

поведенія Барабаша, началась междоусобная война. Могила, вмѣстѣ съ славнымъ Хмельницкимъ, старался прекратить ея ужасы[214]. Отвѣтъ короля Владислава IV, всегда любившаго козаковъ и обезсиленнаго буйными и непокорными магнатами, поднялъ съ мечемъ и огнемъ всю Малороссію. »Поневажъ, сказалъ онъ, вы воины есте: то что вамъ бронитъ стати за себе?« — и козаки стали. Петръ Могила, свѣдавъ отъ Хмельницкаго о такомъ королевскомъ дозволеніи, не только одобрилъ его предпріятіе освободить землю русскую отъ враждебныхъ племенъ, но наложилъ анаѳему на всякаго, кто откажется стать подъ его знамена[215]. Молитва за угнѣтенное отечество была одною изъ послѣднихъ молитвъ великаго первосвятителя кіевскаго: но думалъ ли онъ, что своимъ патріотическимъ воззваніемъ къ народу ослабитъ въ послѣдствіи любимую свою коллегію и подведетъ ее подъ огонь и мечъ ожесточенныхъ разорителей священнаго Кіева?...

Бывъ строителемъ и благодѣтелемъ коллегіи при жизни своей, Петръ Могила сталъ думать и о томъ, — какъ-то останется по смерти его этотъ *единственный залогъ* его просвѣщенной дѣятельности и неутомимыхъ заботъ. Посѣщенный болѣзнію и въ ожиданіи часа смертнаго, Могила наконецъ рѣшился привести всѣ дѣла свои въ порядокъ, и 22 декабря 1646 года составилъ завѣщаніе, въ которомъ самую большую долю приняла любимая имъ коллегія.

Въ силу этого завѣщанія коллегія получала отъ незабвеннаго своего благодѣтеля:

1. Дарственную запись на хуторъ Позняковщину, съ обезпеченіемъ отъ наслѣдниковъ прочихъ частей недвижимаго имѣнія завѣщателя суммою четырехъ тысячъ злотыхъ.

2. Всѣ дома, пріобрѣтенные Могилою, съ ихъ правами.

3. Пляцъ (дворовое мѣсто) Соленикоскій на Подолѣ.

4. Всю библіотеку на разныхъ языкахъ, которую собиралъ онъ въ теченіи всей своей жизни.

5. Половину всего рогатаго скота, овецъ, табуновъ и всего хозяйственнаго заведенія, какое только находилось въ устроенномъ самимъ Могилою собственномъ хуторѣ его Напологахъ.

6. Пятдесятъ пять тысячъ злотыхъ, находившихся по закладной записи у Адама Кисѣля, кастеляна кіевскаго.

7. Двадцать тысячъ злотыхъ, обезпеченныхъ на имѣніяхъ Могилы — Мухоѣдахъ и Спачинцахъ съ тѣмъ, чтобъ эта сумма была сплачена наслѣдникомъ, который пожелаетъ вступить во владѣніе означенными имѣніями; а до того времени онѣ должны были оставаться въ завѣдываніи коллегіатовъ.

8. Шесть тысячъ злотыхъ польскихъ наличными деньгами.

9. Четвертую часть изъ всего домашняго серебра.

10. Серебряную, позолоченную митру, сдѣланную на собственное иждивеніе Петра Могилы и украшенную драгоцѣнными камнями, доставшимися ему отъ его родителей.

11. Серебряный митрополичій крестъ.

12. Саккосъ бѣлаго глазета, унизанный жемчугомъ.

13. Золоченый крестикъ съ частію Животворящаго древа.

14. Обои изъ разноцвѣтной камки, отданные собственно на конгрегацію.

Кромѣ этого Петръ Могила приноситъ въ завѣщаніи »слезныя моленія«, прося преемника своего архимандрита Кіево-печерской Лавры, чтобы находящіяся за Днѣпромъ имѣнія монастыря печерскаго Вишеньки и Гнѣдинъ не были отбираемы отъ коллегіи, по крайней мѣрѣ до истеченія трехъ лѣтъ, »дабы, какъ говоритъ онъ, братія кіевскаго братскаго монастыря въ

теченіи того времени могли осмотрѣться и обзавестись хозяйствомъ«. Во вторыхъ, онъ просилъ того же архимандрита со всѣмъ печерскимъ соборомъ, чтобы они не устраняли ректора коллегіи отъ игуменства въ монастырѣ Дятловицкомъ, »ради, прибавляетъ Могила, преспѣянія моего торжественнаго обѣта объ основаніи школъ для образованія православныхъ дѣтей«. За тѣмъ, назначивъ душеприкащиковъ, Могила возлагаетъ на облагодѣтельствованныхъ имъ кіево-богоявленскихъ братій, чтобы они берегли его коллегію, какъ *единственный* его *залогъ* — іако unicum pignus meum, и наконецъ, чтобы всѣ молились о упокоеніи души его[216].

И Кіевская Академія до нынѣ свято исполняетъ священную волю одного изъ величайшихъ своихъ благотворителей. Ежегодно въ день кончины его, 31 декабря, въ братскомъ храмѣ совершается соборнѣ божественная литургія, и вслѣдъ за тѣмъ панихида, на которую сходится все ученое духовенство города Кіева. Отрадно слышать вслѣдъ за священнымъ именемъ митрополита Петра и другія имена благодѣтелей сего училища: но еще отраднѣе видѣть истинную благодарность древнѣйшаго изъ училищъ къ тѣмъ, которые подвизались въ немъ подвигомъ добрымъ и теченіе свое скончали. Невольно завидуешь тѣмъ наставникамъ, которымъ судилъ Богъ in cathedra mori, заслуживъ себѣ вѣчную память христіански-благодарнаго училища[217].

Четырнадцать лѣтъ управлялъ кіевскою митрополіей незабвенный Петръ Могила; четырнадцать лѣтъ отдыхала она отъ ожесточеннаго преслѣдованія католиковъ и уніатовъ. »Онъ правительствовалъ добрѣ, говоритъ современникъ Могилы Іоакимъ Іерличъ, жилъ воздержно, и при благочестивыхъ своихъ дѣлахъ »всегда пекся о цѣлости Церкви Божіей и охранялъ овецъ своихъ«[218]. »Притязанія и притѣсненія, пишется въ лѣтописи »львовскаго братства, со стороны латинниковъ и уніатовъ хоть

»и продолжались, но не съ прежнею жестокостію, по крайней »мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока живы были король Владиславъ и ми»трополитъ Петръ Могила«[219]. Четырнадцать лѣтъ блаженствовала преобразованная и облагодѣтельствованная имъ кіевобратская коллегія, которую онъ такъ любилъ, такъ лелѣялъ; наконецъ въ ночь съ 31 декабря на 1 генваря 1647 года предалъ онъ праведную душу свою въ руцѣ Божіи, совершивъ ровно полъ-столѣтія своей жизни. Марта 19 бренные останки митрополита Петра Могилы были преданы землѣ на указанномъ имъ самимъ мѣстѣ въ большой печерской церкви у лѣваго клироса, между двумя столпами. Надъ прахомъ его нѣтъ ни монумента, ни надгробія: но Академія служитъ живымъ памятникомъ сему великому іерарху

Щедро и благодарно отплатила кіево-могилянская коллегія своему преобразователю; порадовала она сердце его своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, и сходя въ могилу, съ искреннимъ утѣшеніемъ говорилъ онъ: »видѣлъ я еще при жизни моей отъ »тѣхъ наукъ великую пользу для Церкви Божіей, ибо значи»тельно умножились люди ученые и благочестивые на служеніе »ей«[220]. Не было уже надобности, для приготовленія коллегіи наставниковъ, посылать воспитанниковъ въ иностранные университеты и академіи. Стремясь къ высокой цѣли, указанной великимъ преобразователемъ своимъ, коллегія кіево-могилянская, еще при жизни его, превзошла всѣ другія, подобныя ей учебныя заведенія въ Польшѣ, сдѣлалась извѣстною и за-границей, такъ что въ нее, какъ въ лучшую, начали являться молодые люди изъ всѣхъ окрестныхъ странъ для окончательнаго образованія[221].

Въ эпоху состоянія коллегіи подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Петра Могилы ректорами оной были преемственно:

Трофимовичъ-Козловскій Исаія, »премудрый богосло-

вія учитель«, какъ названъ онъ въ Тератургимѣ. До насъ не дошла система, которую преподавалъ онъ своимъ воспитанникамъ: но довольно и пространнаго катихизиса, извѣстнаго до нынѣ подъ названіемъ *Православнаго исповѣданія каѳолической вѣры*. Оно составлено *Трофимовичемъ*, по порученію духовнаго его сына Петра Могилы, и по разсмотрѣніи на кіевскомъ соборѣ 8 сентября 1641 года, представлено было на утвержденіе константинопольскому патріарху. Въ 1643 году книга эта единогласно одобрена всѣми четырьмя патріархами восточными и признана истиннымъ исповѣданіемъ всея восточныя Церкви[222]. Всякій, кто хоть бѣгло прочиталъ это твореніе *Трофимовича*, могъ усмотрѣть, что нѣтъ ни одного богословскаго вопроса, котораго не коснулся бы онъ, и не рѣшилъ бы твердо, прямо и истинно. Можно-жъ послѣ этого судить, какова долженствовала быть полная богословская система его, въ которой онъ не стѣснялся условными формами дѣла катехизическаго и могъ давать себѣ свободу въ разсужденіяхъ о томъ или другомъ вопросѣ. *Исаія Трофимовичъ* ректорствовалъ съ 1632 по 1638 годъ. Вступивъ потомъ въ управленіе Кіево-николаевскимъ пустыннымъ монастыремъ, котораго былъ игуменомъ съ 1633 года, онъ скончался 15 марта 1651 года и погребенъ въ томъ же монастырѣ.

Початскій Софроній, получившій образованіе за-границей вмѣстѣ съ Коссовымъ, Трофимовичемъ и другими[223]. По возвращеніи своемъ, онъ назначенъ былъ, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ, проповѣдникомъ Кіево-печерской Лавры. По требованію патріарха Нектарія и по распоряженію Петра Могилы, онъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми воспитанниками коллегіи, въ Яссы, для основанія тамъ православнаго учлища: но неблагопріятныя обстоятельства той страны помѣшали сему дѣлу. Между тѣмъ къ *Початскому*, какъ одному изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, константинопольскій профессоръ богословія Кордали присылалъ на рецензію сочиненіе

свое: Epistola Dogmatica о иконахъ, Евхаристіи и исхожденіи Духа Святаго. По возвращеніи изъ Молдавіи въ 1638 году, *Початскій* былъ опредѣленъ ректоромъ Кіево-могилянской коллегіи и продолжалъ сію службу до 1640 года. Бывъ потомъ переведенъ въ настоятели молдавскаго-ясскаго монастыря, *Початскій* тамъ и скончался.

Оксеновичъ-Старушичъ Игнатій, славившійся въ свое время даромъ проповѣдничества[224], »мужъ богомудрый и многоболѣзненный«. Онъ принялъ ректуру въ 1640 году[225], а въ 1642 переведенъ въ Выдубицкій монастырь игуменомъ, откуда 1650 года посвященъ въ санъ епископа могилевскаго: но по болѣзни не могъ прибыть въ свою епархію и 30 октября 1651 года скончался въ томъ же Выдубицкомъ монастырѣ.

Кононовичъ-Горбацкій Іосифъ, за свое просвѣщеніе удостоенный особеннаго вниманія Петра Могилы, и »добрѣ подвизавшійся о ученіи въ школахъ«. Онъ вмѣстѣ съ Трофимовичемъ и Оксеновичемъ посыланъ былъ отъ лица русской Церкви депутатомъ на ясскій соборъ. Тамъ всѣ они, по отзыву патріарха Нектарія, показали себя »мужами по истинѣ »достойными удивленія и всякою мудростію и знаніемъ украшенными«[226]. Въ 1642 году *Кононовичъ* избранъ былъ Петромъ Могилою въ ректоры коллегіи и находился въ сей должности четыре года[227]. Послѣ чего переведенъ въ Михайловскій монастырь, а въ концѣ 1650 года посвященъ въ епископа Бѣлорусскаго, гдѣ въ томъ же году и скончался.

Гизель Иннокентій былъ послѣднимъ ректоромъ при жизни Петра Могилы. Въ самый годъ вступленія своего въ ректоры коллегіи (1646 г.) онъ имѣлъ прискорбіе лишиться величайшаго изъ благодѣтелей своихъ, который и на смертномъ одрѣ не переставалъ заботиться о благосостояніи любезныхъ своихъ коллегіатовъ. *Гизелю* досталась въ удѣлъ рѣдкая честь:

ему, по завѣщанію Петра Могилы, усвоено по самую смерть титло *»благодѣтеля и покровителя кіевскихъ школъ«*. Много, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, студентовъ »въ цвѣтущей »младости вразумилъ и искусныхъ въ книжной премудрости по»казалъ«: но много онъ испыталъ и скорбей. »Видѣти бо, »продолжаетъ краснорѣчивый панегиристъ его св. Димитрій, »войнами истощенную Украйну христіанскую, развѣ то не бо»лѣзнь? Слышати проливающуюся кровь правовѣрныхъ, развѣ »то не воздыханіе? Видѣти не одинъ разъ утѣсненную отъ »непріятелей обитель святую, развѣ то не болѣзнь? Слышати »близко сверкающій мечъ басурманскій, развѣ то не воздыханіе? »Видѣти волковъ мысленныхъ, нападающихъ на духовное его »стадо, развѣ то не болѣзнь? Въ тѣхъ всѣхъ болѣзнѣхъ и воз»дыханіяхъ былъ, яко мѣдь въ пещи раздеженнѣ, единымъ ток»мо прохлаждался Богомъ«[228]. Въ 1650 году *Гизель,* уволившись отъ училищной службы, и при всемъ томъ оставаясь членомъ братства, былъ переведенъ въ Кирилловскій монастырь, а черезъ два года въ Николаевскій игуменомъ. Въ 1656 онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита Кіево-печерской Лавры, и въ теченіи двадцати-семи-лѣтняго управленія своего сею обителью, заслуживъ отъ современниковъ высокое названіе »столпа и подпоры въ Церкви Божіей«[229], окончилъ многотрудную, подвижнически-ученую жизнь свою 18 ноября 1684 года и погребенъ въ великой лаврской церкви въ усыпальницѣ подъ лѣвымъ клиросомъ[230]. Изъ сочиненій его пользуется особенной извѣстностью *Синопсисъ* или *краткое описаніе о началѣ славенскаго народа и о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до государя царя Ѳеодора Алексѣевича.* За неимѣніемъ въ то время лучшаго руководства по исторіи, *Синопсисъ* этотъ нѣсколько разъ былъ перепечатываемъ и всюду употребляемъ до тѣхъ поръ, пока не вышелъ краткій россійскій лѣтописецъ Ломоносова. Не смотря на историческія несообразности и ошибки, наполняющія эту книгу, въ ней ощущается предчувствіе правильной системы, хоть и не основанной на внутренней связи событій, по крайней

мѣрѣ послѣдовательно расположенной по велико-княжеской династіи. Богословская книга *Гизеля* подъ названіемъ: *Миръ человѣку съ Богомъ, или покаяніе святое, примиряющее Богови человѣка, ученіемъ отъ писанія святаго и учителей церковныхъ собраннымъ*, есть плодъ постояннаго чтенія его отеческихъ писаній. Впрочемъ въ этой книгѣ, по отзыву митрополита Евгенія, есть нѣсколько и непристойныхъ толкованій, а въ главѣ о позволенныхъ и непозволенныхъ степеняхъ родства въ бракахъ много несходнаго съ правилами Кормчей книги[231]. Посему-то указомъ св. Синода 1766 года запрещено ссылаться на нее при рѣшеніи вопросовъ о степеняхъ родства[232].

Изъ другихъ наставниковъ этой эпохи особенно замѣчательны своей ученостью и просвѣщеніемъ:

Галятовскій Іоаннкій, самъ принадлежавшій къ числу воспитанниковъ могилянской коллегіи. По окончаніи курса, онъ поступилъ учителемъ въ низшія школы, и переходя постепенно изъ класса въ классъ, достигъ каѳедры реторики. Отсюда онъ былъ назначенъ въ настоятели Купятицкаго Волынскаго монастыря, скоро потомъ занятаго уніатами. *Галятовскій* былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ состязательныхъ богослововъ своего вѣка; многочисленныя его сочиненія свидѣтельствуютъ о той ревности, съ какою во всю жизнь свою преслѣдовалъ онъ всякое ученіе, враждебное духу истиннаго христіанства. Іезуиты еще не встрѣчали между православными такого сильнаго и непобѣдимаго противника, какъ *Галятовскій*, — и не одни іезуиты, — уніаты, евреи и магометане были поражаемы несокрушаемымъ словомъ этого великаго поборника православія. И далеко пронесла молва славное имя *Галятовскаго*. Въ 1671 году онъ былъ вызванъ въ Москву для проповѣданія слова Божія и одно изъ своихъ поученій, вмѣстѣ съ привѣтственною рѣчью, имѣлъ счастіе поднести царю Алексѣю Михайловичу[233].

Славенецкій Епифаній, »мужъ, по свидѣтельству совре-

меннаго сказанія, многоученый, аще кто инъ таковъ во времени »семъ, не токмо граматики и реторики, но и философіи и самыя »ѳіологіи извѣстный бысть испытатель и искуснѣйшій разсу»дитель и опасный претолковникъ еллинскаго, славенскаго и »польскаго діалектовъ«[234]. Окончивъ курсъ наукъ въ кіево-могилянской коллегіи, онъ путешествовалъ нѣсколько времени за-границей, и по возвращеніи въ отечество, принялъ монашество и поступилъ учителемъ въ братское училище. Когда боярин Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, около 1648 года устроилъ близъ Москвы преображенскую пустынь, вызвавъ туда братію изъ разныхъ кіевскихъ и другихъ малороссійскихъ монастырей: то въ тоже время онъ рѣшился завести тамъ и ученое братство для перевода разныхъ полезныхъ церковныхъ книгъ. Съ этой цѣлію онъ обратился съ просьбою къ митрополиту Сильвестру Кѳссову, который, снисходя къ благочестивому желанію просвѣщеннаго боярина, избралъ между прочими и *Славенщкаго*, и отправилъ его въ Москву. Обезпеченный содержаніемъ отъ Ртищева, *Славенщкій* немедленно приступилъ къ переводу разныхъ священныхъ книгъ[235]. Въ этомъ дѣлѣ онъ явился образцомъ для всѣхъ своихъ сотрудниковъ; занимаясь переводами, онъ въ тоже время составлялъ, по просьбѣ боярина, *Полный Лексиконъ Славяно-греколатинскій*, и задумывалъ новый переводъ всей Библіи на языкъ славянскій. Къ сожалѣнію, преждевременная кончина его помѣшала сему полезному предпріятію; *Славенщкій* успѣлъ перевести только новый завѣтъ, къ которому онъ приступилъ прежде всѣхъ священныхъ книгъ »ово ради царскаго повелѣнія, наипаче же ради спасенія души своея и иныхъ ради пользы«. Чрезъ нѣсколько времени пребыванія своего въ преображенской пустыни *Славенщкій* былъ опредѣленъ главнымъ справщикомъ московской типографіи, а потомъ взятъ патріархомъ Никономъ въ Чудовъ монастырь въ званіе учителя патріаршей школы, не оставляя и при этомъ занятій своихъ по переводу и исправленію книгъ священныхъ[236]. Въ 1676 году *Славенщкій* скончался и погребенъ въ московскомъ Чудовѣ монастырѣ[237].

Сатановскій Арсеній, сотрудникъ Епифанія Славеницкаго по переводу книгъ съ греческаго языка[238]. Былъ онъ сотрудникомъ этого знаменитаго филолога и въ дѣлѣ образованія юношества: ибо по окончаніи курса наукъ въ кіевской коллегіи, оставленъ былъ іеромонахомъ Кіево-братскаго монастыря и вмѣстѣ съ этимъ получилъ каѳедру училищную. Гдѣ онъ скончался, — неизвѣстно.

Въ періодъ времени Могилинскаго изъ коллегіи вышли многіе воспитанники, сдѣлавшіеся потомъ замѣчательными людьми. Не всѣхъ имена записаны на скрижаляхъ исторіи, но тѣ, которыхъ она передала намъ, заслуживаютъ полное уваженіе просвѣщеннаго потомства.

Барановичъ Лазарь составляетъ собою высокую аттестацію училищу, давшему ему такое образованіе. Когда въ половинѣ XVII столѣтія католики и уніаты начали издавать противъ Церкви восточной разныя бранчивыя сочиненія, укоряя православныхъ флорентійскимъ соборомъ и называя исповѣданіе ихъ схизматизмомъ: тогда для борьбы съ ними, съ общаго согласія всего малороссійскаго духовенства, избраны были Галятовскій Іоанникій и *Барановичъ Лазарь*. Страшно и несокрушимо было оружіе перваго изъ сихъ поборниковъ истины: но узнали враги православія и другую не менѣе мощную руку, поражавшую ихъ неотразимо. Всѣми силами старались они истреблять многочисленныя сочиненія *Барановича*, доказывая этимъ жалкую слабость и ничтожество свое, такъ что изъ полемическихъ твореній его не дошло до насъ ни одно. Но въ замѣнъ этого мы имѣемъ довольное количество священно-историческихъ и гомилетическихъ произведеній *Барановича*[239], изъ которыхъ видѣнъ его неоспоримый талантъ. Какъ любитель изящной словесности, *Барановичъ* занимался и поэзіей, и охотно наполнялъ стихами даже серьёзныя свои сочиненія. Явится и еще предъ нами сей защитникъ православія и знаменитый участ-

никъ въ современной политикѣ, и скажется тогда послѣднее слово о его многополезной жизни.

Домецкій Гавріилъ. бывшій свидѣтелемъ нападенія на коллегію кіевлянъ, взбунтованныхъ іезуитами[240]. До 1691 года онъ былъ архимандритомъ Симонова монастыря и принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ, возбужденныхъ въ Москвѣ Лихудами. Затронутый тѣмъ, что сочиненія, печатанныя въ Кіевѣ, подвергаемы были подозрѣнію въ склонности къ мнѣніямъ папистическимъ, *Домецкій* явно возсталъ противъ Лихудовъ, и когда сіи послѣдніе написали сочиненіе противъ порицателей перегола *Седмидесяти*, *Домецкій* возразилъ на оное въ своемъ посланіи къ Іову, митрополиту Новгородскому[241]. Между тѣмъ, когда на московскомъ соборѣ 1690 года патріархъ Іоакимъ приписалъ происхожденіе нѣкоторыхъ заблужденій ученымъ кіевскимъ и запретилъ читать извѣстныя ихъ сочиненія[242], — то и *Домецкій* подвергся гоненію. Его обвинили въ нерадѣніи о монастырскихъ пользахъ и перевели въ другой монастырь, въ качествѣ подначальнаго[243]. Но въ 1704 году, во время патріаршества Адріана, *Домецкій* получилъ въ управленіе Юрьевскій первокласный монастырь, гдѣ и оставался до 1708 года. Кончина его неизвѣстна. Изъ сочиненій *Домецкаго* вышло въ свѣтъ только одно: *Путь къ вѣчности, священными писаніи изъявленный и св. отцы во двоюнадесяти степеняхъ изображенный.* Кромѣ того онъ составилъ два монашескихъ устава для обителей, которыми начальствовалъ, выбравъ для сего правила евангельской и иноческой жизни изъ писаній отцевъ Церкви.

Іовлевичъ Игнатій. первый изъ игуменовъ полоцкаго Борисо-Глѣбскаго монастыря получившій санъ архимандрита. Какъ одинъ изъ отличныхъ мужей, онъ посланъ былъ на игуменство самимъ Петромъ Могилой, по благословенію котораго князьями Огинскими построена тамъ и каменная церковь во имя Богоявленія Господня. Въ 1656 году *Іовлевичъ* имѣлъ

счастіе принимать въ своемъ монастырѣ царя Алексѣя Михайловича и говорить ему привѣтственную рѣчь. Черезъ два года послѣ сего патріархъ Никонъ принялъ какъ самаго *Іовлевича*, такъ и весь монастырь подъ свое непосредственное вѣдомство, освободивъ его отъ всякаго вліянія епископовъ полоцкихъ и витебскихъ. За то и *Іовлевичъ* не остался неблагодарнымъ къ своему благодѣтелю; ибо когда въ 1660 году созванъ былъ въ Москвѣ соборъ для низложенія Никона, *Ипатій* подалъ въ защиту его *Голосъ*, оставшійся однакожъ въ рукописи[214]. Дальнѣйшая судьба *Іовлевича* неизвѣстна.

Радивиловскій Антоній, бывшій сначала проповѣдникомъ Кіево-печерской Лавры, а потомъ игуменомъ Кіево-николаевскаго пустыннаго монастыря. Свѣдѣнія о его жизни и дѣяніяхъ очень скудны; видимъ только изъ оставшихся его сочиненій, что *Радивиловскій* обладалъ замѣчательнымъ проповѣдническимъ даромъ[215].

Савеловъ Іоакимъ, девятый патріархъ всероссійскій родился 1620 года и принадлежалъ къ дворянской фамиліи. Окончивъ курсъ наукъ въ кіево-могилянской коллегіи, онъ поступилъ въ военную службу и участвовалъ во всѣхъ походахъ и битвахъ, предшествовавшихъ окончательному соединенію Малороссіи съ Великой Россіей. Не смотря на то, что и происхожденіе и личныя заслуги открывали *Савелову* блистательную карьеру, онъ рѣшился оставить свѣтъ и тридцати пяти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Кіево-Межигорскій общежительный монастырь, гдѣ и былъ постриженъ въ монашество, съ обѣщаніемъ никогда не выходить оттуда и кончить жизнь въ отшельничествѣ; но черезъ два года послѣ этого *Савеловъ* былъ вызванъ патріархомъ Никономъ въ Москву и опредѣленъ келаремъ въ Чудовъ монастырь, котораго былъ потомъ и архимандритомъ (1664 г.). Во все продолженіе этого времени онъ присутствовалъ въ Патріаршемъ Разрядѣ для

разсмотрѣнія духовныхъ дѣлъ, а по избраніи Питирима на патріаршій престолъ, 1673 года, *Савеловъ* былъ возведенъ на степень митрополита новгородскаго, и чрезъ десять мѣсяцевъ облеченъ въ званіе патріарха. На этомъ высокомъ посту служенія Церкви и отечеству, *Іоакимъ* явился ревнителемъ истиннаго просвѣщенія, защитникомъ нападаемой отъ лжеученій и расколовъ Церкви, блюстителемъ царства въ малолѣтство Петра, споспѣшествовавшимъ укрощенію стрѣлецкихъ бунтовъ, спасенію жизни самаго Царя и единодержавію его, и наконецъ виновникомъ подчиненія кіевской митрополіи патріаршеству Всероссійскому. При пылкомъ и крутомъ характерѣ, патріархъ *Іоакимъ* дѣйствовалъ мудро и неутомимо до самой кончины своей, послѣдовавшей 17 марта 1690 года. Онъ заслужилъ отъ православныхъ Россіянъ имя доблестнаго поборника Церкви и отечества; за то иностранцы считали его врагомъ просвѣщенія и образованности[246]. Памятникомъ своей учености *Іоакимъ* оставилъ нѣсколько поученій и полемическихъ твореній, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ *Увѣтъ духовный*[247].

Сафоновичъ Ѳеодосій первый изъ нашихъ систематико-историковъ. Онъ составилъ хронику свою изъ стародавнихъ лѣтописцевъ, начиная съ Нестора до послѣднихъ бытописателей польскихъ[248]. Изъ плана, начертаннаго *Сафоновичемъ*, хоть и видно, что онъ думалъ написать полную хронику земли Русской: но за недостаткомъ рукописей, относящихся къ сѣверной полосѣ Россіи, ограничился только сказаніями о западной, и преимущественно о княжествѣ Галицкомъ. Ученая дѣятельность *Сафоновича*, если принять половину только статей, приписываемыхъ ему спискомъ Ватерлосскимъ, по истинѣ удивительна: нѣтъ ни одного рода словесности, въ которомъ бы онъ не испыталъ силъ своихъ[249]. *Сафоновичъ*, проходившій нѣсколько времени при коллегіи учительныя должности, въ 1655 году былъ посвященъ въ игумены Кіево-михайловскаго монастыря. Тамъ ли онъ скончался, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ — неизвѣстно.

Заключаемъ рядъ воспитанниковъ эпохи могилинской скромнымъ именемъ *Θеофана*, іеродіакона московскаго Чудова монастыря. Не одинъ ли онъ изъ тѣхъ, которые прибыли въ Москву вмѣстѣ съ Славеницкимъ и Сатановскимъ? Очень можетъ быть. По крайней мѣрѣ переводы его показываютъ ближайшее знакомство съ тѣми языками, которые процвѣтали на юго-западѣ Россіи, а выборъ сочиненій для переложенія ихъ на языкъ русскій, обличаютъ вкусъ человѣка, достаточно приготовленнаго къ тому строгою наукой. *Θеофанъ* перевелъ съ польскаго сочиненіе, извѣстное подъ названіемъ *Дезидерій, или стезя къ любви Божіей и къ совершенству житія христіанскаго*. Другимъ памятникомъ его ученыхъ занятій осталось тоже переведенное имъ съ латинскаго языка сочиненіе: *Солнечникъ или уравненіе воли человѣческія съ волею Божіею*[250].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Сильвестръ Коссовъ.

Избраніе Сильвестра въ митрополиты. Подвиги Хмѣльницкаго. Зборовскій договоръ. Хмѣльницкій въ Кіевѣ. Запись кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны. Посѣщеніе коллегіи патріархомъ Паисіемъ. Отзывъ его объ училищѣ. Замѣтка его о бѣдствіяхъ Церкви. Сильвестръ на варшавскомъ сеймѣ. Утвержденіе Зборовскаго договора. Универсалъ Хмѣльницкаго. Вѣроломство поляковъ. Битва подъ Берестечкомъ. Бѣлоцерковскій трактатъ. Бѣдствія коллегіи. Пожертвованія въ пользу ея. Двѣ граматы царя Алексія Михайловича кіево-богоявленскому братству. Упадокъ кіевской коллегіи. Нобилитація. Малороссія поступаетъ въ подданство царю Всероссійскому. Присяга кіевлянъ. Завоеванія Русскихъ. Кончина митрополита Сильвестра и гетмана Хмѣльницкаго. Сочиненія Коссова. Ректоры коллегіи: Иннокентій Гизель, Іосифъ Кононовичъ, Лазарь Барановичъ. Замѣчательнѣйшіе воспитанники: Ясинскій Варлаамъ, Максимовичъ Іоаннъ, Моравскій Павелъ, Самойловичъ Иванъ.

1647—1657.

Снова начинаются кровавыя испытанія для кіевской коллегіи, какъ будто великій благодѣтель ея унесъ съ собою въ могилу все ея благосостояніе. Не стало уже сильной руки, охранявшей коллегію отъ буйныхъ враговъ вѣры православной, собиравшей подъ хоругвь ея жаждущихъ просвѣщенія. Развилась другая хоругвь, призывающая на поле битвы, подъ громы пушекъ и воинственные клики. И много пройдетъ времени, пока коллегія, словно фениксъ изъ пепла, воспрянетъ обновленная и созоветъ разсѣянныхъ птенцовъ своихъ подъ крилѣ свои...

Новый протекторъ коллегіи былъ уже знакомъ ей. Она сама воспитала его, сама слышала потомъ мудрое, наставническое его слово, и какъ мать отъ сына, приняла оборону во время бѣдственнаго погрома отъ возставшаго на нее невѣжества.

Сильвестръ Коссовъ родился въ воеводствѣ витебскомъ отъ благородной православной фамиліи, и по окончаніи воспитанія и ученой службы при кіевской коллегіи, въ 1635 году былъ посвященъ въ санъ епископа мстиславскаго, могилевскаго и оршанскаго. По кончинѣ митрополита Петра Могилы, онъ единодушно былъ провозглашенъ первосвятителемъ іерархіи кіевской. Все духовенство и запорожскіе козаки, не относясь за привиллегіею къ польскому королю, испросили только благословеніе константинопольскаго патріарха Парѳенія II, и 1647 года Сильвестръ былъ посвященъ въ Кіевѣ русскими епископами.

Бурно и неспокойно было правленіе сего первосвятителя. Богданъ Хмѣльницкій, провозглашенный 15 октября 1647 года малороссійскимъ гетманомъ, рѣшился совершенно очистить всю Украйну отъ притѣснителей — поляковъ, и энергически началъ дѣйствовать, памятуя слово королевское и благословеніе усопшаго первосвятителя. Битвы Желтоводская и подъ Каменецъ-Подольскомъ были первымъ воинственнымъ призывомъ, на который откликнулась вся Малороссія. Предъ ожесточенными козаками одинъ за другимъ падали города; Баръ, Новгородъ-Сѣверскъ были уже свободны; битва подъ Пилявцами скрѣпила эти быстрыя завоеванія. Но гордые магнаты не думали образумиться и предписали Малороссіянамъ условія какъ будто побѣжденнымъ; отвѣтомъ на это была битва подъ Зборажемъ. Тогда-то уже король и сеймъ стали уступчивѣй, и 7 сентября 1649 года скрѣпили знаменитый зборовскій договоръ, по которому народъ русскій со всѣми его областями, городами, селеніями и всякою къ нимъ народною и національною принадлеж-

постію увольнялся и освобождался отъ всѣхъ притязаній польскихъ и литовскихъ чиновъ на вѣчныя времена, прекращалась обоюдная вражда, подтверждена независимость русскаго народа, утверждены границы русскія, митрополиту предоставлялось мѣсто въ сенатѣ на равнѣ съ другими сенаторами; воеводѣ кіевскому и другимъ чиновникамъ въ Кіевѣ установлено быть изъ русскихъ дворянъ и закона православнаго; іезуитскія училища, какъ въ Кіевѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и селеніямъ малороссійскимъ, положено упразднить и перевести въ другія мѣста, »такъ какъ воевода кіевскій Бржовскій ввелъ ихъ на зло кіевскимъ русскимъ школамъ«[251]. Октября 1 того же года виновникъ этого великаго дѣла, гетманъ Хмѣльницкій съ тріумфомъ, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, вступилъ въ Кіевъ, и въ святой печерской Лаврѣ принесъ благодарственное моленіе за помощь, посланную ему свыше.

Въ теченіи этого времени кіевская коллегія, оставаясь вѣрною началамъ, предписаннымъ ей незабвеннымъ Могилою, была все таже славная и знаменитая своей ученостью коллегія. Согласно завѣщанію его, она получила отъ кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны со всею братіею запись на трехлѣтнее владѣніе хуторомъ и селомъ Вишеньками и Гнѣдиномъ, принадлежавшими Лаврѣ, »для преспѣянія, какъ сказано въ записи, славы Божіей и наукъ, и въ уваженіе постоянныхъ заслугъ и усердныхъ трудовъ ко благу всей Церкви Божіей всечестныхъ отцовъ кіевскаго братства[252]

Въ 1649 году кіево-могилянская коллегія удостоилась посѣщенія Паисія, патріарха іерусалимскаго, который и останавливался тамъ во время краткаго пребыванія своего въ Кіевѣ. Осмотрѣвъ »виноградъ училищный кур Петра Могилы тща»ніемъ возращенъ и насажденъ, такожде и дѣлатели винограда »того во ученіи, разумѣ и премудрости зѣло искусныхъ, бла»гочестивыхъ и благоговѣйныхъ тоя святыя обители видѣвше,

»юношь благородныхъ правообучающихъ, утверждающихъ и отъ »ересей къ вѣрѣ православной каѳолической своимъ премудрымъ »ученіемъ, святыхъ отецъ послѣдующе преданіямъ, обращаю »щихъ уразумѣвше«, патріархъ Паисій, прощаясь съ гостепріимной коллегіей, утвердилъ и »вѣчне« запечатлѣлъ своимъ патріаршескимъ благословеніемъ »благочестивыхъ инокъ святыя »обители Богоявленія крестоноснаго братства, во еже и во пред »няя лѣта таковыхъ учителей благотрудныхъ и училищъ въ по »ученіе христіанскихъ дѣтей имъ умножати«[253].

Кратковременное пребываніе патріарха Паисія въ Кіевѣ позволило однакожъ ему замѣтить состояніе бѣдствующей извнѣ Церкви, ибо онъ прибавилъ въ своей граматѣ, что обученіе юношества вообще полезно, но »всей Россіи Малой странѣ зѣло »нужно, идѣже иновѣрцы и отступницы хитростною своею му »дростію не точію простыхъ, но и разумныхъ множицею улов »ляютъ отъ истинныя вѣры, своимъ душегубнымъ прельщаютъ »прельщеніемъ и отводити тщатся«[254].

Еще больше бы этого сказалъ первосвятитель іерусалимскій, еслибы зналъ, какими врагами окружена »Малая Россія«. Для нихъ не было ничего священнаго; они дышали только буйствомъ и разрушеніемъ....

Для утвержденія сеймомъ зборовскаго договора, Хмѣльницкій отправилъ въ Варшаву, вмѣстѣ съ своими послами, митрополита Сильвестра съ епископомъ львовскимъ Арсеніемъ Желиборскимъ, кіево-печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ Тризною, и съ нѣкоторыми другими духовными лицами. По одной изъ договорныхъ статей, какъ сказано, православному митрополиту слѣдовало занимать въ сенатѣ первое мѣсто послѣ польскаго примаса. Этому воспротивились ксензы, бывшіе членами сейма; они осыпали Сильвестра оскорбленіями и объявили на отрѣзъ, что оставятъ мѣста свои и выдутъ изъ собранія, коль скоро

вступитъ туда врагъ папы. Напрасно опытные въ политикѣ вельможи старались уговорить католическое духовенство необходимостью подчиниться уже скрѣпленному договору,—изувѣры ничего не слушали и стали вопіять на самаго короля за то, что онъ вноситъ въ мирныя соглашенія статьи, противорѣчащія уставамъ римской церкви. Оскорбленный Сильвестръ возвратился въ Кіевъ, вмѣстѣ съ Адамомъ Кисѣлемъ и повѣтовымъ судьею Проскурою[255].

Однакожъ послѣ долгихъ споровъ, польскій сеймъ принялъ зборовскій договоръ, а король 12 генваря 1650 года утвердилъ его. Въ силу этого, отъ уніатовъ долженствовали быть возвращены захваченныя ими епархіи, а также многія церкви и монастыри, находившіеся въ польскихъ городахъ. Сильвестръ получилъ въ это время королевское утвержденіе въ митрополитскомъ санѣ; ему и епископамъ его уступлено право цензуры книгъ, а кіевской коллегіи и типографіямъ прежнія ихъ привилегіи[256]. Трактатъ этотъ внесенъ въ кіевскія городовыя книги.

Обрадованный счастливымъ окончаніемъ такого важнаго дѣла, Богданъ Хмѣльницкій занялся исправленіемъ и возстановленіемъ церквей и монастырей. Для этого онъ отдавалъ имъ разныя »лядскія маетности и млины«; для этого же отдалъ во владѣніе и безпрепятственное завѣдываніе кіево-богоявленскаго братства доминиканскія имѣнія и особенно села: Мостищи со всѣми его грунтами, полями, сѣнокосами, борами, лѣсами, мѣльницами и прочими угодьями, Плисецкое, Черногородку и пустопорожнее мѣсто Рыльскаго въ Кіевѣ[257], а грамотою 1655 года дозволилъ на праздники сытить медъ и продавать его въ пользу коллегіи[258].

Но всѣ обѣщанія и клятвы варшавскаго сейма были только на бумагѣ; ни одна статья изъ зборовскаго договора не была исполнена. Уніаты и іезуиты увеличили дерзость свою. По-

слѣдніе не только не думали переводить изъ Кіева своихъ училищъ, но даже завладѣли тою школою, которую Петръ Могила завелъ въ Виницѣ[259]. Коронный гетманъ Николай Потоцкій свирѣпствовалъ надъ Малороссіянами и расположилъ свои войска около Каменецъ-Подольска. Напрасно Хмѣльницкій старался отклонить новое кровопролитіе, заклиная Поляковъ Богомъ живымъ; сеймъ опредѣлилъ немедленно начать военныя дѣйствія, и битва подъ Берестечкомъ увѣнчала злобныя усилія притѣснителей Малороссіи. Козаки потерпѣли страшное пораженіе, и Кіевъ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ кровожадныя полчища враговъ. Пожары, буйства и разореніе ознаменовали пребываніе князя Радзивила во святомъ градѣ.

Обезсиленный трудностію и неравенствомъ борьбы, Хмѣльницкій началъ домогаться мира, который и заключенъ былъ въ Бѣлой-церкви: но этимъ новымъ договоромъ уничтожены всѣ выгодныя для Церкви православной статьи зборовскія и обѣщана только вообще прежняя свобода епископамъ, монастырямъ, училищамъ и церквамъ, съ возвращеніемъ имѣній, если какія во время послѣдней войны у нихъ отняты.

Не минула эта гроза и кіево-могилянской коллегіи. Угодья и вотчины ея доставались въ руки непріятеля, а плацовъ или дворовыхъ мѣстъ, состоявшихъ въ ея владѣніи, некому было занимать[260]; члены, составлявшіе училищное братство, сами бѣдствовали, обременяемые непомѣрными налогами и воинскими требованіями, наконецъ и Лавра отобрала, по условію, свои вотчины.

Въ сію тяжкую годину митрополитъ Сильвестръ обратился съ ходатайствомъ своимъ о пособіи разоренной коллегіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ. Внимая священному призванію первосвятителя, въ одно и тоже время четыре епископа изъявили желаніе вносить ежегодно извѣстную сумму, въ чемъ

и дали, каждый отъ себя, добровольныя записи. Такимъ образомъ Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій и самборскій, обязался жертвовать *сто* злотыхъ ежегодно, обѣщая впредь увеличить свое приношеніе, какъ скоро вступитъ въ дѣйствительное и спокойное во всемъ завѣдываніе своею епархіей[261]. Тоже самое написали: Іосифъ Горбацкій, епископъ витебскій, оршанскій, мстиславскій и могилевскій, обязавшійся ежегодною дачею коллегіи *пятисотъ* злотыхъ; Іосифъ Чаплицъ, епископъ луцкій и острожскій, подписавшійся на столько же, и Діонисій Балобанъ, епископъ хелмскій и бѣлжскій—на *двѣсти* злотыхъ[262]. Тогда же коллегія получила отъ нѣкоей Петронелли Вороничовны—Данилевой Голубовой плацъ вороничовскій на Подолѣ[263].

Сострадая бѣдственному положенію училища, прежніе воспитанники его Епифаній Славеницкій и Арсеній Сатановскій били челомъ царю Алексѣю Михайловичу о позволеніи пріѣзжать въ великую Россію старцамъ кіево-богоявленскаго училищнаго братства для сбора подаяній черезъ каждые три года. Великодушный государь, не смотря на то, что за годъ предъ симъ (1649) снабдилъ жалованною граматою въ этомъ же смыслѣ ректора коллегіи Иннокентія Гизеля, благосклонно принялъ ходатайство ученыхъ мужей, и 1650 года разрѣшилъ членамъ кіевскаго братства, вмѣсто прежняго срока шести лѣтъ, пріѣзжать черезъ три года. Въ этой граматѣ между прочимъ опредѣленъ и безпрепятственный проѣздъ всюду на пути слѣдованія просителей отъ Кіева до Москвы и обратно; назначено давать подводы, а при подводахъ приставовъ, »и съ ними до Москвы посылати дѣтей боярскихъ«. На путевыя издержки положено давать игумену по осьми денегъ, »а попомъ и старцомъ большимъ по пяти денегъ« на каждаго, остальнымъ по четыре деньги, а слугамъ по три деньги на день. На ремонтъ лошадей повелѣно отпускать зимою въ день по три деньги на лошадь: »а какъ, сказано наконецъ, того монастыря игуменъ или старцы »пойдутъ къ намъ къ Москвѣ или съ Москвы, и по городамъ

»таможеннымъ головамъ и цѣловальникомъ, и по мытомъ мыт»чикомъ и по рѣкамъ перевозчикомъ и мостовщикомъ и губ»нымъ старостамъ и цѣловальникомъ и всякимъ пошлинникомъ, »съ тѣхъ старцовъ и съ ихъ слугъ и съ рухляди ихъ мыту и »перевозу и мостовщины и тамги и иныхъ нѣкоторыхъ пош»линъ неимати, а пропущати ихъ безо всякія запѣпки. А кто »на нихъ и на ихъ слугахъ что возметъ или чѣмъ изобидитъ, »и тѣмъ отъ насъ быти въ опалѣ, а взятое велимъ отдати »вдвое«[264].

Но не смотря на такое милостивое вниманіе могущественнаго монарха къ нуждамъ училища, не смотря на всѣ архипастырскія попеченія митрополита Сильвестра, не смотря наконецъ на то, что въ коллегіи еще оставались знаменитые наставники могилинскаго времени, она день ото дня ослабѣвала и клонилась къ упадку. Къ послѣднему слову усопшаго архипастыря, погрозившаго проклятіемъ всякому, кто не станетъ подъ знамена защитниковъ отечества, присоединилась вымышленная Хмѣльницкимъ *нобилитація* или производство въ козаки. Этого почетнаго титла добивался въ то время всякій молодой человѣкъ, не принадлежавшій собственно къ козачеству, ибо оно всегда почиталось нѣкотораго рода шляхетствомъ, и мѣщанинъ, въ понятіяхъ этого воинственнаго племени, стоялъ гораздо ниже регистроваго козака. Производство это разбиралось строго; только природное происхожденіе или доказательство на заслуги давали право на титло козака. Съ этою цѣлію въ самомъ Кіевѣ были нобилированы свободные жители, войсковые и городовые, которые въ прежнія времена служили волонтерами, запорожцами и въ полкахъ охочекомонныхъ. Получившіе это званіе или, по тогдашнему выраженію, *нобилитацію*, приводимы были къ присягѣ, вписывались въ козацкіе *компуты*, и считались уже на ряду съ другими козаками и въ одномъ съ ними достоинствѣ шляхетскомъ.

Можно вообразить, какое волненіе произвела эта нобили-

тація между молодыми людьми, наполнявшими кіево-могилянскую коллегію. Жажда славы и воинскихъ подвиговъ, такъ свойственная юношескому возрасту, кипѣніе свѣжихъ, непотраченныхъ силъ, просвѣщенное сознаніе своихъ обязанностей къ отечеству, невыразимыя бѣдствія его, предсмертное слово Могилы, полные энергіи ума и воли универсалы Хмѣльницкаго, наконецъ возможность пріобрѣсти почетное названіе браваго козака — все это вмѣстѣ влекло молодежь изъ мирной обители просвѣщенія на поле брани, гдѣ рѣшался великій вопросъ: быть или не быть Малороссіи. День ото дня пустѣли коллегіальныя аудиторіи, и высшіе классы едва влачили свое существованіе, постепенно утрачивая слушателей. Почти тоже было и въ среднихъ; однѣ только низшія оставались въ полномъ своемъ составѣ, да и то до времени. Достигая полнаго развитія юношескихъ силъ, ученики бросали школьныя занятія и уходили въ ряды защитниковъ родины.

Къ несчастію, эти новобранцы дорого поплатились за оставленіе лелѣявшей ихъ коллегіи. Битва берестечская для многихъ изъ нихъ была послѣднимъ подвигомъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ она рѣшила окончательное присоединеніе Малороссіи къ великой Россіи. Видя, что Поляки, соединясь съ крымскимъ ханомъ и султаномъ, грозятъ погромомъ всей Украйнѣ, Хмѣльницкій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу, и 8 генваря 1654 года присягнулъ съ приближенными своими на вѣчное подданство всероссійскому престолу. За нимъ присягнули и всѣ малороссійскіе города и мѣстечки, числомъ до ста шестидесяти шести.

Дошла очередь и до Кіева. Хмѣльницкій былъ уже тамъ съ двумя полками — переяславскимъ и кіевскимъ и тысячью русской конницы. Бояре, составлявшіе посольство, въ сопровожденіи кіевскаго наказнаго полковника прибыли къ городу 16 генваря. Девять знаменъ и тысяча козаковъ встрѣтили ихъ въ десяти

верстахъ за городомъ; за полторы версты отъ златыхъ вратъ выѣхали митрополитъ, епископъ черниговскій Зосима Прокоповичъ, печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, игумены, намѣстники и все знатнѣйшее духовенство. Первосвятитель привѣтствовалъ пословъ рѣчью; шествіе возобновилось. Въ Златыхъ Вратахъ стояло все остальное духовенство съ крестами, образами, хоругвями и святой водой. Послѣ молебствія въ Кіево-печерской Лаврѣ провозглашено было многолѣтіе всему царскому дому, а на другой день вмѣстѣ съ митрополитомъ присягнулъ и весь Кіевъ.

Такъ совершилось событіе, слившее во едино два родственныя племени и содѣлавшее Россію страшною врагамъ и непобѣдимой! Въ короткое время послѣ сего Польша лишилась Смоленска, Дорогобужа, Невеля, Могилева, Полоцка, Шклова, Гомеля, Новгородъ-Сѣверска, Чернигова и многихъ другихъ городовъ, падшихъ предъ царскими войсками. Оружіе ихъ досягнуло до самаго Вильна; а между тѣмъ Хмѣльницкій въ свою очередь разорялъ и истреблялъ все непріятельское отъ Каменецъ-Подольска до самаго Львова и Люблина.

Въ одномъ и томъ же году окончили земное свое поприще два знаменитыхъ защитника православія и отечества: 1657 года 13 апрѣля скончался митрополитъ Сильвестръ, а 15 августа Зиновій Богданъ Хмѣльницкій. Прискорбна была душа знаменитаго іерарха, сходившаго въ могилу, и болѣзненно зрѣвшаго гибельное нестроеніе возлюбленной имъ страны. Самъ »отъ ляховъ всячески обнаженъ и нищетенъ зѣло«, онъ былъ свидѣтелемъ упадка и того вертограда, который былъ переданъ ему въ красотѣ и плодоносіи великимъ предмѣстникомъ Могилою, и въ которомъ когда-то и самъ онъ былъ ревностнымъ дѣлателемъ....

Въ бытность свою могилевскимъ епископомъ, Сильвестръ

написалъ на польско-русскомъ нарѣчіи сочиненіе *о седьми тайнахъ*, напечатанное подъ названіемъ *Дидаскалія, албо наука, которая ся первый изъ устъ священниковъ подавала о седми сакраментахъ или тайнахъ, на синодѣ помѣстномъ въ градѣ Могилевѣ (1637 г.)*. Къ сожалѣнію, сочиненіе это, въ 1690 году, подверглось нападеніямъ патріарха Іоакима, который указывалъ въ немъ нѣкоторыя неправославныя будто бы мысли. Въ оправданіе Коссова и другихъ подобныхъ ему писателей юго-западной Россіи, подпавшихъ такому же преслѣдованію, св. Димитрій Ростовскій, еще въ бытность свою батуринскимъ игуменомъ, написалъ: »оставляя въ Москвѣ мудрствовати греческихъ или »греко-латинскихъ учителей, мы якоже научихомся отъ отецъ »нашихъ, тако исповѣдуемъ«[265].

Послѣ Иннокентія Гизеля нѣкоторое время должность ректора коллегіи исправлялъ *Іосифъ Кононовичъ-Горбацкій*, бывшій въ ту пору игуменомъ Михайловскаго монастыря. На его-то имя послѣдовала въ 1650 году жалованная грамата Царя Алексѣя Михайловича[2]

Въ *Лазарѣ Барановичѣ*, поступившемъ на мѣсто Кононовича, кіево-могилянская коллегія увидѣла перваго ректора изъ своихъ собственныхъ воспитанниковъ, обязанныхъ исключительно ей одной своимъ образованіемъ. Отличный богословъ, обладавшій огромною ученостью, Барановичъ не могъ однакоже остановить общее увлеченіе юношества, спѣшившаго изъ школы на подвиги ратные, и въ 1657 году сошелъ съ своего поприща съ жезломъ архипастыря черниговскаго, заслуживъ имя »великаго столпа церковнаго«[267] и блюстителя каѳедры митрополитовъ кіевскихъ. Въ 1668 году онъ былъ пожалованъ отъ бывшихъ въ Москвѣ восточныхъ патріарховъ архіепископомъ, съ правомъ совершать богослуженіе въ саккосѣ; а въ 1694 уволившись отъ всѣхъ должностей, скончался на покоѣ въ Черниговѣ, гдѣ и погребенъ.

Изъ знаменитыхъ воспитанниковъ эпохи Сильвестра Коссова особенно замѣчательны *Варлаамъ Ясинскій, Іоаннъ Максимовичъ* и *Павелъ Моравскій*. Два первыхъ выдутъ со временемъ на дѣло и на дѣланіе свое, и скажутся намъ тѣмъ, чѣмъ они были. Что касается до послѣдняго, то хотя біографическія свѣдѣнія о немъ довольно скудны, однакожъ достаточны для того, чтобъ видѣть высокое достоинство сего знаменитаго воспитанника кіевской коллегіи. *Моравскій* 1679 года былъ уже архіепископомъ коломенскимъ, а черезъ три года въ томъ же санѣ переведенъ въ Суздаль, и черезъ годъ послѣ того назначенъ рязанскимъ митрополитомъ. Онъ скончался 4 сентября 1687 года[268].

Здѣсь же и въ этоже время воспитывался *Иванъ Самойловичъ*, бывшій потомъ гетманомъ Малороссіи. Онъ былъ сынъ священника села Зенькова, и въ пору нобилитаціи Хмѣльницкаго изъ кіевской коллегіи поступилъ въ ряды защитниковъ отечества. Дальнѣйшія сказанія выведутъ предъ насъ и *Самойловича* съ значеніемъ, которое суждено было ему имѣть въ мірѣ политическомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ДІОНИСІЙ БАЛОБАНЪ.

Избраніе Діонисія въ митрополиты. Гетманъ Виговскій. Гадячскій договоръ. Присяга Виговскаго и Діонисія на подданство королю польскому. Коллегія не принимаетъ титла академіи. Битва подъ Кіевомъ. Коллегія истреблена пожаромъ. Универсалъ полковника Дворецкаго. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. Юрій Хмельницкій—гетманъ. Онъ постригается въ монахи. Его пожертвованія братству. Отмѣна гадячскаго договора. Кончина Діонисія и искатели кіевской митрополіи.

1657—1663.

Діонисій Балобанъ, принадлежавшій къ фамиліи, извѣстной своею любовію къ просвѣщенію, еще прежде избранія своего въ митрополиты, былъ администраторомъ на Волыни отъ имени

Сильвестра Коссова и состоялъ въ санѣ епископа луцкаго и острожскаго. Избранный въ кіевскіе первосвятители, Діонисій Балобанъ истребовалъ на это благословеніе отъ константинопольскаго патріарха Парѳенія Кумкума. Нежеланіе его снестись о семъ предварительно съ патріархомъ московскимъ было причиною того, что царь Алексѣй Михайловичъ не призналъ Діонисія митрополитомъ и повелѣлъ посвященному тогда въ Москвѣ изъ кіевлянъ епископу мстиславскому и оршанскому Меѳодію Филимоновичу быть блюстителемъ кіевской митрополіи. Не смотря на это, Діонисій, по смутнымъ обстоятельствамъ того времени, пользовался правами кіевскаго митрополита и удерживалъ ихъ за собою до 1663 года, то есть, до своей кончины[269].

Преступное предвосхищеніе Виговскимъ не принадлежавшаго ему права гетманства повергло всю юго-западную Россію въ бездну золъ и несчастій. Законнаго преемника гетманской булавы, шестнадцати-лѣтняго Юрія Хмѣльницкаго, подъ предлогомъ образованія, отправилъ онъ въ кіевскую коллегію, а самъ задумалъ возсоздать изъ Малороссіи республику, соединивъ ее съ Польшею. Сбросивъ съ себя маску приверженца къ русскому престолу, Виговскій вошелъ въ открытую связь съ врагами православія, и ласкаемый сеймомъ, получилъ въ 1658 году статьи гадячскаго договора, изъ которыхъ первыя восемь касались собственно Церкви, вѣры и народнаго образованія. Такимъ образомъ *первою* статьею было положено, чтобы греческая вѣра, съ коею древній русскій народъ присоединился, оставалась при своихъ правахъ и преимуществахъ, и свободномъ отправленіи Богослуженія; во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ Польши и Литвы, также на сеймахъ, въ войскѣ и трибуналахъ, — и не только въ церквахъ, но и въ открытыхъ ходахъ и процессіяхъ, въ посѣщеніи больныхъ со св. Дарами, въ погребеніи мертвыхъ и во всемъ была бы равная съ католиками свобода. *Второю*, чтобы православныя церкви и монастыри свободно было и вновь созидать и старыя обновлять, а отня-

тыя возвратить въ теченіи полугода со всѣми ихъ волостями; уніатамъ же, какъ именно сказано въ этомъ договорѣ, »умножающимъ только раздоръ между римскою и греческою церковію«, ни духовнымъ, ни мірскимъ, ни сенаторамъ, ни шляхтичамъ не дозволять строить церквей и монастырей ни на королевскихъ, ни на собственныхъ земляхъ, и всѣ имѣнія у нихъ отобрать и отдать православнымъ; Унію въ Польшѣ и Украйнѣ вовсе истребить, и кромѣ вѣры православной и римско-католической другой нигдѣ не терпѣть; исповѣданію католическому вольно быть въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, но помѣщикамъ и чиновникамъ сего закона не имѣть никакой судебной власти ни надъ бѣлымъ, ни надъ чернымъ духовенствомъ греко-россійскимъ. *Третьею* — кіевскому митрополиту и пяти православнымъ епископамъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ по степенямъ своимъ съ правомъ имѣть такой же голосъ, какъ и римскіе епископы. *Четвертою* — въ кіевскомъ воеводствѣ достоинства сенаторскія давать одному лишь дворянству православному, а въ брацлавскомъ и черниговскомъ попеременно, то есть, когда умретъ католикъ, то православному, а когда православный, то католику. *Пятою*—во всей Польшѣ и Литвѣ жителямъ греческой и римской вѣры наравнѣ пользоваться вольностями и правомъ къ полученію должностей, и греческое вѣроисповѣданіе да не будетъ въ томъ препятствіемъ. *Шестою* — »Академіи« въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными краковской, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ нее не допускать ни профессоровъ, ни учениковъ изъ аріянъ, кальвинистовъ и лютеранъ; прочія же всѣ школы католическія, какія дотолѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей. *Седьмою* — дозволить завести и другую академію на томъ же основаніи, гдѣ будетъ удобнѣе, и въ томъ мѣстѣ иновѣрнымъ школамъ также не быть. *Осьмою*—гимназіи, училища, школы и типографіи, сколько окажется нужнымъ, православнымъ вездѣ свободно заводить, преподавать всякія науки и печатать

какія угодно книги, хотя бы то касалось и спорныхъ религіозныхъ пунктовъ...

Чего бы, кажется, лучше? Полная свобода вѣроисповѣданій, совершенное уравненіе правъ и преимуществъ, рѣшительное уничтоженіе ненавистной уніи, высокія почести православному духовенству, для коллегіи громкое названіе Академіи съ правами, равными правамъ академіи краковской, упраздненіе враждебныхъ ей училищъ, возвращеніе всѣхъ ея угодьевъ и доходовъ; значеніе Кіева возвышено, и Малороссія готовится блаженствовать....

Такъ думалъ измѣнникъ Виговскій съ своими приверженцами; такого мнѣнія былъ и слабодушный Діонисій, присягнувшій 10 іюня 1659 года съ подвѣдомственными ему епископами въ вѣрности и повиновеніи королю[270]. Удивителенъ и непонятенъ такой поступокъ послѣдняго! Самъ же онъ присутствовалъ въ Переяславлѣ при присягѣ Виговскаго царю Алексѣю Михайловичу[271]; самъ же слышалъ изъ устъ его клятвенныя обѣщанія въ вѣрноподданнической преданности православному самодержцу, и послѣ того онъ позволяетъ тѣмъ же устамъ произносить постыдную клятву измѣны и отступничества, и даже наконецъ самъ цалуетъ крестъ чуждому властелину!...[272]

Богъ сохранилъ коллегію могилянскую отъ постыдной чести, купленной измѣною и предательствомъ. Лучше страдать честно и благородно, чѣмъ такъ благоденствовать. Она дождется принадлежащаго ей имени; съ лихвой возвратитъ всѣ права и привиллегіи свои отъ престола истинныхъ помазанниковъ Царя царей; а до тѣхъ поръ, какъ сребро въ горнилѣ, пусть искушается и просвѣтляется, да явится потомъ свѣтъ ея предъ человѣки!...

Кровополитная битва подъ Кіевомъ, остававшимся вѣрнымъ царю православному (1658 г.), пораженіе сборныхъ полчищъ Виговскаго на всѣхъ пунктахъ положили конецъ предательскимъ замысламъ измѣнника, и мечтательная республика осталась только въ воображеніи враговъ Россіи.

Около этого времени кіево-богоявленскій монастырь, со всѣми принадлежавшими къ нему строеніями и училищемъ, до тла былъ истребленъ страшнымъ пожаромъ. Коллегія уже не существовала, послѣдніе изъ возмужавшихъ питомцевъ ея взялись за оружіе, чтобъ отмстить врагамъ отечественнаго спокойствія за гибель и разрушенія, внесенныя ими. Многія изъ помѣстьевъ и угодій, ей принадлежавшихъ, отошли отъ нея; такъ Моисей Могила отобралъ Мухоѣды, пожертвованные его братомъ, и продалъ это село Сапѣгѣ; Виговскій отнялъ пустопорожнее мѣсто Рыльскаго въ Кіевѣ[273]. По крайней мѣрѣ коллегія имѣла хоть документы, которые, при лучшемъ оборотѣ дѣлъ политическихъ, могли бы послужить ей въ пользу; теперь и этого не стало.

Соболѣзнуя о такомъ бѣдствіи богоявленскаго братства и коллегіи, кіевскій полковникъ Василій Ѳедоровичъ Дворецкій, универсаломъ своимъ, даннымъ 1659 года, объявилъ »всѣмъ вообецъ и каждому зъособна«, а именно: сотникамъ, атаманамъ, есауламъ и всѣмъ козакамъ полка кіевскаго, а также кіевскимъ мѣщанамъ и посполянамъ, близъ Кіева находящимся, что доминиканскій костелъ съ грунтомъ, находящимся въ Кіевѣ и за Кіевомъ, со всѣми принадлежностями онаго, какъ-то: заложеннымъ отъ тамошнихъ ксензовъ и потомъ опустѣвшимъ селомъ Мостищами, со всемъ его грунтомъ, боромъ и рѣчкою Которемъ, со всѣми находящимися на томъ грунтѣ и рѣкѣ уцѣлевшими и погорѣвшими мельницами и со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, составляли собственность братства, на что

оно имѣло и войсковые листы, данные Богданомъ Хмѣльницкимъ. А такъ какъ, продолжаетъ въ своемъ универсалѣ Дворецкій, документы эти, вмѣстѣ съ монастыремъ и школами, сгорѣли: то онъ завѣряетъ всѣхъ и каждаго въ законной и несомнѣнной принадлежности тѣхъ имѣній кіево-богоявленскому братству[274]. Въ то же время (1659 г.) отъ царя Алексѣя Михайловича послѣдовала, согласно ходатайству ректора коллегіи Іоанникія Галятовскаго, грамата, которою повелѣно было возвратить во владѣніе кіево-богоявленскаго братства »на строеніе церквей и школъ« мѣстечко Ксаворово и Мухоѣды, »буде, какъ »сказано въ той граматѣ, у нихъ на тѣ маетности есть при»вилія гетмана Богдана Хмѣльницкого і впредь буде спору и »челобитья отъ козаковъ не будетъ и в роздачу не отдано«. На такомъ же основаніи предоставлено было ввести коллегію во владѣніе и имѣніями Плисецкимъ, Черногородкой, пустопорожимъ мѣстомъ Рыльскаго и доминиканскимъ костеломъ[275]. Чрезъ годъ послѣ этого тотъ же полковникъ Дворецкій для возстановленія монастыря и училища пожертвовалъ три дворовыхъ мѣста на Подолѣ—Пекулитское, Оксаковское и Креницкое[276].

А между тѣмъ несчастная страна раздираема была междоусобіями. Юрій Хмѣльницкій и году не пробылъ въ кіевской коллегіи; онъ обманулъ бдительность приставленной къ нему Виговскимъ стражи и бѣжалъ. Опираясь на заслуги отца, и выставляя на видъ своихъ соотчичей обманы и предательство Виговскаго, онъ потребовалъ себѣ гетманской булавы. Царь утвердилъ его въ этомъ достоинствѣ, и Юрій сталъ гетманствовать. Первымъ дѣломъ его было представить московскому двору условія, которыя однакожь не были приняты, и Хмѣльницкій вынужденъ былъ подтвердить договорныя статьи своего отца. Но подтверждая ихъ, онъ не имѣлъ той силы духа, той административной мудрости, какими обладалъ старый Хмѣльницкій. Пользуясь внутренними нестроеніями, Поляки, къ концу 1660

года, овладѣли почти всею Малороссіей, разожгли междоусобія, и Украйна снова запылала со всѣхъ концовъ. Испуганный, Юрій началъ уговаривать свои дружины отложиться отъ Царя Московскаго, и встрѣтивъ сопротивленіе, съ нѣкоторыми волонтерами и охочекомонными объявилъ себя союзникомъ Поляковъ и Татаръ.

Недостойный сынъ великаго отца, Юрій, послѣ многихъ попытокъ удержать за собой гетманскую булаву, бросилъ все, и 1662 года въ Жидичинскомъ монастырѣ принялъ монашество отъ архимандрита Амвросія Тукальскаго, нѣкогда имъ облагодѣтельствованнаго.

Исполненіе гадячскаго договора, по самой сущности своей, представлявшаго явное противорѣчіе издавна принятымъ отъ сейма правиламъ, было болѣе невозможно, со стороны Поляковъ, чѣмъ исполненіе зборовскаго. Это была лишь ловушка, на которую, можетъ быть, и подался только митрополитъ Діонисій, забывшій на этотъ разъ значеніе сеймоваго гонора и все извиняющую іезуитскую логику. Если бы и не произошло такого оборота дѣла, какой мы уже видѣли: то и тогда ни одна изъ статей гадячскаго договора не была бы исполнена: ибо чрезъ него Малороссія возводима была на степень не покровительствуемой, а независимой республики, чего никогда не могла допустить благоразумная политика[277]. И дѣло кончилось тѣмъ, что сеймовою конституціей 1661 года гадячскій договоръ былъ вовсе уничтоженъ, и вмѣсто того всѣ вольности и права даны уніатамъ.

Среди междоусобій и нестроеній своего отечества Діонисій Балобанъ, еще въ 1658 году удалившійся изъ Кіева въ Корсунь, кончилъ прискорбную и многомятежную жизнь свою 1663

года. Тогда же въ Шароградъ, гдѣ былъ станъ королевскій, явились искатели кіевской митрополіи, нѣкто Яскульскій, уніатскій епископъ изъ Могилева, Антоній Винницкій, епископъ перемышльскій и монахъ Гедеонъ, — это Юрій, сынъ Богдана Хмѣльницкаго[278].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій

и

Антоній Винницкій.

Свѣдѣнія о жизни Іосифа. Онъ избранъ въ митрополиты восточной украйной. Антоній Винницкій избранъ западной стороной и Поляками. Іосифъ въ заточеніи. Антоній управляетъ митрополіей. Гетманъ Дорошенко. Іосифъ освобожденъ изъ заточенія и уѣзжаетъ въ Чигиринъ. Меѳодій, блюститель митрополитскаго престола. Онъ возмущаетъ Малороссію. Тукальскій противится подчиненію Кіева царю русскому. Доносъ Меѳодія на гетмана Брюховецкаго. Измѣна его. Меѳодій умираетъ подъ стражею. Лазарь Барановичъ. Его первоначальныя дѣйствія. Глуховскій договоръ. Іосифъ Тукальскій даритъ коллегіи село Стайки. Грамата Михаила Корибута коллегіи. Другая его грамата. Заботы о коллегіи. Варлаамъ Ясинскій возстановляетъ коллегію. Нападеніе на братскій фундушъ. Жалобная грамата Ясинскаго. Состояніе Малороссіи. Кіевъ присоединенъ къ державѣ русской. Выгода сего для митрополіи и училища. Іосифъ Шумлянскій. Причины, лишившія патріаршій константинопольскій престолъ вліянія на церковь малороссійскую. Универсалъ гетмана Самойловича коллегіи. Другія пожертвованія. Кончина Іосифа Тукальскаго. Мѣсто его погребенія. Эксъ-митрополитъ Антоній. Возстановленіе коллегіи. Икона пресв. Богородицы, царицаемой братской. Ректоры и профессоры: Іоанникій Галятовскій, Мелетій Дзикъ, Варлаамъ Ясинскій, Сильвестръ Головчичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ I, Іоаннъ Максимовичъ. Воспитанники извѣстнѣйшіе: Антоній іеромонахъ, Базилевичъ Іустинъ, Голенковскій Варлаамъ, Корниловичъ Захарія, Крайскій Сильвестръ, Крековскій Іоасафъ, Лазаревичъ Іосифъ, Лежайскій Иларіонъ, Лещинскій Филоѳей, Милославскій Аѳанасій, Одиновичъ Антоній, Туптало св. Димитрій, Угличкій Ѳеодосій, Яворскій Стефанъ, Яновскій Ѳеодосій. Столѣтіе коллегіи.

1663—1676.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ постриженцемъ одного изъ монастырей княжества литовскаго, и тамъ же проходилъ первоначальныя иноческія должности. Въ 1654 году онъ назначенъ архимандритомъ лищинскаго и *старшимъ* виленскаго Святодухова монастырей, откуда потомъ 1661 года избранъ былъ въ епископа могилевскаго.

Когда въ станѣ шароградскомъ представились королю искатели кіевской митрополіи, то избраніе пало на монаха Гедеона или Юрія Хмѣльницкаго; а Яскульскій и Винницкій получили рѣшительный отказъ. Но Юрій не съ тѣмъ явился въ станъ, чтобъ принять жезлъ архипастырскій; это было лишь однимъ предлогомъ: между дѣломъ онъ хотѣлъ развѣдать, не остается ли ему какой нибудь надежды снова овладѣть бунчукомъ и булавою? Неожиданное избраніе въ митрополиты изумило его; отговариваясь молодостью и неопытностью въ дѣлѣ архипастырскаго управленія, онъ искусно отклонилъ отъ себя королевское назначеніе.

Между тѣмъ, пока это происходило въ шароградскомъ станѣ, православное духовенство и шляхетство лѣвой стороны Днѣпра сами по себѣ заботились объ избраніи митрополита. На ту пору въ Чигиринѣ проживалъ Іосифъ Тукальскій, удалившійся туда отъ преслѣдованія уніатовъ. По единодушному согласію, ему предложили жезлъ первосвятительскій, и 1663 года онъ именовался кіевскимъ митрополитомъ.

Антоній Винницкій, встрѣтивъ неудачу въ станѣ королевскомъ, обратился къ содѣйствію Тетери, бывшаго гетманомъ правой стороны Днѣпра. Такъ какъ избраніе Тукальскаго совершилось безъ согласія козаковъ другой половины раздѣленной тогда Украйны, то Тетеря сталъ ревностно хлопотать о возведеніи на митрополитскій престолъ своего кліента Винницкаго. Скоро представился удобный къ этому случай. Королевскій гетманъ Чарнецкій, получившій отъ Казиміра неограниченную власть въ Украйнѣ, желалъ, не приступая прямо къ военнымъ дѣйствіямъ, попробовать уговорить козаковъ возвратиться къ вѣрности и повиновенію коронѣ польской, и оставить враждебныя намѣренія. Зная власть духовенства надъ умами православныхъ, онъ пригласилъ къ себѣ митрополита Іосифа Тукальскаго съ Юріемъ Хмѣльницкимъ, бывшимъ тогда уже игуменомъ

мошининской пустыни. Оба они довѣрчиво явились въ станъ Чарнецкаго, подъ защитою своего сана и правъ гостепріимства. Польскій военачальникъ спросилъ у нихъ совѣта для успокоенія Украйны: но когда Тукальскій и Гедеонъ отвѣтили, что не слѣдуетъ смиреннымъ инокамъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, то Чарнецкій приказалъ взять ихъ и отправить подъ стражею въ Варшаву. Узнавъ объ этомъ, Тетеря вошелъ къ королю съ доносомъ, что будтобы Іосифъ съ Юріемъ Хмѣльницкимъ возмущали козаковъ, которые дѣйствительно, бывъ раздражены обидами, наносимыми избранному отъ нихъ митрополиту, осаждали Тетерю въ Чигиринѣ, и только Чарнецкій могъ спасти его отъ погибели. Король, по полученіи объ этомъ извѣстія, немедленно повелѣлъ Тукальскаго и Хмѣльницкаго заточить въ Маріенбургъ. Тогда Антоній Винницкій безпрепятственно уже объявилъ себя митрополитомъ, и цѣлые два года управлялъ кіевскою іерархіей, не смѣя впрочемъ жить ни въ Кіевѣ, ни въ Украйнѣ.

Въ началѣ 1665 года открылись военныя дѣйствія въ окрестностяхъ самаго Кіева. Въ это время выступилъ на сцену Петръ Дорошенко, простой чигиринскій козакъ, ознаменовавшій послѣдующую жизнь свою воинскими подвигами и разными злодѣяніями. Первымъ его дѣломъ была услуга королю, которому онъ представилъ схваченныхъ имъ, при помощи крымскаго хана, двухъ самозванцевъ Опару и Царика. Въ награду за это, король приказалъ освободить изъ-заточенія митрополита Іосифа и Юрія Хмѣльницкаго и возвратить ихъ на родину. Дорошенко увѣрилъ Казиміра, что эта мѣра кротости и милосердія удержитъ жителей Украйны въ повиновеніи и много можетъ послужить къ успокоенію ея. Не смотря на то, что Антоній получилъ уже въ это время отъ короля утвердительную грамату на санъ митрополитскій, Тукальскій продолжалъ именоваться кіевскимъ митрополитомъ. Но въ Кіевъ, безпрестанно переходившій то подъ россійскую, то подъ польскую державу, онъ не смѣлъ явиться, какъ потому, что боялся негодованія царскаго

за принятіе митрополіи, мимо вѣдома и согласія московскаго двора, такъ и потому, что ни кіевское духовенство, ни малороссійскіе козаки правой стороны Днѣпра, какъ не участвовавшіе въ избраніи Тукальскаго, не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ. По этому онъ на первый разъ остановился въ Вильнѣ; но опасаясь попасть въ руки Тетери, уѣхалъ въ Чигиринъ къ благодѣтелю своему Дорошенку.

Еще до освобожденія Тукальскаго изъ заточенія, Меѳодій, епископъ мстиславскій, бывшій блюстителемъ кіевской митрополіи, съ печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ и со всѣми кіевскими игуменами, нарочно собранными въ софійскій соборъ, писали отъ 4 марта 1666 года къ царю Алексѣю Михайловичу и просили о пожалованіи имъ граматы на вольное избраніе себѣ третьяго митрополита, всемъ соборомъ, въ присутствіи гетмана Украйны восточной Брюховецкаго и боярина П. В. Шереметьева, начальствовавшаго тогда въ Кіевѣ. Въ тоже время самъ Брюховецкій въ договорѣ съ царемъ *четвертою* статьею требовалъ присылки въ Кіевъ русскихъ митрополитовъ изъ Москвы, съ подчиненіемъ ихъ патріарху всероссійскому, дабы, какъ писалъ онъ, »духовный чинъ на митро »политовъ, подъ рукою королевскою будучихъ, оглядываючись, »въ шатости войску вредительной не былъ«[279]. Но государь, не измѣняя правиламъ мудрой политики, до времени отклонилъ рѣшеніе этого вопроса, и только подтвердилъ быть Меѳодію блюстителемъ митрополитскаго престола.

Но Меѳодій дѣйствовалъ не ко благу своего отечества. Слабодушный Юрій Хмѣльницкій и подъ иноческимъ клобукомъ Гедеона питалъ честолюбивые замыслы, и въ надеждѣ замѣнить со временемъ игуменскую мантію порфирою велико-княжеской, промышлялъ разные способы къ пріобрѣтенію того, чего онъ такъ мало былъ достоинъ. Онъ уже обдумывалъ замыселъ поддаться Туркамъ со всей Малороссіей: но Дорошенко предупре-

дилъ его въ этомъ. Меѳодій явился первымъ возмутителемъ противъ благодѣтеля своего — царя православнаго; его рѣчь произвела сильное волненіе въ народѣ[280], и Малороссіи быть бы союзницей поклонниковъ магомета, еслибъ андрусовскій договоръ (1667 года) не остановилъ этого гибельнаго дѣла въ самомъ его началѣ. Россія заключила перемиріе съ Польшею, и взявъ на себя покровительство надъ исповѣдующими вѣру православную, утишила тѣмъ волненіе въ народѣ, а уступка Кіева со всѣми къ нему принадлежностями и военными снарядами во власть царю на два года послужила первымъ звеномъ, неразрывно связавшимъ юго-западную Россію съ сѣверо-восточной.

Такимъ образомъ гетманство Дорошенка, не признававшаго власти царя русскаго, было уже совершенно противно андрусовскому договору. »Все мое войско головы положимъ, а Кіева не отдадимъ!« — говорилъ онъ, поддерживаемый въ этомъ случаѣ Меѳодіемъ, возставшимъ противъ *четвертой* статьи московскаго съ Брюховецкимъ договора[281], — и Іосифомъ Тукальскимъ, поклявшимся въ непримиримомъ мщеніи оскорбившимъ его полякамъ[282]. Напрасно Иннокентій Гизель письменно убѣждалъ Тукальскаго не противиться подчиненію Кіева царю православному; напрасно выставлялъ передъ нимъ непріятныя слѣдствія такого упорства, — Іосифъ ничего не слушалъ, и писалъ воззванія къ малороссійскому духовенству, убѣждая священниковъ поминать на ектеніяхъ »благочестиваго и Богомъ данная гетмана Петра« (Дорошенка)[283]. Но Дорошенко еще хитрилъ; онъ не хотѣлъ вдругъ сказаться сообщникомъ крымскаго хана и подданнымъ султана; держась до времени невѣрнаго покровительства Польши, онъ убѣдилъ и Тукальскаго помогать себѣ въ этомъ. Повѣренный дворянина Дубенскаго, присланнаго съ полномочіемъ отъ царя Русскаго, имѣлъ въ Чигиринѣ неудовольствіе на обѣднѣ, совершаемой митрополитомъ Іосифомъ и архимандритомъ Гедеономъ (Юріемъ Хмѣльницкимъ) слышать

имя короля на ектеніи, и только во время переноса св. даровъ, при поминовеніи вселенскихъ патріарховъ Хмѣльницкій произнесъ имя »великаго государя всероссійскаго«[284].

Между тѣмъ Меѳодій явился въ Москву съ доносами на Брюховецкаго, гетмана восточной Украйны. Разобравъ обвиненія, царь Алексѣй Михайловичъ отпустилъ его съ титуломъ нѣжинско-украинскаго епископа, и совѣтовалъ помириться съ гетманомъ. По слову царя, вражда между сими пресловутыми людьми замѣнилась самою тѣсною дружбой.

Царь Алексѣй Михайловичъ, поступавшій такъ снисходительно и милостиво съ Меѳодіемъ, не подозрѣвалъ, что онъ расточаетъ щедроты свои закоренѣлому мятежнику. Тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Украйну, Меѳодій сталъ увѣрять народъ, что бояринъ Ордынъ-Нащокинъ приближается съ ратными людьми къ Кіеву за тѣмъ, чтобъ обратить въ пепелъ всѣ города малороссійскіе,—и по его слову явилось множество запорожцевъ въ Украйну. Они начали заводить въ Кіевѣ ссоры и драки съ московской ратью. Брюховецкій, подущаемый Меѳодіемъ[285], изъявилъ царю несовмѣстныя требованія, и неудовлетворенный, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшился измѣнить государю. Украйна запылала всѣми ужасами междоусобной войны, и Брюховецкій принялъ смерть подъ дубьемъ ожесточенныхъ козаковъ. Виновникъ всего этого междоусобія, Меѳодій находился тогда въ Нѣжинѣ. Дорошенко далъ повелѣніе арестовать и отправить его въ Черниговъ; мѣсяцъ спустя, его вытребовали въ станъ Дорошенковъ къ митрополиту Іосифу Тукальскому, предали суду, лишили епископскаго сана и заточили въ монастырь сперва въ чигиринскій, потомъ въ уманскій. Оттуда бѣжалъ онъ и явился въ Кіевѣ: но по повелѣнію боярина Шереметьева былъ схваченъ, отправленъ въ Москву и кончилъ жизнь подъ стражею въ монастырѣ Ново-спасскомъ[286].

Блюстителемъ престола кіевской митрополіи отъ царя былъ назначенъ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ. Съ перваго же раза онъ благотворно подѣйствовалъ на взволнованные умы несчастной Украйны и способствовалъ къ возстановленію въ ней возможной тишины. Въ 1669 году Барановичъ уговорилъ послать въ Москву посольство о принятіи всей Малороссіи въ подданство, о прощеніи вины ея и о подтвержденіи козацкихъ вольностей. Между прочимъ поручено было членамъ сего посольства настоять на томъ, чтобы не отдавать Полякамъ Кіева, »сего, какъ сказано въ инструкціи, первопрестольнаго града царства русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возрасла благодать Божія«.

Тогда же состоялись статьи такъ называемаго глуховскаго договора; Дорошенко отвергнутъ, и Демьянъ Многогрѣшный принялъ гетманскіе клейноды и присягнулъ въ вѣрности Государю.

Но Украйна все еще не слилась во едино. Дорошенко, сохраняя впрочемъ только тѣнь прежней власти, продолжалъ распоряжаться въ Кіевѣ и окрестностяхъ его, какъ настоящій гетманъ. Универсаломъ своимъ 7 февраля 1669 года онъ уступилъ митрополиту Іосифу Тукальскому на столовое содержаніе (на кухенное) опустошенное мѣстечко Стайки, съ правомъ селиться тамъ всякому и со взиманіемъ извѣстной пошлины за стаецкій перевозъ на Днѣпрѣ[287]. Тукальскій однакожъ не захотѣлъ пользоваться этимъ даяніемъ и 27 марта того же года подарилъ его кіево-братской коллегіи. »Хоть я и самъ очень »бѣденъ, писалъ онъ въ своей граматѣ: но отдѣляю ихъ (Стай»ки), какъ двѣ лепты вдовицы, на поддержаніе того обнищав»шаго святаго мѣста«[288].

Въ этомъ же году на престолъ польскій возшелъ Михаилъ Корыбутъ-Вишневецкій. Улучая такое благопотребное время,

Варлаамъ Ясинскій, тогдашній ректоръ кіевской коллегіи, отправилъ іеромонаха Кіево-печерской Лавры Игнатія Саковича, бывшаго нѣкогда воспитанникомъ сего-же училища, съ челобитьемъ къ новоизбранному королю. Апрѣля 25 Саковичъ получилъ отъ Михаила Корыбута грамату, которою, независимо отъ прежнихъ королевскихъ привиллегій, особо признаны были законными всѣ права, фундаціи, учрежденія, льготы, въ особенности тѣ, которыя относятся къ коллегіи и школамъ, какъ-то: на мѣстечко Новоселки съ принадлежащими къ нимъ деревнями—Богушовкою, Звонками и Зобковщизною, сельцомъ Позняковками, и въ Кіевѣ на имѣнія, отдѣленныя для монастыря братскаго при церквахъ Трехъ-святительской и Крестовоздвиженской, со всѣми въ тѣхъ имѣніяхъ и грунтахъ принадлежностями, угодьями, сѣнокосами, дубровами, полями, озерами и всѣми доходами. Сверхъ всего этого, »имѣя, какъ сказано въ граматѣ, въ особливомъ вниманіи важныя заслуги, постоянство, благочестіе, опытность въ св. Писаніи ректора братскаго монастыря Ясинскаго«, король утверждалъ за онымъ всѣ имѣнія, помѣстья, фольварки и хутора, со всѣми ихъ правами, документами, распоряженіями, учрежденіями, граматами, граничными и дарственными давними записями, съ подданными людьми, рынками и ихъ повинностями, не изъемля, какъ замѣчено, ни одного человѣка, живущаго на грунтѣ братскаго монастыря отъ повиновенія и оброка, съ дворовымъ строеніемъ, барщинами, поземельными взносами, данями, доходами, десятинами, прудами, озерами, рѣками, рѣчками, мельницами, рудниками, корчмами, лѣсами, рощами, дубровами, лугами, берегами, границами, торгами, ярмарками и всѣми тому монастырю принадлежащими доходами[289].

Медлить было нечего. Благосклонность короля, вынужденная политическими обстоятельствами, также легко могла утратиться, какъ легко досталась она въ эту пору. По этому ректоръ коллегіи Варлаамъ Ясинскій, тотчасъ же по полученіи

означенной граматы, отправилъ въ Варшаву того-же Саковича съ просьбою о позволеніи возстановить училища, и 10 октября того же года получена была желаемая грамата отъ Михаила. Въ ней сказано было, что »преклоняясь на уважительное челобитье Варлаама Ясинскаго, ректора кіево-могилянской коллегіи и желая, чтобы вездѣ во владѣніяхъ королевскихъ молодые люди получали образованіе«, варшавскимъ сеймомъ разсуждено, а королевскою граматою утверждено, позволить »кіевскую могилян»скую коллегію на ея мѣстахъ, грунтахъ, и давнихъ фундаціяхъ »возстановить и въ ней преподавать приходящимъ всѣ началь»ные предметы (tirocinia), искуства (exercitia), науки (studia) и »познанія (scientias) чрезъ профессоровъ, отцевъ учителей чина »св. Василія«. Училищному начальству поставлено было въ обязанность содержать своихъ учениковъ во всякой подчиненности, а буйныхъ и производящихъ безчинства строго наказывать и изгонять изъ коллегіи. Ректоръ и его преемники съ префектами, профессорами, учителями и помощниками ограждены были полною безопасностію и уваженіемъ, подъ опасеніемъ наказанія, назначеннаго оскорбителямъ королевскихъ привиллегій и нарушителямъ спокойствія[290].

Немедленно послѣ этого приступлено было къ возсозданію и устройству кіево-богоявленскихъ школъ. За восемь лѣтъ предъ симъ ректоръ коллегіи Іоанникій Галятовскій началъ было возстановлять разрушенныя зданія богоявленскаго монастыря. Медленно подвигалось это дѣло, какъ по причинѣ военныхъ переворотовъ, такъ и по недостатку средствъ, номинально лишь существовавшихъ въ рукахъ ученаго братства. Успѣли построить только деревянную богоявленскую церковь, да нѣсколько убогихъ хижинъ для небольшаго остатка уцѣлѣвшихъ учениковъ. Но въ 1665 году въ самыхъ окрестностяхъ Кіева открылись военныя дѣйствія, и коллегія подверглась совершенному разрушенію.

Горячо принялся за возстановленіе монастыря и училища

Варлаамъ Ясинскій. Получивъ въ управленіе разныя монастырско-училищныя имѣнія, онъ началъ распоряжаться, какъ умный и опытный домохозяинъ; завелъ воловъ и лошадей для обработыванія полей, упорядочилъ взимаемые доходы съ оброчныхъ статей, снабдилъ богоявленскую церковь цѣнными вещами[291],—и радовался и благодарилъ Бога за такое преуспѣяніе въ дѣлѣ священномъ.

Но не прошло осьми мѣсяцевъ отъ полученія послѣдней королевской граматы, какъ все это изчезло. Полковникъ Пиво, присланный отъ республики для занятія, въ силу андрусовскаго договора, Кіева своимъ гарнизономъ, въ отмщеніе за отказъ въ этомъ, предательски напалъ, въ надеждѣ доброй поживы, на селеніе Новоселки, съ котораго братство получало все свое содержаніе, вырѣзалъ, не щадя ни пола ни возраста, до полутораста человѣкъ, забралъ изъ церкви »всѣ шелковыя священныя облаченія и всѣ серебряные сосуды: чаши, кресты, лампады, кадильницы«, отнялъ у домохозяевъ всѣ ихъ пожитки и рабочій скотъ, и въ довершеніе всего сжегъ до тла все мѣстечко, монастырскій замокъ съ строеніями и церковь. Три монаха изъ воспитанниковъ коллегіи, посланные въ Новоселки на хозяйство, намѣстникъ *Мелетій Миколаевичъ*, экономъ *Иннокентій Можиловскій* и шафаръ[292] іеродіаконъ *Лазарь* были въ это же время убиты за Бѣлогородкою. Надъ тѣлами этихъ страдальцевъ Варлаамъ произнесъ потомъ скорбное слово изъ текста: *положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ.*

При такомъ бѣдствіи Ясинскій обратился съ жалобною и просительною граматою ко всѣмъ сынамъ Церкви православной, свѣтскимъ и духовнымъ, начальствующимъ и простымъ христолюбивымъ людямъ, представляя имъ »тяжкую и невыносимую »скорбь и упадокъ кіево-братскаго богоявленскаго монастыря, »труждающагося около науки православной въ цвѣченью молоди »россійской на подпору Церкви святой и на помноженье хвалы

»Божіей: задержати, продолжаетъ онъ, монастыря и наукъ не »можемъ, але такъ хвалу Божую въ церкви обители нашой и »молитву вседневную за блаженныхъ ктиторовъ нашихъ, якъ »тежъ ученіе дѣтокъ православно-россійскихъ въ школахъ на»шихъ оставити мусимъ«.

Съ этой граматою Ясинскій отправилъ довѣренныхъ иноковъ ко всѣмъ благочестивымъ сынамъ святой Церкви въ Россіи, слезно умоляя о пособіи святою милостынею (о ратунокъ милостынею святою) и обѣщая быть за то »доживотнымъ ихъ богомольцемъ«[293]. Отозвался ли кто на этотъ скорбный вопль одного изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ покровителей коллегіи, — увидимъ.

А Малороссія все еще волновалась. Претерпѣвая нападенія извнѣ отъ Татаръ и Поляковъ, она въ самыхъ нѣдрахъ своихъ видѣла страшное нестроеніе. Отъ двора московскаго назначаемъ былъ одинъ гетманъ, отъ королевства другой или даже два разомъ, отъ султана третій, да кромѣ того у каждой партіи былъ свой, и всякій изъ нихъ терзалъ и разорялъ несчастную Украйну.

Истекалъ срокъ андрусовскому договору; надо было возвратить Кіевъ польской коронѣ. Всегда праводушный и вѣрный слову, царь Алексѣй Михайловичъ, можетъ быть, и исполнилъ бы это: но обстоятельства были сильнѣе его царской воли. Гетманъ Многогрѣшный, митрополитъ Іосифъ Тукальскій, Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій и Кіево-печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель настоятельно требовали, чтобъ не отдавать священнаго города врагамъ православія. »На сеймѣ »они, писалъ Многогрѣшный въ договорѣ глуховскомъ, поста»новили всѣ церкви православныя отдать на костелы римскіе и »преподобныхъ отцевъ чудотворныя мощи хотятъ развезти въ »Польшу въ разныя мѣста«. Смуты и нестроенія въ самомъ

королевствѣ могли повергнуть и первопрестольный городъ древней Руси въ бездну несчастій; отказъ въ справедливомъ настояніи могъ бы огорчить православныхъ, — и царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился: въ концѣ 1679 года Кіевъ окончательно присоединенъ къ державѣ русской. Разъ утвердивъ это, царь уже не отступалъ ни предъ какими угрозами, и на неоднократныя требованія польскаго правительства твердо отвѣчалъ одно: »не отдамъ Кіева«! »Россія, говорилъ бояринъ князь Никита »Одоевскій въ 1675 году на третьемъ андрусовскомъ съѣздѣ: »не въ противность договоровъ владѣетъ всею западною Украй»ною, а слѣдовательно и Кіевомъ. Всѣ эти города и Кіевъ »завоеваны Россіею не у Поляковъ, а у Турокъ. Польша, не »имѣла права, безъ совѣщанія съ Россіею отдавать султану за»днѣпровскую Украйну, а если ужъ она отдала ее, то не въ »правѣ имѣть на нее никакихъ притязаній. Напротивъ того »королю должно быть пріятнѣе, чтобы Кіевомъ владѣла держава »христіанская, а не магометане. Впрочемъ, что бы ни говорили »противъ этого, а Кіевъ, пріобрѣтенный отъ Порты, не будетъ »возвращенъ королевству«[294]. Въ память этого радостнаго для всей православной Россіи событія государь принесъ въ даръ Кіево печерской Лаврѣ ризы серебрянаго глазета съ золотыми цвѣтами; оплечье этихъ ризъ по красному бархату богато разукрашено жемчугомъ[295].

Слабость польскаго короля, допустившаго султана занять всю западную Украйну съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отуречить ее[296], оправдываетъ присоединеніе Кіева и въ политическомъ отношеніи, и грѣхъ былъ бы передъ Богомъ предать на поруганіе поклонникамъ Магомета святыя мощи угодниковъ Божіихъ и въ мѣсто святое допустить »мерзость запустѣнія«. Кровожадный султанъ съ сообщникомъ своимъ Дорошенкомъ былъ уже не далеко; онъ свирѣпствовалъ въ Чигиринѣ.

Поступленіе Кіева подъ крѣпкую руку самодержца всерос-

сійскаго спасло его еще отъ одной напасти, которая неизбѣжно отразилась бы и на древнѣйшемъ его училищѣ. Хотя въ Малороссіи въ эту пору было и два митрополита, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ своего пребыванія въ Кіевѣ. Видя это, козаки восточной Украйны предположили было и вовсе упразднить здѣсь престолъ митрополитскій. Гетманъ Многогрѣшный въ договорѣ своемъ просилъ царя, чтобы, если Кіевъ будетъ возвращенъ Польшѣ, то митрополію учредить въ Переяславлѣ, а Лазарь Барановичъ утверждалъ, что ей приличнѣе быть въ Черниговѣ. Такое рѣшеніе приводило въ отчаяніе и Іосифа Тукальскаго и все кіевское духовенство. Митрополитъ Іосифъ и безъ того уже имѣлъ много непріятностей отъ своихъ совмѣстниковъ, являвшихся поочередно. Исходатайствовавъ себѣ у константинопольскаго патріарха Меѳодія утвердительную грамату[207], и освободившись такимъ образомъ отъ притязаній Антонія Винницкаго, Тукальскій встрѣтилъ себѣ другаго соперника въ львовскомъ епископѣ Іосифѣ Шумлянскомъ, который, подъ предлогомъ старости и дряхлости митрополита, началъ искать у короля польскаго Яна Собѣскаго титла администратора кіевской митрополіи. Гетманъ Дорошенко, узнавъ объ этомъ, велѣлъ схватить его въ Могилевѣ, куда онъ пріѣхалъ было на богоявленскую ярмарку. Отсюда въ 1671 году его привезли въ Чигиринъ и подвергли заключенію: но митрополитъ Іосифъ исходатайствовалъ ему свободу. Въ благодарность за это Шумлянскій выхлопоталъ таки себѣ грамату у Собѣскаго на администрацію кіевской митрополіей съ полною властію надъ всѣми волостями, принадлежавшими митрополитскому дому, и кіевскими монастырями, не исключая и печерскаго. По кончинѣ Іосифа, этотъ святокупецъ надѣялся съ помощію короля быть и митрополитомъ кіевскимъ, и для вѣрнѣйшаго успѣха въ этомъ, 1677 года на сеймѣ гродненскомъ тайно подалъ королю письменное обязательство о принятіи уніи. Но и тутъ обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, онъ съ досады открыто на варшавскомъ сеймѣ объявилъ себя уніатомъ, съ обѣщаніемъ обратить къ тому же

и всю свою епархію, за что и былъ награжденъ тогда дипломомъ отъ короля Августа II[298].

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій былъ уже послѣднимъ изъ кіевскихъ митрополитовъ, принявшимъ утвержденіе отъ константинопольскаго престола. Ослабленію и наконецъ уничтоженію вліянія восточныхъ патріарховъ на Церковь россійскую была причиною стѣснительная зависимость ихъ отъ воли султана, а рѣшительному отчужденію кіевской митрополіи—неразсудительныя отлученія или анаѳемы на главнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи. Такимъ образомъ Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій, находившіеся на ту пору въ Москвѣ по дѣлу патріарха Никона, произнесли проклятіе на гетмана Брюховецкаго, обвиненнаго греческимъ выходцемъ Мигалевскимъ (Михали), отмѣненное потомъ, по приказу царя Алексѣя Михайловича[299]. Когда Дорошенко далъ присягу къ Константинополѣ на подданство султану, патріархъ Паисій далъ посламъ открытую грамату, отлучающую отъ Церкви и предающую анаѳемѣ всѣхъ непослушныхъ гетману Дорошенку и бунтующихъ противъ него[300], и вскорѣ послѣ того этотъ же предатель исходатайствовалъ у султана повелѣніе константинопольскому патріарху Меѳодію предать анаѳемѣ Многогрѣшнаго, якобы за похищеніе гетманскаго сана. Лазарь Барановичъ вступился въ это дѣло и написалъ къ московскому патріарху Іоасафу, а Іоасафъ доложилъ объ этомъ царю. Царь отнесся письменно въ Константинополь къ патріарху Меѳодію, предлагая ему снять проклятіе съ Многогрѣшнаго, что и было исполнено[301]. Но эти обстоятельства лишили навсегда Царьградъ вліянія на Церковь малороссійскую, и съ этихъ поръ главою кіевской митрополіи и всего украинскаго духовенства признанъ былъ московскій патріархъ.

Такимъ образомъ еще одно великое звѣно связало Кіевъ съ православнымъ московскимъ государствомъ, и съ благосостояніемъ его возрастетъ и древлепосажденный кринъ духовно-разумнаго его просвѣщенія.

Благотворныя дѣйствія присоединенія Кіева къ державѣ русской оказались для коллегіи въ самоскорѣйшемъ времени. Въ 1672 году 7 іюня послѣдовалъ универсалъ отъ царскаго гетмана Ивана Самойловича, которымъ онъ даетъ знать »всѣмъ вобецъ и каждому того потребуючому«, что великій государь, видя, что кіевская братская »обитель — святое мѣсто, столько »потребное малороссійскому народу, особенно для образованія »греко-русскихъ дѣтей въ свободныхъ наукахъ, находится не »въ такомъ, какъ бы слѣдовало, достаткѣ, и желая святую оби»тель ту поддержать своею отеческою милостію и помочь«, пожаловалъ ректору коллегіи Варлааму Ясинскому право сытить медъ къ шести важнѣйшимъ въ году праздникамъ на свѣчи и для содержанія учителей. Вслѣдствіе сего гетманъ Самойловичъ, подтверждая это своимъ универсаломъ, строго наказываетъ, дабы »никто изъ старшихъ и меньшихъ въ войскѣ за»порожскомъ, а особенно господинъ кіевскій полковникъ, также »кіевскій сотникъ и атаманъ, равно и войтъ, бургомистры, райцы, »и никто изъ простыхъ людей города Кіева въ разсыченіи меду »къ помянутымъ праздникамъ никакимъ способомъ не осмѣли»вался чинить ни малѣйшаго препятствія«[302]. Въ томъ же 1672 году 4 апрѣля кіевскій полковникъ В. Ѳ. *Дворецкій*, по завѣщанію, отказалъ кіево-богоявленскому братству дворъ на Подолѣ близъ самаго монастыря[303], а кіевскій мѣщанинъ *Григорій Борисовъ* подарилъ, на поминъ души своей, хуторъ, лежащій на Сырцѣ[304], и страдальчествовавшая до сей поры кіево-могилянская коллегія стала предчувствовать грядущее свое благосостояніе.

Грустно и смутно померкла послѣдняя заря дней многомятежной жизни первосвятителя кіевскаго Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Онъ скончался 26 іюля 1676 года. Увлекаемый обстоятельствами и слабый характеромъ, тяжкими несчастіями заплатилъ онъ за свои политическія ошибки: но потомство не упрекнетъ его въ измѣнѣ православію, и самую привязанность его

къ недостойному Дорошенку отнесетъ къ движенію благородно-признательной души. Жители Кіева горячо любили своего добраго архипастыря: »архимандритъ печерскій (Иннокентій Гизель), пи»салъ въ 1668 году посланникъ Тяпкинъ къ Ордыну-Нащокину, съ »митрополитомъ Тукальскимъ великую любовь и въ народѣ силу »имѣютъ«[305]. Коллегія также не забудетъ его посильной благотворительности; не отъ избытковъ жертвовалъ онъ ей, а дѣлился собственно кускомъ хлѣба, ибо »самъ будучи барзо нищетенъ«, отдалъ ей то, что ему дано было на пропитаніе. Смуты и нестроенія своей родины, а всего болѣе Церкви глубоко волновали его добрую, но слишкомъ довѣрчивую душу, а отсутствіе возможности поправить дѣла своей іерархіи сокрушало его безконечно. »По беззаконіямъ моимъ, писалъ онъ »9 августа 1670 года къ боярину Ордыну-Нащокину, которымъ »нѣтъ числа, не признаю я себя душею страждущею за бла»гочестіе. Въ горести душа моя. Какъ могу называться па»стыремъ, когда растеряно стадо? О, да соберетъ его Создав»шій и Искупившій своею кровію«![306]

Митрополитъ Іосифъ первоначально погребенъ былъ въ чигиринскомъ троицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ и имѣлъ свое пребываніе. Въ 1678 году, когда Чигириномъ овладѣли Турки, іеромонахъ и духовникъ того монастыря Макарій Русановичъ перенесъ тѣло его въ лубенскій мгарскій монастырь, и тамъ съ игуменомъ и братіею положилъ оное въ преображенской деревянной церкви, изъ которой потомъ перенесли его въ новоустроенную каменную, гдѣ онъ и покоится до нынѣ въ придѣлѣ по лѣвую руку отъ входа.

По кончинѣ Іосифа, совмѣстникъ его Антоній Винницкій, съ дозволенія короля польскаго, вступилъ въ управленіе кіевскою митрополіей: но не видно, чтобы православное духовенство относилось къ нему, когда либо, какъ къ первосвятителю. Тогдашній блюститель митрополитскаго престола Лазарь Барановичъ завѣ-

дывалъ всѣми іерархическими дѣлами, да и гдѣ было пребываніе Антонія, неизвѣстно. Въ Кіевѣ, бывшемъ въ эту пору подъ рукою русскаго самодержца, жить онъ не могъ, какъ избранникъ короля и мятежнаго Тетери; Чигиринъ съ 1678 года занятъ былъ Турками, а западная Украйна наводнена ими еще съ 1672 года. Вѣрнѣе всего, что онъ проживалъ въ Вильнѣ или Новогрудкѣ Литовскомъ, прежнихъ столицахъ кіевскихъ митрополитовъ. Когда и гдѣ скончался *нареченный*[307] Винницкій, также неизвѣстно.

Судьба кіевской коллегіи, тѣсно связанной съ судьбою Кіева, подвергалась, какъ мы уже видѣли, разнымъ и большею частію неблагопріятнымъ измѣненіямъ. Лазарь Барановичъ оставилъ ее въ развалинахъ. Около двухъ лѣтъ (съ 1657 по 1659) послѣ него она не имѣла ни ректора, ни другихъ наставниковъ, ни наконецъ учениковъ. *Іоанникій Галятовскій*, принявшій ректуру, по приглашенію благородныхъ ревнителей просвѣщенія и особенно кіевскаго полковника Василія Ѳедоровича Дворецкаго, дѣятельно занялся возстановленіемъ коллегіи. Какбы благословляя труды и заботы его, сама Царица небесная въ своемъ изображеніи приплыла изъ Вышгорода къ высокому берегу правой стороны Днѣпра и остановилась противъ того мѣста, гдѣ устроенъ былъ страннопріимный домъ погибшей коллегіи. Съ радостію приняло кіево-богоявленское братство этотъ небесный залогъ вышняго благословенія, и внесло чудотворную икону Владычицы въ обновленную великую церковь, гдѣ она пребываетъ и донынѣ, чтимая благоговѣйно отъ поклонниковъ святыни Кіева и слывущая подъ именемъ *Братской*[308].

Устроивъ, сколько позволяли средства, помѣщеніе для преподавателей и учениковъ, *Галятовскій* открылъ классы: но по недостатку учителей и по несовершенству самихъ воспитанниковъ они были доведены только до реторики[309]. Самъ надъ всѣмъ наблюдая и самоотверженно принимая иногда на себя

учительскія обязанности въ низшихъ школахъ, *Галятовскій* утѣшалъ себя мыслію, что скоро приведетъ его Богъ открыть преподаваніе и высшихъ наукъ: но Промыслъ указалъ ему болѣе важное, по обстоятельствамъ того времени, служеніе. *Галятовскій* понадобился въ Литвѣ, обуреваемой лжеученіемъ ненавистниковъ православія. Поразивъ словомъ своимъ враговъ истины, онъ возвратился на родину, и въ 1678 году получилъ санъ архимандрита сначала новгородъ-сѣверскаго монастыря, а потомъ черниговскаго елецкаго Успенскаго, гдѣ и скончался 1688 года[310].

Преемникомъ Галятовскаго, по управленію коллегіею, былъ *Мелетій Дзикъ*, »искусный, по отзыву составителя каталога ректоровъ Кіевской Академіи, проповѣдникъ слова Божія и учитель«. Замѣчательно, что рѣчь *Дзика* далеко уже не та, какую мы находимъ у ученыхъ его предмѣстниковъ. Это былъ достойнѣйшій наставникъ св. Димитрія, которому онъ передалъ и искуство свое говорить и писать на томъ языкѣ, какой мы находимъ и какимъ восхищаемся у святителя Ростовскаго[311]. *Мелетій Дзикъ* начальствовалъ въ коллегіи съ 1662 по 1665 годъ. Внѣшнія тревожныя обстоятельства сихъ несчастныхъ временъ, »яко пещи, по выраженію св. Димитрія, бѣдами и скорбми раздеженныя«, не препятствовали *Мелетію* совершать дѣло внутренняго возстановленія коллегіи, и во все время его правленія она оставалась при тѣхъ же началахъ, которыя далъ ей Іоанникій. Нѣтъ сомнѣнія, что *Дзикъ* не остановился бы на этомъ и скоро открылъ бы высшіе классы, еслибъ въ эту пору не послѣдовало конечное разрушеніе едва оживавшаго училища. *Мелетія* перевели на игуменство въ Михайловскій монастырь, гдѣ 7 февраля 1682 года онъ и скончался.

И опять Кіевъ остался безъ любимаго своего училища, и еще минуло трехлѣтіе, пока явился достойный дѣлатель сего ертограда просвѣщенія.

За отсутствіемъ митрополита, кіевская консисторія представила тогдашнему блюстителю митрополитскаго престола Меѳодію Филимоновичу іеромонаха и учителя кіево-богоявленской школы *Варлаама Ясинскаго* въ ректоры еще находившагося тогда въ развалинахъ училища. Въ 1668 году *Ясинскій* посвященъ былъ во игумена братскаго монастыря и вступилъ въ управленіе тѣмъ, что надобно было еще возсозидать и собирать. Мы уже видѣли неутомимую его дѣятельность на этомъ поприщѣ, видѣли его ревностные труды и заботы, видѣли наконецъ и огорченіе, до глубины поразившее его прекрасную душу. Разореніе, причиненное губителемъ Пивомъ, незначительный успѣхъ окружнаго посланія *Ясинскаго* о поддержаніи погибавшаго училища, невозможность помочь этому собственными средствами, сокрушили добрую его душу, и въ 1673 году онъ перешелъ игуменомъ въ кіево-михайловскій монастырь[312].

Лазарь Барановичъ, получившій отъ Царя блюстительство кіевской митрополіи, ни на минуту не упускалъ изъ виду по всему любезнаго ему училища. Немедленно, по выбытіи Ясинскаго, онъ предложилъ братству въ ректоры коллегіи *Сильвестра Головчича,* бывшаго воспитанникомъ ея и потомъ іеромонахомъ въ Гайскомъ монастырѣ, приписномъ къ братскому, и въ 1673 году *Головчичъ* получилъ посвященіе во игумена и ректорство. Кратковременно было управленіе его коллегіею: ибо въ слѣдующемъ же году, по разстроенному здоровью, *Головчичъ* былъ переведенъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ скоро и скончался, и потому коллегіи не могъ онъ оказать особенныхъ услугъ: но самое избраніе его, по предложенію такого человѣка, какъ Барановичъ, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ образованіи *Головчича*, который, конечно, подъ руководствомъ ученѣйшаго своего протектора совершилъ бы все то, что досталось совершить его преемникамъ.

Мѣсто Головчича занялъ *Ѳеофанъ Прокоповичъ 1*, родной

дядя знаменитаго іерарха Церкви Русской, »мужъ, по отзыву св. Димитрія Ростовскаго, важный и знатный и въ Церкве Божіей добрѣ послуживший, проповѣдникъ сладкоглаголивый«[313]. Принявъ въ свое управленіе коллегію и снабдивъ заведенные до него низшіе классы способными наставниками, онъ въ 1776 году открылъ классъ богословія, отложивъ на время философію, такъ какъ въ ней не предстояло особенной надобности, да и не было преподавателя къ тому годнаго. *Прокоповичъ* взялъ уроки богословія на себя одного, и восемь лѣтъ несъ профессорскую службу среди многотрудныхъ и многообразныхъ занятій по должности ректора и возстановителя коллегіи. Въ 1684 году онъ »ради своего смиренія, ректорства и жадной годности »игуменской не восхотѣ, аще и на многія его промовано«; оставаясь на покоѣ въ кіево-братскомъ монастырѣ, онъ тамъ и скончался 3 апрѣля 1689 года.

Въ эту же эпоху былъ наставникомъ въ кіево могилянской коллегіи и извѣстный *Іоаннъ Максимовичъ*. Онъ родился въ Нѣжинѣ, и по окончаніи курса наукъ, остался преподавателемъ въ томъ же мѣстѣ, которому былъ обязанъ послѣднимъ, окончательнымъ своимъ образованіемъ. Какая его была каѳедра,— вавѣрное сказать нельзя: но что не богословіе, это вѣрно, ибо онъ не былъ ректоромъ коллегіи, съ званіемъ котораго обыкновенно соединялось преподаваніе наукъ богословскихъ. Всего вѣроятнѣе, что предметомъ его была поэзія и реторика, къ которымъ онъ всегда питалъ привязанность, доходившую до страсти. По постриженіи въ монашество, *Максимовичъ* находился въ разныхъ монастыряхъ настоятелемъ и наконецъ былъ архимандритомъ черниговскаго елецкаго монастыря, откуда въ 1697 году посвященъ патріархомъ московскимъ Адріаномъ въ архіепископа черниговскаго, а въ 1712 году переведенъ въ званіе митрополита въ Тобольскъ, гдѣ 10 іюня 1715 года и скончался.

Іоаннъ Максимовичъ написалъ довольно оригинальныхъ и

переводныхъ сочиненій. Къ первымъ относятся: *Θеатронъ правоучительный, или правоучительное зерцало для царей, князей и деспотовъ*. Излагая обязанности лицъ правительственныхъ, авторъ видимо старался подражать Цицероновой книгѣ о должностяхъ (Liber de officiis), и самый планъ своего творенія расположилъ по образцу древняго оратора—философа. Въ этомъ сочиненіи авторъ показалъ обширную, многостороннюю свою ученость. Разумные совѣты свидѣтельствуютъ, что онъ отлично понималъ науку управлять людьми и хорошо изучилъ сердце человѣческое—этотъ родникъ, изъ котораго бьютъ то мутные, то чистые и прозрачные ключи нравственной дѣятельности. Извлеченія изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, изъ писаній св. Отцовъ смѣняются у него изреченіями знаменитыхъ писателей языческой древности, и нѣтъ почти ни одного поэта и философа, мнѣніемъ котораго не воспользовался бы *Максимовичъ*, если оно шло какъ нибудь къ дѣлу. Демосѳенъ, Цицеронъ, Плутархъ, Сенека и многіе другіе всѣ принесли дань Θеатрону нашего витія—философа. Гомеръ, Виргилій, Горацій, Лукіанъ, Ювеналъ и прочіе поэты древніе являются у *Максимовича* въ переводныхъ стихахъ. Второе его сочиненіе: *Царскій путь креста* имѣетъ предметомъ изложеніе разныхъ правоученій, клонящихся къ тому, какъ должно всякому христіанину носить крестъ Христовъ. Эта книга могла бы быть очень полезною для христіанина, еслибы вниманіе невольно не развлекалось стихами, щедро въ ней разсыпанными и возбуждающими чувство совершенно противоположное благоговѣнію. Къ сожалѣнію, *Максимовичъ* страсть свою къ стихосложенію простиралъ и на такіе предметы, которые отнюдь не нуждаются въ піитическихъ вымыслахъ. Такимъ образомъ онъ положилъ въ стихи *Богородице Дѣво радуйся*, что составило у него большую книгу въ листъ; *Отче нашъ*, или семь размышленій на молитву Господню; *Осьмь блаженствъ евангельскихъ*, тоже въ стихахъ и наконецъ *Алфавитъ, собранный риѳмами, сложенный отъ св. Писаній;* это есть нечто иное, какъ календарь съ краткимъ описаніемъ житій свя-

тыхъ, расположенныхъ по азбучному порядку. Не даромъ св. Димитрій Ростовскій высказываетъ такъ явно свое неудовольствіе на страсть къ такому ремеслу. Получивъ книгу *Максимовича: Богородице Дѣво радуйся*, напечатанную 1707 года въ Черниговѣ, онъ въ февралѣ слѣдующаго года писалъ: »книга »стиховъ печатныхъ прислана мнѣ. Богъ далъ тѣмъ вирше»писателямъ типографію и охоту и деньги и свободное житіе; »мало потребныя вещи на свѣтъ происходятъ«[311].

Изъ переводныхъ книгъ *Максимовича* извѣстны: 1) *Богомысліе въ пользу правовѣрныхъ*, перев. съ латинскаго и 2) *Иліотропіонъ или соображеніе человѣка съ волею Божіею* — тоже съ латинскаго[315]. Рѣчь *Максимовича* довольно ясна, и какъ церковно-славянская, довольно правильна, хотя въ ней и попадаются иногда польско-бѣлорусскія выраженія: но съ перваго же раза видно, что онѣ вошли въ сочиненіе не потому, что авторъ не умѣлъ замѣнить ихъ русскими, а потому что не считалъ того нужнымъ, ибо въ другихъ мѣстахъ тоже самое понятіе облекается у него выраженіями чисто русскими.

Митрополитъ *Іоаннъ Максимовичъ* достопамятенъ еще и тѣмъ, что въ 1700 году открылъ первую въ Россіи семинарію черниговскую, въ которую къ слушанію уроковъ положилъ допускать всѣхъ дѣтей свободнаго состоянія. Это было какъ бы предуготовительное училище, изъ котораго потомъ лучшіе воспитанники поступали въ кіевскую коллегію для окончанія высшихъ наукъ[316].

Хотя внѣшнее и внутреннее состояніе кіево-могилянской коллегіи въ эту эпоху, то есть съ 1657 по 1676, мало представляетъ отраднаго: но все же изъ аудиторіи ея вышли люди, возвеличившіе своими заслугами Церкви, престолу и отечеству значеніе того училища, которое незабвенный Могила называлъ »единственнымъ своимъ залогомъ«. Вотъ нѣсколько извѣстнѣйшихъ воспитанниковъ коллегіи сего времени:

Антоній іеромонахъ, сотрудникъ Максимовича по учрежденію въ Черниговѣ семинаріи, въ которой онъ былъ и первымъ префектомъ. Сочиненная и частію переведенная имъ книга называется: *Зерцало отъ писаній Божественныхъ*. Здѣсь, кромѣ пяти словъ св. Іоанна Златоуста, находятся стихи на страсти Господни, написанныя *Антоніемъ*, вѣроятно, изъ соревнованія своему патрону Максимовичу[317].

Базилевичъ Іустинъ, постриженецъ Кіево-печерской Лавры, гдѣ въ послѣдствіи времени былъ и начальникомъ Ближнихъ Пещеръ. Въ 1705 году онъ былъ возведенъ въ санъ епископа курскаго и бѣлоградскаго: но по разстроенному здоровью уволенъ на покой и въ 1709 году скончался, избравъ мѣстомъ успокоенія своего обитель препод. Антонія и Ѳеодосія[318].

Голенковскій Варлаамъ. Постригшись въ монашество, онъ вскорѣ достигъ сана намѣстника сначала Кіево-печерской, а потомъ Александро-невской Лавры. Памятникомъ его просвѣщенія осталась книга: *Діалогизмъ или разговоръ духовный любителя съ любовію*. Книга эта, состоящая изъ трехъ частей, содержитъ въ себѣ собственно нравственныя размышленія о приготовленіи къ таинству Евхаристіи, а въ концѣ приложены нѣкоторыя молитвы и бесѣды о духовномъ уединеніи. Но яснѣйшимъ свидѣтельствомъ ума и образованности *Голенковскаго* служитъ то, что государь Петръ I поручилъ ему завести въ Александро-невскомъ монастырѣ первую школу, изъ которой въ послѣдствіи образовалась нынѣшняя С.-Петербургская Духовная Академія[319].

Корниловичъ Захарія, постриженецъ Кіево-Михайловскаго монастыря, въ которомъ онъ проходилъ потомъ разныя послушанія и достигъ наконецъ званія игумена. Въ 1701 году онъ былъ рукоположенъ въ епископа переяславскаго, и по че-

тырнадцати-лѣтнемъ правленіи епархіей скончался 28 августа 1715 года[320].

Крайскій Сильвестръ, ректоръ московскаго Заиконоспасскаго училища. Впрочемъ недолго проходилъ онъ училищныя должности: ибо въ 1705 году былъ хиротонисанъ въ архіепископа Архангелогородскаго, а черезъ два года переведенъ въ Смоленскъ митрополитомъ, гдѣ 1712 года и скончался[321].

Кроковскій Іоасафъ. Послѣдовавшее разореніе училища и недостатокъ классовъ принудили его выѣхать за границу, гдѣ, путешествуя по разнымъ странамъ Европы и посѣтивъ тамъ многіе университеты, *Кроковскій* выслушалъ полные курсы философіи и богословія въ академіи римской, которая тогда почиталась славнѣйшею. По возвращеніи на родину, онъ принялъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, и поступилъ въ коллегію учителемъ реторики и поэзіи.

Лазаревичъ Іосифъ. Въ 1668 году онъ уже былъ архимандритомъ Чудова монастыря, а черезъ три года посвященъ въ санъ ростовскаго митрополита, гдѣ по десятилѣтнемъ управленіи паствою скончался 10 ноября 1701 года[322].

Лежайскій Иларіонъ, сотрудникъ Іоанна Максимовича въ дѣлѣ образованія черниговской семинаріи. Архипастырь не хотѣлъ разстаться съ нимъ и тогда, когда изъ теплаго юга поставленъ былъ Промысломъ вышнимъ на чреду служенія въ суровыя страны глубокаго сѣвера. *Лежайскій*, вмѣстѣ съ Максимовичемъ, переѣхалъ въ Тобольскъ, оставаясь іеромонахомъ при митрополитскомъ домѣ. Когда въ 1714 году китайское посольство переѣзжало черезъ Тобольскъ: то повелѣно было отправить съ онымъ кого либо изъ благонадежнѣйшихъ духовныхъ особъ. Съ сожалѣніемъ долженъ былъ разстаться митрополитъ Максимовичъ съ любимцемъ своимъ; *Лежайскій* въ

санѣ архимандрита и въ сопровожденіи свиты своей 1715 года прибылъ въ Пекинъ и заслужилъ такую милость у китайскаго Богдыхана, что онъ пожаловалъ его мандариномъ пятой степени, а отъ россійскаго двора въ это же время онъ получилъ право носить при священнослуженіи архимандритскую митру. Не долго однакожъ *Лежайскій* начальствовалъ миссіей. Къ общему сожалѣнію православныхъ и самихъ китайцевъ, онъ скончался въ концѣ 1719 года[323].

Лещинскій Филоѳей родился 1650 года и по выходѣ изъ коллегіи поступилъ въ священники: но лишившись супруги, принялъ монашество, и въ скоромъ времени произведенъ въ намѣстники братскаго монастыря. Мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій, соученикъ *Лещинскаго*, имѣлъ счастіе въ непродолжительномъ времени, согласно державной волѣ Петра I, рукополагать *Филоѳея* въ митрополита сибирскаго и тобольскаго. Девять лѣтъ трудился просвѣщенный архипастырь въ устроеніи Церкви въ отдаленнѣйшемъ краю нашего отечества: но приключившаяся болѣзнь заставила его просить себѣ увольненія отъ епархіи. Въ 1711 году митрополитъ сложилъ съ себя санъ архипастырскій и принялъ схиму подъ именемъ *Ѳеодора*. Черезъ годъ получивъ облегченіе въ своей болѣзни, ревностный слуга Царствія Христова, испросилъ благословеніе у своего преемника митрополита Іоанна Максимовича и позволеніе у сибирскаго губернатора князя Гагарина отправиться къ идолопоклонникамъ Остякамъ для проповѣданія имъ вѣры Христовой. Подвигъ трудный и великій! Проповѣднику приходилось имѣть дѣло съ дикарями, которые понимали только силу оружія: но *Ѳеодоръ* шелъ съ сильнѣйшимъ оружіемъ креста, и въ самое короткое время успѣлъ обратить къ христіанству остякскаго князя Алачева и до пятидесяти тысячъ Остяковъ, обитавшихъ по рѣкѣ Оби. Между тѣмъ скончался митрополитъ Іоаннъ, и государь повелѣлъ *Ѳеодору* снова принять

жезлъ архипастырскій (1715 г.). Управляя дѣлами епархіи, *Филовей* не упускалъ изъ виду любимой своей мысли—обращенія язычниковъ. Для этого онъ вступилъ въ сношенія съ монгольскимъ Кутухтою, и посылалъ къ нему »словесныхъ и разумныхъ учителей« съ граматами и дарами. Уваженіе, пріобрѣтенное симъ архипастыремъ отъ самыхъ жрецовъ языческихъ, было такъ велико, что самъ Кутухта не усомнился называть его въ отвѣтныхъ своихъ граматахъ *Великимъ Ламою* и *надъ Ламами Ламою*. Но усиленные труды возвратили къ нему прежнюю его болѣзнь, и *Филовей* въ 1721 году снова испросилъ себѣ увольненіе отъ архипастырской должности. Удалясь въ сооруженную имъ самимъ тюменскую обитель, онъ принялъ великую схиму, и пять лѣтъ провелъ въ труженичествѣ и молитвенныхъ подвигахъ. Добрый пастырь, не щадившій себя для паствы своей, скончался 31 мая 1726 года, завѣщавъ похоронить себя у самаго входа въ храмъ Троицкій, дабы, по его собственному выраженію, »мимоходящіе попирали прахъ его ногами«[324].

Милославскій Аѳанасій, архимандритъ Кіево-печерскій. Подробности о его жизни остаются неизвѣстными: но судя по характеру уцѣлевшаго и дошедшаго до насъ его сочиненія, видно, что онъ нѣкоторое время былъ однимъ изъ префектовъ и профессоровъ коллегіи, и то, что прежде читалъ въ строгой школьной системѣ, изложилъ потомъ въ понятныхъ всякому символахъ и подобіяхъ. Сочиненіе *Милословскаго* называется *Іероглифическая Ивика*, или *правоучительная философія*. Онъ скончался въ Кіевѣ 1714 года[325].

Одиновичъ Антоній. Когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ вознамѣрился завести въ Москвѣ славено-греко-латинскую академію и вызвалъ изъ Константинополя братьевъ Лихудовъ, то въ помощь имъ было вытребовано изъ Кіева нѣсколько молодыхъ монаховъ, воспитавшихся въ здѣшнемъ училищѣ; въ числѣ

ихъ былъ и *Одиновичъ*. Долго ли продолжалъ онъ училищныя должности, неизвѣстно; но въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія онъ былъ уже намѣстникомъ и потомъ архимандритомъ Донскаго монастыря[326]. Въ 1705 году *Одиновичъ* былъ посвященъ въ Коломну архіепископомъ, а въ 1716 скончался[327].

Туптало Димитрій, причисленный Церковію православною къ лику святыхъ, подъ славнымъ именемъ святителя Ростовскаго. Не вдалекѣ отъ Кіева, городѣ Макаровѣ[328], у малороссійскаго сотника Саввы Григорьевича Туптала 1651 года родился сынъ, нареченный при св. крещеніи *Даніиломъ*. Воспитанный съ младенчества благочестивыми родителями въ страхѣ Божіемъ, юный *Даніилъ* былъ отданъ въ кіево-могилянскую коллегію и началъ проходить по порядку классы, только что открытые Галятовскимъ. Томимый жаждою познаній, онъ быстро окончилъ ученіе въ начальныхъ школахъ и въ цвѣтѣ юношескихъ лѣтъ достигъ классовъ поэзіи и реторики. Здѣсь-то раскрылся передъ нимъ тотъ рудникъ слова, который потомъ разработалъ онъ самъ своимъ геніальнымъ умомъ[329]. Подъ руководствомъ знаменитаго состязательнаго богослова—Галятовскаго, *Туптало* изучилъ тѣ пріемы и обороты рѣчи, которые невольно поражаютъ въ его поученіяхъ и бесѣдахъ самаго обыкновеннаго читателя; у него занялъ онъ ту энергію и непобѣдимую силу убѣжденія, которыя явились въ послѣдствіи въ борьбѣ его съ раскольниками. И потому благодарить надобно Провидѣніе, что оно допустило будущаго святителя слушать уроки въ кіевской коллегіи. Къ сожалѣнію, онъ не могъ идти далѣе реторики: ибо кромѣ того, что другихъ классовъ не было тогда въ коллегіи, даже сама она, какъ мы видѣли, потерпѣла разрушеніе.

Семнадцатилѣтній юноша не захотѣлъ однакожъ оставаться въ мірѣ, и испросивъ у своихъ родителей благословеніе всту-

пить въ монашество, 9 іюля 1668 года въ кіево-кирилловскомъ монастырѣ принялъ постригъ и прославленное имъ потомъ имя *Димитрія*. Слѣдуя такимъ образомъ вышнему призванію, юный инокъ весь погрузился въ подвижничество: строгое уединеніе и богомысліе, отреченіе отъ всего, что имѣетъ въ себѣ міръ привлекательнаго, необыкновенная кротость, смиреніе и послушаніе, неутомимое усердіе къ Церкви Божіей и непрестанная молитва отличали его даже между старѣйшими братіями обители. Такой свѣтильникъ не могъ долго оставаться подъ спудомъ. Въ 1669 году *св. Димитрій* былъ посвященъ въ Каневѣ во іеродіакона митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ, а черезъ шесть лѣтъ послѣ этого блюститель кіевской митрополіи Лазарь Барановичъ вызвалъ его въ Черниговъ, облекъ въ санъ іеромонаха и опредѣлилъ проповѣдникомъ при соборѣ[330]. Два года проповѣдническаго служенія въ Черниговѣ столько прославили молодаго витію, что имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Малороссіи, но и въ Польшѣ и Литвѣ. Упрошенный братіею слуцкаго православнаго монастыря, онъ цѣлый годъ проповѣдывалъ тамъ слово Божіе. Многія обители предлагали *св. Димитрію* принять начальство надъ ними: но онъ уклонялся отъ этихъ приглашеній и продолжалъ жить въ Слуцкѣ, не имѣя силъ разстаться съ любимцемъ души своей Іоанномъ Скочкевичемъ, строителемъ того монастыря. Лазарь Барановичъ и гетманъ Самойловичъ упрашивали его воротиться въ Малороссію, и *св. Димитрій*, дождавшись кончины своего друга и почтивъ память его надгробнымъ словомъ, 1679 года прибылъ на родину. Гетманъ »принялъ его весьма милостиво и благодѣтельствовалъ ему«[331]: но добродѣтельный и смиренный инокъ не захотѣлъ употреблять въ свою пользу расположенности сильнаго человѣка и удалился въ батуринскій Николаевскій монастырь, гдѣ усугубилъ свое подвижничество, проводя время въ постѣ, молитвахъ, чтеніи свящ. писанія и проповѣданіи слова Божія. Такъ прошелъ 1679 годъ. Въ слѣдующемъ, братія Кіево-кирилловскаго монастыря обратились къ *св. Димитрію* съ убѣдитель-

нѣйшими просьбами о принятіи начальства надъ ними, извѣщая, что они единогласно избрали его своимъ игуменомъ. Они просили и гетмана ходатайствовать о томъ же: но *св. Димитрій* отправилъ представителя ихъ съ благодарственнымъ письмомъ; убѣжденія Самойловича также не подѣйствовали. Черезъ годъ послѣ сего явились къ нему два старца Максаковской Преображенской обители съ предложеніемъ игуменства. Долго отговаривался *св. Димитрій;* наконецъ неотступныя просьбы преодолѣли его глубокое смиреніе, потому болѣе, что Максаковскій монастырь, по своему уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ строгой, отшельнической его жизни. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ, встрѣтивъ *св. Димитрія* съ письмомъ отъ гетмана Самойловича, привѣтствовалъ его слѣдующими словами: »не читая письма, сказываю: да благословитъ »васъ Господь Богъ, не только игуменствомъ, но по имени Ди»митрія желаю вамъ и митры; Димитрій да получитъ митру«[332],— и на прощаньи подарилъ ему лучшій свой посохъ, словомъ, по выраженію самаго *св. Димитрія,* обошелся съ нимъ, какъ отецъ съ сыномъ. Недолго однакожъ онъ управлялъ Максаковскою обителью: 1 марта 1682 года его перевели въ томъ же званіи въ батуринскій Крупицкій монастырь: но и здѣсь начальствовалъ онъ съ небольшимъ полтора года, и потомъ самъ отказался отъ настоятельства, и возобновилъ строгую келейную жизнь въ томъ же монастырѣ.

Въ 1684 году архимандритъ Кіево-печерскій Варлаамъ Ясинскій вызвалъ *св. Димитрія* въ Лавру и предложилъ ему собрать и исправить *Житія святыхъ.* Огромный трудъ устрашилъ *Димитрія:* но убѣжденія архимандрита и соборныхъ старцевъ вынудили его согласіе и онъ приступилъ къ занятіямъ. Дѣйствительно, работы было много; попытки предшественниковъ *Димитрія* въ этомъ дѣлѣ были далеко несовершенны; руководствоваться ими и думать было нечего: слѣдовало начинать сначала. *Димитрій* обложилъ себя книгами Метафраста, писателями вос-

точной и западной Церкви, греческими историками и жизнеописаніями святыхъ, составленными Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, подъ названіемъ Четіихъ-Миней. Два года провелъ *св. Димитрій* въ Кіево-печерской Лаврѣ, весь преданный своему занятію[333]; а въ 1686 году, подвигнутый неотступными убѣжденіями гетмана Самойловича и батуринскаго духовенства, снова принялъ начальство надъ Крупицкимъ монастыремъ. Здѣсь онъ докончилъ первыя три книги своихъ Четь-Миней, содержащія въ себѣ жизнеописанія святыхъ, память которыхъ празднуетъ православная Церковь въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ. Трудъ этотъ, разсмотрѣнный и одобренный архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ и всѣмъ лаврскимъ соборомъ, немедленно былъ напечатанъ въ печерской типографіи, и въ 1689 году представленъ царскому Двору. Патріархъ Іоакимъ разгнѣвался было, что книга напечатана безъ его разсмотрѣнія, но сдѣлавъ легкое замѣчаніе Ясинскому, одобрилъ благочестивое усердіе сочинителя[334].

Св. *Димитрій* въ томъ же году приступилъ къ продолженію своихъ Четь Миней: но управлявшій тогда Малороссіею гетманъ Мазепа, питая уваженіе къ *Димитрію* и желая представить его Двору, взялъ съ собою въ Москву, гдѣ онъ и пробылъ около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, имѣвъ счастіе представиться царю Іоанну Алексѣевичу и царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, а также и царю Петру Алексѣевичу въ Троицкомъ монастырѣ. Въ Москвѣ *Димитрій* часто посѣщалъ патріарха Іоакима, который продолжая ободрять его занятія, благословилъ иконою. Возвратившись изъ Москвы, св. *Димитрій* еще съ большею ревностію принялся за работу. Чтобъ не имѣть никакого развлеченія, онъ построилъ для себя особую келью, которую въ запискахъ своихъ называетъ *скитомъ*, и отказавшись отъ управленія ввѣренною ему Крупицкою обителью, совершенно заключилъ себя въ своемъ скитѣ, и въ 1693 году окончилъ вторую четверть своего творенія, въ которой помѣс-

тилъ жизнеописанія святыхъ, празднуемыхъ въ декабрѣ, генварѣ и февралѣ мѣсяцахъ. Въ слѣдующемъ году св. *Димитрій* былъ переведенъ игуменомъ въ глуховскій Петропавловскій монастырь, гдѣ также продолжалъ многополезныя свои занятія. Черезъ три года потомъ (1697) его перемѣстили настоятелемъ въ Кіево-кириловскій монастырь, куда за двадцать девять лѣтъ предъ симъ вступилъ онъ бѣльцомъ, а вышелъ оттуда инокомъ. Здѣсь однакожъ св. *Димитрій* начальствовалъ недолго, ибо того же года былъ наименованъ архимандритомъ черниговскаго Успенскаго Елецкаго монастыря, а въ 1699 году переведенъ былъ въ новгородъ-сѣверскую Спасскую обитель. Тутъ онъ окончилъ и третью четверть своихъ Миней: мартъ, апрѣль и май мѣсяцы. Послѣдняя четверть совершена св. *Димитріемъ* въ 1705 году; такимъ образомъ слишкомъ двадцать лѣтъ трудился святитель надъ этимъ важнѣйшимъ сочиненіемъ[335].

Слава, пріобрѣтенная св. *Димитріемъ* богоугодною жизнію, искуствомъ въ проповѣданіи слова Божія, назидательными сочиненіями, и въ особенности Четь-Минеями, обратила на него вниманіе Петра Великаго. Въ 1701 году онъ былъ вызванъ въ Москву и тогда же посвященъ въ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго: но здоровье, изнуренное постомъ, молитвами и трудами не позволяло ему отправиться въ отдаленный край, суровый климатъ котораго не соотвѣтствовалъ немощнымъ силамъ его и самому усердію быть полезнымъ Церкви и отечеству. Государь уважилъ просьбу знаменитаго пастыря, позволивъ ему имѣть пребываніе въ Москвѣ, и въ слѣдующемъ же году наименовалъ его митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ.

Въ то время сѣверо-восточная Россія еще не могла похвалиться своимъ просвѣщеніемъ; духовенство было мало чѣмъ образованнѣй черни: »не зная ни православія, ни кривославія и

божественная писанія точію по черному проходяще«, оно твердило, что Русскіе и безъ наукъ православны[336]. Грустно и больно было образованному и ученому сыну юго-западной Руси встрѣтить такое невѣжество въ новой своей паствѣ; св. *Димитрій* рѣшился просвѣтить и исправить сперва церковныхъ учителей, и для этого написалъ и разослалъ имъ два окружныхъ наказа съ изъясненіемъ ихъ обязанностей, какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и къ ввѣренной имъ паствѣ. А дабы на будущее время приготовить для Церкви способнѣйшихъ священнослужителей, онъ основалъ въ Ростовѣ семинарію и раздѣливъ ее на три класса, самъ надзиралъ за ходомъ ученія, а иногда, въ небытность учителей, и обучалъ дѣтей. Кромѣ этого способнѣйшимъ изъ воспитанниковъ онъ толковалъ въ свободное время свящ. Писаніе, желая восполнить этимъ недостатокъ богословскаго класса.

По св. *Димитрію* предлежалъ еще другой, важнѣйшій подвигъ въ ростовской паствѣ. Тамъ было въ то время множество раскольниковъ, главные учители которыхъ, укрываясь въ брынскихъ лѣсахъ, чрезъ потаенныхъ своихъ проповѣдниковъ всюду разсѣевали ученіе, мятежное противъ Церкви православной. Крайне прискорбно это было просвѣщенному защитнику вѣры Христовой. Онъ рѣшился объѣзжать по нѣскольку разъ свою епархію и проживалъ въ Ярославлѣ не малое время для того, чтобы словомъ своимъ обличать закоснѣлое невѣжество отступниковъ Церкви православной. Видя однакожъ, что это не помогаетъ, св. *Димитрій* написалъ *Розыскъ* о раскольнической вѣрѣ, и при окружномъ своемъ посланіи разослалъ ко всѣмъ духовнымъ властямъ своей паствы. Это былъ страшный ударъ для невѣжества и богопротивнаго раскола. Всѣ секты и толки, всѣ ихъ заблужденія и нелѣпости выставлены были св. *Димитріемъ* на судъ міра и поражены до конца. Онъ уже не щадилъ тутъ богоотступниковъ и казнилъ ихъ праведнымъ презрѣніемъ

и финеесовымъ негодованіемъ. Противъ ихъ упорныхъ, безсмысленныхъ нелѣпостей св. *Димитрій* выставлялъ разумный глаголъ истины, находимой въ свящ. Писаніи и въ твореніяхъ Отцевъ Церкви, и облекая ее въ осязательно-понятное слово, заставлялъ своихъ противниковъ или издавать вопли буйнаго ожесточенія и безсильной злобы, или со стыдомъ безмолствовать. Ненависть, возбужденная въ раскольникахъ всѣхъ толковъ этимъ сочиненіемъ къ св. Угоднику, лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно и непріязненно имъ было оружіе слова *Димитрія*. Передъ очами всего міра стали они съ своей вѣрой неправою, своимъ душевреднымъ ученіемъ и съ дѣлами, приводящими въ ужасъ и омерзеніе всякаго испытателя судебъ человѣчества.

Изъ ученыхъ сочиненій святителя Ростовскаго особенно замѣчательна *Лѣтопись,* названная самимъ сочинителемъ, по скромности, *Келейною*, то есть, написанною для домашняго употребленія: но изъ собственнаго письма св. *Димитрія* къ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому открывается и другая, важнѣйшая цѣль этого сочиненія: »еще же и сего ради, пишетъ »онъ, священную исторію вкратцѣ написать я намѣренъ: помню, »что въ нашей малороссійской сторонѣ трудно сыскать Библію »славенскую; весьма мало гдѣ оныя обрѣтаются, и купити едва »достанетъ кто и рѣдко кто изъ духовнаго чина вѣдаетъ по»рядокъ исторій библейныхъ, что когда происходило. И для »того хотѣлъ было, аще бы поспѣшилъ Господь вашими свя»тыми молитвами, вкратцѣ библейскую исторію преподать та»ковымъ для вѣдѣнія, книжицею не зѣло великою и умѣренною, »чтобы всякъ могъ недорого купити и удобно о всѣхъ; яже въ »Библіяхъ, увѣдати исторіяхъ, каковымъ идутъ порядкомъ«. Въ этой Лѣтописи, кромѣ Библейской исторіи и свода съ исторіей гражданской, помѣстилъ онъ много богословско-герменевтическихъ и хронологическихъ изслѣдованій, съ приложеніемъ на каждый вѣкъ пасхальнаго круга. Особенно любопытно тамъ

его изслѣдованіе »о несогласномъ лѣтосчисленіи«. Вообще, Лѣтопись эта была бы единственною въ нашей литературѣ, еслибъ была окончена: но къ сожалѣнію, св. *Димитрій* успѣлъ довести ее только до 3600 года отъ сотворенія міра.

Такія многочисленныя и разнообразныя занятія, увеличивавшіяся съ году на годъ, по мѣрѣ возвышенія св. *Димитрія* по степенямъ церковной іерархіи, ни мало не погасили въ немъ проповѣдническаго жара. Будучи уже митрополитомъ, онъ все оставался тѣмъ же ревностнымъ органомъ слова Божія, какимъ былъ и въ ту пору, когда едва лишь переступилъ границу юношескаго возраста, какимъ являлся и въ Кіевѣ, и въ Черниговѣ и во всѣхъ монастыряхъ, куда приводимъ былъ, какбы на удивленіе, вышнимъ Промысломъ. Въ санѣ іерарха онъ рѣдко совершалъ литургію безъ слова поучительнаго. Проповѣдуемыя имъ истины христіанства, такъ сродныя его уму, были жизнію его сердца, и отъ того, изливаясь прямо изъ души, являлись всегда живыми и дѣйственными, — и не въ тѣсныхъ предѣлахъ школьной реторики, не въ напыщенныхъ формахъ классическаго ораторства изрекалъ онъ высокіе догматы и святыя правила жизни христіанской, а въ простой бесѣдѣ отца съ дѣтьми, учителя съ учениками. Искусно пользуясь всѣмъ, что имѣетъ въ себѣ наука, св. *Димитрій*, при необыкновенной силѣ выраженій и живости оборотовъ, умѣетъ держать въ постоянномъ напряженіи вниманіе слушателя, не позволяя ему ни на одну минуту поскучать сухимъ изложеніемъ догматическихъ или нравственныхъ истинъ. То остроумно сводитъ онъ разныя событія, возбуждая интересъ къ тому и другому, и заставляя съ нетерпѣніемъ ожидать развязки всего этого, то скрѣпляетъ мысль свою текстомъ, указавъ напередъ божественный авторитетъ его, то разсказываетъ какую нибудь исторію или событіе изъ жизни святыхъ, предоставляя иногда самимъ слушателямъ выводить изъ того для себя урокъ нравственный и давая такимъ образомъ пищу ихъ умственной дѣятельности, то приводитъ изре-

ченіе языческаго писателя, поставляя оное въ сравненіе съ ученіемъ Евангелія, то разсказываетъ какое нибудь похожденіе миѳологическаго бога Греціи или Рима, дабы отъ любопытства, возбужденнаго въ умѣ слушателя, пойти потомъ прямо къ убѣжденію сердца въ святости проповѣдуемой истины. Самый тонъ обличенія у него не грозный и потрясающій, а тихій, отечески-укорительный, выражающійся иногда въ повѣствованіи нѣсколько сатирическомъ. И доселѣ вся православная Россія читаетъ—не начитается вдохновенныхъ бесѣдъ святителя Ростовскаго[337].

Но духъ бодръ, плоть же немощна. Изнемогая въ силахъ, св. *Димитрій* все еще не прекращалъ своихъ занятій, и за два дня до своей кончины (26 октября 1709 года) больной и разслабленный совершалъ божественную Литургію. На другой день онъ позвалъ къ себѣ пѣвчихъ и заставилъ ихъ пѣть имъ же самимъ сочиненныя духовныя пѣсни. Что дѣлалось тогда въ душѣ праведника, тихо волнуемой воспоминаніями, порождаемыми этой музыкой, которую сложилъ онъ въ первой порѣ свѣжести и крѣпости силъ?!... 28 октября служители, вступившіе въ келью митрополита, увидѣли его стоящимъ на колѣняхъ и уже предавшимъ духъ свой Богу. Такъ скончался праведникъ на пятьдесятъ девятомъ году отъ рожденія!

Прошло сорокъ три года, и Господь Богъ благоизволилъ прославить Угодника своего. Не смотря на то, что мощи св. *Димитрія* лежали въ сыромъ мѣстѣ, не покрытомъ сводами, тлѣніе не прикоснулось къ нимъ; даже одежда святителя, его митра, шелковые четки вишневаго цвѣта сохранились въ прежнемъ видѣ, тогда какъ дубовый гробъ совершенно сгнилъ. Еще задолго до того времени, чудесныя исцѣленія, источаемыя вѣрующимъ молитвою и ходатайствомъ праведника, предвозвѣстили прославленіе его у Господа: 1752 года всѣ эти свѣдѣнія были повѣрены, и св. Синодъ опредѣлилъ праздновать день кончины св. *Димитрія* Ростовскаго. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ же

Кіевской Академіи Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ московскій, сочинилъ краткую службу съ акаѳистомъ святителю[338].

Угличкій Ѳеодосій, »иже бысть мужъ разуменъ и благотворящъ кіевскому братскому монастырю«. До 1693 года онъ находился архимандритомъ черниговскаго Елецкаго монастыря, а потомъ былъ посвященъ въ черниговскаго архіепископа, въ каковомъ санѣ и скончался 7 генваря 1696 года[339].

Яворскій Стефанъ родился 1658 года въ волынскомъ мѣстечкѣ Яворѣ, состоявшемъ подъ польскимъ владычествомъ, и при крещеніи нареченъ *Симеономъ*. Родители его, принадлежавшіе къ дворянскому сословію, какъ и всѣ дворяне тогдашняго времени, обращали на себя особенное вниманіе папистовъ и уніатовъ. Отъ ихъ злобныхъ преслѣдованій Яворскіе принуждены были покинуть родину, удалились въ Малороссію и поселились со всѣмъ своимъ семействомъ въ Нѣжинѣ. Юный *Симеонъ* съ дѣтскихъ лѣтъ показывалъ необыкновенныя способности и склонность къ наукамъ. Но такъ какъ въ Нѣжинѣ въ то время не было никакого училища: то родители поручили его на воспитаніе Варлааму Ясинскому, бывшему тогда только іеромонахомъ и проповѣдникомъ въ Кіево-печерской Лаврѣ. Когда, въ званіи ректора и возстановителя кіево-могилянской коллегіи, Ясинскій перешелъ игуменомъ въ братскій монастырь, то взялъ съ собою и *Яворскаго* и опредѣлилъ его во вновь открытыя школы, имѣя самъ непосредственное надъ нимъ наблюденіе. Дорожа счастливыми способностями своего воспитанника, Ясинскій, независимо отъ школьныхъ уроковъ, самъ преподавалъ ему поэзію и реторику, читалъ и объяснялъ ему латинскихъ авторовъ, искренно радуясь понятливости и успѣхамъ своего юнаго питомца. Въ эту пору между *Симеономъ Яворскимъ* и Даніиломъ Тупталомъ образовалась тѣсная дружба, не прекратившаяся и въ послѣдствіи, когда оба они стали на высокой чредѣ служенія Церкви и отечеству, и когда одинъ изъ нихъ, по

данному слову, провожалъ въ могилу бренные, но нетлѣнные останки своего друга. Разореніе училищныхъ фундушей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и паденіе коллегіи грозило остановкою успѣховъ и просвѣщенія *Яворскому:* но Ясинскій, желая остаться достойнымъ той довѣренности, какою почтили его родители питомца, отправилъ его въ галиційскія и польскія училища, славившіяся тогда отличными наставниками. Увидимъ со временемъ, чѣмъ воротится оттуда *Яворскій,* и что принесетъ онъ родной своей коллегіи, Церкви православной и отечеству.

Яновскій Ѳеодосій, управлявшій сначала хутынскимъ монастыремъ, а потомъ бывшій первымъ архимандритомъ Александро-невской Лавры. Въ 1720 году онъ былъ хиротонисанъ въ архіепископа новгородскаго, съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ по архимандріи Александро-невскаго монастыря. Уважаемый и любимый Петромъ I, онъ въ знакъ особеннаго благоволенія получилъ отъ государя позволеніе носить на митрѣ водруженный крестъ, подобно тому, какъ носятъ архіереи и архимандриты въ юго-западной Россіи. Съ кончиною императора, *Яновскій* подвергся опалѣ и 11 мая 1725 года лишенъ былъ сана и сосланъ на заточеніе въ Никольскій Корельскій архангельскій монастырь, гдѣ и скончался простымъ монахомъ[340].

Совершилось наконецъ столѣтіе древнѣйшему въ нашемъ отечествѣ училищу! Благословеніе Божіе, преподанное святѣйшими патріархами не осталось втуне, и вся Россія узрѣла благодатные плоды, принесенные кіевскимъ вертоградомъ духовнаго просвѣщенія. Крѣпко стояла коллегія въ лицѣ своихъ воспитанниковъ противъ злоумышлявшаго папизма и свирѣпствовавшаго уніатства, успѣшно отражала стрѣлы, бросаемыя на вѣру православную реформаторами всѣхъ сектъ, высылала въ глубь сѣвера своихъ питомцевъ повѣдать славу Божію и устроивать просвѣщеніе народа, образовала искуснѣйшихъ богослововъ,

проповѣдниковъ и филологовъ, вмѣщала въ нешироких обителяхъ своихъ такихъ людей, для славы которыхъ сталъ потомъ тѣсенъ цѣлый міръ, и которые понесли ее съ собою за предѣлы его. Цари и патріархи, архіереи и вожди, вельможи и простецы — всѣ почтили ее именемъ славнаго и многополезнаго училища, и вознося къ Господу Богу благодарственныя моленія о благоденствіи его, въ годину бѣдствій спѣшили къ нему на помощь, отверстою рукою разсыпая на него свои благодѣянія[341].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЕДЕОНЪ СВЯТОПОЛКЪ,

КНЯЗЬ ЧЕТВЕРТЕНСКІЙ.

Состояніе Украйны. Юрій Хмѣльницкій. Кіевъ. Внутреннія смятенія ослабѣваютъ. Миръ Россіи съ Польшею. Вѣроломство іезуитовъ. Прибытіе Гедеона въ Чигиринъ. Сиротство кіевской митрополіи. Нареченіе Гедеона митрополитомъ. Посвященіе его. Права, ему предоставленныя. Граматы царская и патріаршая. Прибытіе Гедеона въ Кіевъ. Протестъ Барановича и Кіево-печерской Лавры. Переписка съ восточными патріархами. Они отказываются отъ правъ своихъ на кіевскую митрополію. Дѣйствія уніатовъ. Жалобы Гедеона. Еретическія мнѣнія, посѣваемыя іезуитами и уніатами. Запросъ патріарха Іоакима. Заботы Гедеона о своей паствѣ и объ училищѣ. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Состояніе ея. Сформированіе полнаго учебнаго курса. Ректоры коллегіи: Іезекіиль Филипповичъ, Ѳеодосій Гугуревичъ, Пахомій Подлузскій, Кириллъ Филимоновичъ. Кончина Гедеона. Характеръ его и духовное завѣщаніе. Экзаменъ Стефану Яворскому, прибывшему изъ-заграницы. Остальная біографія Яворскаго. Воспитанники коллегіи: Боболинскій Леонтій, Волынскій Сильвестръ, Косовскій Варлаамъ, Краснопольскій Рафаилъ, Леонтовичъ Ѳеофанъ, Стаховскій Антоній. Денисовъ Андрей въ кіевской коллегіи.

1686—1690.

Украйна еще продолжала волноваться. Хотя Самойловичъ и былъ уже гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра: но отъ короля назначенъ былъ свой гетманъ—Гоголь, а отъ султана свой. Симъ послѣднимъ былъ недостойный сынъ славнаго и знаменитаго отца Юрій Хмѣльницкій. Сбросивъ съ себя иноческій

клобукъ и архимандритскую митру, онъ сталъ во главѣ соединеннаго турецкаго войска, и 1677 года пошелъ къ Чигирину, святотатственно оскорбляя тѣ священныя мѣста, гдѣ не такъ давно покоились кости его родителя, варварски выброшенныя изъ могилы польскимъ вождемъ Чарнецкимъ. Блистательно отраженный вѣрными Чигиринцами, на другой годъ Юрій снова двинулся въ походъ, направляясь къ Кіеву; тогда возстаніе сдѣлалось всеобщимъ. Мѣщане, посполитство[342], мастеровые, ремесленники брались за оружіе и становились въ ряды защитниковъ вѣры и родины; духовенство провозглашало войну съ врагами тишины и мира. Блюститель митрополитскаго престола Лазарь Барановичъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ пѣлъ молебны о счастливомъ окончаніи междоусобной брани, и татарскія полчища поражены были въ конецъ соединенными дружинами Великой и Малой Россіи. Царскія войска придвинулись къ границамъ Турціи.

Между тѣмъ генералъ Гордонъ укрѣплялъ Кіевъ. Полковникъ Яновъ наводилъ черезъ Днѣпръ мосты на якоряхъ, дотолѣ невиданные. Гетманъ Самойловичъ поднималъ высокій валъ вокругъ печерской обители. Войско гетманское соединилось съ войсками царскими и составило громадный оплотъ противъ магометанъ.

Внутреннія смятенія также видимо начинали ослабѣвать. Безпокойный Дорошенко давно уже сошелъ съ бурнаго своего поприща, и доживалъ свой вѣкъ въ Ярополчѣ подъ Москвою, изнывая въ безплодныхъ желаніяхъ прежней мятежной жизни; кошевой Сѣрко скончался, отравленный ханомъ крымскимъ; безпутный Юрій Хмѣльницкій, дѣйствовавшій подъ страшной анаѳемой своего отца, принялъ мучительную смерть отъ Поляковъ[343]. Польское правительство хоть и не переставало сѣять смуты и раздоры въ стихавшей Малороссіи: но это ужъ

было не то время: возмутителей ловили и предавали заслуженной казни.

Такъ прошелъ и 1683 годъ. Раздоръ Польши съ Австріей и Портой обезсилилъ ее въ конецъ, и 1686 года она приступила къ вѣчному миру съ Россіей. Но что свято было соблюдаемо со стороны послѣдней, то постоянно нарушалось первою. Едва объ стороны успѣли размѣняться условіями; едва Рѣчь посполитая провозгласила свободу вѣроисповѣданія, какъ начались прежніе подвиги пановъ, магнатовъ, шляхты, ксензовъ и іезуитовъ. »Не такіе тутъ порядки, писалъ посолъ нашъ Василій »Тяпкинъ, что въ государствѣ московскомъ, идѣже яко пре»свѣтлое солнце на небеси, единъ Монархъ и Государь по все»ленней просвѣщается и своими государскими повелѣніями, яко »солнечными лучами, всюду единъ сіяетъ. Единаго слушаемся, »единаго боимся, единому служимъ всѣ, единъ даетъ и отъем»летъ, по данной ему Государю свыше власти. А здѣсь что »жбанъ, то панъ, не боятся подобно (кажется) и Сотворшаго »самаго, не токма обранного короля своего. Идѣже отнюдь не »познаешь, какого постановленія и указу въ дѣлѣ одержать«[344]. Когда Б. П. Шереметьевъ сталъ вступаться за гонимое православіе, ссылаясь на московскій договоръ, ему отвѣтили дерзостью и полунасмѣшкой[345]. Образумить вѣроломныхъ силою оружія не было времени: ибо тогда состоялся жалкій и постыдный крымскій походъ Голицына, любимца царевны Софіи, неудачи котораго всѣ пали на несчастную голову гетмана Самойловича[346].

Въ сію-то пору клятвопреступныхъ гоненій на вѣру православную, весною 1685 года прибылъ въ Чигиринъ къ малороссійскому гетману Самойловичу Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертенскій. Двадцать пять лѣтъ управлялъ онъ луцкою епархіей, пока измѣнникъ православія Іосифъ Шумлянскій, именовавшій себя администраторомъ кіевской митрополіи, не лишилъ его епископскаго престола, въ пользу своего брата Ѳеа-

насія, пока не заграбилъ все имѣніе Святополка и не выгналъ его самаго изъ Луцка. Преслѣдуемый католиками и уніатами, лишенный всего, кромѣ первосвятительскаго сана, Гедеонъ просилъ у Самойловича защиты и другой епархіи. Въ это время гетманъ съ кіевскимъ духовенствомъ и чиновниками думали объ избраніи православнаго митрополита. Уже истекалъ десятый годъ послѣ кончины Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго; кіевская митрополія сиротствовала, не признавъ своимъ архипастыремъ Антонія Винницкаго, не имѣвшаго утвержденія ни отъ одного изъ патріарховъ. Блюстителемъ престола митрополитскаго все еще оставался Барановичъ, управлявшій въ тоже время и черниговскою епархіей. Какбы по особенному распоряженію Промысла, въ эту пору общаго сознанія потребности въ дѣйствительномъ первостоятелѣ малороссійской іерархіи явился Гедеонъ Святополкъ. Многолѣтнія его заслуги Церкви, несчастія имъ претерпѣнныя, знаменитость рода и ревность по вѣрѣ православной обратили на него общее вниманіе. Созваны были въ Кіевъ окрестные православные епископы, и на соборѣ, бывшемъ въ Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ, по предложенію и согласію гетмана, все духовенство и чиновники единогласно избрали Гедеона.

Нареченный митрополитъ, опытно свѣдавъ слабость и медленность патріарховъ восточныхъ въ защищеніи православія, при первомъ же актѣ избранія своего изъявилъ желаніе принять жезлъ архипастырскій не отъ кого другаго, какъ отъ московскаго патріарха. Гетманъ отправилъ объ этомъ просьбу въ Москву. По долгомъ совѣщаніи въ первопрестольномъ градѣ царей россійскихъ, полученъ былъ желаемый отвѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ Гедеонъ 24 сентября 1686 года прибылъ въ Москву съ двумя игуменами и многими особами чернаго и бѣлаго духовенства, а также и прислугою, составлявшими свиту его. Тамъ, по изволенію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны, 8 ноября того же года онъ посвященъ былъ въ

Успенскомъ московскомъ соборѣ патріархомъ Іоакимомъ съ нареченіемъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и Малыя Россіи. Новопосвященный митрополитъ получилъ отъ Царей въ даръ золотые сосуды для Софійскаго собора[347], и царскую грамату, которою опредѣлялись всѣ права и привиллегіи, ему предоставляемыя. Такимъ образомъ епархіи кіевской повелѣно быть между великороссійскими митрополіями *первопрестольною;* право судебнаго разбирательства по епархіи предоставлено митрополиту безъ апелляціи, »и святѣйшій бы патріархъ, сказано, въ тѣ суды вступать не изволилъ, и челобитья ни у кого никакова не принималъ«; всѣмъ епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, принадлежавшимъ митрополіи, равно какъ и черниговскому архіепископу Лазарю Барановичу и Кіево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому быть въ повиновеніи и послушаніи митрополита. Какъ нынѣ, такъ и впредъ предоставляется право вольнаго избранія въ митрополиты »мужа въ Божественномъ писаніи искусного и тихого »изъ тамошнихъ природныхъ обывателей«. Утверждено за митрополитомъ право невозбраннаго печатанія книгъ, а также »и »ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ; въ дѣлахъ »же, приключающихся Малой Россіи, какъ въ военныхъ, такъ »и въ росправныхъ, кіевскимъ митрополитамъ воля быти не »имѣетъ и вступатися не довлѣетъ«. Запрещено имѣть какія либо сношенія съ духовными особами державы польской, безъ вѣдома и совѣта гетмановъ, и потому всякая переписка »изъ странъ польскихъ и литовскихъ и иныхъ«, должна быть объявляема гетману, а чрезъ него Всероссійскому престолу[348]. Почти тѣже самые пункты слово въ слово изложены и въ граматѣ патріарха Іоакима[349].

По отпускѣ изъ Москвы, митрополитъ Гедеонъ прибылъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, а 29 генваря 1687 года отъѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ духовными и мірскими властями и всѣмъ народомъ. Февраля 2-го

кіевляне, послѣ долгаго времени, увидѣли наконецъ митрополитское служеніе въ храмѣ св. Софіи.

Но подчиненные митрополитской каѳедрѣ настольною царскою граматою архіепископъ черниговскій и архимандритъ кіево-печерскій не захотѣли оставаться въ вѣдомствѣ митрополита, и представили отъ себя граматы, утверждавшія независимость ихъ ни отъ кого, кромѣ патріарховъ. Въ слѣдствіе сего новыми царскими и патріаршими граматами черниговская епископія и Кіево-печерская Лавра исключены изъ подъ вѣдомства Гедеону и подчинены непосредственно московскому патріаршему престолу, да кромѣ того получили названіе *первыхъ* въ Россіи.

Митрополитъ Гедеонъ еще во время избранія своего требовалъ, чтобъ о посвященіи его чрезъ патріарха московскаго снестись предварительно съ престоломъ константинопольскимъ: но соборъ и гетманъ положили сдѣлать это послѣ. Въ настоящую же пору непремѣнно нужно было заняться этимъ, ибо иначе легко могло произойти смятеніе въ народѣ, привыкшемъ къ зависимости отъ патріарховъ восточныхъ. За это дѣло взялся самъ гетманъ, и отправилъ нарочнаго съ просительною граматою къ константинопольскому патріарху, извиняя посвященіе кіевскаго митрополита отъ московскаго престола смутными обстоятельствами того времени, по которымъ нельзя имѣть свободнаго проѣзда ни въ Россію, ни изъ Россіи; »а ваше патрі»аршеское достоинство, писалъ Самойловичъ, хотя истинный »тоя кіевскія митрополіи архипастырь есп, обаче не возможени »симъ въ расколѣ Церкви зыблемымъ ея членомъ подати за»ступленія, и въ недвижимое состояніе права то имъ въ благо»честіи ума предпоставити богопитаемыя пищи«. Выставивъ такое неудобство взаимныхъ сообщеній, и опасаясь, чтобы и впредъ не сиротствовала безъ пастыря русская православная Церковь, гетманъ испрашиваетъ благословенія на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріаршему престолу[350]; »а

»къ тому, заключаетъ гетманъ, аще бы изъ той польской дер»жавы кто изъ епископовъ или изъ иныхъ властей чрезъ пи»саніе или чрезъ посыльщиковъ отзывался, прося себѣ патрі»аршеской граматы на митрополіи санъ престолу кіевскому, не »даждь, святѣйшій отче, таковому вѣры«. На эту просьбу въ самомъ непродолжительномъ времени получена была желаемая грамата отъ константинопольскаго патріарха Діонисія Музелима, скрѣпленная подписями девятнадцати митрополитовъ и отъ іерусалимскаго Досиѳея, бывшаго тогда въ Адріанополѣ; а цари Русскіе и патріархъ московскій прислали въ Кіевъ и свои о томъ извѣстительныя граматы, которыя обнародованы были гетманомъ всѣмъ православнымъ[351].

Между тѣмъ уніаты продолжали свирѣпствовать противъ православія тѣмъ съ большею жестокостію, что увидѣли снова тотъ іерархическій порядокъ, отсутствіе котораго доселѣ было совершенно согласно съ ихъ преступными цѣлями. Они завладѣли и всѣми митрополитскими деревнями, отшедшими, по договору, въ польское владѣніе, такъ что Гедеонъ остался только при двухъ деревняхъ въ кіевскомъ округѣ, да и то одну изъ нихъ оспоривала Лавра, во время междоусобій и небытности въ Кіевѣ митрополита присвоившая себѣ и другія софійскія угодья[352]. Межевыхъ границъ уже не было; помѣстныхъ крѣпостей тоже, и Гедеону оставалось только голословно поискивать своихъ давнихъ принадлежностей. Но не столько это обстоятельство безпокоило его, сколько угнѣтенія, терпимыя православными отъ уніатовъ. Не разъ доносилъ онъ объ этомъ патріарху московскому; не разъ жаловался даже самому Петру I: Государь писалъ, просилъ, убѣждалъ, но успѣха не было. Унять гонителей силою оружія не могъ онъ, развлекаемый въ это время внутренними государственными смутами. Оставалось терпѣть и ожидать.

Дѣйствуя насиліемъ и грабежемъ, католики и уніаты под-

сылали еще своихъ проповѣдниковъ, которые искуснымъ и хитрымъ толкованіемъ догматовъ поселяли смущеніе и соблазнъ между православными. Дѣло зашло такъ далеко, что въ Москвѣ начали уже сомнѣваться въ православіи южно-русскихъ единовѣрцевъ, и патріархъ Іоакимъ отъ 1688 года присылалъ къ митрополиту Гедеону и Лазарю Барановичу запросную грамату: »не держится ли Малороссія флорентійскаго собора«? Поводомъ къ этому были нѣкоторыя мнѣнія кіевскихъ ученыхъ о времени пресуществленія Евхаристіи, признанныя Лихудами за неправославныя[353]. Митрополитъ Гедеонъ, Лазарь Барановичъ и Кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій, за подписомъ всѣхъ духовныхъ властей, увѣрили патріарха, что они вовсе далеки отъ всякихъ толковъ и правилъ флорентійскаго собора, и что всегда стояли твердо въ восточномъ благочестіи и впредъ неуклонно пребудутъ въ ономъ[354], а св. Димитрій Ростовскій, бывшій тогда только батуринскимъ игуменомъ, Стефанъ Яворскій и другіе изъ знаменитѣйшихъ богослововъ кіевскихъ написали цѣлые трактаты въ утвержденіе догмата о пресуществленіи.

Кромѣ всего этого, митрополиту Гедеону предлежало еще много трудовъ по исправленію порядка во всей кіевской іерархіи: ибо долговременное небытіе въ Кіевѣ митрополитовъ и политическія смуты были причиною повсемственнаго упадка во всемъ. Всѣ почти церкви и самый Софійскій соборъ пришли въ ветхость и оскудѣніе; духовенство во многихъ случаяхъ распоряжалось само собою, не относясь къ высшей іерархической власти. Установивъ оное въ надлежащія отношенія, Гедеонъ испросилъ у Государя пособіе для обновленія церквей кіевскихъ, и особенно Софійскаго собора, на возстановленіе котораго не щадилъ и своихъ собственныхъ издержекъ: »помощію всесильного Бога, говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи, иле змоглемъ, »при уставичней праве немощи моей старалемсе оправляти, не »жалуючи на тое кошту«[355].

Въ граматѣ патріарха Іоакима, между прочимъ, заповѣдано было митрополиту Гедеону, »да имать о школахъ промышленіе, »яко да учатся божественныхъ письменъ чтенію и свободныхъ »наукъ во вразумительное вѣдство мнози потщаніемъ его«[356]. Во исполненіе сего, Гедеонъ, для поддержанія ректоровъ, предоставилъ имъ выдачу »вѣчныхъ памятей«, или письменныхъ видовъ на несомнительное совершеніе браковъ, не имѣющихъ никакихъ препятствій. При всемъ томъ бѣдственное положеніе коллегіи заставляло ее постоянно прибѣгать къ пособіямъ частныхъ благотворителей, и, благодаря Бога, обманутыя надежды Варлаама Ясинскаго, въ бытность его ректоромъ коллегіи, съ лихвою вознаграждались потомъ при преемникахъ его. Ревнуя о пользѣ училища, ректоры годъ отъ году пріумножали средства къ содержанію ввѣреннаго имъ *могилинскаго залога,* и ободряемые ученымъ блюстителемъ митрополитскаго престола Барановичемъ, радостно несли на себѣ бремя управленія и заботъ о благосостояніи коллегіи. Такъ еще до низверженія Меѳодія, епископа мстиславскаго, они пріобрѣли отъ него, по дарственной записи, явленной потомъ 1679 года, имъ самимъ купленный Ивангородскій лѣсъ со всѣми угодьями »на вѣчныя времена«[357]. Въ 1681 году коллегія исходатайствовала для себя у царя Ѳеодора Алексѣевича подтвердительную жаловальную грамату о позволеніи присылать въ Москву черезъ каждые три года особо назначенныхъ для того »старцевъ« братскаго монастыря для сбора подаяній съ тѣми же самыми правами, содержаніемъ и обезпеченіемъ, какія изложены въ граматѣ царя Алексія Михайловича[358]. Въ томъ же году *дякъ* (причетникъ) *Перфилій Сьменковъ,* самъ обучавшійся въ кіевской коллегіи, отдалъ братскому монастырю купленное имъ дворовое мѣсто[359]; а въ 1686 году пріобрѣла она сама за двѣсти злотыхъ польскихъ у иванковскаго козака *Ѳедора Волохова* мельницу о двухъ жерновахъ на рѣкѣ Острѣ[360]. Въ 1688 году генеральные судьи войска запорожскаго вновь укрѣпили за братскимъ монастыремъ тѣ вотчины, какія даны были гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ,

замѣнивъ этимъ Муравскъ съ приселками, Лутаву, Выповзовъ, Косачовку съ полями, сѣнокосами, отчинами, огородами и островами, селеніями Железнякомъ и Медвѣдковымъ съ лѣсами, лугами, со всѣми принадлежностями и купленною мельницею, которыми до того насильно владѣлъ сотникъ острянскій *Трофимъ Подтереба*[361]; а гетманъ Самойловичъ съ своей стороны подтвердилъ кіевскому полковнику, чтобъ »онъ въ селѣ Лутавѣ »во владѣніи хуторца никакой помѣшки братству не чинилъ«, а отдалъ бы тотъ хуторъ, со всѣми принадлежащими къ нему угодьями въ непосредственное владѣніе и распоряженіе игумена съ братіею[362]. Въ 1690 году житель Ивангорода *Даніилъ Чернецъ* отдалъ братству свой дворъ съ огородомъ и полями, съ рощами и сѣнокосами, пасѣкою и прудомъ[363].

При такомъ дѣятельномъ стараніи о благосостояніи училища, снова стали наполняться аудиторіи его воспитанниками, жаждавшими образованія. Бурныя времена мятежей и нестроенія проходили, и родители, охотно прежде благословлявшіе дѣтей своихъ на кровавое поле защиты родины, нынѣ удерживали ихъ, и отсылали въ училище подъ знамя науки. Возстановленіе митрополитской каѳедры въ сиротствовавшемъ Кіевѣ, правильное укрѣпленіе его вождями силъ царя Русскаго, высочайшее повелѣніе »имѣти ученіе дѣтемъ греческаго и латинскаго языковъ«[364] — все это много способствовало обращенію кіевлянъ и окрестныхъ жителей къ мирнымъ занятіямъ.

Полный курсъ наукъ сформировался въ коллегіи еще въ эпоху управленія Ѳеофана Прокоповича I. Въ 1679 году открыта была каѳедра философіи[365], и академическій курсъ ученія сомкнулся и послѣднимъ звѣномъ своимъ. Не отступая отъ руководителя своего Аристотеля, преподаватели философіи усовершали однакожъ ее время отъ времени, и въ скоромъ времени повели тѣмъ путемъ, какимъ она шла въ заграничныхъ учили-

шахъ. Послѣднимъ въ эту эпоху преподавателемъ наукъ философскихъ былъ *Силуанъ Озерскій*[366].

Каѳедра словесности, открытая еще при Галятовскомъ, съ перваго же раза успѣшно пошла предписаннымъ ей путемъ. Въ 1683 году преподавателемъ реторики является *Іоасафъ Кроковскій*, а черезъ шесть лѣтъ послѣ него *Іоанникій Волянскій*[367]. Съ этой наукой, какъ было тогда принято, явилась и піитика, вѣроятно, преподаваемая тѣми же наставниками.

Такимъ образомъ кіево-могилянская коллегія быстро пошла впередъ, и забытая слава ея воскресла снова. Тишина, водворившаяся въ Кіевѣ, со времени присоединенія его къ семейству городовъ русскихъ, безопасность отъ всѣхъ притѣсненій, не преставшихъ въ мѣстахъ, подвластныхъ польской коронѣ, привлекали въ кіевское училище и другихъ молодыхъ людей, не принадлежавшихъ даже державѣ русской,—и возрадовался духъ Могилы въ селеніяхъ небесныхъ, узрѣвъ возстаніе коллегіи, »единственнаго своего залога«.

Вѣчная память святителю черниговскому за его мудрое смотрѣніе и попеченіе объ училищѣ, сиротствовавшемъ долгое время безъ ближайшаго своего протектора! Онъ самъ избиралъ и поставлялъ разумныхъ и ревностныхъ дѣятелей вертограда наукъ, и выборъ такого ученаго мужа, какимъ былъ Барановичъ, есть достаточное ручательство за высокія достоинства бывшихъ въ эту пору ректоровъ коллегіи[368].

Преемникомъ Прокоповича по ректурѣ былъ *Іезекіиль Филиповичъ*, управлявшій коллегіей съ 1684 по 1686 годъ. За нимъ слѣдовалъ *Ѳеодосій Гугуевичъ*, который универсаломъ гетмана утвержденъ въ ректорствѣ 1686 года и продолжалъ эту службу до 1689. До того времени онъ былъ пять лѣтъ игуменомъ батуринскаго монастыря, а въ 1682 году переведенъ

въ Михайловскій, откуда назначенъ въ ректоры коллегіи, и черезъ три года получилъ игуменство въ монастырѣ Моксаковскомъ, »а послѣ моксаковскаго игуменства, по замѣчанію св. Димитрія Ростовскаго, въ бѣдахъ и скорбехъ пострадавъ пѣлый годъ«, скончался 25 декабря 1690 года[369].

Мѣсто Гугуревича занялъ, также по избранію Барановича, утвержденному согласіемъ митрополита Гедеона и гетманскимъ универсаломъ, *Пахомій Подлузскій*, который впрочемъ ректорствовалъ только одинъ годъ, передавъ управленіе коллегіей игумену *Кириллу Филимоновичу*.

Не долго Гедеонъ Святополкъ возсѣдалъ на митрополитскомъ престолѣ. По четырехлѣтнемъ управленіи онъ скончался 6 апрѣля 1690 года и погребенъ, по собственному его завѣщанію, въ Софійскомъ соборѣ[370]. До избранія новаго митрополита, царскимъ указомъ поручено было архіерейское священнослуженіе въ Кіевѣ прибывшему туда въ это время греческому епископу Хрисанѳу Червенскому.

Подъ бременемъ лѣтъ и перенесенныхъ несчастій, митрополитъ Гедеонъ не былъ такъ дѣятеленъ, какъ можно было бы ожидать отъ другаго на его мѣстѣ: но тѣмъ не менѣе ревность о Церкви Божіей была постоянною мыслію его доброй и кроткой души; онъ былъ, по отзыву патріарха Іоакима, »всякимъ »благодѣяніемъ украшенъ и полнъ страха Божія и вѣдства духовнаго, въ церковномъ благолѣпіи желатель усердѣйшій«[371]. »Всесильному Творцу моему, пишетъ Гедеонъ въ своемъ завѣщаніи, отдаю благодареніе, иже (что) мнѣ благоволилъ родитися и выховатися (воспитаться) въ вѣрѣ святой православной »каѳолической восточной греческаго благочестія, такъ и въ »станѣ (званіи) архіерейскомъ, который чрезъ килкадесять (чрезъ »нѣсколько десятковъ) лѣтъ зъ многимъ трудомъ и коштомъ въ »уставичныхъ (безпрестанныхъ) напастехъ и преслѣдованьихъ

»на себѣ носилемъ, безъ нарушенія православной вѣры и вос-»точнаго благочестія«[372]. Раздѣляя имѣніе свое на церкви и монастыри, Гедеонъ не забылъ и кіево-братскаго: »на молитвы »за душу мою, писалъ онъ, до братскаго отписую золотыхъ »двѣстѣ«[373]. Хотя кромѣ этого и не видно, чтобъ митрополитъ Гедеонъ вспомоществовалъ чѣмъ либо училищу: но если онъ не забывалъ львовской школы, которой передъ кончиною своей прислалъ въ подарокъ книгу: *Житіе святыхъ*[374], то мудрено, чтобъ онъ не благодѣтельствовалъ коллегіи, состоявшей въ ближайшемъ его покровительствѣ.

Въ эту эпоху кіевская коллегія представила зрѣлище въ высшей степени занимательное. Посреди ареопага ученыхъ стоялъ молодой человѣкъ, блистательно отвѣчавшій на всѣ задаваемые ему вопросы. Передъ экзаменаторами лежали дипломы, выданные ему отъ философскаго и богословскаго отдѣленій университетовъ львовскаго и познанскаго. Изумительныя по своему времени свѣдѣнія, рѣдкая энергія молодаго человѣка привлекли уже къ нему благорасположенность всѣхъ присутствовавшихъ: но когда, по окончаніи испытанія по предметамъ высшаго круга наукъ, онъ началъ произносить свои собственные стихи то на латинскомъ, то на русскомъ и польскомъ языкахъ,— все собраніе пришло въ восторгъ и единодушно присудило ему названіе *лавроноснаго поэта* (poëta lavreatus). Этотъ молодой ученый былъ тотъ самый *Симеонъ Яворскій*, который не задолго предъ симъ посѣщалъ убогія аудиторіи коллегіи, и потомъ оставилъ ихъ, чтобъ возвратиться отъинуды съ запасомъ свѣдѣній, нынѣ приносимыхъ имъ на служеніе родному училищу. Съ радостію слушалъ прежняго своего питомца благодѣтель его Варлаамъ Ясинскій, и тутъ же положилъ въ сердцѣ своемъ сберечь его для славы и украшенія Церкви православной. Молодой ученый не противился убѣжденіямъ своего благодѣтеля, и принялъ отъ него въ Кіево-печерской Лаврѣ иноческій чинъ съ именемъ *Стефана*. Въ тоже время *Яворскій* получилъ назна-

ченіе быть публичнымъ проповѣдникомъ, и скоро имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только въ Кіевѣ, но и во всѣхъ окрестностяхъ. Неутомимый и полный силы и энергіи, онъ принялъ на себя сверхъ этого должность учителя, и удостоенный званія префекта коллегіи[375], несъ обѣ эти обязанности съ блистательнымъ успѣхомъ. Въ 1697 году онъ уволился отъ училищной должности и получилъ игуменство въ Кіево-Николаевскомъ монастырѣ. Какъ образованнѣйшій и умнѣйшій изъ своихъ современниковъ, онъ сдѣлался необходимымъ для своего благодѣтеля Ясинскаго, бывшаго тогда уже кіевскимъ митрополитомъ. Дѣла Малороссіи, Польши и сношенія съ московскимъ дворомъ требовали искуснѣйшаго посредника, и *Яворскій* безпрестанно разъѣзжалъ по порученіямъ митрополита Варлаама. По одному изъ такихъ порученій ему привелось быть въ Москвѣ 1700 года; въ эту пору скончался тамъ бояринъ А. С. Шеинъ; Петръ Великій пожелалъ, чтобъ *Яворскій* произнесъ ему надгробное слово. Это послужило поводомъ къ необыкновенно-быстрому его возвышенію; государь приказалъ *Яворскому* остаться въ Москвѣ и продолжать проповѣданіе слова Божія. Узнавъ въ это время высокія дарованія и строгую нравственность *Стефана*, Петръ Великій въ томъ же году указалъ патріарху Адріану посвятить его изъ игуменовъ прямо митрополитомъ въ Рязань. Въ 1700 году *Стефанъ Яворскій* получилъ жезлъ архипастырскій, а черезъ два года, по смерти патріарха Адріана, нареченъ патріаршимъ администраторомъ, экзархомъ, викаріемъ и блюстителемъ патріаршаго престола. Кромѣ того ему поручено было главное управленіе московскаго славено-греко-латинскаго училища съ наименованіемъ протектора онаго, и повелѣно вызвать изъ Кіева учителей съ производствомъ имъ годоваго жалованья изъ монастырскаго приказа[376]. Съ 1712 года, по высочайшему повелѣнію ввѣрено *Яворскому* разсмотрѣніе поправокъ славянской библіи, производившихся архимандритомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, іеромонахомъ Софроніемъ Лихудомъ и другими. При такихъ обязанностяхъ и порученіяхъ *Стефанъ*

Яворскій только по временамъ посѣщалъ свою епархію. Государь не хотѣлъ разставаться съ нимъ на долго и занималъ его проповѣданіемъ слова Божія, служеніемъ въ соборахъ и при Дворѣ и наконецъ управленіемъ русской Церкви до учрежденія духовной коллегіи. Съ открытіемъ св. Синода въ 1721 году *Стефанъ Яворскій* былъ пожалованъ президентомъ его и переселился было на всегда въ Петербургъ: но усилившаяся въ немъ отъ каменной болѣзни хирагра и подагра заставила его просить отпуска въ Москву, гдѣ онъ 27 ноября 1722 года и скончался. Прахъ сего знаменитаго іерарха, по собственному его завѣщанію, покоится въ соборной церкви Переславія Рязанскаго.

Стефанъ Яворскій былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ревнителей православія. Смѣлый, благородный и откровенный онъ говорилъ правду самому Петру Великому, окруженному протестантами и питавшему чрезмѣрное довѣріе къ женевцу Лефорту. Это не мѣшало однакожъ правдолюбивому Монарху уважать святителя; за то иностранцы-лютеране смотрѣли на него какъ на непримиримаго и опаснаго своего врага. И не они одни, но и всѣ враги Церкви православной боялись сильныхъ, прямыхъ и неопровержимыхъ его обличеній. Сочиненія *Стефана Яворскаго* служатъ живымъ свидѣтельствомъ энергической борьбы его съ противниками вѣры истинной.

Яворскій, вступивъ въ управленіе патріаршими дѣлами, засталъ въ Москвѣ разсѣеваемое раскольниками мнѣніе, что будто бы близко пришествіе антихріста, что Москва — Вавилонъ, а жители ея — вавилоняне, слуги антихрістовы и сыны погибели. Главнѣйшимъ поводомъ къ распространенію этихъ слуховъ были преобразованія Петра, дурно понятыя невѣждами. Они брались за вычисленія, назначали день и часъ, когда Христосъ придетъ на судъ, и сообразно съ такимъ вычисленіемъ рыли могилы, дѣлали гробы, закутывались въ саваны и ложились ожидать Христа. *Яворскій* рѣшился обличить и образумить грубыхъ лже-

учителей, и для этого, руководствуясь книгою испанскаго богослова Мальвенды, написалъ въ четырнадцати главахъ сочиненіе, въ которомъ обличивъ суевѣрныя мнѣнія раскольниковъ, показалъ истинные признаки пришествія антихриста, указываемые свящ. Писаніемъ.

Въ это же время образовалась въ Москвѣ секта самыхъ изступленныхъ кальвинистовъ. Стрѣлецкій полковой лекарь Димитрій Евдокимовъ Тверитиновъ-Дерюшкинъ, живя при одномъ неправославномъ врачѣ и набравшись отъ него кальвинскихъ мыслей, началъ разсѣевать дерзскія хулы на св. иконы, крестъ, мощи, Евхаристію, призываніе святыхъ, поминовеніе усопшихъ, литургію, посты, значимость добрыхъ дѣлъ и другія преданія православной Церкви. Эта зараза распространилась между стрѣльцами и мастеровыми. Цирюльникъ Ѳома Ивановъ дошелъ до такой дерзости, что публично произносилъ въ Чудовѣ монастырѣ хулу на икону св. Алексія митрополита. *Стефанъ Яворскій* немедленно приступилъ сначала къ тайному разслѣдованію относительно этого общества, и нашедши главныхъ виновниковъ, въ 1714 году предалъ нераскаянныхъ анаѳемѣ, а Ѳому Иванова смертной казни. Чтобы навсегда предохранить некрѣпкихъ вѣрою отъ подобныхъ заблужденій, *Яворскій* написалъ знаменитое свое сочиненіе: *Камень Вѣры*[377]. Не смотря на многократныя предостереженія такихъ опытныхъ въ дѣлѣ православнаго ученія лицъ, каковы были патріархи Іоакимъ и Адріанъ, св. Митрофанъ Воронежскій и *Стефанъ Яворскій*, — Петръ Великій въ бытность свою въ Парижѣ, ласковымъ обращеніемъ съ прелатами подалъ сорбонской академіи мысль о соединеніи церквей восточной и западной. Въ 1717 году прислана была въ Петербургъ записка членовъ академіи о средствахъ желаемаго ими соединенія. Петръ Великій приказалъ написать отвѣтъ на это *Стефану Яворскому* и Ѳеофану Прокоповичу. Хотя апологетическое посланіе перваго и не достигло своего назначенія: но тѣмъ не менѣе оно свидѣтельствуетъ о томъ довѣріи,

какое питалъ преобразователь Россіи къ великимъ достоинствамъ святителя Рязанскаго[378].

Въ краткій періодъ управленія Гедеономъ митрополіею кіевскою коллегія немного выпустила воспитанниковъ: но и изъ немногаго числа есть лица, блистательно ознаменовавшія свое поприще. Таковы:

Боболинскій Леонтій. Изъ сочиненія, оставшагося послѣ него, можно съ вѣроятностію заключать, что *Боболинскій* несъ при коллегіи училищную службу въ званіи наставника церковной и гражданской исторіи. Онъ былъ постриженцемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, откуда потомъ переведенъ въ черниговскій Ильинскій и умеръ въ Новгородсѣверскѣ въ тамошнемъ монастырѣ. Сочиненіе *Боболинскаго* носитъ слѣдующее названіе: *Лѣтописецъ, си есть кроника зъ розныхъ авторовъ и историковъ многихъ написана діалектомъ* іеромонахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ, законникомъ монастыря Выдубицкаго кіевскаго року 1699 апрѣля 23 дня.

Волынскій Сильвестръ. Въ промежутокъ между 1701 и 1703 годомъ онъ является архимандритомъ Юрьева монастыря и потомъ Троицко-Сергіевой Лавры. Въ 1708 году *Волынскій* рукоположенъ въ санъ митрополита нижегородскаго, откуда 1719 года переведенъ въ Смоленскъ, а въ 1720 въ Тверь и потомъ въ Рязань епископомъ. Въ 1725 году онъ былъ пожалованъ архіепископомъ казанскимъ, а чрезъ два года возвращено ему и званіе митрополита: но по шестилѣтнемъ управленіи епархіей отлученъ и сосланъ въ Невскій монастырь, гдѣ и скончался[379].

Косовскій Варлаамъ. Неизвѣстно, въ какихъ должностяхъ состоялъ онъ до принятія намѣстничества въ Кіево-николаевской пустыни, и когда послѣ этого поступилъ въ архи-

мандриты одного изъ сибирскихъ монастырей: но въ 1707 году мы уже видимъ *Косовскаго* епископомъ и викаріемъ тобольской митрополіи; 1714 года онъ переведенъ въ Тверь съ правомъ носить архіепископскія скрижали, а черезъ шесть лѣтъ былъ уже митрополитомъ смоленскимъ. Въ 1721 году 4 мая *Варлаамъ Косовскій* скончался и погребенъ въ соборной церкви[380].

Краснопольскій Рафаилъ, первый архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря и первый ректоръ Московской академіи. Петръ I, назначивъ Стефана Яворскаго мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, ввѣрилъ (1701 г.) непосредственному его надзору и попеченію почти упадшую школу Лихудовъ. Принявъ званіе *протектора*, Яворскій доложилъ государю, что для возстановленія и устройства училища нужно взять за образецъ Академію Кіевскую, какъ »уже засвидѣтельствовавшую »долговременными опытами доброе направленіе введеннаго въ »ней образованія и даровавшую Церкви многихъ архипастырей »и ученыхъ«. Державный ревнитель просвѣщенія, внявъ голосу мудраго протектора, немедленно издалъ указъ (7 іюля 1701 г.) »завесть въ Академіи ученія латинскія«; а Яворскій обратился за учителями въ Кіевъ, которые не замедлили исполнить волю ученаго архипастыря и явились не только съ учебниками своей школы, но даже съ подготовленными уже учениками для того, чтобы при посредствѣ ихъ успѣшнѣе дѣйствовать въ возсозданіи и устроеніи училища. Въ сіе-то время прибылъ въ Москву и *Краснопольскій*. Гдѣ и какія проходилъ онъ должности до сей поры, — неизвѣстно; судя однакожъ по дальнѣйшей его службѣ, съ полной вѣроятностію можно полагать, что мѣста, занимаемыя имъ, были довольно важны: ибо въ 1703 году мы видимъ его уже ректоромъ московской академіи. Избраніе, какого удостоился *Рафаилъ* отъ такого ученѣйшаго мужа, какъ Стефанъ Яворскій, много говоритъ въ пользу его высокаго образованія и замѣчательнаго таланта. Авторъ Треязычнаго Лексикона, Поликарповъ даетъ ему первое мѣсто по Яворскомъ »въ знаніи бо-

»гословіи и свободныхъ ученій и во изрядствѣ латинскаго діа»лекта«. Въ 1704 году *Рафаилъ* былъ назначенъ архимандритомъ Симонова монастыря, а въ 1708 хиротонисанъ въ епископа архангельскаго, въ каковомъ санѣ и скончался 1711 года[381].

Леонтовичъ Ѳеофанъ родной племянникъ Ѳеофана Прокоповича I. По окончаніи курса наукъ въ кіевской коллегіи, онъ принялъ монашество отъ св. Димитрія Ростовскаго въ батуринскомъ монастырѣ, и въ 1684 году отправился за границу, на иждивеніи своего дяди, для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Около шести лѣтъ путешествовалъ онъ по разнымъ странамъ, былъ въ Римѣ и Парижѣ, гдѣ слушалъ уроки философіи и богословія. По возвращеніи въ отечество, *Леонтовичъ* поступилъ въ виленскій Святодуховъ монастырь, гдѣ потомъ былъ и старшимъ или настоятелемъ; отсюда былъ переведенъ въ Тобольскъ игуменомъ Знаменскаго Успенскаго монастыря. *Леонтовичъ* былъ въ свое время однимъ изъ извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ; всѣ впрочемъ поученія его относятся ко времени пребыванія его въ Вильнѣ, ибо писаны на малороссійскомъ и польскомъ языкахъ, вовсе или очень мало извѣстныхъ въ Тобольскѣ[382].

Стаховскій Антоній. До 1713 года онъ былъ архимандритомъ Спасскаго новгородъ-сѣверскаго монастыря, и потомъ рукоположенъ въ архіепископа черниговскаго. По осмилѣтнемъ управленіи епархіей *Стаховскій* былъ переведенъ въ Тобольскъ митрополитомъ. Въ самый годъ прибытія своего сюда, онъ обратилъ вниманіе на устроеніе первоначальной школы, которая потомъ въ 1738 году получила названіе семинаріи, съ ограниченнымъ впрочемъ преподаваніемъ школьныхъ предметовъ, ибо даже черезъ шесть лѣтъ послѣ этого въ ней были классы только до піитики. Потрудившись на пользу Церкви и просвѣщенія довольное число лѣтъ, *Антоній Стаховскій* скончался 27 марта 1740 года[383].

На полевой цвѣтокъ садится и пчела, извлекающая изъ него благовонную влагу, и чужеядный шмель только оскверняющій его. Такъ было около этого времени и съ кіевской коллегіей. Когда преслѣдуемые закономъ, возмутители общественнаго спокойствія, раскольники бѣжали толпами въ Бѣлоруссію и Малую Россію, въ самомъ Кіевѣ появился одинъ изъ приверженцевъ суевѣрія съ желаніемъ слушать уроки въ коллегіи; это былъ князь *Мышецкій*, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ *Андрея Денисова*. Назвавшись купцомъ, онъ вошелъ въ знакомство съ однимъ изъ ректоровъ коллегіи, поступилъ въ училище и ревностно сталъ изучать искуство краснорѣчія· »учашеся, говоритъ списатель его жизни, граматическому и реторическому разуму«. Запасшись, для виду, нѣкоторыми школьными сочиненіями и проповѣдями, *Мышецкій* явился потомъ вѣроломнымъ врагомъ ученія, уроки котораго слушалъ онъ въ святой, православной обители кіево-богоявленскаго братства[384], и осквернивъ оную своимъ присутствіемъ, засвидѣтельствовалъ однакожъ громкую славу коллегіи предпочтеніемъ ея другимъ, въ то время уже существовавшимъ школамъ[385].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ВАРЛААМЪ ЯСИНСКІЙ.

Избраніе Варлаама Ясинскаго въ митрополиты. Грамата Мазепы. Ревизія коллегіальныхъ имѣній. Пожертвованія училищу. Царское жалованье коллегіи. Грамата царская. Стеченіе воспитанниковъ въ коллегію. Просьба Варлаама. Грамата Петра I. Мазепины постройки въ братскомъ монастырѣ. Универсалъ Мазепы. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Коллегія получаетъ отъ Петра I названіе Академіи. Права ея. Іезуиты изгнаны изъ Кіева. Петръ Великій въ Кіевѣ. Закладка печерской крѣпости. О доходахъ академіи. Академическія конгрегаціи. Обряды при выборѣ конгрегаціонныхъ членовъ. Обязанности ихъ. Расходъ конгрегаціонныхъ суммъ. Школы приходскія. Сборъ подаяній. Кондиціи. Мирканчи. Спѣваки. Инструментальная музыка. Любовь академистовъ къ музыкѣ. Вертепы. Драматическія представленія въ академіи. Драматическія сочиненія. Мѣсто представленій. Рекреаціи. Праздники академическіе. Панихида 31 декабря. Вербная суббота. Погребеніе усопшихъ, принадлежавшихъ къ академіи. Богословскіе уроки Кроковскаго. Нѣчто объ упрекахъ академіи за схоластицизмъ. Экзамены. Диспуты еженедѣльные. Годичные. Двухъ-годичные. Состояніе философскихъ наукъ въ эту эпоху. Реторика. Поэзія. Геометрія. Библіотека академическая. Ректоры академіи. Воспитанники сего времени: Берутовичъ Германъ, Бужинскій Гавріилъ, Волатковскій Варнава; Гловацкій Сильвестръ, Жураковскій Продюнъ, Заборовскій Рафаилъ, Конашевичъ Лука, Кульчицкій Иннокентій, Ленницкій Варлаамъ, Линцевскій Гервасій, Лопатинскій Ѳеофилактъ, Мигура Иларіонъ, Прилуцкій Іероѳей, Прокоповичъ Ѳеофанъ, Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ, Радышевскій Маркеллъ, Рогалевскій Иларіонъ, Сморжевскій Ѳеодосій, Тихорскій Епифаній, Туробойскій Іосифъ, Шпаковскій Савва, Юшкевичъ Амвросій.

1690—1707.

Недолго сиротствовавшая кіевская паства оставалась безъ своего архипастыря. Черезъ два мѣсяца, по кончинѣ Гедеона, соборомъ избранъ и Высочайше утвержденъ въ санѣ кіевскаго митрополита архимандритъ печерскій Варлаамъ Ясинскій. При-

нявъ въ Москвѣ жезлъ архипастырскій отъ патріарха Адріана, онъ, по прибытіи въ Кіевъ, немедленно обратилъ всю попечительность свою на коллегію, къ которой всегда стремились благія желанія высокой души его. Сторицею теперь вознаградились неутомимые труды его и заботы.

Съ архипастырскаго его благословенія, ректоръ коллегіи вступилъ къ гетману Ивану Мазепѣ съ просьбою о присоединеніи къ ивангородскому хутору сельца Бѣльмачовки. Снисходя къ такому прошенію и питая уваженіе къ братству, всей Малороссіи потребному »для того, что въ немъ цвѣченье всякому »зъ малороссійскихъ дѣтей хотячому учитися походитъ«, гетманъ универсаломъ своимъ отъ 1692 года утвердилъ за монастыремъ и коллегіей Бѣльмачовку, дозволивъ коллегіальному начальству отъ тяглыхъ людей того сельца требовать исполненія всякихъ повинностей[386]. Въ слѣдующемъ году коллегія произвела осмотръ и опись земель и дворовъ, принадлежащихъ братству, какъ купленныхъ, такъ и подаренныхъ разными лицами. Урядъ кіевскій, по просьбѣ коллегіальнаго начальства, записалъ все это въ городскія книги и выдалъ отъ себя надлежащій документъ на описанныя земли[387]. Тогда же коллегія исходатайствовала у гетмана Ивана Мазепы крѣпостной листъ на всѣ имѣнія и угодья, издавна принадлежавшія кіево-богоявленскому братству[388], а митрополитъ Варлаамъ ходатайствовалъ предъ Царями о подтвержденіи за училищнымъ монастыремъ угодьевъ церквей Трехъ-святительской и Воздвиженской[389]. Все это, — всѣ пожертвованія и пріобрѣтенія братства и коллегіи, отъ самыхъ первыхъ дней ея до послѣдняго времени утверждены были граматою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, данною 11 генваря 1694 года, съ предоставленіемъ права безпрепятственно владѣть означенными въ граматѣ вотчинами со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями, пожитками и доходами.

Въ тоже самое время послѣдовала другая царская грамата,

въ слѣдствіе просьбы митрополита Варлаама, писанной еще въ предшествовавшемъ 1693 году. Здѣсь въ первый разъ назначено было коллегіальному начальству царское жалованье, состоявшее изъ пятидесяти рублей и столькихъ же четвертей ржи въ годъ. Грамата эта замѣчательна еще и въ томъ отношеніи, что она составляла какбы училищную инструкцію. Главнѣйшіе пункты оной суть слѣдующіе: преподавать науки »чрезъ своихъ православныхъ »преѳектовъ и проѳессоровъ и учителевъ«, а не отъиуда приходящихъ, вмѣнивъ имъ въ святую обязанность дѣлать свое дѣло »съ »великою ревностію и тщаніемъ, такъ какъ и предки ихъ, въ тѣхъ »же школахъ, радѣтельно, спокойно и свободно дѣтей учили безо »всякихъ препинаней, во всякомъ почитаніи и безопастве«. Преподавать же »не токмо піитики и реторику, но и философіи и »богословіи ученія«, а также славено-россійскій, еллино-греческій и латинскій языки. Въ преподаваніи наукъ свободныхъ »ни въ чемъ не отлучатися исповѣданія святыя восточныя Цер»кви, наипаче остерегая того накрѣпко, чтобъ ученіе было бла»гочестивое, христіанское, восточнаго исповѣданія«. Къ слушанію уроковъ должны быть допускаемы »дѣти россійскаго »народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ »странъ приходящіе«, но только непремѣнно »ревнители благочестивой греческой вѣры. »А отступниковъ и противниковъ вѣрѣ нашей греко-россійской »также и еретиковъ въ школы не допускать, и прелесть про»тивнаго исповѣданія и еретическія обученія весьма отсѣкать »и искоренять«. Соблюдать тишину, спокойствіе и надлежащую подчиненность, »а неспокойныхъ и вражды творящихъ ученики »ковъ унимать и смирять и ни до какого своеволства не до»пускать, и таковыхъ въ собраніе ученическое не принимать«. Вмѣстѣ съ симъ предписано »всякихъ чиновъ ратнымъ людемъ »разныхъ полковъ полковникомъ и козакамъ и кіевскому войту »и мѣщанамъ ни ректору, ни учителямъ, ни ученикамъ, нахо»дящимся въ школахъ, никакихъ обидъ и утѣсненія не чинить«. Въ этой граматѣ коллегія названа просто *школами,* а всѣ воспитанники безъ различія *учениками*[390].

Такое крѣпкое и могущественное царское слово было самою лучшею подпорою и огражденіемъ училища, самымъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ призвать въ него отовсюду юношей, жаждавшихъ просвѣщенія. И точно, въ самомъ началѣ управленія Варлаама Ясинскаго, въ коллегію со всѣхъ сторонъ начали стекаться молодые люди въ такомъ количествѣ, что митрополитъ вынужденнымъ нашелся ограничить пріемъ воспитанниковъ только туземными жителями: но видя, что годъ отъ году умножаются просьбы отъ желающихъ поступить въ училище, митрополитъ билъ челомъ государю Петру Великому о томъ, какъ поступать ему въ такомъ случаѣ. Очевидно, что въ этомъ челобитьѣ была скрыта та мысль: не пособитъ ли Государь коллегіи воздвинуть новыя болѣе обширнѣйшія зданія, такъ какъ существовавшія оказались тѣсными, и не могли вмѣщать въ себя всѣхъ, кто хотѣлъ учиться. Въ отвѣтъ на это Петръ 1701 года пожаловалъ грамату, въ которой подтверждалось тоже самое, что и въ предыдущей, чтобы то есть допускать въ училище »дѣтей россійскаго народа всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ«, но опять таки подъ условіемъ исповѣданія православной греко-россійской вѣры[391]. Больше ничего не было въ этой граматѣ.

Но въ чемъ не посчастливилось Ясинскому у Царя, то какъ нельзя лучше удалось ему у тогдашняго любимца царскаго гетмана Ивана Мазепы. Утвердивъ за братствомъ всѣ его прежнія владѣнія, онъ въ томъ же 1693 году положилъ основаніе нынѣшней великой каменной Богоявленской церкви, вмѣсто прежней деревянной, и началъ постройку каменнаго одноэтажнаго зданія для классовъ, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ *стараго корпуса*[392]. Такимъ образомъ коллегія увидѣла у себя аудиторіи, въ которыхъ безъ всякаго стѣсненія могло помѣститься до тысячи человѣкъ. Въ 1702 году ректоръ училища *Гедеонъ Одорскій* представилъ гетману жалованную грамату царя Алексѣя Михайловича на село Плисецкое. Такъ какъ село это, по смутнымъ об-

стоятельствамъ того времени, было обезлюдено, разорено и опустошено до того, что остались только однѣ грунты: то Одорскій просилъ у гетмана разрѣшенія заселить это мѣсто вольными людьми съ той стороны Днѣпра. »Внявъ,—писалъ въ слѣд»ствіе этого Мазепа въ своемъ универсалѣ,—справедливой просьбѣ »всечестнаго отца ректора и имѣя особенное уваженіе и на»чальническую покровительственную привязанность къ той свя»той кіево братской обители, въ которой съ большимъ стара»ніемъ преподаются свободныя науки для общей пользы и по»требности Церкви Божіей и малороссійской отчизны«, гетманъ не только позволилъ поселить на показанномъ мѣстѣ достаточное число жителей и пользоваться всѣми статьями доходовъ, но силою своего универсала оградилъ навсегда безопасность и спокойствіе членовъ кіево-богоявленскаго братства и коллегіи въ управленіи населенными людьми[393].

Чтобы еще болѣе утвердить за училищемъ такой гетманскій даръ, митрополитъ Варлаамъ въ томъ же году отнесся объ этомъ къ государю Петру I, и 21 мая 1703 года коллегія получила царскую грамату, которою подтвержденъ универсалъ Мазепы на село Плисецкое, повелѣно вѣрнѣе размѣжевать какъ хуторскія земли съ ихъ угодьями, такъ и шестнадцать дворовыхъ мѣстъ на Кіево-Подолѣ, принадлежащихъ, по разнымъ записямъ, братству, и сверхъ того указано взыскать съ межигорскаго монастыря въ пользу училищнаго братскаго тысячу ефимковъ за незаконное провладѣніе и посягательство на нѣкоторыя имѣнія сего послѣдняго. Въ томъ же году (21 мая) государь Петръ I пожаловалъ училищу шесть дворовыхъ мѣстъ на Подолѣ; а гетманъ Мазепа 18 августа отдалъ дворъ мѣщанина Осипа Скородки, около Ильинской церкви[394].

Пріобрѣла Академія Кіевская въ это время и еще одно приношеніе, памятное не столько по цѣнности, сколько по усердію и знаменитости приносителей[395]. Главнымъ виновникомъ

онаго былъ воспитанникъ сего же училища, іеромонахъ *Антоній Стрешковскій*, »учитель тогда реторики (1705 г.) въ цар»ствующемъ великомъ градѣ Москвѣ«. По указу государскому, пишетъ онъ въ послѣсловіи къ Евангелію, сооруженному питомцами коллегіи и донынѣ хранящемуся въ академической конгрегаціонной церкви, по благословенію же преосвященныхъ »архіереевъ, великихъ ревнителей православно восточныя вѣры, »и присныхъ рачителей ученій свободныхъ Варлаама Ясинскаго, »милостію Божіею православнаго архіепископа митрополита кі»евскаго, галицкаго, всея Малыя Россіи. Такожде преосвященнаго Стефана Яворскаго, милостію Божіею православнаго ар»хіепископа, митрополита рязанскаго и муромскаго, въ то время »между пахріаршествомъ екзарха и блюстителя престола патрі»арха московскаго. Отъ послушанія святаго жительствующу »мнѣ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, во училищахъ, »въ лѣто отъ Рождества Христова 1702 ноемврія въ 21 день, »бысть ко мнѣ соборное посланіе отъ собранія младенческого »кіево-могиліанскаго сицевое: да быхъ памятствовалъ о мѣстѣ, »въ немже есмь со прочіими духовнѣ усыновленъ, и да быхъ »мній единъ отъ тогожде собранія здѣ на послушаніи святомъ »пребывая, попеклся между доброхотными датели духовного и »мірского чина, о нѣкоемъ украшеніи въ вышереченный храмъ; »и той епистоліи прочтеннѣй бывшей во услышаніе всѣмъ, предъ »честными отцы учительми и братіею, по семъ начахъ воспо»минати имъ клятвы и обѣты, ими же клялися, вписующе имена »своя въ собраніе Богородичино, яко всякъ обѣщася въ коемъ »либо чинѣ Божіею помощію пребудетъ, оное святое мѣсто »блажити и всегда о немъ памятствовати. Абіе вси согласно »на благое дѣло сонзволиша, и что коемуждо Господь Богъ на »сердце положи, доброхотнѣ по времени даша, съ подписаніемъ »рукъ власныхъ на хартіи«. Какая теплота искренняго чувства благодарности къ училищу, воспитавшему людей, бывшихъ уже на высокой чредѣ іерархическаго служенія! Какъ отрадно встрѣчать въ длинномъ спискѣ жертвователей такія имена, какъ Сте-

фанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій, Сильвестръ Крайскій, Антоній Одиновичъ, Рафаилъ Краснопольскій, Продіонъ Жураковскій, Θеофилактъ Лопатинскій и другихъ, числомъ до *ста четырнадцати* — все почти питомцевъ кіево-могилянской коллегіи! Воспитанники стоили училища, но вѣрно и училище стоило такихъ воспитанниковъ!

Благочестивый жертвователь, подвигнувшій другихъ къ такому приношенію, не удовольствовался еще этимъ. Въ томъ же 1705 году онъ на свое иждивеніе соорудилъ серебряную кадильницу для той же академической церкви. Какбы соревнуя другъ другу, являлись въ это время и иные доброхотные дателн: 1701 года *Пелагія Антонова* и сынъ ея *Антонъ Антоновичъ*, префектъ меньшаго собранія (minoris congregationis) внесли серебряную чашу для совершенія священнодѣйствій; въ томъ же году конгрегація получила малое Евангеліе съ обѣихъ сторонъ обложенное сребропозлащенными досками съ надписью по краямъ: hoc sanctum Evangelium obtulit societati Marianae Academiae Kiioviensis rector emeritissimus, archimandrita Kiiovopeczariensis Lavræ sanctæ Ioasaphus Krokowski anno, quo Deus exerit lapsum hominem, 1701 Martii 25. Около того же времени кіевскій бургомистръ *Тарновіотъ* подарилъ конгрегаціи большое Евангеліе, а 1706 года іеродіаконъ *Геронтій Великопольскій* завѣщалъ въ академическую церковь икону на кипарисѣ, съ изображеніемъ Владимірской Богоматери, оправленную въ серебряную ризу, »ради поминовенія души своей«. Такъ любезно было благочестивымъ воспитанникамъ въ благочестіи воспитавшее ихъ училище!

Коллегія въ эту пору получила отъ вѣнценоснаго своего покровителя то, чего ожидала она такъ долго, и что, по благому распоряженію Промысла, не дано было ей принять отъ недостойной руки самозванца гетмана Виговскаго. Въ 1701 году

митрополиты — кіевскій Варлаамъ Ясинскій и рязанскій Стефанъ Яворскій били челомъ Государю, что »кіевскій войтъ съ мѣщанами чинитъ великую обиду« училищному начальству, съ нарушеніемъ Высочайшей граматы, присвоивая себѣ власть брать воспитанниковъ коллегіи въ ратушу, не извѣщая о томъ ни ректора, ни префекта, и препровождаетъ ихъ для расправы къ царскому намѣстнику (генералу). Въ слѣдствіе такой жалобы, граматою Петра I (26 сентября 1701 года) повелѣно: кіевскимъ намѣстникамъ и мѣщанамъ впредь надъ воспитанниками училища никакой воли и власти не имѣть, а кто изъ нихъ явится въ чемъ либо »кому виновенъ«: то искать управы у ректора и префекта школъ братскихъ; буде же они виновнымъ ученикамъ не дадутъ надлежащей расправы, то обиженные могутъ вступать съ жалобами на ректора и префекта къ митрополиту; если же и митрополиты не захотятъ дать надлежащаго удовлетворенія, въ такомъ уже случаѣ виновные воспитанники подвергаются общему суду воеводъ кіевскихъ.

Но главное, что особенно было лестнымъ для коллегіи въ этой граматѣ, — это названіе ея *Академіей*, равною по привиллегіямъ »инымъ окадеміямъ во всѣхъ государствахъ иноземческихъ«. Вмѣстѣ съ этимъ ученики въ царской граматѣ наименованы *студентами*, съ правомъ неподсудности никому, кромѣ ближайшаго своего начальства[396]. Съ этой поры началась новая эра существованія кіево-могилянской коллегіи, и возведенная въ званіе Академіи, она годъ отъ году становилась достойнѣйшею своего высокаго имени.

А іезуиты, воздвигшіе на себя справедливую кару гонимаго и оскорбленнаго ими народа, въ это время увидѣли всѣ костелы свои въ рукахъ православныхъ, и школы уничтоженными. Всѣ гетманы, начиная отъ Богдана Хмѣльницкаго до Мазепы, постепенно отбирали захваченныя учениками Лойолы имѣнія, и мстили имъ огнемъ и кровью за оскорбленіе самаго

дорогаго сердцу человѣческому чувства. Въ управленіе митрополіею Варлаама Ясинскаго въ самомъ Кіевѣ не было уже ни одного католическаго костела, и послѣдній, остававшійся послѣ Хмѣльницкаго въ разореніи, монастырь доминиканскій Николаевскій обновленъ и переименованъ въ Петропавловскій, въ честь тезоименитства Петра I, а находящійся при ономъ придѣлъ во имя Алексія человѣка Божія воздвигнутъ Ясинскимъ въ честь и память царя Алексія Михайловича[397]. Универсаломъ гетмана Мазепы предоставлено Ясинскому пользоваться всѣмъ тѣмъ, что было нѣкогда во владѣніи Доминикановъ, да кромѣ того позволено помѣстить тамъ »для повседневнаго набоженства церковнаго и законниковъ (иноковъ) болшъ десяти«[398].

Въ это время древней столицѣ русскихъ князей готовилась неожиданная радость. Намѣреніе шведскаго паладина Карла XII вторгнуться съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ въ Украйну, подвигло могущественнаго повелителя сѣвера увидѣть древнее достояніе своихъ предковъ, и Петръ I прибылъ въ Кіевъ 4 іюля 1706 года. Встрѣченный съ великимъ торжествомъ, Державный гость проѣхалъ прямо въ Софійскій соборъ, гдѣ срѣтало его все духовенство и Академія съ своими питомцами. Петръ Великій, осмотрѣвъ всѣ рѣдкости собора, посѣтилъ митрополита Варлаама и въ тотъ же день поклонился мощамъ св. Угодниковъ, почивающихъ въ Лаврѣ, въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ. На другой день Государь былъ снова въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ былъ привѣтствованъ молодымъ ораторомъ, которому суждено было потомъ содѣлаться »Великаго Петра дѣлъ славныхъ проповѣдникомъ«. »Ты, говорилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, пресвѣтлый »Монархъ нашъ, и прежде пришествія твоего присутствовалъ »еси здѣ, и всегда обитаеши; обитаеши на судѣхъ правдою, »обитаеши въ церквахъ поминаніемъ твоимъ, обитаеши въ мо»настырехъ твоими милостями, обитаеши во всемъ градѣ дер»жавою, обитаеши во всѣхъ мысляхъ славою, во всѣхъ сердцахъ »любовію«. Проницательный Монархъ замѣтилъ краснорѣчиваго

своего поздравителя, и первый шагъ къ возвышенію былъ уже сдѣланъ Ѳеофаномъ.

Около полутора мѣсяца пробылъ Государь въ Кіевѣ, ожидая своего бранноноснаго противника: но получивъ извѣстіе, что безпокойный король двинулся въ Саксонію, Петръ распустилъ свои войска, собранныя въ Кіевѣ. Замѣтивъ же, что воздвигнутая Гордономъ кіевская крѣпость устроена на мѣстѣ неудобномъ и расположена ошибочно, онъ избралъ Печерскій монастырь, самъ размѣрилъ землю, и 15 августа 706 года заложилъ собственными руками новую, доселѣ существующую крѣпость.

Такимъ образомъ Помазанникъ царства русскаго, какъ ангелъ Божій, однимъ присутствіемъ своимъ отдалилъ отъ древлепрестольнаго Кіева грозившую ему опасность, и снова пошли внутреннія дѣла его прежнимъ ходомъ.

Почтенное высокимъ званіемъ Академіи, кіево-богоявленское училище, не смотря на видимыя средства внѣшняго своего благосостоянія, бывъ лишено прямыхъ пособій въ капиталахъ, находило себя вынужденнымъ прибѣгать къ сбору доброхотныхъ подаяній. Доходы съ вотчинъ и имѣній только съ виду могли казаться огромными: но въ самой вещи едва окупали самое содержаніе этихъ доходныхъ статей. Главное дѣло въ томъ, что тогдашнія села и мѣстечки были не то, что теперешнія деревни; въ самомъ многолюднѣйшемъ изъ нихъ, напримѣръ Новоселкахъ съ четырьмя своими приселками, было не болѣе *полутораста* человѣкъ жителей. И это былъ самый значительный фундушъ братства, а прочія имѣнія сравнительно съ нимъ почти ничего не значили: ибо будь это не такъ, Ясинскій бы не жаловался на безпомощность училища, доведеннаго до крайности разореніемъ Новоселокъ. Кромѣ этого, въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Академіи, между оброчными людьми жили и козаки,

которые, какъ видно изъ всѣхъ царскихъ и гетманскихъ граматъ, данныхъ монастырю и коллегіи, освобождены были, по давнимъ правамъ своимъ, отъ всякихъ податей и повинностей, и составляя численную долю народонаселенія, не приносили никакой пользы братству. Съ другой стороны, всѣми вотчинами владѣла коллегія не одна, а вмѣстѣ съ монастыремъ, и собираемые оброки прежде всего были употребляемы на содержаніе братіи, на поддержку и поправку монастырскихъ церквей и зданій, и потомъ уже на содержаніе учащихъ и учащихся, а также на возстановленіе неоднократно разрушаемыхъ школьныхъ строеній; да и владѣніе этими вотчинами никогда не бывало правильно и единовременно организованнымъ; чаще всего потеря одной недвижимости замѣняема была дачею другой, и по большой части разоренной, требовавшей устройства и собственныхъ попеченій со стороны самаго училищнаго начальства. А чего стоило выхлопотать всякій разъ утвердительную грамату, особенно отъ королей польскихъ? Лѣтописи братства кіево-богоявленскаго умалчиваютъ о тѣхъ приношеніяхъ, съ какими неизбѣжно сопряжено было исходатайствованіе королевскихъ привиллегій; а посмотрите, что говоритъ лѣтопись равнаго кіевскому братства Львовскаго. Ни одна просьба, самая законная, не обходилась безъ того, чтобъ не истощить до крайности казну монастырскую: и королю деньги, и коронному канцлеру деньги, и прокурору и секретарямъ, и всѣмъ, кто имѣлъ хоть какое нибудь вліяніе на дѣла братства. Такъ напримѣръ, въ 1676 году, по случаю наступившей коронаціи, львовское братство рѣшилось ходатайствовать о подтвержденіи прежнихъ привиллегій, и вотъ во сколько обошлось ему это дѣло: королю дано 130 червонцевъ, коронному конюшему, секретарю и воеводѣ Хелмскому по 20 червонцевъ, а прочимъ панамъ 270 злотыхъ[399]. Безъ всякаго сомнѣнія, также приплачивалось въ свое время и кіевское братство, когда нужно было пріобрѣтать новые подтвердительные документы на право владѣнія извѣстными фундушами. Самые доходы съ вотчинъ были очень невелики. Изъ

вѣдомости, представленной 1771 года кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ митрополиту Гавріилу Кременецкому, видно, что въ 1769 году и двухъ послѣдующихъ весь сборъ съ оброчныхъ статей простирался въ годъ только до осмисотъ пятидесяти девяти *двойницъ*[400] и шестнадцати четвертокъ съ третьми разнаго хлѣба, да до трехъ тысячъ ста девяносто четырехъ рублей девяносто семи копѣекъ деньгами. Замѣтить нужно, что такой оброкъ былъ получаемъ въ ту пору, когда братскій монастырь и Академія, кромѣ прежнихъ семи вотчинъ, имѣли за собою еще три новыхъ села, когда оброчныя статьи приносили уже больше доходу, какъ по числу народонаселенія, такъ и по развитію сельской промышленности, когда наконецъ самый сборъ оброка производился съ большей безпрепятственностью и отчетностію: что же говорить о томъ времени, когда во владѣніи коллегіи было три или четыре опустошенныхъ и безлюдныхъ вотчины, и когда все это надобно было поправлять и населять свободными людьми, съ предоставленіемъ имъ неизбѣжныхъ льготъ? Надобно взять во вниманіе и то, что въ школу поступали дѣти большею частію бѣднаго сословія, которыхъ нужно было и кормить и давать какое нибудь помѣщеніе, а все это требовало не малыхъ издержекъ. Объ одеждѣ и обуви всякій долженъ былъ самъ заботиться: ибо это предоставлялось только профессорамъ и учителямъ коллегіи, да и то потому, что они были постоянными членами братства, за то ужъ жалованья не было имъ ни копейки.

Все это заставило ректора Іоасафа Кроковскаго возобновить конгрегаціи, учрежденныя еще Петромъ Могилою, придавъ имъ особенную торжественность. За мѣсяцъ до академическаго праздника Зачатія св. Анны, воспитанники обѣихъ конгрегацій, подъ начальствомъ конгрегаціоннаго настоятеля, избирали изъ среды себя двухъ префектовъ Majoris и Minoris Congregationis. Обрядъ этотъ, производимый съ нарочитою торжественностью, назывался *элекціей*. Подача голосовъ въ пользу того или другаго

электанта происходила посредствомъ бумажныхъ карточекъ, свернутыхъ въ трубочку, куда обыкновенно вписывались имена удостоиваемыхъ этой чести. Балы эти, по перечстѣ, были запираемы въ ящикъ и за печатью конгрегаціоннаго настоятеля хранились до самаго праздника. Декабря 9, послѣ божественной Литургіи, все училищное начальство, члены братства и воспитанники обѣихъ конгрегацій собирались въ такъ называемую конгрегаціонную залу; приносимъ былъ балотированный ящикъ, и ректоръ громогласно объявлялъ кандидатовъ въ префекты, а одинъ или нѣсколько изъ членовъ братства отмѣчалъ число голосовъ, поданныхъ въ пользу того или другаго воспитанника. По сличеніи голосовъ, на кого падало большинство, тотъ и объявляемъ былъ префектомъ; это называлось *промулгаціей* (promulgatio). Каждому изъ избранныхъ тутъ же придавалось по два ассистента и по одному секретарю. Префектъ получалъ чистую прошнурованную книгу, за подписью ректора и конгрегаціоннаго настоятеля, которая называлась *альбомомъ* (album). Въ эту книгу префектъ, съ вѣдома своихъ ассистентовъ и секретаря, долженъ былъ вносить всякія пожертвованія, для сбора которыхъ онъ отправлялся ежедневно къ жителямъ Кіева. Случалось, что съ этимъ альбомомъ конгрегаціонный настоятель отправлялъ префекта съ его подчиненными и въ окружныя селенія, предоставляя себѣ самому право ходить съ тою же книгою къ знатнѣйшимъ лицамъ въ городѣ. Кромѣ этого, при конгрегаціонной церкви всегда находилась сборная кружка на содержаніе бѣднѣйшихъ учениковъ, и два раза въ годъ — въ праздникъ Зачатія св. Анны и въ день Благовѣщенія предлагаемъ былъ тотъ альбомъ гостямъ въ бурсацкой столовой, гдѣ обыкновенно братство давало парадный обѣдъ, на который приглашались значительныя особы Кіева.

Но на конгрегаціонные сборы имѣли право только тѣ изъ воспитанниковъ училища, которые жили собственно въ бурсѣ, находившейся тогда въ самомъ братскомъ монастырѣ. Прочіе

же, которыхъ бывало гораздо большее количество, должны были промышлять сами о себѣ. Нѣкоторые изъ нихъ получали пріютъ въ школахъ, существовавшихъ при церквахъ приходскихъ. Исправляя обязанности причетниковъ, они получали за это отопленіе и денежную награду, въ высшей степени скудную[401]. Въ праздники имъ также отпускалось изъ церковной *кармавки* двѣ или три копейки: но это ужъ была великая сумма въ сравненіи съ тою, какую получали они за отправленіе причетнической должности. Жалованье это значительно возвышалось отъ приходовъ, какъ скоро ученики и студенты составляли изъ себя пѣвческіе партесные хоры. Такими пѣвцами дорожили достаточнѣйшія изъ церквей, и старались содержать ихъ какъ можно лучше, ибо иначе они уходили изъ негостепріимнаго прихода въ другой.

Но и школы эти не могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ воспитанниковъ кіевскаго училища. Безпріютные обыкновенно испрашивали себѣ у академическаго начальства паспорты[402] на опредѣленный срокъ, и безъ копейки за душой, цѣлыми толпами расходились по разнымъ городамъ и селамъ кіевской, черниговской и полтавской губерній, для сбора подаяній. Къ сроку они возвращались въ училище и истративъ собранное, снова пускались въ путь за христіанской милостыней. Случалось впрочемъ, что изо ста воспитанниковъ Академія не досчитывалась иногда цѣлой трети. Записавшись въ студенты по собственному произволу, принадлежа къ разнымъ званіямъ и состояніямъ, многіе изъ нихъ, увлекаемые обстоятельствами, уже не возвращались въ училище, и начальство, переждавъ назначенный въ билетѣ срокъ отпуска, исключало ихъ изъ списковъ. Другіе, испытавъ бѣдность и нужду школьной жизни, упадали духомъ и принимались за занятія, обѣщавшія имъ болѣе близкую и осязательную пользу. Такія путешествія обыкновенно были предпринимаемы въ лѣтнее время отъ 10 мая до 1 сентября. Впрочемъ училищное начальство не оставляло безъ вся-

каго вниманія и покровительства тѣхъ бѣдныхъ учениковъ, которыхъ не въ состояніи было принять на бурсацкое содержаніе. Многимъ изъ нихъ оно отпускало пищу, а въ послѣдствіи времени, когда доходы Академіи увеличились царскимъ окладомъ, бѣднѣйшіе изъ учениковъ стали получать помѣсячно и небольшое денежное вспомоществованіе, не смотря на мѣсто жительства ихъ.

Воспитанники высшихъ классовъ, предпочтительно предъ прочими носившіе названіе студентовъ, имѣли и еще одинъ источникъ къ содержанію. По рекомендаціи ректора или префекта, они поступали иногда въ домы зажиточнѣйшихъ изъ обывателей Кіева въ качествѣ инспекторовъ или репетиторовъ для обученія дѣтей. Это называлось тогда имѣть *кондицію*. Такіе счастливцы бывали уже аристократами между своими товарищами, и держали себя далеко отъ тѣхъ сценъ, которыя сопряжены бывали съ жалкими ролями странствующихъ *миркачей* и *комедіантовъ*.

Миркачами назывались бѣдные ученики, которые всякій день въ обѣденное время ходили по кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ у окна или у воротъ пѣли священные стихи, испрашивая себѣ у жителей христіанской милостыни. Самою обыкновенною ихъ пѣснію была слѣдующая: *Миръ Христовъ да водворяется во домѣхъ вашихъ. За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе сыне Божій помилуй насъ аминь. Боже, дай вашеци день добрый*[403]. Отъ перваго слова этой пѣсни и самое пѣніе называлось *миркованьемъ* а пѣвцы *миркачами*. Къ этому жалкому средству не стыдились иногда прибѣгать и студенты, уже находившіеся въ высшихъ классахъ Академіи. Собираясь вечеромъ на площадь, они распѣвали предъ толпою торгашей, остававшихся на ночлегъ близъ своихъ лавокъ, партесные канты въ честь святыхъ или иконъ чудотворныхъ и по большой части во славу Богоматери[404]. Эти пѣвцы назывались

уже не миркачами а *спѣваками*. Музыка и самое либретто всегда бывали сочиненіемъ самихъ студентовъ, — и вотъ гдѣ зародышъ той музыкальности, которою прославилась потомъ наша сѣверная Италія, давшая Россіи Бортнянскаго, Березовскаго, Веделева и другихъ! Гимны и канты эти раздавались по селамъ особенно въ лѣтнее время, когда достаточнѣйшіе питомцы отправлялись подъ домашніе кровы своихъ родителей или родственниковъ, а бездомные и безпріютные сироты составляли изъ себя многочисленныя странствующія труппы, имѣвшія въ виду одно только: какъ нибудь пропитаться до начала ученія. Невольно приходитъ при этомъ на мысль мастерское описаніе такого миркованья, составленное Гоголемъ: »какъ только »ученики завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали »съ большой дороги и приблизившись къ хатѣ, выстроенной по »опрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и на»чинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой нибудь старый ко»закъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими ру»ками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ »своей женѣ: жинко! то, что поютъ школяры, должно быть »очень разумное; вынеси имъ сала и чего нибудь такого, что »у насъ есть. И цѣлая низка варениковъ валилась въ мѣшокъ; »порядочный кусъ сала, нѣсколько паляницъ, а иногда и свя»занная курица помѣщалась вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ »запасомъ, граматики, риторы, философы и богословы опять »продолжали путь. Чѣмъ далѣе однакожъ шли они, тѣмъ бо»лѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по до»мамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда »далѣе другихъ«[105].

Не безъ того, конечно, чтобъ это пѣніе не сопровождалось и инструментальной музыкой. Хотя преподаваніе ея въ школѣ и не было для всѣхъ обязательнымъ: но нѣтъ сомнѣнія, что охотниковъ до этого предмета было не мало, разъ потому, что Малороссы, по природѣ своей, народъ музыкальный, а другое,

что игра на инструментѣ какомъ либо могла быть однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ пріобрѣсть расположенность, а иногда и пріютъ у какого нибудь пана или зажиточнѣйшаго козака. Въ краткомъ уставѣ православнаго луцкаго училища, основаннаго, какъ мы уже видѣли, по образцу кіевской школы, запрещается между прочимъ ученикамъ имѣть при себѣ при слушаніи уроковъ какіе либо инструменты:[406]—знакъ, что страсть къ музыкальнымъ занятіямъ въ тогдашнихъ воспитанникахъ простиралась даже до нарушенія нѣкоторымъ образомъ училищнаго порядка. Что касается до страсти къ музыкальнымъ композиціямъ: то она видна даже въ такихъ воспитанникахъ кіевской коллегіи, послѣдующія занятія которыхъ отличались особенной положительностью и серьезнымъ характеромъ. Самъ св. Димитрій Ростовскій положилъ на музыку нѣсколько священныхъ гимновъ, которые и доселѣ остаются извѣстны благочестивымъ старожиламъ. Его канты: *Взирай съ прилежаніемъ; О горе мнѣ грѣшнику сущу; Пробудись отъ сна; Іисусе мой прелюбезный,* и многіе другіе дышатъ чистою мелодіей души святой и праведной. И конечно, съ подобными-то гимнами бѣдные школьники обходили села, испрашивая себѣ дневнаго пропитанія, и не мудрено послѣ этого, что козакъ »рыдалъ прегорько«, слушая такую трогательную пѣснь.

Въ свѣтлые дни праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова ученики ходили по домамъ съ поздравительными стихами, а искуснѣйшіе изъ нихъ устроивали такъ называемые *вертепы*, нѣчто въ родѣ райка, въ которомъ посредствомъ скрытыхъ веревочекъ приводимы были въ движеніе вырѣзныя изъ толстаго картона куклы. Фокусникъ, сидя за своей машиной, импровизировалъ, согласно дѣйствію или явленію той или другой марьонетки. Впрочемъ вертепы скоро перешли къ цеховымъ и ремесленникамъ, а ученики вмѣсто того стали представлять разныя діалоги и пѣлыя драмы[407].

Грустная картина! Но кто не преклонится предъ этими

горемыками школьниками, унижающимися до нищебродства изъ одной лишь жажды къ познаніямъ? Какой благоразумный и добрый отецъ не укажетъ нынѣ сыну своему, окруженному гувернерами и всякимъ комфортомъ, на поразительный примѣръ любви къ просвѣщенію, такъ выпукло и ярко рисующійся въ этихъ питомцахъ древней Академіи, скрывавшихъ подъ нищенскимъ рубищемъ высокія стремленія свѣтлаго духа?.. Посмѣется надъ всѣмъ этимъ лишь тотъ, кто въ состояніи разразиться громкимъ хохотомъ при зрѣлищѣ страданій человѣка или надъ калечествомъ своего ближняго!....

Но драматическія представленія, даваемыя странствующими трупами бѣдныхъ учениковъ, были только подобіемъ того, что дѣлалось тогда въ самой Академіи. Ближайшее соприкосновеніе православныхъ жителей юго-запада съ католиками было причиною того, что мистеріи ихъ, издавна тамъ существовавшія, перешли и въ кіевскія школы[408]. Еще при Петрѣ Могилѣ воспитанники коллегіи сочиняли и разыгрывали нѣкотораго рода драмы, представляя въ лицахъ библейскія происшествія и направляя ходъ такихъ представленій къ нравственнымъ цѣлямъ. Каждый учитель піитики обязывался ежегодно приготовить комедію или трагедію для лѣтнихъ *рекреацій* или гуляній. Въ смутную эпоху бѣдственнаго состоянія училища это обыкновеніе прекратилось: но память объ немъ оставалась, по крайней мѣрѣ, какъ практическое упражненіе учениковъ піитики и реторики. Св. Димитрій еще въ бытность свою въ Малороссіи написалъ четыре драмы[409], которыя заставлялъ играть при себѣ и тогда, когда уже былъ святителемъ Ростовскимъ. Одна изъ нихъ: *Есѳирь* и *Агасферъ* представлена была даже однажды въ Великій постъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на придворномъ театрѣ. Всѣ эти представленія, съ небольшими исключеніями, походили на нынѣшнія живыя картины, или лучше на пантоминные спектакли. Впрочемъ, гдѣ по ходу піэсы дѣйствіе было не такъ понятно,

слова обыкновенно были заимствуемы изъ священнаго писанія, сообразно характеру того или другаго дѣйствующаго лица.

Въ настоящую пору драматическія сочиненія начали получать уже болѣе разнообразія и движенія. Авторы стали уже скрываться за выводимыя ими на сцену дѣйствующія лица, предоставляя имъ говорить отъ себя и завязывая интересъ драмы на извѣстномъ лицѣ, управляющемъ всемъ ходомъ піесы. Одно изъ такихъ представленій дано было 3 іюля 1705 года кіевскими студентами. Это была *трагедо-комедія*, подъ названіемъ: *Владиміръ, всѣхъ славяно-россійскихъ странъ князь и повелитель.* Авторомъ оной былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ II, состоявшій тогда еще учителемъ піитики въ Кіевской Академіи[410].

Вмѣсто театральнаго зданія для представленій служила студентамъ академическая зала, или чаще всего какая нибудь роща или удобное удоліе. Обыкновенно это дѣлалось во время *рекреацій*, бывавшихъ три раза въ году въ лѣтнее время. Въ старину для этого отправлялись на Щекавицу и располагались между оврагами при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ ученики занимались невинными играми, подъ надзоромъ своихъ сеніоровъ, а студенты составляли оркестръ, давали спектакль и пѣли разные канты.

Собственно академическихъ праздниковъ, какъ уже сказано, было два: Зачатіе св. Анны и Благовѣщеніе Пресв. Богородицы. Въ первый изъ нихъ служба была совершаема въ церкви, построенной вскорѣ по смерти Анны Гулевичевой, а во второй на Благовѣщеніе въ храмовой Великой церкви. Въ эти дни ученики и студенты старались быть какъ можно наряднѣе, и во время богослуженія стояли въ нарочитомъ порядкѣ со свѣчами въ рукахъ, участвуя въ большомъ *херувимскомъ* выходѣ[411]. Въ такомъ же парадѣ присутствовали воспитанники Академіи и при совершеніи ежегодной панихиды, бывавшей обыкновенно вече-

ромъ 31 декабря, въ память митрополита Петра Могилы[412]. Панихида отпѣваема была не хоромъ только, а всѣми учениками вмѣстѣ, и по окончаніи оной, одинъ изъ старшихъ учителей произносилъ обыкновенно панегирикъ незабвенному благодѣтелю Академіи.

Въ Вербную субботу всѣ воспитанники вмѣстѣ съ училищнымъ начальствомъ собирались передъ вечернею въ ограду Софійскаго собора[413]. Начальствующіе съ почетнѣйшими изъ студентовъ входили къ митрополиту и пропѣвъ стихъ: *Днесь благодать Святаго Духа насъ собра,* говорили рѣчи архипастырю, и потомъ получивъ отъ него благословеніе, проходили всѣмъ собраніемъ сквозь Софійскій соборъ, и съ полной церемоніей ровными рядами отправлялись въ братскій монастырь съ пѣніемъ вышеозначеннаго стиха. Въ Великой церкви отправляема была вечерня, а одинъ изъ наставниковъ произносилъ проповѣдь.

При отправленіи такъ называемыхъ *пассій,* въ первыя четыре пятницы Великаго поста[414], всѣ студенты и ученики обязаны бывали присутствовать въ церкви, и съ начала до конца обряда стояли съ зажженными свѣчами, которыя были погашаемы тогда уже, когда кто либо изъ профессоровъ выходилъ на каѳедру съ приличнымъ обстоятельству словомъ назиданія.

Погребеніе усопшихъ учителей и студентовъ совершалось также съ нарочитой церемоніей. По благовѣсту братскаго колокола, префектъ, учители и ученики собирались къ тому мѣсту, гдѣ почивалъ усопшій; по совершеніи заупокойной литіи воспитанники выстраивались по классамъ по два въ рядъ, и въ такомъ порядкѣ шли до самаго кладбища. На флангѣ каждаго класса находился особый знаменоносецъ, въ рукахъ котораго былъ значекъ на древкѣ, съ изображеніемъ Спасителя и Божіей Матери въ звѣздахъ. При самомъ погребеніи произносимы были рѣчи и стихи на разныхъ языкахъ.

Вотъ каково было внѣшнее состояніе училища, почтеннаго отъ Державнаго Покровителя высокимъ названіемъ Академіи! Печальнымъ оно представляется по отношенію къ быту житейскому: но сквозь бѣдность просвѣчивается отрадная мысль о томъ, что питомцы ея были твердыми въ любви къ просвѣщенію и сохранили завѣтъ своихъ благодѣтелей »въ цвѣченю побожнаго живота« и въ усвоеніи »наукъ належныхъ«.

Пойдемъ теперь въ богословскій классъ и послушаемъ знаменитаго въ свое время ректора и профессора Академіи *Іоасафа Кроковскаго*. Мы переносимся за полтораста лѣтъ слишкомъ. Календарь показываетъ *18 октября 1693 года*[415].

Аудиторія полна народу, съ нетерпѣніемъ ожидающаго любимаго своего профессора. Неясный шумъ толпы внезапно стихаетъ: вошелъ *Кроковскій*. Осѣнивъ многодумное чело свое крестнымъ знаменіемъ и выслушавъ молитву, прочитанную однимъ изъ воспитанниковъ, онъ всходитъ на каѳедру, и рѣчь разумная полилась рѣкою изъ устъ его.

»Domini! говоритъ онъ: хотя общепринятая метода есть »та, чтобы начинать богословіе отъ перваго Начала всѣхъ ве»щей, отъ самаго Тріединаго Бога: но путь этотъ труденъ. Мы »пойдемъ съ вами другимъ, простѣйшимъ, и въ первый годъ »нашего четырехлѣтняго курса разсмотримъ 1) воплощеніе Бога»Слова, и 2) таинства, Имъ установленныя«.

Вслѣдъ за этимъ опредѣливъ значеніе слова Theologia, предметъ этой науки, ея достоинство, раздѣленіе на теоретическую и практическую, краснорѣчивый профессоръ обращается съ слѣдующею молитвою къ Богу: »Вѣримъ, Треблагій, что четыре »таинственныхъ животныхъ, образовавшихъ собою четверокольную колесницу, показанную намъ священными книгами[416], при»носятъ Тебѣ торжественное хваленіе; се нынѣ и мы созидаемъ

»четверокольную колесницу — четырехлѣтнія наши занятія бо»гословіемъ къ сохраненію, умноженію и преспѣянію славы »Твоея, Тебѣ же самому споспѣшествующу«.

И передъ нами рѣшаются вопросы, составляющіе сущность догмата о воплощеніи Бога-Слова. Постижимость этого таинства, дѣйствительность воплощенія и сообразность его съ началами разума составляютъ первую главу системы ученаго богослова. За тѣмъ онъ излагаетъ необходимость воплощенія, сообразность его съ волею божественною, избравшею вочеловѣченіе Сына Божія средствомъ къ удовлетворенію за грѣхи всего міра, дѣйствительность этого удовлетворенія, принятаго на себя Іисусомъ Христомъ, побудительныя причины, предопредѣлившія воплощеніе Его. Необыкновенная глубина богословскихъ изслѣдованій невольно изумляетъ самыхъ привычныхъ слушателей, и утружденное вниманіе отдыхаетъ потомъ на ученіи наставника о святости, непричастности грѣху и вѣчной свободѣ Искупителя міра.

»Довольно уже разсуждали мы, продолжаетъ профессоръ, »о воплощеніи Сына Божія въ богословіи созерцательномъ; въ »дополненіе къ прежнему предлагаемъ еще слѣдующія чтенія, »составляющія часть состязательную, которая такъ важна и не»обходима въ наши времена для обличенія новѣйшихъ ерети»ковъ. И такъ прежде всего разсмотримъ: въ чемъ состоятъ »и состояли главнѣйшія заблужденія еретиковъ касательно та»инства воплощенія«.

Разрѣшивъ этотъ вопросъ, профессоръ приступаетъ къ разсмотрѣнію другихъ, изъ которыхъ каждый способенъ возбудить вниманіе самаго разсѣяннаго слушателя. Вездѣ ли присутствуетъ Іисусъ Христосъ человѣчествомъ своимъ? Таковъ ли Онъ посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, что другихъ посредниковъ уже не нужно, и что поэтому не должно уже призывать

святыхъ? Въ такой ли мѣрѣ удовлетворено Искупителемъ правосудіе Божіе, что съ нашей стороны уже не требуется никакихъ заслугъ? Что такое наши добрыя дѣла? Вопль Спасителя на крестѣ былъ ли воплемъ отчаянія и ослабленія духа? За всѣхъ ли Христосъ умеръ, или за однихъ лишь избранныхъ? Воистинну ли Христосъ сходилъ въ преисподняя? Страданія и смерть Спасителя міра были ли для Него Самаго какою либо заслугою? Какъ мы должны представлять себѣ Господа Христа и святыхъ Его?

Всякій можетъ видѣть, какихъ еретиковъ заблужденія подвергаемы были знаменитымъ профессоромъ неотразимому анализу, и всякій послѣ этого убѣдится, что было чего послушать воспитанникамъ, стремившимся отовсюду въ древнюю Академію. Полные восторженной благодарности выходили они изъ тѣсной аудиторіи, и на тетрадяхъ своихъ надписывали окончаніе перваго академическаго семестра: *10 февраля 1694 года въ четыре часа по полудни.*

»Въ предшествовавшемъ трактатѣ мы разсуждали, говоритъ профессоръ, при открытіи втораго семестра, о Словѣ воплощенномъ, какъ о »Сынѣ человѣческомъ, по описанію Іоанна Бо»гослова, опоясанномъ поясомъ златымъ и имѣющемъ главу и »власы бѣлые, какъ бѣлая волна и какъ снѣгъ, а очи, какъ »пламень огненный, разсматривали, то есть, Его святость, сво»боду и другія совершенства. Теперь обратимъ взоры наши на »сего же Сына человѣческаго, какъ на ходящаго среди седми »свѣтильниковъ златыхъ и держащаго седмь звѣздъ въ десницѣ »своей, какъ на Учредителя седьми таинствъ во св. Церкви. »Трактатъ этотъ очень важенъ и необходимъ, и мы, по приня»тому обыкновенію, раздѣлимъ его на двѣ части, изъ которыхъ »въ одной будемъ говорить о таинствахъ вообще, а въ другой »о таинствахъ въ частности«.

Пять мѣсяцевъ длится этотъ второй семестръ, и въ про-

долженіе его мы выслушали все, что только можно знать по вопросу, близко касающемуся жизни православнаго христіанина. *30 іюня 1694 года въ осьмомъ часу утра* была послѣдняя лекція нашего профессора. Наступило вакаціальное время, и наставникъ и воспитанники отдыхаютъ.

Сентября 10 мы уже снова въ аудиторіи, жаждая слышать что нибудь новое отъ мудраго профессора. И вотъ онъ ставитъ насъ предъ лицемъ папистовъ, лютеранъ и кальвинистовъ, ободряя Вышнимъ покровительствомъ, возбуждаетъ ревность нашу указаніемъ пользъ Церкви православной, и учитъ, какъ побѣждать ея противниковъ. Слушайте же, какъ онъ держитъ отвѣтъ на вопросъ о томъ: на какомъ хлѣбѣ совершилъ Іисусъ Христосъ таинство Евхаристіи; подивитесь, какъ неотразимо поражаетъ онъ дерзающихъ преподавать мірянамъ таинство причащенія подъ однимъ только видомъ, какъ непобѣдимо доказываетъ дѣйствительное присутствіе Тѣла и Крови Христовой подъ таинственными видами хлѣба и вина, какъ объясняетъ святѣйшее таинство Евхаристіи, какъ убѣдительно говоритъ о силѣ и дѣйствіи крещенія и причащенія на несмысленныхъ младенцевъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ вы ждете продолженія этихъ чудныхъ уроковъ: но довольно,—вы и такъ прослушали знаменитаго профессора болѣе мѣсяца, ибо теперь уже *16 октября*. Завтра начнутся уроки другой половины этого семестра.

»Хотя мы уже и разсуждали, начинаетъ профессоръ, о по»каяніи, тогда какъ разсматривали всѣ прочія таинства: но по»елику предметъ покаянія — наши грѣхи, весьма обширенъ и »многосложенъ, то мы снова побесѣдуемъ о покаяніи, во пер»выхъ, какъ о добродѣтели, и во вторыхъ, какъ о таинствѣ«.

И дѣйствительно, нельзя обширнѣе читать перваго отдѣленія этой части, какъ это дѣлаетъ краснорѣчивый профессоръ. Въ системѣ его только пять диспутацій: но что за многообъ-

емлемость взгляда, что за начитанность и какое глубокомысліе! Только къ *15 февраля 1695 года* окончено было это отдѣленіе, тогда какъ слѣдующее за нимъ прочитано всего въ восемь дней.

По естественному ходу, послѣ трактата о покаяніи, какъ очистительномъ средствѣ отъ грѣховъ, нужно ждать, что профессоръ будетъ говорить о самомъ грѣхѣ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Такъ оно и сталось. Къ *22 мая* слушатели его уже имѣли полный курсъ нравственнаго богословія: но по намѣренію профессора, трактатъ этотъ еще не былъ законченъ. »Какъ тѣнь за солнцемъ, говоритъ онъ, такъ и я слѣдую тому »общепринятому въ школахъ обычаю, по которому окончатель»ное рѣшеніе дѣла требуетъ разсмотрѣнія всѣхъ возраженій на »извѣстную матерію«, и въ слѣдствіе этого занимается изслѣдованіемъ вопросовъ: точно ли первородный грѣхъ состоялъ въ вожделѣніи плоти? Различны ли, по природѣ своей, грѣхъ простительный и грѣхъ смертный? Что такое чистилище у католиковъ и мытарства у православныхъ? Разрѣшивъ эти вопросы, профессоръ дѣлаетъ слѣдующій переходъ: »до сихъ поръ мы »говорили о томъ, что отдаляетъ насъ отъ Бога — о грѣхахъ »нашихъ; теперь будемъ разсуждать о благодати, приближаю»щей насъ къ вѣчному Началу«. И вотъ трактатъ за трактатомъ идутъ у него изслѣдованія о свойствѣ благодати, о совмѣстимости ея съ природою человѣка, о значеніи благодати предваряющей, дѣйствующей, содѣйствующей, оправдывающей или освящающей, о необходимости благодати и нашихъ собственныхъ заслугахъ предъ Богомъ.

28 іюня 1696 года кончился третій семестръ этого курса.

Наступилъ послѣдній. Черезъ годъ воспитанники Академіи станутъ лицомъ къ лицу съ антагонистами вѣры православной. Мудрый наставникъ задержалъ важнѣйшій пунктъ, который придется имъ отстаивать въ неуставающей борьбѣ съ кліентами

папскаго престола. Но настаетъ *7 сентября 1696 года*, и профессоръ открываетъ лекціи свои трактатомъ о Церкви. Вниманіе слушателей дошло до высшей степени, ибо предметъ близокъ сердцу каждаго изъ нихъ, и вотъ передъ нами раскрывается православное ученіе о Церкви и ея членахъ, о признакахъ Церкви истинной, и наконецъ о главѣ Церкви. Профессоръ не щадитъ здѣсь ни богословскихъ, ни историческихъ, ни юридическихъ изслѣдованій. Разсматриваніе первыхъ вопросовъ, давно уже рѣшенныхъ въ умѣ и сердцѣ каждаго изъ его слушателей, было какбы приготовленіемъ къ послѣднему, гдѣ выходитъ на сцену патріархъ Рима, забывшій, что царство Христово *нѣсть отъ міра сего*. Разгоряченные и взволнованные вдохновенною рѣчью своего наставника, воспитанники готовы хоть сейчасъ выдти на состязаніе съ поборниками папы: но мудрый профессоръ охлаждаетъ ихъ излишнюю и несвоевременную ревность, толкуя вслѣдъ за тѣмъ о четырехъ основныхъ добродѣтеляхъ истиннаго христіанина — справедливости, благоразуміи, умѣренности и терпѣніи. Онъ не пользуется энтузіазмомъ, возбужденнымъ въ молодыхъ умахъ его рѣчью правою, не ведетъ своихъ питомцевъ, какъ это дѣлали іезуиты, фанатической толпою на сокрушеніе противнаго ученія, а твердо убѣжденный, что дѣло это въ рукѣ Божіей, облекаетъ только своихъ учениковъ *во вся оружія Божія, да возмогутъ противитися въ день лютъ и вся содѣявше стати.*

Остается заключить дѣло богословствованія преподаваніемъ ученія о Богѣ, Единомъ въ Троицѣ и Троичнымъ въ единствѣ. »Этимъ трактатомъ, говоритъ профессоръ, по обычаю, приня»тому въ школахъ, слѣдовало бы начать богословіе, такъ какъ »Богъ Тріединый есть начало всего: по поелику Онъ же есть »и конецъ всего, то весьма прилично будетъ и привести къ »сему концу всѣ наши богословскія изслѣдованія въ продолже»ніи цѣлаго четырехлѣтія«. Профессоръ послѣ такого вступленія погружается въ глубину философско-богословскихъ изслѣ-

дованій и разсуждаетъ о существѣ и бытіи Божіемъ, о недѣлимости и несложности Существа высочайшаго, и Его невидимости, всевѣдѣніи, всесовершенной свободѣ, о провидѣніи и наконецъ о трiехъ Ѵпостасехъ во единомъ Божествѣ.

Понятны православному христіанину всѣ эти вѣрованія, ибо онѣ срослись съ его жизнію отъ самой купели крещенія, вошли въ духъ и душу его въ пору младенческаго лепета молитвы Господней и Символа вѣры: но темны и необъяснимы онѣ для помраченныхъ духовныхъ очей язычника и атеиста, составляютъ слово пререкаемое для ходящихъ невѣрнымъ путемъ, созданнымъ отъ ума человѣческаго, вземлющагося на разумъ Божій. Все это видитъ и знаетъ опытный наставникъ, и потому для антагонистовъ вѣры истинной предлагаетъ и разсматриваетъ вопросъ: можетъ ли тропчность Божества быть постигнута и объяснена при свѣточѣ ума человѣческаго? Рѣшая это отрицательно, онъ приводитъ свидѣтельства Ветхаго и Новаго завѣта о святѣйшемъ таинствѣ Троицы, о Лицѣ Сына Божія о божествѣ Его и наконецъ о Лицѣ Духа Святаго.

Такимъ образомъ *27 іюня 1697 года* окончился и послѣдній академическій семестръ: но ревнитель православія еще предлагаетъ своимъ слушателямъ нѣсколько уроковъ, необходимыхъ для успѣха въ возможныхъ состязаніяхъ съ ближайшими врагами православія. Онъ разбираетъ догматъ о Св. Духѣ, и утверждая, согласно ученію Церкви православной, исхожденіе Его отъ единаго Отца, доказываетъ это свидѣтельствами свящ. Писанія, положеніями и авторитетомъ отцевъ Церкви, доводами умственными, опровергая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ возраженія противниковъ, заимствующихъ оныя изъ тѣхъ же источниковъ.

Finis et Dei gloria! пишетъ христіанинъ — профессоръ на послѣдней страницѣ своей высокой системы, и означаетъ, для памяти, что при помощи Божіей, онъ окончилъ уроки *15 іюля 1697 года*[417].

Мы привыкли называть старинное образованіе схоластическимъ, привыкли соглашаться, что »тогдашній родъ ученія »страшно расходился съ образомъ жизни, что эти схоластическія, граматическія, реторическія и логическія тонкости рѣ»шительно не прикасались ко времени, никогда не примѣнялись »и не повторялись въ жизни, что учившіеся имъ ни къ чему »не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схо»ластическихъ«[418]. Многіе писатели, какъ скоро дойдетъ дѣло до образованія, получаемаго нѣкогда въ древней Кіевской Академіи, безъ дальнѣйшаго размышленія клеймятъ его неприложимымъ къ жизни, потому что »тамъ считалось первою необ»ходимостью только знаніе латинскаго языка, что философіею »завѣдывала схоластика, богословіемъ діалектическая полемика; »не нужному Академія учила много, а нужному мало«[419], что коллегія потому и не принесла плодовъ столько, сколько можно было ожидать отъ нея[420]. Пора наконецъ подумать, что такое схоластическое ученіе юго-западной Россіи, на которое такъ постоянно и усердно нападаютъ? Вглядитесь пристальнѣй въ философскіе конспекты, которые больше всего должны выражать схоластическое направленіе, — въ самомъ ли дѣлѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, о чемъ любомудрствуетъ современная наука? Оставляемъ діалектику, тоже впрочемъ необходимую по тогдашнему времени, и возьмемъ прямо логику. Всѣ дѣйствія и отправленія ума человѣческаго подведены подъ законы, которые едва ли могутъ когда либо измѣняться; указаны предразсудки, препятствующіе видѣть истину, уложены и приведены въ порядокъ формы мышленія, преподаны правила, какъ управляться потомъ съ запасомъ будущихъ свѣдѣній, чтобъ они выходили изъ головы стройными, послѣдовательными, непротиворѣчащими себѣ и умными, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Спрашивается: чего же тутъ не достаетъ противъ нынѣшнихъ логикъ? Взглянемъ теперь на такъ называемую физику, какъ часть философіи: всѣ предметы, входящіе въ область ума философствующаго, начиная отъ Источника всего видимаго и невидимаго

до послѣднихъ явленій естества, совмѣщены и разобраны стройно, ясно и послѣдовательно[421]. Конечно, ближайшее ученіе натуры много открыло такого, что было невѣдомо нашимъ предкамъ и привело къ необходимости вымышлять особыя части философствованія: но можно ли осуждать за это нашихъ древнихъ ученыхъ? Они не были знакомы съ явленіями магнетизма и сомнамбулизма, не знали силы паровъ и электричества: слѣдуетъ ли изъ этого, что они были круглые невѣжды? Упрекъ, дѣлаемый имъ за преподаваніе наукъ, будто бы неприложимыхъ къ жизни, зависитъ отъ того, что мы не отдѣляемъ наукъ, такъ называемыхъ свободныхъ, отъ наукъ, чисто положительныхъ и механическихъ: но всѣмъ управляетъ духъ времени. Самое развитіе разсудка, »до излишества строгое и разборчивое«, тоже, по видимому, поставляемое Академіи въ упрекъ[422], было необходимымъ и естественнымъ приготовленіемъ его къ изысканію средствъ болѣе утилитарныхъ. Алхимисты дѣйствовали подъ вліяніемъ даже ложныхъ началъ, а между тѣмъ ихъ фантастическія работы принесли величайшую пользу химіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Кіевскіе діалектики, по видимому, спорили изъ пустяковъ: но они обработали и сдѣлали способнымъ разсудокъ смотрѣть на вещи прямо, погружаться въ глубину ихъ и изъ нѣдръ природы извлекать тѣ ея тайны, которыя человѣкъ употребилъ потомъ въ свою пользу.

Соглашаемся однакожъ, что все это дѣло не безспорное, и что предки наши мало оказали успѣховъ въ наукахъ чисто естественныхъ и механическихъ, что изъ среды тогдашнихъ ученыхъ не явились ни Декарты, ни Спинозы, ни Канты, ни Лейбницы; но можно ли съ основательностію утверждать неприложимость къ жизни ученія, преподаваемаго древними богословами? Мы видѣли изъ конспекта Іоасафа Кроковскаго, какіе вопросы были затрогиваемы и разрѣшаемы этимъ знаменитымъ профессоромъ; мы видѣли, что онъ сообщилъ все, что требуется для благочестія, которое, нужно замѣтить, »на все полезно есть«.

Пусть же докажутъ намъ, что евангельское ученіе неприложимо къ жизни: тогда и мы согласимся съ тѣмъ, что Кіевская Академія ничего не сдѣлала для просвѣщенія народа, что такъ называемая схоластика ея была самая безполезная вещь въ свѣтѣ. И пусть между тѣмъ вдумаются получше, что такое жизнь, какая цѣль ея и назначеніе, что прежде всего должны мы просвѣщать и усовершать въ себѣ: тогда увидятъ, справедливъ ли извѣстный упрекъ, дѣлаемый Кіевской Академіи. Она виновата тѣмъ, что всѣ познанія устремляла къ одной метѣ — христіанству, какъ основанію земнаго благосостоянія, и въ этомъ отношеніи мы вполнѣ соглашаемся съ замѣчаніемъ автора Исторіи Русской Церкви, что »для славы ея довольно и того, что она »была разсадникомъ православія и слѣдовательно выполняла »свое назначеніе«[423]. Желательно было бы знать, чѣмъ же другимъ должны быть русскія, и по преимуществу духовныя, училища, какъ не разсадниками православія, которое есть корень всему — и любви къ Престолу и Отечеству и сохраненію своей народности? Если Академія была разсадникомъ православія, то значитъ богословскими ея уроками не завѣдывала исключительно діалектическая полемика. Правда, полемика входила тогда во всѣ науки: но, съ одной стороны, самое усовершенствованіе діалектики имѣло цѣлію вооружать молодые умы проницательностью и умѣньемъ различать всякія тонкости, а съ другой — это было крайне необходимо тогда по духу вѣка и въ высшей степени приложимо къ жизни. Не для препровожденія же времени учились всему этому, а съ цѣлію ясною и опредѣленною. Воспитанники Академіи выходили на борьбу съ злонамѣреннымъ просвѣщеніемъ, вооружавшимся всѣми діалектическими хитростями, всѣми пособіями современной науки; надобно жъ было и имъ имѣть то оружіе, которое было у ихъ противниковъ. Пусть же теперь самъ читатель рѣшитъ, справедливо ли замѣчаніе одного изъ нашихъ историковъ, что Академія Кіевская »ненужному учила много, а нужному мало«, и дѣйствительно ли такіе люди, какъ Галятовскій, Барановичъ,

св. Димитрій Ростовскій, Яворскій и подобные имъ ненужнаго знали много, а нужнаго мало?....

Многіе изъ писателей, поверхностно изучившихъ духъ и характеръ древней Кіевской Академіи находятъ въ существовавшихъ тамъ *диспутахъ* новое доказательство мнимо-схоластическаго направленія оной; а между тѣмъ эти диспуты были много похожи на то, что доселѣ водится въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ при защищеніи диссертацій на извѣстную степень. Надобно знать, что за полтораста лѣтъ тому въ Академіи, по окончаніи каждой трети учебнаго года, производимы были испытанія ученикамъ низшихъ школъ учителями тѣхъ классовъ, въ которые воспитанники, соотвѣтственно успѣхамъ и прилежанію своему, должны были переходить. Ученики граматическихъ классовъ, кромѣ устнаго экзамена, представляли въ своихъ окупаціяхъ граматическіе разборы и переводы съ латинскаго и греческаго языковъ на русскій, польскій и обратно. Ученики поэзіи и реторики, кромѣ подачи третныхъ сочиненій, тутъ же, во время самыхъ экзаменовъ, составляли русскіе, латинскіе и польскіе стихи, а также разнаго рода рѣчи и письма. Студенты же философіи и богословія, кромѣ сочиненія диссертаціи, преимущественно на языкѣ латинскомъ, ни къ чему другому не обязывались. Начать съ того, что въ этихъ классахъ не было уже ни нотатъ, ни авдиторовъ, что студенты непосредственно подчинялись только высшему своему начальству, — третные экзамены для нихъ тоже не существовали. Вмѣсто ихъ установлены были домашніе диспуты, происходившіе каждую субботу. Въ этотъ день самъ профессоръ иногда становился въ позицію дефендента, позволяя всякому изъ студентовъ возражать противъ уроковъ, прочитанныхъ имъ въ теченіи недѣли; иногда же въ присутствіи и при содѣйствіи его диспутовали между собою воспитанники о какомъ либо изъ вопросовъ данныхъ и рѣшенныхъ уже наставникомъ. Мысль глубокая и практически-мудрая! Профессоръ не задавалъ уроковъ, а между тѣмъ вполнѣ могъ

быть увѣренъ, что все сказанное имъ не пройдетъ даромъ, что воспитанникъ непремѣнно будетъ вдумываться во всякую его мысль, обсуживать каждое его слово для того, чтобы не явиться при диспутѣ немогузнайкою и не уронить себя какъ предъ наставникомъ, такъ и передъ своими товарищами. Для благороднаго соревнованія тутъ открывалось широкое поприще; а лѣнивымъ и неспособнымъ не оставалось никакой возможности скрыться, ибо самое молчаніе ихъ служило бы тому сильнымъ обличеніемъ. Можно даже сказать, что самое изученіе лекцій не приносило бы такой пользы, какую эти диспуты. Урокъ въ состояніи заучить и малоспособный, а чтобъ защитить оспориваемый вопросъ, для этого требуется, кромѣ твердаго знанія его, много и своего собственнаго соображенія, ловкости и оборотливости ума. Это не было опять и пустымъ словопреніемъ: ибо профессоръ строго наблюдалъ, чтобъ диспутующіе не отдалялись отъ своего предмета, а вели разговоръ точно, вѣрно, сообразно указаннымъ правиламъ. Значитъ, не изъ педантства, не отъ близорукости положены были нѣкоторыя формулы диспутованія. Что же касается до занимательности и достоинства домашнихъ академическихъ диспутовъ, — стоитъ только припомнить богословскую систему Кроковскаго; а чтобъ убѣдиться въ благородствѣ и осторожности каждаго, выступающаго на состязательную арену, нужно принять во вниманіе только, предъ какими профессорами говорили диспутующіе[424].

Точно въ такомъ же порядкѣ производились и годичные экзаменаторскіе диспуты, съ той только разницей, что президентомъ ихъ бывалъ митрополитъ, а присутствующими знатнѣйшіе чиновники города. По рѣшеніи вызваннымъ студентомъ заданнаго вопроса, предлагаемо было выдти кому либо для состязанія. Охотникъ являлся, и дѣло завязывалось. Экзаменаторы безъ труда могли видѣть, кто изъ диспутующихъ ученѣе, ловче и изворотливѣй, и приговоръ ихъ послѣ этого бывалъ непогрѣшительно вѣренъ: ибо студентъ являлся здѣсь со всемъ

запасомъ своихъ свѣдѣній, со всѣмъ постоянствомъ въ занятіяхъ и умной вдумчивостью въ каждый вопросъ. Онъ выходилъ на состязаніе, не условившись предварительно; онъ столько же, сколько и товарищъ его, долженъ былъ знать всю сущность вопроса, опасаться, чтобъ изъ наступательнаго положенія постыдно не перейти въ оборонительное, и не отправиться на свое мѣсто побѣжденнымъ и уничиженнымъ. Дѣло слишкомъ щекотливое для честолюбія молодаго ученаго, и веденное съ искреннимъ участіемъ, оно не могло быть не интереснымъ для самихъ экзаменаторовъ. Отъ того то эти диспуты были такъ любимы образованными жителями Кіева; отъ того-то они привлекали къ себѣ и ученыхъ иновѣрцевъ. Замѣтимъ кстати, что диспутантъ, кромѣ прямаго и ближайшаго своего противника, обязывался отвѣчать и всякому на данное возраженіе; случалось, что такой споръ заходилъ далеко, особенно когда вопросъ давалъ кто нибудь изъ иновѣрныхъ посѣтителей; тогда на сцену выступалъ и самъ профессоръ, и состязаніе рѣшалось приговоромъ президента.

Но по окончаніи двухгодичнаго курса диспуты эти производились еще съ большей торжественностью. Впрочемъ, это ужъ не были собственно ученыя собранія, а нѣчто въ родѣ публичныхъ экзаменовъ или нынѣшнихъ актовъ, non propter praxin, какъ говаривали въ старину, sed pompam. На канунѣ назначеннаго дня для диспутовъ на большихъ вратахъ братскаго монастыря прибивали большой, вычурно раскрашенный листъ или афишу, извѣщавшую Кіевлянъ о времени, а иногда о самомъ предметѣ ученыхъ состязаній. Такой листъ обыкновенно назывался *конклюзіей*. Это уже были подготовленные диспуты, и самыя темы избирались какъ можно ближе къ понятію большинства посѣтителей. А чтобы сдѣлать ихъ сколько нибудь вразумительнѣй и для простаго народа, незнакомаго съ языкомъ латинскимъ, на которомъ преимущественно производились эти ученыя состязанія,—для того нѣкоторыя изъ положеній

были переводимы на языкъ русскій. По прибытіи митрополита въ академическую залу произносимы были привѣтствія на разныхъ языкахъ, и потомъ начинались диспуты, въ промежуткахъ между которыми ученики низшихъ классовъ произносили діалоги и читали стихи собственнаго сочиненія. На этихъ диспутахъ уже не считалось приличнымъ возражать постороннимъ, и право это предоставлялось только митрополиту и важнѣйшимъ изъ посѣтителей.

Первое мѣсто на состязательной аренѣ всегда принадлежало студентамъ богословія; философы же рѣдко допускаемы были къ диспутамъ, особенно на торжественныхъ собраніяхъ. Тогдашняя философія, строго подчиненная вліянію началъ аристотелевскихъ, представлялась какбы служебною наукою для высшаго класса и была разумѣема, какъ средство къ развитію разсудка для усвоенія важнѣйшаго ученія. Иначе эту науку тогдашняя Академія и не должна была вести, если только имѣла въ виду оставаться вѣрною тому началу, которое положено въ основаніе ея: »учити наукамъ належнымъ къ цвѣченю побожнаго живота и вызваню вѣры непорушно и догматъ св. Все»ленскими седьмю Соборами установленныхъ«. Отъ этого, всѣ учебники, относящіеся къ сему времени, отличаясь тою же строгостію и послѣдовательностію изложенія, ни мало не измѣнились ни формою, ни содержаніемъ своимъ, и преподавая только то, чего безнаказанно можетъ касаться умъ человѣческій, отсылали его за рѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ къ источнику вѣры православной, и Аристотель продолжалъ господствовать безопасно для ученія, драгоцѣннаго христіански-просвѣщаемымъ умамъ[425].

За то реторика годъ отъ году усовершалась болѣе и болѣе. По мѣрѣ развивавшейся потребности проповѣданія слова Божія и успѣховъ быта гражданственнаго открывались нужды, которымъ не въ состояніи были удовлетворять ни Квинтиліанъ, ни

Цицеронъ, ни Діонисій Александрійскій. Хотя общіе вопросы о строеніи и развитіи рѣчи рѣшаемы были, какъ и прежде, по указанію классиковъ, — но были затрогиваемы и живые элементы собственно русскаго краснорѣчія. Въ учебникѣ Ѳеофана Прокоповича, относящемся къ 1706 году, мы находимъ уже болѣе самобытности въ развитіи трактатовъ о судебномъ, совѣщательномъ и историческомъ родѣ сочиненій; профессоръ уже касается психологическихъ вопросовъ и ведетъ свою рѣчь, замѣтно удаляясь отъ древлепринятыхъ руководствъ. У него уже является особая часть краснорѣчія церковнаго, правила для котораго онъ извлекаетъ изъ сущности самыхъ предметовъ, преподаваемыхъ на священной каѳедрѣ[126].

Поэзія или піитика остается однакожъ все тѣмъ же искуствомъ слагать вирши, и даже какъ будто мелчѣетъ въ сравненіи съ минувшимъ своимъ состояніемъ, ибо больше прежняго трактуетъ о механическихъ пріемахъ составленія стиховъ русскихъ, латинскихъ и польскихъ, утверждая, что въ этомъ и состоитъ весь интересъ дѣла (in hoc omnis concluditur curiositas). Впрочемъ она не оставляетъ и прежнихъ трактатовъ о разныхъ видахъ стихотворства, но дѣлаетъ это какъ будто оффиціально и безъ искренняго убѣжденія въ томъ, что толки ея могутъ быть приложены, какъ слѣдуетъ, къ дѣлу.

Въ 1707 году, по предложенію митрополита Варлаама Ясинскаго, возобновлено въ Академіи преподаваніе геометріи. Распоряженіе это родилось въ слѣдствіе вопіющей потребности имѣть ученыхъ свидѣтелей при размежеваніи земель, принадлежавшихъ училищу. Умный архипастырь предупреждалъ этимъ злоупотребленія насылаемыхъ землемѣровъ, которые своей »всемогущей астролябіей« надѣлали такихъ дѣлъ при отмежеваніи для Меньшикова почепской волости[127].

Первымъ учебнымъ пособіемъ въ правильно устроенномъ

заведеніи справедливо почитается библіотека. Кіевская Академія имѣла ее; еще въ бытность протекторомъ этого училища Петра Могилы заведено было здѣсь книгохранилище, которое онъ самъ старался увеличивать и обогащать, и въ которое завѣщалъ потомъ и свою собственную библіотеку. Судя по этому библіотека кіево-могилянской коллегіи была не бѣдна: но пожаръ 1658 года и разореніе Поляками училища въ 1665 году уничтожили ее почти безъ остатка. Въ общей суматохѣ не время было думать о книгахъ, и потому часть ихъ гибла въ пламени, а другая попадалась въ частныя руки. Изъ надписи, находящейся на одной книгѣ, уцѣлѣвшей изъ древней академической библіотеки, видно, что нѣкоторые изъ кіевскихъ жителей даже торговали потомъ найденными и изъ другихъ рукъ пріобрѣтенными книгами. Въ нынѣшней библіотекѣ сохранилась только одна, надписанная рукою самаго Петра Могилы, и безспорно принадлежавшая къ его собранію, поступившему по смерти его въ коллегію. Это *Трактатъ о таинствахъ* Ѳомы Аквината. Не видно однакожъ ни откуда, чтобы до времени митрополита Варлаама Ясинскаго была собираема Академіею правильная библіотека; уже этотъ архипастырь началъ устроивать ее, положивъ въ основаніе свои собственныя книги, и съ тѣхъ поръ она съ каждымъ годомъ стала возрастать отъ вновь прибывавшихъ пожертвованій. Такимъ образомъ въ нынѣшней библіотекѣ академической находятся многія книги Ѳеофана Прокоповича, Амвросія Юшкевича, Кирилла Флоринскаго, Іосифа Ямницкаго, Іоасафа Миткевича и многихъ другихъ, имена которыхъ собственноручно вписаны ими самими на пожертвованныхъ книгахъ.

Достойные сподвижники митрополита Варлаама, по управленію кіевской коллегіей, трудами своими способствовавшіе возведенію ея въ высокое званіе Академіи были ректоры:

Филимоновичъ Кириллъ, управлявшій училищемъ съ 1690 по 1693 годъ. До насъ не дошли остатки его профессорскихъ

трудовъ: но Академія сохранитъ имя *Филимоновича*, какъ одного изъ ходатаевъ своего благоденствія. По его-то прошенію гетманъ Мазепа уступилъ училищу сельцо Бѣльмачовку. Гдѣ послѣ этого продолжалъ свое служеніе *Филимоновичъ*, и гдѣ скончался — неизвѣстно.

Кроковскій Іоасафъ, до 1693 года служившій Академіи въ должности учителя, и потомъ принявшій званіе ректора. Нѣтъ надобности говорить много объ умѣ и талантахъ этого необыкновеннаго человѣка; довольно припомнить ту систему богословія, какую преподавалъ онъ счастливымъ воспитанникамъ того времени. Глубина изслѣдованій, геніальная смѣлость въ рѣшеніи самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ, увлекательность изложенія сами собою свидѣтельствуютъ то, что *Кроковскій* и въ первѣйшихъ училищахъ Европы былъ бы знаменитымъ преподавателемъ. Грустно было Академіи разставаться съ такимъ наставникомъ, когда Промыслу угодно было воззвать его на чреду служенія въ первѣйшей обители россійской: но изчерпавъ глубину человѣческой мудрости, онъ долженъ былъ погрузиться еще въ животворящія воды высокаго самоотверженія, истекающія отъ пещеръ, гдѣ нетлѣнно почиваютъ угодники Божіи. И выйдетъ онъ скоро на дѣло и дѣланіе свое достигшимъ вполнѣ въ мѣру возраста исполненія Христова.

Калачинскій Прокопій, преемникъ Кроковскаго, правившій Академіею съ 1697 по 1702 годъ. Заботливость его о правахъ училища блистательно была награждена Высочайшимъ переименованіемъ коллегіи въ Академію, и огражденіемъ какъ наставниковъ, такъ и воспитанниковъ ея отъ всякихъ притязаній мѣстнаго управленія. Въ 1706 году *Калачинскій* былъ уже игуменомъ кіево-николаевскаго монастыря, но гдѣ и когда скончался — неизвѣстно.

Одорскій Гедеонъ, принялъ ректуру Академіи въ 1702 году.

При немъ, въ осень слѣдующаго года, заложенъ былъ фундаментъ нынѣшняго *стараго корпуса*, а весною выведены были стѣны, подъ наблюденіемъ самаго гетмана Мазепы, часто посѣщавшаго работы. Въ 1705 году *Одорскій* былъ переведенъ въ Батуринъ архимандритомъ Крупицкаго монастыря; дальнѣйшая же судьба его неизвѣстна.

Поповскій Иннокентій послѣ Стефана Яворскаго въ 1700 году занялъ должность префекта, а въ 1705 ректора Академіи. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ неизвѣстно куда; а преемникомъ ему былъ

Чарнуцкій Христофоръ, бывшій до того времени префектомъ. Въ 1709 году онъ поступилъ въ кіево-николаевскій монастырь.

Завистливое время сокрыло отъ насъ другихъ низшихъ дѣлателей вертограда христіанскаго просвѣщенія, и лѣтопись Кіевской Академіи не внесла въ скрижали свои ихъ достоуважаемыя имена: но труды и заботы ихъ вписаны въ ту книгу живота, изъ которой не изглаживается ни одна буква, ни одна іота дѣлъ человѣческихъ.

Цвѣтущее состояніе училища вѣрнѣе всего измѣряется обиліемъ воспитанниковъ, отличившихся потомъ на поприщѣ служебномъ. Въ этомъ отношеніи Кіевская Академія сей эпохи представляетъ изумительное явленіе. Подняться въ такое короткое время, собрать разсѣянное стадо свое, увидѣть на чредѣ академическаго служенія своихъ же знаменитыхъ воспитанниковъ — профессоровъ, выпустить въ какія нибудь семнадцать лѣтъ столько лицъ, прославившихъ ее своими трудами въ пользу Церкви и Отечества, — это дѣло видимаго благословенія Божія, почившаго на ней. Престарѣлый архипастырь іерархіи кіевской съ душевною радостію зрѣлъ при концѣ дней своихъ пи-

томцевъ того училища, которое стоило ему столькихъ заботъ и попеченій, въ которомъ и онъ провелъ нѣкогда лучшее время своей жизни, и благословлялъ онъ ихъ на подвигъ добрый.....

Вотъ эти воспитанники, вышедшіе изъ подъ іерархическаго крова Варлаама Ясинскаго.

Берутовичъ Германъ. много потрудившійся для украшенія храмовъ Божіихъ. Воспитанникъ и постриженецъ кіево-братскаго монастыря, онъ въ числѣ прочихъ сотоварищей своихъ по училищу прибылъ въ Казань, гдѣ послѣ наставнической службы былъ посвященъ въ архимандрита Спасо-преображенскаго монастыря. Отсюда въ 1737 году *Берутовичъ* переведенъ былъ въ московскую Спасо-андроніеву обитель: но по разстроенному здоровью не долго тамъ оставался, и прибылъ въ Кіевъ на родину, чтобъ успокоиться тамъ на вѣки отъ трудовъ своихъ[428].

Бужинскій Гавріилъ родился въ Украйнѣ, находившейся подъ владычествомъ Польши. Съ малыхъ лѣтъ отданный въ кіевское училище, онъ проходилъ по порядку всѣ классы, совершивъ такимъ образомъ полный курсъ академическій. По вызову Стефана Яворскаго, тогдашняго блюстителя патріаршаго престола, *Бужинскій* поступилъ въ московское Заиконоспасское училище въ качествѣ наставника. Въ 1707 году онъ принялъ санъ монашескій, а черезъ семь лѣтъ опредѣленъ префектомъ при той же школѣ, переименованной въ московскую славяно-греко-латинскую академію. Отличная способность къ сочиненію и сказыванію проповѣдей пріобрѣла ему уваженіе всей Москвы, и наконецъ вниманіе самаго Государя Петра I, который въ 1719 году вызвалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ оберъ-іеромонахомъ флота. Находясь въ этой должности, *Бужинскій* часто въ присутствіи самаго Государя говорилъ проповѣди, и всегда заслуживалъ отличное одобреніе. Не обладая ни пламенностью,

ни трогательностью чувствованій, *Бужинскій* особенно дѣйствовалъ силою и основательностью размышленія. Это было причиною того, что воображеніе его никогда самовольно не порывалось въ область чувствованій, а шло ровно и спокойно по указанію ума; это же самое спокойствіе сдѣлало то, что въ ораторскихъ произведеніяхъ *Бужинскаго* можно видѣть свѣжіе слѣды жизни, ему современной и обстоятельныя указанія на тѣ великія событія и новыя учрежденія, какими ознаменовалось славное царствованіе преобразователя Россіи. Съ этой стороны онъ совершенно справедливо названъ »глашатаемъ величія Петровыхъ дѣлъ«[129]. Слово его въ день годичнаго поминовенія Петра Великаго тогда же было переведено бывшимъ въ Петербургѣ англійскимъ пасторомъ Ѳомою Консетто на латинскій языкъ для иностранцевъ и напечатано въ Берлинѣ. Въ 1721 году *Бужинскій,* по указу Государя, произведенъ въ архимандриты костромскаго Троицкаго Ипатьевскаго монастыря, и тогда же опредѣленъ присутствующимъ въ новооткрытый св. Синодъ съ титломъ директора и протектора надъ всѣми типографіями и училищами, зависящими отъ Синода. Наконецъ въ 1726 году *Гавріилъ* былъ хиротонисанъ въ епископа рязанскаго, и немедленно, по прибытіи своемъ въ епархію, занялся возстановленіемъ славено-латинской школы, упразднившейся за недостаткомъ учителей. Труды архипастыря скоро увѣнчались желаемымъ успѣхомъ: ибо въ слѣдующемъ же году въ новооткрытой школѣ онъ увидѣлъ болѣе трехсотъ воспитанниковъ[130]. Къ сожалѣнію, разстроенное здоровье не позволило *Бужинскому* продолжать управленіе епархіей: пробывъ въ ней съ небольшимъ три года, онъ возвратился въ Москву, гдѣ 27 апрѣля 1731 года и скончался. Прахъ его покоится въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ училище котораго завѣщалъ онъ и свою библіотеку[131].

Волатковскій Варлаам, бывшій проповѣдникомъ Заиконоспасскаго монастыря. Въ 1712 году онъ былъ посвященъ въ санъ архіепископа архангелогородскаго. По прибытіи въ

епархію, встрѣтивъ крайнее невѣжество даже между духовенствомъ, онъ немедленно занялся устройствомъ училища: но не легко было просвѣщенному архипастырю бороться съ закоренѣлой грубостью. Съ великимъ трудомъ собралъ онъ уже къ концу 1723 года въ свое училище всего тридцать девять человѣкъ, которые обучались букварю, часослову, псалтири и отчасти латинскому языку. О дальнѣйшихъ наукахъ и думать было нечего: ибо и этихъ воспитанниковъ удерживала только крѣпкая воля святителя; съ кончиною его разстроилось и училище. *Варнава Волатковскій* скончался 8 октября 1730 года[432].

Гловацкій Сильвестръ родился въ той половинѣ Малороссіи, которая принадлежала коронѣ польской, и до поступленія своего въ монашество носилъ имя *Стефана*. Вмѣстѣ съ Пуцекъ-Григоровичемъ онъ отправленъ былъ коллегіею въ Казань къ учительской должности, гдѣ и поступилъ въ монахи съ принятіемъ имени *Сильвестра*. Въ 1732 году *Гловацкій* назначенъ префектомъ и потомъ ректоромъ училища съ предоставленіемъ ему архимандріи свіяжскаго Богородицкаго монастыря; 1749 года онъ былъ рукоположенъ въ санъ митрополита тобольскаго, а черезъ шесть лѣтъ переведенъ оттуда въ суздальскую епархію, гдѣ 20 мая 1760 года и скончался[433].

Жураковскій Продіонъ, архимандритъ кіево-межигорскаго монастыря. Когда, въ 1721 году, указомъ св. Синода повелѣно было избрать въ кіевскіе митрополиты изъ архимандритовъ, игуменовъ или іеромонаховъ »добраго, умнаго и школьнаго человѣка«: то выборъ всего освященнаго собора палъ на *Жураковскаго*. Тогда же онъ отправился для посвященія въ Петербургъ: но дѣло это не состоялось, и *Продіонъ* рукоположенъ былъ только въ архіепископа черниговскаго. Послѣ двѣнадцатилѣтняго управленія епархіей, онъ оставилъ жезлъ архипастырскій, и удалился на покой въ любимый свой кіево-межигорскій монастырь, гдѣ и скончался 8 октября 1736 года[434].

Заборовскій Рафаилъ родился 1677 года въ польскомъ мѣстечкѣ Заборовѣ львовскаго уѣзда. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ католическаго закона, а мать греко-россійскаго: при крещеніи будущій святитель церкви православной нареченъ былъ *Михаиломъ*. По достиженіи отроческихъ лѣтъ *Заборовскій* отданъ былъ отцомъ своимъ въ іезуитскія школы: но мать, опасаясь вреднаго вліянія отъ противнаго православію исповѣданія, упросила своего мужа перевести сына въ православное училище. Опасенія матери были справедливы: юный *Михаилъ* слишкомъ рано началъ выказывать блестящія свои способности, а такими воспитанниками крѣпко дорожили католическіе и унитскіе пѣстуны, дѣлая изъ нихъ въ послѣдствіи ревностнѣйшихъ соборниковъ своимъ преступнымъ замысламъ. Время поступленія *Заборовскаго* въ коллегію было эпохою, когда въ ней находились отличнѣйшіе наставники—Кроковскій и Яворскій. Послѣдній такъ полюбилъ *Заборовскаго*, что когда поручено было ему завести въ Заиконоспасскомъ училищѣ полный курсъ наукъ на языкѣ латинскомъ, онъ вызвалъ *Михаила* для того, чтобъ воспитать его подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Хотя *Заборовскій* уже выслушалъ въ Кіевской Академіи половину философскаго курса: но не желая огорчить своего протектора, отправился въ Москву, гдѣ и докончилъ уроки философіи и богословія. По выходѣ изъ училища, *Заборовскій* принялъ монашество отъ руки своего благодѣтеля съ именемъ *Рафаила*, и тотчасъ же опредѣленъ учителемъ реторики: черезъ нѣсколько времени, по рекомендаціи Кіевскаго, онъ поступилъ на флотъ оберъ-іеромонахомъ, а въ 1723 году, по окончаніи морскихъ экспедицій, посвященъ въ архимандриты тверскаго Колязина монастыря съ пожалованіемъ въ званіе асессора св. Синода. Въ 1725 году хиротонисанъ былъ во епископа псковскаго и наварскаго, съ оставленіемъ въ званіи синодальнаго члена: но черезъ два года послѣ сего былъ уволенъ въ свою епархію. Здѣсь онъ озаботился заведеніемъ славено-россійской школы, положивъ для ней программу только первоначальныхъ наукъ,

собственно для образованія тѣхъ, которые были удостоиваемы потомъ сана іерейскаго[435]. Но не такому училищу сужденъ былъ этотъ великій протекторъ; явится онъ вскорѣ тамъ, гдѣ просвѣтится свѣтъ его предъ человѣки и всѣ увидятъ добрыя дѣла его...

Конашевичъ Лука одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, которые, по волѣ державнаго Петра, понесли съ собою свѣтъ просвѣщенія во глубину Россіи. Долго ли оставался *Конашевичъ* въ зависимости отъ другихъ, высшихъ себя по образованію и значенію,—не знаемъ; видимъ только, что въ 1736 году онъ былъ архимандритомъ московскаго Симонова монастыря, а черезъ два года епископомъ устюжскимъ и тотемскимъ. Здѣсь онъ оставилъ памятникъ своей просвѣщенной ревности, учредивъ въ Великомъ Устюгѣ семинарію, которая потомъ, по упраздненіи епархіи велико-устюжской, соединена была съ вологодскою. Въ 1738 году *Конашевичъ* былъ назначенъ въ Казань, гдѣ цѣлыя семь лѣтъ былъ недремлющимъ блюстителемъ училища, отказавшись въ пользу его и отъ богатой своей библіотеки, которую онъ собиралъ въ теченіи своей жизни. Въ 1755 году *Конашевичъ* былъ переведенъ въ Бѣлгородъ, и по двухлѣтнемъ управленіи епархіей скончался 1 генваря 1758 года[436].

Кульчицкій Иннокентій (святый), епископъ иркутскій и нерчинскій, чудотворецъ, прославленный россійскою Церковію, родился въ Малороссіи отъ древней дворянской фамиліи. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Кіевской Академіи, онъ постриженъ въ монашество въ Печерской Лаврѣ и отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими въ Москву къ должности учителя въ тамошнюю славено-греко-латинскую академію. Четыре года несъ онъ училищную службу, и достигнувъ званія префекта, былъ переведенъ въ Петербургъ въ Александро-невскую Лавру съ званіемъ соборнаго іеромонаха. По рукоположеніи бывшаго

тамъ архимандрита Ѳеодосія Яновскаго во епископа новгородскаго, *Иннокентій* въ 1720 году назначенъ былъ исправляющимъ должность намѣстника Лавры: но когда Петръ I вознамѣрился учредить въ Китаѣ епископію, на равнѣ съ римско-католической миссіей, *Иннокентій* 5 марта 1721 года хиротописанъ былъ въ епископа переяславскаго, и въ томъ же году отправленъ къ посланнику Измайлову въ Пекинъ, на мѣсто бывшаго тамъ архимандрита. О прибытіи его послана была къ китайскому правительству предувѣдомительная грамата. Къ несчастію, она не застала уже въ Пекинѣ Измайлова, пользовавшагося отличнымъ уваженіемъ Богдыхана. Католическіе миссіонеры, поселившіеся тамъ еще съ 1581 года, сильно встревожились такимъ распоряженіемъ Россійскаго Двора, и начали интриговать. Вслѣдствіе сего Мунгальскій Тушетуханъ Очирой-Бату возвратилъ грамату селенгинскому начальнику съ такимъ изъясненіемъ, что »по »указу богдыханскому, господина *Иннокентія Кульчицкаго* въ »Пекинъ пропускать не велѣно для того, что отъ сибирскаго »губернатора никакого объ немъ письма нѣтъ и знаку печати, »каковыя даны Измайлову, не приложено«[137]. По этому *Иннокентію* повелѣно было до времени оставаться въ Селенгинскѣ, гдѣ онъ и пробылъ до 1725 года, а за тѣмъ, по указу Синода, выѣхалъ въ Иркутскъ на житье въ тамошнемъ Вознесенскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ занялся, согласно Высочайшему повелѣнію, учрежденіемъ русской и монгольской школы, въ которой, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ ученія, была преподаваема и монгольская грамота: но къ сожалѣнію, она существовала только до тѣхъ поръ, пока состояла подъ непосредственнымъ надзоромъ святителя[138]. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины I, повелѣно, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ съ китайскою имперіей, отправить туда полномочнымъ чрезвычайнаго посланника графа С. Л. Владиславича-Рагузинскаго, а также ѣхать съ симъ посломъ и *Иннокентію*, если не будетъ со стороны Китайцевъ какого либо препятствія. Но іезуиты давно уже успѣли подготовить правительство къ рѣшительному

отказу; ктому же и царствовавшій тогда въ Китаѣ Іонгъ-Чшенгъ или Юнгъ-Дженъ объявилъ открытое гоненіе противъ своихъ подданныхъ, осмѣливавшихся принимать вѣру христіанскую. Но чтобы не оскорбить посланника могущественной Монархини прямымъ отказомъ, іезуиты указали министрамъ поднебесной имперіи въ самой граматѣ русскаго посольства пунктъ, на которомъ они могли основать свое несогласіе принять епископа. »Въ листѣ сибирскаго губернатора въ мунгальскій трибуналъ, доносилъ Рагузинскій 1726 года, епископъ *Иннокентій* названъ »духовною особою, *великимъ господиномъ*, а изъ сего Китайцы »взяли подозрѣніе, будтобы онъ превеликая особа, и министры »ихъ агенту Лангу говорили, что Богдыханъ такую превеликую »особу никогда принять не повелитъ, ибо у нихъ великій гос»подинъ называется ихъ Кутухта, и намъ такую превеликую »особу, какъ *Иннокентій Кульчицкій*, не надобно«. Какъ бы то ни было, но и въ этотъ разъ не состоялось отправленіе святителя въ Китай. 1727 года 15 генваря *Иннокентій* назначенъ былъ викаріемъ тобольскаго митрополита въ Иркутскѣ, съ подчиненіемъ ему Вознесенскаго монастыря; и такимъ образомъ уроженецъ юга поставленъ былъ Промысломъ благовѣстить Евангеліе сынамъ суровой Сибири. Вышнее помазаніе, щедро изліянное въ душу и сердце Угодника Божія не являлось тщетнымъ; полудикіе обитатели дальняго сѣвера убѣждались вдохновенною его проповѣдію, и толпами стекались къ купели крещенія. Чтобъ упрочить дѣло обращенія идолопоклонниковъ, *Иннокентій* открылъ при Вознесенскомъ монастырѣ училище для дѣтей всякаго званія, гдѣ преподавали имъ русскій букварь, чтеніе и пѣніе, толковали заповѣди, и учили читать, писать и переводить по монгольски: но съ кончиною святителя эта школа упала и потомъ совсѣмъ уничтожилась. Св. *Иннокентій* мирно кончилъ благочестивую жизнь свою 26 ноября 1731 года, и въ простой монашеской мантіи погребенъ былъ въ склепѣ подъ церковію Тихвинскія Божія Матери. Въ царствованіе императора Павла I, сенаторы Ржевскій и Левашовъ, ревизовавшіе

Иркутскую губернію, донесли Государю о нетлѣнно почивающихъ мощахъ святителя *Иннокентія;* а въ 1800 году Амвросій, митрополитъ новгородскій, объявилъ Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, изъясненныхъ въ рапортѣ сенаторовъ и приложенныхъ при немъ свѣдѣній отъ тогдашняго иркутскаго епископа Веніамина съ краткой выпиской о чудесахъ, происходившихъ при гробѣ угодника. По слѣдствію оказалось, что мощи и самая одежда въ Бозѣ почившаго пребыли совершенно нетлѣнными, а чудеса, бываемыя отъ нихъ, не подвержены никакому сомнѣнію. Чрезъ два года послѣ сего снова произведено изслѣдованіе, и какбы во свидѣтельство несомнѣннаго прославленія угодника Божія, въ томъ же году, когда сгорѣлъ весь монастырь, уцѣлѣла одна лишь деревянная церковь, подъ которою почивали мощи св. *Иннокентія*. Въ 1804 году, указомъ св. Синода отъ 1 декабря, въ слѣдствіе доклада, Высочайше утвержденнаго 28 октября, установлено праздновать память святителя *Иннокентія* 26 ноября. Въ 1805 году 9 февраля, по облаченіи мощей въ святительскія ризы, они были перенесены въ соборную Успенскую церковь, гдѣ и до нынѣ открыто почиваютъ въ серебряной позолоченой ракѣ, источая всѣмъ вѣрующимъ исцѣленія[439].

Ленщкій Варлаамъ знаменитый особенною любовію къ просвѣщенію. Гдѣ и какія проходилъ онъ должности, по выходѣ изъ Академіи, остается неизвѣстнымъ. Во второмъ десятилѣтіи XVIII вѣка мы видимъ его уже игуменомъ кіево-михайловскаго монастыря, а 1719 года рукоположеннымъ въ суздальскаго епископа. Первымъ дѣломъ *Варлаама,* по прибытіи въ епархію, было учрежденіе школы, въ которую тотчасъ же собралось болѣе ста учениковъ. Черезъ четыре года *Варлаамъ* былъ переведенъ въ Коломну, гдѣ также завелъ училище и изъ первопоступившихъ въ него тридцати человѣкъ не болѣе какъ въ три года возвысилъ это число до семисотъ двадцати. Въ 1723 году *Ленщкій* былъ уже въ Астрахани; здѣсь онъ об-

ратилъ все свое вниманіе на латинскую школу, заведенную тамъ еще до прибытія его, по требованію всего купеческаго сословія, на собственномъ ихъ иждивеніи. Одобривъ училище, онъ нашелъ, что управленіе онымъ ввѣрено человѣку не совсѣмъ способному, и исходатайствовалъ у св. Синода о присылкѣ »въ ту школу изъ латинскихъ школъ иного учителя«, что и было исполнено[440]. Въ 1731 году *Варлаамъ* былъ переведенъ во Псковъ, гдѣ въ два года образовалъ семинарію и имѣлъ удовольствіе къ послѣднему времени своего тамъ пребыванія видѣть открытыми въ ней всѣ классы включительно до философскаго. Черезъ семь лѣтъ получивъ увольненіе отъ епархіи, прибылъ въ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ и скончался[441].

Линцевскій Гервасій, по мѣсту рожденія Кіевлянинъ, а по происхожденію сынъ священника. По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, *Линцевскій* принялъ монашескій постригъ въ Михайловскомъ монастырѣ: но тотчасъ же былъ вызванъ оттуда къ учительской должности и довольно долго преподавалъ въ Академіи синтаксиму и поэзію. Семь лѣтъ послѣ этого онъ былъ намѣстникомъ Михайловскаго монастыря, а въ 1742 году году произведенъ въ архимандриты съ пожалованіемъ ему наперснаго креста и отправленъ въ Пекинъ настоятелемъ миссіи. *Линцевскій* прибылъ въ Китай 27 ноября 1745 года; десять лѣтъ оставался онъ тамъ, и заслуживъ уваженіе отъ самыхъ Китайцевъ, возвратился въ отечество, гдѣ »за труды свои и добропорядочную жизнь«, по именному указу, рукоположенъ 1757 года въ епископа переяславскаго: но спустя нѣсколько лѣтъ былъ отрѣшенъ отъ епархіи и посланъ на пребываніе въ монастырь, гдѣ 22 декабря 1769 года и скончался[442].

Лопатинскій Феофилактъ родился на Волыни отъ благородной фамиліи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ заграничныхъ училищахъ, а окончательное въ Кіевской Академіи. По выходѣ изъ оной, *Лопатинскій* былъ вызванъ въ

Москву къ учительской должности, гдѣ съ 1706 по 1708 годъ былъ префектомъ, а потомъ до 1722 ректоромъ Академіи. Отличная ученость и строгая жизнь обратили на него милостивое вниманіе Великаго Петра, по указу котораго *Лопатинскій* опредѣленъ былъ архимандритомъ московскаго Чудова монастыря и совѣтникомъ св. Синода. Въ 1723 году онъ рукоположенъ въ епископа тверскаго и кашинскаго; а черезъ два года пожалованъ архіепископомъ и синодальнымъ вице-президентомъ. Тѣсно было такому ревнителю православія отовсюду. Съ болѣзнію сердца видѣлъ *Θеофилактъ* незаслуженное несчастіе одного изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ по Синоду и соблазнительную вражду двухъ знаменитыхъ іерарховъ Церкви русской; съ тяжкимъ предчувствіемъ смотрѣлъ онъ на фаланги иностранцевъ, осадившихъ святыню русскаго царства, — и рѣшился сколько можно противодѣйствовать распространяемому ими невѣрію. Когда появилось въ Москвѣ противъ книги Яворскаго: *Камень Вѣры* сочиненіе какого-то подложнаго Буддея, *Θеофилактъ* написалъ большой трактатъ подъ названіемъ: *Апокрисисъ или отвѣтъ на писаніе отвѣтное Франциска Буддея къ нѣкоему другу, на Москвѣ живущему, о лютеранской ереси, на книгу Камень Вѣры.* Это было страшнымъ оскорбленіемъ для многихъ вельможъ того времени, исповѣдовавшихъ кальвинскую и лютеранскую вѣру, и еще не успокоившихся отъ удара, нанесеннаго имъ Яворскимъ. Въ тоже время *Θеофилактъ* написалъ другой трактатъ подъ названіемъ: *Иго Господне благо.* Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ въ этомъ случаѣ въ виду сочиненіе Прокоповича *Объ иге неудобоносимомъ*, или нѣтъ,—только Θеофанъ принялъ трактатъ *Лопатинскаго* личнымъ оскорбленіемъ собственно себѣ, и досадуя на *Θеофилакта* еще за пропускъ къ печатанію *Камня Вѣры*, сдѣлался врагомъ его и заставилъ, при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, удалиться въ епархію. Тотчасъ послѣ этого приказано вездѣ и всюду отбирать книгу Стефана Яворскаго. Между тѣмъ *Θеофилактъ* спокойно занимался въ своей епархіи устроеніемъ семинаріи въ Отрочѣ монастырѣ,

проповѣданіемъ слова Божія и сочиненіемъ духовныхъ книгъ. Вдругъ услышалъ онъ, что рукопись его *объ имени Господнемъ* была разсматриваема въ Тайной Канцеляріи, и вслѣдъ за тѣмъ 1732 года потребовали къ отвѣту и самаго сочинителя. Его привезли подъ крѣпкой стражею, и *строго допрашивали* по тремъ первымъ пунктамъ, касавшимся лютеранъ и кальвинистовъ. Почти полтора мѣсяца послѣ этого прожилъ *Ѳеофилактъ* на петербургскомъ тверскомъ подворьѣ со всею своею свитою подъ строжайшимъ карауломъ. Октября 6 его отвезли *тайно* въ Тверь *безъ объявленія*, и дѣло, по видимому, кончилось. Но Ѳеофанъ не любилъ останавливаться на половинѣ; хотя дѣло *Лопатинскаго* происходило и втайнѣ: но объ немъ говорила вся Москва, смѣлѣе Петербурга судившая въ то время дѣйствія лютеранъ и кальвинистовъ, окружавшихъ престолъ царскій. Чтобъ остановить такую молву, бросавшую неблагопріятную тѣнь на самаго Ѳеофана, нужно было покончить дѣло формальнымъ порядкомъ, и въ 1735 году *Ѳеофилактъ* былъ снова привезенъ въ столицу, и преданъ синодальному суду, предсѣдателемъ котораго былъ Прокоповичъ. Немедленно по судебному приговору того самаго, кто сочинялъ указъ о мнимыхъ преступленіяхъ Ѳеодосія Яновскаго, несчастный святитель лишенъ былъ архіерейства, даже монашества, и подъ мірскимъ именемъ *Ѳеодора* переданъ въ Тайную Канцелярію... Умолчимъ о возмущающихъ душу истязаніяхъ уничиженнаго страдальца истины[443]... Три года послѣ этого содержался *Лопатинскій* на подворьѣ подъ тайною стражею и въ это время получилъ апоплексическій ударъ въ слѣдствіе претерпѣнныхъ имъ пытокъ. Отсюда больной и увѣчный онъ перевезенъ былъ въ казарму петербургской крѣпости, гдѣ оставался цѣлые два года въ душной и тѣсной комнаткѣ до кончины Анны Іоанновны и до паденія Бирона. Въ концѣ 1740 года *Лопатинскій*, по повелѣнію правительницы Анны Леопольдовны, былъ освобожденъ изъ заключенія, съ возвращеніемъ ему святительскаго сана. Хилый, изувѣченный вступилъ *Ѳеофилактъ* въ то священное

мѣсто, въ которомъ нѣкогда и самъ онъ вице-президенствовалъ; всѣ члены синодальные залились слезами, увидѣвъ страдальца, и сами облекли его въ святительскія ризы: но *Θеофилактъ* уже не могъ слѣдовать въ свою епархію, и претерпѣвъ »отъ лукавыхъ человѣкъ до кончины жизни несносное гоненіе и страданіе«[444], умеръ 6 мая 1741 года на своемъ подворьѣ и погребенъ со всѣми почестями въ Александро-невской Лаврѣ. Передъ кончиною своею онъ имѣлъ счастіе удостоиться посѣщенія Государыни Елисаветы Петровны, бывшей тогда еще Великой Княжною[445].

Мигура Иларіонъ, уроженецъ кіевскій, знаменитый художникъ своего времени. Нельзя съ полной вѣроятностію утверждать, чтобы начальныя науки онъ проходилъ въ Академіи: но то несомнѣнно, что *Мигура* выслушалъ полный курсъ реторики, философіи и богословія. Въ одной своей картинѣ, посвященной Стефану Яворскому, въ память пребыванія въ Кіевѣ Петра I, онъ самъ называетъ себя olim in Rhetoricis, philosophicis et theologicis per septennium Almae Kiiovianae discipulus. По окончаніи воспитанія, *Мигура,* еще въ школѣ обратившій на себя вниманіе искуствомъ рисованія, приглашенъ былъ Иларіемъ, намѣстникомъ Софійскаго монастыря для производства нѣкоторыхъ работъ въ древнѣйшемъ храмѣ Ярослава. Проходя сіе послушаніе, или какъ онъ выражается, obsequia, *Мигура* принялъ монашество, сохранивъ впрочемъ прежнее имя свое *Іоанна,* и 1704 года возведенъ былъ въ званіе архидіакона; черезъ два года послѣ сего, въ честь и память своего благодѣтеля Иларія, *Мигура* принялъ имя *Иларіона.* Въ 1710 году онъ назначенъ былъ игуменомъ батуринскаго Крупицко-Николаевскаго монастыря, — но что потомъ съ нимъ сталось, и гдѣ онъ скончался — неизвѣстно. Изъ уцѣлѣвшихъ рисунковъ *Мигуры* открывается дивный, художественный талантъ, подобнаго которому не было тогда во всей Россіи. Не говоря уже объ

изобрѣтеніи, показывающемъ въ художникѣ огромную начитанность и самое блестящее воображеніе, не говоря о богатствѣ вымысла, всегда смѣлаго, и при всемъ томъ скромно-христіанскаго,—самое исполненіе глубоко задуманныхъ имъ картинъ поражаетъ опытнаго знатока необыкновенною легкостію, вѣрностію и отчетливостью въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Одно только роняетъ нѣсколько высокое достоинство ихъ: это отсутствіе строгой перспективы, но и то не на столько, чтобъ фигуры казались нагроможденными одна на другую. *Мигура,* кромѣ сего, былъ и поэтомъ своего времени; къ каждой картинѣ онъ присоединялъ надписи, которыя хоть и не такъ художественны, какъ его картины: но все же далеко выше тѣхъ стиховъ, которые читала Русь черезъ десятки лѣтъ[446]. За то посвященія, писанныя имъ на языкѣ латинскомъ, превосходны какъ по мыслямъ, такъ и по слогу, и быть не можетъ, чтобы такой человѣкъ въ пору своего игуменства не былъ отличнымъ проповѣдникомъ! Изъ приводимыхъ имъ въ безчисленномъ множествѣ текстовъ, приспособительно къ тому или другому положенію лицъ, изображаемыхъ на картинахъ, можно видѣть, какъ хорошо зналъ онъ Свящ. Писаніе, какъ тепла была душа его, и какъ умѣлъ онъ пользоваться словомъ божественнымъ къ назиданію и вразумленію тѣхъ, кому подносилъ свои созданія. Искуство, какъ видно, было задушевною страстію *Мигуры;* всякое событіе, выходившее изъ ряда обыкновенныхъ, возбуждало его художническій талантъ; всякая знаменитость являлась у него въ картинѣ, окруженная многозначительными аттрибутами. Можно сказать, что съ этой стороны рисунки *Мигуры* есть оживленная лѣтопись временъ давно-минувшихъ[447].

Прилуцкій Іероѳей родился 1682 года въ городѣ Немировѣ подольской губерніи и принадлежалъ къ дворянской фамиліи. При крещеніи онъ былъ нареченъ *Димитріемъ;* поступивъ въ кіевскую коллегію и окончивъ въ ней полный курсъ наукъ, *Прилуцкій* отправился вмѣстѣ съ благодѣтелемъ и по-

кровителемъ своимъ Варлаамомъ Косовскимъ въ Сибирь, гдѣ 1707 года принялъ монашество въ городѣ Тюменѣ и переименованъ въ *Дамаскина*, а при посвященіи въ санъ іеромонаха, по желанію своего благодѣтеля Косовскаго, бывшаго тогда епископомъ иркутскимъ, наре ченъ *Іеоѳееемъ*. Въ 1718 году онъ былъ назначенъ флотскимъ іеромонахомъ, и черезъ три года, по возвращеніи изъ экспедиціи, пожалованъ въ совѣтники св. Синода и архимандритомъ Новоспасскаго московскаго монастыря. *Прилуцкій* скончался 28 октября 1728 года[148].

Прокоповичъ Ѳеофанъ II, явившійся уже передъ нами, какъ учитель той Академіи, гдѣ такъ недавно самъ былъ ученикомъ. Удивительна вообще быстрота въ перемѣнѣ судьбы его. *Прокоповичъ* родился 8 іюня 1681 года отъ кіевскаго мѣщанина, и при крещеніи нареченъ былъ *Елеазаромъ*. Въ дѣтствѣ лишившись родителя, онъ поступилъ на воспитаніе къ родному своему дядѣ іеромонаху Ѳеофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ коллегіи. *Елеазару* было всего три года: но съ каждымъ мѣсяцемъ показывались въ немъ отпрыски того могучаго ума и несокрушимой воли, которыми въ послѣдствіи изумлялъ онъ всѣхъ своихъ современниковъ. Достигнувъ отрочества, онъ поступилъ въ низшіе классы училища, и еще разъ остался сиротой, лишившись, на осьмомъ году своего возраста, благодѣтеля — дяди. Какой-то кіевскій мѣщанинъ, имя котораго остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ, взялъ мальчика къ себѣ на воспитаніе, и далъ ему возможность продолжать начатое ученіе. Семнадцати лѣтъ отъ роду *Елеазаръ Прокоповичъ* уже окончилъ полный курсъ академическихъ наукъ: но жажда къ познаніямъ только что разгорѣлась въ немъ. Въ 1698 году онъ поѣхалъ въ Литву, и встрѣтивъ препятствіе въ исповѣдуемой имъ греческой вѣрѣ, назвался уніатомъ, и даже вступилъ въ братство витебскаго базиліанскаго монастыря, подъ именемъ *Елисея*, — все это для того, чтобъ имѣть возможность еще разъ выслушать курсъ высшихъ наукъ. Настоятель отправилъ его

въ волынское владимірское училище, находившееся при каѳедральномъ монастырѣ уніатскаго епископа. Блистательные успѣхи въ наукахъ скоро обратили на него вниманіе всего училищнаго начальства, и *Елисей* изъ ученика сдѣлался учителемъ поэзіи и реторики. Черезъ нѣсколько времени провинціалъ базиліанскаго ордена отправилъ *Прокоповича* вмѣстѣ съ другими канониками въ римскую академію для изученія философскихъ и богословскихъ наукъ. Три года пробылъ онъ тамъ, исполняя всѣ обязанности, сопряженныя съ принятымъ имъ званіемъ: но пылкость характера *Прокоповича* была причиною того, что секретъ его обнаружился, и мнимый *Елисей* долженъ былъ бѣжать черезъ Венецію и Австрію въ Польшу. Прибывъ въ православный почаевскій монастырь, онъ принялъ монашество съ переименованіемъ въ *Самуила*. Спустя нѣсколько времени, *Прокоповичъ* былъ приглашенъ въ Кіевъ митрополитомъ Варлаамомъ, который лично зналъ необыкновенныя его способности, и 1704 года опредѣлилъ его въ Академію учителемъ піитики. Въ слѣдующемъ году *Прокоповичъ* принялъ имя *Ѳеофана*, въ память своего покойнаго дяди, и съ тѣмъ уже остался до своей смерти. Возведенный въ 1707 году въ званіе префекта Академіи, *Прокоповичъ*, сверхъ своего предмета, преподавалъ еще геометрію. Рѣчь, произнесенная имъ Петру I, и похвальное слово всемогущему любимцу царя Меньшикову довершили возвышеніе *Ѳеофана*. Въ 1711 году онъ сопутствовалъ Государю въ Молдавію, и былъ свидѣтелемъ достопамятныхъ событій, произшедшихъ при р. Прутѣ; тотчасъ же послѣ этого *Прокоповичъ* былъ именованъ игуменомъ кіево-братскаго монастыря, и вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ Академіи.

По преобразователю Россіи скучно стало безъ своего любимца. Въ 1716 году *Ѳеофанъ* уже былъ снова въ Петербургѣ, гдѣ во все время путешествія Государя занимался проповѣданіемъ, и черезъ два года нареченъ былъ епископомъ псковскимъ и нарвскимъ съ правомъ носить саккосъ, что тогда почиталось

особеннымъ монаршимъ благоволеніемъ, ибо епископы облачались въ священническія ризы только съ омофоромъ[419]. Съ этой поры *Прокоповичъ* становится болѣе министромъ, чѣмъ святителемъ Церкви. Въ 1719 году онъ составляетъ *Духовный Регламентъ;* въ 1721 садится вице президентомъ св. Синода; въ 1722 сочиняетъ *Уставъ о монахахъ и училищахъ,* также о *новомъ распоряженіи всей Россійской Іерархіи,* — и все это Петръ I скрѣпляетъ и утверждаетъ своимъ подписомъ. Въ 1724 году выходитъ Высочайшій указъ о распоряженіи монастырскихъ доходовъ; *Прокоповичъ* составляетъ по этому случаю іерархическіе штаты, и пріобрѣтаетъ такое довѣріе государя, что Петръ Великій, не смотря на то, что *Прокоповичъ* былъ моложе многихъ іерарховъ въ Россіи, повелѣваетъ ему совершить священный обрядъ коронованія Екатерины I. Но съ кончиною Великаго рушились многіе изъ обширныхъ плановъ и предначертаній *Прокоповича.* Дѣйствительно, не могъ послѣ этого не вырваться изъ души его тотъ вопль, которымъ такъ поразилъ онъ всѣхъ при отпѣваніи Державнаго благодѣтеля своего: »что се есть? »До чего мы дожили, о Россіяне? Что мы видимъ? Что дѣ»лаемъ? Петра Великаго погребаемъ«!...

Наступили часы томительнаго ожиданія: кто приметъ державу, бывшую въ такихъ мощныхъ рукахъ? *Θеофанъ* бывшій при послѣднихъ минутахъ императора, рѣшилъ дѣло: Екатерина I взошла на престолъ, а *Прокоповичъ* въ томъ же году возведенъ на мѣсто Θеодосія въ степень архіепископа новгородскаго и первенствующаго члена св. Синода. Дѣйствуя за одно съ Меньшиковымъ, управлявшимъ тогда кормиломъ государства, *Θеофанъ* двигалъ таинныя пружины государственной политики. Кончина императрицы Екатерины I (1727 г.) еще болѣе запутала *Прокоповича* въ придворныя интриги; согласно завѣщанію, представленному Меньшиковымъ отъ имени Императрицы, *Θеофанъ* обручилъ наслѣдника престола Петра II съ дочерью Меньшикова: но черезъ пять мѣсяцевъ онъ же самъ, сидя въ своемъ

кабинетѣ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ развязки великой драмы паденія Меньшикова. Трудно было выпутаться изъ такихъ сѣтей, какими самъ себя окружилъ *Прокоповичъ:* но трудно для другаго, а не для него. Сразу постигнувъ характеръ Петра II и уступивъ могуществу новыхъ пѣстуновъ его Долгоруковыхъ, *Θеофанъ* пышнымъ пріемомъ и забавами, устроенными для юнаго императора, заставилъ его забыть всѣ прежнее, и въ 1729 году снова совершилъ обрученіе его съ княжною Долгоруковою. Неожиданная кончина Петра II разрушила всѣ планы его пѣстуновъ, и *Θеофану* предстали заботы большія прежнихъ. Онъ уже удаленъ былъ Долгоруковыми отъ совѣщаній; слѣдовательно, тутъ искать было нечего. Попробовавъ явно оказать свое усердіе къ избранной Верховнымъ Совѣтомъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ совершеніемъ торжественнаго молебствія, имъ самимъ сочиненнаго, и получивъ на это запрещеніе, *Θеофанъ* тайно отправилъ въ Митаву нарочнаго съ увѣдомленіемъ о дерзкихъ замыслахъ вельможъ, и спокойно сталъ ожидать развязки этого государственнаго переворота. Онъ даже согласился на прибавку въ присягѣ къ слову: *Государынѣ*, другаго слова: *и отечеству.* Анна Іоанновна прибыла; актъ былъ уничтоженъ; крамольные честолюбцы истреблены, а *Θеофанъ*, короновавшій Государыню, пріобрѣлъ такую отъ нея довѣренность, какой еще не имѣлъ никогда отъ вѣнценосныхъ своихъ покровителей... Но пришелъ конецъ и его многомятежной жизни; въ устрашающихъ образахъ проходили предъ нимъ минувшія событія, и готовясь предстать суду Божію, онъ, приставивъ указательный палецъ ко лбу, произнесъ: »о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь«?... 8 сентября 1736 года *Θеофанъ Прокоповичъ* скончался. Прахъ его покоится въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ въ ризничной палатѣ[450].

Опустимъ завѣсу на дѣйствія *Θеофана* противъ благороднотвердаго и нельстиваго Стефана Яворскаго, противъ добраго и благодушнаго Θеодосія Яновскаго[451], противъ нетрепетнаго рев-

нителя православія Θеофилакта Лопатинскаго и другихъ многихъ невинныхъ страдальцевъ... *Прокоповичъ* хитрый и дальновидный, умѣлъ устоять и удержать все вліяніе въ такую эпоху, когда знатнѣйшіе дѣятели на поприщѣ политическомъ кончали жизнь свою въ снѣгахъ Сибири; когда отъ пытокъ и тѣлесныхъ наказаній не избавляли ни личныя достоинства, ни высокій санъ. Постигнувъ своимъ многообъемлющимъ умомъ всю ткань преобразованій Петра, онъ содѣйствовалъ ему во всемъ, какъ ближайшій министръ, и приносилъ въ жертву даже то, что обязанъ былъ хранить и оберегать, какъ служитель алтаря Господня[452]. За всѣ дальнѣйшія свои дѣйствія въ томъ мірѣ, въ какомъ *Θеофанъ* вращался, онъ самъ себѣ произнесъ приговоръ въ послѣднія минуты своей бурной жизни[453].

Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ одинъ изъ первыхъ учителей казанской школы, и потомъ знаменитый іерархъ Церкви русской. Онъ родился въ Кіевѣ и въ мірѣ назывался *Василіемъ*. Въ 1733 году, по требованію Иларіона, архіепископа казанскаго, выслано было нѣсколько отличнѣйшихъ воспитанниковъ Академіи, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежало *Григоровичу*, давно уже состоявшему на училищной службѣ при Академіи, въ званіи іеромонаха. По прибытіи въ Казань, онъ нашелъ училище только что устроиваемымъ, а науки еще вовсе не введенными. Содѣйствуя своими трудами и заботами скорѣйшему образованію школы, *Григоровичъ* имѣлъ удовольствіе видѣть успѣхъ своихъ неутомимыхъ хлопотъ, и когда въ отстроенный нижній этажъ училищнаго зданія переведены были ученики изъ Зилантова монастыря, молодой профессоръ открылъ 1739 года философскія лекціи[454]. Въ 1744 году *Григоровичъ* опредѣленъ ректоромъ и архимандритомъ Спасо-преображенскаго монастыря, а черезъ четыре года рукоположенъ въ епископа нижегородскаго. Въ 1753 году переведенъ въ тверскую епархію; черезъ пять лѣтъ во псковскую, черезъ три года пожалованъ архіепископомъ с.-

петербургскимъ, а въ 1762 году казанскимъ. Двадцать лѣтъ управлялъ онъ той епархіей, которой нѣкогда принесъ первые плоды своего высокаго образованія, и имя *Веніамина* для казанской академіи пребудетъ вѣчно памятнымъ, точно также, какъ имена Могилы и Рафаила Заборовскаго для Кіевской. Его заботливости она обязана всѣмъ тѣмъ благосостояніемъ, которымъ пользовалась и пользуется доселѣ. И на одрѣ смертномъ не забылъ онъ своего училища, отказавъ ему всю свою библіотеку. Сей пастырь, вѣрою и правдою служившій Церкви и отечеству, имѣлъ однакожъ несчастіе быть оклеветаннымъ предъ Государыней во время бунта пугачевскаго. По допосу сообщника самозванцева, Ильи Аристова, къ *Веніамину* приставлена была стража, два члена слѣдственной тайной коммисіи неотлучно находились при немъ, не допуская никого, и даже не позволяя ему ни съ кѣмъ переписываться. Параличный ударъ едва не прекратилъ его жизнь. Къ счастію *Веніамина,* слѣдователи надъ нимъ были люди разумные и осторожные; они донесли Государынѣ, что архіепископъ казанскій не причастенъ постыдной измѣнѣ, »обнесенъ и страждетъ невинно, двадцать »пять лѣтъ неусыпно пасетъ стадо свое, являя оному примѣръ »добродѣтели, вѣры и вѣрности«. Императрица тотчасъ же успокоила встревоженнаго пастыря, пожаловавъ его 1775 года митрополитомъ. »Къ крайнему удовольствію моему, писала »Екатерина въ своемъ рескриптѣ: узнала я, что невинность »вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте по»чтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да бу»детъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжест»вующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, »кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволив»шей васъ прославить по несчастнымъ и смутнымъ обстоятель»ствамъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а »я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь и проч.« Митрополитъ *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ,* обремененный лѣтами и пятидесятитрехлѣтней службой, въ 1782 году уволенъ на по-

кой, и отшелъ въ седмиезерную казанскую пустынь, гдѣ въ скоромъ времени и скончался[455].

Радышевскій Маркеллъ. первый ректоръ новгородской семинаріи. Въ 1741 году онъ принялъ въ полное свое распоряженіе училище, изключенное епископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ изъ вѣдомства Розряда и Казеннаго Приказа новгородскаго архіерейскаго дома, а въ слѣдующемъ году былъ пожалованъ епископомъ корельскимъ и ладожскимъ, коадьюторомъ новгородскаго архіепископа: но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался и погребенъ въ Юрьевскомъ монастырѣ въ паперти соборной церкви[456].

Рогалевскій Иларіонъ. До 1728 года онъ былъ игуменомъ лубенскаго Мгарскаго монастыря и потомъ назначенъ архимандритомъ московскаго Донскаго. Апрѣля 1732 года *Рогалевскій* былъ хиротонисанъ въ архіепископа казанскаго, и по прибытіи въ епархію въ слѣдующемъ же году занялся образованіемъ правильной школы. Имъ положена основа тому заведенію, которое нынѣ извѣстно подъ именемъ академіи казанской. На первый разъ *Иларіонъ* открылъ славяно-латинскія школы въ Зилантовѣ монастырѣ, гдѣ первыми учителями были вызванные имъ студенты Кіевской Академіи Василій Пуцекъ-Григоровичъ и Стефанъ Гловацкій. Въ 1735 году архіепископъ *Иларіонъ* былъ переведенъ въ Черниговъ: но по трехлѣтнемъ управленіи сею епархіей отошелъ на пребываніе въ Кіево-печерскую Лавру, и кончилъ тамъ послѣдніе дни свои[457].

Сморжевскій Ософосій. Въ 1743 году онъ, въ званіи іеромонаха Кіево-михайловскаго монастыря, былъ посланъ въ пекинскую миссію, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ возвратился оттуда въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гервасіемъ Линцевскимъ.

За труды свои *Сморжевскій* былъ пожалованъ архимандритомъ сѣвскаго Троицкаго (нынѣ женскаго) монастыря, гдѣ въ 1758 году и скончался. Будучи еще въ Пекинѣ, *Сморжевскій* составилъ обстоятельную исторію россійской пекинской миссіи и всѣхъ бывшихъ тамъ нашихъ миссіонеровъ: но къ сожалѣнію, это въ высшей степени любопытное сочиненіе не было напечатано[458].

Тихорскій Епифаній, увѣковѣчившій свое имя основаніемъ харьковскаго коллегіума. Рукоположенный въ 1722 году изъ архимандритовъ Благовѣщенскаго нѣжинскаго монастыря въ епископа курскаго и бѣлгородскаго, *Епифаній* въ томъ же году открылъ въ Бѣлгородѣ училище: но упрошенный генералъ-фельдмаршаломъ княземъ М. М. Голицынымъ и бывшимъ тогда генералъ-губернаторомъ Украйны генералъ-майоромъ Ѳ. В. Шидловскимъ, и не желая терять такихъ сильныхъ пособниковъ себѣ, онъ перенесъ свою школу въ Харьковъ. Голицынъ на первый разъ снабдилъ вновь открытое училище вотчинами, подаривъ ему село Песочки со всѣми хуторами, а Шидловскій уступилъ каменный, недостроенный впрочемъ домъ свой, который потомъ уже докончилъ самъ *Епифаній,* пристроивъ къ нему нѣкоторыя необходимыя для училища службы, и сверхъ того приписалъ къ училищу бывшую приходскую о двухъ престолахъ Покровскую церковь. Въ 1731 году Государыня Анна Іоанновна утвердила коллегіумъ высочайшею граматою, повелѣвая »учить въ немъ всякаго народа и званія дѣтей право»славныхъ не только піитикѣ, реторикѣ, но и философіи и бо»гословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде »стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россій»скомъ языкѣ и преподавать ученіе съ усерднымъ тщаніемъ, »ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ св. »восточныя Церкви исповѣданія«. Высочайше утвержденный въ званіи протектора новоустроенной школы »яко первый строитель оной«, *Епифаній,* выписавъ изъ Кіева студентовъ на учи-

тельскія должности, немедленно открылъ классы, и не далѣе какъ черезъ четыре года въ коллегіумѣ были уже преподаваемы не только языки — славянскій, греческій и латинскій, но и піитика и реторика и философія; а въ 1731 году открытъ и классъ богословія. Къ великому сожалѣнію, въ семъ же самомъ году іюля 2 *Епифаній* скончался, оставивъ по себѣ вѣчную память, какъ ревностный покровитель просвѣщенія, »особливымъ попеченіемъ и тщаніемъ« обратившій на себя Высочайшее вниманіе самой Императрицы[459].

Туробойскій Іосифъ, бывшій первымъ префектомъ московской академіи. Въ 1704 году онъ принималъ участіе въ торжественной встрѣчѣ Петра Великаго, возвращавшагося въ Москву, по завоеваніи Лифляндіи, для чего составилъ особенный церемоніалъ съ разными привѣтствіями. Тоже самое сдѣлалъ *Туробойскій* въ честь вѣнценоснаго побѣдителя послѣ полтавской битвы. Для объясненія картинъ, эмблемъ и надписей на латинскомъ, греческомъ и русскомъ языкахъ онъ составилъ цѣлую книгу. Въ 1708 году *Туробойскій* былъ назначенъ архимандритомъ Симонова московскаго монастыря; дальнѣйшая же судьба его неизвѣстна[460].

Шпаковскій Савва въ 1739 году изъ архимандритовъ нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря былъ посвященъ въ архіепископы архангелогородскіе, а черезъ годъ переведенъ въ Коломну, гдѣ по девятилѣтнемъ управленіи епархіей 29 іюля 1749 года скончался[461].

Юшкевичъ Амвросій первоначальное воспитаніе получилъ въ польскихъ школахъ, и потомъ для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ поступилъ въ Кіевскую Академію. По окончаніи курса, *Юшкевичъ* вступилъ въ монашество

и проходилъ въ низшихъ школахъ званіе учителя синтаксимы; за тѣмъ былъ опредѣленъ въ старшіе виленскаго Святодухова монастыря, а въ 1734 переведенъ въ московскій Симоновъ. Черезъ два года онъ былъ рукоположенъ въ епископа вологодскаго, а 29 мая 1740 года назначенъ въ Новгородъ. Къ прибытію *Амвросія* въ епархію состоялся Высочайше утвержденный 24 мая того же года штатъ для новгородской семинаріи. *Амвросій* ревностно принялся за исполненіе того, что такъ согласно было съ его собственными желаніями. Немедленно отдалъ онъ приказъ выбрать изъ бывшей до того времени при архіерейскомъ домѣ школы понятнѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ учениковъ, и составить изъ нихъ первый семинарскій курсъ. Хотя же въ регламентѣ и предположено было завести училище въ хутынскомъ монастырѣ: но поелику онъ слишкомъ удаленъ отъ города, то *Амвросій* рѣшился открыть семинарію въ ближайшемъ Антоніевѣ монастырѣ и префектомъ оной опредѣлилъ *Иннокентія Мигалевича*[462]. Это тоже былъ воспитанникомъ Кіевской Академіи, и высланъ сюда Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. *Мигалевичъ* былъ однимъ и единственнымъ учителемъ вновь образовавшейся школы и вмѣстѣ съ этимъ публичнымъ катихизаторомъ. Но *Амвросій* самъ бодрствовалъ надъ любимымъ своимъ училищемъ; онъ вызвалъ изъ Кіевской Академіи на учительскую должность двухъ студентовъ: *Ямницкаго* и *Миткевича* и началъ въ тоже время постройку семинаріи, примѣняясь къ образцу родныхъ ему, по воспитанію, школъ кіевскихъ, и кромѣ того принялъ на свой счетъ содержаніе нѣсколькихъ бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ одинъ годъ *Амвросій* поставилъ свое училище на надлежащую степень, и радовался всей душой, когда питомцы его представляли, въ присутствіи Государыни Елисаветы Петровны, драму, сочиненную префектомъ семинаріи *Иннокентіемъ Миткевичемъ*. Недолго однакожъ блаженствовало училище подъ начальствомъ своего основателя, покровителя и благодѣтеля. *Амвросій Юшкевичъ* скончался 17 мая 1745 года. Но и по смерти своей онъ не

захотѣлъ разстаться съ залогомъ своихъ просвѣщенныхъ трудовъ и заботъ: вмѣсто того, чтобъ почить въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ обыкновенно погребаются святители новгородскіе, *Амвросій* завѣщалъ похоронить себя въ паперти соборной церкви Антоніева училищнаго монастыря, гдѣ почиваетъ и нынѣ къ вѣчному воспоминанію воспитываемаго въ заведенномъ имъ училищѣ юношества[463].

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Лѣтопись, изд. 1767 г. въ С.-Петербургѣ, стр. 21.

2. Степен. кн. 1 глав. 40.

3. Math. Stryikowski Chronicon Polono-Lithano-Moscoviticum, издан. на польскомъ языкѣ въ Кенигсбергѣ 1582 г.

4. Лѣтопись Нестора стр. 106.

5. Ростовск. Лѣтоп. Спис. Новгор. Владык.

6. *Столповое* пѣніе, названное римскою церковію cantus planus, было пѣніе единогласное, речитативное, безъ кадансовъ или тактовъ, а только по однимъ акцентамъ и удареніямъ въ одну ноту, и чрезъ всю піэсу, какъ это можно слышать и до нынѣ въ греческихъ монастыряхъ на Востокѣ. Почти таковожъ было и пѣніе *демественное*, только въ немъ допускалось подпѣваніе другихъ пѣвцовъ или даже всѣхъ предстоящихъ въ церкви, либо въ тотъ же голосъ, либо одною только квинтою или басомъ (basse-continue) въ одинъ тонъ чрезъ всю исполняемую пьесу, или съ перемѣною не болѣе трехъ нотъ.

7. Осмогласное пѣніе разумѣется здѣсь не симфоническое, а единогласное, съ различіемъ только напѣвовъ, изъ которыхъ четыре у Грековъ называются *прямыми* (toni recti), а другіе четыре *косвенными* или побочными (toni obliqui). *Трисоставное*, то есть трехголосное (trio) есть уже симфоническое, которое съ тѣхъ поръ долго употреблялось въ Россіи, подъ названіемъ *троестрочнаго*, пока не ввелось четырехголосное, осмиголосное, двѣнадцати и даже двадцатиголосное.

8. Татищева Росс. Истор. томъ II. стр. 181.

9. Истор. Госуд. Россійск. томъ IV. стр. 10. изд. 1833 г.

10. Histor. Polon. Lib. IV. p. 649.

11. На эту лѣтопись ссылается и Карамзинъ въ Ист. Госуд. Рос. Томъ V. примѣч. 220.

12. Церковь эта называлась Успенскою Богородицкою; она была

на Подолѣ на такъ называемой Гнилой улицѣ, тамъ гдѣ нынѣ колокольня Покровской церкви. Опис. Кіевософ. соб. стр. 106.

13. Cromer. Lib. XX.

14. Dzieje królewstwa Polskiego. Tom. II. 168.

15. Въ выпискѣ Лосицкаго сказано, что Кириллъ Терлецкій былъ двоеженецъ, не соблюдалъ монашескихъ постовъ, убилъ маляра Филиппа, велъ преступную жизнь съ женою брата своего, давалъ у себя пристанище ворамъ, приносившимъ къ нему краденое, поддѣлывалъ монету. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій во всемъ этомъ обличилъ его: но Кириллъ за то поссорилъ его съ однимъ знатнымъ вельможею.

16. Митрополитъ Евгеній полагаетъ, что это былъ Ипатій Поцѣй. См. Опис. Кіевософ. собора стр. 137.

17. Памятники Времен. Коммис. въ Кіевѣ 1845 г. Томъ 1. стр. 224. См. Совѣтъ о благочестіи.

18. Кіевлянинъ 1840 г. стран. 90.

19. Опис. Кіевософ. собора стр. 151.

20. Памятники Томъ III. стр. 1.

21. Тамже стр. 28 и 29.

22. Тамже стр. 40.

23. Тамже стр. 87.

24. Тамже стр. 60.

25. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 150.

26. Истор. Рос. Іерархіи. Част. III, стр. 538.

27. Тамже стр. 441.

28. Описан. Кіевософ. собора стр. 151.

29. Изъ пригласительнаго посланія короля Казиміра Іоанна на люблинскій сеймъ видно, что это братство было въ цвѣтущемъ состояніи и въ 1679 году. Памятн. томъ 1. стр. 201.

30. Тамже стр. 212.

31. Подъ этимъ листомъ подписались слѣдующія лица, искони принадлежавшія православной Церкви: Димитрій *Балобанъ;* Андрей изъ Баража *Воронецкій;* Александръ *Зубцевскій;* Іезекіиль *Курцевичъ,* архимандритъ трехтемировскій; іеромонахъ *Исаакій,* Григорій *Ушакъ-Куликовскій;* Константинъ *Хорошко;* Христофоръ *Еловицкій;* Филонъ *Еловицкій;* Иванъ *Марковскій;* Иванъ *Виговскій;* Александръ *Пузина;* Андрей

Пузина; Лаврентій *Древинскій*; Абрамъ *Грабовецкій*; Михаилъ *Гулевичъ-Воютинскій*; Христофоръ *Кольчицкій*; Юрій *Кульчицкій*; Павелъ *Выш-борскій*; Павелъ *Друцкій*; Ѳома *Гуляницкій*; Иванъ *Исайковскій*; Яковъ *Гулевичъ-Воютинскій*; Иванъ *Банковскій*; Николай *Нападовскій*; Александръ *Немьричъ*; Александръ *Волковскій*; Семенъ *Гулевичъ-Воютинскій*; Иванъ *Гулевичъ*; Ѳедоръ *Гулевичъ-Воютинскій*; Иванъ *Волковскій*; Григорій *Чернкъ*; Романъ *Гулевичъ*; Петръ *Гулевичъ*; Григорій *Баковецкій*; Михайло *Мышка-Холоневскій*; Григорій *Забокржицкій*; Адамъ *Свищовскій*; Петръ *Суринъ*; Павелъ *Щолгень*; Богданъ *Братковскій*; Андрей *Завадскій*; Григорій *Сенницкій*; Ѳедоръ *Кузмичъ*. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ подписались по польски и съ означеніемъ своихъ должностей. Также стр. 12.

32. Также стр. 13.
33. Также стр. 22.
34. Также стр. 28.
35. Также стр. 36.
36. Также стр. 123.
37. Также стр. 135.
38. Также стр. 149.
39. Также стр. 175.
40. Также стр. 178.
41. Также стр. 133.
42. Также стр. 139.
43. Триста злотыхъ. Также стр. 146.
44. Также стр. 204.
45. Истор. Росс. Іерарх. Част. IV. стр. 883.
46. Также. Часть III. стр. 440.
47. Pisma rozmaite Jana Śniadeckiego Tom. I str. 1—121.
48. Опис. Кіевософ. собора стр. 119.
49. Также.
50. Также стр. 161 и Лѣтопись Зубрицкаго стр. 54 и 68.

51. Онъ посвященъ въ митрополиты 1577 года. Польскіе историки пишутъ, что Илія Куча, не пробывъ и года, самъ отказался отъ митрополіи. Опис. Кіевософ. соб. стр. 119.

52. Памятн. Томъ II. стр. 291 и 292.

53. См. въ Опис. Кіевософ. соб. прибавл. № 14. стр. 65. собственное письмо М. Рагозы къ кіевскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому.

54. Опис. Кіевософ. собора стр. 127.

55. Тамже стр. 128.

56. Тамже стр. 145.

57. Тамже стр. 146.

58. Тамже стр. 150.

59. Въ Исторіи Русск. Церкви (Пер. Патр. стр. 104) *Карповичъ* названъ воспитанникомъ острожскихъ училищъ. На чемъ основано такое свѣдѣніе — неизвѣстно. Въ цитованной тамъ граматѣ короля Владислава нѣтъ на это ни малѣйшаго указанія. Напротивъ, іеродіаконство *Карповича* въ Кіево-печерской Лаврѣ скорѣй можетъ привести къ тому заключенію, что и мѣстомъ воспитанія его былъ Кіевъ.

60. Mnemosyne stanu, pracy i trudów Piotra Mohiły. Остались только двѣ проповѣди *Карповича:* на Преображеніе Господне, и на Успеніе Пресв. Богородицы. Оба эти поученія составляютъ цѣлую книгу въ пятдесятъ четвертныхъ листовъ. Словарь историч. Часть II. стр. 8.

61. Тамже стр. 7. Неизвѣстно, почему *Карповичъ* не упомянутъ въ спискѣ епископовъ владимірскихъ авторомъ Исторіи Росс. Іерархіи.

62. Памятникомъ этого служатъ 1) *Казанье на честномъ погребѣ блаженнаго мужа и превелебнаго отца Кир Елиссея* (Плетенецкаго) и 2) *Омилія* (слово) на годичное поминовеніе его. Омилія эта есть цѣлый ученый трактатъ, изъясняющій a) что воспоминаніе и молитвы объ усопшихъ установлены въ Церкви со временъ апостольскихъ; b) что такое годовое поминовеніе, третины, девятины и сорочины; и c) какія побужденія къ сокрушенію и умиленію о усопшихъ и къ памятованію смерти и суда.

63. Исторія Русск. Церкви. Періодъ патріарш. стр. 108. Примѣч. 182.

64. Словарь Историч. Часть I. стр. 187.

65. Преосв. Амвросій въ своей Исторіи Росс. іерарх. Томъ II. стр. 47, относитъ это къ 1617 году. Почему мы не принимаемъ этого мнѣнія, можно будетъ видѣть изъ послѣдующаго.

66. Въ исторіи Кіевской Академіи на стр. 29 сказано, что неизвѣстно, гдѣ обучался *Саковичъ*. Мы утверждаемъ, что онъ воспиты-

вался въ кіевскомъ училищѣ, во первыхъ на томъ основаніи, что, по свидѣтельству Мацѣіовскаго, онъ былъ первоначально домашнимъ учителемъ у Адама Кисѣля, почти постоянно проживавшаго въ Кіевѣ (См. Москвитянинъ за 1854 годъ № 2. Отдѣл. Смѣси стр. 199); во вторыхъ, что онъ написалъ вирши на смерть Сагайдачнаго, извѣстнаго благодѣтеля и покровителя кіевской школы. Опис. Кіевопеч. Лавры стр. 68.

67. Въ сочиненіяхъ *Транквилліона*, точно также какъ и въ другихъ книгахъ, печатанныхъ въ Кіевѣ и вообще въ малороссійскихъ типографіяхъ, найдено нѣчто сходное съ ученіемъ папистическимъ о пресуществленіи Евхаристіи. Споръ объ этомъ, особенно возбужденный Лихудами, произвелъ въ Москвѣ великое смущеніе. (См. Словарь историч. Част I. стр. 237—240). По этому-то случаю св. Димитрій Ростовскій написалъ тогда: »оставляя въ Москвѣ мудрствовать гречес»кихъ или греко-латинскихъ учителей, мы, якоже научихомся отъ отецъ »нашихъ, тако исповѣдуемъ«. Истор. Русск. Церкви Періодъ патріарш. стр. 140. Примѣч. 247.

68. Словарь историч. Часть I. стр. 335.

69. Исторія Малороссіи П. Маркевича Томъ I. стр. 151.

70. Тамже Томъ II. стр. 72 и 75.

71. Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Maciciowski Tom. III. 455.

72. Тамже.

73. Книга эта хранится въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

74. Каталогъ кіевскихъ митрополитовъ, напечат. въ Московскомъ Любопытномъ Мѣсяцословѣ на 1776 годъ.

75. Описаніе Кіевософ. собора стр. 154.

76. Такъ ограничивается это мѣсто въ записи Гулевичевой: »одною стороною къ улицѣ, которая ведетъ отъ рынка къ Днѣпру, мимо двора пана Василія Ходики Кременицкаго, кіевскаго скарбнаго (казначея); другою также къ улицѣ, которая ведетъ отъ рынка къ Днѣпру, мимо двора мѣщанъ кіевскихъ, Христофора Золотаря и Петра Нечая; третьею стороною со входу отъ рынка ко двору Соленика; а четвертою заднею стороною къ огорожѣ двора покойнаго Ѳедора Миткевича, бывшаго бургомистра кіевскаго«. Это есть то самое мѣсто, гдѣ нынѣ существуетъ Академія.

77. Памятник. Томъ II. стр. 1.

78. Церковь эта была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ новый академическій корпусъ. Исторія Кіевск. Академіи стр. 18.

79. Памятник. Том. II. стр. 36.

80. Въ этой подписи ученѣйшаго мужа того времени слышенъ намекъ на введеніе новаго календаря, называемаго Грегоріанскимъ, отринутаго православными еще при митрополитѣ кіевскомъ Онисифорѣ Дѣвочкѣ и запрещеннаго тремя увѣщательными граматами константинопольскаго патріарха. Опис. Кіевософ. собора стр. 121.

81. *Камень воску* — двадцать четыре фунта.

82. Памятник. Томъ II. стр. 42.

83. Тамже стр. 54 и 55.

84. Тамже стр. 58.

85. Тамже стр. 59.

86. Тамже.

87. Тамже стр. 61.

88. Тамже.

89. Тамже стр. 62.

90. Тамже стр. 63.

91. Тамже стр. 67.

92. Тамже стр. 68.

93. Тамже Том. III. стр. 7.

94. Тамже.

95. Тамже.

96. Тамже Том. II. стр. 71.

97. Тамже Томъ III. стр. 11.

98. Тамже.

99. Тамже Томъ I. стр. 74.

100. Тамже стр. 76.

101. Тамже стр. 78.

102. Тамже стр. 116.

103. Тамже стр. 83 и 94.

104. Вѣроятно, дидаскала: но опиской или опечаткой этого принять нельзя, потому что слово *даскалъ* упоминается не одинъ разъ.

105. *Пентархомъ* назывался кассиръ, который собиралъ сумму отъ бѣдныхъ учениковъ, поступавшихъ въ школу; названіе это произошло отъ словъ: *πένης*, бѣдный и *ἄρχων* начальникъ.

106. Памятник. Том. I. стр. 103.

107. Тамже стр. 114.

108. Тамже стр. 85.

109. Тамже стр. 115.

110. Тамже стр. 106.

111. Истор. Кіевск. Акад. стр. 129.

112. Бопланъ, состоявшій на службѣ королей польскихъ Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра, въ своемъ описаніи Кіева говоритъ, что подъ горою на Подолѣ, между бернардинскимъ монастыремъ и рѣкою, до 1646 года стоялъ костелъ іезуитскій, училище котораго было подъ горою Уздыхальницею, пониже нынѣшней Андреевской церкви. См. Опис. Кіевософ. собора стр. 179.

113. Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ поступокъ іезуитовъ Петръ Могила въ своихъ запискахъ.

114. Опис. Кіевософ. собора стр. 154.

115. Памятники Томъ II. стр. 51.

116. Тамже стр. 65.

117. Подъ симъ названіемъ, конечно, разумѣются низшія, приготовительныя школы. Опис. Кіевософ. собора стр. 155.

118. Описаніе этого креста можно видѣть въ Воскресномъ Чтеніи на 1840—41 годъ.

119. Памятникъ Томъ II. стр. 74.

120. Въ концѣ Уніса кіевскаго братства отъ 1616 по 1631 годъ сказано: »и прочіихъ въ братство безчисленныхъ вписавшихся«. Тамже стр. 48.

121. Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго называется Werificacya niewinności, а книга Іова Justificacya niewinności.

122. Исторія Малороссіи П. Маркевича Томъ I. стр. 114. Кромѣ попеченій и заботъ объ устройствѣ Кіевобратскаго училища, Сагайдачный въ завѣщаніи своемъ, 1622 года, отказалъ на луцкую школу 250 талеровъ. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 69. *Битый* талеръ стоилъ 91 грошъ, а такъ называемый талеръ *левковый* 81 грошъ.

123. Исторія объ Уніи. Соч. Бантышъ-Каменскаго стр. 77.

124. Къ сожалѣнію, могила Сагайдачнаго остается непзвѣстною. Вѣроятно, онъ былъ похороненъ близъ созданной имъ деревянной цер-

кви Богоявленія Господня: но когда строилась нынѣшняя каменная, то могила его вошла въ средину храма.

125. Козаки утопили въ Днѣпрѣ Выдубицкаго игумена Антонія Грековича, бывшаго генеральнымъ намѣстникомъ въ Кіевѣ и шпіономъ уніатскаго митрополита Велямина Рутскаго.

126. Описаніе Кіевософ. собора стр. 160.

127. Сочиненія Смотрицкаго, кромѣ его граматики, относятся къ тремъ разнымъ эпохамъ; въ однѣхъ онъ является ревностнымъ защитникомъ восточной Церкви; въ другихъ хитрецомъ, желающимъ скрыть свое отступничество, а въ остальныхъ открытымъ противникомъ вѣры истинной. Къ *первому* разряду принадлежатъ a) *Θρῆνος*. to iest lament jedyney i Powszechney Apostolskiej Wschodniey Cerkwi, z obiaśnieniem Dogmat wiary. Wilno. 1610 (*Θρῆνος*, то есть плачъ единой Вселенской Апостольской Восточной Церкви, съ объясненіемъ догматовъ Вѣры); b) Werificacya niewinności y omylnych po wszystkiey Litwie y Białey Rusi rozsianych żywot uczciwe cnego narodu Ruskiego o upad przyprawić zrądzonych Nowin chrześciańskie uprzątnienie (оправданіе невинности и христіанское опроверженіе мнѣній, разсѣянныхъ по всей Литвѣ и Бѣлоруссіи съ цѣлію унизить бытъ и честность добраго русскаго народа); c) Obrona Werificaciey (Защита Оправданія) 1621 г.; d) Appendix na Examen Obrony Werificaciey (Прибавленіе къ разбору Защиты Оправданія) и e) Elenchus piśm uszczypliwych, 1628 г. (Обличеніе ѣдкихъ сочиненій). Ко *второму* разряду относятся a) Apologia peregrinaciey do kraiow wschodnich 1618 г. (Оправданіе путешествія по землямъ восточнымъ); b) Consideratiae abo uważania szeżciu różnic mędzy cerkwią wschodnią y zachodnią, strony wiary zasłych (Разсмотрѣніе или разборъ шести отличій, произшедшихъ въ религіозномъ отношеніи между восточною и западною церквами. 1629 г.); c) Listy do oyca Boreckiego i innych (Письма къ отцу Борецкому и къ другимъ 1628 г.); d) Protestatia przeciw Soborowi w tym roku 1628 we dni Augusta miesiąca w Kiiowie monasteru Pieczerskim obchodzonemu, uczyniona przez ukrzywdzonego na nim (Протестъ противъ Собора, состоявшагося въ августѣ мѣсяцѣ сего 1628 года въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, написанный оскорбленной имъ особой. Къ *третьему* разряду принадлежитъ одно сочиненіе, въ которомъ Смотрицкій выступилъ противъ прежнихъ своихъ единовѣрцевъ со всею яростію и повторилъ все, что только высказалъ прежде, только съ большимъ уже ослѣпленіемъ страсти. Оно

называется Exenthesis albo expostulatia to iest rosprawa między Apologią i Antidotem o ustanek błędów heresyi y kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y klerykow uczyniona do oboicy strony narodu ruskiego. 1629. (Разсужденіе или показаніе остальныхъ заблужденій, ереси и клеветъ Зизаніевыхъ, Филалетовыхъ, Ортологовыхъ и Клериковыхъ, составленное для обѣихъ сторонъ народа русскаго).

128. Важное въ этомъ отношеніи свидѣтельство находимъ въ современной брошюрѣ Рутскаго, подъ заглавіемъ: Sowita wina (Сугубая вина), гдѣ пишется: »о Смотрицкомъ многое знаю и кое-что скажу, »остальное сохранивъ въ тайнѣ. Онъ долго сносился съ нашими (уні»атскими) начальниками, при чемъ свидѣтелями были и нѣкоторые свѣт»скіе люди; обѣщался и самъ перейти къ намъ и наству свою тоже при»вести къ согласію съ нами«.

129. Въ описаніи отступничества Мелетія Смотрицкаго здѣсь есть значительная разность съ тѣмъ, что говоритъ объ этомъ митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ Томъ II. стр. 48 и въ Описаніи Кіевософ. собора стр. 161: но мы въ этомъ случаѣ предпочитаемъ держаться позднѣйшихъ разысканій, сдѣланныхъ г. Мацѣіовскимъ и основанныхъ на вѣрнѣйшихъ документахъ.

130. Москвитянинъ за 1854 годъ. Отд. Смѣси стр. 199.

131. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 68.

132. Описаніе Кіевософ. собора стр. 159.

133. Исторія Малороссіи Томъ I. стр. 122 и 125.

134. Памятники Томъ II. стр. 91.

135. Сочиненіе это называется *Λίθος* albo Kamien z pracy prawdy Cerkwie swętey prawosławnéy ruskiey. Изд. въ Кіевопеч. Лаврѣ. 1644 г. Оно имѣется въ печати и на русскомъ языкѣ. (Опис. рукописей графа Толстаго I. 323). Мацѣіовскій утверждаетъ, что авторъ этого сочиненія былъ нѣкто Евсевій Пименъ, православный іерей (Москвитян. 1854 г. № 20 въ отдѣл. Смѣси стр. 193) а митрополитъ Евгеній говоритъ, что оно написано Петромъ Могилой, избравшимъ себѣ такой псевдонимъ. (Словарь историч. Часть II. стр. 164). Кажется, что Мацѣіовскій тутъ не совсѣмъ правъ: сдѣлавъ вѣрное заключеніе по духу самаго сочиненія объ авторѣ, какъ о лицѣ православномъ и принадлежащемъ къ чину духовному, онъ ошибочно принялъ имена нарицательное и прилагательное за собственоличныя; отъ того у него изъ словъ: *εὐσεβὴς*

ποίμην, означающихъ *благочестивый пастырь*, вышелъ Евсевій Пимининъ. По этому мы за лучшее считаемъ въ этомъ случаѣ держаться мнѣнія митрополита Евгенія.

136. А тотъ дворъ лежитъ въ Кіевѣ подъ горою в Скольникахъ противъ церкви Рождества Христова. Памятн. Томъ II. стр. 292.

137. Тамже стр. 293.

138. Описаніе Кіевософ. собора стр. 165.

139. Исаія Кунинскій управлялъ училищемъ всего одинъ годъ.

140. Словарь Историч. Ч. II. стр. 205.

141. Надпись эта составлена по польски; здѣсь представляется она сполна:

W księgi sławy wieczystey drukarzie drukuycie,
Żałobnę epigraphę Tarasemu kuycie;
Żyli wy nim, gdy on żył, godna rzecz on wami,
Zmarły by żył z godnemi swoimi sprawami,
Księgi, ktory was obmioł z smieciska wnętrznego,
Przywrócił do ozdoby y szczęscia pierwszego:
Pozyteczne y z tymi bądzcie Tarasemu,
Ktorzy was dziś wartuie k pożytkowi swemu:
Mówcie: niech pozdrowiona ta będzie mogiła,
Która tak zacną w sobie osobę zakryła.

См. также Кіевлянинъ на 1840 г. стр. 159.

142. Авторъ Исторіи Русской Церкви (Періодъ патріарш. стр. 110) отдавъ справедливость Копыстенскому, Галятовскому и нѣкоторымъ другимъ, по его мнѣнію, большею частію воспитанникамъ не кіевскаго а другихъ училищъ, говоритъ: »далеко бѣднѣе этихъ даровитыхъ воспи»танниковъ той же кіевской школы: Тарасій Земка, Иннокентій Гизель«. Позволяемъ себѣ вѣрить въ этомъ случаѣ больше Петру Могилѣ, избравшему ихъ для посылки за границу, какъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ, и потомъ, какъ »старшихъ изъ ученыхъ« опредѣлившему ихъ на почетное мѣсто проповѣдниковъ Лавры и за тѣмъ ректорами училища. Наконецъ и отзывы митрополита Евгенія намъ кажутся стоющими большей довѣренности.

143. Авторъ Исторіи Русской Церкви (тамже стр. 106 примѣч. 178) говоритъ, что Трофимовичъ и Коссовъ въ 1631 году вызваны были Петромъ Могилою изъ львовскаго братства въ кіевское. На чемъ ос-

новано такое показаніе, — неизвѣстно, по крайней мѣрѣ, въ цитованной авторомъ записи, находящейся въ примѣч. къ описанію Кіевософ. собора отъ стр. 15 до 31 нѣтъ ни малѣйшаго на то намека. Всѣ поименованныя лица посыланы были за границу Петромъ Могилою еще до полученія имъ сана кіевопечерскаго архимандрита, значитъ до 1631 года. Митрополитъ Евгеній ясно говоритъ (Опис. Кіевософ. собора стр. 172) что Могила »избравъ съ согласія всего кіевскаго духовенства нѣсколько »молодыхъ монаховъ и бѣльцовъ, отправилъ въ *разныя* иностранныя »училища, для обученія словеснымъ и высшимъ наукамъ«. А гдѣ онъ могъ найти достаточно приготовленныхъ къ тому? Конечно, въ какомъ либо училищѣ, и всего вѣрнѣе—въ Кіевобратскомъ: ибо ему не за чѣмъ было обращаться въ другія, когда свое было тутъ же. Кромѣ того, извѣстно, что въ львовскомъ училищѣ кончилъ свое воспитаніе только одинъ изъ посланныхъ Могилою, именно Иннокентій Гизель, а прочіе, какъ собственно русскіе уроженцы, ѣздили далѣе за границу. Словарь историч. Часть I. стр. 198.

144. Памятник. Томъ II. стр. 17. Впрочемъ это не было непремѣннымъ закономъ, какъ это видно изъ актовъ, данныхъ въ послѣдствіи Петру Могилѣ, въ коихъ между прочимъ сказано, что преемникомъ ему, по управленію училищемъ, можетъ быть избираемъ и изъ »свѣцкаго стану и кондиціи«. Тамже стр. 111.

145. Тамже стр. 13.

146. Отъ глагола *σπεύδαιω*, studeo: учусь; отсюда *студенты*.

147. Исторія Малорос. Част. I. стр. 131.

148. Полное заглавіе сочиненія Исаіи Купинскаго слѣдующее: »Лѣствица духовнаго по Бозѣ иноческаго жительства, содержащая въ »себѣ тридцать три главы, тридцать три степени, трудолюбнѣ состав»лена въ пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ постниче»скому жительству«. Есть и другое его сочиненіе называемое *Алфавитъ духовный*. Словарь историч. Часть I. стр. 212.

149. Мацѣіовскій говоритъ, что Петръ Могила былъ сынъ Валашскаго воеводы Іеремія Москвитянинъ 1854 г. № 20 въ Смѣси стр. 196.

150. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 24.

151. Описаніе Кіевософ. собора стр. 166.

152. Тамже стр. 172.

153. Москвитянинъ тамже стр. 196.

154. *Стефанъ Зизаній*, братъ извѣстнаго Лаврентія Зизанія, написалъ: »Изложеніе о православной вѣрѣ короткимъ пытаньемъ и отповѣданьемъ для латвейшаго (удобнѣйшаго) выразумѣня христіанскимъ дѣтямъ«. См. о немъ Словарь историч. Часть II. стр. 3.

155. Этимъ *ортологомъ* былъ самъ же Смотрицкій, писавшій нѣкогда подъ этимъ псевдонимомъ. На одномъ польскомъ экземплярѣ Смотрицкаго сочиненія *Θρῆνος*, находящемся въ библіотекѣ львовскаго университета, при имени автора Theophil. Ortholog. написано: verum nomen: Meletius Smotrickі. Библіограф. Іохера Томъ III. стр. 554.

156. Памятник. Томъ II. стр. 93 и далѣе.

157. Объ этомъ упомянуто и въ актѣ Кіево-Богоявленскаго Братства. Также стр. 103.

158. Не далѣе, какъ въ прошедшемъ столѣтіи, все пространство отъ Кіево-Подола до Лавры было покрыто густымъ лѣсомъ, изъ остатковъ котораго образовался нынѣ Царскій садъ; а Липки и теперь помнятъ старожилы, какъ непроходимую чащу.

159. И объ этомъ есть намекъ также.

160. Что они входили сначала съ словеснымъ представленіемъ, это видно изъ самаго акта, въ послѣдствіи ими даннаго.

161. На что намекали здѣсь актодатели — не совсѣмъ понятно. Вѣрнѣе всего, на ставропигію, какъ неприкосновенную собственность Братской Богоявленской церкви. См. граматы патріарха Θеофана Памятн. Томъ II.

162. Памятник. Томъ II. стр. 100—112.

163. Подъ сею граматою подписался собственноручно Исаія Куликскій митрополитомъ. Замѣчаемъ это для того, что нѣкоторые утверждаютъ, и между прочими преосвящ. Евгеній (Опис. Кіевософ. собора стр. 171) что Куликскій не былъ митрополитомъ. Этимъ они хотятъ оправдать поступокъ Петра Могилы, который и безъ того не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

164. Памятники. Томъ II. стр. 113.

165. Также стр. 141.

166. Въ Исторіи Кіевской Академіи акты эти названы просительными листами стр. 37.

167. Памятник. Томъ II. стр. 145.

168. Также стр. 40.

169. Тамъ гдѣ нынѣ монастырская трапеза. См. Описаніе Кіевософ. собора стр. 173.

170. Она стояла рядомъ съ церковію св. Анны на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ новый академическій корпусъ. Тамже.

171. Ostrowski. Dzieje i prawa Kościoła Polskiego Tom. III. 466.

172. Описаніе Кіевософ. собора стр. 168—170.

173. Къ Братству Луцкому Могила писалъ пригласительную грамату, утверждая свое избраніе королевскою привиллегіей и волею патріарха константинопольскаго. Памятн. Томъ I. стр. 135.

174. Тамже стр. 137.

175. Впрочемъ въ граматѣ Владислава IV, данной по сему случаю Петру Могилѣ, сказано только: szkoły, seminaria, drukarnie, których oni byli in possessione, ztwerdzamy.

176. Ostrowski. ibidem. Tom. III. 485.

177. Описаніе Кіевософ. собора стр. 171.

178. Русская Истор. Устрялова Часть I. стр. 292 изд. 1849 г.

179 Описаніе Кіевософ. собора стр. 35.

180. Этотъ поступокъ Петра Могилы нимало не нарушалъ права ставропигіи, даннаго патріархомъ Θеофаномъ: ибо ставропигія принадлежала не монастырю, а только церкви, существовавшей въ то время.

181. Она была деревянная, двухъэтажная. См. Прибавл. къ описанію Кіевософ. собора стр. 213.

182. »Которое лежитъ, какъ сказано въ записи, противъ церкви Добраго Николы«. Памятник. Томъ II. стр. 293.

183. Тамже стр. 294.

184. Книжка эта называется такъ: Exegesis, to iest, Danie sprawy o szkołach Kiiowskich y Winnickych, w których uczą zakonnicy Religiey Greckiey, przez Wielebn. Oyca Sylwestra Kossowa, Elekta, episkopa Mscisławskiego, Mohilowskiego, przed wiekiem teraznieyszym w tychże szkołach przez trzy lata Professora napisane съ девизомъ изъ псалма CXVII: Libera me a calumniis hominum, ut custodiam mandata tua. Drukow. w Ławrze Pieczarskiey R. P. 1653.

185. Никольскій монастырь Доминикановъ послѣ переименованъ въ Петропавловскій. Это нынѣшняя Петропавловская церковь, при которой состоитъ и Духовная Семинарія.

186. Chodykiewicz in Commentario de rebus gestis in provincia Russiae ordinis Praedicatorum pag. 142, 143.

187. Древняя Крестовоздвиженская церковь стояла на площадкѣ, между нынѣшними Андреевской и Десятинной церквами и мѣстомъ, гдѣ домъ Апшенкова. См. Чертежъ Стараго Кіева, прилож. къ Кіевлянину за 1840 годъ.

188. Памятник. Том. II. стр. 144.

189. Король Владиславъ IV издавалъ четыре раза конституціонныя граматы въ защиту православныхъ: въ 1635, 1638, 1641 и 1647 годахъ. См. Опис. Кіевософ. собора стр. 178.

190. Ciekawe opisanie Ukrainy Polskiey i rzeki Dniepru od Kiowa aż do mieysca, gdzie rzeka ta wrzuca się w morze, przez P. Beauplan, Indzyniera w służbie Królow Polskich Żygm. III. Wład. IV. Jana Kazimierza.

191. Рукописный подлинникъ этого руководства хранится донынѣ въ бібліотекѣ Кіевософійскаго собора. Вотъ настоящее его оглавленіе: Liber artis Poëticae, anno Domini 1637. Capita: I) De origine, dignitate et nomine poëtarum. II) Quae materiae poëtae, et quomodo dividitur poëma. III) De aepopaeia et ejus partibus. IV) De comedia et trahicomedia. V) De tragedia. VI) De bucolica et elegiaca poësi. VII) De linea poësi VIII) De jambea et satirica poësi. IX) De epigrammate ejusque speciebus, nempe a) emblemmate, b) symbolis c) aenigmate d) logogriphis e) echone f) anagramatismo g) epitaphio, epicaedio, naenia h) colosso, pyramide, inscriptione vexillorum obelisco.

192. Отъ этого не свободны самые знаменитые наши проповѣдники и богословы, получившіе воспитаніе въ древней кіевской коллегіи. Такъ напримѣръ Сильвестръ Коссовъ на 10 страницѣ своего Патерика (1635 г.) желая возвеличить Кіевъ, говоритъ: mów Stentorea voce: Kiovia nostra coelum est, и вслѣдъ за тѣмъ пускается въ объясненія, сравнивая Печерскихъ угодниковъ съ Сатурномъ, Юпитеромъ, Марсомъ и проч.

193. Всѣ руководства по части реторики принадлежатъ эпохѣ послѣ-могилинской: но это нисколько не мѣшаетъ признать ихъ ближайшими, по характеру, къ тѣмъ, которыми пользовались воспитанники Могилы. Такимъ образомъ древнѣйшее изъ уцѣлѣвшихъ носитъ слѣдующее названіе: Subsidium Rhetoricum, variis refertum notatis, Roxolano Rhetori ad rostra Kiiovo-Mohilana oblatum, anno in subsidium generi humano oblati Oratoris Dei 1670. Руководство это состоитъ изъ трехъ частей: въ первой говорится о изобрѣтеніи (de inventione), во второй о расположеніи (de

dispositione) въ третьей о изложеніи (de elocutione). »Двѣ остальныя обыкновенныя части реторикъ, о памяти (de memoria) и о произношеніи (de pronunciatione) мы, говоритъ авторъ, оставляемъ, потому что память и произношеніе зависятъ болѣе отъ природы, чѣмъ отъ искуства«. Учебникъ этотъ наполненъ примѣрами, большею частію на латинскомъ, и нидѣ на польскомъ языкахъ —Второй, по времени, учебникъ озаглавливается такъ: Penuarium Tullianae Eloquentiae, ad usus politicos Roxolanae iuventuti in Collegio Kiiovo-Mohilano a reverendo Patre et Professore Rhetorices Ioasaph Krokowsky accommodatum, anno status humani restavrati 1683. Онъ раздѣляется на три части; въ первой предлагаются нѣкоторыя правила объ изреченіи; во второй показывается, какъ сочинять похвальныя рѣчи, а въ послѣдней, какъ располагаются всякаго рода сочиненія. Реторика эта, вся написанная на языкѣ латинскомъ, содержитъ въ себѣ множество примѣровъ и между прочимъ благодарственныхъ и похвальныхъ рѣчей Петру Могилѣ. Третье руководство называется: Rhetor Roxolanus ad mentem suae patriae eruditus, nobili iuventuti in Collegio Kiioviensi ad usum productus per fratrem Ioannicium Volanski anno 1683. Въ этомъ руководствѣ только двѣ части, въ которыхъ совмѣщено тоже, что и въ прежнихъ учебникахъ. См. Исторію Кіевск. Академіи стр. 63 и д.

194. Одинъ изъ такихъ учебниковъ, относящійся впрочемъ къ 1692 году, озаглавливается такъ: Tractatus praeternumerarius, hoc est, promptuarium Dialecticum, referens elementa Logices, resolutus in Collegio Kiiovo-Mohilcano. 1692.

195. Памятник. Томъ I. стр. 248.

196. Что науки эти были преподаваемы въ древней коллегіи, это видно изъ печатной оды, поднесенной въ день Воскресенія Христова 1632 года Петру Могилѣ учениками Лаврской школы, по соединеніи ея съ Богоявленскимъ училищемъ. Эта ода озаглавлена такъ: »Геликонъ, то есть, »садъ умѣетности (просвѣщенія) осмь кореній вызволеныхъ (свободныхъ) »наукъ въ себѣ маючій, презъ пречестнѣйшаго его милости господина »отца Киръ Петра Могилу въ Россіи новофундованый и проч. За тѣмъ изчисляются эти коренія: »корень умѣетности першій — граматика, вто»рый реторика, третій діалектика; четвертый—ариѳметика; пятый—му»зыка; шестый—геометрія; седьмый—астрономія, восьмый корень и верхъ »всѣхъ наукъ умѣетности—ѳеологія«.

197. Исторія Уніи Б. Каменскаго стр. 69.

198. Въ Кіевософійской библіотекѣ находится учебникъ, по богословію, относящійся ко времени Петра Могилы. Онъ составленъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ порядкѣ, по руководству Ѳомы Аквината, и былъ прочитанъ между 1642 и 46 годами.

199. Памятник. Томъ II. стр. 190.

200. Отмѣтки эти бывали слѣдующія: *s.* то есть scit — знаетъ; *ns* — nescit — не знаетъ; *er* — errabat — ошибался; *nt* — non totam, не весь урокъ; *pns* — prorsus nescit, вовсе не знаетъ; *nr* — non recitabat, не сдавалъ урока.

201. Учитель подписывалъ сверхъ этого на оккупаціи одобреніе или неодобреніе на языкѣ латинскомъ. Общеупотребительныя для этого слова были: bene, optime, elegantissime, или напротивъ: non male, male, pessime и проч.

202. Памятник. Томъ I. стр. 115.

203. См. предисловіе къ граматикѣ Зизанія. Словарь Истор. Част. II. стр. 2, а также Учебная книга Росс. Словесн. Греча Том. IV. стр. 648.

204. Что Смотрицкій былъ въ кіевской школѣ учителемъ, объ этомъ сказано въ Апологіи Коссова, хоть и неопредѣлено. Впрочемъ навѣрное можно положить, что время учительства Мелетія Смотрицкаго относится къ концу перваго десятилѣтія XVII вѣка: ибо въ 1615 году онъ жилъ въ Виленскомъ манастырѣ, а въ 1620 былъ уже архіепископомъ полоцкимъ.

205. Таково прибавленіе не бывалаго дотолѣ *предложнаго* падежа; установленіе двухъ глагольныхъ спряженій, основанныхъ на окончаніи втораго лица настоящаго времени изъявительнаго наклоненія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдовалъ Смотрицкому и Ломоносовъ, не измѣнилъ и Соколовъ, удержался частію и Востоковъ; за то Гречъ, увлеченный страстію къ преобразованію, совершенно спуталъ и затемнилъ эту важнѣйшую часть граматики.

206. Онъ приложенъ къ граматикѣ его, изданной въ Вильнѣ 1596 года.

207. Описаніе книгъ графа Толстаго № 60.

208. Авторъ Исторіи Русской Церкви (періодъ патріарш. стр. 106), утверждаетъ, что Памва Берында образовался во Львовѣ, какъ это показываютъ его собственныя слова: »пребывая иногда въ дому пресвѣт-

»ломъ благочестиваго пана Ѳеодора Болобана« и проч. (Строева опис. книгъ, издан. М. 1841 г. стр. 16); а митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ историческомъ (часть II стр. 150) пишетъ, что Берында постриженъ въ монашество въ Іерусалимѣ, гдѣ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ должностяхъ, что онъ пріѣхалъ оттуда въ Кіевъ въ началѣ XVII вѣка и опредѣленъ надзирателемъ въ лаврскую типографію. Митрополитъ Евгеній не говоритъ здѣсь ни слова о мѣстѣ воспитанія Берынды. Всего вѣроятнѣе, что Берында школьнымъ образомъ не воспитывался ни въ Кіевѣ ни въ Львовѣ. Онъ прибылъ въ Россію, конечно, уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ поступить въ первоначальныя школы, ибо, какъ замѣчаетъ Евгеній, Берында, достигнувъ сана іеросхимонашескаго (на что, конечно, требуется время), провелъ въ Іерусалимѣ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ должностяхъ; а что онъ »пребывалъ иногда въ дому Болобана«, то изъ этого отнюдъ не слѣдуетъ, что Берында и воспитывался во львовскомъ училищѣ. На пути къ Кіеву онъ останавливался во Львовѣ, былъ принятъ благочестивымъ и просвѣщеннымъ защитникомъ православія, какъ странникъ, и притомъ человѣкъ образованный, — вотъ и все, что можно вывести изъ собственнаго показанія Берынды. Да и нечему учиться ему было ни въ кіевскихъ, ни въ львовскихъ тогдашнихъ школахъ. Онъ и безъ того былъ высоко образованъ, ибо тотчасъ же по опредѣленіи своемъ въ Печерскую Лавру получилъ въ управленіе типографію — постъ, довольно важный по тому времени. Составленный имъ Словарь показываетъ, что Берында изучалъ языкъ русскій не за школьной скамьей, а дома, въ своей кельѣ надъ книгами свящ. Писанія и существовавшихъ тогда переводовъ отеческихъ твореній, да еще тамъ, гдѣ слышалось живое слово, простая молвь, обогатившая синонимическими выраженіями его лексиконъ.

209. Памятник. Томъ II. стр. 190.

210. Это самое подтверждено и граматою Петра Великаго, данною 1701 года 26 сентября. См. Памятник. Томъ II. стр. 330, 331.

211. Отъ глаголовъ caleo, calesco: *горячу* и facio *дѣлаю*. Впрочемъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, названіе калефакторовъ присвояемо было и надзирателямъ въ болѣе облагороженномъ смыслѣ.

212. .... które oddałem na Congregacią studentów Collegium mego. Памятник. Томъ II. стр. 166.

213. Лѣтописи Зубрицкаго стр. 81.

214. Исторія Малороссіи Маркевича. Часть I. стр. 156.

215. Тамже стр. 162.

216. Завѣщаніе это скрѣплено собственноручными подписями: самаго Петра Могилы, Адама Кисѣля, каштеляна кіевскаго; печатниковъ: Андрея Солтана, Андрея Ставицкаго, Даніила Голубя и Мелетія Красносельскаго; Василія Дворецкаго, полковника войска Запорожскаго, Филарета Губиневича, уставника печерскаго; Ананіи Куликовскаго, эконома Лавры; Ѳеодосія Оранскаго, соборнаго старца. Подъ этимъ завѣщаніемъ въ послѣдствіи подписался гетманъ Юрій Хмѣльницкій слѣдующимъ образомъ: »не уймуючи того права съ подписомъ рукъ и съ печатьми ихъ »милостей положенныхъ, еще ствержаю власною рукою Юрій Хмель»ницкій гетманъ войска Его Царскаго Величества Запорожскаго«. Душеприкащиками своими Могила назначилъ слѣдующихъ лицъ, издревле принадлежавшихъ къ православію: Александра Огинскаго, воеводу Минскаго; Адама Кисѣля, каштеляна кіевскаго; Богдана Стеткевича, каштеляна новгородскаго; другаго Огинскаго, бывшаго хорунжимъ великаго княжества Литовскаго; Ѳедора Проскуру-Сущанскаго, кіевскаго земскаго писаря, князя Николая Четвертинскаго и четырехъ другихъ лицъ, подписавшихъ только имена свои безъ прозванія. См. Памятник. Томъ II. стр. 149—181.

217. Превосходный примѣръ для всѣхъ нашихъ духовныхъ училищъ! Каждое изъ нихъ имѣетъ основателемъ своимъ какого либо архипастыря; каждому посылалъ Богъ благотворителей; въ каждомъ есть наставники, которымъ свыше суждено было in cathedra mori: чѣмъ же отблагодарить этихъ людей, какъ не молитвой о упокоеніи ихъ въ царствіи небесномъ? Пусть бы потомки стали предъ престоломъ Божіимъ съ возглашеніемъ вѣчной памяти тѣмъ, которые учили и питали отцовъ и дѣдовъ ихъ. День кончины іерарха, основателя училища, долженъ быть днемъ совокупнаго моленія воспитанниковъ о всѣхъ усопшихъ пастыряхъ, благодѣтеляхъ и наставникахъ училища. Тогда живые будутъ подвизаться еще съ большимъ рвеніемъ въ той отрадной увѣренности, что имена ихъ, какъ труженниковъ просвѣщенія, передадутся дальнему потомству, и молитвы Церкви, которой они были истинными служителями, не умолкнутъ о нихъ до конца вѣка. Какъ желательно, чтобъ мысль эта осуществилась самымъ дѣломъ во всѣхъ духовныхъ училищахъ православной Россіи!...

218. Впрочемъ Іерличъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсказахъ представляетъ Могилу въ самомъ мрачномъ видѣ: но показанія его больше походятъ на клеветы, невѣроятны по своей крайней нелѣпости и не стоютъ никакого опроверженія.

219. См. примѣч. 215.

220. Памятник. Томъ II. стр. 153.

221. См. Труды Высочайше утвержд. Вольнаго Общества Любителей Русской Словесности. Часть VII стр. 117.

222. Словарь Историч. Часть II. стр. 159 и 160. Описаніе Кіевософ. собора стр. 175 и 176.

223. Описаніе Кіевософ. собора стр. 172.

224. Изъ проповѣдей *Оксеновича* уцѣлѣла только одна: »Казане »погрѣбовое надъ тѣломъ ясне освѣчоного князя Иліи Святополка на »четвертнѣ Четвертенскаго, ротмистра войска Кварцяного, Его Коро»левской милости презъ велебнаго господина отца и игумена монастыря »Братскаго, отправованное въ Тишоновче 1641 года«.

225. Митрополитъ Евгеній (Описаніе Кіевософ. собора прим. стр. 226) пишетъ, что *Оксеновичъ* опредѣленъ ректоромъ коллегіи 13 мая 1642 года и въ томъ же году переведенъ въ Выдубицкій монастырь. Это ошибка. *Оксеновичъ* принялъ ректорство въ 1640 году, ибо въ эту пору (7 іюня 1640 г.) на имя его, какъ игумена Кіево-Богоявленскаго, послѣдовала грамата короля Владислава IV. (Памятник. Томъ II. стр. 144). И опять въ вышеприведенной проповѣди своей, относящейся къ 1641 году, онъ ясно названъ Братскимъ игуменомъ, а извѣстно, что игумены эти были вмѣстѣ съ тѣмъ и ректорами коллегіи.

226. Сказаніе патріарха Нектарія, напечат. при книгѣ: »православное исповѣданіе вѣры«.

227. У митрополита Евгенія (Описаніе Кіевософ. собора стр. 226) сказано, что *Кононовичъ* ректорствовалъ съ 1643 по 1648 годъ. И это ошибка. Промежутка между ректорствомъ Оксеновича и Кононовича не могло быть такого значительнаго, и еще при самомъ Могилѣ; а что онъ въ 1647 и 48 году не былъ ректоромъ, это видно изъ самаго завѣщанія Могилина, въ которомъ ректоромъ названъ Иннокентій Гизель. См. Памятник. Томъ II. стр. 176.

228. Сочиненія св. Димитрія Ростовскаго. Ч. III. стр. 580,581,599.

229. Тамже стран. 578.

230. На счетъ времени кончины Иннокентія Гизеля есть значительное разногласіе. Въ надгробіи его ясно сказано: »здѣ опочиваетъ »яснепревелебный господинъ отецъ Иннокентій Гизель, трудолюбивый и »благоразумной, правленіе свое чрезъ двадесять семь лѣтъ и полчварта »мѣсяца, въ сей обители святой печерской имѣвшій архимандритъ, къ »вѣчнымъ же обителемъ преставившійся року 1683 мѣсяца ноемврія 18 »дня«. Соображая даже время служенія его, означенное въ семъ надгробіи, выходитъ, что показаніе кончины Гизеля тутъ вѣрно. Между тѣмъ митрополитъ Евгеній въ Описаніи Кіевософ. собора стр. 227 и въ своемъ Словарѣ Историч. Часть I. стр. 198, а также и Амвросій въ Исторіи Росс. Іерархіи Часть II. стр. 49 относятъ кончину его къ 24 февраля 1684 года. Конечно, въ основаніе этого они взяли то, что св. Димитрій Ростовскій 24 февраля 1685 года сочинилъ и говорилъ на годичное поминовеніе Гизеля похвальное ему слово: но оно было сказано въ годъ *по погребеніи*, а не по кончинѣ, не по упокоеніи его. (Соч. св. Димитрія Часть III. стр. 574). Ничего нѣтъ мудренаго, что и этого знаменитаго человѣка отпѣвали окончательно также точно, какъ и Петра Могилу, съ торжественнымъ и полнымъ собраніемъ игуменовъ и архимандритовъ окрестныхъ монастырей, слишкомъ черезъ три мѣсяца. Точно въ такой же срокъ похороненъ и Могила, и однакожъ это не помѣшало автору Словаря отнести кончину его къ 31 декабря. На основаніи всего этого мы признаемъ надгробное означеніе времени смерти Иннокентія Гизеля болѣе правильнымъ.

231. Словарь Историч. Часть I. стр. 198.

232. Гизелю приписывается также: *Наука о тайнѣ св. покаянія, сирѣчь о правдивой и сакраментальной исповѣди* и *Истинная Вѣра* (Prawdziwa Wiara), написанная противъ іезуита Павла Боймы.

233. Сочиненія Галятовскаго суть слѣдующія: 1) *Ключъ разумѣнія*, гдѣ собраны поученія на всѣ господскіе и праздничные дни. 2) *Бесѣда Бѣлоцерковская* или разговоръ, бывшій 1663 года между Галятовскимъ и іезуитомъ Адріаномъ Пѣкарскимъ о церковномъ священноначаліи. 3) *Небо новое, съ новыми звѣздами сотворенное*, или сказаніе о чудесахъ Пресв. Богородицы. 4) *Мессія праведный*, или разговоръ христіанина съ евреемъ о Мессіи. 5) *Скарбница* (сокровищница) *похвалы чудотворной иконы Богородицы Елецкой Черниговской*. 6) *Старая Церковь новой Церкви Римской исхожденіе Св. Духа отъ Отца*

единаго показуетъ. Сочиненіе это написано имъ противъ іезуита Бойны, написавшаго книгу: »Старая вѣра о власти папы римскаго и о исхожденіи Св. Духа«. 7) *Алфавитъ различныхъ еретиковъ* для наученія ихъ вѣрѣ православной. 8) *Отвѣтъ Грекороссійской Церкви Римлянамъ на книгу ихъ:* Фундаментъ вѣры. Это послѣднее сочиненіе принадлежало извѣстному своей ученостью и краснорѣчіемъ іезуиту Петру Скаргѣ, нашедшему наконецъ въ Галятовскомъ достойнѣйшаго себѣ соперника. 9) *Алкоранъ Магометовъ, отъ Когелета Христова разрушенный и ни во что обращенный.* 10) *Боги поганскіе* или о языческихъ богахъ. 11) *Души людей умерлыхъ* или Трактатъ о троякомъ состояніи душъ по смерти — на небесѣ, въ адѣ и въ мытарствахъ. 12) *Лебедь*— сочиненіе, въ которомъ раскрываются причины появленія и быстраго распространенія вѣры магометанской. Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ Словарѣ историч. Часть I. стр. 229—232.

234. Словарь Историч. Часть I. стр. 178.

235. Собственные переводы Славенецкаго суть слѣдующіе: 1) *Житіе св. Іоанна Златоуста.* 2) *Шесть словъ о священствѣ*—его-же. 3) *Пятдесятъ различныхъ словъ св. Григорія Назіанзена.* 4) *Шестодневъ* св. Василія Великаго. 5) *Четыре слова* св. Аѳанасія Александрійскаго *на Аріанъ.* 6) *Небеса,* или *Изложеніе Православныя Вѣры* препод. Іоанна Дамаскина. 7) Матѳея Властаря *Сокращеніе по алфавиту правилъ св. соборовъ и отецъ.* 8) *Правила св. Апостолъ и Климентовыхъ апостольскихъ завѣщаній, Соборовъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ и правилъ св. Отецъ,* пріемлемыхъ Восточною Церковію, съ Фотіевымъ Номоканономъ и толкованіемъ на оный Вальсамоновымъ. Это есть полнѣйшая славянская Кормчая Книга. 9) Константина Арменопула *Сокращеніе Божественныхъ и священныхъ правилъ и Градскихъ законовъ.* Эту книгу Славенецкій переводилъ въ другой разъ, по повелѣнію патріарха Никона, такъ какъ первый переводъ его погибъ во время свирѣпствовавшей въ Москвѣ 1653 и 1654 г. моровой язвы. 10) *Космографія* часть первая, а вторая переведена Сатановскимъ Арсеніемъ. 11) *Предисловіе скрижали,* изданной 1655 г. патріархомъ Никономъ. Онъ же перевелъ и многія статьи этой книги. Изъ собственныхъ сочиненій Славенецкаго, кромѣ упомянутаго Греко-Славено-Латинскаго лексикона, извѣстны: 1) *Филологическій Лексиконъ,* или сводъ разныхъ мѣстъ изъ св. Отцевъ Греческихъ, объясняющій и опредѣляющій смыслъ

словъ и выраженій свящ. Писанія. 2) Небольшая книжка, въ вопросахъ и отвѣтахъ, о томъ, »достоитъ ли о святыхъ, сущихъ уже на небеси, »молитися намъ, да оставится имъ грѣхъ, или да упокоются со святыми »въ мѣстѣхъ свѣтлыхъ и зрятъ лице Божіе, и о насъ да молятся«. 3) *Грамматическія примѣчанія* на Символъ Вѣры, самимъ Епифаніемъ буквально переведенный съ греческаго. 4) *Разсужденіе о ученіи греческаго языка* и 5) множество бесѣдъ, поученій, каноновъ и проч.

236. Сотрудниками Славеницкаго въ дѣлѣ перевода и исправленія свящ. книгъ, кромѣ прибывшихъ съ нимъ изъ Кіева монаховъ, были: *Сергій*, игуменъ Путивльскаго Молчанскаго монастыря; *Евфимій*, монахъ Чудовскій; іерей *Никифоръ*, справщикъ печатнаго дѣла; *Моисей*, іеродіаконъ Чудова монастыря, *Михаилъ Родостамовъ* и *Флоръ Герасимовъ* книгописцы. »Симеону же Полоцкому, говоритъ старинная запись, не »изволи отецъ Епифаній у дѣла сего быти того ради, зане аще и ученъ »бѣ и знаяше нѣчто, но латински точію; гречески же ниже малѣйше »что либо знаяше«. Главнымъ предсѣдателемъ этого общества самимъ Государемъ назначенъ былъ Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій. Словарь историч. Часть I. стр. 180.

237. Надъ могилою Славеницкаго положена слѣдующая надпись:

Проходяй человѣче! здѣ ставъ, да взираеши,
Дондеже въ мірѣ семъ обитаеши.
Здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній,
Претолковникъ изящный священныхъ писаній,
Философъ и іерей въ монасѣхъ честный,
Его же да вселитъ Господь и въ рай небесный,
За множайшіи его труды въ писаніихъ,
Тщанно-мудрословные въ претолкованіихъ
На память ему да будетъ
Вѣчно и не отбудетъ.

238. Первая книга, переведенная *Сатановскимъ* съ латинскаго на славянскій была: *о градѣ Царскомъ* или описаніе Константинополя. 2) *О чинахъ царства Греческаго и великія церкви Константинопольскія* соч. Георгія Кодина. Въ *Анѳологіонѣ си есть Цвѣтословіи* помѣщены слѣдующія переводныя статьи Сатановскаго: a) *Житія*: св. великомученицы Екатерины, Ѳеодора Стратилата и Алексѣя, человѣка Божія. b) *Главизна* Максима исповѣдника. c) *Четверострочіе* Григорія Богослова и d) *Молитва къ Богородицѣ*, стихотвореніе Димитрія Кантакузена.

239. Сочиненія Лазаря Барановича относятся къ тремъ разрядамъ: гомилетическому, историческому и стихотворному. Къ первому разряду принадлежатъ: 1) *Трубы Словесъ* или поученія на праздники Господскіе, Богородичные и различныхъ святыхъ цѣлаго года. 2) *Мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій*, также собраніе разныхъ бесѣдъ и поученій. 3) *Слово благодарственное* Господу Іисусу Христу. 4) *Новая мѵра старой вѵры*. 5) *Благодать и истина Христова*, или похвальное слово царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Къ историческимъ сочиненіямъ относятся: 1) *Животы* или житія *святыхъ* и 2) *Разговоры* о вѣрѣ и житіи святыхъ. Изъ стихотворныхъ мы имѣемъ: 1) *Плачъ* о преставленіи Великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича и привѣтствіе царю Ѳеодору Алексѣевичу 2) *О случайностяхъ жизни человѣческой*. Кромѣ сего много стихотвореній Барановича приложено къ собранію его бесѣдъ, и къ книгѣ *Руно орошенное*, напечатанной въ Черниговѣ. Барановичъ писалъ на малороссійскомъ и на польскомъ языкахъ. Послѣдній избралъ онъ потому, что онъ былъ общеупотребителенъ.

240. Описаніе Кіевософ. собора стр. 174.

241. Исторія Русск. Церкви (Пер. Патр.) стр. 195. Примѣч. 338.

242. Словарь Историч. Часть I. стр. 240.

243. Исторія Росс. іерархіи Часть VI. стр. 809.

244. Словарь Историч. Часть I стр. 194 и Исторія Рос. іерархіи Часть III. стр. 441—455.

245. Извѣстны двѣ книги Радивиловскаго: 1) *Огородокъ Маріи Богородицы* или поученія на праздничные богородичные дни и нѣкоторыхъ святыхъ. 2) *Вѣнецъ Христовъ*, съ проповѣдій недѣльныхъ, »аки зъ цвѣ»товъ рожаныхъ, на украшеніе православно-каѳолической святой Вос»точной Церкви исплетенный, или казанья недѣльныя на вѣнецъ всего »лѣта изъ писма святаго и съ разныхъ учителей на пользу душевную »собранный«.

246. Патріархъ крѣпко не любилъ иностранцевъ, и даже въ духовномъ завѣщаніи своемъ просилъ Государя изгнать всѣхъ ихъ изъ Россіи, какъ презрителей Церкви, отринуть ихъ услуги и не вводить чужеземныхъ обычаевъ. Полнѣйшее извѣстіе о жизни и дѣяніяхъ Іоакима Савелова см. въ сочиненіи: Московскіе Патріархи. А. Н. А. стран. 87—100.

247. Вотъ полное исчисленіе твореній патріарха Іоакима: 1) Из-

вѣщеніе чудесе о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіе креста. 1677 г. 2) Слово увѣщательное къ раскольникамъ о соединеніи ихъ къ православной святой Церкви. 3) Слово на суздальскаго попа Никиту Пустосвята 1684 г. 4) Увѣтъ духовный 1682 г. 5) Слово поучительное и благодарственное ко Господу Богу за Его великую милость, яко благоволилъ чудеснымъ Промысломъ избавить Церковь свою святую отъ тѣхъ отступниковъ и злыхъ павѣтниковъ, чтенное всему священному чину 1682 г. 6) Поученіе о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ. 7) Поученіе іереямъ. 8) Поученіе отъ іереевъ къ людемъ, чтобы не пѣли бѣсовскихъ пѣсенъ, не творити игръ, не ходити къ волхвомъ и не призывати ихъ въ домы. 9) Поученіе въ нашествіе варваровъ. Подъ его же редакціей составлено Лихудами сочиненіе: *Остенъ*, состроенный изъ »духовѣщанія св. Отецъ, низвергающій напирающіяся къ нему«.

248. Полное заглавіе Хроники Сафоновича слѣдующее: *Хроника зъ Лѣтописцовъ стародавныхъ, зъ святого Нестора Печерскаго и иншихъ, такожде зъ хроникъ польскихъ о Русіи, отколь Русь почалася и о первыхъ князехъ Русскыхъ и по нихъ далшихъ наступующихъ князехъ и о ихъ дѣлахъ, собраная працою іеромонаха Ѳеодосія Сафоновича, игумена монастыря Михайловскаго, Золотоверхаго Кіевского, року отъ сотворенія свѣта* 7180 *а отъ Рождества Христова* 1672.

249. См. Словарь историч. Часть II. стр. 286—290.

250. Тамже стр. 294.

251. Исторія Малороссіи стр. 244—248. Описаніе Кіевософ. собора стр. 181.

252. Памятник. Томъ II. стр. 182, 183. Напрасно по этому, митрополитъ Евгеній въ Описаніи Кіевософійскаго собора (Примѣч. стран. 213) говоритъ, что »Лавра данныя на нихъ (на учениковъ коллегіи) во»лости отобрала назадъ, хотя онъ (Петръ Могила) въ духовномъ завѣ»щаніи своемъ и просилъ преемника своего оставить ихъ еще хотя на »три года«. Если онѣ въ послѣдствіи времени и взяты Лаврою обратно: то это сдѣлано въ силу записи, въ которой между прочимъ было сказано: »а по истеченіи назначеннаго срока они (отцы Братства) должны »будутъ уступить и отдать въ цѣлости то имѣніе Печерскому монас»тырю, какъ его собственное« (i tę majętność, iako własną Pieczarską, po wyściu naznaczonego terminu w całości ustąpić i oddać mają). Тамже стр. 185.

253. Тамже стр. 186—195.

254. Тамже.

255. Исторія Малороссіи Часть I. стр. 261.

256. Описаніе Кіевософ. собора стр. 182.

257. Памятник. Томъ II. стр. 210 и 224.

258. Описаніе Кіевософ. собора примѣч. стр. 211.

259. Тамже стр. 180.

260. Братство училищное, какъ извѣстно, съ дворовыхъ мѣстъ своихъ получало доходы отдачею ихъ мѣщанамъ и другимъ частнымъ лицамъ на поселеніе.

261. Памятник. Томъ II. стр. 198.

262. Тамже стр. 204.

263. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211. Всѣ эти пожертвованія были сдѣланы въ 1650 году.

264. Памятн. Томъ II. стр. 205 и д.

265. Молодикъ 1844 г. стр. 230—232.

266. Въ этой граматѣ Іосифъ поименованъ уже не Михайловскимъ, а Кіево-Богоявленскимъ игуменомъ. Во всѣхъ каталогахъ ректоровъ коллегіи за Иннокентіемъ непосредственно слѣдуетъ Барановичъ: но изъ сказанной граматы открывается, что между ректурою того и другаго былъ небольшой промежутокъ, и что коллегіею управлялъ нѣкто Іосифъ. Ктожъ онъ такой? Кромѣ Кононовича-Горбацкаго и Тризны, Кіево-Печерскаго архимандрита, другаго Іосифа въ Кіевѣ тогда не было.

267. Такъ названъ онъ св. Димитріемъ Ростовскимъ въ Дневныхъ его запискахъ. См. Словарь историч. Часть II. стр. 7.

268. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 133, 180, 246.

269. Въ уніатскихъ каталогахъ говорится, что по случаю военныхъ и другихъ замѣшательствъ, послѣ Сильвестра Коссова, не было будтобы въ теченіи шести лѣтъ православнаго митрополита кіевскаго, и что самый Діонисій посвященъ уже около 1663 года. Показаніе это легко опровергается во первыхъ какъ самымъ избраніемъ его, совершившимся оффиціально и возбудившимъ нѣкоторыя особенности, такъ и граматою, данною царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 1665 года, въ которой подъ 1657 годомъ Діонисій Балобанъ названъ митрополитомъ. Что касается до свидѣтельства митрополита Гедеона, который въ одной граматѣ своей къ князю В. В. Голицыну (1688 г.) говоритъ, что Діо-

нисій »едва по одполѣтнемъ строеніи своемъ остави престолъ митрополитанскій« (Описан. Кіевософ. собора стр. 187), то это не то значитъ, чтобы онъ отказался отъ митрополитства, а то, что онъ, по смутнымъ обстоятельствамъ того времени, выѣхалъ изъ Кіева въ Корсунь. Въ послѣдствіи Діонисій принималъ во всемъ участіе, какъ законный митрополитъ кіевскій. Можетъ быть, и неблаговидныя дѣйствія его въ современной политикѣ были причиною того, что преемнику Діонисія по первосвятительской каѳедрѣ не хотѣлось считать его въ числѣ достойныхъ своихъ предшественниковъ: но исторія должна быть безпристрастна, и говорить все, что было.

270. Исторія Малоросс. Часть II. стр. 35.

271. Описаніе Кіевософ. собора стр. 187.

272. Діонисій даже избранъ былъ Виговскимъ въ посредники между имъ и полковникомъ Пушкаремъ, не желавшимъ измѣнять присягѣ Царю. Исторія Малорос. Ч II. стр. 20.

273. См. грамату царя Алексѣя Михайловича въ Памятник. Томъ II. стр. 224.

274. Памятник. Томъ II. стр. 213—222.

275. Тамже стр. 225.

276. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211

277. Островскій въ книгѣ своей: Dzieje i prawa kościoła Polskiego Том. III. 225 говоритъ, что подписавшіе этотъ трактакъ вскорѣ раскаялись и ожидали только случая уничтожить оный.

278 Исторія Малоросс. Часть II. стр. 88.

279. Исторія Малой Россіи Б. Каменскаго Томъ II. стр. 201.

280 Тамже стр. 91.

281. Исторія Малороссіи Часть III. стр. 135.

282. Тамже стр. 147.

283. Тамже стр. 181.

284. Тамже стр. 151, 152.

285. Исторія Малой Россіи Томъ II. стр. 106

286. Исторія Малороссіи Часть II. стр. 164, 165.

287. Памятник Томъ II. стр. 227.

288. Грамата эта прислана митрополитомъ Іосифомъ изъ Канева. Тамже стр. 232 и д.

289. Тамже стр. 238—247.

290. Также стр. 256.

291. На все это есть указанія въ жалобной граматѣ самаго Ясинскаго.

292. *Шафарѣ*—бухгалтеръ, счетчикъ, строитель, собиравшій также доходы съ оброчныхъ статей.

293. Памятник. Томъ II. стр. 257—266.

294. Исторія Малоросс. Томъ II. стр. 187.

295. Исторія Росс. іерарх. Часть II. стр. 34.

296. Вотъ что пишетъ Георгій Конисскій: »Султанъ вошелъ въ »Чигиринъ торжественно и все предъ нимъ падало и ползало по азіатски. Церковные колокола замолкли, самыя церкви были заперты и »запечатаны; не смѣлъ никто пошевельнуться ни по богослуженію, ни »по жительству, не считая себя ни живымъ, ни мертвымъ. Турки же »дѣлали съ мужчинами и женщинами, что только вздумали«... Дѣвицы, продолжаетъ г. Маркевичъ, были размѣщены по сералямъ. Повсюду были поставлены паши и кадіи, которые старались отуречить Украйну. Нѣсколько тысячъ мальчиковъ, денежныя суммы и награбленные пожитки были повержены Дорошенкомъ къ стопамъ Магомета IV, который немедленно велѣлъ обратить (дѣтей) въ исламизмъ. Исторія Малороссіи Томъ II. стр. 229.

297. Въ 1668 году и львовское ставропигіальное братство получило отъ патріарха Меѳодія грамату, для объявленія всенародно, что онъ утвердилъ Іосифа Тукальскаго митрополитомъ кіевскимъ и своимъ экзархомъ по всей Россіи. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 113.

298. Объ этомъ пишетъ Стребельскій въ книгѣ своей: »Жизнеописанія Евфросиніи и Параскевіи Полотскихъ игуменій«. Томъ III. стр. 232. См. Описаніе Кіевософ. собора стр. 194 и т. д.

299. Исторія Малоросс. Томъ II. стр. 155.

300. Также стр. 180.

301. Также стр. 194, 195. Г. Маркевичъ приводитъ здѣсь воззваніе къ народу какого-то *кіевскаго митрополита Сильвестра.* Что это за митрополитъ? Ужъ, конечно, не Сильвестръ Коссовъ, который, какъ извѣстно, скончался въ 1657 году; другаго же въ эту пору не было даже и между претендентами на кіевскую митрополію.

302. Памятник. Томъ II. стр. 267—275.

303. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211,

304. Памятник. Томъ II. стр. 297.

305. Исторія Мал. Россіи Томъ II. Примѣч. 61.

306. Исторія Русской Церкви (Пер. патр.) стр. 57.

307. Сначала и Іосифъ и Антоній носили названіе *нареченныхъ:* (Описаніе Кіевософ. собора стр. 191) но когда первый изъ нихъ получилъ утвержденіе отъ константинопольскаго патріарха, то собственно нареченнымъ остался уже одинъ Антоній Винницкій.

308. Въ Альбомѣ Академическомъ сохраняется древнѣйшій рисунокъ этой иконы, сдѣланный въ 1706 году *Иларіономъ Мигурою.* Подъ иконою находится слѣдующая, весьма замѣчательная надпись: »Истинное »изображеніе чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Братской Кі»евской, иже прежде въ Вышгородѣ въ церквѣ св. страстотерпецъ кня»зей Россійскихъ Романа и Давида бѣ намѣстнымъ. Въ лѣто же 1662, »егда Татаре чрезъ Вышгородъ за Днѣпръ на плѣненіе Христіанъ ити »хотѣша: сотворше же плити (плоты), яшася плаванію, и сію убо икону »единъ вземъ Татаринъ, плы на ней. Божіимъ же изволеніемъ буря воз»ставши всѣхъ истопи Агарянъ, сему токмо живу сущу, его же та бо»жественная икона, волнамъ шумящимъ, невредимо принесе и ста про»тиво монастира Братского чудовнѣ. Стояше же доселѣ, донелѣже иноци »братстіи, пришедше, честно взяша ю отъ воды и поставиша такожде »во церквѣ святыхъ страстотерпецъ князей Россійскихъ. Сицевое чудо »видя Татаринъ, вѣрова и крестися. Чудотворная же икона доднесь не »престаетъ въ обители Братской чудодѣйствовати«. Каждую субботу въ Кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ соборнѣ отправляется акаѳистъ предъ сею чудотворною иконою Заступницы міра.

309. Словарь историч. Часть I. стр. 116.

310. Тамже стр. 228.

311. Смотри письмо Дзика къ св. Димитрію Ростовскому въ сочиненіяхъ сего святителя. Часть I. стр. 461.

312. Изъ сочиненій Ясинскаго осталась одна только соборная книга, подъ названіемъ: »Икона или изображеніе дѣлъ Московскаго патріаршаго престола«: но она хранится доселѣ рукописною въ патріаршей библіотекѣ.

313. Сочиненія св. Димитрія. Часть I. стр. 480.

314. Исторія Русск. Церкви (Пер. Патр.) стр. 111. Примѣч. 186.

315. Голиковъ приписываетъ Максимовичу еще одну книгу: *Со-*

браніе чужестранныхъ словъ, употребительныхъ въ русскомъ языкѣ: но она не издана и неизвѣстно гдѣ находится. Словарь истор. Часть I. стр. 288.

316. Исторія Росс. Іерархіи. Часть I. стр. 421.

317. Словарь историч. Часть I. стр. 59.

318. Исторія Росс. Іерарх. Часть II. стр. 449, 450 и 487.

319. Словарь историч. Часть I. стр. 42.

320. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стр. 171.

321. Тамже стр. 153, 164, 554.

322. Тамже стр. 122.

323. Тамже Часть II. стр. 449.

324. Словарь достопамятн. людей Русской земли. *Бантышъ-Каменскаго.* Часть III. стр. 219. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 111.

325. Словарь историч. Часть I. стр. 59.

326. Истор. Росс. іерарх. Часть I. стр. 247. Часть II. стр. 377.

327. Одиновичъ былъ однимъ изъ вкладчиковъ при сооруженіи большаго Евангелія въ богатой серебряной оправѣ, присланнаго изъ Москвы воспитанниками коллегіи. Оно донынѣ находится въ конгрегаціонной академической церкви. При концѣ Евангелія припечатанъ полный списокъ всѣхъ жертвователей.

328. Нынѣ мѣстечко Макаровъ кіевскаго уѣзда.

329. Авторъ Исторіи Русской Церкви (Періодъ Патріарш. стран. 128) »благодаритъ Провидѣніе, что оно не допустило Димитрія докон»чить уроки въ кіевской коллегіи; иначе, продолжаетъ онъ, св. Дими»трій говорилъ бы намъ въ Минеяхъ языкомъ Иннокентія Гизеля или »Галятовскаго, то есть, страшною смѣсью русскаго съ польскимъ и ла»тинскимъ«. Едва ли умѣстно такое замѣчаніе. Во первыхъ нельзя такъ аподиктически утверждать, что св. Димитрій говорилъ бы непремѣнно такъ, какъ утверждаетъ авторъ: это дѣло темное. Во вторыхъ, для такого необыкновеннаго таланта, какимъ обладалъ воспитанникъ Галятовскаго и Дзика, не стоило ровно никакого труда создать себѣ новый языкъ, какъ и создалъ онъ потомъ, при помощи школьнаго образованія. Если онъ не сдѣлался по слогу подражателемъ Гизеля и Галятовскаго въ пору юности, когда въ человѣкѣ такъ сильно развивается всякая пріимчивость, то тѣмъ болѣе не могъ онъ сдѣлаться рабомъ ихъ въ пору сознательнаго принятія всего, что ему говорилось. Самъ же авторъ

Исторіи Русской Церкви говоритъ вслѣдъ за тѣмъ, что »языкъ св. Ди»митрія образовался по образцамъ древней славянской словесности, ко»торые были предъ его глазами въ древнихъ памятникахъ«. Почему же онъ полагаетъ, что того не могло быть, еслибъ св. Димитрій окончилъ курсъ высшихъ наукъ въ коллегіи? Словесность онъ вѣдь ужъ прошелъ; оставались философія и богословіе, которыя, бывъ преподаваемы на языкѣ латинскомъ, едва ли могли бы испортить то, что уже сложилось въ умѣ юнаго и талантливаго питомца. Не отрицаемъ, что св. Димитрій усовершилъ рѣчь свою вниканіемъ въ древніе памятники нашей словесности: но это было довольно поздо, — и за чтожъ оскорблять коллегію, которая приготовила его къ тому?

330. Значитъ, св. Димитрій на двадцать четвертомъ году отъ рожденія уже былъ іеромонахомъ, уже успѣлъ обратить на себя вниманіе Барановича, какъ проповѣдникъ: когдажъ это онъ успѣлъ усовершить свой талантъ изученіемъ памятниковъ древней Россіи? Какъ это такъ скоро образовалъ онъ себѣ слогъ, если, какъ говоритъ авторъ Исторіи Русской Церкви, онъ не былъ одолженъ этимъ ни Кіеву, ни коллегіи? Ни откуда не видно, чтобъ до сей поры св. Димитрій занимался изученіемъ памятниковъ древней Россіи.

331. Такъ говоритъ самъ св. Димитрій въ своихъ Дневныхъ Запискахъ.

332. Сочиненія св. Димитрія Ростовскаго. Часть I. стр. 468.

333. Въ большой Успенской церкви Кіево-печерской Лавры показываютъ мѣсто, гдѣ св. Димитрій всегда становился въ эту пору при Богослуженіи. Оно находится съ лѣвой стороны отъ входа близъ памятника князя Константина Острожскаго; тамъ теперь и икона Святителя, богато украшенная серебряною вызолоченною одеждою.

334. Исторія Русск. Церкви (Пер. патр.) стр. 126.

335. И это сдѣлалъ человѣкъ, ничѣмъ не обязанный коллегіи! Откудажъ онъ могъ научиться латинскому и греческому языкамъ, такъ необходимымъ при чтеніи сочиненій, принадлежащихъ древнимъ писателямъ Церкви восточной и западной? Не понятно!...

336. Прибавл. къ Творен. св. Отецъ 1845 г. стр. 150 и д.

337. Полное и обстоятельное показаніе многочисленныхъ сочиненій св. Димитрія можно видѣть въ Словарѣ историч. Часть I. стран. 125—134.

338. Св. Димитрій и Стефанъ Яворскій условились между собою, чтобы тотъ, кто первый изъ нихъ умретъ, былъ погребенъ другимъ. Рязанскій митрополитъ сдержалъ данное слово: онъ явился въ Ростовъ на погребеніе своего друга, оросилъ слезами священные останки его, произнесъ усопшему надгробное слово и сочинилъ ему надгробную надпись въ стихахъ. Словарь достоп. людей Рус. Земли. Часть I. стр. 532.

339. Исторія Росс. іерархіи. Часть I. стр. 153.

340. Словарь достопамятн. людей Русской земли. Часть III. стр. 609. Полное собраніе Законовъ Росс. Имперіи изд. 1830 г. № 4717.

341. Только авторъ Исторіи Русской Церкви находитъ, что кіевская »коллегія въ продолженіе своего столѣтія не столько принесла »зрѣлыхъ плодовъ, сколько можно было ожидать по времени«. Періодъ патріарш. стр. 100.

342. *Посполитыми* людьми въ Малороссіи назывались простолюдины, земледѣльцы, принадлежащіе тому или другому владѣльцу. См. Опытъ повѣств. о древностяхъ Русскихъ изд. 1818 г. стр. 725.

343. Юрію Хмѣльницкому выкололи глаза, повѣсили за ребра, мучили другими разными муками и налили олова въ ротъ. Изъ Польскихъ Дѣлъ, хранящихся въ Колл. Архивѣ. Исторія Малороссіи. Часть I. стр. 269.

344. Книга Русскаго Посольства въ Польшѣ, въ 1675—77 годахъ А. Попова.

345. Исторія Малорос. Часть I. стр. 291 и д.

346. Тамже стр. 292.

347. Сосуды эти сохраняются донынѣ въ ризницѣ Кіевософійскаго собора.

348. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 19 стр. 87.

349. Тамже № 20 стр. 95.

350. Тамже № 21 стр. 103.

351. Тамже стр. 108.

352. Тамже стр. 205.

353. Найдено сходное съ папистами мнѣніе о пресуществленіи въ Евхаристіи хлѣба и вина словами Христовыми во многихъ даже книгахъ, печатанныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ типографіяхъ, какъ то: въ *Служебникахъ* кіевскихъ, виленскихъ и стрятинскихъ, и *Толкованіи Евангелій*, въ *Большомъ Кіевскомъ Требникѣ*, въ *Богословіи* Кирилла Транк-

вилліона, въ его же *Перлъ многоцѣнномъ*, въ обонхъ малыхъ *Катихизисахъ* Петра Могилы, въ книгахъ: *Камени, Трубѣ, Мирѣ съ Богомъ, Мечѣ, Ключѣ разумѣнія, Дидаскаліи о седми тайнахъ, Мессіи* и другихъ. Патріархъ тогда же запретилъ читать эти книги въ церквахъ и народѣ, а православное исповѣданіе о времени пресуществленія включилъ въ обрядъ православія и въ архіерейскую присягу. См. Словарь историч. Часть I. стр. 232—241.

354. Граматы сіи въ спискахъ находятся между малороссійскими дѣлами Московскаго иностранныхъ дѣлъ архива, а также и въ библіотекѣ Кіевософійскаго собора.

355. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 23. стр. 116.

356. См. Грамату патріарха въ прибавл. къ описанію Кіевософ. собора стр. 100.

357. Памятник. Томъ II. стр. 297.

358. Тамже стр. 276.

359. »Въ нижнемъ городѣ Кіевѣ, близъ ограды того монастыря«. Тамже стр. 298.

360. Тамже.

361. Тамже. Въ Лутавѣ однакожъ оставался небольшой хуторокъ во владѣніи Братства, какъ это видно изъ послѣдовавшаго за тѣмъ гетманскаго универсала.

362. Тамже стр. 299.

363. Тамже.

364. Описаніе Кіевософ. собора. Прибавл. № 19 стр. 93.

365. До насъ дошла и система философіи 1679 года, озаглавленная такъ: Cursus philosophicus, doctrinam Aristotelis ea methodo, qua traditur in scholis, complectens.

366. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. стр. 228.

367. Учебники Кроковскаго и Волянскаго показаны и разобраны въ 193 примѣч. къ сей книгѣ, на стран. 332.

368. Авторъ Исторіи Кіевской Академіи на стран. 86 говоритъ: »не знаемъ, много ли содѣйствовали ему (Кроковскому) другіе наста»вники, его сотоварищи, каковы были три бывшіе за Прокоповичемъ »ректоры: Іезекіиль Филиповичъ, Ѳеодосій и Пахомій Подлузскій, его »предшественникъ, и были ли между ними люди, подобно ему, образо»ванные и дѣятельные«. На такое замѣчаніе почтеннаго автора и мы

замѣтимъ, что *содѣйствуетъ* обыкновенно младшій старшему, а Кроковскій при Филиповичѣ и Гугуревичѣ былъ только учителемъ,—стало быть онъ имъ содѣйствовалъ, а не они ему. Что они были образованы,—это доказывается ихъ выборомъ отъ Лазаря Барановича; что они были дѣятельны, это видно изъ состоянія коллегіи, доведенной ими до значительнаго совершенства: »отъ плодъ ихъ познаете ихъ«.

369. Сочинен. Димитрія Ростовск. Часть I. стр. 488. Неизвѣстно, на какомъ основаніи митрополитъ Евгеній время кончины Гугуревича относитъ къ 3 апрѣля 1689 года Свидѣтельство святителя Ростовскаго, современника Гугуревича, безъ всякаго спора, вѣрнѣе.

370. Митрополитъ Гедеонъ Святополкъ почиваетъ въ алтарѣ, гдѣ памятникъ Ярослава, какъ разъ противъ него на лѣвой сторонѣ.

371. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 20 стр. 97.

372. Тамже стр. 113.

373. Тамже стр. 117.

374. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 132.

375. Митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ историч. Часть II. стр. 253, говоритъ, что Стефанъ Яворскій *первый* получилъ въ кіевской коллегіи званіе префекта. Это не совсѣмъ вѣрно: Сильвестръ Коссовъ въ 1632, а Силуанъ Озерскій въ 1690 году также назывались префектами.

376. Жалованье это было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: ректору и учителямъ — каждому по 100 рублей, да на учениковъ по 15 р. съ копейками Учителей полагалось отъ осми до девяти человѣкъ, а учениковъ отъ двухъ до трехъ сотъ съ половиною. См. Исторію Рос. іерарх. Часть I. стр. 547.

377. Сочиненіе Стефана Яворскаго: *Камень Вѣры* сдѣлалось въ послѣдствіи времени поводомъ ко многимъ неудовольствіямъ не столько самому автору, сколько почитателямъ его, со стороны важнѣйшихъ въ то время сановниковъ — лютеранъ и кальвинистовъ, находившихся въ русской службѣ. При Петрѣ, который изъ своихъ рукъ билъ палкою Татищева за превратное толкованіе свящ. Писанія, и вообще не любилъ тѣхъ иностранцевъ, которые осмѣливались распространять свое вѣроученіе, Яворскому опасаться было нечего. При всемъ томъ, сочиненіе его не было пропущено цензурою; въ послѣдствіи времени, когда оно вышло въ свѣтъ, (1728 г.) русскіе и заграничные протестанты подняли

противъ него ожесточенную войну. Въ самой Москвѣ появилось отъ имени *какого-то* Буддея посланіе къ другу противъ Стефана Яворскаго, а въ Лейпцигскихъ ученыхъ запискахъ напечатана была брапчивая критика на *Камень Вѣры*. Изъ брошюры: Stephani Javorscii genius видно, что протестанты писали противъ него много брапчивыхъ статей, а когда членъ Петербургской Академіи Наукъ Бильфингеръ сообщилъ въ латинскомъ переводѣ послѣднюю главу *Камня Вѣры* лютеранскому богослову Мозгейму, то онъ въ 1731 году издалъ противъ нее цѣлую диссертацію подъ заглавіемъ: *de poenis haereticorum cum Stephano Javorscio disputatio.* Полемическія состязанія такимъ образомъ разгорались болѣе и болѣе. Бернардъ Рибейра доминиканецъ и извѣстный своимъ просвѣщеніемъ и несчастіями Ѳеофилактъ Лопатинскій въ свою очередь издавали сочиненія въ защиту Яворскаго. Противъ перваго изъ этихъ защитниковъ вооружился, къ стыду и сожалѣнію, *кто-то* изъ русскихъ, написавшій *Млатъ, разбивающій Камень Вѣры.* Авторъ этого сочиненія, оспоривая книгу Яворскаго, по лютеранскому умствованію, не пощадилъ ученія и преданій Церкви Восточной, но что всего постыднѣе, — коснулся мелочныхъ обстоятельствъ жизни и службы Стефана, выставляя ихъ въ черномъ цвѣтѣ. Биронъ, управлявшій всѣмъ въ царствованіе Анны Іоанновны, запретилъ сочиненіе Яворскаго, подвергнувъ въ тоже время жестокимъ истязаніямъ друга и защитника его Ѳеофилакта Лопатинскаго: но при Елизаветѣ Петровнѣ книга *Камень Вѣры* была разрѣшена къ печатанію.

378. Памятникомъ проповѣдническаго таланта Стефана Яворскаго остались Поученія его, подробно изчисленныя въ Словарѣ историческ. Часть II. стр. 299.

379. Исторія Росс. іерархіи стр. 167. Часть II. стр. 180. Часть VI. Том. II. стран. 808.

380. Тамже Часть I. стр. 113, 139, 165.

381. Исторія Моск. Акад. стр. 80 и 193.

382. Св. Димитрій Ростовскій въ Дневныхъ Запискахъ своихъ упоминаетъ о Ѳеофанѣ Леонтовичѣ въ двухъ мѣстахъ. Подъ 1684 годомъ значится: »былъ у меня въ Печерскомъ монастырѣ братъ Ѳеофанъ »изъ Батуринскаго монастыря мой постриженецъ, который отправился »въ дальнія страны, Богъ вѣсть, съ какимъ намѣреніемъ«, а подъ 5 генваря 1691 года записано: »въ навечеріи Богоявленія возвратился въ

»домъ свой, въ монастырь Батуринскій братъ Θеофанъ монахъ, мой по»стриженецъ, который вышелъ изъ своего монастыря въ 1684 году, ходилъ »по разнымъ землямъ въ Парижѣ и Римѣ, философіи и богословіи учился и »проч.« Въ изданіи сочиненій св. Димитрія, вышедшемъ 1837 года въ Кіево-печерской Лаврѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи сдѣлана выноска, что этотъ Θеофанъ былъ »уповательно Прокоповичъ, бывшій потомъ архіепископъ Новгородскій«. Замѣтка неправильная: ибо въ 1691 году Прокоповичу было только десять лѣтъ, а слѣдовательно въ 1684 всего три года, такъ какъ извѣстно, что онъ родился въ 1681 году.

383. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 111, 153, 442.

384. Также Часть III. стр. 625. Исторія Русск. Церкви (Синод. Управл.) стр. 138.

385. Въ Москвѣ тогда уже было Заиконоспасское училище.

386. Памятник. Томъ II. стр. 281.

387. Также стр. 300—303.

388. Также стр. 303—310.

389. Также стр. 310—312.

390. Также стр. 316—324.

391. Также стр. 335.

392. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. стр. 217.

393. Памятник. Томъ II. стр. 338—345.

394. Также и Описан. Кіевософ. собора прибавл. стр. 211 и 212.

395. Впрочемъ пожертвованное Евангеліе и само по себѣ довольно цѣнно. Кромѣ превосходной работы, въ немъ одного серебра, употребленнаго на оправу съ позолотою 10 фунтовъ съ четвертью. На оборотной доскѣ вырѣзана слѣдующая надпись: »Благоволеніемъ Бога Отца, »благодатію же, Имже благодать дана бысть, Бога Сына, и дѣйствомъ »Всесвятаго животворящаго и всеосвящающаго Духа, ходатайствомъ »Пречистыя Богоматере, при державѣ Благочестивѣйшаго Государя на»шего Царя и Великаго Князя Петра Алексіевича, всея Великія и Малыя »и Бѣлыя Россіи Самодержца, при Благороднѣйшемъ Государѣ нашемъ »Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, въ лѣто отъ во»площенія Господня 1705 мѣсяца сентемврія дня 26, въ царствующемъ »великомъ градѣ Москвѣ, сооружися сіе Божественное Евангеліе, въ »храмъ преславно и всемірно радостнаго праздника Благовѣщенія Пре»святыя Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи, иже обрѣтается въ Свято-

»Богоявленскомъ монастырѣ Братскомъ Кіевскомъ при училищахъ; по»даяніемъ доброхотныхъ дателей, духовнаго и мірскаго чина, наипаче »же клевретовъ собранія Маріина, ихже имена въ сей Богодухновенной »книзѣ при концѣ написана. Тщаніемъ же недостойнаго іеромонаха Ан»тонія Стрешовскаго, смиреннаго послушника выше реченныя обители »въ то время во училищахъ царствующаго града Москвы съ послушанія »святаго пребывающаго учителя риторики. Вся же сія да будутъ въ »славу Божію и Богородичну. Аминь«.

Корень честенъ Іесей честнѣйшій жезлъ родитъ
Марію, иже скиптры Царей превосходитъ,
Отъ жезла же прозябе цвѣтъ неувядаемъ,
Его же благовонія вси ся наслаждаемъ.

Въ 1834 году найдена была на академическомъ дворѣ, во время копанія земли, серебряная медаль, осыпанная разноцвѣтными камнями, во многихъ мѣстахъ выпавшими, а въ иныхъ потертыми; на одной сторонѣ медали изображены буквы I. X. C. а на другой находится надпись, изъ которой видно, что медаль эту 2 іюля 1705 года пожертвовалъ іеромонахъ *Антоній Стрешевскій* въ конгрегаціонную церковь для украшенія образа Благовѣщенія.

396. Памятник. Томъ II. стр. 325—334.

397. Также стр. 335. Описаніе Кіевософ. собора стр. 211.

398. Также. Прибавл. № 28 стр. 148.

399. Лѣтопись Зубрицкаго стр. 121.
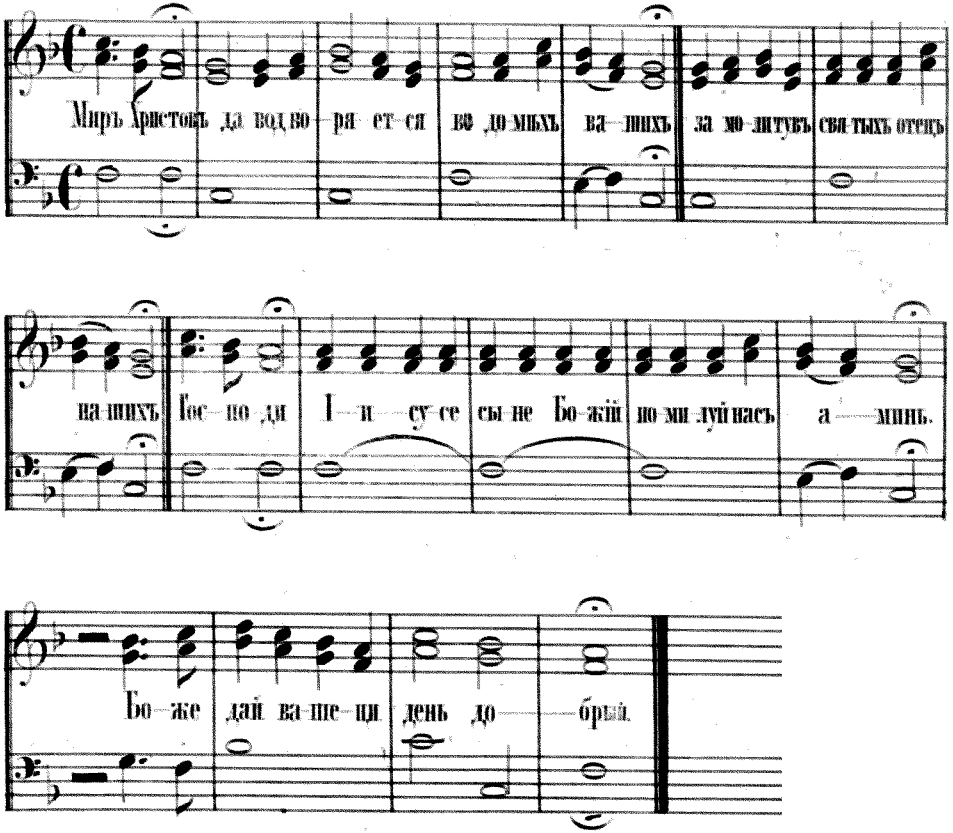
400. *Двойница* равняется четверику.

401. Изъ приходорасходной книги старокіевской Георгіевской церкви видно, что 23 апрѣля 1754 года уплачено за всенощную дьячку, пономарю и *школьникамъ* семь копѣекъ; 1 октября 1756 года »дано »школярамъ праздниковаго на Покровъ двѣ копейки«. Въ 1757 году 30 марта (т. е. въ первый день Пасхи) »дано въ школу школьникамъ ради праздника двѣ копейки«.

402. Вотъ образчикъ такого паспорта: »объявители сего Академіи »Кіевскія студенты *такіе-то*, по прежнему обыкновенію, яко неимѣющіе »ни откуду въ ученіи своемъ снабдѣнія, отпущены для испрошенія ми»лостыни за Днѣпръ въ Малороссійскіе и Слободскіе полки по 1 число »сентября мѣсяца *такого-то* года, а далѣе кромѣ упомянутыхъ полковъ »съ симъ пашепортомъ не ходить, а будебъ кто изъ прописанныхъ уче-

»никовъ сверхъ означеннаго числа еще ходить куда дерзнулъ, съ та-»ковымъ чинить по силѣ законовъ; имъ же (студентамъ), испрашивая »ради снабдѣнія своего милостыню, поступать вездѣ добропорядочно, »безъ всякаго вымагательства и подозрѣнія; такожъ ни у кого, какъ изъ »духовнаго, такъ и мірскаго чина людей ради наученія въ дому дѣтей »ни подъ какимъ видомъ не оставаться подъ жестокимъ за то наказа-»ніемъ, но при окончаніи прописаннаго сроку прямо слѣдовать въ Кі-»евъ, куда за возвращеніемъ отдать сей въ Академію пашепортъ не-»премѣнно«.

403. Самый мотивъ этой пѣсни переданъ мнѣ однимъ престарѣлымъ кіевлянином по фамиліи *Середою*, учившимся нѣкогда въ Акаде-міи. Тогда же, именно въ 1836 году, съ голосу моего разскащика, я положилъ ее на ноты, аранжировавъ потомъ для фортепіана:

Послѣдній стихъ бывалъ уже заключительнымъ, когда миркачи получали какое либо подаяніе. Въ этой пѣсни встрѣчаются два полонизма: *за молитувъ;* по старопольски za modlitów—молитвами, и *вашеци* сокращенно waszej mości — вашей милости. Либретто это находится и у митрополита Евгенія въ его Описаніи Кіевософ. собора (прибавл. № 41. стр. 215, впрочемъ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ.

404. Въ книгѣ, называемой *Богогласникъ*, изданной въ Почаевѣ 1776 года собрано множество такого рода гимновъ и положено на ноты.

405. Сочиненія Гоголя Томъ II. стр. 313, 314. Вообще Гоголь и особенно Нарѣжный, не смотря на юмористическій тонъ и нѣкоторую каррикатурность своихъ картинъ довольно вѣрно очертили бѣдственное состояніе воспитанниковъ Академіи послѣднихъ годовъ XVII и первыхъ XVIII вѣка.

406. Памятник. Томъ I. стр. 114.

407. Гречъ въ своей Учебной книгѣ Россійск. Словесн. изд. 1822 г. Часть IV. на стр. 327 говоритъ, что эти представленія сопровождались разными шутовствами и кривляньями. Съ голоса его повторяютъ тоже самое и другіе историки Русской Литературы и писатели разныхъ повѣстей. Но откудажъ это видно? Кто бы рѣшился, да и кто бы позволилъ кривляться и шутить особенно въ тѣ времена и предъ тогдашнимъ народомъ, незнакомымъ ни съ модной цивилизаціей, ни съ извѣстнымъ прогрессомъ и благоговѣвшимъ къ самой обрядности священной, при представленіи такихъ событій, какія служили предметомъ древнѣйшимъ драмамъ?...

408. Зубрицкій въ лѣтописи Львовскаго Братства пишетъ: около »1688—89 года перешелъ отъ іезуитовъ къ ученикамъ Братской (Львов»ской) школы обычай разыгрывать діалоги (священныя драматическія »представленія) въ церкви. Въ 1689 году дано такое представленіе съ »великою пышностію при многочисленномъ стеченіи зрителей« стр. 131. Замѣтимъ, что подобныя представленія въ Кіевѣ никогда не давались въ церкви, а въ конгрегаціонной академической залѣ или подъ открытымъ небомъ во время рекреацій.

409. Драматическія сочиненія св. Димитрія суть слѣдующія: 1) *Грѣшникъ кающійся*; 2) Драма *Успенская*. 3) Драма *Дмитріевская*. 4) *Есѳирь и Агасферъ* и 5) *Воскресеніе Христово*. Всѣ онѣ написаны рифмованными стихами по силлабическому размѣру. Въ нѣкоторыхъ изъ

нихъ, для представленія достопокланяемыхъ лицъ Господа Іисуса Христа и Пресв. Богородицы были выставляемы иконы. См. Словарь историч. Часть I. стр. 143.

410. Такія представленія вмѣстѣ съ кіевскими учеными перешли и въ Москву, гдѣ обыкновенно разыгрывались драмы Симеона Полоцкаго, Прокоповича, св. Димитрія Ростовскаго, и другихъ. Такимъ образомъ въ 1701 году воспитанниками Московскаго славено-греко-латинскаго училища сыграна была *комедія*: *Ужасная изълина ластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролюбцѣ и Лазарѣ изображенная.*

411. Объ этомъ упомянуто и въ универсалѣ гетмана Самойловича. Памятник. Томъ II стр. 270.

412. Въ послѣдствіи времени въ поминальный синодикъ вошли и другіе митрополиты, особенно благодѣтельствовавшіе Академіи. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. № 41. стр. 223.

413. По возсозданіи церкви св. Георгія, студенты и ученики собирались туда, и съ вербой въ рукахъ вступали потомъ въ ограду Софійскаго собора нынѣ закладенными вратами, посившими названіе церемоніальныхъ.

414. Указатель святыни Кіева изд. 1853 г. стр. 189.

415. Всѣ эти хронологическія отмѣтки находятся въ рукописи одного, какъ видно по почерку, изъ слушателей Іоасафа Кроковскаго. Само собою разумѣется, что лекціи эти писаны на языкѣ латинскомъ.

416. Іезекіиль X. ст. 9—15.

417. Подлинникъ хранится въ библіотекѣ Кіево-печерской Лавры.

418. Сочинен. Гоголя. Томъ II. стр. 81. Онъ даже говоритъ, что »самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что »вовсе были удалены отъ опыта«.

419. Исторія Русской Церкви (Синод. Управл.) стр. 49 и 50.

420. Тамже (Періодъ патріарш.) стр. 100.

421. См. конспектъ одного изъ руководствъ, читаннаго въ 1686 и 1687 годахъ, помѣщенный въ Исторіи Кіевск. Академіи стр. 67, 68.

422. Тамже стр. 68.

423. Періодъ патріарш. стр. 100.

424. Всѣ наши романисты и разскащики страхъ какъ охочи глумиться надъ этими диспутами единственно для остраго словца и для того, чтобъ позабавить читателя. Таково, напримѣръ, изображеніе кіев-

скихъ диспутовъ въ романѣ К. Полеваго: *Михайло Васильевичъ Ломоносовъ*. Часть I. стр. 105—111. Надо отдать справедливость автору, что онъ ловко схватилъ наружные пріемы этихъ состязаній: но заставивъ дѣйствующія лица держаться голыхъ силлогистическихъ формулъ, онъ окаррикатурилъ чрезъ это состязанія, для которыхъ намѣренно выдумалъ и тему странную, включивъ въ нее *Фаларидова быка*. Впрочемъ авторъ хотѣлъ лишь посмѣшить, и разумѣется достигъ своей цѣли.

425. Въ Исторіи Кіевск. Академіи на стр. 144 показано нѣсколько учебниковъ, относящихся къ первымъ тремъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка.

426. Оглавленіе реторическаго конспекта Ѳеофана Прокоповича можно видѣть въ Исторіи Кіевск. Академіи стр. 148.

427. Исторія Малороссіи Часть II. стр. 551.

428. Исторія Росс. іерарх. Часть V. стр. 637.

429. Слова эти взяты изъ слѣдующей надписи, сочиненной Гавріилу однимъ изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ:

На стогнахъ городскихъ, въ святилищѣ церквей,
Въ поляхъ среди полковъ и средь морскихъ зыбей,
Бужинскій истины вѣщая гласъ народу,
Храмъ, грады и полки и съ жителями воду,
Съ восторгомъ радостнымъ внимающими зрѣлъ,
Когда величіе гласилъ Петровыхъ дѣлъ.

430. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стр. 424.

431. Полное свѣдѣніе о сочиненіяхъ Бужинскаго см. въ Словарѣ историч. Часть I. стр. 78—81.

432. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 194, 426.

433. Тамже стр. 182 и 580.

434. Тамже стр. 153. Описаніе Кіевософ. собора стр. 217.

435. Исторія Росс. іерархіи стр. 430.

436. Тамже стр. 102, 253, 443, 577. Часть II. стр. 364.

437. Измайлову даны были въ Пекинѣ сто сургучныхъ печатей для прикладыванія ихъ къ паспортамъ о свободномъ пропускѣ купцовъ Русскихъ. Тамже Часть II. стр. 461.

438. Тамже Часть I. стр. 428.

439. Тамже стр. 428. Часть II. стр. 452—466. Часть III. стр. 580 и Словарь историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Росс. церкви стран.

120—122. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи Томъ XXVIII. № 21, 540. стр. 724.

440. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 431, 439.

441. Съ его-то племянникомъ знаменитый нашъ туристъ Барскій началъ свое путешествіе. См. Описаніе путешествій его.

442. Исторія Росс. Іерархіи Часть I. стран. 211. Часть II стран. 477—480.

443. Любопытные могутъ прочитать объ этомъ подробнѣе въ Словарѣ достопамятн. людей Русск. земли. Бантышъ-Каменскаго, въ статьѣ о Θеофилактѣ Лопатинскомъ.

444. См. Предисловіе св. Синода къ книгѣ Θеофилакта: *Обличеніе неправды раскольническія.*

445. Сочиненія Лопатинскаго показаны въ Словарѣ историч. Том. II. стр. 329.

446. Для примѣра приводимъ слѣдующую надпись на картинѣ, посвященной *Мигурою* генеральному писарю *Симеону Савичу* въ день его ангела. Напередъ замѣтимъ, что подъ изображеніемъ св. Симеона Богопріимца находится гербъ, какъ можно полагать, Савича; на щитѣ герба изображенъ крестъ, подъ крестомъ луна, а подъ ними мечъ и стрѣла, положенныя крестообразно.

Виждь образъ Симеона, зрителя первенца!
Старъ сый, Духомъ водимый, подъемлетъ Младенца,
Нуждѣ смотритъ на Его, мира испрашаетъ,
Узривши спасеніе, умрѣти желаетъ.
Духомъ бѣ обѣщанно первѣі Христа зрити,
Таже вѣкъ свой старческій радостно вершити.
О, да удостоиши тезоименита
Симеона, зерцаяй Христа, драга свита!
Радуйся, нѣстунствуяй имя то по Бозѣ!
Мечъ, стрѣла, крестъ и луна сіяютъ на мнозѣ.
Крестъ съ луною будетъ ти путь, ведущь къ небу,
Стрѣла, мечъ возъисполнятъ Марсову потребу.
Твое благородіе тымъ днесь привѣствую,
Написавши сей образъ, усердно дарствую.
Пріими отъ богомольца даръ Іларіона,
Приносящаго тебѣ зъ любви Симеона.

Въ этой картинѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ ликъ старца Симеона. Это морщиноватое, старческое лицо, этотъ согбенный станъ и между тѣмъ какое-то благородство въ постановкѣ, эта голова съ едва уцѣлевшими и рѣдкими волосами, эта волнистая до пояса борода, наконецъ какое-то благоговѣйно-радостное выраженіе въ лицѣ, невольно бросаются въ глаза всякому. За то изображеніе Божественнаго Младенца очень неудачно.

447. Къ сожалѣнію, картинъ *Мигуры* уцѣлѣло немного. Мнѣ удалось собрать ихъ, и то въ самыхъ плохихъ оттискахъ, всего 13. Всѣ онѣ подарены мною Кіевской Академіи, и вошли въ составъ академическаго Альбома.

448. Исторія Росс. іерархіи Часть II. стр. 304.

449. Тамже Часть I. стр. 352.

450. Подробнѣйшія свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Ѳеофана Прокоповича. См. въ Словарѣ достопамятн. людей Русск. земли Часть III. стр. 604—627. Изд. 1847 г.

451. Бантышъ-Каменскій въ своемъ же Словарѣ (тамже стр. 613) называетъ Ѳеодосія »честолюбивымъ, дерзкимъ, самонадѣяннымъ«, совершенно не подозрѣвая того, что самъ же послѣдующимъ своимъ разсказомъ опровергаетъ несправедливый свой отзывъ о несчастномъ архипастырѣ новгородскомъ, — человѣкѣ образованномъ, пользовавшемся уваженіемъ Великаго Петра и независимо отъ того, что Ѳеофанъ »умомъ и дѣломъ (дѣлами?) бралъ верхъ надъ нимъ«, отличавшемся строгою нравственностью. Что касается до анекдота, взятаго изъ Вейдемейера, то кроиѣ вопіющей нелѣпости его, никого не удивитъ то, что иностранецъ такъ маратъ честь и достоинство русскаго архіерея, точно также какъ никто не повѣритъ такому злонамѣренно составленному разсказу. Иностранцамъ естественно было держать во всемъ сторону Ѳеофана: ибо онъ былъ ихъ покровителемъ. См. тамже стр. 608.

452. См. Сѣверн. Пчелу за 1833 годъ № 70. стр. 280. *Похороны Карлика.*

453. Полнѣйшее показаніе многочисленныхъ сочиненій Ѳеофана Прокоповича см. въ Словарѣ истории. Часть II. стр. 303—322.

454. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр 577.

455. Тамже стр. 129, 140, 582. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли стран. 263—267.

456. Исторія Росс. іерархіи Часть VI. Томъ II. стр. 811.

457. Тамже Часть I. стр. 154 и 577. Часть II. стр. 378.

458. Тамже Часть II. стр. 478 и 480.

459. Тамже Часть I. стр. 171 и 632.

560. Словарь историч. Часть I. стр. 37.

461. Тамже стр. 195, 248.

462. Онъ скончался архимандритомъ Новгородскаго Антоніева монастыря 1744 года и погребенъ въ паперти Большой церкви. Тамже Часть III. стр. 253.

463. Тамже Часть I. стр. 82, 186, 591, 607 и Часть II. стр. 363. Словарь достопамятн. людей Русск. Часть I. стр. 42—44.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Начатки Русской грамоты въ Кіевѣ Училища при св. князѣ Владимірѣ. Наказъ митрополита св. Михаила. Училища для женскаго пола при великихъ князьяхъ Кіевскихъ. Первая Библіотека въ Россіи. Кіевъ разсадникъ училищъ. Церковное пѣніе. Первая училищная ревизія. Правда Русская. Баянъ вѣщій . . . . 3—8

ГЛАВА II.

Бѣдствія Кіева отъ междоусобія князей. Батый разоряетъ Кіевъ. Галицкіе князья дѣлаются владыками Кіева. Появленіе католиковъ на юго-западѣ Россіи. Распространеніе латинскихъ школъ. Миссіонеры доминиканскіе въ Кіевѣ. Виды папы Иннокентія IV на кіевскую митрополію. Societas Peregrinantium. Католическая епископія въ Кіевѣ. Гоненіе на православныхъ при Ольгердѣ, Болеславѣ, Казимірѣ IV и при Людовикѣ, королѣ Венгерскомъ. Дѣйствія папъ Григорія XII и Урбана VI. Дѣйствія Societatis Peregrinantium. Кіевскій митрополитъ Кипріанъ Сербянинъ. Ягайло, великій князь литовскій. Доминиканцы хозяйничаютъ въ Кіевѣ. Владиславъ Ягелло и дѣйствія его. Князья и знатнѣйшіе дворянскіе роды—защитники православія. Два въ одно время кіевскихъ митрополита. Митрополитъ Григорій въ Римѣ. Учрежденіе постоянной католической епископіи въ Кіевѣ. Армяне въ Кіевѣ. Гоненія въ Литвѣ . . . . . 11—16

ГЛАВА III.

Начало уніи. Митрополитъ Исидоръ на флорентійскомъ соборѣ. Прибытіе его въ Кіевъ. Бѣгство Исидора въ Римъ. Первое введеніе уніи. Письма Исидора изъ Рима. Кіевъ—уѣздный городъ. Княгиня Елена. Кіевскій митрополитъ Іосифъ. Козаки. Митрополитъ Іона II. Сигизмундъ I. Преслѣдованіе древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ. Завоеванія великихъ московскихъ князей и слѣдствія того. Реформаты въ Польшѣ и Литвѣ. Вѣротерпимость Сигизмунда Августа. Отвѣтъ его Іоанну Эку. Борьба реформатовъ съ іезуитами. Протестантизмъ въ юго-западной Россіи. Михаилъ Рагоза и Ипатій Поцѣй. Введеніе уніи во всемъ ея объемѣ. Бѣдствія православія. Сочиненіе Поцѣя. Іезуитъ Скарга. Апологеты уніи. Ученые защитники православія. *Рада* о сохраненіи вѣры въ русскомъ народѣ . . . . . 23—35

ГЛАВА IV.

Появленіе православныхъ училищъ. Училища: Острожское, Львовское, Виленское, Полоцкое, Стрятинское, Луцкое, Кутеинское. Братская школа въ Могилевѣ. Сравненіе ихъ съ училищами католическими. Изчисленіе сихъ послѣднихъ. 35—42.

ГЛАВА V.

Основаніе краковской академіи. Внутреннее ея устройство Раздѣленіе на факультеты и коллегіи. Бурсы. Училищный порядокъ въ бурсахъ. Академическія степени. Обязанности членовъ факультета. Призваніе (vocatio). Содержаніе коллегіатовъ. Полученіе ученыхъ степеней. Persona promota. Patres Universitatis. In cathedra mori. Фундуши коллегіальные. Приходъ и расходъ академическихъ суммъ. Запасная сумма. Жалованье профессорамъ. Денежныя награды ученикамъ. Права академіи. Вторженіе іезуитовъ. Борьба краковскихъ ученыхъ съ іезуитами. Вліяніе іезуитовъ на академію. . . . . 43—56

ГЛАВА VI.

Основаніе кіевскаго училища. Митрополитъ Іона IV. Королевская привиллегія. Братство. Ослабленіе власти и вліянія католическаго духовенства. Предметы, преподаваемые въ православныхъ училищахъ. Состояніе кіевскаго училища въ первую эпоху его существованія. Унисъ. Гоненія отъ уніатовъ на православныя училища. Причины бѣдствія кіевской школы. Іезуиты и Доминиканы основываютъ въ Кіевѣ свои училища. Войны—причина упадка кіевской школы. Воспитанники первобытнаго кіевскаго училища: Карповичъ Леонтій. Копыстенскій Захарія. Плетенецкій Елисей. Саковичъ Кассіанъ-Каллистъ. Транквилліонъ-Ставровецкій Кириллъ. Хмѣльницкій Богданъ. Наставники: Мелетій Смотрицкій. Іовъ Борецкій . 57—68.

ГЛАВА VII.

Королевская привиллегія. Лавра возвращаетъ свои помѣстья. Богоявленское училище начинаетъ возрождаться. Анна Гулевичева. Запись Гулевичевой. Исаія Кушинскій, фундаторъ кіевской школы. Дѣйствія кіево-богоявленскаго братства. Братскія засѣданія. Обязанности дидаскала Порядокъ поступленія учениковъ въ школу Старшіе. Обязанности учениковъ, по отношенію къ Церкви Божіей. Занятія въ школѣ. Домашнія занятія учениковъ. Частныя обязанности школьниковъ. Поведеніе учениковъ внѣ училища. Лица, имѣвшія право поступать въ кіевскую школу. Раздѣленіе учениковъ по разрядамъ. Науки, преподаваемыя въ кіевской школѣ. Іезуиты. Прибытіе въ Кіевъ патріарха Ѳеофана. Обозрѣніе училищнаго порядка. Граматы Ѳеофана братству и училищу. Стеченіе народа къ 15 августа. Посвященіе Іова Борецкаго въ митрополиты. Клеветы уніатовъ. Гоненіе на православныхъ отъ Сигизмунда III. Сочиненіе Мелетія Смотрицкаго. Посланіе Іова Борецкаго. Ужасы уніатскаго гоненія. Разореніе кіево-братской школы. Гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный. Сочиненіе его въ защиту православія и кончина. Слѣдствіе, произведенное Сигизмундомъ III о патріархѣ Ѳеофанѣ. Дѣйствія по сему случаю іезуитовъ. Козаки—гроза гонителей православія . . . . . 71—92

ГЛАВА VIII.

Іовъ Борецкій.

1620—1631.

Смотрицкій и его отступленіе отъ православія. Волненіе по сему случаю. Соборъ въ Кіево-печерской Лаврѣ 1628 года. Катихизисъ Іова. Состояніе кіевской школы. Вмѣшательство шведскаго короля Густава Адольфа въ дѣла Малороссіи. Обѣщаніе Сигизмунда III и его магнатовъ. Іовъ отправляетъ пословъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу. Неуспѣшность сего посольства. Новыя жалобы митрополита королю. Королевская грамата братству. Дозволеніе королевское о кіевскомъ помѣстномъ соборѣ. Дѣйствія уніатскаго митрополита Велямина-Рутскаго. Вмѣшательство папы. Уніатскій соборъ во Львовѣ. Постановленіе коронаго сейма 1631 года. Пріобрѣтенія братства въ эту эпоху. Типографія въ Михайловскомъ монастырѣ. Ректоры кіевскаго училища: Саковичъ Кассіанъ. Земка Тарасій. Префектъ школы Сильвестръ Коссовъ. Воспитанники. Училищныя должности. Содержаніе школы. . . . . 95—104

ГЛАВА IX.

Исаія Кунинскій.

1631—1633.

Льгота православію. Исаія Купинскій проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. Первые годы Петра Могилы. Поступленіе его въ Лавру. Дума о преобразованіи учебной части. Пишетъ въ защиту православія. Посвященіе Могилы въ архимандриты. Прибытіе изъ-за границы воспитанниковъ его. Заведеніе школы при лаврскомъ больничномъ монастырѣ. Невыгоды сего для богоявленскаго училища. Жалобы кіевлянъ. Петръ Могила присовокупляетъ лаврское училище къ братскому. Актъ дворянства и мѣщанства кіевскаго. Актъ митрополита Исаіи и всего освященнаго собора. Актъ гетмана Петрижицкаго и войска запорожскаго. Дѣйствія Петра Могилы по училищу. Петръ Могила на варшавскомъ сеймѣ. Ему предлагаютъ жезлъ кіевской митрополіи. Могила принимаетъ предложеніе. Оправданіе поступка Петра Могилы. Посвященіе его въ митрополиты. Послѣднее ходатайство Могилы въ пользу училища. Возвращеніе его въ Кіевъ. Кончина Исаіи . . . . . 107—122

ГЛАВА X.

Петръ Могила.

1633—1647.

Война между Польшею и Великой Россіей. Уніаты снова поднимаются противъ православныхъ. Могила возвращаетъ и возобновляетъ Софійскій соборъ. Занятія его по училищу. Преобразованіе школы. Пожертвованія Могилы и прочаго братства. Интриги іезуитовъ. Возстаніе кіевлянъ на братскую школу. Апологія Коссова. Кіевляне успокоены. Костелъ доминиканскій. Уніатскій митрополитъ Рафаилъ Корсакъ. Грамата Владислава IV богоявленскому училищу. Угнѣтеніе Малороссіи. Козацкія войны. Новые происки іезуитовъ. Безмятежность кіево-братскаго училища. Обезпеченіе его въ содержаніи. Распредѣленіе классовъ. Классы низшіе. Классы средніе. Піитика и реторика. Діалектика. Любовь воспитанниковъ къ словеснымъ наукамъ. Классы высшіе. Философія. Холодность воспитанниковъ къ этой наукѣ. Другія науки, входившія въ классъ философскій. Богословіе. Причины цвѣтущаго его состоянія. Руководства по богословію. Гомилетика. Великая и малая инструкція. Преподаваніе языка латинскаго. Авдиторы. Нотаты. Субботки. Экзерциціи и оккупаціи. Соревнованіе учениковъ. Calculum. Языкъ славянскій. Бѣдность преподаванія его въ коллегіи. Теоретическое изученіе и филологическая разработка русскаго слова. Граматика львовская. Граматика Зизанія. Граматика Смо-

трицкаго. Словарь Зизанія. Памва Берында и словарь его. Преподаваніе греческаго языка. Польскій языкъ. Начальствующія лица въ коллегіи. Ректоръ и обязанности его. Префектъ. Суперъ-интендентъ. Визитаторы. Сеніоры. Директоръ. Цензоры. Magistri sodalium. Инспекторы. Калефакторы. Студенты и ученики. Наименованіе кіевскаго училища коллегіей. Патріотическое слово Петра Могилы и слѣдствіе того для коллегіи. Завѣщаніе Петра Могилы. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. 31 декабря. Послѣднее слово о Могилѣ. Состояніе коллегіи послѣ Петра Могилы. Ректоры коллегіи: Трофимовичъ Исаія. Початскій Софроній. Оксеновичъ Игнатій. Кононовичъ Іосифъ. Гизель Иннокентій. Наставники: Галятовскій Іоаникій. Славеницкій Епифаній. Сатановскій Арсеній. Замѣчательные воспитанники: Барановичъ Лазарь. Домецкій Гавріилъ. Іовлевичъ Игнатій. Радивиловскій Антоній. Савеловъ Іоакимъ. Софоновичъ Ѳеодосій . . . . . 125—166

ГЛАВА XI.

Сильвестръ Коссовъ.

1647—1657.

Избраніе Сильвестра въ митрополиты. Подвиги Хмѣльницкаго. Зборовскій договоръ. Хмѣльницкій въ Кіевѣ. Запись кіево-печерскаго архимандрита Іосифа Тризны. Посѣщеніе коллегіи патріархомъ Паисіемъ. Отзывъ его объ училищѣ. Замѣтка его о бѣдствіяхъ Церкви. Сильвестръ на варшавскомъ сеймѣ Утвержденіе Зборовскаго договора. Универсалъ Хмѣльницкаго. Вѣроломство поляковъ. Битва подъ Берестечкомъ. Бѣлоцерковскій трактатъ. Бѣдствія коллегіи. Пожертвованія въ пользу ея. Ддѣ граматы царя Алексія Михайловича кіево-богоявленскому братству. Упадокъ кіевской коллегіи. Малороссія поступаетъ въ подданство Царю Всероссійскому. Присяга кіевлянъ. Завоеванія Русскихъ. Кончина митрополита Сильвестра и гетмана Хмѣльницкаго. Сочиненія Коссова. Ректоры коллегіи: Иннокентій Гизель, Іосифъ Кононовичъ, Лазарь Барановичъ. Замѣчательнѣйшіе воспитанники: Ясинскій Варлаамъ, Максимовичъ Іоаннъ, Моравскій Павелъ, Самойловичъ Иванъ. 169—180

ГЛАВА XII

Діонисій Балобанъ.

1657—1663.

Избраніе Діонисія въ митрополиты. Гетманъ Виговскій. Гадячскій договоръ. Присяга Виговскаго и Діонисія на подданство королю польскому. Коллегія не принимаетъ титла академіи. Битва подъ Кіевомъ. Коллегія истреблена пожаромъ. Универсалъ полковника Дворецкаго. Его пожертвованія въ пользу коллегіи. Юрій

Хмѣльницкій—гетманъ. Онъ постригается въ монахи. Его пожертвованія братству. Отмѣна гадячскаго договора. Кончина Діонисія и искатели кіевской митрополіи . . . . . 183—190

ГЛАВА XIII.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій

и

Антоній Винницкій.

1663—1676.

Свѣдѣнія о жизни Іосифа. Онъ избранъ въ митрополиты восточной украйной. Антоній Винницкій избранъ западной стороной и Поляками. Іосифъ въ заточеніи. Антоній управляетъ митрополіей. Гетманъ Дорошенко. Іосифъ освобожденъ изъ заточенія и уѣзжаетъ въ Чигиринъ. Меѳодій, блюститель митрополитскаго престола. Онъ возмущаетъ Малороссію. Тукальскій противится подчиненію Кіева Царю русскому. Доносъ Меѳодія на гетмана Брюховецкаго. Измѣна его. Меѳодій умираетъ подъ стражею. Лазарь Барановичъ. Его первоначальныя дѣйствія. Глуховскій договоръ. Іосифъ Тукальскій даритъ коллегіи село Стайки. Грамата Михаила Корибута коллегіи. Другая его грамата. Заботы о коллегіи. Варлаамъ Ясинскій возстановляетъ коллегію. Нападеніе на братскій фундушъ. Жалобная грамата Ясинскаго. Состояніе Малороссіи. Кіевъ присоединенъ къ державѣ русской. Выгода сего для митрополіи и училища. Іосифъ Шумлянскій. Причины, лишившія патріаршій константинопольскій престолъ вліянія на церковь малороссійскую. Универсалъ гетмана Самойловича коллегіи. Другія пожертвованія. Кончина Іосифа Тукальскаго. Мѣсто его погребенія. Эксъ-митрополитъ Антоній. Возстановленіе коллегіи. Икона пресв. Богородицы, чтимаемой братской. Ректоры и профессоры: Іоаннкій Галятовскій, Мелетій Дзикъ, Варлаамъ Ясинскій, Сильвестръ Головчичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ I, Іоаннъ Максимовичъ. Воспитанники извѣстнѣйшіе: Антоній іеромонахъ, Базилевичъ Іустинъ, Голенковскій Варлаамъ, Корниловичъ Захарія, Крайскій Сильвестръ, Крековскій Іоасафъ, Лазаревичъ Іосифъ, Лежайскій Иларіонъ, Лещинскій Филоѳей, Милославскій Аѳанасій, Одиновичъ Антоній, Тунгало св. Димитрій, Углицкій Ѳеодосій, Яворскій Стефанъ, Янковскій Ѳеодосій. Столѣтіе коллегіи. . . . . 193—299

ГЛАВА XIV.

Гедеонъ Святополкъ,

КНЯЗЬ ЧЕТВЕРТЕНСКІЙ

1686—1690.

Состояніе Украйны. Юрій Хмѣльницкій Кіевъ. Внутреннія смятенія ослабѣваютъ. Миръ Россіи съ Польшею. Вѣроломство іезуитовъ. Прибытіе Гедеона въ Чигиринъ. Сиротство кіевской митрополіи. Нареченіе Гедеона митрополитомъ. Посвященіе его. Права, ему предоставленныя. Граматы царская и патріаршая. Прибытіе Гедеона въ Кіевъ. Протестъ Барановича и Кіево-печерской Лавры. Переписка съ восточными патріархами. Они отказываются отъ правъ своихъ на кіевскую митрополію. Дѣйствія уніатовъ. Жалобы Гедеона. Еретическія мнѣнія, посѣваемыя іезуитами и уніатами. Запросъ патріарха Іоакима. Заботы Гедеона о своей паствѣ и объ училищѣ. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Состояніе ея. Сформированіе полнаго учебнаго курса. Ректоры коллегіи: Іезекиль Филипповичъ, Ѳеодосій Гугуревичъ, Пахомій Подлузскій, Кириллъ Филимоновичъ. Кончина Гедеона. Характеръ его и духовное завѣщаніе. Экзаменъ Стефану Яворскому, прибывшему изъ-заграницы. Остальная біографія Яворскаго. Воспитанники коллегіи: Боболинскій Леонтій, Волынскій Сильвестръ, Косовскій Варлаамъ, Краснопольскій Рафаилъ, Леонтовичъ Ѳеофанъ, Стаховскій Антоній. Денисовъ Андрей въ кіевской коллегіи . . . . . 233—252

ГЛАВА XV.

Варлаамъ Ясинскій.

1690—1707.

Избраніе Варлаама Ясинскаго въ митрополиты. Грамата Мазепы. Ревизія коллегіальныхъ имѣній. Пожертвованія училищу. Царское жалованье коллегіи. Грамата царская. Стеченіе воспитанниковъ въ коллегію. Просьба Варлаама. Грамата Петра I. Мазепины постройки въ братскомъ монастырѣ. Универсалъ Мазепы. Разныя пожертвованія въ пользу коллегіи. Коллегія получаетъ отъ Петра I названіе Академіи. Права ея. Іезуиты изгнаны изъ Кіева. Петръ Великій въ Кіевѣ. Закладка печерской крѣпости. О доходахъ академіи. Академическія конгрегаціи. Обряды при выборѣ конгрегаціонныхъ членовъ. Обязанности ихъ. Расходъ конгрегаціонныхъ суммъ. Школы приходскія. Сборъ подаяній. Кондиціи. Миркачи. Спѣваки. Ни-

струментальная музыка. Любовь академистовъ къ музыкѣ. Вертепы. Драматическія представленія въ академіи. Драматическія сочиненія. Мѣсто представленій. Рекреаціи Праздники академическіе. Панихида 31 декабря. Вербная суббота. Погребеніе усопшихъ, принадлежавшихъ къ академіи. Богословскіе уроки Кроковскаго. Нѣчто объ упрекахъ академіи за схоластицизмъ. Экзамены. Диспуты еженедѣльные. Годичные. Двухъ-годичные. Состояніе философскихъ наукъ въ эту эпоху. Реторика. Поэзія. Геометрія. Библіотека академическая. Ректоры академіи. Воспитанники сего времени: Берутовичъ Германъ, Бужинскій Гавріилъ, Волатковскій Варнава, Гловацкій Сильвестръ, Жураковскій Продіонъ, Заборовскій Рафаилъ, Конашевичъ Лука, Кульчицкій Иннокентій, Леницкій Варлаамъ, Линцевскій Гервасій, Лопатинскій Θеофилактъ, Мигура Иларіонъ, Прилуцкій Іероѳей, Прокоповичъ Θеофанъ, Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ, Радышевскій Маркеллъ, Рогалевскій Иларіонъ, Сморжевскій Θеодосій, Тихорскій Епифаній, Туровойскій Іосифъ, Шпаковскій Савва, Юшкевичъ Амвросій . . . . . 254—316

КІЕВЪ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИМЪ ЕГО УЧИЛИЩЕМЪ

АКАДЕМІЕЮ.

Соч.

В. АСКОЧЕНСКАГО.

ЧАСТЬ II.

Кіевъ.

Въ Университетской типографіи.

1856.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. 1856 Апрѣля 30 дня.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ, *Ор. Новицкій.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Іоасафъ Кроковскій.

Кроковскій представленъ въ коадъюторы. Неуспѣхъ этого. Дѣйствія уніатовъ. Кончина Варлаама. Избраніе Кроковскаго въ митрополиты. Приготовленія къ пріему его въ Москвѣ. Отъѣздъ Кроковскаго. Посвященіе его въ митрополиты. Грамата царская. Встрѣча новаго митрополита. Замѣчательная картина. Измѣна и проклятіе Мазепы. Петръ I въ Кіевѣ. Моровая язва. Мощи св. великомуч. Варвары Акаѳистъ. Саранча. Буйство Орлика. Кіевъ въ опасности. Угнѣтеніе православныхъ. Постановленіе сейма. Грамата Скоропадскаго. Состояніе Академіи. Число воспитанниковъ въ 1715 г. Костюмъ тогдашняго студента Ректоры Академіи. Вызовъ Кроковскаго въ Петербургъ и кончина его. Завѣщаніе. Администрація кіевской іерархіи. Пожаръ въ Лаврѣ. Моровая язва. Буйства уніатовъ. Повелѣніе избрать новаго митрополита. Неуспѣшность избранія.

1707—1718.

Престарѣлый архипастырь кіевской іерархіи Варлаамъ Ясинскій, еще въ пятомъ году своего правленія митрополіей, чувствуя немощь свою, представлялъ Государю просьбу о назначеніи ему коадъютора, и самъ указалъ достойнаго помощника себѣ въ ректорѣ Академіи и вмѣстѣ кіево-братскомъ игуменѣ Іоасафѣ Кроковскомъ. Снисходя къ ходатайству Варлаама, Государь повелѣлъ вызвать представляемаго кандидата въ Москву: но патріарху Адріану не понравилось требованіе другаго коадъютора, когда уже такимъ считался епископъ переяславскій, и подъ разными предлогами онъ отклонилъ посвященіе Іоасафа

въ епископы. Петру I некогда было обратить на сіе ближайшаго вниманія, ибо въ эту пору случился азовскій походъ, а потомъ отправленіе Державнаго путешественника за границу, и Кроковскій возвратился домой, гдѣ въ замѣнъ не состоявшагося коадъюторства ожидалъ его архимандритскій жезлъ Кіево-печерской Лавры.

Но и на этомъ посту онъ оставался ближайшимъ пособникомъ престарѣлаго іерарха. Не смотря на то, что Варлаамъ успѣлъ очистить Кіевъ отъ іезуитовъ и уніатовъ,—враги православія продолжали свирѣпствовать особенно въ той части Украйны, которая подлежала польскому владычеству. Объ этомъ еще въ первомъ году, по принятіи жезла архипастырскаго, писалъ онъ къ Царямъ, особенно жалуясь на львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, который съ братомъ своимъ Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, позволялъ себѣ всякія неистовства противъ православныхъ, а первый изъ нихъ, продолжая именоваться блюстителемъ кіевской митрополіи и архимандритомъ кіево-печерскимъ, всѣми силами старался стать дѣйствительнымъ и независимымъ митрополитомъ галицкимъ. Безпомощные жители Украйны обращались къ архипастырю кіевскому съ неотступными просьбами о защитѣ: но что могъ сдѣлать Варлаамъ, лишенный всякой возможности дѣйствовать въ пользу тѣхъ, которые политикою отодвинуты были за предѣлы епархіальной его власти? Россія тоже не могла тогда защищать ихъ, будучи занята войною шведскою, и дѣло обороны православія въ юго-западномъ краю Россіи легло всей своей тяжестью на крѣпкаго умомъ и волею архимандрита Іоасафа Кроковскаго. Утѣшая престарѣлаго первосвятителя, ободряя угнѣтенныхъ обѣщаніемъ скорой помощи, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ, онъ представлялъ собою такого человѣка, на котораго устремлены были взоры всѣхъ ожидавшихъ тишины и спокойствія.

Въ августѣ 1707 года митрополитъ Варлаамъ видимо сталъ уже склоняться къ могилѣ. Прежде когда-то онъ и на слу-

женіе въ кіевскіе монастыри и церкви ходилъ пѣшкомъ, а въ послѣдніе годы жизни его уже носили въ церковь. Наконецъ 22 числа святитель Христовъ предалъ праведную душу свою въ руцѣ Божіи, а тѣломъ почилъ во святой Кіево-печерской Лаврѣ.

Внѣшній видъ Варлаама честенъ бѣ сѣдинами,
Внутрный же бѣ лучшими украшенъ шарами,
Любви яже ко ближнимъ и яже къ Богу
Красоту души его являше премногу,
Мудрость со Христовою смѣси простотою,
Мужъ старъ лѣты, купно же малъ отрокъ злобою.
Нравомъ и достоинствомъ великъ бывъ и славенъ,
Обаче и малѣйшимъ творяшеся равенъ.
Бдѣніемъ угаси свѣтъ очей вещественныхъ,
Но просія лучами видѣній мысленныхъ,
Труды скору сотвори смерть себѣ телѣсну,
Но тѣмижде лучшую сниска жизнь небесну.

Такъ гласитъ современная надпись на портретѣ Варлаама, одного изъ великихъ іерарховъ Кіева. »То написа на погребе»ніе въ св. Лаврѣ печерской честнаго тѣла сего въ Духу Свя»томъ отца своего и архипастира недостойный сынъ и архи»діяконъ Іларіонъ Микгура. 1707 г. октоврія 19«[1].

Октября 19 того же года состоялся соборъ изъ всего кіевскаго духовенства для избранія первосвятителя вольными голосами, по прежнимъ правамъ малороссійскимъ. Общее единодушное согласіе пало на Іоасафа Кроковскаго, и гетманъ Мазепа представилъ объ этомъ Государю.

Нареченный митрополитъ былъ потребованъ въ Москву, гдѣ къ пріѣзду его начали дѣлать приготовленія. Приказъ Монастырскій навелъ подробнѣйшія справки о стойности пріема прежнихъ митрополитовъ кіевскихъ Гедеона и Варлаама, и изчислилъ,

что въ настоящій разъ это будетъ стоить казнѣ три тысячи шестьсотъ тридцать семь рублей семь алтынъ и двѣ деньги[2]. Это была высшая смѣта, и Государь утвердилъ ее.

24 февраля 1708 года Іоасафъ выѣхалъ изъ Кіева, въ сопровожденіи осмидесяти девяти человѣкъ своей свиты для принятія сана митрополитскаго. Кромѣ этого, онъ имѣлъ еще въ виду исходатайствовать у Государя подтвердительную грамату на мѣстечко Стайки, вновь приписанное къ Академіи Мазепою. Въ гетманскомъ универсалѣ по этому случаю было сказано, что означенное селеніе дается »во уваженіе того, что коллегіатскій »монастырь есть всей Церкви православно-восточной благопо»требный и благополезный«.

Августа 15 того же года совершено было Стефаномъ Яворскимъ, блюстителемъ патріаршаго престола, рукоположеніе Іоасафа въ митрополиты. Сентября 20 онъ получилъ отъ Государя подтвердительную грамату на м. Стайки для Кіевской Академіи: но настольная грамата прислана была ему уже черезъ годъ[3]. Въ ней, кромѣ подтвержденія всѣхъ прежнихъ правъ на владѣніе имѣніями и угодьями, изъяты изъ подъ вѣдомства митрополитскаго архіепископъ черниговскій и архимандритъ кіевопечерскій; за то подчиненъ Нѣжинъ со всѣми находившимися тамъ греческими церквами и духовенствомъ. Кромѣ этого вмѣнялось въ обязанность митрополиту о »ставленикахъ изъ за»границъ польскихъ приходящихъ имѣти бодрое и прилѣжное »попеченіе, и которые будутъ ради посвященія въ Кіевъ при»ходить, тѣхъ принимать и посвящать и поступать съ оными »въ наказаніи духовныхъ правъ и въ наученіи по преданію свя»тыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, и при посвященіи приводить »оныхъ ставленіковъ предъ св. Евангеліемъ къ вѣрѣ, дабы они »имѣли о Церквѣ православной восточной попеченіе, и отъ »уніатовъ и иныхъ вѣры нашей православной святаго грече»каго благочестія противниковъ осторожность и опасеніе, да не

»вкрадутся оные, яко волцы, къ похищенію святыхъ церквей, »но должны тщиться въ размноженіи благочестія святаго и о »наученіи заграничнаго народа православныя нашея вѣры« (4).

Новопосвященный митрополитъ явился наконецъ въ предѣлахъ Малороссіи. Шествіе его было рядомъ торжествъ, щедро расточаемыхъ своему архипастырю и духовными властями и малороссійскими чинами. Въ октябрѣ 1708 года Іоасафъ прибылъ въ Борзну, гдѣ, встрѣченный придворнымъ штатомъ самаго гетмана, останавливался на нѣкоторое время, по случаю болѣзни Мазепы. Былъ ли онъ увѣренъ въ подложности страданій хитраго честолюбца, или и его, какъ всѣхъ прочихъ, обманулъ онъ своей болѣзненной неподвижностью на мнимострадальческомъ одрѣ, — остается неизвѣстнымъ. Послѣднее однакожъ имѣетъ болѣе вѣроятности, потому что Іоасафъ самъ изъявилъ желаніе соборовать его масломъ (5). Но самая замѣчательная встрѣча ожидала Кроковскаго въ родномъ его Кіевѣ. Не смотря на неурочное время года, въ Академіи данъ былъ по случаю прибытія его торжественный диспутъ, на которомъ, кромѣ рѣчей на разныхъ языкахъ, поднесена была ему отъ лица всего училища великолѣпнѣйшая картина, отлично сочиненная и исполненная однимъ изъ воспитанниковъ Академіи *Максентіемъ Щирскимъ*, іеромонахомъ и учителемъ поэзіи. Картина эта раздѣляется на двѣ половины, имѣющія между собою тѣсную связь. На первомъ планѣ съ лѣвой стороны изображены три дѣвы въ коронахъ изъ городковъ и башенъ, представляющія Великую, Малую и Бѣлую Россіи; Малая Россія, облеченная въ порфиру, стоитъ на колѣняхъ, и съ радостнымъ видомъ простираетъ руки къ Іоасафу; на лицѣ дѣвы, представляющей Бѣлую Россію, видно скорбное моленіе; Великая же Россія какъ будто поручаетъ единоплеменницъ своихъ попеченію іерарха, выражая движеніемъ своимъ, что она все сдѣлала и впредъ готова дѣлать для доставленія имъ тишины и счастія. На одной линіи съ этими дѣвами изображена Минерва съ кни-

гою въ правой и съ знаменемъ въ лѣвой рукѣ; лицо ея обращено къ студентамъ, сгруппированнымъ за богиней и одѣтымъ въ современный, присвоенный имъ костюмъ. На томъ же планѣ изображенъ гетманъ Иванъ Мазепа, сопровождаемый своими полковниками, асаулами и всей козацкой знатью. На второмъ планѣ, въ нѣсколько отдаленной перспективѣ, съ лѣвой стороны, изъ подъ великолѣпнаго шатра выходитъ въ сіяніи дѣва въ первосвященническомъ одѣяніи, изображающая Церковь, яко невѣсту, исходящую изъ чертога своего; ее сопровождаютъ семь юныхъ дѣвъ съ лиліями въ рукахъ, онѣ представляютъ или семь главныхъ добродѣтелей, или можетъ быть семь таинствъ Церкви православной. Отъ устъ Церкви исходитъ слѣдующее привѣтствіе: *возлюбленный мой, вниди въ виноградъ свой собирати крины.* Путь, по которому шествуетъ Церковь, усыпанъ цвѣтами, которые разсѣяваютъ два порхающіе ангела, а внизу надпись: *цвѣти явишася на земли нашей.* Съ правой стороны изображенъ самъ Іоасафъ Кроковскій съ подъятыми къ небу руками, сопровождаемый святителями, сонмомъ служителей алтаря и безчисленной толпою народа, выходящими изъ великолѣпнаго шатра; отъ устъ іерарха паствы кіевской исходятъ слѣдующія слова: *да станетъ солнце прямо Гаваону, дондеже враги побѣдитъ.* На третьемъ планѣ, въ отдаленнѣйшей перспективѣ, представленъ городъ Кіевъ, раздѣленный на двѣ части высокими горами, по уступамъ которыхъ видно множество скачущихъ всадниковъ по направленію къ правой сторонѣ, гдѣ виднѣется Софійскій монастырь. Въ самомъ верху, представляющемъ небеса, по правую сторону въ сіяющихъ звѣздахъ помѣщены св. угодники печерскіе, а съ лѣвой тоже въ звѣздѣ, св. Іоаннъ Креститель (патронъ гетмана Мазепы) съ надписью на верху: *денница солнца Предтеча,* внизу же подъ звѣздой въ струѣ свѣта, простирающейся къ торжествующей невѣстѣ Церкви, слѣдующій стихъ: *се женихъ грядетъ, изыдите въ срѣтеніе его.* Въ самой вышинѣ, посреди картины, изображеніе знаменія пресв. Богородицы съ надписаніемъ вокругъ: *жена оболчена въ солнце.*

Внизу картины находится слѣдующая надпись: *Всенародное торжество отечества, и Церкви россійской, радующейся о благополучномъ пришествіи входящаго на престолъ свой своего пастыря ясне въ Богу преосвященства, его милости господина отца Киръ Іоасафа Кроковскаго, милостію Божіею православнаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи, архимандрита святыя, чудотворныя лавры Печерскія Кіевскія отъ усерднаго слуги и богомольца своего іеромонаха учителя піитики Максентія Щирскаго* с. м... *міру явленная.* Въ тоже время другимъ изъ воспитанниковъ Академіи *Андреемъ Хмарнымъ* поднесено новому архипастырю сочиненіе, напечатанное въ томъ же 1708 году съ посвященіемъ митрополиту Рафаилу и озаглавленное такъ: Domus Sapientiae — *Домъ премудрости*[6].

А между тѣмъ Мазепа, возводя церкви и украшая ихъ своими гербами, краснорѣчиво повѣствуя о своемъ радѣніи въ пользу православія и просвѣщенія, готовилъ Малороссіи страшное несчастіе отпаденія отъ той имперіи, съ которою она начинала сливаться нераздѣльно. Прикрывая хитростію и заливая кровью невинныхъ[7] тайну своей измѣны, Мазепа вдругъ соединился съ врагомъ Россіи, и раздраженный Петръ I положилъ поразить клятвопреступника судомъ церковнымъ. Прибывъ въ Глуховъ 6 ноября 1708 года, онъ вызвалъ на соборъ Іоасафа Кроковскаго и другихъ окружныхъ первосвятителей, которые, по повелѣнію Императора, торжественно предали проклятію коварнаго измѣнника и ненасытнаго честолюбца[8]. Болѣзненно отзывалась въ сердцѣ Іоасафа анаѳема тому, кого за нѣсколько дней предъ симъ почиталъ онъ охранителемъ православія и благодѣтелемъ просвѣщенія: но скорбя о человѣкѣ, онъ поражалъ клятвою измѣнника вѣрѣ, Царю благодѣтелю и родному краю. Немедленно по прибытіи въ Кіевъ, митрополитъ обнародовалъ актъ проклятія печатными листами съ увѣщаніемъ ко всему народу пребывать въ вѣрности къ Государю и новоизбранному гетману Ивану Скоропадскому[9].

Была великая полтавская битва. Побѣдитель дотолѣ непобѣдимаго Карла XII, Великій Петръ 22 іюля прибылъ въ Кіевъ для принесенія благодарственнаго моленія Господу Богу за дарованную ему побѣду. И снова передъ державнымъ Владыкою Россіи предсталъ тотъ, кто уже привѣтствовалъ его недавно блистательною рѣчью, кто теперь былъ только іеромонахомъ и префектомъ Академіи, но уже сдѣлалъ шагъ въ іерарха — министра. Въ храмѣ св. Софіи Прокоповичъ произнесъ знаменитый свой панегирикъ Государю, не забывъ и любимца его Меньшикова. »мы въ Александрѣ, говорилъ онъ, видимъ Петра, и »его священнѣйшему Величеству въ твоемъ лицѣ покланяемся«. Во всѣхъ кіевскихъ церквахъ совершено было торжественное молебствіе о побѣдѣ, дарованной Великому, и Кіевъ радовался тѣмъ болѣе, что въ эту минуту самъ Державный Побѣдитель былъ въ стѣнахъ его.

Замѣтимъ между прочимъ, что первая побѣда русскаго воинства надъ образованными европейскими полчищами была отпразднована самимъ Царемъ не въ новосозидаемой столицѣ, даже не въ первопрестольной Москвѣ, а въ древнѣйшемъ стольномъ городѣ св. Владиміра и Ярослава, златоглавомъ Кіевѣ. За Царя и воинство его были ходатаями предъ престоломъ Божіимъ св. угодники печерскіе, и, по совершеніи великаго дѣла, они же привлекли въ святую обитель самодержавнаго повелителя вознести вмѣстѣ съ ними благодарственныя моленія Господу силъ въ русскомъ Іерусалимѣ.

Вскорѣ по отъѣздѣ Петра, Кіевъ пораженъ былъ тяжкимъ бѣдствіемъ. Открылась моровая язва сначала въ окрестностяхъ Полтавы; устрашенные жители бѣжали кто куда могъ, и Кіевъ наполнился несчастными бѣглецами, принесшими съ собою нищету, отчаяніе и ужасную болѣзнь. Язва открылась здѣсь въ мартѣ 1710 и продолжалась до генваря 1711 года. Въ это »время, говоритъ очевидецъ, пустъ городъ Кіевъ остался, яко

»выгнанно всѣхъ обывателей изъ Кіева и странствоваху отъ »града во градъ, единъ другаго чуждаючися — отецъ дѣтей, »дѣти отца, и мнозѣхъ трупіе поядаху звѣріе, птицы, псы и »свинія. Церкви божественныя опустѣша, такожъ и монастыри, »и не бѣ ни жертвы, ни приношенія, и таково бяше время, яко »ни купити, ни продати, ибо города сталися позапираны, домы »позабиваны, жители изгнаны, и вся яже кто имѣяше, остав- »ляше и бѣгаше по пустыняхъ и поляхъ, и тогда бяше тое, »яко двѣ мельницы въ жерновахъ, едина поемлется, а другая »оставляется; видѣхъ другъ друга смерть ходячи, ибо и сидячіи »умирали нечаянно, и живыи чуждахуся мертвыхъ своихъ [10].

Въ эту бѣдственную годину Кіевъ былъ свидѣтелемъ чуда, явленнаго Богомъ, дивнымъ во святыхъ своихъ. »Егда вся »обители святыя толь веліею во многихъ людехъ нечаянною »казнени быша язвою, яко въ нѣкіихъ мало кому, во иныхъ »же ни единому судися быти живу; едина точію обитель свято- »Михайловская Золотоверхая Кіевская, честно въ себѣ нетлѣн- »ныя мощи святыя великомученицы Варвары хранящая, чу- »деснѣ молитвами ея отъ тоя сохранися казни, яко всѣмъ жив- »шимъ въ ней и въ другомъ приписномъ къ ней скитку, неда- »лече отъ града отстоящемъ, изволеніемъ Божіимъ, здравымъ »и живымъ устроися быти« [11]. Желая увѣковѣчить сіе великое знаменіе молитвеннаго ходатайства св. Великомученицы, митро- политъ Іоасафъ сочинилъ ей акаѳистъ, который установилъ про- читывать еженедѣльно по вторникамъ, и православные кіевляне съ той поры и до нынѣ слышатъ »благодарственная пѣнія и хваленія« получившей отъ Бога благодать »хранити и соблю- »дати отъ внезапныя болѣзни и наглыя смерти всякаго чело- »вѣка, вѣрою, любовію и благоговѣніемъ воспоминающаго и по- »читающаго честная страданія св. Великомученицы« [12].

Но не прошло еще совсѣмъ это страшное наказаніе Божіе, какъ на поля украинскія снова налетѣла саранча, за двадцать

лѣтъ предъ симъ истребившая всѣ произрастенія и запасы хлѣбные до зерна. Пораженный сими двумя бичами небесными, народъ, по сказанію лѣтописца, думалъ, что уже пришла кончина міра, и приготовлялся къ смерти, мало заботясь о своей нестерпимой жизни[13].

И этимъ еще не кончились бѣдствія Кіева и всей юго-западной Россіи. Бѣглецы Мазепины, по смерти своего атамана, провозгласили со стороны Порты и короля шведскаго гетманомъ своимъ Орлика, который тотчасъ же началъ дѣлать на бумагѣ разныя распоряженія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ полновластный господинъ Украйны. Возмущая довѣрчивый народъ самыми несбыточными обѣщаніями, онъ разсылалъ свои универсалы по заднѣпрію и всей Малороссіи, приглашая всѣхъ къ повиновенію себѣ. Кіевъ, какъ столица древней Россіи, обращалъ на себя особенное вниманіе возмутителя. Тринадцатою статьею своего договора съ Запорожцами онъ обѣщалъ оставить какъ самый Кіевъ, такъ и всѣ украинскіе города при тѣхъ правахъ и привиллегіяхъ, которыя издавна были пожалованы имъ польскими королями[14]. Но сумазбродныя воззванія палача Кочубеева не произвели никакого дѣйствія на вѣрныхъ долгу и присягѣ Малороссіянъ; одни только буйные Запорожцы, имѣвшіе свои становища въ устьяхъ Днѣпра и Буга, почти посреди степей татарскихъ, пристали къ Орлику, и соединившись съ крымскими и бессарабскими татарами, дѣлали многіе набѣги и разоренія въ Малороссіи, и особенно въ заднѣпріи, »отомщевая, какъ говоритъ Конисскій, народу за его къ нимъ недоброжелательство »и сопротивленіе«. Самый Кіевъ не разъ видѣлъ себя близкимъ къ опасности, и гетманъ Скоропадскій неустанно долженъ былъ бодрствовать на стражѣ общественнаго спокойствія. Прибытіе въ 1712 году великороссійскихъ войскъ въ знатнѣйшіе малороссійскіе города успокоило повсемственное волненіе, а въ самомъ Кіевѣ остался съ того времени безсмѣнный гарнизонъ изъ русскихъ солдатъ.

Но и силы Царя Русскаго не могли обуздать фанатическаго изувѣрства гонителей Православія. Къ несчастію, въ слѣдствіе прутскаго договора, Украйна правой стороны Днѣпра отошла къ коронѣ польской, и для ревнителей папизма и уніатства снова предстали заботы обращать въ свою вѣру тѣхъ, которые до сихъ поръ были внѣ предѣловъ ихъ фанатической власти. И безъ того уже вся Подолія и Волынія лишены были православныхъ храмовъ и свободы вѣроисповѣданія; въ 1712 году прибылъ съ Волыни въ Кіевъ и послѣдній православный епископъ тамошній Кириллъ Шумлянскій, опредѣленный потомъ черезъ три года въ Переяславль, съ званіемъ митрополитскаго коадъютора. Хотя въ 1717 году трактатомъ Россіи съ Польшею и было обѣщано православнымъ церквамъ и духовенству возвращеніе прежнихъ правъ и вольностей: но по случаю продолжавшейся еще тогда шведской войны польскій сеймъ не только не думалъ объ исполненіи своего обѣщанія, но даже постановилъ уничтожить всѣ храмы, недавно въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и въ самыхъ домахъ заведенные *диссидентами*, и запретилъ не только общенародныя, но и частныя въ нихъ собранія, молитвословія и пѣнія. Вмѣстѣ съ симъ отнято право чиновъ и гражданственныхъ должностей отъ всѣхъ диссидентовъ, и каждый изъ нихъ обложенъ былъ особымъ штрафомъ. Польша оскорбляла Петра I: но скоро дождалась Екатерины II.

Академія также не могла не раздѣлять бѣдствій своего края. Въ однихъ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіальному братству, произвели страшное опустошеніе моровая язва и саранча; а другія отошли за границу, подъ владычество Польши. Снисходя къ такому бѣдствію Академіи, гетманъ Иванъ Скоропадскій, въ 1714 году, безъ всякаго представленія и прошенія со стороны академическаго начальства, далъ обѣднѣвшему училищу новое село. »Съ особеннымъ вниманіемъ, писалъ онъ въ своемъ уни»версалѣ, взирая на обитель кіево-могилянскую, всему отечеству »нашему благопотребную, гдѣ сыны Малороссіи надлежащее

»имѣютъ въ наукахъ наставленіе, для совершенія всякихъ доб»рыхъ дѣлъ и благонравныхъ поступковъ свою исправляютъ »юность, и оттуда на подпору Церкви православной и отчизны »просвѣщенные разумомъ исходятъ, и что потому особливо то »святое мѣсто требуетъ искусныхъ мужей и благоразумныхъ »учителей; для вспоможенія и довольствованія оныхъ нынѣ, »когда помянутой обители маетности на другомъ боку Днѣпра »отошли за границу въ польскую державу, отдаемъ симъ на»шимъ универсаломъ село, прозываемое Ядловкою, позволяя имъ »съ тамошнихъ посполитыхъ людей всякія повинности и ко»рысти отбирати«.

Но не смотря на житейскіе недостатки, внутреннее состояніе училища не могло назваться бѣдственнымъ. Находясь подъ покровительствомъ просвѣщеннѣйшаго и дѣятельнѣйшаго іерарха, богатая отличными наставниками, Академія не оскудѣвала ни науками, ни воспитанниками. Довольно того, что въ 1715 году въ ней считалось *тысяча сто* учениковъ разныхъ сословій, между которыми однакожъ брало перевѣсъ малороссійское дворянство. Дѣти помѣщиковъ были въ этой ученой семьѣ аристократами и рѣзко отдѣлялись отъ сотоварищей своихъ и манерами и костюмомъ. Изъ уцѣлѣвшихъ рисунковъ и описей[15] можно видѣть, какъ вообще одѣвались тогдашніе студенты. Верхнюю одежду составляла такъ называемая *кирея*, родъ шинели безъ капишона, съ откидными рукавами, простиравшаяся до самыхъ пятъ. Лѣтомъ она бывала у богатыхъ изъ шелковой матеріи, а у бѣдныхъ изъ китайки, а зимой изъ сукна, и по краямъ обшивалась краснымъ или желтымъ снуркомъ въ узорахъ. Въ зимнюю пору подъ кирею надѣваемъ былъ кожухъ овчинный, подпоясываемый шелковымъ, камлотовымъ или просто шерстянымъ кушакомъ; а въ лѣтнюю короткій кафтанъ изъ какой нибудь цвѣтной матеріи, до верха застегиваемый металлическими пуговицами. Штаны у щеголей бывали красные или голубые замѣчательной ширины; шапка дѣлалась изъ смушекъ

съ какимъ нибудь цвѣтнымъ верхомъ, похожая на старинныя мурмолки. Сапоги бывали тоже разныхъ цвѣтовъ; щеголи носили красные и желтые съ отворотами, на высокихъ каблукахъ и съ звенящими подковами. Костюмъ этотъ былъ нормальнымъ для всякаго студента, особенно высшихъ классовъ, и перемѣны въ оном не допускалось никакой, ибо онъ почитался »шляхетскимъ«.

Митрополитъ Іоасафъ, самъ непосредственно наблюдавшій за чтеніемъ академическихъ уроковъ, всѣми силами старался освободить высшія науки отъ подчиненія давнопринятымъ аристотелевскимъ началамъ, и, къ удовольствію своему, нашелъ въ ректорахъ дѣятельныхъ и разумныхъ себѣ пособниковъ.

Выше было упомянуто о *Христофорѣ Чарнуцкомъ,* управлявшемъ Академіей съ 1706 по 1709 годъ: но ученая дѣятельность этого человѣка слѣдна передъ дѣятельностію знаменитаго сотрудника и потомъ преемника его *Ѳеофана Прокоповича II.* Принявъ въ 1708 году префектуру, онъ какбы не хотя велъ науку философіи по проложенной уже предшественниками его тропинкѣ[16], имѣя въ виду богословіе, котораго суждено было ему стать преобразователемъ. Въ 1709 году, по назначеніи Чарнуцкаго настоятелемъ Кіево-Николаевскаго монастыря, Прокоповичъ, оставаясь все тѣмъ же префектомъ, допущенъ къ исправленію и ректорской должности: но 1711 года, Государь Петръ I, отправляясь въ турецкій походъ, взялъ съ собою Прокоповича, и уже по возвращеніи своемъ, повелѣлъ произвести его въ игумены Братскаго монастыря и утвердить въ званіи ректора и профессора богословія. »Сію должность, замѣчаетъ митрополитъ Евгеній, проходилъ онъ по іюнь мѣсяцъ 1716 »года съ такою славою, какой предмѣстники его въ семъ зва»ніи еще не имѣли«[17]. Какъ профессоръ, Прокоповичъ старался въ своей наукѣ совмѣстить все, что имѣла тогда лучшаго Европа, и потому, не довольствуясь прежде принятыми образ-

цами, обращался къ руководствамъ Гергарда и другихъ нѣмецкихъ богослововъ. Не стѣсняя себя строгими условіями системы, Прокоповичъ обдѣлывалъ отдѣльные трактаты, которые въ такомъ видѣ и являлись въ печати, составляя предметъ удивленія самихъ ученѣйшихъ иностранцевъ. Но поспѣшность, съ какою Ѳеофанъ работалъ, была причиною того, что въ лекціи его вкрались нѣкоторыя ошибки, сильно опротестованныя потомъ Стефаномъ Яворскимъ[18]. Со временемъ онѣ были исправлены ректорами Академіи, которые, слѣдуя предначертаніямъ Прокоповича, изложеннымъ во Введеніи въ Богословіе, занимались приведеніемъ въ порядокъ его трактатовъ и образованіемъ изъ нихъ правильной системы. Изданная потомъ въ свѣтъ, она составила лучшее и первѣйшее руководство во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ православной Россіи. Кромѣ этого, Прокоповичъ имѣлъ благотворное вліяніе на Академію и другимъ образомъ. Высокое значеніе его, пріобрѣтенное милостивымъ вниманіемъ Государя и могущественнаго любимца его Меньшикова, связи съ другими вельможами Двора, не могли не быть благодѣтельными и для училища; въ аудиторіи его стали слышаться знатнѣйшія фамиліи, и всѣ лучшіе помѣщики малороссійскіе, зная о любви Монарха къ просвѣщенію, наперерывъ спѣшили отдавать дѣтей своихъ въ единственное тогда училище. Граждане, купцы и мѣщане кіевскіе за честь себѣ поставляли быть въ числѣ воспитанниковъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ родамъ того края, и слава объ Академіи загремѣла повсюду.

Сотрудникомъ Прокоповича въ профессорскомъ дѣлѣ былъ *Іоасафъ Томиловичъ*. Онъ во всемъ слѣдовалъ указаніямъ ректора, и составленная имъ реторика (1711 г.)[19], а потомъ система философіи (1715)[20] нимало не отступали отъ програмы, какой въ свое время слѣдовалъ самъ Ѳеофанъ.

Преемникъ Прокоповича *Сильвестръ Пиновскій*, бывшій только вице-ректоромъ и профессоромъ богословія съ 1716 по

1721 годъ, слѣдовалъ своему предшественнику до малѣйшей подробности; онъ даже не захотѣлъ составлять органически-правильной системы, а подобно Θеофану, разбилъ ее на отдѣльные трактаты[21]: но, къ сожалѣнію, то, что подъ силу было геніальному уму, другаго менѣе сильнаго вовлекло въ полемику и діалектическія тонкости, повредившія строгости богословскихъ изслѣдованій, не защищенныхъ никакими границами методологіи. Пиновскій памятенъ еще тѣмъ, что присутствовалъ при обсужденіи духовнаго регламента, подъ которымъ и подписался. Ему суждена была особенная честь in cathedra mori, и сомкнуть уста тамъ, гдѣ вѣщали онѣ не такъ давно умное слово ученія православнаго.

Мятежное возстаніе Алексія Петровича противъ Державнаго своего Родителя, обнаружившееся еще въ 1717 году, поразило небывалымъ ужасомъ всю Россію, тѣмъ болѣе, что этимъ необыкновеннымъ дѣломъ затронуты были живые интересы, волновавшіе душу каждаго: это былъ, такъ сказать, послѣдній вопль старины, изгоняемой мощною рукою преобразователя Россіи. Петръ I воротился изъ-за границы, и съ свойственной ему несокрушимою силою воли приступилъ къ строгому суду надъ своимъ кровнымъ сыномъ. Извѣстно, что для обсужденія поступковъ Алексія Петровича между прочимъ созванъ былъ и духовный соборъ, состоявшій изъ лицъ первенствующихъ въ іерархіи русской. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ этому дѣлу былъ вызываемъ и кіевскій митрополитъ: но его не было въ столицѣ, когда было произнесено осужденіе. Уклончивый отвѣтъ гетмана Скоропадскаго[22], при предложеніи подписать приговоръ, объясняетъ нѣкоторымъ образомъ ту тайную мысль, какой держалась тогда вся юго-западная Россія, а обстоятельство, что Іоасафъ не присутствовалъ при рѣшеніи этого дѣла, объясняетъ лучше и гнѣвъ Государя, падшій на кіевскаго іерарха. Въ этомъ отношеніи сказаніе Голикова о томъ, что Кроковскій былъ вызванъ въ Петербургъ для объясненія по дѣлу

царевича Алексія Петровича, имѣетъ прочное основаніе[23]. Если припомнимъ встрѣчи, дѣланныя Іоасафу по всей Малороссіи, картину отъ Кіевской Академіи, гдѣ изображенъ былъ между прочимъ и измѣнникъ Мазепа, близкія отношенія къ нему кіевскаго іерарха и посѣщеніе гетмана въ Борзнѣ незадолго передъ открытіемъ заповѣдной его тайны: то не мудрено, что подозрѣніе Петра, думавшаго видѣть въ Кроковскомъ сообщника Мазепы, могло, при новомъ еще обстоятельствѣ, обратиться въ рѣшительную для него опалу. Но виноватъ ли былъ онъ въ этомъ, — это другой вопросъ. Г. Маркевичъ говоритъ, что митрополитъ Іоасафъ потребованъ былъ Государемъ для выслушанія духовнаго регламента и для изъявленія своего согласія, что передъ отправленіемъ своимъ онъ, по случаю пронесшихся будто бы слуховъ объ отобраніи у духовенства недвижимостей, созывалъ въ Кіевѣ соборъ, на которомъ рѣшено было не подписывать регламента, что объ этомъ соборѣ донесъ Государю чернецъ Свѣнскаго монастыря Иринеи[24]: но въ этомъ показаніи слишкомъ много невѣроятнаго. Во первыхъ, недоумѣніе подобнаго рода легко могло бы разрѣшиться при появленіи митрополита въ Петербургѣ и при первомъ чтеніи регламента; притомъ и дѣло объ имѣніяхъ монастырскихъ поднято уже въ 1724 году; во вторыхъ преступленіе это было совсѣмъ не такого рода, чтобъ могло раздражить правдолюбиваго Государя, и въ третьихъ — странно, какъ могъ знать о рѣшеніи кіевскаго собора, (если только Іоасафъ могъ позволить себѣ такое неблагоразуміе), какой нибудь чернецъ Свѣнскаго монастыря орловской губерніи и успѣть донести объ этомъ въ Петербургъ?

Какъ бы то ни было, но митрополитъ Іоасафъ, выѣхавшій изъ Кіева, былъ, по Высочайшему повелѣнію, остановленъ въ Твери, и между тѣмъ какъ свитѣ его приказано было слѣдовать въ обратный путь, Кроковскій сосланъ былъ въ тверскій архангельскій монастырь, гдѣ 1-го іюля 1718 года и скончался[25]. Но и на смертномъ одрѣ Іоасафъ, отъ дней юности до преклон-

ныхъ лѣтъ бывшій свѣтиломъ Академіи, не забылъ любимаго своего училища. Онъ завѣщалъ ему всю свою библіотеку и заповѣдалъ построить на его собственныя деньги для бѣдныхъ учениковъ новую деревянную бурсу, которая въ слѣдующихъ же годахъ и была воздвигнута по южную сторону Братскаго монастыря, и слыла въ послѣдствіи подъ именемъ *Студентскаго Дома*.

Какъ высоко цѣнила, какъ горячо любила Іоасафа кіевская паства, въ этомъ мы дальніе потомки удостовѣряемся изъ надписи къ современному его портрету[26]. Кіевляне видѣли въ немъ отца и добраго пастыря, а Академія руководителя, силою ума и воли своей поставившаго ее на высокую степень славы.

Училищъ братскихъ, въ нихже вертоградъ ученій
Изсохлъ бѣ тогда ради многихъ нестроеній,
Но онъ тамо излія ученія рѣки,
И напои оными многи человѣки.
Вѣтійскій риторомъ бѣ сладкій учитель,
Философовъ тщателенъ и мудръ умножитель.
Пречестнаго Эдема строитель вчинися,
И яко херувимъ въ немъ второй поставися,
Гдѣ мысленнаго рая небесной Царицы
Единонадесять лѣтъ яко зѣницы
Стрежаше[27].

И снова осиротѣла кіевская іерархія, четыре года послѣ сего не имѣвшая своего пастыря; вся епархіальная администрація перешла въ руки софійскаго намѣстника, иногда даже казначея и приказныхъ архіерейскаго дома. Въ послѣдствіи ею завѣдывали управители, а потомъ судьи кіевской духовной консисторіи, такъ что самый коадъюторъ кіевской митрополіи Кириллъ, епископъ переяславскій, оставался лишь номинальнымъ блюстителемъ митрополитскаго престола[28].

Съ неизобразимой горестью возвращалась въ Кіевъ духовная свита опальнаго архипастыря, и вдругъ она поражена была другимъ величайшимъ несчастіемъ. Увидѣли Лавру въ обгорѣлыхъ развалинахъ. Въ отсутствіи кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича произошелъ страшный пожаръ, обратившій въ пепелъ весь монастырь. При другихъ драгоцѣнностяхъ церковныхъ и монастырскихъ, цѣлыми вѣками собранныхъ, самая неоцѣненная и невознаградимая потеря была гибель первой въ Россіи, многочисленной и древнѣйшей библіотеки, начало которой положилъ еще великій князь Ярославъ Владиміровичъ, и которую умѣли сохранить въ пещерахъ отъ всѣхъ прежде бывшихъ нашествій и разореній непріятельскихъ, но утратили теперь среди тишины и спокойствія[29]. Въ ней содержались многія тысячи рукописей на различныхъ языкахъ, и нѣкоторыя между ними на такихъ, кои, по замѣчанію Конисскаго, и ученымъ тогдашнимъ мужамъ »свѣдомы не были«, а особенно всѣ записки, акты и документы, касавшіеся исторіи племенъ и царствъ славянскихъ, ихъ образа правленія, законовъ и внѣшнихъ отношеній. Самъ Государь Петръ Великій, узнавъ о такой потерѣ, не могъ удержаться отъ слезъ, и тогда же повелѣлъ отпустить изъ казны сумму на возобновленіе Лавры, подтвердивъ своими граматами какъ ставропигію, такъ и деревни, земли и угодья, ей принадлежащія, а въ 1720 году пожаловалъ большое евангеліе въ серебряномъ вызолоченомъ окладѣ[30].

Въ тоже самое время снова посѣтило Малороссію и Кіевъ несчастіе прежнихъ годовъ — моровая язва. Сообщеніе съ заднѣпріемъ было прервано, и благодаря старанію и дѣятельности миргородскаго полковника Даніила Апостола язва была остановлена въ самомъ началѣ, и черезъ мѣсяцъ прекратилась.

Уніаты, обрадованные сиротствомъ кіевской іерархіи и не опасаясь уже ближайшаго предстательства малороссійскихъ пер-

восвятителей, съ ожесточеніемъ приступили къ исполненію какъ будто на время пріостановленныхъ своихъ плановъ. Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка, дѣйствовавшій сначала не такими открытыми средствами ко вреду православія, въ это время началъ поступать смѣлѣй и рѣшительнѣй, и наконецъ въ 1720 году на соборѣ, созванномъ въ Замостьѣ, открыто утвердилъ унію, предложивъ навсегда уничтожить всѣ православныя епископства, занять уніатскимъ духовенствомъ всѣ русскіе монастыри и церкви, состоящія подъ владычествомъ Польши, утвердивъ все это сеймовой конституціей. Во всей этой части Украйны остался одинъ только православный епископъ могилевскій Сильвестръ, князь Четвертенскій, да нѣсколько церквей и монастырей, принадлежавшихъ кіевской митрополіи. Но и малая часть избранныхъ и вѣрныхъ православію подвергалась нестерпимому угнѣтенію. Духовенство и церковные обряды были поруганы; изувѣры попирали ногами св. тайны, расхищали утварь и сосуды, терзали и мучили защищавшихъ церковную собственность; закрыли благородному сословію входъ въ сенатъ и запретили допускать православныхъ къ какимъ бы то ни было общественнымъ должностямъ[31]. Напрасно Государь чрезъ посланниковъ своихъ вступался за гонимыхъ, представляя фанатикамъ, что и въ Москвѣ и по всей русской имперіи католики пользуются совершенною свободою, безопасностію и защитою правительства; напрасно требовалъ учрежденія коммиссіи на границахъ отъ Кіева, Смоленска и Пскова для разсмотрѣнія обидъ и гоненія православныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруссіи, и по всѣмъ рубежамъ обѣихъ державъ: король Августъ II и находившійся тогда въ Варшавѣ папскій нунцій Сантини издали строгія запрещенія, которыя впрочемъ были строги только на бумагѣ, ибо опьянѣвшіе отъ крови и буйства фанатики не только не слушали ихъ, но даже начали вооруженною рукою отбирать и обращать къ своему исповѣданію и церкви и монастыри; въ одномъ пинскомъ уѣздѣ они совратили около двадцати тысячь человѣкъ. Въ 1722 году Государь писалъ объ этомъ и къ папѣ: но не по-

лучилъ никакого отвѣта, а между тѣмъ грабежи, насилія, лишенія свободы, мученія и кровавыя истязанія усиливаясь болѣе и болѣе, отторгали православныхъ отъ Церкви восточной къ уніи. Духъ возмущается отъ тѣхъ жестокостей, какими изувѣры вооружались противъ вѣры апостольской!...

А Кіевъ все еще не имѣлъ своего архипастыря. 1721 года 27 февраля повелѣно было Кириллу, епископу переяславскому, коадъютору кіевской митрополіи, совмѣстно съ членами консисторіи, на убылыя мѣста кіевской и архіепископіи черниговской избрать, съ вѣдома гетмана Скоропадскаго, достойныхъ архипастырей. Обрадованное симъ повелѣніемъ, духовенство кіевское избрало въ митрополиты межигорскаго архимандрита Иларіона Жураковскаго: но вмѣсто этого онъ посвященъ былъ въ Черниговъ, а на престолъ кіевскій Синодъ, или правильнѣе, президентъ его Ѳеофанъ Прокоповичъ, предоставилъ себѣ самому избрать и утвердить первосвятителя, и съ этихъ поръ избраніе митрополитовъ кіевскихъ вольными голосами прекратилось навсегда. Даже самое званіе митрополитовъ, по штату, сочиненному Прокоповичемъ, предположено было упразднить, а вмѣсто того установить пять главнѣйшихъ архіепископій: великороссійское, бѣлорусское, малороссійское, болгарское и сибирское[32], и подъ надзоромъ этихъ эксъ-митрополитовъ назначить тридцать восемъ епископовъ и сорокъ восемь архимандритовъ для вспомоществованія симъ послѣднимъ, по управленію училищами и богадѣльнями[33].

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВАРЛААМЪ ВОНАТОВИЧЪ.

Посвященіе Варлаама. Его біографія. Упраздненіе коадъютора. Лже – епископъ. Администрація Кіева. Магистраты. Кіевская губернская канцелярія. Малороссійская коллегія. Внѣшнее состояніе Академіи. Универсалъ Скоропадскаго. Кончина Петра Великаго. Екатерита I и Меньшиковъ. Петръ II и его распоряженія касательно Малороссіи. Анна Іоанновна. Гетманъ Даніилъ Апостолъ. Канцелярія гетманскаго уряду. Вонатовичъ лишенъ святительскаго сана. Мнѣніе объ этомъ митрополита Евгенія. Мнѣніе Георгія Конисскаго. Сужденіе о томъ и другомъ. Освобожденіе Варлаама. Управленіе кіевской іерархіей по удаленіи Вонатовича. Академія бѣдствуетъ. Указъ 1728 г. Универсалъ гетмана Апостола. Состояніе наукъ въ кіевскомъ училищѣ. Ректоръ Иларіонъ Левицкій. Воспитанники сей эпохи: Барскій Василій. Богдановичъ–Любимскій Досиѳей. Вишневскій Гедеонъ. Волчанскій Іеронимъ. Волчанскій Іосифъ. Дубневичъ Амвросій. Горка Лаврентій. Горленко Іоасафъ. Григоровичъ Иларіонъ. Зертысъ–Каменскій Амвросій. Калиновскій Стефанъ. Козачинскій Михаилъ. Кондратовичъ Кириакъ. Конюскевичъ Павелъ. Концевичъ Германъ. Кременецкій Гавріилъ. Кроликъ Ѳеофилъ. Кулябка Сильвестръ. Левитскій Платонъ. Ляскоронскій Сильвестръ. Лятошевичъ Серапіонъ. Малиновскій Платонъ. Мацѣёвичъ Арсеній. Мигалевичъ Софроній. Могилянскій Арсеній. Неруновичъ Иннокентій. Петрункевичъ Платонъ. Святоша Іоанникій. Скамницкій Варлаамъ. Сребницкій Никодимъ. Флоринскій Кириллъ. Хотунцевскій Іоасафъ. Щербацкій Тимофей. Янковскій Ѳеодосій.

1722—1730.

Въ 1722 году послѣдовалъ Высочайшій указъ св. Синоду объ избраніи архимандрита Тихвинскаго монастыря Варлаама Вонатовича въ кіевскіе архіепископы. Мая 14 того же года Вонатовичъ посвященъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Варлаамъ Вонатовичъ родился въ польскомъ мѣстечкѣ Ярославлѣ. Гдѣ получилъ онъ воспитаніе, на то нѣтъ прямыхъ указаній: но судя по мѣсту его рожденія, со всей вѣроятностію можно предположить, что кіевское училище увидѣло въ новомъ архипастырѣ своего же воспитанника. Неизвѣстно также, какимъ образомъ уроженецъ юга явился въ одномъ изъ нашихъ сѣверныхъ монастырей, въ Тихвинѣ, въ области Великаго Новгорода; можетъ быть тамъ было монастырское училище, для котораго нуженъ былъ образованный преподаватель[34]. Какъ бы то ни было, но мы видимъ Вонатовича уже іеромонахомъ Тихвина монастыря, и потомъ духовникомъ Ѳеодосія, архіепископа новгородскаго. Какъ президентъ св Синода, сей архипастырь, проживая въ Петербургѣ, имѣлъ при себѣ и Вонатовича. Строгая жизнь и высокое образованіе сего послѣдняго обратили на него благосклонный взоръ Петра Великаго, который повелѣлъ ему быть іеромонахомъ флота, и за тѣмъ въ 1719 году произвести его въ архимандрита того же Тихвина монастыря.

Сентября того же года все почетнѣйшее духовенство и жители Кіева встрѣчали желаннаго своего архипастыря, но уже не въ санѣ митрополита, а только архіепископа. Такъ честолюбивыя интриги одного человѣка унизили высокій престолъ древнѣйшей въ Россіи іерархіи! По крайней мѣрѣ Варлаамъ на первый разъ не былъ лишенъ чести имѣть у себя коадъютора: но по кончинѣ Кирилла Шумлянскаго, новопосвященный 1727 года епископъ переяславскій Іоакимъ Струковъ уже вышелъ изъ подъ вѣдомства кіевской митрополіи. Когда Варлаамъ протестовалъ противъ этого, испрашивая себѣ, по прежнему примѣру, помощника въ управленіи епархіей, то Синодъ предписалъ только »о случающихся въ духовныхъ кіевской епархіи дѣлахъ ему »преосвященному Іоакиму епископу имѣть съ нимъ преосвященнымъ Варлаамомъ братолюбное согласіе по правиламъ свя»тымъ«[35]. Тотчасъ видно, что рука, писавшая это, была та же самая, которая начертала указъ 11 мая 1725 года[36], и что

погубившій Ѳеодосія не хотѣлъ оставить въ покоѣ и Варлаама, которому несчастный архипастырь открывалъ нѣкогда всѣ тайны чистой души своей.

Такое униженіе древнѣйшей митрополіи въ лицѣ Варлаама Вонатовича, при самомъ вступленіи его на первосвятительскую каѳедру, было причиною соблазна, произведшаго нѣкоторое смятеніе въ кіевской іерархіи. Монахъ козельскаго монастыря Епифаній, за свои пороки еще въ Кіевѣ лишенный священства, бѣжалъ за границу, и поддѣлавъ грамату отъ имени Вонатовича, явился къ молдавскому митрополиту Антонію съ просьбою посвятить его въ епископа чигиринскаго, представляя на то формальное, но тоже подложное, свидѣтельство козаковъ, обиженныхъ будто бы тѣмъ, что Синодъ унизилъ престолъ кіевской митрополіи, посадивъ на него архіепископа. Тоже самое подтверждалъ онъ и поддѣльной граматой Вонатовича. Обманутый Антоній особенно послѣднимъ обстоятельствомъ, посвятилъ Епифанія въ санъ епископа чигиринскаго. Прибывъ на Украйну, онъ началъ рукополагать священниковъ безъ всякаго разбора, чѣмъ особенно воспользовались находившіеся въ Черниговѣ и около Кіева раскольники. Узнавъ объ этомъ, Варлаамъ приказалъ схватить Епифанія, и по указу св. Синода, сослалъ его въ Соловецкій монастырь, въ званіи простаго монаха[37].

Не смотря на всѣ эти непріятности, встрѣтившія Варлаама на первомъ шагу, онъ, какъ вѣрный пастырь, нимало не медля занялся устройствомъ церковнаго чиноположенія, пришедшаго въ забвеніе послѣ Петра Могилы. Въ первый годъ вступленія своего на епархію кіевскую онъ представлялъ св. Синоду о повелѣніи ввести въ малороссійскія церкви уставъ, во всемъ сообразный съ великороссійскимъ: но желаемаго разрѣшенія не послѣдовало, и церковныя книги продолжали печататься по прежнему. Встрѣтивъ неудачу въ этомъ, Варлаамъ приступилъ хоть по крайней мѣрѣ къ украшенію того храма, въ которомъ мо-

лились веледушные Ярославы и Всеволоды. Софійскій соборъ, послѣ пожара, истребившаго въ 1697 году всѣ монастырскія его строенія, воздвигнутыя Гедеономъ, былъ обстроенъ потомъ преемниками его Ясинскимъ и Кроковскимъ: но это все были деревянныя зданія. Вонатовичъ началъ каменныя; построилъ двухъ-этажную трапезу съ запасною палатою на верху[38]; началъ большой архіерейскій домъ, окончанный уже преемникомъ его Рафаиломъ Заборовскимъ[39], и основалъ въ Шулявщинѣ митрополитскій дворецъ, обсадивъ его рощею[40].

Судебная администрація самаго Кіева, съ учрежденіемъ въ 1722 году малороссійской коллегіи, подверглась коренному преобразованію. До сихъ поръ дѣла гражданскія и уголовныя производились, какъ и вообще во всѣхъ привиллегированныхъ малороссійскихъ городахъ, непосредственно и окончательно чрезъ магистраты и главнѣйшихъ членовъ его[41], которые судили всѣхъ безъ различія состояній и безъ участія казацкихъ старшинъ. Въ послѣдствіи времени въ этихъ судахъ вмѣстѣ съ войтами и бургомистрами начали присутствовать въ полковыхъ городахъ[42] полковники или довѣренныя отъ нихъ особы, судьи полковые и другая старшина[43], а также сотники[44] и городовые начальники[45]. Самое дѣлопроизводство въ ратушахъ происходило по литовскому статуту, а въ магистратахъ по магдебургскому праву[46].

Но Кіевъ имѣлъ еще одно правительственное мѣсто, не зависѣвшее ни отъ гетмана, ни отъ уряда его: это кіевская губериская канцелярія. Съ той поры, когда Малороссія поступила въ подданство Россіи, въ Кіевѣ, съ согласія гетмана Богдана Хмельницкаго и ближайшихъ его преемниковъ, поставлены были царскіе бояре и воеводы, которые, учредивъ особую свою канцелярію, поставили ее въ полной независимости и отъ гетмана, и отъ полковника, и отъ всего магистрата. Когда же въ началѣ царствованія Петра Великаго бояре были переименованы

въ генералъ-губернаторовъ, а особая ихъ канцелярія въ губернскую, тогда и самый магистратъ кіевскій сталъ подчиненъ генералъ-губернаторамъ.

Учрежденіе малороссійской коллегіи положило конецъ вліянію польскаго законодательства въ Кіевѣ, и власть магистратовъ была ограничена во всѣхъ своихъ частяхъ. Хотя войты съ своими бургомистрами и райцами оставались по прежнему: но они уже подвергаемы были отвѣтственности предъ высшимъ судомъ, ибо коллегія, по силѣ данной ей инструкціи, обязывалась наблюдать за всѣми малороссійскими судами и чинами, защищать народъ отъ обидъ и притѣсненій, и принимать на нихъ въ томъ апелляціи. Особенно же эта коллегія наблюдала за денежными и хлѣбными сборами, находившимися прежде въ безотчетномъ распоряженіи войтовъ и бургомистровъ съ райцами.

Уравнивая такимъ образомъ малороссійскіе города въ правахъ и условіяхъ гражданственности, державный преобразователь велъ ихъ къ совершенному сліянію съ той Россіей, которая, по его слову, сдѣлалась потомъ »особою, шестою частію свѣта«. И благодѣтельныя слѣдствія такихъ распоряженій скоро почувствованы были жителями, безотвѣтно прежде склонявшимися предъ непререкаемымъ приговоромъ судей, рѣшавшихъ дѣла болѣе по преданію, чѣмъ по законамъ, недвижно почивавшимъ въ неприкосновенныхъ фоліантахъ. Академія тоже не опасалась уже притѣсненій отъ войтовъ и мѣщанъ, на которыхъ не такъ давно жаловалась Государю[47], и въ случаѣ обиды знала уже къ кому прибѣгнуть съ просьбой о защитѣ.

Внѣшнее состояніе училища въ эту эпоху не представляетъ ничего особенно отраднаго. Статьи оброчныя стали приносить очень мало дохода; жители имѣній кіево-братскихъ, въ ожиданіи находившаго отъ уніатовъ гоненія, думали болѣе о себѣ,

чѣмъ о выполненіи лежавшихъ на нихъ повинностей, и училищное братство нашло себя вынужденнымъ обратиться съ просьбою къ гетману Скоропадскому, предъявляя ему права свои на нѣкоторыя уже совершенно отходившія имѣнія. Въ слѣдствіе такого ходатайства гетманъ своимъ универсаломъ отъ 1 ноября 1720 года утвердилъ за училищнымъ братствомъ село Мотовиловку: но это ужъ было послѣднее пріобрѣтеніе.

1725 года 28 генваря скончался Державный благодѣтель ея, величайшій изъ царей земныхъ, Императоръ Петръ I, и одинъ изъ воспитанниковъ Академіи, нѣкогда въ санѣ іеромонаха привѣтствовавшій полтавскаго побѣдителя въ Кіевѣ, говорилъ теперь, въ званіи архіепископа, послѣднее прощальное слово надъ гробомъ Великаго, въ новой столицѣ его.

И Екатерина I сошла въ могилу.

И могущественный Меньшиковъ былъ уже въ снѣгахъ Сибири.

На престолѣ всероссійскомъ былъ Петръ II.

Монархъ-дитя онъ не могъ постигнуть мудрой политики своего Великаго Дѣда. Упразднивъ коллегію, онъ снова позволилъ избирать гетмановъ вольными голосами, и повелѣлъ составить сводъ правъ магдебургскихъ и статута литовскаго, противорѣчившихъ одинъ другому, и такимъ образомъ отсрочилъ слiяніе Украйны съ Россіей на нѣкоторое время.

Скончался и Петръ II.

На престолъ взошла Анна Іоанновна.

Малороссія уже имѣла своего гетмана Даніила Апостола:

но это былъ призракъ, которымъ утѣшались только недальновидные. Многія пошлины, лежавшія на Украйнѣ были сняты: но это потому, что мудрая Государыня не хотѣла сразу уничтожать распоряженій своего предшественника. По смерти же Апостола, вновь учреждено было въ Глуховѣ, по Высочайшему повелѣнію, главное для всѣхъ гражданскихъ и воинскихъ дѣлъ административное мѣсто подъ названіемъ: *Канцелярія Гетманскаго Уряду,* которая именовалась также и *Генеральной Войсковой Канцеляріей,* и которая съ этого времени (1734 г.) сдѣлалась высшимъ правительственнымъ мѣстомъ въ Малороссіи, тогда какъ при гетманахъ она была не больше, какъ походною ихъ канцеляріей. Въ ней присутствовали трое изъ великороссіянъ и столько же изъ малороссійской генеральной старшины.

Въ самый годъ вступленія на престолъ Императрицы Анны, кіевская іерархія была поражена неожиданнымъ, горестнымъ и непонятнымъ произшествіемъ. 2 августа 1730 года состоялось Высочайшее повелѣніе о немедленномъ вытребованіи въ Москву архіепископа Варлаама Вонатовича со всѣми консисторскими членами и катедральнымъ писаремъ. Тамъ Вонатовичъ преданъ суду Тайной Канцеляріи, приговоренъ Сенатомъ къ лишенію сана, и по утвержденіи Императрицею, лишенъ Синодомъ архіерейства и священства, и въ званіи простаго монаха сосланъ на заключеніе въ бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, а все имѣніе его велѣно описать и взять въ казну. Бывшіе при архіепископѣ въ Москвѣ члены консисторіи, игумены: никольскій, михайловскій, выдубицкій, кирилловскій, софійскій намѣстникъ, архидіаконъ, катедральный писарь и экзаменаторъ отрѣшены отъ своихъ должностей »на время впредъ до указа«.

Что было причиною этого, остается непонятнымъ. Въ указахъ, присланныхъ за извѣстіе о лицахъ отрѣшенныхъ, отъ 30 ноября 1730 года, нѣтъ никакого объясненія; о Вонатовичѣ сказано только, что онъ лишенъ сана и сосланъ »за вину его, о которой явно по дѣлу, которое слѣдовалось о немъ«.

Митрополитъ Евгеній, основываясь на предшествовавшихъ указахъ и домовыхъ запискахъ, объясняетъ это дѣло непримиримою непріязнію городоваго кіевскаго войта Димитрія Полоцкаго. Этотъ градоправитель, издавна питая какую-то вражду къ кіевскому духовенству, отягощалъ архіерейскихъ и монастырскихъ людей разными поборами и подводами подъ проходившіе военные отряды, отнималъ у нихъ поля, лѣса и разныя угодья, взыскивалъ пошлины за переѣздъ по днѣпровскому мосту даже съ самаго архіепископа, хотя бы онъ ѣхалъ куда либо и по должности своей. Вонатовичъ жаловался на войта и Гетманскому суду и Коллегіи Иностранной, въ вѣдѣніи которой находились тогда малороссійскія дѣла. По этому въ 1722 году предписано было отъ Коллегіи гетману Даніилу Апостолу войти въ разбирательство этого дѣла. Но войтъ, поддѣлавъ ложныя граматы, данныя будто бы Кіеву отъ покойнаго гетмана Скоропадскаго на земли и угодья, принадлежавшія монастырямъ и духовенству, и подавъ съ нихъ копіи гетману и въ кіевскую Губернскую Канцелярію, самъ не захотѣлъ ни къ кому являться и уѣхалъ въ Москву, надѣясь исходатайствовать тамъ подтвержденіе своихъ граматъ. Вонатовичъ въ слѣдующемъ же году опротестовалъ ихъ, и о поступкѣ войта донесъ св. Синоду, обличивъ злоумышленную поддѣлку граматъ и другихъ крѣпостей на архіерейскія и монастырскія вотчины. Синодъ препроводилъ это дѣло для розыска въ Иностранную Коллегію. Это было еще въ царствованіе Петра II. По вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, мстительный войтъ, проживавшій въ Москвѣ, изыскивалъ всѣ случаи, чтобы повредить архіепископу Вонатовичу, и вдругъ получилъ изъ Кіева извѣстіе, что Варлаамъ съ членами консисторіи не присутствовалъ на молебнѣ въ одинъ высокоторжественный день. Войтъ донесъ объ этомъ по секрету, и »за сей-то случай, заключаетъ Евгеній, пострадали всѣ они« [48].

Георгій Конисскій находитъ, что причиной несчастія Вонатовича былъ іеромонахъ Арсеній Сухановъ, отправленный еще

царемъ Алексіемъ Михайловичемъ и патріархомъ Іосифомъ въ св. мѣста православнаго востока, для осмотра и замѣчанія церковныхъ уставовъ. Проживъ нѣсколько времени въ монастыряхъ Печерскомъ и Софійскомъ и возвратясь въ Москву, Сухановъ началъ порицать излишество обрядовъ въ Палестинѣ и Греціи и неблагочестіе въ тамошнихъ обителяхъ, а на малороссійское духовенство донесъ Синоду, что оно исказило старую русскую вѣру и заразилось проклятой латинщиной; что оно, безъ угрызенія совѣсти, креститъ младенцевъ не погружая, а обливая; что въ церквахъ малороссійскихъ, во время Великаго поста, отправляютъ четыре раза по пятницамъ страсти Христовы съ полнымъ трезвономъ и евангельскимъ чтеніемъ, напѣвая по нотамъ римскимъ или итальянскимъ »съ приступкою, какбы на игрищѣ«; что наконецъ всѣ архіереи, архимандриты и самъ митрополитъ имѣютъ водруженные кресты на митрахъ, на подобіе царскихъ коронъ и проч. Синодъ потребовалъ отвѣта. Вонатовичъ объяснился, что доносъ Суханова есть мужицкій бредъ, не стоющій опроверженія, что это есть порожденіе безтолковаго Мартына, мниха армянскаго, посѣявшаго въ Россіи расколы и созженнаго въ Кіевѣ, что обряды греко-россійской вѣры остаются въ Малороссіи неповрежденными, что отсюда вѣра Христова разлилась на востокъ и на сѣверъ Россіи, что здѣсь были св. Апостолъ Андрей первозванный, св. Ольга и св. Владиміръ равноапостольный, что съ ними согласны всѣ архипастыри, кромѣ послѣдователей Сухановскихъ, кои »не вѣдятъ, что творятъ«. Отвѣтъ, заключаетъ историкъ Малороссіи[48], былъ представленъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и Вонатовичъ погибъ.

Разсказъ этотъ представляетъ весьма много историческихъ несообразностей[50]. Арсеній Сухановъ, если и былъ въ Кіевѣ, то никакъ не при Вонатовичѣ и не при Петрѣ II, ибо съ перваго своего путешествія по св. мѣстамъ онъ возвратился въ 1651 году, а со втораго въ 1655[51], и потому объясненіе, приписы-

ваемое Конисскому, не имѣетъ самаго главнаго историческаго основанія. Что же касается до показаній митрополита Евгенія, то ими едва ли не вполнѣ объясняется это печальное происшествіе. Протестъ Вонатовича противъ притязаній войта послѣдовалъ въ ту самую пору, когда только что состоялся указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, запрещающій всѣмъ монастырямъ умножать свои недвижимыя имѣнія и покупкою и пріемомъ вкладовъ[52]. Мстительный и злобный войтъ легко могъ воспользоваться этимъ и истолковать дѣйствія Вонатовича въ свою пользу и въ неблагопріятную для него сторону. Но не пришло еще удобное время погубить своего противника. Петръ II, развлекаемый представителями Малороссіи, старавшимися о возвращеніи старинныхъ своихъ правъ, не имѣлъ досуга обратить вниманіе на представленіе войта. Воцарилась Анна. Секретный доносъ о томъ, что Вонатовичъ не совершалъ молебствія, встревожилъ Государыню, очень естественно не довѣрявшую никому послѣ дерзкаго опредѣленія Верховнаго Совѣта. Къ этому присовокупилось представленіе о протестѣ Вонатовича, истолкованномъ сообразно цѣлямъ доносчика, и гнѣвъ за великолѣпно изданный Варлаамомъ въ Кіевѣ *Камень Вѣры*[53], — и Вонатовичъ, вытребованный для объясненія въ тотъ самый судъ, котораго онъ казался ослушникомъ, и которымъ управлялъ человѣкъ — врагъ Яворскаго и его почитателей, неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, и погибъ, подобно духовному сыну своему Ѳеодосію Яновскому, архіепископу новгородскому.

Одиннадцать лѣтъ томился въ заключеніи оскорбленный и уничиженный святитель, и освобожденъ уже по вступленіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. Государыня повелѣла возвратить Варлааму и санъ архіерейскій: но онъ отказался отъ этого, и пожелалъ жить на покоѣ въ новгородскомъ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ прежде архимандритомъ. Тамъ онъ принялъ схиму подъ именемъ архисхимонаха *Василія*, и въ трудахъ подвижническихъ скончался 1751 года.

По отозваніи Варлаама Вонатовича въ Москву, кіевскою іерархіей управляла консисторія, составившаяся изъ новыхъ членовъ: межигорскаго архимандрита, ректора и префекта Академіи и батуринскаго игумена, а производство въ духовные чины, согласно избранію и удостоенію консисторіи, указомъ св. Синода поручено было коринѳскому митрополиту Митрофану, за два года предъ симъ прибывшему изъ Греціи въ Кіевъ.

Въ эту неспокойную эпоху состояніе Академіи не могло быть блестящимъ. Пастыри были поражаемы, и овцы расходились въ разныя стороны. Особенно это замѣтно стало послѣ паденія Іоасафа Кроковскаго; путешествія въ заграничныя училища становились чаще и чаще, и многіе, не оканчивая курса высшихъ наукъ, обращались къ обыкновеннымъ занятіямъ общественной жизни. Указъ 1728 года сильно встревожилъ все братство; оно поспѣшило обратиться къ гетману съ просьбой, чтобы онъ обезпечилъ по крайней мѣрѣ то, что кіево-богоявленское училище издавна считало своей собственностью; и Даніилъ Апостолъ универсаломъ своимъ отъ 14 генваря 1729 года подтвердилъ за монастыремъ и Академіей всѣ владѣнія, доставшіяся имъ отъ разныхъ лицъ и въ разныя времена. Такимъ образомъ, по надлежащемъ обревизованіи, у кіево-богоявленскаго братства на этотъ разъ оказалось: шесть небольшихъ населенныхъ деревень и одно пустое мѣстечко, имѣвшее однѣ пахатныя земли, два селенія, два хутора, двѣ мельницы и шестнадцать дворовыхъ мѣстъ на Подолѣ.

Самыя науки представляются въ эту эпоху въ какомъ-то брожѣніи. Послѣ Ѳеофана Прокоповича, распространившаго сферу богословствованія внѣ всякихъ предѣловъ и не положившаго ему границъ, указываемыхъ наукою, системы богословскія стали походить на сборники отдѣльныхъ и не имѣвшихъ между собой внутренней связи трактатовъ[54]. Нельзя даже съ точностію опредѣлить, которая изъ нихъ какому принадлежала

ректору; видно только, что каждый изъ нихъ вносилъ свою долю въ четырехгодичный богословскій курсъ, безъ отношенія къ тому, что уже изложено его предшественникомъ. Философія еще меньше осталась вѣрною прежде данному ей движенію; она остановилась въ своемъ стремленіи, и робко пошла назадъ, держась за стариннаго своего руководителя и объявляя это гласно[55]. За то реторика, какъ наука, меньше требующая спокойнаго углубленія, представляется въ болѣе цвѣтущемъ и даже совершеннѣйшемъ противъ прежняго видѣ. Кромѣ обыкновенныхъ задачъ о изобрѣтеніи, расположеніи мыслей и тому подобномъ, она уже рѣшала вопросы о разныхъ родахъ слога, и строго отдѣляла свѣтское краснорѣчіе отъ духовнаго. Интересно, по своей вычурности, заглавіе одного изъ учебниковъ реторики: *Корабль, построенный на Днѣпрѣ, везущій Россійскаго Язона къ благополучнымъ островамъ краснорѣчія, или лотъ для промѣра, снабженный всякимъ родомъ наставленій и реторическихъ правилъ, для избѣжанія подводныхъ камней, измышленный 1722 года, текущаго съ той эпохи, когда корабль, окриляемый Божественнымъ Духомъ, принесъ спасеніе міру, потерпѣвшему крушеніе.* Піитика, по прежнему, остается наукою стихотворства, съ той только разницей, что предувѣдомительныя ея разсужденія стали обширнѣе; въ нихъ нѣкоторымъ образомъ провидится постиженіе внутренняго значенія поэзіи[56].

Не смотря на такую скудость внѣшняго и внутренняго состоянія Академіи, направленіе, данное ей Кроковскимъ и поддержанное Прокоповичемъ, не осталось вовсе безплоднымъ. Къ счастію, и ректорами въ эту эпоху были люди, способные поддержать училище. Послѣ *Іосифа Волчанскаго*, управлявшаго Академіей съ 1721 по 1727 годъ, особенною ревностію отличился ректоръ *Иларіонъ Левицкій*. По окончаніи курса академическаго, онъ поступилъ учителемъ піитики, потомъ преподавалъ реторику и философію. По современному отзыву лѣтописца, это былъ »острый учитель, тщаливый проповѣдникъ, потомъ же

»премудрый богословскій учитель и ректоръ изрядный, дѣломъ »и словомъ тихостенъ, тихомиренъ, незлобивъ, всѣмъ зерцало »житія иноческаго«. Въ 1729 году Левицкій былъ посвященъ въ игумена Мгарскаго лубенскаго монастыря: но безотлучно оставался при ректорской должности, въ каковомъ званіи и скончался 14 іюня 1731 года. Прахъ его покоится въ великой Богоявленской церкви братскаго монастыря.

Выпускъ воспитанниковъ при архіепископѣ Вонатовичѣ почти весь состоялъ изъ такихъ людей, которые были слушателями Прокоповича, и находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ знаменитаго своимъ просвѣщеніемъ протектора митрополита Іоасафа. Въ теченіе почти четверти столѣтія (1707—1730) изъ Академіи вышли слѣдующія лица, ознаменовавшія себя на поприщѣ служенія Церкви и Отечеству.

Барскій-Григоровичъ Василій, знаменитый русскій путешественникъ XVIII вѣка. Онъ родился 1701 года въ Кіевѣ, и принадлежалъ къ сословію мѣщанъ. Отецъ его Григорій Григоровичъ, неблаговолившій къ ученымъ, самъ началъ давать сыну первоначальные уроки церковнаго пѣнія и чтенія: но юному и пылкому уму мало было такого образованія. Истощивъ всѣ просьбы и ходатайства своей матери, *Барскій* прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ, и явился прямо къ Ѳеофану Прокоповичу, бывшему тогда ректоромъ Академіи. Разсказавъ ему подробно о своемъ бѣгствѣ изъ родительскаго дома, онъ былъ записанъ въ кіевскія школы, гдѣ и началъ проходить науки съ необыкновенной ревностію. Достигнувъ философскаго класса, *Барскій* неожиданно долженъ былъ прекратить свои учебныя занятія и отправиться за границу для излеченія себя отъ раны, открывшейся на ногѣ. Онъ прибылъ во Львовъ, и при помощи искуснаго врача получивъ въ скоромъ времени выздоровленіе, рѣшился поступить въ тамошнюю іезуитскую коллегію. Но исповѣдуемая имъ православная вѣра была причиною того, что

прозелитъ науки выгнанъ былъ оттуда съ безчестіемъ, и положилъ не возвращаться домой, а начать путешествіе, такъ много прославившее его потомъ. Условившись объ этомъ съ товарищемъ своего изгнанія, воспитанникомъ Кіевской же Академіи, *Іустиномъ Леницкимъ*. *Барскій* въ апрѣлѣ 1724 года отправился въ путь чрезъ Венгрію и Австрію, потомъ прошелъ черезъ Лоретту, Баръ-градъ и Барлетту, а оттуда прибылъ въ Римъ. Пробывъ тамъ двадцать дней, онъ одинъ уже безъ товарища пошелъ на востокъ обратно чрезъ Флоренцію и Венецію въ Корфу, Кефалонію, Зантъ, Хіосъ, Солунь и въ Аѳонскую гору, а потомъ отплылъ въ Палестину. Посѣтивъ всѣ мѣста, освященныя стопами Искупителя міра и знаменитыя по библейскимъ воспоминаніямъ, онъ поѣхалъ на островъ Кипръ, а оттуда въ Рахитъ до Каира и Александріи; прошелъ черезъ Суэцъ и Раифу въ Каменистую Аравію до горы Синайской, и въ іюнѣ 1728 года возвратился въ Каиръ. Въ слѣдующемъ году вторично посѣтилъ онъ Іерусалимъ, обошелъ всю Сирію, и остался въ училищѣ Трипольскомъ до 1731 года. Желая еще совершеннѣе обучиться греческому языку, началъ онъ опять путешествовать по всѣмъ Архипелажскимъ островамъ и Анатольскимъ берегамъ. На о Хіосѣ застигла *Барскаго* чума, попрепятствовавшая ему продолжать свое странствованіе. Въ эту годину томительнаго бездѣйствія, *Барскій* принялъ на себя должность наставника съ цѣлію, какъ говоритъ онъ самъ, »пріобрѣсти себѣ нѣкій хлѣбецъ »и ино что нуждное«. Кромѣ того, »собравши отъ различныхъ »граматикъ латинскихъ, сочинилъ едину граматику латино-гре»ческую, съ расположеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ »сокращеніемъ, елико можно, по желанію и прошенію случив»шихся ему любомудрыхъ Грековъ, изъ нея же можетъ всякъ »Грекъ книженъ, аще и не совершенъ граматикъ, изучитися »совершенно граматики латинской; въ ней бо латинскаго худо»жества поученіе еллинское, примѣры же латинскіе обрѣтаются«. А между тѣмъ порою онъ и самъ становился ученикомъ; такимъ образомъ на о. Патмосѣ, »пройдохъ, говоритъ онъ, гра-

»матическое ученіе, логику и полъ-физики, риторику же оста»вихъ слабой ради памяти моей, и немогуще понести великихъ »трудовъ ради прискорбнаго житія. Благодарю же всемудраго »Бога за таковое просвѣщеніе, яко не допусти мя погубити всуе »толикое время, но сподоби мя потрудитися за душевное спа»сеніе, на пользу братіи и ближнихъ нашихъ, и на честь оте»честву моему«. Такъ говорилъ благородный труженикъ, подвергавшій себя всѣмъ лишеніямъ — голоду и жаждѣ, холоду и зною и измѣрившій »ступаніемъ своимъ и пядію удолій глубину, »горъ знатныхъ высоту«[57]. Въ бытность свою въ Дамаскѣ *Барскій* пріобрѣлъ такъ много любви и уваженія отъ всѣхъ окружавшихъ его, и особенно отъ Сильвестра, патріарха антіохійскаго, что сей послѣдній никакъ не соглашался отпустить его и уговаривалъ остаться навсегда при немъ, въ качествѣ друга и собесѣдника. Вѣжливо отклонилъ отъ себя нашъ путешественникъ такое обязательное приглашеніе святѣйшаго архипастыря: но на вѣчную память принялъ отъ него санъ монашескій. Въ 1733 году 27 декабря *Барскій* рукоположенъ былъ патріархомъ въ іподіакона съ переименованіемъ въ Стефана, въ честь и память св. первомученика, а въ первый день новаго 1734 года, по желанію своему, оставленъ съ прежнимъ именемъ Василія, »ради помощи и заступленія святителя Христова«. Въ честь и воспоминаніе этого событія, новопостриженный инокъ сложилъ на греческомъ языкѣ два похвальныя слова: одно св. Василію великому, а другое самому патріарху, которыя и произнесъ въ день постриженія своего въ монастырской трапезѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ рѣшился еще отблагодарить патріарха, и написалъ въ честь его слово на языкѣ еллинскомъ. Кромѣ этого, *Барскій* нарисовалъ для благодѣтеля своего большую картину, представлявшую патріаршій дворъ и городъ Антіохію, да выгравировалъ »со многимъ трудомъ и прилежаніемъ« двѣ доски для печатанія разрѣшительныхъ граматъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что патріархъ не желалъ разстаться съ такимъ образованнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ: »любяше мя,

»говоритъ *Барскій,* до зѣла, якоже отецъ своего сына, и не »хотяше мя отпустити отъ себе, но принуждаше мя жити съ »собою, обѣщая мя почтити высокою честію«. Но не для спокойнаго житья, не для почестей избралъ себѣ *Барскій* такой тяжкій и многотрудный путь. Не смотря на просьбы и убѣжденія патріарха, онъ остался непреклоннымъ, и снова пустился странствовать, напутствуемый благословеніями архипастыря и благожеланіями знавшихъ и уважавшихъ высокія его достоинства.

Въ 1743 году *Барскій* вызванъ былъ въ Константинополь пребывавшимъ тамъ россійскимъ резидентомъ А. А. Вѣшняковымъ, гдѣ и пробылъ цѣлый годъ, а потомъ отправился въ Аѳонскую гору, на которой находился тоже около года Оттуда въ 1745 году ходилъ въ знатнѣйшія греческія области — Эпиръ, Критъ и Левадію, а въ половинѣ 1746 возвратился въ Константинополь, но засталъ тамъ россійскимъ резидентомъ уже не Вѣшнякова, а А. И. Неплюева, который не такъ былъ благосклоненъ къ *Барскому* и причинилъ ему много непріятностей, приказавъ было отправить его въ Петербургъ Чернымъ моремъ подъ строжайшимъ карауломъ. Выпутавшись кое-какъ изъ этой бѣды, *Барскій* пошелъ сухимъ путемъ черезъ Румелію, Болгарію, Валахію, Молдавію и Польшу.

Наконецъ пилигримъ нашъ въ своемъ отечествѣ Двадцать четыре года ходилъ онъ по странамъ чужимъ; тысячи городовъ, селъ и весей улеглись въ его Дорожникѣ на вѣчныя времена, и будетъ о чемъ вспомнить и поразсказать *Барскому* на святой своей родинѣ. Въ 1747 году сентября 2 нашъ путешественникъ прибылъ въ Кіевъ: но не наглядѣлся онъ на родныхъ и близкихъ своихъ, на родимый свой Кіевъ и драгоцѣнную Академію. Распухшія ноги отъ долгаго и утомительнаго странствованія были только внѣшнимъ признакомъ болѣзни, сокрушившей эту мощную и энергическую натуру. Проживъ всего тридцать

пять дней въ родительскомъ домѣ, *Василій Барскій* скончался 7 октября 1747 года. Погребеніе надъ нимъ совершалъ Макарій, митрополитъ Ѳиваидскій, бывшій въ то время въ Кіевѣ, и ректоръ Академіи архимандритъ Сильвестръ Ляскоронскій. Во время самаго обряда отличнѣйшіе ученики изъ осми латинскихъ классовъ говорили надгробныя рѣчи достойнѣйшему воспитаннику Академіи. Вмѣсто обыкновенной разрѣшительной молитвы, въ гробъ *Барскаго* положена прощальная грамата, напечатанная по славянски еще въ Іерусалимѣ съ собственноручной подписью тамошняго патріарха Хрисанѳа.

Книга путешествій *Барскаго* долгое время оставалась въ рукописи у его матери, которая всякому желающему давала ее списывать. Изъ многочисленныхъ чертежей и рисунковъ одни были вклеены въ книгу, а другіе отданы Симону Тодорскому, тогда архіепископу псковскому, который самъ бывъ нѣкогда путешественникомъ, взялся ихъ разобрать и распредѣлить по своимъ мѣстамъ, и даже по исправленіи и надлежащемъ просмотрѣ, напечатать самую рукопись: но послѣдовавшая въ 1754 году кончина его помѣшала исполнить это благое намѣреніе. Графъ А. Г. Разумовскій также хотѣлъ заняться этимъ, для чего даже писалъ къ Амвросію, архіепископу московскому, прося его о присылкѣ исправнѣйшаго списка: но смерть, приключившаяся тому и другому, остановила это предпріятіе въ самомъ его началѣ. Наконецъ уже свѣтлѣйшій князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій взялся за это дѣло, и въ 1778 году вышла въ Петербургѣ книга, озаглавленная такъ: *Пѣшехода Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова*[58], *монаха антіохійскаго путешествіе къ св. мѣстамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723, и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное.*

Не смотря на всѣ недостатки, произшедшіе отъ редакторскаго вмѣшательства[59], книга *Барскаго* съ 1778 по 1800 годъ

имѣла пять изданій. И не удивительно: историческія и библейскія воспоминанія, преданія, обряды, обычаи, стеченіе народа, занятія богомольцевъ, внутренній порядокъ и устройство обителей и храмовъ, столкновеніе разновѣрныхъ блюстителей мѣстъ святыхъ, архитектура и внутреннее устройство домовъ, снабженіе городовъ водою и жизненными припасами, состояніе городскихъ улицъ, памятники и другія мѣстныя рѣдкости, своеобразность взгляда и наконецъ разсказъ, такъ родственный и понятный нашимъ грамотнымъ простолюдинамъ — все это невольно привлекало общее вниманіе къ книгѣ *Барскаго*. Правда, рѣчь нашего путешественника не совсѣмъ чиста и правильна; особенно примѣсь польскихъ и малороссійскихъ словъ, стараніе выразиться иногда повычурнѣй непріятно нестрятъ слогъ *Барскаго:* но за то искренность, прямодушіе, наивность и увлеченіе, виднѣющія на всякой страницѣ путевыхъ его замѣтокъ, противъ воли заставляютъ читателя забывать всѣ прочіе недостатки. Самъ просвѣщенный науками и обладавшій твердымъ разсудкомъ, онъ не слѣпо вѣрилъ всему, что ему разсказывали, и многіе предметы подвергалъ строгому критическому анализу[60]. Умный и проницательный наблюдатель противъ суевѣрныхъ преданій обыкновенно вооружался сначала свидѣтельствами свящ. писанія и церковной исторіи, потомъ логическими требованіями разсудка, и наконецъ всѣмъ, что можетъ подавать въ такихъ случаяхъ строгая наука. Въ этомъ отношеніи нашъ *Барскій* далеко выше многихъ западныхъ современныхъ ему путешественниковъ, пользующихся до нынѣ европейскою извѣстностью. Могилу *Барскаго* показываетъ надгробный памятникъ, почти вросшій въ землю, лежащій съ сѣверной стороны великой Богоявленской церкви Братскаго монастыря[61].

Богдановичъ-Любимскій Досиѳей. Въ 1731 году онъ былъ рукоположенъ изъ архимандритовъ Савинскаго звенигородскаго монастыря въ архіепископа курскаго: но въ томъ же году отлученъ, по именному указу Императрицы Анны Іоан-

новны, и скончался въ курскомъ монастырѣ 23 марта 1736 года[62].

Вишневскій Гедеонъ. Достигнувъ философскаго класса въ Кіевской Академіи, онъ на свое иждивеніе отправился для окончанія образованія себя за границу, гдѣ и получилъ дипломъ доктора философіи. По возвращеніи въ Россію, *Вишневскій* поступилъ въ родное свое училище наставникомъ піитики, а послѣ реторики: но скоро оставилъ это мѣсто, по приглашенію черниговскаго губернатора, у котораго и занялъ должность домашняго учителя. Въ 1714 году, *Вишневскій* былъ вытребованъ въ московскую Академію и опредѣленъ преподавателемъ философіи, которую читалъ онъ и въ бытность префектомъ Гавріила Бужинскаго. Въ это время *Вишневскій* поступилъ въ монашество и занявъ мѣсто префекта, началъ преподавать Богословіе, а въ 1722 году принялъ званіе ректора Академіи. По должности главнаго цензора духовныхъ сочиненій и переводовъ, назначаемыхъ къ печати, *Гедеонъ* трудился со всей твердостію своего характера и независимостью убѣжденій, рискуя нажить себѣ этимъ сильнѣйшихъ враговъ. Довольно того, что на него негодовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, письменно называя его гордецомъ, завистникомъ и поставляя рядомъ съ человѣкомъ, котораго ненавидѣлъ отъ всей души — честнымъ и многострадальнымъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Гнѣвъ Прокоповича могъ быть очень опасенъ для *Гедеона:* но чистый и спокойный въ своей совѣсти, онъ не унывалъ и продолжалъ ревностно служить святому дѣлу, на которое призванъ. Промыслу однакожъ угодно было исторгнуть сего многополезнаго мужа изъ сѣтей, которыми въ скоромъ времени опутанъ былъ другъ и сотрудникъ его на ученомъ поприщѣ Лопатинскій. Въ 1727 году *Гедеонъ* былъ вызванъ въ Петербургъ и черезъ годъ хиротонисанъ въ епископа смоленскаго. Здѣсь-то онъ уже свободно могъ предаваться осуществленію тѣхъ плановъ, какіе питалъ въ твердой и благородной душѣ своей, и оставилъ по себѣ вѣчную па-

мять, какъ ревнитель просвѣщенія. Прибывъ на паству, *Гедеонъ* тотчасъ же приступилъ къ учрежденію славено-латинской школы, въ которой первоначально повелѣлъ обучать букварямъ, часослову, псалтири, нотному пѣнію и письму. Училище сдѣлалось любимѣйшимъ предметомъ его попеченій: объ немъ переписывался онъ потомъ съ митрополитомъ Рафаиломъ; для него выписывалъ изъ Академіи учителей, не жалѣя ни издержекъ, ни награжденій. За то еще при жизни своей мудрый и благочестивый пастырь узрѣлъ плоды трудовъ своихъ: въ 1744 году — всего черезъ шестнадцать лѣтъ — въ школѣ *Гедеоной* были уже классы: аналогіи, инфимы, граматики, синтаксимы, піитики, реторики и философіи. Но этого мало было для просвѣщенной ревности такого архипастыря; онъ позаводилъ особыя славено-россійскія школы въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Рыльскѣ и Бѣломъ; въ самый годъ кончины своей онъ открылъ еще Вяземское училище. Смоленская семинарія въ *Гедеонѣ* имѣетъ своего Петра Могилу и должна вѣчно памятовать 2 е февраля 1761 года — день кончины незабвеннаго своего благодѣтеля[63].

Волчанскій Іеронимъ, родной братъ Іосифа перваго архіепископа московскаго. Въ одно время учились они въ Кіевской Академіи, и только по окончаніи курса разошлись въ разныя стороны, *Іеронимъ* произведенъ былъ въ игумены виленскаго монастыря, и когда братъ его былъ переведенъ изъ могилевской епархіи въ Москву, *Іеронимъ* назначенъ на его мѣсто, и благополучно правивъ могилевскою паствою въ продолженіи десяти лѣтъ мирно, почилъ 14 октября 1754 года[64].

Волчанскій Іосифъ. Первые годы его службы были посвящены тому училищу, въ которомъ и самъ онъ получилъ образованіе. Перешедши учительскія должности въ низшихъ классахъ, *Волчанскій* въ 1721 году былъ уже префектомъ, а потомъ до 1727 ректоромъ Академіи. Въ мартѣ мѣсяцѣ сего же года онъ былъ назначенъ архимандритомъ кіево-ни-

колаевскаго монастыря, а въ 1735 году посвященъ въ епископа могилевскаго. Когда же по указу Императрицы Елисаветы Петровны, учредилась московская епархія, съ наименованіемъ московской и владимірской, *Волчанскій* въ 1742 году переведенъ былъ туда первымъ архіепископомъ, и по трехлѣтнемъ управленіи епархіей, скончался 10 іюня 1745 года, и погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ[65].

Горка Лаврентій сынъ простаго козака изъ мѣстечка Стаекъ. Съ отличнымъ успѣхомъ окончивъ ученіе въ Академіи, онъ принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ достигъ и званія іеромонаха и за тѣмъ 1679 года назначенъ былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря. Въ 1722 *Горка* переведенъ въ званіи архимандрита въ Воскресенскій московскій монастырь и по однолѣтнемъ управленіи сей обителью хиротонисанъ въ епископа астраханскаго, а черезъ три года вызванъ въ С. Петербургъ и назначенъ архіепископомъ въ устюжскую епархію. Въ 1731 году *Лаврентій* былъ переведенъ въ Рязань, а въ 1733 въ Вятку, гдѣ положилъ основаніе семинаріи. Увѣковѣчивъ такимъ образомъ имя свое, какъ распространитель просвѣщенія, *Лаврентій Горка* скончался 9 апрѣля 1739 года[66].

Горленко Іоасафъ родился 8 сентября 1705 года въ городѣ Прилукахъ полтавской губерніи. Отецъ его принадлежалъ къ той фамиліи *Горленковъ*, которые такъ славны въ исторіи Малороссіи, и самъ былъ полковникомъ полтавскимъ. Родившійся у него сынъ при крещеніи нареченъ былъ *Іоакимомъ*, и по осьмому году былъ отправленъ родителями своими въ Кіевскую Академію. Здѣсь, продолжая науки, *Горленко* рано почувствовалъ высокое призваніе къ иноческой жизни, и сталъ помышлять объ этомъ, будучи только одиннадцати лѣтъ отъ роду. Но до осмнадцатаго года своего возраста онъ не объявлялъ объ этомъ никому, даже своимъ родителямъ. Сильно изумленъ былъ потомъ просьбою сына вельможный полковникъ

и ни за что не хотѣлъ даже слышать о монашествѣ, готовя въ *Іоакимъ* преемника своему достоинству; молодой человѣкъ опять отправился въ Кіевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что еще не окончилъ тамъ ученія. Немедленно, по прибытіи въ Академію, *Горленко* поступилъ въ кіево-межигорскій монастырь подъ иноческій искусъ, въ которомъ находился цѣлый годъ: но опасаясь, чтобъ родители не провѣдали объ этомъ и не взяли его изъ монастыря, онъ оставилъ довѣреннаго и преданнаго ему слугу въ самомъ Кіевѣ, строго наказавъ ему держать въ тайнѣ пребываніе свое въ монастырѣ, и получая чрезъ него родительскія письма, отвѣчалъ на нихъ, какъ будто изъ города. Въ 1725 году 27 октября *Горленко* постриженъ въ рясофоръ и наименованъ *Иларіономъ*. Тогда-то уже рѣшился онъ объявить объ этомъ своимъ родителямъ, испрашивая у нихъ благословенія. Съ горькими упреками встрѣтилъ отецъ сыновняго посланца, много плакала и мать, потерявшая въ инокѣ *Иларіонѣ* своего любимаго Іоакима: но дѣло уже было сдѣлано, и родители, благословивъ его, поручили промыслу Божію.

Проживъ два года въ межигорскомъ монастырѣ *Иларіонъ* былъ вызванъ въ Братскій, гдѣ окончательно принялъ санъ монашескій съ переименованіемъ въ *Іоасафа*, и за тѣмъ 1728 года опредѣленъ учителемъ въ Кіевскую Академію, въ каковой должности и находился три года. Рафаилъ Заборовскій, вскорѣ по прибытіи своемъ на кіевскую іерархію, назначилъ *Іоасафа* экзаменаторомъ и экклезіархомъ Братскаго монастыря, а въ 1734 году посвятилъ въ іеромонахи и перевелъ въ Софійскій, назначивъ кромѣ того членомъ консисторіи. Черезъ два года *Горленко* произведенъ былъ въ игумены лубенскаго Преображенскаго монастыря. Обитель эта была совершенно разорена пожаромъ, и *Іоасафу* предстояло много трудовъ и заботъ по возобновленію ея. Мѣстныхъ средствъ для этого не доставало; нужно было прибѣгнуть къ испрошенію подаяній, и *Горленко*, не смотря на разстроенное здоровье, отправился самъ съ про-

сительною книгой въ Москву и Петербургъ, гдѣ и прожилъ полтора года. Богъ благословилъ труды его: начиная отъ Императрицы до послѣдняго обитателя обѣихъ столицъ—всѣ были вкладчиками обители *Іоасафовой*. Возвратившись въ монастырь, *Горленко* немедленно приступилъ къ возобновленію его: но не успѣлъ докончить начатаго, ибо Государыня Елисавета Петровна, на обратномъ пути изъ Кіева, словесно повелѣвъ митрополиту Рафаилу посвятить *Іоасафа* въ архимандриты, въ томъ же (1744) году вызвала его въ Москву. Здѣсь, по указу св. Синода, онъ принялъ въ управленіе Троицко-Сергіеву Лавру, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ лубенскаго монастыря. Въ 1748 году Іоасафъ самой Государыней былъ назначенъ въ епископа бѣлоградскаго, и прибывъ на паству, тотчасъ же озаботился исправленіемъ духовенства, находившагося тамъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Не смотря на слабость здоровья, онъ дѣйствовалъ неутомимо ко благу Церкви, и кроткій по природѣ, строго преслѣдовалъ грубые порóки своей паствы. Въ послѣдній годъ своей жизни *Іоасафъ* испросилъ у Синода позволеніе поѣхать въ Прилуки для свиданія съ своими родителями. Провидя кончину свою, онъ 29 мая 1754 года отслужилъ въ послѣдній разъ литургію въ Бѣлгородѣ, простился со всѣми, благословилъ народъ, и выѣхалъ изъ своей паствы съ тѣмъ, чтобъ возвратиться къ ней уже бездыханнымъ своимъ тѣломъ. Пробывъ у родителей довольное время, *Іоасафъ* на обратномъ пути въ Бѣлгородъ заболѣлъ, и остановился въ м. Грайворонѣ, принадлежавшемъ архіерейскому дому. Послѣ двухмѣсячной болѣзни, онъ скончался 10 декабря 1754 года на сорокъ девятомъ году своей жизни. Тѣло его, по отпѣтіи въ домовой церкви, отвезено было въ Бѣлгородъ, гдѣ 28 февраля 1755 года и поставлено открыто въ заранѣе приготовленномъ имъ самимъ каменномъ склепѣ. Память святителя Божія благочестно чествуется до нынѣ благочестивыми поклонниками, которые совершаютъ по немъ панихиды, испрашивая себѣ ходатайства его предъ Богомъ[67].

Григоровичъ Иларіонъ первый префектъ харьковскаго коллегіума. По увольненіи отъ училищной должности, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Святогорскаго Изюмскаго монастыря, а въ 1744 году переведенъ въ монастырь Воскресенскій. Въ это время, по указу св. Синода, ему повелѣно было заняться исправленіемъ библіи славянской, совмѣстно съ Іаковомъ Блонницкимъ. По окончаніи сего труда, *Григоровичъ* былъ посвященъ въ епископа Крутицкаго, и скончался 3 декабря 1760 года[68].

Дубневичъ Амвросій родился въ с. Подгурьѣ бывшей тогда польской украйны, и по окончаніи курса наукъ, былъ оставленъ при Академіи въ званіи учителя низшихъ школъ. Проходя постепенно наставническія должности, *Дубневичъ* въ 1727 году былъ уже префектомъ, а съ 1731 по 1737 годъ ректоромъ Кіевской Академіи. Когда повелѣно было Петромъ II составить Сводъ Статута Литовскаго и Магдебургскаго Права, *Дубневичъ* принималъ въ этомъ дѣятельное участіе, какъ опытный юрисконсультъ и членъ Высочайше назначенной коммиссіи. По прибытіи Рафаила Заборовскаго на митрополію, онъ первый изъ игуменовъ братскаго монастыря получилъ санъ архимандрита, въ каковомъ и переведенъ потомъ въ Михайловскій монастырь. Отсюда въ 1739 году *Дубневичъ* былъ назначенъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, и черезъ три года рукоположенъ въ епископа черниговскаго. По осмилѣтнемъ управленіи епархіей *Дубневичъ* 23 февраля 1750 года скончался въ Глуховѣ[69].

Зертысъ-Каменскій Амвросій сынъ Степана Константиновича Зертыса, бывшаго переводчикомъ языковъ молдавскаго, греческаго и турецкаго при гетманѣ Мазепѣ. Онъ родился въ Нѣжинѣ 1708 года и при св. крещеніи нареченъ былъ *Андреемъ*. Окончивъ курсъ наукъ въ Кіевской Академіи, онъ еще два года продолжалъ ученіе за границей въ славившейся тогда академіи львовской. Возвратясь въ отечество, *Андрей Зертысъ*

поѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ Ѳеофану Прокоповичу желаніе свое поступить въ монашество. Напрасно министръ-іерархъ истощалъ свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить молодаго человѣка отказаться отъ своего намѣренія, даже давалъ ему книгу: *Похвала супружеству*, совѣтуя прочесть ее со вниманіемъ. *Зертысъ Каменскій* остался непреклоннымъ и уѣхалъ въ Москву, чтобъ на досугѣ заняться слушаніемъ уроковъ богословскихъ во вновь открытой тогда академіи. Въ это время онъ получилъ приглашеніе отъ Стефана Калиновскаго занять учительское мѣсто при школѣ, заводимой имъ въ Александро-невскомъ монастырѣ. Здѣсь въ 1730 году *Зертысъ-Каменскій* исполнилъ давнее свое желаніе — постригся въ монахи и нареченъ *Амвросіемъ;* въ 1742 году былъ уже префектомъ академіи, а черезъ шесть лѣтъ архимандритомъ Воскресенскаго монастыря и членомъ св. Синода. Въ 1753 году онъ посвященъ въ епископа переславской и дмитровской епархіи съ сохраненіемъ званія синодальнаго члена и архимандрита Воскресенскаго монастыря, а въ 1761 переведенъ въ епархію крутицкую и можайскую съ пожалованіемъ въ архіепископы. Среди всѣхъ этихъ перемѣнъ іерархическаго достоинства, *Амвросій* все продолжалъ управлять означеннымъ монастыремъ, оканчивая тѣ великолѣпныя работы, которыя доселѣ составляютъ предметъ удивленія всѣхъ образованныхъ посѣтителей. Императрица Екатерина II перевела *Амвросія* 1768 года въ московскую епархію, поручивъ ему, какъ отличнѣйшему знатоку архитектуры, возобновленіе трехъ главныхъ московскихъ соборовъ — Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго. Вскорѣ заразительная болѣзнь, занесенная изъ Молдавіи и Валахіи, и уже распространившаяся въ Польшѣ и Малороссіи, 17 декабря 1770 года показалась и въ Москвѣ. Достойный пастырь, не смотря на то, что пораженная язвою столица оставлена была даже градоначальниками, не покинулъ своей паствы и употреблялъ всѣ мѣры къ уменьшенію смертности между народомъ: указалъ за городомъ кладбище для умершихъ, уничтожилъ сходбища безмѣстныхъ священниковъ на Крестцѣ, откуда

ихъ брали для богослуженія въ домовыхъ церквахъ; удерживалъ народъ отъ ходовъ и процессій; принялъ рѣшительныя мѣры къ удаленію многочисленнаго, пагубнаго стеченія москвичей у воротъ Варварскихъ, погрозился даже снять съ нихъ образъ Боголюбскія Богоматери, и за свою такую ревность, за свои отеческія попеченія сдѣлался жертвой безумно-ожесточившагося народа. Утромъ 16 сентября 1771 года буйная толпа съ воплемъ окружила Донской монастырь, гдѣ пребывалъ архипастырь, и начала ломать церковныя двери. »Господи! произнесъ тогда »*Амвросій*, воздѣвъ руки предъ престоломъ: остави имъ, не вѣ»дятъ бо что творятъ! Не введи ихъ въ напасть, но отврати »стремленіе ихъ! И якоже смертію Іоны укротилось волненіе »моря, тако смертію моею да укротится нынѣ волненіе сего »свирѣпствующаго народа«! Приготовившись ко всему, что могло быть, *Амвросій* спокойно остался ожидать злодѣевъ: но два архимандрита, бывшіе при немъ, увлекли его силою на хоры, находившіеся въ алтарѣ, позади иконостаса. Въ торопяхъ они не скрылись, какъ должно, и *Амвросій* былъ вытащенъ изувѣрами за ограду Донскаго монастыря. Съ твердостію отвѣчалъ архипастырь на всѣ вопросы бунтовщиковъ, увѣщевалъ ихъ повиноваться предержащей власти, съ терпѣніемъ переносить настоящее бѣдствіе въ упованіи на милосердіе Божіе. Онъ говорилъ съ такой силой и убѣжденіемъ, что самые злѣйшіе изъ изувѣровъ были тронуты, и въ смятеніи сами не знали что начать. Въ эту минуту выскочилъ изъ кабака дворовый человѣкъ, и бросившись къ *Амвросію*, закричалъ: »чего вы глядите? »Развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ«? Съ этимъ словомъ онъ ударилъ архипастыря коломъ въ щеку и повергъ на землю. Остервенившіеся изверги бросились на *Амвросія*, и болѣе четверти часа терзали его мучительнымъ образомъ: но до послѣдняго издыханія не переставалъ молиться страдалецъ за убійцъ своихъ[70]. Такъ окончилъ жизнь твердый блюститель благочестія христіанскаго, ревностный хранитель чистоты вѣры православной, покровитель просвѣщенія, нелицепріятный судія

и защитникъ угнѣтаемыхъ!.. Страдальческое тѣло его покоится въ Донскомъ монастырѣ. Памятникомъ ученыхъ занятій *Амвросія* осталось множество переводовъ съ греческаго языка[71]. Кромѣ этого онъ занимался составленіемъ церковной исторіи россійской: но этотъ трудъ *Амвросія* погибъ во время возмущенія, стоившаго ему самому жизни, вмѣстѣ съ драгоцѣнной библіотекой, подаренной ему Императрицей Елисаветой Петровной.

Калиновскій Стефанъ. Въ 1733 году изъ префектовъ Академіи Кіевской онъ былъ вызванъ на такую же должность въ Заиконоспасскую московскую школу, гдѣ черезъ годъ опредѣленъ былъ ректоромъ, а въ 1735 году переведенъ въ Александро-Невскую Лавру для устроенія тамъ училища. Долго и напрасно ожидая требованныхъ для сего изъ Кіевской Академіи наставниковъ, *Калиновскій* обратился къ Академіи московской и взялъ оттуда двухъ питомцевъ юга, доучивавшихся на сѣверѣ, и родственно знакомыхъ ему по мѣсту первоначальнаго образованія. Это были Григорій Ѳедоровичъ Кременецкій и Андрей Степановичъ Зертысъ-Каменскій. При ихъ-то содѣйствіи началъ онъ дѣло устроенія училища, которому потомъ суждено было возвыситься до почетнаго наименованія Академіи. Въ 1739 году *Калиновскій* былъ хиротонисанъ въ епископа псковскаго, и по шестилѣтнемъ управленіи сей епархіей назначенъ архіепископомъ новгородскимъ; 1753 года 16 сентября было послѣднимъ днемъ его многотрудной и многополезной жизни. *Калиновскій* отличался даромъ проповѣдничества, и нѣсколько поученій его тогда же были напечатаны[72]. При немъ въ новгородской семинаріи открытъ классъ философскій, а 1748 года и классъ богословія, преподавателемъ котораго назначенъ *Іосифъ Ямницкій*, тоже воспитанникъ Кіевской Академіи: но поелику онъ скоро скончался, то уроки богословія велѣно прекратить, а учениковъ обратить опять въ среднее отдѣленіе. Это обстоятельство сильно занимало просвѣщеннаго архипастыря,

которому удалось наконецъ снова открыть въ 1750 году упраздненный классъ, и еще присовокупить къ тому преподаваніе языка еврейскаго[73].

Козачинскій Михаилъ родился 1699 года и при крещеніи нареченъ былъ Мануиломъ[74]. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Кіевской Академіи, онъ принялъ санъ іерейскій: но въ скоромъ времени лишившись супруги, поступилъ въ Выдубицкій монастырь. Будучи извѣстенъ Академіи, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ ея воспитанниковъ, *Козачинскій* былъ вызванъ на учительскую должность. Скоро на малыхъ, а потомъ и на большихъ инструкціяхъ онъ показалъ рѣдкій талантъ проповѣдничества и неутомимую дѣятельность. Все это обратило на него вниманіе Рафаила Заборовскаго, который отправилъ его вмѣстѣ съ другими воспитанниками, по просьбѣ сербскаго епископа Викентія Свядновича, за границу для заведенія тамъ училищъ. *Козачинскій*, пробывъ нѣсколько времени въ Сербіи, испросилъ себѣ увольненіе отъ заграничной службы, и объѣхавъ Славонію, Кроацію и большую часть Германіи, въ 1739 году воротился въ отечество, и снова поступилъ въ Академію въ званіи префекта и преподавателя философіи. Въ тоже время онъ вступилъ къ Рафаилу съ прошеніемъ о постриженіи его въ монашество, и въ 1740 году принялъ въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ санъ иноческій съ именемъ *Михаила*. Но чтобы сохранить его для Академіи, митрополитъ, въ поощреніе, назначилъ игуменомъ гадяцкаго Красногорскаго Николаевскаго монастыря, убѣдивъ его продолжать полезную училищную службу. Въ 1745 году *Козачинскій* былъ посыланъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Сильвестромъ Кулябкою для принесенія поздравленія Императрицѣ, по случаю вступленія въ бракъ Наслѣдника престола, а по прибытіи въ Кіевъ снова вступилъ въ отправленіе прежней своей должности. Въ это время *Козачинскому* поручено было чтеніе богословскихъ лекцій: но неудовольствія отъ сослуживцевъ и потеря зрѣнія были причиною увольненія его отъ профессорской должности. Поступивъ,

согласно своему обѣщанію въ Выдубицкій монастырь, онъ и скончался тамъ въ санѣ архимандрита[75]. Въ бытность свою наставникомъ Академіи, онъ написалъ стихами на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ панегирикъ графу Разумовскому, отличающійся необыкновенной находчивостью и умѣньемъ автора изъ ничего сдѣлать что нибудь[76]. Прибытіе въ Кіевъ Императрицы Елисаветы Петровны *Козачинскій* также ознаменовалъ поэмою на означенныхъ трехъ языкахъ[77]. Должно однакожъ признаться, что кромѣ необыкновенной охоты къ стихотворству, онъ мало имѣлъ истиннаго призванія быть поэтомъ, хоть стихъ его далеко лучше стиховъ Максимовича и Тредьяковскаго. Впрочемъ тогда отъ первой оды Ломоносова, которою подарилъ онъ Россію, прошло не болѣе пяти лѣтъ, и кіевскіе поэты писали ничѣмъ не хуже Сумароковыхъ и Костровыхъ. Примѣръ тому стихи *Козачинскаго:*

Славенъ, чуденъ,
Не оскуденъ
Въ мудрости, о Боже!

Твою славу
И державу
Кто изрещи може?

Ізумѣетъ,
Поблѣднѣетъ,
Хотя бъ въ рѣчахъ силенъ,

И Виргилій
Въ такомъ дѣлѣ
Самъ бы сталъ обмиленъ:

Якъ не можно
Вси не ложно
Считать звѣзды въ горѣ;

Трудно знати

И поняти,
Сколько воды въ морѣ;

Такъ подробно
Неудобно
Изъявить предвѣчну,

Твою силну
Изобилну
Мудрость безконечну.

Егда бо свѣтъ
Начнемъ смотрѣть,
Что жь въ немъ есть не красно?

Се планета
Перва, свѣта
Слава, солнце ясно.

Луна дружно
Съ нимъ окружно,
С тѣми жъ звѣзды купно

Озаряютъ,
Украшаютъ
Весь свѣтъ неотступно.

Небомъ земля,
Дождь пріемля
И кропясь росою,

Человѣки
Чрезъ всѣ вѣки
Питаетъ въ покою.

Еднимъ кругомъ
Полночь съ югомъ
И западъ съ востокомъ;

Рѣкъ быстрины
Безъ отмѣны,
Еднимъ бѣгутъ текомъ

И что далѣй
Въ словѣ малѣ
Хощу изъявити.

Воду ль въ морѣ?
Звѣзды ль въ горѣ
Дерзну изчислити?

Широкъ предѣлъ
Божіихъ дѣлъ,
А вси идуть стройни,

Вси согласни,
Вси прекрасни,
Вси похваль достойни[78].

Кондратовичъ Кириакъ одинъ изъ плодовитѣйшихъ нашихъ писателей, признанный достойнымъ занимать почетное мѣсто между преобразователями русской словесности. Окончивъ курсъ наукъ въ Академіи, онъ 1726 г. вызванъ былъ Гавріиломъ Бужинскимъ въ Рязань для открытія тамъ славяно-латинскихъ духовныхъ школъ. Не долго однакожъ оставался *Кондратовичъ* въ учительской должности: 1730 года онъ поступилъ въ Академію Наукъ переводчикомъ, и тутъ-то началась литературная его дѣятельность. Отлично владѣя латинскимъ и греческимъ языкомъ, онъ началъ пробовать силы свои сперва въ переводахъ, которые ежегодно выпускалъ въ свѣтъ то въ печати, то въ рукописяхъ. Досуги свои отъ серьезныхъ занятій онъ посвящалъ поэзіи, и взявъ себѣ за образецъ Мурета, положилъ

непремѣнно сдѣлаться русскимъ антологистомъ. Переводя изъ древнихъ авторовъ антологическія стихотворенія, онъ въ тоже время писалъ и самъ сонеты, рондо и особенно епиграмы, которыхъ у него накопилось до десяти тысячъ; изъ нихъ три сотни *Кондратовичъ* напечаталъ въ трехъ книжкахъ, подъ заглавіемъ: *Старикъ молодый, доброхотному и недоброхотному читателю.* Многостороннія его свѣдѣнія особенно выказались въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя, по тогдашнему состоянію наукъ въ Россіи, справедливо могли почитаться драгоцѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ отечественной литературы. Довольно указать на одинъ *Россійскій Ботаническій Словарь*, изданный имъ въ 1780 году подъ названіемъ: »Диктіонеръ или реченіаръ по алфавиту россійскихъ »словъ о разныхъ произращеніяхъ, то есть, древахъ, травахъ, »цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ, кореньяхъ и о »прочихъ быліяхъ и минералахъ собранный и сочиненный«. Этому человѣку, какъ видно, не доставало только средствъ, чтобъ сдѣлаться знаменитымъ журналистомъ своего времени: ибо свѣдѣніями энциклопедическими онъ далеко превосходилъ всѣхъ тогдашнихъ издателей эфемерныхъ журналовъ, быстро появлявшихся и еще быстрѣе изчезавшихъ. *Кондратовичъ* скончался въ глубокой старости въ С. Петербургѣ, пользуясь до конца своей жизни Высочайше пожалованнымъ пенсіономъ[79].

Концевичъ Германъ происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ. Вызванный въ только что учрежденную тогда московскую славяно-греко-латинскую Академію, *Германъ* до 1726 года проходилъ разныя низшія училищныя должности, и потомъ занялъ мѣсто префекта, а съ сентября 1727 года опредѣленъ преподавателемъ богословія и черезъ годъ ректоромъ. Кромѣ училищныхъ обязанностей, *Германъ* принималъ на себя великій трудъ обращенія иновѣрцевъ, обыкновенно препровождаемыхъ для сего въ Академію правительствомъ. Въ 1731 году 3 мая *Концевичъ* рукоположенъ былъ въ епископа архангельскаго, и въ томъ же году пожалованъ званіемъ архіепископа. Немед-

ленно, по прибытіи на епархію, *Германъ* завелъ славяно-латинскую школу въ Холмогорахъ, положивъ такимъ образомъ основаніе архангельской семинаріи: но не успѣвъ насладиться плодами насажденія своего, скончался 25 іюля 1735 года[80].

Конюскевичъ Павелъ родился 1705 года въ польскомъ мѣстечкѣ Самборѣ и по происхожденію своему принадлежалъ къ сословію мѣщанъ. Поступивъ въ Академію, онъ въ самое короткое время обратилъ на себя вниманіе начальства отличными успѣхами въ наукахъ и замѣчательною кротостію нрава. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при училищѣ въ должности преподавателя піитики. Съ юныхъ лѣтъ склонный къ уединенію, *Конюскевичъ* на двадцать осьмомъ году своего возраста принялъ монашескій постригъ въ Кіево-печерской Лаврѣ отъ руки архимандрита Романа, и 5 декабря 1734 года рукоположенъ былъ въ іеродіакона архіепископомъ кіевскимъ и галицкимъ Рафаиломъ, а 1 генваря 1740 въ іеромонахи. Въ этомъ году Лавра, по припятому обыкновенію, отправляла въ С. Петербургъ для раздачи подарковъ книгами, съѣстными и питейными припасами высокимъ и знатнымъ особамъ[81], для чего командированъ былъ отъ обители архимандритъ Тимоѳей, а въ должность шафара или распорядителя по части экономіи назначенъ къ нему іеромонахъ *Павелъ Конюскевичъ*. Обязанность довольно трудная и многосложная: ибо не только въ столицѣ, но и по пути слѣдованія шафаръ долженъ былъ вести строгую отчетность всякой копейкѣ, всякой книжкѣ, даруемой въ томъ или другомъ мѣстѣ, тому или другому лицу, а такихъ подарковъ бывало безчисленное множество. Шнуровая книга, данная по сему случаю отъ Духовнаго Собора *Конюскевичу*, вся исписана рукою его и заключаетъ въ себѣ множество прелюбопытныхъ статей, имѣющихъ интересъ историческій. Съ этого путешествія *Конюскевичъ* уже не воротился въ Кіевъ, но по указу св. Синода назначенъ былъ 1741 года въ Москву на должность проповѣдника

при тамошней славяно-греко-латинской Академіи. Два года трудился будущій святитель Церкви въ высокомъ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія; постоянство въ занятіяхъ, строгость жизни и замѣчательный даръ въ сказываніи поученій снискали ему благоволеніе св. Синода, который указомъ 25 іюня 1743 года предписалъ новгородскому архіепископу Амвросію Юшкевичу предоставить отправляемому къ нему іеромонаху *Павлу Конюскевичу* первое праздное архимандритское мѣсто, что и не замедлилось, ибо въ слѣдующемъ же году 18 февраля онъ произведенъ былъ въ архимандриты новогородскаго Юрьева монастыря. Памятникомъ его управленія сею одной изъ древнѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ обителей остались монастырскія постройки, начиная отъ восточныхъ воротъ по набережной линіи къ югу, а также южная ограда[82]. Въ 1758 году 23 марта *Конюскевичъ* хиротонисанъ былъ съ санъ митрополита тобольскаго и сибирскаго. Опытно зная, откуда идетъ религіозное просвѣщеніе народа, митрополитъ *Павелъ* обратилъ всю свою заботливость на усовершенствованіе семинаріи. Хотя она существовала въ Тобольскѣ уже двадцать лѣтъ: но классовъ въ ней было немного, — всего: русскій, инфимическій, синтаксическій и піитическій. Очевидно, что для полнаго образованія духовнаго юношества не доставало главнаго предмета — богословія. Просвѣщенный іерархъ не замедлилъ открыть этотъ классъ, самъ непосредственно наблюдая за преподаваніемъ уроковъ. Въ тоже время онъ началъ ходатайствовать о штатномъ положеніи для семинаріи, въ чемъ и успѣлъ, получивъ для нея въ 1765 году ежегоднаго оклада 490 р. 16½ коп.[83] А между тѣмъ въ ожиданіи сего, митрополитъ *Павелъ*, чрезъ архимандрита московскаго Высокопетровскаго монастыря Сильвестра просилъ изъ Кіево-печерской Лавры трехъ монашествующихъ къ учительской должности въ образуемую имъ семинарію; въ слѣдствіе чего высланы были туда въ генварѣ 1764 года два ученыхъ іеромонаха *Савватій Исаевичъ* и *Веніаминъ Бялковскій*. Не думалъ благочестивый архипастырь, чтобы одинъ изъ этихъ лю-

дей сдѣлался въ послѣдствіи его предателемъ... Ревнуя по вѣрѣ, онъ ходатайствовалъ чрезъ св. Синодъ о Высочайшемъ дозволеніи имѣть въ тобольской епархіи двухъ миссіонеровъ для обращенія отъ идолопоклонства разсѣянныхъ повсюду инородцевъ, а между тѣмъ собственная судьба святителя уже рѣшалась. Въ концѣ 1767 года митрополитъ *Павелъ* вытребованъ былъ въ Москву, по какимъ-то важнымъ дѣламъ. Архимандритъ Сильвестръ увѣдомлялъ намѣстника Кіево-печерской Лавры Зосиму отъ 18 марта 1768 года, что архипастырь уже выѣхалъ изъ Тобольска и просилъ вмѣстѣ съ этимъ озаботиться приготовленіемъ для него келліи въ Лаврѣ, ибо, писалъ онъ, »преосвященному *Павлу* въ Тобольскъ уже не возвращаться для многихъ »причинъ, а въ добавку еще нашъ отецъ Савватій постарался »оклеветать«[84]. Дѣйствительно, вскорѣ за тѣмъ, 4 іюня послѣдовалъ Высочайшій указъ объ увольненіи *Конюскевича* отъ управленія епархіей съ отсылкою въ Кіево-печерскую Лавру, куда и прибылъ онъ изъ Москвы августа того же года. Святая обитель встрѣтила своего постриженца, а теперь знаменитаго архипастыря съ любовію и уваженіемъ, назначивъ для пребыванія его келліи, занимаемыя прежде намѣстникомъ и нарочно исправленныя для этого случая. Свободный отъ епархіальныхъ обязанностей, *Павелъ* вполнѣ предался иноческимъ подвигамъ, столько близкимъ и любезнымъ строгой и благочестивой душѣ его; часто совершалъ священнодѣйствіе какъ въ Лаврѣ, такъ и по другимъ церквамъ кіевскимъ и 1770 года 4 ноября скончалъ праведную жизнь свою. Тѣло его донынѣ почиваетъ нетлѣннымъ въ склепу въ придѣлѣ св. Стефана, что въ Великой лаврской церкви Успенія пресвятыя Богородицы. Тобольская епархія доселѣ хранитъ память о семъ архіереи Божіемъ, какъ о строгомъ и нелицепріятномъ судіи дѣлъ человѣческихъ, и блюстителѣ вѣры истинной. Бывшій въ Сибири 1762 года для астрономическихъ наблюденій надъ прохожденіемъ венеры предъ солнцемъ, французскій аббатъ Шопе-де-Трошъ называетъ митрополита *Павла* ревнителемъ Вѣры, весьма вѣжливымъ,

пріятнымъ въ обращеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ ученымъ, хоть и не вѣрившимъ обращенію земли около солнца[85].

Кременецкій Гавріилъ родился въ городѣ Носовѣ кіевскаго поля, и при крещеніи нареченъ *Григоріемъ*. Отецъ его, бывшій въ томъ городѣ старшиною, немедленно, по достиженіи *Григоріемъ* отроческихъ лѣтъ, отдалъ его въ Кіевскую Академію, гдѣ онъ и началъ проходить первоначальныя науки. Въ это время Епифаній Тихорскій, епископъ бѣлоградскій, заводилъ въ Харьковѣ училище, сдѣлавшееся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ Коллегіума. Узнавъ объ этомъ, отецъ *Григорія Кременецкаго*, находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ бывшимъ нѣжинскимъ архимандритомъ, перевелъ къ нему въ училище сына своего: но поелику въ заводимой школѣ высшія науки не были еще преподаваемы, а между тѣмъ событія въ кіевской іерархіи не представляли ничего отраднаго для отдаленныхъ жителей Украйны: то Епифаній отправилъ своего воспитанника въ московскую Академію, подъ непосредственное вѣдѣніе друга своего Стефана Калиновскаго, бывшаго въ то время тамъ префектомъ. *Кременецкій* кончилъ курсъ съ блистательнымъ успѣхомъ, и когда наставнику и руководителю его Калиновскому, бывшему уже архимандритомъ Александро-невской Лавры, поручено было завести въ своей обители училище, то *Григорій Кременецкій* вызванъ былъ имъ изъ Москвы къ должности наставника. Черезъ три года послѣ сего онъ принялъ вмѣстѣ съ монашествомъ имя *Гавріила*, и продолжалъ трудиться на ученомъ поприщѣ въ званіи ректора. Въ 1748 году онъ получилъ архимандритскій жезлъ въ Новоспасскомъ московскомъ монастырѣ и званіе члена св Синода, а въ слѣдующемъ году нареченъ епископомъ коломенскимъ; 1755 *Гавріилъ* переведенъ въ Казань въ томъ же санѣ, а 1762 въ С. Петербургъ съ переименованіемъ въ архіепископа[86]. Но не здѣсь конецъ его высокому служенію; явится онъ въ то святое мѣсто, которое

положило основаніе его просвѣщенію, и которое было свидѣтелемъ лѣтъ его юныхъ.

Кроликъ Ѳеофилъ. Служеніе его началось съ училища, которому онъ самъ обязанъ былъ окончательнымъ образованіемъ. Въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка *Кроликъ* былъ переведенъ въ московскую Академію, гдѣ съ 1712 года состоялъ въ званіи префекта, и потомъ назначенъ архимандритомъ Чудова монастыря, съ пожалованіемъ въ члены св. Синода. Отсюда его перевели въ монастырь Новоспасскій, гдѣ онъ и умеръ 22 декабря 1732 года[87].

Кулябка Сильвестръ родился 1704 года[88] въ г. Лубнахъ, и при крещеніи нареченъ былъ Симеономъ. Отецъ его Петръ Кулябка былъ бунчуковымъ товарищемъ, а дѣдъ (по матери) Даніилъ Апостолъ гетманомъ малороссійскимъ. Кромѣ того онъ состоялъ въ ближайшемъ родствѣ съ фамиліею Горленковъ, знаменитою сколько воинскими и гражданскими доблестями, столько же однимъ и изъ потомковъ своихъ, прославившимся святостію жизни и чудеснымъ нетлѣніемъ тѣла[89]. Кончивъ курсъ наукъ въ Кіевской Академіи, *Симеонъ Кулябка* 1726 года поступилъ въ Кіево-Межигорскій монастырь, въ которомъ тогда проходилъ монашескій искусъ родственникъ его Іоакимъ Горленко; а между тѣмъ, принявъ твердое намѣреніе посвятить себя иноческой жизни, онъ началъ просить на то согласія у отца своего и дѣда. Благородные ревнители вѣры православной не захотѣли сопротивляться благочестивому преднамѣренію своего *Симеона,* и изъявили письменно соизволеніе на то, чтобы онъ, согласно желанію своему, посвященъ былъ въ санъ иноческій въ Кіево-печерской Лаврѣ[90]. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1727 года *Кулябка* принялъ монашество и нареченъ былъ *Сильвестромъ*. Но Академія не могла разстаться съ однимъ изъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ. Новопостриженный инокъ опредѣленъ былъ къ учительской должности и постепенно пе-

реходя съ одного поста на другой, въ скоромъ времени достигъ префектства и сдѣланъ былъ профессоромъ философіи. Какъ дорожили своимъ наставникомъ студенты Академіи, какъ блистательно-ученъ былъ онъ, — это видно изъ того, что его называли неиначе, какъ »златоблагословенный учитель« (aureus benedicendus magister). Твердость разсудка, огромная начитанность и превосходное знаніе языка латинскаго, на которомъ обыкновенно были преподаваемы тогда высшія науки, поставляли *Кулябку* на одинаковой степени съ Кроковскимъ и Прокоповичемъ. Въ 1740 году онъ назначенъ былъ ректоромъ Академіи, и конечно послужилъ бы довольно воспитавшему его училищу, еслибъ Промыслу не угодно было поставить такой свѣтильникъ на высшее мѣсто. 1745 года митрополитъ Рафаилъ отправилъ *Кулябку* въ С.-Петербургъ съ принесеніемъ вѣрноподданническаго поздравленія Императрицѣ по случаю бракосочетанія Наслѣдника престола великаго князя Петра III. Проповѣдь, сказанная *Кулябкою* 16 мая, такъ понравилась Государынѣ, что она повелѣла не отпускать *Сильвестра* и въ томъ же году указала ему быть костромскимъ епископомъ. Черезъ пять лѣтъ *Кулябка* былъ переведенъ въ С.-Петербургъ архіепископомъ, а 1761 года 17 апрѣля скончался, оставивъ по себѣ память, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ богослововъ своего времени. »Поученія его, по свидѣтельству митрополита Евгенія, отличаются строгою нравственностію и разсудительностію«[91].

Латушевичъ Серапіонъ. Службу онъ началъ при Братскомъ монастырѣ въ должности ключника, и потомъ былъ вызванъ къ учительской должности въ московскую школу, откуда поступилъ іеромонахомъ въ Отрочъ монастырь, и въ 1741 году переведенъ архимандритомъ въ монастырь Колязинъ, а черезъ четыре года рукоположенъ въ викарія переславской епархіи, гдѣ потомъ и утвержденъ 1753 года мѣстнымъ епископомъ. Заботясь о просвѣщеніи своей паствы, *Латушевичъ* въ томъ же году открылъ училище, которое въ послѣдствіи времени послу-

жило главной основою семинаріи Владимірской. Въ томъ же 1753 году *Латушевичъ* былъ переведенъ въ Вологду, гдѣ 22 апрѣля 1762 года скончался[92].

Левитскій Платонъ. По окончаніи курса наукъ и по принятіи монашескаго сана, онъ проходилъ сначала училищныя должности при Академіи въ низшихъ классахъ; но вскорѣ за тѣмъ, оставивъ школу, поступилъ въ число братіи Кіево-печерской Лавры. Въ 1735 году *Левитскій* былъ возведенъ въ званіе намѣстника Кіево-софійскаго каѳедральнаго монастыря, а черезъ четыре года вызванъ въ Москву и опредѣленъ ректоромъ тамошней Академіи. Но стосковавшись по родинѣ, онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ училищной службы, и въ 1741 году возвратился въ Кіевъ и опять занялъ свое прежнее мѣсто при Софійскомъ монастырѣ. Когда скончался онъ — неизвѣстно[93].

Ляскоронскій Сильвестръ. По совершеніи академическаго курса, проходилъ разныя училищныя должности въ низшихъ классахъ Академіи, и потомъ получилъ архимандрію въ одномъ изъ нѣжинскихъ монастырей. Отсюда въ 1746 году былъ вытребованъ митрополитомъ Рафаиломъ въ ректоры Академіи и профессоры богословія: но въ 1751 году уволенъ на покой въ монастырь Выдубицкій, гдѣ и скончался 8 мая 1754 года[94].

Малиновскій Платонъ. Службу свою онъ началъ при томъ училищѣ, которому обязанъ былъ самъ и первоначальнымъ и окончательнымъ образованіемъ. Достигнувъ званія префекта, онъ 1724 года переведенъ былъ къ той же должности въ московскую славяно-греко-латинскую Академію: но черезъ три года испросилъ себѣ, за болѣзнію, увольненіе и удалился въ Кіево-печерскую Лавру. Здѣсь, предавшись подвигамъ иноческой жизни думалъ онъ навсегда остаться: но Промыслу угодно было снова вызвать его на чреду обширнѣйшаго служенія Церкви

и отечественному просвѣщенію. Въ 1729 году *Малиновскій* былъ назначенъ ректоромъ харьковскаго коллегіума и архимандритомъ бѣлоградскаго монастыря. По кончинѣ Іоанникія Сенютовича, архимандрита Кіево-печерской Лавры, *Платонъ* поставленъ былъ въ числѣ кандидатовъ на это мѣсто, и по докладу св. Синода, 21 марта 1730 года утвержденъ самою Императрицею Анной Іоанновной. Назначеніе это однакожъ не состоялось; именнымъ указомъ 21 іюля *Малиновскій* опредѣленъ былъ присутствующимъ въ св. Синодѣ, а въ 1742 году хиротонисанъ въ епископа крутицкаго, съ пожалованіемъ черезъ два года въ санъ архіепископа. Въ 1748 переименованъ архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ, въ каковомъ званіи и скончался 14 іюля 1754 года. Тѣло его покоится въ Чудовѣ монастырѣ[95].

Мацѣёвичъ Арсеній былъ родомъ изъ дворянъ польскихъ православнаго исповѣданія. По окончаніи курса наукъ въ Кіевской Академіи, онъ принялъ монашество, и въ числѣ другихъ поступилъ въ московское Заиконоспасское училище. Но вмѣсто наставнической должности, *Мацѣевичъ* былъ опредѣленъ іеромонахомъ синодальнаго дома и экзаменаторомъ московской епархіи. Въ 1734 году онъ былъ назначенъ флотскимъ іеромонахомъ въ камчатскую экспедицію по сѣверному океану: но за болѣзнію оттуда уволенъ, и по возвращеніи съ 1737 года находился въ Петербургѣ экзаменаторомъ при синодальномъ членѣ Амвросіѣ, епископѣ вологодскомъ; вскорѣ за тѣмъ онъ опредѣленъ былъ въ Академію наукъ преподавателемъ Закона Божія для гимназистовъ. Послѣ четырехлѣтняго исправленія сей должности, *Мацѣевичъ* посвященъ прямо въ митрополита сибирскаго, а черезъ годъ переведенъ въ Ростовъ въ томъ же санѣ и пожалованъ членомъ св. Синода, съ правомъ присутствующаго: но крутой характеръ и неуступчивость были причиною того, что его скоро уволили въ епархію. Первою заботою *Арсенія,* по прибытіи на паству, было преслѣдованіе тѣхъ зло-

вредныхъ толковъ, которые разсѣеваемы были въ то время поморскою сектою. *Мацѣевичъ* написалъ противъ нее свое *Обличеніе,* и въ тоже время исправилъ таковое же сочиненіе Θеофилакта Лопатинскаго. Св. Синодъ, одобривъ къ печатанію послѣднее, повелѣлъ издать оное съ предисловіемъ *Арсенія* и разослать по церквамъ[96]. Зная очень хорошо, что грубые толки раскольниковъ любятъ укрываться во тьмѣ и изчезаютъ при малѣйшемъ мерцаніи свѣта, *Мацѣевичъ* положилъ завести училище для образованія будущихъ пастырей церкви православной и въ 1747 году открылъ семинарію въ Ярославлѣ[97]. Въ трудахъ архипастырскихъ *Арсеній* прожилъ въ своей паствѣ до 1763 года, назидая оную примѣромъ строгой, безукоризненной своей жизни и словомъ отеческаго собесѣдованія. И по дару проповѣдничества это былъ знаменитый святитель: къ сожалѣнію, кромѣ семи поученій *Арсенія,* напечатанныхъ въ разныя времена, прочія донынѣ остаются въ рукописяхъ. Безтрепетный ревнитель чистоты православія, *Мацѣевичъ* не оставался безмолвнымъ свидѣтелемъ волненія, возбужденнаго знаменитымъ сочиненіемъ Яворскаго: *Камень Вѣры.* Когда вышелъ въ свѣтъ *Млатъ,* наполненный самыми непріязненными выходками противъ личности Стефана, *Мацѣевичъ* написалъ *Возраженіе,* смѣло возставая противъ клеветы и неблагонамѣренныхъ мыслей автора, постыдно скрывшаго свое имя[98]. На всероссійскомъ престолѣ уже была Екатерина II. Вскорѣ по возшествіи своемъ, она учредила коммиссію изъ двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ для опредѣленія содержанія духовенству. Въ 1762 году коммиссія получила инструкцію о пересмотрѣ церковныхъ имуществъ, а въ слѣдующемъ дана таковая же и коллегіи экономіи. Слухи объ отобраніи въ казну недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ и архіерейскимъ каѳедрамъ, распространялись болѣе и болѣе; наконецъ не оставалось уже никакого сомнѣнія, что духовенство будетъ получать по новымъ штатамъ только денежное жалованье. Пылкій и раздражительный *Арсеній* не захотѣлъ скрывать задушевныхъ своихъ мы-

слей, и въ 1763 году, еще до приведенія доклада коммиссіи въ исполненіе, подалъ открытый и жаркій протестъ противъ ея распоряженій. За это, какъ явный ослушникъ Высочайшей воли, онъ лишенъ былъ сана святительскаго и даже иноческаго, и подъ именемъ *Андрея* заточенъ былъ сначала въ корельскій монастырь. Но и здѣсь не остался онъ долго въ покоѣ; по доносу какого-то солдата, онъ взятъ былъ въ Архангельскъ и по снятіи показаній препровожденъ 1766 года въ Москву подъ крѣпкимъ карауломъ. Здѣсь подвергли его новому допросу и наконецъ заключили въ ревельскую крѣпость, гдѣ онъ и оставался цѣлые шесть лѣтъ. Мысль, утѣшавшая *Мацьевича* въ такомъ злополучіи, высказана была имъ самимъ, когда на окошкѣ тѣсной тюрьмы своей вырѣзалъ онъ слова праведнаго Давида: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси.* Эксъ-митрополитъ *Арсеній* скончался 1772 года въ своемъ заключеніи и погребенъ, какъ простецъ, въ ревельской приходской церкви[99].

Мигалевичъ Софроній. Вызванный 1726 года въ московскую Академію на каѳедру учителя реторики, онъ въ слѣдующемъ же году вступилъ въ отправленіе должности префекта, а въ 1730 назначенъ наставникомъ богословія и ректоромъ Академіи. Но неудовольствія, произшедшія между имъ и архимандритомъ Варѳоломеемъ Филевскимъ, останавливавшимся въ Заиконоспасскомъ училищѣ передъ отправленіемъ своимъ въ камчатскую миссію, были поводомъ къ тому, что *Мигалевичъ* указомъ синодальнымъ 16 августа 1732 года лишенъ былъ должности ректора и настоятеля Заиконоспасскаго монастыря. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна[100].

Могилянскій Арсеній родился въ Рѣшетиловкѣ, мѣстечкѣ полтавскаго полка, 1704 года марта 17 и при крещеніи былъ нареченъ Алексіемъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома, и потомъ на семнадцатомъ году своего возраста поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ шесть лѣтъ продолжалъ науки.

Движимый любовію къ просвѣщенію, онъ вознамѣрился побывать во всѣхъ существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеніяхъ, и поѣхалъ во вновь открытый харьковскій коллегіумъ, гдѣ пробылъ до 1741 года, а отсюда отправился въ московскую славено-греко-латинскую Академію, гдѣ однакожъ не нашелъ ничего особеннаго противъ того, что уже слышалъ въ двухъ первыхъ училищахъ. Здѣсь, въ самой порѣ зрѣлаго мужества, *Могилянскій* вступилъ въ монашество, подъ именемъ *Арсенія;* вскорѣ за тѣмъ опредѣленъ въ московскую Академію учителемъ граматики и катихизаторомъ. Отличный даръ въ сказываніи поученій обратилъ на него всеобщее вниманіе, и *Арсеній* былъ вызванъ въ Петербургъ къ должности придворнаго проповѣдника. Около трехъ лѣтъ состоялъ онъ въ семъ званіи, заслуживъ отличное уваженіе всего Двора и жителей столицы. Въ 1744 году *Арсеній*, по Высочайшему повелѣнію, былъ посвященъ въ архимандриты Троицко-Сергіева монастыря, въ томъ же году наименованнаго Лаврою; вслѣдъ за симъ опредѣленъ въ члены св. Синода и посвященъ на возобновленную тогда древнюю епархію Переславля-Залѣсскаго прямо въ архіепископы, съ предоставленіемъ ему титла архимандрита Троицко-Сергіевой Лавры и съ подчиненіемъ оной его управленію; а въ 1745 году данъ ему викарій и коадъюторъ переславской епархіи. Во все это время *Арсеній* не оставлялъ Петербурга, и постоянно присутствовалъ въ св. Синодѣ. Императрица Елисавета Петровна, въ знакъ особеннаго монаршаго своего благоволенія, пожаловала ему въ эту пору бриліантовую панагію въ шестьдесятъ тысячъ рублей съ своимъ портретомъ, и бриліантовый же, перемѣшанный рубинами, крестъ, составленный изъ вензеловыхъ буквъ Ея имени[101]. Но въ 1752 году *Могилянскій*, по разстроенному здоровью, принужденъ былъ проситься на покой, для чего и данъ былъ ему въ управленіе новгородъ-сѣверскій Спасскій монастырь, куда онъ и удалился[102].

Неруновичъ Иннокентій родился въ Кіевѣ, и по окон-

чанiи курса наукъ, принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ потомъ былъ нѣкоторое время шафаромъ. Отсюда въ 1728 году онъ былъ вызванъ въ московскую Академію къ должности учителя, а черезъ два года назначенъ тамъ префектомъ. Но Промыслъ готовилъ *Иннокентію* обширнѣйшее поле для его христiански-просвѣщенной дѣятельности. Въ 1732 году онъ избранъ былъ св. Синодомъ въ епископа иркутскаго, и принявъ рукоположеніе, немедленно отправился къ мѣсту новаго своего служенія. Не много радостнаго встрѣтилъ онъ въ своей паствѣ. Хотя въ городахъ обширной Сибири и стояло ученіе Христово, хотя ревность архипастырей и не оскудѣвала въ распространеніи православія въ этомъ отдаленнѣйшемъ краю Россіи: но окрестности Енисейска, Иркутска и Якутской области полны были бродячими племенами, погруженными въ глубокое невѣжество и придерживавшимися шаманства. Ближе всѣхъ къ іерархической каѳедрѣ *Иннокентія* были Тунгусы, кочевавшіе въ нерчинскомъ округѣ иркутской губерніи; на нихъ-то прежде всего обратилась благочестивая ревность пастыря Церкви. Онъ увидѣлъ, что Тунгусъ вообще кротокъ, тихъ и послушенъ, что пороки, столь обыкновенные въ большихъ городахъ, ему неизвѣстны, что шаманы только потому держатъ этихъ дѣтей природы въ своей власти, что успѣваютъ морочить недоступными ихъ понятію фокусами, и потому рѣшился, обнаруживъ ложь и обманъ жрецовъ шаманства, воспользоваться тѣмъ, что было хорошаго въ характерѣ Тунгуса. Ученіе христiанское не могло быть для этого народа неожиданною новостью: св. Стефанъ Пермскій и митрополитъ Филоѳей Лещинскій уже проложили путь къ проповѣданію слова Божія. *Неруновичу,* при его ревности къ святому дѣлу, оставалось только найти пособниковъ, которые могли бы передавать народу истины Евангелія понятнымъ ему языкомъ. Такимъ сотрудникомъ ревнителю православія явился старшина Мальцовъ. Болѣе или менѣе знакомый со всѣми кочующими племенами, онъ нашелъ между Тунгусами нѣсколько уже просвѣщенныхъ вѣрою Христовою и представилъ

ихъ архипастырю. Благодаря торговымъ и домашнимъ сдѣлкамъ съ коренными русскими и козаками, содержавшими пограничную стражу, нѣкоторые изъ Тунгусовъ хорошо понимали языкъ русскій. Такимъ образомъ одна изъ важнѣйшихъ трудностей въ дѣлѣ обращенія къ христіанству идолопоклонническаго племени нѣсколько устранялась. *Иннокентій*, укрѣпивъ въ вѣрѣ представленныхъ ему христіанъ, началъ, при пособіи ихъ, проповѣданіе слова евангельскаго, неотразимо обличая и выводя наружу обманы и призрачныя чудодѣйствія жрецовъ шаманства. Успѣхъ превзошелъ ожиданія; чистыя, неиспорченныя души дѣтей природы, при помощи Вышней благодати, скоро приняли сѣмя слова Божія, и ревностный пастырь имѣлъ радость въ самое непродолжительное время увидѣть ближайшихъ къ Иркутску Тунгусовъ болѣе нежели на половину обращенныхъ отъ идолопоклонства къ вѣрѣ истинной. Благодарныя чада Церкви, въ честь своего просвѣтителя, тогда же назвались *Неруновцами,* увѣковѣчивъ такимъ образомъ память своего апостола. *Иннокентій* скончался 26 іюля 1741 года: но имя его до нынѣ святится сибирскими христіанами[103].

Петрункевичъ Платонъ. Гдѣ началъ и проходилъ онъ первоначальную службу—неизвѣстно: но въ 1742 году онъ былъ уже архимандритомъ Спасскаго сѣвскаго монастыря и потомъ Рождественскаго владимірскаго. Въ 1748 *Петрункевичъ* былъ рукоположенъ въ епископа владимірскаго и ярополькаго, и ознаменовалъ свое управленіе учрежденіемъ семинаріи въ Владимірѣ, что на Клязьмѣ. По десятилѣтнемъ многополезномъ служеніи своемъ Церкви, *Платонъ Петрункевичъ* скончался въ Москвѣ 16 апрѣля 1757 года[104].

Святоша или Святницкій Іоанникій, по окончаніи курса наукъ, назначенъ былъ учителемъ въ Александро-невскую семинарію, гдѣ потомъ продолжалъ училищную службу въ званіи префекта. Въ 1758 году онъ пожалованъ архимандритомъ нов-

городскаго Вяжицкаго монастыря, а черезъ годъ былъ переведенъ въ Юрьевъ, гдѣ умеръ 3 іюня 1768 года[105].

Скамницкій Варлаамъ въ 1740 году былъ архимандритомъ Чудова монастыря и членомъ св. Синода, а въ 1743 посвященъ въ епископа вятскаго и черезъ пять лѣтъ назначенъ въ Устюгъ, гдѣ и почилъ 20 февраля 1761 года[106].

Сребницкій Никодимъ былъ одинъ изъ тѣхъ воспитанниковъ Академіи, которые 1701 года вызваны были въ Москву Стефаномъ Яворскимъ. Въ 1738 году *Сребницкій* былъ рукоположенъ въ черниговскаго архіепископа, а черезъ два года, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ въ Тобольскъ, съ переименованіемъ въ митрополиты: но 31 марта 1742 года назначенъ въ Петербургъ на епископскую каѳедру, съ предоставленіемъ ему архимандріи Александро-невской; въ 1745 переведенъ въ Переяславль, гдѣ по шестилѣтнемъ управленіи епархіей скончался 12 іюня 1751 года[107].

Флоринскій Кириллъ началъ прохожденіе училищной службы въ харьковскомъ коллегіумѣ, гдѣ достигъ званія префекта. Указомъ св. Синода отъ 6 іюля 1736 года онъ былъ переведенъ съ той же степенью въ московскую Академію, гдѣ при ректорахъ Антоніѣ, Митрофанѣ и Платонѣ читалъ богословіе, управляя по смерти перваго изъ нихъ нѣкоторое время Заиконоспасскимъ монастыремъ. Въ 1737 году ввѣрено ему начальствованіе монастыремъ Симоновскимъ и въ тоже время послѣдовало утвержденіе его въ званіи ректора. Пять лѣтъ трудился онъ на этомъ поприщѣ; назначенный потомъ архимандритомъ Свято-троицкой Сергіевой Лавры, *Флоринскій* открылъ здѣсь семинарію: но черезъ годъ послѣ этого скончался[108].

Хотунцевскій Іоасафъ. Отличившись даромъ слова еще въ бытность свою студентомъ, онъ вскорѣ по окон-

чаніи курса принялъ монашество, и въ санѣ іеродіакона отправленъ былъ 1739 г. въ московскую Академію проповѣдникомъ. Черезъ два года онъ былъ уже іеромонахомъ и экзаменаторомъ крутицкой епархіи, а въ концѣ 1742 года избранъ въ начальники миссіи, отправлявшейся въ Камчатку, возведенъ въ санъ архимандрита, и въ продолженіи семи лѣтъ трудился въ подвигахъ апостольства съ успѣхомъ, сочинивъ даже для обращаемыхъ нѣчто въ родѣ катихизиса подъ названіемъ: *Сила Божественнаго ученія вкратцѣ начертанная*. Въ 1754 году *Хотунцевскій* опредѣленъ былъ ректоромъ московской академіи и наставникомъ богословія: но въ слѣдующемъ же году, согласно прошенію, уволенъ отъ занятій профессорскихъ »за немаловременные труды въ Камчаткѣ«, съ оставленіемъ при должности только ректора. Въ 1757 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ московскаго Высокопетровскаго монастыря, откуда посвященъ въ викаріи къ нижегородскому архіепископу. Въ томъ же году, по собственному желанію, переведенъ въ Юрьевъ монастырь, въ которомъ и почилъ 29 апрѣля 1759 года[109].

Щербацкій Тимоѳей родился въ м. Трипольѣ при Днѣпрѣ 1698 года и при крещеніи нареченъ *Тихономъ*. Родитель его былъ мѣщанинъ, по имени Иванъ Щербакъ. По достиженіи отроческихъ лѣтъ, *Тихонъ* отданъ былъ отцемъ своимъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и началъ проходить первоначальные классы. Обладая отличнымъ голосомъ, *Щербацкій* поступилъ въ академическій пѣвческій хоръ. Въ первое посѣщеніе Кіева Петромъ Великимъ, онъ имѣлъ счастіе присутствовать при встрѣчѣ Державнаго Гостя и обратить на себя Его Монаршее вниманіе. Государь приказалъ взять *Щербацкаго* ко Двору и записать въ свою капеллу. Казалось бы, тутъ и конецъ образованію юнаго пѣвца: но благодаря доброму началу, положенному школою, *Щербацкій* едва лишь спалъ съ голоса, тотчасъ испросилъ себѣ увольненіе, и воротился въ Кіевскую Академію для продолже-

нія наукъ. По окончаніи курса, онъ принялъ монашество съ именемъ *Тимоѳея,* и получилъ мѣсто каѳедральнаго писаря при Софійскомъ монастырѣ. Быстро послѣ этого пошелъ онъ по степенямъ іерархическимъ: ибо въ три года (съ 1737 по 1740) перешелъ должности игумена лубенскаго Мгарскаго монастыря, потомъ Выдубицкаго, послѣ Кіево-михайловскаго, и наконецъ избранъ и утвержденъ архимандритомъ Кіево-печерской Лавры[110].

Янковскій Ѳеодосій, послѣ прохожденія разныхъ училищныхъ и другихъ должностей, опредѣленъ былъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевой Лавры, откуда въ 1745 году хиротонисанъ въ епархію С.-Петербургскую съ пожалованіемъ въ званіе архіепископа и съ подчиненіемъ ему Александро-невской Лавры, въ которой онъ 22 апрѣля 1750 года и скончался[111].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РАФАИЛЪ ЗАБОРОВСКІЙ.

Нареченіе Рафаила архіепископомъ кіевскимъ. Пріѣздъ его въ Кіевъ. Состояніе Украйны. Академія, какъ предметъ его попеченій. Приходо-расходный отчетъ Академіи. Постройка бурсы. Обновленіе обветшалыхъ академическихъ зданій. Второй этажъ Мазепина корпуса. Картина, поднесенная отъ Академіи Рафаилу. Пріемъ заграничныхъ воспитанниковъ. Ломоносовъ въ Академіи. Причина скораго выбытія его отсюда. Правительство требуетъ переводчиковъ. Высылка студентовъ въ Смоленскъ. Письма Гедеона. Рафаилъ посылаетъ студентовъ за границу. Свидѣтельства. Паспорты. Нерасположенность войтовъ и магистрата кіевскаго къ Академіи. Причины этого. Кончина Императрицы Анны. Императрица Елисавета Петровна. Малороссійскіе депутаты. Грамата Елисаветы, пожалованная Академіи. Возвышеніе жалованья. Льготы Кіеву. Приготовленія къ прибытію Государыни въ Кіевъ. Распоряженія мѣстнаго начальства и письмо архимандрита Щербацкаго. Заготовленіе запасовъ и подводъ. Прибытіе Государыни въ Украйну. Императрица въ Кіевѣ. Встрѣча отъ Академіи. Встрѣча у тріумфальныхъ воротъ. Достопамятное слово Императрицы. Пребываніе ея въ Лаврѣ. Посѣщеніе китаевской пустыни. Схимникъ Досиѳей. Диспутъ въ Академіи въ Высочайшемъ присутствіи. Привѣтствіе отъ Академіи. Царскіе Дары. Приношенія отъ Лавры. Пожертвованія Императрицы. Заложеніе Андреевской церкви. Просьба чиновъ и войска малороссійскаго. Проэктъ Рафаила о греческомъ училищѣ. Кончина Рафаила. Признательность Академіи. Инструкція Рафаила. Духовный регламентъ. Наставники Академіи 1740, 1743 и 1746 г. Системы богословія и философіи. Учебники реторики и поэзіи. Преподаваніе языковъ. Число воспитанниковъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Андріевскій Геннадій. Аскаронскій Дамаскинъ. Блоницкій Іаковъ. Бродскій Константинъ. Вольховскій Аѳанасій. Игнатовичъ Ѳеофилъ. Иляшевичъ Антоній. Карпинскій Іакинѳъ. Козловичъ Іоаннъ. Комаровскій Ираклій. Конисскій Георгій. Ляшевецкій Кириллъ. Лящевскій Варлаамъ. Любарскій Варѳоломей. Миткевичъ Іоасафъ. Могилянскій Евстафій. Нащинскій Давидъ. Огиевскій Га-

вриилъ. Сковорода Григорій. Сломинскій Гедеонъ. Слотвинскій Митрофанъ. Собковскій Парѳеній. Тодорскій Симонъ. Топольскій Аѳанасій. Фальковскій Веніаминъ. Чарнуцкій Ѳеофанъ. Щепинъ Константинъ. Ямницкій Іосифъ.

1731—1747.

Исполнилась наконецъ мѣра бѣдствій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ кіевской іерархіей. Отнынѣ уже не оставятъ ее пастыри, и древній престолъ первосвятителей русскихъ возвеличится прежнею своею славою.

Вдали отъ столичнаго шума, въ одномъ изъ достопамятныхъ городовъ Россіи, проводилъ дни свои будущій святитель кіевскій, устроивая псковскую паству и распространяя между пасомыми свѣтъ христіанскаго ученія. Такому свѣтильнику вѣры, какимъ былъ Рафаилъ, невозможно было долго оставаться подъ спудомъ. Послѣ шестилѣтняго управленія псковскою епархіей, Заборовскій 1731 года получилъ Высочайшее повелѣніе быть епископомъ кіевскимъ, и вмѣстѣ съ симъ предписано было ему явиться въ Москву, гдѣ тогда находился Дворъ и Синодъ. Къ этому времени прибылъ туда же и гетманъ Даніилъ Апостолъ[112]. Такимъ образомъ предъ Государыней были два правительственныхъ представителя Малороссіи: одинъ духовный, другой военно-гражданскій. Анна Іоанновна обласкала того и другаго: гетманъ получилъ орденъ Александра Невскаго, а Рафаилъ санъ архіепископа. Октября 10 того же года святитель узрѣлъ святыя горы Кіева, и радостно вступилъ въ священную сѣнь храма Ярославова.

Не могъ не радоваться народъ, опечаленный несчастіемъ прежнихъ своихъ архипастырей: ибо онъ видѣлъ снова ближайшаго своего заступника; не могла не радоваться и Академія, оставшаяся безъ покровителя: ибо въ лицѣ новаго іерарха она

узрѣла своего же питомца, и по справедливости чаяла отъ него архипастырской благостыни.

Въ Кіевѣ и вообще во всей русской Украйнѣ все было спокойно: но за то православные, жившіе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и состоявшіе подъ польскимъ владычествомъ, испытывали отъ католиковъ и уніатовъ нестерпимыя притѣсненія. Лишенные всякой защиты правительства, они, какъ братья единокровные, устремились съ жалобами своими къ новому отцу и пастырю церкви православной; особенно литовское духовенство, остававшееся еще подъ вѣдѣніемъ кіевскихъ архіереевъ, неотступными просьбами своими смущало великую душу Рафаила. Получая отовсюду жалобныя граматы, онъ пересылалъ ихъ въ Синодъ, умоляя о защитѣ страждущихъ единовѣрцевъ и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло. Императрица неоднократно предписывала россійскому резиденту въ Варшавѣ ходатайствовать за нихъ: но что могъ сдѣлать безсильный король и вѣроломный сенатъ съ изувѣрствомъ фанатиковъ, обезумѣвшихъ отъ крови и буйства? Гоненія, насилія, мученія продолжались по прежнему... Дыбомъ встаютъ волосы отъ тѣхъ ужасовъ, пытокъ и казней, отъ которыхъ обливалась кровію польская половина несчастной Украйны[113]!... Но заря спасенія ея уже занималась.

Академія прежде всѣхъ ощутила на себѣ благодѣянія новаго архипастыря. Рафаилъ Заборовскій, тотчасъ по прибытіи своемъ, исходатайствовалъ у св. Синода, въ отличіе и для большаго уваженія, ректорамъ оной званіе и санъ архимандритовъ. Испросилъ онъ въ послѣдствіи тоже для настоятелей и другихъ монастырей[114]: но Братскій былъ ближе его сердцу, ибо тамъ прошли лучшіе дни его молодости, тамъ онъ просвѣтился свѣтомъ ученія, тамъ указанъ ему путь чести и истинной славы. Счастливъ питомецъ, надѣленный такими благами отъ воспитавшаго его училища: но счастливо и учили-

ще, возрастившее такого питомца, какъ счастлива бываетъ мать знатнымъ и благодарнымъ своимъ сыномъ!..

Обветшавшія зданія академическія требовали поддержки и перестройки. Заборовскій немедленно потребовалъ отчетовъ въ приходныхъ суммахъ, поступающихъ въ училищный монастырь, и Братство 1733 года представило архипастырю »экстрактъ«, въ которомъ значилось, что въ теченіи трехъ лѣтъ поступило въ академическую кассу: 1) »изъ губернской канце»ляріи государевaго жалованья денежного и хлѣбного *двѣсть* »*тридцать восемь* рублей *двадцать* копѣекъ; 2) архирейского »жалованья за два года *двѣсть* рублей; 3) съ пляцовъ куни»чныхъ (съ оброчныхъ мѣстъ), въ Кіевѣ имѣющихся, *шестде»сять восемь* рублей; 4) зъ шинковъ всѣхъ маетностей (имѣ»ній) *триста девяносто два* рубля *пятдесять* копѣекъ; 5) зъ »перевозу Карпиловскаго[115] половиной части пришло *трид»цать шесть* рублей; 6) зъ гуты[116] (стекольнаго завода) *пят»десять два* рубля; 7) чиншовыхъ денегъ зъ разныхъ угодій »монастырскихъ вiйшло *сто четыре* рубля; 8) мостовыхъ де»негъ въ Мостищахъ собралось *сорокъ три* рубля; 9) валющ»ныхъ (сукновальныхъ)[117] денегъ зъ млиновъ *пятнадцать* ру»блей; и того всѣхъ *тысяча сто сорокъ восемь* рублей *семде»сять* копѣекъ«. За тѣмъ въ расходѣ показано *тысяча девяносто восемь* рублей *семдесять* копѣекъ[118].

Въ остаткѣ, значитъ, очень мало: но это не останавливаетъ просвѣщенной ревности архипастыря. Рафаилъ Заборовскій вноситъ своихъ *тысячу шестьсотъ сорокъ* рублей, и начинаетъ перестройку академическихъ зданій. Въ короткое время, вмѣсто старыхъ и обветшалыхъ, являются новыя помѣщенія для учениковъ, изъ которыхъ бѣднѣйшихъ онъ принимаетъ на свое собственное иждивеніе. На мѣстѣ бывшей сначала гостинницы, обращенной потомъ Петромъ Могилою въ пристанище для сиротъ и другихъ странниковъ, Рафаилъ воз-

водитъ *Великую Бурсу*, такъ названную въ отличіе отъ бурсъ, находившихся при церквахъ приходскихъ. Кіевляне, изъ уваженія къ огромности зданія, тогдаже прозвали ее *Студентскимъ домомъ*. Кромѣ этого надъ каменнымъ корпусомъ, построеннымъ еще Мазепою, Рафаилъ возводитъ второй этажъ, по плану архитектора Шейдена, съ огромною колоннадою тосканскаго ордена, и созидаетъ тамъ же Благовѣщенскую академическую церковь. Въ 1740 году 1 Ноября церковь эта освящена самимъ архипастыремъ, и отъ того времени донынѣ остается по преимуществу училищнымъ храмомъ. Нынѣшнія аудиторіи и конгрегаціонная зала — все это дѣло рукъ Рафаила Заборовскаго. Кіевляне, по справедливости, могутъ гордиться этимъ зданіемъ: ибо предки ихъ вкладами своими ревностно содѣйствовали архипастырю, возводившему оное. И не одни кіевляне, но и отдаленные отъ святаго города жители могутъ съ радостію припоминать, что благородные прародители ихъ, каждый по мѣрѣ силъ и усердія, несли кто что могъ въ даръ уважаемому ими училищу. *Андрей Горленко*, magnificus dominus, какъ сказано въ надписи, пожертвовалъ для конгрегаціонной церкви два серебряныхъ подсвѣчника; генеральный обозный *Яковъ Лизогубъ* 1729 г. подарилъ богатыя ризы; *Іеремія Родзянка* 1732 г. ризы бархатныя рытыя на золототканномъ глазетѣ; *Михаилъ Козачинскій* 1733 г. также ризы штофныя, и много другихъ притекало приношеній въ новосозидаемый храмъ societatis Marianae.

17-го іюля 1739 года въ первый разъ происходило торжественное собраніе во вновь устроенной залѣ. Чтобъ увѣковѣчить это событіе и доказать глубочайшую свою признательность архипастырю-благодѣтелю, академисты на публичномъ диспутѣ поднесли Рафаилу отличнѣйшую картину, сочиненную и исполненную однимъ изъ воспитанниковъ сего училища *Левицкимъ Григоріемъ*. На верху этой картины, посреди сіяющаго треугольника, изображены седмь очей, а подъ облаками, окру-

жающими оные, слѣдующая надпись: septem isti oculi sunt Domini, qui discurrunt in universam terram. Zachar. IV. Въ лучѣ, простирающемся къ самому изображенію Рафаила, читаются слова: suscitabo mihi sacerdotem fidelem, qui iuxta cor meum et animam meam faciet. Reg. Lib. I. cap. II. По сторонамъ того луча помѣщены на облакахъ два ангела, изъ коихъ одинъ держитъ митру, а другой жезлъ и курильницу; пониже ихъ св. Андрей Первозванный съ омофоромъ въ рукахъ и св. Михаилъ митрополитъ съ крестомъ; еще ниже св. великомученица Варвара съ палицей и св. Владиміръ равноапостольный съ крестомъ и панагіею. Лица всѣхъ этихъ фигуръ наклонены къ святителю кіевскому; подъ ними слѣдующія двѣ надписи: veniat dilectus meus in hortum suum. Cantic. IV. Trahe me, post te curremus in odorem unguentorum tuorum. Cantic. 1. Въ центрѣ картины помѣщенъ портретъ самаго Рафаила, поддерживаемый въ облакахъ двумя фигурами, изъ коихъ у одной въ рукѣ рогъ изобилія, а у другой пламенѣющее сердце; повыше ихъ еще двѣ такія же фигуры, облокотившіяся на раму портрета; одна изъ нихъ держитъ въ правой рукѣ змію, а другая зеркало; на рамѣ стихъ: Ut perfectus sit homo Dei ad omne opus bonum instructus. Timoth. III. Подъ портретомъ гербъ Заборовскаго, увѣнчанный княжеской короной, и надпись: Pium ac debitum Musarum Kiioviensium Patri Mecenati, perque novennium Nutritori Illustris. Celsis. Domino Domino Raphaëli Zaborowski archiepiscopo Kiioviensi, Halicensi et Parvae Russiae, ea qua par est submissione, cultu et reverentia monumentum. anno 1739. Iulii 17 die. Въ отдаленной перспективѣ, простирающейся чрезъ всю картину разбросаны между горами городскія строенія. Внизу четыре фигуры, подобныя выше упомянутымъ, всѣ съ книгами, съ тою только отмѣною, что одна изъ нихъ указываетъ рукою на землю, другая, имѣющая на головѣ конусообразную шапочку съ шарикомъ на верху, стоитъ въ созерцательномъ положеніи, при-

ставивъ палецъ ко лбу; у третьей въ рукѣ шаръ земной, а у четвертой зрительная трубка, обращенная къ портрету Рафаила. Головные уборы и вообще костюмировка фигуръ въ древнемъ вкусѣ, и въ высшей степени легка и изящна. Вся картина обрамлена слѣдующими изображеніями:—съ правой стороны: 1) въ дальней перспективѣ видъ Кіева, какъ христіанскаго города, украшеннаго церквами, а вверху два ангела, изъ коихъ одинъ какбы устанавливаетъ солнце, а другой за нимъ разсыпаетъ цвѣты. Въ соотвѣтствіе этому, съ противоположной стороны: 2) Видъ языческаго Кіева съ башнями и теремами, и два летящіе ангела, изъ которыхъ одинъ прогоняетъ тьму ночную, а другой держитъ цвѣты, готовясь сыпать ихъ на землю. 3) Корабль, смѣло плывущій по волнамъ днѣпровскимъ, окрыляемый дуновеніемъ Духа Св. въ видѣ голубя; надпись: satius quam ventis. 4) Видъ Кіево-печерской Лавры и окружающихъ ее храмовъ, съ надписью: Firmabo super te oculos meos. Psal. 31. 5) Седмистолпный храмъ Премудрости; надпись: septenario perfectis. 6) Великая соборная лаврская церковь съ надписью: et aedificabo ei domum fidelem. 7) Сѣятель, засѣвающій поле при ясномъ солнцѣ; надпись: Te splendente, levabor. 8) Большой академическій корпусъ (что нынѣ старый), только что надстроенный Рафаиломъ съ надписью: Muri tui coram oculis meis semper. Съ лѣвой стороны: 9) Рука изъ облаковъ, держащая вѣсы; надписано: impar meritis. 10) Видъ Кіево-печерской цитадели съ башнями и церквами; надпись: si oblitus fuero tui, oblivioni detur dextra mea. Psal. CXXXVI. 10. 11) Облако, изливающее дождь; надписано: nisi pluat. 12) Большой корпусъ, построенный Рафаиломъ въ Софійскомъ монастырѣ; надпись: sicut ablactatus est super Matre sua. 13) Двѣ разгнутыя книги на покрытомъ столѣ, съ надписью choro et foro. 14) Три студента въ современныхъ костюмахъ и съ хартіями въ рукахъ; надъ ними надпись: accipite disciplinam meam ac scientiam. Вся картина въ длину 1 аршинъ

и 1½ вершка, а въ ширину 3 четверти и 2 вершка безъ малаго[119].

Число воспитанниковъ, ежегодно прибывавшихъ въ Академію, было такъ велико, что при скудныхъ средствахъ къ содержанію, она по неволѣ должна была отказывать многимъ въ пріемѣ. Въ слѣдствіе сего произошли жалобы, и въ 1736 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о допущеніи всѣхъ къ слушанію академическихъ уроковъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы поступающіе были непремѣнно православнаго исповѣданія. Но и до сего указа Академія, по мѣрѣ силъ и возможности, принимала и обучала дѣтей не только туземныхъ жителей, но и *заграничныхъ*[120]. Такъ еще въ 1734 году сербскій митрополитъ Викентій Сеядновичъ въ письмѣ своемъ отъ 30 іюля благодарилъ Рафаила за принятіе въ Кіевскую Академію »многихъ« Сербовъ для усовершенствованія въ наукахъ. Въ 1743 году прибылъ изъ Венеціи нѣкто *Секуръ Константинъ*, получившій воспитаніе на островѣ Закинѳѣ и, какъ пишетъ онъ въ своемъ прошеніи, »изученъ въ томъ же островѣ еллино-греческаго и »италіанскаго языковъ совершенно, прочіихъ же языковъ по »мѣрѣ. Извѣстившись, продолжаетъ онъ, что разнымъ ученіемъ »процвѣтаетъ Академія, оставилъ ученіе римское и забывъ трудъ, »на пути бываемый, пустился на гласъ Академіи; таже до »стигъ до Константинополя, гдѣ отъ его превосходительства »Алексѣя Вѣшнякова ея Императорскаго Величества резидента »болѣе о томъ извѣстился«. Въ 1747 году митрополитъ Рафаилъ позволилъ одному сербскому іеромонаху *Арсенію Сергіеву* окончить курсъ въ Кіевской Академіи, накупить здѣсь для Сербіи книгъ, какъ церковныхъ, такъ и »ко ученію отроковъ способныхъ«. Изъ великой Россіи также прибывали многіе изъ воспитанниковъ тамошнихъ училищъ, заводимыхъ кіевскими академистами[121]. Такимъ образомъ Академія служила какбы звеномъ, соединявшимъ всѣхъ православныхъ одною благородною потребностію образованія, и бывъ центромъ, отъ котораго всегда

распространялись лучи истиннаго просвѣщенія, въ настоящую пору увидѣла, что къ ней же, какъ къ фокусу отъ своей периферіи, возвращались радіусы для заимствованія большаго свѣта, возжигаемаго отъ того же невечерняго солнца Евангелія Христова.

Въ 1733 году въ обители Братской появился знаменитый пришлецъ, которому суждено было потомъ сдѣлаться преобразователемъ русскаго слова. Къ ректору Академіи Амвросію Дубневичу препровожденъ былъ, при отношеніи кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева, Михайло Ломоносовъ, которому Высочайше повелѣно было здѣсь продолжать науки, начатыя имъ въ Московскомъ заиконоспасскомъ училищѣ. Въ короткое время этотъ человѣкъ, полный геніальнаго ума, успѣлъ присмотрѣться къ порядку, существовавшему въ кіевскихъ школахъ: но повинуясь высшему призванію, оставилъ училище, мало соотвѣтствовавшее его планамъ и надеждамъ. Не диспуты испугали его, какъ увѣряютъ нѣкоторые, не схоластическая ученость, обыкновенно ставимая въ упрекъ Академіи[122], а отсутствіе того, къ чему стремилась творческая душа великаго человѣка. Ломоносовъ имѣлъ въ виду изучить собственно русскій говоръ: но въ Кіевѣ онъ не могъ его услышать, ибо народъ говорилъ нарѣчіемъ малороссійскимъ съ примѣсью польскаго, а въ академическихъ аудиторіяхъ слышался малопонятный ему языкъ латинскій. Ломоносову хотѣлось изучить естественныя науки — Физику, Химію, Минералогію, а ихъ тогда не было въ Академіи, точно также какъ не было во всей Россіи. Впрочемъ нельзя положительно говорить, чтобъ пребываніе его въ Академіи Кіевской осталось рѣшительно безъ всякой пользы. Какъ ни несовершенъ былъ складъ рѣчи тогдашнихъ ораторовъ юга; но все же они были первыми витіями и проповѣдниками въ Россіи, все же изъ Кіева призывала ихъ Москва и Петербургъ, а не обратно. Слѣдовательно, Ломоносову, какъ будущему преобразовательно Русска-

го слога, было кого послушать, было чему поучиться. Здѣсь онъ глубже и ближе могъ вникнуть въ красоты того языка, изъ котораго почерпали силу и богатство св. Димитрій Ростовскій, Яворскій, Прокоповичъ, Конисскій и подобные имъ. Самый латинизмъ, господствовавшій въ училищѣ, былъ полезенъ Ломоносову, ибо онъ тверже познакомилъ его съ тѣмъ нарѣчіемъ, которому онъ учился въ славяно-греко-латинской школѣ, которымъ говорила тогда вся ученая Европа и который долженъ былъ въ послѣдствіи послужить ему въ далекомъ странствованіи по чужимъ землямъ. При всемъ томъ, конечно, Кіевская Академія не могла показаться ему верхомъ совершенства, точно также какъ не удовольствовала его Академія Наукъ, въ сознаніи своей немощи отправившая своего геніальнаго питомца за границу.

Но пока просвѣщеніе въ Россіи получитъ обширнѣйшіе размѣры, Кіевская Академія все будетъ оставаться тѣмъ же музеумомъ высшихъ наукъ и разсадникомъ народнаго образованія. Къ ней обращается и правительство съ требованіемъ ученыхъ переводчиковъ. »По силѣ имяннаго указа, писалъ къ Рафаилу »26 іюня 1737 года кіевскій генералъ-губернаторъ Семенъ Су»кинъ, слѣдующіе изъ Санктъ-Питербурга на конгресъ чрез»вычайные и полномочные господа послы для заграничной въ »Польшѣ бытности необходимо требуютъ искусного и латын»скихъ и польскихъ писемъ перевотчика. А понеже, какъ я »извѣстенъ, въ Кіевской Академіи таковыхъ студентовъ нема»лое число находитца, ис которыхъ надеюсь и саможелатель»ные найдутца, а при дворѣ оныхъ господъ пословъ в томъ »крайняя состоитъ необходимость, и того для Ваше преосвя»щенство прошу приказать съ оной Академіи выбравъ изъ »студентовъ к таковымъ переводамъ искусного, кому бы »безъ сомнѣнія вѣрить было можно, съ отестаціей прислать »ко мнѣ«. Въ слѣдствіе сего избраны и представлены были Сукину для выбора два студента: *Григорій Андріевскій* и

Кириллъ Бродскій, изъ которыхъ первый и поступилъ въ посольство.

Что же касается до требованій о молодыхъ людяхъ, способныхъ къ наставническимъ должностямъ: то требованія эти поступали отовсюду, гдѣ только заводимы были училища святителями, нѣкогда воспитывавшимися въ сей же Академіи. »Съ 1704 »года, пишетъ г. *Смирновъ*, до времени Платона митрополита, »Московская Академія большею частію имѣла наставниковъ изъ »Кіева. Есть основаніе думать, что для ускоренія образованія, »кіевскіе наставники привозили съ собою въ Москву даже под»готовленныхъ учениковъ изъ Кіева. Въ дошедшемъ до насъ »спискѣ учениковъ Философіи 1704 года, въ числѣ тридцати »четырехъ человѣкъ, только трое великороссіянъ, а всѣ прочіе »имѣютъ фамиліи бѣлорусскія и польскія[123]«. Изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ академическаго архива видно, что требованія о наставникахъ повторяемы были ежегодно. Такъ въ 1737 году 6 іюля отправленъ былъ во Псковъ, по просьбѣ архіепископа Варлаама Леницкаго, *Григорій Андреевскій*, тотъ самый, который былъ при посольствѣ; въ 1739 году Гедеонъ Вишневскій, епископъ смоленскій, просительнымъ письмомъ своимъ отъ 17 іюля прибѣгалъ къ митрополиту Рафаилу о присылкѣ наставниковъ для заведеннаго имъ училища. »Изобиловала всегда, »писалъ онъ, учеными людьми діэцезія вашего преосвященства и Академія Кіевская, и имѣла въ себѣ честь сицевую, »что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Афинъ, вся Россія »источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и ізрастила. Умножитъ же »и еще себѣ славу, егда и въ смоленскую, отъ неяжъ насаж»денную колонію и уже довольными одѣянную классами, изве»детъ на жатву дѣлателей і вспоможетъ собирать плоды бо»гоугодныя и душеспасительныя«. Такъ отзывался просвѣщенный архипастырь объ Академіи Кіевской, ближе другихъ *нѣкоторыхъ* усмотрѣвшій ея высокое достоинство! Въ томъ же

году отправленъ былъ въ Смоленскъ іеромонахъ *Мелхиседекъ Богдановичъ* съ тремя другими своими сотоварищами, и ревнитель просвѣщенія Гедеонъ писалъ къ Рафаилу письмо, »по премногу благодаря его за присылку ученыхъ четырехъ персонъ духовныхъ, со всеусерднымъ желаніемъ долголѣтняго »во благополучномъ состояніи здравія, мирнаго и благоуспѣшнаго паствы правленія и душеспасительныхъ ко блаженному воздаянію заслугъ умноженія«. Мало этого: воспитанниковъ Кіевской Академіи требовали и за границу. Такъ въ 1732 году сербскій митрополитъ Викентій Сеядновичъ просилъ Рафаила Заборовскаго выслать къ нему »изъ своей славной »Академіи въ Сербію въ ученіи книжномъ искусныхъ числомъ »десять человѣкъ«, а черезъ два года послѣ сего онъ же писалъ къ кіевскому іерарху: »можемъ сказати о пришедшихъ къ намъ учителей, да »такожде суть въ наученіи искусни, та»кожде и нравію доброжительни, и въ наставленіи учениковъ »прилѣжни, тщатливи и охотни«[124].

Но Академія, разсылая своихъ воспитанниковъ по разнымъ мѣстамъ, никогда не выпускала ихъ изъ виду, и способнѣйшихъ изъ нихъ отзывала къ себѣ потомъ обратно на профессорскія должности. Въ замѣну ихъ на открывавшіяся такимъ образомъ вакансіи она посылала другихъ младшихъ, приготовляя ихъ чрезъ это въ высшему служенію, на пользу церкви и отечественнаго просвѣщенія.

Радѣя всячески объ успѣхѣ и процвѣтаніи роднаго своего училища, митрополитъ Рафаилъ положилъ перенести въ него все, что было лучшаго въ тогдашнихъ европейскихъ университетахъ. Для этого, избравъ способнѣйшихъ воспитанниковъ, онъ отправилъ ихъ за границу, снабдивъ собственно отъ себя всемъ нужнымъ. Въ продолженіи всего ученаго своего путешествія они пользовались благодѣяніями архипастыря, и

съ лихвою потомъ возвратили училищу то, чего желалъ и ожидалъ отъ нихъ просвѣщенный его протекторъ.

Митрополитъ Рафаилъ, устрояя такимъ образомъ внѣшнее благосостояніе Академіи, самъ наблюдалъ и за ходомъ преподаванія наукъ и за успѣхами воспитанниковъ, заботясь въ тоже время и о дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Предъ началомъ каждаго учебнаго года онъ требовалъ къ себѣ отъ Академіи свѣдѣній о лицахъ, имѣющихъ занимать ту или другую каѳедру, и утверждалъ или измѣнялъ этотъ списокъ по собственному усмотрѣнію. Всякій воспитанникъ, окончившій курсъ ученія, былъ снабжаемъ свидѣтельствомъ по особенной формѣ, съ приложеніемъ академической печати, на которой было изображено Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Въ этомъ свидѣтельствѣ прописывались успѣхи воспитанника и его поведеніе, наконецъ выполненіе присяги на вѣрноподданство Всероссійскому Престолу[125]. Туземные воспитанники, получивъ такое свидѣтельство, расходились по своимъ мѣстамъ, съ сохраненіемъ правъ членовъ Академическаго Братства, а иногородные кромѣ сего были снабжаемы отъ архипастыря и законнымъ паспортомъ. Безъ этого всякая отлучка изъ училища считалась нарушеніемъ училищныхъ и гражданскихъ законовъ, за которое строго взыскивалось. Академическое начальство въ такомъ случаѣ немедленно увѣдомляло или мѣстнаго архіерея, если отлучившійся воспитанникъ былъ изъ духовнаго сословія, или гражданское управленіе, если онъ принадлежалъ къ званію разночинцевъ, а тѣ съ своей стороны дѣлали распоряженія о поимкѣ бѣглеца.

Замѣчательно, что войты съ своимъ магистратомъ по большой части дѣйствовали непріязненно противъ училища и распоряжались самоуправно въ дѣлахъ, касавшихся какъ самой Академіи, такъ и ея воспитанниковъ. Жалобы на это часто были заносимы генералъ-губернаторамъ, и академическое на-

чальство всегда имѣло много хлопотъ съ магистратомъ, то изъявлявшимъ незаконныя притязанія къ имѣніямъ училищнымъ, то дѣйствовавшимъ пристрастно даже въ дѣлахъ особенной важности, какъ напримѣръ, убіеніе мѣщанами ученика *Григорія Маковецкаго*[126]. Почетнѣйшіе изъ тогдашнихъ гражданъ, по свидѣтельству Григоровича – Барскаго, видѣли въ ученыхъ »излишнее прѣніе, гордость, упрямство, славолюбіе, зависть и прочіе обыкновенные ихъ пороки«[127]. Изъ вычисленія этихъ пороковъ нѣкоторымъ образомъ открывается причина ненависти магистратскаго начальства. Руководствуясь статутомъ и магдебурскимъ правомъ, и содержа чрезъ это въ своихъ рукахъ безъапелляціонное рѣшеніе дѣлъ, и слѣдовательно корыстно пользуясь невѣжествомъ толпы, члены магистрата не могли равнодушно видѣть, какъ распространеніемъ просвѣщенія подрывалась ихъ власть, какъ имъ самимъ эти ученые показывали на статьи статута, прежде безнаказанно нарушаемыя, какъ апеллевали они противъ магистратскихъ рѣшеній, открывая вопіющія несправедливости войтовъ и ихъ райцевъ[128]. Очевидно, что въ глазахъ ихъ это могло показаться посягательствомъ на ихъ административныя права; отъ того-то и видѣли они въ ученыхъ »излишнее прѣніе, гордость, упрямство, славолюбіе и зависть« — именно то, въ чемъ никогда не упрекало ихъ высшее правительство, установленное отъ Императорскаго Всероссійскаго Двора. Кромѣ этого, всякій воспитанникъ, окончившій курсъ ученія съ одобрительнымъ свидѣтельствомъ, навсегда освобождался отъ непосредственнаго вліянія войтовъ и магистрата, и находя постоянную и вѣрную себѣ защиту въ академическомъ начальствѣ, подлежалъ уже вѣдомству генеральной войсковой канцеляріи.

Съ кончиною Императрицы Анны (1740 г.) въ Россіи совершился важный государственный переворотъ. Биронъ сдѣлался регентомъ и опекуномъ Наслѣдника Всероссійскаго престола, Іоанна Антоновича. Въ упоеніи своей власти Биронъ

не предчувствовалъ паденія, и за то черезъ три недѣли, послѣ смерти своей державной благодѣтельницы, очутился изгнанникомъ въ Пелымѣ. Анна Леопольдовна приняла бразды правленія, но и она недолго пользовалась своею властію.

Въ 1741 году скипетръ и державу Россіи приняла Императрица Елисавета Петровна.

Малороссія немедленно отправила своихъ депутатовъ для принесенія вѣрноподданническаго поздравленія Государынѣ, и осчастливленные милостивымъ ея вниманіемъ, возвратились они на родину съ радостными надеждами на благополучіе своего края.

Въ слѣдующемъ же году архіепископъ Рафаилъ обратился къ Императрицѣ со всеподданническимъ ходатайствомъ объ Академіи, и благодушная Государыня въ томъ же году пожаловала училищу грамату, которою подтверждались всѣ прежнія права и привиллегіи, наданныя оному отъ вѣнчанныхъ ея предшественниковъ. И въ этой граматѣ предписывалось »прини»мать для ученія всякихъ чиновъ россійскихъ и изъ иныхъ »странъ приходящихъ дѣтей, остерегаясь того накрепко, чтобъ »ученіе было благочестивое, христіанское восточнаго исповѣ»данія, а отступниковъ и противниковъ вѣрѣ грекороссійской »также и еретиковъ въ помянутые школы не допускать и пре»лесть противнаго исповѣданія и всѣ еретическія обученія весь»ма отсѣкать и искоренять«. Но эти правила были уже не новы для Кіевской Академіи, которая искони слѣдовала высокимъ началамъ просвѣщенія, основаннаго на незыблемомъ камени православія. Радостною для нея новостью была щедрота Монархини, которая сею граматою повелѣла на содержаніе ректора, наставниковъ и учениковъ отпускать ежегоднаго жалованья, вмѣсто прежнихъ *пятидесяти* рублей и столькихъ же четвертей хлѣба, по *двѣсти* рублей изъ малороссійскаго вой-

сковаго казначейства. Здѣсь же снова подтверждено было всѣмъ воинскимъ и гражданскимъ чинамъ, равно кіевскому войту и мѣщанамъ, »никакихъ обидъ Академіи и утѣсненія не чинить[129]«.

Въ тоже время, именно въ 1743 году, кіевскій войтъ, Павелъ Войничъ, бурмистры, райцы, лавники[130], и всѣ мѣщане города Кіева били въ свою очередь челомъ Государынѣ о подтвержденіи городскихъ привиллегій, данныхъ Петромъ Великимъ. Императрица, исполняя ихъ прошеніе, указомъ 10 октября того же года утвердила права, сборы, доходы и недвижимость мѣщанъ, разрѣшила вольную торговлю и владѣніе угодьями, сѣнокосами, выгонами, рыболовлями; допущенъ былъ невозбранный въѣздъ въ строевые и дровяные лѣса кіевскіе, дана гражданамъ свобода торговать въ Кіевѣ разнымъ товаромъ, съѣстными припасами, виномъ, пивомъ, медомъ, укрѣплено право имѣть воскобойню, пивоварню, гостиный дворъ и свои вѣсы; повелѣно собирать и отправлять въ ратушу сборъ съ днѣпровскаго перевоза. За всѣ эти преимущества приказано взыскивать съ города ежегодно въ казну по шестисотъ рублей[131].

Кіевъ, по прежнему, остался въ вѣдѣніи генералъ-губернаторовъ. Но хотя они и назывались кіевскими и были первоприсутствующими въ кіевской губернской канцеляріи, за всемъ тѣмъ были сами подчинены генеральной войсковой канцеляріи. Изъятые отъ гетманскаго уряду, они были блюстителями границъ, простиравшихся отъ смоленской губерніи до тогдашнихъ турецкихъ владѣній. Въ ихъ завѣдываніи были раскольники, поселившіеся въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ, а также и Коммиссія, учрежденная для разбора споровъ, возникавшихъ между русскими и польскими пограничными жителями[132].

Въ семъ же году указомъ отъ 11 іюня Государыня повелѣла, по прежнему, быть въ Кіевѣ митрополиту, пожаловавъ въ этотъ санъ Рафаила Заборовскаго. Такъ осыпала Монархиня благодѣяніями своими страну, искушенную горемъ и бѣдствіями, и непреклонно пребывшую вѣрною великому слову, данному передъ крестомъ и Евангеліемъ!

Облагодѣтельствованный Кіевъ вскорѣ увидѣлъ въ стѣнахъ своихъ и державную благотворительницу и августѣйшаго ея Наслѣдника Петра Ѳеодоровича съ обрученною его Невѣстою Екатериною Алексѣевной. Еще задолго предъ симъ начались приготовленія къ такому торжеству. Въ сентябрѣ 1743 года кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-аншефъ Леонтьевъ отношеніемъ своимъ далъ знать печерской Лаврѣ, чтобъ она немедленно озаботилась устройствомъ дорогъ и мостовъ, лежащихъ на большомъ трактѣ въ ея владѣніяхъ за Днѣпромъ. Для сего въ послѣдствіи назначены были отъ правительства особые офицеры, а Лавра въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ высылала на работы ежедневно болѣе тысячи крестьянъ своихъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ заботился объ устройствѣ дома для помѣщенія державной гостьи: но архимандритъ лаврскій Тимоѳей Щербацкій, замѣтивъ невыгоды распоряженій по сему предмету, писалъ въ апрѣлѣ 1744 года въ С. Петербургъ къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, что для пребыванія Императрицы мѣстное начальство хоть и назначило домъ, въ которомъ прежде жили губернаторы, но поелику онъ стоитъ на скучномъ мѣстѣ и даже не имѣетъ при себѣ сада, то Щербацкій просилъ графа доложить Государынѣ: не благоугодно ли будетъ Ея Величеству остановиться въ Лаврѣ въ архимандритскихъ кельяхъ, которыя имѣютъ для сего всѣ удобства, съ садомъ и виноградникомъ для прогулокъ и съ прекраснымъ видомъ на Днѣпръ и на все заднѣпріе; притомъ, прибавлялъ архимандритъ, для Государыни будетъ пріятнѣе это помѣщеніе и потому еще, что родитель ея Импера-

торъ Петръ I во время посѣщенія Кіева всегда жилъ въ сихъ келліяхъ. Письмо это имѣло успѣхъ. Графъ Разумовскій увѣдомилъ въ іюнѣ мѣсяцѣ Щербацкаго, что Государыня соизволила назначить свое пребываніе въ лаврскихъ архимандритскихъ покояхъ, и что для описанія ихъ и устройства иллюминаціи назначенъ особый офицеръ[133].

За тѣмъ начались приготовленія разныхъ припасовъ для Императрицы и для Двора[134]. Сверхъ того, по указу сенатскому, сдѣлано было распоряженіе объ удаленіи изъ селеній, лежащихъ по тракту слѣдованія Государыни, всѣхъ одержимыхъ прилипчивыми болѣзнями и о заготовленіи на станціяхъ, по числу экипажей, на каждой по 1467 лошадей[135].

Въ концѣ августа 1744 года Государыня съ своимъ Наслѣдникомъ и Невѣстою его изволила вступить въ предѣлы Украйны[136]. Для встрѣчи и сопровожденія Высокихъ Гостей отъ самаго Глухова расположены были по обѣимъ сторонамъ дороги козацкіе полки, составившіе изъ себя непрерывную цѣпь. Это сдѣлано было такъ: первый полкъ, отсалютовавъ Царицѣ знаменами и саблями, и обскакавъ сзади слѣдующій полкъ, выстраивался за нимъ; тоже дѣлалъ второй, потомъ опять первый, и такъ — до самаго Кіева[137]. Въ началѣ сентября Государыня узрѣла святыя горы древлепрестольнаго града князей россійскихъ. Здѣсь Академія Кіевская приготовила своей благодѣтельницѣ преоригинальную встрѣчу. Студентъ въ коронѣ съ жезломъ въ видѣ древняго старца, въ сопровожденіи всѣхъ академистовъ отъ мала до велика и безчисленной толпы народа, выѣхалъ за Днѣпръ въ колесницѣ, названной »божественный фаэтонъ«, на двухъ крылатыхъ коняхъ или пегасахъ, должность которыхъ исправляли тоже студенты. Старикъ этотъ, представлявшій кіевскаго князя Владиміра Великаго, встрѣтилъ Государыню у оконечности днѣпровскаго моста и произнесъ длинную рѣчь, въ которой себя называлъ княземъ кіевскимъ, приглашалъ

ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ милостивому ея покровительству. У тріумфальныхъ воротъ, построенныхъ при самомъ въѣздѣ въ Кіевъ, ожидала Государыню другая торжественнѣйшая встрѣча. Два архипастыря—митрополитъ Рафаилъ и бѣлоградскій митрополитъ Антоній, нарочно прибывшій для сего, окруженные многочисленнымъ духовенствомъ всего города и его окрестностей, привѣтствовали Державную Гостью съ благополучнымъ прибытіемъ. Толпы ликовствовавшаго народа, шумно выражавшаго радость свою, усыпали всѣ возвышенности и затопили улицы. Звонъ кіевскихъ колоколовъ сливался съ неумолкаемыми кликами восторженныхъ кіевлянъ. Государыня тронута была до слезъ такимъ искреннимъ и радушнымъ пріемомъ своихъ вѣрноподданныхъ. »Возлюби меня, Боже, ска»зала она, во царствіи твоемъ небесномъ такъ, какъ я люблю »народъ сей благонравный и незлобивый«[138].

Согласно сдѣланному уже распоряженію, Императрица отправилась прямо въ Печерскую Лавру, гдѣ вознесено было благодарственное моленіе »о благоденственномъ и мирномъ житіи, здравіи же и спасеніи и во всемъ благомъ поспѣшеніи« желанной Гостьи древняго Кіева. Окруженная святыней, плѣненная чуднымъ мѣстоположеніемъ Лавры, Государыня отъ богоугоднаго поклоненія нетлѣннымъ останкамъ угодниковъ Печерскихъ переходила къ путешествіямъ по окрестностямъ ни съ чѣмъ несравненнаго въ семъ отношеніи Кіева. Посѣщеніе ею китаевской пустыни навсегда останется памятнымъ въ исторіи здѣшняго края. Поклонившись святому мѣсту, гдѣ жилъ нѣкогда предокъ державной Посѣтительницы великій князь Андрей Боголюбскій, Государыня пожелала видѣть отшельниковъ, подвизавшихся въ пещерахъ, донынѣ еще существующихъ при той пустыни. Въ то время жили тамъ монахъ *Досиѳей* и бѣлецъ *Гаврiилъ*. Государыня, повелѣвъ постричь послѣдняго изъ нихъ въ монашество, сама изволила присутствовать при семъ обрядѣ, а разставаясь съ Досиѳеемъ, вру-

чила ему кошелекъ, наполненный золотомъ. Старецъ, проводя Императрицу и не внося золота въ свою пещеру, положилъ полученный имъ кошелекъ съ деньгами у входа въ глиняномъ черепкѣ. Спустя немного, крестьянинъ села Пирогова принесъ Досиѳею какую-то пищу въ подаяніе; Досиѳей, благословивъ его, сказалъ: »а у меня була Самодержавна и щось дала мини«. Крестьянинъ поднялъ кошелекъ, и увидѣвъ въ немъ золото, доложилъ объ этомъ Досиѳею: но старецъ отказался принять его. Тогда крестьянинъ отнесъ кошелекъ въ Лавру и представилъ духовному собору. Съ общаго совѣта соборной братіи и съ согласія монаха Досиѳея, тогда же выстроена была на эти деньги, въ селѣ Пироговѣ, вмѣсто малой, обветшалой деревянной церкви, новая, большая, деревянная же съ приличнымъ иконостасомъ и пріобрѣтенъ для оной серебряный потиръ[139]. Въ тоже время Государыня пожаловала братіи Китаевской пустыни тысячу рублей.

Богу угодно было, чтобъ Елисавета Петровна отпраздновала въ Кіевѣ и день своего тезоименитства. Какъ провели этотъ всерадостный день жители Кіева,— на это нѣтъ документальныхъ извѣстій: но по вѣрноподданническому радушію ихъ при встрѣчѣ Государыни можно судить, каково было торжество Высочайшихъ имянинъ той, которую Кіевляне считали своей благодѣтельницей. Помолившись въ св. Лаврѣ вмѣстѣ съ подданными о своемъ драгоцѣнномъ здравіи и долголѣтіи[140], Императрица въ тотъ же день осчастливила своимъ посѣщеніемъ Кіевскую Академію, а черезъ три дня изволила присутствовать на торжественномъ диспутѣ, нарочно устроенномъ для Ея Величества. Здѣсь ректоръ Академіи архимандритъ *Сильвестръ Думницкій* произнесъ рѣчь о томъ, *коликое счастіе государству бываетъ, гдѣ свободныхъ ученій любитель Государь*[141], а профессоръ греческой словесности іеромонахъ *Варлаамъ Лящевскій* поднесъ Наслѣднику Престола Петру III переведенную имъ книгу: *Зерцало должности Государей*. Въ тоже время одинъ

изъ учениковъ піитики, между диспутами, произнесъ Государынѣ слѣдующее привѣтствіе:

Златыми устнѣ наши да возшумятъ рѣки:
Златыя весна нова раждаетъ намъ вѣки.
Красніи цвѣти вѣнцы да прорастутъ сквозѣ:
Дѣва порфироносна грядетъ въ славѣ мнозѣ.
Солнцу лице явившу, облачныя стѣны
Бѣгаютъ, уступаютъ зъ горъ высокихъ сѣни.
Бѣжить убо и отъ горъ кіевскихъ золъ мраки,
Уступайте отъ очесъ печальніи зраки:
Елисаветъ, новое солнце, возсіяла,
Свѣтлый намъ день, и радость многу даровала.
Носится, въ Аѳинъ древле звычай таковъ быти,
Чтобъ, солнцу восходящу, во вѣнцахъ ходити.
(142)Трема грады, Кіевъ, аки маргариты
На западѣ сіяющъ, граде знаменитый,
Возложи аки звѣзды вѣнцы всѣмъ на выи:
Се грядетъ твоя слава, солнце всей Россіи.
Что вѣтвь древу, класъ нивѣ, утренній свѣтъ міру,
То Россомъ Елисаветъ есть всѣмъ безъ примѣру.
Не медлимъ же, хотяще благодарни быти,
Таковъ отъ сердецъ привѣтъ потщимся сложити:
Здравствуй Августо, Петровъ образе дражайшій,
Здравствуй единъ по многихъ день нашъ пресладчайшій.
Аки весна, гдѣ явишь зракъ твой августѣйшій,
Твориши воздухъ здравый, и день тотъ свѣтлѣйшій.
Виждь, колико предстоятъ въ сѣдинахъ цвѣтуще,
Старѣйшинства чиномъ вси почтенни суще.
Виждь тя окрестъ разными красящихся лѣты,
Заматерѣлыхъ кріны съ юностными цвѣты.
Вѣчное стремленіе, средостѣнъ сломляя,
Не такъ спѣшитъ, какъ грады съ веси тя срѣтая.
Юже прежде слышаху, ту днесь привѣтствуютъ,

Аки вѣтвь масличную зряще, торжествуютъ.
О ащебъ не естество было воспящая,
Подвигнула бъ и горы радость сицевая!
Чтожъ убо за привѣты, или кій даръ дати
Аѳины твои тебѣ возмогутъ о Мати?
Пусть краснорѣчивая уста восхваляютъ:
Но что капли дождевны морю помогаютъ?
Злато ль тебѣ принесутъ? Злата есть дражайша,
Бисерей честнѣйша, дщерь Петра величайша.
Аще сихъ, иже въ малѣ честію сіяютъ,
Славу достойно воспѣть не мнози дерзаютъ:
Како тебе на весь свѣтъ преславну, едина
Хвалами провозгласитъ Парнасска дружина?
Сами порфуроносцы тебе ублажаютъ,
Князи и вожди имя твое прославляютъ.
Вѣнецъ твоей державы весь свѣтъ возвышаетъ,
Россія же скипетръ твой сладцѣ лобызаетъ.
О красото! о славы нашея деннице!
Власть твоя и держава, о Императрице!
Буди долгоденственна, мирна: и самая
Зима свою да будетъ лютость умягчая.
Весна красенъ цвѣтъ, лѣто жатвы необычны,
Есень же да приноситъ плодъ тебѣ различный.
Всякъ чинъ и возрастъ, люблящъ россійскую славу,
Утро и вечеръ твою да славитъ державу.
Есѳіръ, пріими краткія, молимъ, сія слогы:
Злакъ бо малъ часто поля украшаетъ многи[143].

Императрица все время пребыванія своего въ Кіевѣ изволила провести въ Лаврѣ и при отъѣздѣ пожаловала архимандриту оной 3,000 р. прочей братіи лаврской 10,000 руб. и въ Голосѣевскую пустынь для шести человѣкъ тамошней братіи 600 р., а Лавра имѣла счастіе поднести Государынѣ книгъ въ лучшемъ переплетѣ: Евангеліе, Апостолъ, Трифологіонъ, Окто-

ихъ, Тріоди постную и цвѣтную, два Часослова, Псалтирь съ толкованіемъ, Камень Вѣры, два Новыхъ Завѣта, два Акаѳиста, два Правильника, два Повечерника, два полустава Ригилева, два Алфавита, три Полуставца, четыре Каноника, четыре малыхъ Псалтыри, три Новыхъ Завѣта малыхъ, четыре тройныхъ Молитвослововъ, два Акаѳиста св. Николаю, два Акаѳиста св. великомученицѣ Варварѣ — всего *пятдесятъ четыре* книги. Великому Князю *двадцать четыре* книги и Великой Княжнѣ — Невѣстѣ столько же[144].

Ревнуя о украшеніи храмовъ Божіихъ, Государыня пожаловала въ это время Лаврѣ ризы на темнофіолетовомъ гарнитурѣ, вышитыя серебромъ, унизанныя жемчугомъ, бриліантами и другими драгоцѣнными камнями. Кромѣ сего, въ знакъ особеннаго монаршаго памятованія своего о времени, проведенномъ ею во святой обители печерской, разно-временно принесла въ даръ богатую алмазную панагію съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія, а на другой Императрицы Екатерины I; а также двое ризъ богатой серебряной парчи и такой же діаконскій стихарь. Она же обложила серебряными вызолоченными досками престолъ и жертвенникъ великой соборной лаврской церкви, и принесла въ даръ св. великомученицѣ Варварѣ свой драгоцѣнный бриліантовый перстень. Древнѣйшій храмъ св. Софіи также получилъ отъ щедротъ Императрицы золотые сосуды, какъ-то: потиръ, дискосъ и проч.; а находившаяся въ едва примѣтныхъ развалинахъ церковь св. Георгія возсоздана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда »столовались«[145] православные архіереи и подвизался невольный затворникъ и схимникъ князь Судиславъ Владиміровичъ.

Но вѣчнымъ памятникомъ своего немаловременнаго пребыванія въ Кіевѣ[146] Государыня оставила Андреевскую церковь, въ основу которой сама положила первый камень. Двадцать два года созидался этотъ храмъ — диво и украшеніе Кіева. Необыкновенно-возвышенная мѣстность[147], заключающая

въ нѣдрахъ своихъ тысячи источниковъ, конусообразная вершина горы, состоящая изъ глинистаго пещаника, требовали особеннаго вниманія опытнѣйшаго архитектора; но графъ Растрелли побѣдилъ всѣ трудности. Онъ положилъ фундаментъ въ глубину, если не превосходящій, то по крайней мѣрѣ равняющійся высотѣ самаго храма. Наконецъ 19 августа 1767 года это чудное произведеніе геніальнаго зодчаго было торжественно освящено митрополитомъ Арсеніемъ. При заложеніи сего храма Императрица пожаловала Рафаилу двѣ золотыя съ бриліантами панагіи и *полторы тысячи* червонныхъ, которые онъ тогда же отдалъ на обновленіе Кіевософійскаго Собора[148].

Обласканные и осыпанные щедротами Монархини чины и войска малороссійскіе осмѣлились подать своей державной благодѣтельницѣ просьбу о позволеніи избрать себѣ вольными голосами гетмана. Государыня благосклонно приняла это ходатайство: но депутатамъ приказала явиться въ Петербургъ, куда и сама она поспѣшала ко дню бракосочетанія Наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича. Депутаты во все время пребыванія своего въ столицѣ вездѣ занимали почетныя мѣста: но дѣло о гетманѣ Государыня отложила до пріѣзда изъ за границы того, кого она сама хотѣла почтить гетманскою булавою.

Между тѣмъ іерархъ кіевскій продолжалъ трудиться на пользу церкви и отечественнаго просвѣщенія. Еще въ началѣ своего пастырства Рафаилъ хотѣлъ завести особое греческое училище въ бывшемъ доминиканскомъ, но тогда уже православномъ Петропавловскомъ монастырѣ на Подолѣ, и объ отдачѣ онаго для этой цѣли Грекамъ, жительствовавшимъ въ Кіевѣ, представлялъ 1733 года св. Синоду. Дѣло объ этомъ тогда же препровождено было на разсмотрѣніе Иностранной Коллегіи: но рѣшенія на тотъ разъ не послѣдовало. Ободрен-

ный милостями Императрицы, Рафаилъ, по отбытіи ея изъ Кіева, возобновилъ свое ходатайство: но не дождался желаемаго исполненія своего плана, который, по кончинѣ его, хоть и осуществился, но не въ томъ видѣ, какъ былъ представляемъ: ибо Грекамъ разрѣшено было только построить на дворѣ Астамаѳея Николаева Екатерининскую церковь, при которой потомъ въ 1748 году устроенъ греческій монастырь Синайской горы.

Наконецъ пришло время Кіеву разстаться навѣки съ незабвеннымъ пастыремъ своимъ. 22 октября 1747 года было послѣднимъ днемъ, въ который угасъ сей великій свѣтильникъ Церкви. Тридцать девять дней кіевляне и питомцы пріискреннѣ любимой имъ Академіи приходили покланяться бреннымъ останкамъ своего архипастыря. На послѣдней литургіи, совершенной 30 ноября бывшимъ тогда въ Кіевѣ Макаріемъ, митрополитомъ Ѳиваидскимъ, знаменитый нашъ витія Георгій Конисскій произнесъ слово, въ которомъ, изчисливъ всѣ его благодѣянія, пророчески предвозвѣстилъ то, что нынѣ видимъ мы въ очію совершившимся. Болѣе ста лѣтъ протекло со времени кончины митрополита Рафаила: но тѣло его доселѣ почиваетъ нетлѣннымъ въ общей софійской усыпальницѣ кіевскихъ архипастырей. Бывъ при жизни своей, по слову Конисскаго, свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ, онъ по смерти возсіялъ еще большимъ свѣтомъ отъ свѣта лица Божія...

Проводила Академія одного изъ величайшихъ своихъ благодѣтелей: но чтобы навсегда запечатлѣть въ памяти потомства имя Рафаила, она назвалась *Кіево-Могило-Заборовскою*, и оставалась съ этимъ наименованіемъ до конца существованія своего въ прежнемъ видѣ. Какбы въ замѣну завѣщанія, она получила отъ незабвеннаго своего протектора и отца инструкцію, которая вполнѣ обнимала всѣ священныя обязанности, лежавшія какъ на воспитателяхъ, такъ и на питомцахъ училища, бывшаго предметовъ нѣжнѣйшей его заботливости.

Оно долженствуетъ быть вполнѣ извѣстно всякому благочестивому ревнителю истиннаго, православнаго просвѣщенія[113].

Пунктъ I. Сообразно монаршему повелѣнію, въ Академію для пріобрѣтенія познаній принимается каждый, откуда бы кто ни прибылъ, свободный человѣкъ всякаго состоянія и званія, только бы исповѣдывалъ восточную христіанскую вѣру и былъ способенъ къ ученію.

Пунктъ II. Дѣлатели наукъ всегда должны служить для учащихся высокими образцами вѣры въ Бога и любви особенно, кромѣ того скромности, вѣжливости, добраго воспитанія и образованности; а также должны представлять собою примѣръ не только внутренней чистоты души, но и внѣшней опрятности тѣла и одежды.

Пунктъ III. Въ праздничные дни, а также и такіе, въ которые не бываетъ ученія въ школахъ, какъ наставники, такъ и ученики, и особенно проживающіе въ бурсѣ, всегда и непремѣнно, за исключеніемъ законной причины, обязываются посѣщать въ сопровожденіи надзирателей (inspectorum) всѣ церковныя молитвословія и службы, и особенно святѣйшую литургію.

Пунктъ IV. Всѣ студенты нашей Академіи, какъ находящіеся въ бурсѣ, такъ и проживающіе внѣ ея, должны всякій постъ однажды, а въ четыредесятницу дважды, по древнему обычаю, съ должнымъ приготовленіемъ и покаяніемъ исповѣдываться и приступать къ таинственной вечери Господа и Спаса нашего.

Пунктъ V. Всѣ студенты непремѣнно должны поспѣвать въ Академію къ самому началу ученія въ первыхъ числахъ сентября, и ожидать окончательнаго роспуска школъ въ сред-

нихъ числахъ іюля. Если же какой студентъ преждевременно, до каникулъ, а наипаче безъ вѣдома и благословенія префекта и профессора, уйдетъ изъ Академіи, таковаго, хотя бы онъ и воротился въ школы, наказать непремѣнно; также безъ свидѣтельства академическаго никто изъ студентовъ не долженъ мататься по городу для испрошенія подаяній. При семъ и то надобно наблюдать, чтобы недостойные не были допускаемы къ высшимъ степенямъ академическаго ученія, равно, чтобы и ученики безъ своихъ собственныхъ заслугъ, по одному потворству и лицепріятію учителей, не занимали мѣстъ достойнѣйшихъ; иначе недостойные сравняются такимъ образомъ съ достойными и нерадивѣйшіе съ примѣрными; отъ чего одни потеряютъ охоту учиться, а другіе будутъ болѣе и болѣе погрязать въ лѣности.

Пунктъ VI. Студенты при первомъ звонѣ академическаго колокольчика тотчасъ должны своевременно являться въ свой классъ; при второмъ же меньшемъ аналогисты, инфимисты, грамматики и синтактики должны садиться на свои скамейки. Учители же входятъ слѣдующимъ порядкомъ: первыхъ двухъ школъ до третьяго звонка; учители грамматики и синтаксимы непосредственно послѣ третьяго, — поэзіи и реторики послѣ четвертаго, не взирая ни на какія частныя свои нужды. Прямыя же обязанности по своимъ классамъ они должны исполнять вѣрно, съ пламеннымъ усердіемъ и легчайшимъ, сколько можно, способомъ (methodo), болѣе имѣя въ виду пользу своихъ учениковъ, чѣмъ тщеславясь своимъ умомъ, и оставаться на урокахъ до конца, прежде котораго никто ни изъ учителей ни изъ учениковъ не можетъ выдти изъ своей школы, развѣ уже по крайней надобности. По окончаніи уроковъ не должны медлить въ классахъ; но за окончательнымъ сигналомъ всѣ школы, въ предшествіи своихъ наставниковъ, чинно входятъ въ церковь для того, чтобъ вознести къ Богу хотя коротенькія молитвы и воздать ему благодареніе.

Пунктъ VII. Всѣ академисты, подъ строгой отвѣтственностью, а особенно учители и наставники должны поставить себѣ закономъ, чтобы какъ въ коллегіальныхъ школахъ, такъ и въ бурсахъ, а равно между собою и съ учениками всегда разговаривать по латинѣ; а ученики для ежедневнаго употребленія должны имѣть при себѣ calculum. Кромѣ того въ меньшихъ школахъ отъ аналогіи до философіи должны излагать и представлять упражненія (occupationes) на трехъ языкахъ попеременно—славянскомъ, польскомъ и латинскомъ. Въ философіи же и богословіи постоянныя собесѣдованія (безъ чего нельзя въ совершенствѣ усвоить себѣ и познаній) и частыя диспутаціи самымъ дѣломъ (de facto) должны быть исполняемы. А говорить по латинѣ всегда и вездѣ непремѣнно обязаны всѣхъ школъ авдиторы и особенно наставники, кромѣ аналогистовъ и инфимистовъ, которые преимущественно учатся на языкѣ польскомъ и говорятъ имъ.

Пунктъ VIII. Каждая низшая школа вездѣ должна уступать мѣсто высшей и оказывать ей почтеніе даже внѣшними знаками уваженія. Въ случаѣ какой либо обиды отъ студента, а въ особенности не отъ академиста, никто не долженъ считать себя въ правѣ самъ собою отомщать за обиду, но ожидать удовлетворенія отъ высшей власти.

Пунктъ IX. Всѣ академисты обязаны непремѣнно присутствовать при всѣхъ академическихъ церемоніяхъ, въ какой бы день ни случилось, а также и въ дни воскресные—при великой инструкціи всѣ члены старшаго братства (majoris congregationis), а при малой непринадлежащіе къ оному.

Пунктъ X. Студенты, успѣшнѣйшіе въ наукахъ и извѣстные своимъ благонравіемъ, должны быть предпочитаемы прочимъ, а болѣе заслуженные должны быть отличаемы вниманіемъ Академіи отъ незаслуживающихъ того. Студенты же,

мало подающіе надежды, лѣнивые и непокорные должны быть чаще увѣщеваемы, а вовсе не подающіе никакой доброй надежды, каковы: пьяницы, буяны, возмутители, ябедники (zoili) и плуты, какъ неспособные къ исправленію, должны быть изгоняемы изъ Академіи, дабы въ сообществѣ дурныхъ не портились добрые. Впрочемъ, еслибы нѣкоторые и отличались прекрасною нравственностью, но оказались бы до того тупоумными, что отъ нихъ никакой пользы не можетъ ожидать ни Церковь, ни отечество: то таковыхъ, чтобы напрасно не убивали своего времени, должно увольнять изъ Академіи для избранія себѣ того рода жизни, въ которомъ могли бы и себѣ и другимъ быть болѣе полезными, дабы такимъ образомъ Академія славилась не столько количествомъ, сколько качествомъ студентовъ. Особенно поставляется это на видъ наставникамъ.

Пунктъ XI. Студенты всякой школы ни въ какомъ случаѣ не должны буйствовать противъ кого бы то ни было, а особенно противъ наставниковъ. Такихъ буяновъ строго должно наказывать, или лучше—изгонять.

Пунктъ XII. Наставники и особенно надзиратели inspectores не должны обращаться съ подвѣдомственными себѣ ни слишкомъ строго, ни слишкомъ слабо, а обязаны держаться въ этомъ случаѣ средины, какъ повелѣваетъ имъ долгъ просвѣщенія и вѣжливости, а также опасно должны беречься бранить учениковъ какъ публично, такъ и дома поносными словами.

Пунктъ XIII. Ни одинъ ученикъ, безъ соизволенія учителя своего, а особенно домашняго надзирателя, не смѣетъ не быть въ школѣ и отлучиться куда либо съ квартиры. Въ противномъ случаѣ онъ подвергается наказанію.

Пунктъ XIV. Никто изъ академистовъ не долженъ шататься по ночамъ, но всѣ обязаны быть по квартирамъ и за-

ниматься своимъ дѣломъ. Всякій праздношатающійся или пьяный студентъ, пойманный своимъ сеньоромъ, непремѣнно долженъ быть подвергаемъ штрафу и наказанію.

Пунктъ XV. Каждый надзиратель, согласно своей обязанности, долженъ смотрѣть за ввѣренными ему учениками, гдѣ бы ни случилось быть съ ними, чтобъ они вели себя скромно, умно и вѣжливо. Если же кто изъ надзирателей станетъ пренебрегать сею обязанностью, или самъ будетъ не ночевать дома изъ за какого нибудь безпутства, или заводить у себя пирушки, или начнетъ употреблять пищу и питіе и прочее артельное достояніе въ свою пользу, расточая его безчестно, или превыситъ власть свою, таковаго тотчасъ же удалять отъ мѣста.

Пунктъ XVI. Студенты не должны вносить съ собою въ Академію никакого оружія, а также стрѣлять изъ ружья или пистолета. Одѣваться должны просто и прилично. Если же кто и одѣлся бы по модѣ (extraneum habitum vestium): то это не даетъ ему права измѣнять принятые академическіе обычаи и смѣяться надъ одѣяніемъ другихъ.

Пунктъ XVII. Каждый подначальный академистъ во всякомъ случаѣ обязанъ оказывать должное и всевозможное повиновеніе и почтеніе старшему себя, лишь бы только это не было противно законамъ Божескимъ и человѣческимъ. Въ дѣлѣ же безчестномъ не слѣдуетъ ни содѣйствовать, ни повиноваться старшимъ.

Пунктъ XVIII. Въ квартирахъ студентовъ лица подозрительнаго поведенія не должны быть терпимы; равно не позволяется нанимать квартиръ и жить въ такихъ домахъ, которые или оподозрѣны, или обезславлены чѣмъ либо преступнымъ;

это для того, чтобы избѣжать столкновенія съ людьми дурнаго общества (cujusque conditionis hominum).

Пунктъ XIX. Ходить на зрѣлища, гдѣ происходятъ гладіаторскіе или кулачные бои между чернью, даже смотрѣть на нихъ, а тѣмъ болѣе самимъ ввязываться въ драку, никакъ не должны студенты. Но чтобы не оставаться всегда въ напряженномъ состояніи, позволяется въ опредѣленные дни поиграть на приличныхъ студенту музыкальныхъ инструментахъ, а также не воспрещаются и другія пристойныя игры на непродолжительное время, собственно для возстановленія бодрости духа.

Пунктъ XX. Никто изъ студентовъ, безъ вѣдома и позволенія префекта и профессора, не долженъ безпокоить великихъ и знатныхъ особъ просьбами, или писать имъ панегирики, составлять рисунки и вообще дѣлать что либо особенное въ этомъ родѣ. Не въ правѣ также ни ученики взять себѣ надзирателя, ни надзиратель ученика, по своему произволу, безъ разрѣшенія префекта.

Пунктъ XXI. Необходимо, чтобы каждый студентъ, какъ тотъ, который совершаетъ курсъ ученія, такъ и тотъ, который до окончанія курса, по законной причинѣ, выбываетъ изъ Академіи, при выпускѣ изъ школы, получалъ отъ префекта открытое свидѣтельство о успѣхахъ своихъ въ наукахъ, для повсемственнаго удостовѣренія въ своемъ образованіи. Для этого префектъ училищъ обязывается ежегодно вносить въ библіотеку Академіи, для будущихъ справокъ и для всякаго случая, какъ частные годичные списки, составленные вѣрно учителемъ каждой школы съ означеніемъ имени, фамиліи и правдивой аттестаціи учениковъ, такъ и общій — всѣхъ учениковъ и студентовъ, составленный со всякимъ тщаніемъ по порядку и достоинству школъ, гдѣ должны быть обозначены имя, прозваніе, вѣроиспо-

вѣданіе, отечество, званіе и состояніе родителей, а также возрастъ и познанія его.

Пунктъ XXII. Префектъ Кіевской Академіи, доброму управленію котораго должны повиноваться всѣ студенты, всѣхъ школъ и даже наставники оныхъ, обязывается непремѣнно, какъ самъ прилежно соблюдать и исполнять сіи постановленія, такъ и всѣхъ академистовъ обязывать къ исполненію оныхъ; нарушителей же сего устава увѣщевать и пристойно исправлять. 1734 года 7 октября. *Смиренный Рафаилъ, архіепископъ кіевскій.*

Духовный регламентъ, составленный, какъ извѣстно, однимъ изъ знаменитыхъ воспитанниковъ Кіевской Академіи, не произвелъ ни во внутреннемъ, ни во внѣшнемъ ея составѣ никакой перемѣны. Не онъ, можно сказать, Академіи, а Академія служила для него моделью. Какъ прежде, такъ и теперь шли здѣсь науки тѣмже путемъ, какой указанъ былъ незабвенными учредителями сего училища. Изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ древняго архива мы видимъ, что въ настоящее время наставниковъ ни убыло, ни прибыло противъ прежняго. Такимъ образомъ послѣ *Амвросія Дубневича*, бывшаго ректоромъ Академіи съ 1731 по 1737 годъ, мѣсто его занялъ *Сильвестръ Думницкій*, переведенный сюда изъ намѣстниковъ Софійскихъ. Префектами въ его время были: *Стефанъ Калиновскій* (1731—1733), *Іеронимъ Миткевичъ* (1732—1738) и *Сильвестръ Кулябка*, сдѣлавшійся потомъ преемникомъ Думницкаго по ректурѣ.

Въ это время наставниками при Академіи были слѣдующія лица:

Префектомъ и профессоромъ философіи *Михаилъ Козачинскій*, тогда уже іеромонахъ.

Учителемъ реторики іеромонахъ *Іоаннъ Козловичъ*.

Учителемъ піитики іеродіаконъ *Варлаамъ Лящевскій*.

Учителемъ синтаксимы, іеродіаконъ Печерской Лавры, *Даніилъ Яхимовичъ*.

Учителемъ граматики іеродіаконъ *Сильвестръ Добрина*.

Учителемъ инфимы, іеродіаконъ Печерской Лавры, *Титъ Русичевскій*.

Учителемъ аналогіи, шафаръ трипольскій, іеродіаконъ *Іоиль Врублевскій*.

Въ 1743 году нѣкоторые изъ прежнихъ наставниковъ переведены въ высшіе классы, а другіе вновь назначены.

Префектомъ Академіи является уже іеромонахъ *Тихонъ Александровичъ*, на мѣсто котораго въ тоже время представленъ въ преподаватели философіи іеромонахъ *Варнава Старжицкій*, находившійся тогда въ Глуховѣ при Коммиссіи свода литовскаго статута и магдебургскаго права; почему и на этотъ годъ удержанъ *Александровичъ*.

Проповѣдникомъ, то есть завѣдывателемъ большой и малой инструкціи и цензоромъ сказываемыхъ прочими наставниками поученій назначенъ іеромонахъ *Сильвестръ Добрина*.

Учителемъ реторики, іеромонахъ *Даніилъ Яхимовичъ*.

Учителемъ піитики, іеродіаконъ *Тихонъ Александровичъ II*.

Учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ, іеромонахъ *Варлаамъ Лящевскій*.

Учителемъ синтаксимы, іеромонахъ *Климентъ Богдановичъ*.

Учителемъ граматики, іеромонахъ *Аѳанасій Ясниковскій*.

Учителемъ инфимы, іеродіаконъ *Ѳеофанъ Зеленецкій*.

Учителемъ аналогіи, іеродіаконъ *Іоанникій Венерацкій*.

Кромѣ этого въ облегченіе ректору Сильвестру Кулябкѣ

назначенъ въ помощники преподавателемъ богословія іеромонахъ *Михаилъ Козачинскій.*

Въ 1746 году ректоромъ Академіи былъ *Сильвестръ Лящоронскій;* а должность профессора богословія несъ іеромонахъ *Варлаамъ Лящевскій*, за которымъ впрочемъ оставалось и преподаваніе еврейскаго языка.

Преподавателемъ же философіи былъ іеромонахъ *Гедеонъ Сломинскій.*

Преподавателемъ реторики, іеромонахъ *Тихонъ Александровичъ II.*

Учителемъ піитики, іеромонахъ *Георгій Конисскій.*

Учителемъ синтаксимы, іеромонахъ *Досиѳей Галяховскій.*

Учителемъ граматики, іеромонахъ *Ѳеофанъ Зеленецкій.*

Учителемъ греческой школы *Іоаннъ Мокіевскій* (изъ свѣтскихъ).

Учителемъ инфимы *Василій Крижановскій* (изъ свѣтскихъ).

Учителемъ аналогіи *Іоаннъ Кременецкій,* находившійся въ Михайловскомъ монастырѣ на искусѣ.

Учителемъ нѣмецкаго языка *Михаилъ Максимовичъ* (изъ свѣтскихъ).

И все это свои, не выписанные ни откуда, родные по крови и чувствамъ наставники, тутъ же проходившіе первоначальныя школы, и только въ пору сознательныхъ лѣтъ, да и то не всѣ, объѣхавшіе знатнѣйшія училища Европы...

Въ учебникахъ по части богословія замѣчательно отдѣленіе особыхъ трактатовъ по предметамъ, относящимся къ христіанской нравственности. Въ прежнихъ руководствахъ отдѣлъ этотъ встрѣчался очень рѣдко, и то какъ будто мимоходомъ затронутый; въ настоящую же пору нравственное богословіе облекается нѣкоторымъ образомъ въ строгую систему. Преподава-

тели, взявъ за основаніе своихъ уроковъ десятословіе, развиваютъ его примѣнительно ко всѣмъ состояніямъ и случайностямъ падшаго человѣчества, tum positive, tum controverse. Поводомъ къ этому могла послужить казуистика, обширно развиваемая іезуитами и на основаніи такъ называемой »праведной лжи« (pia fravs), подрывавшая всѣ опоры чистой христіанской нравственности[150]. Что касается до теоретическаго богословія, то оно, слѣдуя направленію, сообщенному Прокоповичемъ, продолжало являться въ трактатахъ, болѣе или менѣе имѣвшихъ между собою связь внутреннюю. Это отчужденіе системы было между прочимъ причиною того, что всякій послѣдующій преподаватель, думая возсоздать что либо болѣе стройное, не слѣдовалъ своему предшественнику и испробовавъ предписанный самимъ себѣ путь, вдавался потомъ въ туже безсистемность и накоплялъ въ свою очередь отдѣльные трактаты. При всемъ томъ обширность и видимая растянутость отнюдь не могутъ служить упрекомъ тогдашнимъ профессорамъ богословія, которые будто бы только по тому самому не могли никогда окончить уроковъ своихъ, не смотря на то, что курсъ богословія продолжался четыре года[151]. Надо въ этомъ случаѣ обратить вниманіе на то, какія части богословія поглощали все время четырехлѣтняго курса и какія были оставляемы. Изъ конспекта Сильвестра Кулябки, отличнѣйшаго въ свое время богослова и преподавателя, мы видимъ, что послѣ обычнаго введенія въ науку, онъ въ первой части своей системы говоритъ о Богѣ и Его свойствахъ, во второй о Богѣ въ трехъ упостасяхъ; въ третьей—о воплощеніи Бога-Слова. Эти трактаты у него чрезвычайно обширны, и иначе быть не могло, ибо въ этомъ вся сущность богословія. Притомъ не должно выпускать изъ виду, что по обстоятельствамъ того времени, мало было излагать эти предметы аподиктически, а слѣдовало предусмотрѣть, предложить и разрѣшить всевозможные вопросы, которыхъ можно было ожидать отъ противниковъ православія. Теперь другое дѣло; уроки богословскіе читаются только для наставленія и полнѣйшаго вразумленія бе-

зусловно и несумнительно вѣрующихъ во всѣ догматы Церкви православной; диспутовъ и полемическихъ столкновеній, отъ которыхъ бы зависѣло благосостояніе всѣхъ и каждаго, нѣтъ и быть не можетъ; а въ то время, когда изувѣры называли грекороссійскую вѣру »холопскою, аріанскою и собачьей« (chłopska, psia wiara), когда одна часть Украйны носила наименованіе страны невѣрныхъ — pars infidelium[152], тогда нельзя было не позаботиться о вооруженіи православныхъ всѣмъ, что можетъ подать христіанская наука, и не мудрено, послѣ этого, если большая часть академическаго курса расходовалась на преподаваніе существеннѣйшихъ частей богословія[153]. Отъ этого, а не отъ чего либо другаго, прочіе трактаты были кратки и системы богословскія не бывали законченными. При другихъ обстоятельствахъ Церкви и здѣшняго края, какъ мы увидимъ, этого не будетъ.

Самая философія въ эту пору какбы потеряла строгую свою систематичность, находясь въ какомъ-то переходномъ состояніи. Въ ней также примѣчается разъединенность трактатовъ: но вмѣстѣ съ этимъ замѣтно больше самороднаго мышленія и усилій вырваться изъ оковъ аристотелизма[154]. Педагоги уже не тянутъ своей системы непрерывной нитью, а безпрестанно задаютъ себѣ вопросы, искренно и добродушно радуясь разрѣшенію ихъ. Но все еще видно и въ этой самостоятельной работѣ русскаго ума неотразимое вліяніе перипатетической философіи.

Учебники по реторикѣ рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ предыдущихъ, точно также какъ и учебники по поэзіи. Въ послѣднихъ замѣчается то только, что въ нихъ больше обращено вниманія на русское стихосложеніе и представлено даже довольно образчиковъ, принадлежащихъ самому наставнику Тихону Александровичу.[155].

При митрополитѣ Рафаилѣ, кромѣ означенныхъ классовъ,

открыты въ 1738 году и классы лингвистики. Въ спискѣ наставниковъ Академіи показаны, какъ мы уже видѣли, и преподаватели языковъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго. Съ какимъ успѣхомъ шли эти уроки, увидимъ въ послѣдствіи.

Не удивительно, что при вниманіи Высочайшей Покровительницы просвѣщенія, при заботливости знаменитаго архипастыря, при явныхъ правахъ и преимуществахъ, ожидающихъ въ службѣ образованнаго человѣка, число воспитанниковъ, въ эпоху Рафаила Заборовскаго, возросло до такой степени, что стали тѣсны аудиторіи для помѣщенія ихъ. Никогда—ни прежде, ни послѣ—не было такого стеченія учениковъ, какъ въ то время, когда тщаніемъ и трудами архипастыря Академія обновилась со внѣшней своей стороны и получила изъ-за границы своихъ же ученыхъ питомцевъ. Такъ въ 1742 году находилось въ Академіи *тысяча двѣсти тридцать четыре* человѣка; а въ 1744 *тысяча сто шестьдесятъ* человѣкъ, изъ коихъ *триста восемдесятъ восемь* было изъ духовнаго званія, и *семьсотъ семдесятъ два* дворянъ и разночинцевъ, туземныхъ, иногородныхъ и заграничныхъ.

Много вышло въ эту счастливую пору изъ Академіи воспитанниковъ, ознаменовавшихъ себя на разныхъ поприщахъ службы: но мало избранныхъ, имена которыхъ сохранились на скрижаляхъ исторіи. Впрочемъ для славы и чести Академіи довольно и этихъ именъ:

Андріевскій Геннадій, тотъ самый, который, по требованію генералъ-губернатора Сукина, состоялъ при посольствѣ русскомъ и потомъ отправился во Псковъ на учительское мѣсто. Здѣсь онъ принялъ монашество и посвященъ въ архимандриты Псково-печерскаго монастыря. Въ 1753 году онъ былъ рукоположенъ въ епископа костромскаго: но черезъ четыре года уволенъ отъ епархіи и опредѣленъ на пребываніе въ новгородъ-сѣверскій Спасскій монастырь[156].

Аскаронскій Дамаскинъ, происхожденіемъ изъ мѣщанскаго сословія, родился въ Кіевѣ и при крещеніи нареченъ былъ Даміаномъ. По окончаніи курса наукъ въ Академіи, онъ поступилъ въ Лавру, гдѣ и проходилъ разныя послушанія, а 1738 года постриженъ въ монашество. Въ чемъ состояла дальнѣйшая его служба, опредѣлить съ точностію нельзя: но судя по тому посту, на которомъ является онъ въ самомъ непродолжительномъ времени, съ полной вѣроятностію можно заключить, что *Аскаронскій*, въ числѣ другихъ, былъ вытребованъ изъ Лавры въ новгородскую семинарію къ должности учителя. Въ 1743 году онъ уже былъ архимандритомъ деревяницкаго Воскресенскаго монастыря, а въ 1746 ректоромъ семинаріи новгородской и настоятелемъ монастыря Антоніева. Черезъ два года *Дамаскинъ* былъ переведенъ въ Хутынь, а 7 августа 1751 года въ иверскій монастырь. Послѣ семилѣтняго управленія сею обителью онъ хиротонисанъ (21 мая 1758 г.) въ епископа костромскаго, въ каковомъ санѣ и скончался 16 іюля 1769 г.[152].

Блонницкій Іаковъ. Не блистательно было служебное поприще этого человѣка, но памятно тѣми слѣдами, какіе оставлены имъ въ отечественномъ просвѣщеніи. Онъ родился въ заднѣпровскомъ городѣ Орловцѣ 1711 года и до четырнадцатилѣтняго возраста обучался въ домѣ своего родителя, бывшаго тамъ священникомъ, а потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію. Осмнадцати лѣтъ отъ роду онъ принялъ монашество, и въ этомъ званіи продолжалъ курсъ наукъ до конца. Отличные успѣхи обратили на него такое вниманіе начальства, что не смотря на то, что онъ былъ еще только студентомъ философіи, его представили Рафаилу Заборовскому, какъ человѣка, способнаго занять наставническую должность: но митрополитъ не захотѣлъ отрывать его отъ дѣла и повелѣлъ продолжать образованіе себя. За тожъ въ 1741 году долженъ былъ отпустить *Блонницкаго* въ Тверь, гдѣ, по распоряженію епископа Митрофана Слотвинскаго, онъ занялъ каѳедру реторики. Черезъ два впрочемъ года

Блонницкій испросилъ себѣ увольненіе и поступилъ въ лубенскій Мгарскій монастырь. Когда же указомъ св. Синода 1743 года повелѣно было возобновить прекратившееся было въ московской Академіи преподаваніе греческаго языка, то, по рекомендаціи митрополита Рафаила, *Блонницкій* вызванъ былъ, въ Москву, гдѣ для слушателей своихъ составилъ на латинскомъ языкѣ краткую греческую граматику и перевелъ для нихъ по славянски Эпиктетовъ Энхиридіонъ, или *Ручную книгу*. Въ 1745 году, указомъ св. Синода, *Блонницкій* опредѣленъ былъ, вмѣстѣ съ Воскресенскимъ архимандритомъ Иларіономъ Григоровичемъ, къ исправленію Библіи славянской. Болѣе двухъ лѣтъ занимался онъ этимъ, и въ тоже время успѣлъ перевести книгу св. Златоуста *О священствѣ*, которую и поднесъ св. Синоду. Въ 1748 году Іоасафъ Горленко, по посвященіи своемъ въ епископа, испросилъ у Синода позволеніе взять *Блонницкаго* съ собою въ Бѣлгородъ, гдѣ этотъ неутомимый ученый перевелъ на славянскій языкъ *Сказаніе о соборѣ Іерусалимскомъ*, бывшемъ 1672 года, при патріархѣ Досиѳеѣ, противъ заблужденій кальвинистовъ, а также и книгу Діонисія Ареопагита о *Небесной и церковной іерархіяхъ*. Въ 1751 году *Блонницкій* для усовершенствованія себя въ греческой словесности отправился въ Грецію, и прибылъ прежде всего на Аѳонскую гору, гдѣ занялся пересмотромъ всѣхъ древнихъ рукописей Отцовъ и писателей Церкви и сличеніемъ ихъ съ славянскими переводами. Восемь лѣтъ трудился онъ надъ этимъ, и въ теченіи сего времени составилъ тамъ два лексикона еллино-славянскій и славяно-еллино-латинскій, въ которыхъ было собрано имъ до осмидесяти тысячъ словъ. Въ 1761 году *Блонницкій* возвратился въ Россію чрезъ Константинополь и Крымъ, и прибылъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ опять принялся за ученую работу. Цѣлыя десять лѣтъ занимался онъ умноженіемъ и обдѣлкою своихъ лексиконовъ, и кромѣ прежнихъ двухъ составилъ еще третій латино-славянскій, заключавшій въ себѣ до сорока двухъ тысячъ словъ. Но не докончивъ

всѣхъ трудовъ своихъ, *Блонницкій* скончался, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ любителей просвѣщенія[158].

Бродскій Константинъ. Вступивъ въ монашество, послѣ ученія въ Академіи, онъ былъ назначенъ справщикомъ въ типографію Кіево-печерской Лавры, откуда въ 1745 г. вызванъ былъ въ московскую Академію преподавателемъ философіи, а черезъ два года утвержденъ въ званіи префекта, потомъ назначенъ былъ учителемъ богословія и начальствующимъ Академіей, такъ какъ ректоръ Іоаннъ все время проживалъ въ Донскомъ монастырѣ. Въ 1753 году *Бродскій* опредѣленъ былъ ректоромъ харьковскаго коллегіума, и по десятилѣтнемъ управленіи онымъ скончался 1763 года[159].

Вольховскій Аѳанасій I. По окончаніи курса наукъ въ Кіевѣ, онъ вызванъ былъ въ проповѣдники московской Академіи, и потомъ опредѣленъ келаремъ въ Троицко-Сергіеву Лавру. Въ 1752 году *Вольховскій* былъ посвященъ въ архимандрита той же Лавры, съ званіемъ члена св. Синода, а чрезъ шесть лѣтъ хиротонисанъ въ епископа тверскаго, откуда въ 1763 году переведенъ въ Ростовскую епархію, гдѣ и скончался 15 февраля 1776 года[160].

Игнатовичъ Ѳеофилъ. одинъ изъ сотрудниковъ знаменитаго своею ревностію по просвѣщенію митрополита Веніамина Пуцекъ-Григоровича. Онъ былъ сынъ священника, и по окончаніи ученія въ Кіевской Академіи, вызванъ Лукою, епископомъ казанскимъ, и въ 1748 году опредѣленъ учителемъ философіи и префектомъ казанской семинаріи. Въ это же время *Игнатовичъ* посвященъ былъ въ архимандриты Зилантова монастыря, и не смотря на многотрудную училищную должность, умѣлъ найти время и способъ обновить, украсить и снабдить всѣмъ нужнымъ ввѣренную ему обитель, почти разрушенную пожаромъ. Когда училище было переведено изъ

Зилантова монастыря, то вмѣстѣ съ нимъ перешелъ и *Игнатовичъ*, въ званіи ректора и преподавателя богословія. *Θеофилъ* первый открылъ эту каѳедру. Въ 1765 году онъ былъ переведенъ въ ставропигіальный Савинъ Сторожевскій монастырь, и чрезъ пять лѣтъ хиротонисанъ въ епископа черниговскаго. По прибытіи на епархію, *Игнатовичъ* засталъ тамошнюю семинарію пробавлявшеюся кое-какъ собственными средствами, и немедленно началъ ходатайствовать объ опредѣленіи ей содержанія, въ чемъ и успѣлъ, доставивъ въ 1786 году училищу годоваго оклада двѣ тысячи рублей. По осмнадцати-лѣтнемъ, благополучномъ управленіи епархіей *Θеофилъ* скончался въ Черниговѣ 27 сентября 1788 года[161].

Илляшевичъ Антоній. Послѣ прохожденія наставническихъ должностей при разныхъ училищахъ, онъ былъ посвященъ въ архимандрита Новоспасскаго монастыря, откуда въ 1748 году рукоположенъ въ епископа вятскаго, гдѣ и почилъ 16 ноября 1755 года[162].

Карпинскій Іакинѳъ родился въ польской украйнѣ около 1723 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ нижнихъ бѣлгородскихъ училищахъ, и потомъ перешелъ въ харьковскій коллегіумъ, откуда, по окончаніи полнаго семинарскаго курса, прибылъ въ Кіевъ, гдѣ слушалъ уроки высшихъ наукъ. По выходѣ изъ Кіевской Академіи, онъ поступилъ въ училищную службу, которую проходилъ въ разныхъ училищахъ, а въ 1744 году принялъ монашество и опредѣленъ префектомъ въ харьковскій коллегіумъ. Съ 1757, по посвященіи въ архимандриты, по 1797 годъ *Карпинскій* былъ настоятелемъ монастырей Дмитровскаго-Борисоглѣбскаго, Переславскаго-Данилова, Сѣвскаго-Преображенскаго, Рыльскаго-Николаевскаго, Коломенскаго-Голутвина, Новогородскаго-Вяжицкаго, Кириллобѣлоезерскаго, Новгородскаго-Юрьева, Московскаго-Донскаго и наконецъ Московскаго же Новоспасска-

го. Въ продолженіи всѣхъ этихъ перемѣщеній онъ былъ ректоромъ семинарій переславской, коломенской, кириллобѣлоезерской, вологодской и новгородской. Памятникомъ ученыхъ его трудовъ осталось *Сокращеніе Догматико-Полемическаго Богословія* на латинскомъ языкѣ, а также *Собраніе поучительныхъ словъ*, говоренныхъ имъ на разные случаи. Кромѣ этого, по порученію князя Потемкина таврическаго, онъ перевелъ на латинскій языкъ духовный регламентъ, съ присовокупленіемъ трактата Прокоповича *о правильномъ разводѣ мужа съ женою*. Въ 1794 году *Карпинскій* былъ пожалованъ въ члены св. Синода, а 29 ноября 1798 года скончался и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ[163].

Козловичъ Іоаннъ, по окончаніи курса наукъ, оставленъ въ Академіи въ должности учителя реторики, а въ 1743 году вызванъ въ префекты московской Академіи, и оставался въ этой должности пять лѣтъ. Въ 1748 году *Козловичъ* произведенъ былъ въ архимандриты Донскаго монастыря, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ ректоромъ того же училища, а черезъ пять лѣтъ хиротонисанъ въ епископа переяславскаго, гдѣ 17 марта 1757 года и скончался[164].

Комаровскій Пракліи. До 1752 года онъ былъ архимандритомъ Троицко Ильинскаго монастыря въ Черниговѣ; а гдѣ и какія до того проходилъ должности — неизвѣстно. Въ означенномъ году *Комаровскій* былъ рукоположенъ въ епископа черниговскаго: но черезъ девять лѣтъ былъ уволенъ на пребываніе въ упомянутый монастырь, гдѣ въ 1761 году и скончался[165].

Конисскій Георгій, знаменитый нашъ витія и защитникъ православныхъ бѣлорусцевъ, страдавшихъ подъ игомъ польскаго владычества, родился 1717 года въ Нѣжинѣ отъ дворянской фамиліи, и до одиннадцати лѣтъ своего возраста обу-

чался въ родительскомъ домѣ. Въ 1728 году онъ былъ записанъ въ Кіевскую Академію, и проходилъ въ ней науки до 1743 года. По окончаніи курса, *Конисскій* въ слѣдующемъ же году принялъ монашество, а въ 1745 опредѣленъ прямо учителемъ піитики. Черезъ два года онъ былъ уже префектомъ Академіи и профессоромъ философіи. Въ этой должности *Конисскій* пробылъ пять лѣтъ, и по удаленіи Ляскоронскаго назначенъ былъ ректоромъ и преподавателемъ богословія съ званіемъ архимандрита Кіевобратскаго монастыря. Въ 1755 году *Конисскій* посвященъ въ Кіевѣ въ епископа могилевскаго, и съ этой-то собственно поры началось многотрудное служеніе его гонимому въ Литвѣ и Бѣлоруссіи православію. Трудно изобразить бѣдственное положеніе, въ какомъ засталъ *Георгій* свою епархію. Все, что драгоцѣнно сердцу человѣческому, чѣмъ дорожитъ всякій, чуждый религіознаго индифферентизма, всѣ права человѣчества были безбожно попираемы. Толпы базиліанъ и доминиканцевъ, съ дерзкой рѣчью въ устахъ, съ мечемъ и огнемъ въ рукахъ, наводняли несчастную бѣлоруссію, обливая ее кровью православныхъ. Святыя иконы и кресты были попираемы ногами, церкви отнимаемы насиліемъ и опустошаемы грабежомъ, священники томились въ тюрьмахъ, въ ямахъ глубокихъ, въ псарняхъ вмѣстѣ съ собаками; ихъ морили голодомъ и жаждою и насмѣшливо давали въ пищу сѣно, безчестили и поносили ихъ женъ и дочерей, и впрягали священниковъ вмѣсто лошадей для возки воды и навоза[166]; цѣлыя семейства были изгоняемы изъ домовъ и скитались безъ пристанища, словомъ: распространители католицизма не щадили ни пола, ни возраста, ни сана, ни званія, не страшились ни суда Божія, ни суда человѣческаго[167].... И въ сію-то лютую годину явился *Конисскій* архипастыремъ могилевскимъ! Сколько нужно было силы духа, чтобъ стать лицомъ къ лицу съ изувѣрствомъ и злобнымъ фанатизмомъ! Сколько сознанія священныхъ своихъ обязанностей и дѣятельности неутомимой, непреклонной! Всего этого достало у *Георгія:* онъ одинъ вы-

шелъ на борьбу съ тысячами ожесточенныхъ, и крѣпкій упованіемъ на Всевышняго, ежеминутно посрамлялъ изступленное изувѣрство кліентовъ папскаго престола.

Униженное и угнѣтенное православное духовенство уже не смѣло и думать объ образованіи дѣтей своихъ: ибо іезуиты строго наблюдали, чтобъ этого не было, и со всей свирѣпостью преслѣдовали тѣхъ, кто осмѣлился бы открыть у себя хоть первоначальную школу. *Конисскій* не убоялся этого и въ 1757 году, чрезъ два лишь года по прибытіи своемъ на паству, открылъ училище, тогда же испросивъ у россійскаго правительства по 400 рублей ежегодно на содержаніе его. Но за то чего онъ не испыталъ отъ изступленныхъ фанатиковъ! Въ іюнѣ 1759 года въ Оршѣ толпа вооруженныхъ пистолетами и саблями едва не убила его въ самомъ храмѣ; чтобъ спастись отъ бѣшенства изувѣровъ, онъ въ телегѣ, прикрытой навозомъ, былъ вывезенъ изъ города[168]. Въ 1761 году доминиканскій миссіонеръ Зеновичъ, вооруживъ іезуитскихъ студентовъ ружьями, саблями, дубинами, напалъ на архіерейскій домъ и семинарію; толпа разломала ворота, била и ломала все, что попадалось, увѣчила монаховъ, учениковъ и прислугу и искала самаго *Конисскаго*, который вынужденъ былъ скрыться въ сырыхъ подвалахъ своего дома[169]. Фанатики, какбы предъ концомъ своимъ, истощали всю лютость и свирѣпость на православныхъ. Но отмщеніе было близко: на престолѣ всероссійскомъ была уже Екатерина Великая...

Ко дню коронованія Императрицы (29 сентября 1762 г.) прибылъ въ Москву и *Георгій Конисскій*. »Сквозь слезы утѣ»шаемся, говорилъ онъ нововѣнчанной Монархинѣ, и въ го»рести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для »чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ; или »бо не можеши сего сотворити намъ, или не соблаговолиши? »Могла въ немощи, можешь въ силѣ. Молимъ, не посрами

»насъ; надежда наша въ отчаяніи нашемъ; спаси насъ десни-»цею твоею[170]«! И Императрица твердо рѣшилась положить конецъ страданіямъ неповинныхъ. А между тѣмъ къ ней поступали слезныя просьбы отовсюду, отъ диссидентовъ польскихъ и литовскихъ. Государыня съ кротостію представляла польскому правительству несправедливости противъ егоже собственныхъ подданныхъ. Но разсмотрѣніе этихъ жалобъ откладывали до сеймовъ, а сеймы не дѣлали ничего.

Между тѣмъ *Конисскій* не переставалъ дѣйствовать и съ своей стороны. Когда, подъ защитою Императрицы, Станиславъ Августъ взошелъ на престолъ, *Георгій* предсталъ предъ нимъ и горячо представилъ ему всѣ страданія православнаго народа и всѣ несправедливости польскаго правительства. »Од-»на только вѣра, говорилъ онъ, ставится намъ въ преступле-»ніе... Христіанъ гнетутъ христіане, вѣрныхъ — вѣрные, бо-»лѣе, чѣмъ невѣрные. Наши храмы, гдѣ прославляется Хри-»стосъ, затворены; а жидовскія синагоги открыты. За то, что »мы не дерзаемъ преданій человѣческихъ ставить наравнѣ съ »вѣчнымъ закономъ Божіимъ, не мѣшаемъ неба съ землею — »насъ называютъ схизматиками, еретиками, отступниками. За »то, что страшимся безстыдно поступать противъ совѣсти, »насъ присуждаютъ въ темницы, на раны, на мечъ, на огонь[171]«! Глухо, но понятно откликнулась на эту пламенную рѣчь вся Европа, прочитавшая ее на всѣхъ языкахъ. *Конисскій* сказалъ въ ней первое слово паденія Польши, а Екатерина II договорила. »Много ли такихъ, какъ вы, умныхъ людей въ Рос-»сіи«? спросилъ *Конисскаго* Станиславъ Августъ, пораженный его рѣчью. — Я самый послѣдній! отвѣчалъ онъ со всею скромностію истинно великаго человѣка.

Въ 1767 году состоялась польская конфедерація, въ которую приглашенъ былъ и *Конисскій* на правахъ члена, и по силѣ 15 статьи акта конфедераціоннаго назначенъ посредни-

комъ суда варшавскаго между православными, католиками и уніатами. Дворы англійскій, прусскій, шведскій и датскій требовали отъ Польши возстановленія правъ иновѣрцевъ: но сеймъ, увлеченный фанатизмомъ краковскаго бискупа Каетана Солтыка, отвергъ требованія пяти дворовъ, и положилъ даже еще болѣе стѣснить свободу вѣроисповѣданія. Такое рѣшеніе произвело всеобщій ропотъ въ польской Пруссіи и въ княжествѣ литовскомъ. Въ Торнѣ и Слуцкѣ составились конфедераціи дворянъ съ протестаціей противъ сейма; кромѣ этого появились союзы въ другихъ мѣстахъ, числомъ около двухсотъ, а *Конисскій* въ томъ же году напечаталъ въ Варшавѣ книгу подъ названіемъ: *Права и вольности жителей Греко-восточную въ Польшѣ и Литвѣ исповѣдающихъ вѣру*. Здѣсь онъ свелъ всѣ узаконенія и постановленія въ пользу православныхъ, изданныя самимъ же польскимъ правительствомъ. Между тѣмъ Императрица издала манифестъ, и повелѣла двинуть войска къ Польшѣ. Король, доселѣ не совсѣмъ согласный съ партіею диссидентовъ, самъ созвалъ сеймъ. Епископы: Солтыкъ, Залуцкій и нѣкоторые другіе продолжали волновать Польшу, предавая гибели свою отчизну. Рѣпнинъ взялъ ихъ подъ стражу и отправилъ въ Калугу. Волненіе утихло. Назначенная Коммиссія, въ присутствіи посланниковъ союзныхъ державъ, разсмотрѣла какъ требованія диссидентовъ, такъ и основные законы Польши. Сеймовымъ постановленіемъ 15 ноября 1767 года положено было отмѣнить всѣ законы противъ диссидентовъ, дозволить имъ свободу вѣроисповѣданія, предоставить воспитывать дѣтей смѣшеннаго брака въ вѣрѣ родителей съ правомъ договора передъ бракомъ, дозволить присутствовать въ Сенатѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма. А между тѣмъ пропаганда папская, вѣдая и злобясь на главнаго виновника такой реформы, настаивала на то, чтобы навсегда закрыть каѳедру могилевскаго епископа и строго запретить православнымъ обращаться съ жалобами своими къ русскому Двору[172]. Но въ тоже время трактатомъ и сепаратнымъ актомъ 13 февраля

1767 года между Россіей и Польшею было постановлено: »Бѣ»лорусскаго епископа навсегда сохранить при восточной вѣрѣ »со всѣми монастырями, церквами и ихъ фундушами, церкви и »монастыри, неправильно отобранные, возвратить неунитамъ со »всѣми угодіями; составить смѣшенный судъ (judicium mixtum) »изъ осми лицъ римскаго и изъ осми православнаго или проте»стантскаго вѣроисповѣданій съ тѣмъ, чтобъ разобрать и рѣшить »дѣла о чинахъ и имуществахъ диссидентовъ«. *Конисскій* назначенъ въ актѣ членомъ смѣшеннаго суда и потомъ сдѣлался президентомъ его. Въ эту пору онъ выписалъ изъ Бѣлоруссіи и Кіева всѣ старинные акты на имущества и должности[173]. Какъ ни пріятно было просвѣщенному ревнителю православія видѣть успѣхъ своихъ неутомимыхъ стараній: но все это касалось только внѣшняго обезпеченія правъ и преимуществъ православныхъ; ему хотѣлось, чтобъ трактатомъ была ограждена свобода совѣсти, чтобъ прямо и безъ околичностей дозволено было оставлять унію тѣмъ, кто приведенъ былъ къ ней насиліемъ. Требовать этого отъ польскаго правительства было нечего, ибо оно ни за что не согласилось бы на это добровольно; а между тѣмъ *Конисскій* зналъ, что оно неспособно и не сильно было предпринимать что либо противъ рѣшительныхъ мѣръ. Для этого *Георгій* обратился къ князю Рѣпнину, и получилъ отъ него согласіе, чтобы желающіе обращаться къ православію объявляли о своемъ желаніи письменно въ мѣстныхъ судахъ, и не упускали случая, до ратификаціи договора, переходить къ истинной Церкви. *Конисскій* немедленно далъ знать объ этомъ чрезъ свою консисторію. Вслѣдствіе сего »многіе приходы, иные вмѣстѣ съ священниками своими въ »воеводствѣ мстиславскомъ и повѣтѣ оршанскомъ, также мно»гочисленныя селенія въ повѣтахъ рѣчицкомъ, мозырскомъ и »минскомъ« прислали просьбы къ *Конисскому* съ желаніемъ оставить ненавистную имъ унію или прямо католичество. А между тѣмъ въ оршанскомъ повѣтѣ снова начались преслѣдованія и мученія обращавшихся къ православію. *Георгій* не

переставалъ представлять объ этомъ то Рѣпнину, то графу Панину[174], въ тоже время докладывая о семъ и варшавскому сейму. Въ началѣ марта 1768 года онъ писалъ къ оберъ-прокурору Мелиссино, увѣдомляя его, что унитскіе епископы уже подали королю меморіалъ о томъ, чтобы онъ снесся съ Императрицею Екатериною по дѣлу о возвращеніи уніатовъ къ грекороссійской церкви; вмѣстѣ съ этимъ просилъ о принятіи православныхъ подъ покровительство Россіи. Но благочестивое требованіе *Георгія* на этотъ разъ мало согласовалось съ государственной политикой, и потому Государыня оставила оное до будущаго времени; тѣмъ не менѣе нѣсколько церквей съ ихъ прихожанами было возвращено въ эту пору православію стараніемъ *Георгія*.

Между тѣмъ дѣло, подвинутое ревностію *Конисскаго*, продолжалось. Напрасно каменецъ-подольскій бискупъ Красинскій, ускользнувшій изъ рукъ Рѣпнина, въ одеждѣ пилигрима, возжигалъ въ Польшѣ фанатическую ненависть къ православнымъ; напрасно Пулавскій открывалъ конфедерацію: русскіе страдали, но спасеніе было близъ: ибо на престолѣ была Екатерина. Въ 1772 году послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши. Но подъ владычествомъ ея еще оставались тысячи православныхъ; тѣснимые и угнѣтаемые они вопіяли о защитѣ, и не смотря на конституцію 1791 года не посрамились въ упованіи своемъ: ибо на престолѣ была Екатерина. Въ 1793 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши. Въ этотъ-то промежутокъ времени *Конисскій* имѣлъ счастіе привѣтствовать Державную благодѣтельницу тѣмъ словомъ, которое съ восторгомъ читала тогда вся Европа, и которое навсегда осталось образцомъ привѣтственныхъ рѣчей[175]. Въ этоже время (1788 г.) *Георгій* довелъ до совершенства открытую имъ еще прежде семинарію, снабдивъ ее наставниками высшихъ классовъ философскаго и богословскаго и языковъ греческаго, еврейскаго и польскаго, для чего вызвалъ изъ Кіевской Академіи студентовъ *Скаль-*

скаго, Богуславскаго, Григоровича, Піючевскаго, Цвѣтковскаго и *Горбачевскаго*, и построилъ для училища огромное зданіе, исходатайствовавъ возвышеніе оклада училищнаго до *двухъ тысячъ пятисотъ* рублей[176].

Наконецъ благочестивому ревнителю вѣры православной и твердому исповѣднику ея суждено было дожить и до послѣдняго дня, когда буйство и фанатизмъ смирились предъ непобѣдимимъ вождемъ Екатерины Великой—безсмертнымъ Суворовымъ. Порадовалась душа его, видя конечное сокрушеніе той стоглавой гидры, которая въ продолженіе цѣлаго вѣка изливала свой губительный ядъ на все святое на землѣ. Трактатомъ союзниковъ 14 ноября 1795 года послѣдовалъ третій и послѣдній раздѣлъ мятежной Польши; двѣ тысячи триста храмовъ сдѣлались собственностью православныхъ, и до двухъ милліоновъ отторженныхъ уніатовъ добровольно и радостно возвратились въ нѣдра отеческой вѣры[177].

Твердый и несокрушимый *Георгій Конисскій* до конца сохранилъ энергію возвышенной души своей. Среди бѣдствій пастыы онъ одинъ оставался неподвижной скалою, о которую разбивались мятежныя волны изувѣрства и фанатизма. Государыня лучше всѣхъ понимала тогда благодѣтельное вліяніе его на дѣла угнетенной Бѣлоруссіи и Литвы. »*Георгій* нуженъ въ Польшѣ«, отвѣчала она Синоду, представлявшему о переводѣ его въ другую епархію. На сеймахъ, въ храмахъ, передъ державными владыками онъ являлся безтрепетнымъ защитникомъ страждущихъ своихъ единовѣрцевъ, и ненависть, возбужденная имъ къ себѣ въ пропагандѣ римской, служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ, какъ крѣпокъ и могучъ былъ этотъ оплотъ вѣры православной.

Наконецъ семидесятиосмилѣтній старецъ приблизился къ закату своей жизни. Съ полнымъ сознаніемъ того, что скончалъ

теченіе свое, какъ благій рабъ и вѣрный, что соблюлъ Вѣру и оградилъ ее семнадцатилѣтнею борьбой своею »съ волками«, нападавшими на стадо Христово, *Конисскій* радостно и безъ смущенія приближался къ тому предѣлу, его же никто не прейдетъ. Припомнилъ онъ старинную свою профессію піитики[178], и на прощанье со свѣтомъ, не задолго до своей смерти, самъ себѣ написалъ эпитафію, полную самаго добродушнаго юмора и истины[179]. 1795 года 13 февраля *Георгій Конисскій* скончался въ Могилевѣ, оставивъ по себѣ вѣчную память, какъ исповѣдникъ и защитникъ православія[180].

Любарскій Варѳоломей. Архіепископъ ярославскій, Арсеній Мацѣевичъ, вызвалъ его изъ Академіи во вновь открытую имъ въ Ярославлѣ семинарію, гдѣ, прошедши всѣ училищныя должности, *Любарскій* достигъ званія ректорскаго и за тѣмъ былъ пожалованъ архимандритомъ Спасо-ярославскаго монастыря. Отсюда въ 1758 году былъ хиротонисанъ въ епископа вятскаго, и скончался 5 іюня 1774 года[181].

Ляшевецкій Кириллъ родился въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Опошнѣ отъ сотеннаго писаря Александра Ляшевецкаго, который послѣ тамъ же былъ и священникомъ. По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, *Кириллъ* вызванъ былъ въ 1742 году къ учительской должности въ московскую Академію, гдѣ и принялъ монашество. Достигнувъ званія префекта, онъ назначенъ былъ намѣстникомъ Троицко-сергіевой Лавры, а 1758 года, по Высочайшему повелѣнію, произведенъ въ архимандрита новоспасскаго монастыря и въ томъ же году пожалованъ епископомъ воронежскимъ, а въ 1761 переведенъ въ Черниговъ, гдѣ 14 мая 1770 года и скончался[182]. *Ляшевецкій* въ свое время славился даромъ проповѣдничества. Сумароковъ, который, по извѣстному самолюбію, всегда былъ скупъ на похвалы, отзывается о семъ архипастырѣ слѣдующимъ образомъ: »сказана »бѣльцомъ нѣкая проповѣдь въ Троицкой Лаврѣ; я не зналъ

»лѣтъ десять послѣ прочтенія оныя, кѣмъ она говорена, и пріѣхавъ нѣкогда въ реченную Лавру, узналъ я нечаянно, что намѣстникъ онаго монастыря есть авторъ тоя прекрасныя повѣди, бывшій потомъ воронежскимъ епископомъ: былъ то Кириллъ Ляшевецкій... сего почтеннаго человѣка всѣ духовныя любили«[183].

Лящевскій Варлаамъ. Митрополитъ Рафаилъ засталъ его въ Академіи уже оканчивающимъ курсъ наукъ, и какъ одного изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ послалъ за границу для большаго усовершенствованія. По возвращеніи оттуда, *Лящевскій* принялъ каѳедру языка греческаго, и первый въ Россіи составилъ греческую граматику, имѣвшую великое множество изданій и принятое за руководство даже въ заграничныхъ училищахъ. Но сверхъ преподаванія означеннаго языка *Лящевскій* былъ и профессоромъ философіи; а въ 1746 году, удостоенный званія префекта Академіи, онъ, по распоряженію Рафаила, занимался преподаваніемъ богословія, вмѣсто Сильвестра Ляскоронскаго, по болѣзни исправлявшаго только ректорскую должность. Слава о *Лящевскомъ*, какъ объ отличномъ еллинистѣ, заставила Синодъ вызвать его въ Петербургъ и поручить ему пересмотръ всѣхъ поправокъ славянской Библіи, сдѣланныхъ учеными его совоспитанниками. *Лящевскій* исполнилъ это важное порученіе почти одинъ, и къ первому изданію исправленной имъ Библіи присовокупилъ предисловіе, содержащее исторію и подробное показаніе всѣхъ поправокъ. Въ 1752 году указомъ св. Синода онъ былъ опредѣленъ ректоромъ московской Академіи, но вскорѣ послѣ того, по разстроенному здоровью, былъ переведенъ съ сохраненіемъ званія ректорскаго и съ титломъ Синодальнаго члена архимандритомъ въ Донской монастырь, гдѣ и скончался 1 мая 1774 года[184].

Миткевичъ Іоасафъ, товарищъ Ямницкаго, вмѣстѣ съ нимъ поступившій на учительскую должность, по вызову прео-

священнаго Амвросія Юшкевича. До 1748 года онъ былъ учителемъ реторики, и по кончинѣ своего друга, въ званіи префекта, исправлялъ должность ректора и преподавателя богословія. Восемь лѣтъ несъ онъ училищную должность и потомъ переведенъ былъ архимандритомъ хутынскаго монастыря, а черезъ два года рукоположенъ въ епископа бѣлоградскаго и курскаго. Послѣ пятилѣтняго управленія сею епархіей, *Іоасафъ Миткевичъ* скончался 30 іюня 1763 года[185].

Могилянскій Евстафій, родной братъ кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, родился въ Полтавѣ, обучался въ Кіевѣ, а дослушивалъ уроки въ харьковскомъ коллегіумѣ подъ руководствомъ вызваннаго туда изъ здѣшней Академіи ректора Митрофана Слотвинскаго. Когда Лука Конашевичъ, епископъ великоустюжскій, 1738 года, заводилъ у себя семинарію, то вызвалъ *Могилянскаго:* но чрезъ нѣсколько времени Слотвинскій, назначенный ректоромъ московской Академіи, перезвалъ его къ себѣ и доставилъ въ Москвѣ священническое мѣсто. Отличный даръ проповѣдничества пріобрѣлъ ему обширную извѣстность; въ 1748 году *Могилянскій* былъ взятъ проповѣдникомъ ко Двору, и черезъ годъ пожалованъ протоіереемъ въ Полтаву. Въ 1761 году, лишившись супруги, онъ принялъ монашество и нареченъ *Епифаніемъ,* и черезъ два года произведенъ въ архимандриты нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря, откуда 1768 года переведенъ въ Кіево-михайловскій, а черезъ годъ въ Кіево-николаевскій, гдѣ и скончался[186].

Нащинскій Давидъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Съ юныхъ лѣтъ поступивъ въ Кіевскую Академію и прошедши первые только классы, онъ отправился въ заграничныя галицкія и саксонскія училища, откуда по возвращеніи на родину, снова поступилъ въ Академію для изученія языковъ латинскаго, нѣмецкаго, потомъ поэзіи, реторики и философіи. Въ эту же пору онъ постригся въ монашество и по-

лучилъ при Академіи мѣсто префекта. Черезъ четыре года послѣ сего онъ былъ посвященъ архимандритомъ въ бывшій тогда подъ владычествомъ Польши слуцкій Троицкій монастырь: но въ 1758 году былъ вытребованъ въ Академію на вакансію ректора и профессора Богословія. Въ 1761 году *Нащинскій* переведенъ въ гамалѣевскій Харлампіевъ, а черезъ восемь лѣтъ въ глуховскій, и наконецъ въ 1772 году въ ставропигіальный Бизюковъ монастырь въ Смоленскѣ, откуда, по разстроенному здоровью, испросилъ себѣ увольненіе, и пенсіонеромъ отошелъ въ Кіево-печерскую Лавру, въ которой 5 мая 1793 и скончался. Въ свое время *Нащинскій* пользовался славою превосходнаго проповѣдника: но болѣе всего онъ замѣчателенъ, какъ отличный латинистъ и знатокъ нѣмецкаго языка. Переводами нѣкоторыхъ сочиненій Прокоповича онъ познакомилъ Европу съ этимъ геніальнымъ человѣкомъ, къ которому самъ питалъ полное уваженіе[187].

Огинскій Гавріилъ, уроженецъ черниговскій, сынъ священника. Выслушавъ курсъ наукъ въ тамошней семинаріи, онъ поступилъ потомъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и принялъ монашество; отсюда, по окончаніи высшихъ школъ, *Огинскій* былъ отправленъ въ Александро-невскую семинарію къ должности профессора философіи, и за отличное преподаваніе сей науки возведенъ въ званіе префекта. Въ 1761 году онъ былъ произведенъ въ архимандриты Сійскаго монастыря, гдѣ скончался 26 генваря 1779 года[188].

Сковорода Григорій Савичъ[189], нашъ оригинальный мыслитель, нашъ народный философъ, родился въ селѣ Чернухахъ, кіевскаго намѣстничества лубенскаго округа, отъ тамошняго священника. Богомольный и усердный къ церкви Божіей, *Сковорода*, еще не умѣя читать, выучился на клиросѣ, церковному пѣнію, и потомъ уже началъ брать уроки грамоты у приходскаго дьячка. Быстрыя способ-

ности, не удовлетворяемыя скудными свѣдѣніями домашняго наставника, заставили родителя *Сковороды* отослать его въ Кіевскую Академію. Здѣсь юный пришлецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе дирижера пѣвческой капелліи и немедленно поступилъ въ хоръ, а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При возшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи; *Сковорода* попалъ туда изъ первыхъ. Но страсть къ познаніямъ и къ изученію наукъ болѣе серьезныхъ томила его неустанно, и когда Императрица посѣтила Кіевъ, въ сопровожденіи своей капелліи, *Сковорода* рѣшительно отказался отъ возвращенія въ Петербургъ и ревностно началъ хлопотать объ увольненіи изъ пѣвческаго хора. Къ счастію, ему удалось это, и выпущенный съ званіемъ придворнаго уставщика, *Сковорода* опять поступилъ въ Академію. Сознательно уже принялся онъ теперь за изученіе того, что въ дѣтскихъ лѣтахъ было дѣломъ больше школьной ферулы, и быстро проходилъ классы, изумляя всѣхъ обширностью и многосторонностью своихъ свѣдѣній. Не въ примѣръ прочимъ, онъ отлично изучилъ, кромѣ латинскаго, языки греческій и нѣмецкій, весь погружался въ философскія изслѣдованія, и часто послѣ чтенія находили его въ какомъ-то восторженномъ состояніи созерцавшаго дивныя красоты природы. Изъ этой-то книги почерпнулъ *Сковорода* ту мудрость, которая сдѣлала его единственнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ ученой и образованной Украйны; для ней-то изучалъ онъ все, что попадало подъ руку, почитая всѣ науки буквами одной азбуки, которая годна лишь для того, чтобъ выучиться читать великую книгу природы. Музыка и поэзія были любимымъ и самымъ лучшимъ его отдохновеніемъ. Въ минуты поэтическаго восторга онъ становился какимъ-то тайновидцемъ, весь міръ созерцая въ Руси святой, все человѣчество въ одномъ русскомъ народѣ. »Когда »умъ мой, говорилъ онъ, и сердце мое водворяются въ домѣ, »который Премудрость создала себѣ во святой Руси, когда я

»упиваюсь отъ тука дому сего, я блаженъ, какъ тотъ, который »имѣетъ племя въ Сіонѣ; въ горней Руси я вижу все новое, »новыхъ людей, новую тварь, новое твореніе, новую славу. О, »какъ мнѣ тогда и легко, и весело, и мило, и любо, и вольно! »Мысль моя летаетъ безпредѣльно, въ высоту, въ глубину, въ »широту; не мѣшаютъ ей ни горы, ни моря, ни степи; она про»видитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядываетъ въ »прежлебывшее, объемлетъ сущее, проникаетъ въ будущее, ше»ствуетъ по лицу океана, входитъ сквозь двери затворенныя; »глаза ея голубые, крылья орлиныя, проворность оленья, дер»зость львиная, вѣрность горличная, благодарность пеларгова, »незлобіе агнцево, быстрота соколья, бодрость журавляя; ве»детъ же ее духъ вкуса, духъ вѣры, духъ надежды, духъ ми»лосердія, духъ свѣта, духъ прозрѣнія, духъ чистосердія; обле»кается она въ гласъ грома, въ слово нечаянное, какъ молнія. »О, какъ тяжко и грустно изъ сей горней страны обращаться »долу, гдѣ мудрецы очами бочутъ (таращатъ глаза), устами »гогочутъ, что мнится бѣсы ихъ мучатъ, и шевелятся и кра»совуются, яко обезьяны, козлогласуютъ и велерѣчатъ, аки »римская цитерія, чуютъ, аки кумиръ, мудруютъ, аки идолъ, »осязаютъ, аки кротъ преисподній, торкаютъ (щупаютъ) аки »безокій, у котораго слѣпыя очи, гордятся, аки безумный, из»мѣняются, аки луна, труждаются, аки сатана, паучаются, аки »паучина, алкаютъ, аки песъ, жадны, аки водяная болѣзнь, лу»кавы, аки змѣй, ласкательны, аки крокодилъ, постоянливы, »аки море, вѣрны аки вѣтеръ, надежны, аки ледъ, разсыпаются, »аки прахъ, изчезаютъ, аки сонъ. И се люди? Люди!.. Колико »же есть Гловацкихъ, у нихъ же нѣсть главы«!...

Съ такой неутомимой жаждой вѣчнодѣятельнаго духа, съ такимъ недовольствомъ всѣмъ, что окружало *Сковороду,* немудрено, что онъ порывался въ другія страны извѣдать свѣтъ, людей посмотрѣть. Судьба помогла ему въ этомъ. Генералъ-майоръ Вишневскій, отправленный отъ Двора въ Венгрію, же-

лалъ имѣть для находившейся тамъ православной церкви человѣка, знающаго церковное пѣніе. *Сковорода,* какъ отличный знатокъ этого, и сверхъ того въ совершенствѣ обладавшій нѣсколькими языками, рекомендованъ былъ академическимъ начальствомъ Вишневскому, и такимъ образомъ исполнилось пламенное желаніе нашего философа. *Сковорода* отправился въ Венгрію. Скоро Вишневскій увидѣлъ высокія достоинства своего спутника, и началъ уже смотрѣть на него, не какъ на причетника, а какъ на ближайшаго себѣ друга. Онъ далъ ему средства совершить путешествіе въ Вѣну, Пресбургъ и въ другія мѣста Германіи. Жаднымъ и разумно-испытательнымъ взоромъ окидывалъ *Сковорода* дива дивныя рукъ человѣческихъ; благоговѣйно преклонялся предъ величіемъ Бога, вся премудростію сотворившаго, и спѣшилъ въ пантеоны человѣческаго знанія, наполненные учеными мужами Германіи. Свѣдѣнія въ языкахъ помогли ему въ дѣлѣ образованія себя, а крѣпкій и здравый умъ обратилъ на *Сковороду* почтительное вниманіе всѣхъ извѣстнѣйшихъ тогда ученыхъ. Ему предложили занять каѳедру въ одномъ изъ какихъ нибудь университетовъ заграничныхъ: но вѣрный своему призванію, онъ не захотѣлъ чуждой славы и воротился въ отечество. Никодимъ Сребницкій, епископъ переяславскій, свѣдавъ о прибытіи *Сковороды,* котораго зналъ лично, уговорилъ его принять должность учителя поэзіи въ тамошней семинаріи, а для поддержанія его въ финансовомъ отношеніи доставилъ мѣсто наставника въ домѣ помѣщика Тамары. Съ однимъ изъ сыновей его *Сковорода* поѣхалъ въ Москву: но обижаемый прислугою своего патрона и даже самой госпожею, онъ отказался играть двусмысленную роль полубарина, и по приглашенію школьнаго своего сотоварища Кирилла Флоринскаго, поступилъ въ московскую Академію учителемъ. Но не то было призваніемъ *Сковороды,* не тѣсная аудиторія долженствовала быть его поприщемъ, а зала большая, безъ стѣнъ, у которой есть только земь да потолокъ. Сгрустнулось *Григорію Савичу* и по своей родинѣ. Поблагодаривъ друга и благодѣ-

теля своего Флоринскаго, онъ взялъ страннический посохъ и пошелъ, куда глаза глядятъ. Но еще не созрѣло въ немъ то, что потомъ составило задачу всей его жизни. Походивъ по разнымъ мѣстамъ, погостивъ у добрыхъ людей, *Сковорода* въ 1759 году опредѣлился учителемъ въ харьковскій коллегіумъ. Здѣсь опять онъ сошелся съ однимъ изъ школьныхъ товарищей Іоасафомъ Миткевичемъ, бывшимъ тогда епископомъ курскимъ и бѣлоградскимъ. Внимательный архипастырь съ особенною любовію принялъ неугомоннаго странника, и снисходя къ его странностямъ, искренно полюбилъ *Сковороду* за глубокія его познанія, кротость, тишину души и необыкновенное самоотверженіе. Тутъ *Сковорода* познакомился съ М. И. Ковалинскимъ, тогда молодымъ человѣкомъ, съ свѣтлой душой и поэтической настроенностью[190]. Ковалинскій любилъ слушать *Сковороду*, но не соглашался съ его убѣжденіями; любилъ сердце его, но боялся разума; почиталъ правила его жизни, но не соглашался приложить къ себѣ, находя ихъ противорѣчащими общепринятымъ обычаямъ; а свойственное всякому человѣку самолюбіе не позволяло ему признать себя ученикомъ такого пролетарія. Въ одну изъ такихъ минутъ Ковалинскій увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя начертанія трехъ отроковъ, ввержденныхъ Новуходоносоромъ въ пещь огненную — Ананіи, Азаріи и Мисаила; отъ этихъ трехъ словъ на *Сковороду*, стоящаго съ воздѣтыми къ небу руками, сыпались искры, изъ которыхъ немногія упадая и на Ковалинскаго, производили въ немъ какую-то легкость, спокойствіе, бодрость и довольство духа. Ковалинскій разсказалъ этотъ сонъ старцу, Троицкому священнику Б., у котораго онъ жилъ. »Молодой »человѣкъ! сказалъ ему священникъ: слушайся этого мужа; онъ »данъ тебѣ отъ Бога въ руководителя и наставника«. Съ этой минуты Ковалинскій предался всей душою своему другу, и открыто назвалъ себя ученикомъ *Сковороды*. »Три отрока, го»ворилъ потомъ ему *Григорій Савичъ*, ввержденные въ пещь ог»ненную, суть три великія способности человѣка: умъ, воля и

»дѣяніе, не покаряющіеся злому духу міра, не сгарающіе отъ »огня любострастія, но хранимыя духомъ въ непорочности сердца »и души«. Епископъ Іоасафъ предложилъ ему, на другой годъ его учительства, вступить въ монашество: но *Сковорода* рѣшительно отказался отъ этого и даже оставилъ свои занятія по училищу. Харьковскій губернаторъ Е. А. Щербининъ, залучившій его какъ-то разъ къ себѣ, спросилъ между прочимъ: отъ чего онъ не изберетъ себѣ никакого извѣстнаго состоянія? »Міръ подобенъ театру, отвѣчалъ *Сковорода;* чтобъ представлять »въ немъ съ успѣхомъ и похвалою, должно брать роли по способно»стямъ: ибо дѣйствующее лицо пріобрѣтаетъ похвалу не по знат»ности роли, но за удачную игру. Неспособный представлять ни »какого лица, кромѣ простоты и смиренія, я самъ избралъ эту »роль, и доволенъ собою«. Въ 1764 году *Сковорода* съ другомъ своимъ Ковалинскимъ пріѣзжалъ въ Кіевъ; многіе изъ родственниковъ и сотоварищей его, находившіеся уже въ числѣ братіи Лаврской, предлагали и ему вступить въ монашество. »Нѣтъ, говорилъ *Скоровода*, не закрою я моего грѣшнаго сердца свя»щенною ризою«, и поклонившись св. угодникамъ печерскимъ, да приснопамятному мѣсту своего образованія, возвратился въ Харьковъ.

Но по странному капризу характера, *Сковорода* не могъ долго уживаться съ однимъ человѣкомъ, какъ бы ни любилъ его. Онъ становился скученъ, а этого уже достаточно было, чтобъ перемѣнить себѣ собесѣдника. Такъ случилось и съ Ковалинскимъ. Безъ всякаго со стороны его повода, *Сковорода* вдругъ оставилъ его и поселился на пасекѣ Гужвинской близъ Харькова, принадлежавшей помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ онъ особенно любилъ. Узнавъ о нечаянномъ прибытіи оригинальнаго странника, Земборскіе озаботились предоставленіемъ ему всякихъ удобствъ: но *Сковорода* рѣшительно отказался отъ всего, прося оставить его въ покоѣ. Углубившись въ самую средину лѣса, онъ предался совершенному безмолвію и само-

размышленію; плодомъ этого были два огромныя нравственно-философскія сочиненія, изъ которыхъ одно названо имъ *Наркисъ* или познай себя, а другое *Асхань* или познай самаго себя[191]. Кончивъ эту работу, *Сковорода* переѣхалъ къ Сошальскимъ въ деревню ихъ Гусинку, гдѣ также поселился на пасекѣ, избравъ себѣ самое уединенное мѣсто.

Не должно, однакожъ, думать, чтобъ нашъ философъ никогда не покидалъ своего уединенія. Онъ не любилъ только являться въ свѣтское общество, за то весьма часто можно было видѣть его среди поселянъ. Изучая ихъ нравы и обычаи, прислушиваясь къ народному говору, *Сковорода* въ простой свиткѣ съ »видлогою« и торбой за плечами, съ дудкой за поясомъ, съ костылемъ въ рукахъ, разговаривалъ съ простодушными и добрыми своими слушателями и передавалъ имъ самыя возвышенныя правила христіанской нравственности, приспособляясь самымъ удивительнымъ образомъ къ ихъ понятіямъ. Такъ, напримѣръ, желая вразумить своихъ слушателей о троякомъ познаніи самаго себя, во первыхъ, какъ бытія самоличнаго, самособнаго, онъ говоритъ: »вспомни пословицу: всякъ Еремѣй про »себя разумѣй. Всякъ, то есть, долженъ узнать себя, свою »природу: что она ищетъ? куда ведетъ и какъ ведетъ, да по»томъ и слѣдовать ей безъ всякаго отнюдъ насилія, но и съ »глубочайшимъ покореніемъ. Конь ли ты? Вози ѣздока. Волъ »ли ты? Носи яремъ. Песъ ли борзой? Лови зайцы. Дацкой ли? »Дави медвѣдя«. Другой актъ самопознанія какъ бытія общежительнаго, гражданственнаго, составляющаго именно то, что мы теперь называемъ народностью, *Сковорода* объясняетъ съ своей публичной каѳедры слѣдующимъ образомъ: »всякъ »долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русъ ли ты?— »будь имъ; вѣрь православно, служи Царицѣ правно, люби бра»тію нравно. Нѣмецъ ли ты?—нѣмечествуй. Французъ ли ты?— »французуй. Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, »и все красно, что чисто природно, сирѣчь, не поддѣлано, не

»подмѣшано, но по своему роду. Не будь ни теплъ ни холо»денъ. Русь не русская видится мнѣ диковинкою, какъ если»бы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ или съ собачьей »головою«. Переходя къ третьему акту самопознанія, какъ бытія сотвореннаго по образу и по подобію Божію, *Скоровода* говоритъ своимъ слушателямъ словами свящ. писанія, вослицая въ благоговѣйномъ поклоненіи тайнамъ премудрости Божіей: »о Боже! коль не слична мусикія безъ Святаго Духа Твоего«!

И при всей такой мудрости, *Сковорода* былъ въ высшей степени скроменъ. Прикрывая глубокія мысли одеждой простонароднаго нарѣчія, не чуждаясь даже площадныхъ поговорокъ, онъ называлъ свое ученіе »блинкомъ бѣлымъ, спеченнымъ на черной сковородкѣ, тканкою и плеткою простонародною«. Онъ гордился именемъ друга поселянъ, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. »Надо мною »позоруются, говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ баютъ, »что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть »свѣточа,— пускай баютъ; на меня глумятся, аки я звонарь »для глухихъ, а глухому не до гулу,— пускай глумятся: они »знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя »тяга мнѣ успокоеніе«. Самъ научившись мудрости изъ великой книги природы, *Сковорода* внушалъ строго держаться ея законовъ и не насиловать того, что само собою должно вырости при надлежащемъ надзорѣ и уходѣ. »Всякое дѣло, училъ онъ, спѣетъ собою, и наука спѣетъ собою. Клубокъ самъ собою покатится съ горы, прими только камень, который ему мѣшаетъ катиться; не учи его этому, а только пособляй. »Коликое »идолопоклонство, замѣчаетъ онъ, восписывать выписнымъ му»дрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ нѣмецъ и французъ си»лу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію! Свое »воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огнь »и свѣтъ невидимкою утаился въ кремешкѣ. Приставь же губ»ку либо трутъ, не пожалѣй же руки и ударь кресаломъ, и

»выкресешь огонь у себя дома и не будешь ходить по сосѣ»днимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: позычь-де »мнѣ огню. Барская умность, аки бы простой народъ есть »черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ назва»ныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой ма»тери раждать живыхъ дѣтищъ? И какъ изъ утробы чернаго »народа вылонились бѣлые господа? Мудрствуютъ: простой на»родъ спитъ. Пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатыр»скимъ спитъ: но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, »тотъ не мертвечина, не трупище околѣвшее. Когда выспит»ся, то проснется; когда намечтается, то очутится и забодр»ствуетъ«.

Сковорода нигдѣ не имѣлъ опредѣленнаго пристанища; онъ вездѣ являлся гостемъ, да и то не надолго; ничего не называлъ своимъ, кромѣ пріобрѣтенныхъ имъ познаній; довольствовался самымъ малымъ: »добрый человѣкъ, говорилъ онъ, »вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду дастъ ему »земля безъ платы; лишнее не нужно«. Это былъ вольный гость міра: »мнѣ не нужны, писалъ онъ, подорожныя; я от»важно вступаю въ море не для прогулки, чтобъ вилять изъ »губы въ губу, но чтобъ объѣхать землю и открыть новый »свѣтъ«. Гдѣ бы ни располагался онъ на гостеванье, вездѣ выбиралъ уединенный уголокъ,— самъ себѣ слуга и господинъ.

Лѣтомъ 1770 года *Сковорода* пріѣхалъ съ Сошальскими въ Кіевъ и остановился у родственника ихъ Іустина, настоятеля китаевской пустыни. Около трехъ мѣсяцевъ прожилъ онъ здѣсь, покланяясь святынѣ кіевской и собирая вокругъ себя толпы любопытныхъ, которыхъ онъ поучалъ свойственнымъ ему образомъ. Ученые смотрѣли на него неблагосклонно, считая юродивымъ, и встрѣчали насмѣшками; въ отвѣтъ на это *Сковорода* игралъ имъ на дудкѣ. Однажды,—это уже было въ августѣ,— спускаясь съ Стараго Кіева на Подолъ и дошедши

до того мѣста, гдѣ нынѣ Андреевская церковь, онъ вдругъ поворотилъ назадъ, какъ будто по велѣнію какой-то силы; отошедши отъ прежняго мѣста на значительное разстояніе, онъ опять пошелъ къ нему и опять воротился. Желая однакожъ побѣдить въ себѣ такую странную нерѣшительность, *Сковорода* пошелъ тверже тѣмъ спускомъ: но вдругъ побѣжалъ назадъ, заткнувъ нюсъ и съ ужасомъ повторяя, что онъ слышитъ запахъ отъ труповъ. Совершенно разстроенный, онъ пересказалъ это Сошальскимъ, и тотчасъ началъ собираться въ дорогу, говоря что въ Кіевѣ будетъ чума. Напрасно успокоивали его, что опасаться нечего, что о чумѣ и слуху нѣтъ: *Сковорода* ничего не слушалъ, и въ тотъ же день ушелъ пѣшкомъ изъ Кіева прямо въ Ахтырку. И дѣйствительно, 3 сентября открылась въ Кіевѣ опустошительная моровая язва.

Подъ конецъ жизни своей, *Сковорода* отправился въ село Хотетово, отстоящее отъ Орла въ двадцати пяти верстахъ, къ одному изъ своихъ благопріятелей, который предлагалъ ему домъ свой и всѣ удобства жизни. Но не прошло трехъ недѣль, какъ *Сковорода* стосковался по своей Украйнѣ, и не смотря на убѣжденія друзей, на болѣзнь и трудности пути, поѣхалъ, повинуясь, какъ онъ говаривалъ, *духу своему*, который для него былъ нѣчто въ родѣ Сократова духа-хранителя (*δαίμων*). Прибывъ въ Курскъ, онъ остановился отдохнуть отъ труднаго пути у архимандрита Амвросія; отсюда отправился въ любимую свою пустынь Гусинку: но въ дорогѣ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ Ивановку, слободу Ковалинскаго. Здѣсь *Сковорода* и окончилъ странничество свое. Въ полномъ сознаніи исполнивъ святой долгъ православнаго христіанина, *Григорій Савичъ* скончался 1794 года. Предъ кончиною, онъ завѣщалъ похоронить себя на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна и начертать на могильномъ камнѣ: *міръ ловилъ меня, но не поймалъ*[192]. *Сковорода* оставилъ послѣ себя множество нравственно-философскихъ сочиненій. По духу

и направленію своего философствованія, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ любомудровъ, которые слывутъ подъ именемъ теософовъ. Впрочемъ религіозный мистицизмъ, проникающій всѣ его творенія, отнюдь не имѣетъ той заносчивости, какую всегда обнаруживаетъ умъ, какъ скоро вноситъ свѣточъ свой въ область истины, мнимо-самостоятельно имъ постигаемой. Мистицизмъ *Сковороды* былъ плодомъ безмолвія и постояннаго размышленія, согрѣваемаго молитвой и искреннею любовію къ ближнимъ. Ученіе его не было ни подражаніемъ иноземному, ни продолженіемъ прежденаннаго, но все отъ перваго до послѣдняго слова свое, самородное. *Сковорода* не любилъ, чтобъ его съ кѣмъ нибудь сравнивали: »меня, говорилъ онъ, хотятъ »мѣрить Ломоносовымъ, какъ будто Ломоносовъ казенная са»жень, которою всякаго также должно мѣрить, какъ портной »однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу и шелковую матерію и ря»днину«. При всемъ томъ, по справедливому замѣчанію архимандрита Гавріила, нельзя не видѣть необыкновеннаго сходства его съ древнимъ Сократомъ. Умственная жизнь обоихъ развивалась совершенно изъ одинаковыхъ началъ—энтузіазма и иронiи; какъ у того, такъ и у другаго энтузіазмъ былъ положительнымъ элементомъ жизни, погружавшимъ конечное ихъ сознаніе въ одушевленное ясновидѣніе безконечнаго, а иронія—отрицательнымъ, представлявшимъ нѣкоторыя явленія міра нравственнаго, какъ ошибку противъ вѣчныхъ законовъ истины и добра. Тотъ и другой основнымъ началомъ и условіемъ всякаго вѣдѣнія поставляли самопознаніе, но съ той разницей, что Сократъ толковалъ Грекамъ міръ предлежательный и подлежательный по гаданіямъ только человѣческаго смысла, а *Сковорода* сверхъ этого изъяснялъ тоже самое по откровеніямъ небеснаго разума. Подобно Сократу, онъ не любилъ ограничиваться ни мѣстомъ, ни временемъ, а училъ на распутіяхъ, на торжищахъ, на кладбищахъ, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда, по его выраженію, »скачетъ пьяная воля, »и во дни страды, когда въ бездождіе потъ поливаетъ землю«.

Сковорода вездѣ умѣлъ находить слышимую ему внутри и осязаемо понимаемую идею истины. Въ энтузіастическомъ ясновидѣніи ему казалось, что духъ его, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какбы осязаетъ вселенную въ ея безконечности, слышитъ ее со стороны вѣчности и видитъ въ ней несокрушимую идею Всемогущаго. И вдругъ послѣ такихъ ѳеософическихъ размышленій, мѣткая иронія молніей скользила по всему, что раскрывалось духовнымъ очамъ, и изъ міра созерцательнаго мгновенно погружала внимательнаго слушателя въ омутъ обыденной жизни. Сія-то иронія, бывъ принята за положительное начало философіи нашего самобытнаго мыслителя, уронила достоинство его въ обществѣ и мірѣ оффиціально-ученомъ. Нельзя не пожалѣть, что многочисленныя сочиненія *Сковороды,* исключая нѣкоторыхъ его писемъ, остаются доселѣ неизвѣстными свѣту и ненапечатанными[193].

Сломинскій Гедеонъ. Служба его началась въ томъ мѣстѣ, гдѣ самъ онъ получилъ окончательное образованіе. Состоя преподавателемъ реторики, онъ исправлялъ въ тоже время должность профессора философіи, замѣняя собою Лящевскаго, занимавшаго воспитанниковъ Академіи уроками богословскими, вмѣсто Ляскоронскаго. Въ 1747 году *Сломинскій* былъ вызванъ въ Петербургъ, для пересмотра исправленной библіи: но къ сожалѣнію, захворалъ тамъ, и не могъ участвовать въ работѣ, сполна доставшейся на долю его сотрудника Варлаама Лящевскаго. *Сломинскому* предложена была ректура Троицко-Сергіевской семинаріи, съ обязательствомъ докончить сочиненіе о обрядахъ церковныхъ. Въ 1748 году онъ назначенъ былъ ректоромъ московской Академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря: но черезъ три года получилъ настоятельство надъ черниговскимъ елецкимъ монастыремъ. Такое назначеніе крѣпко не понравилось *Гедеону;* онъ счелъ это »великой деградаціей« для себя и начисто отказался ѣхать въ Черниговъ. Снисходя къ слабости здоровья *Сломинскаго*, Си-

нодъ предоставилъ ему Бизюковъ монастырь: но *Гедеонъ* опять не согласился и просилъ позволенія жить на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ. Синодъ и на этотъ разъ исполнилъ его просьбу, назначивъ 300 рублей годоваго оклада и предписавъ заняться окончаніемъ порученнаго ему сочиненія. *Гедеонъ* однакожъ не успокоился; онъ сталъ проситься къ бывшему своему товарищу по Академіи *Аѳанасію Вольховскому*, епископу тверскому; тогда видя, что нѣтъ конца притязаніямъ *Сломинскаго*, св. Синодъ назначилъ его настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря, въ которомъ онъ и скончался 1772 года[191].

Слотвинскій Митрофанъ. По окончаніи курса, онъ вмѣстѣ съ другими былъ вызванъ изъ Академіи въ учители новооснованнаго харьковскаго коллегіума. Какія первоначально проходилъ онъ должности—неизвѣстно: но только въ 1739 году мы уже видѣли его префектомъ и потомъ ректоромъ. Въ этомъ же послѣднемъ званіи *Слотвинскій* былъ переведенъ въ Академію московскую, откуда былъ рукоположенъ въ епископа тверскаго. Ему обязана семинарія тамошняя своимъ основаніемъ; ученый и внимательный къ наставникамъ и ученикамъ, *Митрофанъ* въ короткое время успѣлъ поставить ее на степень лучшихъ. Полезные труды архипастыря сего взысканы были Монаршею милостію; въ 1744 году онъ былъ пожалованъ званіемъ архіепископа. Въ трудахъ и подвигахъ святительскихъ *Митрофанъ Слотвинскій* скончался 7 декабря 1752 года[195].

Собковскій Парѳеній. Послѣ прохожденія низшихъ учительскихъ должностей при Кіевской Академіи, онъ былъ вызванъ въ новгородскую семинарію на каѳедру реторики, а въ 1750 году получилъ званіе префекта и вслѣдъ за тѣмъ ректора того же училища. Шесть лѣтъ проходилъ онъ эту должность, и въ 1756 году пожалованъ игуменомъ Антоніева монастыря, а черезъ два года переведенъ въ Хутынь, съ оставленіемъ при немъ и прежней обители. Находясь въ этой дол-

жности, *Парѳеній* 1759 года былъ хиротонисанъ въ викаріи митрополиту Димитрію Сѣченову, съ нареченіемъ епископомъ кексгольмскимъ и ладожскимъ, а черезъ полтора года переведенъ въ Смоленскъ. Паства его страдала въ эту пору подъ игомъ польскаго правительства, и терзаемая изувѣрами и фанатиками, представляла собою стадо, въ которомъ безнаказанно свирѣпствовали хищные волки. По этому *Парѳенію* выпала почти такая же доля, какъ и собрату его по школѣ и іерархической степени Георгію Конисскому, и онъ соревновалъ ему въ великихъ подвигахъ защиты гонимаго православія. Принявъ въ свое непосредственное покровительство семинарію, почти, падшую отъ безконечныхъ преслѣдованій враговъ вѣры истинной, *Парѳеній* успѣлъ возстановить ее, исходатайствовавъ въ 1765 году у Синода жалованья по 816 р. 23¾ копѣйки, а въ въ 1780 ровно 2000 рублей. Болѣзнуя душою о невѣжествѣ, въ какое было приведено смоленское духовенство злобными преслѣдованіями уніатовъ и подстрекателей ихъ іезуитовъ, *Парѳеній* вмѣстѣ съ Георгіемъ Конисскимъ составилъ книгу *о должностяхъ приходскихъ священниковъ*, одобренную св. Синодомъ и тотчасъ, по отпечатаніи, разосланную по всѣмъ церквамъ россійской имперіи. Замѣчательно, что оба сіи великіе свѣтильника церкви бѣлорусской скончались въ одномъ году и почти въ одномъ мѣсяцѣ. *Парѳеній Собковскій* умеръ 7 марта 1795 года[196].

Тодорскій Симонъ родился близъ Кіева 1700 года сентября 1, и первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ родительскомъ. Семнадцати уже лѣтъ поступилъ онъ въ Кіевскую Академію и быстро началъ проходить всѣ низшія школы; въ десять лѣтъ *Тодорскій* уже окончилъ полный курсъ наукъ, и 1727 года отправился въ заграничныя училища на свой счетъ. Здѣсь въ теченіи трехъ лѣтъ переходилъ онъ изъ одной Академіи въ другую, и наконецъ вступилъ въ гальскій университетъ. Рафаилъ Заборовскій, свѣдавъ о такой ревно-

сти *Тодорскаго*. къ просвѣщенію послалъ ему свое благословеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ продолжать науку, не заботясь о средствахъ содержанія, которыя архипастырь бралъ на себя. Обезпеченный такимъ образомъ, молодой ученый еще болѣе усилилъ свои занятія, и подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ профессоровъ изучилъ догматику, экзегетику, физику и много другихъ наукъ. Но особенно въ немъ обнаружилась необыкновенная способность языкознанія. Между серьезными и головоломными занятіями, онъ успѣлъ усвоить себѣ въ совершенствѣ языки греческій, еврейскій и еще нѣкоторые восточные, а на нѣмецкомъ говорилъ какъ на своемъ отечественномъ. Михаэлисъ, знаменитый оріенталистъ того времени, дорожилъ дружбою *Тодорскаго*, и отзывался объ немъ, какъ объ ученѣйшемъ человѣкѣ. Въ бытность свою за границей онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ книгу Іоанна Арндта *объ истинномъ христіанствѣ*, изданную въ Галлѣ иждивеніемъ Императрицы Анны Іоанновны, которая прислала для этого переводчику 600 рублей. Впрочемъ, эта книга была запрещена въ царствованіе Елисаветы Петровны св. Синодомъ. Тамже *Тодорскій* напечаталъ и другой свой переводъ книжки Анастасія проповѣдника: *Наставленіе къ истинному познанію и душеспасительному употребленію страданія и смерти Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа*. На возвратномъ пути въ Россію, въ 1737 году, *Тодорскій* въ Бѣлградѣ былъ упрошенъ греческими купцами преподавать имъ Законъ Божій, что и исполнялъ онъ въ теченіи цѣлаго года. Возвратившись потомъ въ Кіевъ, *Тодорскій* явился къ архіепископу Рафаилу, который немедленно поручилъ ему преподаваніе еврейскаго, нѣмецкаго и греческаго языковъ, съ философическими истолкованіями послѣдняго изъ нихъ. Находясь въ этой должности, *Тодорскій* 1740 года принялъ монашество, и возведенный въ санъ іеромонаха, держалъ большую инструкцію или публичное проповѣданіе Слова Божія, чѣмъ заслужилъ всеобщее уваженіе кіевлянъ. Слава объ немъ достигла до самой

столицы, и когда въ 1742 году призванъ былъ изъ Голштиніи въ Россію великій князь Петръ Ѳеодоровичъ и объявленъ Наслѣдникомъ престола, то *Симонъ* былъ вызванъ изъ Кіева для преподаванія царственному юношѣ Закона Божія и православнаго ученія Церкви. Въ слѣдующемъ же году *Тодорскій*, будучи еще іеромонахомъ, пожалованъ въ члены св. Синода, и въ тоже время посвященъ въ архимандрита Костромскаго Ипатьевскаго монастыря; когда же 1745 года учреждена была костромская и галицкая епархія, то *Симонъ* назначенъ былъ туда первымъ епископомъ; впрочемъ на паству свою онъ отпущенъ не былъ, ибо кромѣ присутствованія въ св. Синодѣ, ему снова повелѣно было принять на себя преподаваніе Закона Божія нареченной невѣстѣ Петра III Екатеринѣ II. Въ это время *Симонъ* былъ переведенъ во Псковскую епархію, съ пожалованіемъ въ архіепископы, и все же оставался въ Петербургѣ. Наконецъ, по разстроенному здоровью, въ 1754 году онъ былъ уволенъ въ епархію и скончался того же года 21 февраля во Псковѣ. Ученый и трудолюбивый пастырь, *Симонъ Тодорскій*, кромѣ поученій, изъ которыхъ только немногія напечатаны, оставилъ множество драгоцѣнныхъ рукописей, относящихся преимущественно къ восточной словесности[197]. Богатая библіотека его, заключающая въ себѣ значительное число рѣдкихъ книгъ на языкахъ еврейскомъ, халдейскомъ, сирскомъ и арабскомъ находится въ Псковской семинаріи. Большая часть этихъ книгъ подарены *Тодорскому* отъ Михаелиса и другихъ гальскихъ его наставниковъ и сотрудниковъ[198].

Топольскій Аѳанасій училищную службу свою началъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, котораго былъ потомъ префектомъ, а въ 1741 году ректоромъ. *Топольскій* первый изъ ректоровъ этого училища получилъ санъ архимандрита[199]. Гдѣ и когда онъ скончался—неизвѣстно.

Фальковскій Веніаминъ, типографъ кіевопечерской Лавры, которому не суждено было Вышнимъ Промысломъ при-

нять святительскій санъ, предназначенный волею Монаршею. Воспитанникъ Кіевской Академіи, *Фальковскій*, принявъ монашество въ Печерской Лаврѣ, проходилъ тамъ разныя должности. Въ 1738 году, указомъ Императрицы Анны отъ 8 ноября, повелѣно было св. Синоду произвести его въ епископа Суздальскаго: для чего немедленно сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи *Фальковскаго* въ Петербургъ для посвященія въ санъ епископскій: но сильнѣйшая горячка остановила отѣздъ его на долгое время. Синодъ, получивъ объ этомъ извѣщеніе, указомъ 1739 года, предписалъ освидѣтельствовать чрезъ кіевскихъ докторовъ іеромонаха *Веніамина* и донести, есть ли надежда къ его выздоровленію. По освидѣтельствованіи его военнымъ медикомъ Ау-Заритою, доложено было св. Синоду, что *Фальковскій* одержимъ жестокою чахоткою и надежды къ продолженію его жизни не предвидится. Между тѣмъ *Веніаминъ*, продолжая по прежнему служеніе свое въ Лаврѣ, прожилъ еще двѣнадцать лѣтъ, и мирно скончался въ 1750 году[200].

Чарнуцкій Ѳеофанъ. Начальная служба его была въ Заиконоспасскомъ училищѣ въ званіи наставника низшихъ школъ и потомъ реторики; послѣ чего онъ былъ назначенъ въ намѣстники Троицко-Сергіевой Лавры, откуда 1753 года рукоположенъ въ епископа нижегородскаго. Какъ ревнитель просвѣщенія, *Чарнуцкій* исходатайствовалъ въ 1765 году для семинаріи тамошней ежегоднаго оклада 816 рублей 23 коп. и $^3/_4$. Двадцать лѣтъ управлялъ сей архипастырь нижегородской епархіей, и утомленный трудами испросилъ себѣ увольненіе въ Кіево-печерскую Лавру, куда и отпущенъ былъ съ пенсіей на покой, гдѣ 8 марта 1780 года и скончался[201].

Щепинъ Константинъ, докторъ-медицины, родился 1728 года въ уѣздномъ городѣ Котельникѣ, вятской губерніи. Тогда вятская семинарія едва только заводилась и ученіе въ ней не восходило далѣе первоначальныхъ предметовъ грамотности. *Щепинъ*, отданный въ эту школу, скоро изучилъ все, что входило

въ составъ тогдашней училищной програмы, и епископъ Варлаамъ Скамницкій, жалѣя счастливыхъ способностей дитяти, отправилъ его на свое иждивеніе въ Кіевскую Академію. Здѣсь для любознательности *Щепина* открылось обширное поприще; въ самое короткое время онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ знаменитаго училища, и смѣло могъ обѣщать себѣ спокойное и вѣрное мѣсто при воспитавшемъ его заведеніи. Но въ эту пору во всемъ Кіевѣ только и разговоровъ было, что о Барскомъ, недавно возвратившемся изъ долговременнаго своего путешествія; дорожныя замѣтки его переходили изъ рукъ въ руки и списывались въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Разсказы знаменитаго нашего пѣшехода, диковинки имъ видѣнныя, увлекательныя описанія царствъ, городовъ и весей съ ихъ жителями, храмами и дворцами, раздражали любопытство молодыхъ людей, и всѣ грезили путешествіями. *Щепинъ* былъ одинъ изъ первыхъ энтузіастовъ туризма и положилъ въ душѣ своей во что бы то ни стало побывать за границей. Онъ отыскалъ одного пріѣзжаго греческаго монаха, и не долго думая, отправился съ нимъ изъ Кіева въ Константинополь. Тамъ онъ познакомился съ нѣкоторыми образованными европейцами, и началъ учиться англійскому и еллино-греческому языкамъ: но средства къ дальнѣйшему путешествію оказались крайне недостаточными, а »мѣрять, подобно Барскому, ступаніемъ своимъ и пядію землю«, *Щепинъ* не чувствовалъ большой охоты. Поживъ по этому нѣсколько времени въ Константинополѣ, онъ воротился въ Россію, и явившись въ Петербургъ, досталъ себѣ мѣсто переводчика при Академіи Наукъ Состоя въ этой должности, *Щепинъ* не оставлялъ своей страсти къ ученымъ занятіямъ и избралъ себѣ любимымъ предметомъ ботанику. Когда профессоръ Крашенинниковъ отправился въ путешествіе въ Ингерманландію, для описанія тамошней флоры, *Щепинъ* сопутствовалъ ему въ качествѣ ближайшаго помощника. По возвращеніи ученой экспедиціи въ столицу, Крашенинниковъ рекомендовалъ его академическому начальству, какъ отлично способнаго и об-

разованнаго человѣка и какъ страстнаго любителя наукъ естественныхъ. Академія, внявъ такому представленію достойнаго своего сочлена, положила отправить *Щепина* на казенный счетъ въ чужіе краи для изученія естественной исторіи. Въ 1756 году онъ поѣхалъ сначала во Флоренцію, гдѣ и началъ заниматься врачебной наукой. Отсюда *Щепинъ* переѣхалъ въ лейденскій университетъ, гдѣ выслушавъ полный курсъ медицины, представилъ 1758 года на степень доктора диссертацію *о растительной кислотѣ*, тогда же и напечатанную тамъ[202]. Въ добавокъ къ этому онъ издалъ тамъ *Ботаническія замѣтки* (Botanicae annotationes), между коими описанъ имъ одинъ новый родъ растенія, названный имъ Stephaniana — именемъ профессора Крашенинникова, въ благодарность за полученныя отъ него первоначальныя ботаническія свѣдѣнія. Въ это время *Щепинъ* получилъ предписаніе Россійской Медицинской Канцеляріи отправиться въ Лондонъ для осмотра тамошнихъ врачебныхъ заведеній и изслѣдованія рудокопнаго дѣла. Исполнивъ это порученіе, *Щепинъ* переѣхалъ въ Парижъ, и въ знаменитой тамошней хирургической Академіи, прослушавъ курсъ хирургическихъ операцій, осмотрѣлъ парижскіе госпитали, аптеки, ботаническіе сады и прочія медицинскія заведенія; сверхъ того ревностно занялся минералогіей, для чего свелъ знакомство со многими тамошними учеными людьми Изъ Парижа онъ отправился въ Амстердамъ, потомъ въ Копенгагенъ, гдѣ осмотрѣлъ королевскій кабинетъ естественныхъ рѣдкостей; оттуда заѣхалъ въ Стокгольмъ: но къ несчастію, за три дня передъ его пріѣздомъ тамъ случился страшный пожаръ, помѣшавшій ему видѣть что либо особенно любопытное. За то въ Упсалѣ онъ успѣлъ познакомиться съ знаменитымъ Линнеемъ, который принялъ нашего ученаго весьма ласково, самъ показывалъ ему рѣдкія растенія въ упсальскомъ ботаническомъ саду, подарилъ нѣсколько книгъ своего сочиненія, и вообще во все пребываніе *Щепина* въ Упсалѣ, обходился съ нимъ, какъ съ другомъ. Въ 1759-мъ году *Щепинъ* прибылъ въ Петербургъ

и по выдержаніи экзамена въ Медицинской Канцеляріи утвержденъ въ званіи доктора медицины, и опредѣленъ къ главному с. петербургскому военному госпиталю. Здѣсь, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, *Щепинъ* давалъ особые уроки по врачебной наукѣ нѣсколькимъ молодымъ людямъ и присутствовалъ при экзаменахъ чиновниковъ медицинскаго и аптекарскаго званія. Сверхъ этого онъ занимался, по порученію начальства, приведеніемъ въ порядокъ бывшаго при медицинской канцеляріи Естественнаго Кабинета и сочиненіемъ медицинскихъ судебныхъ постановленій касательно врачебнаго благоустройства, сообразныхъ съ существовавшими государственными законами. Спустя нѣсколько времени онъ былъ сдѣланъ лекціоннымъ профессоромъ при с.-петербургскомъ и московскомъ врачебныхъ училищахъ, а потомъ дивизіоннымъ докторомъ въ семилѣтнюю прусскую войну. Но эта служба много мѣшала страсти его къ ученымъ изысканіямъ; онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ должностей и снова пустился путешествовать по Валахіи, Молдавіи и Галиціи, всюду собирая рѣдчайшія растенія. Много строилъ плановъ добросовѣстный и благородный труженикъ науки: но Провидѣнію угодно было прекратить дни его среди самой усиленной дѣятельности. Прибывъ въ Кіевъ 1770 года *Щепинъ* палъ жертвою свирѣпствовавшей тогда моровой язвы[203].

Ямницкій Іосифъ. Когда архіепископъ Амвросій Юшкевичъ рѣшился учредить новгородскую семинарію въ полномъ ея составѣ, то вызвалъ въ 1741 году *Ямницкаго* изъ Кіевской Академіи и опредѣлилъ сперва учителемъ латинскаго языка, а потомъ чрезъ два года, по постриженіи въ монашество, наименовалъ префектомъ школы. Въ 1746 году, съ открытіемъ класса философіи, *Ямницкій* принялъ на себя преподаваніе сей науки, а черезъ два года и богословія, въ качествѣ ректора семинаріи. Но къ сожалѣнію, этотъ умный, образованный и даровитый человѣкъ скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ званіи архимандрита Антоніева монастыря 30 декабря 1748 года[204].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тимоѳей Щербацкій.

Избраніе Щербацкаго въ митрополиты. Настольная грамата. Предостереженіе митрополиту отъ раскольническихъ толковъ. Состояніе Малороссіи. Генеральная Войсковая Канцелярія. Гетманъ Разумовскій. Администрація Малороссіи. Администрація Кіева. Состояніе Академіи. Ректоръ Сильвестръ Ляскоронскій. Удаленіе его отъ должности. Кротость Щербацкаго. Тяжебное дѣло о грунтахъ Берковецкихъ и Клепачскихъ. Академическіе и монастырскіе доходы. Распредѣленіе жалованной суммы. Содержаніе наставниковъ и ихъ доходы. Несогласія между академическими начальствующими. Споры ученой братіи съ монастырскою. Наставники Академіи сей эпохи. Грамата ректору Конисскому. Инструкція академическая. Отчетность учебная. Инструкція Конисскаго. Преподаваніе Закона Божія. Торжественность диспутовъ. Програма 1747 г. Инструкція для учениковъ, жившихъ по приходскимъ школамъ. Воспитанники изъ-за границы. Поступленіе студентовъ Академіи въ наставники училищъ. Замѣчаніе митрополита о преподаваніи богословія. Богословская система Конисскаго. Баумейстеръ. Введеніе его системы во всѣ духовныя училища. Французскій языкъ. Недостаточность Академіи, какъ универсальнаго училища. Основаніе московскаго университета. Невыгоды отъ неимѣнія въ Кіевѣ типографіи. Разрѣшеніе на это св. Синода. Пожертвованія Щербацкаго. Поступленіе въ Академію вдовыхъ священниковъ. Постройка Братской колокольни. Просьба Щербацкаго объ увольненіи. Онъ переводится въ Москву. Составъ академическаго начальства. Характеръ Тимоѳея Щербацкаго. Воспитанники сей эпохи: Амводикъ Несторъ. Бантышъ-Каменскій Николай. Бантышъ-Каменскій Иванъ. Братановичъ Иринѣй. Завадовскій графъ Петръ. Золотницкій Владиміръ. Каллиграфъ Владиміръ. Козицкій Григорій. Кондратовичъ Иларіонъ. Мочульскій Ѳеоктистъ. Петровичъ Макарій. Рубанъ Василій. Симоновскій Петръ. Сѣчкаревъ Лука. Флоринскій Авраамій. Формаловскій Іеронимъ. Халчинскій Геннадій. Хмельницкій Иванъ. Цвѣтъ Николай. Шишковскій Іоакимъ. Якубовскій Тихонъ. Эминъ Ѳедоръ.

1747—1757.

Въ 1745 году, по смерти архіепископа московскаго Іосифа Волчанскаго, отъ св. Синода, въ числѣ прочихъ кандидатовъ,

былъ представленъ Тимоѳей Щербацкій, бывшій въ то время архимандритомъ Кіево-печерской Лавры. По Высочайшему повелѣнію, онъ былъ немедленно вытребованъ въ Петербургъ: но пока дѣло объ утвержденіи одного изъ кандидатовъ производилось, въ Кіевѣ скончался митрополитъ Рафаилъ. Государыня указала посвятить Щербацкаго, вмѣсто архіепископіи московской, на кіевскую митрополію, и 6 марта 1747 года онъ рукоположенъ былъ въ санъ первосвятителя малороссійскаго.

Въ настольной граматѣ, данной отъ св. Синода новопоставленному митрополиту, предоставлено было ему »полное и по »Синодѣ ни которой иной духовной власти не подчиненное пра»вленіе«, а также поставлено въ непремѣнную обязанность пещись, »какъ бы богоданную себѣ паству охранять отъ ерети»ковъ, отъ лукавыхъ лицемѣровъ и пустосвятовъ, сущихъ вол»ковъ, овчія кожи носящихъ, отъ которыхъ разсѣваются сує»вѣрія, расколы и ереси, и въ прельщенномъ ими простомъ »народѣ безбожныя со временемъ раждаются помышленія«[205]. Предостереженіе, имѣвшее источникомъ своимъ предупрежденіе тѣхъ жалкихъ заблужденій, которыя волновали тогда сѣверную половину нашего отечества. Хотя Малороссія ни въ настоящее, ни въ прежнее время не имѣла такихъ грубыхъ распространителей лжеученія и расколовъ, какіе постоянно являлись на сѣверѣ Россіи, но и она могла быть въ опасности отъ этихъ, упорныхъ и злохитрыхъ людей, »овчія кожи носящихъ«. Переселеніе раскольниковъ на Вѣтку особенно могло быть опаснымъ для простодушнаго народа: но къ счастію, Малороссія въ этомъ отношеніи была отъ опасности гораздо дальше, нежели какъ представлялось. У ней была борьба благородная, разумно-христіанская, не съ грубыми невѣждами, возмущавшими на сѣверѣ спокойствіе Церкви, а съ хитрыми и образованными противниками вѣры Христовой; не за безтолковыя выдумки такихъ пустосвятовъ, какъ протопопъ Аввакумъ или мужики Романъ и Павелъ, а за ученіе, поддерживаемое мнимо-апостоль-

скою властью и ложнымъ толкованіемъ св. Отцевъ. Молитвами святаго равноапостольнаго князя Владиміра и блаженныя Ольги, ходатайствомъ и заступленіемъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ, Кіевъ и окрестности его ограждены были отъ грубыхъ и нелѣпыхъ толковъ невѣжественныхъ расколоучителей.

Малороссія, подъ державою могущественнѣйшей Монархини, наслаждалась тогда спокойствіемъ. Одинъ только мятежный сосѣдъ—Польша, да ненавистные іезуиты нарушали миръ и тишину этого благословеніаго края: но и то не надолго. Святынѣ кіевской уже покланялась та, которая мощною рукой скоро должна была исторгнуть всю Малороссію изъ бездны бѣдъ и несчастій, возбуждаемыхъ изувѣрнымъ фанатизмомъ. Низкое и безполезное злодѣяніе Радзивила и Потоцкихъ, дѣйствовавшихъ поджогами и грабежемъ, только оправдывало болѣе и болѣе тѣ мѣры, какія приняла въ послѣдствіи противъ коварной Польши Великая Екатерина[206].

И. И. Бибиковъ, управлявшій Малороссіей, умеръ. Украйной стала тогда завѣдывать Генеральная Войсковая Канцелярія, состоявшая изъ членовъ, принадлежавшихъ Великой и Малой Россіи. Государыня, вѣрная своему обѣщанію, готовилась дать Малороссіи новаго и полновластнаго гетмана. Для этого былъ избранъ ею графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Избраніе его совершилось въ Глуховѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, генеральныхъ и войсковыхъ старшинъ и всего дворянства. При семъ торжествѣ присутствовалъ и митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, какъ первенствующее лицо всего малороссійскаго духовенства.

Въ администраціи малороссійской съ этимъ вмѣстѣ произошли значительныя перемѣны. Разумовскій, получивъ фельдмаршальское достоинство, принялъ на себя главное управленіе

всѣми военными дѣлами, и Генеральная Войсковая Канцелярія стала по прежнему въ зависимости отъ повелѣній одного только гетмана; въ слѣдствіе чего повелѣно было, чтобы генеральный обозный и другіе изъ генеральной старшины, сверхъ военныхъ своихъ должностей, а также и генеральный писарь присутствовали въ сказанной канцеляріи, и чтобы послѣдній о всѣхъ дѣлахъ докладывалъ непосредственно самому гетману. Такое распоряженіе дѣлало уже не нужнымъ присутствіе великороссійскихъ членовъ бывшей Войсковой Канцеляріи и Суда Генеральнаго, и потому они всѣ возвратились въ Великороссію.

Но Кіевъ оставался по прежнему съ своей Губернской Канцеляріей подчиненнымъ генералъ-губернатору. По причинѣ такой независимости отъ гетманской власти, правленіе кіевскаго полку находилось въ г. Козельцѣ, а Сотенное Правленіе и кіевскій сотникъ хоть и имѣли свое пребываніе въ самомъ Кіевѣ: но какъ ему, такъ и всѣмъ казакамъ, жившимъ здѣсь, запрещено было вмѣшиваться въ городскія дѣла и промыслы.

Въ такомъ положеніи былъ Кіевъ въ это время; посмотримъ теперь, каково было состояніе лучшаго украшенія его — Академіи.

Въ годъ прибытія Тимоѳея Щербацкаго на паству, Академіею управлялъ *Сильвестръ Ляскоронскій*. Къ сожалѣнію, человѣкъ этотъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, не умѣлъ заслужить любви и уваженія отъ своихъ подчиненныхъ. Кіево-богоявленское Братство и наставники училища взошли на него къ архипастырю съ жалобой за безотчетную трату училищныхъ суммъ и за дурное содержаніе Академіи. »Такъ въ крайнемъ »оскудѣніи обитель Братская, писалъ въ слѣдствіе сего митрополитъ въ своемъ отношеніи, нынѣ состоитъ, что хотя-де учи»телямъ отъ монастыря дровъ на зиму и дано, однакожъ де »на свѣчи денегъ давать не съ чего и не дадутъ, буди оное

»царское жалованье не выдастся, да недавно-де въ монастырѣ »за предписаннымъ оскудѣніемъ и хлѣбъ печеный съ мѣста »(съ рынка) нѣсколько дней покупанъ«[207]. Митрополитъ сталъ требовать отъ Ляскоронскаго законнаго объясненія: но вмѣсто этого получилъ отказъ даже въ присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ. Къ этому присовокупилась еще жалоба мѣщанина Гуслиста, терпѣвшаго, по подрядному дѣлу, притѣсненія отъ Ляскоронскаго[208]. Неблаговидное поведеніе его въ этомъ случаѣ и наконецъ личное оскорбленіе самаго митрополита[209], были причиною того, что Ляскоронскій былъ удаленъ отъ училищной должности и переведенъ въ Выдубицкій монастырь, на правахъ подначальнаго.

Удивительна кротость архипастыря въ этомъ дѣлѣ, такъ близко касавшемся его личности! Строгій, но законный приговоръ дикастеріи кіевской осудилъ Ляскоронскаго къ лишенію архимандритскаго сана: но Щербацкій, напрасно ожидавшій отъ него раскаянія и исправленія, снисходительно уволилъ его только отъ училищной должности, лишивъ правъ настоятельскихъ. Наконецъ, когда Ляскоронскій, проживавшій въ Кіево-выдубицкомъ монастырѣ 8 мая 1754 года, »во время бытія братіи въ »трапезѣ, нечаянною смертію умре«, незлобивый архипастырь самъ совершалъ по усопшемъ литургію и погребалъ его.

Ляскоронскій оставилъ по себѣ еще тяжебное дѣло съ кіевскимъ магистратомъ объ имѣніяхъ Берковецъ и Клепачъ, принадлежавшихъ училищному монастырю. Слишкомъ десять лѣтъ тянулось оно, въ явный ущербъ училищу, постепенно лишавшемуся своихъ владѣній, такъ что Академія »въ силу могла прокормить учителей и братію«. Два раза производимо было по сему дѣлу слѣдствіе, и наконецъ по второму было рѣшено (1747 г.) приговоромъ Генеральной Войсковой Канцеляріи возвратить Берковецкіе и Клепачскіе грунты Кіево-богоявленскому Братству. Но не смотря и на это, магистратъ нисколько не

препятствовалъ мѣщанамъ опустошать и рубить монастырскій лѣсъ, и вообще поступать во вредъ и убытокъ училищу.

Кромѣ этого, многія статьи, приносившія прежде монастырю и Академіи доходъ, или вовсе были уничтожены, или уменьшились до значительной степени. Особенно это открылось тогда, когда въ 1743 году подтверждены были городскія привиллегіи и предоставлены магистрату и мѣщанамъ разныя льготы и уступки. Тотчасъ же послѣ этого запрещено было училищному монастырю производить продажу хлѣбнаго вина, приносившую въ годъ болѣе семисотъ рублей чистаго дохода Селенія Бильмачовка и Ивангородъ, состоявшія въ нѣжинскомъ полку, захвачены были козаками, отъ чего возникъ искъ, крайне обременительный для училищнаго Братства: ибо, кромѣ хожденія по сему дѣлу, стоившаго огромныхъ издержекъ, самыя селенія часъ отъ часу приходили въ такое разстройство, что на поправку ихъ, въ 1759 году, найдена недостаточною сумма въ пять тысячъ рублей. Кіевскій магистратъ съ своимъ *городничимъ* Евстафіемъ Назаревичемъ не посовѣстился даже запродать которскую монастырскую бумажную фабрику (папѣрню) съ находящимися при ней грунтами, къ явной обидѣ училища.

Но не смотря на все это, Академія еще не могла считать себя бѣдствующею; ибо у ней оставались довольно доходныя статьи, которыя, при экономическомъ управленіи монастырскаго намѣстника съ подвѣдомственными ему чинами, не позволяли чувствовать ни наставникамъ, ни казеннокоштнымъ воспитанникамъ особенной нужды. Когда еще существовалъ свободный пропускъ изъ заднѣпровья, находившагося подъ польскимъ владычествомъ,— окрестные жители пріѣзжали въ вотчины монастырскія—Плисецкое и Мостищи для помолу разнаго зерна, въ находившихся тамъ мельницахъ, что давало доходу около тысячи двухсотъ двойницъ одного хлѣба; да сверхъ того сукновальни доставляли экономіи довольно значительную

сумму деньгами. Мосты, проходившіе чрезъ рѣку въ означенныхъ селеніяхъ, были особенно доходною статьей: ибо, кромѣ того, что мостицкій мостъ былъ отдаваемъ на откупъ, охотниковъ до котораго всегда являлось много, по причинѣ свободнаго пропуска изъ заграничной черты, перегонъ рогатаго и всякаго скота обращался, по условію, въ пользу училищнаго братства, а также и распивочная продажа горячаго вина при шинкахъ, тамъ учрежденныхъ. Монастырскія пастбища, на которыя былъ сгоняемъ окружными помѣщиками и крестьянами скотъ, также доставляли значительную прибыль хозяйству. Чумацкіе возы, тянувшіеся черезъ Плисецкое и Мостищи, обязывались отпускать извѣстное количество соли, такъ что въ этомъ отношеніи экономія училищная не чувствовала никогда недостатка. Въ мѣстечкѣ Ставкахъ, селеніяхъ Карпиловкѣ и Позняках, находились огромныя рыбныя ловли,— и монастырская братія и академическое начальство и казеннокоштные студенты никогда не нуждались ни въ свѣжей, ни въ свѣжепросольной, ни въ вяленой рыбѣ. Къ этому нужно припомнить и тогдашнюю дешевизну всѣхъ съѣстныхъ припасовъ: ибо, какъ пишетъ въ донесеніи своемъ Намѣстникъ монастыря, »за одинъ рубль или полтора можно было удовольствовать свѣжею рыбною трапезою неточію самаго ректора, »учителей и братію, но и послушниковъ (прислугу)«; а надобно замѣтить, что содержаніе училищнаго начальства было отличное во всѣхъ отношеніяхъ[210]. Вся живность, а также масло, сало, творогъ и проч. доставляемо было въ обиліи съ дачъ монастырскихъ. Въ самомъ Кіевѣ Академія имѣла пивоварню, которая однакожъ послѣ запрещенія выкуривать вино, отдаваема была въ наймы »посацкимъ купцамъ«, и хоть не въ прежнихъ размѣрахъ, но все же приносила доходъ училищному Братству. Да притомъ еще, кромѣ царскаго жалованья двухъ сотъ рублей, ежегодно было отпускаемо изъ кіевской губернской канцеляріи восемдесятъ рублей на непредвидѣнные расходы.

Впрочемъ означенное жалованье, какъ Высочайше предоставленное училищу и вмѣстѣ монастырю, не было сполна раздѣляемо на учителей. Митрополитъ Рафаилъ распредѣлялъ оное такимъ образомъ: тридцать пять рублей отдавалъ на церковь Братскую и столько же на содержаніе школы; остальные сто тридцать отсылалъ для храненія въ монастырскую казну. За то, кромѣ уступки части годоваго своего жалованья въ пользу наставниковъ, онъ награждалъ ихъ особенно деньгами и платьемъ, иногда по два раза въ годъ. Съ разрѣшенія же митрополита Тимоѳея сумма вся сполна поступила въ раздѣлъ профессорамъ, что продолжалось четыре года сряду (1754—1758).

Обезпеченные такимъ образомъ квартирою[211] и столомъ учители хоть и должны были одѣваться на свой счетъ, а иногда даже и покупать книги, которыхъ не находилось въ академической библіотекѣ, но за то у нихъ были свои источники доходовъ. Префектъ въ этомъ отношеніи имѣлъ выгодъ гораздо болѣе, чѣмъ другіе его сотрудники по училищу. Начать съ того, что всѣ ученики обязаны были являться къ нему »съ поклономъ и съ знатною консоляціею«; потомъ онъ имѣлъ »калефакторство« (инспекторскій надзоръ) надъ всѣми школами, что особенно было выгодно потому, что дѣти зажиточнѣйшихъ родителей непремѣнно удѣляли ему каждый съ своей стороны »малую-толику« послѣ какихъ нибудь каникулярныхъ дней. Прочіе наставники также пользовались этимъ, но только каждый отъ своей школы, изъ которыхъ достаточнѣйшіе бывали подъ непосредственнымъ его надзоромъ (калефакторствомъ). Кромѣ этого, если учитель въ монашескомъ званіи, то онъ получалъ доходы и отъ того монастыря, котораго былъ постриженцемъ.

Не безъ того, чтобы при такомъ вынужденномъ обстоятельствами порядкѣ дѣлъ не происходило болѣе или менѣе непріятныхъ столкновеній между высшими начальствующими и

подвѣдомственными имъ учителями. Главнымъ поводомъ къ этому была неопредѣленность содержанія, всесторонне зависѣвшаго отъ распоряженій ректора, который бывалъ полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ доходовъ монастырскихъ и училищныхъ, и только въ послѣднее время обязывался ежегодно представлять отчеты митрополиту, какъ главному протектору. Подчиненные, привыкнувъ къ снисходительности одного начальника, составлявшей личное его достоинство, полагали это закономъ для его преемника, и неисполненіе чего либо противъ прежняго порядка считали нарушеніемъ своихъ собственныхъ правъ. Очевидно, что въ такихъ случаяхъ взаимныя недоразумѣнія и непріятности бывали неизбѣжны. Профессоръ или учитель не зналъ, да и знать не хотѣлъ того, въ какомъ положеніи находятся тѣ статьи, отъ которыхъ получался доходъ и содержаніе всего училищнаго братства; онъ видѣлъ только, что не имѣетъ того или другаго, къ чему привыкъ прежде, и отъ того возникали неудовольствія и жалобы, доходившія до самихъ митрополитовъ[212].

Особенно несогласія эти не выводились между учеными и тѣми, которые составляли собственно монастырскую братію. Всѣ вклады и пожертвованія, не бывъ раздѣлены, составляли общую собственность монастыря и училища; отсюда происходило то, что училищное Братство подозрѣвало монастырское въ неправильной дачѣ имъ принадлежащаго, а тѣ въ свою очередь жаловались на незаконность притязаній своихъ ученыхъ сожителей. Доходило иногда до того дѣло, что тѣ и другіе обращались къ дарственнымъ записямъ и актамъ, и затѣвали между собою юридическій споръ: но къ счастію, все это оканчивалось только домашнимъ несогласіемъ, и рѣшеніе митрополита безъапелляціонно примиряло несогласныхъ между собою. Положеніе ректора въ этихъ спорахъ бывало самымъ невыгоднымъ: какъ настоятель монастыря, онъ долженъ былъ защищать права своей братіи, а какъ первое лицо между академи-

ческими учеными, онъ тоже не могъ идти противъ нихъ, и такимъ образомъ въ томъ и другомъ случаѣ всячески навлекалъ на себя непріятности.

Георгій Конисскій, принявшій послѣ Ляскоронскаго ректуру Академіи, имѣлъ слѣдующихъ себѣ сотрудниковъ въ воспитаніи юношества. Въ 1751 и 1752 годахъ преподавателями были:

Щербацкій Георгій, преподавателемъ философіи.
Гирчичъ Ѳома — реторики.
Нащинскій Давидъ — піитики и нѣмецкаго языка.
Павинскій Іакинѳъ — синтаксимы и еврейскаго языка.

Виноградскій Гавріилъ — граматики; а въ 1752 году предметъ этотъ преподавалъ священникъ *Ѳеофилъ Нессинъ.*

Ярошевскій Іоасафъ читалъ въ Инфимѣ, но въ 1751 году, по указу св. Синода, опредѣленъ въ московскую Академію проповѣдникомъ, а мѣсто его занялъ іеродіаконъ *Згурскій Гервасій.*

Ѳеодоровичъ Платонъ въ 1751 году преподаватель Аналогіи, но тогда же назначенъ къ переводу книги, называемой Jus Graeco-Romanum, и потому аналогія была поручена іеродіакону *Братановскому Иринею.*

Въ 1753 году въ порядкѣ наставниковъ произошли слѣдующія перемѣны:

Щербацкій Георгій къ преподаванію философіи получилъ и каѳедру греческаго языка.

Нащинскій Давидъ назначенъ учителемъ реторики, вмѣсто Гирчича, который опредѣленъ въ дикастерію членомъ и исправляющимъ половинную часть должности проповѣднической.

Павинскій Іакинѳъ преподавалъ піитику и еврейскій языкъ.
Наркисъ іеродіаконъ, учитель синтаксимы.
Нессинъ Ѳеофилъ — граматики.

Крижановскій Константинъ священникъ, въ половинѣ учебнаго года назначенъ преподавателемъ еврейскаго и нѣмецкаго языковъ.

Великую *Инструкцію* добровольно принялъ на себя самъ *Георгій Конисскій*, а должность конгрегаціоннаго пастерства *Давидъ Нащинскій*.

Воспитанниковъ въ это время было *тысяча сто девяносто три* человѣка.

При опредѣленіи Конисскаго ректоромъ, дана была ему отъ митрополита особая грамата на сіе достоинство[213], въ которой между прочимъ предписано сообразоваться въ академическихъ порядкахъ съ особливымъ указомъ или инструкціей. Въ инструкціи же, данной 18 ноября 1751 года, на имя префекта Академіи и учителей, содержалось все, »чего кромѣ богословіи »и философіи, начавъ одъ риторики по аналогію, всякой учитель, »сверхъ прецептовъ, коихъ тожъ основаніе и расположеніе дол»жно общѣ здѣлатись, долженъ обучать, какихъ авторовъ экспли»ковать, какіе въ своей школѣ разговоры, а въ меньшихъ шко»лахъ вокабулы ученикамъ означать, дабы и ученики, чего въ »одной школѣ научатся, тѣмъ бы могли въ другой школѣ пол»зоватися и первую школу за приготовленіе почти къ другой »школѣ имѣли, и учители не что всякъ по своему мнѣнію, но »что общимъ мнѣніемъ приговорится, обучали; ибо съ того, »что еденъ обучаетъ иначе, другой иначе, бываетъ ученикамъ »такое въ ученіи помѣшателство, что когда прійдетъ въ другую »школу, то всіо дико показуется какъ на другомъ свѣтѣ«.

Въ слѣдствіе такого благоразумнаго убѣжденія проэктировавшій это распоряженіе архидіаконъ *Манассія Максимовичъ*, бывшій потомъ ректоромъ Академіи, полагаетъ слѣдующія правила:

»I. На четыре меншые школи доволно кажется опредѣ»лить виучить ученикамъ: а) Вокабулъ Котенія нѣсколко главъ; »б) Разговори Ландіеви въ Петербурги выпечатанные школные »или домашные; в) да гисторіи мало что знать зъ Іустина или »Юлія Кесаря или Целлярія, виключая нѣчто, что вредное, »едного зъ сихъ или отъ подобныхъ краткихъ нѣсколко епи»столъ перевесть и виучить, да Евангелія переводу Кастелліо»нова главъ нѣсколко виучить же, дабы ученики всякого штиля, »яко то фамиліарного зъ разговоровъ и епистолъ, исторического »зъ гисториковъ и священного писанія зъ Евангелія могли хотя »мало что увидѣть, поки до поэтики прійдутъ. А въ какой школѣ, »чего именно и по сколко и за какое время и какимъ поряд»комъ оные четирѣ учители аналогійскій, інфимисскій, грамма»тицкій и синтактицкій обучать должны, о томъ какъ въ пер»вомъ пунктѣ означенно, должно за общимъ согласіемъ здѣлать »опредѣленіе на цѣлой годъ, нейначей, какъ бы кто едного »человѣка долженъ обучать латинскаго языка еденъ, такъ тое »на части раздѣлить на четирехъ учителей во обществѣ. II. »Въ піитики и реторики равно какъ и в вышепомянутыхъ шко»лахъ, какихъ, кромѣ общеопредѣленныхъ прецептовъ, авто»ровъ читать, какіе экзерцитаціи въ переводѣ и слогѣ такъ рус»скомъ, якъ и латинскомъ имѣть, о томъ обще за тѣми жъ го»сподамы учительмы здѣлать совѣтъ, дабы въ піитики, чрезъ »познаніе троповъ, фигуръ и протчего въ прецептахъ положен»ного, а зъ чтенія автора аргументовъ, расположенія и красно»рѣчія познаніемъ могло слѣдовать и ученикамъ нѣкое приватнѣй »къ риторики приуготовленіе и просвѣщеніе, и которые тѣхъ »послѣдующый годъ учениковъ будутъ обучать риторики, въ»дали бъ учениковъ способность и скудость учители. III. Сего »всего въ шести школахъ обучаемаго тощно (недостаточно), »буди помянутое въ Евангеліи упражненіе виключить, и въ языч»ническихъ равнѣ какъ и въ христіанскихъ учителехъ научитися »примѣромъ древныхъ риторовъ и піитъ. А дабы христіанскіе »учители и ученики и въ сей части отъ язычниковъ разство-

»вали бъ, хорошо бъ и въ малихъ сихъ школахъ христіанскаго »закона хотя по малой части обучать. До богословіи бо поки »дойдутъ, ученики лѣтъ восемь или десять потеряютъ, а чрезъ »тое время христіанскаго катихизиса не знать развѣ и христіа»ниномъ не быть. Язычники жъ Платоники или Епикури ни»когдажъ того за Платоника или Епикурея своего не имѣли, »которой бы Платоновыхъ или Епикуровыхъ догматовъ не зналъ. »Къ отсѣченію сего вреда, хорошо бы по недѣлямъ (по вос»креснымъ днямъ) не имѣть ученикамъ меншихъ четирехъ школъ, »какъ и другихъ большыхъ, оккупацій школныхъ; а въ недѣлю »по обѣдѣ чрезъ полтора или два часа всякой учитель въ своей »школѣ обучалъ бы своихъ учениковъ катихизиса по малымъ »частямъ, и что съ катихизиса объяснитъ въ едну недѣлю, того »учениковъ заставлятъ вмѣсто уроковъ въ другую, дабы съ тѣхъ »четирехъ школъ въ фарѣ и инфимѣ принамнѣй (по крайней »мѣрѣ) голо, а въ граматики и синтаксимѣ съ объясненіемъ »краткимъ катихизису навикли, обширнѣйшаго жъ толкованія »слушалибъ на малой инструкціи, поки лучше сами познаютъ, »кому доведется, въ богословіи. IV. Когда въ сихъ четирехъ »школахъ познаютъ хотя голо ученики катихизисъ, пречестнѣй»шіи риторицкій и піитицкій учители в мѣсто упражненія въ »катихизисѣ означали бы ученикамъ въ недѣлю по обѣдѣ Еван»геліе или посланіе какое съ краткимъ объясненіемъ, которое »въ слѣдующую недѣлю проговорили бъ имъ ученики по латинѣ »переводомъ Кастелліоновымъ, а учители показали бы имъ, что »съ того Евангелія до якой части катихизиса служитъ. А най»лучше бы тое ученикамъ коротко по школамъ объяснять, что »обширняе на великой инструкціи экспликуется. V. Указами »Высокомонаршими повелѣвается священническихъ и причетни»ческихъ дѣтей въ школы высылать, а то для того, дабы они »въ школахъ вѣры и закона христианскаго научившися, и дру»гихъ научить могли. Многіе жъ и изъ учениковъ, когда на »парохіи промуются (ищутъ священническаго мѣста) наводятъ »тотъ указъ, что они за силу указовъ училися и прописуютъ

»себе учеными, дабы претензію имѣть до парохіи, а когда за-»ставить его предику сложить, отъ чего плодъ его ученія можно »узнать, то отрекается ученія и съ неученымъ равнится; а то »для того, что хотя и въ риторики правила и основа предикъ »показуется, еднакъ въ томъ упражнятися другое многодѣлество »не допущаетъ. Для того превелебнѣйшіи богословіи и фило-»софіи господа учители означали бъ своимъ ученикамъ экзер-»ціи мѣсячные: а) священническимъ и посполитымъ дѣтемъ »или и изъ козачьихъ, которые священство получить желаютъ, »назначали бы ѳеми (темы) на проповѣди, и на сложеніе тѣхъ »давать сроку мѣсяцъ, а слушать тѣхъ проповѣдей въ своихъ »школахъ отъ учениковъ съ каѳедры наизустъ сказующихъ въ »недѣлю по обѣдѣ, сколко можно вислушать четирехъ или пя-»токъ, смякая по проповѣдямъ, и оные проповѣди всякъ бы »на чисто переписавъ, своему учителю отдавалъ для отсылки »оныхъ въ каѳедру, что во время промоціи ихъ во священство »можетъ свидѣтельствомъ и коммендаціей быть ихъ ученія; б) »а которіе господскіе дѣти въ священствѣ быть не желаютъ, »тѣмъ вмѣсто предикъ означать переводить гисториковъ по два »аркуша (печатный листъ) на мѣсяцъ, и оные переводы давать »искуснѣйшимъ ученикамъ исправлять, а что за годъ перева-»денно какой книги будетъ, тое въ каѳедру присылать пере-»писанное тѣми жъ учениками начисто. VI. Понеже съ фи-»ліозофовъ и теоліоговъ нѣкоторые суть такъ къ своей пользѣ »нерадѣтелнны, что публичные диспуты, ради ихъ самихъ ползы »уставленные презираютъ слушать, для того полезно притвер-»дить теоліогамъ и филіозофамъ на диспутахъ всегда быть до »окончанія непремѣнно. А кто бы на диспуты не ходилъ, тѣхъ »записовать и имѣть ихъ за нерачительныхъ въ своемъ званіи. »Мѣстъ имъ не давать, или и данныхъ лишить, ибо съ того »видно, что они толко именемъ школы хвастать хотятъ. VII. »Греческому, еврейскому и нѣмецкому господамъ учителямъ »самимъ собою взглядъ ли того (смотря потому), что будетъ »обучать, раздѣлить годъ на три или четыре части по мѣся-

»памъ, и чего въ какой части года именно обучать бу»детъ всякъ, о томъ предварительно въ первыхъ числахъ сен»тября давать вѣдомость писменную«[214].

Проэктъ Максимовича, отличающійся ясностію и вѣрностію взгляда, требовалъ неотложнаго осуществленія, и ректоръ Академіи представилъ Тимоѳею Щербацкому 6 октября 1752 года мнѣніе свое о преподаваніи ученія въ четырехъ низшихъ и двухъ среднихъ школахъ, съ указаніемъ источниковъ и руководствъ, какими долженъ пользоваться самъ наставникъ[215]. Мнѣніе это, какъ »полезное и добропорядочное«, удостоилось полнаго утвержденія отъ митрополита, который съ своей стороны присовокупилъ къ оному еще нѣсколько правилъ, касавшихся внѣшняго академическаго порядка и надлежащаго надзора какъ за учителями, такъ и за учениками. Ректору и префекту вмѣнено было въ обязанность еженедѣльно посѣщать по двѣ школы и присутствовать иногда при урокахъ учительскихъ, подвергая испытанію и самихъ учениковъ.

Что касается до преподаванія Закона Божія въ меньшихъ шести школахъ: то митрополитомъ было повелѣно, чтобы »учи»тели по вся субботы, по обѣднему времени, въ своихъ шко»лахъ до самаго Филипова поста, какъ пора уже идти до ве»черни, по части катихизиса обучали и наставляли учениковъ »наикрѣпчайше хранить Законъ Божій, безъ коего исполненія »живота вѣчнаго наслѣдити не мощно, какъ тое Евангеліемъ »святымъ утверждено; всегда по субботамъ въ показанное время »поучать прилежно учениковъ своихъ заповѣдей Божіихъ, и тое »имъ во всегдашнюю память затвердить, что христіанинъ право»славный и каѳолическій долженствуетъ хранити, да наслѣд»ствитъ жизнь вѣчную, вѣру правую и дѣла добрая; иже бо »два сія имать, есть добръ христіанинъ и имать извѣстную на»дежду вѣчнаго спасенія«. Такъ говорили, учили и наставляли освященные блюстители православно-русскаго просвѣщенія,

знавшіе, откуда оно идетъ, чѣмъ поддерживается и къ какому концу должно приводить жаждущихъ свѣта наукъ!

Упрекая воспитанниковъ высшихъ классовъ въ небреженіи и невниманіи къ диспутамъ, »уставленнымъ ради ихъ самихъ пользы«, просвѣщенный архипастырь вмѣнилъ слушателямъ философіи и богословія въ непремѣнный долгъ всегда присутствовать на диспутахъ до самого окончанія ихъ. А чтобы еще лучше возбранить опущеніе этихъ полу-экзаменовъ, повелѣлъ учителямъ спрашивать на другой день, »кто какіе аргу»менты говорилъ, какой кто положилъ имянный фундаментъ »своей оппугны, какъ солвовано отъ дефендента или его учи»теля всякой аргументъ, что позволено, и что не доказано, ка»кая солюція въ дистинкціи послѣдовала, какая оной дистинк»ціи экспликація и какимъ именно документомъ себе господа »дефенденты защищаютъ; а кто бы на диспуты не ходилъ, »тѣхъ записовать и имѣть ихъ за нерачительныхъ въ своемъ »званіи; кондицій имъ не давать или и данныхъ лишать«.

Чтобы болѣе заоохотить студентовъ къ этимъ диспутамъ, митрополитъ Тимоѳей придалъ имъ особенную торжественность. Въ день, назначенный для публичнаго диспута, всѣ знатнѣйшіе сановники Кіева и окружные помѣщики, обыкновенно съѣзжавшіеся въ эту пору къ своимъ дѣтямъ, отправлялись рано утромъ въ Лавру, гдѣ еще съ вечера находился митрополитъ. Каждый изъ посѣтителей на этотъ разъ пріискивалъ для себя самый лучшій экипажъ и непремѣнно выѣзжалъ на столькихъ лошадяхъ, сколько присвоено было чиновному его рангу. Митрополитская карета бывала запрягаема въ восемь лошадей съ двумя вершниками, а коадьюторская въ шесть съ однимъ вершникомъ. Часовъ въ девять весь поѣздъ трогался съ мѣста по направленію къ Подолу; этотъ торжественный кортежъ обыкновенно бывалъ такъ длиненъ, что когда голова его показывалась на спускѣ нынѣшней Александровской горы, то хвостъ

еще находился около Лавры. Въ эту минуту во всѣхъ церквахъ подольскихъ раздавался колокольный звонъ, и карета митрополита медленно приближалась къ Братскому монастырю, окруженному цеховыми значками и безчисленнымъ множествомъ народа, покрывавшаго всю площадь и дворъ академическій. Лишь только митрополитъ начиналъ выходить изъ экипажа, звонъ на братской колокольнѣ прекращался и вслѣдъ за симъ умолкалъ онъ и въ прочихъ церквахъ. Но въ туже пору раздавался громкій гимнъ двухъ академическихъ хоровъ, расположенныхъ во святыхъ вратахъ Братскаго монастыря, и одинъ изъ студентовъ привѣтствовалъ архипастыря рѣчью; послѣ чего митрополитъ слѣдовалъ въ залу, предшествуемый пѣвчими, поющими стихъ: *днесь благодать Святаго Духа насъ собра,* а между тѣмъ на обширной галлереѣ большаго корпуса оркестръ, состоявшій изъ студентовъ, гремѣлъ какой нибудь маршъ. Лишь только митрополитъ доходилъ до средины академической залы, музыка прерывалась, и пѣвчіе уже помѣстившіеся на одномъ изъ хоровъ, начинали пѣть: *Царю небесный.* Вслѣдъ за симъ начинались привѣтствія на разныхъ языкахъ въ стихахъ и прозѣ, а между тѣмъ постоянно прибывали остальные посѣтители и наполняли залу, въ которой, кромѣ назначенныхъ къ диспутованію и студентовъ богословія и философіи, на этотъ разъ не бывало никого изъ воспитанниковъ. Когда митрополитъ и знатнѣйшіе изъ посѣтителей усаживались по мѣстамъ, префектъ подносилъ имъ разрисованныя конклюзіи или програмы предстоящихъ диспутовъ. Одна изъ таковыхъ, относящаяся къ первому году архипастырства Тимоѳея Щербацкаго и составленная по предмету философіи Михаиломъ Козачинскимъ, уцѣлѣла до нашего времени. Рисунокъ, украшенный превосходными орнаментами, сочиненъ воспитанникомъ Академіи *Іосифомъ Шигурою*, а вырѣзанъ на мѣди въ Берлинѣ *Давидомъ Шлейеномъ* 1747 года. Внѣшній видъ этой програмы таковъ: между колоннами, украшенными разными арабесками, находится изображеніе св. великомученицы Варвары, надъ

коимъ помѣщена слѣдующая надпись: *сице будетъ всякому человѣку, егоже хощетъ Царь.* Вокругъ изображенія св. великомученицы помѣщена въ рисункахъ цѣлая исторія ея страданій. Внизу находится слѣдующее надписаніе[216]: »святая по»кровительница заслугъ и доблестей яснѣйшаго и высокопочтен»нѣйшаго господина Тимоѳея Щербацкаго, достойнѣйшаго свя»щенноархимандрита св. чудотворныя Печерскія Лавры».

Вступленіе.

»Двѣ причины, преосвященнѣйшій владыко, почему я под»ношу тебѣ вмѣстѣ съ философіею изображеніе св. великому»ченицы Варвары. Первая—это преимущественно твое соб»ственное благоговѣніе, которое ты питаешь къ чудотворнымъ »мощамъ ея. Другая—великое несогласіе людей неправомы»слящихъ о нетлѣнномъ пребываніи оныхъ въ Кіевѣ, несогла»сномъ якобы съ тѣми законами, которые ты самъ понимаешь »выше насъ всѣхъ. Въ бытность мою въ Германіи, я самъ »слышалъ объ этомъ споры людей ученыхъ, и тогда же пла»менно возблагодарилъ Бога, что онъ даровалъ мнѣ возможность »стать очевиднымъ сказателемъ того, что является отъ сихъ »мощей безчисленными чудесами, въ храмѣ, основанномъ сы»номъ Изяслава, внукомъ Ярослава, правнукомъ св. Владиміра— »славныхъ князей россійскихъ—Михаиломъ Святополкомъ въ »1102 году отъ Рож. Христова. Настало наконецъ время, ко»гда отъ твоего славнаго имени то, что въ насъ не пораждаетъ никакого сомнѣнія, сдѣлается яснымъ и цѣлому міру. »Вотъ что подало мнѣ мысль поднести тебѣ эти тизисы. Всѣмъ »извѣстный дарами душевными и тѣлесными, ты всякаго мо»жешь привлечь къ себѣ и удивительною кротостію и ласко»востью. Когда, окончивъ всѣ до послѣдней науки, ты при»нялъ санъ монашескій, тотчасъ же поручена была тебѣ важ»ная должность каѳедральнаго писаря и вмѣстѣ съ тѣмъ до»стопочтеннѣйшаго ассесора консисторіи и всѣ отдали тебѣ ту

»справедливость, что въ исполненіи сихъ должностей ты былъ »самое правосудіе и не преставалъ быть таковымъ въ прохож- »деніи другихъ важнѣйшихъ степеней службы. Кто тебя не »знаетъ? Когда изъ лубенскаго игуменства на выдубицкое, »а отсюда въ монастырь златоверхомихайловскій и наконецъ »въ настоятели Печерской Лавры ты былъ избираемъ воль- »ными голосами, ты столько же показалъ въ себѣ способно- »стей, сколько и нежеланія принимать высокія, изливавшіяся »на тебя почести. Нынѣ же послѣ пріобрѣтенной тобою сла- »вы, какъ бы ты ни отвергалъ приписываемыя твоимъ досто- »инствамъ похвалы, мы все назовемъ тебя нашимъ протекто- »ромъ, меценатомъ наукъ и ученыхъ, и молимъ да пребудешь »ты съ нами долго—долго въ радости, любви и счастіи. Съ »моленіемъ таковымъ посвящаетъ сіе ординарный профессоръ »философіи, префектъ школъ, іеромонахъ М. *Козачинскій*.

Тезисы философскіе

изъ

Введенія.

1) У насъ есть особаго рода философія, источникомъ которой одинъ Богъ и представителями которой бываютъ люди богопросвѣщеннаго ума. 2) Философія раздѣляется правильно на пять частей: логику, этику, физику, метафизику и математику. 3) Цѣль философіи: *cui*—доставленіе человѣку возможнаго счастія на землѣ; *qui*—познаніе истины и усовершенствованіе человѣка въ добродѣтели.

Изъ Логики.

1) Искуственная логика, по первоначальной своей цѣли, есть просто практика; по цѣли же болѣе отдаленной, въ слѣдствіе чего она становится спекулативною, логика есть, въ смыслѣ неточномъ, искуство (ars), въ точномъ же значеніи scientia; а становясь директивною, она направляетъ дѣйствія разсудка

къ истинѣ, указывая ему путь къ тому; вообще она обнимаетъ собою силу познавательную (virtutem intellectualem). 2) Предметъ логики существенный—настроить дѣятельность разсудка; формальный—излагать къ тому извѣстныя формы (rectitudo passiva). 3) Свѣдѣнія метафизическія не вытекаютъ формально изъ натуры вещей. 4) Цѣлостное метафизическое вѣдѣніе бываетъ результатомъ познанія смѣшаннаго, а не единичнаго (per unitatem conventice). 5) Для мыслящаго открываются отношенія между божественными и сотворенными вещами.

Изъ Этики.

1) Этика есть наука (prudentia), которая имѣетъ предметомъ своимъ дѣятельность воли, направляемой къ нравственному добру. 2) Дикіе звѣри не дѣйствуютъ съ опредѣленной цѣлію. 3) Кто выходитъ на дуэль, тотъ не доказываетъ никакой доблести. 4) Нѣтъ никакой законной причины, по которой бы человѣкъ могъ лишать себя жизни. 5) Никто не долженъ въ дѣлѣ общественномъ разсуждать по частнымъ своимъ убѣжденіямъ.

Изъ Физики.

1) Физика, какъ спекулативная наука (scientia), имѣетъ предметомъ своимъ, въ матеріальномъ отношеніи, естественныя тѣла, существующія дѣйствительно. 2) Начала тѣлъ естественныхъ въ дѣйствительности (in actu) составляютъ матерія и форма. 3) Есть первоначальная матерія и существенныя формы. 4) Разумная душа творится и входитъ въ человѣка отъ самаго Бога и по существу своему безсмертна.

Изъ Метафизики.

1) Метафизика есть наука (sapientia), предметомъ которой служитъ существо, чуждое всего матеріальнаго. 2) Существомъ

(ens in se) собственно называется то, что внѣ явленія для насъ не существуетъ, и потому одинаково относится какъ къ Богу, такъ и къ твореніо. 3) Богъ есть существо, существующее само по себѣ: но бытіе его усматривается изъ явленій (a posteriori).

«Тезисы эти, подъ руководствомъ вышеозначеннаго (т. е. »*Козачинскаго*) въ кіевской православной Могило-Заборовской »Академіи будетъ защищать AA. LL., а возражать одинъ изъ »отличнѣйшихъ слушателей философіи *Василій Думницкій*. 1747 »года мѣсяца *(неозначено)*[217].

Такая многообразная и обширная програма по одному только предмету, естественно, не вся была исполняема. Отъ усмотрѣнія предсѣдательствующаго на диспутахъ зависѣло избрать тотъ или другой пунктъ для состязаній, и вызывать любаго изъ воспитанниковъ для возраженій, отразить которыя всегда долженствовалъ быть готовымъ дефендентъ, съ помощію своего профессора. Въ промежуткахъ между таковыми состязаніями то пѣвчіе пѣли концерты и канты, нарочно сочиняемые для сего случая, то оркестръ, помѣщавшійся на другихъ хорахъ, игралъ разныя пьесы, а ученики низшихъ и среднихъ классовъ произносили стихи и діалоги. По окончаніи диспутовъ, митрополиту и знатнѣйшимъ посѣтителямъ вручаемы были книги въ богатомъ переплетѣ, заключавшія въ себѣ въ сокращенномъ видѣ богословскія лекціи на латинскомъ и русскомъ языкахъ; послѣ чего пѣвчіе пѣли: *Достойно есть*, а музыка, выходившая въ эту пору на галлерею, встрѣчала митрополита маршемъ, продолжая играть во все время пребыванія его съ гостями въ келліяхъ ректора »на братской консоляціи«. Мудрено ли послѣ этого, что диспуты бывали академическими праздниками? И Кіевъ искренно участвовалъ въ нихъ: ибо тутъ обучался цвѣтъ его юношества; въ академическомъ дворѣ и на площади толпились отцы, братья и родственники тѣхъ, которымъ выпала счастливая доля быть питомцами знаменитаго учи-

лища, и которые въ эту минуту можетъ быть стояли передъ блестящимъ собраніемъ, возбуждая тревожное замираніе сердца въ тѣхъ, кому были родственно-дороги ихъ успѣхи въ наукахъ.

Въ то время, когда заботливость архипастыря щедро изливалась на жителей Великой Бурсы, получили отъ него инструкцію и тѣ воспитанники Академіи, которые жили по школамъ при церквахъ приходскихъ. Поставленные въ полную зависимость отъ настоятелей, они, кромѣ школьныхъ своихъ занятій, обязывались пріучаться къ церковному пѣнію и чтенію. Назначенный въ каждую школу особый сеніоръ ежедневно высылалъ двухъ учениковъ по очереди, а гдѣ ихъ бывало больше, тамъ трехъ и четырехъ »для чтенія псалтири, каноновъ и для пѣнія«. Въ праздничные же и высокоторжественные дни долженствовали они быть всѣ въ церкви, а способнѣйшіе пѣть на клиросѣ. Во время великихъ праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова, сеніоръ назначалъ трехъ или четырехъ учениковъ для сбора подаяній на бурсу. Бѣдныя дѣти должны были въ случаѣ надобности исправлять и обязанность звонарей, такъ дорого покупали они насущный кусокъ хлѣба; такъ тяжело доставалось имъ то просвѣщеніе, изъ за котораго оставляли они пріютный, родительскій кровъ и дѣтскую беззаботность свою! Хорошо еще, если въ школѣ было двѣ комнаты; тогда одна поступала въ ихъ вѣдѣніе, а въ другой располагался причетникъ съ набранными имъ учениками изъ дѣтей обывательскихъ; въ противномъ же случаѣ всѣ тѣснились въ одной хатѣ и только одинъ столъ бывалъ неприкосновенной ихъ принадлежностью. Не мудрено, что при такомъ сближеніи съ человѣкомъ, видѣвшимъ въ нихъ людей отбивающихъ его собственный доходъ, происходило много непріятныхъ, грустныхъ, а иногда и комическихъ сценъ: но все переносили бѣдняки для того, чтобъ не лишиться званія воспитанниковъ Академіи и пробить себѣ потомъ дорогу, закрытую для нихъ или

скудостью или незнатностію происхожденія. Синтаксистамъ и риторамъ предоставлено было право имѣть у себя приходящихъ учениковъ изъ »посполитства«: но это весьма часто служило поводомъ къ раздору между ими и сожителемъ ихъ причетникомъ; по этому болѣе способные изъ бурсаковъ ловили всякій сколько нибудь удобный случай выбраться изъ школы къ какому нибудь многодѣтному мѣщанину, у котораго они и проживали потомъ въ качествѣ домашнихъ учителей изъ одного лишь тепла да насущнаго пропитанія.

А между тѣмъ въ Академію прибывали отовсюду воспитанники, и многіе изъ нихъ изъ за границы[218]: но съ этими послѣдними Академія имѣла много хлопотъ. Не говоря уже о безплатномъ слушаніи уроковъ, пришельцамъ нужно бывало отпускать квартиру и полное академическое содержаніе: но рѣдкіе изъ нихъ удовлетворялись этимъ, и проживъ при училищѣ года два или три, уходили на родину, убоявшись трудностей ученическаго быта. Притомъ они и приходили въ такихъ уже лѣтахъ, когда поздо бывало думать о начальномъ ученіи, а въ классы высшіе ихъ не допускали, какъ неспособныхъ къ тому.

Требованія воспитанниковъ Кіевской Академіи въ новозаводимыя по всей Россіи училища съ каждымъ годомъ возрастали болѣе и болѣе, такъ что многіе, не окончивъ даже академическаго курса, оставляли школу для того, чтобъ самимъ поступить въ учители хоть низшихъ классовъ. Это было одною изъ первыхъ причинъ уменьшенія числа воспитанниковъ къ концу каждаго учебнаго года.

Въ програмѣ, представленной митрополиту Тимоѳею Щербацкому 1751 года съ показаніемъ, кому какія науки преподавать въ слѣдующій годъ, самъ архипастырь собственноручно написалъ, дабы въ преподаваніи богословія »имѣть прилѣжное »обереженіе, дабы что не было въ конклюзіяхъ вѣры право-

»славнаго исповѣданія противное, какъ то на нѣкоторыхъ пре»жде преподававшихъ оную освященную богословію нарѣка»тельная въ нѣкоихъ богословскихъ съ прямою священною пра»вославною богословіею несходствахъ послѣдовала отъ другихъ »предосудительная задача«. Замѣчаніе, касающееся собственно не преподаванія богословія, а диспутовъ (конклюзій), въ которыхъ, вѣроятно, кто либо изъ возражающихъ дѣлалъ слишкомъ смѣлые вопросы, не приличные воспитаннику православнаго училища[219]. Что касается до науки богословской, то она, какъ всегда, такъ и нынѣ, ведена была по тому твердому пути, который указанъ ей св. отцами и пастырями Церкви Вселенской.

Георгій Конисскій, принявъ каѳедру богословія, отринулъ рапсодичность, какую придалъ этой наукѣ Прокоповичъ и особенно его преемники. Онъ снова расположилъ богословскіе предметы въ систематическомъ порядкѣ, и хотя въ рѣшеніи нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ и много сходствовалъ съ Прокоповичемъ: но въ общемъ составѣ цѣлой системы оставилъ вездѣ слѣды своего могучаго таланта. Три года (1751—1754) читалъ онъ свои лекціи: но ужъ по одному введенію можно было видѣть, что онъ не окончитъ ихъ и въ четырехлѣтній курсъ: ибо онъ обѣщалъ говорить о томъ, чего и не думали касаться его предшественники. Послѣ вводныхъ уроковъ, Конисскій предложилъ своимъ слушателямъ полную герменевтическую науку; потомъ заговорилъ о священной библіологіи, и тогда то уже повелъ учениковъ своихъ по широкому полю собственно богословскихъ изслѣдованій. Не мудрено послѣ этого, что 28 генваря 1754 года онъ дошелъ только до трактата о провидѣніи божественномъ, о твореніи міра и о человѣкѣ въ его невинномъ состояніи[220].

Истолкованіе свящ. Писанія хотя и не имѣло особой каѳедры въ школѣ: но для него была обширнѣйшая каѳедра,

имѣвшая слушателей не въ однихъ воспитанникахъ Академіи, а во всѣхъ жителяхъ Кіева и даже приходившихъ отъ инуда богомольцахъ. Изъ донесенія Георгія Щербацкаго, бывшаго префектомъ при Конисскомъ, видно, что онъ во время »конгрегаційскаго патерства« своего въ теченіи года истолковалъ публично первое посланіе къ Коринѳянамъ. Значитъ, наука эта существовала тогда въ полномъ своемъ составѣ, и имѣла дѣйствительнѣйшее и обширнѣйшее приложеніе.

Конисскій былъ послѣднимъ представителемъ того направленія въ наукѣ философствованія, какое постоянно замѣчается въ системахъ его предшественниковъ: но посмотрите, какъ побѣдоносно вырывался онъ изъ сѣтей аристотелизма, все подчинявшаго сухимъ и мертвымъ формуламъ своей логики. Минуемъ первую часть философіи, болѣе или менѣе не свободную отъ застарѣлаго вліянія стагиритскаго философа; посмотримъ на этику, физику и метафизику. Вотъ онъ въ первой изъ нихъ трактуетъ о началахъ дѣятельности человѣческой, разбираетъ цѣль ея, указываетъ съ философской точки значеніе добра и зла, входитъ въ психологическія подробности, придающія характеръ тому или другому поступку, и до послѣдней нити разбираетъ ткань сознательной дѣятельности человѣка. Возьмемъ теперь физику, какъ часть философіи; показавъ значеніе и природу всякаго тѣла, существующаго въ пространствѣ и времени, Конисскій вводитъ насъ въ міровую систему, и отъ существъ несовершенныхъ, сложныхъ, ведетъ къ простымъ, совершеннѣйшимъ, подвергая своему изслѣдованію все на землѣ и подъ землею, на небѣ и то что выше неба—душу человѣческую и существо безплотныхъ. Его метафизика смѣло и благоразумно разсуждаетъ о всемъ, что есть въ мірѣ сверхъестественнаго, и служитъ истиннымъ преддверіемъ къ храму Премудрости, устроенному на седьми столпахъ таинствъ религіи христіанской[221].

И надобно помнить, что все это писалъ Конисскій, не имѣя

подъ руками никакого руководства, кромѣ учебниковъ своихъ предшественниковъ да Аристотелевыхъ толковниковъ. Когда митрополитъ Тимоѳей Щербацкій спрашивалъ у Георгія въ 1755 году мнѣнія на счетъ философской системы Баумейстера: то онъ искренно жалѣлъ, что не имѣлъ оной, когда »самъ въ фи»лософіи по должности, на него положенной, упражнялся, что, говорилъ онъ, особливо за несчастіе свое причитую: ибо на »смѣттяхъ (сорѣ) интерпретовъ Аристотелевыхъ времени всуе »не потерялъ бы было«. Приступая за тѣмъ къ сужденію о новой системѣ, принятой тогда въ руководство во всѣхъ европейскихъ училищахъ, Конисскій говорилъ, что »Баумейстерова »лекція з большою пользою можетъ быти ученикамъ: ибо что »ни учится въ ней, все основательно, твердо и ясно учится, »и нѣтъ кажется ничего, что бы не было средствіемъ ко мѣ»тѣ философіи, то есть блаженному человѣческому житію. Ло»гика его отъ смѣття схолястиковъ, можно сказать, седмижди »перечищенная. Метафизика твердыя основанія прочіимъ ди»сциплинамъ по ея должности полагаетъ. Ethica человѣку къ »познанію себе и своей должности чувствительно очи отворя»етъ«. Недостатокъ физики въ системѣ Баумейстера Конисскій совѣтовалъ замѣнить Винклеромъ.

Такой авторитетъ, какимъ въ ученомъ мірѣ пользовался архипастырь могилевскій, рѣшилъ дѣло о введеніи системы Баумейстера въ Кіевскую Академію, откуда пошла она потомъ и во всѣ наши духовныя училища. Болѣе полстолѣтія господствовалъ Баумейстеръ на развалинахъ аристотелизма, пока не низринули его самаго новые философы, пришедшіе изъ Германіи, подъ предводительствомъ Канта, все разрушавшаго и ничего впрочемъ не создавшаго своею »критикой чистаго разума«.

Въ 1753 году введено въ Академію и преподаваніе французскаго языка. Первымъ профессоромъ былъ *Константинъ*

Крижановскій, товарищъ Симона Тодорскаго, подобно ему совершившій ученое путешествіе за границей. Крижановскій говорилъ на французскомъ языкѣ, какъ на своемъ отечественномъ, и аудиторія его была всегда полна молодыхъ людей, видѣвшихъ въ изученіи этого предмета существенную пользу.

Но не смотря на высокое достоинство Кіевской Академіи, все таки она не была универсальнымъ училищемъ. Оставаясь вѣрною тому началу, которое положено ея основателями, заповѣдавшими ей преподавать »науки належныя къ цвѣченю побожнаго живота«, она, по характеру своему, была училищемъ болѣе духовнымъ. Самое поступленіе воспитанниковъ въ Академію годъ отъ году становилось труднѣе, ибо съ обязательствомъ духовенства отдавать своихъ дѣтей въ училище, мало уже оставалось мѣста для дворянъ и разночинцевъ. Сверхъ того царскими указами повелѣно было принимать туда только »ре»внителей благочестивой греко-россійской вѣры и преподавать »имъ ученіе, не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя Цер»кви«[222], а между тѣмъ преобразованной Россіи нужны были высшія науки, слѣдовало »противодѣйствовать направленію од»ностороннему, способствовать постепенному и совокупному раз»витію всего духовнаго организма«[223], требовалось заведеніе, которое служило бы проводникомъ идей, составлявшихъ душу и жизнь просвѣщенной Европы.

Соревнуя Великому Родителю своему, »который божествен»нымъ своимъ предпріятіямъ исполненіе имѣлъ чрезъ науки«, Императрица Елисавета Петровна 12 генваря 1755 года утвердила проэктъ графа Шувалова объ учрежденіи въ Москвѣ высшаго училища, »по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ вся»каго званія люди могли бы свободно науками пользоваться«[224],— и знанія стали обтекать общества »столицы и другихъ горо»довъ, разширять предѣлы мышленія, озарять всѣхъ своимъ »свѣтомъ«[225]. Однимъ изъ предметовъ ожиданія правительства

»было, что распространеніе свѣта познаній послужитъ также »къ истребленію въ простомъ народѣ суевѣрія, расколовъ и »ересей, проистекающихъ отъ невѣжества«[226].

Радуясь такому содѣйствію новаго училища въ дѣлѣ благочестиваго, отечественнаго образованія, Кіевская Академія видѣла однакожъ, что аудиторіи ея пустѣютъ, что воспитанники, увлекаемые вновь представившимися выгодами, стремятся въ университетъ, получивъ здѣсь фундаментальныя начала для дальнѣйшаго образованія себя. За годъ еще передъ симъ съ правильнѣйшимъ устройствомъ медицинской канцеляріи, воспитанники Академіи и другихъ духовныхъ школъ, тогда существовавшихъ, стали въ значительномъ числѣ поступать въ госпитальныя училища[227], а теперь это переселеніе увеличилось въ нѣсколько разъ. Но безкорыстная и ревностная труженица народнаго образованія, Кіевская Академія радостно напутствовала лучшихъ своихъ питомцевъ материнскимъ благословеніемъ, заповѣдуя имъ »непорушно держаться вызванія вѣры и догматъ »св. Вселенскими седми соборами Церкви восточной уставленныхъ«. И зрѣла она ихъ потомъ со славою и честію выходившихъ на дѣло и дѣланіе до поздняго вечера своей жизни, и съ простительнымъ самодовольствомъ указывала на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, прославляющихъ мать родную вѣрной службою Богу, Царю и отечеству. А между тѣмъ неустанно продолжала трудиться она надъ приготовленіемъ новыхъ для своего сподвижника воспитанниковъ, зная очень хорошо, что дѣло ихъ общее, и что одинаково ведутъ они юное поколѣніе къ высокой цѣли, указанной Россіи самимъ Богомъ...

Пожаръ 1718 года, испепелившій строенія Кіево-печерской Лавры, уничтожилъ и типографію, издавна тамъ существовавшую и утвержденную царскими и патріаршими граматами. Въ слѣдствіе сего многія церкви кіевской епархіи потеряли возможность пріобрѣтать новоисправленныя книги, особенно зарубежные при-

ходы, находившіеся въ Польшѣ, должны были по неволѣ пользоваться служебниками и требниками уніатскими, испорченными и противными ученію православному. Митрополитъ Рафаилъ, повелѣвшій, во исполненіе Высочайшаго указа, отбирать отъ церквей старопечатныя книги, не могъ между тѣмъ, за уничтоженіемъ типографіи, замѣнять оныя книгами исправленными и новыми. Пріѣзжавшіе изъ Палестины и изъ другихъ земель Греки, жалуясь на скудость въ церковныхъ печатныхъ книгахъ, съ прискорбіемъ объявляли, что они принуждены покупать ихъ въ Венеціи, тогда какъ прежде получали оныя изъ православнаго Кіева. Академія, въ которой въ настоящую пору умножилось число преподаваемыхъ предметовъ, тратила значительныя суммы на выписку книгъ изъ-за границы. »А ежели бъ типографія, »писалъ Тимоѳей Щербацкій Синоду, въ митрополіи кіевской, »какъ повелѣно и утверждено высокомонаршими и патріаршими »граматами, имѣлась, то оная сумма не токмо внутрь бы оста»лась, но еще бъ по предписанному за печатаніе греческихъ »церковныхъ книгъ и въ государство приходила, да и книги »такъ церковныя яко и учительныя мощно бъ меньшею цѣною »имъ исправлять; а въ зарубежные скудные монастыри и церкви »благочестивыя церковныя книги отпущать и безденежно, дабы »въ толь необходимо нужномъ и святомъ дѣлѣ церкви оныя »могли совершенно снабдѣны быть и не имѣли бъ причины сами »во благочестіи святомъ состоящія на книгахъ въ Польшѣ со »многими заблужденіями печатаемыхъ, съ немалымъ тамошняго »православнаго народа соблазномъ священнослуженія церковныя »отправлять; такожъ и Академіи Кіевской ученикамъ, яко хри»стіанскимъ святыя православныя церкви дѣтямъ, для повсе»дневнаго и ежечаснаго молитвословія всякія, а наипаче само»нужнѣйшія церковныя книги имѣть необходимо нужно есть«[228]. Уважая такое справедливое прошеніе просвѣщеннаго архипастыря, св. Синодъ 13 октября 1753 года особою граматою разрѣшилъ митрополиту Тимоѳею снова открыть типографію въ Кіево-печерской Лаврѣ, предписавъ ему избрать въ начальники

этого заведенія »человѣка честнаго и достаточно ученаго и въ »Свящ. Писаніи искуснаго, дабы правленіе и печатаніе книгъ »происходило добропорядочно и противности Церкви святѣй ни »въ чемъ несогласія отнюдь не было«. Касательно же книгъ, необходимыхъ для пріѣзжающихъ изъ-за границы православныхъ, повелѣно прежде свѣрить оныя съ оригиналами, и потомъ печатать въ два столбца, на одномъ по гречески, а на другомъ по русски. Для утвержденія же въ православіи единовѣрнаго намъ народа, пребывавшаго тогда въ Польшѣ, разрѣшено издавать книги »польскими литерами, русскимъ же діалектомъ, »пристойнымъ образомъ досматривая во всемъ, чтобъ ни въ »чемъ ни малѣйшей съ православною греко-россійскою Церковію »противности и разногласія не было«. Сверхъ всего этого вмѣнено было митрополиту Тимоѳею въ непремѣнную обязанность »при продажѣ всякаго званія, по выходѣ изъ печати, книгъ »наиприлѣжнѣйше стараться, чтобы цѣны тѣмъ книгамъ все»совершенно были умѣренныя безъ всякой народной тягости«[229]. Такъ свято и безкорыстно дѣйствовали истинные ревнители благословеннаго Богомъ просвѣщенія русскаго народа!

Но дѣло возстановленія типографіи кіево-печерской суждено было совершить преемникамъ митрополита Тимоѳея. Довольно и того, что онъ исходатайствовалъ на то Высочайшее соизволеніе. А между тѣмъ этотъ пастырь не жалѣлъ никакихъ издержекъ на пользу Церкви и отечественнаго просвѣщенія. Еще будучи ректоромъ с.-петербургской Академіи, онъ прислалъ въ Братскій монастырь *четыреста* рублей серебромъ на ризу (шату) для иконы Спасителя и передъ выѣздомъ своимъ изъ Кіева въ Москву обогатилъ академическую библіотеку значительнымъ количествомъ книгъ, и для надзора за нею учредилъ особаго іеромонаха[230].

Между прибывавшими въ кіево-училищное Братство въ эту эпоху въ первый разъ являются вдовые священники: но не мо-

лодыя лѣта и трудность школьнаго обученія бывали причиною того, что они черезъ нѣсколько времени поступали въ число монастырскаго Братства, которое задолго передъ симъ совершенно отдѣлилось отъ монашества, составлявшаго собственно ареопагъ ученый.

Кіево-богоявленское Братство обязано митрополиту Тимоѳею постройкою нынѣшней колокольни, на мѣсто прежней деревянной. Въ 1756 году разрѣшено было приступить къ созиданію оной и въ мастеры договоренъ былъ кіевскій мѣщанинъ *Стефанъ Ковпырь*, который строилъ колокольню и на дальнихъ пещерахъ Лавры. Абрисъ (планъ), составленный самимъ академическимъ начальствомъ, данъ былъ ему отъ Братскаго монастыря[231]. Въ это же время достроена въ с. Боршаговкѣ, принадлежащемъ училищу, деревянная церковь, получившая на созиданіе архипастырское благословеніе еще отъ митрополита Рафаила, передъ концомъ его жизни (11 апрѣля 1747 г.).

Митрополитъ Тимоѳей съ каждымъ годомъ сталъ чувствовать болѣе и болѣе сильные болѣзненные припадки. Находя себя не въ состояніи нести бремя управленія епархіей, онъ 1757 года послалъ въ св. Синодъ просьбу объ увольненіи его на покой въ Выдубицкій монастырь. Докладъ объ этомъ тогда же былъ поднесенъ Императрицѣ: но Государыня вмѣсто того, повелѣла перевести Щербацкаго на московскую епархію, въ которой онъ и былъ первымъ митрополитомъ, по упраздненіи патріаршаго престола. Не смотря на разстроенное здоровье, онъ девять лѣтъ управлялъ паствою, ознаменовавъ свое пребываніе тамъ исходатайствованіемъ для московской Академіи увеличенія годоваго оклада, состоявшаго изъ четырехъ тысячъ осмисотъ сорока семи рублей, шестнадцати копѣекъ[232]. Подъ бременемъ преклонныхъ лѣтъ и многихъ болѣзней, митрополитъ Тимоѳей Щербацкій скончался 18 апрѣля 1767 года[233]. Въ знакъ особеннаго уваженія къ памяти усопшаго, Государыня повелѣла

совершить надъ нимъ отпѣваніе по обряду священническому, ибо до того всѣ архіереи, исключая патріарховъ, были отпѣваемы по чину общему, монашескому. Съ этихъ поръ Высочайше указано совершать надъ всѣми епископами, архіепископами, экзархами и митрополитами погребеніе священническое[234].

Составъ академическаго начальства, образовавшійся по назначеніи Конисскаго на могилевскую епархію и оставленный митрополитомъ Тимоѳеемъ Щербацкимъ, слагался изъ слѣдующихъ лицъ:

Максимовичъ Манассія ректоръ и преподаватель богословія.

Флоринскій Авраамій, исправлявшій должность профессора философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій учителемъ реторики.

Нессинъ Ѳеофилъ, священникъ, преподаватель нравственной политики.

Волчанскій Павелъ, іеродіаконъ, учитель синтаксимы.

Мирославскій Самуилъ, іеродіаконъ, преподаватель граматики.

Ладыжинскій Викторъ, іеродіаконъ, учитель греческаго языка.

Орловскій Мелхиседекъ учитель инфимы.

Костенецкій Іоакимъ, іеродіаконъ, учитель аналогіи.

Крижановскій Константинъ, священникъ, преподаватель еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ.

Митрополитъ Тимоѳей, обладавшій рѣдкимъ просвѣщеніемъ и силою ума и воли, отличался сверхъ того необыкновенной кротостію и истинно-пастырскимъ снисхожденіемъ. Его поступокъ съ Ляскоронскимъ лучше всего можетъ свидѣтельствовать о томъ высоко-христіанскомъ смиреніи, которое составляло отличительную черту его характера. Самъ, не менѣе другихъ, посвященный въ таинства науки, онъ скромно испрашиваетъ у Конисскаго, тогда уже епископа могилевскаго, мнѣнія о появившейся философской системѣ Баумейстера; облеченный полной

властію, по которой всякаго могъ бы заставить оставаться на указанномъ посту, онъ въ ту пору, когда наставники Академіи рѣшились было отказаться отъ своихъ должностей, даетъ только предложеніе, и благоразумнымъ намекомъ, щекотливымъ для всякаго порядочнаго человѣка, заставляетъ всѣхъ единодушно возвратиться къ своимъ обязанностямъ[235]. За тѣмъ воспитанники эпохи Щербацкаго разнесли по всѣмъ концамъ Россіи славное имя своего высокаго протектора, и показались на такихъ мѣстахъ, на которыхъ прежде никогда не видала Академія своихъ питомцевъ. Мы сей часъ познакомимся съ ними.

Амбодикъ Несторъ Максимовичъ, докторъ медицины, профессоръ повивальнаго искуства, Государственной медицинской Коллегіи и Вольнаго Экономическаго Общества почетный членъ, статскій совѣтникъ, родился 1740 года въ с. Веприкѣ полтавской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Родовое прозваніе *Амбодика* было Максимовичъ; въ послѣдствіи онъ измѣнилъ его, желая избѣжать однозвучія въ своемъ отечествѣ и фамиліи, и для того придумалъ себѣ новое прозвище изъ двухъ латинскихъ словъ: ambo-dic, то есть, произноси и то и другое: *Максимовичъ* по отчеству и *Максимовичъ* по прозванію; на принятіе новой фамиліи *Амбодикъ* испросилъ себѣ и Высочайшее разрѣшеніе. Поступивъ въ Кіевскую Академію, онъ проходилъ постепенно всѣ классы отъ перваго до послѣдняго, и по окончаніи курса, въ слѣдствіе требованія графа Завадовскаго, въ числѣ другихъ отличнѣйшихъ студентовъ, былъ отправленъ въ 1768 году въ С.-Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ новоучрежденное тогда Главное Народное училище, бывшее первымъ въ Россіи Педагогическимъ Институтомъ. Но не пробывъ здѣсь и года, *Амбодикъ* перешелъ волонтеромъ въ с.-петербургскій военный госпиталь для слушанія курса врачебныхъ наукъ. Отличная ревность и особенное призваніе къ медицинѣ обратили на него вниманіе всѣхъ извѣстныхъ тогда врачей; по рекомендаціи ихъ, княгиня Екатерина Дмитревна Голицына, урожденная

Кантемиръ, отправила *Амбодика* на свое иждивеніе въ чужіе краи для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Русскій медикъ поѣхалъ сначала въ Страсбургъ, гдѣ слушалъ уроки акушерства у знаменитаго профессора Ридерера, а въ 1776 г. явился уже соискателемъ ученой степени, защитивъ предъ комитетовъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ медицинскаго дѣла диссертацію свою: de hepate humano, и первый изъ русскихъ получилъ за границей степень доктора медицины. Возвратившись въ отечество, *Амбодикъ* поступилъ на службу въ морской госпиталь младшимъ докторомъ и принялъ на себя преподаваніе повивальнаго искуства въ главныхъ с.-петербургскихъ госпиталяхъ. Около этого времени онъ совершилъ еще другое путешествіе въ чужихъ краяхъ, являясь уже не ученикомъ, а ученымъ изслѣдователемъ медицинскихъ открытій. По возвращеніи въ 1779 году онъ поступилъ въ кронштадтскій госпиталь, откуда чрезъ два года перемѣщенъ въ С.-Петербургъ »къ повивальному дѣлу«, и для преподаванія повивальнаго искуства на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ученыя занятія не мѣшали однакожъ *Амбодику* принять на себя должность акушера при Императорскомъ воспитательномъ домѣ и въ тоже время быть главнымъ городовымъ акушеромъ. До конца жизни своей сохранивъ полную энергію ума и воли и примѣчательную живость характера, *Несторъ Максимовичъ* умеръ 1812 года на семдесятъ второмъ году отъ рожденія. Опытность *Амбодика* въ повивальномъ искуствѣ была такъ велика, что авторитетомъ его пользовались многіе врачи не только въ Россіи, но и за границей. Впрочемъ, не одно акушерство было предметомъ его занятій; обладая обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ врачебной науки, онъ писалъ много сочиненій[236], по порученію Вольнаго Экономическаго Общества, и — что особенно замѣчательно — зная многіе древніе и новѣйшіе языки, онъ первый въ свое время началъ писать по русски о медицинскихъ предметахъ, безпрестанно занимаясь переводомъ полезнѣйшихъ сочиненій по любимой имъ наукѣ[237].

Бантышъ-Каменскій Николай Николаевичъ родился 16 декабря 1737 года въ г. Нѣжинѣ. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ князьямъ молдавскимъ. Отецъ его, выѣхавшій въ Россію изъ Яссъ въ 1717 году, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ на рукахъ жены своей двухъ сиротъ: Николая, бывшаго тогда двухъ лѣтъ, и Ивана, еще грудного ребенка. Научившись подъ руководствомъ своей матери языку русскому, *Николай Николаевичъ* отданъ былъ въ греческую нѣжинскую школу, гдѣ и познакомился съ языками еллинскимъ и новогреческимъ. По осьмому году онъ былъ отправленъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и началъ проходить ученіе съ самыхъ низшихъ классовъ. Девять лѣтъ пробылъ тутъ *Бантышъ-Каменскій:* но дошелъ только до реторики. Въ 1754 году, по приглашенію роднаго дяди своего Амвросія Зертисъ-Каменскаго, семнадцатилѣтній риторъ переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ тамошнее Заиконоспасское училище. Здѣсь *Бантышъ-Каменскій*, подъ руководствомъ своего дяди, продолжалъ слушать уроки реторики, потомъ философіи и богословія, которое, по собственному его признанію, »познакомило его съ совершеннымъ Бо»гопознаніемъ и правилами честной жизни«. Пріобрѣтеніе великое и неоцѣненное, котораго нельзя замѣнить никакимъ свѣтскимъ образованіемъ! Благо тому, кто измлада положилъ его началомъ всякой премудрости!... Четыре года *Бантышъ-Каменскій* слушалъ уроки въ московской академіи. Въ 1775 году онъ перешелъ въ открытый тогда московскій университетъ, гдѣ тоже учился три года. Такимъ образомъ девять лѣтъ пробылъ онъ въ Кіевской Академіи, четыре въ московской и три въ университетѣ.

Школьныя занятія *Бантышъ-Каменскаго* давали уже знать, что выйдетъ изъ этого поклонника науки. Будучи еще студентомъ, онъ перевелъ первую часть *Исторіи Петра Великаго* соч. Вольтера, и поступивъ на службу актуаріусомъ московскаго архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ всего себя посвятилъ

трудной археологической работѣ. Сведенный судьбою съ исторіографомъ Миллеромъ, *Бантышъ-Каменскій* нашелъ въ немъ отличнаго себѣ руководителя, и цѣлые дни проводилъ въ разборкѣ и описаніи драгоцѣнныхъ древнихъ актовъ, лежавшихъ до того времени почти безъ призора въ сырыхъ подвалахъ. Усидчивость и страсть къ занятіямъ, пріобрѣтенныя въ школѣ, гдѣ искони такъ превосходно было понято значеніе *студента*, гдѣ воспитанники никогда не разучивались учиться, заставили *Бантыша-Каменскаго* забыть всѣ развлеченія, такъ соблазнительно ласкавшія его молодости и такъ доступныя ему по связямъ его и по самому происхожденію. Одно за другимъ съ изумительной поспѣшностію слѣдовавшія сочиненія[238] и собранія *Бантыша-Каменскаго* обратили на него вниманіе правительства и самой Императрицы. Оставаясь при томъ же архивѣ, онъ получилъ должность переводчика, и за тѣмъ произведенъ былъ въ капитанъ-поручики.

Вспомнилъ благодарный питомецъ въ эту пору и Кіевскую Академію, развернувшую богатыя его способности и положившую краеугольный камень его христіански-твердому просвѣщенію. Въ 1770 году *Бантышъ-Каменскій* прислалъ изъ Петербурга прошнурованную для записи пожертвованій въ академическую библіотеку книгу, которую самъ обновилъ, вписавъ туда не малое число даруемыхъ имъ книгъ, и препроводилъ все это при слѣдующемъ письмѣ: »Жители великихъ кіевской бурсы »селеній! Прошу удостоить милостиво принять въ вашу библіотеку приложенныя при семъ книги... Оныя посвящаетъ въ »вашу пользу жившій нѣкогда въ вашемъ сообществѣ вашъ покорный слуга Б. К.«[239].

Моровая язва, опустошавшая въ 1771 году Москву, остановила на время занятія благороднаго труженика. Находясь при дядѣ своемъ, архіепископѣ Амвросіѣ, онъ имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ страдальческой его кончины. Самому *Бан-*

тышъ-Каменскому угрожала опасность въ эту страшную минуту, и онъ безъ сомнѣнія погибъ бы отъ рукъ разъяренной толпы, еслибъ не поспѣшилъ откупиться двумя имперіалами и золотыми часами, полученными отъ дяди. Тогда-то увидѣлъ онъ исполненіе пророчественнаго Амвросіева слова: »возьми, говорилъ онъ, отдавая часы *Бантышъ-Каменскому,* они спасутъ тебя«.

Лишась въ Амвросіѣ отца, наставника и благодѣтеля своего, *Бантышъ-Каменскій* на все время свирѣпствованія въ Москвѣ язвы укрылся въ подмосковномъ селѣ Царицынѣ, принадлежавшемъ дядѣ его М. Д. Кантемиру, Кантемиръ поправилъ разстроенное состояніе племянника своего и открылъ ему возможность вступить въ бракъ. Основавшись такимъ образомъ, *Бантышъ-Каменскій* снова обратился къ любимымъ своимъ занятіямъ и снова посыпались зрѣлые плоды неутомимой его дѣятельности. Не было отдыха для этого человѣка; занимаясь какимъ нибудь капитальнымъ сочиненіемъ, онъ въ тоже время составлялъ болѣе мелкія, какбы успокоиваясь надъ ними отъ трудовъ своихъ.

Между тѣмъ Миллеръ приближался къ могилѣ, и не задолго до кончины своей рекомендовалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Н. И. Панину *Бантышъ-Каменскаго,* какъ человѣка, »извѣстнаго испытаннымъ искуствомъ и знаніемъ въ дѣ»лахъ, примѣрнымъ трудолюбіемъ и наклонностію быть поле»знымъ отечеству«. Въ слѣдствіе такой рекомендаціи, *Бантышъ-Каменскій* опредѣленъ былъ въ управляющіе архивомъ, съ которымъ и не хотѣлъ онъ разставаться, не смотря на то, что въ другомъ мѣстѣ могъ бы составить себѣ значительную карьеру, ибо въ туже пору графъ И. А. Остерманъ предлагалъ ему мѣсто оберъ-секретаря въ Коллегіи. Ученыя занятія были для него дороже всѣхъ почестей и блистательныхъ надеждъ.

Бантышъ-Каменскій теперь хозяинъ архива и дѣятельно-

сти его уже не можетъ быть никакого препятствія, за тожъ и труды его будутъ виднѣе. Въ 1784 году, по представленію графа Остермана, онъ получаетъ орденъ св. Владиміра 4 степ. »за усердную, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, служ»бу, особливое въ дѣлахъ радѣніе и искуство и точное испол»неніе должностей съ успѣхомъ и пользою государственною«; въ 1785 году пожалованъ званіемъ канцеляріи совѣтника; въ 1798 Императоръ Павелъ I награждаетъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и почетнымъ командоромъ св. Іоанна Іерусалимскаго »за труды и ревность къ пользѣ службы«, повелѣваетъ обратить ему въ пенсіонъ по смерть получаемое имъ жалованье и посылаетъ отъ своего имени бриліантовый перстень. Въ 1802 году Императоръ Александръ I возводитъ *Бантышъ-Каменскаго* въ кавалеры ордена св. Владиміра 3 степ. »за приведеніе въ должный порядокъ и устройство московска»го коллежскаго архива и за политическія сочиненія, для служ»бы полезныя«; онъ получаетъ бриліантовый перстень за сочиненіе: *Дипломатическое собраніе дѣлъ* между россійскимъ и китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ, и потомъ (1805 г.) другой такой же перстень за свою *Исторію объ Уніи*. Благодарные сослуживцы подносятъ ему портретъ его съ просьбою помѣстить въ архивной палатѣ »на память благоустрой»ства въ семъ архивѣ, чрезъ примѣрное трудолюбіе, имъ ока»занное«, а Государь награждаетъ благороднаго труженика науки орденомъ св. Анны 1 степ. »за долговременное и всегда усердное служеніе«.

А *Бантышъ-Каменскій* и не думалъ успокоиваться отъ трудовъ своихъ. Колоссальнаго размѣра сочиненія его являлись непрерывно. Чуждый внѣшнихъ политическихъ движеній, въ тишинѣ своего рабочаго кабинета, онъ въ извѣстномъ отношеніи былъ тоже государственнымъ человѣкомъ, искренно привязаннымъ къ пользамъ службы, частныя обязанности которой по отношенію къ самому себѣ понялъ онъ всей обширностію

своего свѣтлаго ума. Нельзя не подивиться той мѣткости взгляда, которая проявляется во всякомъ трудѣ его, устремленномъ къ одной и единственной цѣли—разъясненію того, что лежало до него покрытымъ архивною пылью, и во что вдохнулъ онъ дыханіе жизни. Твердость и навыкъ къ систематичности и порядку свидѣтельствуютъ о томъ прекрасномъ направленіи, которое получилъ онъ въ школѣ, путемъ осмѣиваемой нынѣ схоластики ведшей питомцевъ своихъ къ зрѣлому и строгому обсужденію всего потребнаго для общества и частной жизни.

Изумительна дѣятельность *Бантышъ-Каменскаго:* но еще изумительнѣйшею представится она, когда мы увидимъ, что среди ученыхъ и серьезныхъ историческихъ изысканій, не отказывался онъ отъ трудовъ, не относившихся къ прямой его обязанности, а принимаемыхъ имъ единственно изъ любви и по усердію къ тѣмъ училищамъ, которыя положили такое прочное основаніе его всестороннему образованію. Памятуя то, что *Бантышъ-Каменскій* есть воспитанникъ духовныхъ школъ, ученое духовенство не разъ обращалось къ нему за совѣтами въ дѣлѣ образованія юношества и просило о содѣйствіи благороднымъ трудамъ своимъ. Благодарный питомецъ академій съ охотою исполнялъ возлагаемыя на него порученія, составлялъ и на свой счетъ издавалъ множество учебныхъ книгъ, въ которыхъ особенно нуждались тогда духовныя семинаріи,—словомъ, никогда не считалъ онъ своихъ издержекъ, какъ скоро дѣло касалось просвѣщенія своихъ соотечественниковъ.

Пережилъ заслуженный старецъ и *двѣнадцатый* годъ; опять увидѣлъ первопрестольную, откуда изгнала его рука хищника и разрушителя престоловъ; опять началъ посѣщать онъ любимый архивъ, отрадный пріютъ свой, чтобы, какъ говаривалъ онъ самъ, »возстановлять упадающее здоровье, а съ нимъ погасающую жизнь«. Но приблизилось уже время кончины. Мучимый жесточайшею болѣзнію, престарѣлый страдалецъ го-

ворилъ утѣшавшимъ его дѣтямъ: »что вы меня успокоиваете? »Я очень спокоенъ? Я христіанинъ. Мнѣ болѣе семидесяти »лѣтъ: вотъ бо[illegible]нь моя! Въ жизни я никого не обидѣлъ. Что »трудами моими нажилъ, то оставляю вамъ. Никто васъ не »упрекнетъ именемъ отца. Послѣ этого, о чемъ же мнѣ без»покоиться?.. Вѣрую въ Искупителя Христа, и вѣра моя не »посрамитъ меня въ день судный«. Такъ говорилъ благій и вѣрный рабъ Божій, вѣрою и правдою послуживиній Богу, престолу и отечеству!.. *Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій*, Управляющій Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, почетный членъ Императорской Россійской Академіи, Московскаго Университета, Общества Испытателей природы, Бесѣды любителей россійскаго слова, Бесѣды любителей наукъ, словесности и художествъ, дѣйствительный членъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ и вицепрезидентъ Московскаго Библейскаго Общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Анны 1 степ. Владиміра 3 степ. кавалеръ, скончался 20 генваря 1814 года[240].

Бантышъ-Каменскій Иванъ Николаевичъ, меньшой братъ Николая Николаевича, родился 1739 года. Послѣ первоначальныхъ уроковъ домашняго воспитанія, онъ отправленъ былъ къ брату своему, учившемуся уже въ кіевскихъ школахъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ изъ класса въ классъ до тѣхъ поръ, пока того и другаго не перевелъ къ себѣ въ Москву Амвросій Зертисъ-Каменскій. Здѣсь, не докончивъ курса въ московской Академіи, *Иванъ Николаевичъ* поступилъ въ университетъ, гдѣ имѣлъ честь обучаться вмѣстѣ съ знаменитымъ въ послѣдствіи княземъ Г. А. Потемкинымъ. По окончаніи курса наукъ, *Бантышъ-Каменскій* поступилъ въ службу, и хотя не блистательна была его служебная карьера: но просвѣщеніе, прямодушіе и честность доставили ему любовь и почтеніе отъ сильныхъ людей своего времени. Самъ Потемкинъ—Таврическій, гордый со всѣми, обращался съ особен-

нымъ уваженіемъ къ школьному своему товарищу, и охотно прощалъ ему рѣзкіе и откровенные отвѣты. Какъ любитель просвѣщенія *Бантышъ-Каменскій* изыскивалъ всевозможные случаи благодѣтельствовать тѣмъ, кто при скудныхъ средствахъ шелъ тернистымъ путемъ науки. Извѣстный поэтъ нашъ Петровъ имѣлъ въ *Иванѣ Николаевичѣ* лучшаго и усерднаго своего покровителя. И. И. *Бантышъ-Каменскій* умеръ 1787 года[241].

Братановскій Ириней первоначально учитель въ Кіевской Академіи, потомъ проповѣдникъ въ московской и наконецъ 1758 года префектъ и наставникъ философіи. Впрочемъ недолго несъ онъ училищныя занятія въ этомъ званіи. Въ 1759 году уволенный отъ академической службы за слабостію здоровья, *Братановскій* былъ произведенъ въ игумена угрѣшскаго монастыря, потомъ архимандритомъ брянскаго Петропавловскаго и наконецъ ростовскаго Яковлевскаго. Въ 1775 году *Иринея* былъ рукоположенъ въ епископа вологодскаго, и когда 1788 года Велико-Устюжская епархія была упразднена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и находившаяся тамъ семинарія переведена въ Вологду, то къ трудамъ епархіальнымъ присоединились и новыя заботы объ училищѣ. Двадцать одинъ годъ послуживъ паствѣ вологодской, *Ириней Братановскій* скончался 1796 года въ глубокой старости[242].

Завадовскій графъ Петръ Васильевичъ родился 1739 года въ деревенькѣ Красновичахъ, въ пятидесяти верстахъ отъ г. Стародуба черниговской губерніи. Соотвѣтственно небогатому состоянію родителей, первоначальное воспитаніе *Завадовскаго* не могло представлять ничего особеннаго; глушь, отдаленность не только отъ губернскаго, но даже и отъ уѣзднаго города, не позволяли родителямъ его имѣть какого либо посторонняго руководителя и наставника для пятерыхъ дѣтей. По необходимости должно было довольствоваться домашнимъ, патріархальнымъ воспитаніемъ, начинавшимся

въ старые годы съ славянской азбуки, часослова, псалтири и оканчивавшимся цыфирью или наукой счисленія. Можетъ быть, дѣло образованія юныхъ Завадовскихъ на томъ бы и остановилось, еслибъ не обратилъ на нихъ вниманія дядя ихъ по матери, Михайло Ширай, извѣстный въ то время всей Малороссіи своимъ необыкновеннымъ остроуміемъ и разными анекдотами, переходившими изъ устъ въ уста. Обладая довольно значительнымъ состояніемъ и находясь въ стародубскомъ подкоморскомъ судѣ подкоморіемъ[243], онъ принялъ къ себѣ *Петра Завадовскаго* и старшаго его брата и сталъ воспитывать вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Богатыя способности и отличные успѣхи младшаго племянника скоро убѣдили умнаго дядю въ томъ, что для такого питомца мало домашняго образованія. По этому *Завадовскій* отправленъ былъ въ г. Оршу, могилевской губерніи, въ которомъ тогда было іезуитское училище. Ученые патеры приняли его съ величайшею охотою: ибо поступленіе русскихъ дворянъ въ подвѣдомственныя имъ училища съ одной стороны льстило ихъ неутомимому соревнованію съ Кіевской Академіей, а съ другой — и это главное — обѣщало много полезнаго для ихъ постоянныхъ и всему міру извѣстныхъ цѣлей. Долго ли пробылъ тамъ *Завадовскій*—неизвѣстно; когда послѣ того поступилъ въ Академію, тоже нельзя сказать навѣрное. Но принимая во вниманіе то, что цѣлію поступленія его въ кіевское училище было усовершенствованіе себя въ высшихъ наукахъ, можно съ достовѣрностію положить, что *Завадовскій* прибылъ въ Академію уже достаточно къ тому приготовленнымъ, и слѣдовательно въ полномъ цвѣтѣ юности. Окончивъ курсъ наукъ, *Завадовскій* поступилъ на службу въ малороссійскую коллегію, въ должности кіевскаго повытчика[244].

Отличное исполненіе своихъ обязанностей, неутомимое прилежаніе, умное рѣшеніе дѣлъ, возникавшихъ особенно по причинѣ столкновенія Генеральной Канцеляріи съ Малороссійской

Коллегіей, обратили на *Завадовскаго* вниманіе начальства и поставили его на счету примѣрныхъ чиновниковъ. Въ 1764 году графъ Румянцевъ, вступивъ въ управленіе малороссійскимъ краемъ, потребовалъ отъ Коллегіи молодыхъ, благонадежныхъ людей. *Завадовскій*, въ числѣ первыхъ, отправленъ былъ къ будущему герою задунайскому, и здѣсь—то открылась новая школа для питомца Академіи. Великъ былъ учитель, соединявшій въ себѣ обширныя и основательныя познанія по всѣмъ частямъ, и какъ полководецъ и какъ министръ: но достоинъ былъ и ученикъ такого учителя. Оба они поняли другъ друга: глубина мыслей, быстрота соображенія, ясность изложенія и рѣдкое краснорѣчіе великаго наставника въ совершенствѣ отразились въ умномъ и понятливомъ ученикѣ. Подвергая неоднократному испытанію молодаго своего секретаря, Румянцевъ заставлялъ его писать особенно трудныя бумаги. Нелегко доставалась *Завадовскому* на первый разъ такая работа: онъ уходилъ въ самыя уединенныя мѣста съ карандашомъ въ рукѣ, и погрузясь въ глубокое размышленіе, писалъ и маралъ, помня школьное правило старика Горація: saepius stylum vorte, и потомъ являлся къ своему патрону робко и недовѣрчиво. Затожъ какъ пріятно бывало для молодаго дѣльца услышать себѣ одобреніе отъ такого высокаго начальника, какимъ былъ Румянцевъ! Отъ него наконецъ научился онъ той осторожности въ рѣшеніи дѣлъ, той всесторонней обдуманности извѣстнаго юридическаго вопроса, которыя были видны потомъ во всякой бумагѣ *Завадовскаго*. Принявъ въ скоромъ времени портфель правителя Тайной Канцеляріи Румянцева, онъ сошелся здѣсь съ своимъ товарищемъ по школѣ, впослѣдствіи княземъ Безбородко. Оба они завѣдывали дѣлами будущаго фельдмаршала; оба и даже въ однихъ чинахъ сопровождали потомъ Румянцева на пути къ славѣ, и когда одинъ изъ нихъ подвизался въ рядахъ христолюбиваго воинства, другой краснорѣчивымъ перомъ передавалъ отдаленному потомству великія дѣла Задунайскаго и его сподвижниковъ.

Въ 1775 году *Завадовскій* опредѣленъ былъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, продаваемыхъ на Высочайше имя, а въ непродолжительномъ времени произведенъ въ генералъ-майоры. Вѣрная и державная исполнительница великихъ предначертаній Петра I Екатерина II повелѣла 14 декабря 1766 года, для введенія въ Россіи общаго уложенія законовъ, составить коммиссію изъ депутатовъ со всей Имперіи. Между тѣмъ сама Императрица предложила членамъ готовый Наказъ, составленный ею по мыслямъ лучшихъ европейскихъ юрисконсультовъ, и въ этомъ-то великомъ дѣлѣ державной законодательницы участвовалъ *Завадовскій,* какъ одинъ изъ разумнѣйшихъ и опытнѣйшихъ правовѣдовъ Пусть бы ничѣмъ другимъ не ознаменовалось служебное поприще этого государственнаго человѣка: но довольно одного довѣрія мудрѣйшей изъ Монархинь, чтобъ дать мѣсто *Завадовскому* въ ряду замѣчательнѣйшихъ лицъ блестящаго вѣка Екатерины.

Но собраніе въ Москвѣ депутатской коммиссіи, не смотря на семилѣтніе труды ея, не совсѣмъ соотвѣтствовали ожиданіямъ Императрицы; по этому она сама сполна приняла на себя дѣло законодательства, и упразднивъ всѣ коммиссіи, начала постепенно издавать постановленія, смотря по мѣрѣ надобности, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. И снова сотрудникомъ Великой является *Завадовскій.* Онъ размышлялъ, соображалъ, перечитывалъ передъ самой Государыней свои проэкты, и наконецъ 7 ноября 1755 г. появилось Высочайше утвержденное Учрежденіе о губерніяхъ—плодъ долговременныхъ и глубокихъ его думъ и соображеній. Это не была система, построенная на пустыхъ, ничего не значущихъ теоріяхъ, не было что либо занятое изъ чужеземныхъ законоположеній, а дѣло природнаго, русскаго ума, широко обнявшаго духъ и потребности народа и положительныя пользы своего отечества. Почести и награды посылались вслѣдъ за симъ на *Завадовскаго;* онъ получилъ деревни, званіе тайнаго совѣтника и се-

натора, Но его ожидали еще большіе труды и ближайшіе къ его сердцу.

1782 года 7 сентября, на имя тайнаго совѣтника *Завадовскаго* и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Эминуса и Пѣтухова, послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ коемъ Государыня, изъявляя свое соизволеніе на учрежденіе коммиссіи для устроенія народныхъ школъ и составленія для нихъ учебныхъ руководствъ, изволила назначить показанныхъ особъ къ составленію оной подъ собственнымъ ея вѣдѣніемъ. Съ сего-то времени *Завадовскій*, и какъ предсѣдатель коммиссіи, и какъ любитель наукъ, со всею ревностію принялся за занятія, обдумывая исполненіе благотворнаго предначертанія Монархини во всей его обширности. Къ концу того же мѣсяца и года уже изготовленъ былъ коммиссіей планъ къ единообразному учрежденію народныхъ училищъ, и тогда же былъ представленъ *Завадовскимъ* Государынѣ и удостоился Высочайшаго ея одобренія. Въ слѣдующемъ 1783 году благодѣтельный планъ этотъ началъ осуществляться: для удобнѣйшаго снабженія народныхъ училищъ потребнымъ числомъ учителей открыто въ С. Петербургѣ Главное Народное Училище, при которомъ, сверхъ вольнослушающихъ, повелѣно учить и содержать на казенномъ иждивеніи не менѣе ста человѣкъ, для образованія изъ нихъ учителей, изъ духовныхъ семинарій, изъ школъ воинскихъ командъ и изъ добровольно желающихъ. Наставниками этихъ кандидатовъ въ педагоги были на первый разъ академики с. петербургской Академіи наукъ и профессоры московскаго университета, а душою этого первороднаго изъ народныхъ училищъ былъ *Завадовскій*. Исторія нашего отечественнаго просвѣщенія показываетъ, съ какой изумительной быстротой и въ какомъ количествѣ являлись эти школы одна за другой почти во всѣхъ концахъ Россіи, по мановенію геніальнаго министра, какое первоначальное устройство, и за тѣмъ, какія преобразованія и улучшенія получали они отъ него время отъ времени,

и какъ быстро, при его благодѣтельномъ надзорѣ и неутомимомъ содѣйствіи, шли онѣ всѣ къ желаемому совершенству.

Кромѣ всѣхъ этихъ занятій, по предмету народнаго просвѣщенія, *Завадовскій* имѣлъ еще много и другихъ работъ, клонившихся къ устройству разныхъ присутственныхъ мѣстъ въ имперіи. Такимъ образомъ въ 1788 году учреждена была особая коммиссія для составленія проэкта о сокращеніи канцелярскаго порядка, которой онъ былъ назначенъ президентомъ. Его же многообъемлющему уму обязаны совершеннымъ своимъ преобразованіемъ Заемный и Ассигнаціонный Банки, уставы для которыхъ составлены собственно *Завадовскимъ*. Вообще, не было почти ни одного вновь учреждаемаго заведенія, гдѣ бы не требовали его содѣйствія и совѣтовъ, и всюду являлся онъ съ своей неутомимой дѣятельностію, съ своимъ вѣрнымъ и спокойнымъ взглядомъ на дѣла и вещи. Былъ онъ и членомъ Коммиссіи о построеніи Исакіевскаго собора и главнымъ директоромъ Банковъ, занимался устройствомъ медицинской части, присутствовалъ въ Сенатѣ въ совѣтахъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и училища ордена св. Екатерины, и исполнялъ множество другихъ разнородныхъ порученій, пользуясь по самую кончину Императрицы отличною ея довѣренностью и благоволеніемъ. Титло графа было уже послѣдней наградой Великой Монархини вѣрному и высокопросвѣщенному слугѣ престола и отечества.

Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ прародительскій, утвердилъ графскій дипломъ *Завадовскаго*, пожалованный державною его матерью, и вслѣдъ за тѣмъ возложилъ на него орденъ св. Андрея первозваннаго: но этимъ и окончилась при Павлѣ I государственная служба одного изъ великихъ людей Екатерины. Графъ *Завадовскій*, получивъ увольненіе отъ всѣхъ должностей, отправился въ малороссійскую свою деревню, гдѣ среди родныхъ и преданныхъ ему земляковъ отдыхалъ отъ

многотрудныхъ занятій, подъятыхъ имъ на пользу и славу любезнаго своего отечества.

Императоръ Александръ I снова вызвалъ *Завадовскаго* на оставленное имъ высокое поприще службы. Въ самый день возшествія своего на престолъ, Государь отправилъ къ нему гонца съ самымъ лестнымъ рескриптомъ, призывая *Завадовскаго* къ прежнимъ трудамъ. Ревностный слуга Престолу и отечеству не замедлилъ явиться въ Петербургъ, и тотчасъ же вступилъ въ управленіе Коммиссіей о составленіи законовъ россійской имперіи. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по сему случаю на имя графа *Завадовскаго,* между прочимъ было сказано: »къ совершенію сего мнѣ кажется нужнымъ избрать »человѣка, который бы сверхъ обширныхъ по сей части свѣ»дѣній имѣлъ и достаточное познаніе о дѣйствіи бывшихъ до»селѣ коммиссій, дабы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе могъ онъ все »привесть въ надлежащее движеніе. Находя въ васъ всѣ сіи »свойства, и зная съ одной стороны, съ какимъ успѣхомъ упо»треблены вы были прежде по сей части, съ другой бывъ »удостовѣренъ, что честь содѣйствовать пользамъ отечества въ »столь важныхъ отношеніяхъ не можетъ не быть для васъ чув»ствительна, я поручаю вамъ сіе дѣло во всемъ его про»странствѣ, вѣряя вашему непосредственному управленію су»ществующую нынѣ коммиссію о законахъ подъ непосред»ственнымъ моимъ вѣдѣніемъ«. Кромѣ этого рескрипта, *Завадовскій* былъ снабженъ по сему случаю особой инструкціей, въ которой между прочимъ было изображено: »Я считаю здѣсь »почти излишнимъ примѣчать, что предложенія въ Наказѣ лю»безнѣйшей бабки моей Императрицы Екатерины II помѣщен»ныя, содержатъ въ себѣ избраннѣйшія въ семъ родѣ истины, »и могутъ пролить великій свѣтъ на упражненія коммиссіи. »Вамъ извѣстно сіе болѣе, нежели кому либо другому«. Но распоряженія этой Коммиссіи не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Промыслу угодно было предоставить исполненіе вели-

кихъ предначертаній Петра, Екатерины и Александра славному царствованію Императора Николая I, чрезъ воспитанника другой духовной Академіи графа М. М. Сперанскаго.

При учрежденіи министерствъ въ 1802 году *Завадовскому* поручено было управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, и скоро вся Россія увидѣла, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ одушевленный ревностію къ пользамъ отечества, ободряемый Высочайшимъ вниманіемъ и принимающійся за дѣло свое съ полнымъ знаніемъ и горячею къ нему любовію. Съ небольшимъ въ восемь лѣтъ, по всей имперіи, кромѣ разныхъ ученыхъ обществъ, открыто графомъ *Завадовскимъ* тысяча сто тридцать два высшихъ и низшихъ народныхъ училищъ.

Въ 1810 году 11 апрѣля графъ *Петръ Васильевичъ*, сдавъ министерскій портфель Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, по самую кончину свою оставался предсѣдателемъ Государственнаго совѣта, какъ юрисконсультъ, и въ тоже время присутствовалъ въ сенатѣ, въ совѣтахъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, Института ордена св. Екатерины и въ совѣтѣ о военныхъ училищахъ. Это былъ истинно государственный человѣкъ не по одному только чину и званію. Обладая необыкновенно проницательнымъ и изобрѣтательнымъ умомъ, *Завадовскій* никогда не увлекался страстію къ независимо-оригинальному творчеству, которое такъ часто вовлекаетъ въ непоправимыя ошибки великихъ законодателей и людей государственныхъ. Духъ времени, существенныя требованія народности, существующія постановленія, разныя обстоятельства, настоящія и могущія быть случайности—все принимаемо было имъ во вниманіе при обдумываніи какого либо государственнаго проэкта. »Никогда не должно, говаривалъ онъ, безъ »важной и основательной причины, вдругъ истреблять какое бы »то ни было прежнее учрежденіе, а если есть что нибудь дур»наго, постепенно и непримѣтно перемѣнять и улучшивать; ни-

»когда не должно въ законоположеніяхъ и учрежденіяхъ упре»ждать время, а слѣдовать за нимъ«.

Въ пятдесятъ лѣтъ неутомимой своей службы графъ *Петръ Васильевичъ*, перешедши всѣ служебныя степени отъ низшей до высшей, сдѣлавшись изъ повытчика Малороссійской Коллегіи министромъ, заслуживъ благоволеніе и довѣріе трехъ Монарховъ и благодарность отечества, скончался 10 генваря 1812 года, и погребенъ въ Александро-невской Лаврѣ[245].

Золотницкій Владиміръ Трофимовичъ родился 1741 года въ кіевской губерніи отъ сельскаго священника, который и самъ нѣкогда былъ воспитанникомъ Братскихъ школъ. Изучивъ дома русскую и латинскую грамоту, подъ руководствомъ своего отца, *Золотницкій* отданъ былъ въ Кіевскую Академію, а въ 1760 году перешелъ въ московскій университетъ, откуда, по рекомендаціи тамошняго начальства опредѣленъ въ сухопутный кадетскій корпусъ учителемъ, а отсюда переводчикомъ съ чиномъ подпоручика. Въ 1771 году *Золотницкій* перешелъ въ полевые полки премьеръ-майоромъ, и состоя членомъ коммиссіи о разводѣ Татаръ, дослужился чина полковника и скончался на службѣ въ днѣпровскомъ пикинерномъ полку. Не смотря на тягость военнаго ремесла, не смотря на непостоянство мѣстопребыванія, *Золотницкій* не оставлялъ занятій учеными предметами и писалъ очень много. Въ одно и тоже время онъ желалъ быть и философомъ и естествоиспытателемъ и баснописцемъ и лирикомъ. Изъ одного лишь перечисленія вышедшихъ въ свѣтъ сочиненій *Золотницкаго* видно, какъ много онъ трудился на томъ поприщѣ, которое такъ мало гармонировало съ избраннымъ имъ родомъ службы[246]. Митрополитъ Евгеній называетъ его нравоучительныя сочиненія »довольно изрядными«, а оды сатирическія, письма и другія стихотворенія »нехудыми«[247].

Каллиграфъ Владиміръ происходилъ изъ евреевъ, и

по принятіи христіанской вѣры, выслушалъ въ Академіи полный курсъ наукъ. За симъ опредѣленъ былъ въ учители, а 1735 года переведенъ въ московскую Академію преподавателемъ философіи; черезъ два года послѣ сего утвержденъ былъ въ званіи префекта и занялъ каѳедру богословія. Представленіе митрополита Арсенія Мацѣевича, будтобы »архимандритъ *Владиміръ* »*Каллиграфъ* въ церкви Владимірскія Богородицы въ Москвѣ »говорилъ на поученіи плевелы не токмо лютеранскія и каль»винскія, но и жидовскія«, было причиною того, что его удалили изъ Москвы въ Ярославль. Но какъ видно, слѣдствіе не оправдало представленія Синоду пылкаго архипастыря, ибо не смотря на удаленіе *Каллиграфа* отъ Академіи, все же оставалось при немъ настоятельство въ Спасскомъ монастырѣ. *Владиміръ Каллиграфъ* скончался на покоѣ въ Троицкой Лаврѣ[248].

Козицкій Григорій Васильевичъ родился около 1725 года въ Малороссіи. Достигнувъ высшихъ классовъ въ Академіи, онъ поступилъ въ домъ графовъ Гудовичей въ качествѣ ментора, и потомъ съ однимъ изъ питомцевъ своихъ Андреемъ Васильевичемъ, который впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II, отправился въ путешествіе по Европѣ[249]. Въ Бреславлѣ онъ сошелся съ однимъ изъ академическихъ своихъ совоспитанниковъ Н. Н. Мотонисомъ, путешествовавшимъ собственно съ ученою цѣлію. Взаимно обрадовавшись такой встрѣчѣ, молодые люди положили между собою заняться какимъ либо ученымъ дѣломъ, и въ слѣдствіе сего перевели съ новогреческаго языка на латинскій извѣстную Минятіеву книгу, подъ названіемъ: *Камень соблазна*. Въ 1752 году они издали ее въ Бреславлѣ въ два столбца, изъ которыхъ въ одномъ помѣстили попавшійся имъ подлинникъ, а въ другомъ переводъ свой, и посвятили этотъ трудъ бывшему наставнику своему въ Академіи, славному эллинисту Варлааму Лящевскому. »Сіе изданіе ихъ, говоритъ митрополитъ Евгеній, замѣчательно тѣмъ, »что оно и въ подлинникѣ исправнѣе напечатаннаго въ 1743

»году, ибо переводчики и оный во многихъ ошибкахъ текста »и акнектовъ исправляли, какъ написали въ посвященіи своему »учителю; многое опущенное ввели, многое изъяснили, справ- »лялись со всѣми тѣми писателяли, на коихъ Минятій ссылается, »а въ темныхъ мѣстахъ прибавили изъясненія свои, и наконецъ »присовокупили азбучную роспись всей книгѣ«[250]. Возвратясь изъ своего путешествія и облагодѣтельствованный благодарнымъ семействомъ Гудовичей, *Козицкій* опредѣлился 1758 года въ С.-Петербургскую Академію наукъ лекторомъ философіи и словесности, и скоро произведенъ былъ въ адъюнкта и почетнаго члена Академіи. Рѣдкія способности, обогащенныя разнообразными свѣдѣніями и всесторонняя ученость обратили на него вниманіе самой Императрицы Екатерины II, которая Всемилостивѣйше пожаловала его своимъ статсъ-секретаремъ. Слѣдуя высокому примѣру Государыни, не чуждавшейся литературныхъ занятій, *Козицкій* напечаталъ въ Трудолюбивой Пчелѣ первую свою статью о *пользѣ Миѳологіи*, а въ 1769 году и самъ началъ издавать еженедѣльникъ, подъ названіемъ: *Всякая всячина*, взявъ себѣ въ этомъ дѣлѣ за образецъ англійскій журналъ: Quaterly Rewiew. Желая вмѣстѣ съ этимъ ознакомить просвѣщенную, но гордую и недовѣрчивую къ успѣхамъ Россіи, Европу съ произведеніями, полными свѣжести и силы ума самостоятельнаго, *Козицкій* перевелъ на латинскій языкъ два сочиненія Ломоносова: » о пользѣ химіи и о происхожденіи свѣта«. Императрица поняла мысль переводчика, и поручила *Козицкому* переложить на языкъ латинскій *Наказъ Коммиссіи*. Удостоенный за тѣмъ званія члена собранія, учрежденнаго самой Государыней, для перевода иностранныхъ книгъ на языкъ россійскій, *Козицкій* ревностно исполнялъ сіе порученіе, и въ короткое время успѣлъ перевести и издать въ свѣтъ разсужденіе Эпинуса *о строеніи міра* съ нѣмецкаго, и *Овидіевы превращенія* съ латинскаго языковъ. Не забывалъ благодарный воспитанникъ и духовной кормилицы своей Кіевской Академіи. Когда въ 1768 году начала составляться особая библіотека собственно въ бурсѣ, *Козицкій*

явился въ числѣ первыхъ жертвователей, и внесъ значительное, по тогдашнему времени, количество книгъ. *Григорій Васильевичъ Козицкій* скончался 1775 года[251].

Кондратовичъ Иларіонъ. Болѣе замѣтная въ іерархическомъ отношеніи служба его началась въ Кіево-межигорскомъ монастырѣ, котораго онъ былъ прежде игуменомъ, а потомъ архимандритомъ. Отсюда въ 1775 году *Кондратовичъ* былъ переведенъ въ Колязинъ Троицкій тверской монастырь, а черезъ годъ хиротонисанъ въ епископа переяславскаго. Въ 1785 году *Иларіонъ* былъ назначенъ на паству новгородъ-сѣверскую и глуховскую, а въ 1790 году переведенъ въ Могилевъ: но преклонныя лѣта и долговременная служба заставили его въ томъ же году просить увольненія отъ епархіи, что и получилъ онъ вмѣстѣ съ производствомъ полнаго архіерейскаго жалованья. Сверхъ этого *Иларіону* порученъ былъ въ управленіе новгородъ-сѣверскій монастырь, въ которомъ онъ 1799 года 12 генваря и скончался[252].

Мочульскій Феоктистъ родился 1732 года въ заднѣпровской Украйнѣ, принадлежавшей тогда польской коронѣ. Первые начатки ученія онъ получилъ въ переяславской семинаріи, откуда потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію. Здѣсь *Мочульскій* принялъ монашество; а въ 1761 году былъ вытребованъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ къ должности законоучителя. Послѣ шестилѣтней училищной службы, онъ былъ посвященъ въ архимандриты глуховскаго Петропавловскаго монастыря. *Мочульскій* однакожъ не долго тутъ оставался, и въ короткое время перемѣнилъ много настоятельствъ, бывъ архимандритомъ Харлампіева, Гамалѣевскаго, Кіево-михайловскаго, ростовскаго Яковлевскаго, полтавскаго Кресто-воздвиженскаго съ званіемъ администратора славенской епархіи[253], и наконецъ первокласнаго тверскаго Колязина монастырей. Въ 1784 году *Феоктистъ* рукоположенъ былъ въ епископа сѣвской епархіи, бывшей ви-

карною московской, а черезъ три года переведенъ въ бѣлогородскую. Ученый архипастырь, немедленно по прибытіи на епархію, обратилъ все свое вниманіе на образованіе духовенства, и самъ началъ писать и издавать различныя наставленія и уставы, касающіеся духовнаго юношества. Отъ первыхъ начатковъ ученія до послѣднихъ школъ семинарскихъ — все было предметомъ его просвѣщенной наблюдательности и дѣятельнѣйшаго устроенія. То онъ пишетъ *Наставленія* для священно-церковно-служителей своей епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ; то издаетъ для нихъ же *Дѣтскую Энциклопедію* или кругъ дѣтскаго обученія, то подаетъ *Драхму отъ сокровища Божественныхъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта,* или сокращеніе правилъ, къ знанію потребныхъ при чтеніи св. Писанія — все въ пользу тѣхъ же священно-церковно-служительскихъ дѣтей. Наконецъ онъ пишетъ *Инструкцію* семинарскимъ инспекторамъ, составляетъ *Краткія правила ирмолойнаго пѣнія,* трактатъ *о внѣшнемъ богослуженіи* или обрядахъ церковныхъ и *Краткое объясненіе Устава Церковнаго*, которое сдѣлалось потомъ во всѣхъ училищахъ духовныхъ классическою книгою. Не оставляетъ онъ своихъ питомцевъ и на поприщѣ священной ихъ службы; онъ составляетъ и издаетъ для руководства ихъ *Опытъ герменевтическаго объясненія о пасхаліи.* Чуждый мелочнаго самолюбія, онъ отсылаетъ сочиненія свои въ Кіевскую Академію, прося строжайшаго разсмотрѣнія оныхъ; ибо, замѣчаетъ онъ, »отъ критики науки приходятъ въ совершенство«, — и среди такой неутомимой кабинетной работы успѣваетъ еще поучать паству свою отъ божественнаго Писанія. Казалось, сей пастырь всю жизнь свою рѣшился посвятить образованію дѣтей, зная, что на »сихъ малыхъ« зиждется великое дѣло благосостоянія общественнаго. Такъ, еще будучи только законоучителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, *Ѳеоктистъ* издалъ *Логику* и *Реторику*, стараясь восполнить этимъ недостатокъ классическаго руководства и болѣе другихъ понимая потребности юныхъ питомцевъ. Въ награду неутомимыхъ трудовъ по управленію епархіей, *Ѳеоктистъ* въ 1800

году былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степ., а черезъ годъ саномъ архіепископа; 1810 получилъ орденъ св. Александра Невскаго, а 1818 года 30 апрѣля скончался въ Бѣлгородѣ, оставивъ по себѣ вѣчную память въ облагодѣтельствованной имъ паствѣ[254].

Петровичъ Макарій родился 1734 года въ Венгріи въ м. Темесварѣ отъ тамошняго православнаго священника. Юныя лѣта свои онъ провелъ на родинѣ, подъ покровительствомъ темесварскаго архіепископа Виссаріона, усерднаго распространителя христіанскаго просвѣщенія между своими соотчичами. Мудрый попечитель, замѣтивъ быстрыя способности своего питомца и не имѣя подъ руками высшихъ средствъ для образованія юноши, послалъ его въ Кіевскую Академію, откуда онъ потомъ перешелъ въ московскую. Здѣсь *Петровичъ* принялъ монашество и вмѣстѣ съ тѣмъ каѳедру реторики; въ 1759 и 1760 годахъ былъ назначенъ академическимъ проповѣдникомъ, а потомъ префектомъ и учителемъ философіи. Въ 1764 году *Петровичъ* переведенъ въ тверской Желтиковъ монастырь архимандритомъ и ректоромъ тверской семинаріи; но къ сожалѣнію въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ скончался тамъ 24 декабря 1766 года. Не будучи природно русскимъ, онъ такъ хорошо изучилъ языкъ новаго своего отечества, что краснорѣчіемъ своимъ и даромъ проповѣдничества равнялся съ самыми лучшими современными писателями, превосходя всѣхъ особенно даромъ произношенія. Памятникомъ своей учености *Петровичъ* оставилъ систему философіи и богословія. Послѣдняя изъ нихъ отличается отъ всѣхъ современныхъ учебниковъ правильнымъ расположеніемъ, ясностію слога и отборными доказательствами, взятыми изъ свящ. Писанія и отцовъ Церкви[255].

Рубанъ Василій Григорьевичъ родился въ Малороссіи 1739 года. Получивъ дома первоначальные уроки, *Рубанъ* поступилъ въ Кіевскую Академію и, совершивъ курсъ фило-

софіи, перешелъ въ московскій университетъ, гдѣ обратилъ особенное вниманіе на изученіе отечественной словесности. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ сочиненіяхъ *Рубана* рѣзко отличались два направленія, сообщенныя ему двумя, различными по своему характеру, учебными заведеніями: но оба эти направленія, сливаясь воедино, образовали изъ него всесторонняго дѣятеля на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія. Съ 1767 года *Рубанъ* началъ появляться въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ съ своими лирическими и антологическими стихотвореніями. Удачное изобрѣтеніе мыслей, ловкость оборотовъ, чистота самаго выраженія обратили на него вниманіе современныхъ литераторовъ. Черезъ два года послѣ этого онъ и самъ рѣшился взяться за трудное дѣло журналиста. Въ 1769 году сталъ выходить еженедѣльникъ, подъ названіемъ: *Ни то ни сіо*, а черезъ два года основанъ имъ другой журналъ: *Трудолюбивый Муравей*, выходившій почти всякую недѣлю; въ 1772 и 1773 онъ издавалъ и третій еженедѣльникъ: *Старина и новизна*. Всѣ они состояли изъ мелкихъ прозаическихъ статей и разнаго рода стихотвореній. Конечно, дѣло журнальное являлось тутъ въ совершенномъ дѣтствѣ; за мнимую красоту слога, за острое словцо проходило иногда и такое издѣліе, въ которомъ не замѣтно было даже и претензіи на мысль: но всежъ было видно литературное движеніе впередъ, все же нельзя не отдать справедливости, въ числѣ прочихъ современныхъ писателей, и *Рубану*, который своими книжками, по мѣрѣ силъ и возможности, способствовалъ распространенію любви къ чтенію и занятію литературой. Но стихотворные опыты и журнальныя занятія его были не болѣе, какъ приготовленіе къ важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ трудамъ. Имѣя еще на рукахъ своихъ упомянутые еженедѣльники, *Рубанъ* занимался исторіею своего роднаго края, и въ 1773 году издалъ сначала *Краткое извѣстіе о Малороссіи*, дополнивъ и распространивъ потомъ оное подъ именемъ *Краткой лѣтописи Малой Россіи* съ 1506 по 1775 годъ. Въ этой книгѣ уже обширнѣй были разъяснены всѣ пріемы существовавшаго

въ то время малороссійскаго управленія, пріобщенъ любопытный списокъ, въ хронологическомъ порядкѣ, прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и знаменитыхъ іерарховъ. Читатель находилъ здѣсь полныя географическія и статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи, числѣ церквей, публичныхъ зданій, о почтовыхъ сообщеніяхъ и о многихъ другихъ полезныхъ и любопытныхъ предметахъ. Въ дополненіе къ этому сочиненію, *Рубанъ* въ томъ же году напечаталъ *Землеописаніе Малыя Россіи,* изъясняющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей и сколько гдѣ выборныхъ козаковъ, подпомощниковъ и проч. По всему видно, что предметъ этотъ былъ близокъ сердцу автора и заставлялъ его забывать труды, неизбѣжно сопряженные съ археологическими и статико-географическими изысканіями. Занятія эти не препятствовали однакожъ *Рубану* въ тоже самое время въ теченіи четырехъ лѣтъ (1775, 1776, 1778 и 1780) издавать въ Москвѣ и Петербургѣ *Любопытные Мѣсяцословы* съ разными историческими и статистическими приложеніями, и составить въ 1777 году огромную книгу, подъ названіемъ: *Всеобщій гонецъ и путеказатель* или *Полный Дорожникъ.* Это было важнымъ пріобрѣтеніемъ для того времени, и потому *Дорожникъ Рубана,* послѣ перваго изданія, былъ перепечатанъ еще два раза (1791 и 1793 г.). Любя поэзію и считаясь въ свое время однимъ не изъ послѣднихъ стихотворцевъ, *Рубанъ,* по движенію благочестиваго чувства, избралъ для своей лиры *Канонъ св. Пасхи* и переложилъ его стихами въ 1779 году. Въ 1780 онъ составилъ *Россійскій Царскій Памятникъ* или Историческій Словарь Государей и Государынь, о которыхъ Церковь православная въ извѣстные дни совершаетъ заупокойныя молитвословія. Книжка эта была издаваема *Рубаномъ* три раза для безмездной разсылки по всѣмъ церквамъ Россійской Имперіи. Въ 1782 году онъ составилъ *Описаніе Москвы.* Но этимъ не ограничивались ученыя и литературныя занятія *Рубана.* Какъ воспитанникъ Академіи, и слѣдовательно, отличный знатокъ древнихъ языковъ, онъ пе-

редалъ въ переводѣ множество классическихъ сочиненій. Какъ безкорыстный и истинный любитель просвѣщенія, *Рубанъ* съ радостію помогалъ всякому въ дѣлѣ науки и съ отверстыми объятіями встрѣчалъ сколько нибудь замѣчательное дарованіе. Его стараніями вышли въ свѣтъ многія сочиненія и переводы, авторы которыхъ или не осмѣливались или не были въ состояніи издать ихъ. *Василій Григорьевичъ Рубанъ* скончался 1795 года, будучи директоромъ екатеринославскихъ училищъ. Кромѣ этого онъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества и Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ[256].

Симоновскій Петръ Корниліевичъ, сотникъ кіевскаго полку, по окончаніи курса наукъ въ Кіевѣ, отправлялся потомъ въ Варшаву для изученія собственно историческихъ наукъ. Ему хотѣлось послушать славнаго въ то время профессора Адама Нарушевича и повѣрить его уроками тѣ преданія о малороссійскомъ народѣ и объ отношеніяхъ его къ польской коронѣ, которыя неутомимо собиралъ онъ въ продолженіе школьной своей жизни. Удовлетворивъ своему желанію, *Симоновскій*, въ званіи гофмейстера, поступилъ къ Гудовичу и съ дѣтьми его ѣздилъ въ Парижъ, имѣя товарищами своими Козицкаго и Мотониса. Возвратясь оттуда, онъ поселился въ Малороссіи, посвящая досужее время изысканіямъ. Въ 1761 году онъ составилъ *Краткое описаніе Малороссійскаго козацкаго народа съ начала происхожденія его и разнообразнаго по временамъ состоянія по 1761 годъ*. Книга эта однакожъ не издана, а между тѣмъ въ ней помѣщено очень много любопытныхъ изысканій, взятыхъ авторомъ у иностранныхъ и русскихъ писателей[257].

Сѣчкаревъ Лука Ивановичъ родился 1741 года въ Нѣжинѣ отъ тамошняго земскаго писаря Ивана Яковлева. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ отданъ былъ отцомъ своимъ въ Кіевскую Академію и изумительными успѣхами въ наукахъ опередилъ

всѣхъ своихъ товарищей по воспитанію. Шестнадцати лѣтъ отъ роду *Сѣчкаревъ* уже окончилъ философскій курсъ и отличился особенно знаніемъ языковъ, такъ что заслужилъ почетный отзывъ отъ всего академическаго начальства въ оффиціальномъ отчетѣ, представленномъ митрополиту Арсенію Могилянскому[258]. Въ 1757 году *Сѣчкаревъ* перешелъ въ С.-Петербургскую Академію Наукъ, и черезъ четыре года поступилъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ учителемъ нѣмецкаго языка, состоя между тѣмъ переводчикомъ при Медицинской Коллегіи. Въ 1769, переименованный въ подпоручика, онъ былъ опредѣленъ въ Инженерный Корпусъ учителемъ исторіи, географіи и русской словесности. Отличное преподаваніе этихъ предметовъ и неутомимая ученая дѣятельность доставили ему въ три года два слѣдующіе оберъ-офицерскіе чина. Въ званіи армейскаго капитана *Сѣчкаревъ* 1772 года опредѣлился въ св. Синодъ переводчикомъ, гдѣ снова началъ получать производство въ чины по гражданскому вѣдомству. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего онъ перешелъ въ штатъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, гдѣ принялъ въ управленіе секретную экспедицію, состоя при томъ директоромъ екатеринославскихъ училищъ. Къ послѣдней однакожъ своей должности *Сѣчкаревъ* не являлся, ибо все время находился безотлучно при свѣтлѣйшемъ во всѣхъ походахъ его противъ Турокъ до замиренія съ ними. По кончинѣ Потемкина, *Сѣчкаревъ* 1792 года назначенъ былъ прокуроромъ св. Синода: но черезъ шесть лѣтъ совсѣмъ уволился отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника и съ полнымъ пенсіономъ. Онъ умеръ въ Москвѣ 1809 года. Какъ ученый и знаменитый своего времени лингвистъ, *Сѣчкаревъ* заслужилъ себѣ извѣстность въ русской литературѣ не столько собственными сочиненіями, сколько переводами съ разныхъ языковъ. Не даромъ Академія хвалилась своимъ воспитанникомъ; такихъ лингвистовъ трудно было сыскать въ его время. *Сѣчкаревъ* зналъ въ совершенствѣ языки греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій и польскій и съ каждаго изъ

нихъ оставилъ множество переводовъ, къ сожалѣнію, большею частію до нынѣ остающихся въ рукописяхъ[259].

Флоринскій Авраамій, по происхожденію, кіевскій мѣщанинъ. Окончивъ академическій курсъ, онъ въ 1752 году опредѣленъ былъ въ званіе учительское, и переходя изъ школы въ школу, черезъ три года назначенъ исправляющимъ должность префекта и преподавателемъ философіи, »по системѣ Баумейстера«. Вмѣстѣ съ этимъ *Флоринскій* проходилъ и обязанности начальника Великой Конгрегаціи. Въ 1758 году онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ въ виленскій Святодуховъ монастырь съ титломъ пріора или старшаго; а черезъ четыре года посвященъ въ санъ архимандрита во владимірскій Константиновъ монастырь съ званіемъ ректора тамошней семинаріи. При немъ это училище получило первый штатный окладъ, состоявшій изъ шестисотъ пятидесяти трехъ рублей пятидесяти пяти копѣекъ[260]. Въ 1773 году *Флоринскій* былъ переведенъ въ ростовскій Борисоглѣбскій, а черезъ два года въ Авраміевъ, тамже находящійся, монастырь. Здѣсь онъ занимался исправленіемъ стариннаго перевода Бесѣдъ Златоустовыхъ на Евангелія Матѳея и Іоанна. Многія мѣста этихъ огромныхъ переводовъ совершенно передѣланы *Флоринскимъ*. Въ 1786 году онъ былъ переведенъ въ Яковлевскій монастырь, гдѣ и скончался 1797 года 30 апрѣля[261].

Формаковскій Іеронимъ въ 1765 году завѣдывалъ префектурою казанской академіи, а въ слѣдующемъ былъ опредѣленъ ректоромъ и архимандритомъ Спасопреображенскаго монастыря. Въ 1767 году, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ переведенъ въ свіяжскій Богородицкій монастырь, и черезъ три года посвященъ въ епископа владимірскаго. Скончался 3 августа 1783 года[262].

Халчинскій Геннадій. Еще въ бытность свою сту-

дентомъ Академіи, заслужилъ онъ себѣ извѣстность, какъ отличный лингвистъ и рекомендованъ наставникомъ своимъ Лящевскимъ, какъ человѣкъ, вполнѣ способный замѣнить его. По окончаніи курса, онъ проходилъ при Академіи низшія училищныя должности и здѣсь же вступилъ въ монашество. Въ 1757 году *Халчинскій* былъ вызванъ въ казанскую академію на должность префекта, и чрезъ три года произведенъ въ архимандрита седміезерской Богородицкой пустыни, откуда 1764 года поступилъ въ Раифскую пустынь, а чрезъ годъ принялъ въ управленіе нижегородскій печерскій монастырь, гдѣ и скончался[263].

Хмельницкій Иванъ, ученѣйшій мужъ своего времени. Кончивъ курсъ наукъ въ Кіевской Академіи, онъ отправился за границу, и тамъ въ Кенигсберскомъ университетѣ довершилъ образованіе свое. Сочиненіе, написанное *Хмельницкимъ* на степень доктора философіи, обратило на него вниманіе всего ученаго міра; оно тогда же (1762 г.) было напечатано въ Кенигсбергѣ и удостоено отличнаго отзыва редактора гамбургскихъ вѣдомостей. Глубокій знатокъ философіи, *Хмельницкій* не уступалъ никакому авторитету и смѣло вызывалъ на состязаніе съ собою даже такихъ людей, каковъ тогда былъ Шлегель. По возвращеніи въ отечество, *Хмельницкій*, по Высочайшему повелѣнію, составилъ *Инструкцію для коммиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія*. Дальнѣйшая судьба сего ученаго мужа остается неизвѣстною[264].

Цвѣтъ Николай, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Тодорскаго и Крижановскаго. По совершеніи ученія въ Кіевской Академіи, онъ принялъ монашество въ Братскомъ монастырѣ и тотчасъ же вызванъ былъ въ Троицко-Сергіеву семинарію для преподаванія языковъ нѣмецкаго и французскаго. Въ 1767 году *Цвѣтъ* былъ рукоположенъ въ архимандрита пекинской миссіи. Такъ какъ цѣль ея была не одно лишь ис-

правленіе службъ и требъ церковныхъ для православныхъ христіанъ, пребывавшихъ въ Пекинѣ, а и распространеніе евангельской проповѣди между Китайцами: то *Цвѣтъ* былъ назначенъ блюстителемъ домашней школы, занимавшейся изученіемъ туземнаго языка и нарѣчій. Выполнивъ узаконенный для миссіонеровъ срокъ, *Николай Цвѣтъ* въ 1787 году возвратился въ Россію, и по собственному желанію уволенъ былъ на покой въ Кіевопечерскую Лавру, гдѣ и скончался[265].

Шишковскій Іоакимъ родился въ Кіевѣ и по поступленіи въ Академію, проходилъ въ ней всѣ классы отъ низшаго до философіи. Прослушавъ ее одинъ только годъ, онъ отправился въ С. Петербургъ съ намѣреніемъ посвятить себя медицинѣ: но непреодолимое отвращеніе при видѣ трупоразъятій заставило его признать себя неспособнымъ къ продолженію медицинскихъ занятій и произвело на душу его столь сильное впечатлѣніе, что онъ ни мало не медля, поступилъ въ Александроневскій монастырь на послушаніе и черезъ нѣсколько времени принялъ монашество. Въ 1780 году *Шишковскій* былъ посвященъ въ архимандрита и посланъ въ Пекинъ начальникомъ миссіи: но прибывъ туда, въ скоромъ времени скончался[266].

Якубовскій Тихонъ родился въ уѣздномъ городѣ Коропѣ, что въ Малороссіи, отъ мѣщанина, и по окончаніи академическаго курса, принялъ монашество въ Кіевобратскомъ монастырѣ. Отсюда поступилъ онъ іеромонахомъ въ Кадетскій корпусъ, и когда въ 1758 году взятъ былъ россійскими войсками прусскій столичный городъ Кенигсбергъ, *Якубовскій*, по посвященіи въ архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря, отправленъ былъ въ завоеванную столицу для основанія тамъ церкви православной. По заключеніи мира, онъ возвратился въ свой монастырь. Когда же въ 1764 году учреждена была московская викарная епархія, подъ именемъ Сѣвской, *Тихонъ*

пожалованъ туда епископомъ: но черезъ три года переведенъ былъ въ Воронежъ. Памятникомъ семилѣтняго своего управленія сею паствою онъ оставилъ семинарію, основанную его предшественникомъ Іоакимомъ Струковымъ и возведенную *Тихономъ* на высшую степень совершенства. При немъ открыта была тамъ каѳедра для преподаванія живыхъ языковъ, для чего вызваны были изъ воспитанники Кіевской Академіи[267]. Въ 1775 году *Якубовскій* переведенъ былъ въ Суздальскую епархію, гдѣ и скончался 4 апрѣля 1786 года[268].

Эминъ Ѳедоръ Александровичъ, кабинетскій переводчикъ и извѣстный нашъ литераторъ, родился, по сказанію Новикова, 1735 года въ пограничномъ мѣстечкѣ, находившемся во владѣніи польской короны. Судьба этого человѣка въ высшей степени загадочна, а разнорѣчивыя его показанія о самомъ себѣ свидѣтельствуютъ только то, что обладая сильнымъ умомъ и безпокойнымъ воображеніемъ, онъ захотѣлъ представить изъ себя авантюриста и игралъ любопытствомъ людскимъ столькоже, сколько и многосторонней своей ученостію[269]. Оставляя всѣ толки о его происхожденіи и случавшихся съ нимъ произшествіяхъ, лишенныхъ всякаго правдоподобія, мы принимаемъ мнѣніе митрополита Евгенія, который въ этомъ случаѣ опирается на показаніе »одного достойнаго вѣроятія человѣка[270]«, сообщившаго издателю книги *Эмина: Путь ко спасенію* подробности о его жизни[271]. Происходя отъ родителей небогатаго состоянія, *Эминъ*, по опредѣленіи въ Академію, включенъ былъ въ число бѣдныхъ воспитанниковъ, обыкновенно проживавшихъ въ бурсацкомъ сиротскомъ домѣ. Нужда заставляла тогдашнихъ учениковъ прибѣгать иногда къ изобрѣтательности, чтобъ находить средства къ своему существованію,— обстоятельство, сильно развивавшее во многихъ воспитанникахъ страсть къ похожденіямъ: что же могло оно произвесть въ *Эминѣ*, обладавшемъ острымъ умомъ и необыкновенно пылкимъ воображеніемъ? Безъ большаго труда про-

ходя кругъ академическихъ наукъ, онъ усматривалъ впереди или тихую жизнь въ духовномъ званіи, или скромную долю мирнаго гражданина,—перспектива, мало обѣщавшая человѣку, алкавшему чего нибудь необыкновеннаго. Родина была тѣсна для такой безпокойной дѣятельности обширнаго ума, и воображенію *Эмина* неотвязно стали представляться чужія земли, гдѣ онъ могъ дать полную волю своему странному характеру, и гдѣ никто не могъ мѣшать вымысламъ, которыми, за недостаткомъ существенности, станетъ онъ убирать бродячую жизнь свою. Рукопись Барскаго, тогда еще свѣжая новость, служила канвою, по которой разгуливало пылкое воображеніе *Эмина*, и онъ заранѣе поздравлялъ себя съ титломъ знаменитѣйшаго туриста, разсказовъ котораго повѣрять никто не станетъ. Помня однакожъ, что безъ надлежащихъ познаній нельзя достигнуть желаемой цѣли, *Эминъ* употребляетъ всѣ способности своей счастливой натуры къ усвоенію себѣ всего, что преподается въ школѣ, и блистательно окончивъ академическій курсъ, отправляется въ Константинополь — эту обѣтованную землю всѣхъ тогдашнихъ пилигримовъ. Съ этой минуты начинаются похожденія, въ которыхъ уже нѣтъ никакой возможности даже приблизительно отличить правду отъ лжи; видно только, что *Эминъ* вращался между людьми всѣхъ націй, и благодаря необыкновеннымъ своимъ дарованіямъ, въ короткое время изучилъ нѣсколько языковъ, ключъ къ которымъ, кромѣ турецкаго, взялъ онъ съ собою еще изъ Академіи, будучи отличнымъ знатокомъ языка латинскаго. Сколько времени такимъ образомъ *Эминъ* пилигримствовалъ, гдѣ онъ точно былъ, и что дѣйствительно видѣлъ—опредѣлить невозможно: но только въ 1761 году онъ явился къ князю Голицыну, бывшему тогда россійскимъ посломъ въ Лондонѣ, и назвавшись Мехметъ-Эминемъ потребовалъ крещенія[272] и паспорта въ Россію. Что было причиною этого—неизвѣстно: или *Эмину* надоѣла бродяжническая жизнь, или увлеченный страстію къ похожденіямъ, онъ дѣйствительно попалъ »въ нѣкоторое приключеніе, о су-

ществѣ коего послѣ никому не хотѣлъ объявлять«: но только онъ успѣлъ въ искательствѣ. Князь Голицынъ, очарованный необыкновенною остротою его ума, обширными свѣдѣніями и можетъ быть ловко придуманными романическими разсказами, повторенными имъ потомъ въ прошеніи къ Императрицѣ, приказалъ окрестить его въ своей домовой церкви и выдать паспортъ въ Россію. Черезъ полтора мѣсяца послѣ сего *Эминъ* былъ уже въ Петербургѣ, а въ началѣ іюня тогоже года подалъ на итальянскомъ языкѣ просьбу Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о принятіи его на службу. Какъ знатокъ турецкаго, итальянскаго, англійскаго, испанскаго, португальскаго и польскаго языковъ (въ которыхъ однакожъ никто его не экзаменовалъ), *Эминъ* немедленно назначенъ былъ кабинетскимъ переводчикомъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Хотя въ прошеніи своемъ онъ и не упомянулъ о знаніи языка русскаго: но черезъ два года явился его романъ: *Награжденная постоянность или приключенія Лизарка и Сарманды.* Въ тоже самое время (1763 г.) издалъ онъ *Приключеніе Ѳемистокла и разные политическіе, гражданскіе, философическіе, физическіе и военные его съ сыномъ своимъ разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны*, а въ слѣдующемъ году выпустилъ въ свѣтъ: *Краткое описаніе древнѣйшаго и новѣйшаго состоянія Оттоманскія порты* и *Нравоучительныя басни* въ прозѣ, составленныя по подобію восточныхъ Локмановыхъ и Пильпаевыхъ. Соглашаемся съ мнѣніемъ преосвящ. Евгенія, что »первые опыты *Эмина* въ языкѣ нашемъ были нечисты и грубы«; но Россія тогда читала не лучше этого, а требованія на нихъ, конечно, были не малозначительны, если каждый изъ этихъ »грубыхъ« опытовъ былъ издаваемъ по два и по три раза. Въ 1766 году *Эминъ* напечаталъ еще романъ: *Непостоянная фортуна или похожденія Мирамонда* въ трехъ частяхъ. Публика съ жадностію бросилась на эту книгу, въ слѣдствіе повсемѣстно образовавшагося убѣжденія, что въ романѣ этомъ, подъ именемъ Феридата, авторъ описалъ свои собственныя

приключенія. Въ томъ же году появился и другой его романъ, написанный въ подражаніе Элоизѣ Руссо, подъ названіемъ: *Письма Эрнеста и Доравры* въ четырехъ частяхъ. Но этого мало было для *Эмина:* онъ захотѣлъ быть журналистомъ, и въ 1769 году предпринялъ ежемѣсячное изданіе: *Адская почта*. Впрочемъ оно выходило только полгода, но *Эминъ* успѣлъ и здѣсь показать свой ѣдкій, сатирическій умъ, давая читателямъ предчувствовать необходимость критики; благодаря обширной начитанности и необыкновенной памяти, онъ почти одинъ работалъ надъ статьями журнальными. До сихъ поръ однакожъ въ *Эминѣ* не ярко отражался образъ воспитанника Кіевской Академіи; можетъ быть это дѣлано было имъ не безъ намѣренія — продолжать счастливо удавшуюся мистификацію; уже по смерти его открыто и издано было въ свѣтъ сочиненіе, шесть разъ выходившее потомъ изъ подъ типографскаго станка и сдѣлавшееся любимой народной книгою. Это *Путь ко спасенію* или набожныя размышленія, въ которыхъ заключается »нужнѣйшая къ общему знанію часть богословіи«. Составленіемъ этой книги *Эминъ* занимался еще въ 1766 году, обличивъ ею, мимо своего желанія, ту произвольную клевету, которую почти постоянно взносилъ на себя, называясь выкрещеннымъ магометаниномъ. Такой мѣткости въ выборѣ богомысленныхъ разсужденій изъ разныхъ отеческихъ писаній, такого твердаго и здраваго убѣжденія въ истинахъ вѣры, такой убѣдительности слова можно было ожидать только отъ человѣка, который слушалъ Конисскаго и былъ питомцемъ митрополита Щербацкаго. Но важнѣйшій трудъ *Эмина* была *Россійская Исторія,* доведенная имъ однакожъ только до Всеволода III или до 1213 г. Удивительна начитанность и ученость автора: но вмѣстѣ съ тѣмъ непостижима та отчаянная самоувѣренность, съ какою онъ рѣшалъ историческіе вопросы, опираясь на свидѣтельства небывалыя и цитуя писателей, которыхъ даже на свѣтѣ не было[273]. Обращаясь собственно къ его біографіи, нельзя не сказать, что если здѣсь, гдѣ факты и лѣтописи могутъ неотразимо обличить

ложь повѣствователя, *Эминъ* не затруднялся утверждать небывалое: то какъ же повѣрить ему въ такихъ разсказахъ, которыхъ свидѣтелемъ былъ только онъ да его воображеніе? Ошибки и намѣренныя историческія неправды *Эмина* достаточно обличены всѣми нашими бытописателями: не смотря на это, книга его все таки была напечатана въ теченіи трехъ годовъ (1767, 1768 и 1769 г.) на счетъ Академіи Наукъ. Къ сожалѣнію, этотъ странный и удивительный человѣкъ, это смѣшеніе необыкновеннаго ума и непростительнаго обмана, христіанской набожности и космополитическаго юродства, не долго пожилъ для русской литературы, которой онъ съ болѣе остепенившимися понятіями могъ бы послужить блистательно; ибо, по отзыву митрополита Евгенія, »въ послѣднихъ своихъ опытахъ сравнялся »съ хорошими русскими писателями своего времени. Пылкость »воображенія, острота ума, духъ критики и соль даже сатиры, »а притомъ великая начетливость видны во всѣхъ его сочине»ніяхъ«[274]. *Ѳедоръ Александровичъ Эминъ* скончался 18 апрѣля 1770 года 35 лѣтъ отъ роду.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арсеній Могилянскій.

Утвержденіе Арсенія митрополитомъ. Испрошеніе коадъютора. Ученое сословіе. Кончина ректора Академіи Манассіи Максимовича. Страшный ударъ грома. Избраніе ректора голосами. Утвержденіе Нащинскаго ректоромъ. Распоряженія его. Представленіе бурсацкаго сеніора. Проэктъ о постройкѣ бурсы. Просительная грамата. Пожертвованія на постройку бурсы. Постройка ея. Обновленіе и перекрышка академическихъ зданій. Новое назначеніе царскаго жалованья. Убожество бурсаковъ. Новый коадъюторъ. Требованіе академическихъ отчетовъ. Отчеты по богословію, по философіи, по реторикѣ, по синтаксимѣ, по граматикѣ, по инфимѣ, по каѳедрѣ языка еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго. Образцы диспутовъ богословскаго и философскаго. Изученіе живыхъ языковъ. Состояніе языковъ древнихъ. Церковное краснорѣчіе. Студентская проповѣдь 1779 г. Нотное пѣніе и музыка. Академическіе пѣвческіе хоры. Посторонніе занятія Академіи. Присяга Екатеринѣ II. Щедрость Арсенія. Заботливость его о будущности питомцевъ. Вдовые и женатые священнослужители въ Академіи. Требованіе студентовъ въ медицинскую академію. Прибытіе въ Академію иностранцевъ. Тяжебное дѣло между Братскимъ и Софійскимъ монастырями. Измѣненія въ самомъ Кіевѣ. Кіевъ окончательно входитъ въ семью русскихъ городовъ. Кончина митроп. Арсенія. Ректоры, префекты, профессоры и учители Академіи. Число воспитанниковъ. Образчики списковъ ученическихъ. Базилевичъ Іовъ. Барановичъ Лаврентій. Безбородко князь Александръ Андреевичъ. Березовскій Максимъ. Бобровскій Константинъ. Вольховскій Аѳанасій II. Германовскій Исаія. Голеневскій Иванъ. Ильицкій Іосифъ. Колосовскій Аггей. Леванда Іоаннъ. Лехницкій Кассіанъ. Любарскій Платонъ. Никифоровичъ Іоанникій. Островскій Іоаннъ. Петровъ-Лавровскій Варлаамъ. Садковскій Викторъ. Синьковскій Варлаамъ. Слоницкій Ѳеофилактъ. Тихорскій Ѳома. Шияновъ Ѳеофанъ.

1757—1770.

Кіевъ не сиротствовалъ ни одного дня, проводивъ своего добраго архипастыря въ Москву бѣлокаменную: ибо въ томъ

же самомъ именномъ указѣ, по которому переведенъ Тимоѳей Щербацкій, Императрица назначила и пожаловала архіепископа Арсенія Могилянскаго митрополитомъ кіевскимъ. Уже пять лѣтъ пребывалъ онъ въ своемъ уединеніи, управляя только новгородъ-сѣверскимъ Спасскимъ монастыремъ и думалъ тамъ окончить и дни свои, какъ Промыслу угодно было снова поставить этотъ свѣтильникъ на свѣщницѣ, да просвѣтится свѣтъ его предъ человѣки во славу Божію. Съ покорностію принялъ Арсеній вышнее призваніе, и повинуясь волѣ Помазанницы царства русскаго, оставилъ тихій пріютъ свой и явился во храмѣ св. Софіи, какъ первостоятель кіевской іерархіи[275].

Но ставши на высокой чредѣ служенія Церкви и отечеству, митрополитъ Арсеній чувствовалъ, что тѣлесныя силы мало отвѣчаютъ бодрости и ревнительности его духа. Въ годъ прибытія своего въ Кіевъ (1758) онъ обратился со всеподданнѣйшею просьбою о назначеніи ему въ помощники архіепископа Герасима, имѣвшаго нѣкогда свою епархію на греческомъ островѣ Андрѣ и пребывавшаго тогда въ Кіево-печерской Лаврѣ. Снисходя къ слабости здоровья новопоставленнаго митрополита, Государыня изъявила Высочайшее соизволеніе на его просьбу, и Арсеній свободнѣе приступилъ къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя увѣковѣчили славную память его.

Митрополитъ прежде всего обратилъ взоры свои на тотъ разсадникъ истинно-русскаго и христіанскаго просвѣщенія, отъ котораго и онъ питался нѣкогда животворящею росою ученія. Много явилось къ своему архипастырю полныхъ надеждъ и ожиданій поздравителей съ благополучнымъ его прибытіемъ въ стольный городъ князя Владиміра и всѣхъ привѣтствовалъ онъ съ ласковостью и вниманіемъ: но больше другихъ обращалось сердце его къ тѣмъ, которые составляли отдѣльную группу съ именемъ ученыхъ. Это были: ректоръ Академіи, архимандритъ *Манассія Максимовичъ;* префектъ іеромонахъ *Самуилъ Мислав-*

ский, учитель реторики и еллинскаго языка іеромонахъ *Викторъ Ладыжинскій;* учитель піитики іеромонахъ *Исаакъ Савицкій*, учитель синтаксимы, іеродіаконъ *Тарасій Вербицкій*, учитель граматики іеродіаконъ *Игнатій Максимовичъ*, учитель инфимы іеродіаконъ *Рувимъ Петолинскій*, учитель аналогіи монахъ *Сампсонъ Виницкій*. На этихъ-то воспитателей юношества устремленъ былъ многодумный взоръ архипастыря, и съ ними то предпринималъ онъ трудиться въ священномъ дѣлѣ распространенія боговѣденія между своими пасомыми.

Но изъ среды сихъ ученыхъ дни одного уже были изочтены. Не прошло и мѣсяца послѣ сего, какъ архипастырь отдавалъ въ Братской Богоявленской церкви послѣднее цѣлованіе ближайшему сотруднику своему ректору Академіи Манассіи Максимовичу, скончавшемуся 2 іюля 1758 года. Произшествіе, случившееся при погребеніи этого ученѣйшаго мужа, долго оставалось въ памяти встревоженныхъ кіевлянъ и современная лѣтопись сохранила оное на своихъ страницахъ[276]. Въ ту самую минуту, когда архидіаконъ надъ тѣломъ, уже перенесеннымъ въ склепъ, провозгласилъ: »во блаженномъ успеніи вѣчный покой« — страшный ударъ грома потрясъ все зданіе, и висѣвшее посреди церкви серебрянное паникадило, подъ которымъ за минуту предъ симъ стоялъ гробъ, растопилось и упало на земь. Многіе были оглушены и парализированы этимъ ударомъ, а сеніоръ Преображенской школы, ученикъ реторики *Саевскій* убитъ на смерть.

Немедленно, согласно предложенію митрополита Арсенія, приступлено было къ избранію новаго ректора. Префектъ Академіи *Самуилъ Мославскій* представилъ съ своей стороны въ кандидаты *Давида Нащинскаго*, архимандрита слуцкаго, уже извѣстнаго училищу своими отличными познаніями и прошедшаго всѣ наставническія должности отъ граматики до философіи включительно, и еще Кіево-софійскаго архидіакона *Мелхиседека Ор-*

ловскаго. Наставники подали голоса въ пользу *Самуила Миславскаго*, »яко неотлучно отъ Академіи со удовольствіемъ уче»никовъ во преподаваніи разныхъ школъ, инструкціи малой и »великой трудившагося«, а равно и *Мелхиседека Орловскаго*. Члены дикастеріи — каѳедральный намѣстникъ іеромонахъ *Лука* представилъ *Нащинскаго, Досиѳея Даляховскаго,* игумена Кіевософійскаго монастыря, также бывшаго наставникомъ Академіи и *Петра Артовскаго,* каѳедральнаго писаря, который »начавъ отъ »школы синтаксимы до богословія, во всякой школѣ тщаливо »и радѣтельно, безъ всякаго и малѣйшаго подозрительства ученіе »свое проводилъ, да и еврейского, греческого и нѣмеческого »языковъ обучался«; *Никифоръ*, архимандритъ Николаевскаго монастыря, *Антоній,* игуменъ Выдубицкій, *Іакинѳъ*, каѳедральный духовникъ, *Павелъ*, каѳедральный проповѣдникъ избрали *Нащинскаго Даляховскаго* и *Артовскаго*. *Даляховскій* предложилъ *Нащинскаго, Артовскаго и Орловскаго*. *Артовскій* представилъ *Нащинскаго, Даляховскаго и Орловскаго*, а каѳедральный уставщикъ іеромонахъ *Сиѳъ* подалъ мнѣніе, чтобъ оповѣстить всѣмъ »учительнымъ людемъ«, находящимся какъ въ каѳедрѣ, такъ и въ Академіи и предложить имъ публичный диспутъ, по которому уже и избрать достойнѣйшаго

Ясно, что большинство голосовъ было на сторонѣ Давида Нащинскаго, который уже и потому имѣлъ больше правъ, чѣмъ другіе, что носилъ незадолго предъ симъ достоинство префекта. Въ томъ же году, по утвержденіи митрополитомъ Арсеніемъ, онъ былъ вызванъ изъ слуцкаго монастыря и обыкновеннымъ порядкомъ введенъ въ управленіе Академіей и Братствомъ.

Первымъ дѣломъ Нащинскаго было устроеніе точнѣйшихъ отношеній между имъ и подчиненными: »прошу, писалъ онъ, »архипастырскою инструкціею точные предѣлы положить на»чальничеству ректорскому надъ учителями, понеже безъ тако»ваго опредѣленія неравно можетъ послѣдовать какой либо въ

»гимназіи непорядокъ въ соблазнъ незлобивѣйшихъ«, — требованіе, послужившее въ послѣдствіи поводомъ къ раздору и несогласіямъ, окончившимся удаленіемъ Нащинскаго. Въ тоже время онъ представилъ митрополиту необходимость пересмотрѣть всѣ прежнія богословскія системы и дать одинъ учебникъ, рекомендуя въ этомъ отношеніи: *Исповѣданіе Каѳолической и Апостольской Церкви.* »Хвалю и почитаю, говорилъ онъ, святаго »Дамаскина богословскую руку, ибо видѣлъ и просмотрѣлъ, что »и о чемъ она въ богословіи начертала«. Но представляя означенную книжку въ руководство, Нащинскій, очевидно, стѣснялъ прежнюю свободу преподаванія, и преемникамъ его мало оставалось возможности отличиться своею изобрѣтательностью. Какъ бы то ни было: но въ управленіе его было постановлено: »Богословіи одной быть непремѣнно, а всякаго курса вновь не »сочинять: но только учителю имѣть старательство, чтобъ оная »надлежащимъ толкованіемъ изъяснена была, а паче, чтобъ ни»чего въ ней не было противнаго православному исповѣданію. »Чего для составленную систему теологическую велѣть впредь »одну преподавать, только кратко, а непродолжительно, чтобъ »впредъ отнынѣ богословія непремѣнно въ четыре года конча»лась. Въ оной системѣ если что учитель усмотритъ ненужное, »то выбросить; еслижъ что потребное не сыщется, то приба»вить можетъ. А паче лишней реторики отнюдь не употреблять, »но сколько возможно краткость наблюдать, сохраняя притомъ »чистый латинскій штиль, а оберегаясь грубаго и простаго на»рѣчія. По прошествіи же двухъ годовъ можно для вновь при»шедшихъ учениковъ сначала богословіе начинать, а для преж»нихъ дальше трактаты продолжать, и оное ученіе предлагать »съ перемѣною одинажды для вновь пришедшихъ, другой разъ »для прежнихъ учениковъ. Чего для приходящимъ вновь въ »богословіе ученикамъ велѣть заблаговременно списывать имъ »нужные трактаты. Такимъ образомъ можно чаять, что въ Кі»евской Академіи ученіе богословское придетъ когда нибудь въ »добрый порядокъ, хотя того еще во всѣхъ россійскихъ акаде-

»міяхъ, коллегіяхъ и семинаріяхъ не доказано; почему въ Россіи »и понынѣ настоящей богословіи не имѣется«[277].

Въ тотъ же самый годъ (1758) сеніоръ Великой Бурсы *Михаилъ Павловскій* »съ товарищи« вступилъ къ митрополиту съ донесеніемъ[278], что по причинѣ обветшалости зданія, въ которомъ жили студенты и ученики, значительно начала увеличиваться между ними смертность. »Чрезъ происходившіе отъ »оной (сырости) заразительные вапоры (испаренія) таковыя бо»лѣзни приключались, что миновавшей зимы выше тридцати »человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ, по объявленію здѣш»нихъ жильцовъ, не бывало«[279]. Арсеній немедленно повелѣлъ приступить къ смѣтѣ всѣхъ суммъ академическихъ, по ликвидаціи которыхъ оказалось, что на нихъ и разсчитывать нечего. Отпустивъ на починку самонужнѣйшаго въ бурсѣ своихъ собственныхъ денегъ, митрополитъ занялся проэктомъ построенія новаго зданія; для этого сначала отъ себя онъ положилъ въ Братскую казну *двѣ тысячи двѣсти тридцать восемъ* рублей *пятдесятъ* копѣекъ, и потомъ снабдилъ одного изъ учителей просительною книгою съ воззваніемъ ко всѣмъ любителямъ отечественнаго просвѣщенія. Этотъ любопытный памятникъ архипастырской его заботливости о воспитанникахъ Академіи уцѣлѣлъ доселѣ и стоитъ того, чтобъ сохранить его навсегда. »Имѣются, писалъ Арсеній, въ паствѣ нашей при училищахъ »кіевскихъ таковые люди, которые еще въ малолѣтствѣ своемъ »лишились какъ родителей такъ и сродственниковъ своихъ, и »всѣ свои лѣта, хотя съ претерпѣніемъ крайней нужды, на то »положили, дабы получая въ такомъ своемъ бѣдномъ состояніи »отъ христолюбцовъ милостивое снабдѣніе, изучиться честныхъ »искуствъ, разныхъ языковъ и полезнѣйшихъ наукъ, а изучив»шись во первыхъ употребить оныя къ *совершенію святыхъ въ »дѣлъ служенія, въ созиданіе тѣла Христова,* потомъ къ пріобрѣтенію пользы отечеству, наконецъ къ засвидѣтельствованію »какъ благодарности такъ и услужности своимъ милостинопо-

»даятелемъ, наипаче просвѣщая и обогащая ихъ дѣтей разумы »основательными и твердыми ученіями. Сіи люди, упражняясь »въ томъ богоугодномъ и всему отечеству преполезномъ дѣлѣ »имѣли доселѣ свое жительство въ домѣ вообще называемомъ »Бурсою, который нынѣ въ таковую обветшалость пришолъ, »что къ иныхъ избахъ за согнившими въ оныхъ стѣнами, и за »подходящею во время осени и весны водою и надходящей зимы »провесть крайно невозможно, а въ иныхъ хотя чрезъ слѣдую»щее зимное время съ нуждою могутъ прожить, однако впредь »въ оныхъ жить крайно нельзя будетъ. Наша мѣрность о та»ковой означенныхъ людей состояніи непрестанно помышляя, »а паче о томъ, что имъ, яко въ крайной нищетѣ пребываю»щимъ, безъ помянутого дому нельзя по способности своего »ученія производить сердечно сожалѣя, имѣя же неусыпное по»леченіе о благостроеніи паствы нашей, которое посредствомъ »учительныхъ людей получается, такожъ и приращеніи пользы »отечеству и о просвѣщеніи науками умовъ малороссійскаго »шляхетства, воспріяли намѣреніе оный домъ за крайнюю его »нынѣшнюю обветшалость вновь сооружить, разсуждая же при»томъ, что и кромѣ сего есть такъ въ катедрѣ, яко и во учи»лищахъ нашихъ нужныя строенія крайно жь обветшалыя, ко»торыя потому жь требуютъ репараціи и великаго на то кошту, »употребили средство къ благоноспѣшнѣйшему произведенію въ »дѣйство такого нашего о ономъ домѣ, вообще Бурсою име»нуемомъ, намѣренія, пригласить въ помощь къ намъ и прочихъ »науки любящихъ, чимъ кто оную къ сооруженію того дому »подать восхощетъ. Таковыхъ убо къ благопризрѣнію на уча»щихся въ нищетѣ и къ подаянію для сооруженія помянутого »для нихъ дому, Бурсою именуемаго, по возможности и произ»воленію сердца всѣхъ обще молимъ и оными апостольскими »словесы увѣщеваемъ: *благотворенія и общенія не забывайте, »таковыми бо жертвами благоугождается Богъ*«[280].

И слово добраго архипастыря не осталось гласомъ вопію-

щаго въ пустыни. Постепенно начали являться доброхотные датели, помогавшіе въ этомъ святомъ дѣлѣ попечительному протектору Академіи. *Иларіонъ Григоровичъ*, епископъ сарскій и подонскій, прислалъ *тысячу* рублей; митрополитъ московскій *Тимовей Щербацкій пятдесятъ* рублей; графъ *Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій — сто* рублей; *Лука Бѣлоусовичъ*, архимандритъ печерскій, пожертвовалъ собственно отъ себя *двадцать* рублей; *Миткевичъ* полковой кіевскій писарь—*двадцать* рублей; новгородскій сотникъ въ память Скоропадской — *двадцать* руб.; отъ разныхъ вкладчиковъ Академія получила *сто девять* рублей *двадцать двѣ* копейки. Кромѣ того у ней самой набралась довольно значительная сумма: штрафныхъ денегъ[281] *семьсотъ девяносто девять* рублей *осмнадцать* копѣекъ; съ проданнаго стараго дерева и драни *восемдесятъ* рублей *десять* копѣекъ. Но пока сборы эти продолжались, академическое начальство, получивъ отъ Луки Бѣлоусовича дворъ, находившійся на самомъ берегу Днѣпра, близъ церкви Николая Набережнаго и прикупивъ къ тому еще три двора у полковника слободскихъ полковъ Іоакима Кононовича, начало въ 1760 году заготовлять необходимые матеріалы; черезъ три года былъ выведенъ каменный фундаментъ, а въ 1765 окончено все зданіе и того же года, по освященіи дома, воспитанники переведены въ свѣтлыя, просторныя комнаты. Постройка всей Бурсы обошлась въ *пять тысячь пятьсотъ двадцать три* рубля *тридцать семь* копѣекъ.

Окончивъ это дѣло, митрополитъ Арсеній приступилъ къ другому — къ перекрышкѣ академическихъ зданій, и уже не обращаясь къ сборамъ постороннимъ, своими средствами исполнилъ такое предначертаніе. Въ училищной кассѣ оказалось *три тысячи сто шестдесятъ три* рубля *семдесятъ семь* коп., изъ которыхъ *тысяча четыреста четыре* рубля *семнадцать съ половиною* копѣекъ положено самимъ митрополитомъ Арсеніемъ; *двѣсти сорокъ шесть* рублей *семдесятъ* копѣекъ получены изъ скарбу войсковаго; *четыреста шестдесятъ восемь* рублей по-

ступили изъ каѳедры митрополитской за проданную жесть; *двѣсти пятдесятъ одинъ* рубль *сорокъ одна съ половиною* коп. изъ глуховской канцеляріи; съ проданнаго. за остаткомъ, бурсацкаго матеріала получено *тридцать шесть* рублей *шестдесятъ* коп., да принято штрафныхъ денегъ *семьсотъ пятдесятъ шесть* рублей *восемдесятъ восемь съ четью* копѣекъ. Значитъ, средства отвѣчали ревности и усердію пастыря, и потому не мудрено, что зданія академическія скоро предстали въ свѣжемъ, обновленномъ видѣ, на что было израсходовано *двѣ тысячи девятьсотъ шестдесятъ* рублей *пятнадцать* копѣекъ.

Въ это же самое время (1766 г.), по представленію кіевскаго генералъ губернатора Ѳедора Ивановича Глѣбова, Императрица Екатерина II повелѣла Государственной Коллегіи Экономіи выдавать на Академію изъ экономической суммы въ годъ по *пятисотъ* рублей. »впредъ до особливаго разсмотрѣнія«, вмѣсто прежнихъ двухсотъ рублей, отпускаемыхъ изъ малороссійскаго войсковаго казначейства.. Такое пособіе было истиннымъ благодѣяніемъ для училища, особенно нуждавшагося въ средствахъ для поддержки многочисленныхъ своихъ питомцевъ. Хотя благотворительные люди, и особенно кіевскіе монастыри[282], не оставляли ихъ безъ вспомоществованій: но печальныя картины крайней бѣдности все еще повторялись; все еще имѣлось при училищахъ кіевскихъ, говоря словами митрополита Арсенія, »много таковыхъ людей, которые, »въ малолѣтствѣ лишившись какъ родителей, такъ и сродственниковъ своихъ, нуждались въ милостивомъ снабдѣніи отъ хри»столюбцевъ«. Бѣдные ученики обрекали себя даже на унизительныя работы и услуги, чтобы пріобрѣсть средства »учиться »честныхъ искуствъ и полезнѣйшихъ наукъ, а изучившись упо»требить оныя къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія и къ »пріобрѣтенію пользы отечеству«. Съ грустной думою читаешь такое »всенижайшее доношеніе«, какое писалъ 1766 года »Кіевскія Академіи бурсакъ *Иванъ Сандурскій:* »уговоренъ былъ

»я нижайшей зъдешнего Кіевовидубицкого монастиря отъ его »преподобія господина отца намѣстника для смотренія состоя»щихъ на звѣринскомъ близъ монастиря грунтѣ проса и пше»ницѣ толко до жатя, за что обѣщано мнѣ дать кожухъ и чо»боти. Я же нижайши въ надеждѣ того въ ономъ смотреніи »находился отъ іюля 25 августа по 31 число; а понеже мнѣ »нижайшему подъ наступающее зимное въремя въ нужномъ »одѣяніи и обувѣ крайная состоить нужда: того ради вашего »высокопреподобія въсенижайще прошу оное обѣщаное мнѣ за »показаную службу мою кожухъ и чоботи повелѣть кому на»длежить выдать«[283]. Вотъ какъ немного требовалъ горемычный питомецъ знаменитаго училища! Вотъ какъ много было въ душѣ его любви къ святому дѣлу образованія себя!..

Усиленныя занятія и при такомъ еще слабомъ здоровьѣ могли быть слишкомъ тяжелы для іерарха, на которомъ лежали еще епархіальныя заботы. Архіепископъ Герасимъ былъ недолго ему помощникомъ, ибо въ началѣ 1759 года скончался. Св. Синодъ, дорожа такимъ просвѣщеннымъ архипастыремъ, какъ Арсеній, опредѣлилъ ему въ томъ же году другаго коадъютора далматскаго епископа Симеона Кончаревича, пребывавшаго въ Лаврѣ на покоѣ; и облегченный въ іерархическихъ занятіяхъ своихъ Арсеній снова обратился къ заботамъ о любимомъ своемъ училищѣ. Онъ потребовалъ отъ Академіи подробнѣйшаго отчета о томъ, »чего именно каждый изъ учителей въ своей школѣ »учениковъ своихъ, чрезъ истекшій курсъ, учили и научили и »окончилиль тое свое ученіе, и буде нѣтъ, то за чимъ и на »чомъ пріостановилися«.

Въ слѣдствіе такого предписанія, ректоръ и богословія профессоръ *Давидъ Нащинскій* отъ 29 августа 1759 года донесъ митрополиту: »1) Въ богословской школѣ читано и толковано »и наизустъ учено: *Православное исповѣданіе Церкви восточныя »греко-россійскія* на латинскомъ языкѣ. 2) Изъ этой книги

»протолковано только двѣ части а) о вѣрѣ и б) о надеждѣ, и »за тѣмъ чтеніе оной книги остановилось«. Причинами такой остановки въ преподаваніи Нащинскій приводитъ во первыхъ то, что наступило вакаціальное время, а во вторыхъ, что толкованіе означенныхъ частей предлагаемо было »слышателямъ »такъ, что всякой богословской вещи, толкованія требующей, »внушаема была декларація или експликація а) *словная* (verbalis) »то есть сказуемо было слышателямъ, откуды какое богослов»ское реченіе (vocabulum) производится, quod est explicare per »derivationem vocabuli; какими другими реченіями оно называется, »quod est explicare per synonyma; какая еще вещь тѣмъ же име»немъ называется, которыми и толкуемая, quod est explicare »per remotionem aequivocationis; какъ толкуемая вещь описы»вается по богословску и философску, quod est explicare per de»finitionem; б) *вещная* (realis) то есть, говорено слышателямъ, »что есть толкуемой вещи a) genus b) species c) totum d) partes »e) causa efficiens f) causa materialis g) causa finalis h) causa for»malis i) effecta k) adjuncta l) opposita m) testimonia et caet. Сіи »же свидѣтельства, продолжаетъ Нащинскій, которыя приводимы »были въ подтвержденіе пропозицій богословіи нашей, исканы »были въ Библіяхъ, приносимыхъ въ школу отъ каждаго изъ »слышателей, а то того ради, дабы богословіи слышатели ча»стымъ смотреніемъ въ Библію навыкли потребныя свидѣтель»ства находить скоро въ самомъ богословіи источникѣ«. Въ четвертыхъ остановка послѣдовала отъ того, что »чтеніе и тол»кованіе онаго исповѣданія было повторяемо«. Въ пятыхъ, что »служащіи изъ философіи мѣста къ изъясненію вещей богослов»скихъ прочитываемы были въ философіи, на какой конецъ и фило»софія приносима была въ школу отъ слышателей«. 3) Сверхъ этого прочитано было изъ *Камня вѣры* два догмата о преданіяхъ неписанныхъ и о добрыхъ дѣлахъ, необходимыхъ ко спасенію. 4) Прочтено также Евангеліе отъ Матвея »съ такою онаго резо-

»золюціею, какова обрѣтается въ книжицѣ именуемой: Sciagra»phia sacra«. 5) Предложены были студентамъ въ силлогистическомъ порядкѣ мнѣнія, противныя православному ученію съ отчетливымъ и полнымъ разрѣшеніемъ оныхъ и наконецъ »отправлена диспута публичная«.

Приводимъ два образчика домашнихъ диспутовъ по классу богословскому и философскому. Напередъ замѣтимъ, что въ началѣ ихъ обыкновенно представляема была рѣчь, служившая нѣкотораго рода вступленіемъ, и потомъ уже предлагалась извѣстная тема, какъ предметъ разсужденія. Впрочемъ это не было непремѣняемымъ закономъ; въ весьма многихъ домашнихъ диспутахъ дѣло начиналось прямо съ предложенія[284].

Диспутъ Богословскій.

РѢЧЬ ПРЕДЪ ВОЗРАЖЕНІЯМИ.

Всемогущій Творецъ, производя изъ небытія въ бытіе различные твореній роды, благоволилъ возвеличить человѣка какъ внѣшними такъ и внутренними совершенствами предъ протчіими созданіями: ибо украсилъ его лѣпотою образа своего. Образъ сей наипаче сіялъ въ правотѣ разума и воли, въ свободѣ и безсмертіи. Онъ имѣя чистѣйшій разумъ понималъ ясно глубину таинъ Божіихъ и сокровенный твореній союзъ проникалъ удобно. Непорочная его воля, повинуясь владычеству разума, избирала изъ тысячи добръ найлучшее. Страсти, не зная тлетворности, наблюдали мирное согласіе. Чувства, слѣдуя предводительству разума, не имѣли между собою свирѣпой войны. Тѣло его не знало болѣзни—дороги къ смерти, и все его естество исполненно было безсмертія. Всеблагій Зиждитель желая, чтобы онъ въ семъ блаженномъ состояніи пребылъ всегда непремѣненъ и предваряя печальныя слѣдствія предписалъ ему заповѣдь сію: *отъ всякаго древа сньдію снѣси, отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не сньсте отъ него.* Свѣтъ сея истинны болѣе усугубить могутъ слѣдующія возраженія:

Положеніе богословское. Богъ, создавши человѣка блаженнымъ, хо-

тѣлъ. чтобъ онъ въ томъ блаженномъ состояніи былъ всегда непремѣненъ; а для сего предписалъ ему заповѣдь, содержащую въ себѣ средства, какъ оное первородное благополучіе сохранить всегда ненарушимо.

Противъ котораго возражаю. Человѣкъ, какъ въ созданіи Божіей превосходной благости, такъ и по созданіи особеннаго промысла, кажется, не сподобился; убо положеніе сумнительно, что Богъ создавши человѣка хотѣлъ, дабы онъ въ томъ блаженномъ состояніи былъ всегда непремѣненъ. *Доказываю предыдущаго первую часть.* Благость Божія превосходная къ человѣку включаетъ сообщеніе совершенствъ превосходныхъ: но человѣку, кажется, въ созданіи отъ Бога не сообщенны превосходныя совершенства; убо человѣкъ въ созданіи Божіей превосходной благости, кажется, не сподобился. *Доказываю меньшое предложеніе.* Человѣкъ въ созданіи, кажется, не получилъ совершеннаго разума и воли преклонной къ добру: убо человѣку, кажется, въ созданіи отъ Бога не сообщенны превосходныя совершенства. *Доказываю предыдущаго первую часть.* Человѣкъ повѣрилъ предложенію, несогласному съ здравымъ разумомъ, то есть, что вкушеніе плода здѣлаетъ человѣка Богомъ: (Быт. III. 4. 5 6) *и рече змій жень: не смертію умрете. Вѣдяше бо Богъ, яко въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое. И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь и яко угодно очима видѣти и красно есть еже разумѣти и вземши отъ плода его, яде, и даде мужу своему съ собою, и ядоста.* Убо человѣкъ въ созданіи, кажется, не получилъ совершеннаго разума.

Отвѣчаю на предыдущее и слово св. Писанія. Человѣкъ первый повѣрилъ предложенію оному, что вкушеніе плода отъ древа посредѣ рая стоящаго здѣлаетъ подобнымъ его Богу не отъ недостатка просвѣщенія въ разумѣ, но по свободному своему произволенію и по желанію богоподобной славы, а сіе происходило порядкомъ таковымъ: когда діаволъ, вшедшій въ змія, началъ разговаривать, и предложивъ женѣ вопросъ: (Быт. III. 1) *что яко рече Богъ, да не ясте отъ всякаго древа райскаго?* и получилъ отъ жены отвѣтъ, состоящій въ сихъ словахъ: (ст. 2 и 3) *и рече жена змію: отъ всякаго древа райскаго ясти будемъ, отъ плода же древа, еже есть посредѣ рая, рече Богъ да не ясте отъ него, ниже прикоснитеся къ нему, да не умрете;* изъ коихъ

словъ нѣкое сомнительство о истинѣ Божіихъ словъ открылось, ибо Богъ сказалъ: (11. 17) *отъ древа еже разумѣти доброе и лукавое не снѣсте отъ него; а въ оньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете*, а жена оныя слова реченіемъ, сомнѣніе включающимъ, изъяснила: ne forte moriamini — *да не умрете:* то видя свой успѣхъ, діаволъ вдругъ перемѣнилъ сомнительство жены на отрицаніе, и побуждая къ гордости жену, сказалъ: (ст 4 и 5) *не смертію умрете, вѣдяше бо Богъ, яко въ оньже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдяще доброе и лукавое;* а изъ сихъ словъ въ женѣ чувственное и неумѣренное желаніе произшедши и умножившись, разумъ преодолѣло и понудило ко вкушенію запрещеннаго плода. Жена, вкусивши запрещеннаго плода, поднесла отъ онагожъ плода мужу, который видя, что жена по снѣденіи плода отъ древа запрещеннаго не умерла, первѣе началъ сомнѣваться о истинѣ Божіихъ словъ и думалъ, что и онъ, ежели вкуситъ отъ онаго плода, не умретъ, потомъ за сомнѣніемъ послѣдовало въ немъ желаніе быть подобнымъ Богу, почему и онъ вкусилъ отъ запрещеннаго плода и преступилъ заповѣдь Божію.

Настою. Но кажется, что человѣкъ первый повѣрилъ предложенію тому по недостатку просвѣщенія въ разумѣ. Убо человѣкъ въ созданіи, кажется, не получилъ совершеннаго разума. *Доказательство внесенное.* Первый человѣкъ не зналъ не токмо другихъ вещей, но и наготы своей (Быт. II. 25): *и бѣста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася.* Убо, кажется, что первый человѣкъ повѣрилъ предложенію оному, по недостатку просвѣщенія въ разумѣ.

Отвѣчаю на предложеніе и слова св. Писанія. Нагота есть иная непорочная, а иная безчестная и со стыдомъ соединенная. Прародители не знали наготы безчестной прежде паденія или моральной — *позволяю*, не знали непорочной или физической — *отрицаю.* Vestimenta sunt signa reatus peccati, одѣянія суть знаки винности грѣха.

Доказываю вторую часть, что человѣкъ, кажется, въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру. Въ книгѣ Ездры IV, 30 пишется: *злакъ семене злаго всѣянъ есть въ сердце Адамово изначала;* убо, кажется, что первый человѣкъ въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру.

Отвѣчаю на слова приведенныя: Злакъ сѣмене злаго всѣянъ есть въ сердце Адамово изъ начала паденія — *позволяю;* изъ начала созданія—*отрицаю.* »Убо первый человѣкъ, кажется, въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру« — *отрицаю слѣдствіе и говорю:* правда, что злакъ сѣмене злаго всѣянъ въ сердце Адамово посредствомъ искушенія діавольскаго и Адамовымъ произволеніемъ изъ начала паденія, а не изъ начала созданія.

Настою. Но кажется, что злакъ сѣмене злаго всѣянъ въ сердце Адамово изъ начала созданія. Убо, кажется, что первый человѣкъ въ созданіи не получилъ воли преклонной къ добру. *Доказательство внесенное.* Человѣкъ изъ начала созданія, кажется, не былъ праведный; убо, кажется, что злакъ сѣмене злаго всѣянъ въ сердце Адамово изъ начала созданія. *Доказываю предыдущее.* Первому человѣку изъ начала созданія данъ былъ законъ; убо человѣкъ изъ начала созданія, кажется, не былъ праведный. *Доказываю послѣдующее* (1 Тимоф. 1. 9) *праведнику законъ не лежитъ,* или не положенъ; убо ежели первому человѣку изъ начала созданія данъ былъ законъ отъ Бога, то кажется, что не былъ онъ праведный.

Отвѣчаю на слова св. Апостола. Праведнику законъ не лежитъ или не положенъ насильно понуждающій и поражающій проклятіемъ— *позволяю,* ибо праведникъ охотно стремится къ исполненію закона и свободенъ отъ проклятія закона Праведнику не лежитъ законъ обязующій — *отрицаю,* ибо обязательство закона до всѣхъ простирается, и потому хотя первому человѣку отъ начала созданія и данъ былъ отъ Бога законъ, не слѣдуетъ, что онъ не былъ праведный, ибо онъ могъ его добровольно исполнять и свободенъ былъ отъ проклятія его.

Доказываю вторую часть, что »человѣкъ кажется по созданіи особеннаго Божія промысла не сподобился«:— Сирахъ говоритъ (XV, 14): *Богъ изъ начала сотвори человѣка и остави его въ руцѣ произволенія его;* убо кажется, что человѣкъ по созданіи особеннаго Божія промысла не сподобился.

Отвѣчаю на слова приведенныя. Оными словами изображается свободная и совершенная воля перваго человѣка, а не исключеніе его изъ особеннаго Божія промысла.

Настою. Но оными словами, кажется, утверждается, что по созданіи первый человѣкъ изключенъ былъ изъ особеннаго промысла Божія; убо, кажется, что человѣкъ по созданіи особеннаго Божія промысла не сподобился. *Доказательство внесенное.* Первый человѣкъ никакого не имѣлъ достатка, не токмо въ чемъ другомъ, но и въ пищѣ; убо оными словами, кажется, утверждается, что по созданіи первый человѣкъ исключенъ изъ особеннаго промысла Божія. *Доказываю предыдущее.* Человѣкъ питался зеліемъ, какъ и прочіе скоты (Быт. I. 29). *Се дахъ вамъ всякую траву сѣменную, сѣющую сѣмя, еже есть верху земли всея, и всяко древо, еже имать въ себѣ плодъ сѣмене сѣмянаго вамъ будетъ въ снѣдь;* убо первый человѣкъ не токмо въ чемъ другомъ не имѣлъ достатка, но и въ пищи.

Отвѣчаю на предыдущее и текстъ. Человѣкъ первый прежде паденія питался одними зеліями не отъ недостатка: ибо ему надъ всѣми птицами, рыбами морскими, и животными дана власть (Быт. I, 28): но отъ единаго произволенія, и по причинѣ какъ здраваго сложенія его тѣла, такъ и пользы плодовъ земныхъ; ибо тѣло его, не поврежденное грѣхомъ, таковую пріятность и укрѣпленіе силъ получало изъ употребленія плодовъ, каковаго нынѣ растлѣнное грѣхомъ не можетъ имѣть изъ самой превосходнѣйшей и человѣческимъ найлучшимъ искуствомъ здѣланной пищи.

Доказываю, что »Богъ не предписалъ заповѣдь содержащую въ »себѣ средство, какъ первородное блаженство сохранить всегда нена»рушимо«. Заповѣдь предписанная, кажется, была причиною потерянія первороднаго блаженства, убо Богъ не предписалъ заповѣдь содержащую въ себѣ средство, какъ первородное блаженство сохранить всегда ненарушимо. *Доказываю предыдущее:* Заповѣдь предписанная, кажется, была причиною грѣха, по оному: (Римл. VII. 8) *вину пріемъ грѣхъ заповѣдію, безъ закона бо грѣхъ мертвъ.* Убо заповѣдь предписанная, кажется, была причиною потерянія первороднаго блаженства.

Отвѣчаю на предыдущее и слова св. Писанія. Заповѣдь, предписанная была причиною грѣха, по содѣланіи грѣха, сколь есть онъ велико зло—*позволяю;* причиною дѣйствительною грѣха, аки бы заповѣдь побудила къ дѣланію грѣха и произвела грѣхъ — *отрицаю.*

Настою. Но кажется, заповѣдь данная была причиною дѣйствительною грѣха; убо заповѣдь предписанная, кажется, была причиною потерянія первороднаго блаженства. *Доказательство сиесиное.* Заповѣдь данная произвела гнѣвъ Божій, какъ изъ книги Бытія явствуетъ и Павелъ св. (Римл. IV. 15) говоритъ: *законъ гнѣвъ содѣлываетъ; убо* кажется, что заповѣдь была причиною дѣйствительною грѣха.

Отвѣчаю на предыдущее и текстъ свящ. Писанія. Заповѣдь данная произвела гнѣвъ Божій по преступленіи закона — *позволяю;* прежде преступленія — *отрицаю.*

Диспутъ Философскій.

РѢЧЬ ПРЕДЪ ВОЗРАЖЕНІЯМИ.

Тончайшая проницательность любопытныхъ умовъ, изслѣдывая естественныя свойства разума, примѣтила, что онъ безъ просвѣщенія не столь удобно во внутренности вещей вникать и ихъ разсматривать можетъ да и самое почти извѣстнѣйшее съ великимъ трудомъ, и то нетвердо, неосновательно и не безъ малой иногда ошибки постигаетъ. По сей причинѣ врожденному слѣдуя расположенію онаго, вымыслила нарочито для дополненія въ немъ сего недостатка искуственную логику, дабы онъ на правилахъ оной утверждаясь и какбы по извѣстной нѣкоей стезѣ шествуя, до подробнаго познанія истинны свободно доходить могъ. А чтобъ сіе обстоятельнѣе выразумѣть, предложу нѣсколько противорѣчій.

Положеніе философское. Логика искуственная есть наука, изъясняющая правила, по которымъ умъ познаетъ и разсуждаетъ истину.

Возражаю. Въ Логикѣ искуственной темныя и невразумительныя преподаются правила; слѣдовательно, логика искуственная не есть наука, изъясняющая правила, по которымъ умъ познаетъ и разсуждаетъ истину. *Доказываю предыдущее.* На какихъ правилахъ умъ утверждаясь не обманывается, тѣ ясны и вразумительны: но на правилахъ логическихъ умъ утверждаясь обманывается. Слѣдов. правила логики искуственной темны и невразумительны. *Доказываю меньшее предложеніе.* Въ чемъ

нѣтъ истины, на томъ умъ утверждаясь обманывается: но въ логикѣ искуственной нѣтъ истины; слѣд. умъ, на правилахъ логическихъ утверждаясь, обманывается. *Доказываю меньшее предложеніе.* Логика искуственная справедливое за ложное, а ложное за справедливое поставляетъ, слѣдов. въ логикѣ искуственной нѣтъ истины. *Доказываю предыдущее.* Въ которой наукѣ находятся правила совсѣмъ противныя здравому разуму, въ оной справедливое за ложное, а ложное за справедливое поставляется: но въ логикѣ искуственной находятся правила совсѣмъ противны здравому разуму; слѣд. въ логикѣ искуственной справедливое за ложное, а ложное за справедливое поставляется. *Доказываю меньшее предложеніе.* Правила, показывающія способъ сплетать обманы амфиболическіе, суть противны здравому разуму: но логика искуственная предлагаетъ такія правила; слѣд. въ логикѣ искуственной правила совсѣмъ противны здравому разуму.

Отвѣтствую, раздѣляя меньшее предложеніе. Логика искуственная предлагаетъ такія правила, чтобъ, узнавши оныя, латвѣе (легче) можно избѣгать погрѣшностей — *позволяю,* чтобъ онымъ послѣдовать — *отрицаю.* »Слѣд. въ логикѣ искуственной находятся правила совсѣмъ противны здравому разуму« — *отрицаю слѣдствіе и говорю:* хотя логика и предлагаетъ правила, показывающія способъ сплетать обманы амфиболическіе, но не съ тѣмъ, чтобъ имъ послѣдовать.

Настою. Умъ не можетъ понять истины изъ логики искуственной. Истина находится или въ понятіяхъ, или въ разсужденіяхъ, или умствованіяхъ: но умъ никакихъ истинъ изъ логики понять не можетъ; слѣд. умъ не можетъ понять истины изъ логики искуственной *Доказываю меньшее предложеніе.* Логика искуственная не показываетъ правилъ, по которымъ бы умъ могъ понимать, разсуждать и умствовать; слѣд. никакихъ истинъ умъ изъ логики искуственной понять не можетъ. *Доказываю предыдущаго первую часть.* Ежели бы логика искуственная показывала правила, по которымъ бы умъ понималъ истину, то бы показывалъ развѣ для того, понеже умъ самъ чрезъ себя не могъ бы понимать истины: но умъ самъ чрезъ себя совершенно можетъ понимать истину; слѣд. логика искуственная не показываетъ правилъ, по которымъ бы умъ могъ понимать истину. *Доказываю меньшее предло-*

женіе. Умъ человѣческій самъ чрезъ себя можетъ совершенно вещи представлять такъ, какъ они сами въ себѣ суть; слѣд. умъ самъ чрезъ себя можетъ понимать истину совершенно. *Доказываю предыдущее.* Умъ Божественный самъ чрезъ себя вещи представляетъ такъ, какъ они сами въ себѣ суть; слѣд. и человѣческій. *Доказываю слѣдствіе.* Умъ человѣческій есть умъ божественный; слѣд. если умъ Божественный представляетъ самъ чрезъ себя совершенно вещи, такъ какъ они сами въ себѣ суть, то и умъ человѣческій.

Отвѣчаю, раздѣляя предыдущее. Умъ человѣческій есть божественный въ разсужденіи дѣйствующей причины — *позволяю;* въ разсужденіи своей сущности — *отрицаю.* »Слѣд. ежели умъ Божественный представляетъ самъ чрезъ себя и проч.« *отрицаю слѣдствіе и говорю:* правда, что умъ человѣческій есть умъ божественный въ разсужденіи причины, то есть отъ Бога данный, а не въ разсужденіи своей сущности.

Настою. Но умъ человѣческій въ разсужденіи своей сущности есть божественный. *Доказательство внесенное.* Которому уму приличествуютъ свойства единому Богу приличныя, тотъ умъ въ разсужденіи своей сущности есть божественный: но уму человѣческому приличествуютъ свойства единому Богу приличныя; слѣд. умъ человѣческій и въ разсужденіи своей сущности есть божественный. *Доказываю меньшее предложеніе.* Вѣчность и знаніе будущихъ вещей суть свойства единому Богу приличныя: но сіи свойства и уму человѣческому приличествуютъ; слѣд. уму человѣческому приличествуютъ свойства единому Богу приличныя.

Отвѣчаю, раздѣляя меньшее предложеніе. Уму человѣческому приличествуетъ нѣчто a parte ante, то есть, аки бы онъ начала не имѣлъ — *отрицаю;* приличествуетъ a parte post, то есть, что онъ, какъ и душа, конца не будетъ имѣть — *позволяю.* Приличествуетъ уму человѣческому знаніе будущихъ вещей, зависящихъ отъ естественныхъ причинъ — *позволяю,* напримѣръ, знать, что будущая весна произведетъ цвѣты, и земля зелія и плоды, или что завтрешній день солнце взойдетъ; приличествуетъ знаніе будущихъ вещей, не зависящихъ отъ естественныхъ

причинъ — *отрицаю.* »Слѣд. уму человѣческому приличествуютъ Божія свойства« — *отрицаю слѣдствіе и говорю*: правда что уму человѣческому приличествуетъ вѣчность въ разсужденіи конца, а не въ разужденіи начала, также и знаніе будущихъ вещей тѣхъ, которыя зависятъ отъ естественныхъ причинъ, но не приличествуетъ знаніе тѣхъ, которыя не зависятъ отъ естественныхъ причинъ.

Настою. Но умъ человѣческій предузнаетъ будущія вещи, не зависящія отъ естественныхъ причинъ, слѣдов. рѣшеніе недовольно. *Доказательство внесенное.* Сивиллы предузнали и предсказали рожденіе Христово, слѣд. умъ человѣческій предузнаетъ вещи, не зависящія отъ естественныхъ причинъ.

Отвѣчаю раздѣляя предыдущее Сивиллы предузнали и предсказали рожденіе Христово сами своимъ умомъ—*отрицаю;* слышавши, можетъ быть, пророчества о пришествіи Христовѣ отъ іудейской церкви, или по особенному нѣкоему Божію откровенію — *позволяю.* »Слѣд. умъ »человѣческій предузнаетъ будущія вещи, независящія отъ естествен»ныхъ причинъ« — *отрицаю слѣдствіе и говорю:* можетъ статься, что Сивиллы предузнали рожденіе Христово: но до сего они своимъ умомъ дойти не могли, а развѣ увѣдомились или отъ пророчествъ, бывшихъ въ іудейской церкви или по особенному откровенію Божію.

Настою и доказываю вторую часть, что логика не показываетъ правилъ, по которымъ умъ можетъ разсуждать истину. Которая наука учитъ составлять разсужденія ложныя, та наука не показываетъ правилъ, по которымъ умъ можетъ разсуждать истину.

Отвѣчаю, раздѣляя меньшее предложеніе. Логика учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ убѣгать — *позволяю;* чтобъ ихъ принимать и употреблять — *отрицаю.*

Настою. Но логика учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ принимать и употреблять. *Доказательство внесенное:* которая наука показываетъ правила такія, которыя учатъ утверждать то, что должно отрицать, а отрицать то, что должно утверждать: та наука

учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ принимать и употреблять; но логика показываетъ правила такія, которыя учатъ утверждать то, что должно отрицать, а отрицать то, что должно утверждать; слѣд. логика учитъ составлять разсужденія ложныя съ тѣмъ, чтобъ ихъ принимать и употреблять. *Доказываю меньшее предложеніе.* Люди, въ логикѣ преискусные и правила знающіе утверждали, что міръ есть вѣчный: но такъ утверждать есть отрицать то, что должно утверждать, а утверждать то, что должно отрицать; слѣд. логика показываетъ правила такія, которыя учатъ утверждать то, что должно отрицать и проч.

Отвѣчаю на предыдущее. Люди, въ логикѣ преискусные, утверждали, что міръ есть вѣчный, по злому употребленію логики—*позволяю*; потому, аки бы логика къ сему заблужденію ихъ приводила—*отрицаю*[285].

Повторяемъ, что это образчики диспутовъ домашнихъ, то есть, нѣчто въ родѣ классическихъ упражненій, которыя обязывался каждый изъ студентовъ представлять въ извѣстные сроки. Публичные диспуты — другое дѣло. Тамъ они бывали строже, обстоятельнѣй и потому продолжительнѣй. Предлагаемые тезисы требовали защиты импровизированной, и для того-то избираемы были лучшіе изъ студентовъ, которые въ состояніи были бы отразить всякое нападеніе со стороны возражающихъ.

Префектъ и профессоръ философіи *Самуилъ Мирославскій* отвѣчалъ, что за два истекшіе года показана студентамъ философія avctoris recentissimi in universa, quaqua patet, Evropa celebratissimi Wolfii, discipuli Friderici Christiani Baumeysteri, со всѣми ея частями »предисловіями и пролегоменами, не точію безъ »опущенія и единаго листа, но безъ оставленія и единаго тер»мина, который бы аккуратно, съ привнесеніемъ объ ономъ »разныхъ философскихъ мнѣній, не изъясненъ былъ«. Всѣ философскіе вопросы, необходимые и полезные ученикамъ, которыхъ не оказалось въ Баумейстерѣ, выбраны изъ разныхъ новѣйшихъ и знатнѣйшихъ въ Европѣ писателей, продиктованы и изъяснены студентамъ. Кромѣ того, исключая только начала

курса, въ который профессоръ занималъ своихъ учениковъ преподаваніемъ логики, отправляемы были домашніе диспуты »methodo syllogistica съ крайнимъ соблюденіемъ формы силлогической, а также sabbativa (общія репетиціи) еженедѣльно«. Между дѣломъ были диктованы и растолкованы canones, или по древнему названію, axiomata cum variis distinctionibus, sive, ut recentiores loquuntur, limitationibus, quae recentiori aetate maxime in rebus philosophicis adhibent. »Ученикамъ прилежнѣйшимъ и »острѣйшимъ означиваны были по третямъ года къ сложенію, »а по сложеніи къ выученію, а по выученіи къ сказыванію съ »каѳедры въ школѣ при всѣхъ учителяхъ проповѣди«. Замѣчательно, что въ первый разъ является въ програмѣ преподаванія географія, которую читалъ профессоръ философскаго класса на нѣмецкомъ языкѣ, по руководству Гибнера; въ это же время введено было и преподаваніе высшей ариѳметики, но такъ, какъ оговаривается Мирославскій, »большая нужда предлежала ученикамъ потребнейшія философскія вещи внушать, и яко большая »часть учениковъ нѣкоторыя части оныя вѣдаютъ, оставлена и »отдана на изученіе приватному всякаго изъ учениковъ прилѣжанію«.

Въ классѣ реторики въ эту пору были преподаваемы кромѣ уроковъ словесности, — ариѳметика, географія, Законъ Божій, и потому вотъ какое было представленіе митрополиту отъ профессора реторики *Виктора Ладыжинскаго:* 1) »Елементы ри»торическіе изъ двоихъ первой и послѣдней части состоящіе »ученикамъ по русску протолкованы, съ которыхъ они первой »части періоды латинскіе исправно слагать, троповъ и фигуръ »силу и употребленіе вѣдать, хріи какъ самопростѣйшіе и аѳо»ніевы, такъ per antecedens et consequens, per thesin et hypo»thesin составлять, наконецъ и системы различнаго рода и со»держанія писать по латинску научились, что все имъ кромѣ »въ риторикѣ напечатанныхъ примѣровъ и другими инными раз-

»личной матеріи экземплями подтверждено; къ семужъ хрій съ »латинскихъ классическихъ авторовъ, такожъ и епистолъ, до»волно прочитано, по логической и риторической резолюціи на »части резольвовано. и наизустъ отъ учениковъ выучено и ре»цитовано было; а въ послѣдней части показано имъ правила »и образцы составляти съ хрій великую орацію, въ примѣръ »чего прочитана съ Мурета орація de praestantia et utilitate li»terarum, и на части разобранна и въ школѣ учениками говорена. »Къ лучшему сего изученію и другіе еще диспозиціи долгихъ »орацій, съ коихъ друголѣтніи и третолѣтніи риторы не безъ »похвальныя елабораціи имѣли и въ школьномъ собраніи гово»рили, означованы были такожъ читать авторовъ, вымѣчать съ »нихъ изрядные рѣчей формулы и имитаціи на нихъ чинить, »регулы и примѣры показано, которыхъ средствомъ наставлены, »многіе отъ учениковъ въ добромъ состояніи автора латинскаго »читать, разумѣть и имитовать имѣются. 2) Ариѳметики всѣ »генеральныя части съ русской новой выдиктованы, прочитаны »и примѣрами довольными объяснены. 3) Географіи русской »часть о Европѣ только прочитана. 4) Православнаго исповѣ»данія первая только часть прочитана и протолкована и выучена; »послѣднихъ же частей не только на память выучить, но и въ »скорости прочитать крайняя времени малость (ибо на сіе суб»боту только опредѣлено да и то поздо) воспрепятствовала, та»кожъ и школьныхъ экзерцицій множество, само собою пере»смотръ и поправка не безъ препятствія была. 5) Ornata pe»riodi structura auctore Saski въ немножкихъ листахъ состоящая »выдиктована и прочитана вся, по которой прилежные ученики »исправно періоды писать и по латини чинно говорить научи»лись«.

Учитель синтаксимы *Игнатій Максимовичъ* въ отчетѣ своемъ, раздѣленномъ по вопросамъ митрополитскаго предложенія, написалъ слѣдующее: »*Чего обучено?* a) Православнаго исповѣ»данія на русскомъ діалектѣ. b) Граматики латинской, назы-

»наемой Алваръ. c) Разговоровъ латинскихъ схолястическихъ »на русскомъ языку. d) Выворотовъ съ польскаго или русского »на латинскій и съ латинского на русскій діалектъ. e) Чистого »латинского сочиненія изъ Гейнеція выбраннаго, что есть Ornata »syntaxis. f) Евангелія латинского Кастелліонового. g) Епистолъ »Циксторовыхъ самскратчайшихъ. h) Ариѳметики съ первой »части пяти членовъ. i) Географіи и k) Початковъ поэтическихъ«

Изъ отчета учителя граматики, *Рувима Петолинскаго*, видно, что въ теченіи курса были преподаны ученикамъ a) великая и малая граматики по Алвару съ наставленіемъ, какъ переводить съ русскаго и польскаго языка на латинскій. b) Исповѣданіе православной каѳолической вѣры въ необширномъ видѣ. c) Первыя четыре правила ариѳметики и d) Географіи—часть Европы.

Учитель инфимы, *Сампсонъ Виницкій*, преподавалъ почти тоже самое, что и учитель граматики, но только въ уменьшенномъ видѣ: »понеже, говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ, учителю »большій респектъ понятія удобнаго малыхъ дѣтей и силъ и »изученія протолкованнаго нужно было имѣть, нежели своихъ »трудовъ, чтобъ поспѣшать впередъ«.

Въ школѣ языка еврейскаго, преподавателемъ котораго былъ іерей *Константинъ Павловичъ*, въ первый годъ прочитана вся граматика, и разобраны по граматическимъ правиламъ три первыя главы Второзаконія; а для втораго года оставленъ синтаксисъ вмѣстѣ съ синтаксическимъ разборомъ, и »кто, заключаетъ наставникъ, отъ моихъ учениковъ чрезъ цѣлый годъ »школу не оставлялъ и прилежно слушалъ и съ прилежаніемъ »учился, тотъ граматики и резолюціи по граматики научился«.

Уроки французскаго языка, преподаваемые тѣмъ же наставникомъ, были равнымъ образомъ раздѣлены на два года, составлявшіе полный курсъ. Изъ показанія *Павловича* видно,

что въ первый годъ прочитана была имъ вся граматика и только малая часть синтаксиса, да занимаемы были воспитанники переводами съ русскаго на французскій. Пространнѣйшее же объясненіе синтаксиса, равно и чтеніе французскихъ книгъ, отложено до другаго года.

Тоже самое дѣлалось и въ классѣ нѣмецкаго языка, завѣдываемомъ *Ѳомою Халчинскимъ*. Ученики научились читать и писать, переводить съ русскаго на нѣмецкій по правиламъ граматическимъ и подавали »оккупаціи« по сему предмету.

Но вообще состояніе языковъ въ эту пору въ Академіи представляется неудовлетворительнымъ. Изученіе ихъ не было обязательнымъ для каждаго, и многіе, какъ говоритъ *Павловичъ* въ своемъ отчетѣ, наипаче изъ высшихъ школъ, приходили только тогда, когда хотѣли. По этому наставникъ былъ поставленъ въ крайне непріятное положеніе: ибо какъ скоро онъ начиналъ ихъ »увѣщевати, для чего лениво ходятъ и школу »часто оставляютъ или другаго пенса заставить (нести какую »либо другую школьную повинность), то и вовсе оставляютъ, »не сказавши учителеви ни дяки (благодарности) ни спаси Богъ«.

Обстоятельство это было причиною того, что митрополитъ Арсеній строго подтвердилъ всѣмъ безъ исключенія заниматься изученіемъ живыхъ языковъ, а Самуилъ Миславискій, принявшій послѣ Нацинскаго ректуру, поставилъ въ обязанность наставникамъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, чтобъ они »всепри»лежно старались пристойную пронунціацію или произношеніе, »въ оныхъ употребляемое, своимъ ученикамъ наипонятнѣйшимъ »и наилучшимъ образомъ внушать«. Въ непродолжительномъ времени классъ этотъ особенно полюбили ученики, и стали заниматься языками съ такою ревностію, что начальство нашло себя вынужденнымъ умѣрять охоту къ лингвистикѣ, такъ какъ многіе, находя въ этомъ средство къ лучшему содержанію себя

и поступленію наставниками къ дѣтямъ знатнѣйшихъ особъ въ городѣ, опускали безъ вниманія другіе болѣе важные классы, составлявшіе кругъ академическаго ученія.

Вообще преподаваніе живыхъ языковъ въ прежней Кіевской Академіи, со времени ректорства Самуила Мислáвскаго, шло превосходнымъ образомъ. Особенно языкъ французскій былъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, тѣмъ болѣе, что преподавателями онаго, послѣ Крижановскаго и Павловича, являлись уже природные Французы, которые обязывались, по заключаемымъ съ ними договорамъ, пріучать воспитанниковъ и объясняться и сочинять по французски. Во всѣхъ неоднократно измѣнявшихся инструкціяхъ, всегда повторялось одно неизмѣнное правило: »учителямъ ве»лѣть съ учениками и между собою латинскимъ по латини, а »другихъ языковъ тѣмъ, каковому обучаютъ, непремѣнно гово»рить«. Для усовершенствованія воспитанниковъ въ языкѣ французскомъ долгое время существовалъ особый классъ, называвшійся *практическимъ*, гдѣ ученики только тѣмъ и занимались, что разговаривали съ учителемъ. По выбытіи изъ Академіи Павловича, присланъ былъ сюда архіепископомъ Амвросіемъ Зертисъ-Каменскимъ иностранецъ *Маргасту де Зеемиляру* »ради »того, что учители онаго языка не могутъ съ такою точностію »обучать, какъ настоящіе Французы, притомъ и по нѣмецкой »учатъ граматикѣ, которая не помощь, но порчу дѣлаетъ во »французскомъ чистомъ произношеніи«. Маргасту преподавалъ здѣсь языкъ французскій шесть лѣтъ сряду и получалъ огромное по тому времени жалованье[286]. Съ 1778 года мѣсто его занялъ также иностранецъ *Василій Люппа*.

Языкъ нѣмецкій, хоть и не въ такой степени, какъ французскій, былъ любимымъ предметомъ воспитанниковъ Академіи: но все же классы онаго были наполнены слушателями. Еще при Симонѣ Тодорскомъ, первомъ здѣшнемъ профессорѣ нѣмецкаго языка, успѣхи были такъ значительны, что Академія гласно

говорила о нихъ передъ самимъ митрополитомъ. »Самымъ опы»томъ, писалъ авторъ упомянутаго разсужденія, въ Кіевской »Академіи оказалось, что многіе ученики въ разныхъ языкахъ »вдругъ такъ превосходно успѣли, что и въ С.-Петербургѣ за »достойныхъ учительскаго званія приняты, въ числѣ коихъ былъ »Лука Сѣчкаревъ, который нынѣ учителемъ нѣмецкаго языка »въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, да и много таковыхъ »сыскаться можетъ«. Слѣдовавшіе одинъ за другимъ учители *Иванъ Самойловичъ*, *Ѳома Халчинскій*, *Ириней Фальковскій* были отличными знатоками языка нѣмецкаго. Послѣ нихъ Академія стала имѣть преподавателями сего предмета уже иностранцевъ.

За тожъ, къ удивленію, такъ называемые мертвые языки были въ Кіевской Академіи отнюдъ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какого можно было бы ожидать отъ такого училища. Исключая латинскаго, котораго всякій ученикъ не могъ не знать въ совершенствѣ, греческій и еврейскій никакъ не могли приняться на этой, плодородной впрочемъ, почвѣ. Еще при Сильвестрѣ Коссовѣ, какъ уже извѣстно, ставили Академіи въ упрекъ то, что она пренебрегаетъ языкомъ греческимъ, и патріархъ Паисій замѣтилъ, что его знали здѣсь только *отчасти*. Не смотря на ревнительную строгость послѣдующихъ архипастырей, не смотря даже на то, что съ 1738 года каѳедра языка греческаго была занимаема почти постоянно отличнѣйшими наставниками, воспитанники не совсѣмъ охотно занимались этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что изученіе греческаго языка предоставлялось свободному произволу каждаго, да притомъ и учиться ему обязывались только студенты трехъ высшихъ классовъ: реторики, философіи и богословія, для которыхъ уже поздо было приниматься за первоначальные уроки. Отъ того выходило то, что число охотниковъ учиться по гречески время отъ времени сокращалось очень значительно, такъ что академическое начальство вынужденнымъ нашлось въ 1760 году войти отъ себя къ митрополиту Арсенію особымъ

представленіемъ касательно сего; въ слѣдствіе чего опредѣлено было впредъ обучаться греческому языку всѣмъ ученикамъ трехъ послѣднихъ классовъ, особенно изъ духовнаго званія, и отмѣчать степень ихъ успѣховъ по сему предмету въ училищныхъ вѣдомостяхъ и свидѣтельствахъ, съ предостереженіемъ, что это будетъ имѣться въ виду при опредѣленіи воспитанниковъ въ должности. Даже въ послужныхъ спискахъ самихъ наставниковъ Академіи появилась особая графа для означенія степени познаній ихъ въ языкѣ греческомъ. Желаемый успѣхъ увѣнчалъ распоряженіе мудраго архипастыря, такъ что черезъ шесть лѣтъ послѣ сего воспитанники Академіи были въ состояніи преподавать языкъ греческій даже между природными Греками. Такъ въ 1767 году вызванъ былъ отсюда монахъ *Григорій* въ Нѣжинъ для обученія греческому языку дѣтей тамошнихъ колонистовъ.

Что же касается до языка еврейскаго, то онъ никогда не восходилъ въ Академіи до цвѣтущаго состоянія. Студенты рѣшительно пренебрегали имъ, какъ ни къ чему не нужнымъ, ибо знаніемъ его почти ничего не выигрывали. »Господа, сказано въ упомянутомъ разсужденіи, свѣдущихъ по гречески » и по еврейски никогда не приглашаютъ на кондиціи, а зна»ющихъ французскій и нѣмецкій языки непрестанно при»глашаютъ«. Даже послѣ указа св. Синода (1798 г.), которымъ повелѣно обучаться еврейскому языку всѣмъ безъ исключенія ученикамъ высшихъ классовъ, охотниковъ было весьма не много.

Такъ называемыя инструкціи — великая и малая продолжали идти все тѣмъ же порядкомъ, какой первоначально предписанъ для нихъ Петромъ Могилою; профессоры и учители Академіи, по назначенію митрополита, постоянно трудились въ проповѣданіи слова Божія. Хотя церковное краснорѣчіе и не было еще возведено въ достоинство отдѣльной науки, тѣмъ не

менѣе наставники Академіи не могли отказываться невѣдѣніемъ гомилетическихъ правилъ: ибо съ общими пріемами проповѣданія они знакомились въ школѣ реторики, а самое содержаніе получали въ классѣ богословія. Еще въ 1658 году изданы были *Особыя Правила* для молодыхъ проповѣдниковъ, руководствующія къ сочиненію проповѣдей, вмѣстѣ съ поученіями Іоанникія Галятовскаго, бывшаго въ то время профессоромъ богословія и ректоромъ коллегіи: но особой каѳедры для этого все таки не было, и студенты не были упражняемы въ сочиненіи поученій. Уже въ 1752 году митрополитъ Тимоѳей Щербацкій, въ прибавленіи къ инструкціи Конисскаго предписалъ »богословамъ и философамъ, которые священство полу»чить желаютъ, означать экзерциціи мѣсячніи, назначивъ темы »на проповѣди, и на сложеніе оныхъ давать сроку мѣсяцъ, а »слушать тѣхъ проповѣдей въ своихъ школахъ наизустъ. И »оныя проповѣди всякъ бы на чисто переписавъ, своему учи»телю отдавалъ для отсылки оныхъ въ каѳедру: во время про»моціи ихъ во священство можетъ свидѣтельствомъ и реко»мендаціею быть ихъ ученія«. Въ слѣдствіе сего студенты богословія и философіи стали говорить поочереди въ воскресные и праздничные дни ими самими составляемыя поученія, но только не во храмѣ и не передъ народомъ, а въ академической залѣ и въ присутствіи префекта и воспитанниковъ всѣхъ классовъ. Между тѣмъ особымъ указомъ дикастеріи (1761 г.) предписано было при всѣхъ монастыряхъ, подвѣдомственныхъ кіевской митрополіи, учредить особыхъ проповѣдниковъ, высылаемыхъ обыкновенно изъ Академіи[287]. Вмѣстѣ съ этимъ церковное краснорѣчіе неизбѣжно стало отдаляться отъ общей реторики и принимать форму особой науки. Особенно это замѣтнымъ сдѣлалось съ открытіемъ класса высшаго краснорѣчія, когда указомъ св. Синода опредѣлено было »читать учи»телю лучшихъ авторовъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ »рѣчи, дѣлая онымъ резолюціи логическія и риторическія, и »по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи.

»Когда же такимъ образомъ такая рѣчь окончена и имитація »будетъ сдѣлана, то назначеннымъ ученикамъ изучивать на- »изустъ — одному рѣчь автора, а другому имитацію, и потомъ »говорить публично при собраніи Академіи«. При указанномъ разборѣ образцовыхъ сочиненій преподаватели уже отчетливѣе начали изъяснять своимъ слушателямъ теорію церковнаго краснорѣчія.

Съ какимъ успѣхомъ уроки церковнаго краснорѣчія были принимаемы воспитанниками Академіи, и каковы были плоды этого, — можно видѣть изъ опытовъ тогдашняго времени. Приводимъ сполна одну изъ проповѣдей, сказанную 1779 года ученикомъ богословія четвертаго года *Виталіемъ Антоновичемъ*[288], темою для которой служитъ возстановленіе рода человѣческаго, совершенное въ рождествѣ Іисуса Христа.

»Трепетъ поражаетъ сердца, когда мысленному зрѣнію предста- »вляется тотъ ужасный жребій, тѣ горестныя послѣдствіи, кои роду че- »ловѣческому по паденіи предлежали. Уклонивыйся отъ пути въ бла- »женную вѣчность руководствующаго праотецъ ввергнулъ его въ глу- »бочайшія стремнины погибелныя. Учинилъ всѣхъ бѣдствій игра- »лищемъ. *Единымъ человѣкомъ зло во вся человѣки вниде.* Прекрасный »тѣла составъ, безсмертіемъ въ небесныя обители преселиться имѣвшій, »плачевнымъ навсегда здѣлался зрѣлищемъ. Смерть вѣчными угрожала »мученіи. Бездна адова къ поглощенію алчныя разверзла челюсти своя. »Вездѣ строгости гремѣлъ гласъ: проклятъ, проклята и земля. Ужасна- »го воистину жребія! горестнаго послѣдствія!

»Божественный Іеремія о разореніи храма Іерусалимскаго содро- »гаяся, оросилъ развалины оного слезами. Чьи убо не прослезятся »очеса о превращеніи душевнаго храма? кто не возрыдаетъ о потеря- »ніи первобытнаго блаженства? чья не содрогнетъ мысль о горестныхъ »души и тѣлу послѣдствіяхъ?

»Но да не смущаются сердца! *Богъ богатъ сый въ милости* чрезъ »откровеніе святое во утѣшеніи вопіетъ велегласно: *живу азъ, глаго-*

»лет*ъ Адонаі Господь* чрезъ пророка Іезекіиля, *не хощу смерти грѣ-*
»*шника, но еже обратитися и живу быти ему.* Почему, не желая
»погибели столь превосходному творенію, будучи преклоненъ неизгла-
»голаннымъ къ человѣчеству милосердіемъ, восхотѣлъ дѣйствительно
»исторгнуть его изъ вѣчныя погибели. Попеченъ былъ и о такихъ
»средствахъ, коими бы отъ бѣдствія избавитъ, и купно удовлетворить
»своему правосудію. Въ слѣдствіе чего Сына единороднаго для очи-
»щенія человѣческихъ грѣховъ послать благоволилъ, и во опредѣлен-
»ное время послалъ, глаголетъ писаніе: *посла Богъ Сына своего,* и паки:
»*Богъ пріиде отъ Ѳемана въ Сіонъ.*

»*Радуйся* убо *зѣло дщи Сіоня! на гору высоку взыди благовѣст-*
»*вуя Іерусалиму, рцы градомъ Іудовымъ: посѣти ны востокъ съ высо-*
»*ты. Богъ воздвиже силу свою и пріиде во еже спасти насъ.*

»Что же было побужденіемъ къ воплощенію Сына Божія? почему
»не иной кто опредѣленъ для искупленія рода человѣческаго? Какимъ
»способомъ и дѣйствительно ли Богочеловѣкъ Іисусъ умилостивилъ Бо-
»га, возставилъ и избавилъ отъ вѣчныя погибели человѣчество? О семъ
»къ благосклонному слуху краткое будетъ разсужденіе.

»Тріипостасное Слово! даждь устомъ слово, да возглаголютъ дѣ-
»ла твоя.

»Мертвый самъ себя возставить не можетъ; впадшій въ глубокую
»стремнину, безъ содѣйствія другаго, вытти оттуда не въ состояніи: родъ
»человѣческій, по Павлову ученію, мертвъ былъ грѣхами, а по уподобле-
»нію Христову, ввержен*ъ* въ яму несчастія. Почему не было ему возмо-
»жности изъ сея погибели избавиться. А сіе и было нѣкіимъ побужде-
»ніемъ Сыну Божію къ вочеловѣченію, по особливой Его любви къ чело-
»вѣчеству. И хотя, какъ повинности всегда предлежитъ возданіемъ на-
»казаніе, не противно было правосудію Вышняго, но еще непремѣнно
»требовалось, дабы человѣкъ, яко волный закона преступникъ, и Вер-
»ховнаго презритель Владыки, на вѣки отъ Него отверженъ былъ: но
»сіе нимало несовмѣстно благости Божіей. Оно есть дѣйствительное
»хотѣніе всѣ твари здѣлать совершенными и благополучными. Еже-
»лижъ благоутробіе небеснаго Отца столь ко всякой простирается тва-

»ри, какъ бы сія, всякъ умъ превосходящая благость, могла допустить »человѣку превосходнѣйшему погибнуть созданію? какъ бы превратила »истинну свою, когда предметъ по намѣренію Божію опредѣленъ ему »вѣчность блаженная, и разширеніе велелѣпныя его славы? *Къ славѣ »моей устроихъ и создахъ человѣка*, и индѣ: *еда забудетъ жена отро»ча свое, еже не помиловати изчадія чрева своего, аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе*, глаголетъ Господь усты »пророка Исаіи.

»А отсюда и взымается заключеніе: струи Божія благоутробія не»исчерпаемы, или паче: Богъ есть самое милосердіе; такъ конечно, не »смотря на человѣческіе недостатки и преступленіи, по единой благо»сти простилъ бы, и удостоилъ человѣка блаженныя вѣчности? Но та»ковое разсужденіе погрѣшительно. Оно представляетъ Божіе милосер»діе безъ прозрѣнія: воображаетъ Бога неимѣющаго вѣчной и постоян»ной правды: понуждаетъ его праведника и нечестиваго имѣть въ равен»ствѣ, что о Божествѣ и помыслить ужасно. И потому да заградятъ »уста свои молчаніемъ сія предполагающіе.

»Какимъ же бы способомъ человѣкъ спастися могъ? Тѣмъ, кото»рый бы по изобрѣтенію Вышняго соединялъ въ дѣлѣ спасенія нашего »милосердіе Божіе съ совершеннымъ удовлетвореніемъ Его правосудію. »Неограниченная премудрость Отца свѣтовъ довольна ко изобрѣтенію »таковаго средства; вѣдаетъ, какъ излить струи благости своея на бѣ»дное созданіе, какъ примирить человѣковъ Богу Отцу, не нарушая ни»мало границъ справедливости. Въ исполненіе чего опредѣляется вто»рое Лице тривостаснаго Божества къ вочеловѣченію. *О глубина бо»гатства премудрости и разума Божія! Кто уразумѣ умъ Господень, »или кто совѣтникъ ему бысть?* Ежели гдѣ, такъ здѣсь воистину на»добно изрещи оные евангельскіе глаголы: *невозможная человѣкомъ, »возможна суть Богу*. Здѣсь-то воскликнуть съ богодохновеннымъ »должно пророкомъ: *милость и истинна срѣтостася, правда и миръ облобызастася.*

»*Благослови* убо вселенная *Господа, вѣнчающаго тя милостію и »щедротами, избавляющаго отъ истлѣнія животъ твой!*

»Вотъ побужденіи къ воплощенію Сына Божія!

»Но почему не иной кто опредѣленъ для искупленія? Высочайшая »премудрость Божія, вся проникающая, доволно предусмотрѣла, что со »стороны перстныхъ нѣтъ способа ко спасенію, и всѣ до единаго жиз»ни требовали. Ангелу преклонить на милость разгнѣваннаго Божест»ва было невозможно; созданіе Несозданнаго умилостивить не могло. »Да и ежели въ дѣлѣ естественномъ ходатай между двумя потребенъ »по равенству съ умоляемымъ: такъ не паче ли въ вышеестественномъ? »Артаксеркса о возвращеніи жизни народу израильскому никто умо»лить не могъ, кромѣ Есѳири царицы его. Притомъ Ангелъ не имѣлъ »столько силъ, чтобъ исполнить сію величайшую должность, требующую »безконечнаго могущества. Другаго не оставалось кромѣ Бога: такъ »вотъ же въ сокровеннѣйшемъ, ниже Ангельскими мысльми испытуе»момъ, Святѣйшія Тройцы совѣтѣ опредѣляется Сынъ Божій воспріять »на себя августѣйшее посольство для избавленія человѣчества. Вотъ »главная вина опредѣленія Сына Божія для искупленія!

»Какое убо, благодѣтелю Господи! воздастъ тебѣ перстный достой»ное благодареніе? Чѣмъ изъявитъ усердіе за толикое благотвореніе, »изліянное на него, коего великолѣпнѣе, удивителнѣе и милосерднѣе »міръ никогда ожидать не можетъ?

»Но какимъ способомъ Богочеловѣкъ Іисусъ избавилъ человѣчество »отъ нещастія вѣчного, возставилъ и примирилъ его Богу Отцу, пред»ставимъ мыслямъ нашимъ.

»Родъ человѣческій въ крайнемъ находился заблужденіи, такъ, что »честь, пристойную величеству Божества, приписывалъ самымъ подлымъ »вещамъ. Сего боголѣпнаго поклоненія всѣ удостоенны твореніи. У »него все было Богъ, кромѣ истиннаго Бога. О чемъ жалѣяся, святый »Израилевъ тако возглашаетъ усты блаженнаго Іереміи: *вси древу ре»кoша: яко отецъ мой еси ты, и камени: ты мя родилъ еси И об»ратиша ко Мнѣ хребты, а не лица.* Что можетъ быть ужаснѣе сея »слѣпоты, таковаго заблужденія?

»Когда же пришедшій Спаситель, истинный слова Божія проповѣд»никъ, возгремѣлъ ученіемъ; когда свѣтъ онаго озарилъ вселенную: пали

»кумиры, сокрушились жертвенники, изчезли богопротивныя куреніи, по»срамились языческіе тайны, открылась горняя богословія, и предложенъ »прямой путь богопознанія. И гдѣ нечестивому Сатурну умервщляемы »были младенцы, тамъ истинному Богу приносится *жертва* истинная, »*духъ сокрушенный.* Гдѣ дымъ восходилъ до облаковъ отъ сожженія »животныхъ, тамъ церковь Христова провозглашаетъ молитвы свои, воз»вышающіяся даже до престола благодати, кратко: идѣже бѣ тьма, »нынѣ тамъ свѣтъ о Господѣ.

»Но сіе Ходатай Бога и человѣковъ недоволнымъ почитая для во»становленія человѣчества, всю жизнь свою препроводилъ въ совершен»нѣйшемъ закона исполненіи. На послѣдокъ какія претерпѣлъ мученіи, »какую поноснѣйшую воспріялъ смерть, когда самаго себя принесъ въ »жертву! Сія жертва безконечной была цѣны. Одно найменьшее мученіе »Его сильно удовлетворить за всеобщій грѣхъ разгнѣванному Божеству. »Одна капля святѣйшія Его крови дѣйствителна была угасить пламень »вѣчныя муки. Но когда Христосъ такою былъ жертвою, каковой отъ »человѣкъ никто принесть не могъ; когда всю свою кровь истощилъ до »послѣдныя капли; когда умеръ съ толикимъ мученіемъ и язвами на »крестѣ, что отъ главы до ногъ не бѣ въ Немъ цѣлости: то смерть »Іисуса Христа не есть ли истинная жертва, умилостивляющая намъ Бога, »тѣмъ пріятнѣйшая Господеви, что самопроизволно *Духомъ Святымъ себе* »*принесъ*, что *яко агнецъ незлобивый закланъ* правосудіемъ Божіимъ и »сожженъ огнемъ любви, пилающимъ ко спасенію человѣческому? Не »есть ли жертва, возобновляющая человѣчество, погашающая пламень »вѣчныхъ мученій, когда дѣйствително удовлетворить могла Божескому »правосудію, заслужить намъ милосердіе, очистить грѣхи, примирить »Богу Отцу и первое возвратить блаженство, по увѣренію слова Божія? »*Христосъ пришедъ Архіерей грядущихъ благъ, большею и совершеннѣй»шею скиніею нерукотворенною, сирѣчь не сея твари, ни кровію козлею, »ниже тельчею, но своею кровію внійде единою во святая, вѣчное ис»купленіе обрѣтый. Аще бо кровь козляя или телчая и пепелъ юнчій »кропящій осквернення освящаетъ къ плотстый чистоть: кольми паче »кровь Христова, иже Духомъ Святымъ себе причесе непорочна Богу, »очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ »Богу живу и истинну.*

»Вотъ способъ искупленія Хрістова рода человѣческаго! Вотъ со»вершенное удовлетвореніе и востановленіе оного!

»*Да возрадуется* убо *душа* ваша *о Господѣ*, живущіи по вселеннѣй! »*Облече бо* васъ *въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя. Яко же*» *ниху возложи* на вы *вѣнецъ, и яко невѣсту украси* васъ *красотою.*

»Искупленное кровію Сына Божія хрістіянство! Правовѣрныя чада »Церкви Божія! Толикихъ отъ руки Господни сподобившись благотво»реній, какою благодарностію объязаны дражайшему Ходатаю? *Что воз*»*дадимъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде намъ?* Потщимся по примѣру »волфовъ приносить всегда Спасителю своему въ жертву чистѣйшее зла»то добродѣтелей, ливанъ усердныхъ молитвъ, и благоговѣйную смирну »истинныя вѣры, вѣдяще, яко тѣмъ *спасти до конца можетъ приходя*»*щихъ чрезъ него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати* »*о нихъ*«.

Ни изъ одного доселѣшняго конспекта не видно, чтобъ нотное пѣніе и вообще музыка имѣли особый классъ: но что и вокальная и инструментальная были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, это мы уже видѣли и далѣе увидимъ еще лучше. Особенно первая была доведена въ послѣднее время до такого совершенства, что могла стать наравнѣ съ европейскою. Церковная музыка—любимое развлеченіе воспитанниковъ Академіи, въ началѣ XVIII столѣтія нѣкоторымъ образомъ начала разнствовать отъ принятыхъ въ Великой Россіи напѣвовъ—греческаго и болгарскаго. По ближайшему знакомству съ музыкой католической, студенты-композиторы позволяли уже себѣ нѣкоторыя уклоненія отъ монотонныхъ напѣвовъ партитуры греческой къ гармоніи и мелодіи композицій европейскихъ, блистательно явившихся въ твореніяхъ Себастіана Баха и Палестрини. Но при всемъ этомъ характеръ церковности строго былъ удерживаемъ православными композиторами, и пѣніе ихъ отнюдъ не походило на тѣ тоноизвитія, которыми въ то время щедро украшали свои созданія выписные артисты, управлявшіе придворной капеллій.

Юго-западу Россіи первому принадлежитъ честь введенія въ церковную музыку концертовъ, строго запрещенныхъ тогда на сѣверѣ. Въ этомъ отношеніи Кіевская Академія безспорно занимаетъ первое мѣсто, какъ вводительница такъ называемаго партеснаго пѣнія: ибо самое появленіе изъ среды ея воспитанниковъ композиторскихъ талантовъ показываетъ слишкомъ рано начавшееся въ ней процвѣтаніе музыкальнаго искуства, дошедшаго до такого совершенства. Ея оркестръ былъ лучшимъ во всемъ Кіевѣ, а пѣвческіе хоры, которыхъ обыкновенно бывало два, собственно Братскій и Конгрегаціонный — были перломъ между всѣми хорами, которыхъ искони здѣсь бывало много[289].

Кромѣ оффиціальныхъ занятій, Академія исполняла много другихъ обязанностей; такъ въ нее препровождали иновѣрцевъ, присоединявшихся къ православію, для вразумленія ихъ въ истинахъ вѣры каѳолической. Въ 1762 году митрополитъ Арсеній особымъ указомъ предписалъ ректору и учителямъ немедленно заняться пересмотромъ, повѣркою съ подлинниками и исправленіемъ, гдѣ окажется нужнымъ, Собранія, составлявшаго отдѣльную книгу, въ которой заключались нѣкоторыя бесѣды св. Златоуста, св. Ефрема Сирина и краткія размышленія, заимствованныя изъ Пролога.

Въ 1762 году вся Россія праздновала возшествіе на престолъ Екатерины II, которая долженствовала возвеличить наше отечество, поставивъ его на небывалую дотолѣ степень славы и могущества. Кіевъ съ воспитанниками древнѣйшаго своего училища также присягнулъ на вѣрность подданства Великой Государынѣ. Замѣчательно, что студенты Академіи каждый особо подписывался съ показаніемъ своего рода и происхожденія на присяжномъ листѣ, который подлинникомъ препровожденъ былъ потомъ въ С.-Петербургъ.

Ревностный и неутомимый блюститель училища, митропо-

литъ Арсеній не жалѣлъ для него ничего. Онъ отдавалъ учителямъ и ученикамъ большую часть своего жалованья; защищалъ тѣхъ и другихъ отъ безпрестанныхъ притязаній чиновъ магистратскихъ; являлся предстателемъ у самаго высшаго начальства и никому не давалъ въ обиду не только профессора, но самаго послѣдняго ученика. Къ нему, какъ къ отцу, обращались сеніоры, то съ представленіемъ своихъ нуждъ домашнихъ, то съ испрошеніемъ одежи и обуви, то съ требованіемъ медикаментовъ для больныхъ учениковъ и отопленія, — и на все это неукоснительно отвѣтствовалъ Арсеній, щедрою рукою разсыпая благодѣянія.

Но и этого мало. Архипастырь заботился и о будущности питомцевъ своихъ. Въ 1765 году онъ подтвердилъ »всѣмъ епархіи »кіевскія духовнымъ властямъ, дабы отдавали въ замужье до»черей своихъ священники и діаконы желающіе зятей имѣть »на своихъ парохіальныхъ мѣстахъ такихъ, гдѣ имѣется при»ходскихъ дворовъ отъ 80 до 100 и вышше за учительныхъ »дѣтей Академіи Кіевской богослововъ, а гдѣ отъ 60 до 80 дво»ровъ, по крайности, когда изъ богослововъ не сыщутся, за »философовъ, а гдѣ и ниже 60 дворовъ, священники и діаконы »прежде искали бы по прописанному изъ учительныхъ, а если »бы къ какому приходу, какъ къ меньшему, такъ и къ боль»шему не могли за тѣмъ пріискаться люди учительные къ до»черямъ священническимъ и діаконскимъ, по крайнему ихъ о »томъ старательству, то имъ представлять о томъ доношеніями »по порядку, а безъ того священникомъ и діакономъ, равно »какъ протопопомъ и намѣстникомъ (благочиннымъ) дочерей »своихъ за неучительныхъ, проповѣдовать слова Божія не мо»гущихъ, не выдавать«.

Оставивъ поступленіе въ училище дворянъ и разночинцевъ на ихъ собственный произволъ, митрополитъ въ томъ же году всѣмъ священноцерковно-служителямъ вмѣнилъ въ непремѣнную

обязанность отдавать дѣтей своихъ въ школы, не заградивъ пути въ Академію не только вдовымъ, но даже женатымъ священнослужителямъ. Такимъ образомъ позволено было 1765 года обучаться въ Академіи діакону *Григорію Павлову* и велѣно »жить ему »съ женою своею вмѣстѣ неразлучно, дабы между ними не мо»гло послѣдовать какова противного закону развращенія«.

Въ 1758 году послѣдовалъ указъ, которымъ повелѣно было объявить воспитанникамъ Академіи: не пожелаетъ ли кто изъ нихъ добровольно вступить въ медико-хирургическую или фармацевтическую науку. Отъ кандидатовъ требовалось совершенное знаніе граматики, реторики и нѣсколько философіи. По этому требованію, немедленно явилось дѣтей священническихъ и разночинцевъ изъ класса философскаго *одинъ*, изъ реторики *двадцать четыре*, изъ піитики — *двѣнадцать* человѣкъ. Всѣ они отправлены были на казенный счетъ, съ выдачею имъ на подъемъ по десяти рублей на человѣка, не въ зачетъ будущаго жалованья.

Высылка воспитанниковъ на учительскія должности въ семинаріи и народныя училища въ эту пору значительно увеличилась. Требованія являлись отовсюду, и Кіевская Академія безъ отказу удовлетворяла всѣмъ имъ, ежегодно отпуская по нѣсколько человѣкъ лучшихъ своихъ питомцевъ. Но при этомъ она помнила свои обязанности, какъ училища высшаго, и боясь ослабить себя, дорожила тѣми студентами, которые могли быть полезны ей самой. Смѣло и откровенно она дѣлала свои представленія вопреки распоряженія самихъ митрополитовъ, и нужныхъ для себя людей удерживала до времени безотлучно. Такъ въ 1758 году Академія не отпустила отъ себя учителя инфимы *Сампсона Виницкаго*, назначеннаго Арсеніемъ въ каѳедру на проповѣдническую должность. »Понеже, сказано въ представленіи по этому случаю, между всѣми Академіи учителями нѣтъ »ни единаго, который бы, въ случаѣ отлучки отъ Академіи

»нынѣшняго языковъ учителя іерея Константина, могль обу-»чать французскій и нѣмецкій языкъ, а монахъ *Самсонъ* знаетъ »нѣмецкій языкъ изрядно, а французскій не худо, которые языки, »буде ему отлучка отъ Академіи воспослѣдуетъ, состоя въ иной »должности, а не упражняяся въ оныхъ, удобно позабудетъ, и »потому впредь къ обученію оныхъ неспособенъ явится«. Само собою разумѣется, что такого рода представленія всегда были уважаемы просвѣщенными протекторами Академіи.

Прибытіе иностранцевъ въ Академію въ настоящую пору стало для нея сущимъ обремененіемъ, потому болѣе, что въ это дѣло стали входить лица, желаніе которыхъ въ нѣкоторомъ отношеніи было обязательнымъ для училищнаго начальства. Такимъ образомъ при отношеніи генералъ-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова, препровожденъ былъ въ 1761 г. въ Академію сербскій іеродіаконъ *Арсеній Ивановичъ*, не имѣвшій ни граматы, ни другаго какого либо законнаго вида, кромѣ завѣренія походной канцеляріи о его добропорядочномъ поведеніи во время состоянія при арміи. Академія безпрекословно допустила Ивановича къ слушанію уроковъ, но переписка о священно-служительскомъ его санѣ была крайне для нея обременительна. Въ томъ же году явился въ Академію іеромонахъ *Давидъ Сухозанетъ*, слушавшій за границей цѣлый курсъ философіи, математику, медицину и нѣмецкій языкъ, и присланный сюда въ классъ богословія, съ правомъ однакожъ занять праздное какое либо мѣсто проповѣдника. Разумѣется, что Академія никакъ не могла исполнить послѣдняго, и хотя, для формы, и представляла его въ кандидаты на проповѣдническую должность, но всегда обходила окончательнымъ утвержденіемъ.

Митрополиту Арсенію привелось еще разбирать одно тяжебное дѣло, возникшее 1761 года между Кіевобратскимъ училищнымъ и Софійскимъ монастырями о грунтахъ, принадлежащихъ м. Стайкамъ. Невѣрное и неправильное размежеваніе земель было

причиною того, что Софійскій монастырь, къ ущербу Кіево-братской экономіи, завладѣлъ нѣкоторыми доходными статьями, отъ чего терпѣла и Академія. Не допуская этой тяжбы до формальнаго судопроизводства, митрополитъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ успѣлъ покончить ее съ небольшимъ въ пять лѣтъ, ко взаимному удовольствію обѣихъ тяжущихся сторонъ.

Кіевъ въ это самое время (1761 г.) получилъ новое измѣненіе въ своихъ отношеніяхъ къ административной власти. Онъ былъ изъятъ изъ подъ вѣдомства гетманскаго и непосредственно подчиненъ Сенату. Но съ кончиною Императрицы Елисаветы (25 декабря 1761 г.) графъ Разумовскій снова исходатайствовалъ у Петра III возвращеніе Кіева въ свое завѣдываніе. Въ 1764 году онъ опять былъ исключенъ изъ вѣдомства гетманскаго и навсегда поступилъ въ распоряженіе генералъ-губернаторовъ, назначаемыхъ отъ правительства[290].

Здѣсь оканчивается отдѣльная исторія Кіева. Вошедши въ семью русскихъ городовъ, онъ пошелъ тѣмъ путемъ, который возвелъ его потомъ, въ царствованіе Николая I, на высокую степень древняго величія и новой славы.

Но архипастырь Кіева и благодѣтель Академіи близился уже къ исходу отъ міра сего. 8 Іюня 1770 года было послѣднимъ днемъ жизни незабвеннаго митрополита Арсенія. Онъ скончался въ загороднемъ митрополитскомъ Шулявскомъ домѣ[291], откуда перенесенъ въ Софійскій соборъ Павломъ, митрополитомъ тобольскимъ. Преосвящ. Самуилъ, епископъ бѣлоградскій, 21 іюня совершилъ погребеніе того, при комъ служилъ онъ Академіи долгое время.

Кіевская Академія, — предметъ особенной заботливости Арсенія Могилянскаго, имѣла во время его слѣдующихъ наставниковъ.

Ректоры: *Максимовичъ Манассія* (1755—1758 г.); *Нащинскій Давидъ* (1758—1761) *Мисловскій Самуилъ* (1761—1768) и *Вербицкій Тарасій*.

Префекты и профессоры философіи: *Мисловскій Самуилъ*, іеромонахъ (1757—1761) *Орловскій Мелхиседекъ* (1761—1764) *Микославичъ Игнатій* (1764—1768) *Петолинскій Рувимъ* (1768—1769) и *Панкратьевъ Никодимъ*.

Учители реторики іеромонахи: *Ладыжинскій Викторъ* (1758—1762) *Петолинскій Рувимъ* (1762—1764) *Панкратьевъ Никодимъ* (1764—1766) и *Лехницкій Кассіанъ*.

Учители піитики: *Савицкій Исаакъ* іеромонахъ (1758—1759) *Павловичъ Константинъ*, священникъ (1759) *Микославичъ Игнатій*, іеромонахъ (1759—1761) *Петолинскій Рувимъ* (1761—1762) *Панкратьевъ Никодимъ*, іеромомонахъ (1762—1764) *Илія* .... іеромонахъ (1764—1765) *Самойловичъ Иванъ*, свѣтскій (1765—1768).

Учители синтаксимы: *Вербицкій Тарасій*, іеродіаконъ (1758) *Микославичъ Игнатій*, іеромонахъ (1759) *Петолинскій Рувимъ* іеромонахъ (1759—1761) *Панкратьевъ Никодимъ*, іеромонахъ (1761—1762) *Илія*, іеромонахъ (1762—1764) *Самойловичъ Иванъ* свѣтскій (1764—1765) *Лехницкій Кассіанъ*, іеромонахъ (1765—1767) *Амвросій* .... іеромонахъ (1767—1768).

Учители граматики: *Максимовичъ Игнатій*, іеродіаконъ (1758) *Петолинскій Рувимъ*, іеромонахъ (1759) *Ефремъ* .... іеродіаконъ (1760) *Колосовскій Никодимъ*, іеромонахъ (1761) *Самойловичъ Иванъ*, свѣтскій (1761—1764) *Лехницкій Кассіанъ*, іеромонахъ (1765) *Іеремія* .... іеродіаконъ (1766—1767) *Александровскій Ѳедоръ*, священникъ (1768).

Учители инфимы: *Петолинскій Рувимъ*, іеродіаконъ (1758)

Леванда Иванъ, свѣтскій (1759—1761) *Виницкій Сампсонъ*, іеродіаконъ (1761—1762) *Іустинскій Савва*, іеродіаконъ (1763) *Панкратьевъ Никодимъ*, іеродіаконъ (1764) *Коржевичъ Лука*, свѣтскій (1764) *Лехницкій Кассіанъ*, іеромонахъ (1764) *Іеремія*, іеродіаконъ (1765) *Гиновскій Алексѣй*, священникъ (1765) *Иринархъ* .... іеродіаконъ (1765—1768).

Учители аналогіи: *Виницкій Сампсонъ*, монахъ (1758) *Панкратьевъ Никодимъ*, монахъ (1759), *Коржевичъ Лука*, свѣтскій (1759—1760) *Яхневичъ Стефанъ*, свѣтскій (1761) *Іеремія*, іеродіаконъ (1761—1764) *Тихонъ* .... монахъ (1765) *Александровскій Ѳедоръ*, свѣтскій (1766—1767) *Ѳеодосій* ... іеродіаконъ (1768).

Учители греческаго языка: *Ладыжинскій Викторъ*, іеромонахъ (1758) *Горлянскій Григорій*, діаконъ (1758 съ 31 августа) *Дьяковскій Емельянъ*, свѣтскій (1759) *Ефремъ*, іеродіаконъ (1760) *Панкратьевъ Никодимъ* (1764—1769).

Учители языка еврейскаго: *Крижановскій Константинъ*, священникъ (1753—1758) *Павловичъ Константинъ*, священникъ (1758—1761) *Нетолинскій Рувимъ*, іеромонахъ (1761—1765) *Злотковскій Антонъ*, студентъ богословія.

Учители языка нѣмецкаго: *Крижановскій Константинъ*, священникъ (1758) *Халчинскій Ѳома*, студентъ богословія (1758—1764) *Самойловичъ Иванъ*, свѣтскій.

Учители языка французскаго: *Крижановскій Константинъ*, священникъ (1753—1758) *Павловичъ Константинъ*, священникъ (1758—1761) *Халчинскій Ѳома*, свѣтскій (1761—1765) *Ступницкій Василій*, студентъ богословія.

Число воспитанниковъ въ эту эпоху представляется неодинаковымъ. Московскій университетъ, въ первые годы своего

существованія, взялъ у Академіи очень много и притомъ лучшихъ студентовъ, такъ что въ 1763 году она считала у себя только *восемьсотъ девяносто семь* человѣкъ: но черезъ два года, благодаря энергическимъ стараніямъ высокаго протектора и усовершенствованіямъ, введеннымъ ректорами Нащинскимъ и Мисловскимъ число это возросло до *тысячи пятидесяти девяти*, а въ 1768 году до *тысячи семидесяти девяти* человѣкъ.

Одинъ только списокъ воспитанниковъ этой эпохи, послѣ страшнаго пожара 1811 года, облеченный впрочемъ всею тогдашней формальностью уцѣлѣлъ до нашего времени. Какъ драгоцѣнный памятникъ давноминувшихъ дней, приводимъ его сполна.

Вѣдомость

школы пиитики съ 1769 на 1770 годъ.

Кто имянны и изъ какихъ чиновъ.	Сколько лѣтъ отъ роду.	Время опредѣленія въ школу.	Чему обученны.	Чему нынѣ обучаютъ.	Кто въ наукѣ понятенъ, кто непонятенъ.	Кто когда и куда выбылъ.
Полку полтавскаго, города Великихъ Будыщъ, сынъ священника Григорія Трипольскаго, церкви святителя Николая, *Авраамъ Трипольскій*	17	1767 генваря 15 дня.	Ариѳметическому	Пиитическому	Преизряденъ.	
Полку стародубовскаго, села Бырина, сынъ священника умершаго Василія Пекалицкаго, церкви великомученика Георгія, *Антонъ Пекалицкій*. . . .	20	1766 октября 13 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, села Писокъ, сынъ священника Василія Сварика церкви Успенія прес. Богородицы, *Андрей Сварикъ*.	19	1766 октября 4 дня.			Очень средственъ.	

Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ дьячка Димитрія Соколовскаго, церкви Воздвиженія, *Андрей Соколовскій* . .	19	1763 генваря 22 дня.	С	У	Средственъ.	
Полку стародубовскаго, села Заборья, сынъ священника Стефана Заленскаго, церкви Николая, *Владиміръ Заленскій*. . .	16	1766 октября 4 дня.	и		Очень изряденъ.	
Полку пѣжинскаго, города Батурина, сынъ священника Іоанна Бѣлоросскаго, церкви Введенія пресв. Богородицы, *Власъ Бѣлоросскій*	26	1766 генваря 9 дня.	т		Добръ.	
Полку прилуцкаго, мѣстечка Срибнаго, сынъ священника Гавріила Левицкаго, церкви Николая, *Василій Левицкій* . . .	19	1766 сентября 10 дня.	е		Преизряденъ.	
Полку миргородскаго, села Туховъ, сынъ пономаря Григорія Шимчевскаго, церкви Благовѣщенія, *Василій Шимчевскій*	20	1766 генваря 9 дня.	к		Благонадеженъ.	
Полку прилуцкаго, села Ступаковки, сынъ священника Ѳедора Лысовскаго, церкви Покрова пресв. Богородицы, *Василій Лысовскій*	26	1766 генваря 4 дня.	и		Средственъ.	
Полку миргородскаго, села Зубанеи, сынъ священника умершаго Іоанна Мокіевскаго, церкви Рождества Богородицы, *Василій Мокіевскій*	22	1765 октября 10 дня.	м		Добръ.	
Полку кіевскаго, села Заворычъ, сынъ священника умер-		1764 февраля	ь.			

шаго Тарасія Заворскаго, церкви Георгія, *Василій Заворскій*	22	9 дня.	С			Добръ.
Полку кіевскаго, м. Остра, сынъ священника Іоанна Вишніовскаго, церкви Воскресенія Христова, *Григорій Вишніовскій*	14	1767 Іюня 2 дня.	и			Понятенъ очень изряденъ.
Полку черниговскаго, с. Моравейки, сынъ священника Василія, Вакуловскаго церкви Преображенія Господня, *Григорій Вакуловскій*.	19	1765 генваря 9 дня	н			Прилеженъ превосходно добръ.
Полку кіевскаго, м. Обухова, сынъ священника Іоанна Богацкаго, церкви Воскресенія Христова, *Георгій Богацкій* .	18	1767 сентября 8 дня.	т			Изряденъ.
Полку прилуцкаго, с. Ольшаной, сынъ священника Стефана Лоевскаго, церкви Архистратига Михаила, *Григорій Лоевскій*	22	1766 генваря 9 дня	а			Весьма средствен.
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ дьяка Ивана Родзиновскаго, церкви Воскресенія Христова, *Діомидъ Родзиновскій*	18	1766 сентября 4 дня.	с			Добръ.
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ діакона Симеона Гонтаровскаго, церкви Успенія пресв. Богородицы, *Димитрій Гонтаровскій*	14	1764 сентября 8 дня.	и			Благонадеженъ.
Полку переяславскаго, с. Бзова, сынъ священника умершаго Евстафія Ѳомницкаго, церкви		1766 генваря 23 дня.	ы.			

Успенія прес. Богородицы, *Димитрій Ѳомницкій*.	16				Прилежен добръ.	
Полку лубенскаго, с. Дащенокъ, сынъ дьяка Василія Аглицкаго, церкви Николая, *Захарій Аглицкій*.	19	1765 сентября 9 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, м. Чорнухъ, сынъ священника умершаго Петра Андріевскаго, церкви Преображенія Господня, *Яковъ Петровскій*.	20	1766 генваря 8 дня.			Преизряденъ.	
Полку кіевскаго, с. Выповзова, сынъ священника умершаго Іоанна Русановича, церкви Воздвиженія, *Яковъ Русановскій*	15	1766 генваря 8 дня.			Благонаденъ.	
Полку миргородскаго, с. Вергуновъ, сынъ дьяка Якова Филиппова, церкви Рождества Христова, *Иванъ Якубовскій*.	23				Весьма средственъ.	
Полку полтавскаго, г. Кобеляка, сынъ священника Іоанна Симентовскаго, церкви Святотроицкой, *Иванъ Симентовскій*	19	1767 генваря 9 дня.			Изряденъ.	
Полку нѣжинскаго, м. Серединной Буды, сынъ священника Гавріила Милитанскаго церкви Свято-троицкой, *Иванъ Милитанскій*	19	1767 генваря 13 дня.			Изряденъ.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ дьяка Ивана Андріевскаго, бывшаго церкви Василія, *Іосифъ Андріевскій*. . .	16	1766 мая 16 дня.			Изряденъ.	
Полку нѣжинскаго, с. Свар-		1767				

кова, сынъ священника Симеона Родіонова, церкви Соборъ св. Апостолъ, *Иванъ Родіоновъ*.	19	сентября 7 дня.	С	Щ				Добръ.
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ діакона Іосифа Кіиловскаго, церкви Притиско-Николая, *Іосифъ Кіиловскій*. .	17	1765 генваря 9 дня	и	и				Благонадеженъ.
Полку кіевскаго, житель кіевскій, сынъ діакона Андрея Нарожницкаго, церкви Воскресенія Христова, *Иванъ Нарожницкій*.	19	1762 генваря 8 дня	и	о	т			Преизряденъ.
Полку лубенскаго, с. Плелова, сынъ священника Василія Семперовича, церкви Успенія прес. Богородицы, *Иванъ Семперовичъ*	18	1766 генваря 9 дня.				з		Средственъ.
Полку прилуцкаго, с. Гайворона, сынъ священника Ѳомы Войташевскаго, церкви Покрова пресв. Богородицы, *Иванъ Войташевскій*.	20	1765 сентября 7 дня.	ж				т	Средственъ.
Полку лубенскаго, с. Шершневки, сынъ священника умершаго Ѳедора Ѳеодоровича, церкви Успенія пресв. Богородицы, *Яковъ Ѳеодоровичъ*.	23	1764 сентября 5 дня.	и	и				Средственъ.
Полку кіевскаго, с. Ничеговки, сынъ священника Андрея Прокопьева, церкви Троицкой, *Кондратъ Андріевскій*.	19	1765 генваря 10 дня.	и		у			Добръ.
Полку нѣжинскаго, с. Ивченокъ, сынъ священника Стефана Стѣфановича, церкви ве-		1765 генваря 15 дня.	к.					

ликомученицы Варвары, *Кириллъ Стефановичъ*	23					Очень добръ.
Полку кіевскаго, м. Броваровъ, сынъ священника Андрея Савицкаго, церкви Петра и Павла, *Лукьянъ Савицкій*	16	1766 ноября 15 дня.	Списокъ	Второй	Учили.	Изряденъ.
Полку кіевскаго, с. Слободки губернаторской, церкви Воскресенія Христова, сынъ священника Ѳеодора, *Моисей Яворскій*	16	1765 мая 6 дня.				Средственъ.
Полку лубенскаго, м. Лохвицы, сынъ священника Петра Шкляревскаго, церкви великомуч. Варвары, *Николай Шкляревскій*	18	1767 декабря 28 дня				Преизряденъ.
Полку гадяцкаго, с. Комышекъ, сынъ священника умершаго Іоанна Милчевскаго, церкви Покрова Пресв. Богородицы, *Никита Милчевскій*	22	1766 генваря 8 дня.				Благопадеженъ.
Полку нѣжинскаго, с. Березки, сынъ священника Стефана Чубровскаго, церкви Вознесенія Христова, *Николай Чубровскій*	19	1766 генваря 18 дня.				Добръ.
Полку прилуцкаго, с. Галки, сынъ священника Якова Галковскаго, церкви Георгія, *Павелъ Галковскій*	18	1766 генваря 17 дня.				Очень добръ.
Полку лубенскаго, с. Хорошковъ, сынъ священника Гавріила Гуляницкаго, церкви Рождества		1764 генваря 13 дня.				

Пресв. Богородицы, *Петръ Гуляницкій*	22				Изряденъ.	
Полку кіевскаго, житель кіевскій сынъ священника Ѳеодора Кольчинскаго, церкви Успенія Пресв. Богородицы, *Петръ Кольчинскій*	16	1766 сентября 6 дня.	Списокъ	Школу.	Преизряденъ.	
Полку гадяцкаго, с. Будъ, сынъ священника Ѳеодора Кузмича, церкви Архистратига Михаила, *Павелъ Кузмичъ*. . .	19	1766 сентября 15 дня.			Добръ.	
Полку миргородскаго, г. Хорола, сынъ священника Никиты Петичинскаго, церкви Петра и Павла, *Прокопій Петичинскій*	19	1767 сентября 5 дня.			Средственъ.	
Полку лубенскаго, с Волошиновки, священника Григорія Михайловскаго, церкви Покрова Прес. Богородицы, *Петръ Михайловскій*	17	1765 сентября 16 дня.			Средственъ.	
Полку полтавскаго, с. Диканки, сынъ священника Іоанна Житинскаго, церкви святителя Николая. *Романъ Житинскій*	12	1768 сентября 7 дня.			Преизряденъ.	
Полку миргородскаго, с. Енгокъ, сынъ священника Іоанна Засядка, церкви Трехъ Святителей, *Стефанъ Засядко* . . .	21	1766 генваря 17 дня.			Надеженъ.	
Полку миргородскаго, с. Савинецъ, сынъ священника Стефана Винопольскаго, церкви Архистратига Михаила, *Ѳеодоръ Винопольскій*	22	1766 сентября 2 дня.			Средственъ.	

»Всѣхъ священническихъ сыновъ въ школѣ піитики . . 38
» — діаконскихъ 3
» — дьяковскихъ 5
» — пономарскихъ. 1
»Прочіихъ малороссійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ. 69
»Всѣхъ же, какъ священническихъ и причетническихъ,
»такъ малороссійскихъ и заграничныхъ разночинцевъ. : 116

»*Магістеръ піитики Иванъ Самойловичъ*«.

Очевидно, что вѣдомость эта содержитъ въ себѣ только академистовъ духовнаго званія, для представленія, какъ можно полагать, митрополиту, имѣвшему ближайшія отношенія къ воспитанникамъ сего сословія. Отмѣтки успѣховъ и способностей въ подлинникѣ сдѣланы рукою самаго наставника Самойловича; изъ нихъ видно, что самыми лучшими изъ учениковъ были тѣ, которые имѣли меньше лѣтъ отъ роду. Причина очень понятна: но какъ-то странно встрѣчать двѣнадцатилѣтняго *Житинскаго* или четырнадцатилѣтняго *Гонтаровскаго*, далеко превосходящихъ своими успѣхами такихъ взрослыхъ и почтенныхъ мужей, какъ *Власъ Бѣлородскій*. Разновременность пребыванія воспитанниковъ въ школѣ піитики объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ, по неуспѣшности своей, не удостоивались перевода въ высшій классъ и оставались доучиваться. Замѣчательны также измѣненія въ фамиліяхъ, которыя однакожъ допускаемы были, не произвольно, а большею частію по именамъ родителей.

Изъ поименованныхъ въ этой вѣдомости воспитанниковъ Академіи не видно впрочемъ ни одного изъ тѣхъ, которые сдѣлали потомъ собою особенную честь воспитавшему ихъ училищу. А между тѣмъ въ это время были такіе люди, которыхъ мы видимъ и на важнѣйшихъ степеняхъ іерархическихъ и службы государственной.

Базилевичъ Іовъ поступилъ сначала въ учители и потомъ былъ префектомъ и ректоромъ харьковскаго коллегіума. Въ 1770 году онъ былъ переведенъ въ курскій Знаменскій монастырь, а оттуда хиротонисанъ въ епископы въ Переяславль, гдѣ 2 мая 1776 года и скончался[292].

Барановичъ Лаврентій началъ училищную службу въ новгородской семинаріи въ званіи учителя піитики, потомъ въ 1760 году назначенъ префектомъ, а черезъ годъ вицеректоромъ и настоятелемъ Антоніева монастыря; 1762 года онъ былъ утвержденъ въ этихъ званіяхъ съ пожалованіемъ въ архимандриты. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего *Барановичъ* былъ переведенъ въ Хутынь монастырь, а въ 1774 рукоположенъ въ епископа вятскаго, гдѣ и умеръ 13 марта 1796 года[293].

Безбородко князь Александръ Андреевичъ, государственный канцлеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, главный директоръ почтъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, родился 1746 года въ отцовскомъ помѣстьѣ, с. Стольномъ, лежащемъ въ 50 верстахъ отъ г. Чернигова. Отецъ его Андрей Яковлевичъ служилъ генеральнымъ писаремъ[294], и въ царствованіе Императора Петра III уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ генеральнаго судьи[295]. Но служебныя обязанности не отвлекали его отъ исполненія священнѣйшаго долга по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Слѣдуя древнему, но всегда вѣрному и благочестивому правилу воспитанія, благоразумный отецъ самъ началъ учить дѣтей своихъ славянской грамотѣ, постепенно переходя отъ букваря къ часослову и потомъ къ псалтири. Въ непродолжительномъ времени онъ уже имѣлъ удовольствіе слышать прекрасное чтеніе старшаго сына своего *Александра*, который три раза долженъ былъ прочитать предъ отцемъ своимъ славянскую библію отъ доски до доски. Для юнаго питомца одареннаго отъ природы чрезвычайною памятью, такое занятіе не могло остаться безъ

вельчайшей пользы. Ознакомившись съ богатствомъ и силою нашего церковнаго языка, *Безбородко* получилъ ту твердость и ясность выраженій, ту свѣтлость взгляда, которыя въ послѣдствіи составили отличительнѣйшую черту его краснорѣчиваго пера. Но пылкому уму юноши мало было домашняго воспитанія; умный отецъ понялъ это и послалъ сына своего въ кіевскія школы.

Съ самаго низшаго до высшаго класса шелъ *Безбородко*, удивляя всѣхъ богатыми своими способностями, необыкновеннымъ прилежаніемъ и отличными успѣхами. Не мудрено послѣ этого, что при первомъ же вступленіи своемъ на государственную службу онъ обратилъ на себя общее вниманіе своимъ просвѣщеніемъ и образованностью. На двадцать третьемъ году отъ роду, *Безбородко*, въ чинѣ бунчуковаго товарища[296], уже управлялъ канцеляріей Румянцова, бывшаго тогда малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Довѣренность, оказываемая имъ *Безбородку*, свидѣтельствуетъ о достоинствахъ сего послѣдняго. Вполнѣ оправдывая высокое вниманіе одного изъ великихъ людей вѣка Екатерины II, *Безбородко* вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣлъ неоспоримое право и на признательность своихъ соотечественниковъ, всегда находившихъ въ немъ ходатая и защитника у правительства. Въ 1767 году онъ былъ назначенъ въ члены генеральнаго суда и занялъ мѣсто въ ряду людей, уже посѣдѣвшихъ на службѣ. Черезъ два года послѣ сего возгорѣлась война съ Турціей. Румянцевъ, назначенный предводителемъ второй арміи, пошелъ на поле битвы, гдѣ ожидали героя неувядаемыя лавры и слава Кагульскаго побѣдителя. Мудрено было пылкому *Безбородку* не пойти вслѣдъ своего высокаго начальника и не промѣнять въ такую удобную минуту пера на шпагу. Счастье ожидало его на первомъ же шагу избраннаго имъ поприща. Не успѣлъ онъ перемѣнить гражданскаго мундира на военный, какъ уже явился начальникомъ нѣжинскаго, лубенскаго, миргородскаго и комна-

нейскаго полковъ. Вскорѣ Румянцевъ назначенъ былъ главнымъ предводителемъ всѣхъ войскъ противъ турокъ. *Безбородко* немедленно перешелъ въ его армію и безотлучно находился при немъ въ сраженіяхъ: 4 іюля 1770 года неподалеку отъ рѣчки Ларги; 5 при нападеніи турокъ на авангардъ праваго крыла; 7 въ Ларгскомъ дѣлѣ, гдѣ, по собственному желанію, сражался въ передовыхъ войскахъ и наконецъ 21 имѣлъ честь участвовать въ знаменитой Кагульской битвѣ. По переходѣ нашихъ войскъ чрезъ Дунай въ 1773 году, *Безбородко* 18 іюня былъ при штурмѣ наружнаго Силистрійскаго укрѣпленія, управляя между тѣмъ въ продолженіи всей войны походной канцеляріей фельдмаршала и успѣшно исполняя разныя секретныя порученія.

Отличная служба и рѣдкія способности *Безбородка* не остались безъ должнаго вознагражденія: 22 марта 1774 года онъ пожалованъ полковникомъ кіевскаго малороссійскаго полка. По прибытіи же въ Москву 1775 года, для участія въ торжествѣ, по случаю заключенія Кучукъ Кайнарджискаго мира, опредѣленъ Императрицею Екатериною II къ принятію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Въ самое короткое время *Безбородко* пріобрѣлъ довѣренность Государыни. Правила благочестія и добродѣтели, съ младенчества вкорененныя въ него богобоязненнымъ родителемъ; прочное, основанное на религіи и чистой нравственности воспитаніе, внимательность къ самому себѣ и строгая послѣдовательность въ занятіяхъ, пріобрѣтенная подъ руководствомъ ученѣйшихъ мужей своего времени, способность выражаться краснорѣчиво, необыкновенная память и изумительная находчивость сдѣлали его чудомъ при блестящемъ Дворѣ Екатерины. Разсказываютъ, что однажды *Безбородко,* получивъ словесное приказаніе отъ самой Государыни написать одну важную бумагу, за другими занятіями, требовавшими немедленной работы, забылъ исполнить Монаршую волю. При первомъ же докладѣ Императрица велѣла

Безбородку прочитать то, что онъ написалъ, по ея приказанію. *Безбородко*, нимало не смутясь, досталъ бумагу изъ своего портфеля, и твердымъ голосомъ, безъ малѣйшей запинки прочиталъ то, что слѣдовало изготовить. Императрица, выслушавъ докладъ, и изъявивъ свое согласіе, потребовала бумагу къ подпису. Но какъ же она изумилась и какъ смѣшался находчивый секретарь, когда она увидѣла чистый, неписаный листъ бумаги!... Великодушная Государыня, довольная такой рѣдкой способностью излагать легко и мгновенно важныя мысли во всей ихъ полнотѣ и съ краснорѣчіемъ, приличнымъ важности предмета, охотно простила виновнаго въ неумышленной неисправности. Случай этотъ, говорятъ, даже послужилъ къ его возвышенію, котораго впрочемъ виновникомъ былъ онъ самъ и неусыпные труды его.

Какъ бы то ни было, но *Безбородко* завѣдывалъ уже собственными дѣлами Государыни, которая пожаловала его первымъ своимъ секретаремъ. Съ этого-то времени собственно можно положить начало его дѣятельности на поприщѣ службы гражданской и дипломатической; тогда же занялась и заря той заслуженной славы, которая потомъ явилась въ яркомъ блескѣ и которой удивляется и долго будетъ удивляться позднѣйшее потомство, произнося имя *Безбородка*. Его обширный умъ, необыкновенная дѣятельность и огромное вліяніе на политическія событія того времени поставляютъ на одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитыми мужами вѣка Екатерины. Сколько Государыня уважала его высокія дарованія и заслуги, это видно изъ блестящихъ наградъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою. Въ самомъ дѣлѣ, кого не удивитъ, что *Безбородко* въ продолженіи какихъ нибудь семи лѣтъ изъ полковника возвысился до тайнаго совѣтника, графа, вицеканцлера, гофмейстера, имѣлъ ордена св. Владиміра 1 степ. св. Александра Невскаго и владѣлъ слишкомъ одиннадцатью тысячами душъ крестьянъ, полученныхъ въ тоже самое время отъ щедротъ Ве-

ликой Монархини?... Спустя нѣсколько *Безбородко* награжденъ орденомъ св. Андрея первозваннаго, а во время торжества, по случаю Ясскаго мира, состоявшагося при непосредственномъ его содѣйствіи, получилъ похвальную грамату и масличную вѣтвь для ношенія на шляпѣ — награда, никогда не бывалая прежде и уже потомъ не повторявшаяся. Мы не говоримъ ужъ о денежныхъ награжденіяхъ, составлявшихъ огромныя суммы, которыя слѣдовали почти за всякимъ дѣломъ, счастливо оканчиваемымъ *Безбородкомъ*.

Неутомимо-дѣятельный, глубоко-проницательный, онъ пользовался неограниченной довѣренностью Государыни и имѣлъ важнѣйшій перевѣсъ надъ знаменитымъ вицеканцлеромъ графомъ Остерманомъ: но во время отлучки *Безбородка* въ Яссы, князь П. А. Зубовъ успѣлъ получить портфель его и удержалъ оный по самую кончину Екатерины II. Хотя *Безбородко* и видѣлъ себя устраненнымъ отъ участія въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, и лишеннымъ прежней довѣренности и силы: но усердіе его къ пользамъ отечества нимало не уменьшилось отъ этого; его все таки употребляли по дѣламъ дипломатическимъ, какъ министра опытнаго и дальновиднаго. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла I, *Безбородко* 1797 года возведенъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлѣйшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго канцлера. Кромѣ этого, Императоръ пожаловалъ ему для ношенія на шеѣ портретъ свой и большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпанные крупными бриліантами, орловскую вотчину, тридцать тысячъ десятинъ земли въ воронежской губерніи и шесть тысячъ душъ крестьянъ на его выборъ.

Такъ самодержавные Владыки русской земли искони награждали вѣрныхъ и усердныхъ слугъ своихъ! Такъ они цѣнили высокія заслуги вѣрноподданнаго, приносившаго имъ въ жертву всѣ силы и способности своего ума! Имъ ближе были

видны благодѣтельныя для престола и отечества послѣдствія неусыпныхъ трудовъ своихъ слугъ вѣрныхъ и то, что потомству осталось въ мертвыхъ актахъ и бумагахъ, говорило въ то время самымъ дѣломъ, живо и дѣйственно споспѣшествуя благосостоянію Россіи. Но и поверхностное разсматриваніе договоровъ и другихъ актовъ, въ заключеніи которыхъ участвовалъ *Безбородко* и подъ которыми находятся его собственноручныя подписи, можетъ свидѣтельствовать о томъ огромномъ вліяніи, какое имѣлъ онъ въ то время на политическія событія всей Европы. Передъ взволнованнымъ воображеніемъ проходятъ думы о дѣлахъ давно минувшихъ дней и историческія воспоминанія тѣснятся одно за другимъ, рисуя колоссальное величіе владычицы полъ-міра и мудрость ея министра[297].

Краснорѣчивое перо *Безбородка* видно и въ такихъ бумагахъ, которыя, по характеру своему, сухи бываютъ изложеніемъ. Но манифесты, имъ писанные, инструкціи посланникамъ и оффиціальныя донесенія въ этомъ отношеніи представляютъ образецъ дипломатическаго слога, особенно, если припомнимъ, какъ не близка къ намъ та эпоха, когда они выходили въ свѣтъ.

Рано сошелъ съ земнаго, блистательнаго поприща своего мужъ ума и силы. Отечество еще въ правѣ было ожидать отъ него услугъ великихъ и дѣлъ полезныхъ: но судьбы Божіи неисповѣдимы. Въ полномъ развитіи силъ и здоровья, переступивъ только полвѣка, князь *Александръ Андреевичъ Безбородко* скончался 6 апрѣля 1799 года. Все огромное имѣніе, пріобрѣтенное имъ отъ Высочайшихъ щедротъ, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ[298], онъ отказалъ брату своему графу Ильѣ Андреевичу, обязавъ его исполнить ту мысль, которою онъ самъ занятъ былъ долгое время и которую не успѣлъ осуществить при жизни своей. Это—основаніе въ Нѣжинѣ Лицея, который доселѣ носитъ имя князя *Александра Андреевича Безбородко*.

Безбородко обладалъ всеобъемлющимъ, проницательнымъ и необыкновенно гибкимъ умомъ. Отвсюду окруженный завистниками, имѣвшій въ Остерманѣ опаснаго себѣ соперника, онъ умѣлъ ловко отклонять отъ себя всякіе непріязненные удары и сохранилъ до конца жизни своей Высочайшее благоволеніе Екатерины II и Павла I. Съ необыкновенной легкостію и скоростію обдѣлывалъ онъ то, что приводило въ тревожное состояніе другихъ государственныхъ людей. Графъ Сегюръ такъ отзывался о немъ: »*Безбородко* въ тѣлѣ толстомъ скрываетъ умъ тончайшій«. Никакая головоломная работа не казалась ему тяжелою; быстро разрѣшалъ онъ затруднительнѣйшіе дипломатическіе вопросы. Не успѣвая слѣдить перомъ за тревожнымъ бѣгомъ развивающихся мыслей, *Безбородко* писалъ обыкновенно карандашомъ и такъ слитно и сокращенно, что не многіе изъ секретарей его могли разбирать такой почеркъ. Память у него была необъятная. Разсказываютъ, что въ бытность его въ Академіи товарищи дѣлали надъ нимъ странныя испытанія: лишь только онъ засыпалъ, они будили его и спрашивали: когда случилось такое-то или такое изъ давнишнихъ произшествій? — и *Безбородко* въ просонкахъ отвѣчалъ имъ безъ ошибки. Въ искуствѣ вести переговоры никто не могъ съ нимъ сравняться. Въ 1791 году, по смерти Потемкина, самъ вызвавшись окончить въ Яссахъ мирныя негоціаціи, онъ успѣлъ уговорить Юсуфъ-Пашу къ уплатѣ 15 милліоновъ піастровъ за военныя издержки, — статья, на которую болѣе всего не соглашался турецкій главнокомандующій. Когда уже трактатъ былъ подписанъ, *Безбородко*, разорвавъ бумагу, сказалъ: »Русская Императрица не имѣетъ »нужды въ турецкихъ деньгахъ; ей драгоцѣнны только права »ея и честь подданныхъ«. Великая Екатерина вполнѣ одобрила такой смѣлый и рѣшительный поступокъ своего полномочнаго, изумивъ безкорыстіемъ своимъ побѣжденную Турцію.

Находясь на скользкой стезѣ высокихъ почестей, *Безбородко*, подобно многимъ знаменитымъ людямъ, казался неуклю-

жимъ, неповоротливымъ: но это только предъ придворными. Въ собственномъ же кабинетѣ великой Государыни онъ являлся быстрымъ и смѣтливымъ исполнителемъ ея воли. »До него всякій часъ дѣло«, замѣчаетъ А. В. Храповицкій въ памятныхъ своихъ запискахъ[299]. И немудрено; на рукахъ *Безбородка* были всѣ дипломатическія дѣла Россіи съ иноземными державами, вся переписка съ предводителями морскихъ и сухопутныхъ силъ Россіи, всѣ домашнія, кабинетныя занятія самой Императрицы. Великая Государыня понимала своего вѣрнаго слугу, безпокоилась даже о томъ, »что въ сердцахъ худо приняла вице-канц»лера и съ нетерпѣніемъ слушала бумаги отъ графа А. А. *Без»бородка* присланныя«.

А помнилъ ли великій и государственный мужъ то священное мѣсто, гдѣ когда-то онъ получилъ образованіе? Нельзя думать, чтобъ забылъ; ибо милости, не въ примѣръ другимъ, изліянныя на Кіевскую Академію Екатериною Великой, явно свидѣтельствуютъ, что довѣренный и ближайшій ея сановникъ подавалъ и свой сильный голосъ въ пользу роднаго ему училища. За благодѣтельной рукой Вѣнценосной покровительницы отечественнаго просвѣщенія не замѣтенъ человѣкъ, которому такъ не чуждо Высочайше облагодѣтельствованное училище: но оно видитъ его, и съ благодарностью поминаетъ достойнѣйшаго своего питомца князя *Александра Андреевича Безбородка*[300].

Березовскій Максимъ Созонтовичъ, первый нашъ русскій композиторъ, получившій отъ знаменитыхъ европейскихъ маэстро званіе музикуса. Онъ родился въ г. Глуховѣ, черниговской губерніи, и происходилъ отъ малороссійской дворянской фамиліи. По странному предубѣжденію, отецъ не хотѣлъ отдавать его ни въ какое учичище, думая удовольствоваться однимъ домашнимъ воспитаніемъ: но проживъ по дѣламъ своимъ въ Петербургѣ около шести лѣтъ, онъ отмѣнилъ прежнее свое рѣшеніе, и тотчасъ по возвращеніи домой отослалъ сына сво-

его *Максима* въ Кіевскую Академію. Юный *Березовскій*, обладавшій отличнымъ голосомъ, немедленно поступилъ въ тамошнюю капеллію и сталъ особенно прилежать къ изученію музыкальнаго искуства. Какъ онъ успѣвалъ въ прочихъ предметахъ — неизвѣстно: по крайней мѣрѣ успѣлъ достигнуть реторическаго класса, и конечно вынесъ изъ школы столько свѣдѣній, что могъ не показаться невѣждою между просвѣщенными европейцами. Тревожимый глубоко положеннымъ въ душѣ его чувствомъ гармоніи, *Березовскій* безпрестанно упражнялся въ композиціяхъ на три и на четыре голоса. Пѣсни эти, распѣваемыя товарищами, обратили наконецъ на юнаго композитора вниманіе ближайшихъ начальниковъ, а отличный голосъ и пѣніе сдѣлали его извѣстнымъ Румянцеву, который взялъ его съ собою въ Петербургъ и опредѣлилъ въ придворную капеллу. Тутъ, подъ руководствомъ Цописа, онъ предался изученію генералъ-баса, и обнаружилъ рѣшительный талантъ и наклонность къ музыкѣ высшаго рода. Двадцати лѣтъ отъ роду, *Березовскій*, на счетъ казны, былъ отправленъ въ Болонью къ одному изъ отличнѣйшихъ тогда профессоровъ старшему Мартини. Около девяти лѣтъ *Березовскій* находился въ болонской академіи, изучая тайны музыкальнаго искуства, широко и величественно раскрытаго тогда ораторіями Генделя и Себастіана Баха. Онъ даже участвовалъ въ исполненіи оперъ, очаровывая публику отличнымъ голосомъ и восхитительною манерой. Дебюты его на ораніенбаумскомъ придворномъ театрѣ, гдѣ всегда давали русскому пѣвцу первыя роли, доставили *Березовскому* громкую извѣстность[301]. Теперь оставалось или получить должную награду, или возвратиться со стыдомъ въ свое отечество. Но день испытанія былъ для нашего композитора днемъ торжества. Глубокія познанія, свѣтлость мысли и чувства поразили членовъ болонскаго музыкальнаго общества и музыкальной академіи. Это былъ еще первый примѣръ, что русскій явился претендентомъ на званіе музикуса. Безпристрастные цѣнители музыкальныхъ талантовъ съ восторгомъ отдали честь, принадлежавшую иноземцу, и привѣтствовали

его отъ имени музыкальнаго общества званіемъ капельмейстера, а отъ академіи — титломъ академика. Какбы въ благодарность за это, *Березовскій*, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Италіи, въ карнавалъ 1773 года, написалъ для ливонскаго театра св. Себастіана оперу: *Демофонтъ*, либретомъ для которой послужили слова Метастазія. Тогда и публика вмѣстѣ съ учеными музикусами увидѣла и признала высокій талантъ русскаго композитора. Съ блистательными надеждами *Березовскій* спѣшилъ въ свое отечество подъ побѣдоноснымъ флагомъ чесменскаго героя, графа Орлова. Имя его уже сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи: ибо нѣсколько концертовъ, присланныхъ имъ еще изъ Италіи, были приняты съ особенною похвалою при Высочайшемъ Дворѣ. Но съ другой стороны едва ли эта преждевременная слава и не была причиною тѣхъ козней, непріятностей и неудачъ, которыя довели потомъ нашего талантливаго соотечественника до горестной кончины. Тогда въ Петербургѣ придворною пѣвческою капеллією завѣдывали все иностранцы. *Березовскій* съ полнымъ правомъ надѣялся замѣнить кого либо изъ нихъ: но зависть и происки бездарнаго Сарти сдѣлали то, что его только причислили къ капелліи. Это былъ жестокій ударъ для *Березовскаго*. Онъ громко сталъ жаловаться на такую несправедливость, и успѣлъ обратить на себя вниманіе князя Потемкина-Таврическаго. Въ то время »великолѣпный князь Тавриды« предполагалъ основать въ Кременчугѣ музыкальную академію и назначилъ было туда *Березовскаго* директоромъ: но и это не состоялось. Планъ князя не осуществился и талантливый композиторъ остался по прежнему подъ командой ненавистнаго ему Сарти. Убитый такими неудачами, *Березовскій* предался употребленію горячихъ напитковъ, слѣдствіемъ чего была сначала ипохондрія, а потомъ бѣлая горячка. Въ припадкѣ безпамятства онъ окончилъ жизнь свою самоубійствомъ 24 марта 1777 года[302]. Простота, сильное чувство, удивительное согласіе музыки съ самымъ текстомъ, повсемѣстные слѣды могучаго таланта и глубокое знаніе науки — вотъ отличительныя черты

духовныхъ композицій *Березовскаго!* Ему первому принадлежитъ честь расположенія нашихъ церковныхъ концертовъ по плану концерто-гроссо и симфоніи въ томъ видѣ, въ какомъ потомъ писали уже всѣ наши духовные композиторы. До *Березовскаго* наша церковная музыка имѣла еще и тотъ недостатокъ, что въ ней вовсе или очень мало было обращаемо вниманіе на мысль самаго текста. Иностранцы—композиторы все посвящали заранѣе подготовленнымъ мотивамъ, не разбирая, согласны ли они съ текстомъ или нѣтъ, и жертвовали для этого даже самымъ слогоударѳніемъ. *Березовскій* съ первыхъ же твореній своихъ показалъ, чѣмъ должна быть церковная музыка, и привелъ въ гармонію текстъ съ музыкальными тонами, обративъ строгое вниманіе на правильность слогоударенія[303].

Борковскій Константинъ. По указу св. Синода, онъ былъ вытребованъ въ московскую академію къ учительской должности и къ обязанности проповѣдника. Черезъ нѣсколько времени *Борковскій* былъ пожалованъ архимандритомъ боровскаго Пафнутіева монастыря, но вскорѣ переведенъ въ московскій Даниловъ, а отсюда въ Спасо-преображенскій, съ назначеніемъ ректоромъ казанской академіи и профессоромъ богословія. *Борковскій* скончался въ нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ[304].

Вольховскій Аѳанасій II былъ сынъ полтавскаго протоіерея. Преосвящ. Аѳанасій Вольховскій I, родной его дядя, отъѣзжая въ Тверь на епархію, взялъ съ собою и племянника, и опредѣлилъ его во вновь заведенную имъ тамъ семинарію. Отсюда вмѣстѣ съ дядею *Вольховскій* переѣхалъ въ Ярославль, гдѣ и продолжалъ учиться въ тамошней школѣ. По смерти же своего благодѣтеля, онъ отправился въ харьковскій коллегіумъ, откуда потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію, для усовершенствованія себя въ высшихъ наукахъ. Окончивъ курсъ, *Вольховскій* поступилъ во священники къ полтавской Николаевской церкви: но въ 1769 году, лишившись супруги, постригся

въ монахи въ Троицкомъ Ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ, и въ память своего благодѣтеля принялъ имя *Аѳанасія*. Черезъ нѣсколько времени онъ назначенъ былъ намѣстникомъ того монастыря: но 1770 года оставивъ начальническую должность, поступилъ въ каѳедральный черниговскій соборъ, гдѣ пять лѣтъ проходилъ разныя службы и послушанія. Смирявшій себя человѣкъ Божій вызванъ былъ однакожъ на высшую чреду служенія: 1776 года онъ былъ возведенъ въ санъ игумена новгородскаго Кирилова монастыря, а черезъ пять лѣтъ опредѣленъ намѣстникомъ Александро-невской Лавры, потомъ, менѣе чѣмъ черезъ три года переведенъ въ Отенскій и того же 1783 года посвященъ въ архимандриты Вяжицкаго, а черезъ два года Юрьева монастыря. Въ 1788 году *Вольховскій* былъ хиротонисанъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородской митрополіи, и черезъ семь лѣтъ назначенъ епископомъ могилевскимъ. Въ это время онъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена св. Анны 1 степ.: но по разстроенному здоровью, не могъ долѣе продолжать службы, и по двухлѣтнемъ управленіи епархіей, испросивъ себѣ увольненіе, удалился на покой въ полтавскій лубенскій монастырь, гдѣ и скончался 1 генваря 1801 года[305].

Германовскій Исаія, по окончаніи курса, вызванъ былъ, по указу св. Синода, къ должности учителя философіи въ александро-невскую академію. Въ 1766 году онъ былъ произведенъ въ архимандриты и назначенъ ректоромъ, а черезъ четыре года возвратился въ Кіевъ. Мѣсто и время кончины его неизвѣстны[306].

Голеневскій Иванъ былъ родомъ изъ Кіева и принадлежалъ къ сословію ремесленниковъ. Въ отроческихъ лѣтахъ поступивъ въ Братскія школы, онъ за превосходный голосъ принятъ былъ въ академическую капеллію. Продолжая здѣсь науки съ отличнымъ успѣхомъ, онъ не менѣе того обращалъ на себя вниманіе кіевлянъ чуднымъ своимъ теноромъ: но при

всемъ томъ *Голеневскій* чувствовалъ, что въ музыкальномъ дѣлѣ онъ далекъ еще отъ совершенства и что не достаетъ ему лучшей методы пѣнія. Сильно хотѣлось ему побывать въ Петербургѣ и поучиться у тамошнихъ придворныхъ капельмейстеровъ; но средствъ къ тому у него не было. Къ счастію, объ немъ какъ-то услышалъ графъ Разумовскій, бывшій страстнымъ охотникомъ до пѣнія и взялъ его съ собой въ столицу. По прибытіи туда, *Голеневскій* немедленно поступилъ въ придворную капеллію, гдѣ однакожъ оставался не долго, ибо приключившаяся ему жестокая чахотка, лишивъ сначала голоса, скоро и самаго его свела въ могилу. *Голеневскій* свободныя минуты отъ своей службы любилъ посвящать литературнымъ занятіямъ, плодомъ которыхъ было *Собраніе* его *сочиненій* съ переводами напечат. въ С.-П. 1777 и потомъ *Даръ Обществу* — 1779 г. Здѣсь помѣстилъ онъ всѣ свои стихотворенія, прежде того особо напечатанныя[307].

Мльцкій Іосифъ родился въ селѣ Бѣлоусовкѣ, полтавской губерніи, отъ тамошняго священника и при крещеніи нареченъ былъ Іоанномъ. Окончивъ курсъ высшихъ наукъ, онъ, какъ въ совершенствѣ обладавшій языками латинскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ по принятіи монашества, отправленъ въ Ютландію къ содержавшимся въ городѣ Гортензѣ, подъ датскимъ присмотромъ, дѣтямъ правительницы Анны Леопольдовны и Антона Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. *Іосифъ* былъ ихъ утѣшителемъ и отцомъ духовнымъ, и раздѣлялъ съ ними скорби заточенія; на его рукахъ принцъ Петръ и окончилъ горестную жизнь свою. Въ 1807 году *Ильицкій* возвратился въ Россію, и награжденный орденомъ св. Анны 2 степ. получилъ въ управленіе полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ и скончался 20 сентября 1824 года[308].

Колосовскій Аггей родился 1738 г., полтавскаго полку, въ м.

Бѣликахъ отъ простаго козака и при крещеніи нареченъ былъ *Антоніемъ*. Достигнувъ въ Кіевской Академіи философскаго класса, онъ поступилъ потомъ на послушаніе въ Лавру, гдѣ и принялъ монашество 8 апрѣля 1753 г. Болѣе десяти лѣтъ провелъ онъ во св. обители, проходя разныя должности: былъ справщикомъ печатаемыхъ книгъ, проповѣдникомъ и соборнымъ старцемъ. Въ 1769 году, указомъ св. Синода отъ 14 мая, *Колосовскій* вызванъ былъ въ Петербургъ и опредѣленъ законоучителемъ Морскаго Шляхетнаго Корпуса, а въ 1774 рукоположенъ въ архимандрита Печерскаго нижегородскаго монастыря: но въ томъ же году хиротонисанъ въ епископа бѣлгородскаго, въ каковомъ санѣ и пробылъ ровно двѣнадцать лѣтъ. Въ 1786 году, по разстроенному здоровью, онъ былъ уволенъ на покой съ пенсіею въ переяславскій монастырь, гдѣ и скончался 24 октября 1792 года[309]

Леванда Иванъ Васильевичъ родился въ Кіевѣ 1736 года и принадлежалъ къ ремесленническому сословію. Отецъ его, Василій Сикачка, былъ сапожнымъ мастеромъ. Имѣя въ сынѣ ближайшаго себѣ помощника, онъ пріучалъ его къ своему ремеслу, и между прочимъ заставлялъ разносить по домамъ заказываемую работу. По этому поводу *Ивану Сикачкѣ* приходилось иногда бывать и у священника Кіево-воскресенской церкви Іоанна Леванды. Проворство и ловкость подмастерья, его жадное прислушиваніе къ урокамъ, затверживаемымъ сыномъ Леванды, обучавшимся въ Академіи, наконецъ ребяческія связи между обоими дѣтьми сдѣлали *Сикачку* любимцемъ умнаго священника. Переговоривъ съ отцомъ его, Леванда опредѣлилъ *Сикачку* на свой счетъ въ Академію и позволилъ ему, въ знакъ признательности за это, принять свою фамилію *Леванды*[310]. Съ радостію увидѣлъ себя юный прозелитъ науки въ томъ мірѣ, котораго всегда алкала душа его: сознательно принялся онъ за изученіе всего, чѣмъ богата была школа, и въ 1759 году былъ уже самъ наставникомъ въ пріютившемъ его училищѣ. Но каѳедра учи-

теля инфимы была слишкомъ тѣсна для такого широкаго таланта, какимъ обладалъ *Леванда*. Пробывъ два года въ Академіи, онъ получилъ мѣсто священника при Успенскомъ соборѣ, что на Подолѣ. Съ первыхъ же дней вступленія своего на высокую степень іерейства, онъ заговорилъ къ народу тѣми рѣчами и бесѣдами, которыя потомъ доставили ему заслуженную славу христіанскаго оратора[310]. Тѣсно было въ храмахъ, гдѣ проповѣдывалъ *Леванда*; оставлялись обычныя занятія, забывались житейскія заботы, — и старъ и младъ спѣшили въ церковь послушать чуднаго проповѣдника, говорившаго понятнымъ всякому языкомъ истиннаго, глубоко-христіанскаго чувства. Въ 1786 году, когда, по состоявшимся духовнымъ штатамъ, Кіево-софійскій монастырь обращенъ былъ въ каѳедральный соборъ, *Леванда* назначенъ былъ туда (7 августа) первенствующимъ протоіереемъ. Но ревность его къ проповѣданію слова Божія нисколько не умалилась отъ прибавленія другихъ служебныхъ занятій. Не проходило литургіи, которую служилъ *Леванда*, чтобъ онъ не говорилъ къ народу хоть краткое поученіе, и кіевляне, еще на канунѣ праздничныхъ дней, разузнавали, гдѣ будетъ служить ихъ родной Златоуст. Въ слѣдующемъ году, когда Кіевъ имѣлъ счастіе видѣть въ стѣнахъ своихъ Екатерину Великую, *Леванда* получилъ неожиданную, но вполнѣ заслуженную имъ Высочайшую награду. Во время преждеосвященной литургіи, совершенной въ Андреевской церкви, въ четвергъ на пятой недѣли Великаго поста, когда *Леванда* окончилъ чтеніе заамвонной молитвы и обратился съ поклономъ къ присутствовавшей здѣсь Императрицѣ, Екатерина подозвала его, и своими руками возложила на знаменитаго проповѣдника кабинетный крестъ на алой лентѣ, украшенный бриллiантами, а чрезъ нѣсколько дней (15 марта) повелѣла употреблять ему при священнослуженіи палицу, присвоенную собственно архіереямъ и архимандритамъ. Въ 1798 году 7 октября Императоръ Павелъ I именнымъ указомъ пожаловалъ *Леванду* митрой. И радовались кіевляне, видя своего учителя взыскиваемаго Монаршими ми-

лостями. На престолѣ всероссійскомъ былъ уже Александръ I. Ректоръ Академіи Ѳеофилактъ и протоіерей *Леванда*, по распоряженію митрополита Гавріила, отправлены были въ Москву для принесенія всеподданническаго поздравленія и для присутствованія при коронаціи Благословеннаго. Уступая мѣсто первосвятителямъ, привѣтствовавшимъ Вѣнчанныхъ Помазанниковъ царства русскаго, *Леванда* обратился съ рѣчію своею къ Державной Матери ихъ. »Всемилостивѣйшая Государыня! говорилъ онъ. Ангелъ твой—Марія Магдалина написана Духомъ Божіимъ »въ числѣ тѣхъ, *иже хождаху по Іисусѣ и служаху Ему*. Ве»ликая въ терпѣніи и торжествующая надъ сердцемъ и собою, »Монархиня или единица въ царѣхъ! Что ты, по волѣ Бога »твоего, подражая Сыну Его, царскимъ сердцемъ перенесла, то »шествовала по Іисусѣ твоемъ, служа душею Ему. Если не »дано намъ видѣть въ жизни сей, то собравшись въ вѣчность, »увидимъ въ воздаяніи твоемъ, коль велика была вѣра и любовь »твоя ко Іисусу, коль велико было и достойно вѣчныя славы »терпѣніе твое. Но настоящая награда во Всеавгустѣйшемъ »сынѣ твоемъ, Царѣ, любимомъ на небѣ и землѣ, есть порукою »о всѣхъ отрадахъ грядущихъ«[312]. Въ 1806 году ноября 19 *Леванда* награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степ., а въ 1809, по ходатайству кіевскаго военнаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича, получилъ отъ щедротъ Монаршихъ тысячу рублей. Между тѣмъ, не смотря на преклонныя лѣта, онъ и не думалъ ослабѣвать въ богоугодныхъ трудахъ проповѣданія слова Божія. Все съ тою же силою слова, съ тѣмъ же святымъ воодушевленіемъ, съ тою же глубиною чувства, съ тѣмъ же яснымъ, открытымъ, но уже убѣленнымъ сѣдинами челомъ являлся онъ предъ обычными своими слушателями, изъ коихъ многіе и многіе отошли уже въ вѣчность, унесши съ собою доброе сѣмя, посѣянное другомъ и учителемъ ихъ. Памятуя свои высокія обязанности, *Леванда* не гонялся за почестями, а почести преслѣдовали его. Всѣ знаменитости Кіева, начиная отъ митрополита Серапіона и графа Милорадовича, не-

отступно стали ходатайствовать о награжденіи своего несравненнаго проповѣдника, и Императоръ Александръ I повелѣлъ сопричислить *Леванду* къ ордену Анны 1 степ., удостоивъ его слѣдующимъ рескриптомъ:

»Отецъ Іоаннъ, Протоіерей Кіево-Софійскаго каѳедраль»наго собора! Христіанскія добродѣтели, упрашающія жизнь »вашу и въ продолженіи многихъ лѣтъ неослабно подъемлемые »вами подвиги на пользу Церкви отличное заслуживаютъ вни»маніе. Желая удостовѣрить васъ въ Монаршемъ Моемъ бла»говоленіи, пожаловалъ Я вамъ орденъ св. Анны первой сте»пени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваю »возложить и носить по установленію. Пребываю къ вамъ »благосклонный«

Александръ.

12 Декабря 1810 года.
Санктъ-Петербургъ.

Св. Синодъ съ своей стороны въ тоже самое время поспѣшилъ наградить *Леванду* бархатной фіолетовой камилавкой. Въ памятную годину страшнаго пожара 1811 года, когда жители Кіево-Подола спасались отъ разрушительнаго пламени на отмеляхъ днѣпровскихъ, *Леванда* переплывалъ къ нимъ въ лодкѣ съ посильною помочью, съ словомъ утѣшенія и христіанскаго назиданія[313]. Съ горькимъ воплемъ тѣснились къ нему несчастные подоляне, обливая слезами благодѣтельствовавшую имъ руку, и подвигъ добраго пастыря не остался безъ награды еще и въ сей жизни. Государь Императоръ, соизволившій пожаловать на разоренныхъ жителей двадцать четыре тысячи, повелѣлъ выдать изъ нихъ *Леванду* 1800 рублей. Но семидесятиосьмилѣтнему старцу пришла уже пора разстаться съ этимъ міромъ; 25 іюня 1814 года заунывный звонъ Софійскаго колоколокола повѣстилъ кіевлянамъ, что уже замкнулись медоточивыя уста ихъ славнаго проповѣдника, друга и учителя. Искреннія

слезы безчисленныхъ почитателей *Леванды* и облагодѣтельствованныхъ имъ, проводили его въ могилу, уготованную въ томъ храмѣ, въ которомъ прослужилъ онъ церкви почти три десятилѣтія[314]. Государь Императоръ, согласно докладу св. Синода, Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать дочери *Леванды Маріи* дожизненный пенсіонъ въ 600 рублей.

Леванда, обладавшій рѣдкимъ умомъ и сердцемъ, открытымъ для добра, оставилъ множество поученій, бесѣдъ, рѣчей и разнаго рода писемъ[315]: и вездѣ и во всемъ является онъ одинаково сладкоглаголивымъ витіею. При составленіи бесѣдъ своихъ, *Леванда* мало предавался спокойному размышленію и не много заботился о прочности доказательствъ; въ самомъ даже расположеніи частей нѣтъ у него нарочитой строгости. Поставивъ извѣстную мысль точкою бесѣдовательнаго отправленія, онъ шелъ потомъ, по водительству чувства, которое недостатокъ классической строгости и правильнаго изслѣдованія предмета превосходно замѣняло говоромъ истинной любви и горячаго участія во всѣхъ нравственныхъ нуждахъ своихъ слушателей. Обнаженіе дѣлъ человѣческихъ во всемъ постыдномъ ихъ безобразіи—вотъ источникъ назидательныхъ поученій *Леванды*, такъ что съ этой стороны характеръ ихъ есть не положительный а отрицательный. Глубокій знатокъ сердца человѣческаго, онъ умѣлъ проникать во всѣ извилины его, и освѣщать мракъ души свѣтомъ евангельскаго слова; въ этомъ случаѣ ему много помогло обширное знаніе свящ. писанія, такъ что нѣкоторыя изъ его проповѣдей представляются искуснымъ сочетаніемъ текстовъ, проникнутыхъ единствомъ мысли, избранной проповѣдникомъ. Владѣя особеннымъ даромъ употреблять искусные обороты и переходы въ рѣчи, *Леванда* иногда поражаетъ слушателя недоумѣніемъ и сильно возбуждаетъ его вниманіе. Притомъ отличный голосъ, благородная манера, необыкновенное искуство произношенія, умѣнье придать вѣсъ и значеніе каждому слову, наконецъ самая фигура проповѣдника невольно

приковывали къ нему вниманіе всякаго, и мгновенно воцарявшаяся тишина въ храмѣ, какъ скоро *Леванда* устанавливался на каѳедру, ясно показывала, сколько благочестивые кіевляне дорожили каждымъ словомъ своего витіи. Въ рѣчахъ его видна удивительная ловкость и умѣнье иногда самой незатѣйливой мысли придать колоритъ изящества и вдохнуть въ нее жизнь и силу. Вотъ уже около ста лѣтъ прошло со времени первой его проповѣди, а и доселѣ онѣ читаются съ истиннымъ наслажденіемъ, ни малѣйше не оскорбляя самаго привязчиваго эстетическаго вкуса!

Въ быту общественномъ и семейномъ *Леванда* былъ необыкновенно скроменъ, тихъ и незлобивъ. Возведенный Монархами на высшую степень, до которой прежде его никто не доходилъ изъ бѣлаго духовенства, онъ сохранилъ туже дѣтскую, но благородную простоту своего характера. Въ разговорахъ и домашнихъ бесѣдахъ *Леванда* представлялся нѣсколько восторженнымъ, особенно если предметъ трогалъ его сердце и требовалъ свойственнаго себѣ углубленія: тогда *Леванда* становился ораторомъ, и рѣчь его блистала огнемъ того одушевленія, которымъ полны всѣ сочиненія его. При совершеніи же богослуженія, онъ бывалъ весь священнымъ восторгомъ, и часто обливался слезами, произнося великія слова божественной литургіи. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, *Леванда* также былъ бодръ духомъ, какъ и въ порѣ зрѣлаго мужества, и искренно любя просвѣщеніе, до конца жизни своей занимался науками, слѣдя за всемъ, что выходило въ тогдашней литературѣ замѣчательнаго.

Лехницкій Кассіанъ. По окончаніи курса въ Академіи, онъ началъ прохожденіе учительскихъ должностей съ нижнихъ классовъ и въ 1773 году былъ уже префектомъ и профессоромъ философіи. Спустя два года *Лехницкій* былъ посвященъ въ архимандрита съ назначеніемъ въ ректоры Академіи. За

тѣмъ онъ вызванъ былъ въ Петербургъ на чреду, и по возвращеніи въ Кіевъ, скончался 11 іюня 1784 года въ Кудрявскомъ каѳедральномъ домѣ, принадлежавшемъ Кіевософійскому монастырю[316].

Любарскій Платонъ былъ сынъ священника. По окончаніи курса наукъ, онъ отправился къ родственнику своему преосвящ. Варѳоломею, епископу вятскому, который опредѣлилъ его учителемъ семинаріи, и вслѣдъ за тѣмъ постригъ въ монашество и поставилъ игуменомъ верхочепецкаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Въ 1772 году *Любарскій* былъ произведенъ въ архимандриты Старопреображенскаго монастыря; чрезъ три года переведенъ въ Богородицкую свіяжскую обитель и потомъ въ новоіерусалимскій Воскресенскій монастырь. Въ 1792 году, согласно желанію своему, онъ перемѣщенъ въ Донской, съ назначеніемъ въ члены синодальной конторы, а черезъ два года рукоположенъ въ епископа тамбовскаго: но на пути же въ сію епархію назначенъ въ Астрахань и пожалованъ за тѣмъ въ санъ архіепископа. Въ 1800 году *Платонъ* награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; черезъ пять лѣтъ переведенъ въ Екатеринославъ, а въ 1809 году получилъ алмазный крестъ на черный клобукъ. *Платонъ Любарскій* скончался 20 октября 1811 года и погребенъ въ Самарскомъ Новомосковскомъ монастырѣ[317].

Никифоровичъ-Полонскій Іоанникій родился 1742 года, и по выслушаніи полнаго курса наукъ въ Академіи, поступилъ учителемъ въ смоленскую семинарію, откуда въ скоромъ времени вызванъ былъ въ Петербургъ къ должности законоучителя Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, и наконецъ назначенъ ректоромъ тамбовской семинаріи. Это было въ 1779 году, когда *Ѳеодосій Голосницкій*, епископъ тамбовскій, положилъ учредить училище для образованія священно-церковнослужительскихъ дѣтей[318]. Промыслу угодно было послать сему

ревнителю просвѣщенія дѣятельнѣйшаго помощника въ *Никифоровичѣ-Полонскомъ*. Пока архипастырь ходатайствовалъ о назначеніи штатнаго оклада на учреждаемое училище[319], *Іоанникій* неусыпно заботился о воздѣлываніи сего юнаго вертограда наукъ, и въ непродолжительномъ времени имѣлъ удовольствіе увидѣть плоды своихъ заботъ, образовавъ въ семинаріи тамбовской полный учебный курсъ. Въ тоже время *Іоанникій* произведенъ былъ въ архимандриты, съ правами настоятельства, въ нижнеломовскій Богородицкій монастырь, а черезъ пять лѣтъ переведенъ въ Троицкій Ильинскій, что въ Черниговѣ, по упраздненіи котораго снова возвратился въ нижнеломовскій, откуда 1789 года назначенъ настоятелемъ нижегородскаго Печерскаго и потомъ московскаго Донскаго монастыря съ званіемъ члена синодальной конторы. Въ 1795 году *Іоанникій* былъ хиротонисанъ въ епископа подольскаго и брацлавскаго, гдѣ и былъ первымъ архипастыремъ, по присоединеніи сего края къ державѣ всероссійской. Памятникомъ своего пребыванія въ этой странѣ, окруженной тогда католицизмомъ и уніатствомъ, кромѣ устройства епархіальныхъ дѣлъ, *Іоанникій* оставилъ семинарію, имъ же самимъ учрежденную и облагодѣтельствованную исходатайствованіемъ ежегоднаго оклада по 3,000 рублей. Какъ дорожилъ онъ этимъ залогомъ своей просвѣщенной ревности, это видно изъ того, что не задолго предъ кончиною своею онъ пожертвовалъ въ пользу устроеннаго имъ училища 5,000 рублей[320]. Служеніе *Іоанникія* на такомъ многотрудномъ посту, какимъ была первоначально подольская епархія, его архипастырское благоразуміе въ отношеніи къ жителямъ присоединеннаго края, не оставались безъ Высочайшаго вниманія: въ 1801 году онъ былъ пожалованъ архіепископомъ, а въ 1804 награжденъ орденомъ св. Анны 1 степ. »Сей, сказано въ надгробной надписи, находящейся въ каѳедральномъ каменецъ-подольскомъ соборѣ, ревностный ко »благу паствы, дѣятельный пастырь, полезный отечеству и Цер»кви, достопамятный ревностію къ преобразованію въ право-

»славіе подольской епархіи, покровительствомъ сирыхъ и вдовъ, »благоучрежденіемъ семинаріи«, скончался 6-го февраля 1819 года[291].

Островскій Іоаннъ, по происхожденію, принадлежалъ къ мѣщанскому сословію, а по мѣсту рожденія — Кіеву. По окончаніи курса наукъ, *Островскій* проходилъ нѣсколько времени училищныя должности при самой Академіи. Монашество онъ принялъ въ Кіево-софійскомъ монастырѣ, и потомъ былъ поставленъ игуменомъ монастыря Петропавловскаго, откуда 1785 года переведенъ въ Харлампіевскій гамалѣевскій и рукоположенъ въ архимандрита. Въ 1789 году *Островскій* былъ переведенъ въ Богоявленскій голутвинъ монастырь, а черезъ три года опредѣленъ ректоромъ коломенской семинаріи. Отсюда 1795 года былъ назначенъ настоятелемъ новгородскаго Антоніева монастыря и ректоромъ новгородской семинаріи: но въ слѣдующемъ же году былъ переведенъ въ Юрьевъ и вызванъ на чреду въ С.-Петербургъ. Въ 1797 году онъ былъ посланъ въ новгородъ-сѣверскій Спасскій монастырь, но даже не посѣтивъ его, опредѣленъ въ Антоніевъ, съ правами и преимуществами юрьевской архимандріи, и потомъ 1798 назначенъ въ Колязинъ монастырь. Въ 1800 году *Іоаннъ* былъ хиротонисанъ епископомъ въ Пермь, гдѣ и скончался 24 декабря 1801 года[322].

Петровъ-Лавровскій Варлаамъ, родной братъ Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, родился 1729 года въ Москвѣ и при крещеніи нареченъ былъ *Василіемъ*. Отецъ его, бывшій иподіакономъ Синодальнаго Дома, отдалъ сына своего въ тамошнюю капеллію, откуда, по спаденіи съ голоса, *Петровъ-Лавровскій* былъ уволенъ для опредѣленія на священническое мѣсто. Но чувствуя себя недостаточно приготовленнымъ для такого высокаго сана, *Петровъ* отправился въ Кіевъ, и 1753 года поступилъ въ Печерскую Лавру въ число послушниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ позволеніе слушать

уроки въ Академіи. Шесть лѣтъ проходилъ онъ ученіе, и достигнувъ философскаго класса, принялъ въ Лаврѣ монашество и нареченъ *Варлаамомъ*. Въ 1761 году, по указу св. Синода, онъ былъ переведенъ въ Троицко-Сергіеву Лавру, намѣстникомъ которой былъ тогда братъ его Гавріилъ. Въ непродолжительномъ времени *Варлаамъ* назначенъ былъ архимандритомъ Новоторжскаго монастыря, а въ 1768 г. хиротонисанъ въ епископа тобольскаго и сибирскаго; черезъ четыре года пожалованъ архіепископомъ, а въ декабрѣ 1802 г. скончался.

Садковскій Викторъ. Неизвѣстно, гдѣ началъ онъ проходить службу: но въ 1785 году *Садковскій* былъ уже епископомъ переяславскимъ, съ званіемъ коадъютора митрополіи кіевской и архимандрита слуцкаго монастыря. Время прибытія его на епархію было годиною страшныхъ гоненій на православіе, когда издыхавшее уніатство употребляло послѣднія силы своего ожесточенія и лютости. Не смотря на то, что *Садковскій* въ званіи епископа утвержденъ былъ самимъ Королемъ, фанатики неожиданно напали на него, заковали въ кандалы и отправили подъ стражею въ Варшаву. Тамъ томился онъ въ заключеніи около четырехъ лѣтъ, пока не послѣдовалъ *второй* раздѣлъ Польши. Освобожденный за тѣмъ пастырь немедленно нареченъ былъ архіепископомъ минскимъ, съ правомъ имѣть себѣ викарія въ епископѣ житомірскомъ, а въ 1796 году переведенъ въ Черниговъ, гдѣ по семилѣтнемъ управленіи скончался въ день своего ангела, 11 ноября 1803 года[323].

Синьковскій Варлаамъ. Въ 1761-мъ году онъ былъ префектомъ Троицко-сергіевой семинаріи, а потомъ и ректоромъ оной. Черезъ четыре года послѣ сего *Синьковскій* былъ переведенъ архимандритомъ Сергіевой Троицкой, что по петергофской дорогѣ, пустыни, гдѣ въ 1767 году скончался[324].

Слонимскій Феофилактъ. сынъ священника черниговской епархіи, борзенскаго уѣзда, села Прохорова, Василія Павлова,

родился 1744 года и при крещеніи нареченъ *Ѳеодоромъ*. Первоначальнымъ образованіемъ своимъ онъ обязанъ черниговскимъ училищамъ, откуда потомъ поступилъ въ Кіевскую Академію прямо въ риторическій классъ и по порядку выслушалъ уроки философіи и богословія. По окончаніи курса, *Слоницкій* опредѣлился въ Кіево-Печерскую Лавру въ званіи послушника и 1766 года постриженъ въ монашество; за тѣмъ онъ назначенъ былъ корректоромъ типографіи и проповѣдникомъ. Въ 1768 году *Ѳеофилактъ* произведенъ въ перводіакона и назначенъ регентомъ лаврской канцеляріи, соборнымъ іеромонахомъ и присутствующимъ, потомъ настоятелемъ больничнаго монастыря, состоящаго при Лаврѣ, блюстителемъ дальнихъ пещеръ и наконецъ въ 1792 году намѣстникомъ Лавры; въ 1793 *Слоницкій* былъ произведенъ въ архимандриты, а чрезъ два года переведенъ настоятелемъ Кіево-михайловскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Академіи. Въ 1803 году *Ѳеофилактъ* хиротонисанъ въ епископа вологодскаго: но черезъ пять лѣтъ уволенъ на пребываніе въ Кіево-печерскую Лавру съ пенсіею по 600 рублей въ годъ, гдѣ и скончался 13 августа 1827 года[325].

Тихорскій Ѳома Трофимовичъ, статскій совѣтникъ, докторъ-медицины, С.-Петербургской Академіи наукъ и медико-хирургической, медицинскаго совѣта и многихъ другихъ ученыхъ обществъ членъ, св. Анны 2 и Владиміра 4 степ. кавалеръ, родился въ г. Переяславѣ, и по окончаніи домашняго воспитанія, поступилъ въ Кіевскую Академію. Въ слѣдствіе требованія студентовъ въ медицинскую науку, *Тихорскій*, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, отправленъ былъ въ Петербургъ на казенное иждивеніе, гдѣ и началъ проходить ученіе при с.-петербургскихъ госпиталяхъ. Отличныя способности и быстрые успѣхи обратили на него особенное вниманіе начальства, которое въ 1762 году отправило его въ лейденскій университетъ, гдѣ, черезъ три года, *Тихорскій*, по надлежащемъ защищеніи диссертаціи[326], получилъ степень доктора медицины,

Возвратясь въ отечество, онъ началъ проходить разныя должности, по званію врача; скончался въ Петербургѣ 2 февраля 1814 года[327].

Шіяновъ Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ и по происхожденію принадлежалъ къ духовному званію. По окончаніи въ Академіи курса наукъ, онъ поступилъ въ Лавру на послушаніе, и вскорѣ принялъ монашество. Послѣ прохожденія разныхъ должностей сначала урядоваго іеромонаха а потомъ соборнаго старца, *Ѳеофанъ* назначенъ былъ лаврскимъ типографомъ. Личныя достоинства и неусыпные труды поставили его на ряду съ извѣстнѣйшими двигателями кіевскаго книгопечатанія. Возобновленная и открытая, съ разрѣшенія св. Синода, типографія лаврская требовала въ то время особеннаго надзора и неутомимой дѣятельности; работы было множество; кромѣ большаго расхода на церковныя книги внутри Россіи, нужно было поставлять еще большее ихъ количество въ зарубежные приходы, еще состоявшіе подъ владычествомъ польскимъ и даже въ Палестину и другія земли православнаго востока. Очевидно, что начальнику типографіи, который обыкновенно бывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ корректоромъ печатаемыхъ книгъ, предстояло много трудовъ, особенно при повѣркѣ греческихъ изданій. На все это достало *Ѳеофана*. Мало того: онъ несъ кромѣ того, и обязанности проповѣдника. За тожъ и заслуги его не остались безъ должнаго вознагражденія. *Ѳеофанъ* имѣлъ счастіе обратить на себя Высочайшее вниманіе Императрицы Екатерины II, которая, въ бытность свою въ Кіевѣ, сама повелѣла посвятить его въ архимандрита нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря и лично изволила присутствовать, 11 апрѣля 1787 года, при рукоположеніи его въ Братскомъ монастырѣ. Здѣсь новопроизведенный архимандритъ привѣтствовалъ Державную свою Благодѣтельницу словомъ, исполненнымъ чувства глубочайшей благодарности. »Богу единому, говорилъ онъ между прочимъ, свойственно всякому созданію

»благотворить. Кто твоихъ матернихъ щедротъ не ощущаетъ? »Какое мѣсто осталось, коего бы лучи благотвореній твоихъ не освѣтили? Се и азъ, послѣднѣйшій изъ вѣрноподданныхъ твоихъ, паче всякаго моего чаянія, озаренъ, или »лучше рещи, оживотворенъ сладчайшимъ сіяніемъ милостей »твоихъ. Давидъ, возчувствовавъ всю силу Божіихъ къ себѣ »благодѣяній, воскликнулъ, *что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже »воздаде ми?* Что я, толико пронзенный чувствованіями твоего »Монаршаго обо мнѣ благоволенія, воздамъ тебѣ? Желанія мои »безпредѣльны, но силы ограничены. Падъ убо ко священнѣйшимъ стопамъ твоимъ, молю Величество твое, да удостоишн »принять единое мое чистѣйшее усердіе во мѣсто всѣхъ подо»бающихъ отъ меня Монаршей особѣ твоей жертвъ благода»ренія. Отецъ небесный, въ лицѣ котораго благотвориши намъ, »да приложитъ тебѣ дни на дни и да продолжитъ благополучныя »лѣта твои до дне рода и рода«[328]. Спустя немного, *Θеофанъ* былъ переведенъ въ настоятели новгородъ-сѣверскаго монастыря; когда же указомъ 1799 года 16 октября повелѣно было быть особому викарію кіевской митрополіи, съ наименованіемъ епископомъ *чигиринскимъ,* и жить въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ, съ правами настоятельства въ ономъ: то *Θеофанъ* вызванъ былъ въ Кіевъ и 12 февраля 1800 года хиротонисанъ въ епископа. Памятникомъ сего викаріатства въ Кіевѣ и любви къ богомысленному уединенію осталась загородняя дача съ прекрасно-устроенною церковію и нѣсколькими келліями, носящая по имени основателя своего, названіе *Θеофаніи.* Въ 1807 году 25 генваря *Θеофанъ* былъ переведенъ на епархію полтавскую, куда и прибылъ 31 марта, но не долго тамъ пробылъ маститый архипастырь: 24 генваря 1812 года онъ скончался, достигнувъ глубокой старости[329].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГАВРІИЛЪ КРЕМЕНЕЦКІЙ.

Назначеніе Гавріила митрополитомъ. Моровая язва въ Кіевѣ. Училище распущено. Легенда. Прибытіе Гавріила въ Кіевъ. Снисходительность Екатерины II къ католикамъ и уніатамъ. Коммиссія для уравненія правъ вѣроисповѣданій. Неблагодарность католиковъ и уніатовъ. Изгоняемые священнослужители прибѣгаютъ въ Кіевъ. Восточные іерархи въ Малороссіи. Россійскіе епископы на покоѣ въ Кіевѣ. Гавріилъ старается объ увеличеніи академическихъ доходовъ. Раздѣлъ Высочайше жалованной суммы. Выдача денегъ Академіи изъ кошелькового сбора. Гавріилъ принимаетъ въ свое вѣдѣніе доходы монастыря и Академіи. Состояніе академической библіотеки. Пожертвованія. Отъѣздъ ректора Вербицкаго въ Петербургъ. Пожаръ 1775 года. Денежныя пожертвованія. Пожаръ 1780 года. Потери Академіи. Новыя пожертвованія въ ея библіотеку. Прибытіе въ Кіевъ Павла Петровича съ супругою. Приготовленія къ пріему ихъ. Пріемъ царственныхъ гостей. Посѣщеніе ими святыни Кіева. Ужинъ въ магистратѣ. Посѣщеніе Павломъ I Академіи. Отъѣздъ царственныхъ гостей. Кончина Гавріила. Академія въ упадкѣ. Воспитанники сей эпохи: Антонскій—Прокоповичъ Антоній. Аршеневскій Василій. Барсукъ—Моисеевъ Ѳома. Блонскій Іеронимъ. Грибовскій Софроній. Келембетъ Амвросій. Киждобрянскій Николай. Корчановъ Аѳанасій. Лебединскій Сильвестръ. Леонтовичъ Амфилохій. Мисловскій Варлаамъ. Панкевичъ Михаилъ. Сохацкій Павелъ. Ставицкій Анатолій. Ставицкій Иннокентій. Терешкевичъ Аполлосъ. Трощинскій Димитрій. Устимовичъ Димитрій. Фальковскій Иринѣй. Шванскій Михаилъ. Ясновскій Даніилъ.

1770—1783.

Съ полученіемъ извѣстія о кончинѣ Арсенія Могилянскаго, Государыня 22 сентября тогоже года указала быть кіевскимъ митрополитомъ с.-петербургскому архіепископу Гавріилу, пре-

доставивъ ему въ тоже время званіе члена св. Синода и пожаловавъ бѣлый клобукъ. Новоопредѣленный архипастырь уже собирался въ путь, какъ вдругъ получено было извѣстіе о страшномъ несчастіи, уже не въ первый разъ постигавшемъ Кіевъ.

Въ концѣ лѣта 1770 года открылась въ Малороссіи моровая язва, которая быстро приближалась къ Кіеву и окончательно появилась въ немъ 3 сентября. Бывшій тогда генералъ-губернаторомъ кіевскимъ генералъ-аншефъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Воейковъ немедленно принялъ мѣры къ устраненію или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію этого бѣдствія. Заставы и рогатки всѣ были закрыты, и привозъ хлѣба изъ окольныхъ селеній строго воспрещенъ; только тѣ продукты позволялось ввозить въ городъ, которые, по освидѣтельствованіи, оказывались слѣдовавшими изъ благополучныхъ мѣстъ. Запрещенъ пріемъ въ дома пришлыхъ людей безъ надлежащихъ свидѣтельствъ и велѣно какъ можно избѣгать стѣснительности въ жильѣ.

Не смотря на такія мѣры, язва свирѣпствовала день ото дня съ большею силою; особенно страдали тѣ дома, гдѣ много было жильцовъ. Бурса академическая первая подверглась опустошительнымъ дѣйствіямъ заразы; такъ что начальство вынуждено было, 24 сентября, распустить школу ради того, что »по »причинѣ продолжающейся опасной болѣзни, въ Академіи учеников гораздо меншое число противо прежняго имѣется, да »и тѣмъ чрезъ непровозъ въ Кіевъ за затвореніемъ рогатокъ »хлѣба и за дороговизною онаго, пропитаніе получать крайне »трудно, почему и продолжать ученія свои имъ невозможно«. Объ оставшихся же и заболѣвавшихъ предписано было немедленно доносить магистрату[330].

Въ народѣ въ ту пору ходила легенда, которую еще и доселѣ повторяютъ кіевскіе старожилы. Говорятъ, что до появленія моровой язвы всякую ночь кто-то подходилъ къ Бурсѣ, одѣтый

въ длинный саванъ и съ плачемъ и съ стономъ испрашивалъ куска хлѣба. Въ теченіи осьми недѣль слышались эти умоляющіе вопли, исходившіе изъ внутреннихъ комнатъ бурсацкаго зданія, и во все это время проходящіе бросали къ дверямъ бурсы хлѣбъ, который изчезалъ незамѣтно. Наскучивъ такимъ безпокойствомъ, бурсаки задумали вызвать привидѣніе, и съ этою цѣлію начали шумно дѣлить между собою хлѣбъ передъ дверьми, за которыми слышались по ночамъ вопли и стоны. Привидѣніе, дѣйствительно, вышло, и съ мольбою протянуло руку за милостыней; тогда одинъ изъ шалуновъ ударилъ его бичемъ по рукѣ. Кровь хлынула, и привидѣніе съ проклятіями побѣжало по улицамъ, повсюду распространяя смерть и опустошеніе[331].

Получивъ извѣстіе о прекращеніи моровой язвы, митрополитъ Гавріилъ, въ 1771 году, выѣхалъ изъ Петербурга, и проживъ около года въ гамалѣевскомъ монастырѣ, прибылъ въ Кіевъ 4 марта 1772 года.

Православная церковь въ юго-западномъ краю оканчивала въ это время ожесточенную борьбу съ католицизмомъ и уніатствомъ. Въ слѣдствіе перваго раздѣла Польши, Россія въ 1772 году получила на свою долю Бѣлоруссію съ милліономъ тремя стами шестидесятью тысячъ жителей. Въ трактатѣ по сему случаю, утвержденномъ и подписанномъ въ Варшавѣ (1773 г.) обезпечено, между прочимъ, исповѣданіе католическое въ областяхъ русскихъ, и православное во владѣніяхъ, оставшихся еще во власти Польши. Великая Екатерина, чтобъ подать собою примѣръ въ вѣрномъ соблюденіи трактатовъ и въ законной вѣротерпимости, тотчасъ же, по присоединеніи польскихъ провинцій къ своей державѣ, 14 декабря 1772 года, указала быть римско-католическому епископу съ подчиненіемъ ему всѣхъ костеловъ и клиниторовъ, находящихся въ Россіи. Тоже самое право надъ уніатскими церквами предоставлено было уніатскому архіепископу въ Бѣлоруссіи. Въ слѣдующемъ же году римскій епископъ

Сестренцевичъ-Богушъ представлялся Императрицѣ и получилъ отъ Державной руки ея дипломъ на ерекцію католической епархіи въ Россіи.

Но снисходительность и кротость Великой Повелительницы сѣвера не образумила непокорныхъ фанатиковъ; они злобствовали противъ Россіи, не смотря на то, что она начинала получать только проценты, не касаясь еще капитала, противозаконно удерживаемаго неспокойнымъ сосѣдомъ. Канцлеръ коронный, епископъ познанскій Млодзяновичъ, подалъ 1774 года отъ имени Сената жалобу на то, что будто несправедливо отобраны отъ уніатовъ тысяча двѣсти церквей и обращены въ православныя. Чтобъ прекратить эти споры, Государыня повелѣла назначить особую коммиссію: но предвидя, что пропаганда папской власти непремѣнно станетъ мѣшать составленію оной, и будетъ производить только смуты и нестроенія[332], Императрица другимъ прибавочнымъ актомъ того же года ограничила и опредѣлила права и преимущества всѣхъ диссидентовъ, находившихся въ Литвѣ и Польшѣ, и чтобы привязать къ себѣ новаго римско-католическаго епископа, пожаловала ему (1776 г.) привиллегію на заведеніе типографіи въ Могилевѣ. Такимъ образомъ все было сдѣлано, чтобъ успокоить волненіе въ юго-западномъ краю древней Россіи.

Но католическое и уніатское духовенство не думало подражать кротости и снисходительности могущественной Монархини. Вскорѣ, по заключеніи трактатовъ, открылись кровавыя гоненія на православныхъ, усилившіяся къ концу 1776 года до того, что священники украинскіе, оставшіеся въ польскихъ провинціяхъ, принуждены были покидать свои приходы и уходить въ Кіевъ и Переяславль, прибѣгая къ защитѣ и покровительству митрополита. Гавріилъ ходатайствовалъ за нихъ у св. Синода, который предписалъ ему давать мѣста имъ въ малороссійскихъ епархіяхъ. Такимъ образомъ Кіевъ сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ

скорбящихъ и обремененныхъ неправеднымъ преслѣдованіемъ отъ враговъ истиннаго христіанства.

И не отъ домашнихъ только недруговъ притекали сюда страдальцы вѣры истинной. Востокъ православный, угнѣтенный поклонниками исламизма, являлся въ Кіевъ въ лицѣ многихъ архипастырей своихъ. Такъ въ вѣдомствѣ митрополита Гавріила жили въ Малороссіи *Анатолій*, епископъ морейскій, пребывавшій съ 1772 года въ глуховскомъ Петропавловскомъ монастырѣ, отданномъ въ распоряженіе его[333]; *Серафимъ Аннинъ*, нареченный патріархъ константинопольскій, опредѣленный 1775 года въ Спасскій моксаковскій, а черезъ два года переведенный, по прошенію, въ лубенскій мгарскій монастырь[334]; *Серафимъ* митрополитъ лакедемонскій, жившій съ 1777 года въ Кіево-печерской Лаврѣ, и тамъ скончавшійся 30 апрѣля 1789 года; *Никодимъ*, архіепископъ реондскій, пребывавшій на покоѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ[335]. Кромѣ сихъ восточныхъ архипастырей въ Печерской Лаврѣ пребывали въ эту пору: *Павелъ Конюскевичъ*, митрополитъ тобольскій, *Θеофанъ Чарнуцкій*, епископъ нижегородскій, *Кириллъ*, епископъ сѣвскій, жившій съ 1778 года въ Михайловскомъ монастырѣ и въ 1795 году тамъ скончавшійся.

Митрополитъ Гавріилъ, вскорѣ по прибытіи на паству, озаботился увеличеніемъ прежде бывшихъ отъ каѳедры пособій учащимъ и учащимся въ Академіи. Высочайше жалованная сумма, поступавшая въ училищно-монастырскую кассу и состоявшая въ непосредственномъ распоряженіи ректора, была тотчасъ же раздѣлена имъ на учителей и учениковъ. Въ пользу послѣднихъ онъ велѣлъ отложить *двѣсти сорокъ два* рубля *пятдесятъ* копѣекъ, а остальные роздать учителямъ[336]. Но видя, что всѣ такія пособія вмѣстѣ съ другими доходами училищнаго монастыря не могутъ, какъ самъ онъ выразился, »снабдить и »съ малымъ удовольствіемъ всѣхъ живущихъ въ Бурсѣ, яко въ »немаломъ числѣ находящихся«, Гавріилъ предпринялъ въ 1773

году изобразить предъ св. Синодомъ бѣдственное состояніе Академіи, и просить разрѣшенія употреблять на нее ежегодно по крайней мѣрѣ половину кошельковаго сбора, незадолго предъ тѣмъ учрежденнаго для вспомоществованія монастырямъ и бѣднымъ церквамъ епархіи кіевской[337]. Хотя это представленіе и не имѣло желаемаго успѣха, по крайней мѣрѣ отъ Синода было повелѣно выдать Академіи единовременно изъ этого сбора *двѣсти* рублей. Съ этой поры митрополитъ Гавріилъ началъ самъ раздѣлять доходы между Академіей и монастыремъ, навсегда прекративъ такимъ образомъ причину неоднократно бывавшихъ несогласій и споровъ между братіею и учеными. Для этого онъ составилъ первую письменную инструкцію о содержаніи учениковъ[338].

Академическая библіотека въ это время представлялась уже полною, бывъ умножена приношеніями какъ ближайшихъ своихъ протекторовъ — архипастырей, такъ и другихъ лицъ, большею частію получившихъ здѣсь образованіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ, Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій, Іосифъ Ямницкій, Іоасафъ Миткевичъ и многіе другіе, вписавшіе имена свои на пожертвованныхъ ими книгахъ, были усердными вкладчиками академической библіотеки. Но главными фундаторами ея были митрополиты кіевскіе: Варлаамъ Ясинскій, Іоасафъ Кроковскій, Тимоѳей Щербацкій, Арсеній Могилянскій и болѣе всѣхъ Рафаилъ Заборовскій. Въ 1758 году *Иларіонъ*, епископъ сарскій и подонскій, пожертвовалъ Академіи всю свою библіотеку, заключавшую въ себѣ 454 латинскихъ и 36 русскихъ книгъ; а въ слѣдующемъ году митрополитъ Арсеній на свой счетъ сталъ выписывать для Академіи газеты французскія и нѣмецкія, а также »Трудолюбивую Пчелу«. Въ 1768 году въ самой Бурсѣ начала составляться особая библіотека. Н. Н. *Бантышъ-Каменскій*, при особомъ письмѣ[339], препроводилъ сюда 145 книгъ; Н. Н. *Мотонисъ* — 15; *Акимъ Семеновичъ Сулима* — 7; *Семенъ Ивановичъ Гамалѣя* — 16 книгъ, при слѣдующемъ

письмѣ въ Бурсу: »Почтеннѣйшіе господа, любезнѣйшая братія! »Я слышалъ, что въ Бурсѣ теперь заводится библіотека; прошу, »государи мои, удостоить и меня быть вкладчикомъ, и принять »книги.... Не презирайте, господа мои, сихъ малыхъ началъ.... »Прошу вмѣстить оныя въ ващъ каталогъ, и быть увѣренными, »что я есмь вашъ покорный слуга, жившій нѣкогда въ синтак, »поетец. философ. и друголѣтней въ старой Бурсѣ«[340]. Сенатскій секретарь *Василій Крамаренковъ* пожертвовалъ 9 книгъ; *Василій Рубанъ*—5 книгъ; купецъ 2 гильдіи *Яковъ Добрынинъ* 11 книгу; *Василій Козицкій*—38; отъ разныхъ доброхотныхъ дателей 3 книги; намѣстникъ Кіево-братскаго училищнаго монастыря іеромонахъ *Варлаамъ Виланскій* завѣщалъ въ Бурсу 35 книгъ и докторъ *К. И. Щепинъ* прислалъ 6 книгъ. Усердіе Вантышъ-Каменскаго къ родному своему училищу было такъ велико, что и за симъ онъ не оставилъ его безъ своихъ попеченій; онъ открылъ въ Петербургѣ подписку въ пользу бурсацкой библіотеки, и на собранныя деньги выслалъ нѣсколько учебныхъ, самыхъ необходимыхъ руководствъ, препроводивъ при этомъ книги пожертвованныя, по старанію Рубана, отъ *Александра Ильича Бибикова*, *Н. Н. Мотониса*, *Козельскаго*, автора Датской Исторіи, *Раича* и самаго Рубана. Но такъ какъ за бурсацкой библіотекой не было надлежащаго смотрѣнія, то митрополитъ приказалъ перевести ее въ Академію. Такимъ образомъ со включеніемъ книгъ, пожертвованныхъ архимандритомъ Варлаамомъ Ляцевскимъ, библіотека академическая 1780 года заключала въ себѣ около *двѣнадцати тысячъ* томовъ.

Въ 1773 году послѣдовалъ Высочайшій указъ о вызовѣ въ С.-Петербургъ »для исправленія священно-служенія и проповѣди слова Божія« ректора Академіи Тарасія Вербицкаго. Мы не упомянули бы объ этомъ, довольно обыкновенномъ дѣлѣ, еслибъ при семъ не выразилась особенная привязанность не одного училища, но и всѣхъ кіевлянъ къ этому достойнѣйшему человѣку. Современная замѣтка лучше всего можетъ дать по-

нятіе объ этомъ: »1773 года февраля 24 въ недѣлю на Обрѣ»теніе честныя главы Предтечевы, зъ великимъ всѣхъ студен»товъ и кіевлянъ сожалѣніемъ, кое они оказали собраніемъ »своимъ многочисленнымъ къ провожденію и полученію благо»словенія, архимандритъ Тарасій выѣхалъ въ С.-Петербургъ«, а митрополитъ Гавріилъ, на все время отсутствія его, подчинивъ Академію непосредственному своему управленію, повелѣлъ преподавателю богословія »неуклонно« держаться той системы, которую оставилъ ректоръ[341]. Вербицкій однакожъ не воротился къ училищной своей должности; по окончаніи срока пребыванію въ Петербургѣ, онъ былъ назначенъ въ новгородскій Антоніевъ, потомъ въ Хутынь, потомъ въ Иверскій и наконецъ въ 1778 году въ Кіево-михайловскій монастырь, откуда вскорѣ перешелъ на покой въ Кіево-печерскую Лавру, гдѣ 24 февраля 1790 года и скончался.

Въ 1775 году вспыхнулъ на Подолѣ пожаръ, обратившій въ пепелъ такъ недавно устроенный пріютъ бѣдныхъ воспитанниковъ бурсы. И снова пошли они скитаться по тѣснымъ приходскимъ школамъ, да собирать подаяніе на пропитаніе себя. Благодареніе Богу, что питомцы Академіи имѣли такого протектора, каковъ былъ митрополитъ Гавріилъ! Ни мало не медля, онъ на свое собственное иждивеніе началъ постройку на томъ же мѣстѣ одноэтажной каменной бурсы, и не жалѣя никакихъ издержекъ, въ самое короткое время, успѣлъ собрать и пріютить разсѣянное стадо свое. А между тѣмъ отъ разновременныхъ вкладовъ скоплялась значительная академическая сумма составившая потомъ основной капиталъ училищный. Такъ еще въ 1779 году архимандритъ московскаго Златоустовскаго монастыря *Варлаамъ Барановичъ* внесъ въ кассу Императорскаго Воспитательнаго Дома, для обращенія изъ процентовъ въ пользу Академіи, *двѣ тысячи* рублей; въ тотъ же годъ архимандритъ донскаго монастыря *Варлаамъ Лящевскій* пожертвовалъ на содержаніе учителей еврейскаго и греческаго языковъ *четыре ты-*

сячи руб.; деньги эти въ послѣдствіи, съ согласія самаго жертвователя, обращены были на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ Академіи и положены въ Контору московскаго Государственнаго Банка, для каковой цѣли *Лящевскій* 1766 года присовокупилъ къ нимъ еще *три тысячи*. Въ 1775 году *Самуилъ Миславскій*, бывшій тогда архіепископомъ ростовскимъ и ярославскимъ, внесъ въ Банкъ для той же цѣли *тысячу* рублей. Кромѣ того сама Академія, отъ различныхъ вкладовъ и экономіи, разновременно положила [342] въ Сохранную Казну *сорокъ шесть тысячъ* рублей, для обращенія процентовъ на содержаніе учителей и учениковъ. Но пожертвованіе самаго митрополита Гавріила Кременецкаго превысило всю сумму, какая только была въ запасѣ у Академіи: онъ въ одинъ разъ положилъ въ пользу ея *пятдесятъ восемь тысячъ четыреста двадцать пять* рублей серебромъ[243]. Какъ памятникъ истинно-отеческой заботливости его объ училищѣ, приводимъ сполна распоряженіе, сдѣланное имъ объ этой суммѣ, въ письмѣ отъ 4 сентября 1779 года къ ректору Академіи:

»Во извѣстіе вашей пречестности чрезъ сіе наше начертаніе »предлагаемъ, что по подражанію въ Бозѣ почившихъ прео»священныхъ антецессоровъ нашихъ, благодѣтельствовавшихъ »Академіи здѣшней, и наше намѣреніе, воля и завѣтъ есть, »чтобъ получаемые и впредь получитися имѣющіе изъ москов»скаго Императорскаго Воспитательнаго Дома, въ который от»дано нашихъ денегъ тридцать четыре тысячи для полученія »изъ онаго въ здѣшнюю Академію пяти процентовъ, яко тамо »одинъ оставаться имѣетъ, оные проценты такъ были употре»бляемы, а именно: на 50 студентовъ богословія 500 рублей, на »10 мѣсяцевъ учебныхъ по одному рублю на человѣка, и того »по десяти рублей на каждаго. На студентовъ философіи 50 »по 80 копѣекъ на мѣсяцъ на каждаго, а на всѣхъ на десять »мѣсяцевъ 400 р. На студентовъ и учениковъ риторическихъ 50 же по 60 копѣекъ на мѣсяцъ, а на 10 мѣсяцевъ 300 руб.

»На учениковъ пиитики 50 жъ по 40 копѣекъ на мѣсяцъ, а на »10 мѣсяцевъ 200 рублей на всѣхъ. 100 рублей на каждый годъ »на нынѣ учащихся и впредь когда либо дѣйствительно учитися »имѣющихъ отъ нашего рода по кровной линіи нисходящихъ, »а не по присвоенію и прозваніемъ родовитымъ праотеческимъ »нашимъ имяноватися имѣющимъ, когда кто своего достатка »имѣть не будетъ, и формально о снабдѣніи себя Академію про»сить станетъ, а найпаче сиротствующіе, и того на всѣ выше»показанные лица 1,500 р. отъ 30 000. Процентное же отъ »4,000—200 рублей на содержаніе богадѣльни Трехъ-святитель»ской верхне-кіевской, и въ ней находящихся мужеска и женска »пола престарѣлыхъ, увѣчныхъ и больныхъ до двадцати чело»вѣкъ, каждому по 10 рублей на годъ, а когда ихъ больше »случится, то и поменьше раздѣлять по равной части, дабы »всѣмъ по чему либо стало.

»Производить же показанныя дачи на вышеписанныя уча»щіяся въ Академіи лица, которыя подлинно скудны и не имѣ»ютъ за чѣмъ ученій школьныхъ провожать, а не на таковыхъ, »которые снабдѣніе получать имѣютъ отъ инспекторей, или отъ »назначенія доходовъ отъ приходскихъ церквей или отъ иныхъ »каковыхъ либо способовъ, такожъ и на таковыхъ не произво»дить, которые школьныхъ наукъ теченія уже исполнились, ибо »сіи уже по мѣстамъ должны быть распредѣлены.

»Что же касается до данныхъ нынѣ отъ насъ десяти ты»сячъ рублей, то имѣющіяся быть въ полученіи 500 рублей про»центныхъ отъ нихъ употреблять на покупку книгъ, найпаче »вышедшихъ и впредь выходить имѣющихъ изъ типографій »санктъ-петербургскихъ и университетской московской или изъ »другихъ мѣстъ, полезныхъ для обученія юношества и умно»женія библіотеки академической, на покупку лѣкарствъ для »больныхъ и на заплату лѣкарямъ, на приходящихъ къ соеди»ненію православной нашей Церкви, на вспомоществованіе оныхъ

»найвячше одѣяніемъ, наконецъ и на другія случайныя акаде-
»мическія надобности.

»Однако все вышеписанное, пока Господь Богъ продолжитъ
»нашу жизнь, съ нашего свѣдѣнія и дозволенія чинить желаемъ,
»повелѣваемъ и утверждаемъ симъ нашимъ собственноручнымъ
»учрежденіемъ, а по насъ, съ вѣдомомъ же, благословеніемъ,
»въ случаѣ воспослѣдовавшей надобности, яко ничтоже въ свѣтѣ
»не бываетъ безъ перемѣны, и съ перемѣненіемъ и къ лучшему
»распоряженію преосвященныхъ преемниковъ нашихъ, которыхъ
»Вышняя Десница да благословитъ, умудритъ и да предводи-
»тельствуетъ на всякое благое дѣло Церкви святой и полезное
»отечеству.

»Чтожь паки касается до остатковъ или недостатковъ, мо-
»гущихъ воспослѣдовать въ какой либо суммѣ, то все предо-
»ставляется за жизни нашей нашему, а потомъ ихъ преосвя-
»щенствъ распоряженію и опредѣленію; въ случаѣ достатковъ
»съ пожалованіемъ въ годъ и на учителей до ста рублей. Для
»вѣрности же приходовъ и расходовъ и для отчету законнаго
»должно все быть записывано въ шнуропечатные книги. На-
»конецъ что ни пишется и опредѣляется здѣсь, все то пишется
»для случая (отъ коего Боже всеблагій сохрани!) внезапныя
»кончины жизни нашея, а въ благополучныхъ обстоятельствахъ
»можетъ, когда того надобность усмотрится, перемѣна въ чѣмъ
»либо воспослѣдовать.

»Въ прочемъ вашей пречестности и всей Академіи Божія
»и нашего архіерео пастырскаго благословенія желая, есмъ
»вашей пречестности доброжелательнѣйшій пастырь и молитвен-
»никъ смиренный Гавріилъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.
»*Изъ Кіевософійской каѳедры нашей*«

Потеря библіотеки скоро была вознаграждена. Митро-

политъ Гавріилъ первый открылъ пожертвованія, прислав въ Академію множество богатыхъ книгъ. Знаменитые воспитанники сего училища соревновали ему въ этомъ благородномъ дѣлѣ, и отвсюду получала Академія огромные тюки съ рѣдкими книгами. Казанскій митрополитъ *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ*, *Самуилъ Мисланскій*, архіепископъ ростовскій, *Димитрій Устимовичъ*, епископъ смоленскій, и многіе другіе въ самое непродолжительное время поставили академическую библіотеку въ цвѣтущее состояніе. Даже тѣ, которые не стояли на высокой степени служебной іерархіи, спѣшили своими приношеніями помочь бѣдствовавшему училищу. *Иванъ Самойловичъ*, долгое время бывшій здѣсь учителемъ, завѣщалъ, при смерти своей, Академіи до *двухъ тысячъ* книгъ; *Давидъ Нащинскій*, бывшій ректоръ этого училища, отказалъ ему всю свою библіотеку; *Іеронимъ*, іеромонахъ пустынно-Николаевскаго монастыря, пожертвовалъ *двѣсти тринадцать*,- а *Іоакинѳъ Карпинскій сто девяносто одну* книгу. Сама Академія, по мѣрѣ силъ и возможности, старалась пріобрѣтать все нужное для составленія полной библіотеки,— покупала книги, географическія карты, глобусы и физическіе инструменты.

Около этого времени Кіевъ былъ осчастливленъ прибытіемъ Наслѣдника всероссійскаго престола Великаго Князя Павла Петровича съ супругою его Маріей Ѳеодоровной. 1781 года 31 іюня оповѣщено было объ этомъ магистрату ордеромъ графа П. А. Румянцева—Задунайскаго, »дабы наблю»сти все подобающее, какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ »всѣхъ гражданъ въ разсужденіи приготовленія себе въ одѣяніи »и сбруи на лошадяхъ и пѣшо съ своими знаками, и при»томъ воздвиженія торжественныхъ при въѣздѣ въ городъ »и выѣздѣ изъ онаго воротъ и иныхъ до украшенія города »служащихъ объектовъ. Получивъ въ такой силѣ ордеръ, пишетъ современный очевидецъ этого событія[344], тогожъ вре»мени съѣхались къ преосвященному всѣ господа генералы,

»здѣсь находящіеся при командахъ, а именно: г. генералъ-по»ручикъ и кавалеръ кіевскій оберъ-комендантъ *Кохіусъ*, артил»леріи г. генералъ-маіоръ *Бѣличевъ* и инженерный генералъ»маіоръ *Тучковъ*, г. генералъ-маіоръ *Мезенцовъ*, находящійся »при коммиссаріатѣ; также войтъ коллежскій совѣтникъ *Пи»вваровъ* и г. правящіе: бургомистръ и городовой голова *Да»видовскій*, райца *Рыбальскій*, и обще у преосвященнаго учиня »о приготовленіяхъ консиліумъ, и сколько и на якихъ мѣстахъ »быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмо»трѣть и назначить тѣ мѣста«. Въ слѣдствіе сего положено было первымъ воротамъ быть у Наводницкой пристани близъ самаго моста; вторымъ на выѣздѣ изъ пристани на горѣ у рогатки, третьимъ при въѣздѣ на Подолъ у крещатицкой рогатки, а четвертымъ на выѣздѣ изъ Кіева къ Василькову у рогатки Каменнаго Затону. Составивъ планы, генералъ Тучковъ отправилъ ихъ на утвержденіе къ графу Румянцову, и немедленно за симъ начались необходимыя работы. Между тѣмъ, въ магистратѣ, въ присутствіи всѣхъ членовъ, разсуждаемо было о наилучшемъ украшеніи города и распоряженіяхъ къ пріему Августѣйшихъ гостей, и опредѣлено: 1) »предъ магистратомъ »иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу (каланчу) иллю»миновать разныхъ цвѣтовъ фонарями. 2) Внутрь и внѣ ма»гистрата очистивъ и обѣливъ пристойными меблями и укра»шеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальныхъ паника»дилахъ палату пріоздобить. 3) Реэстровой корогвѣ дать при»казъ о стройности какъ единокалибернаго платья, такъ сбруи »и лошадей, для чего, на смотрѣ ихъ, которые бы въ семъ »неисправны оказались, исключить изъ параду. 4) Двѣнад»цати цехамъ пересмотръ учинить, и которые платьемъ, руж»жемъ (оружіемъ) и собою не сообразовали пригожеству, чтобъ »исключены были. 5) Во всемъ городѣ при воротахъ всякаго »двора отъ хозяевъ по два столба для фонарей выкрашенныхъ »поставить. 6) Всякое въ городѣ ветхое и безобразное строе»ніе иное сломать, а другое обновить. 7) Всѣ мостовыя вы-

»чистить, иныя починить, а другія вновь сдѣлать; въ томъ чи»слѣ и торговыя площади отъ навозу очистивъ, пескомъ бѣ»лымъ усыпать и соснами утыкать. 8) Всякого сорту безъ »потребы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ »города выслать или наказаніемъ унимать. 9) Дать приказъ »чрезъ городничаго всѣмъ хозяевамъ, чтобы собакъ и свиней »изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ »убивать«.

Приводимъ всѣ эти распоряженія, какъ характеристическія черты тогдашняго состоянія Кіева и какъ доказательство усердія и вѣрноподданнической преданности кіевлянъ къ Наслѣднику великой Монархини. Все время отъ 1 августа до конца сентября прошло въ приготовленіяхъ къ пріему Августѣйшихъ гостей, а 11 октября изволили прибыть и Ихъ Высочества. »Графъ встрѣтилъ и препровождалъ узъ (около) карету Ихъ »Высочествъ ѣдучи, и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту »сторону моста верстѣ, то тутъ данъ первый сигналъ ракетою »и на крѣпости выпалено изъ 51 пушки, доколѣ мостъ пере»ѣхали; переѣхавши же мостъ, изволили остановиться немного »предъ воротами въ каретѣ, а на сихъ воротахъ играла му»зыка. Тутъ подошли къ каретѣ г. войтъ съ членами и при»несли подданническое свое поздравленіе съ щастливымъ при»бытіемъ въ Кіевъ, а г. бургомистръ и городскій глава Дави»довскій поднесъ хлѣбъ ржаный ситный и соли на немъ ступ»ка, за что Ихъ Высочества поблагодаря изволили проѣхать »ворота и тамъ высѣдши изъ дорожной кареты своей, изво»лили сѣсть въ парадную графскую, и слѣдовать за передо»выми конвойными таковымъ порядкомъ: въ самомъ передѣ »магистратская реэстровая конница, подъ предводительствомъ »г. Райцы Копыстенскаго въ 130 человѣкъ въ единокалибер»ныхъ и единоформатныхъ тонкаго зеленаго сукна съ золо»тымъ балетомъ черкескахъ, а кафтанахъ красныхъ шелковыхъ, »шапки малиновыя бархатныя съ кистями сребренными, съ

»околицами сѣрыми крымскими, сабли на голо въ рукахъ держа »по четыри человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знаменъ и »прапоромъ, съ трубами и литаврами; за реэстровыми три эска»дрона перваго легкоконнаго кіевскаго, втораго легкоконнаго »сѣверскаго, третьяго ахтырскаго гусарскаго полковъ, ѣхали »подъ командою подполковника полку кіевскаго легкоконнаго »барона *Л. Л. Бенниксена*, и карета, въ которой изволили си»дѣть Ихъ Высочества, а графъ все узъ кареты съ боку вер»хомъ ѣхалъ. За сею другія кареты парадныя графскія ѣхали, »въ которыхъ сидѣла свита Ихъ Высочествъ, какъ то: гене»ралъ аншефъ *Салтыковъ*, статсъ-дамы, фрейлины, камергеры »и прочіе, и какъ подъѣхали со взвозу къ верстѣ второй отъ »крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной »пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изо ста одной пушки »и начался колокольный звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, »при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ. Взъѣхавши же Ихъ Вы»сочества на гору къ другимъ тріумфальнымъ воротамъ, встрѣ»чены были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ ба»таліоннымъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка. Тутъ »неостанавливаясь проѣхали ворота[315]. Отъ тріумфальныхъ во»ротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги 12 це»ховъ въ ружьѣ (подъ ружьемъ) съ знаменами до тысячи че»ловѣкъ, между которыми въ срединѣ изволили ѣхать Ихъ Вы»сочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру кара»бинеровъ, ружьемъ. и въѣхавши въ крѣпость, отправились »прямо въ Лавру, гдѣ у Троицкихъ воротъ, за тѣ ворота вы»шедши, ожидалъ освященный соборъ, во всѣмъ богатѣйшемъ »облаченіи священномъ, состоящій изъ двухъ митрополитовъ »кіевскаго *Гавріила*, греческаго *Серафима*, едного архіепископа греческаго *Никодима* и едного епископа *Кирилла*, 12 ар»химандритовъ — печерскаго *Зосимы*, никольскаго *Епифанія*, »михайловскаго *Тарасія*, братскаго *Кассіана*, кириловскаго *Ки»рилла*, глуховскаго *Мелхиседека*, гамалѣевскаго, батуринскаго »*Владиміра*, густинскаго *Елисея*, мгарскаго ..... *Волошина*

»и двухъ въ Лаврѣ живущихъ Сербина *Витковича* и *Варсоно-*
»*фія* и многихъ игуменовъ и іеромонаховъ, протопоповъ и іе-
»родіаконовъ. И какъ только изволили Ихъ Высочества изъ
»кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ съ крестомъ
»святымъ, къ которому изволили приложиться и проговоря крат-
»кое привѣствіе впереди шествовалъ къ церкви сей соборъ«.

Послѣ обычнаго поклоненія мощамъ, почивающимъ въ ве-
ликой церкви лаврской. Ихъ Высочества отправились во дво-
рецъ, гдѣ Румянцевъ—Задунайскій представлялъ имъ всѣхъ
мѣстныхъ чиновниковъ; а вечеромъ тогоже дня представля-
лись Великой Княгинѣ всѣ знатнѣйшія дамы города. »Сего
»же вечера иллюминовано было во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева,
»а во дворцѣ весь садъ разныхъ цвѣтовъ фонарями и плош-
»ками, и особливою какъ въ саду, такъ и предъ дворцомъ на
»площади холщевою, троечастною картиною, изображающею
»на одной Платона и Прозерпину съ другими символическими
»знаками, которая въ прорѣзныхъ клѣтчатыхъ фигурахъ состо-
»яла; на другой Нептунъ съ купидонами изображенъ. Печер-
»ская же колокольня фигурою пирамиды иллюминована была«.

На другой день (12 октября) Павелъ Петровичъ осматри-
валъ печерскую крѣпость, и за тѣмъ покланялся мощамъ, по-
чивающимъ въ обѣихъ пещерахъ и осматривалъ лаврскую ри-
зницу. Отсюда Его Высочество съ супругою изволили отпра-
виться на Старый Кіевъ и по цалованіи мощей св. Великому-
ченицы Варвары въ монастырѣ Михайловскомъ, привѣтство-
ваны были отъ архимандрита Тарасія рѣчью. Посѣтивъ Со-
фійскій монастырь, Государь Наслѣдникъ съ супругою поѣхали
крещатицкимъ взвозомъ на Подолъ, гдѣ у нарочно устроен-
ныхъ тріумфальныхъ воротъ встрѣчены были войтомъ и всѣми
знатнѣйшими гражданами Кіева съ хлѣбомъ—солью. За симъ
Ихъ Высочества посѣтили Флоровскій женскій монастырь и
обласкавъ нѣкоторыхъ монахинь изъ лучшихъ фамилій, отпра-
вились къ себѣ во дворецъ.

Зданіе магистрата, гдѣ Высочайшіе Гости располагались ужинать, въ этотъ вечеръ было освѣщено блистательно«. »Иллюминація занимала мѣста на 14 саженей длины, а высоты въ срединѣ $6^1/_2$, по концамъ же $3^1/_2$. Въ верху красками изображено было въ променахъ Ея Императорскаго Величества подъ короною вензеловое имя; по сторонамъ Ихъ Высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны; по срединѣ пониже Ихъ Высочествъ Александра Павловича и Константина Павловича; внизу во храмѣ жертвенникъ, а на немъ 13 сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу чиновъ, въ магистратѣ кіевскомъ присутствующихъ; по обѣимъ сторонамъ въ храмѣ по шести человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между тумбами, а подъ ногами всякаго изъ нихъ ремесла его знаки. Въ храмѣ выше жертвенника на тумбахъ съ одной стороны направо книга Высочайшей граматы, жалованной городу Кіеву съ завѣсистою печатью и съ кистьми; съ лѣвой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею снизу до верха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло; вежа (колонча) иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фонарями«.

Кіевляне, обласканные Ихъ Высочествами за ужиномъ, даннымъ въ магистратѣ, не помнили себя отъ восторга, и съ наивной искренностью изъявляли свою радость, завѣщавая потомкамъ хранить ту любовь и привязанность, какими полны были сердца ихъ въ ту незабвенную пору.

Октября 13 осчастливленъ былъ Высочайшимъ посѣщеніемъ и Братскій монастырь съ Академіей. Ихъ Высочества изволили прибыть сюда въ 11 часу утра. »Отецъ архимандритъ, разсказываетъ очевидецъ, и ректоръ Кассіанъ съ префектомъ и учителями Академіи сей и другими того монастыря іеромонахами въ священническомъ облаченіи, съ св. крестомъ Ихъ Высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили и пре-

»проводили въ большую церковь, а студенты отъ вратъ къ цер»кви стояли въ два ряда. Пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ ла»врами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы по сторонамъ »шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь устланъ былъ »сукнами; въ церкви пѣто: *Достойно*, ектенія и многолѣтствіе. »Ихъ Высочества здѣсь изволили прикладываться чудотворной »Божіей Матери иконѣ; послѣ сего отецъ архимандритъ Кас»сіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи »предшествовалъ архимандритъ съ іеромонахами и іеродіако»нами изъ церкви средними дверми, а за ними Ихъ Высоче»ства изволили пойти на верхнія школы, при пѣніи студентами »канта и начавъ отъ философской черезъ большую залу и шко»лу богословскую до церкви студентской, называемой конгре»гація. Изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ шко»лы реторики въ монастырь и въ келліи префектовскія, понеже »новостроющіеся архимандричіи не были отдѣланы келліи. Тутъ »академисты мальчики привѣтствіе сказывали по единому сими »языки: по русску, по польску, по латыни, по нѣмецки, по фран»цузску, по еллиногречески, по еврейску. По сказаніи сихъ рѣчей »отецъ архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя »оды въ тетрадяхъ обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмарша»лимъ графу Понятовскому (его величества короля польскаго »племяннику) и графу Румянцову, и генералитету; тутъ быв»шему, зеленою тафтою, и за симъ изволили отбыть изъ мо»настыря въ провожаніи архимандрита съ соборомъ и съ пѣв»чими«.

Октября 14 въ день рожденія Государыни Маріи Ѳеодоровны, Ихъ Высочества изволили слушать обѣдню въ Софійскомъ монастырѣ, гдѣ проповѣдь говорилъ михайловскій архимандритъ Тарасій, а по окончаніи литургіи и молебствія привѣтствовалъ Ея Высочество самъ митрополитъ поздравительной рѣчью. Вечеромъ была иллюминація во всѣхъ частяхъ города, а передъ дворцомъ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ.

На другой день Высочайшіе Гости стали собираться въ дорогу, и поклонившись въ послѣдній разъ святынѣ кіевопечерской Лавры[346], изволили выѣхать чрезъ васильковскую заставу, сопровождаемые митрополитомъ Гавріиломъ, епископомъ Кирилломъ, архимандритами и безчисленнымъ множествомъ народа[347]. »Когда сей день столь болѣе чувствителенъ былъ въ »скорби, говоритъ очевидецъ, сколь день пришествія Ихъ Им»ператорскихъ Высочествъ въ Кіевъ радостенъ, сего безъ слезъ »и печали описать не можно. Одинадцатое октября былъ »праздникъ веселія, тріумфа и торжества, а пятнадцатое тогожъ »октября сдѣлалось печально, потому тогда мы увидѣли своего »Наслѣдного Государя и дражайшую Его Величества супругу, »ихъ же видѣть желала душа наша. Нынѣ увидѣвъ и дознавъ »высокія милости и любовь ихъ къ намъ, видимъ вмалѣ отлу»чающихся отъ насъ, но Богъ да пошлетъ имъ въ пути ангела »своего свята, хранителя мирна, и будемъ молити его, чтобъ »сподобилися и слыхать и видѣть впредъ Наслѣдного своего »Государя Великаго Князя Павла Петровича и дражайшую су»пругу его Государыню Великую Княгиню Марію Ѳеодоро»вну въ отечествіи своемъ здравыхъ и покрываемыхъ всякою »божескою благостынею[348].

9 Августа 1789 года Кіевъ услышалъ печальный звонъ софійскихъ колоколовъ, и спѣшилъ отдать послѣдній долгъ почившему архипастырю своему. Тридцать восемь дней усопшій іерархъ оставался непреданнымъ землѣ; наконецъ 17 сентября Ѳеофилъ, епископъ черниговскій съ Иларіономъ переяславскимъ, Серафимомъ, митрополитомъ лакедемонскимъ, Кирилломъ, епископомъ сѣвскимъ, предали погребенію останки въ Бозѣ почившаго святителя.

Академія Кіевская, не смотря на заботливость и попеченія просвѣщеннаго архипастыря, быстро начала клониться къ паденію. Ей предстояла слишкомъ неравная борьба съ за-

веденіями, снабженными и лучшимъ методомъ преподаванія, и отличными профессорами и ободрительнымъ вниманіемъ правительства и внѣшними выгодами. Духовныя училища, прежде отъ нея получавшія себѣ наставниковъ, теперь сами достаточно укрѣпились и уже рѣдко обращались къ ней съ прежними прошеніями. Медицинскія заведенія заимствовали отъ ней самыхъ лучшихъ воспитанниковъ, а указъ 1754 года 17 апрѣля[349] былъ причиною того, что немногіе изъ нихъ рѣшались оканчивать полный богословскій курсъ и спѣшили по большей части изъ риторическаго или философскаго класса поступать или въ общую гражданскую службу или по медицинской части.

Не должно однакожъ думать, что Академія совсѣмъ обѣднѣла въ это время отличными воспитанниками, дѣлающими честь ей. Она только потеряла многихъ изъ виду: но утѣшается той увѣренностью, что ихъ знаетъ отечество. Впрочемъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ хранитъ и Кіевская Академія.

Антонскій-Прокоповичъ Антонъ Антоновичъ происходилъ изъ дворянскаго сословія, хотя отецъ его и состоялъ въ духовномъ званіи, будучи священникомъ въ черниговской епархіи. Въ 1773 году *Антонскій* поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, »учился разнымъ языкамъ и наукамъ«. Въ 1782 году онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ перешелъ въ московскій университетъ и поступилъ въ ученіе на иждивеніе Дружескаго Ученаго Общества. Здѣсь онъ началъ слушать лекціи въ медицинскомъ и философскомъ факультетахъ, и черезъ два года получилъ серебряную медаль по предмету химіи и медицинской практики, и въ тоже время съ братомъ своимъ Михаиломъ, Полшиваловымъ, Сохацкимъ и другими издавалъ журналъ: *Покоющійся Трудолюбецъ*. Въ 1785 году *Антонскій* получилъ вторую такую же медаль по факультету философскому, а черезъ годъ по ме-

дицинскому и еще первымъ между воспитанниками. Съ 1784 года начинается собственно ученая многополезнѣйшая служба *Антонскаго*. Въ тридцать четыре года своего возраста онъ отъ перваго чина дошелъ до дѣйствительнаго статскаго совѣтника; отъ баккалавра учительскаго института до заслуженнаго профессора университета[250]. Заслуги его отечественному просвѣщенію по достоинству были награждаемы, какъ Высочайшимъ вниманіемъ, такъ и честію, оказываемою *Антонскому* всѣми учеными обществами въ Россіи. Въ 1805 г. онъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ; въ 1807 орденомъ св. Анны 2 класса; въ 1811 причисленъ къ ордену св. Владиміра 3 степ. и наконецъ въ 1846 году украшенъ орденомъ св. Станислава 1 степени.

Какъ русскій профессоръ, *Антонскій* первый началъ читать въ университетѣ Натуральную Исторію на русскомъ языкѣ. Постоянно вѣрный практическому направленію, онъ въ своихъ урокахъ, полныхъ глубокихъ думъ и многосторонникъ свѣдѣній, чуждался всѣхъ метафизическихъ умозрѣній, которыя всегда мало приносили человѣчеству существенной пользы. Какъ литераторъ, *Антонскій*, по всей справедливости, занимаетъ мѣсто въ ряду знаменитѣйшихъ образователей русскаго слова, отличаясь простотою, точностію и силой своего слога. Послушный генію Карамзина, онъ, подобно ему, избралъ себѣ цѣлію сближеніе литературной нашей рѣчи съ разговорною, упрощеніе языка и сообщеніе ему характера общежительной бесѣды. Занявъ мѣсто предсѣдателя въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, онъ сдѣлался душою и двигателемъ всѣхъ занятій членовъ онаго, и всегда открывая торжественныя засѣданія общества своими рѣчами, съ необыкновеннымъ вниманіемъ и снисходительностію ободрялъ юныя дарованія, появлявшіяся на этой литературной аренѣ. Но главное, чему посвящалъ онъ всѣ силы и способности своей прекрасной души, — это педагогика, понимаемая, не какъ глухая теорія, а какъ разумное примѣненіе высокихъ началъ христіанина

и человѣка русскаго къ юной дѣятельности питомцевъ своихъ. *Антонскій* употреблялъ всѣ средства, какія только могутъ быть въ рукахъ у воспитателя, чтобъ водворить въ сердцахъ юношей духъ вѣры Христовой. »Что наша мудрость и добродѣтель, пишетъ онъ въ своемъ разсужденіи о воспитаніи, если религія »не озаритъ ихъ, — религія, освящающая всѣ наши дѣла, же»ланія, мысли,—религія, преобразующая, обновляющая внутрен»няго человѣка, возносящая его надъ всемъ бреннымъ, ничтож»нымъ и отверзающая предъ нимъ врата неба«! Недремлющій блюститель нравственной чистоты своихъ питомцевъ, *Антонскій* строго взыскивалъ, если заставалъ кого либо изъ нихъ за безполезною или запрещенною книгою. »Воспитатели и наставники, говорилъ онъ, — помыслите, какое сильное вліяніе имѣютъ на »умъ, сердце, нравы, характеръ, на самое счастіе и несчастіе »дѣтей первыя, получаемыя ими впечатлѣнія, первыя понятія, »первые уроки, и вы найдете, что нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ »позволять имъ читать безъ разбору всякую, попадающуюся въ »руки книгу, или говорить при нихъ все, что ни вздумается! »Сколько отъ одного сего погибло дарованій и сколько сердецъ »развратилось!« Ежедневно, послѣ утренней молитвы, отличные ученики поочередно должны были у него читать дневные Апостолъ и Евангеліе. »Мы узнали, пишетъ онъ въ предисловіи къ Дѣтскому Чтенію, похвальное обыкновеніе одного отца, »который всякое воскресенье давалъ дѣтямъ своимъ вытверживать по одному стиху изъ свящ. Писанія. Это обыкновеніе »намъ столько полюбилось, что мы также въ листахъ нашихъ »будемъ помѣщать по одному такому стиху, и совѣтуемъ вамъ »по воскресеньямъ выучивать ихъ наизустъ и никогда изъ па»мяти не выпускать«. Какъ ощутительно во всемъ этомъ вліяніе того училища, которому *Антонскій* обязанъ основнымъ, прочнымъ своимъ образованіемъ! Послѣднее время жизни своей *Антонскій* посвятилъ Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства. *Антонъ Антоновичъ* не издавалъ въ эту пору сочиненій: но до самой кончины своей, послѣдовавшей

6 іюля 1848 года принималъ участіе въ изданіи Земледѣльческаго Журнала Общества, обращая особенное вниманіе на ясность и правильность слога въ хозяйственныхъ статьяхъ. Прахъ *Антонскаго* покоится въ донской обители въ Москвѣ.

Аршеневскій Василій Кондратьевичъ родился 1758 года въ Кіевѣ, гдѣ съ малыхъ лѣтъ отданъ былъ въ ученіе въ Кіевобратскую школу. Не кончивъ здѣсь полнаго курса наукъ, *Аршеневскій* 1774 года былъ записанъ въ гимназію, бывшую при московскомъ университетѣ, гдѣ особенно занялся математикой. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего онъ уже былъ въ должности преподавателя высшаго ариѳметическаго класса въ гимназіи, а по испытаніи (1785 г.) возведенъ въ званіе магистра философіи и свободныхъ наукъ. Послѣ училищной службы при университетѣ въ должности адъюнкта и э. профессора, *Аршеневскій* въ 1805 году за труды свои назначенъ орд. профессоромъ. Самостоятельность мышленія не позволила ему быть только послушнымъ послѣдователемъ прежнихъ системъ. Внимательно слѣдя за ходомъ математическихъ наукъ въ Европѣ, *Аршеневскій* самъ создавалъ многое, благодаря строгому логическому своему уму. Кромѣ профессорской обязанности онъ исполнялъ еще важную должность эфора, соотвѣтствовавшую нынѣшней инспекторской: но усиленныя занятія сократили дни его многополезной жизни. 27 генваря 1808 г. онъ скончался, оплакиваемый благодарными воспитанниками гимназіи и университета[351].

Барсукъ-Моисеевъ Ѳома Ивановичъ, по достиженіи отроческихъ лѣтъ, былъ опредѣленъ родителемъ своимъ, священникомъ черниговской епархіи, въ Академію Кіевскую. Окончивъ философскій курсъ, *Барсукъ-Моисеевъ*, согласно Высочайшему указу 1787 года, поступилъ въ медико-хирургическую академію, и черезъ годъ получилъ званіе университетскаго студента. Каковы были успѣхи его на этомъ новомъ для него поприщѣ,— видно изъ того, что онъ первый изъ питомцевъ универси-

тетскихъ, въ силу данной 1793 года московскому университету привиллегіи, получилъ степень доктора медицины. Вслѣдъ за тѣмъ *Барсукъ-Моисеевъ* возведенъ въ званіе э. орд. профессора физіологіи и діэтетики, въ каковомъ и состоялъ по смерть свою, послѣдовавшую 1811 года[352].

Блонскій Іеронимъ родился во Львовѣ (Лембергѣ) отъ тамошняго священника, и по окончаніи академическаго курса, выѣхалъ въ Харьковъ къ одному изъ помѣщиковъ въ качествѣ домашняго учителя. Возвратясь оттуда, *Блонскій* поступилъ въ Братскій монастырь, въ которомъ, принявъ монашество, началъ проходить разныя послушанія; послѣ чего опредѣленъ былъ экономомъ, а потомъ и намѣстникомъ онаго. Въ 1775 году *Блонскій* произведенъ въ каѳедральные писари, съ правомъ присутствующаго въ консисторіи, а черезъ четыре года въ игумена Петропавловскаго монастыря; 1782 назначенъ каѳедральнымъ намѣстникомъ и игуменомъ Выдубицкимъ, а въ 1790 посвященъ въ архимандриты Михайловскаго монастыря съ назначеніемъ ректоромъ Академіи. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего перемѣщенъ въ Кіево-николаевскій, въ которомъ и скончался 1697 года[353].

Грибовскій Софроній родился въ Малороссіи. Окончивъ курсъ философіи въ Кіевской Академіи, онъ въ 1782 году перешелъ въ Москву для изученія медицинскихъ наукъ и опредѣлился въ московскій госпиталь: но замѣтивъ въ себѣ нерасположенность къ врачебному искуству, вышелъ изъ госпиталя и поступилъ въ молчанскую Софроніеву пустынь, гдѣ и принялъ монашество. Жажда къ познаніямъ однакожъ не оставила его и по принятіи иночества: въ 1787 году онъ опять явился въ Москву и поступилъ въ тамошнюю духовную академію для выслушанія богословскаго курса. Черезъ три года *Грибовскій*, въ званіи іеродіакона, занималъ уже должность законоучителя при московскомъ университетѣ, а 1793 посвященъ въ архимандриты и назначенъ миссіонеромъ въ Пекинъ. Пробывъ тамъ

ровно тринадцать лѣтъ, онъ возвратился въ Россію, и по разстроенному здоровью опредѣленъ было пенсіонеромъ въ московскій Новоспасскій монастырь, гдѣ и скончался 17 мая 1814 г. *Грибовскій* описалъ обратное путешествіе свое отъ Пекина до Кяхты, нигдѣ впрочемъ не напечатанное, и собралъ довольно замѣчаній касательно духовныхъ нашихъ миссій въ Китаѣ[354].

Келембетъ Амвросій родился черниговской губерніи въ м. Чернухахъ отъ тамошняго діакона, принадлежавшаго однакожъ къ дворянскому сословію. Въ 1777 году постриженъ въ монашество въ каѳедральномъ Кіево-софійскомъ монастырѣ и опредѣленъ въ Академію учителемъ греческаго языка. Послѣ того *Келембетъ* преподавалъ тамъ реторику и философію, а 1793 года произведенъ въ архимандриты воронежскаго Акатова монастыря, откуда назначенъ въ новгородскій Антоніевъ, съ званіемъ ректора тамошней семинаріи. Въ 1797 году переведенъ въ Юрьевъ монастырь, а спустя два года хиротонисанъ въ епископа оренбургскаго; 1806 года получилъ указъ быть архіепископомъ тобольскимъ, откуда въ 1822 году удалился на покой въ лубенскій Мгарскій монастырь, гдѣ и скончался 4 іюля 1825 года. Во время архипастырской своей службы *Амвросій* былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени[355].

Киждобрянскій Николай, уроженецъ славяно-сербскій, сначала обучался въ западныхъ училищахъ, а послѣ поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ по окончаніи курса преподавалъ французскій языкъ и философію, не состоя однакожъ префектомъ. Посѣтивъ родину, онъ остался тамъ учителемъ въ школѣ, состоявшей при карловистскомъ митрополитѣ Павлѣ, откуда потомъ перешелъ въ Молдавію, гдѣ въ училищѣ, учрежденномъ при архіерейскомъ домѣ читалъ французскій языкъ, реторику и геометрію. Здѣсь же *Киждобрянскій* принялъ монашество отъ митрополита Викентія, а преемникомъ его Гавріиломъ возведенъ

въ санъ архимандрита. Не смотря однакожъ на благосклонность іерарха и на родственныя привязанности, *Киждобрянскій* стремился душою къ новому своему отечеству, и прибывъ въ Россію, опредѣленъ былъ 1781 года въ новгородскую семинарію учителемъ геометріи и ариѳметики; въ слѣдующемъ же году былъ вызванъ въ петербургскую семинарію для преподаванія, сверхъ сказанныхъ предметовъ, и философіи. Черезъ годъ онъ опять былъ переведенъ въ Новгородъ префектомъ и учителемъ философіи, а еще черезъ годъ снова вызванъ въ Петербургъ на каѳедру философіи, геометріи и нѣмецкаго языка. Въ 1788 году *Киждобрянскій* назначенъ былъ ректоромъ новгородской семинаріи и настоятелемъ Антоніева монастыря. Состоя въ этомъ званіи, онъ 1790 года вытребованъ былъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и въ бытность свою тамъ преподавалъ въ семинаріи экспериментальную физику; послѣ чего назначенъ настоятелемъ Иверскаго монастыря. *Киждобрянскій* скончался 1795 года въ Новгородѣ и погребенъ въ Антоніевѣ монастырѣ[356].

Корчановъ Аѳанасій сначала проходилъ разныя училищныя должности въ черниговской, потомъ въ переяславской семинаріяхъ, и напослѣдокъ въ концѣ 1792 года опредѣленъ префектомъ Академіи, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ званіе вице-ректора, будучи въ тоже время настоятелемъ Выдубицкаго монастыря. Въ 1799 году *Корчановъ* былъ переведенъ въ черниговскій Елецкій монастырь съ назначеніемъ въ ректоры тамошней семинаріи, а 1811 рукоположенъ въ епископа пензенскаго. Разстроенное здоровье и болѣзни не позволили ему долго управлять епархіей. *Аѳанасій* испросилъ себѣ увольненіе отъ службы, и скончался въ Пензѣ на покоѣ[357].

Лебединскій Сильвестръ родился въ Малороссіи, и по окончаніи курса вызванъ былъ Антоніемъ Румовскимъ, епископомъ астраханскимъ, въ тамошнюю семинарію на учительскую

должность. Здѣсь же онъ принялъ монашество, и постепенно проходя классы, достигъ званія ректора и архимандрита Спасскаго монастыря. Въ 1794 году *Лебединскій* былъ переведенъ въ казанскій Свіяжскій монастырь, а черезъ три года опредѣленъ ректоромъ казанской академіи. По должности профессора богословскихъ наукъ онъ составилъ для своихъ слушателей учебникъ: Compendium Theologiae, имѣвшій два изданія въ самое непродолжительное время. Въ 1799 году *Лебединскій* былъ хиротонисанъ въ епископа полтавскаго, и чрезъ нѣсколько времени награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.; 1807 года получилъ назначеніе быть архіепископомъ астраханскимъ: но черезъ годъ испросилъ себѣ увольненіе, по причинѣ разстройства здоровья, и на пути въ глуховскій монастырь скончался въ слободѣ Ровенькахъ, воронежской губерніи, 5 ноября 1808 года[358].

Леонтовичъ Амфилохій. Училищная служба его проходила по разнымъ семинаріямъ; послѣ чего онъ былъ назначенъ архимандритомъ Кіево-николаевскаго монастыря, а въ 1795 году рукоположенъ въ епископа переяславскаго, и въ семъ санѣ скончался 1 іюля 1799 года[359].

Мислављскій Варлаамъ, уроженецъ города Кіева. Онъ прошелъ полный академическій курсъ, и въ 1775 году принявъ монашество, отправленъ былъ въ харьковскій коллегіумъ учителемъ реторики, гдѣ потомъ достигъ званія ректора и сана архимандритскаго. Послѣ онъ былъ переведенъ въ Ростовъ настоятелемъ Борисоглѣбскаго монастыря, съ званіемъ члена консисторіи, а въ 1784 году назначенъ ректоромъ Кіевской Академіи и профессоромъ богословія. Съ упраздненіемъ въ 1786 году Братскаго монастыря *Мислављскому* предоставленъ Кіево-николаевскій, въ которомъ онъ и скончался 30 іюля 1791 г.[360]

Панкевичъ Михаилъ Ивановичъ, публичный ординарный профессоръ прикладной математики въ московскомъ университетѣ, по происхожденію своему принадлежалъ къ духовному

званію. Мѣстомъ рожденія его была Малороссія. Послѣ домашнихъ приготовительныхъ уроковъ, *Панкевичъ* былъ принятъ въ Кіевскую Академію, гдѣ и кончилъ полный курсъ наукъ. Желаніе еще болѣе усовершенствовать себя повлекло его за другомъ своимъ Антонскимъ-Прокоповичемъ въ московскій университетъ. Поступивъ въ него 1780 года, *Панкевичъ* черезъ два года былъ опредѣленъ въ члены учительской семинаріи и избралъ для занятій своихъ математику и физику, изучая въ тоже время натуральную исторію, химію и анатомію. Въ 1787 году онъ былъ уже преподавателемъ въ высшемъ ариѳметическомъ классѣ университетскаго благороднаго пансіона, гдѣ, кромѣ прямаго своего предмета, читалъ артиллерію и фортификацію. Черезъ годъ послѣ сего онъ держалъ экзаменъ на степень магистра философіи и свободныхъ наукъ, написавъ диссертацію, которая едва ли была не первою въ Россіи по предмету тогда еще мало знакомому[361]. Въ 1791 году *Панкевичъ* получилъ каѳедру прикладной математики при московскомъ университетѣ, которую занималъ уже постоянно въ продолженіи двадцати одного года, проходя въ тоже время и другія училищныя должности. Разнообразныя и обширныя свѣдѣнія, основательныя познанія въ физико-математическихъ наукахъ пріобрѣли *Панкевичу* славу мужа ученаго и глубокомысленнаго. Страдая припадками эпилепсіи, *Панкевичъ* скончался скоропостижно на 55 году своей жизни 1812 года[362].

Сохацкій Павелъ Аѳанасьевичъ. публичный ординарный профессоръ эстетики и древней словесности въ московскомъ университетѣ, родился 1765 года, полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда въ с. Свѣтличномъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ родительскомъ, а по двѣнадцатому году поступилъ въ Кіевскую Академію, въ которой и дошелъ до философскаго класса. Въ числѣ отличнѣйшихъ студентовъ Академіи, *Сохацкій* вызванъ былъ въ Москву въ учрежденную 1782 года при московскомъ

университетѣ филантропическую семинарію. Вполнѣ знакомый съ языками греческимъ и латинскимъ, *Сохацкій* живо принялся за изученіе новѣйшихъ языковъ, слушая между тѣмъ въ московскомъ университетѣ уроки математики, натуральной исторіи и медицины. Скоро съ степенью магистра философіи и свободныхъ наукъ *Сохацкій* былъ назначенъ учителемъ риторическаго латинскаго и греческаго классовъ въ обѣихъ гимназіяхъ университета, и за тѣмъ переведенъ въ самый университетъ для преподаванія тѣхже предметовъ, а въ 1801 наименованъ ординарнымъ профессоромъ. Объясняя съ каѳедры образцовыя произведенія древности, *Сохацкій,* по замѣчанію Шевырева, »умѣлъ »открывать подлинныя красоты въ цѣломъ и частяхъ, силу въ »выраженіяхъ, простоту и ясность въ мысляхъ и чувствахъ«, и такимъ образомъ первый оживилъ въ московскомъ университетѣ преподаваніе древнихъ языковъ. Но занимаясь греческой и латинской словесностью, *Сохацкій*, по страсти къ отечественной литературѣ, рѣшился быть журналистомъ; съ этою цѣлію онъ вошелъ въ связи съ учеными тогдашней эпохи Подшиваловымъ и Гавриловымъ, и при пособіи перваго издавалъ въ продолженіи пяти лѣтъ (1793—1798) *Пріятное и полезное препровожденіе времени; Ипокрену или успѣхи любословія* (1799—1801) и *Новости Русской Литературы* (1802 г.). По предложенію куратора Мелиссино, *Сохацкій* вмѣстѣ съ Гавриловымъ началъ съ 1790 г. *Политическій журналъ*, который продолжаемъ былъ потомъ однимъ Гавриловымъ подъ именемъ *Историческаго, статистическаго и географическаго журнала.* Не чуждый современныхъ понятій о художественномъ, *Сохацкій* даже въ легкихъ произведеніяхъ своего пера является поклонникомъ классической древности, сильно возстаетъ противъ появившагося тогда романтизма въ литературѣ, и наставительнымъ эпическимъ твореніямъ отдаетъ полное преимущество предъ прочими произведеніями поэзіи. Сей честный и благонамѣренный труженикъ науки скончался на университетской службѣ 18 марта 1809 года[363].

Ставицкій Анатолій, урожденецъ черниговской губерніи, въ училищахъ которой онъ и началъ первоначальное свое образованіе. Съ реторики онъ уже слушалъ дальнѣйшіе уроки къ Кіевской Академіи, и по окончаніи курса отправился въ Умань, гдѣ тогда существовало знаменитое базиліанское училище; здѣсь изучилъ онъ польскій языкъ и выслушалъ снова курсъ философіи. Отсюда *Ставицкій* поѣхалъ въ Пресбургъ, гдѣ опять занимался уроками философскими и сверхъ того исторіею, географіей, математикой и нѣмецкимъ языкомъ. По возвращеніи въ Россію 1782 года, *Ставицкій* принялъ монашество, и тотчасъ же опредѣленъ былъ къ учительской должности въ Академію, гдѣ преподавалъ латинскую граматику, исторію, географію, и держалъ въ продолженіи года великую инструкцію. Въ 1786 году, по просьбѣ Парѳенія Собковскаго, епископа смоленскаго, перешелъ въ тамошнюю семинарію въ званіи префекта: но черезъ четыре года возвратился назадъ въ Академію и принялъ на себя преподаваніе нѣмецкаго языка. Съ 1793 года назначенъ префектомъ и профессоромъ богословія, и потомъ перемѣщенъ въ Кіево-печерскую Лавру; откуда 1801 года переведенъ въ санѣ архимандрита сначала въ галичскій монастырь костромской епархіи, потомъ въ ростовскій Яковлевскій, и наконецъ въ новгородскій Юрьевскій, гдѣ и скончался на покоѣ[364].

Ставицкій Иннокентій происходилъ изъ дворянъ польскихъ. Службу свою онъ началъ 1786 года въ переяславской семинаріи въ званіи учителя, откуда потомъ переведенъ былъ въ Кіевскую Академію на каѳедру высшаго класса латинской граматики, и постриженъ 1793 года въ монахи въ печерской Лаврѣ. Достигнувъ званія префекта, *Ставицкій* былъ произведенъ въ архимандрита, и назначенъ ректоромъ каменецъ-подольской семинаріи, съ управленіемъ шаргородскимъ монастыремъ, въ которомъ и скончался[365].

Терепкевичъ Аполлосъ служебное поприще началъ

съ учительскаго званія въ новгородской семинаріи, гдѣ и принялъ монашескій постригъ. Когда же митрополитъ Гавріилъ Петровъ 1786 года соединилъ означенную семинарію съ с.-петербургской, оставивъ въ первой только низшіе классы: то *Терешкевичъ* назначенъ былъ игуменомъ Александро-ошевенскаго монастыря, а въ 1790 году переведенъ въ архангельскій съ званіемъ ректора тамошней семинаріи. Черезъ три года получилъ архимандрію въ курскомъ Богородицко-Знаменскомъ монастырѣ, а въ 1813 пожалованъ епископомъ слободско-украинскимъ и рукоположенъ въ Кіевѣ. *Аполлосъ* скончался 12 февраля 1821 года[366].

Трощинскій Димитрій Прокофьевичъ родился 1754 года въ одномъ изъ селеній около Полтавы. Отецъ его, проской казакъ, Прокопъ Трощина, обучивъ сына своего грамотѣ у приходскаго дьячка и замѣтивъ въ немъ охоту къ дальнѣйшему ученію, отослалъ въ кіевскую бурсу. Двадцати лѣтъ отъ роду *Трощинскій* явился на родину съ академическимъ свидѣтельствомъ о своихъ успѣхахъ и знаніи разныхъ наукъ. Не долго думая, обрадованный отецъ порѣшилъ женить его; за сыномъ остановки не было. Ловкій, красивый, образованный юноша нашелъ уже себѣ по сердцу дѣвушку и отправился въ Полтаву къ бунчуковому товарищу и войту Петру Чарнышу просить позволенія на женитьбу и мѣста волостнаго писаря на открывшуюся въ селеніи ихъ вакансію. Поговоривъ съ просителемъ и разсмотрѣвъ документы его, Чарнышъ положилъ открыть молодому человѣку лучшую карьеру, и отказавъ ему въ первой просьбѣ, самъ отвезъ въ малороссійскую коллегію, сдавъ на руки другу своему генеральному писарю Василію Григорьевичу Туманскому[367]. Здѣсь *Трощинскій* сошелся съ своими сотоварищами по школѣ Безбородкомъ и Завадовскимъ, занимавшими уже тогда высокія степени при президентѣ коллегіи графѣ П. А. Румянцевѣ. Принятый ими подъ непосредственное покровительство, *Трощинскій* началъ трудиться на новомъ

для него поприщѣ, и не болѣе какъ черезъ три года самъ занялъ значительное мѣсто, поступивъ секретаремъ къ князю Н. В. Репнину, находившемуся тогда въ Константинополѣ. При усердіи къ занятіямъ, при отличныхъ дарованіяхъ, руководимый такимъ великимъ министромъ и утонченнымъ дипломатомъ, *Трощинскій* скоро достигъ полнаго совершенства въ письмоводствѣ и обнаружилъ особенное искуство въ дѣлахъ. Когда возгорѣлась война между Россіей и Турціей, то князь Репнинъ передалъ его Безбородку, и съ этой поры *Трощинскій* быстро пошелъ по степенямъ службы государственной. Въ самое короткое время онъ былъ пожалованъ членомъ главнаго почтоваго правленія, и въ 1793 году переведенъ въ званіи статсъ-секретаря къ самой Императрицѣ. Великая Государыня, уже имѣвшая при себѣ двухъ знаменитыхъ людей просвѣщенной Украйны, съ удовольствіемъ увидѣла, что и третій единоземецъ ихъ достоинъ Высочайшаго ея вниманія. Поручивъ ему дѣла по внутреннему управленію своей собственной канцеляріи, Императрица черезъ годъ возложила на *Трощинскаго* орденъ св. Владиміра 2 степ. и до конца жизни своей удостоивала его Монаршаго благоволенія. На престолъ всероссійскій вступилъ Павелъ I; многочисленныя перемѣны въ государственной бюрократіи не коснулись однакожъ *Трощинскаго*. Онъ удержался въ своемъ почетномъ званіи, и заслужилъ даже милости Императора, который въ самое короткое время пожаловалъ ему орденъ св. Анны 1 степ., св. Александра Невскаго, командорственный крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго и тысячу двѣсти душъ крестьянъ; наименовалъ сенаторомъ, присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училища св. Екатерины, съ сохраненіемъ званія статсъ-секретаря. Императоръ Александръ I, оставивъ его въ сей же должности, возвелъ кромѣ того въ достоинство главнаго директора почтъ и члена государственнаго совѣта (1801), и въ томъ же году пожаловалъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а вслѣдъ за симъ министромъ удѣловъ,

Управленіе удѣльнымъ и почтовымъ департаментами доставило *Трощинскому* почетнѣйшее названіе истинно великаго государственнаго человѣка, ибо какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ (6 февраля 1806 года) по первому изъ нихъ, онъ »ока»залъ соблюденіе хозяйственной бережливости и пользы казен»ной во всѣхъ оборотахъ денежныхъ суммъ и капиталовъ, »оному департаменту принадлежащихъ, рачительную дѣятель»ность въ управленіи подвѣдомыхъ оному крестьянъ, неусы»пное попеченіе о ихъ благѣ, доброе устройство и полезные »успѣхи въ заведеніяхъ, оному подчиненныхъ; по второму зна»тное приращеніе противу прежнихъ лѣтъ почтоваго дохода и »неупустительную точность въ важномъ обращеніи суммъ, »переходящихъ на почтѣ и простирающихся на многіе мил»ліоны«. *Трощинскій*, говоритъ И. В. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, »есть человѣкъ, отличною твердостію и рѣдкимъ въ »дѣлахъ государственныхъ искуствомъ одаренный«. Но многообразныя занятія и труды разстроили здоровье знаменитаго министра; онъ нашелъ себя вынужденнымъ просить увольненія отъ службы, и съ пенсіономъ полнаго жалованья, сверхъ получаемаго имъ оклада по званію главнаго директора почтъ и министра удѣловъ, *Трощинскій* отправился на родину. Полтавское дворянство, изъ признательности къ славному своему единоземцу, немедленно избрало его губернскимъ предводителемъ: но не долго однакожъ видѣло его на этомъ, хоть и почетномъ, но тѣсномъ для его геніальнаго ума посту. Въ 1814 году Государь снова пригласилъ *Димитрія Прокофьевича* въ столицу и вручилъ ему портфель министра юстиціи. Три года прослужилъ еще отечеству шестидесятилѣтній старецъ: но почувствовавъ изнеможеніе силъ, онъ опять заговорилъ объ отставкѣ, и 1817 года уволенъ былъ съ пенсіономъ по десяти тысячъ рублей въ годъ. Пять лѣтъ оставался онъ въ Петербургѣ въ кругу друзей, уважавшихъ его великій умъ и прекрасное сердце. Не скучно, казалось бы, было ему среди такихъ людей, каковъ знаменитый нашъ вождь князь М. И. Ку-

тузовъ-смоленскій, привязанный когда-то къ нему крѣпкою дружбой и глубокимъ уваженіемъ, но упредившій друга своего отшествіемъ въ вѣчность Не ко многимъ писалъ побѣдитель Наполеона объ успѣхахъ своихъ на полѣ великой битвы народовъ, а *Трощинскій* былъ исключеніемъ; за тожъ немногіе и привѣтствованы такими словами, какими благословлялъ онъ побѣдоноснаго вождя-друга своего. »Помоги вамъ, Господи, писалъ онъ князю, истребить сопостата вконецъ! Тогда съ от»радою я сниду во гробъ, и сею отрадою буду одолженъ вамъ. »Горестно жалѣете вы, что не могли отстоять первопрестоль»наго града нашего. Конечно, несказанно жаль: но кто мо»жетъ бороться противъ судьбы? И льзя ли было предполо»жить, чтобы врагъ, пощадившій столько столицъ, готовился »излить на Москву хладнокровно всю ярость свою? Таковъ былъ »ей назначенъ неминуемый и неотвратимый рокъ! Пожарскій »не могъ защитить матери русскихъ градовъ: онъ изгналъ изъ »нея врага, слабѣйшаго сто кратъ того, который бѣжитъ те»перь отъ лица вашего; судьба сравняла васъ съ симъ вели»кимъ мужемъ; оба вы въ памяти благодарнаго потомства оста»нетесь избавителями отечества. Пала Москва; но опершись »на васъ, устояла Россія«.

Въ 1822 году *Димитрій Прокофьевичъ* удалился въ с. Кибинцы, полтавской губерніи, миргородскаго уѣзда. Здѣсь знаменитый старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи, окруженный своими домашними и земляками, которые, забывая въ немъ великаго государственнаго человѣка, утѣшали его всемъ, что могла внушить имъ искренняя любовь и привязанность, чуждая холоднаго этикета и стѣснительныхъ приличій. Любимѣйшимъ собесѣдникомъ *Трощинскаго* въ эту пору былъ родственникъ и пріятель его Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, отецъ нашего несравненнаго писателя—поэта. Здѣсь-то разыгрывались тѣ комедіи, отрывки которыхъ мы видимъ только въ эпиграфахъ повѣстей Гоголя; среди этихъ-то сценъ разглаживалось много-

думное чело министра, вѣяло освѣжающее дыханіе давноминувшихъ дней юности и забывалось безконечное различіе между хозяиномъ и гостями, одинаково радушными[368].

Димитрій Прокофьевичъ уже приближался къ той чертѣ, за которою наступаютъ неизбѣжные »трудъ и болѣзнь«. »Вижу, писалъ онъ къ одному изъ пріятелей своихъ передъ самой кончиною, что борьба жизни моей съ смертію скоро кончится, »ибо послѣдней служитъ надежной помощницей моя старость«. За шесть дней до смерти онъ пріобщился св. таинъ; на другой день объявилъ собственноручно написанное имъ духовное завѣщаніе; черезъ два дни пожелалъ собороваться масломъ, и съ этого времени уже не отпускалъ отъ себя священника, упросивъ его поперемѣнно читать то Евангеліе, то Псалтирь; наконецъ самъ приказалъ отправить отходныя молитвы, и 26 февраля 1829 года мирно скончался, сохранивъ до послѣдней минуты зрѣніе, слухъ, память и совершенное присутствіе разсудка[369].

Устимовичъ Димитрій, какъ одинъ изъ отличныхъ воспитанниковъ, тотчасъ, по окончаніи курса, опредѣленъ былъ учителемъ высшаго класса латинской граматики и греческаго языка, потомъ преподавателемъ піитики и риторики, отправляя въ тоже время великую инструкцію. Въ 1778 году *Устимовичъ* постриженъ въ монашество въ Братскомъ монастырѣ и продолжалъ проходить училищныя должности; достигнувъ званія префекта, онъ былъ произведенъ потомъ въ игумены Золотоношскаго монастыря, а въ 1785 году опредѣленъ ректоромъ Академіи и профессоромъ богословія. За упраздненіемъ Кіево-братскаго монастыря, *Устимовичу* данъ былъ въ управленіе Выдубицкій, котораго онъ былъ однакожъ только игуменомъ. Въ 1791 году произведенъ въ архимандрита Вознесенскаго монастыря, что въ Переяславлѣ, и спустя два года посвященъ въ епископа переяславскаго, съ званіемъ коадъю-

тора кіевской митрополіи; въ 1795 переведенъ въ Смоленскъ, гдѣ 26 мая 1805 года и скончался[370].

Фальковскій Иринеи родился 1762 года въ с. Бѣлоцерковкѣ близъ Кіева. Отецъ его, бывшій тамъ священникомъ, лишившись супруги, повезъ любимаго и единственнаго сына своего въ Кіевскую Академію, и постригшись въ Братскомъ монастырѣ въ монахи, самъ непосредственно сталъ наблюдать за успѣхами своего *Іоанна*. Въ 1775 году родитель *Фальковскаго* отправился въ Венгрію настоятелемъ русской церкви, находившейся въ Токаѣ; онъ взялъ съ собою сына, назначивъ его къ исправленію причетнической должности, а между тѣмъ опредѣлилъ его въ піарскую школу. Здѣсь *Фальковскій* окончательно изучилъ языки латинскій и нѣмецкій, и потомъ перешелъ въ презбургскую гимназію, гдѣ выслушалъ реторику. Въ 1779 году, по смерти отца своего, онъ отправился въ Пестъ и поступилъ въ цесарско-королевскую гимназію, въ которой, въ теченіи семи мѣсяцевъ, обучался философіи, исторіи и математикѣ, а въ 1780 перешелъ въ Офенскій университетъ, гдѣ слушалъ уроки физико-математическихъ наукъ. Въ слѣдующемъ году *Фальковскій* опредѣлился въ канцелярію Россійской Миссіи, находившейся въ Вѣнѣ: но черезъ мѣсяцъ перешелъ въ число канцелярскихъ служителей при Токайской Россійской Коммиссіи и продолжалъ заниматься уроками философскими. Въ 1783 году онъ былъ отпущенъ въ Россію и прибывъ въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, гдѣ изучалъ богословіе и языки французскій и еврейскій; въ томъ же году, будучи еще студентомъ, онъ опредѣленъ былъ учителемъ ариѳметическаго класса, а по окончаніи курса преподавалъ въ Академіи же латинскій и нѣмецкій языки, математику, архитектуру и философію. Вообще, *Фальковскій*, обладавшій многостороннею ученостью, былъ самымъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Академіи; его употребляли всюду, гдѣ не доставало профессора, и всякая наука выходила полною и совер-

шенною изъ художническихъ рукъ его. Среди такихъ занятій *Фальковскій* пожелалъ принять монашество, и въ 1786 году постриженъ и нареченъ *Иринеемъ*. Черезъ три года послѣ сего онъ назначенъ архимандритомъ Гамалѣевскаго монастыря, а въ 1803 переведенъ въ Кіево-братскій и принялъ ректуру Академіи; недолго однакожъ занималъ онъ эту должность, ибо въ 1807 году былъ пожалованъ въ епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, и на четвертомъ году своего служенія Высочайше удостоенъ ордена св. Анны 1 степ.; въ 1812 *Фальковскій* былъ переведенъ въ смоленскую епархію, но въ слѣдующемъ же году перепросился въ Кіевъ на прежнюю должность викарія. Здѣсь, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ, онъ все время посвящалъ тѣмъ занятіямъ, которыя такъ дороги были ему въ лучшую пору жизни. Доселѣ еще помнятъ кіевляне его рѣчи, полныя помазанія; доселѣ благодарное воспоминаніе о *Фальковскомъ*, какъ о наставникѣ, живо въ его воспитанникахъ, нынѣ уже посѣдѣвшихъ[371]. Многочисленныя его сочиненія, изъ которыхъ самая большая часть, къ сожалѣнію, доселѣ остается въ рукописяхъ, свидѣтельствуютъ о той ревности, которая не покидала его до послѣднихъ дней жизни[372]. *Фальковскій* скончался 29 апрѣля 1823 года и погребенъ въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ съ лѣвой стороны придѣла св. великомученицы Варвары[373].

Шванскій Михаилъ первоначальное образованіе получилъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, а курсъ высшихъ наукъ слушалъ въ Кіевской Академіи. По возвращеніи на родину, *Шванскій* вступилъ въ учительское званіе, и въ 1778 году былъ префектомъ и учителемъ богословія. Онъ скончался 10 іюня 1790 года въ санѣ протоіерея, оставивъ по себѣ память ревнителя просвѣщенія и проповѣдника слова Божія[374].

Ясновскій Даніилъ Емельяновичъ родился въ малороссіи и происходилъ изъ духовнаго званія. По окончаніи кур-

ся наукъ, онъ поступилъ на службу въ канцелярію графа Румянцева-Задунайскаго. Отличныя способности и усердіе скоро были замѣчены великимъ мужемъ, и *Ясновскій* назначенъ къ особѣ фельдмаршала въ генеральсъ-адъютанты. Въ этой должности онъ состоялъ до самой смерти героя, закрылъ ему глаза и потомъ былъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ при дѣлежѣ наслѣдства между тремя сыновьями усопшаго. Благодарные наслѣдники единодушно пожелали отблагодарить чѣмъ нибудь *Ясновскаго* за его честность и добросовѣстные труды; они подарили ему, на егоже родинѣ, на берегу Десны, село въ триста душъ крестьянъ. Обезпеченный такимъ образомъ, *Ясновскій* въ концѣ прошедшаго столѣтія поѣхалъ служить въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ директоры банка: но черезъ нѣсколько времени, отказавшись отъ всякой должности, вышелъ въ отставку, женился и началъ жить семейственною жизнію въ своей деревнѣ. Болѣе двадцати лѣтъ провелъ онъ въ своемъ мирномъ уединеніи; наконецъ въ 1827 году принялъ должность директора нѣжинскаго лицея. Современникъ и сослуживецъ его К. такъ отзывается о *Ясновскомъ;* »добрый, умный, краснорѣчивый, онъ былъ живой исторіей XVIII вѣка. Чего »онъ не зналъ? Чего не видалъ? Съ кѣмъ изъ знаменитыхъ »людей не былъ въ сношеніяхъ? Нѣкоторые сановники народно пріѣзжали въ Нѣжинъ, чтобъ повидаться съ прежнимъ »своимъ товарищемъ, добрымъ Данилою Емельяновичемъ[375]«. *Ясновскій* умеръ 1829 года въ имѣніи своемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

САМУИЛЪ МИСЛАВСКІЙ.

Учрежденіе кіевскаго намѣстничества. Гербъ города Кіева. Неустройство въ городѣ отъ его мѣстоположенія. Учрежденіе управы благочинія. Раздѣленіе Кіева на части и кварталы. Планъ города. Біографія митрополита Самуила. Прибытіе его въ Кіевъ. Раздача книгъ и денегъ студентамъ. Преобразованіе Академіи по гимназической программѣ. Заботы Самуила о преподаваніи русскаго языка. Возвышеніе каѳедры русской словесности. Отправка студентовъ въ московскій университетъ. Назначеніе рѣпетитора въ Бурсу. Заботы митрополита о языкахъ новѣйшихъ. Преподаватели-иностранцы. Посылка студентовъ за границу. Упраздненіе каѳедры французскаго языка. Французъ Брульонъ, преподаватель математики. Надзоръ за иностранными учителями. Высылка студентовъ въ виленскій университетъ. Преподаваніе польскаго языка. Иринеій Фальковскій, преподаватель математики. Классъ рисованія. Введеніе другихъ наукъ. Устройство библіотеки. Уничтоженіе сбора подаяній. Прибавка жалованья наставникамъ. Прибытіе въ Академію воспитанниковъ изъ-за границы. Отправка студентовъ въ медицинскія училища. Поступленіе академистовъ въ учители народныхъ училищъ. Отзывы графа Завадовскаго. Поступленіе академистовъ въ гражданскую службу. Требованія отъ разныхъ лицъ на счетъ студентовъ. Упраздненіе Братскаго монастыря. Указъ о переводѣ Академіи. Скорбь ея. Прибытіе Екатерины II въ Кіевъ. Торжества по сему случаю. Дары Императрицы Лаврѣ. Ходатайство Самуила объ Академіи. Государыня посѣщаетъ Академію. Рѣчь ректора Варлаама. Милости Государыни. Увеселенія въ Кіевѣ. Прощальная рѣчь митрополита Самуила. Отъѣздъ Государыни. Приношенія частныхъ лицъ въ пользу Академіи. Обновленіе конгрегаціонной церкви. Поправка академическихъ службъ. Дѣло съ магистратомъ. Наставники Академіи. Преобразованіе кіевской епархіи въ штатное положеніе. Принятіе отъ Печерской Лавры и монастырей принадлежавшихъ имъ имѣній. Митрополиту присвояется званіе священноархимандрита Кіево-печерской Лавры. Состояніе церкви православной на юго-западѣ. Гоненія отъ католиковъ и унiатовъ на всѣхъ диссидентовъ. Послѣдній раздѣлъ Польши. Слѣдствія этого. Кончина митрополита

Самуила. Извѣстнѣйшіе воспитанники сей эпохи: Андріевскій Иванъ. Ведель Артемій. Лагановскій Іакинѳъ. Писнячевскій Меѳодій. Подолинскій Иванъ. Смирницкій Антоній.

1783—1796.

Царствованіемъ Императрицы Екатерины II началась истинная эра благосостоянія Россіи, преобразованной Великимъ Петромъ. Кіевъ, какъ уже совершенно вошедшій въ семейный составъ городовъ россійскихъ, неизбѣжно долженъ былъ участвовать во всѣхъ благодѣтельныхъ измѣненіяхъ, какія находила нужными мудрая Повелительница имперіи. Болѣе года прошло съ того времени, когда, въ слѣдствіе особаго учрежденія, Россія раздѣлилась на намѣстничества, со введеніемъ систематически правильнаго судопроизводства по всѣмъ отраслямъ гражданственной администраціи. Наконецъ 9 генваря 1782 года открыто и кіевское намѣстничество, заключившее въ себѣ уѣзды: кіевскій, голтвянскій, городисскій, золотоношскій, козелецкій, лубенскій, миргородскій, остерскій, переяславскій, пирятинскій, хорольскій.

Въ томъ же году (4 іюля) Высочайше утвержденъ гербъ города Кіева, представляющій въ голубомъ полѣ архангела Михаила съ обнаженною главой и съ мечемъ въ рукѣ, а также гербы и другихъ городовъ намѣстничества.

Но много еще нужно было заботъ и попеченій, чтобъ воздвигнуть Кіевъ въ красотѣ и славѣ изъ праха, покрывавшаго его столько вѣковъ, чтобъ установить удобное и безопасное сообщеніе между тремя частями города — Печерскомъ, Подоломъ и Старымъ Кіевомъ, раздѣленными между собой горами, оврагами и густыми лѣсами, въ которыхъ кое-гдѣ едва замѣтна была тропинка для путника. Пограничное положеніе Кіева съ польскими владѣніями много способствовало стеченію сюда всѣхъ бродягъ и дезертировъ, жившихъ среди самаго города грабе-

жомъ и даже убійствомъ. Разсказы старожиловъ объ этихъ происшествіяхъ полны ужасающихъ подробностей, такъ что невольно скажешь: »свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ«.

Очевидно, что учрежденіе управы благочинія и особенно правильной полиціи было для Кіева истиннымъ благодѣяніемъ. Въ осмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія народонаселенія больше всего было на Подолѣ, гдѣ, какъ видно изъ свѣдѣній, представленныхъ 1785 года графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ Императрицѣ, находилось купеческихъ домовъ 10, мѣщанскихъ 1,974, разночинческихъ 89, владѣльческихъ подданныхъ 37; а между тѣмъ на Печерскѣ купеческихъ 20, мѣщанскихъ 46, разночинческихъ 315, солдатскихъ 632, владѣльческихъ подданныхъ 172. Меньше всѣхъ была населена часть, называвшаяся Старо-кіевской крѣпостью, гдѣ купеческихъ домовъ былъ 1, мѣщанскихъ 54, разночинческихъ 222, солдатскихъ 305; всего значитъ *три тысячи восемьсотъ девяносто девять* домовъ. По штату, Высочайше утвержденному 7 октября 1785 года, положено быть на Подолѣ четыремъ частямъ, съ раздѣленіемъ каждой на пять кварталовъ; на Печерскѣ двумъ частямъ, съ раздѣленіемъ каждой на три квартала; въ Старо-кіевской крѣпости только три квартала[376]; а 1787 года 17 апрѣля утвержденъ и планъ Кіева, въ слѣдствіе чего повелѣно почитать главною частію города такъ названную Владимірову, и немедленно приступить къ переноскѣ нѣкоторыхъ зданій, вошедшихъ въ распланированныя улицы.

Кіевской іерархіи также готовилось преобразованіе. Съ кончиною митрополита Гавріила Кременецкаго суждено было окончиться прежнему порядку вещей, и все согласно и совокупно должно было пойти къ одной цѣли, указываемой Державною рукою.

Въ тотъ самый годъ, когда скончался Гавріилъ, Кіевъ 29

ноября увидѣлъ новаго архипастыря, бывшаго нѣкогда его питомцемъ и прошедшаго всѣ наставническія должности въ древнѣйшемъ его училищѣ. Это былъ тотъ самый Самуилъ Мисланскій, который лучшую пору жизни своей провелъ въ стѣнахъ Кіево-братскаго монастыря. Сюда привезенъ былъ онъ отрокомъ изъ с. Полошекъ, глуховскаго полку, родителемъ своимъ, священникомъ Григоріемъ. Въ записи, представленной отцомъ академическому начальству, значилось, что сынъ его Симеонъ родился 24 мая 1731 года[377], что онъ обученъ нѣсколько славянской грамотѣ и умѣетъ пѣть на клиросѣ. Принятый въ школу, Мисланскій началъ проходить всѣ классы отъ низшаго до самаго высшаго, и въ 1754 году, по окончаніи курса, принявъ монашество въ Кіево-печерской Лаврѣ, съ переименованіемъ въ Самуила, немедленно опредѣленъ былъ къ учительской должности въ Академію. Три года слишнимъ несъ онъ обязанности учителя низшихъ школъ, и потомъ 1757 года опредѣленъ былъ префектомъ и профессоромъ философіи, а черезъ два года и преподавателемъ богословія съ исправленіемъ ректорской должности. Въ 1761 году Самуилъ былъ посвященъ въ архимандриты Братскаго монастыря и утвержденъ въ званіи ректора Академіи и члена дикастеріи. Неусыпныя занятія по всѣмъ возложеннымъ на него должностямъ имѣли слишкомъ ощутительное вліяніе на здоровье Самуила, такъ что 1766 онъ нашелся вынужденнымъ оставить на время каѳедру богословія, и принять ее снова уже по двухлѣтнемъ отдохновеніи. Въ 1768 году, по указу св. Синода, онъ былъ переведенъ въ Кіево-николаевскій монастырь, а черезъ два мѣсяца вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ. Удостоенный Высочайшаго вниманія Великой Государыни, Самуилъ въ томъ же году былъ рукоположенъ епископомъ въ Бѣлгородъ, а черезъ три года переведенъ въ Москву на крутицкую епархію, съ пожалованіемъ въ члены Синодальной Конторы, и съ порученіемъ надзора за окончаніемъ обновленія московскихъ соборовъ. За сіи труды онъ удостоился получить отъ Императрицы титло

члена св. Синода и алмазную панагію[376]; послѣ чего 1776 года Самуилъ былъ переведенъ въ ростовскую епархію, и черезъ годъ пожалованъ саномъ архіепископа. По полученіи извѣстія о кончинѣ Гавріила Кременецкаго, Самуилъ 23 сентября того же года Высочайше пожалованъ митрополитомъ кіевскимъ, съ предоставленіемъ ему званія члена св. Синода и съ правомъ ношенія бѣлаго клобука.

Не безъ душевнаго, конечно, волненія вступалъ архипастырь въ знакомую ему священную обитель, гдѣ почти за три десятилѣтія онъ самъ произнесъ обѣтъ монашества; не безъ тайнаго удовольствія принималъ онъ потомъ привѣтствія отъ воспитанниковъ Академіи, вспоминая и свое давноминувшее. Опытно зная, какъ много значитъ для всякаго изъ нихъ архипастырское вниманіе, Самуилъ съ перваго же раза рѣшился привязать къ себѣ студентовъ, раздавъ поздравителямъ книги, а на всѣхъ прочихъ приказавъ раздѣлить изъ процентной академической суммы двѣсти рублей.

Академія прежде и главнѣе всего озабочивала просвѣщеннаго архипастыря. Объѣхавъ большую часть Россіи, побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ внимательно присматривался къ требованіямъ народнаго образованія, и къ прискорбію видѣлъ, что самыя младшія изъ училищъ уже начинали опережать родоначальницу свою—Академію Кіевскую, что въ ней недоставало именно того, что составляло первый параграфъ русской грамотности, то есть надлежащаго развитія словесныхъ наукъ, что за древними языками оставляются въ пренебреженіи новѣйшіе, и ученые академисты мало заботятся о чистотѣ и правильности рѣчи и самаго выговора, мѣшая съ словами русскими малороссійскія, польскія и даже латинскія, придавая имъ самыя несвойственныя ударенія. Самъ отличный латинистъ, Самуилъ первый возсталъ противъ деспотическаго владычества этого языка и тотчасъ же поставилъ его на второмъ планѣ преподавательной програмы.

Первымъ дѣломъ Самуила было введеніе преподаванія чисто русскаго языка. Для этого предписаніемъ отъ 13 февраля 1784 года онъ указалъ Академіи включить въ число наставниковъ студента богословія *Димитрія Сигиревича*[379], уроженца московской губерніи, повелѣвъ ему »быть учителемъ россійской »поэзіи и елоквенціи и производить оное ученіе по правиламъ »поэзіи, напечатаннымъ въ Москвѣ, ораторію же по правиламъ »господина Ломоносова«. Заботливый протекторъ Академіи самъ даже составлялъ инструкцію для класса словесности, предписавъ читать уроки »во вторникъ, четвергъ и субботу по утру деся»таго и одинадцатаго часовъ, чего для ученіе латинской поэзіи »и ораторіи въ сіи дни оставить, а вмѣсто того всѣмъ учени»камъ латинской поэзіи и риторики учиться у него господина »Сигиревича въ одномъ мѣстѣ россійской поэзіи и элоквенціи«[380]. Вмѣстѣ съ этимъ на счетъ Академіи отправлены были три лучшихъ студента *Никита Соколовскій*, *Павелъ Логиновскій* и *Даніилъ Домонтовъ* въ московскій университетъ съ крѣпкимъ наказомъ, чтобъ они какъ можно старались изучить великороссійскій говоръ и произношеніе. По окончаніи курса словесныхъ наукъ, они обязаны были возвратиться въ Кіевъ для поступленія на учительскія должности. Наличные учители также въ свою очередь получили отъ митрополита предписаніе, наблюдать сколько возможно, чтобы въ ихъ урокахъ не страдалъ языкъ русскій. Такимъ образомъ іеродіакону *Анатолію*, назначенному преподавателемъ географіи и исторіи, строго указано было »изъяснять оныя на россійскомъ языкѣ, съ наблюденіемъ »выговора, каковъ употребляется въ Великороссіи«. Учителю высшаго класса французскаго языка *Лапкевичу* велѣно держаться русскаго руководства въ преподаваніи »съ наблюденіемъ тако»го же выговора, каковъ для географіи и исторіи предписанъ«; уроки же правильнаго чтенія и произношенія по французски предоставлены низшему классу, состоявшему въ завѣдываніи природнаго француза *Петра де Конвента*. Самые дѣти не оставлены безъ вниманія ревнительнымъ архипастыремъ. Онъ

учредилъ особаго репетитора въ сиротскомъ домѣ (Бурсѣ) изъ монаховъ, для обученія живущихъ тамъ мальчиковъ россійской грамотѣ, подтвердивъ и ему какъ можно стараться о правильнѣйшемъ выговорѣ. Настойчивость Самуила была такъ велика, что нѣкоторые наставники откровенно отнеслись къ нему представленіемъ о своей неспособности строго исполнять его волю, извиняясь тѣмъ, что они никакъ не въ состояніи перемѣнить своего малороссійскаго выговора.

Покончивъ дѣло съ языкомъ русскимъ, Самуилъ обратился къ языкамъ новѣйшимъ, употребляемымъ въ тогдашнихъ лучшихъ обществахъ. Мы уже видѣли, какъ заботился онъ объ этомъ, будучи только ректоромъ Академіи; теперь ближе присмотрѣвшись къ потребностямъ вѣка, онъ усилилъ старанія, и въ первый же годъ своего архипастырства началъ отыскивать знатока въ языкѣ нѣмецкомъ. Митрополиту рекомендовали учителя граматики *Ивана Якимова Фальковскаго*, который немедленно и опредѣленъ былъ въ классъ нѣмецкій: но пробывъ тутъ всего только годъ, онъ уступилъ мѣсто это студенту *Александру Бутомичу*. Къ этому времени прибылъ въ Кіевъ иностранецъ *Фегенъ*, который тотчасъ, согласно прошенію, былъ назначенъ въ Академію учителемъ нѣмецкаго языка. Ему вмѣнено было въ обязанность преподавать граматическія правила »на »россійскомъ языкѣ, какъ должно, и наставлять учениковъ сак»сонскому исправнѣйшему произношенію и правописанію; сверхъ »того читать и изъяснять разныя сочиненія, также домашніе »разговоры, продолжая ученіе порядочно, безъ всякаго упущенія, »а особливо стараться, чтобъ ученики могли говорить по нѣ»мецки«. Фегена въ 1788 году смѣнилъ другой иностранецъ *Ремеръ*, поступившій въ Академію на тѣхже условіяхъ.

Съ отъѣздомъ въ Петербургъ Лапкевича, каѳедра французскаго языка въ высшемъ классѣ была поручена »впредь до усмотрѣнія«, одному изъ лучшихъ студентовъ. Къ тому же вре-

мени въ Академію явился Французъ *Іосифъ Форенель,* который, бывъ опредѣленъ въ должность лектора, обязался особымъ контрактомъ обучать французскому языку »всѣхъ желающихъ уче»никовъ на такомъ основаніи, чтобъ они приходили къ нему въ »классъ въ опредѣленные дни, по одному только назначенному »отъ Академіи часу въ день, и тотъ языкъ преподавать слѣдую»щимъ образомъ: учить прилежно хорошему произношенію, »правописанію, чтенію, разговаривать по французски, правила »граматическія на россійскомъ языкѣ, по граматикѣ, въ Акаде»міи употребляемой, преподавать; изъяснять переводы съ фран»цузскаго на россійскій, а паче съ россійскаго на французскій »языкъ дѣлать и сочинять письма на французскомъ языкѣ«. Сверхъ того *Форенель* обязался приватно, въ квартирѣ своей, обучать французскому языку двухъ студентовъ, которые, въ случаѣ его болѣзни, могли бы съ пользою замѣнить его.

А между тѣмъ, на основаніи Высочайшаго указа отъ 1787 года митрополитъ Самуилъ повелѣлъ выбрать изъ воспитанниковъ философіи и богословія двухъ благонадежныхъ студентовъ, имѣющихъ уже нѣкоторое понятіе о французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и отправить ихъ подъ ближайшій надзоръ Виктора, епископа переяславскаго, въ польскій городъ Слуцкъ въ тамошній реформатскій конвентъ, для усовершенствованія себя въ означенныхъ языкахъ. Снабженные всѣмъ нужнымъ отъ Академіи, воспитанники обязаны были одинъ учиться по французски, а другой по нѣмецки »съ такимъ раченіемъ, чтобъ могли на тѣхъ »языкахъ не только твердо разговаривать и право писать, но и »письма и краткія рѣчи сочинять по правиламъ елоквенціи«. При отпускѣ, ихъ также обязали подпискою въ томъ, что по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, они никуда не отлучатся безъ вѣдома и дозволенія Академіи, а »показавъ плоды своего ученія«, вступятъ въ соотвѣтствующія ихъ занятіямъ учительскія должности.

Точно такія же настоятельныя распоряженія о преподаваніи

живыхъ языковъ сдѣланы были митрополитомъ и по переяславской семинаріи, подвѣдомственной Академіи.

Но вдругъ среди такихъ усиленныхъ хлопотъ и занятій Самуилъ получаетъ (10 августа 1794 г.) письмо отъ Гавріила, митрополита новгородскаго, въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее: »Семинаристы ваши обучаются французскому языку: но »какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніе »сего языка злоупотребляютъ; мнѣ поручено вашему преосвя»щенству писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить«. Въ чемъ состояло это злоупотребленіе — не объяснено: но только немедленно по полученіи сего письма классъ французскаго языка закрытъ и въ Академіи и въ семинаріи переяславской.

Съ учрежденіемъ класса высшей математики (1788 г.) въ должность преподавателя введенъ былъ французъ *Брульонъ*, въ помощь которому для лучшаго объясненія, »поелику, какъ сказано въ предложеніи митрополита, самъ въ россійскомъ языкѣ нетвердъ«, — приказано было избрать одного изъ студентовъ, хорошо владѣющаго французскимъ языкомъ и знакомаго съ математикой. Въ такіе адъюнктъ-профессоры назначенъ былъ студентъ философіи *Иванъ Чернявскій*.

Но допуская иностранцевъ къ преподаванію наукъ въ Академіи, митрополитъ Самуилъ указалъ имѣть надъ ними самое строгое наблюденіе, »дабы, писалъ онъ въ своемъ предложеніи, »въ классахъ иностранныхъ языковъ и математическомъ ученіе »происходило съ хорошимъ и несомнительнымъ успѣхомъ, то »префектъ Академіи долженъ еженедѣльно и по крайней мѣрѣ »дважды въ мѣсяцъ, взявъ съ собою учителя поэзіи іеромонаха »Иринея, а для французскаго класса бывшаго учителя реторики »іеромонаха Аѳанасія (Корчанова) свидѣтельствовать оные классы »неотмѣнно и если какое сумнительство въ разсужденіи успѣха »или нераченіе о своей должности откроется, то доносить о

»томъ ему—митрополиту немедленно, прежде словесно, а потомъ »письменно«.

Не мудрено, что при такомъ ревностномъ и настойчивомъ попечителѣ Академія въ самое короткое время усовершенствовалась значительно противъ прежняго. Когда Императрица, бывшая въ Кіевѣ, указомъ 1787 года 15 марта позволила митрополиту на счетъ Академіи посылать студентовъ въ заграничные университеты, для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, дабы, какъ сказано въ указѣ, »Академія могла снабдить »себя искусными учителями«: то Самуилъ выслалъ двухъ студентовъ въ виленскій университетъ. Къ этому времени изъ Москвы возвратились прежде посланные отсюда академисты; по испытаніи, они признаны отлично успѣвшими, и двое изъ нихъ оставлены при Академіи въ качествѣ наставниковъ, а *Домонтовъ* назначенъ въ переяславскую семинарію въ званіи префекта. На ихъ мѣсто отправлены еще два студента для той же цѣли въ московскій университетъ.

Въ ряду живыхъ языковъ, съ 1775 года, еще при митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ, поставленъ и языкъ польскій, начинавшій тогда выходить изъ употребленія. Почитаемый однакожъ нужнымъ по частымъ сношеніямъ съ обитателями того края, онъ также имѣлъ здѣсь въ настоящее время свою каѳедру, и Самуилъ, отправляя студентовъ въ Слуцкъ, между прочимъ предписалъ имъ учиться тамъ и по польски, больше изъ практики, чѣмъ книжнымъ образомъ. До назначенія же особаго наставника, преподаваніе этого языка поручено было учителю исторіи и географіи *Максиму Съмигиновскому*, составившему одну изъ лучшихъ польскихъ граматикъ, служившую руководствомъ до окончательнаго упраздненія въ 1844 году польской каѳедры въ Кіевской Академіи.

Строгость надзора, учрежденнаго Самуиломъ, не слишкомъ

однакожъ нравилась пришлымъ наставникамъ. Математикъ *Брульонъ* первый и на слѣдующій же годъ отказался отъ должности, поступивъ къ кому-то въ домъ просто учителемъ французскаго языка. Академія не очень жалѣла объ немъ: ибо у ней былъ свой математикъ, страстно любившій эту науку. Это *Ириней Фальковскій*. Состоя преподавателемъ піитики, онъ не задумался въ тоже время взять на себи чтеніе и математическихъ уроковъ, и съ перваго же раза успѣлъ заохотить студентовъ къ этому предмету. Принявъ въ руководство по чистой математикѣ учебники, назначенные Коммиссіей Народнаго Просвѣщенія, *Иринеи* для смѣшенной самъ составлялъ записки, обработавъ такимъ образомъ всеобщую математическую хронологію, гномонику и церковную пасхалію. Будучи потомъ даже профессоромъ богословія и ректоромъ Академіи, онъ не оставлялъ любимаго своего предмета, и въ свободные часы являлся самъ въ математическій классъ для чтенія уроковъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ *Фальковскій* содѣйствовалъ ученикамъ своимъ въ составленіи и изданіи календарей для всего малороссійскаго края.

Чтобы болѣе способствовать развитію изящнаго вкуса въ воспитанникахъ Академіи, митрополитъ Самуилъ повелѣлъ оффиціально открыть классъ рисовальный. Охотники до этого явились тотчасъ же: ибо любовь къ рисованью издавна была господствующею между студентами. Еще знаменитый нашъ путешественникъ Барскій отличался этимъ искуствомъ; онъ въ состояніи былъ снять до ста пятидесяти видовъ, плановъ и фасадовъ съ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ и зданій, и могъ отблагодарить своего благодѣтеля патріарха Сильвестра точнымъ снимкомъ всей Антіохіи и патріаршаго двора, а студенты Щирскій, Левицкій, Мигура, могли по справедливости назваться именемъ художниковъ. Самоучки живописцы любили разрисовывать такъ называемыя *конклюзіи*, любили отличаться составленіемъ виньетокъ и заглавныхъ листовъ къ книгамъ, подно-

симымъ обыкновенно во время диспутовъ почетнѣйшимъ изъ посѣтителей. Двадцатымъ пунктомъ инструкціи Рафаила Заборовскаго запрещено воспитанникамъ составлять рисунки (imagines) съ посвященіемъ знатнымъ особамъ,— знакъ, что дѣло это было имъ знакомо и искусниковъ такого ремесла было довольно. Самое назначеніе въ преподаватели рисовальнаго искуства въ настоящую пору воспитанника сей же Академіи *Якова Одинцова* показываетъ, что рисованье, еще до облеченія его въ оффиціальное званіе науки, не было между студентами какимъ нибудь малеваньемъ Гоголева кузнеца Вакулы, а подчинялось извѣстнымъ правиламъ и надлежащимъ пріемамъ.

Такимъ образомъ заботы просвѣщеннаго архипастыря видимо увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Кромѣ главныхъ, издревле существовавшихъ наукъ, кромѣ усовершенствованія въ преподаваніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ Академіи читались алгебра, геометрія, механика, оптика, архитектура гражданская и рисовальное искуство.

Библіотека академическая, послѣ пожара 1780 года, находилась въ разстроенномъ положеніи. Хотя и умножалась она годъ отъ году отъ разныхъ пожертвованій любителей отечественнаго просвѣщенія: но надлежащаго порядка въ ней не было. Самуилъ не выпустилъ и этого изъ виду. Уволивъ отъ училищной должности іеромонаха *Амвросія* (Келембета), онъ 8 февраля 1784 года назначилъ его библіотекаремъ съ правомъ имѣть по прежнему заслуженное имъ мѣсто между учителями и пользоваться всѣми тѣми выгодами, какими пользовался доселѣ. Опредѣляя *Амвросія* на новую должность, митрополитъ предписалъ ему »принять всю библіотеку академическую въ свое »смотреніе, по описямъ, имѣющимся въ Академіи и стараться »привесть оную въ порядокъ наилучшій, и если описи книгамъ »окажутся неправильны, то сочинить новыя, показавъ особымъ »реэстромъ, въ чемъ открылась неисправность«. Въ помощь

новому библіотекарю Самуилъ велѣлъ назначить двухъ студентовъ богословія »прилежныхъ и способныхъ«. Такимъ образомъ и эта статья была очищена стараніемъ митрополита.

Оставалось теперь заняться должнымъ обеспеченіемъ студентовъ и наставниковъ. Имѣя подъ руками уже довольно значительныя средства къ содержанію воспитанниковъ, Самуилъ однажды навсегда уничтожилъ сборъ подаяній, вынуждаемый крайностію, но тѣмъ не менѣе бросавшій грустную и неблаговидную тѣнь на самое заведеніе. Наставники Академіи въ первый же годъ прибытія митрополита получили значительную по тому времени прибавку къ своему содержанію. Самуилъ съ 1784 года повелѣлъ отпускать изъ доходовъ Братскаго монастыря учителю философіи по 15 коп. на день; латинской реторики, русской словесности и поэзіи, равно и поэзіи латинской по 14 коп.; всѣмъ прочимъ по 13, предоставивъ имъ право получать эти деньги или понедѣльно или помѣсячно. Сверхъ этого велѣно было отпускать имъ »безъ всякаго удержанія«, дрова, хлѣбъ и огородные овощи, какіе заготовлены будутъ для братіи. Въ 1788 году нѣкоторые изъ учителей получили прибавочное жалованье[381], такъ что слѣдующаго года, благодаря щедротамъ Императрицы Екатерины II, наставники имѣли:

Профессоръ философіи, іеромонахъ *Амвросій*	250 р.
Учитель реторики, іеромонахъ *Викторъ*	200 —
и кромѣ того за библіотеку	50 —
Учитель піитики, іеромонахъ *Иринѣй*	160 —
да за математику	100 —
Учитель греческаго языка, іеромонахъ *Ааронъ* . . .	100 —
да за казначейство	50 —
Учитель латинской граматики, высшаго класса, *Ставицкій Иванъ*	130 —
Учитель латинской граматики, средняго класса, *Одинцовъ Яковъ*	120 —

да за ариѳметику и рисовальный классъ. 50 р.
Учитель латинской граматики, низшаго класса, *Колтовскій Адамъ* . . . . . 100 —
за еврейскій языкъ . . . . . 50 —
да за французскій . . . . . 100 —
Учитель нѣмецкаго языка, *Ремеръ* . . . . . 200 —
Учитель исторіи, географіи и польскаго языка, *Сьмигиновскій Максимъ*. . . . . 150 —

Академія и въ это время не переставала находить между своими воспитанниками заграничныхъ выходцевъ. Сербія, Молдавія и Валахія, каждая въ свою очередь, высылали учениковъ, изъ которыхъ иные получали предварительное образованіе въ иноземныхъ школахъ и являлись въ кіевское училище, »яко процвѣтающее науками богословскими и иными знаніями«. Въ 1794 году поступилъ въ Академію съ Аѳонской горы студентъ *Василій Папосъ*, обучавшійся прежде въ монастырѣ Зографѣ начаткамъ греческой и русской грамоты. Заботливый архипастырь обращалъ преимущественное вниманіе на этихъ прозелитовъ, понимая очень хорошо, что по выходѣ своемъ они далеко понесутъ добрую славу о пріютившемъ ихъ училищѣ.

Въ эту пору особенно много было требованій на студентовъ Академіи отъ разныхъ управленій. Сколько можно видѣть изъ скудныхъ остатковъ академическаго архива, то въ 1783 году вызваны были въ медикохирургическую академію *четыре* студента; въ 1788, по отношенію генералъ-фельдмаршала Потемкина, поступило въ елисаветградскій госпиталь *двадцать девять* человѣкъ; въ 1792 въ училища медицинскія *пятнадцать;* въ 1794 *четыре;* въ 1795—*тридцать*. Наконецъ требованія эти до того увеличились, что академическое начальство начало находить себя въ невозможности удовлетворять онымъ во всей силѣ; а студенты, имѣя въ виду другіе вызовы

въ общую гражданскую службу и на учительскія должности во вновь открываемыя народныя училища, неохотно поступали въ науку медицинскую. Въ 1795 году митрополитъ Самуилъ нашелся вынужденнымъ отвѣчать исправлявшему должность президента медицинской коллегіи В. И. Зиновьеву, что не только двадцати пяти вновь требуемыхъ студентовъ, но и одного желающаго не явилось, »а противъ воли и склонности ихъ, замѣчаетъ митрополитъ, убѣждать никакъ не можно«. Новозаводившіяся свѣтскія школы требовали неукоснительно наставниковъ; учрежденное для приготовленія ихъ Главное Народное Училище никакъ не могло поспѣшить выправкою и поставкою способныхъ преподавателей, и потому нужно было постоянно обращаться къ училищамъ духовнымъ и между прочимъ къ Кіевской Академіи съ просьбою о высылкѣ »честныхъ и способныхъ« воспитанниковъ. Не столько для изученія гимназическихъ наукъ, сколько для того, чтобъ присмотрѣться къ единообразному методу преподаванія, студенты поступали въ Главное Училище, и въ самое непродолжительное время выходили оттуда на службу. Тогдашній министръ графъ П. В. Завадовскій такъ отзывался о *сорока пяти* студентахъ Кіевской Академіи, высланныхъ въ Петербургъ 2 ноября 1786 года. »Между всѣми присланными къ должностямъ учительскимъ въ »коммиссію объ учрежденіи училищъ въ разныя времена и изъ »разныхъ духовныхъ семинарій, людьми наилучшими, способнѣйшими, а паче благонравнѣйшими оказывались всегда обу»чавшіеся въ Кіевской Духовной Академіи. Почему предпо»чтительно прочимъ и раздѣлены къ мѣстамъ, соотвѣтственно »пріобрѣтеннымъ и умноженнымъ здѣсь каждаго занятіямъ и спо»собностямъ. Отправляя настоящія свои должности съ приле»жаніемъ, искуствомъ и благоповеденіемъ, споспѣшествуютъ »они не мало народному къ симъ училищамъ довѣрію. Жи»тели губерніи с.-петербургской изъ числа тѣхъ, кои наиболѣе »пользу сихъ Монаршихъ заведеній возчувствовали, и потому »число училищъ по оной непрестанно возрастаетъ. Для до-

»ставленія сихъ учителей столько же благонравныхъ и спосо-»бныхъ прошу симъ ваше преосвященство, нѣтъ ли еще изъ »воспитывающихся или обучающихся подъ попечительнымъ »вашимъ призоромъ такихъ опять охотниковъ, кои бы къ сему »званію опредѣлить себя пожелали, имѣя впрочемъ потребныя »къ тому способности и довольные успѣхи въ наукахъ, у васъ »преподаваемыхъ. Если таковыхъ человѣкъ пятнадцать оты-»щется, то ваше преосвященство много меня и училища здѣ-»шнія одолжите, когда ихъ ко мнѣ сюда отпустите«. Это было писано 4 октября 1789 года. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого Завадовскій снова писалъ къ митрополиту: »буде бы я небоялся »обременить вашу усердную преклонность, то еще просилъ бы »къ числу пятнадцати человѣкъ прибавить десять«. Въ слѣд-ствіе двухъ этихъ писемъ отправлены были въ Петербургъ *двадцать пять* человѣкъ, которые прибыли на мѣсто 1790 года, какъ это видно изъ благодарственнаго по сему случаю письма графа Завадовскаго къ митрополиту Самуилу[382]. Между тѣмъ въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, а потомъ и во всей Малороссіи, съ учрежденіемъ намѣстничества, были откры-ваемы присутственныя мѣста по новымъ учрежденіямъ. Гра-жданское начальство немедленно обратилось преимущественно въ Кіевскую Академію съ требованіями о студентахъ, желаю-щихъ поступить въ статскую службу. Свѣдавъ объ этомъ, во-спитанники одни сами являлись къ мѣстному начальству съ просьбами о принятіи ихъ въ гражданское вѣдомство, другіе нарочно были командируемы отъ училища. Такъ въ 1784 году, по резолюціи Самуила, уволены изъ Академіи *двынадцать* человѣкъ, »какъ способные и склонные къ гражданской службѣ«; а въ 1795, по приглашенію генералъ-губернатора Т. И. Тутол-мина, въ слѣдствіе сенатскаго указа, *тридцать* человѣкъ изъявили желаніе поступить въ статскую службу, и были раскомандированы къ разнымъ должностямъ въ минскую, изяславскую и брац-лавскую губерніи. При открывшейся кампаніи съ турками и особенно поляками, студенты Академіи въ такомъ коли-

чествѣ спѣшили поступать въ ряды воинскіе, что начальство вынуждено было ограничить ихъ стремленіе нарочитымъ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ формальностей.

Между тѣмъ поступали въ Академію и другія требованія со стороны военнаго и гражданскаго начальства. Въ 1785 году графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, по сообщенію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, требовалъ, чтобъ въ константинопольскую миссію, »по прежнему примѣру«, былъ отправленъ одинъ изъ здѣшнихъ студентовъ, »который бы имѣлъ въ себѣ потребныя качества, то есть, зналъ »бы граматики россійскаго и латинскаго языковъ«,— разумѣется, такихъ знатоковъ не трудно было найти и въ низшихъ школахъ Академіи; въ 1794, по требованію Румянцева же, назначены въ коммиссію военнаго суда, учрежденнаго надъ содержавшимися въ Кіевѣ поляками—арестантами »два ученыхъ и знающихъ« студента. Но слишкомъ повелительныя отношенія къ назначеннымъ академистамъ оберъ-коменданта Вигеля были причиною того, что митрополитъ едва не отозвалъ своихъ воспитанниковъ, и только по повторительному, неотступному прошенію согласился вновь отпустить ихъ съ довольно рѣзкимъ однакожъ напоминаніемъ, чтобы судъ относился къ студентамъ »съ благопристойностію, которую заслуживаютъ просвѣщенные люди«. Приводимъ этотъ фактъ, какъ свидѣтельство отеческаго вниманія образованнаго архипастыря, и какъ доказательство того, что студенты тогдашней Академіи умѣли понимать себя и дорожили своей честью.

Апрѣля 10, 1786 года, послѣдовалъ Высочайшій указъ, которымъ повелѣно: при бывшемъ каѳедральномъ, кіево-софійскомъ монастырѣ помѣстить Главное Народное Училище кіевскаго намѣстничества, заводимое отъ коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ симъ предписано Академіи со всѣми принадлежащими къ ней заведеніями быть при

архіерейскомъ домѣ и Кіево-печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь обратить на главный госпиталь, по положенію[383].

Это была самая тяжелая пора для Академіи, справедливо предчувствовавшей конечное свое паденіе. Она напомнила ей ту пору, когда Петръ Могила хотѣлъ перевести ее въ Лавру. Двѣстѣ лѣтъ простояла она на томъ мѣстѣ, которое благословили патріархи Ѳеофанъ и Іеремія; двѣстѣ лѣтъ Кіево-подолъ украшался зданіями училищными. и жители его привыкли считать Братскій монастырь пантеономъ христіанскаго просвѣщенія,— и вдругъ должны увидѣть въ священныхъ стѣнахъ его уже не свѣжихъ, кипящихъ молодостью и жаждой къ познаніямъ юношей, а дряхлыхъ инвалидовъ или увѣчныхъ воиновъ, требующихъ только покоя и врачеванія. »Мы были подобны, пишетъ въ своихъ дневникахъ Иринеи Фальковскій, онымъ сы»намъ Израиля, кои воспѣвали: *на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо »сѣдохомъ и плакахомъ*«. Всѣ имѣнія и угодья, принадлежавшія Братскому монастырю вмѣстѣ съ училищемъ, подаренныя ему и купленныя въ разныя времена, отобраны были въ казенное вѣдомство. Академія оставалась только при тѣхъ капиталахъ, которые имѣла отъ собственной экономіи и отъ пожертвованій благодѣтелей... Впрочемъ тѣмъ же указомъ повелѣно было на содержаніе Академіи съ принадлежащими къ ней заведеніями отпускать ежегодно по *осьми тысячъ четыреста* рублей серебромъ, и потому въ 1789 году послѣдовалъ первый раздѣлъ между начальствующими жалованнаго оклада въ слѣдующемъ количествѣ:

За преподаваніе	богословія	положено	въ годъ	. . .	300 р.
,, ,,	философіи	,,	,,	. . . .	250 —
,, ,,	реторики	,,	,,	. . . .	200 —
,, ,,	піитики	,,	,,	. . . .	160 —
,, ,,	математики	,,	,,	. . . .	100 —
,, ,,	высшей граматики	,,		. . . .	130 —

За преподаваніе	средней граматики	положено въ годъ.		120 р.
,, ,,	низшей граматики	,,	,,	100 —
,, ,,	ариѳметики и рисованья	,,	,,	50 —
,, ,,	еврейскаго языка	,,	,,	50 —
,, ,,	французскаго языка	,,	,,	400 —
,, ,,	нѣмецкаго языка	,,	,,	200 —
,, ,,	польскаго языка	,,	,,	50 —
,, ,,	исторіи	,,	,,	50 —
,, ,,	географіи	,,	,,	50 —
,, ,,	библіотекарю . . .	,,	,,	50 —
,, ,,	казначею	,,	,,	50 —

Но все это мало утѣшало наставниковъ и питомцевъ Академіи. Съ трепетной надеждой ожидали они прибытія самой Государыни въ Кіевъ, положивъ вымолить у ней Высочайшую милость родному своему училищу. Наконецъ 28 генваря 1787 года услышали, что Державная Путешественница изволила прибыть въ г. Козелецъ, а на другой день имѣла обѣденный столъ въ Броварахъ. Въ четвертомъ часу по полудни Государыня переѣхала Днѣпръ и ступила на священную землю древле стольнаго града св. Владиміра. Но въ числѣ встрѣчавшихъ Императрицу сановниковъ не было главнаго, на котораго Академія полагала всю свою надежду. Митрополитъ Самуилъ былъ боленъ, и по этому мѣсто его занималъ Викторъ Садковскій, епископъ переяславскій(384).

Тѣмъ не менѣе посѣщеніе Великой было источникомъ общей радости и приснопамятнымъ событіемъ въ исторіи Кіева. Почти три мѣсяца Екатерина благоволила пробыть здѣсь, окруженная великолѣпіемъ, невиданнымъ со временъ равноапостольнаго Владиміра и мудраго Ярослава. Окруженная европейскими знаменитостями, она въ лучахъ славы и величія свѣтилась между всѣми, какъ солнце между планетами. Тутъ были сыновья Ираклія, царя грузинскаго, послы иноземныхъ дер-

жавъ, депутаты персидскіе, лезгинскіе и съ границъ Константинополя. »Боже мой! восклицаетъ принцъ де Линь, находившійся тогда въ свитѣ Императрицы. Какая суматоха! сколько »алмазовъ, золота, кавалерій и лентъ! Сколько цѣпей, чалмъ и »красныхъ колпаковъ, мѣхами обшитыхъ и остроконечныхъ! »Они принадлежатъ лезгинцамъ, которые пріѣхали депутатами, »такъ такъ и многіе другіе подданные границъ великой стѣны »Имперіи Китайской, также съ границъ Персіи и Византіи. Это, продолжаетъ де Линь съ свойственнымъ ему остроуміемъ: не »много важнѣе, чѣмъ нѣсколько депутатовъ отъ парламента, »или чины какого нибудь маленькаго городка, пріѣзжающіе за »двадцать миль въ почтовой каретѣ въ Версаль сдѣлать изъ »себя глупое представленіе. Людовикъ XIV позавидовалъ бы »сестрѣ своей Екатеринѣ II. Сыновья кавказскаго царя Ираклія, которые [illegible]ся здѣсь, доставили бы ему больше удо»вольствія, нежели пять или шесть старыхъ кавалеровъ ордена »св. Людвика. Двадцать архіепископовъ (archévêques)[385] съ бо»родами почти до колѣнъ представляютъ видъ гораздо болѣе жи»вописный, нежели маленькій галстухъ съ лопастями гладко вы»бритаго милостынераздаятеля королевскаго[386]«. Царскій садъ, гдѣ на мѣстѣ сгорѣвшаго каменнаго построенъ былъ на этотъ случай деревянный дворецъ[387], въ которомъ изволила остановиться Августѣйшая Гостья[388], не смотря на зимнюю пору, сдѣлался тѣсенъ отъ прилива народа, который толпами провожалъ Державную свою повелительницу повсюду, послѣ того, какъ Она милостиво благоволила замѣтить пустоту на улицахъ[389].

Благочестивая Государыня въ самый день прибытія своего изволила присутствовать въ Лаврской соборной церкви, при совершеніи молебствія, и потомъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ тамъ почивающихъ угодниковъ. Въ трехмѣсячное свое пребываніе въ Кіевѣ, Екатерина II чаще и болѣе всѣхъ прочихъ мѣстъ благословеннаго града посѣщала святую Лавру,

и въ тоже время пожаловала парчевые, обложенные гасомъ и бахрамою съ кистями золотыми и серебряными покровы на мощи всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, почивающихъ въ обѣихъ пещерахъ и въ соборной церкви, а также напрестольный крестъ. Въ Софійскій соборъ принесены Ею въ даръ золотые сосуды: потиръ, дискосъ и пр. а въ Михайловскій монастырь золотая лампада съ богатой бриліантовой подвѣской къ ракѣ св. Великомученицы Варвары. Благоговѣя къ памяти родоначальника россійскихъ князей и государей, просвѣтителю русскаго народа, святому и равноапостольному князю Владиміру, Императрица Екатерина въ слѣдующемъ же году благоволила прислать въ Лавру золотую лампаду съ кистью, состоящую изъ бриліантовъ и жемчужныхъ зеренъ[390], находящуюся нынѣ предъ гробомъ, гдѣ хранится глава св. Владиміра. Кромѣ этого Государыня принесла въ даръ паникадило изъ чистаго серебра и самой высокой работы, занимающее теперь главное мѣсто въ соборной Лаврской церкви предъ царскими вратами[391].

Митрополитъ Самуилъ, оправившійся нѣсколько отъ болѣзни, не упустилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и вошелъ къ Государынѣ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ о любимомъ своемъ училищѣ. Ходатайство его имѣло полный успѣхъ. Именнымъ указомъ отъ 15 марта 1787 года, послѣдовавшимъ на имя митрополита Самуила, повелѣно 1) оставить Академію навсегда на прежнемъ мѣстѣ, исправить всѣ находящіяся тамъ строенія, а о необходимыхъ въ послѣдствіи постройкахъ имѣть попеченіе между прочимъ и генералъ-губернатору. 2) Такъ какъ монастырь Братскій оставался все еще упраздненнымъ, то повелѣно, для служенія въ академической Богоявленской церкви, брать по очереди и по разсмотрѣнію митрополита изъ монаховъ Кіево-печерской Лавры. 3) Для академическихъ разнаго званія служителей оставить при Академіи конюшенный бывшаго Братскаго монастыря домъ, а для выгрузки изъ воды и храненія дровъ и прочаго находящійся при Днѣпрѣ такъ на-

зываемый *броварный домъ*, освободя ихъ отъ постоя; равнымъ образомъ приказано отвести къ Академіи загородній дворъ и выгонную землю противъ второкласныхъ монастырей. 4) Оставшееся подлѣ каменной колокольни бывшаго Братскаго монастыря каменное строеніе, ему принадлежавшее, оставить въ пользу Академіи съ починкою его на академическую сумму и для обращенія въ прибыль оной отдачею въ наймы; что же касается до означенія мѣста Академіи на всѣ ея строенія и до очищенія отъ соляныхъ лавокъ: то это распоряженіе оставлено до общаго плана всѣмъ частямъ города Кіева. 5) Повелѣно построить на академическую сумму при студентскомъ каменномъ домѣ каменную больницу, и для этого распространить тотъ домъ по мѣрѣ надобности и сдѣлать каменную около всего зданія ограду. 6) При Академіи завесть типографію для печатанія книгъ, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, учредивъ ее въ Кіево-печерской Лаврѣ, съ строгимъ однакожъ наблюденіемъ, чтобъ изъ оной не выходили книги, противныя православной вѣрѣ, или наполненныя нелѣпыми заблужденіями, просвѣщенію и добрымъ нравамъ несходственными. 7) Священническихъ и діаконскихъ дѣтей, обучающихся въ Академіи и достигшихъ въ высшихъ классахъ ученія съ добрымъ успѣхомъ и поведеніемъ, отпускать въ народныя училища, для помѣщенія по ихъ способности въ учители, въ медицинскую науку и въ университеты, смотря на склонность ихъ. 8) На содержаніе Академіи и ея пансіонеровъ, сверхъ получаемой суммы, прибавлено еще по *шестисотъ* рублей въ годъ. 9) Находящаяся въ Переяславѣ семинарія оставлена въ полной зависимости отъ Академіи. 10) Повелѣно на счетъ академической суммы, по разсмотрѣнію митрополита, посылать студентовъ въ иностранные университеты для пріобрѣтенія лучшихъ знаній въ наукахъ, дабы Академія могла снабдить себя искусными учителями. 11) Такъ какъ въ указѣ отъ 10 апрѣля 1786 года повелѣно держать въ Кіево-печерской Лаврѣ, въ числѣ монашествующихъ, половину ученыхъ, приготовляемыхъ для высшихъ степеней: то ми-

трополиту предоставлено изъ остатковъ суммы, положенной на Лавру, удѣлять на прибавку окладовъ монашествующимъ, кои будутъ отличаться особенными успѣхами[392].

Съ нетерпѣніемъ ожидала къ себѣ Академія Державную свою Благотворительницу, чтобъ повергнуть къ стопамъ Ея чувства глубочайшей признательности, — и ожиданіе ученаго Братства осуществилось. Апрѣля 11 Государыня изволила присутствовать въ академической Богоявленской церкви, осыпаемая благословеніями ликовствовавшихъ юношей. Ректоръ Академіи *Варлаамъ* привѣтствовалъ Монархиню слѣдующею рѣчью:

»Всемилостивѣйшая Государыня! Виноградъ сей, Высочай»шаго Вашего посѣщенія удостоенный, есть насажденъ благо»словенною десницею великаго и святаго князя Владиміра. »Первыя его вѣтви были слабы и малочисленны. Но любо»мудріе и ревность къ просвѣщенію великаго Ярослава подкрѣ»пили и распространили ихъ. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ »онѣ увяли; но при возсіяніи радостныхъ дней оживотворились »и процвѣли.

»Безсмертный Петръ I росою обильныхъ своихъ щедротъ »напоилъ, а возрастить и сладчайшими плодами, отъ нихъ про»зябающими, Церковь Христову обогатить премудрыми судьбами »Вышняго предоставлено Вашему Императорскому Величеству. »И такъ со благоговѣніемъ мы признать и воскликнуть должны:

»Владиміръ насади, Ярославъ распространи, Петръ напои, »а премудрая Екатерина II возрасти и утверди.

»Толь милосердый и попечительный Вашего Император»скаго Величества о семъ виноградѣ промыслъ, толь высокое »покровительство содѣлали, что вѣтви въ немъ произрастающія »со дня на день умножаютъ свои плоды.

»Сердца ихъ нынѣ пылаютъ открыть нѣкоторые хотя са-»мые малѣйшіе знаки своей безпредѣльной благодарности.

»Удостойте, Благоутробнѣйшая Матерь! милостиваго Вашего »благоволенія, великодушія и снисхожденія«[393].

Изъявивъ Всемилостивѣйшее свое благоволеніе ректору, Государыня изволила слушать за тѣмъ студентовъ и учениковъ, произносившихъ на разныхъ языкахъ рѣчи и оды. Слѣдствіемъ сего Монаршаго посѣщенія были новыя благодѣянія, излитыя на училище Екатериною II. Ректоръ Академіи получилъ тогда 1,000 рублей; префектъ съ учителями 2,250 руб., а казенные воспитанники 1,200 рублей.

А между тѣмъ городъ кипѣлъ и шумѣлъ отъ торжествъ и увеселеній. Пиры слѣдовали за пирами, праздники за праздниками; потѣшные огни и иллюминаціи озаряли горы и удолія Кіева невиданнымъ дотолѣ блескомъ.

Древній градъ, гдѣ Первозваннымъ
Крестъ спасенья водруженъ,
Вновь явился увѣнчаннымъ,
Вновь явился озаренъ.
Днѣпръ средь прочихъ рѣкъ счастливый,
Днѣпръ струями горделивый
Въ берегахъ своихъ взыгралъ,
Восхищался въ изумленьи,
Что планеты сей теченье
Онъ собою провождалъ[394].

По увѣренію принца де Линь, одинъ изъ фейерверковъ, сожженныхъ въ это время, стоилъ *сорокъ тысячъ* рублей[395]. Такъ Державная Повелительница сѣвера показывала сіяніе славы и могущества своего предъ окружавшими Ее представителями царствъ иноземныхъ!

Но »протекли нечувствительно тѣ пріятнѣйшіе, тѣ восхи»тительнѣйшіе часы и минуты,« въ которые кіевляне наслажда»лись свѣтомъ Матерняго и Монаршаго лицезрѣнія Екатерины II. »Нынѣ, говорилъ митрополитъ Самуилъ въ прощальной рѣчи своей »Государынѣ, Великое свѣтило дня счастія нашего вѣка и гря»дущихъ времянъ возженное обращаетъ свои благотворные лучи »на другіе благословенные своего владычества предѣлы. Коль »сіе для насъ горестно и поразительно! Чувствуемъ совершенно, »но изобразить ничѣмъ не можемъ. Апостолъ Павелъ желалъ »закрыть очи свои отъ дневнаго свѣта, какъ только облисталъ »его невечерній свѣтъ, отъ явленія Христа Спасителя нашего »возсіявшій. Мы толикое время лучами Августѣйшія Пома»занницы Вышняго озаряемые, нынѣ лишаясь сего счастія, »восхощемъ ли съ пріятностію взирать на солнечное сіяніе? »Едино то услаждаетъ нашу горесть, что божественный Твой »зракъ, живо въ сердцахъ и душахъ нашихъ начертанный, »пребудетъ съ нами неотъемлемо; что лучи Твоего Монаршаго »вниманія проницаютъ во всѣ внутренности и самыхъ отдален»нѣйшихъ Твоея державы концевъ; что Матернее Твое чело»вѣколюбіе не ограничивается никакими предѣлами. Праведный »Симеонъ, узрѣвъ во храмѣ Господнемъ Творца своего, съ ми»ромъ окончилъ жизнь свою. Мы, сподобившіеся созерцать въ »сихъ предѣлахъ священнѣйшее лице Виновницы всѣхъ нашихъ »благъ, будемъ провождать остальные дни наши въ спокойствіи »и тишинѣ; воспоемъ милости Твоя во вѣкъ; возвѣстимъ ще»дроты Твоя, преизобильно на насъ изліянныя, всему роду гря»дущему; проліемъ горячія молитвы къ Всевышнему, да со»провождая благословеніемъ своимъ священныя Твои стопы въ »путехъ Ему угодныхъ, хотя многотрудныхъ, ведущихъ къ от»верзенію вратъ благополучія нашего, сохранитъ Тебя въ во»жделеннѣйшемъ здравіи всесильною своею десницею. Токмо »со всеглубочайшимъ смиреніемъ молимъ Тебя, благоутробнѣй»шая Матерь отечества, ублажившая благоволеніемъ своимъ

»градъ сей, *да будутъ очи твои на него отверсты и сердце* »*твое въ немъ, во вся дни живота твоего*«[396].

»Отецъ небесный, говорилъ другой ораторъ, типографъ Кіево-печерской Лавры, соборный старецъ *Θеофанъ*, въ кото»раго лицѣ благотвориши намъ, да приложитъ Тебѣ дни на дни, »и да продолжитъ благополучныя лѣта твои до дне рода и »рода«[397].

Наконецъ душечною пальбою возвѣщено было вскрытіе Днѣпра. Въ нѣсколько дней онъ совсѣмъ очистился отъ льдовъ, покрывавшихъ его свѣтлыя воды, и 22 апрѣля толпы народа покрывали высокіе берега его. На Днѣпрѣ, прямо противъ нынѣшней бурсы, стояло восемьдесятъ судовъ съ тремя тысячами экипажа: но вниманіе всѣхъ обращено было на богатыя галеры, назначенныя для Государыни и блистательной ея свиты. Каюты на этихъ галерахъ были убраны китайскою тафтой съ диванами; на палубахъ виднѣлось по двѣнадцати человѣкъ музыкантовъ, и Императорскій флагъ игралъ по волѣ вѣтра на мачтѣ великолѣпнѣйшей изъ галеръ[398]. Вдругъ все пришло въ движеніе. За блестящей колесницей, вмѣщавшей въ себѣ Державную Путешественницу, слѣдовали длинной вереницей экипажи, въ которыхъ помѣщалась свита Ея Величества. Было за полдень. Монархиня, одѣтая въ распашное платье голубаго цвѣта съ серебряными снурками, взошла на одну изъ галеръ, стоявшихъ посреди Днѣпра, гдѣ изволила имѣть обѣденный столъ, и въ два часа по полудни священныя воды древняго Борисѳена вспѣнились, унося Державную Гостью далеко отъ Кіева. Безчисленное множество челноковъ и лодокъ, украшенныхъ красными флагами, громкое *ура* народа, стоявшаго на всѣхъ возвышеніяхъ, сопровождали обожаемую Монархиню[399].

Облагодѣтельствованная Государыней Академія съ радостію увидѣла умноженіе своего благосостоянія. Въ 1783 году въ

пользу ея положилъ въ Государственный Заемный Банкъ Симоновскаго монастыря архимандритъ *Амвросій Андріевскій* 1,800 рублей, и кромѣ того 1,000 въ Сохранную казну для обращенія изъ процентовъ; придворный протодіаконъ *Михаилъ Алексѣевъ* внесъ 1,000 рублей; ректоръ Кіевской Академіи архимандритъ *Іеронимъ Блонскій* 2,000.

Какъ добрый домохозяинъ, имѣвшій въ непосредственномъ своемъ завѣдываніи всю академическую экономію, Самуилъ немедленно приступилъ, согласно Высочайшему повелѣнію, къ обновленію и перестройкѣ нѣкоторыхъ училищныхъ зданій. Еще въ 1784 году донесено было ему, что глава на конгрегаціонной церкви отъ бури тронулась съ мѣста болѣе чѣмъ на аршинъ и клонится къ паденію. Тогда же Самуилъ приказалъ разобрать обветшалую главу и приступить къ перестройкѣ: но дѣло это такъ и оставалось до 1787 года. Въ настоящее же время конгрегаціонная церковь обновлена и возстановлена была вполнѣ. Въ томъ же году поправлены всѣ академическія службы: людскія жилыя комнаты, сараи, конюшни и проч.; сломаны прежнія деревянныя поварни и вмѣсто ихъ поставлены каменныя; построены учительскія комнаты и передѣлана каменная монастырская ограда по западной сторонѣ.

Но въ то самое время, когда митрополитъ и академическое начальство такъ заботились о благосостояніи училища, кіевскій магистратъ не переставалъ дѣйствовать во вредъ и къ ущербу Академіи. Не смотря на Высочайшее повелѣніе, по которому, какъ мы уже видѣли, каменное зданіе, находившееся близъ Братской колокольни, обращено въ число доходныхъ статей училища, магистратъ, въ слѣдующемъ же 1788 году, началъ постройку соляныхъ лавокъ какъ разъ насупротивъ академическаго зданія. По сношенію митрополита съ генералъ-губернаторомъ С. Е. Ширковымъ, магистрату тогда же было воспрещено это. »Но »чѣмъ меньше съ того времени, говорится въ докладѣ, Акаде-

»мія отъ онаго магистрата поверхно или наружно стала быть »утѣсняема, тѣмъ вячшую начала чувствовать скрытную для »себя обиду и разореніе«. Магистратъ распорядился провести подземный каналъ для стока дождевой воды подъ самымъ тѣмъ строеніемъ и Братской колокольней, направивъ тудаже воду изъ фелиціановскаго канала. Очевидно, что кромѣ постоянной сырости и неудобства отдать въ наймы обыкновенно подъ складъ соли, означенныя строенія и колокольня подвергались крайней опасности. Академія относилась объ этомъ въ магистратъ, съ просьбою отвести каналъ на другую сторону улицы: но магистратъ отозвался, что въ погребахъ тѣхъ строеній накопляется вода не отъ стока, а поднимается изъ подъ земли. Вычерпывая не разъ воду, академическое начальство снова входило въ магистратъ съ тою же претензіей: но и на сей разъ не получило надлежащаго удовлетворенія. Тогда вступился въ это дѣло самъ митрополитъ, и по распоряженію генералъ-губернатора Ширкова каналъ отведенъ »на другую сторону мостовой улицы мимо »Житнаго торга въ таковой же, что по духовской улицѣ«.

Такъ трудился высокій протекторъ для пользы воспитавшаго его училища, и не безплодны были труды его. Академія быстро двинулась къ совершенству и пошла рядомъ съ лучшими заведеніями въ нашемъ отечествѣ.

Въ послѣдній годъ жизни митрополита Самуила сотрудниками его, по образованію юношества и наставниками Академіи были слѣдующіе:

Слоницкій Θеофилактъ, ректоръ и профессоръ богословія.

Корчановъ Аѳанасій, вице-ректоръ, профессоръ философіи.

Фальковскій Иринеи, помощникъ ректора по каѳедрѣ профессорской, и сверхъ того преподаватель смѣшенной математики.

Ставицкій Иннокентій, помощникъ вице-ректора по каѳедрѣ философіи и префектъ.

Лагановскій Іакинѳъ, учитель латинской реторики и библіотекарь.

Соколовскій Никита, учитель высшаго краснорѣчія, исторіи и географіи.

Логвиновъ Павелъ, учитель россійскаго нижняго краснорѣчія, нѣмецкаго языка и чистой математики.

Семеновскій Михаилъ, учитель латинской поэзіи.

Козачковскій Осипъ, учитель высшаго класса граматики.

Шехновскій Григорій, учитель средняго класса граматики и ариѳметики.

Иванишевъ Димитрій, учитель нижняго класса граматики и еврейскаго языка.

Быловольскій Иванъ, студентъ богословія, учитель рисовальнаго искуства.

Семяновскій Стефанъ, студентъ богословія, учитель еллиногреческаго языка.

Невяровскій Иванъ, студентъ богословія, учитель польскаго языка.

Должность медика отправлялъ іеромонахъ *Ипатій*, обучившійся врачебной наукѣ въ московской медико-хирургической академіи.

Число воспитанниковъ, значительно уменьшившееся въ послѣдніе годы архипастырства Гавріилова, быстро начало возрастать, и къ концу сей эпохи въ Академіи считалось уже *девятсотъ пятдесятъ* учениковъ, изъ коихъ священноцерковнослужительскихъ дѣтей было *четыреста двадцать шесть*, а разночинческихъ *пятьсотъ двадцать четыре*.

Эпоха архипастырства митрополита Самуила достопамятна для Кіева и въ іерархическомъ отношеніи. При немъ послѣдовало преобразованіе кіевской епархіи въ штатное положеніе; ибо хотя еще до учрежденія св. Синода, она, по отношенію

къ іерархическому управленію, время отъ времени подводима была подъ общія правила и законы съ духовенствомъ великороссійскимъ, и хотя указомъ 1722 года положено и въ ней штатное число бѣлаго духовенства: но малороссійскіе архіереи удерживали еще свои древнія вольности и обычаи какъ въ распоряженіи духовенствомъ, такъ и въ способахъ управленія и содержанія онаго. Самое духовенство, имъ подвѣдомственное, пользовалось еще отличными правами и преимуществами, жалованными ему отъ литовскихъ князей и польскихъ королей, какихъ не имѣло духовенство великороссійское[400].

Не касалось доселѣ малороссійскихъ епархій и Высочайшее распоряженіе, послѣдовавшее еще 29 февраля 1764 года, объ отобраніи имѣній отъ монастырей и архіерейскихъ домовъ. Уже въ 1786 году 10 апрѣля состоялся Высочайшій указъ, которымъ повелѣно всѣ находящіяся въ намѣстничествахъ кіевскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ за архіерейскими домами, Кіево-печерской Лаврой и прочими монастырями земли и угодья принять въ вѣдомство директоровъ домоводства тѣхъ намѣстничествъ и оными управлять на такомъ же основаніи, какъ и прочія въ вѣдѣніи помянутыхъ директоровъ деревни управляются[401]. Въ слѣдствіе сего, какъ оказалось по тогдашнимъ вѣдомостямъ, отошло отъ малороссійскихъ монастырей кіевской епархіи и митрополитскаго дома 42086 душъ мужеска пола крестьянъ и слугъ въ одной кіевской губерніи[402], и 20396 душъ въ новгородъ-сѣверской. Вслѣдъ за симъ по послѣдовавшему указу[403], кіевскій митрополитъ сравненъ жалованнымъ окладомъ съ московскимъ, а Кіево-печерская Лавра съ Троицко-сергіевскою, при чемъ повелѣно распорядить такъ число монашествующихъ, чтобъ одна половина ихъ была изъ ученыхъ, приготовляемыхъ къ высшимъ духовнымъ степенямъ, а другая для служенія по монастырю и архіерейскому дому; каѳедральный Софійскій монастырь переименовать Кіевскимъ Софійскимъ соборомъ, опредѣливъ къ нему протопопа и про-

чихъ священноперковнослужителей, съ окладомъ на равнѣ съ московскимъ Архангельскимъ соборомъ. Печерская Лавра также подчинена митрополиту, которому повелѣно именоваться *священноархимандритомъ* оной съ правомъ непосредственнаго управленія и полученія извѣстнаго архимандритскаго оклада. Вмѣстѣ съ этимъ Самуилъ отмѣнилъ прежнее титулованье малороссійскихъ архіереевъ: *ясне въ Богу преосвященство* на обыкновенное, употребляемое въ великой Россіи, и согласно Высочайшей волѣ переименовалъ кіевскую консисторію въ дикастерію.

Православіе, успокоенное подъ державою могущественнѣйшей Монархини и подъ управленіемъ ревностнаго архипастыря, все еще продолжало быть предметомъ гоненій въ томъ краю Малороссіи, который оставался подъ владычествомъ польскимъ. Гидра изувѣрства, лишенная уже многихъ своихъ главъ, все еще имѣла довольно ихъ, чтобъ изрыгать бѣшеный ядъ свой на беззащитныхъ сыновъ церкви восточной; снисхожденіе русской Императрицы какъ будто ободряло вѣроломное правительство Польши. Коммиссія 1774 года не только ничего не сдѣлала въ пользу диссидентовъ, но даже не была открыта. Напрасно Государыня истощала миролюбивыя мѣры, чтобъ успокоить волнуемый гоненіями край; съ согласія польскаго короля, она въ 1785 году опредѣлила туда особаго епископа, съ званіемъ коадъютора кіевской митрополіи, »для удобнѣйшаго, какъ сказано въ указѣ, охраненія исповѣдающихъ законъ нашъ благочестивый въ Польшѣ«; позволила ему даже дать присягу королю польскому, что и было исполнено епископомъ нашимъ въ Тульчинѣ при послахъ иностранныхъ и россійскомъ; исходатайствовала для него привиллегіи, утвержденныя королемъ 7 мая 1787 года; повелѣла снабдить епископа копіями со всѣхъ договорныхъ актовъ между Россіей и Польшей, выпискою всѣхъ правъ и привиллегій, издревле жалованныхъ православнымъ отъ тамошняго правительства и справкою о всѣхъ церквахъ и монастыряхъ съ 1717 года захваченныхъ уніатами; уполномо-

чила его сноситься со всѣми тамошними духовными и гражданскими начальствами и съ русскимъ посломъ въ Варшавѣ о всякихъ обидахъ и притѣсненіяхъ; позволила вмѣстѣ съ нимъ являться на сеймы и въ нужныхъ случаяхъ требовать наставленія отъ своего митрополита; въ духѣ вѣротерпимости и миролюбія повелѣла укрощать православное духовенство, не допуская его до состязаній, а для распространенія просвѣщенія учреждать училища; къ спорнымъ съ уніатами церквамъ не производить до времени священниковъ[404]: но всѣ сіи кроткія и миролюбивыя мѣры оставались безуспѣшны. Жалобы не прекращались, а удовлетворенія по нимъ не было никакого. Закоренѣлая непріязнь была удерживаема только страхомъ русскаго оружія. Но когда къ осени 1787 года Турція, а въ слѣдующемъ году и Швеція объявили войну Россіи: то въ Польшѣ и Литвѣ открылись уже явныя притѣсненія православнымъ. Въ октябрѣ 1788 года состоялся четырехлѣтній сеймъ, и сеймовая конфедерація издала самыя враждебныя постановленія, подъ тѣмъ предлогомъ, что будтобы православное духовенство поджигаетъ народъ къ бунту, и само приготовляетъ для возмутителей копья, ножи и другое оружіе. Начались обыски по всѣмъ монастырямъ, по церквамъ, по домамъ; не щадили святыни могилъ, въ которыхъ думали найти какое-то оружіе; наложили тяжкую подать на монастыри, потребовали новой присяги отъ всего духовенства; запретили угнѣтеннымъ писать письма въ Россію и даже къ своему епископу Виктору; не велѣли поминать въ молитвахъ церковныхъ кого бы то ни было изъ заграничныхъ государей, и насильно вторгались въ монастыри, которые по какой либо надобности оставляемы были на самый краткій срокъ своими настоятелями. Къ довершенію всего, схватили на дорогѣ епископа Виктора со всѣми членами консисторіи, заковали въ кандалы и отправили въ несвижскую крѣпость подъ стражу[405]. Ужасъ объялъ тогда всѣхъ православныхъ; священники покидали свои приходы, и Кіевъ снова увидѣлъ въ предѣлахъ своихъ разоренныхъ и ограблен-

ныхъ служителей алтаря, испрашивающихъ себѣ насущнаго пропитанія.

Не легче было и другимъ диссидентамъ, жившимъ тогда въ тѣхъ краяхъ; оскорбленія, имъ причиняемыя, возбудили наконецъ негодованіе всѣхъ сосѣднихъ государей. Король прусскій 1788 года издалъ противъ Польши декларацію, и тогда же занялъ своими войсками Торунь и Данцигъ, принадлежавшіе коронѣ польской. Грозная туча приближалась, и мятежная Польша, предчувствуя свою гибель, старалась оградить себя то новыми конфедераціями, то установленіемъ конституціи, посѣявшей раздоръ между самыми представителями правительства[406], то избраніемъ въ короли саксонскаго курфирста вмѣсто Станислава Августа, то просьбами пособія отъ французовъ, уже поднявшихъ кровавое знамя страшной революціи. На погибель Польши, Россія въ 1790 году заключила миръ съ Швеціей, а черезъ годъ и съ Турціей. Тогда побѣдоносное оружіе Екатерины II все сполна обратилось для унятія мятежнаго сосѣда; русскія войска вступили въ Польшу съ одной стороны, а прусскія съ другой, и въ непродолжительномъ времени Россія возвратила себѣ древнія свои области: подольскую, половину волынской и минскую.

Слѣдствіемъ пріобрѣтенія означенныхъ областей было то, что не только угнѣтенные православные получили полную свободу и защиту: но и многіе уніаты изъявили желаніе присоединиться къ церкви восточной. Для этой цѣли, по именному указу 16 мая 1794 года, Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о снабженіи минскаго архіепископа Виктора духовными людьми, способными исполнять святое дѣло присоединенія совращенныхъ съ пути праваго обманомъ и насиліемъ,— и черезъ годъ болѣе милліона людей вступили въ нѣдра церкви истинной, и болѣе двухъ тысячъ трехсотъ церквей возвращено православію.

Но кроткая и противъ ожесточенныхъ враговъ Россіи Екатерина Великая не желала стѣснять свободу совѣсти. Еще въ гродненскомъ трактатѣ 11 іюля 1793 года съ польскимъ сеймомъ седьмою статьею Императрица предоставила »обоихъ церковныхъ обрядовъ католикамъ пользоваться во всей имперіи россійской полнымъ и свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, при спокойной принадлежности преимуществъ, собственностей и церквей и при всѣхъ правахъ, принадлежащихъ къ свободному отправленію Богослуженія и церковнаго порядка. Указомъ 12 декабря того же года Она даже предоставила уніатскому духовенству полное распоряженіе по своему вѣдомству наравнѣ съ римско-католическимъ.

Но и такое снисхожденіе Монархини не было понято мятежнымъ народомъ. Разсѣевая возмутительныя идеи даже между жителями присоединенныхъ областей, карбонары и пропаганда открыли страшный бунтъ въ самой Варшавѣ, грозившій обнять собою всѣ уже отшедшіе отъ короны города. Но явился непобѣдимый Суворовъ,—и облитыя кровью Прага и Варшава были послѣдней жертвой изчезнувшей самостоятельности королевства. Двѣ тысячи сто восемдесятъ квадратныхъ миль съ тремя стами тридцатью двумя городами и мѣстечками, съ тысячью тремя стами двадцатью двумя селеніями и почти двумя милліонами жителей поступили во владѣніе древнихъ своихъ владыкъ—царей русскихъ. Польскій король Станиславъ Августъ выѣхалъ въ Гродно, и тамъ сложилъ съ себя корону 1795 года; а непокорные и мятежные остатки войскъ перешли въ службу къ Наполеону, который въ награду за такое ихъ усердіе большую часть изъ нихъ отправилъ въ Америку на островъ Сенъ-Доминго, гдѣ они почти всѣ погибли.

Исполнилась наконецъ мѣра долготерпѣнія Божія. Кровь столькихъ невинныхъ жертвъ, вопіявшая на небо, отомщена, и гнѣздо крамолъ и мятежей разорено. Римско-католическое

и уніатское духовенство, не умѣвшее пользоваться снисходительностію и кротостію русскихъ монарховъ, должно было испытать справедливое наказаніе за свое изувѣрство и жестокость. По присоединеніи къ Россіи всей Литвы и по образованіи въ ней православныхъ каѳедръ, уніатскія епархіи волынская, пинская и литовская были упразднены, монастыри уніатскіе повелѣно уменьшить и запрещено уніатамъ постригать монаховъ; уніатскаго же митрополита Ѳеодосія Ростоцкаго, равно какъ и прочихъ епископовъ указано отрѣшить отъ должностей съ назначеніемъ имъ пенсіоновъ. Такимъ образомъ вся уніатская іерархія дождалась своего разрушенія и въ теченіи пятнадцати лѣтъ послѣ сего уже не имѣла своего митрополита.

Мудрый и многодѣятельный архипастырь Самуилъ не увидѣлъ однакожъ окончанія великихъ дѣлъ, ознаменовавшихъ его служеніе. Онъ скончался 8 генваря 1796 года. Черезъ пять дней надъ гробомъ его знаменитый нашъ витія Леванда, при общемъ рыданіи всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ св. Софіи, восклицалъ: »Пріидите, учащіеся сироты! отдайте послѣднее »цѣлованіе вашему руководителю, просвѣтителю, покровителю! »Послѣдній разъ вы видѣли его усердіе, его милосердіе къ »вамъ; мысли и попеченія его о васъ скрываются съ нимъ во »гробъ. Пріидите нищіе, меньшая братія Христова! отдайте »послѣднее цѣлованіе вашему сострадателю, человѣколюбцу, »милователю. Онъ въ послѣднее простиралъ руки свои на об»легченіе вашего тягостнаго жребія, щедрота его вселяется »съ нимъ во гробъ. Пріидите невинные, оправданные на судѣ! »отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣши»телю, вашей невинности оправдателю, избавителю: готовность »сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите, »наслаждавшіеся въ паствѣ сей правленіемъ кроткимъ, немздо»имнымъ, нелицепріятнымъ, отдайте послѣднее цѣлованіе ва»шему пастырю! Кротость и благость сія познала западъ свой, »удаляется съ пастыремъ во гробъ. Пріидите, вѣры побор-

»ники, истины Христовой ревнители, добродѣтелей Христовыхъ »подражатели! отдайте послѣднее цѣлованіе сему рѣдкому лю»бителю Христа, рачителю истины Его, вѣры, терпѣнія, бла»готворенія, правилъ его послѣдователю: все сіе сокровище »сердца его сокрывается отъ очей нашихъ въ сей мрачный »гробъ. Свѣтильникъ, возженный для свѣта, горѣвшій и свѣ»тившій доселѣ, нынѣ для наведенія мрака, полагается подъ »спудъ; остается имя любимое и память благъ, пресѣкшихся »съ жизнію[407]«. Такъ говорилъ краснорѣчивый витія, и слово его было истинно, ибо всѣ изчисленныя имъ достоинства во всей полнотѣ украшали приснопамятнаго іерарха кіевскаго, и память его донынѣ живетъ съ похвалами, какъ память праведнаго. Но и съ жизнію не угасла благотворительность высокаго протектора къ воспитавшему его самаго училищу. Черезъ восемь мѣсяцевъ, по кончинѣ его, когда вскрыто было духовное завѣщаніе, то нашли, что онъ жертвуетъ на Академію *двѣ тысячи* рублей. Истинны и нелестны слова Рубана о Самуилѣ:

И кіевскій Парнассъ, возобновленъ тобою,
Блаженствовалъ, хвалясь, ведя счастливы дни,
Монаршихъ и твоихъ щедротъ цвѣтя въ тѣни[408].

Извѣстнѣйшіе воспитанники, вышедшіе изъ школы Самуила Мисласкаго, суть слѣдующіе:

Андріевскій Иванъ Самойловичъ. Онъ былъ сынъ священника, и по поступленіи въ Академію, постепенно проходилъ всѣ низшіе классы. Достигнувъ философіи, *Андріевскій* посланъ былъ въ Москву, и какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ, уже достаточно приготовленный въ самыхъ необходимыхъ для дальнѣйшаго образованія наукахъ, вызвался держать экзаменъ на студента университета и въ 1792 году принятъ былъ на медицинскій факультетъ. Черезъ четыре года

послѣ сего онъ удостоенъ былъ званія лекаря и опредѣленъ прозекторомъ анатоміи при томъ же университетѣ, а въ 1803 году, по экзамену, получилъ степень доктора медицины, публично защитивъ сочиненіе свое: Dissertatio inauguralis medica, sistens observationes anatomicas, susceptionem intestinorum verminosam illustrantes, и черезъ два года утвержденъ адъюнктомъ и экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ветеринарныхъ наукъ. Это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ профессоровъ московскаго университета. Къ сожалѣнію, онъ скончался слишкомъ рано для науки и отечественнаго просвѣщенія (1809 г.). Не смотря однакожъ на кратковременное служеніе свое въ должности наставника, онъ успѣлъ издать для слушателей своихъ нѣсколько полезныхъ сочиненій[409].

Ведель Артемій Лукьяновичъ, нашъ самородный, русскій композиторъ, по достоинству долженствующій раздѣлять славу Березовскаго и Бортнянскаго. Онъ родился въ Кіевѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и принадлежалъ къ мѣщанскому сословію. Въ юныхъ лѣтахъ *Ведель* отданъ былъ родителями своими въ кіевское училище, и за отличный голосъ было немедленно принятъ въ академическій хоръ. Такимъ образомъ *Ведель* съ перваго же раза попалъ въ тотъ кругъ, изъ котораго не суждено было ему выходить до конца своей жизни. Достигнувъ философскаго класса, *Ведель* принялъ въ управленіе академическую капеллію; отличная манера, глубокія свѣдѣнія, полный и превосходно выработанный голосъ привлекли къ нему общее вниманіе кіевлянъ. Тогдашній московскій генералъ-губернаторъ П. Д. Еропкинъ просилъ митрополита Самуила прислать къ нему знатока въ церковномъ пѣніи. Выборъ палъ на *Веделя;* съ тремя мальчиками изъ академическаго хора онъ отправился въ Москву, и вступилъ тамъ въ управленіе капеллiей Еропкина, состоя между тѣмъ на службѣ въ Сенатской Канцеляріи. Въ 1790 году, по увольненіи Ероп-

кина отъ службы, *Ведель* возвратился въ Кіевъ съ чиномъ губернскаго секретаря, и прямо явился къ любимицѣ своей Академіи съ камертономъ регента. Квартировавшій въ ту пору на Подолѣ корпусный генералъ А. Я. Леванидовъ полюбилъ его и уговорилъ перейти къ себѣ, исходатайствовавъ ему чинъ поручика. *Ведель* тотчасъ же занялся составленіемъ пѣвческаго хора изъ солдатскихъ дѣтей и вольныхъ людей. Въ короткое время пѣвческая Леванидова, стараніемъ *Веделя*, стала одною изъ лучшихъ въ Кіевѣ.

Это была самая цвѣтущая пора его необыкновеннаго таланта, и къ этому-то времени относятся почти всѣ концерты его и самое пѣніе, доселѣ остающееся въ памяти кіевскихъ старожиловъ. Въ партитурѣ всѣхъ концертовъ *Веделя*, писанной имъ самимъ 1796 года[410], нельзя не обратить съ перваго же взгляда особеннаго вниманія на разныя музыкальныя украшенія, которыми убиралъ онъ преимущественно партицію тенора и выполненіе которыхъ врядъ ли и было кому доступно, кромѣ его самаго. Надъ такой партиціей призадумались бы и Рубини и Маріо: труднѣйшія рулады, быстрые переходы изъ полутона въ полутонъ, смѣлость и нарочитая витіеватость оборотовъ показываютъ, что голосъ *Веделя* былъ обработанъ въ высшей степени и не боялся никакихъ трудностей. Конечно, отъ этихъ свѣтскихъ украшеній, щедро имъ разсыпаемыхъ, церковное пѣніе нѣкоторымъ образомъ утрачивало характеръ простоты и молитвеннаго спокойствія: но *Веделя* слишкомъ строго винить въ этомъ нельзя, — таковъ былъ вкусъ и требованія духа времени. По крайней мѣрѣ у *Веделя* самыя хитрыя рулады и фіоритуры никогда не затемняли главной мысли и не были предметомъ особенныхъ и намѣренныхъ его усилій, а выходили сами собою; это не тѣ скачки и рулады, которыми щеголяли въ свое время концерты Алейникова, Пичугина и особенно Дехтярева, походившіе болѣе на италіянскія оперетки. Замѣчательно, что концерты *Веделя* и безъ тѣхъ украшеній, какими

усыпалъ онъ партицію тенора, нисколько не теряютъ своихъ достоинствъ, и даже, можно сказать, больше нравятся строго-эстетически образованному вкусу.

Въ 1792 году, когда Леванидовъ былъ переведенъ изъ Кіева генералъ-губернаторомъ въ одну изъ сѣверныхъ губерній въ Россіи, *Ведель*, лишившись въ немъ своего покровителя, бросилъ все, и соскучившись безъ любимаго своего занятія, сложилъ съ себя званіе поручика и поступилъ въ Кіево-печерскую Лавру въ число послушниковъ. Здѣсь онъ обратилъ всю энергію пылкой души своей къ иноческимъ подвигамъ, усердно исправляя должность чтеца и клиросанина. Братія находили въ немъ образецъ кротости, терпѣнія и послушанія, и скоро надѣялись видѣть его въ санѣ служителя алтаря Господня: но къ удивленію всѣхъ, *Ведель* въ одну ночь тайно бѣжалъ изъ Лавры. Въ нищенскомъ видѣ, съ признаками нѣкотораго помѣшательства, бродилъ онъ по полтавской, черниговской и харьковской губерніямъ. Между тѣмъ на *Веделя* пало неблаговидное подозрѣніе въ сочиненіи какихъ-то записокъ, относившихся къ современнымъ политическимъ событіямъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ кіевскій М. Н. Кречетниковъ немедленно распорядился объ отысканіи бѣглеца. Не зная ни о чемъ и ничего не подозрѣвая, *Ведель* воротился въ Кіевъ и явился прямо въ Лавру, откуда былъ представленъ за карауломъ гражданскому начальству. Это обстоятельство сильно потрясло его; однакожъ онъ не потерялъ присутствія духа и успѣлъ оправдаться въ возникшемъ подозрѣніи. Но за бродяжество все таки посадили его въ Смирительный Домъ. Тутъ онъ уже явно и совсѣмъ помѣшался; глубокая задумчивость и исканіе уединенныхъ мѣстъ были признаками уже не нормальнаго состоянія его умственныхъ способностей. Многочисленные почитатели его таланта не переставали навѣщать его въ горькомъ заключеніи: но уходили, часто не могши добиться отъ него какого либо слова. Въ 1806 году *Артемій Лукьяновичъ Ведель* окончилъ горемычную

жизнь свою въ томъ же Смирительномъ Домѣ. Знаменитый витія И. В. Леванда, напутствовавшій его св. тайнами, испросилъ позволеніе у начальства проводить *Веделя* съ приличною церемоніей. Тѣло *Веделя* было несено попеременно то воспитанниками Академіи, то частными лицами, его почитателями. Прахъ его покоится въ бывшемъ Кирилловскомъ монастырѣ: но гдѣ именно его могила, — неизвѣстно.

Ведель былъ красивъ собою и прекрасно сложенъ. Нравомъ тихъ, кротокъ, привѣтливъ и всему предпочиталъ уединеніе. Послѣднее обстоятельство было причиною того, что товарищи по училищу считали его духовидцемъ и подходили къ нему съ нѣкоторою боязнію. Молитва не сходила съ устъ *Веделя;* что бы онъ ни дѣлалъ, куда бы ни шелъ, всегда шепталъ про себя Псалтирь, который зналъ наизустъ, и часто заливался слезами, декламируя на распѣвъ вдохновенныя пѣсни Царя-псалмопѣвца. Генералъ Леванидовъ, въ домѣ котораго онъ жилъ и съ которымъ былъ потомъ въ дружескихъ сношеніяхъ, пожелалъ однажды узнать, чѣмъ занимается *Ведель* въ свободное время; для этого онъ тихонько подошелъ къ его комнатѣ: но услышавъ его поющаго и завидѣвъ въ полу-отворенную дверь, что *Ведель* стоитъ передъ иконами на колѣняхъ, отошелъ прочь, не желая мѣшать религіозному вдохновенію благочестиваго человѣка.

Ведель превосходно игралъ на скрыпкѣ, и былъ первымъ солистомъ въ оркестрѣ академическомъ. Управляя хоромъ, онъ никогда не сердился, и вывести его изъ терпѣнія не было никакой возможности; ошибку онъ встрѣчалъ улыбкою и ласково поправлялъ ее. Въ дни Великаго поста онъ иногда выходилъ пѣть одинъ: *да исправится молитва моя*, импровизируя музыку удивительнымъ образомъ[411]. Сказываютъ, что въ эти минуты лицо его какбы просвѣтлялось и слезы ручьемъ лились изъ глазъ его. Въ разговорахъ онъ былъ весьма умѣренъ; больше молчалъ и почти всегда былъ задумчивъ. Любимымъ развлеченіемъ

его было пѣніе священныхъ гимновъ и кантовъ, бывшихъ въ общемъ употребленіи между студентами Академіи[412]. Для этого онъ приглашалъ къ себѣ малютокъ-пѣвчихъ, при чемъ, какъ замѣчаетъ сказатель жизни *Веделя*, самъ не разъ исполнявшій при немъ тѣ пѣсни, онъ всегда »погружался въ меланхолію«.

Концерты *Веделя* есть двухорные и однохорные для четырехъ голосовъ. Двухорныхъ впрочемъ только два: *Проповѣдника вѣры*, въ день св. апостола Андрея, и *Господь пасетъ мя*[413]. Оба эти концерта написаны, какъ видно, изъ подражанія извѣстному Сарти и слабѣе прочихъ композицій *Веделя*, хоть далеко выше музыкально-церковныхъ произведеній этого итальянца-капельмейстера. Въ adagio и solo этихъ двухорныхъ концертовъ *Веделя* является тоже молитвенное чувство, какимъ всегда одушевляемъ былъ нашъ отечественный композиторъ; тутъ какъ будто онъ чувствуетъ себя дома, и поетъ своимъ, а не подражательнымъ голосомъ. Хоровыя переклички въ allegro видимо сбивали его съ своеродной колеи и заставляли прибѣгать къ общимъ музыкальнымъ мѣстамъ, которыми такъ богаты современные ему композиторы. Во всѣхъ четырехголосныхъ концертахъ *Веделя* самая лучшая партиція — теноровая; въ adagio всѣ прочіе голоса служатъ ему какъ будто аккомпаниманомъ. Но за то, что за богатство инструментовки въ хорахъ! Что за широкое, необъятное море звуковъ, какбы волнующихся плавной, мѣрной зыбью! Ни одного педантическаго скачка изъ тона въ тонъ, ни одного не натуральнаго перехода, ни одной ноты, поставленной наудачу или для пополненія музыкальныхъ пробѣловъ; легкость, особенная мелодичность, чистота, ясность и, такъ сказать, сердечность (sincerité)—вотъ неотъемлемыя достоинства произведеній *Веделя*.

Строгіе контрапунктисты упрекнутъ, можетъ быть, его въ нѣкоторомъ однообразіи и повтореніи любимаго мотива: но это отъ того, что они не понимаютъ, какъ должно, характера на-

шей церковной музыки. Мнимое однообразіе можетъ быть почтено даже однимъ изъ первыхъ достоинствъ композиціи *Веделя;* оно показываетъ непрерывность, естественность, постоянство и единичность молитвенно-религіознаго чувства, обдержащаго душу до конца пѣсни и можетъ быть повторяющаго иногда себя, какъ повторяется одна и таже молитва въ »умномъ дѣланіи« высокихъ подвижниковъ жизни пустынной. Возьмите хоть концертъ *Веделя: Доколь, Господи, забудеши мя;* — отъ начала до конца цѣлаго псалма онъ весь проникнутъ однимъ, ни на одну секунду не прерывающимся чувствомъ скорби, изливаемой предъ Утѣшителемъ всѣхъ скорбящихъ. Тутъ нѣтъ общихъ музыкальныхъ мѣстъ; нѣтъ, пожалуй, и педантическаго разграниченія, указываемаго контратунктомъ: за то во всякой нотѣ, во всякой фразѣ видна душа, любящая—христіанская душа. Сказатель жизни *Веделя* говоритъ, что по исполненіи въ Михайловскомъ монастырѣ этого концерта капеллiей Леванидова, подъ дирекціей самаго композитора, князь Дашковъ, проживавшій на ту пору временно въ Кіевѣ, снялъ съ себя золотой шарфъ и подарилъ его *Веделю*, присовокупивъ къ тому 50 червонцевъ. Концертъ: *Спаси мя Боже* нельзя слушать безъ слезъ; концертъ: *Помилуй мя Господи*, обошелъ всю Русь православную; его пѣли вездѣ, приписывая то тому, то другому композитору. Ужъ одна эта популярность много говоритъ въ пользу высокаго таланта *Веделя*.

Превосходной манерѣ *Веделя* подражали всѣ пѣвческіе хоры, которыхъ въ ту пору въ Кіевѣ было очень много. Малороссійскіе помѣщики дорого платили за каждую его пьесу, переписываемую для ихъ домашнихъ капелліи. Министръ Юстиціи Д. П. Трощинскій заплатилъ за двѣ полныя службы *Веделя* 300 рублей—цѣна, по тогдашнему времени, высокая. Самъ Бортнянскій, не любившій себѣ соперниковъ, не разъ письменно просилъ *Веделя* не оставлять музыкальныхъ занятій.

Изъ мелкихъ сочиненій *Веделя* особенно замѣчательно тріо:

Покаянія отверзи ми двери. Его знаетъ и поетъ вся православная Русь, и ни одна изъ извѣстнѣйшихъ композицій этой покаянной пѣсни не выражаетъ столько мысли, столько глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, какъ это произведеніе *Веделя.* Ужасъ объемлетъ душу при восклицаніи баритона: *окаянный трепещу,* — восклицаніи, прямо вырывающимся изъ подъ сердца, тѣсно сжатаго благодатною скорбію. Есть и другія его сочиненія: *Единородный; Пѣсни херувимскія; Егда славніи ученицы; Милость мира жертву; Отче нашъ; Достойно есть* и проч. но всѣ онѣ, нося въ себѣ печать его могучаго таланта, какъ будто не договорены, какъ будто показываютъ, что геніальному композитору негдѣ было развернуться полетомъ творческой своей фантазіи[414].

Когда объятый вдохновеніемъ *Ведель* написалъ первую строку своего концерта: *Пою Богу моему дондеже есмь,* — думалъ ли онъ, что не допоетъ до конца прекрасныхъ пѣсней своихъ, что его же звуки будутъ потомъ казаться ему темной сказкой, давно когда-то слышанной и уже позабытой?... Непостижимы судьбы Божіи!...

Лагановскій Іакинѳъ родился въ Кіевѣ и принадлежалъ къ сословію дворянъ. Такъ какъ родитель его, по бѣдности, занимался портняжествомъ, то и сына своего *Ивана* пріучалъ къ тому же. Послушный отцовской волѣ, *Лагановскій* усердно принялся за ремесленное дѣло: но съ завистію слушалъ сверстниковъ своихъ, разсуждавшихъ о предметахъ, недоступныхъ его понятію. Изучивъ дома грамоту, онъ началъ просматривать записки учениковъ, квартировавшихъ въ домѣ его родителя, и жажда къ познаніямъ разгоралась въ немъ болѣе и болѣе. Родитель не соглашался на просьбы сына, желавшаго поступить въ Академію, а время между тѣмъ уходило; наконецъ уже шестнадцати лѣтъ отъ роду *Лагановскій* вступилъ въ училище (1779 г.) и по окончаніи курса, въ 1792 году, опредѣленъ былъ учи-

телемъ въ переяславскую семинарію высшаго класса граматики и греческаго языка; черезъ годъ онъ переведенъ въ Академію преподавателемъ математики въ среднемъ классѣ и граматики въ высшемъ, а въ 1795 принялъ монашество съ именемъ *Іакинѳа*. Продолжая проходить различныя училищныя должности, *Лагановскій* въ 1800 году достигъ степени префекта и въ семъ званіи произведенъ въ архимандриты Братскаго монастыря, а по выбытіи Фальковскаго, принялъ ректуру Академіи. По девятилѣтнемъ управленіи воспитавшимъ его училищемъ, *Лагановскій* былъ переведенъ въ курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и скончался 1817 года[415].

Писнячевскій Меѳодій родился 1774 года въ с. Остролучьѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, и при крещеніи нареченъ *Михаиломъ*. Поступивъ по десятому году въ Кіевскую Академію, *Писнячевскій*, по окончаніи курса, отправленъ былъ въ московскій университетъ для изученія собственно словесныхъ наукъ. Отличные успѣхи и рѣдкое прилежаніе доставили ему уваженіе отъ профессоровъ и серебряную медаль за латинскую диссертацію. Въ 1800 году, согласно обязательству, имъ данному, *Писнячевскій* возвратился въ Кіевъ и поступилъ въ Академію учителемъ поэзіи и высшаго класса чистой математики, а черезъ три года принялъ монашество и переименованъ *Меѳодіемъ*. Въ званіи соборнаго старца Кіево-печерской Лавры *Писнячевскій* 1804 года назначенъ префектомъ Академіи, и черезъ пять лѣтъ указомъ св. Синода вытребованъ былъ въ с.-петербургскую семинарію для преподаванія философскихъ наукъ. Въ 1810 году, по опредѣленіи Коммиссіи духовныхъ училищъ, онъ былъ наименованъ баккалавромъ, и продолжая преподавать философію, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность инспектора семинаріи, а потомъ былъ ректоромъ Александро-невскаго уѣзднаго училища. Въ 1811 году *Меѳодій* произведенъ въ санъ архимандрита и въ званіе ординарнаго профессора философскихъ наукъ, а черезъ годъ опредѣленъ ректоромъ петербургской се-

минаріи и профессоромъ богословія, съ назначеніемъ въ настоятели Троицко-сергіевой пустыни. Многополезные труды его удостоились Высочайшаго воззрѣнія: 1813 года *Меѳодій* пожалованъ былъ крестомъ и тогда же рукоположенъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородской митрополіи; отсюда 1816 былъ переведенъ въ полтавскую епархію; 1824 въ Астрахань, а черезъ годъ во Псковъ архіепископомъ: но потеря зрѣнія побудила его оставить службу и переселиться на покой въ лубенскій монастырь, гдѣ онъ и скончался 1844 года[416].

Подолинскій Иванъ Наумовичъ родился 1779 г. отъ дворянской фамиліи. Въ 1787 году онъ отданъ былъ родителями своими въ Кіевскую Академію, и по совершеніи въ оной, 1795 года, полнаго курса, поступилъ на службу въ духовную дикастерію подканцеляристомъ. Черезъ пять лѣтъ *Подолинскій* перешелъ въ кіевское Губернское Правленіе экспедиторомъ, и съ этихъ-то поръ началась болѣе видная и самостоятельная служба его. Какъ одинъ изъ лучшихъ чиновниковъ, онъ преимущественно предъ другими командируемъ бывалъ по важнымъ порученіямъ, всегда оканчиваемымъ имъ съ полнымъ успѣхомъ и одобреніемъ со стороны начальства. Въ 1813 году *Подолинскій* назначенъ въ Почтовый Департаментъ секретаремъ при директорѣ: но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переведенъ къ той же должности къ кіевскому гражданскому губернатору, а вслѣдъ за тѣмъ назначенъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія. Дѣйствія его въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ случаяхъ обратили на себя Высочайшее вниманіе, и *Подолинскій*, имѣя чинъ только титулярнаго совѣтника, награжденъ 1817 года орденомъ св. Владиміра 4 степ. а 1819 св. Анны 3 стен. Начальство, дорожившее такимъ усердпымъ и дѣятельнымъ чиновникомъ, поручало ему такія дѣла, которыя съ одной стороны показывали особенное довѣріе правительства, а съ другой опытность его и отличныя способности. Въ 1826 году *Подолинскій* награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степ. и произведенъ въ чинъ

коллежскаго ассессора. Въ томъ же году, за расторопность, усердіе и совершенное усмиреніе крестьянъ графини Потоцкой онъ Всемилостивѣйше награжденъ подаркомъ въ 1,000 рублей. Въ 1832 году *Подолинскій* переведенъ былъ совѣтникомъ въ волынское Губернское Правленіе, а въ слѣдующемъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 2 степ. и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ кіевскому военному подольскому и волынскому генералъ-губернатору. Въ 1834 году опредѣленъ предсѣдателемъ Уголовной Палаты, въ каковой должности и оставался до 1847 года, когда по разстроенному здоровью и по старости лѣтъ вынужденъ былъ взять отставку. За годъ передъ тѣмъ, по засвидѣтельствованію начальства, объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ, *Подолинскій*, согласно удостоенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. *Иванъ Наумовичъ*, бывъ живою энциклопедіей всѣхъ существующихъ въ имперіи узаконеній, изумлялъ сослуживцевъ своихъ необыкновенно-твердымъ и отчетливымъ знаніемъ указовъ и постановленій, еще не приведенныхъ тогда въ строгую систему незабвеннымъ нашимъ законовѣдомъ графомъ Сперанскимъ. Въ высшей степени честный, благородный и безкорыстный, онъ отличался прямотою характера, рѣдкимъ добродушіемъ и привѣтливостью, будучи всегда готовъ, при ограниченномъ своемъ состояніи, помогать ближнимъ. *Подолинскій* скончался какъ истинный христіанинъ, благословляемый и чтимый всѣми, знавшими прекрасную его душу[417].

Смирницкій Антоній родился 1773 года 29 октября въ с. Повстинѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, отъ тамошняго священника Гавріила, который и самъ получилъ воспитаніе въ Кіевской Академіи. Послѣ приготовительнаго домашняго ученія *Авраамій* (мірское имя *Антонія*) по десятому году отвезенъ былъ отцомъ своимъ въ Кіевъ и поступилъ въ училище. Преуспѣвая въ ученіи, *Авраамій* обращалъ на себя особенное вниманіе своимъ благочестивымъ и тихимъ нравомъ.

Каждый день онъ начиналъ тѣмъ, что выслушивалъ раннюю обѣдню въ Братской церкви и потомъ уже отправлялся въ классы, все свободное отъ ученія время посвящая чтенію писанія св. отцовъ и церковныхъ поученій. По окончаніи курса, *Смирницкому* предлагали вступить въ бракъ, но не благословленный на то митрополитомъ Самуиломъ, *Авраамій* поступилъ въ монашество, и въ 1797 году принялъ постригъ съ именемъ *Антонія*. Вскорѣ въ санѣ іеромонаха, онъ началъ завѣдывать лаврской библіотекой, потомъ типографіей, а въ 1814 былъ назначенъ начальникомъ ближнихъ пещеръ и вслѣдъ за тѣмъ намѣстникомъ Кіево-печерской Лавры. Пребываніе свое въ этой должности *Антоній* ознаменовалъ на вѣки тѣмъ, что, съ благословенія митрополита Серапіона, установилъ по средамъ передъ поздней обѣдней торжественное чтеніе акаѳиста Успенію Богоматери. По случаю посѣщенія св. Лавры Императоромъ Александромъ I, намѣстникъ оной удостоился получить, въ знакъ Высочайшаго къ нему благоволенія, драгоцѣнный бриліантовый крестъ. Но доселѣ *Антоній* былъ только іеромонахомъ. Въ 1817 году, по указу св Синода, онъ былъ произведенъ въ архимандриты и вскорѣ за тѣмъ причисленъ къ ордену св. Анны 2 степ. Въ годъ кончины своей Императоръ Александръ I изволилъ назначить *Антонія* епископомъ въ Воронежскую епархію, что было утверждено потомъ и Державнымъ Братомъ Благословеннаго. Пастырская ревность и глубокое благочестіе скоро стяжали *Антонію* извѣстность и званіе архіепископа. Высочайшія награды быстро послѣдовали одна за другой: въ 1830 году *Антоній* получилъ орденъ св. Анны 1 степ.; въ 1837 Владиміра 2 степ. и алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ; въ 1840 св. Александра Невскаго, а въ 1846 алмазные знаки сего ордена. Но самое величайшее счастье и награда ниспосланы были ему свыше открытіемъ мощей святителя Митрофана. Заботливость и усердіе *Антонія* къ сему святому дѣлу увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и 6 августа 1832 года онъ имѣлъ счастіе своими руками поднять изъ склепа не-

тлѣнныя мощи угодника, прославленнаго Господомъ. Ревнуя о благолѣпіи храмовъ Божіихъ, *Антоній* возобновилъ обветшавшій архангельскій соборъ, надстроилъ третій этажъ соборной колокольни и своими совѣтами подвигъ воронежское купечество создать новоявленному святителю богатѣйшую серебряную раку, а въ 1836 году, съ Высочайшаго соизволенія торжественно открылъ первокласный Митрофановъ Благовѣщенскій монастырь, учредивъ каѳедральный соборъ въ бывшей приходской смоленской церкви. Въ тяжкія годины губительной эпидеміи и ужаснаго голода, постигшихъ воронежскую губернію, *Антоній* явился истиннымъ отцомъ и благодѣтелемъ своей паствы, не словомъ только, но и самымъ дѣломъ укрѣпляя и поддерживая страдавшихъ отъ страшныхъ бичей праведнаго гнѣва Божія. Справедливо почитая образованіе духовнаго юношества одною изъ первѣйшихъ своихъ обязанностей, *Антоній* заботился, какъ объ усовершенствованіи въ духѣ христіанскомъ преподаванія наукъ, такъ и объ обезпеченіи учащихся. Стараніемъ его въ 1837 году открыты въ г. Задонскѣ, а въ 1838 въ г. Павловскѣ уѣздныя духовныя училища, на которыя, при его содѣйствіи, собрано 1347 рубл. да принесено въ даръ графинею Орловою-Чесменскою 500 р. Въ 1845 году исходатайствовано *Антоніемъ* на содержаніе бѣдныхъ учениковъ воронежской семинаріи 2081 р. и на поправку училищнаго зданія 3569 р. а въ слѣдующемъ году на тотъ же предметъ 4278 р. и сверхъ того еще 990 р. Преосвященный *Антоній Смирницкій*, заслуживъ Высочайшее благоволеніе двухъ великихъ Монарховъ и ихъ царственныхъ семействъ, благословляемый всею воронежскою паствою, мирно скончался 20 декабря 1846 года и погребенъ въ великой церкви Митрофановскаго монастыря[418].

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Іероѳей Малицкій.

Краткая біографія Іероѳея. 26 мая 1796 года. Кончина Екатерины II. Возвращеніе прежнихъ правъ Малороссіи. Контракты въ Кіевѣ. Заботы Павла I о православіи. Путешествіе его по ново-пріобрѣтеннымъ губерніямъ. Высочайшія распоряженія. Заботы Іероѳея объ Академіи. Содержаніе учителей. Внѣшнее состояніе училища. Возстановленіе Кіево-братскаго монастыря. Подтвержденіе о своевременномъ прибытіи студентовъ въ Академію. Учрежденіе академическаго правленія. Высылка студентовъ въ разныя училища. Открытіе въ Академіи новыхъ классовъ. Учебное росписаніе. Распорядокъ учебныхъ часовъ. Академія принимаетъ характеръ собственно духовнаго училища. Ректоры. Кончина митрополита Іероѳея. Характеръ его. Число воспитанниковъ Академіи. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Веланскій Даніилъ. Визерскій Іеронимъ. Галинскій Авксентій. Данилевскій Алексѣй. Ризенко Василій Тимковскій Романъ.

1796—1799.

»Пастырь нашъ изъ мертвыхъ возсталъ«! восклицалъ дивный словомъ и мыслію Леванда, срѣтая въ древнемъ храмѣ св. Софіи митрополита Іероѳея. Блестящи были надежды всей паствы на сего іерарха: но не успѣли онѣ осуществиться за преждевременною его кончиной.

Іероѳей Малицкій родился 1727 года въ Черниговѣ и въ тамошней семинаріи получилъ полное воспитаніе[419]. Кириллъ Ляшевецкій, епископъ воронежскій, знавшій Малицкаго еще на

родинѣ, вызвалъ его въ 1758 году въ Воронежъ учителемъ въ тамошнюю семинарію, и тогда же постригъ его въ монашество. Іероѳей преподавалъ тамъ поэзію и реторику, и возведенъ былъ наконецъ въ званіе префекта. Когда же Кириллъ былъ переведенъ въ Черниговъ, то взялъ съ собою и Малицкаго, и по прибытіи на паству посвятилъ его въ игумена черниговскаго Домницкаго Рождественскаго монастыря. Въ 1774 году онъ былъ произведенъ епископомъ Ѳеофиломъ въ архимандрита Успенскаго Елецкаго черниговскаго монастыря, и опредѣленъ ректоромъ семинаріи, а 1778 года, по кончинѣ Ѳеофила, Высочайше назначенъ преемникомъ его архипастырства. Послѣ митрополита Самуила Іероѳей прямо изъ епископовъ черниговскихъ возведенъ въ кіевскіе митрополиты, съ званіемъ священно-архимандрита Кіево-печерской Лавры и члена св. Синода.

День 26 мая 1796 года былъ праздничнымъ днемъ для всего Кіева. Онъ срѣталъ своего архипастыря. »Радуйтеся! возглашалъ Леванда. Отецъ нашъ возвращается! Чада, цѣ»луйте руки его! Не Самуилъ ли? Имя другое, но сердце тожъ, »любовь и кротость, истина и милость, вся добродѣтель таже[120]«. Академія также спѣшила къ своему Богомъ данному протектору съ изъявленіемъ искренняго восторга, изливая его въ »радостныхъ чувствованіяхъ музъ«. Оды, рондо, акростихоны, сонеты, мадригалы сыпались градомъ.

Простри, о пастырь, свѣтлы взоры
На музъ, блаженнѣйшихъ тобой!
Онѣ, составивъ нѣжны хоры,
Свой воспѣваютъ вѣкъ златой.
Пермесскимъ жаромъ пламенѣютъ
Сердца питомцевъ нѣжныхъ музъ;
Къ тебѣ, къ тебѣ, благоговѣютъ,
Отецъ, безсмертный славой мужъ!

Они усердья строятъ лиру
И днесь всему вѣщаютъ міру:
»Приспѣли къ намъ златые дни,
»Течетъ нынь то пріятно время,
»Когда отрясши скорбей бремя,
»Вкушаемъ радости одни[421]«.

Не прошло и полгода послѣ сего, какъ кіевляне увидѣли архипастыря своего въ черныхъ ризахъ, возглашавшаго вѣчную память Величайшей изъ Монархинь Екатеринѣ II. Плакала Россія по своей царственной Благодѣтельницѣ: но не смѣлъ торжествовать врагъ царства русскаго, ибо на престолѣ былъ Павелъ I.

Въ томъ же году Малороссія увидѣла замѣчательную перемѣну въ судопроизводствѣ, до сей поры уравниваемомъ общими учрежденіями, касавшимися всѣхъ частей имперіи. Именнымъ указомъ отъ 30 ноября 1796 года повелѣно было возстановить въ Малороссіи правленіе и судопроизводство, сообразно тому, какъ оно существовало тамъ прежде, по давнимъ правамъ и обрядамъ. Въ слѣдствіе сего Кіевъ получилъ званіе губернскаго города съ причисленіемъ къ нему всѣхъ земель, возвращенныхъ отъ Польши[422]. Пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, кіевскій градскій глава Рыбальскій, отъ имени всего общества, всеподданнѣйше просилъ Императора, чтобъ сохранены были ненарушимо всѣ права, вольности, преимущества, городскіе доходы и выгоды, присвоенныя городу по жалованнымъ граматамъ Самодержцевъ Всероссійскихъ и прежними привиллегіями. Все это было подтверждено именнымъ указомъ, даннымъ 16 сентября 1797 года[423]. Такимъ образомъ Кіевъ вовсе неожиданно увидѣлъ себя въ положеніи, о которомъ, благодаря поступательному движенію жизни гражданственной, сталъ было уже забывать, и снова взялъ въ руки Магдебургское право, уже покрывшееся пылью.

Издавна въ г. Дубнѣ, вскорѣ послѣ праздника Богоявленія Господня, ежегодно открываема была ярмарка, обыкновенно извѣстная въ этомъ краю подъ именемъ *контрактовъ*, гдѣ кромѣ внутренней торговли происходили разныя хозяйственныя сдѣлки между помѣщиками. Значительныя выгоды, которыми пользовался уѣздный городъ волынской губерніи, обратили на себя Высочайшее вниманіе, и 27 сентября 1797 года ярмарка эта, по именному указу, переведена была въ Кіевъ, »по выгодѣ, какъ сказано, и удобности внутренней »торговли[424]«.

Въ слѣдствіе новаго установленія границъ кіевской губерніи, именнымъ указомъ 7 сентября 1797 года повелѣно и кіевскую епархію составить изъ тѣхъ только частей, которыя лежатъ по правую сторону Днѣпра, а въ прочихъ, за Днѣпромъ, отшедшихъ отъ Кіева къ малороссійской губерніи, учредить особую епархію подъ управленіемъ коадъютора кіевской митрополіи, епископа переяславскаго. Въ замѣнъ этого повелѣно принять въ кіевскую епархію изъ екатеринославской губерніи города Умань, Екатеринополь, Чигиринъ и Черкасы съ ихъ уѣздами; изъ брацлавской Махновку, Липовецъ, Пятигоры и Сквиру; изъ волынской Радомысль.

Императоръ Павелъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, занялся подданными своими, обращенными отъ уніи къ православію въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, и въ манифестѣ, изданномъ на русскомъ и польскомъ языкахъ 18 марта 1797 года изъяснилъ, что »обезпечивая въ своей державѣ каж»дому свободу исповѣданія своей вѣры, онъ увѣдомился одна»кожъ, что въ нѣкоторыхъ, присоединенныхъ отъ Польши гу»берніяхъ, духовенство и помѣщики римско-католическаго испо»вѣданія, обращая во зло данную свободу исповѣданія вѣры, »явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей правосла»вныя греко-россійскія церкви, и не токмо тайно внушеніями,

»но даже и насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, »добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніат- »ству. Почему и повелѣлъ, дабы пребывающіе въ присоеди- »ненныхъ отъ Польши губерніяхъ разныхъ наименованій и чи- »новъ духовенство, помѣщики и другаго званія люди, римско- »католическое исповѣданіе содержащіе, пользуясь сами свобо- »дою исповѣданія, не только не привлекали въ оное тайно со- »вѣтами и внушеніями, или же явно и насильственно всякаго »рода вѣрноподданныхъ, одну съ нами православную греко- »россійскую вѣру исповѣдающихъ, но даже и не стѣсняли бы »свободы тѣмъ, кои по добровольному руководству совѣсти са- »ми отъ другихъ исповѣданій къ православной церкви присое- »диниться возжелаютъ, не дѣлая отнюдъ и самомалѣйшаго по- »мѣшательства въ правилахъ и священнослуженіи на олтаряхъ »сей церкви и не оскорбляя ничѣмъ священныхъ и церков- »ныхъ ея служителей подъ опасеніемъ за преслушаніе нака- »занія по всей строгости законовъ«. Какое дѣйствіе имѣлъ этотъ манифестъ на католиковъ и уніатовъ, сейчасъ увидимъ.

Между тѣмъ Павелъ I въ томъ же году предпринялъ путешествіе по новоприобрѣтеннымъ губерніямъ. Ему предстояло много заботъ по дѣлу усмиренія волнуемой страны; дѣйствуя въ этомъ случаѣ кротостію и снисхожденіемъ, Государь употреблялъ все, что только могло успокоить разновѣрцевъ, видѣвшихъ въ обращеніи уніатовъ посягательство на свободу совѣсти[425]. Но ни манифестъ царскій, ни мудрая терпимость Императора не могли образумить фанатиковъ католицизма и уніатства. Опять начались поруганія надъ церковію православною, притѣсненія ея служителей и открытыя гоненія на присоединявшихся отъ уніи. Оставалось прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и 13 генваря 1799 года Павелъ I издалъ строгое постановленіе—судить духовныхъ, которые дерзнутъ совращать изъ господствующаго исповѣданія въ римско-католи-

ческое; а поелику этому содѣйствовала болѣе верховная власть западной іерархіи, то указомъ 17 марта тогоже года повелѣно римско-католическому митрополиту управлять въ Россіи подвѣдомственными ему церквами безъ всякаго сообщенія съ Ватиканомъ; вскорѣ послѣ сего 20 апрѣля и 5 мая изданы указы объ уничтоженіи юрисдикціи папскаго нунція въ Россіи, и наконецъ указомъ 31 августа Высочайше повелѣно съ 1800 года по литовской губерніи не слѣдовать болѣе римскому календарю, а старому греко-россійскому. Митрополитъ Іероѳей, какъ одинъ изъ ближайшихъ дѣятелей въ дѣлѣ умиротворенія извнѣ напаствуемой церкви, Всемилостивѣйше пожалованъ былъ 6 ноября 1798 года орденомъ св. Андрея первозваннаго.

Пока Державный Повелитель Россіи успокоивалъ силою ума и власти своей мятущіяся страны роднаго нашего юга, митрополитъ Іероѳей, какъ протекторъ училища, долженствовавшаго быть разсадникомъ блюстителей тишины и спокойствія церкви и отечества, съ перваго же мѣсяца прибытія своего на паству вошелъ въ ближайшее усмотрѣніе нуждъ училищныхъ. Прошеніе іеромонаха *Ипатія* было поводомъ къ точнѣйшему распредѣленію жалованья между учащими. Въ слѣдствіе чего сдѣлано было на 1797 годъ такое распоряженіе:

Третьекласнаго Кіево-Выдубицкаго монастыря игумену *Аѳанасію* быть по прежнему вицеректоромъ и смотрѣніе имѣть надъ всѣми классами съ жалованьемъ. .	100 р.
Іеромонаху *Иринею* быть профессоромъ богословія и смѣшанной математики, а также наблюдать надъ классами нѣмецкаго языка, чистой математики и ариѳметики.	330 —
Префекту іеромонаху *Иннокентію* преподавать философію и содержать по прежнему казну академическую.	300 —
Іеромонаху *Іакинѳу* читать латинскую реторику и завѣдывать библіотекой	170 —
Іерею *Семеновскому Михаилу* учить латинской поэзіи.	120 —

Соколовскому Никитѣ, быть преподавателемъ нижняго и высшаго краснорѣчія, исторіи и географіи . 340 р.

Козачинскому Осипу, учить въ высшемъ классѣ граматики . . . . . 150 —

Шехновскому Григорію, быть наставникомъ средняго класса граматики и нѣмецкаго языка . . . . 220 —

Иванишеву Димитрію, быть учителемъ нижняго класса граматики и еврейскаго языка . . . . . 170 —

Семяновскому Стефану, преподавать греческій языкъ. . . . . 120 —

Максимовскому Тимофею, учить рисованію и чистой математикѣ . . . . . 160 —

Гловацкому Игнатію, студенту богословія, быть учителемъ ариѳметики . . . . . 50 —

Стрѣлецкому Саввѣ, священнику, опредѣленному по словесному его высокопреосвященства приказанію, быть преподавателемъ польскаго языка. . . . . 50 —

Ипатію іеромонаху продолжать служить въ должности лекаря при академической больницѣ съ жалованьемъ . . . . . 50 —

Всматриваясь ближе въ такое содержаніе училищнаго начальства, нельзя не замѣтить, что академическіе ученые въ собственномъ смыслѣ тогда благоденствовали, особенно это можно сказать о тѣхъ, которые жили въ самомъ корпусѣ. Имъ, кромѣ квартиры, отпускалось отопленіе, освѣщеніе и нѣкоторые съѣстные припасы изъ общей столовой. За тожъ и не оставались они неблагодарными къ истиннымъ своимъ попечителямъ. »Щедроты, писалъ іеромонахъ *Ипатій* къ митрополиту Іероѳею, обильною рукою вашего высоко-преосвященства »изливаемыя, вѣчными чертами напечатлѣны на сердцѣ нашемъ. Время не можетъ ихъ изгладить; онѣ и въ вѣчности »останутся. Сердце наше есть жертвенникъ, на коемъ чи»стѣйшій ѳиміамъ благодарности всеминутно курится«. Въ томъ

же году, по состоявшимся новымъ духовнымъ штатамъ, положено на Академію вмѣсто прежняго жалованья ежегоднаго склада по 12000 рублей. Сумму эту, указомъ св. Синода 1798 года 31 октября, повелѣно было распредѣлить такъ, »чтобы »изъ оной не болѣе, какъ третья часть употреблена была на »жалованье и на все содержаніе ректору, префекту, учителямъ, »лекарю съ однимъ ученикомъ, на академическое правленіе съ »коммиссаромъ и писцами«. Но это до времени оставалось только проэктомъ, и митрополитъ Іероѳей не дождался осуществленія его.

За то порадовалось сердце архипастыря, когда, согласно представленію его, Кіево-братскій училищный монастырь возстановленъ былъ въ штатное положеніе 2 класса. Вмѣстѣ съ этимъ, указомъ св. Синода отъ 2 іюня 1799 года переведенъ сюда штатъ упраздненнаго гамалѣевскаго харлампіева монастыря съ утварью и ризницей.

Выше сего было упомянуто, что въ непосредственномъ завѣдываніи Академіи находилась переяславская семинарія. Многіе изъ обучавшихся въ оной, поступая въ Академію, и находя потомъ обременительнымъ для себя прохожденіе высшихъ наукъ, утруждали самаго протектора просьбами объ увольненіи ихъ отъ ученія подъ тѣмъ предлогомъ, что они могутъ проходить его и на родинѣ. Также нѣкоторые и изъ туземныхъ студентовъ, среди самаго курса, по разнымъ, существенно неуважительнымъ причинамъ, просили себѣ аттестатовъ, и выходили въ свѣтъ недоучками. Митрополитъ Іероѳей рѣшился разъ на всегда прекратить такой безпорядокъ, и указомъ отъ 11 ноября 1797 г. повелѣлъ: »Академіи префекту, равно и всѣмъ безъизъятно студ»ентамъ и ученикамъ оной священно-служительскимъ дѣтямъ »нозоучрежденной переяславской епархіи подтвердить строжайше, »чтобъ они не прося безвременно увольненія отъ ученія, про»должали оное до окончанія непремѣнно, а какъ изъ просьбъ

»ихъ видѣть можно, что нѣкоторые изъ нихъ къ безвременному »отъ такого ученія увольненію просятся, по резону отшествія »изъ кіевской въ переяславскую епархію тѣхъ мѣстъ, откуда »они вступили въ ученіе, и посему будто уже отъ ученія въ »Кіевской Академіи они изъяты, каково мнѣніе даетъ имъ спо»собъ къ развратнымъ мыслямъ, уклонности отъ ученія и не»радѣнію объ ономъ, не разсуждая, что переяславская епархія, »яко коадъюторская, состоитъ въ главномъ начальствѣ его вы»сокопреосвященства, и что въ переяславской семинаріи выс»шихъ классовъ ученія, а также и преподаянія другихъ язы»ковъ нѣтъ, слѣдственно, хотя бы кто изъ нихъ подъ видомъ »желанія продолжать въ той семинаріи ученіе и имѣлъ намѣ»реніе уволиться отъ Академіи: то таково намѣреніе будетъ »тщетно и вмѣсто мнимаго ученія позабудетъ и то, чему въ Ака»деміи обучался съ потеряніемъ невозвратно употребленнаго на то »коштy и времени; для того всѣмъ тѣмъ студентамъ и ученикамъ »внушать, что ежели кто изъ нихъ станетъ безвременно, къ »одному отвлеченію только отъ ученія подавать просьбы о у»вольненіи отъ онаго, то будетъ наказанъ безъ послабленія«.

До сихъ поръ все канцелярское дѣлопроизводство было лишь кабинетнымъ занятіемъ ректора и префекта Академіи: ибо особаго присутственнаго мѣста не существовало. Чтобы правильнѣе организировать учебную администрацію, митрополитъ Іероѳей указомъ 1798 года 17 сентября повелѣлъ учредить, подъ личнымъ предсѣдательствомъ ректора, академическое правленіе, членами котораго назначены префектъ, казначей и библіотекарь, а дѣлопроизводителемъ служившій въ губернскомъ магистратѣ губернскій регистраторъ *Алексѣй Колодѣевъ*, коему особой резолюціей митрополита повелѣно было вести канцелярскій порядокъ такой, какой заведенъ въ дикастеріи. Съ этого времени вся отчетность по училищному управленію, состоявшая прежде въ зависимости отъ членовъ дикастерскихъ, сосредоточилась, какъ и слѣдовало, въ своемъ надлежащемъ мѣстѣ. Всѣ поста-

новленія и рѣшенія присутствія утверждаемы были самимъ митрополитомъ.

Требованія о высылкѣ студентовъ не прекращались и въ это время. Такъ 1796 года отправлены были въ медико-хирургическое училище студенты философіи: *Кошаровскій Аѳанасій*, сынъ священника, *Пекалицкій Павелъ* тоже и *Велланскій Даніилъ*, изъ кіевскихъ дворянъ; ученики риторики: *Германъ Иванъ* изъ дворянъ, *Морашкинъ Игнатъ*, изъ священническихъ дѣтей и *Гловацкій Леонтій*, протоіерейскій сынъ. Въ 1798 г., по Высочайшему повелѣнію, выслано туда же еще столько же: *Хмельницкій Иванъ*, *Словицкій Харитонъ* — оба изъ дворянъ; *Родецкій Игнатъ*, *Бажуловскій Григорій*, *Августиновичъ Ѳедоръ* изъ священническихъ дѣтей и *Ивановъ Матвей*, сынъ отставнаго сержанта. Въ томъ же году, въ слѣдствіе отношенія кіевскаго гражданскаго губернатора В. И. Милашевича, отправленъ студентъ *Абрагамовичъ Варѳоломей* въ уманское училище преподавателемъ русскаго языка. Въ 1799 году мая 6, по распоряженію академическаго правленія вновь высланы въ медицинское училище два студента: *Ясневичъ Ѳедоръ*, священническій сынъ и *Головашенко Михаилъ* изъ мѣщанъ; а 12 августа того же года отправились туда же еще пять человѣкъ: *Бѣлявскій Павелъ*, *Петровъ Артемій*, *Левицкій Иванъ* — дѣти священническіе, *Кайдановъ Яковъ* и *Сиротинскій Григорій* — дьячковскіе. Мы не говоримъ уже о семинаріяхъ и низшихъ духовныхъ училищахъ, постоянно пользовавшихся наставниками изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. Она жила еще той славою, какую пріобрѣла отъ лѣтъ древнихъ, и отпуская лучшихъ своихъ питомцевъ, сама принимала въ свои стѣны приходившихъ даже издалеча. »Я родомъ изъ Венгріи, писалъ въ прошеніи своемъ митрополиту *Марко Реличъ*. Не находя тамъ »ни одного училища, въ которомъ по крайнему желанію сво»ему могъ бы научиться богословію греко-россійскаго исповѣ»данія, оставилъ мое отечество для сего единственно предмета.

»Въ академіи вашего высокопреосвященства въ цвѣтущемъ на»ходится состояніи сія богословія«. Такъ твердо и незыблемо то основаніе, на которомъ единственно можетъ и должно процвѣтать истинно-русское училище!

Вопросы, возбужденные академическимъ начальствомъ, по предмету открытія класса французскаго языка и новаго распредѣленія учебныхъ часовъ по математикѣ, возродили и нѣкоторые другіе, касавшіеся преподаванія наукъ, признанныхъ необходимыми для полнаго академическаго образованія. Согласно представленію митрополита Іерофея, указомъ 18 декабря 1798 года повелѣно, кромѣ французскаго языка, ввести публичное толкованіе по воскреснымъ днямъ апостольскихъ посланій, чтеніе высшаго краснорѣчія, сельской и домашней экономіи, »избравъ къ тому людей, испытанныхъ въ наукахъ, и для пре»подаванія всѣхъ вообще прежнихъ и въ указѣ вновь положен»ныхъ предметовъ назначить особые часы«. Въ слѣдствіе сего академическое начальство представило своему протектору новое росписаніе, которымъ въ училищную програму включены и вводимые предметы. Такимъ образомъ іеромонаху *Иринею Фальковскому* положено, кромѣ занятій богословскими уроками, объяснять публично, по воскреснымъ днямъ, апостольскія посланія передъ поздней литургіей, и при этомъ изъясненіи бывать ученикамъ реторики, философіи и богословія. Академіи префекту іеромонаху *Иннокентію* читать философію; іеромонаху *Іакинѳу*— высшее краснорѣчіе, и въ высшемъ классѣ чистую математику, а также сельскую и домашнюю экономію. *Соколовскому Никитѣ* учить латинской и россійской реторикѣ, а равно и французскому языку; кромѣ того поручено было ему по воскреснымъ днямъ изъяснять послѣ ранней литургіи пространный и сокращенный катихизисъ для учениковъ поэзіи и низшихъ классовъ. *Шехновскому Григорію* преподавать латинскую и россійскую поэзію и нѣмецкій языкъ въ нижнемъ классѣ. *Иванишеву Димитрію* быть учителемъ высшаго класса граматики, еврейскаго

языка и высшаго класса ариѳметики. *Семяновскому Стефану*— средняго класса граматики и греческаго языка высшаго класса; *Зущинскому Ивану* преподавать въ нижнемъ классѣ граматику и ариѳметику; *Храпанову Самуилу*—нѣмецкій языкъ въ высшемъ классѣ; *Ляшкову Трофиму*, священнику — смѣшанную математику; *Стрѣлецкому Саввѣ*, священнику—польскій языкъ; *Максимовскому Тимоѳею* преподавать математику въ нижнемъ классѣ и кромѣ того рисовальное искуство »по правиламъ«; *Гловацкому Игнату*—исторію и географію; *Денеговскому Калистрату*—греческій языкъ въ нижнемъ классѣ.

Естественно, что въ слѣдствіе увеличенія предметовъ долженъ былъ установиться и особый распорядокъ учебныхъ часовъ, и потому митрополитомъ Іероѳеемъ утверждена была слѣдующая програма:

Въ *понедѣльникъ* по утру въ 8 и 9 часу исторія и географія; въ 10 и 11 граматика россійская и латинская, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни 1 и 2 часть ариѳметики, чистая и смѣшанная математика; въ 3 и 4 французскій языкъ; въ 5 и 6 нѣмецкій обоихъ классовъ.

Во *вторникъ* въ 8 и 9 утра греческій языкъ обоихъ классовъ; въ 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни: еврейскій и польскій языки, а также и рисовальное искуство; въ 3 и 4 высшее краснорѣчіе; въ 5 сельская и домашняя економія; въ 6 часу положено быть академическому засѣданію »для слушанія авторскихъ рѣчей и диссертацій«.

Въ *среду* въ 8 и 9 часу исторія и географія; въ 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни: 1 и 2 часть ариѳметики, а также математика чистая и смѣшанная; въ 3 и 4 французскій языкъ; въ 5 и 6 нѣмецкій въ обоихъ классахъ.

Въ *четвергъ* поутру: 8 и 9 часъ греческій языкъ въ обоихъ классахъ; 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе. Во 2 часу по полудни: еврейскій и польскій языки, а также и рисовальное искуство; въ 3 и 4 высшее краснорѣчіе; въ 5 сельская и домашняя економія.

Въ *пятницу* утромъ: въ 8 и 9 часу исторія и географія; въ 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе; во 2 часу по полудни: ариѳметики обѣ части, а также математика чистая и смѣшанная; въ 3 и 4 французскій языкъ; въ 5 и 6 нѣмецкій въ обоихъ классахъ.

Въ *субботу:* 8 и 9 часъ греческій языкъ въ обоихъ классахъ; 10 и 11 граматика, поэзія, реторика, философія и богословіе Во 2 часу по полудни: еврейскій и польскій языки, а также рисовальное искуство; въ 3 и 4 высшее краснорѣчіе; въ 5 сельская и домашняя економія.

Такая програма по необходимости должна была измѣнить и ходъ преподаванія наукъ по всѣмъ классамъ, и потому постановлено:

I. Въ *нижнемъ граматическомъ классѣ* обучать a) сокращенному катихизису; b) чистописанію; c) правописанію; d) правиламъ для учащихся; e) россійской граматикѣ; f) первоначальнымъ латинскимъ словамъ; g) 1 и 2 части граматики латинской.

II. Въ *среднемъ граматическомъ классѣ:* a) повторить сокращенный катихизисъ; b) учить правописанію; c) граматикѣ латинской; d) священной исторіи; e) домашнимъ разговорамъ съ граматическимъ разборомъ; f) 1, 2 и 3 части латинской граматики.

III. Въ *высшемъ граматическомъ классѣ:* a) повторить со-

кращенный катихизисъ; b) учиться школьнымъ разговорамъ съ граматическимъ разборомъ; c) Гибнеровой исторіи на латинскомъ языкѣ тоже съ граматическимъ разборомъ; d) россійской граматикѣ; e) правописанію; f) всей латинской граматикѣ. При чемъ преподавателямъ вмѣнено въ обязанность »имѣть прилежное смотрѣніе въ семъ классѣ за учениками, чтобъ они начинали разговаривать латинскимъ языкомъ, чего самаго и въ послѣдующихъ высшихъ классахъ неослабно наблюдать«.

IV. Въ *поэзіи:* a) читать пространный катихизисъ; b) книгу о должностяхъ; c) поэзію россійскую; d) поэзію латинскую и e) заниматься чтеніемъ и переводомъ авторовъ на россійскій и латинскій языки.

V. Въ *реторикѣ:* a) изъяснять евангелія воскресныя и праздничныя, изъ коихъ воскресныя по субботамъ, а праздничныя на канунѣ праздника; b) учить реторикѣ россійской; c) учить реторикѣ латинской, »которая указомъ предписана« и d) заниматься чтеніемъ авторовъ россійскихъ и латинскихъ по правиламъ реторическимъ.

VI. Въ *классѣ высшаго краснорѣчія:* a) читать рѣчи лучшихъ авторовъ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ; b) дѣлать онымъ логическія и реторическія резолюціи, и по тѣмъ резолюціямъ заставлять студентовъ сочинять имитаціи; c) обучать исправнѣйшему на россійскомъ языкѣ переводу.

VII. Въ *классѣ философскомъ:* a) преподавать краткую исторію философіи; b) логику, метафизику и нравоученіе по Баумейстеру; c) натуральную исторію и физику, по руководствамъ, изданнымъ для народныхъ училищъ; d) занимать изъясненіемъ евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, а между тѣмъ »кромѣ »диссертацій студентамъ упражняться въ сочиненіи и сказываніи »по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ проповѣдей, по прежнему порядку, какъ въ семъ, такъ и въ богословскомъ классѣ »введенному«.

VIII. Въ *богословскомъ классѣ:* a) преподавать краткую церковную исторію съ показаніемъ главныхъ эпохъ; b) герменевтику; c) систему догматико-полемическаго и нравственнаго богословія Ѳ. Прокоповича; d) Пасхалію; e) читать свящ. Писаніе съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ; f) книгу Кормчую; g) книгу о должностяхъ приходскаго священника; h) толковать публично по воскреснымъ днямъ предъ литургіею по правиламъ герменевтики, съ присоединеніемъ нравоученій, апостольскія посланія.

Кромѣ всего этого особою статьею опредѣлялось, »какихъ »классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обу»чаться«. Нижняго граматическаго класса ученикамъ обучаться польскому языку, »яко въ сей и другихъ къ ней сосѣдственныхъ »губерніяхъ употребляемому. Средняго класса ученикамъ про»должать польскій и начинать ариѳметику. Ученикамъ высшаго »граматическаго класса продолжать ариѳметику и польскій языкъ, »начинать нѣмецкій или французскій языкъ, смотря по способ»ности и расположенію учениковъ. Ученикамъ поэзіи продол»жать начатые языки и начинать исторію и географію. Свя»щенно-церковническимъ дѣтямъ всѣмъ безъ исключенія начи»нать греческій языкъ. Студентамъ реторики продолжать на»чатые языки и начинать математику; священническимъ же »дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ. Студенты фило»софіи, изъ коихъ можетъ всякій избирать для себя новыя на»уки или языки; священно-церковническимъ же дѣтямъ про»должать греческій и еврейскій языки. Въ классахъ высшаго »краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философіи и бого»словія. Симъ самымъ студентамъ въ особые часы, выше по»казанные, обучаться сельской и домашней экономіи. Рисо»вальному искуству обучаться по произволенію ученикамъ всѣхъ »классовъ, имѣющихъ къ оному охоту и способность, однакожъ »по правиламъ. Учредить для наблюденія за поведеніемъ всѣхъ »учениковъ, какъ въ студентскомъ сиротскомъ домѣ, такъ и по

»квартирамъ жительство имѣющихъ инспекторовъ, которымъ и »навѣдываться почасту на квартиры, и въ случаѣ замѣчанія въ »комъ изъ учащихся предосудительныхъ поступковъ доносить »неопустительно академическому начальству для поступленія съ »виновными по XIX пункту Синодальнаго указа. Имѣть не»дремлемое смотреніе учрежденнымъ инспекторамъ, дабы уче»ники всѣхъ классовъ по воскреснымъ, праздничнымъ и высоко»торжественнымъ днямъ, ходя на вечерни, заутрени и литургіи »въ академическую или приходскія церкви, читали въ оныхъ »по очереди церковныя книги, упражнялися въ пѣніи и пріо»бучалися уставу церковнаго круга«.

Програма эта, заключающая въ себѣ преподаваніе правилъ высшаго, то есть, церковнаго краснорѣчія, герменевтики, кормчей и книги о должностяхъ приходскаго священника, а также предписаніе воспитанникамъ Академіи заниматься въ храмахъ чтеніемъ, пѣніемъ и уставомъ церковнымъ, ясно показываетъ, что древнѣйшее въ нашемъ отечествѣ училище, уступивъ распространеніе другихъ наукъ вновь созидаемымъ свѣтскимъ школамъ, вполнѣ приняло характеръ духовнаго, не вмѣняя однакожъ тѣснѣе опредѣляемыхъ правилъ тѣмъ воспитанникамъ, которые поставили себѣ другое назначеніе въ общественной жизни. Такимъ образомъ до конца сохранивъ высокое титло распространительницы христіанскаго, истинно-русскаго просвѣщенія, Академія, среди возникшаго шума европейскаго совершенствованія, беретъ на свою долю то, что завѣщано ей великими ея основателями, хранить, то есть »непорушно вызнаня »вѣры и догматъ св. Вселенскими седми соборами Церкви во»сточной установленныхъ«.

Бремя ближайшаго управленія Академіей, въ званіи вицеректора, несъ Кіево-михайловскій, а потомъ Кіево-николаевскій архимандритъ *Θеофилактъ Слоницкій*. Должность эту онъ принялъ въ 1795 году, и не отправляя наставническихъ обязан-

ностей, завѣдывалъ только внѣшней училищной администраціей. Императоръ Павелъ I, »во изъявленіе Высочайшаго своего бла»говоленія къ ревностнымъ трудамъ и усердной службѣ его«, 8 генваря 1799 года пожаловалъ *Ѳеофилакта* кавалеромъ ордена св. Анны 2 степ. Это былъ первый примѣръ Монаршаго награжденія ректоровъ Академіи и первый архимандритъ въ Кіевѣ съ орденомъ на груди. Вслѣдъ за симъ указомъ св. Синода отъ 17 генваря того же года повелѣно было произвести въ архимандриты соборнаго іеромонаха гамалѣевскаго монастыря *Иринея Фальковскаго*, съ оставленіемъ его по прежнему наставникомъ Академіи. Такимъ образомъ, не нося оффиціально званія ректора, Ириней и по сану своему и по занятіямъ и по вліянію на дѣла училищныя былъ ближайшимъ блюстителемъ кіевскихъ школъ. Уваженіе къ нему всей Академіи отъ профессоровъ до послѣдняго воспитанника было безгранично; а любовь къ нему кіевлянъ перешла и за предѣлы его гроба. Братскій монастырь почиталъ его своимъ архимандритомъ, забывая, что онъ состоитъ въ штатѣ монастыря гамалѣевскаго. И дѣйствительно, такихъ людей, какъ *Фальковскій*, Академія имѣла немного: и богословъ, и философъ, и математикъ и лингвистъ и ораторъ и поэтъ, и вдобавокъ, другъ наставниковъ и студентовъ! Не мудрено послѣ этого, что имя его доселѣ сливается съ воспоминаніемъ о прекрасныхъ дняхъ уже отжившей свой славный вѣкъ старой Академіи.

Въ 1797 году 18 декабря послѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи, по образцу кіевской и московской, еще двухъ духовныхъ академій въ С. Петербургѣ и Казани, и вмѣстѣ съ симъ предписано всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ войти въ соображеніе объ обезпеченіи православнаго бѣлаго духовенства. Въ слѣдствіе указа объ этомъ св. Синода отъ 17 февраля 1798 года митрополитъ Іероѳей немедленно приступилъ къ собранію необходимыхъ свѣдѣній: но кончина сего архипастыря, послѣ-

довавшая 2 сентября 1799 г., прекратила дальнѣйшее его служеніе Церкви, престолу и отечественному просвѣщенію.

»Уже и сей пастырь нашъ въ вѣчности, возглашалъ надъ гробомъ усопшаго знаменитый Леванда. Онъ не замедлилъ у »насъ. Не успѣлъ оглядѣться съ стадомъ Христовымъ, не ус»пѣлъ всѣхъ добротъ души своея открыть намъ; уже и позванъ »въ вѣчность. О вѣчность заемлющая и не возвращающая! »Мало было отнять у насъ Самуила; отнять у сердецъ нашихъ »и Іероѳей. Мы, видно, осуждены пастырей погребать. Едва »отерты слезы при погребеніи первомъ, поспѣло второе«[426].

Дѣйствительно, кратковременно было служеніе Іероѳея на каѳедрѣ кіевскаго первосвятительства: но и въ этотъ срокъ онъ успѣлъ раскрыть высокія черты своей превосходной души. Мудрость и попечительность его испытала вся паства, а смиренномудріе и кротость видны были всякому, кто стоялъ къ нему въ ближайшихъ отношеніяхъ. Поразительный примѣръ истинно-христіанскаго смиренія и отеческой снисходительности представилъ Іероѳей въ такомъ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ лично оскорбленъ и гдѣ оскорбитель отданъ былъ въ его руки. *Ириней Фальковскій*, вступившись за одного изъ студентовъ, подалъ митрополиту объясненіе, наполненное обидными выраженіями и такими пунктами, которые прямо подвергали его архипастырскому запрещенію. Іероѳей, не желая принимать на себя должность судьи по своему же собственному дѣлу, представилъ о томъ св. Синоду. Всѣ обстоятельства говорили противъ виновнаго, и *Фальковскій* былъ въ опасности лишиться сана и всѣхъ должностей, имъ занимаемыхъ. Синодъ потребовалъ чрезъ митрополита объясненіе отъ Иринея, предавая его суду церковному; но архипастырь не согласился погубить человѣка, увлеченнаго пылкостію характера, и мѣрами кротости рѣшился привести его къ раскаянію. Тронутый такимъ отеческимъ снисхожденіемъ *Фальковскій* письменно признался въ »безразсудности своего до-

»ношенія и смиреннѣйше просилъ милостивѣйшаго отпущенія своей вины«. Тогда митрополитъ сдѣлался ходатаемъ предъ св. Синодомъ за того, кто оскорбилъ его такъ чувствительно, и старанія христіанина-пастыря увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Иринею указомъ св. Синода отъ 2 іюня 1799 года повелѣно было въ присутствіи дикастеріи сдѣлать строжайшій выговоръ и принять отъ него росписку въ томъ, что впредъ не будетъ онъ нарушать правилъ законной подчиненности. Но вмѣстѣ съ этимъ Синодъ предписывалъ, »дабы болѣе не могло произойти »отъ него Иринея въ Кіевской Академіи какихъ либо неустройствъ »и неудовольствій, то, отрѣша его отъ исправленія въ той Ака»деміи должности богословія учителя, а равно и отъ управленія »гамалѣевскимъ монастыремъ, опредѣлить въ учрежденную въ »Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и »переводимыхъ книгъ до Церкви и ученій церковныхъ касаю»щихся коммиссію членомъ въ число назначенныхъ въ помощь »предсѣдательствующему въ ней чиновъ«. Такимъ образомъ Академія лишалась одного изъ лучшихъ и любимѣйшихъ своихъ наставниковъ, и конечно, лишилась бы, еслибъ протекторомъ ея не былъ человѣкъ, который готовъ былъ забыть себя для пользы тысячъ. Тотчасъ же по полученіи сего указа, митрополитъ, приказавъ дикастеріи воздержаться исполненіемъ статьи объ отрѣшеніи Иринея, а ему продолжать училищную службу, горячо сталъ ходатайствовать объ оставленіи Фальковскаго при Академіи со всѣми правами гамалѣевскаго архимандрита, и 27 іюля того же года полученъ былъ указъ св. Синода къ преосв. Іерофею, гдѣ положена была слѣдующая резолюція: »Во ува»женіе представленій вашего преосвященства, что архимандритъ »Иринеи въ учиненномъ имъ проступкѣ принесъ раскаяніе и »испросилъ у васъ подобающее прощеніе, обѣщаясь заслужить »вину свою ревностными трудами и добрымъ поведеніемъ, так»же уважая и описываемую вами надобность въ немъ архиман»дритѣ, яко искусномъ въ ученіи для пользы тамошней Ака»деміи, св. Синодъ оставляетъ его по прежнему при той Ака-

»деміи съ исправленіемъ должности богословія учителя потому »наипаче, что и штатъ гамалѣевскаго монастыря, гдѣ онъ Ири»ней былъ архимандритомъ, перенесенъ на Кіево-братскій, въ »разсужденіи чего, согласно представленію вашего преосвящен»ства, быть ему архимандриту и настоятелемъ въ томъ Кіево»братскомъ второкласномъ училищномъ монастырѣ, поручивъ »оный ему въ управленіе по надлежащему; а за симъ уже не »отправляя его Иринея въ учрежденную въ Москвѣ для раз»сматриванія книгъ и сочиненій Духовную Коммиссію, куда онъ »опредѣленъ былъ членомъ, не дѣлать по прежнему о семъ изъ »св. Синода предписанію«[427]. Такъ истинный христіанинъ и другъ человѣчества умѣетъ мстить своимъ оскорбителямъ!..

Какбы на прощанье съ Академіей, высокій протекторъ ея словесно повелѣлъ всѣмъ живущимъ по приходскимъ школамъ священно-церковно-служительскимъ дѣтямъ, круглымъ сиротамъ, выдавать изъ процентной академической суммы на пропитаніе по *три* копѣйки въ день или по *девяносто* копѣекъ въ мѣсяцъ.

Число воспитанниковъ Академіи въ 1798 году простиралось до 950, а въ 1799 до 1086 человѣкъ.

Еще блюдетъ и хранитъ Господь Богъ многихъ изъ тѣхъ питомцевъ эпохи Іерофея, имена которыхъ внесутся потомъ въ скрижали церковной іерархіи и отечественнаго просвѣщенія: но есть уже и такіе, которые окончили свой вѣкъ и заслужили себѣ вѣчную память въ потомствѣ.

Велланскій Даніилъ Михайловичъ, заслуженный профессоръ с.-петербургской медико-хирургической академіи, статскій совѣтникъ, родился 1773 года въ Кіевѣ и принадлежалъ къ дворянскому сословію. Достигнувъ философскаго класса въ Кіевской Академіи, онъ въ 1797 году поступилъ въ с.-петербургское медико-хирургическое училище, а черезъ три года утвержденъ былъ кандидатомъ медицины и хирургіи, и вы-

державъ экзаменъ на званіе лекаря, былъ отправленъ для дальнѣйшаго образованія въ чужіе краи. Занимаясь тамъ оффиціально уроками медицинскими, *Велланскій*, покаряясь данному ему въ началѣ образованія направленію, всей душой привязался къ философіи, которая въ ту пору представителями своими за границей имѣла знаменитыхъ Фихта, Окена и пылкаго умомъ и воображеніемъ Шеллинга. Черезъ два года нашъ медикъ-философъ воротился въ свое отечество и получилъ мѣсто въ с.-петербургской медико-хирургической академіи адъюнкта физіологіи, патологіи и гигіены. Съ этой поры началась ученая служба и литературная извѣстность *Велланскаго*. Занявъ въ 1809 году каѳедру ордин. профессора анатоміи и физіологіи, онъ никакъ не могъ удержать ума своего въ предѣлахъ близкой существенности и постоянно порывался въ область метафизики. Его разсужденія, полагаемыя въ основу медицинскихъ сочиненій, рѣшительно отзывались духомъ мечтательной философіи Шеллинга. Убѣжденный, что »Шеллингово огненное перо должно пожечь бренныя селенія дряхлой учености«, *Велланскій* смѣло приступилъ къ задуманному дѣлу введенія въ Россію того ученія, какое процвѣтало тогда во всѣхъ европейскихъ университетахъ и пустилъ въ свѣтъ: *Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естественнаго познанія*, и потомъ: *Опытную, наблюдательную и умозрительную физику*. Но не смотря на всю выспренность мечтательной философіи *Велланскаго*, очаровывавшаго нѣкогда современниковъ и теперь еще имѣющаго своихъ поклонниковъ, аксіомы и положенія его, давно уже отвергнутыя самимъ учителемъ его Шеллингомъ, никогда не могли привиться къ русскому уму, всегда спокойному и точному въ дѣлѣ мышленія. тѣмъ болѣе, что и самый языкъ огерманившагося мыслителя былъ труденъ къ уразумѣнію, и шелъ вопреки русскому складу рѣчи. Въ 1838 году *Велланскій*, по случаю потери зрѣнія, уволенъ былъ отъ должности съ пенсіономъ по 5500 р. въ годъ и скончался 1842 года въ Петербургѣ[428].

Визерскій Іеронимъ родился 1769 года и при св. крещеніи нареченъ былъ Игнатіемъ. Отецъ его былъ полковымъ священникомъ въ козловскомъ полку, состоявшемъ подъ начальствомъ Суворова. Юный Игнатій отданъ былъ родителемъ своимъ въ каневскія польскія училища, и послѣ переведенъ въ Кіевскую Академію, гдѣ, начавъ съ инфимы, кончилъ полный курсъ наукъ, отличившись особенно страстію къ лингвистикѣ и знаніемъ нѣмецкаго языка. Будучи вызванъ въ волынскую семинарію на каѳедру философіи, *Визерскій* 1808 года принялъ тамъ монашество, а въ слѣдующемъ году назначенъ настоятелемъ Загаецкаго монастыря и за тѣмъ, по указу св. Синода, произведенъ въ архимандрита. Спустя нѣсколько времени онъ сдѣланъ былъ ректоромъ той же семинаріи, а по преобразованіи кіевскаго учебнаго округа переведенъ къ той же должности въ Черниговъ, гдѣ и служилъ до 1830 года, бывъ награжденъ въ продолженіе этого времени орденами св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 степ. Въ томъ же году *Іеронимъ* вытребованъ былъ въ Петербургъ на чреду, и по окончаніи положеннаго срока назначенъ настоятелемъ первокласснаго свіяжскаго Богородицкаго монастыря, въ которомъ и скончался 1837 года, оставивъ по себѣ добрую память между людьми, близко знавшими его[429].

Галинскій Авксентій родился 1782 года въ м. Обуховѣ, повѣта кіевскаго, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ и при крещеніи нареченъ былъ Аѳанасіемъ; по окончаніи полнаго курса наукъ въ Академіи, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, онъ оставленъ былъ тамже учителемъ русскаго языка во второмъ классѣ, при чемъ поручено было ему и преподаваніе языка греческаго въ низшемъ отдѣленіи. Въ теченіи 14 лѣтъ Академія видѣла его въ школахъ своихъ проходившаго разныя училищныя должности. Пожелавъ оставить свѣтское званіе, *Галинскій* въ 1814 году принялъ монашество, продолжая трудиться на пользу воспитавшаго его училища. По преобразо-

ваніи кіевскаго учебнаго округа *Авксентій* 1817 года переведенъ былъ въ воронежскую семинарію къ должности инспектора и учителя богословскихъ наукъ, гдѣ, по опредѣленію Коммиссіи народныхъ училищъ, утвержденъ былъ черезъ два года и ректоромъ. Но неблагопріятныя отношенія къ бывшему префекту семинаріи и тогдашнему профессору философіи, знаменитому своей ученостью, протоіерею каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора. И. Я. Зацѣпину, были причиною того, что *Авксентій* указомъ св. Синода переведенъ былъ въ Кіево-печерскую Лавру съ препорученіемъ проповѣдывать слово Божіе. Проходя разныя должности, *Галинскій* въ 1826 году назначенъ былъ намѣстникомъ Лавры и тогда же произведенъ въ санъ архимандрита. Черезъ восемь лѣтъ онъ получилъ въ управленіе Кіево-николаевскій монастырь съ опредѣленіемъ въ члены кіевской консисторіи. Въ тоже время поручена была ему должность благочиннаго надъ штатными кіевскими, а вскорѣ за тѣмъ и надъ заштатными монастырями, находящимися внѣ Кіева. За пониженіемъ въ 1842 году Кіево-николаевскаго монастыря во второй классъ, *Авксентію* предоставлено было указомъ св. Синода лично пользоваться правами первокласнаго настоятеля. *Галинскій* имѣлъ счастіе присутствовать при коронаціи Императора Николая Павловича, въ память чего и получилъ серебряную медаль; въ 1827 году онъ былъ причисленъ къ ордену св. Анны 2 степ., а въ 1838 получилъ корону къ оному; въ 1841 награжденъ орденомъ св. Владиміра 3 степ. Добрый и любимый всѣми за свою простоту и дѣтское незлобіе, *Авксентій* скончался въ Кіевѣ 1 апрѣля 1844 года[430].

Данилевскій Алексѣй Ивановичъ, экстр. профессоръ повивальнаго искуства въ московскомъ университетѣ, родился 1770 года. Окончивъ курсъ наукъ въ 1799 году, *Данилевскій* рѣшился было поступить въ духовное званіе: но по прошествіи одного года, послушавшись нѣкоторыхъ изъ прежнихъ сотоварищей своихъ, отправился съ ними въ московскій универ-

ситетъ, гдѣ въ 1805 году удостоенъ былъ степени доктора медицины. Будучи съ 1804 года прозекторомъ, онъ послѣ того получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ повивальнаго искуства, а въ 1813 году возведенъ въ званіе экстраорд. профессора. По отзыву наставника и потомъ сотоварища его по службѣ В. М. Рихтера, *Данилевскій* отличался ученостью, неутомимымъ трудолюбіемъ, опытностью и человѣколюбіемъ. Онъ скончался въ Москвѣ 10 мая 1815 г.[431].

Ризенко Василій Павловичъ, ордин. профессоръ повивальнаго искуства въ московскомъ университетѣ, докторъ медицины, сынъ ратсгера кіевскаго магистрата, родился 27 декабря 1784 года. Поступивъ въ Академію, онъ продолжалъ здѣсь ученіе до шестнадцатилѣтняго возраста и оказалъ особенную наклонность къ поэзіи[432]. Въ 1800 году *Ризенко* перешелъ въ бывшую при университетѣ академическую гимназію, откуда поступилъ въ университетъ, и по окончаніи курса наукъ во врачебномъ отдѣленіи, началъ дѣйствительную службу въ званіи вольнопрактикующаго врача. Съ 1810 года *Ризенко* является уже собственно на ученомъ поприщѣ и въ званіи доктора медицины трудится въ томъ мѣстѣ, которому былъ обязанъ окончательнымъ своимъ образованіемъ. Тяжкая болѣзнь скоро однакожъ привела его къ могилѣ. *Ризенко* скончался 11 генваря 1826 года, оплаканный облагодѣтельствованными имъ бѣдными людьми, помогать которымъ считалъ онъ святою потребностію своей прекрасной души[433].

Тимковскій Романъ Ѳедоровичъ, публичный ордин. профессоръ римской и греческой словесности, докторъ философіи и словесности греческой и латинской, родился 1785 года въ деревнѣ Згарѣ, полтавской губерніи, золотоношскаго повѣта. Отецъ его, служившій тамъ въ чинѣ коллежскаго ассессора, не имѣя достаточнаго состоянія, чтобъ содержать сына на своемъ иждивеніи, отдалъ его въ ученіе къ брату своему, пребывавшему

на обѣщанія въ Кіево-печерской Лаврѣ. Выучившись здѣсь русской грамотѣ, *Тимковскій*, по милости своего дяди, опредѣленъ былъ въ Кіевскую Академію, гдѣ, не смотря на юныя лѣта, отличился предъ всѣми неутомимымъ трудолюбіемъ и быстрыми успѣхами въ наукахъ. Въ 1797 году онъ уже окончилъ школу поэзіи, и самъ изъявилъ желаніе поступить въ гимназію при московскомъ университетѣ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, *Тимковскій* имѣлъ уже серебряную медаль и званіе студента университета, а съ небольшимъ двадцати степень доктора философіи. Въ 1806 году *Тимковскій*, по назначенію университетскаго начальства, отправленъ былъ въ чужіе краи для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ древней словесности. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Германіи, *Тимковскій* вступилъ въ ученую службу, которую и продолжалъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1820 году. »Съ глубокими свѣдѣніями, въ »греческой и римской словесности, говоритъ его біографъ въ III томѣ рѣчей профессоровъ московск. универс. *Романъ Ѳедо»ровичъ* соединялъ основательное знаніе древностей и исторіи. »Кромѣ древнихъ языковъ, ему были извѣстны нѣмецкій, фран»цузскій, англійскій и польскій. Философія также была люби»мымъ его занятіемъ. Какъ искусный критикъ, *Тимковскій* »умѣлъ тонко раздроблять предметъ и глубоко проникать въ »оный; порядокъ и точность были средствомъ и цѣлію его из»слѣдованій, какія онъ посвящалъ и на разсмотрѣніе историче»ской истины, и на опредѣленіе происхожденія и значеніе од»ного слова. Въ послѣднее время жизни своей *Романъ Ѳедо»ровичъ* примѣтно охладѣвалъ сердцемъ и дѣлался равнодушнымъ »къ ученымъ занятіямъ; болѣзни, изнурявшія его тѣло, наво»дили унынiе на душу. Сіе-то чувство, отдаляя отъ друзей и »товарищей, влекло его въ уединеніе, въ коемъ онъ часто за»ключалъ себя«. Важнѣйшая заслуга *Тимковскаго* отечественной литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ первый подвергъ критикѣ установленное на шаткихъ основаніяхъ въ XVIII вѣкѣ мнѣніе о сочиненіи препод. Нестора. Изданіе Несторовой лѣ-

тописи, по лаврентьевскому списку, начатое *Тимковскимъ*, до сихъ поръ считается образцовымъ[434].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ГАВРІИЛЪ БАНУЛЕСКО.

Біографія Гавріила. Устройство экономической части въ Академіи. Содержаніе студента. Распредѣленіе жалованья учителямъ. Прочіе хозяйственные расходы. Введеніе въ Академію преподаванія врачебной науки. Открытіе класса нотнаго пѣнія. Отчетъ Фальковскаго о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Академіи. Инструкція суперъ-интендентамъ. Инструкція инспекторская. Высылка студентовъ въ разныя училища. Отвытіе Гавріила.

1799 — 1803.

Въ 1799 году на мѣсто усопшаго Іероѳея назначенъ новороссійскій митрополитъ Гавріилъ Банулеско. Императоръ Павелъ I назначеніемъ симъ желалъ успокоить старца и оказать ему Монаршее вниманіе за тѣ испытанія, какія понесъ онъ изъ любви и преданности престолу и новому своему отечеству.

Гавріилъ Банулеско родился 1746 года въ Трансильваніи въ г. Быстринѣ отъ тамошняго дворянина и при крещеніи былъ наименованъ Григоріемъ. Окончивъ курсъ наукъ въ седмиградскихъ училищахъ, Банулеско прибылъ въ Кіевскую Академію для выслушанія уроковъ богословскихъ, и послѣ сего отправился путешествовать по Греціи съ цѣлію окончательнаго образованія себя въ духовной жизни. Возвратясь изъ путешествія, онъ опять началъ учиться въ разныхъ австрійскихъ училищахъ; наконецъ опредѣлился въ должность учителя латин-

скаго языка въ Яссахъ: но черезъ два года отказался отъ нея и уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ 1779 года принялъ монашество. Въ 1781 году Банулеско прибылъ въ Россію, и обласканный архіепископомъ славенскимъ Никифоромъ Θеотоки, поступилъ въ переяславскую семинарію учителемъ греческаго языка, гдѣ потомъ получилъ и званіе префекта. Черезъ три года онъ однакожъ оставилъ эту должность и возвратился въ Молдавію: но въ 1788 году опять прибылъ въ Полтаву уже въ санѣ архимандрита и получилъ мѣсто ректора семинаріи. Во время войны Россіи съ Турціей Гавріилъ былъ вызванъ въ молдавскую армію, и по ходатайству князя Г. А. Потемкина, посвященъ 1791 года въ Яссахъ въ епископа бендерскаго и аккерманскаго, а по окончаніи турецкой войны былъ пожалованъ митрополитомъ молдовлахійскимъ. Когда же войска наши вышли изъ Молдавіи: то ни Порта, ни опредѣленный отъ нея господарь молдавскій не захотѣли признать Гавріила въ санѣ, пожалованномъ ему отъ русской Императрицы. Въ ночь съ 19 на 20 іюня 1792 года Банулеско былъ схваченъ Арнаутами и отвезенъ подъ стражею въ Константинополь. Тамъ потребовали отъ него отреченія отъ покровительства Россійскаго Двора: но Гавріилъ не согласился измѣнить чести и присягѣ, и за то былъ посаженъ въ темницу. Свѣдавъ объ этомъ, Государыня употребила всѣ мѣры, чтобъ освободить вѣрнаго слугу Церкви и отечества, и благодаря Монаршему заступленію, Гавріилъ снова увидѣлъ благословенную Россію. По прибытіи въ Николаевъ, онъ опредѣленъ былъ указомъ 10 мая 1793 года на упраздненное мѣсто архипастыря екатеринославскаго и херсонисо-таврическаго, а по воцареніи Императора Павла переведенъ въ Новомиргородъ въ званіи митрополита новороссійскаго и днѣпровскаго. Въ царствованіе Александра Благословеннаго Гавріилъ былъ пожалованъ въ члены св. Синода и награжденъ орденомъ св. Андрея первозваннаго.

»Тебя ждала юность и науки; ты желанія ихъ свершишь«!

говорилъ въ привѣтственной своей рѣчи Леванда, и не обманулся, а вмѣстѣ съ нимъ не обманулась и Академія въ своихъ ожиданіяхъ. Тотчасъ же по прибытіи на паству, Гавріилъ занялся распредѣленіемъ той суммы, которая положена была еще при предмѣстникѣ его новыми духовными штатами. Для приведенія въ лучшій порядокъ экономической части по училищу, онъ 14 декабря 1799 года назначилъ особаго казначея или эконома, опредѣливъ къ этой должности находившагося при домѣ архіерейскомъ монаха *Вавилу* и снабдилъ его надлежащею къ тому инструкціей[435]. Вслѣдъ за симъ митрополитъ далъ предложеніе академическому правленію о приведеніи въ ясность расходовъ, требуемыхъ собственно на содержаніе учениковъ и на устройство вновь проэктируемой больницы, чтобы за тѣмъ учинить, примѣняясь къ синодальному 1798 года указу, точное распоряженіе о назначеніи жалованья преподавателямъ. Во исполненіе такого предложенія академическое правленіе рапортомъ отъ 9 марта 1800 года донесло митрополиту, что воспитанники казеннокоштные, по причинѣ накопленія совершенно безпомощныхъ сиротъ, пользующихся изъ милости столомъ академическимъ, чувствуютъ во многомъ крайнюю нужду; для устраненія чего оно полагаетъ, не лишая бѣдныхъ учениковъ насушнаго пропитанія, 1) пересортировать тѣхъ изъ нихъ, которые пользуются казеннымъ содержаніемъ, и мало способныхъ вовсе устранить отъ Академіи или для опредѣленія въ причетническія должности или для избранія себѣ другаго какого либо образа жизни и »мастерства«; 2) пріостановиться на время постройкою новаго платья; 3) обязать подпискою тѣхъ родителей, которые въ состояніи помогать своимъ дѣтямъ, »чтобъ они »обязательства, возложенныя на нихъ природою, выполняли«; 4) замѣчательныхъ въ нерадѣніи къ наукамъ или »вдающихся »въ распутную для соблазна своихъ сотоварищей жизнь« немедленно исключить изъ Академіи; и 5) велѣть экономy составить подробную опись имуществу каждаго казеннокоштнаго воспитанника и вести оному надлежащую отмѣтку про-

чности или обветшалости одежды, по личномъ удостовѣренiи въ томъ.

Ко всему этому присоединилось и то обстоятельство, что въ это время предположено было вытребованiе изъ сосѣднихъ семинарiй учениковъ, которыхъ слѣдовало снабжать всемъ, что нужно для казеннаго воспитанника, да кромѣ того слѣдовало отпустить дополнительную сумму (1281 р. 11 коп.) на окончательное устройство академической больницы, воздвигнутой на подворьѣ, называемомъ *броварнымъ*.

Оставалось еще привести въ ясность, чего стоитъ Академiи содержанiе студента. Для этого представлена была митрополиту подробная роспись, изъ которой оказалось, что студентовъ и учениковъ можно содержать въ Буресѣ не болѣе 200 человѣкъ, изъ коихъ 50-ти можно строить чуйку, шубу, халатъ, шапку, шляпу и проч. три пары рубахъ, двѣ пары сапоговъ и третьи *пришвы*, а также и приличную постелю, на что требовалось:

a) на *чуйку* въ 12 р. каждая—пятидесяти человѣкамъ—600 р. Но поелику чуйка должна служить три года, то всякiй годъ поставляется въ расходъ 200 р., а 400 должно считать заимообразными.

b) на *шубу* въ 9 р. — 450 р.; а какъ всякой шубѣ полагается трехгодичный срокъ: то въ расходъ ежегодно выводится 150 р. а 300 считаются заимообразными.

c) на *шапку* въ 1 р. цѣною въ годъ	50 р.
d) на *шляпы* лѣтнiя, по 60 коп	30 —
e) на *халаты* каждый по 2 р. 50 коп.	125 —
f) на три *рубахи* по 1 рублю каждая	150 —
g) *нижняго платья* по три штуки, каждая по 48 к.	72 —
h) За постройку двухъ послѣднихъ статей, полагая за каждую пару по 20 коп.	30 —

i) *Сапоговъ* по двѣ пары—каждая по 1 рублю . . 100 р.
k) и за 50 *пришивъ* по 80 коп. . . . . 40 —
l) *Постелей* на 50 человѣкъ по 6 р. . . . . 300 —
Но такъ какъ онѣ дѣлаются навсегда и требуютъ только ремонту, то для сего полагается только . . . 100 —
m) на *харчи* для 200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ считается 50 казеннокоштныхъ и 32 человѣка ожидаемыхъ изъ другихъ семинарій, а также разного рода служителей,— нужно ржаной муки три тысячи пудовъ; полагая каждый пудъ по 45 коп. выходитъ . . . . 1350 —
n) *пшена и крупъ гречневыхъ* 50 четвертей каждая по 7 р. . . . . 350 —
o) *Соли* 100 пудовъ по 40 коп. . . . . 40 —
p) *Сала свинаго* 50 пудовъ по 3 р. . . . . 150 —
q) на *говядину* »въ нарочитые дни«. . . . . 50 —
r) *конопляного масла* 50 пудовъ по 3 р. . . . 150 —
s) на *варево* разнаго рода . . . . . 80 —

И того собственно для стола студентскаго слѣдуетъ 2170 р. а прибавивъ къ этому жалованье тридцати двумъ иногороднимъ студентамъ по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ— 576 р. выйдетъ росхода . . . . . 3993 —

Остатокъ (7 рубл.) отъ израсходованія предполагаемой третьей части суммы, положенной указомъ 1798 года, очевидно ни къ чему не могъ послужить; по крайней мѣрѣ теперь представлялась возможность распредѣлить остальныя двѣ части надлежащимъ образомъ, и потому назначено было:

I. *Учителямъ ординарныхъ классовъ:*

1) Ректору и учителю богословія . . . . . 350 р.
2) Префекту и учителю философіи . . . . . 300 —
3) Учителю латинской и россійской реторики . . 200 —

4) Учителю латинской и россійской поэзіи . . . 180 р.
5) Учителю высшаго класса граматики . . . . 150 —
6) Учителю средняго класса граматики . . . . 130 —
7) Учителю нижняго класса граматики . . . . 110 —

II. *Учителямъ экстра ординарныхъ классовъ:*

1) Учителю высшаго краснорѣчія . . . . . 200 р.
2) Учителю высшаго класса французскаго языка. 150 —
3) Учителю нижняго класса французскаго языка. 100 —
4) Учителю высшаго греческаго класса . . . . 150 —
5) Учителю нижняго греческаго класса . . . . 100 —
6) Учителю высшаго класса нѣмецкаго языка . 150 —
7) Учителю нижняго класса нѣмецкаго языка. . 100 —
8) Учителю еврейскаго языка . . . . . 100 —
9) Учителю смѣшенной математики . . . . . 100 —
10) Учителю чистой математики высшаго класса . 100 —
11) Учителю чистой математики нижняго класса . 100 —
12) Учителю польскаго языка. . . . . 80 —
13) Учителю географіи и исторіи . . . . . 120 —
14) Учителю рисовальнаго класса . . . . . 50 —
15) Учителю экономіи . . . . . 50 —
16) Учителю ариѳметики 1 части . . . . . 50 —
17) Учителю ариѳметики 2 и 3 части. . . . . 50 —
Штабъ-лекарю 300
Помощнику его . . . . . 60 —
Коммиссару[436]. . . . . 120 —
Писцамъ. . . . . 60 —

На бумагу, сургучъ и другія канцелярскія надобности . . . . . 50 —

Всего 3740 р. слѣдовательно отъ этой части въ остаткѣ . . . . . 260 р.

Такимъ же порядкомъ распредѣлена была и вторая часть ассигнованной суммы.

1) На содержаніе больныхъ	200 р.
2) На медикаменты и травы.	400 —
3) На починку учительскихъ покоевъ, школъ и студентскаго дома	500 —
4) На мѣдную, желѣзную и другую поваренную посуду въ студентскомъ домѣ	100 —
5) На деревянную посуду	120 —
6) На дрова съ выгрузкою и порѣзкою для отопленія студентскаго дома и печей въ классахъ . . .	900 —
7) На 30 пудовъ свѣчей для учениковъ въ студентскомъ домѣ, полагая каждый пудъ по 5 рублей .	150 —
8) На разныхъ служителей, какъ то: двухъ конюховъ, одного для классовъ. одного для академическаго правленія, двухъ хлѣбниковъ, двухъ поваровъ, двухъ сторожей для студентскаго дома, трехъ сторожей для больницы, полагая каждому по 35 рубл. въ годъ . .	455 —
9) На овесъ лошадямъ и конюшенную сбрую. .	150 —
10) На умноженіе библіотеки	200 —
11) На покупку учебныхъ книгъ	100 —
Слѣдовательно, за расходомъ 3430 рублей остается въ экономіи.	570 —

Изъ сравненія этой отчетности съ отчетностію, взятою за сто лѣтъ назадъ, нельзя не видѣть, что Академія, со стороны содержанія наставниковъ и воспитанниковъ, совсѣмъ не та, что была тогда, когда имѣла свои собственные источники доходовъ, пріобрѣтенные или отъ благотворителей или законною покупкой, когда обогащали ее взносами и угодьями. Конечно, численность суммы, приходящейся на каждаго наставника и воспитанника, далеко выше противъ прежняго: но за то уже не отпускается никому ничего изъ жизненныхъ припасовъ, которые Академія и всякій наставникъ должны покупать на свой счетъ, а между тѣмъ все подорожало и цѣнность монеты упала въ своемъ значеніи. Благодареніе Богу, что еще не оставляли Ака-

демію благородные ея благотворители. Такъ 1803 года 3 января получила она отъ миргородскаго архимандрита *Гавріила* билетъ на 4000 рублей. Конечно, это не много, но крайней мѣрѣ такое пожертвованіе вѣрно и можетъ навсегда сохранить свойство неприкосновенности.

Императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи на прародительскій престолъ, указомъ, даннымъ св. Синоду 17 іюля 1802 года, повелѣлъ, дабы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ открыто было преподаваніе врачебной науки. »Извѣстно, сказано въ указѣ, что въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ врачей, по невѣ»жеству, закоренѣлому обычаю и по пріемамъ пользованія бо»лѣзней, противнымъ естеству и здравому разуму, часто самые »легкіе припадки дѣлаются смертоносны. Желая открыть по»селянамъ по сей части нужную и столько же простую, какъ »и близкую къ образу ихъ жизни помощь, я призналъ за благо »возложить сіи обязанности на духовенство, доставивъ ему спо»собы съ познаніями, сану его свойственными, соединять нѣко»торое понятіе и о врачебной наукѣ«. Для исполненія этого благотворнаго предначертанія Кіевская Академія, по сношенію съ инспекторомъ врачебной управы, докторомъ медицины *Масловскимъ*[437], 27 августа того же года сдѣлали слѣдующія распоряженія: 1) начать преподаваніе первыхъ началъ врачебной науки тотчасъ по окончаніи вакацій; 2) съ разными требованіями, по части доставки необходимыхъ инструментовъ, обращаться въ кіевскую врачебную управу; 3) на лекціяхъ бывать студентамъ богословія, философіи, реторики и никакъ не ниже учениковъ поэзіи; 4) лекціи читать на латинскомъ языкѣ, съ поясненіями на русскомъ; 5) что касается до числа уроковъ, то »поелику учащіеся занимаются языками каждый не меньше »двухъ, а притомъ занимаются и другими свободныхъ наукъ »предметами, то дабы очень частыми лекціями не обременить »до безполезности память, а многодѣяніемъ не ослабить благо»родныхъ склонностей«,— было положено на первый разъ, до

получения отъ главнаго начальства повелѣній, въ каждую недѣлю давать по двѣ лекціи, на каждую по два часа.

Въ тоже время (1799 года) открытъ въ Братскомъ монастырѣ классъ нотнаго пѣнія, преподавателемъ котораго избранъ одинъ изъ академическихъ пѣвчихъ, студентъ философіи *Осипъ Моховъ* съ жалованьемъ по 50 рублей въ годъ: но поелику онъ принадлежалъ къ переяславской епархіи, то по выбытіи его, мѣсто это занялъ регентъ академическаго студентскаго хора *Георгій Барановичъ*. Цѣль этого класса была приготовить чтецовъ и пѣвцовъ собственно для монастыря; но это однакожъ не мѣшало и студентамъ, по ихъ желанію, брать уроки пѣнія. Для этого положено было по три часа въ недѣлю, а классъ назначенъ въ церкви, находившейся при настоятельскихъ келліяхъ.

Въ 1802 году 30 октября послѣдовало отъ министра народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго требованіе о доставленіи подробнѣйшихъ свѣдѣній о состояніи Кіевской Академіи. Во исполненіе сего предписанія тогдашній ректоръ Иринеи Фальковскій собственноручно написалъ объ Академіи записку, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія:

I. О числѣ учителей, состоящихъ при должностяхъ.

Учителей въ Академіи состоитъ нынѣ при должностяхъ *девятнадцать*, изъ коихъ монашествующихъ *пять:*

Учитель богословія, второкласнаго Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ *Иринеи*.

Учитель философіи, Академіи префектъ, Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ *Іакинѳъ*.

Учитель высшаго класса латинской граматики, Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ *Іоанникій*.

Учитель средняго класса латинской граматики, средняго

ариѳметическаго и втораго историческаго и географическаго Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ *Серафимъ*.

Учитель русской школы іеродіаконъ *Ѳеодосій*.

Бѣлаго духовенства трое:

Учитель еврейскаго языка и нижняго нѣмецкаго класса кіевской Рождественской церкви священникъ *Шехновскій Григорій*.

Учитель еллино-греческаго языка высшаго класса Кіево-софійскаго собора священникъ *Семяновскій Стефанъ*.

Учитель смѣшенной математики, Фроловскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря протоіерей *Ляшковъ Трофимъ*.

Свѣтскихъ одиннадцать:

Учитель первоначальныхъ правилъ врачебной науки докторъ медицины, надворный совѣтникъ, кіевской врачебной управы инспекторъ *Масловскій Аѳанасій*

Учитель практическаго французскаго языка и рисовальнаго искуства отставной капитанъ *Компаньонъ Карлъ*.

Учитель высшаго россійскаго и латинскаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса, московскаго Императорскаго университета студентъ, по окончаніи здѣшняго академическаго ученія, нарочно посыланный въ университетъ отъ Академіи, *Соколовскій Никита*.

Учитель латинской и россійской реторики, сельской и домашней экономіи, окончившій въ здѣшней Академіи ученіе *Иванишевъ Димитрій*.

Учитель латинской и россійской поэзіи и высшаго класса чистой математики, московскаго Императорскаго университета студентъ, по окончаніи въ здѣшней Академіи ученія, нарочно посыланный въ университетъ отъ Академіи *Писнячевскій Михаилъ*.

Учитель нижняго латинской граматики, нижняго греческа-

го, нижняго ариѳметическаго, перваго историческаго и географическаго классовъ, окончившій въ здѣшней Академіи ученіе, *Соколовскій Каллистратъ*.

Учитель высшаго нѣмецкаго класса, уроженецъ области цесарской, окончившій ученіе въ Пресбургѣ, *Храпановъ Самуилъ*.

Учитель польскаго языка, четвертаго историческаго и географическаго и нижняго чистой математики классовъ, окончившій ученіе въ здѣшней Академіи, *Гловацкій Игнатъ*.

Учитель нижняго французскаго класса и нотнаго ирмолойнаго пѣнія, окончившій ученіе въ здѣшней Академіи *Барановичъ Георгій*.

Учитель третьяго географическаго и высшаго ариѳметическаго класса, окончившій въ здѣшней Академіи ученіе, *Носковъ Иванъ*.

Учитель простаго греческаго языка (ἀπλᾶ) студентъ философіи *Гедарульскій Иванъ*.

Второй пунктъ этой записки содержитъ показанія »о жалованьѣ наставникамъ и прочихъ выгодахъ, соединенныхъ съ ихъ должностями«. Особенностей, противъ изложеннаго выше, нѣтъ никакихъ, кромѣ развѣ того, что въ примѣчаніи къ этому пункту упомянуто: 1) что учитель богословія имѣетъ второклассный монастырь; 2) соборные іеромонахи получаютъ соборно-іеромонашеское жалованье, не участвуя ни въ чемъ монастырскомъ; 3) священники имѣютъ приходы въ Кіевѣ, а свѣтскіе живутъ съ монашествующими »въ избахъ при Академіи, для »учителей построенныхъ, пользуясь дровами и свѣчми на ака»демическую сумму доставляемыми«.

III. О числѣ и возрастѣ учениковъ, занимающихся ученіемъ.

Студентовъ и учениковъ священно-церковно-служительскихъ кіевской и другихъ епархій, дворянскихъ и разночинческихъ,

дѣтей, занимающихся въ Академіи ученьемъ 1146. Они принимаются въ Академію обучаться отъ началъ латинскаго языка—священно-церковно-служительскіе дѣти отъ 7 до 14 лѣтъ, а оканчиваютъ ученіе съ окончаніемъ трехлѣтняго курса богословія. Разночинцы же вступаютъ въ Академію разныхъ лѣтъ, и выбываютъ, по ихъ намѣреніямъ, изъ разныхъ классовъ.

Въ *четвертомъ* пунктѣ »о учебныхъ предметахъ въ училищѣ преподаваемыхъ«, показано таже самое, что и выше, съ присовокупленіемъ только врачебной науки и нотнаго ирмолойнаго пѣнія.

Пятый пунктъ, касающійся »образа введеннаго въ Академіи ученія«, содержитъ пространнѣйшее изложеніе того, о чемъ упомянуто нами прежде: но подробности эти такъ занимательны, что жаль было бы пропустить ихъ. *Ириней* пишетъ:

»На основаніи послѣдовавшаго изъ св. Прав. Синода 1798 года указа, образъ ученія въ Академіи слѣдующій:

»1. Въ *нижнемъ граматическомъ* классѣ учатся съ поясненіями на русскомъ языкѣ сокращенному катихизису, чистописанію, правописанію и россійской граматикѣ. По предметамъ латинскаго языка первоначалію латинскаго языка, 1 и 2 части латинской граматики, заставляя какъ въ семъ, такъ и въ прочихъ классахъ прочитанное выучивать наизустъ, назначаются упражненія въ классѣ и въ домѣ съ россійскаго на латинскій языкъ.

»2. Въ *среднемъ граматическомъ* классѣ повторяется сокращенный катихизисъ, правописаніе, россійская граматика, учатъ свящ. исторіи. По предметамъ латинскаго языка: домашнимъ разговорамъ съ граматическимъ разборомъ; I, II и III части латинской граматики; назначаются упражненія въ

классѣ и въ домѣ съ начала года съ россійскаго на латинскій, а къ окончанію съ латинскаго на россійскій языкъ поперемѣнно.

»3. Въ *высшемъ граматическомъ* классѣ учатъ пространному катихизису, правописанію, россійской граматикѣ, а по предметамъ латинскаго языка: школьнымъ разговорамъ и Гибнеровой исторіи съ граматическимъ разборомъ, латинской граматикѣ всѣхъ частей съ примѣчаніями; означаютъ упражненія въ классѣ и въ домѣ съ россійскаго на латинскій, и съ латинскаго на россійскій языкъ; притомъ пріучаются ученики разговаривать на латинскомъ языкѣ и при окончаніи года читаютъ правила просодіи.

»4. Въ *поэтическомъ* классѣ: пространному катихизису съ переводомъ латинскимъ, латинской просодіи количественной въ стихахъ, поэзіи россійской и латинской, періодологіи, тропологіи; о изобрѣтеніи и украшеніи изъ Ломоносовой реторики, читаютъ книгу о должностяхъ человѣка и гражданина, двустишія Катона о правахъ, а для примѣра и подражанія, лучшихъ латинскихъ и россійскихъ стихотворцевъ; притомъ сочиняютъ ученики какъ россійскіе, такъ и латинскіе разныхъ родовъ стихи, и продолжаютъ разговаривать по латински.

»5. Въ *реторическомъ* классѣ читаютъ изъясненіе евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, изъ коихъ воскресныя по пяткамъ, а праздничныя на канунѣ каждаго праздника; учатъ россійской и латинской реторикѣ, съ объясненіемъ на обоихъ языкахъ; для подражанія и перевода читаются лучшіе россійскіе и латинскіе авторы съ риторическимъ разборомъ; притомъ сочиняютъ ученики періоды, хріи, письма и большія россійскія и латинскія рѣчи, которыя и говорятъ въ классѣ.

»6. Въ классѣ *высшаго россійскаго и латинскаго краснорѣ-*

чія читаютъ лучшихъ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ авторовъ рѣчи съ реторическимъ и логическимъ разборомъ, сочиняютъ на оныя имитаціи, и какъ рѣчи авторскія, такъ и имитаціи выучиваютъ наизустъ и говорятъ въ академическомъ собраніи. Въ семъ классѣ обучаются всѣ студенты богословіи и философіи.

»7. Въ *философскомъ* классѣ преподается съ объясненіемъ на латинскомъ языкѣ латинская краткая исторія философіи, логика, метафизика, нравственная философія, россійская естественная исторія, опытная физика и изъясненіе евангелій воскресныхъ и праздничныхъ. Между тѣмъ студенты занимаются сочиненіемъ и сказываніемъ наизустъ диссертацій, также приватными и публичными диспутами на латинскомъ языкѣ.

»8. Въ *богословскомъ* классѣ преподаются на латинскомъ языкѣ: краткая церковная исторія съ показаніемъ главныхъ эпохъ, герменевтика, система догматико-полемической и нравственной богословіи. На россійскомъ: пасхалія, свящ. писаніе съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ, книга кормчая, книга о должностяхъ приходскаго священника, бываетъ толкованіе апостольскихъ посланій публично по воскреснымъ днямъ предъ литургіею по правиламъ герменевтики съ присоединеніемъ нравоученій. Студенты богословія кромѣ сего занимаются сочиненіемъ и сказываніемъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ проповѣдей, также диспутами приватными и публичными.

»9. Въ *еврейскомъ* классѣ учатъ еврейской граматикѣ съ подробнымъ разборомъ положенныхъ при каждомъ правилѣ примѣровъ; читаютъ ветхій завѣтъ съ разборомъ каждаго слова и письма еврейскихъ писателей тоже съ разборомъ. Въ семъ классѣ обучаются студенты философіи и богословіи.

»10. Въ *нижнемъ греческомъ* классѣ обучаютъ исправному

чтенію, выговору, правописанію, словопроизведенію, синтаксису и разговорамъ; означаются для упражненія съ россійскаго на преподаваемый языкъ переводы. Въ семъ классѣ обучаются ученики поэзіи и реторики.

»11. Въ *высшемъ греческомъ* классѣ повторяютъ синтаксисъ, обучаютъ разговорамъ, читаютъ рѣчи, письма и другія сочиненія лучшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ, съ показаніемъ свойствъ, выраженій и красоты преподаваемаго языка и заставляютъ студентовъ и учениковъ учить оныя наизустъ; для упражненія означается переводъ съ преподаваемаго на россійскій языкъ, а съ россійскаго на преподаваемый, сочиняютъ притомъ студенты рѣчи, письма и другія сочиненія. Въ сей классъ поступаютъ успѣвшіе въ нижнемъ классѣ студенты и ученики.

»12. Въ классѣ *простаго греческаго языка* (ἀλλὰ) обучаются простому разговорному языку. Въ семъ классѣ читаютъ краткое начертаніе греческихъ правилъ, простаго или общенароднаго, нынѣ употребляемаго Греками языка разговоры и притомъ занимаетъ учитель студентовъ и учениковъ разговорами на греческомъ языкѣ и переводами съ простаго греческаго на россійскій языкъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики и студенты высшаго и низшаго греческихъ классовъ.

»13. Въ *нижнемъ французскомъ* классѣ обучаютъ исправному чтенію, выговору, правописанію, словопроизведенію, синтаксису и разговорамъ; означаются для упражненія съ россійскаго на преподаваемый языкъ переводы. Въ семъ классѣ обучаются студенты и ученики разныхъ классовъ по произволенію и способностямъ.

»14. Въ *высшемъ французскомъ* классѣ повторяютъ синтаксисъ, обучаютъ разговорамъ, читаютъ рѣчи, письма и другія

сочиненія лучшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ, съ показаніями свойства, выраженій и красоты преподаваемаго языка, и заставляютъ студентовъ и учениковъ учить оные наизустъ; для упражненія означаются переводы съ преподаваемаго на россійскій и съ россійскаго на преподаваемый; сочиняютъ притомъ студенты рѣчи, письма и другія сочиненія. Въ сей классъ поступаютъ успѣвшіе въ нижнемъ классѣ студенты и ученики.

»15. Въ *практическомъ французскомъ* классѣ чрезъ все время класса учитель занимаетъ учениковъ разговорами. Въ сей классъ ходятъ студенты и ученики нижняго и высшаго французскихъ классовъ.

»16. Въ *нижнемъ нѣмецкомъ* классѣ обучаютъ исправному чтенію, выговору, правописанію, словопроизведенію, синтаксису и разговорамъ. Означаются для упражненій съ россійскаго на преподаваемый языкъ переводы. Въ семъ классѣ обучаются ученики разныхъ классовъ по произволенію и способности.

»17. Въ *высшемъ нѣмецкомъ* классѣ повторяютъ синтаксисъ, обучаютъ разговорамъ, читаютъ рѣчи, письма и другія сочиненія лучшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ и съ показаніемъ свойства, выраженій и красоты преподаваемаго языка, и заставляютъ студентовъ и учениковъ учить оныя наизустъ; для упражненія означаются переводы съ преподаваемаго на россійскій языкъ и съ россійскаго на преподаваемый, сочиняютъ притомъ студенты рѣчи, письма и другія сочиненія. Въ сей классъ поступаютъ успѣвшіе въ нижнемъ классѣ студенты и ученики.

»18. Въ *польскомъ* классѣ преподается польская граматика, назначаются притомъ упражненія съ россійскаго на польскій и съ польскаго на россійскій; также ученики обучаются говорить

по польски. Въ семъ классѣ обучаются ученики латинскихъ граматическихъ классовъ.

»19. Въ *нижнемъ ариѳметическомъ* классѣ преподаются начала ариѳметики, о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія: сложеніи, вычитаніи, умноженіи и дѣленіи. Въ семъ классѣ обучаются ученики нижняго класса латинской граматики.

»20. Въ *среднемъ ариѳметическомъ* классѣ преподаются правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики средняго класса латинской граматики, успѣвшіе въ нижнемъ классѣ.

»21. Въ *высшемъ ариѳметическомъ* преподаются правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также правила тройное, товарищества и проч. Въ семъ классѣ обучаются ученики высшаго класса латинской граматики, успѣвшіе въ среднемъ классѣ.

»22. Въ *нижнемъ классѣ чистой математики* преподается изъ геометріи: лонгиметрія и планометрія; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики, успѣвшіе въ ариѳметикѣ.

»23. Въ *высшемъ классѣ чистой математики* преподается изъ геометріи: стереометрія; изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи сравненій, о конструкціи до окончанія всей алгебры и плоская тригонометрія. Въ семъ классѣ обучаются ученики, успѣвшіе въ нижнемъ классѣ.

»24. Въ классѣ *смѣшенной математики* преподается гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, ареометрія, гидравлика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспек-

тива, тригонометрія сферическая, начала астрономіи, географія, гидрографія, гномоника и математическая хронологія. Въ семъ классѣ обучаются ученики реторики и студенты философіи и богословіи, успѣвшіе въ чистой математикѣ.

»25. Въ *первомъ* классѣ *историческомъ и географическомъ* познаніе исторіи вообще; о раздѣленіи времени по періодамъ или эпохамъ; библейская исторія. Вообще, которое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное изчисленіе россійскихъ государей. Введеніе въ географію, какъ то: познаніе географіи, положеніе земли, познаніе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ; познаніе предѣловъ и раздѣленіе россійскаго государства, пространство и раздѣленіе онаго по губерніямъ, познаніе горъ, морей, озеръ и рѣкъ. Въ семъ классѣ обучаются ученики нижняго класса граматики.

»26. Во *второмъ историческомъ и географическомъ* классѣ: главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то: по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпима вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей; какъ титулуютъ государя; сколько во всемъ государствѣ жителей и военной силы; какія горы, рѣки и озера. Познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійскаго государства и раздѣленіи по уѣздамъ. Первая часть всемірной исторіи, то есть, исторія древняя, также россійской исторіи три періода. Въ семъ классѣ обучаются успѣвшіе въ первомъ классѣ ученики средняго класса граматики.

»27. Въ *третьемъ историческомъ и географическомъ* классѣ: вторая часть всемірной исторіи, то есть: первая часть новой исторіи и россійской исторіи четвертый и пятый періодъ, чѣмъ россійская исторія и оканчивается. Первая часть всеобщаго

землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаніями, къ нимъ принадлежащими; также объ обывателяхъ россійскаго государства, о внутреннемъ его устроеніи, описаніе уѣздовъ и другихъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ Пространномъ Землеописаніи Россійскаго Государства. Въ семъ классѣ обучаются успѣвшіе во второмъ классѣ ученики высшаго класса граматики.

»28. Въ *четвертомъ историческомъ и географическомъ* классѣ преподаются: послѣдняя часть всемірной исторіи, вторая часть всеобщаго землеописанія съ описаніями, принадлежащими имъ, и математическая географія. Въ семъ классѣ обучаются успѣвшіе въ третьемъ классѣ ученики класса поэзіи.

»29. Въ *экономическомъ* классѣ читаютъ Флорина экономію. Въ семъ классѣ обучаются студенты философіи и богословіи.

»30. Въ *медицинскомъ* классѣ обучаютъ анатоміи съ предположеніемъ преподавать и другія части врачебной науки до имѣющаго воспослѣдовать по сему предмету изъ св. Прав. Синода предписанія. Въ семъ классѣ обучаются студенты богословіи и философіи и ученики реторики священно-церковно-служительскіе дѣти всѣ безъ изъятія, а разночинческіе опредѣляются въ сей классъ по произволенію.

»31. Въ классѣ *рисовальномъ* обучаются рисовальному искуству съ показаніемъ правилъ.

»32. Въ классѣ *нотнаго ирмолойнаго пѣнія* обучаютъ правиламъ нотнаго пѣнія. Въ семъ классѣ обучаются ученики русской школы и латинскихъ классовъ, не изучившіеся оному прежде вступленія въ латинскій классъ священно-церковно-служительскіе дѣти.

»33. Въ *русской* школѣ обучаютъ пространному катихизису,

краткой свящ. исторіи, уставу церковнаго круга, читать и писать. Въ семъ классѣ обучаются ученики, неимѣющіе способности къ познанію другихъ предметовъ и языковъ«.

Кромѣ сего учрежденъ былъ, по словесному приказанію митрополита Гавріила, особый классъ инструментальной музыки, въ капельмейстеры и учители которой 1801 года договоренъ дворянинъ кіевскаго уѣзда *Савелій Цесарскій*.

VI. О руководствахъ.

Исключая руководствъ, составленныхъ самой Академіей, нѣкоторыя были приняты отъ народныхъ училищъ, другія заимствованы отъ иностранцевъ и отъ отечественныхъ педагоговъ. Такимъ образомъ свящ. исторія читалась по руководству, изданному для народныхъ училищъ; польская граматика и просодія количественная по руководству *Семигиновскаго;* латинская граматика и греческая — *Бантышъ Каменскаго;* французская — *Соколовскаго;* нѣмецкая — *Гольтергофа;* еврейская, а также разговоры домашніе и школьные — *Христоф. Целлярія;* греческіе — *Поселлія;* французскіе и нѣмецкіе — *Вегелина;* россійская поэзія — *Аполлоса;* латинская — *Феофана Прокоповича;* россійская реторика — *Ломоносова;* латинская — *Лежаева* и *Бургія;* домашняя экономія — *Флорина;* философія — *Баумейстера;* исторія естественная и опытная физика по руководствамъ, изданнымъ для народныхъ училищъ; богословіе — *Феофана Прокоповича;* математическія науки по руководству *Аничкова*, *Вейдлера* и *Волфія;* уставъ церковнаго круга, по руководству, напечатанному въ Москвѣ; ирмологіонъ по печерскому напѣву, по правиламъ составленнымъ для нотнаго ирмолойнаго пѣнія учителемъ *Георгіемъ Барановичемъ;* анатомію — по *Шаримидту*.

Въ *седьмомъ* пунктѣ указаны часы для недѣльныхъ занятій. Показанія эти отличаются отъ прежнихъ только тѣмъ, что въ составъ занятныхъ часовъ вошли новые предметы, изъ которыхъ

для уроковъ врачебной науки положенъ 8 и 9 часъ въ среду и пятницу, а для нотнаго пѣнія 3 часъ по полудни во вторникъ и четвергъ.

VIII. О числѣ учащихся въ каждомъ классѣ.

Въ нижнемъ граматическомъ классѣ	489
— среднемъ граматическомъ	159
— высшемъ граматическомъ	81
— поэтическомъ	91
— реторическомъ	164
— классѣ высшаго краснорѣчія	131
— философскомъ классѣ	75
— богословскомъ	56
— еврейскомъ	20
— греческомъ всшнемъ	41
— греческомъ нижнемъ	243
— простомъ греческомъ	37
— высшемъ французскомъ	23
— низшемъ французскомъ	34
— практическомъ французскомъ	57
— высшемъ нѣмецкомъ	28
— нижнемъ нѣмецкомъ	130
— польскомъ классѣ	25
— классѣ врачебной науки	140
— экономическомъ классѣ	25
— нижнемъ ариѳметическомъ	215
— среднемъ ариѳметическомъ	179
— высшемъ ариѳметическомъ	86
— первомъ историческомъ и географическомъ	214
— второмъ историческомъ и географическомъ	170
— третьемъ историческомъ и географическомъ	97
— четвертомъ историческомъ и географическомъ	98
— нижнемъ чистой математики	108
— высшемъ чистой математики	18

Въ классѣ смѣшенной математики	55
— рисовальномъ классѣ.	150
— нотномъ ирмолойномъ	146
— русской школѣ.	33
— классѣ инструментальной музыки	99

IX. О пособіяхъ учебныхъ.

Пособія академическія: библіотека, въ которой находятся богословскія, философскія, реторическія, толкованія свящ. писанія, проповѣдническія и другихъ содержаній книги; физическіе инструменты: воздушный насосъ съ принадлежащимъ къ нему приборомъ, электрическая машина съ приборомъ, телескопъ, барометръ и термометръ; математическіе: астролябія, мензула и прочіе инструменты, географическіе: глобусы земные и небесные, сфера Коперникова

Въ *десятомъ* пунктѣ »о капиталахъ на содержаніе Академіи и ея воспитанниковъ«, упомянуто только о раздѣлѣ 12 тысячъ, отпущенныхъ въ 1798 году; о прочихъ же капиталахъ не говорится ни слова.

Одинадцатымъ пунктомъ министръ спрашивалъ: какую плату получаютъ учители отъ учениковъ за каждый курсъ науки? Академическое начальство отвѣчало на это, что учители, кромѣ положеннаго жалованья, отъ учениковъ ничего за свои уроки не получаютъ, а студенты, опредѣляемые къ ученикамъ, живущимъ по квартирамъ, для присмотра за ними въ ученіи и поведеніи, получаютъ плату различно, по договору съ учениками.

XII. Объ экзаменахъ.

Экзамены въ Академіи производятся публичные каждаго мѣсяца, въ опредѣленный на то день въ академической залѣ. Это бываетъ по утру въ 9, 10 и 11 часу; послѣ обѣда же во

2, 3 и 4 часу въ присутствіи ректора, всѣхъ учителей и учащихся слѣдующимъ порядкомъ: учитель другаго класса экзаменуетъ учениковъ по предметамъ, пройденнымъ въ теченіи мѣсяца, вызывая каждаго ученика предъ собраніе, послѣ чего спрашиваются тѣ, которые въ этотъ періодъ успѣли въ чемъ нибудь сверхъ положеннаго въ классѣ Другой экзаменъ бываетъ годичный въ той же залѣ; онъ начинается съ 1 и продолжается до 15 іюля по предметамъ латинскимъ и другихъ языковъ, а также поэзіи и реторики. Для сего экзамена назначаются учители другихъ классовъ; они даютъ ученикамъ темы для упражненій, и когда всѣ онѣ будутъ окончены и собраны, учитель вводитъ учениковъ въ залу, гдѣ ректоръ и прочіе наставники пересматриваютъ задачи; за тѣмъ всякій изъ разсматривающихъ подзываетъ къ себѣ того ученика, чье упражненіе имѣетъ онъ въ рукахъ и испытываетъ его по всѣмъ предметамъ извѣстнаго класса. Хорошо отвѣтившій на всѣ вопросы и подавшій одобрительную задачу удостоивается перевода въ высшій классъ, а не оказавшіе успѣховъ оставляются до исправленія въ прежнемъ. Кромѣ этого поутру въ каждую субботу бываетъ полное собраніе всего академическаго начальства, продолжающееся два часа Здѣсь студенты богословія и философіи говорятъ наизустъ авторскія рѣчи и на оныя имитаціи, а также представляютъ къ слѣдующему засѣданію новыя диссертаціи. Такихъ студентовъ записываютъ въ журналъ съ означеніемъ ихъ сочиненій, и въ наступающую субботу слушаютъ диссертацію, обыкновенно заучиваемую наизустъ.

Въ *тринадцатомъ* пунктѣ заключается вопросъ »о награ»жденіяхъ послѣ экзаменовъ и въ чемъ онѣ состоятъ« Отвѣтъ на это данъ слѣдующій: »Поелику въ разсужденіи множества »въ сиротскомъ домѣ питомцевъ для сихъ случаевъ суммы не »остается: то награжденій ученикамъ не бываетъ другихъ, »кромѣ того, что успѣвающіе бываютъ похваляемы въ публикѣ, »а лѣнивцы терпятъ выговоръ«. Впрочемъ иногда прилежнѣй-

шимъ изъ студентовъ и учениковъ раздаваемы бывали въ награду книги, съ означеніемъ ихъ успѣховъ и добраго поведенія[438].

Надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ, живущихъ какъ въ сиротскомъ домѣ, такъ и по квартирамъ былъ поручаемъ особо на то учрежденнымъ суперъ-интендентамъ и инспекторамъ изъ числа своихъ же студентовъ, которые для этого снабжаемы были нарочными инструкціями изъ академическаго правленія. Для точнѣйшаго уразумѣнія порядка въ надзорѣ предлагаются здѣсь инструкціи *суперъ-интендентская* и *инспекторская*.

Инструкція суперъ-интендентская.

»По указу Его Императорскаго Величества, Академическое Правленіе, по учиненному въ немъ опредѣленію, для благонамѣреннаго смотрѣнія и наблюденія по предметамъ образованія въ ученіи и благонравіи, также и выгодъ за живущими въ сиротскомъ домѣ и приходскихъ школахъ студентами и учениками, и за учрежденными въ пособіе съ симъ же намѣреніемъ инспекторами избраны вы суперъ-интендентомъ. По сей должности поступать вамъ по нижеслѣдующему:

1. Въ сиротскомъ домѣ бывать на экспликаціи и еженедѣльно не менѣе двухъ разъ, кромѣ особливаго обозрѣнія всѣхъ порядковъ онаго дома. По приходскимъ же школамъ исполнять сіе по крайней мѣрѣ однажды въ мѣсяцъ, поколику пособіе смотрѣнія школъ дополняютъ инспектора.

2. Всякій день, отобравъ отъ сеніора рапортъ, представлять въ Академическое Правленіе и рапортовать о благополучіи всѣхъ подчиненныхъ, вашему смотрѣнію ввѣренныхъ.

3. Имѣть наблюденіе, чтобъ всѣ ученики въ надлежащее время, свободное отъ классовъ, находились въ домѣ и изъ до-

ма сиротскаго, кромѣ необходимыхъ нуждъ и причинъ, и то завѣдомомъ сеніора и на короткое время никакъ не отлучались; въ надлежащее время учились бы, а по утру вставъ и въ вечеру ложась читали бы молитвы, ходили бы въ означенное время въ церковь и наблюдали въ избахъ чистоту, въ одѣяніи опрятность, сохраняли бы въ обхожденіи скромность, благонравіе, благочестіе и благопристойность; береглись бы отъ всего соблазнительнаго и противнаго благовоспитанію.

4. Въ противномъ же случаѣ, за малыя преступленія взыскивать вамъ самимъ; а о большихъ доносить Правленію, безъ особаго на то приказанія, словесно, а о побѣгахъ всегда письменно.

5. Имѣть вѣрные списки, кто какого состоянія, кто на чьемъ содержаніи въ приходскихъ школахъ и въ сиротскомъ домѣ и кто на всемъ казенномъ коштѣ, и кто на одной пищѣ и одѣяніи; вообще, о всѣхъ, кто когда прибылъ или выбылъ.

6. Вносить въ списки, кто когда прибылъ въ сиротскій домъ, съ какимъ одѣяніемъ, кто имѣетъ въ одѣяніи нужду, кто когда получилъ и какое. Тоже самое разумѣется о книгахъ, о бумагѣ и другихъ надобностяхъ. Если и на собственномъ одѣяніи кто проживаетъ не одѣтъ, непремѣнно рапортовать, и безъ одѣянія являющихся въ Академію въ сиротскій домъ и въ школы не принимать, а доносить Академическому Правленію.

7. Кромѣ всего того имѣть вамъ смотрѣніе о вокальной и инструментальной музыкѣ, наблюденіе за регентомъ и капельмейстеромъ: по надлежащему и сходственно ли капельмейстеръ поступаетъ въ обученіи музыкѣ, какъ контрактомъ обовязался? О томъ подавать рапортъ еженедѣльно письменный въ Правленіе съ изъясненіемъ, чему кто изъ вновь опредѣленныхъ и изъ

старыхъ музыкантовъ чрезъ недѣлю научился; сколько разовъ въ недѣлю исправляема была музыка, кто изъ учащихся оной вновь принятъ, и если усмотрите недостатокъ въ учащихся музыкѣ, докладывать предварительно и благовременно сему Правленію. При всемъ томъ имѣть въ спискахъ, сколько отъ укон-трактованія капельмейстера выучено и каковыхъ хоровъ или каковыя вновь искуплены музыкальныя штуки; рапортовать, сколько на лицо находится инструментовъ, сочиненій и всѣ ли въ цѣлости и притверждать учащимся, чтобы все въ цѣлости было сохраняемо, на что безъ умедленія сдѣлать обстоятельную вдвойнѣ вѣдомость; одну при рапортѣ представлять въ Правленіе, а другую оставить у себя. а къ непремѣнному исполненію всего вышеписаннаго сія инструкція за подписомъ присутствующихъ въ Академическомъ Правленіи вамъ дана 1803 года мая 26 дня[439].

Инструкція инспекторская.

»По указу Его Императорскаго Величества, въ кіевскомъ Академическомъ Правленіи опредѣлили: для наблюденія за живущими по порученнымъ вамъ приходскимъ школамъ и въ тѣхъ приходахъ и по квартирамъ студентами и учениками, быть вамъ инспекторомъ, и по сей должности поступать по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

1. Знать и имѣть на бумагѣ, сколько подъ чьимъ смотрѣніемъ, какъ по школамъ, такъ и по квартирамъ живущихъ и вновь поступающихъ въ распредѣленныхъ вамъ приходахъ студентовъ и учениковъ, гдѣ кто на квартирѣ или въ школѣ живетъ, какого кто званія: ежели священническіе нашей епархіи, то записаны ли въ Академическомъ Правленіи; ежели иноепархіальные, то имѣютъ ли позволеніе отъ епархіальнаго архіерея здѣсь обучаться; ежели разночинческіе, то имѣютъ ли позволительные къ продолженію въ здѣшней Академіи наукъ урядовые письменные виды; кто у кого изъ учениковъ инспе-

ктором; всѣ ли ученики имѣютъ инспекторовъ и за вѣдомомъ ли академическимъ имѣютъ оныхъ, или безъ присмотру сами находятся, будучи высшихъ классовъ, и всѣ ли вообще явились въ Академическомъ Правленіи: ежели являлись, то должны имѣть къ удостовѣренію о себѣ изъ сего Правленія письменные виды; буде же не явились, то о всѣхъ таковыхъ безъ всякаго послабленія непремѣнно доставлять на письменныхъ прошеніяхъ о принятіи въ Академію; буде же откроются чрезъ кого либо со стороны находящихся въ вѣдѣніи вашемъ не явившіеся въ Академическомъ Правленіи и у Академіи ректора: то за недоставку и пропущеніе таковыхъ, въ случаѣ какого либо худаго послѣдствія, подвергнете себя неминуемому отвѣту и истязанію.

2. Смотрѣть и наблюдать за всѣхъ поведеніемъ и вникать, всякъ ли *директоръ* можетъ довольствовать должнымъ изъясненіемъ и руководствомъ порученныхъ ему учениковъ, почему и ходить на экспликаціи ради усмотрѣнія способностей и прилежанія учащихъ и учащихся, такъ и добраго поведенія; и въ другія времена, приноравливаясь времени, обстоятельствамъ, навѣдываться въ школы и на квартиры, и примѣчать: наблюдаются ли между хозяиномъ и академистами, по договору, выгоды; согласно ли живутъ, спокойно и въ честныхъ мѣстахъ.

3. Какъ относительно находящихся въ школахъ изъ получаемаго девяностокопѣечнаго жалованья, для удобнѣйшаго содержанія пищею и другихъ надобностей, должны быть артели: то знать, кому для распоряженія вручаются деньги, вникать въ разсчеты и замѣчать, не долженъ ли ради сего опредѣленный и не дѣлаетъ ли какихъ излишнихъ издержекъ, утаекъ или притяженій; такъ и директоры съ получающихъ девяностокопѣечное жалованье не требуютъ ли награжденія, котораго и требовать никакъ не должны, поелику таковые по бѣдности своей вспомоществуются казеннымъ содержаніемъ и ученіемъ.

4. Если же бы кто изъ студентовъ и учениковъ въ дру-

гую какую либо школу отлучился или въ другой приходъ на квартиру перешелъ, надобно знать и замѣчать, по какимъ причинамъ; также если кто вновь явится или прибудетъ. А буде кто изъ учащихся учинитъ побѣгъ, о томъ тогожъ самаго дня неопустительно письменно Академическому Правленію и словесно Академіи префекту рапортовать; также объ живущихъ по квартирамъ къ Академіи префекту, а о живущихъ по школамъ къ суперъ-интенденту, а особожъ всего того для донесенія о благосостояніи студентовъ и учениковъ, или каковыхъ либо другихъ произшествіяхъ и случаяхъ являться всякой недѣли въ Правленіи въ понедѣльникъ по полудни въ 1 часу, также въ среду и пятокъ.

5. Наблюдать: ходятъ ли безопустительно всѣ въ классы, и въ назначенные дни въ церковь и во всемъ исполняютъ ли должность свою директоры примѣрною честностію, а ученики должнымъ повиновеніемъ и уваженіемъ къ руководствующимъ ихъ. Буде же въ противность честнаго поведенія, должныхъ успѣховъ и вышеписаннаго порядка въ содержаніи воспослѣдуетъ какая неблагопристойность, безвременныя отлучки, въ неблагопристойныхъ мѣстахъ и подозрительныхъ обращенія, неопустительно, безъ замедлѣнія, куда слѣдуетъ, по вышеписанному доносить, и всякій день о благосостояніи, такъ и о случающихся произшествіяхъ непремѣнно рапортовать, стараясь во всемъ по должности вашей тщательно и добросовѣстно, и преимущественно отличая себя честностію и благоразумнымъ обхожденіемъ. Для того изъ Академическаго Правленія за подписомъ присутствующихъ сія инструкція вамъ дана 1803 г. октября 6 дня[440]«.

Свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Академіи нужны были министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому между прочимъ для того, что въ это время приводимо имъ было въ исполненіе предначертаніе Государя Императора о распростра-

ненiи наукъ по всей имперiи; съ каковою цѣлiю въ С.-Петербургѣ учреждалось особое училище для приготовленiя ста учителей по разнымъ предметамъ. Академiя Кiевская, въ числѣ прочихъ духовныхъ заведенiй, также получила указъ о высылкѣ въ столицу осьми человѣкъ своихъ воспитанниковъ; а между тѣмъ и медико-хирургическая академiя требовала студентовъ. Но замѣчательно, что сколь охотно приняли академисты приглашенiе знаменитаго своего совоспитанника, столь же упорно отказывались отъ науки медицинской, такъ что по нѣскольку разъ нужно было возобновлять требованiя, чтобъ собрать самое ограниченное число охотниковъ до медицины. При всемъ томъ Академiя однакожъ не оставила безъ надлежащаго исполненiя требованiй высшаго начальства, и въ педагогическое училище выслала *десять*[441], а въ медицинское *трехъ* человѣкъ[442].

Но кiевская паства и Академiя должны были проститься съ своимъ пастыремъ. Удрученный болѣзнями, митрополитъ Гавриилъ испросилъ себѣ увольненiе, и осыпанный щедротами Монаршими, 22 сентябри 1803 года удалился на пребыванiе въ Одессу. »Прости, о милый пастырь! говорилъ на прощанье Леванда, и помолись объ огорченныхъ и унывающихъ! »Прости все, что видѣлъ ты здѣсь достойное сего наказанiя, »достойное сихъ слезъ. Ты умѣлъ гробъ для тебя изъ нашихъ »сердецъ составить; тутъ онѣ, пока дышатъ, будутъ возглашать вѣчную благости твоей память[443]«.

Не долго однакожъ пробылъ знаменитый архипастырь на покоѣ. Когда открылась новая война съ турками: то въ занятыя русскими войсками Молдавiю, Валахiю и Бессарабiю, митрополитъ Гавриилъ, какъ отлично знакомый со всѣми правами этого края, пожалованъ былъ, по именному указу 1808 г. екзархомъ съ пребыванiемъ въ означенныхъ областяхъ и съ правомъ присутствующаго члена въ молдавскомъ ди-

ванѣ. Здѣсь Гавріилъ явился истиннымъ патріотомъ: будучи правителемъ молдовлахійскаго духовенства и имѣя посему вліяніе на весь народъ, онъ много способствовалъ къ облегченію содержанія русской арміи, за что въ 1809 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 степ. и бархатною зеленою мантіей. Будучи за тѣмъ (1811 г.) вызванъ въ Петербургъ для совѣщаній о завоеванныхъ у Турціи провинціяхъ, Гавріилъ находился тамъ въ числѣ государственныхъ чиновниковъ членомъ комитета, учрежденнаго для устроенія молдовлахійскихъ дѣлъ. По упраздненіи комитета, Гавріилъ награжденъ былъ алмазными знаками св. Андрея первозваннаго и собольею шубою. Но такъ какъ, по случаю заключенія мира съ Турками, уступлены были имъ всѣ завоеванныя Россіей земли, кромѣ Бессарабіи; то Гавріилъ выѣхалъ изъ Молдавіи въ Кишиневъ, гдѣ, по его собственному предначертанію и по представленію св. Синода, именнымъ указомъ 1813 г. учреждена была новая епархія, подъ названіемъ кишиневской и хотинской, въ которую онъ и опредѣленъ былъ епархіальнымъ митрополитомъ, съ предоставленіемъ лично званія кіевской митрополіи, и по смерть степени екзарха св. Синода. За устроеніе новой епархіи и за понесенные въ многолѣтнюю службу свою труды Гавріилъ получилъ отъ Государя Императора алмазную панагію и скончался въ Кишиневѣ 30 марта 1821 года[444].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СЕРАПІОНЪ АЛЕКСАНДРОВСКІЙ.

Безпокойства отъ уніатовъ. Прибытіе Серапіона. Увольненіе Фальковскаго. Перемѣны между наставниками Академіи. Нѣкоторыя распоряженія по училищу. Митрополитъ Платонъ въ Кіевѣ. Переписка его съ Серапіономъ о преобразованіи духовныхъ училищъ. Проэктъ Серапіона. Постройки въ Академіи. Награжденіе студентовъ книгами. Увеличеніе оклада академическаго. Пожертвованія частныхъ лицъ. Комплектъ наставниковъ Академіи. Закрытіе класса медицины. Высылка студентовъ въ разныя мѣста. Пожаръ 1811 года. Приношенія въ пользу погорѣвшаго училища. Обновленіе Академіи. Росписаніе жалованья. 1812 годъ. Студенты поступаютъ въ ополченіе. Учебный отчетъ Академіи за 1814 годъ. Выписка журналовъ и газетъ. Прибытіе Александра I въ Кіевъ. Онъ посѣщаетъ Академію. Ода августѣйшему посѣтителю. Указъ 1817 года. Академія Кіевская обращена въ семинарію. Приведеніе въ порядокъ библіотеки. Требованіе списковъ о дѣтяхъ священно-церковно-служительскихъ. Проэктъ ректора Мелетія. Составъ преподавателей въ послѣднее время. Прежніе учители оставляютъ Академію. Общій взглядъ на исторію Кіевской Академіи.

1803—1819.

Безъ малаго шесть мѣсяцевъ сиротствовала кіевская паства безъ своего архипастыря: ибо Серапіонъ, Высочайше назначенный сюда 11 декабря 1803 года, прибылъ въ Кіевъ уже 4 февраля. А между тѣмъ въ это время снова начались пронырства уніатовъ въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ; вмѣшиваясь въ исправленіе церковныхъ требъ у обратившихся къ православію прихожанъ, уніатскіе священники опять начали

совращать ихъ въ унію. Но все это окончилось, какъ скоро жезлъ іерархическаго правленія принятъ былъ Серапіономъ. Немедленно отнесся онъ объ этомъ въ св. Синодъ, и власть гражданская приняла свои мѣры противъ тѣхъ, кто не хотѣлъ повиноваться тихому ученію Церкви Христовой[445].

Послѣ сего Серапіонъ обратился къ другой не менѣе существеннѣйшей своей обязанности. Въ правахъ протектора Академіи, онъ потребовалъ прежде всего отвѣта отъ Иринея Фальковскаго: не мѣшаетъ ли ректорская и профессорская должность его занятіямъ, столько полезнымъ для всей церкви? Фальковскій, писавшій тогда толкованія свои на посланія св. апостола Павла, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ отъ всѣхъ училищныхъ должностей. Въ слѣдствіе сего митрополитъ тотчасъ же приступилъ къ организированію другаго состава учителей Академіи, поручивъ 30 марта 1804 года ректуру архимандриту *Іакинѳу Лагановскому* съ обязательствомъ преподавать богословіе. За тѣмъ послѣдовали и другія перемѣны въ порядкѣ наставниковъ; нѣкоторые изъ нихъ повышены въ классахъ, другіе вновь назначены; а нѣкоторые удалены[446]. Сдѣлано также распоряженіе о порученіи должности капельмейстерской одному изъ студентовъ, знающихъ инструментальную музыку и имѣющихъ охоту заниматься ею; сравнены въ содержаніи съ туземными студентами и кандидаты, поступившіе, по требованію, изъ иноепархіальныхъ семинарій.

Въ этомъ же году посѣтилъ святыню Кіева и училище его знаменитый іерархъ Церкви русской, московскій митрополитъ Платонъ. Два высокихъ представителя духовнаго просвѣщенія обдумали и рѣшили въ эту пору дѣло, которому суждено было осуществиться преобразованіемъ главнѣйшихъ духовныхъ училищъ въ Россіи. »Просвѣщенія слишкомъ много, писалъ потомъ іерархъ московскій къ кіевскому; разумѣю, мнимаго, а начало »премудрости, страхъ Господень уменьшается и порча нравовъ

»усиливается по мѣрѣ, какъ возрастаетъ оное просвѣщеніе мнимое«[447]. Чтобы поставить преграду распространенію этого зла, митрополитъ Платонъ задумалъ возвести Академіи духовныя на степень всеучилищъ, справедливо убѣжденный въ томъ, что внѣ ученія Церкви православной для Россіи нѣтъ и быть не можетъ истиннаго просвѣщенія. Онъ представилъ митрополиту Серапіону »на разсужденіе« проэктъ свой о реформѣ, какую намѣревался произвести въ подвѣдомственной ему московской академіи, и просилъ совокупнаго его участія въ этомъ истинно-полезномъ для отечества и святомъ дѣлѣ. Серапіонъ въ слѣдующемъ же году (16 февраля) составилъ свой проэктъ для Кіевской Академіи, который долженъ сохраниться навсегда, какъ памятникъ его просвѣщенной заботливости о древнѣйшемъ въ нашемъ отечествѣ училищѣ.

»На основаніи Высочайшаго благоволенія о положеніи сей Академіи въ разсужденіи предметовъ и порядка въ ученіи, такъ и въ разсужденіи суммы, достаточной къ приличному ея содержанію и къ достиженію лучшаго успѣха въ воспитаніи и обученіи юношества, приготовляемаго въ ней къ духовному званію и въ учительскія по семинаріямъ должности, важнымъ предметомъ признается возвесть содержаніе и отличіе до таковой степени, чтобы опредѣлившіе себя въ учительскія должности, довольствуясь оными, не были удобно отвлекаемы видомъ другихъ выгодныхъ состояній и не устремляли бы мыслей къ избранію другихъ родовъ жизни, но имѣли бы въ виду возвышенія по степенямъ своихъ предметовъ; также нуждаясь недостаткомъ выгодъ, не истощали бы воодушевляющей къ симъ предметамъ ихъ ревности на постороннія занятія, а для сего

»1. Въ воздаяніе всѣмъ занимающимъ профессорскія и учительскія должности, какого бы кто состоянія ни былъ, слѣдуетъ назначить отличныя достоинства какъ духовнымъ, так и свѣтскимъ.

2. Но какъ образованіе въ семъ училищѣ относится преимущественно къ духовному роду состояній, гдѣ правое и чистое нравоученіе и благонравіе посѣваемо и возрождаемо быть должно, равно и способность преподаванія слова Божія, которая, кромѣ такихъ свѣдѣній умозрительныхъ, особливое оживотвореніе и дѣйствіе ощутительнымъ образомъ пріемлетъ отъ истинной ревности ко благочестію: то нужно взять возможныя мѣры, чтобъ латинскіе ординарные классы занимали учители изъ монашествующихъ, паче же непремѣнно высшіе изъ сихъ классовъ, поколику образованіе въ нравственности и наблюденіе за поведеніемъ ввѣряется учителямъ сихъ классовъ, и они не имѣя постороннихъ занятій и убѣжденій, бывъ безсемейственны, какъ и всегда ревность доказывала похвальными успѣхами важность рвенія ихъ въ воспитаніи, не упустятъ должнаго о семъ предметѣ попеченія.

»3. Дабы занявшіеся воспитаніемъ юношества, развлекаясь домостроительствомъ, времени и дарованій не дѣлили на постороннія занятія, слѣдуетъ всѣмъ учащимъ имѣть пребываніе въ академическомъ зданіи, и на сей предметъ нужно соорудить вновь выгодное строеніе, и какъ Всемилостивѣйшая Государыня блаженныя памяти Екатерина II удостоила сію Академію Высокомонаршаго своего посѣщенія 1787 г. марта 5 дня, благоволила въ данномъ покойному преосвященному митрополиту Самуилу рескриптѣ утвердить существованіе Академіи навсегда въ Братскомъ монастырѣ и повелѣть о предусматриваемой надобности въ постройкѣ для пользы Академіи сноситься съ генералъ-губернаторомъ для представленія Ея Императорскому Величеству; имѣющіяся же въ оной Академіи строенія содержать въ исправности изъ суммы, на ту Академію опредѣленной, исключая, что вновь для пользы нужно построить, о томъ сноситься съ генералъ-губернаторомъ, дабы отъ него по порядку посредствомъ сената Ея Величеству представлено быть могло. А въ IV пунктѣ изображено: что же касается до означенія мѣста

Академіи на всѣ ея строенія и до очищенія отъ соляныхъ лавокъ и тому подобнаго, оное распоряжено будетъ при сдѣланіи плана всѣмъ частямъ города Кіева. Также и въ V построить на академическую сумму при студентскомъ каменномъ домѣ каменную больницу, и для того оный домъ распространить сколько потребно, о чемъ на новомъ планѣ означено будетъ и сдѣлать около всего зданія каменную ограду. Но какъ сей священный обѣтъ Всемилостивѣйшія Монархини не достигъ совершенія, то нынѣ, по предположенію необходимости для всѣхъ академическихъ надобностей умноженія вновь зданій, законныя выгоды требуютъ сего распространенія.

»4. Воспитанниковъ, отличающихся въ успѣхахъ при экзаменахъ, также въ особенныхъ сочиненіяхъ и переводахъ полезно ободрять отличіемъ и награжденіями; для образованія кандидатовъ нужно положить не менѣе шести лѣтъ; ради сего являться имъ въ Академію для поступленія въ реторическій классъ, и ежели бы кто изъ нихъ пожелалъ и сверхъ означеннаго времени продолжать усовершеніе себя,—таковой ревности не преграждать, или кто изъ нихъ отъ Академіи признанъ будетъ въ случаѣ надобности достойнымъ занять въ оной учительское мѣсто, таковую обширнѣйшую пользу предпоставлять частнымъ.

»5. Для снабденія учебными книгами и картами, какъ Академію, такъ и окрестныя, ей прикосновенныя семинаріи, также и для отпечатанія имѣющихъ выходить сочиненій и переводовъ отъ учителей и воспитанниковъ, а особливо касающихся къ учебнымъ предметамъ, необходимо имѣть достаточную типографію внутрь Академіи.

»6. Учебные предметы въ Академіи нужными признаются слѣдующіе и порядкомъ слѣдующимъ:

»1. *Богословскій классъ*. Въ ономъ предметы: догматико-

полемическая богословія, герменевтика, церковная исторія, чтеніе св. писанія съ краткими объясненіями, нравственная богословія, пасхалія. Студенты должны по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сказывать проповѣди. Быть два раза въ годъ публичнымъ диспутамъ. Курсъ сего класса имѣетъ оканчиваться въ три года.

Профессору положить жалованья . . . . . 1200 р.

»2. *Философскій классъ.* Повторяется логика, прочитанная въ реторикѣ, метафизика, нравственная философія, опытная физика, естественная исторія, сельская и домашняя экономія. Въ субботу, за окончаніемъ лекцій, читается изъясненіе воскресныхъ евангелій. Въ семъ классѣ студенты должны заниматься сочиненіемъ диссертацій и говорить оныя въ собраніи и быть два раза въ годъ публичнымъ диспутамъ. Курсъ всего класса оканчивается въ два года.

Профессору жалованья . . . . . 1000 р.

»3. *Высшее краснорѣчіе.* Ученіе о штилѣ и родахъ краснорѣчія вообще; чтеніе авторовъ латинскихъ и россійскихъ съ критикою и разборомъ по правиламъ логики и реторики. Студенты въ семъ классѣ сочиняютъ имитаціи и сказываютъ какъ авторскія рѣчи, такъ и имитаціи на оныя въ собраніи. Въ ономъ обучаются студенты философіи и богословіи.

Профессору высшаго краснорѣчія жалованья . . . 800 р.

»4. *Реторика.* Правила латинской и россійской реторики, логика, книга о должностяхъ человѣка, чтеніе отличныхъ авторовъ латинскихъ и россійскихъ съ переводомъ и съ изъясненіемъ. Въ субботу за окончаніемъ лекцій читается изъясненіе воскресныхъ евангелій. На правила же реторическія занимаются сочиненіями на латинскомъ и россійскомъ языкахъ.

Учителю реторики жалованья . . . . . 700 р.

»5. *Поэзія.* Правила латинской и россійской поэзіи; чтеніе

отборныхъ сочиненій латинскихъ и россійскихъ стихотворцевъ: повтореніе словоударенія. Въ субботу подъ конецъ лекцій читать пространный катихизисъ.

Учителю поэзіи жалованья . . . . . 600 р.

»6. *Высшій граматическій классъ.* Россійская граматика Соколовскаго, сочиненіе словъ и словоударенie, Distincta Catonis, вторая часть школьныхъ разговоровъ, переводы съ россійскаго на латинскій и съ латинскаго на россійскій языкъ. Исторія Гибнерова съ переводомъ и выучиваніемъ наизустъ. Въ субботу пространный катихизисъ. Въ семъ классѣ ученики начинаютъ говорить по латинѣ. Сверхъ сего сей же учитель имѣетъ по полудни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ обучать учениковъ своихъ ариѳметикѣ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу — исторіи и географіи.

Жалованья сему учителю. . . . . 650 р.

Примѣчаніе. Ему же назначаются классы ариѳметическій и географическій подъ №№ 13 и 21 показанные.

»7. *Средній граматическій классъ.* Повтореніе первой части граматики, сочиненіе словъ, первая часть школьныхъ разговоровъ, и небольшіе переводы съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языкъ, краткая свящ. исторія. россійская граматика и особо сочиненное россійское правописаніе; въ субботу сокращенный катихизисъ. Сверхъ сего сей же учитель имѣетъ по полудни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ обучать учениковъ своихъ ариѳметикѣ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу исторіи и географіи.

Жалованья учителю. . . . . 600 р.

Примѣчаніе. Въ томъ числѣ ему полагается здѣсь за классы ариѳметическій, историческій и географическій подъ №№ 12 и 20 показанные.

»8 *Нижній граматическій классъ.* Начальная часть латинской граматики, правописаніе, словопроизведеніе, чистописаніе

и правописаніе россійское, первоначаліе латинскаго языка, правила для учащихся и сокращенный катихизисъ. Сей же учитель имѣетъ по полудни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ обучать учениковъ своихъ ариѳметикѣ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу исторіи и географіи.

Жалованья учителю . . . . . 500 р.

Примѣчаніе. Въ томъ числѣ полагается ему здѣсь и за классы ариѳметическій, историческій и географическій подъ №№ 11 и 19.

»9. *Классъ законоискуства.* Юридическая граматика, чтеніе генеральнаго и духовнаго регламента, Уложеніе царя Алексія Михайловича, Наказъ Императрицы Екатерины II, указы, Театръ судовѣденія и другія къ сему предмету относящіяся книги. Сей классъ нужнымъ признается особенно потому, что по большой части и нынѣ во всѣ Духовныя Правленія присутствующими опредѣляются изъ ученыхъ священниковъ, кои мало или на первый случай и совсѣмъ не имѣя о семъ предметѣ свѣдѣнія, много дѣлаютъ затрудненія въ сохраненіи нужнаго законнаго порядка, все по нуждѣ отдая на разсмотрѣніе или и рѣшеніе писаря своего, иногда и того мало свѣдущаго. Обучаться въ семъ классѣ студентамъ богословія.

Жалованья учителю. . . . . 500 р.

»10. *Классъ медицинскій.* Предметы онаго преподаются, сообразно указному предписанію.

Учитель медицины, онъ же и лекарь академической больницы, получаетъ 800 р.

»Поколику математическое, географическое и историческое ученіе должно восходить постепенно, то оное и раздѣлено на классы, съ тѣмъ, чтобы отъ первоначалій восходили питомцы, начиная отъ первыхъ лѣтъ вступленія въ Академію къ высшимъ познаніямъ. Почему ученіе ариѳметики и раздѣлить на три класса:

»11. *Первый ариѳметическій.* Изчисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе простое.

»12. *Второй ариѳметическій.* Раздробленіе и превращеніе, правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадраты, кубы и логариѳмы.

»13. *Третій ариѳметическій.* (Ничего не показано).

»Чистая математика также раздѣляется на три части.

»14. *Первый классъ чистой математики.* Изъ геометріи: лонгиметрія и планиметрія. Изъ алгебры: первыя части алгебраическія: сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, дроби и квадраты. Въ семъ классѣ обучаются ученики поэзіи, успѣвшіе въ ариѳметикѣ. Сего класса учитель имѣетъ обучать исторіи, географіи и миѳологіи, какъ въ четвертомъ географическомъ классѣ показано.

Учитель перваго класса чистой математики, онъ же и четвертаго историческаго и географическаго классовъ подъ *№* 22 показанныхъ, получаетъ жалованья . . . . . 500 р.

»15. *Второй классъ чистой математики.* Изъ геометріи: стереометрія и тригонометрія плоская. Изъ алгебры: сравненіе, употребленіе сравненій при рѣшеніи геометрическихъ и тригонометрическихъ задачъ и первоначальныя познанія о свойствѣ кривыхъ линій. Въ сей классъ поступаютъ ученики реторики.

Жалованья учителю . . . . . 450 р.

»16. *Третій классъ чистой математики.* Высшая геометрія. Въ сей классъ поступаютъ ученики реторики и философіи.

Учителю жалованья . . . . . 500 р.

»17. *Первый классъ смѣшенной математики:* механика ги-

дростатика, ареометріа, гидравлика, военная и гражданская архитектура, гномоника. Въ семъ классѣ обучаются студенты философіи.

Учителю полагается жалованья . . . . . 500 р.

»18. *Второй классъ смѣшенной математики.* Оптика, перспектива, катоптрика, діоптрика, сферическая тригонометрія, астрономія и хронологія, географія и гидрографія.

Учителю жалованья . . . . . 500 р.

Ученіе исторіи и географіи преподаются въ четырехъ классахъ: предметы преподаванія, изложенные въ этомъ проэктѣ тѣже самые, какіе показаны въ отчетѣ Иринея Фальковскаго для сихъ четырехъ классовъ съ прибавленіемъ только миѳологіи и чтенія разныхъ сочиненій о всеобщей исторіи.

Классы греческаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ раздѣляются на два. Проэктъ этотъ ничѣмъ не разнится отъ отчета Фальковскаго. Тоже самое видно и въ классахъ языковъ еврейскаго и польскаго и рисовальнаго искуства. По проэкту Серапіона, каждому учителю нижнихъ классовъ французскаго, нѣмецкаго и греческаго языковъ должно положить по 400 р. жалованья, а учителямъ высшихъ классовъ по 500. Учителямъ: еврейскаго языка 400, а польскаго 300 р.

Подъ *№* 28, 29 и 30 положены русскіе классы, учрежденные для неспособныхъ продолжать дальнѣйшія науки. Въ *первомъ* изъ этихъ классовъ, по намѣренію Серапіона, должно быть преподаваемо: чтеніе славянской печати, чтеніе россійской гражданской печати, чистописаніе россійское, нотное пѣніе обиходное и краткая россійская граматика. Жалованья учителю 100 р. Во *второмъ:* краткая свящ. исторія, краткая исторія и географія всеобщая и россійская, ариѳметика и пасхалія. Жалованья учителю 150 р. Въ третьемъ классѣ: краткая ло-

гика и риторика россійская, о должностяхъ человѣка и гражданина, пространный катихизисъ, о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, руководство къ чтенію свящ. писанія, уставъ церковный съ практикою въ церкви. Учителю жалованья 200 р.

Сверхъ сего проэктомъ симъ учреждались и другія особыя должности:

1. *Экзекуторъ* для наблюденія всеобщаго порядка, какъ то: за хожденіемъ учителей и учениковъ въ классы и за всѣми отправляющими академическія должности, въ пособіе ректору и префекту съ жалованьемъ по . . . . . 250 р.

2. Два *суперъ-интенданта* или инспектора за всѣми питомцами, находящимися на казенномъ содержаніи, съ жалованьемъ каждому по 150 р. . . . . 300 р.

3. При нихъ четыре *помощника*, или меньшіе инспектора изъ студентовъ, которые должны обозрѣвать всѣхъ вообще питомцевъ по раздѣленнымъ имъ частямъ, живущихъ по наемнымъ квартирамъ, кромѣ 300 питомцевъ казенныхъ, каждому изъ помощниковъ по 50 р. . . . . 200 р.

4. *Библіотекарь*, онъ же и катихизаторъ. Жалованья ему. . . . . 300 —

5. При немъ для библіотеки два *помощника* съ жалованьемъ по 50 р. . . . . 100 —

6. *Казначей* или содержатель академической суммы. 200 —

7. Къ нему *писецъ* съ жалованьемъ . . . . . 50 —

8. Отправляющій всю экономическую должность. 150 —

9. При немъ *помощникъ* . . . . . 70 —

10. *Смотритель* всего казеннаго дома, гдѣ живутъ казенные студенты, съ жалованьемъ . . . . . 130 —

11. Триста тридцать два питомца, находящіеся на казенномъ содержаніи, изъ коихъ 240 учениковъ, 60 студентовъ, 32 кандидата прикосновенныхъ къ Академіи семинарій. Изъ

нихъ на каждаго ученика съ пищею, одеждою, бѣльемъ, столовою и нововаренною посудою по 60 р. — на всѣхъ 14400 р. да на кандидатовъ, 32 человѣка, на каждаго по 120 р. всѣмъ 3840 р. и на 60 студентовъ по 80 р. на каждаго — всѣмъ 4800 р. изъ коихъ 24 студента имѣютъ смотрѣніе за учениками по предмету ихъ ученія и поведенія, называющіеся домашними учителями, изъ нихъ же и камернымъ смотрителямъ, коимъ по 20 р. всего 480 р. а всего на содержаніе питомцевъ 23520 р.

12. Имъ же всѣмъ вообще на бумагу, перья, чернила, карандаши, краски и другія надобности . . 500 р.
13. *Правитель дѣлъ* въ Академическомъ Правленіи 150 —
14. При немъ два *писца*, каждому по 50 р. . . 100 —
15. На канцелярскіе расходы . . . . . 200 —
16. На умноженіе библіотеки книгами и инструментами математическими, физическими, также на журналы, газеты и разныя періодическія, особливо ученыя изданія . . . . . 2000 —
17. На отопленіе и освѣщеніе всего академическаго зданія . . . . . 2500 —
18. На содержаніе больницы, какъ то: на пищу больнымъ, медикаменты, постели и посуду . . . . 1500 —
19. Двумъ *лекарямъ* помощникамъ, каждому по 60 р. . . . . 120 —
20. На двадцать человѣкъ *сторожей*, поваровъ и прочихъ служителей академическихъ, каждому по 50 р. 1000 —
21. На заведеніе типографіи, кромѣ постройки . 2000 —
22. На починку всѣхъ академическихъ строеній. 3000 —
23. На содержаніе конюшенъ и лошадей . . . 500 —
24. На проѣзды, если указано будетъ, для обозрѣнія семинарій . . . . . 1500 —

Прибавивъ къ этому жалованье ректору Академіи. 500 —
и префекту. . . . 350 —
Въ итогѣ оказывается. . . . 54,240 —

О собраніяхъ академическихъ и распредѣленіи учебныхъ часовъ Серапіонъ разсуждаетъ почти также, какъ и Фальковскій[448]. За симъ излагаются обязанности ректора[449] и префекта[450].

Изъ сравненія сего проэкта съ проэктомъ митрополита Платона открывается, что іерархъ кіевскій желалъ дать обширнѣйшее значеніе своей Академіи, упрочивъ за нею навсегда степень перваго и по времени и по характеру училища въ Россіи. На сколько осуществилось это прекрасное желаніе просвѣщеннаго архипастыря, мы увидимъ скоро; а покамѣстъ дѣйствительныя нужды академическія требовали немедленныхъ распоряженій со стороны ревностнаго попечителя. Такъ какъ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ значительно умножилось противъ прежняго, то Академическое Правленіе, съ утвержденія митрополита, 28 августа 1805 года начало каменную пристройку при общей столовой академическаго бурсацкаго дома, по смѣтѣ, составленной за годъ передъ тѣмъ; а въ слѣдующемъ 1806 году (марта 5) заключенъ съ подрядчикомъ Абакумовымъ контрактъ на обновленіе иконостаса въ академической конгрегаціонной церкви. Ограниченность суммы, отпускаемой на содержаніе многочисленныхъ воспитанниковъ училища, не позволяла употреблять остатковъ оной на награжденіе отличнѣйшихъ изъ нихъ. Серапіонъ изобрѣлъ другой къ тому способъ: онъ повелѣлъ изъ постоянной академической библіотеки отбирать дублеты сочиненій, жертвуемыхъ авторами или усердными приносителями, и раздавать оные студентамъ, съ отмѣткою ихъ успѣховъ и прилежанія. Такимъ образомъ 1806 года, послѣ публичныхъ экзаменовъ, были награждены 124 человѣка. Правило это принято было потомъ за неизмѣнное, и всякій курсъ лучшіе воспитанники выходили изъ академической залы съ непререкаемымъ свидѣтельствомъ своихъ благородныхъ стараній.

Въ это время въ Россіи началось всеобщее движеніе въ

пользу народнаго просвѣщенія; достойный исполнитель Монаршей воли, графъ Завадовскій употреблялъ всѣ усилія своего ума, всю неистощимую свою дѣятельность къ исполненію мудрыхъ предначертаній Благословеннаго. Но основывая и обезпечивая существованіе новыхъ школъ, Державный Благодѣтель Россіи не забылъ и тѣхъ училищъ, которымъ младшія по рожденію обязаны были своими педагогами. Въ 1807 году Академія Кіевская, въ ряду прочихъ духовныхъ училищъ, получила двойной годовой окладъ. Частныя лица, соревнуя Высочайшимъ милостямъ, по мѣрѣ силъ своихъ, обогащали воспитавшую ихъ Академію. Въ 1805 году коллежскій ассессоръ *Павелъ Филиповъ*, сынъ священника Кіево-рождественской церкви, »изъ добраго своего подвига« внесъ въ Сохранную казну на имя Академіи 1450 р. Митрополитъ Серапіонъ положилъ по сему случаю (31 марта 1805 г.) такую резолюцію: »деньги »сіи отослать чрезъ дикастерію надлежащимъ порядкомъ въ Со»хранную казну, а деньги процентные съ оныхъ получаемые »70 рублей употреблять на содержаніе двухъ самобѣднѣйшихъ »учениковъ ученія и поведенія хорошаго, полагая на каждаго »по 35 р. въ годъ, и состоять имъ сверхъ штатнаго казенныхъ »учениковъ числа и называться симъ двумъ ученикамъ *Фили*»*повыми* сверхъ своего прозванія«. Въ 1808 епископъ тамбовскій *Θеофилъ Раевъ* положилъ для нея 2000 р.; нѣкто *Александръ Якушкинъ* подарилъ Академіи камеръ-обскуру, телескопъ Рамедена и два глобуса—одинъ земной, а другой небесный Гемелія.

Полный комплектъ наставниковъ Академіи въ 1808 году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

Ректоръ Кіево-братскаго училищнаго монастыря, архимандритъ и св. Анны 2 класса кавалеръ, *Іакинѳъ Лагановскій*.

Префектъ Академіи, философіи и высшаго класса чистой

математики учитель, Кіево-печерской Лавры соборный іеромонахъ, *Меѳодій Писнячевскій.*

Высшаго латинскаго и россійскаго краснорѣчія и высшаго французскаго языка учитель, губернскій секретарь, *Соколовскій Никита.*

Учитель латинской и россійской реторики и высшаго греческаго класса, Кіево-софійскаго каѳедральнаго собора священникъ, *Стефанъ Семяновскій.*

Учитель латинской и россійской поэзіи и нижняго класса французскаго языка, іеромонахъ *Кандидъ.*

Учитель высшаго класса латинской граматики, высшаго ариѳметическаго и третьяго историческаго и географическаго классовъ, *Соколовскій Каллистратъ.*

Учитель средняго класса латинской граматики, средняго ариѳметическаго, втораго историческаго, географическаго и высшаго нѣмецкаго языка, *Носковъ Иванъ.*

Учитель нижняго класса латинской граматики, нижняго ариѳметическаго, перваго историческаго и географическаго классовъ, *Галинскій Аѳанасій.*

Учитель смѣшенной математики, первокласнаго Фроловскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря протоіерей, *Лящковъ Трофимъ.*

Учитель первоначальныхъ правилъ врачебной науки, кіевской Врачебной Управы операторъ, коллежскій ассессоръ, *Гординскій Петръ.*

Учитель практическаго французскаго языка, отставной капитанъ, *Компаньонъ Карлъ.*

Учитель институтнаго историческаго и географическаго класса, коллежскій ассессоръ, *Берлинскій Максимъ.*

Учитель польскаго языка, нижняго чистой математики, четвертаго историческаго и географическаго классовъ, коллежскій регистраторъ, *Головацкій Игнатъ.*

Учитель сельской и домашней економіи, *Дейнекинъ Григорій.*

Учитель нижняго класса нѣмецкаго языка, *Нестеровичъ Иванъ*.

Учитель нижняго класса греческаго языка, *Кунцкій Діонисій*.

Учитель еврейскаго языка, студентъ богословія, *Гогоцкій Сильвестръ*[451], а по увольненіи его 28 августа 1808 года въ епархіальное вѣдомство мѣсто сіе занялъ, студентъ же богословія, *Игнатовичъ Іоакимъ*.

Учитель рисовальнаго искуства, студентъ богословія, *Петрусевичъ Иванъ*.

Учитель нотнаго пѣнія, студентъ богословія, *Сербжинскій Василій*, а потомъ *Августиновичъ Георгій*.

Изъ этого состава академическихъ педагоговъ вскорѣ былъ исключенъ преподаватель медицины. Именнымъ указомъ, даннымъ св. Синоду 18 іюля 1808 года, повелѣно было закрыть при академіяхъ и вообще при всѣхъ духовныхъ училищахъ классъ врачебной науки на томъ основаніи, что »во многихъ »семинаріяхъ совсѣмъ не преподаются врачебныя лекціи, за »недостаткомъ медицинскихъ чиновниковъ, да и въ начертаніи »правилъ о образованіи впредь духовныхъ училищъ классъ вра»чебной науки по семинаріямъ болѣе не полагается«. Въ слѣдствіе сего повелѣно воспитанниковъ, отправленныхъ Академіею въ медицинское училище для образованія изъ нихъ на будущее время наставниковъ, обратить въ вѣдомство министра Внутреннихъ Дѣлъ. А такъ какъ въ эту пору состоялось постановленіе Коммиссіи духовныхъ училищъ о устройствѣ ихъ по новому плану: то и отъ Академіи Кіевской истребованы три лучшихъ воспитанника для формируемаго вновь Педагогическаго Института. Во исполненіе чего высланы были: *Сербжинскій Василій*[452], *Рогала-Левицкій Григорій* и *Бѣлявскій Яковъ*.

Кромѣ сего Академія постоянно отправляла своихъ питомцевъ въ разныя мѣста или въ качествѣ педагоговъ, или для

приготовленія къ тому по новому плану народнаго просвѣщенія. Такъ въ 1810 г. отправленъ въ Молдавію студентъ *Нестеровичъ* учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи и *три* человѣка въ медико-хирургическую академію[453]; въ 1811—*четыре*[454]; въ 1812 еще *шесть*[455]; въ 1813 *трое*[456]; въ 1815 вытребованы въ с.-петербургскую духовную академію *двое*[457], и въ медицинскую *шестеро*[458]; въ 1816 въ педагогическій институтъ *пять* человѣкъ[459], и въ медицинскую академію столько же[460]. Такимъ образомъ Академія Кіевская продолжала быть разсадникомъ молодыхъ лѣтораслей великаго древа, насажденнаго незабвенными ея основателями.

Казалось бы, Академіи предстояло долгоденственное и мирное существованіе, подъ руководствомъ такого ревностнаго и просвѣщеннаго покровителя, какимъ былъ Серапіонъ: но Промыслу угодно было искусить ее страшнымъ испытаніемъ. 8 іюля 1811 года, въ день Казанскія Божія Матери, около полудня, на спасской улицѣ, что на Подолѣ, вспыхнуло пламя въ домѣ столяра. Бывшій на ту пору жестокій вѣтеръ мгновенно разнесъ пламя по сосѣднимъ домамъ; черезъ четверть часа вся населеннѣйшая часть Кіева, начиная отъ канавы вплоть до Андреевской горы, объята была огнемъ. Не болѣе, какъ черезъ три часа на всемъ Подолѣ тлѣли только уголья отъ сгорѣвшихъ до послѣдняго бревна строеній, курилась малая часть каменныхъ зданій, да густо дымили обгорѣвшія и оставшіяся безъ крышъ церкви, заваленныя разной домашней рухлядью, снесенною туда для сохраненія отъ пламени. Изъ всѣхъ, существовавшихъ на Подолѣ церквей и публичныхъ зданій не было почти ни одного, которое не потерпѣло бы отъ этого страшнаго пожара. Церковь Спасская, находившаяся на нынѣшней спасской улицѣ, церковь Вознесенская, стоявшая вблизи Флоровскаго монастыря, церковь Святодуховская, бывшая на берегу Днѣпра, сдѣлались жертвой огня — и слѣдовъ ихъ не осталось. Братскій монастырь и Академія дымились долѣе всѣхъ, потому

что обширный монастырскій дворъ, церковь, колокольня и училищныя зданія загромождены были имуществомъ воспитанниковъ и пожитками окрестныхъ обывателей; рѣзной, отличной работы иконостасъ былъ истребленъ до тла; академическая библіотека, сохранявшая въ себѣ книги еще Петра Могилы, также сгорѣла; отъ большаго академическаго корпуса оставались однѣ только стѣны. »И ты, восклицалъ съ глубокою скорбію современный этому событію поэтъ, —

И ты, о Братская обитель,
Наставница гражданъ тьмы темъ,
Гдѣ первый мой руководитель
Повелъ меня наукъ путемъ, —
И ты вторично[461] испытала
Въ теченіи немногихъ лѣтъ
Уронъ сокровищъ, чѣмъ питала
Умъ юношей; угасъ ихъ свѣтъ!
Твой вертоградъ опустошенный
Когда, когда возстанетъ вновь,
Оплота и сѣменъ лишенный?
О ужасъ! въ жилахъ стынетъ кровь,
Представивъ образъ сей ужасный
Всѣхъ бѣдствій сей постигшій градъ,
Сей ветхій деньми и прекрасный,
Съ Царьградомъ споривішій посадъ[462].

Прочія церкви: Флоровская, Петропавловская, Притискониколаевская, Успенскій соборъ, Покровская, Николая Добраго, Рожественская, Николая Набережнаго, Ильинская, Борисоглѣбская, Введенская, Воскресенская также пострадали, или бывъ уничтожены до конца, или лишившись всей принадлежавшей имъ утвари. Уцѣлѣлъ только одинъ греческій Екатерининскій монастырь, обязанный своимъ спасеніемъ желѣзнымъ дверямъ и ставнямъ, и благоразумной осторожности, не позволявшей

принимать въ церковь вещей, таскаемыхъ изъ горѣвшихъ домовъ[463].

Такимъ образомъ на пепелищѣ драгоцѣннаго училища не было уже видно живыхъ и веселыхъ юношей; всѣ плакали и тужили о погибшихъ сокровищахъ желаннаго просвѣщенія. Но ревность къ ученію не оскудѣла отъ этого; снова собрались питомцы вокругъ своего ректора, который одинъ только оставался среди обгорѣвшаго училища[464].

Митрополитъ Серапіонъ немедленно приступилъ къ приведенію въ порядокъ дѣлъ, разстроенныхъ симъ страшнымъ пожаромъ. Онъ далъ предписаніе (16 октября) освидѣтельствовать академическую библіотеку, покрыть корпусъ листовымъ желѣзомъ и заняться очищеніемъ студентскихъ комнатъ къ грядущей зимѣ. А между тѣмъ со всѣхъ сторонъ посыпались приношенія на пользу пострадавшаго училища. Государь Императоръ повелѣлъ (1812) отпустить на построеніе и поновленіе Братскаго монастыря и Академіи 162,602 р.; архимандритъ *Варлаамъ Барановичъ* (1814 г.) внесъ 1,320 р.; уманскій протоіерей *Іоаннъ Гвоздіевскій* (1817 г.) завѣщалъ на Академію 500 р.; статскій совѣтникъ *Семенъ Спѣшницкій*, въ знакъ признательности своей къ воспитавшему его училищу отказалъ »всю свою греко-ла»тинскую и на другихъ языкахъ напечатанную и рукописную, »и кромѣ философическихъ, историческихъ и другихъ, большею »частію рѣдкими богословскими книгами изобилующую библіо»теку. Обнося, говоритъ онъ въ духовномъ завѣщаніи своемъ, »въ свѣжей памяти неоцѣненное богатство стяжаннаго мною въ »Академіи Кіевской христіанскаго ученія, имже обратился я отъ »тьмы въ свѣтъ и области сатанины къ Богу и увлекаясь чув»ствованіемъ оставшейся во мнѣ достодолжныя за безсмертное »сіе и неотплатимое благотвореніе признательности, дабы оныя »хотя слабый залогъ, въ доказательство истины и пространства »ея и въ пользу моихъ соотчичовъ, желаю оную въ помянутой

»Академіи оставить«[465]. Помѣщикъ полтавской губерніи, ромен-скаго уѣзда, с. Засулья *Іосифъ Марковичъ Марковичъ* въ 1811 году также завѣщалъ всю свою библіотеку Академіи Кіевской »на пользу совоспитанниковъ своихъ школьныхъ, яко многое »отъ оныя пріялъ неразсѣянное по дебрямъ міра сего«[466]. Также поступили надворный совѣтникъ *Скоропышницкій* и соборный старецъ Кіево-печерской Лавры *Іероѳей Нащинскій*.

Отрадно видѣть такую искреннюю, предсмертную благодарность благородныхъ воспитанниковъ училишу, которое осталось для нихъ незамѣнимымъ: но еще отраднѣе знать и быть увѣреннымъ въ томъ, что оно всегда умѣетъ свято исполнять то великое назначеніе, которое поставлено ей издревле къ славѣ и благоденствію православной Россіи!

Благодаря Монаршимъ щедротамъ, ревности своего архипастыря и благородному вспомоществованію своихъ же питомцевъ, Кіевская Академія, какъ фениксъ, возродилась изъ своего пепелища. Потекли къ ней жаждущіе ученія отовсюду, и никому не отказывала она въ благодѣтельномъ пристанищѣ Стѣсняя себя, сколько возможно, она приняла на тяжелыхъ, по тому времени, условіяхъ иностранца *Петра Грекко*, для преподаванія французскаго языка, и аккуратно выплачивала наставникамъ и всѣмъ служащимъ при училищѣ слѣдовавшее имъ содержаніе.

Въ 1813 году получили:

1. Ректоръ Академіи, архимандритъ *Іоакинѳъ* . .	550 р.
2. Префектъ Академіи, іеромонахъ *Іоасафъ* . .	300 —
3. Учитель, соборный іеромонахъ, *Мелетій*, за высшее краснорѣчіе и за высшій нѣмецкій классъ . .	325 —
4. Учитель, соборный іеромонахъ, *Кандидъ*, за нижній французскій классъ и за содержаніе библіотеки	175 —

5. Учитель *Семяновскій Стефанъ*, за латинскую и россійскую реторику и за высшій греческій классъ. 300 р.

6. Учитель, чиновникъ XII класса, *Соколовскій Каллистратъ*, за поэзію, высшій ариѳметическій классъ, третій историческій и географическій, а также за экономію . . . . . 300 —

7. Учитель *Галинскій Аѳанасій*, за высшій грамматическій классъ, за второй историческій, ариѳметическій и географическій . . . . . 210 —

8. Учитель *Куницкій Діонисій*, за средній грамматическій, за высшій классъ французскаго языка, за нижній классъ греческаго языка, за суперъ-интендентскую должность . . . . . 462 р. 50 к.

9. Учитель *Августиновичъ Георгій*, за нижній грамматическій классъ, за нижній ариѳметическій, за первый историческій и географическій . . . . . 160 р.

10. Учитель еврейскаго языка, священникъ *Игнатовичъ Іоакимъ* . . . . . 50 —

11. Учитель нижняго класса нѣмецкаго языка, священникъ *Дейнекинъ Георгій* . . . . . 75 —

12. Учитель институтнаго историческаго и географическаго классовъ, коллежскій ассессоръ, *Берлинскій Максимъ* . . . . . 150 —

13. Учитель смѣшенной математики, титулярный совѣтникъ, *Куницкій Николай* . . . . . 100 —

14. Учитель высшаго класса чистой математики, четвертаго историческаго и географическаго и польскаго языка, *Словацкій Игнатъ* . . . . . 265 —

15. Учитель нижняго класса чистой математики и рисовальнаго искуства, *Петрусевичъ Иванъ* . . . . . 95 —

16. Учитель ирмолойнаго пѣнія, студентъ богословія, *Лободовскій Симеонъ* . . . . . 25 —

17. Учитель россійскаго класса, студентъ богословія, *Пелехинъ Петръ* . . . . . 50 —

18. Академическій экономъ, протоіерей *Россовскій Матвей* . . . . . 150 р.
19. Академическій штабъ лекарь *Бунге Христіанъ* 225 —
20. Лекарскій помощникъ, студентъ богословія, *Родецкій Ѳедоръ* . . . . . 25 —
21. Письмоводитель, студентъ богословія, *Колтоновскій Онуфрій* 50
22. Помощникъ его, студентъ богословія, *Завадскій Яковъ* . . . . . 40 —
23. Писецъ, студентъ философіи, *Григоровичъ Кириллъ* 20
24. Сеніоръ бурсы, студентъ философіи, *Салимановскій Василій* . . . . . 30 —
25. Одиннадцать инспекторовъ, дѣлающіе въ бурсѣ взъясненія и надсматривающіе за учениками нижнихъ классовъ . . . . . 66 —
26. Регентъ академической вокальной музыки, студентъ богословія *Махновичъ Іосифъ* . . . . 12 р. 50 к.
27. Другой регентъ хора академической конгрегаціонной церкви, студентъ философіи, *Калиновскій Стефанъ* . . . . . 12 р. 50 к.
28. Смотритель конгрегаціонной церкви, студентъ богословія, *Янчуковскій Павелъ* . . . . . 12 р. 50 к.

А между тѣмъ не далеко отъ благословенныхъ мѣстъ Украйны поднималась страшная туча, несшаяся ураганомъ на Русь святую. »Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ« вставали дѣти на защиту оскорбляемой своей матери, и имя Наполеона летало изъ устъ въ уста, какъ нарушителя европейскаго спокойствія. Царь Русскій воззвалъ къ своимъ подданнымъ и пошли они тьмочисленными сонмами на защиту Дома Божія, трона и отечества. Не отстала и Академія отъ приношенія общей жертвы; и ея воспитанники стали въ рядахъ христолюбиваго воинства. Въ теченіи 1812 и 1813 годовъ Ака-

демическое Правленіе безпрерывно выдавало разрѣшенія студентамъ поступать въ полки, а іерархъ кіевскій напутствовалъ ихъ архипастырскимъ благословеніемъ. Такимъ образомъ Академія Кіевская, отъ начала своего существованія никогда не видѣвшая въ святыхъ стѣнахъ своихъ ни увлеченія духомъ лжи, ни постыднаго равнодушія ко благу отечества, кровію своихъ питомцевъ платила за тѣ благодѣянія, какія изливаемы были на нее отъ вѣнценосныхъ Помазанниковъ Россіи.

Въ 1815 году 1 марта представлена была митрополиту Серапіону полнѣйшая вѣдомость, написанная рукою каждаго изъ преподавателей по своему предмету. Въ ней, кромѣ показанія всего причитаннаго въ минувшемъ 1814 году, означалось, сколько было и слушателей въ каждомъ классѣ.

Въ богословскомъ классѣ.

»Прочитано: 1) изъ догматической богословіи преосвящ. Ѳеофила и сокращенной преосвящ. Иринея XII книга о таинствахъ ветхаго и новаго завѣта. Такъ прочтена изъ сокращенной богословіи преосвящ. Иринея десятая книга о церкви прежде закона и въ законѣ; XIV книга о церкви въ благодати; XV книга о Церкви, что касается до частей, или о тройственной іерархіи: церковной, политической и экономической; XVI книга о соборахъ, съ дополненіемъ, гдѣ потребно было, изъ кормчей книги; XVII о врагахъ церкви, еретикахъ и проч. и наконецъ XVIII книга о шести послѣднихъ (de sex novissimis). 2) Изъ церковной исторіи новаго завѣта отъ VIII до XII столѣтія. 3) Прочтена изъ свящ. писанія книга пророка Даніила. 4) Публичные богословскіе диспуты были одинъ разъ. 5) Студенты богословіи въ церкви Кіево-братскаго монастыря и въ домовой его высокопреосвященства, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, сказываютъ собственнаго сочиненія проповѣди; также во время публичныхъ мѣсячныхъ академическихъ собраній изъ богословскихъ матерій сказываютъ собственнаго

сочиненія разсужденія и дѣлаютъ подражанія на сочиненія лучшихъ духовныхъ россійскихъ и латинскихъ писателей.

Студентовъ въ семъ классѣ было 157.

Въ философскомъ классѣ.

»Прочитана съ объясненіемъ на латинскомъ языкѣ 1) краткая исторія философская. 2) Изъ философіи Баумейстера прочитана логика и метафизика. 3) Воскресныя и праздничныя евангелія были изъясняемы. 4) Студенты сего класса упражнялись въ сочиненіи и сказываніи диссертацій на латинскомъ и россійскомъ языкахъ, также церковныхъ проповѣдей. 5) Въ настоящемъ году публичные диспуты были іюля 16 дня.

Студентовъ въ семъ классѣ было 116.

Въ классѣ высшаго латинскаго краснорѣчія.

»1) Прочитано изъ круга словесности Лагарпа объ ораторахъ, прежде Димосѳена бывшихъ и о свойствѣ ихъ краснорѣчія. 2) Прочитано объ ораторѣ цицероновомъ. 3) Показано различіе между Димосѳеномъ и Цицерономъ. 4) Разсмотрѣны превосходные писатели латинскаго языка, процвѣтавшіе въ златомъ, сребренномъ и мѣдномъ вѣкѣ. 5) Прочитаны съ преложеніемъ на россійскій языкъ и аналитическимъ разборомъ Цицероновы рѣчи защитительныя за Маниліевъ законъ, за Милона, также двѣ рѣчи противу Верреса и нѣкоторыя противу Катилины. 6) Читаны были съ преложеніемъ на латинскій языкъ и аналитическимъ разборомъ проповѣди нѣкоторыхъ пастырей россійской Церкви, также и Масильоновы. 7) Прочитано изъ руководства къ церковному краснорѣчію о доводахъ, о расположеніи проповѣдей, о числѣ слога. 8) Студенты сочиняли имитаціи, диссертаціи и въ собраніяхъ мѣсячныхъ сказывали наизустъ; сверхъ того нѣкоторые выучивали и авторскія проповѣди.

Студентовъ было 168.

Въ риторическомъ классѣ.

»1) Прочитана и выучена первая часть латинской Бургіевой риторики и второй—теоретическія правила о изобрѣтеніи и расположеніи. 2) Прочитана и выучена россійская риторика Ломоносова. 3) Читано было съ поясненіемъ, по субботамъ, изъясненіе воскресныхъ евангелій. 4) Прочитана съ разборомъ и переводомъ на россійскій языкъ и выучена латинская Цицеронова рѣчь по возвращеніи въ сенатъ и изъ Корнелія Непота жизнь Помпонія Аттика. 5) Прочитано съ разборомъ и выучено похвальное слово Петру I Ломоносова 6) Ученики упражняемы были задачами, состоящими въ переводахъ съ латинскаго языка на россійскій, въ сочиненіи періодовъ и хрій латинскихъ, также и на россійскомъ языкѣ разныхъ разсужденій и описаній. 7) Нѣкоторыми учениками были сочиняемы и сказываемы наизустъ въ классѣ проповѣди и другаго рода декламаціи.

Учениковъ было 281.

Въ поэтическомъ классѣ.

»1) Прочитанъ съ объясненіемъ пространный катихизисъ, выученъ и переведенъ на латинскій языкъ. 2) Выучена латинская просодія. 3) Выучена съ разборомъ большая половина нѣитическихъ сентенцій. 4) Прочитаны съ разборомъ и выучены двустишія Діонисія Катона о нравахъ къ сыну. 5) Выучены всѣ вопросы изъ латинской поэзіи. 6) Прочитана и переведена на россійскій языкъ латинская поэзія преосвящ. Ѳеофана Прокоповича. 7) Прочитаны на латинскомъ языкѣ съ переводомъ на россійскій и выучены изъ рукописной книги, сочиненной преосвящ. Иринеемъ, правила о простыхъ и сложныхъ періодахъ, также о тропахъ и фигурахъ, и представлены на оные правила свои и примѣры. 8) Прочитана изъ той же книги на латинскомъ языкѣ статья, подъ названіемъ: Artis variandi praecepta, переведена и выучена. Сверхъ сего учени-

камъ были задаваемы свои особыя предложенія для перемѣны по симъ правиламъ. 9) Изъ реторики русской Ломоносова прочитаны четыре главы первой части, съ изъясненіемъ, примѣрами и выучены. 10) Прочитана, изъяснена и выучена вся русская поэзія, и на всѣ правила оной приведены и выучены примѣры разныхъ лучшихъ россійскихъ стихотворцевъ. 11) Прочитаны съ переводомъ на россійскій языкъ съ разборомъ по правиламъ просодіи и выучены a) отроческое наставленіе, взятое изъ Мурета; b) изъ Овидія Назона три элегіи; c) изъ Виргилія двѣ эклоги и d) изъ Горація четыре оды. 12) Выучено десять одъ Ломоносова, двѣнадцать Державина, двѣ Карамзина; гимнъ Богу, освобожденная Москва и нѣкоторыя нравоучительныя басни Дмитріева. 13) Прочитаны нѣкоторыя нужнѣйшія статьи изъ миѳологіи. 14) Назначаемы были ученикамъ упражненія съ россійскаго на латинскій языкъ и на оборотъ, въ прозѣ и стихахъ. Сверхъ того занимаемы были ученики сочиненіемъ періодовъ, краткихъ разсужденій о разныхъ матеріяхъ въ прозѣ и стихахъ.

Учениковъ было 87.

Въ высшемъ граматическомъ классѣ.

1) Прочитанъ съ объясненіемъ пространный катихизисъ, переведенъ на латинскій языкъ и выученъ. 2) Прочитаны изъ Гибнера сто четыре свящ. исторіи, собранныя изъ свящ. писанія, переведены на россійскій языкъ и выучены. 3) Прочитаны съ объясненіемъ и выучены всѣ четыре части латинской граматики и переведены на россійскій языкъ Praecepta morum. 4) Прочитаны съ граматическимъ разборомъ и выучены сто школьныхъ разговоровъ, изданныхъ въ Москвѣ въ университетской типографіи у Н. Новикова 1785 г. 5) Прочитана съ объясненіемъ и выучена россійская граматика и правописаніе. 6) Кромѣ сего означаемы были еженедѣльно ученикамъ одно въ домѣ, а другое въ классѣ упражненія, какъ

съ россійскаго на латинскій, такъ и обратно; а при окончаніи года, для приведенія въ порядокъ, означаемы были латинскіе *ламанные* стихи.

Учениковъ было 99.

Въ среднемъ граматическомъ классѣ.

»1) Читаны съ объясненіемъ и выучены первыя три части латинской граматики, выключая сочиненіе фигурическое и съ украшеніемъ. 2) Прочитано съ разборомъ, по правиламъ граматики, и выучено 39 разговоровъ изъ книги: *Новые латинскіе разговоры.* 3) Повторяема была россійская граматика и правописаніе и катихизисъ сокращенный изъяснень и выученъ. 4) Ученикамъ назначаемы были упражненія при началѣ года съ россійскаго на латинскій языкъ, а при окончаніи года, какъ съ россійскаго на латинскій, такъ и съ латинскаго на россійскій языкъ.

Учениковъ было 87.

Въ нижнемъ граматическомъ классѣ.

»1) Прочитана съ объясненіемъ и выучена первая и вторая часть латинской граматики. 2) Выучена и пояснена россійская граматика. 3) Прочитано и пояснено правописаніе россійскаго языка. 4) Прочитаны и выучены начальныя правила сочиненія латинскаго, изданныя для начинающихъ обучаться латинскому языку и напечатанныя въ типографіи Академіи Кіевской при Кіево-печерской Лаврѣ. 5) прочитанъ съ объясненіемъ и выученъ сокращенный катихизисъ. 6) Ученикамъ назначаемы были каждой недѣли упражненія съ россійскаго языка на латинскій одно въ домъ, а другое въ классѣ.

Учениковъ было 77.

Въ еврейскомъ классѣ.

»1) Прсчитана съ нужнымъ объясненіемъ вся еврейская

граматика Генриха Михаэлиса. 2) Прочитаны, съ разборомъ и показаніемъ свойства и правилъ еврейскаго языка и съ переводомъ на латинскій языкъ двѣ, то есть: XXI и XXII главы Бытія и другія мѣста свящ. писанія. 3) Учащимся сему языку назначаемы были упражненія то съ еврейскаго на латинскій, то съ латинскаго на еврейскій языкъ.

Учащихся сему языку было 11.

Въ высшемъ греческомъ классѣ.

»1) Повторено краткимъ образомъ все принадлежащее къ сему классу, и тѣмъ студенты приготовлены къ чтенію высшихъ лекцій. 2) Прочтено все сочиненіе греческой граматики съ должнымъ объясненіемъ и приведеніемъ на правила лучшихъ примѣровъ изъ авторовъ; также представлены были примѣры изустные свои съ россійскаго на греческомъ и съ греческаго на россійскомъ языкѣ, сообразные правиламъ. 3) Прочитаны съ разборомъ и съ показаніемъ свойства и красоты и съ переводомъ на россійскій языкъ четыре рѣчи Іоанна Златоустаго. 4) Выбираемы были разныя письма изъ лучшихъ авторовъ, также лучшія Езоповы басни и читаны въ классѣ съ разборомъ и съ переводомъ на россійскій языкъ. 5) Учащимся въ семъ классѣ назначаемы были упражненія, приспособительныя правиламъ, то съ россійскаго на греческій, то съ греческаго на россійскій языкъ. 6) Учащіеся въ семъ классѣ сочиняли малыя на разные случаи на греческомъ языкѣ рѣчи.

Учащихся было 57.

Въ нижнемъ греческомъ классѣ.

»1) Прочитана съ нужнымъ объясненіемъ и выучена вся первая часть греческой граматики. 2) Прочитана съ разборомъ граматическимъ и выучена вся свящ. исторія на греческомъ языкѣ, изданная по вопросамъ и отвѣтамъ для малолѣ-

тнихъ дѣтей. 3) Переведена вся хрестоматія, также письма, при граматикѣ положенныя. 4) Выучено 25 школьныхъ разговоровъ на греческомъ языкѣ съ разборомъ. 5) Переводимы были съ греческаго языка воскресныя, недѣльныя и праздничныя евангелія. 6) Кромѣ приведенія на правила читанныя краткихъ изустныхъ съ россійскаго на греческій языкъ примѣровъ, задаваемы были учащимся въ семъ классѣ домашнія упражненія: въ первой года половинѣ съ россійскаго на греческій, а во второй поперемѣнно.

Учениковъ въ семъ классѣ было 83.

Въ высшемъ французскомъ классѣ.

»1) Пройдены вкратцѣ первыя двѣ части французской граматики, и тѣмъ студенты пріуготовлены къ слушанію сочиненія. 2) Прочитано съ изъясненіемъ все сочиненіе и выучено, и на правила онаго были приводимы краткіе изустные въ классѣ примѣры. 3) Разговоры выучены въ сей граматикѣ положенные, также переведены письма. 4) Изъ разговоровъ Вегелина выучена большая половина. 5) Прочитаны съ разборомъ и переведены на россійскій языкъ рѣчи Массильона: a) о ревности пастырей ко спасенію душъ; b) о ревности противъ соблазновъ міра. Изъ книги: *Духъ Юнга* прочитаны статьи: умирающій вольнодумецъ и страшный судъ. Изъ книги: Amusemens philologiques прочитана съ переводомъ статья о жизни и смерти философа Сократа и многіе другіе отрывки изъ лучшихъ французскихъ авторовъ съ показаніемъ красоты слога. 6) Задаваемы были небольшія нравоучительныя піэсы въ классѣ на россійскомъ языкѣ, и тутъ же переводились на языкъ французскій. 7) Означаемы были еженедѣльно въ домъ упражненія то съ россійскаго на французскій, то на оборотъ. Кромѣ сего студенты занимаемы были практикою и разговорами на семъ языкѣ, также сочиняли краткія на разные случаи рѣчи.

Учащихся было 34.

Въ нижнемъ французскомъ классѣ.

»1) Прочитаны и выучены изъ первой части граматики всѣ правила и всѣ примѣры о произношеніи и выговорѣ всѣхъ буквъ и реченій и о правописаніи. 2) Изъ второй части прочитаны и выучены всѣ правила и примѣры склоненія именъ существительныхъ съ прилагательными, и другія по порядку части рѣчи. 3) Изъ синтаксиса прочитаны и выучены нужнѣйшія правила съ примѣрами для познанія правильнаго сочиненія въ разговорахъ и переводахъ. 4) Разговоры всѣ прочитаны съ разборомъ и показаніемъ правильнаго ихъ употребленія. 5) Всѣ напечатанныя въ граматикѣ превосходныя письма переведены на россійскій языкъ, а прилежнѣйшіе ученики, вмѣсто упражненій, переписывали для изученія по французски письма.

Учениковъ было 172.

Въ высшемъ нѣмецкомъ классѣ.

»1) Повторено сочиненіе. 2) Упражняемы студенты и ученики были въ разговорахъ. 3) Читаны были рѣчи, письма и другія сочиненія лучшихъ новѣйшихъ авторовъ съ переводомъ на россійскій языкъ и съ показаніемъ свойства, выраженій и красоты нѣмецкаго языка. Всѣ сіи рѣчи, письма и прочія сочиненія студенты и ученики учили наизустъ. 4) Для упражненія назначаемы были переводы съ нѣмецкаго на россійскій и обратно. 5) Притомъ студенты сочиняли рѣчи, письма и другія сочиненія.

Учащихся было 35.

Въ нижнемъ нѣмецкомъ классѣ.

»1) Прочитаны съ нужнымъ объясненіемъ и выучены первыя двѣ части нѣмецкой граматики. 2) Изъ третьей части прочитаны съ граматическимъ разборомъ и приведеніемъ на правила примѣровъ три главы. 3) Изъ разговоровъ Вегелина выучены съ должнымъ разборомъ сорокъ разговоровъ. 4) Учащимся въ

семъ классѣ назначаемы были то съ россійскаго на нѣмецкій, то съ нѣмецкаго на россійскій упражненія.

Учащихся было 112.

Въ польскомъ классѣ.

»1) Прочитана и изъяснена польская граматика Семигиновскаго. 2) Для переводовъ съ россійскаго на польскій и обратно были означаемы въ домы упражненія и въ классы. 3) Для лучшаго успѣха въ семъ языкѣ были прочитываемы отборнѣйшія мѣста изъ новѣйшихъ польскихъ авторовъ.

Учащихся было 74.

Въ классѣ смѣшенной математики.

»1) Прочитаны въ сокращенномъ изложеніи: a) механика; b) идростатика; c) ареометрія; d) идравлика; e) пиротехнія, какъ часть, относящаяся къ архитектурѣ военной и f) военная архитектура. По всѣмъ симъ предметамъ, сверхъ изъясненій, въ требовавшихъ того мѣстахъ, задачи и примѣры для рѣшеній, какъ въ классѣ, такъ и въ домѣ, означаемы и удовлетворяемы были.

Учащихся въ семъ классѣ было 42.

Въ классѣ чистой математики высшей.

»1) Изъ алгебры Аничкова, повторивъ вкратцѣ начальныя основанія алгебры по главу шестую, пройдены главы шестая и седьмая съ разрѣшеніемъ и поясненіемъ положенныхъ въ нихъ задачъ, а для лучшаго успѣха на всѣ разрѣшаемыя задачи были означаемы примѣры. 2) Изъ геометріи, повторивъ планометрію, прочтена тригонометрія, съ показаніемъ на инструментахъ практическихъ задачъ.

Учащихся было 42.

Въ классѣ нижней чистой математики.

Тоже, что и въ отчетѣ Фальковскаго.

Учениковъ было 92.

Въ высшемъ ариѳметическомъ классѣ.

Тоже, что и у Фальковскаго.

Учениковъ было 89.

Въ среднемъ ариѳметическомъ классѣ.

Тоже, что и у Фальковскаго.

Учениковъ было 115.

Въ нижнемъ ариѳметическомъ классѣ.

Тоже, что у Фальковскаго.

Учениковъ было 198.

Въ институтномъ историческомъ и географическомъ классѣ.

»1) Общія обозрѣнія о началѣ и происхожденіи народовъ, составляющихъ европейскія государства. 2) Исторія народовъ сѣверныхъ: россійская до конца; о Датчанахъ, Норвежцахъ и Шведахъ, объ Англіи до конца. Исторія прочихъ европейскихъ народовъ, какъ то: Нѣмцевъ, Французовъ, Испанцевъ и Португальцевъ. Исторія Италіи и Польши, и вообще о разныхъ частяхъ сихъ земель, исторія Венгріи. 3) Исторія восточныхъ народовъ: объ Аравитянахъ вообще и о разныхъ царствахъ, составившихся по раздѣленіи калифатства, исторія о Туркахъ, Монголахъ, Китайцахъ и Японцахъ. 4) Причины могущества, паденія восточныхъ народовъ и состояніе ихъ.

Учащихся было 75.

Въ четвертомъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже самое, что означено въ програмѣ Фальковскаго.

Учащихся было 163.

Въ третьемъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже, что у Фальковскаго.

Учениковъ было 56.

Во второмъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже, что у Фальковскаго.

Учениковъ было 135.

Въ первомъ историческомъ и географическомъ классѣ.

Тоже, что въ програмѣ Фальковскаго.

Учениковъ было 94.

Въ классѣ нотнаго ирмолойнаго пѣнія.

Преподаватель указалъ на нѣкоторыя статьи изъ Ирмологія и Обихода, выученныя воспитанниками.

Учащихся было 184.

Въ рисовальномъ классѣ.

»1) Прочитаны и пояснены краткія правила рисовальнаго искуства. 2) Ученики, занимаясь въ копированіи, свои картины красками и карандашомъ чертили и рисовали, по даннымъ для сего образцамъ, красками или карандашомъ изображеннымъ.

Учениковъ было 43.

Въ классѣ сельской и домашней экономіи.

Прочитано о домоводствѣ, земледѣліи, садоводствѣ и пчеловодствѣ.

Учениковъ было 31.

Въ такомъ же точно видѣ составлены и прочіе училищные отчеты за послѣдующіе годы, съ тою только отмѣною, что въ

классахъ ретторическихъ, сообразно появленію новѣйшихъ писателей, поставляемо было ученикамъ въ обязанность изучать ихъ произведенія, слѣдя такимъ образомъ за ходомъ русской литературы. Для успѣшнѣйшаго содѣйствія этому, Академія, не смотря на едва поправляющееся свое состояніе, распорядилась выпискою разныхъ періодическихъ изданій и вѣдомостей. Въ 1816 году она получала:

1. Московскія Вѣдомости.
2. Сѣверную Почту.
3. Вѣстникъ Европы.
4. Историческій, Географическій и Статистическій Журналъ.
5. Инвалидъ.
6. Сынъ Отечества.
7. Русскій Вѣстникъ.
8. Нравственно-христіанскій Журналъ.
9. Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова.

Въ 1816 году Кіевъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Государя Императора Александра Павловича, возвращавшагося со славою умиротворителя Европы съ знаменитаго вѣнскаго конгресса. Древняя столица Владыкъ Россіи снова облеклась въ праздничную одежду, дабы достойно встрѣтить желаннаго Гостя. Дворянство поспѣшило дать великолѣпный балъ[467] и городъ горѣлъ въ торжественныхъ иллюминаціяхъ. Но это мало занимало Благословеннаго Вѣнценосца; Онъ проводилъ время въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ Кіева, и молился Богу, даровавшему Ему побѣду надъ исполиномъ, приведшимъ съ собою двадесять языкъ на Русь святую[468].

День 2 сентября навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ Кіевской Академіи. Государь Императоръ, поклонившись чудотворной иконѣ Братской Богоматери, изволилъ посѣщать

залу, классы и даже осматривалъ скудную библіотеку[469]. Обрадованная Высочайшимъ вниманіемъ Академія тогда же поднесла Державному своему Благодѣтелю печатную оду, привѣтствуя Его »со всевождѣленнымъ и всерадостнымъ прибытіемъ въ древ»нѣйшій и первыхъ россійскихъ Великихъ Князей престольный »градъ Кіевъ«, и всеподданнѣйше испрашивая продолженія Высочайшихъ милостей:

Воззри, Монархъ, съ благопризрѣньемъ
На градъ сей, сѣдиной покрытъ,
Гдѣ время самое съ почтеньемъ
На древности его глядитъ!
Свой благодатный взоръ склоняя,
Щедротъ десницу простирая,
Воззри на древній храмъ наукъ,
Твоимъ глаголомъ обновленный,
Какбы изъ праха извлеченный,
Воззри Екатерининъ Внукъ!...

Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преобразованіи третьяго духовно-учебнаго округа, и вслѣдъ за доставленіемъ требуемыхъ отъ митрополита Серапіона и мѣстныхъ архіереевъ свѣдѣній, 14 августа 1817 г. состоялся указъ св. Синода, что »такъ какъ существующія уже семинаріи, въ »которыхъ великое число юношества съ каждымъ днемъ или »пріобрѣтаетъ образованіе, или теряетъ время отъ несовер»шенства наставниковъ, требуютъ ближайшей и неукоснительной »помощи: то и настоитъ необходимость предварить образованіе »Кіевской Академіи образованіемъ семинарій кіевскаго округа; »а до того всѣ училища кіевскаго округа подчинить вѣдомству »С.-Петербургскаго Академическаго Правленія«.

Кіевская Академія, впредь до предполагаемаго преобразованія, обращена въ семинарію[470].

Такое положеніе Академіи, вновь придаваемый ей характеръ строго спеціальнаго училища, наконецъ свои домашнія нужды требовали особенныхъ заботъ со стороны мѣстнаго начальства. Академическая библіотета, значительно увеличившаяся пріобрѣтеніемъ книгъ въ большомъ количествѣ отъ разныхъ частныхъ лицъ[471], находилась въ крайнемъ разстройствѣ, какъ по случаю пожара, такъ и нѣкоторыхъ безпорядковъ при пріемѣ и раздачѣ книгъ. Протоіерей *Павелъ Алышевскій*, назначенный для завѣдыванія библіотекой, доносилъ митрополиту Серапіону, что »болѣе двухъ тысячъ книгъ находится, коимъ ни описей, а »другимъ ни описей, ни нумеровъ вовсе означенныхъ нѣтъ, при»томъ и учители не доставляютъ своевременно взятыхъ ими »книгъ безъ всякихъ росписокъ и квитанцій, а что касается до »книгъ, полученныхъ за прежніе годы чрезъ дикастерію, тѣхъ »послѣ пожара не оказалось ни одного экземпляра«. Такіе безпорядки заставили Серапіона принять рѣшительныя мѣры; онъ приказалъ 1) не выдавать учителямъ жалованья до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не внесетъ въ библіотеку всѣхъ взятыхъ имъ книгъ по роспискамъ и безъ росписокъ, а буде которыя окажутся у кого послѣ, то таковой подлежать будетъ удаленію отъ должности, и строгому взысканію по законамъ; 2) составить подробный каталогъ всѣмъ книгамъ, находящимся въ библіотекѣ. Все это въ скоромъ времени было исполнено; учители возвратили взятыя ими книги, каталоги составлены и въ академической библіотекѣ водворился желаемый порядокъ.

Такъ какъ проэктомъ о преобразованіи третьяго духовно-учебнаго округа предположено было допускать въ уѣздныя училища, семинаріи и академіи только дѣтей священно-церковно-служительскихъ: то немедленно разосланы были указы ко всѣмъ властямъ духовнымъ о доставленіи именныхъ списковъ о сыновьяхъ отъ шести до десяти-лѣтняго возраста и далѣе, находящихся въ домашнемъ воспитаніи у своихъ родителей. Во исполненіе сего каждый благочинный представилъ подробныя вѣ-

домости съ показаніемъ, кто изъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, какихъ лѣтъ и чему обучается. Равно предписано было и Академическому Правленію доставить въ Коммиссію духовныхъ училищъ конспекты отъ учителей въ тѣхъ наукахъ, »къ преподаванію коихъ они чувствуютъ себя съ несомнѣнною »пользою и по преобразованіи училищъ способными«. Всѣ наличные наставники росписались въ чтеніи этого указа и обѣщались учинить по оному исполненіе.

А между тѣмъ исправлявшій должность ректора архимандритъ *Мелетій Носковъ* вступилъ въ дикастерію съ докладомъ, что »соображаясь съ очевидностію обстоятельствъ и намѣреніемъ »Коммиссіи духовныхъ училищъ, Академическое Правленіе при»знаетъ довольнымъ на первый разъ устроить при кіевской се»минаріи одно уѣздное и одно приходское училища, предпо»ложивъ потомъ оныя распространить, по мѣрѣ имѣющихъ от»крываться неудобствъ и пособій«. Что же касается до вопроса: достаточно ли занимаемое Академіей зданіе для помѣщенія будущей Академіи, семинаріи и предполагаемыхъ при ней нижнихъ училищъ, — то *Мелетій* находилъ, что судя по пространству и количеству комнатъ, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ этажѣ академическаго корпуса можно почесть его достаточнымъ для преподаванія лекцій академическихъ и семинарскихъ. »А дабы, продолжалъ *Мелетій* въ своемъ донесеніи, и уѣздное и приход»ское училища не были отдѣлены отъ семинаріи, предметы »ихъ ученія на первый разъ можно вмѣстить въ комнатахъ »академическаго сиротскаго дома, если въ ономъ число казен»ныхъ и половино казенныхъ воспитанниковъ противу числа нынѣ »находящихся гораздо ограничить«. А такъ какъ не было никакой возможности весь штатъ предполагаемаго къ преобразованію училища помѣстить въ сиротскомъ домѣ, то Правленіе находило нужнымъ или распространить мѣсто, занимаемое Академіей, пристроивъ къ старымъ зданіямъ новыя обширнѣйшія, или учредить будущую Академію въ упраздненномъ Кіево-ки-

рилловскомъ Троицкомъ монастырѣ, »мѣстѣ, по замѣчанію *Ме-*»*летія,* во многихъ отношеніяхъ выгодномъ для наукъ, любя-»щихъ уединенныя мѣста«; семинарію же съ уѣздными и при-ходскими училищами оставить въ нынѣшней Академіи и сирот-скомъ домѣ.

Такимъ образомъ въ другой разъ приходилось Кіево-брат-скому училищу покидать мѣсто, укрѣпленное за нимъ болѣе чѣмъ двухсотлѣтнею давностію! Къ счастію, проэктъ Мелетія остался только на бумагѣ, и Академія не оставила святаго сво-его пристанища, осѣняемаго чудотворнымъ знаменіемъ Братской Богоматери.

Наличный составъ преподавателей въ послѣднее время су-ществованія древней Академіи слагался изъ слѣдующихъ лицъ:

Іоасафъ Моховъ, ректоръ и архимандритъ. Марта 1817 г. онъ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей и опредѣленъ въ Кіево-печерскую Лавру на пребываніе, гдѣ и скончался.

Мелетій Носковъ, префектъ и архимандритъ. По увольне-ніи Іоасафа, онъ преподавалъ богословіе съ исправленіемъ ре-кторской должности и настоятельства въ Братскомъ монастырѣ. Въ 1817 году *Мелетій* былъ переведенъ въ черниговскую се-минарію инспекторомъ и учителемъ богословія съ званіемъ на-стоятеля Домницкаго монастыря, а потомъ былъ ректоромъ полтавской семинаріи. Въ послѣдствіи онъ жилъ въ Кіево пе-черской Лаврѣ на покоѣ, и скончался 1851 года.

Соколовскій Каллистратъ, коллежскій секретарь, учитель высшаго латинскаго и россійскаго краснорѣчія, высшаго ариѳ-метическаго класса, третьяго историческаго и географическаго, сельской и домашней экономіи. Оставшись за штатомъ, *Со-коловскій* поступилъ во священника Притиско-Николаевской цер-кви, и потомъ былъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-софій-

скаго собора; имѣлъ камилавку, наперсный крестъ, ордена: св. Анны 2 степ. Императорскою короною украшенный и св. Владиміра 3 степ. Скончался 9 марта 1849 года.

Галинскій Авксентій, (іеромонахъ) учитель реторическаго класса и нижняго французскаго.

Августиновичъ Георгій, учитель высшаго граматическаго класса, средняго ариѳметическаго, втораго историческаго и географическаго. Умеръ 1842 года 16 декабря протоіереемъ Воскресенской церкви, что въ кіевской цитадели: имѣлъ камилавку и наперсный крестъ.

Пелехинъ Петръ, учитель средняго граматическаго класса; статскій совѣтникъ, заслуженный профессоръ судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены, докторъ медицины и хирургіи, разныхъ ученыхъ россійскихъ и иностранныхъ обществъ членъ и орденовъ св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 класса кавалеръ; имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV; нынѣ штатный врачъ Кіевской Академіи.

Петрусевичъ Иванъ, учитель нижняго граматическаго класса, нижней чистой математики и рисовальнаго искуства. Отказавшись принять мѣсто учителя низшаго отдѣленія семинаріи, *Петрусевичъ* перешелъ въ гражданскую службу и былъ долго Землемѣромъ въ Кіевѣ; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Это, по свидѣтельству современниковъ, былъ истый малороссъ съ предобродушнымъ выраженіемъ въ лицѣ и отличный рисовальщикъ.

Игнатовичъ Іоакимъ, учитель еврейскаго языка; нынѣ протоіерей первокласнаго Кіево-Фроловскаго дѣвичьяго монастыря, членъ консисторіи и кавалеръ св. Анны 2 ст. Императ. корон. украш. имѣетъ камилавку и наперсный крестъ.

Семяновскій Стефанъ, учитель высшаго греческаго класса; въ послѣдствіи былъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-софійскаго собора, имѣлъ камилавку, наперсный крестъ; умеръ 27

генваря 1827 года. Ему прислана была митра для употребленія при священнослуженіи, но не застала его въ живыхъ.

Дейнекинъ Георгій, учитель нижняго нѣмецкаго класса скончался 1832 г. протоіереемъ Кіево-софійскаго собора; имѣлъ камилавку и наперсный крестъ.

Гловацкій Игнатъ, учитель высшей чистой математики, четвертаго историческаго и географическаго класса и польскаго языка. Онъ скончался 1830 года во время холеры.

Куницкій Николай, титулярный совѣтникъ, учитель смѣшенной математики; по преобразованіи Академіи выбылъ неизвѣстно куда.

Веледницкій Іосифъ, учитель нижняго ариѳметическаго, перваго историческаго и географическаго классовъ; умеръ 1848 г. священникомъ с. Стаекъ, кіевскаго уѣзда; имѣлъ камилавку.

Алышевскій Павелъ, учитель философіи (временно) и библіотекарь; былъ потомъ протоіереемъ и ключаремъ Кіево-софійскаго собора, имѣлъ камилавку и наперсный крестъ.

Берлинскій Максимъ, учитель институтнаго историческаго класса. Онъ былъ изъ числа кандидатовъ, присланныхъ отъ курской семинаріи; по окончаніи академическаго курса, *Берлинскій* учился еще въ московскомъ университетѣ и потомъ назначенъ былъ учителемъ въ кіевскую гимназію. Вмѣстѣ съ этой должностью, онъ служилъ и Академіи въ званіи преподавателя. Это былъ человѣкъ весьма умный и ученый съ физіономіей чисто нѣмецкаго гелертера. Въ литературномъ отношеніи *Берлинскій* извѣстенъ своимъ *Описаніемъ Кіева*. Онъ скончался 1847 года пенсіонеромъ въ глубокой старости.

Лободовскій Симеонъ, учитель россійскаго класса и нотнаго ирмолойнаго пѣнія, умеръ 1855 года протоіереемъ Кіево-софійскаго собора; имѣлъ наперсный крестъ и камилавку.

Хотя согласно второму пункту указа, Академическое Пра-

вленіе и извѣщало дикастерію, что оно не замедлитъ представленіемъ конспектовъ, требуемыхъ отъ учителей: но это не состоялось. Наличные наставники, бывъ замѣняемы вновь присланными изъ с.-петербургской академіи во временную семинарію, не сочли нужнымъ удерживать за собой каѳедры, для коихъ назначенъ былъ такой конкурсъ, и почти всѣ, какъ мы видѣли, разошлись по мѣстамъ, большею частію, епархіальнаго вѣдомства.

Новый составъ семинарско-академическаго начальства образовался изъ слѣдующихъ лицъ: ректоръ архимандритъ *Моисей Антиповъ*, инспекторъ *Леонтовичъ Михаилъ Ивановичъ;* профессоры: *Скворцовъ Иванъ Михайловичъ* и *Максимовичъ Александръ Андреевичъ*. Изъ прежнихъ наставниковъ остались на это время: *Куницкій Кириллъ* преподавателемъ словесности; *Пелехинъ Петръ Павловичъ* учителемъ греческаго и французскаго языковъ; *Словацкій Игнатъ Ивановичъ*, читавшій математику.

Остановимся на минуту и оглянемъ все прожитое время древнѣйшимъ въ нашемъ отечествѣ училищемъ. Два съ половиною столѣтія—какой длинный, необъятный періодъ! Какая должна быть сила и энергія у этого старѣйшины всѣхъ училищъ въ Россіи! Не въ тишинѣ мира и спокойствія, а при шумѣ брани и нестроеній зачалась Академія, подъ скромнымъ названіемъ школы; не при благодѣтельныхъ пособіяхъ мудраго правительства, а своими крайне скудными и убогими средствами воздвигла она великій храмъ христіанскаго просвѣщенія; не благожелатели и други окружали младенческую колыбель ея, а фаланги и тарантулы, проползавшіе къ ней въ темнотѣ ночной, и прогоняемые при свѣтѣ Христова ученія благородными пѣстунами ея. Скромно идетъ она, за благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ православнаго востока, къ метѣ, седьмью

вселенскими соборами поставленной, и въ дѣтской, еще не укрѣпившейся рукѣ держитъ грозную пращу, которою побѣдоносно разитъ голіафовъ современнаго просвѣщенія. Искушаемая огнемъ тяжкихъ испытаній, и зарываемая въ прахъ и пепелъ пожигаемыхъ своихъ зданій, она возстаетъ и ратуетъ съ большею ревностію за святое дѣло православія, приводя въ отчаяніе самихъ враговъ его. По слову величайшаго изъ своихъ протекторовъ, незабвеннаго Петра Могилы, она высылаетъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ въ западныя училища, заповѣдуя имъ извлекать оттуда все прекрасное и полезное, и остерегаться яда, скрытаго подъ цвѣтами мнимаго просвѣщенія,— и свято исполняютъ завѣтъ своей питательницы избранные дѣти христіанскаго, истинно-русскаго училища. Быстро возрастаетъ потомъ слава ея, и изъ за предѣловъ Россіи спѣшатъ въ кіевскія школы угнѣтаемые сыны православія, чтобъ напоить жаждущія души свои чистой водою ученія вѣры, соблюдаемой здѣсь »непорушно«. И становится Академія душою цѣлаго края, срастается со нимъ единосущно и нераздѣльно, идетъ рядомъ съ современными политическими событіями, и отпускаетъ питомцевъ своихъ на дѣятельное и великое служеніе отечеству. Святые мужи, герои брани, пастыри церкви, государственные люди, глубокомысленные ученые, какъ звѣзды на ясномъ небѣ, свѣтятся на скрижаляхъ Академіи. Она видитъ въ стѣнахъ своихъ цвѣтъ юношества знатнѣйшихъ малороссійскихъ родовъ, и сама потомъ становится подъ защиту ихъ, когда они являются на высокихъ степеняхъ службы государственной. Хмельницкіе, Конашевичи, Самуйловичи, Петрижицкіе, Апостолы то силою оружія, то предстательствомъ своимъ у царственныхъ престоловъ блюдутъ ее отъ внѣшнихъ бѣдъ и напастей. Роды древнихъ дворянъ Лизогубовъ, Гамалѣевъ, Полуботковъ, Куябокъ, Чарнышей, Марковичей, Горленковъ и многихъ другихъ отпускаютъ въ Академію дѣтей своихъ, возвышая ее собою въ глазахъ недовѣрчивыхъ простолюдиновъ, и заставляя этимъ сыновъ ихъ тѣсниться потомъ въ стѣны училищныя, чтобъ до-

быть себѣ путемъ образованія честь и славу. Прежде другихъ сознаетъ она благодѣтельную необходимость подчиненія угнѣтаемаго края могучему скипетру царей русскихъ, и въ лицѣ своихъ представителей содѣйствуетъ сему великому дѣлу; прежде другихъ изливаются на нее благодѣянія отъ престола всероссійскаго. Цари Ѳеодоръ, Іоаннъ, Петръ I привѣтствуютъ ее славнымъ именемъ, властію Державною ограждаютъ существованіе ея, и руководимая мудрыми и попечительными архипастырями, она спѣшно идетъ отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству. Рафаилы, Арсеніи, Гавріилы, Самуилы, какъ ангелы Божіи, парятъ надъ нею, укрывая подъ кровомъ крилъ своихъ. Ничто не въ силахъ остановить ихъ ревности—ни пламя пожаровъ, ни внѣшнія тревоги, ни внутреннія нестроенія; сама смерть какъ будто притупила жало свое о крѣпости, какими эти великіе протекторы окружили святилище христіанской науки. Какъ лучи отъ солнца, идутъ отъ Кіевской Академіи во всѣ концы обширнѣйшей въ мірѣ имперіи новыя училища, наполняемыя ея же воспитанниками, которые становятся на чреду воспитателей юношества. Нѣтъ ни одной семинаріи въ Россіи, которая не была бы обязана основаніемъ своемъ Кіевской Академіи; питомцы ея, на степеняхъ высокаго іерархическаго служенія, первымъ долгомъ поставляютъ тотчасъ же давать христіанское образованіе своей паствѣ, и начиная съ ближайшихъ себѣ лицъ духовнаго званія, разливаютъ потомъ свѣтъ просвѣщенія на всѣ сословія. Сотни воспитанниковъ Академіи принимаются за врачебную науку, честно и добросовѣстно служа потомъ страждущему человѣчеству. Является на Руси новое училище, созданное »по примѣру европейскихъ университетовъ«, Кіевская Академія поставляетъ туда »многихъ отличныхъ профессоровъ[472]«, и чуждая гордости и самолюбія въ общемъ дѣлѣ народнаго образованія, сама посылаетъ туда лучшихъ своихъ воспитанниковъ для наученія, заповѣдуя имъ возвратиться домой и принести съ собою плодъ добрый для воспитавшаго ихъ училища. Съ радостію видитъ

она въ эту эпоху своей жизни »по всей Россіи знаменитыхъ »просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, государственныхъ »чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ[473]«. Въ аудиторіяхъ ея становится тѣсно отъ безчисленнаго множества юношей, которые то входятъ съ жаждою просвѣщенія, то выходятъ упитанные въ сытость и сладость зрѣлыми и здоровыми плодами науки, взрощенной на родной почвѣ подъ теплотою Христовой вѣры и живительнымъ дождемъ православія. Просто, но свѣтло и ясно понята была основателями и протекторами Академіи система истинно-русскаго образованія. Вопреки господствовавшему на западѣ направленію, поставивъ во главѣ просвѣщенія богословіе, то есть Законъ Божій, она справедливо почитала все прочее только додаточнымъ предметомъ къ доставленію полнаго воспитанія народнаго. Не извнѣ, не по требованію господствующаго духа времени, а изъ вопіющихъ нуждъ Церкви и благосостоянія отечества родилась она, сдѣлавшись крѣпкою хранительницею тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается характеръ русскаго народа. Вся Академія въ совокупности была полная, строго организованная система; питомецъ вращался въ знакомомъ ему кругу, и постепенно шелъ отъ низшаго класса къ высшему; съ начала до конца онъ былъ *студентъ* въ буквальномъ и точномъ значеніи сего слова. Воля Державныхъ Вѣнценосцевъ предписываетъ быть на Руси еще тремъ такимъ же училищамъ,— и Кіевская Академія становится матерію академій московской, казанской и с.-петербургской, безъ удержанія и охотно отпуская въ нихъ ректоровъ, префектовъ и неизчислимое множество воспитателей юношества[474]. Не думая уступать ни въ чемъ вновь образуемымъ въ нашемъ отечествѣ европейскимъ училищамъ, она употребляетъ всѣ зависящія отъ ней усилія, чтобы поддержать двухсотлѣтнюю свою славу. Устроивъ имѣнія, ею пріобрѣтенныя, Академія, при царскомъ жалованьѣ, видитъ великое вспоможеніе отъ своихъ ближайшихъ протекторовъ, которые нещадятъ ни трудовъ, ни стараній, ни капиталовъ своихъ для ея

благосостоянія; съ благодарностію принимаетъ приношенія отъ высокихъ покровителей наукъ, уважающихъ истинныя заслуги ея, утѣшается памятію своихъ же воспитанниковъ, которые отдаютъ ей свое достояніе, библіотеки и полное глубочайшей признательности сыновнее слово. Разумовскіе, Румянцовы, Бантышъ-Каменскіе, Козицкіе и многіе другіе записываютъ имена свои въ синодикъ братства, какъ благодѣтели славнаго училища. Проходитъ болѣе двухъ вѣковъ, а она и въ планѣ послѣдняго своего протектора все держится на свойственной себѣ ступени первѣйшаго училища въ Россіи преподавая науки, входящія въ кругъ всесторонняго образованія, и считая у себя даже въ послѣднее время болѣе тысячи воспитанниковъ[475].

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Три древнѣйшихъ оттиска въ разныхъ видахъ изображеній Варлаама Ясинскаго находятся въ Альбомѣ Кіевской Академіи. Подъ однимъ изъ оныхъ находится еще такая подпись:

Отъ созданія чудна видимаго свѣта
Седмь тысящъ двѣстѣ въ пятнадесять ветха лѣта,
Августа въ день пятничный двадесятый вторый,
Егда Марія поиде на небесны горы,
Пастиръ въ вечеръ плоть свою оставляи мертвенну,
Преиде духомъ въ храмину нерукотворенну.
Варлаамъ званъ Ясинскі яснилъ въ словѣ дѣлѣ
Въ правленіи престола первый по Могилѣ
Сей бо изъ младыхъ ногтей мудрихъ бѣ любитель,
Кіевской Академіи Ректоръ и Учитель (лѣтъ 7)
Монастира Николска Ігуменъ всечестны, (лѣта 3)
Проповѣдникъ Божія слова бысть нелестный.
Потомъ святыя Лаври онъ Архимандрита (лѣтъ 7)
Седмь лѣтъ, седмьнадесятъ же бысть митрополита (17)
Кіевскій, седмостолпну церковь воздвигъ ясно
Софію, въ ней предѣлы вообразивъ красно.
Многихъ въ архіереискі степень устроивы
Подвиговъ духовныхъ, столпъ Вѣры, образъ жывы.
Исправивъ многи кніги, пісавъ, утрудіся,
Въ осмдесятолѣтной старости скончіся.
Въ тисящъ седмсотъ семы, седми ангелами
Въ горняя провожденъ есть горними силами
Убо ангельскимъ вси ликомъ при гласѣ люди:
Варлааме, вѣчная память тебѣ буди!

На третьемъ портретѣ, представляющемъ, въ образѣ Ясинскаго, св. Варлаама, находится слѣдующая подпись:

Милостини податель, Варлаамъ блаженный,
Будетъ и ти милостивъ, тезоимените,
Притяза ню въ чертозѣ вѣнецъ торжественный
Увѣнчаетъ тя Господь при лѣтехъ обфите

fecit Hilarion Migura S. Nicolai Batur. Krupic. Egumen. 1702.

2. Описаніе Кіевософ. Собора. Прибавл. 34 стран. 163—174.

3. Тамже, подъ № 36, есть грамата Іоасафу Кроковскому отъ 1708 года: но она едвали была ему посылаема, ибо въ ней даже не означено ни дня, ни мѣсяца, и опять объ ней было бы упомянуто въ другой граматѣ, данной митрополиту 29 генваря 1710 года: но этого нѣтъ.

4. Тамже стран. 190. Прибавл 37.

5. Исторія Малороссіи Маркевича Част. II стран. 462.

6. См. описаніе книгъ и рукописей графа Θ. А. Толстова. Въ каталогѣ Толстова Andreas Chmarny по русски переведенъ *Андрей Шморни*, и такимъ образомъ изъ кореннаго Русскаго вышелъ какой-то иностранецъ.

7. Двѣ жертвы коварной лютости Мазепиной Искра и Кочубей, обезглавленные имъ, послѣ многихъ истязаній, въ с. Борщаговкѣ, покоятся въ Кіевопечерской Лаврѣ у входа въ Трапезную церковь. Надъ могилою ихъ положенъ камень, на которомъ высѣчено надгробіе, почти уже стершееся отъ времени:

Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положенны сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испыйлисмо чашу
Злу даяньемъ Мазепы, все вѣчно правы
Посѣчены заставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычни,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

8. Исторія Малороссіи Част. II. стран. 282, 483.

9. Описаніе Кіевософ. Собора стран. 213.

10. Исторія Малороссіи тамже стран. 483.

11. Предисловіе къ акаѳисту св. великомучен. Варвары.

12. Кондакъ XII.

13. Исторія Малороссіи Част. II. стран. 538.

14. Тамже стран. 534.

15. Въ Актахъ Академическихъ уцѣлѣла одна опись того времени, въ которой показаны вещи, оставшіяся послѣ умершаго студента изъ малороссійскихъ дворянъ.

16. Это видно изъ самаго заглавія читанной Прокоповичемъ философской системы, которое гласитъ такъ: Philosophia Aristotelico-Scholastica an. 1708 per Th. Procopowicz.

17. Словарь Историч. стран. 299.

18. Стефанъ Яворскій написалъ цѣлое *обличеніе* на богословскую систему Прокоповича, состоящее изъ 18 пунктовъ. Онъ послалъ оное къ епископамъ Алексію сарскому и Варлааму тверскому, вызваннымъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Петербургъ для посвященія Ѳеофана въ епископа псковскаго, съ тѣмъ, чтобы они донесли объ этомъ Государю, и формально потребовали бы отъ Ѳеофана, предъ посвященіемъ, отреченія отъ указанныхъ пунктовъ и публичнаго оглашенія, что лекціи его были неправильны; въ случаѣ же отказа Ѳеофанова, Яворскій требовалъ, чтобы *обличеніе* его было представлено Вселенскимъ Патріархамъ. Но протестъ этотъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, въ нѣкоторыхъ статьяхъ дѣйствительно привязчивый только, не былъ уваженъ, и, къ сожалѣнію, послужилъ лишь поводомъ къ распрѣ между сими двумя іерархами. Словарь Историч. Част. II. стран. 261.

19. Вотъ ея заглавіе: Regia sublimibus Eloquentiae alta columnis nobili Roxolanae iuventuti extructa 1711. Эта Regia состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной говорится о построеніи рѣчи вообще, а въ другой о рѣчахъ въ частности, и между прочимъ о поученіяхъ и бесѣдахъ церковныхъ.

20. Система философіи *Томиловича* озаглавлена такъ: Philosophia tripartita, dictrinam Aristotelis de rebus dialecticis, physicis et metaphysicis comprehendens. 1715.

21. Система *Пиновскаго* носитъ слѣдующее названіе: Tractatus Theologici diversi.

22. Гетманъ Скоропадскій отвѣчалъ слѣдующее: »Не имѣю власти

»судить сына съ отцемъ и Государемъ своимъ; въ подобномъ дѣлѣ »нельзя быть безпристрастнымъ«. Исторія Малорос. Част. II стран. 548.

23. Дѣянія Петра В. Част. VI стран. 96 и 244. Голиковъ даже говоритъ, что Кроковскій умеръ »отъ отравы«, и въ то самое время, когда дошла до Твери вѣсть, что не стало несчастнаго царевича; но самъ ли онъ отравился, или его отравили, дѣписатель не сказываетъ. Кажется, во всѣхъ этихъ показаніяхъ Голиковъ слишкомъ много вѣритъ Ѳеофану Прокоповичу, который приписывалъ даже возвышеніе Іоасафа въ митрополиты ходатайству Мазепы, и почти сдѣлалъ его сообщникомъ измѣнника. См. Словарь достопам. людей Русской земли Част. II. стран. 437 и 438.

24. Исторія Малор. Част. II стран. 549.

25. Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій погребенъ 24 августа въ тверскомъ соборѣ.

26. Портретъ этотъ хранится въ Кіевософійскомъ соборѣ.

27. Съ возможною полнотою списана эта надпись въ »Описаніи Кіевософійскаго собора по обновленіи его въ 1845—53 годахъ«. стран. 80—82.

28. Описаніе Кіевософ. собора стран. 215.

29. Пожаръ этотъ случился отъ недосмотра наѣстника, оставившаго въ своей кельѣ зажженную свѣчку. Такъ пишетъ Конисскій. См. Исторію Малорос. Част. II. стран. 549.

30. Въ 1691 году Государь Петръ I пожаловалъ Кіевопечерской Лаврѣ большое Евангеліе въ сребропозлащенномъ окладѣ.

31. Исторія объ уніи, Бантышъ-Каменскаго стран. 173—178.

32. Словарь Историч. Част. II. стран. 300.

33. Росс. Исторія Татищева Част. I. стран. 578.

34. Въ Тихвинѣ дѣйствительно нѣсколько разъ заводимы были училища; такъ онѣ существовали въ 1706, 1758, 1779 и 1788 годахъ: но скоро упразднялись, по недостатку учителей. Исторія Росс. іерархіи Част. I. стран. 589, 608 и 610.

35. Описаніе Кіевософ. собора стран. 218.

36. Полное собраніе законовъ Том. VII. № 4717.

37. Впрочемъ Епифаній успѣлъ убѣжать изъ Соловецкаго въ 1729 г. пойманный, онъ былъ наказанъ батогами и сосланъ въ Сибирь въ горные заводы: но съ дороги опять бѣжалъ и скрывался у раскольниковъ

на Вѣткѣ. Въ 1735 году онъ былъ схваченъ и заключенъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ и умеръ. Къ сожалѣнію, прахъ этого святотатца недостойно почиваетъ на святой землѣ Кіевопечерской Лавры. Епифаній погребенъ близъ крѣпостной церкви препод. Ѳеодосія. Историч. извѣст. о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ соч. Іоаннова стран. 228—243.

38. Тамъ нынѣ теплая церковь во имя Рождества Христова.

39. Въ этомъ зданіи помѣщается теперь Кіевософійское духовное училище.

40. Тамъ была и церковь во имя страстотерпцевъ Бориса и Глѣба Въ 1847 году все это мѣсто уступлено казнѣ, и нынѣ возвышается тамъ огромное зданіе Владимірскаго кадетскаго корпуса.

41. Главою въ Магистратѣ былъ Войтъ, остававшійся безсмѣннымъ градоправителемъ и получавшій назначеніе или отъ Государей, или отъ Гетмановъ, или отъ тѣхъ, кто занималъ ихъ мѣсто. Сотрудниками его были четыре Бургомистра, избираемые мѣщанами также на всю жизнь, и четыре Райца, смѣняемые ежегодно. Дѣлопроизводителемъ былъ магистратскій писарь. Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ. Соч. Успенскаго издан. 1818 г. стран. 726.

42. Полкъ составлялъ цѣлую область или губернію, состоявшую изъ полковаго города, мѣстечекъ и множества селъ и деревень. По главному городу носилъ онъ и названіе. Такихъ полковъ въ послѣднее время было десять: кіевскій, черниговскій, стародубскій, нѣжинскій, переяславскій, прилуцкій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. Тамже. стран. 716 и 725.

43. Старшина раздѣлялась на три степени: войсковая генеральная Старшина, находившаяся всегда при гетманѣ; полковая при полковникѣ и сотенная—при своей сотнѣ, подъ распоряженіемъ сотника. первые были назначаемы отъ самихъ Государей, вторые—отъ гетмановъ, а третьи отъ полковниковъ. Тамже стран. 746.

44. Сотникъ въ своей сотнѣ былъ тоже, что въ полку полковникъ. Онъ словесно разбиралъ между козаками земскія и маловажныя уголовныя дѣла, и наблюдалъ за благочиніемъ своей сотни. Тамже стран 757.

45. Городовые начальники или городничіе въ полковыхъ городахъ и сотенныхъ мѣстечкахъ отправляли должность нынѣшнихъ городничихъ. Тамже стран. 761.

46. *Правомъ Магдебургскимъ* называется то самое, которое король Оттонъ въ 947 году далъ городу Магдебургу. Генрихъ Брадатый, князь Силезскій, бывшій опекуномъ Болеслава Стыдливаго, приказалъ ввести оное въ Польшѣ не только по большимъ городамъ, но и по мѣстечкамъ. Впрочемъ апелляція изъ судовъ, по правиламъ отъ него учрежденнымъ, шла по прежнему въ Магдебургъ, не смотря на то, что этотъ городъ былъ внѣ Польши. Право это называлось также *Тевтоническимъ* ради того, что братство крестоносцевъ, образовавшееся 1194 года въ Палестинѣ, окрестивъ около 1230 года герцога мазовецкаго, пребывавшаго дотолѣ въ язычествѣ, распространило оное какъ между мазовшанами, такъ и въ другихъ странахъ, ими завоеванныхъ. Но королю польскому Казиміру Великому не понравился переносъ апелляцій изъ судовъ польскихъ въ Магдебургъ; по этому въ 1356 году онъ назначилъ сеймъ въ Краковѣ, гдѣ положено было суды магдебургскіе перевести въ Краковъ и во всѣ тѣ города, гдѣ были магистраты. Книгъ, составлявшихъ такъ называемое право Магдебургское, было четыре; къ нимъ въ послѣдствіи присоединено *Зерцало Саксонское*, и все это введено въ руководство при рѣшеніи дѣлъ судебныхъ. Когда Кіевъ состоялъ подъ владычествомъ Польши, въ то время и онъ пріобрѣлъ себѣ право Магдебургское, которое однакожъ члены магистрата понимали очень мало, ибо оно было напечатано (сначала 1559 а потомъ 1567 г.) на малоизвѣстныхъ тогда языкахъ—нѣмецкомъ и латинскомъ, и только въ 1760 году переведено на Польскій.

47. См. Грамату Петра Великаго въ Памятник. Том. II. стр. 327.

48. Описаніе Кіевософ. соб. стран. 219, 220.

49. Истор. Малорос. Част. II стран. 608 и 609.

50. Вообще лѣтописью, извѣстною подъ именемъ Конисскаго, надобно пользоваться съ осторожностью. Она развѣ въ малыхъ только частяхъ принадлежитъ перу его. Новѣйшія изслѣдованія показали, что это есть сборникъ всякаго рода замѣтокъ, ходившихъ по рукамъ частныхъ лицъ, лишенный хронологической точности и критической повѣрки. Самый поверхностный взглядъ на сообщаемыя этой лѣтописью извѣстія можетъ убѣдить всякаго, что такой ученый мужъ, какимъ былъ Конисскій, никогда не допустилъ бы такихъ анахронизмовъ, историческихъ и даже логическихъ несообразностей, какія почти на каждомъ шагу встрѣчаются въ этой лѣтописи.

51. Словарь Историч. Част. I. стран. 51 и 54.

52. Указъ этотъ послѣдовалъ 22 августа 1728 года.

53. Исторія Русск. Церкви. Синод. Управл. стран. 76. Неизвѣстный черниговскій лѣтописецъ замѣчаетъ подъ 1729 годомъ слѣдующее: »тогожъ года архирей киевскій Варлаамъ Ванатовичъ, будучи у вели»комъ гнѣву и сорѣ изъ Печерскимъ монастыремъ и войтомъ киевскимъ »Димитріемъ полоцкимъ и княземъ Іваномъ Юревичемъ Трубецкимъ въ »Петербухъ взятъ«. (Южнорусскія лѣтописи собр. и издан Бѣлозерскимъ 1856 г. Том. I. стран. 43) Въ этомъ свидѣтельствѣ лѣтописца, кромѣ невѣрности въ означеніе года (ибо указъ о Вонатовичѣ состоялся 2 августа 1730 г.) и показаній мѣстъ (ибо онъ вытребованъ былъ не въ Петербургъ, а въ Москву) и все остальное, кромѣ ссоры съ войтомъ, ни на чемъ не основано. Все это не болѣе, какъ слухи и толки, записанные неизвѣстнымъ собирателемъ, безъ всякой повѣрки.

54. Вотъ заглавіе двухъ такихъ системъ: 1) Theologia Scholastica in Academia Kiovo-mohileana dictata, concretisque disputationibus illustrata. an. 25—29. 2) Cursus quadriennis Theologiae Christianae orthodoxae pro varietate materiarum in varios tractatus divisus. an. 29—33.

55. Это видно изъ самаго заглавія системы, читанной въ 1719 году: Philosophia ad mentem principis philosophorum principis Aristotelis Stagiritae tradita et explicata.

56. Вотъ содержаніе одного учебника, относящагося къ 1729 году: Tabella 1 continet omnia principia poëseos, s. quae tractant de nomine, origine, natura, definitione, de causis ejusdem, materia, forma, utilitate, praestantia et fine. Tabula 2 de prosodia, de variis generibus carminum, de inventione et fictione, de subsidiis poëticis, de arte metrica et de epistolis.

57. Изъ эпитафіи, сочиненной Рубаномъ, находящейся до нынѣ на чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну Великой Богоявленской церкви Братскаго монастыря надъ могилой Барскаго.

58. У Григоровича, кромѣ придуманнаго имъ себѣ прозванія: *Барскій* *), было и еще два: *Плаки* и *Албовъ*. Первое онъ самъ употребилъ въ первый разъ въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Резиденту Россій-

*) Оно придумано имъ еще тогда когда онъ опредѣлялся въ іезуитскую коллегію. Выдавъ себя за уроженца польскаго мѣстечка Бара, онъ назвался *Барскимъ*.

скаго Двора въ Константинополѣ А. А. Вѣшнякову, а потомъ тоже слово встрѣчается въ свидѣтельствѣ, данномъ *Барскому* отъ Ватопедскаго монастыря. Прозваніе *Албовъ* находимъ въ первый разъ въ фирманѣ султана Махмута, выданномъ *Барскому*, по паспорту Вѣшнякова, гдѣ онъ названъ просто *Василіемъ Кіевскимъ*. Всѣ эти прозванія нашъ путешественникъ употреблялъ безъ разбора: въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ себя *Василіемъ Плакою*, въ другомъ просто *Василіемъ Кіевскимъ*, а индѣ *Албовымъ*: но нигдѣ не видно, чтобъ онъ во время продолжительнаго путешествія своего гдѣ нибудь назвалъ себя родовой фамиліей *Григоровичевыхъ*. Непонятно, съ чего онъ вздумалъ приложить къ себѣ прозваніе *Плаки* и *Албовъ*. Митрополитъ Евгеній говоритъ, что слова эти въ переводѣ съ греческаго и латинскаго означаютъ фамилію *Бѣляевыхъ* (Слов. Историч. Часть 1. стран. 69): но съ какой же стати *Барскій* рѣшился приписать себѣ эту фамилію, хоть бы даже и въ иностранномъ переводѣ, когда и въ роднѣ у него не было Бѣляевыхъ, и когда на это нѣтъ никакого указанія въ біографіи, составленной роднымъ его братомъ? Болѣе не къ чему это отнести, какъ къ капризу нашего путешественника; замѣтно только, что онъ вездѣ отдаетъ преимущество счастливо придуманному имъ прозванію: *Барскій*, подъ которымъ въ послѣдствіи онъ и сдѣлался извѣстнымъ всей Россіи. Такъ какъ онъ самъ соединилъ это прозваніе съ родовой своей фамиліей съ нѣкоторой законностью, то и долженъ оставаться при немъ, безъ прибавленія словъ: *Плаки* и *Албовъ*, употребленныхъ имъ безъ всякаго на то права и точнаго значенія.

59. Завѣдывавшій редакціей этого изданія В. Г. Рубанъ собралъ изъ разныхъ мѣстъ списки, для сличенія и выбора вѣрнѣйшаго изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ особенно руководствовался онъ спискомъ Самуила, архіепископа ярославскаго, спискомъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, которому онъ достался изъ библіотеки убіеннаго дяди его Амвросія Зертисъ-Каменскаго, и наконецъ спискомъ архимандрита полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Ѳеоктиста Мочульскаго, доставшимся ему изъ библіотеки кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго. Подлинныя свидѣтельства и разныя граматы, данныя *Барскому* во время его странствованія отъ разныхъ лицъ, сообщены Рубану вмѣстѣ съ краткою біографіей роднымъ братомъ знаменитаго путешественника Иваномъ, жившимъ тогда въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, редакторъ слишкомъ самоуправно

распоряжался въ этомъ дѣлѣ; онъ выбросилъ много историческихъ разсказовъ въ томъ убѣжденіи, что ихъ можно найти въ другихъ книгахъ, а въ замѣнъ того вставлялъ свои собственныя дополненія, которыхъ не находилъ у *Барскаго*. Кромѣ этого, онъ счелъ нужнымъ дѣлать ссылки на разныя русскія книги, неразумно придавая такимъ образомъ искренней исповѣди нашего путешественника характеръ заблаговременной обдуманности и кабинетнаго занятія. Рисунки и чертежи также отложены редакторомъ до другаго времени на томъ основаніи, что »всѣ видѣнныя »сочинителемъ мѣста столь обстоятельно и живо описаны, что и безъ »рисунковъ читатель совершенное понятіе пріобрѣсть можетъ«.

60. Чтобъ увѣриться въ этомъ, стоитъ только прочитать разсужденіе его, напримѣръ, о Лоретскомъ домѣ Пресв. Богородицы, или о камнѣ, показываемомъ на вершинѣ горы Троодоса въ Кипрѣ, выброшенномъ будто бы изъ Ноева ковчега.

61 На чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну, находится эпитафія, которая гласитъ слѣдующее:

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень
И лучъ премудрости снисшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему:
Онъ вдохновеніямъ божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла многа претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ,
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ во области небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

62. Исторія Росс. Іерархіи Част. I. стран. 171.

63. Тамже стран. 165, 429 и 555. Исторія Русск. Церкви Синод. Упр. стран. 75. Примѣч. 29. Исторія Моск. Академіи. Переписка его съ митрополитомъ Рафаиломъ хранится въ Актахъ Академіи Кіевской.

64. Исторія Росс. Іерархіи стран. 149.

65. Тамже стран 91, 149.

66. Тамже стран. 106, 134, 191, 252, 435. Часть II. стран. 352. Изъ дѣлъ Кіево-выдубицкаго монастыря.

67. Къ сожалѣнію, доселѣ нѣтъ полной и хорошо составленной біографіи сего святителя. Есть только *Краткое описаніе жизни преосвященнаго Іоасафа Горленка*, принадлежащее перу нашего извѣстнаго литератора *Квитки* (Основьяненка) и изданное въ Кіевѣ 1836 года.

68. Исторія Росс. іерархіи. Часть I стран. 239.

69. Тамже стран. 154 Часть II стран. 181. Описаніе Кіевософ. собора прибавл. стран. 299.

70. Словарь достопамятн. людей Русской земли. Б. Каменскаго. Изд. 1836 г. Часть I. стран. 30—37.

71. Подробное перечисленіе сочиненій Амвросія см. въ Словарѣ Историч. Часть I. стран. 23.

72. Библіограф. Сопикова Том. I. № 1154—1164.

73. Исторія Росс іерарх. Часть I стран. 82, 128, 556, 607, 608. Часть II. стран 204. Христ. Чтеніе 1853 г. Часть II. стран 486

74. Біографія эта большею частію заимствована изъ собственноручнаго прошенія Козачинскаго къ митрополиту Рафаилу Заборовскому, хранящагося въ Актахъ Кіевской Академіи.

75. На портретѣ Козачинскаго, находящемся нынѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ гербомъ его, изображающимъ въ голубомъ полѣ разгнутую неписанную книгу, поперегъ которой лежитъ обнаженная шпага, начертаны слѣдующіе стихи:

Книга сія отверста, внутрь неначертанна,
Знать, что самъ Богъ напишетъ мужа преизбранна:
Шабля бо обнаженна тое знаменуетъ,
Что тотъ мужъ сему свѣту ни въ чемъ не голдуетъ.
Было то, что въ Кіевѣ чрезъ седмь лѣтъ учитель,
Филъ-Богословіи префектъ, а потомъ строитель,
Із Кіево Братскаго въ Гадячъ монастиру

Игуменомъ поставленъ по другихъ примѣру.
Въ Сербіи, Кроаціи, Цесаріи бывый,
Санктъ-Петербургъ и Москву сей мужъ посѣтивый,
Здеся въ своемъ образѣ стоитъ начертанный,
Михаилъ Козачинскій такъ з дѣда названный.

Странно послѣ всего этого читать о такомъ человѣкѣ отзывъ Историка Малороссіи, который называетъ его »какимъ-то« Козачинскимъ, и панегирикъ, написанный имъ гетману Разумовскому, приписываетъ »глупости и подлости«. См. Истор. Малоросс. Часть II. стран. 636.

76. Выписываемъ полное заглавіе этого панегирика, которое можетъ быть образцемъ вычурности: »Філософіа Арістотелева по умствованію Пері»патетиковъ изданная Ея Императорскаго Священнѣйшаго Величества при»родныя нашея Великія Государины, Всеавгустѣйшія Імператрицы Елиса»вети Петровны всея Россіи. Вѣрному подданному священныхъ, Россій»скаго и Римскаго, Імперіи сіятельнѣйшому Рейсъ Графу, высокопревосхо»дителнѣйшому Государственному Ягеръ Мейстеру, дѣйствительному Ея жъ »Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Оберъ Камеръ Геру, »Лейбъ Компаніи порутчику и многихъ ординовъ кавалеру его высоко»Рейсъ-Графскому Сіятельству Алексію Григориевичу Розумовскому, въ »лѣтный славнаго его тезоименитства день, приписанная на щировѣрной »випискѣ изъ печатныхъ латинскихъ и полскихъ книгъ о шляхетной ене»алогіи благородныхъ господъ Розумовскихъ утвержденная въ четыри »доводы раздѣленная, и публѣчними въ Академіи Могуло-Заборовской »Кіевской диспутами освидѣтельствованная чрезъ всенижайшаго ихъ слугу »и богомолца, Академіи Кіевскія префекта и тояжде философіи троекур»снаго учителя іеромонаха Михаила Козачинскаго поднесенная. Ответ»ствовалъ же сеяжь философіи слышатель, Греческаго, Еврейскаго и »Нѣмецкаго діалектовъ ученикъ, благородный господинъ Григорій Щер»бацкій при учительствѣ помянутого префекта Михаила. Въ Кіевѣ. 1745 »года марта 17 дня«. Весь секретъ этого, такъ обманчиваго по заглавію, сочиненія состоитъ въ томъ, что авторъ старается доказать не столько древность рода Розумовскихъ, сколько то, что истинное благородство человѣка составляютъ заслуги отечеству и любовь къ добродѣтели. На этихъ тезисахъ вертится и весь диспутъ.

77. Словарь Историч. Часть II. стран. 75.

78. Букву *ѣ* въ этихъ стихахъ надобно произносить то какъ *и*, то какъ мягкое *е*, примѣняясь къ рифмѣ.

79. Словарь Русскихъ свѣтскихъ писателей Том. I. стран. 299. Изд. 1845. Также подробно изчислены всѣ его переводы и сочиненія.

80. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 194, 432 и 555, а также Исторія Моск. Академіи.

81. Въ Архивѣ Кіевопечерской Лавры сохранилась любопытная вѣдомость объ этомъ.

82. Исторія Росс. іерарх. Часть VI. Томъ II стран. 748, 749.

83. Также Часть I. стран. 443.

84. Подлинное письмо Сильвестра хранится при дѣлахъ Лаврскаго Кіево-печерскаго архива.

85. Историч. Обозрѣніе Сибири *Словцова* кн. II. стран. 14. изд. 1844 г. Большая часть біографическихъ свѣдѣній о митроп. Павлѣ заимствована изъ бумагъ, хранящихся въ лаврскомъ архивѣ

86. Описаніе Кіевософ. собора стран 234.

87. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 555 Часть II стран. 301, 547.

88. Въ Словарѣ историч. митроп. Евгенія сказано, что Кулябка родился 1701 г., а въ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Кіевопеч. Лавры, проставленъ 1704 годъ.

89. Іоасафъ Горленко приходился Кулябкѣ двоюроднымъ братомъ по матери.

90. Письма Даніила Апостола и Петра Кулябки напечатаны мною въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1856 г. № 20 стран 91—94. Подлинники находятся въ архивѣ Кіевопеч. Лавры.

91. Словарь Историч. Часть II. стран. 206.

92. Изъ актовъ Кіевск. Академіи Истор. Росс. іерархіи Часть I. стран. 187, 447.

93. Исторія Моск. Академіи стран. 198.

94. Описаніе Кіевософ. собора. Прибавл. стран. 230.

95. Исторія Росс. іерархіи. Часть I. стран. 91, 239, 555, 641. Исторія Моск. Акад. стр. 208. Описаніе Кіевопеч. Лавры. 1847. стр. 148.

96. Полн. Собран. законовъ. Указъ 1744 г. № 9046.

97. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стран. 446.

98. Рукоп. въ библіотекѣ Толстаго 4, 58, въ музеѣ Румянцева № 467, въ библ. Демидова № 628.

99. Словарь историч. Часть I. стран. 56 и 57.

100. Исторія Моск. Академіи стран. 197.

101. Панагія, пожалованная Арсенію Могилянскому хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевой Лавры, а крестъ въ Кіевософійскомъ соборѣ.

102. Описаніе Кіевософ. собора стран. 225.

103. Акты Кіевской Академіи. Истор. Росс. іерарх. Часть I. стр. 201. Исторія Моск. Акад. стран 208. Обозрѣніе Сибири *Словцова* кн. II. стран. 17. Справочный Энциклоп. Словарь *Крайя* томъ X. стран. 496, 497.

104. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стран. 182, 447. Часть II. стран. 534.

105. Тамже Часть I. стран. 569. Часть III. стран. 676. Часть VI. Томъ II. стран. 813.

106. Тамже Часть I. стран. 191, 254. Часть II. стран. 548.

107. Тамже Часть I. старн. 95, 154, 211. Часть II. стран. 264.

108. Исторія Моск. Академіи стран. 198.

109. Тамже стр. 201. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стр. 86. Томъ II. Часть VI. стран. 812. Въ бытность свою въ Камчаткѣ *Іоасафъ* отъ 16 мая 1746 года представлялъ св. Синоду *первое* о построеніи еще трехъ церквей по берегу Пенженской губы—Вознесенской на рѣкѣ Ичѣ въ Ичевскомъ острогѣ,—Христорождественской на рѣкѣ Тигилѣ въ Тигильской крѣпости и третьей на берегу рѣки Уки; *второе* объ опредѣленіи къ тѣмъ церквамъ священноцерковнослужителей изъ Иркутской епархіи съ положеніемъ имъ жалованья по прежнему окладу. Все это утверждено было св Синодомъ 3 марта 1748 года. Кромѣ сего *Хотунцевскій* учредилъ въ Камчаткѣ въ разныхъ тамошнихъ мѣстахъ для обученія новокрещенныхъ дѣтей три школы, въ коихъ обучалось тогда 203 человѣка, а крещеніемъ просвѣтилъ онъ 4,719 душъ. Извѣстіе о Камчатской Духовной Миссіи стран. 11—13.

110. Описаніе Кіевософ. собора стран. 225.

111. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 95. Часть II стр. 264.

112. Исторія Малороссіи Часть II. стран. 610.

113. См. Исторію объ Уніи Б. Каменскаго стран. 264 и далѣе а также Исторію Русск. Церкви Синод. Управл. стран. 94—98.

114. Въ 1732 году Рафаилъ испросилъ у св. Синода архимандріи монастырю Николаевскому; въ 1734 — Кіевомихайловскому; въ 1743 Гамалѣевскому, а въ 1744 Глуховскому, Петропавловскому (въ Кіевѣ) и Лубенскому Мгарскому. До того времени архимандритами были только настоятели Кіевопечерской Лавры.

115. А не »Карниловскій«, какъ напечатано въ Исторіи Кіевской Академіи стран. 112

116. Тамъ же сказано: »за Карниловскую гать« — во первыхъ, какъ уже замѣчено, не Карниловскую а Карниловскую, и во вторыхъ — *гута* по малороссійски означаетъ не гать, а стекольный заводъ.

117. Тамъ же сказано только: »съ мельницъ« — это не точно.

118. Экстрактъ этотъ скрѣпленъ собственноручными подписями: *Амвросія Дубневича*, ректора Академіи; *Кипріана Пясецкаго*, намѣстника Братскаго; *Парѳенія Шадулы*, эконома; *Серапіона Латушевича*, ключника и *Іоасафа Горленка*, екклесіарха.

119. Отлично сохранившійся оттискъ этой картины находится нынѣ въ Альбомѣ Кіевской Академіи.

120. *Заграничнымъ* тогда называемъ былъ всякій, кто приходилъ изъ-за черты, опредѣляемой дипломатическими договорами. По этому и собственно иностранцы и жители Польской Украйны все назывались *заграничными*.

121. При отношеніи кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева къ митрополиту Рафаилу, 1746 года препровождены были »студенты »новгородской семинаріи поповскіе дѣти Ѳедоръ да Василій«. Документы о всѣхъ упомянутыхъ здѣсь лицахъ хранятся въ Актахъ Кіевской Академіи.

122. »Въ Кіевѣ, пишетъ *Погодинъ* въ своей рѣчи, по случаю юбилея московскаго университета: господствовали однѣ словопрѣнія изъ »непонятой Аристотелевой философіи«. См. прибавл. къ № 9 Москов. Вѣдомост. за 1855 г. »Свѣжая голова его (Ломоносова), говоритъ и »*Мизко*, не помирилась съ схоластическими умствованіями, встрѣченными »имъ тамъ«. Столѣт. Русск. Словесности стран. 26. Даже авторъ Исторіи Московской славено-греко-латинской академіи отзывается на этотъ счетъ такъ: »Неизвѣстно, почему Ломоносовъ рѣшился перейти въ Кіевъ для »слушанія лекцій философскихъ; могло быть, что ему много наговорили »о процвѣтаніи философіи въ Кіевской Академіи« стран. 251

123. Исторія Моск. Акад. стран. 81. Жаль, что списокъ этотъ не напечатанъ авторомъ при своемъ сочиненіи.

124. Вся эта переписка хранится въ Актахъ Кіевской Академіи.

125. Вотъ образчикъ такого свидѣтельства: »Объявитель сего ученикъ Академіи Кіевскія слышатель школы философіи *Іаковъ Росовскій* обрitался при оной Академіи съ времени рекомендаціи своей до школъ латинскихъ чрезъ все свое ученіе во всякой честности и постоянствѣ всегда тщаливо безъ жадного (безъ всякаго) подозрительства пребывалъ и на вѣрность Ея Императорскому Величеству Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской, такожъ и опредѣленному отъ Ея Императорскаго Величества Наслѣднику Всероссійскаго Императорскаго Престола Его Императорскому Высочеству Внуку Петра Великаго Благовѣрному Государю Великому Князю Петру Ѳедоровичу въ церквѣ Кіевобрацкаго Богоявленскаго училищнаго монастира присягалъ, а приводимъ былъ онъ *Іаковъ Росовскій* къ первой присягѣ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку прапорщикомъ Димитріемъ Добровскимъ 1741 года декабря 10 дня, а къ другой присягѣ оній же *Іаковъ Росовскій* приводимъ былъ глуховского гарнизонного полку прапорщикомъ Петромъ Кириловичемъ Озеровымъ 1742 года ноября 28 дня, и на присяжныхъ листахъ съ прочіими учениками своеручно подписался, а понеже нынѣ отъ оной Академіи пожелалъ отыти ради полученія себѣ мѣста, гдѣ случится: того ради, какъ свободный человѣкъ, свободно съ упомянутой Академіи и отпущенъ; въ чемъ ему *Іакову Росовскому*, какъ честному и неподозрительному ученику, при обыкновенной печати Академѣйской за подписомъ руки моей дано сіе свидѣтельство 1746 года октября 28 дня«. Подписалъ: »Священнаго богословія и еврейскаго языка учитель Академіи »Кіевскія префектъ іеромонахъ Варлаамъ Лящевскій«. Къ свидѣтельству приложена академическая печать на воску, подъ кустодіею.

126. Цѣлое дѣло объ этомъ, въ высшей степени любопытное, какъ образецъ тогдашняго судопроизводства, хранится въ Актахъ Кіевской Академіи.

127. Путешествіе ко св. мѣстамъ Григоровича-Барскаго стран. 2. Изд. 1778 г. — Дивно-хороши Гоголевскія описанія старинnаго быта студентовъ Академіи: но онѣ окаррикатурены до послѣдней степени. Всѣ продѣлки, какія онъ приписываетъ своему богослову Халявѣ, философу Хомѣ Бруту и ритору Горобцу едва ли гармонируютъ съ тѣми

недостатками, въ какихъ упрекаетъ современникъ ученую братію. Гдѣ есть »гордость и славолюбіе«: тамъ на врядъ ли будетъ мѣсто такимъ грубымъ порокамъ, какія нашъ геніальный писатель рисуетъ въ своемъ Віѣ и даже Тарасѣ Бульбѣ. Говоримъ объ этомъ потому, что люди, не читающіе ничего серьезнаго, съ голоса Гоголева преважно повторяютъ то, о чемъ онъ писалъ только какъ юмористъ.

128. Въ дѣлѣ о убитомъ мѣщанами студентѣ *Маковецкомъ* представлены сильныя возраженія Магистрату не только со стороны академическаго начальства, но и отъ студентовъ. Бурсацкій сеньоръ *Александровичъ* даже формально требовалъ назначенія изъ среды воспитанниковъ двухъ депутатовъ по сему дѣлу. Къ этому протесту руку приложили: »Слышателіе богословіи: *Тимовей Александровичъ, Петръ Падуновскій, Іоаннъ Миткевичъ* и »прочіи всѣ«. Слышателіе философіи: *Іванъ Акридскій, Павелъ Сопковскій, Василій Гѣдоцкій*. Слышателіе реторики: *Ѳедоръ Люшевецкій, Михаилъ Заря, Иванъ Кремянскій*. Слышателіе поэтики: *Алексѣй Сутницкій, Моисей Андріевскій, Михаилъ Максимовичъ*. Слышателіе синтаксимы: *Григорій Творинскій, Іоаннъ Богаевскій, Григорій Корсунъ*. Слышателіе граматики: *Ѳеодоръ Артасіевичъ, Павелъ Малиновскій, Іаковъ Дьяковскій*. Слышателіе инфимы: *Филипъ Томашевскій, Симонъ Соколовскій*. Слышателіе аналогіи: *Петръ Щербина, Іоаннъ Савицкій*.

129. Памятник. Томъ II. стран. 363—367.

130. *Лавникъ, лавникъ* значитъ присяжный членъ судебнаго мѣста, присяжный засѣдатель.

131. Полное собраніе законовъ Росс. Имп. Томъ XI. № 8803.

132. Опытъ повѣствов. о древност. Русскихъ стран. 743.

133. Въ это же время надъ архимандритскими, а нынѣ митрополитскими покоями водруженъ двуглавый орелъ, существующій донынѣ.

134. Генералъ-губернаторъ Леонтьевъ требовалъ, чтобы Лавра приготовила муки пеклеванной 343 пуда, капусты кислой бѣлой 257 ведеръ. свѣтлосѣрой 112 ведеръ, шенкованной 133 ведра, бураковъ 105 ведеръ, да для ста конюшенныхъ лошадей сѣна 400 пудъ. Въ тоже время прислано изъ Москвы съ курьеромъ въ 6 бочкахъ 500 бутылокъ англійскаго пива для собственнаго употребленія Государыни. Кромѣ всего того, Леонтьевъ требовалъ заготовить еще бѣлыхъ восковыхъ свѣчь 438, желтыхъ 765, ночныхъ 87 и факеловъ ручныхъ 105: но Лавра не могла

исполнить это послѣднее требованіе, по неимѣнію достаточнаго количества воска. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

135. Оттудаже.

136. Свита Ея Величества и Ихъ Высочествъ состояла изъ 230 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ архіепископовъ крутицкаго *Платона Малиновскаго* и переславскаго—*Арсенія Могилянскаго*.

137. Исторія Малоросс. Часть II. стран. 627.

138. Тамже стран. 628.

139. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

140. На Литургіи ректоръ Академіи *Сильвестръ Думницкій* произнесъ приличное торжеству слово.

141. Слово и рѣчь *Думницкаго* 14 декабря того же года были напечатаны въ Петербургѣ при Академіи Наукъ.

142. Разумѣется: Подолъ, Старый городъ и Печерскъ.

143 Стихи эти составили *Рѳмъ четвертый* въ Панегирикѣ Козачинскаго, напечатанномъ въ Кіевопечерской типографіи 1744 года. Полное заглавіе сего панегирика слѣдующее: »Августѣйшей непобѣдимой Импера»трицѣ Ея священнѣйшему Цесарскому Величеству Елисаветъ Петровнѣ »Самодержицѣ Всероссійской, Природной своей Всемилостивѣйшей Госу»дарынѣ благополучнѣйшаго отъ давнихъ лѣтъ всѣмъ превожделеннаго »въ прародителную свою отчину богоспасаемый градъ Кіевъ съ любез»нѣйшимъ Ея Племянникомъ и Наслѣдникомъ, Внукомъ Петра Перваго »Его Императорскимъ Высочествомъ Благовѣрнымъ Государемъ Великимъ »Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ купно со обрученною Невѣстою Его »Ея Императорскимъ Высочествомъ Благовѣрною Государынею Великою »Княжною Екатериною Алексіевною пришествія со всеподданнѣйшимъ »и ревностнѣйшимъ долголѣтственнаго благополучнаго самодержавствія »желаніемъ, трегубымъ діалектомъ сложенными рѳми привѣтствуетъ и »тыяжде всеподданнѣйше приноситъ православная Академія Кіевская«. Для любопытствующихъ приводимъ эти же самые стихи на латинскомъ и польскомъ языкахъ:

Avrea sola fluant verbi nunc flumina nostri;
Vere novo Rossis avrea saecla micant.
Gemment purpurei flores venerabile sertum,
Virgo, decus Patriae, murice Cincta venit,

Solis in exortu quatitur nubecula densa,
Totaque de celsis montibus umbra cadit.
Ite procul tandem nostris de montibus umbrae,
Solicitans homines nubila tristis abi.
Sol novus, Elisabeth, toti laetissimus orbi
Illuxit, Secum gaudia cuncta ferens.
Mos erat Athenis, primos dum detegit ortus
Avrea lux Phoebi, nectere serta sibi.
Tu tribus en sitibus pollens Kijovia prisca,
Occiduis residens urbs celebranda plagis,
Tot, quot in orbe poli stellae, nunc serta parato,
Instat ab Evo Gloria Prima tibi.
Vitis ut arboribus, segetes ut pingvibus arvis,
Sol mundo, nobis Elisabetha decus.
Rumpimus inde moras subito, quo gratius Ipsi
Vocibus innumeris talia vota fluant:
Salve Magna Parens, Chari Genitoris Imago,
Salve post multas una serena dies.
Instar enim veris vultus ubi lumina spargis,
Aether adest laetus, laetior illa dies.
Inspice, quanta virum funduntur nomina circum,
Magnatum series quanta decora fluit.
Pascitur aspectu florens juventilibus annis
Exundat niveis cana senecta comis.
Rara Tuos adeunt vultus, nunc non secus, ac si
Aggeribus ruptis, spumeus amnis agros:
Tota oculis gereris, suberas Quae mentibus olim,
Ramus olivae, Quo saecula nostra vigent;
Ipsi urbis cuperent (si non natura negaret)
Xerolophi Dominam Te celebrare suam.
Ergo quibus jam presto Tuae Te, Mater, Athenae
Lavdibus extollent? munera quanta dabunt?
In Tua centenas fundi praeconia laudes
Solicitant; sed quid parvula gutta mari?
Auri quidve ferant? cum sis pretiosior avro,
Baccis nobilior, suavis imago Petri.

Evenit, ut cujus multas laus pervolat oras,
Terreat haud paucos talis honore suo.
Hic ne Tuo quidquam Parnassia Najas honori
Addet, cum totus mundus adoret eum?
Purpureae sedes laeta Te fronte salutant,
Exaltat Procerum fama sonora Ducum:
Terra Tuam quaevis resonat celebratque coronam,
Russia tum sceptro floret ubique Tuo.
O decus! o patriae fulcrum! quoque gloria summa!
Vivat in aeternum nomen honosque Tuum!
Non Te tristis hyems infestet frigore saevo,
Arvis Te croceis, veris imago colat.
Sanciat innumeris pingvis Te messibus aestas,
Autumnusque Tibi fructifer omnis eat.
Laude sua quaevis aetas Te, quilibet ordo,
Ut veniente die, sic abeunte, canat.
Esther, ames istam (licet est paucissima) Musam:
Floribus exiguis saepe vireta vigent.

Стихи эти далеко выше русскихъ и польскихъ: но они были бы еще лучше, еслибъ авторъ не стѣснилъ себя акростихомъ, который изъ заглавныхъ буквъ составляетъ слѣдующее: Augustissima totius Russiae Imperatrix Elisabetha Petrovna salve.

Złotemi usta nasze płyną rżeki,
Złote nam teraz nowa wiosna rodzi wieki:
Sliczne kwiaty niech rosną Pannie w diadymy,
Która idzie w purpurze y byssonie s tymy.
Wielkiey gdy Phoebus wschodzi w swym polorze złoty,
Precz ustępuią chmury z gór, smutku przymioty,
Niechże i z gór Kijowskich ustąpuią złe chmury,
Ktorę tesknoty ludziom rodzą z swey natury.
Elżbieta nowe słońce dzisiay zaiaśniała,
Dzień iasny y wesele wielkie nam podała.
Swiadczy to starożytność, że w Ateńskiey stronie
Wszyscy na wschod słoneczny zdobili swe skronie.
Wieńcami trzema miasty, niby to perłami,
Na zachodzie w twę sławę ty Kijowie samy

Upstrzy, iako gwiazdami wszystkich wiencem głowy,
Oto całey Rossyiey Febus wzeyść gotowy.
Gałaź drzewu, kłos polu, co iutrzęka Febu,
To wcale iest Elżbieta Rossiyskiemu niebu.
Nie omieszkuy Kijowie, ile iest ochoty,
Spiesz się przynieść swe wota, teraz masz czas złoty.
Witay Naylitościwsza Imperatorowa,
Sławo nasza, a piękna Latorośl Piotrowa.
Iak wiosna, gdzie obrocisz tylo wzrok swóy hoyny,
Weselszy dzień przynosisz y aer przystoyny,
Weyrzy, iak wiele stoi przed Twoią Osobą
Przełożonych we wszystkich urzędach z ozdobą:
Weyzrzy, iak w różnych leciech, w starości doyrzały
Chętnie młody stanął, a wraz z onemi mały.
Prędzey niż rzeki płyną z gór ciasnym potokiem,
Wsi, miasta, na adwent Twóy zbieżali się skokiem.
Ktorę przed tym słyszeli, Te dzisiay winszuią,
Jak latorośl oliwną widząc, triumfuią.
O gdyby nie natura tego zabraniała,
Kamienie by y ziemia wesoło wołała.
Tedyć Akademiey iak winszować trzeba
Matkę Łaskawszą w cnotach iaśnieyszą od Feba?
Niechay Cię chwałą usta dość Tullioszowe:
Lecz morzu nie pomogą nic krople deszczowe.
Chociay by przynosił kruszce złotolite,
Jednak kto Piotra nosi imie znamienite,
Nie każdy może, owszem będąc w podłey stymie
Wychwalić Tego zadość Nayiaśnieysze Imie,
Iak też może Apollo z swojemy Muzami
Elżbieto dość wychwalić, gdy krolowie sami
Ciebie iuż Samowładzą wszyscy przyznawaią,
Xiążętą, Wodzy Imie Twoie w stymie maią:
Obronę Twego Państwa swiat w radości miewa;
A Rossya Twe sceptry całuiąc, opiewa:
O ozdobo! o sławo! nasza iasna zoro,
Twa władza Imperyiey, o Piotrowa Coro!

Niech będzie długoletna y spokoyna wszędzie,
Sama śnieżysta zima niech Ci latem będzie,
Wiosna kwiatki wesołe, lato niech też żniwnę
Obfitość rodzi, iesien niechay frukty dziwne.
Każdy stan, wzrost, kto tylko Rossyię wynosi,
Rano i w wieczor niechay Twoię sławę głosi.
Esther, przyiąć prosimy Rythmy lub też małe:
Kwiat bo y mały pola przyozdobia całe.

»Протчіими же, говоритъ въ своемъ предисловіи *Козачинскій*, яко »то, священнымъ еврейскимъ и премудрымъ греческимъ, ктому и нѣ»мецкимъ языками, не за неискуствомъ учителей, но за неимуществомъ »тѣхъ діалектовъ печати, издати здѣсь невозможно«.

144. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

145. *Столованьемъ* въ древности назывался церковный обрядъ, состоявшій въ томъ, что митрополитъ или архіепископъ возводилъ новопосвященнаго епископа, на другой или на третій день по посвященіи, на каѳедру, а клиръ и народъ возглашали новому пастырю многолѣтіе.

146. Государыня, пишетъ г. Маркевичъ, прожила въ Кіевѣ нѣсколько недѣль. (Исторія Малоросс. Часть II. стран. 627); а въ Краткомъ Лѣтоизобразительномъ дѣйствъ и случаевъ Описаніи сказано: »при»была Ея Величество въ Кіевъ августа 25 а отъѣхала сентября 12 чи»селъ«. Южнорусскія лѣтописи Томъ I. стран. 99.

147. Сорокъ одна сажень и два аршина надъ уровнемъ Днѣпра.

148. Митрополитъ Рафаилъ обнесъ въ 1746 году весь Софійскій соборъ каменною стѣной, на мѣсто прежней деревянной и устроилъ колокольню, получившую названіе *тріумфальной*. Кромѣ этого онъ построилъ въ западной части ограды огромныя двухъярусныя въѣзжія ворота съ жилыми по обѣимъ сторонамъ покоями и украсилъ ихъ разными штукатурными арабесками.

149. Подлинникъ, написанный собственною рукою митрополита Рафаила на языкѣ латинскомъ, хранится въ Актахъ Кіевской Академіи.

150. Одна изъ нравственно-богословскихъ системъ, читанныхъ съ 1733 по 1737 годъ озаглавлена такъ: Tractatus Theologicus, tum positive, tum controverse praecedens de daecalogo cum casibus ac de lege Evangelica, respiciente ad decalogum, caeterisque reducendis ad eum, ad mentem interpretum s. scripturae expositus, in alma Kiioviensi Academia dictatus.

151. См. Исторію Акад. Кіевской стран. 139.

152. Исторія Уніи стран. 313,314, 410.

153. Изъ богословскаго конспекта Кулябки это видно ясно.

Praefatio. Disputatio prooemialis: a) quid quoad nomen et quid quoad rem Theologia; b) quinam ejus objectum: causa, finis; c) divisiones ejus; d) principia et e) an Theologia sit necessaria ad salutem?

Tractatus de Deo, tum quoad essentiam, tum quoad personas spectato. Pars I. De Deo uno in essentia et attributis Dei. Solita in hac parte Theologiae disputatio a) de essentia et existentia Dei; b) simplicitate Dei; c) attributis Dei in communi; d) de attributis Dei; e) de objecto visionis beatificae in Deo; f) de scientia Dei; g) voluntate Dei; h) providentia Dei; i) de praedestinatione; k) reprobatione et libro vita; l) de omnipotentia Dei. Pars II. De Deo trino in personis. Disputationes a) de processionibus Divinarum personarum; b) de relationibus Divinis; c) de Personis Divinis; d) de notionibus personarum in Divinis; e) de aequalitate, prioritate et ordine personarum; f) de cognoscibilitate mysterii Trinitatis; g) de Persona Patris; h) De persona Filii; i) de persona Spiritus S. et de processione Ipsius; k) de missionibus Personarum in Divinis.

Tractatus Theologicus de incarnatione Disputationes a) de possibilitate et existentia incarnationis; b) necessitate ejus; c) de unione hypostatica; d) de Persona assumente; e) de natura assumpta; f) de toto composito hypostatico per se existente s. de persona Christi; g) de scientia Christi; h) de communione idiomatum; i) de gratia Christi; k) de potentia humanitatis Christi; l) de defectibus humanitatis ejus; m) de voluntate ejus; n) merito; o) satisfactione ejus; p) subjectione; q) oratione; r) adoptione; s) praedestinatione; t) variis titulis et officiis; u) de adoratione Christi; v) de antichristo; x) de Beatissima Virgine.

Tractatus Theologicus de Angelis. Disputationes a) de natura angelorum; b) intellectu et voluntate; c) de gratia angelarum; d) de gloria; e) de peccato et poena malorum angelorum; f) de custodio angelorum.

Tractatus Theologicus de homine in statu innocentiae. Disputationes: a) de creatione hominis et b) de justitia originali, immortalitate aliisque donis supranaturalibus primorum parentum.

154. Это можно видѣть даже изъ оглавленія философской системы, читанной въ 1739 году и 1740 Михаиломъ Козачинскимъ: Cursus philosophicus per quaestiones philosophicas ad sequens cosnvetumque trienii tempus juxta usum in scholis Peripateticorum praeceptum ingenuo auditori Roxo-

lano in alma et orthodoxa Academia K. M. Z-na expositus et explicatus, sub reverendo patre M. Kozaczinsky.

155. Нѣсколько конспектовъ по реторикѣ и поэзіи, относящихся къ этому времени, можно видѣть въ Исторіи Акад. Кіевск. стран. 148—150.

156. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран 204.

157. Погребенъ въ Лазаревской церкви, имъ самимъ устроенной. Описаніе костромскаго Ипатьевскаго монастыря стран. 69. Изъ дѣлъ лаврскаго архива. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 205, 618. Часть IV стран. 28, 284. Часть VI томъ II стран. 643.

158. Словарь историч. Часть I. стран. 217—220. Къ сожалѣнію, ни одно изъ сочиненій и переводовъ Блонницкаго не напечатано.

159. Исторія Моск. Акад. стран. 209.

160. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 122, 140, 628. Часть II. стран. 182.

161. Тамже Часть I. стран. 155, 421, 581. Часть V. стран. 638.

162. Тамже Часть I. стран. 192. Часть II. стран. 302.

163. Тамже Часть II. стран. 817. Словарь Историч. Часть I. стр. 215 - 217.

164. Исторія Моск. Акад. стран. 209. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 241, 556. Часть II. стран. 378.

165. Тамже Часть I. стран. 154

166. Самъ это слышалъ я отъ одного изъ внуковъ священника (И. Ѳ. Шост....го), бывшаго свидѣтелемъ всему этому и возившаго на себѣ воду въ одной упряжкѣ съ лошадью.

167. О всѣхъ этихъ ужасахъ Конисскій всенародно и небоязненно говорилъ въ церквахъ, окруженныхъ мучителями и гонителями вѣры православной. См. соч. Георгія Конисскаго и особенно его слова и поученія. См. также Исторію Уніи и Исторію Малороссіи Часть II. стран 658, 659.

168. Объ этомъ тогда же доносилъ самъ Георгій св. Синоду (Исторія Уніи стран. 369), и Синодъ передалъ донесеніе его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ того же года. Тоже подтверждаетъ и Пригоровскій въ надгробномъ словѣ своемъ Конисскому (см. Христ. Чтеніе 1843 г. Часть IV. стран. 405, 406).

169. И объ этомъ доносилъ Георгій Синоду. См. Исторію Уніи стран. 451.

170. Сочин. Конисскаго Часть I. стран. 186.

171. Рѣчь эта, написанная на языкѣ латинскомъ, еще поразительнѣе въ подлинникѣ см. соч. Конисскаго Часть I. стран. 120.

172. Рукопись Григоровича: Reflexye na Kommyssyą naznaczona w Warszawie z okazyi curae desunitorum 1768.

173. Исторія Уніи стран. 371 и 388.

174. Исторія Русской Церкви и Синод. Управленіе стран. 106. Примѣч. 175.

175. Это извѣстная рѣчь: »Оставимъ астрономамъ доказывать«, сказанная Конисскимъ при встрѣчѣ Государыни въ Мстиславлѣ 19 генваря 1787. Она переведена была на разные языки. Императорская Академія Наукъ издала оную съ критическимъ разборомъ въ 1-й части своихъ сочиненій и переводовъ, за 1805 г.

176. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 447.

177. Исторія Русс. Церкви. Синод. Управл. стран. 112.

178. Въ бытность свою при Академіи учителемъ піитики, онъ составилъ нѣсколько драмъ духовныхъ, изъ которыхъ одна была представлена студентами 1747 года. Заглавіе этой драмы слѣдующее: *Воскресеніе мертвыхъ, обще всѣмъ будущее, но страждущимъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ, въ пользу чающихъ онаго.* Списокъ опой находится въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго.

179. Вотъ эпитафія, написанная *Конисскимъ* самому себѣ:

Градъ Нѣжинъ колыбель, градъ Кіевъ мой учитель;
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святитель;
Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками,
И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепископомъ и Членомъ сталъ Синоду.
Георгій имя мнѣ; я изъ Конисскихъ дому;
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.
Сей-то падали закрылъ здѣсь грѣшны кости
Семьсотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый.

180. Словарь Историч. Часть I. стран. 92—96. Исторія Русс. Церкви Синод. Управл. стран. 100—112.

181. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 192.

182. Словарь Историч. Часть I. стран. 336.

183. Сочиненія Сумарокова Томъ VI. стран. 281. Изд. 1787 г.

184. Словарь историч. Часть I. стран. 63—65.

185. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 172, 605 и 619.

186. Словарь историч. Часть I. стран. 164.

187. Тамже стран. 104

188. Акты Кіевской Академіи. Исторія Росс. іерархіи Часть I стран. 570 Часть VI. стран. 138.

189. Нѣкоторые придаютъ *Сковородѣ* еще названіе *Варсава*, считая это слово, какъ видно, именемъ или придачею къ его фамиліи, тогда какъ оно не значитъ ни то ни другое. *Вар-Сава* значитъ тоже, что *Савичъ*, ибо *варъ*, на языкѣ сирскомъ, означаетъ сына; прибавляемое къ собственнону имени, оно не измѣняло его въ падежѣ, какъ это видно изъ словъ евангельскихъ: *блаженъ еси Симоне варъ Іона* Матѳ. XVI. 17. Въ такомъ же значеніи приписалъ себѣ слово: *вар-сава* и нашъ философъ въ одномъ изъ большихъ своихъ сочиненій.

190. Я имѣю у себя сказаніе о жизни *Сковороды*, составленное симъ самымъ Ковалинскимъ. Подлинная рукопись, подаренная мною М. П. Погодину въ 1850 году, хранится нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ.

191. Оба эти сочиненія, писанныя рукою самаго *Сковороды*, довелось мнѣ читать въ 1845 году—изъ библіотеки помѣщика кіевской губерніи П. М. Тамары. Онѣ составляютъ *пять* большихъ томовъ in fol. писанныхъ мелкимъ, убористымъ почеркомъ.

192. Кромѣ этого надъ могилой *Сковороды* имѣется еще слѣдующая надпись:

Ревнитель истины духовный, богочтецъ,
И словомъ, и умомъ и жизнію мудрецъ,
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всемъ всегда;
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

193. Кромѣ поименованной рукописи Ковалинскаго, довольное число матеріаловъ для біографіи *Сковороды* разбросано по разнымъ періодическимъ изданіямъ: въ *Молодикѣ* за 1843 годъ статья Срезневскаго; въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина двадцатыхъ годовъ статья

Снегирева: въ *Телескопѣ*—статья Гиждеу. Въ *Исторіи Русской Философіи* архимандрита Гавріила также находится довольно подробная и вѣрная біографія *Сковороды* съ показаніемъ духа и характера его философствованія.

194. Описаніе Кіевософ. Собора Прибавл. стран. 230. Словарь историч. Часть I. стран. 64. Исторія Росс іерархіи Часть I. стран. 557, 628. Исторія Моск. Академіи стран. 202.

195. Исторія Росс іерархіи Часть I. стран. 140, 641.

196. Тамже Часть I стран. 87, 165, 430, 618. Чисть III. стран. 253. Исторія Русск. Церкви. Синод. Управ. стран. 179. Словарь историч. Часть I стран. 94.

197. Всѣ онѣ, по смерти его, взяты въ Императорскую Библіотеку.

198. Словарь историч. Часть II. стран. 223.

199. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 642.

200. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

201. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран 168.

202. Диссертація Щепина напечатана подъ заглавіемъ: Schediasma chemico-medicum inaugurale de acido vegetabili. in 4-o Lugduni Batavorum 1758 г.

203. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей Томъ II. стран. 276. Многочисленная библіотека и гербарій *Щепина* достались московскому университету.

204. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 605.

205. Описаніе Кіевософ. Собора. Прибавл. стран. 194.

206. Исторія Малороссіи Часть II. стран. 632.

207. Акты Кіевской Академіи. Томъ I *№* 37.

208. Тамже.

209. Тамже *№* 40. Ляскоронскій подъ праздникъ Зачатія св. Анны (9 декабря) не пустилъ къ себѣ на ночлегъ митрополита, даже не встрѣтилъ и не проводилъ его съ подобающею честію.

210. Вотъ полная отчетность о содержаніи академическихъ наставниковъ, заимствуемая изъ отвѣтнаго донесенія ректора Давида Нащинскаго: »Префекту рыбы свѣжой дается по четыре порціи завсегда »только въ одной стравѣ; рыбы вяленой столько же, если нѣтъ, свѣ»жой; кромѣ этого дается борщъ, каша и другія стравы; хлѣба дается

»два на день, одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другій братер»скій во столько же фунтовъ, а въ праздники кромѣ того еще по »четыри булки; пива по семи кварть на день; олѣи отпускаются въ сре»ду и пятокъ по полукварть, а масла въ скоромные дни по полуфунту; »водка и ликеры даются по требованію префекта, невозбранно; меду »по кварть; соли пять гусокъ (столбиковъ) на недѣлю; сыра и яицъ, »смотря по количеству наличному въ монастырской трапезѣ. Учителю »реторики свѣжой рыбы по двѣ порціи, а когда нѣтъ свѣжой, то столь»ко же вяленой и другія стравы, предлагаемыя соборной братіи. Хлѣбъ »ситный соборный въ 8 фунтовъ на день, а въ праздники и воскре»сные дни кромѣ того по двѣ булки; пива по двѣ кварты, водки столь»коже, сколько и префекту; яицъ, сыру, масла, сала, пшена, крупъ, »мяса, дровъ и проч. по востребованію. Прочимъ учителямъ отпускается »свѣжей рыбы по одной порціи—свѣжей или вяленой и все, что пред»лагается въ братской трапезѣ; хлѣба по двѣ порціи большихъ и по »булкѣ въ праздничные дни. Все прочее выдается имъ по востребо»ванію. Отопленіе на счетъ монастырскій; свѣчей отпускается префе»кту въ годъ 300; учителю реторики столько же; піитики 250; синта»ксимы 200; граматики и греческаго языка 300; учителямъ инфимы, фа»ры и языка нѣмецкаго по 150 свѣчей«. Столъ воспитанниковъ Академіи въ постные дни составляли всякая рыба, овощи, каша, борщъ съ фасолью и галушки, а въ скоромные: всякая тука (жирное) мясо коровье, баранье, свиное, индѣйки, гуси, утки, куры и прочая живность полевая; къ этому по большимъ праздникамъ подавалось пиво и медъ. Для прислуги было отпускаемо: сало, бураки (свекла) капуста, огурцы, разное варево, а также по временамъ порція водки и пива. Акты К. Акад. Томъ II. № 21.

211. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ наставниковъ, жившихъ внѣ Академіи, были отпускаемы, кромѣ слѣдующей имъ дачи натурою, и квартирныя деньги. Такъ священ Крижановскій, преподаватель французскаго языка, получалъ въ годъ десять рублей.

212. Такой случай былъ и при Щербацкомъ, когда всѣ наставники отъ реторическаго до аналогическаго класса включительно отказались было отъ своихъ должностей Митрополитъ умнымъ и ловкимъ предложеніемъ заставилъ всѣхъ ихъ обратиться къ своимъ обязанностямъ.

213. Современная копія съ граматы, данной Конисскому хранится въ Актахъ Кіевской Академіи. Здѣсь она представляется сполна.

»Божіею милостію Тимоѳей Щербацкій, православный архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и малыя Россіи

»Всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитиметь, особливо же всечестнымъ Академіи нашея Кіевскія учителемъ и честной Кіевобратскоучилищнаго монастыря братіи, Божія благословенія, при нашемъ архіерейскомъ, желающе, извѣстно чинимъ Понеже мы пастыръ, на мѣсто бываго въ ономъ Кіевобратскоучилищномъ монастырѣ архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго, по усмотренію нашему, Академіи нашея Кіевскія префекта и священныя богословіи учителя, іеромонаха Георгія Конисскаго, за его тщательное и добропорядочное Академіи нашея управленіе и учительство, данною намъ отъ Всевышняго Бога архіерейскою властію, настоящаго 752 года августа 1 въ Кіевобратскоучилищной Богоявленія Господня церкви, въ оной монастырь произвели во архимандрита, и какъ святаго Братскоучилищнаго монастыря правленіе, такъ и Академіи нашея Кіевскія полную дирекцію его превелебности вручили. Того ради въ началѣ долженствуетъ онъ превелебнѣйшій архимандритъ и ректоръ Георгій, въ церкви того Кіевобратскоучилищнаго монастыря, по чиноположенію церковному, ко Всеблагому Господу Богу обыкновенныя творити молитвы и содержать оную церковь въ надлежащемъ благолѣпіи; такожъ въ правленіи всѣхъ дѣлъ монастырскихъ тщательный и неусыпный имѣти присмотръ, аки добрый домостроитель, братію же смиреннѣ, благоугодно и по чину монашес ому жительствующихъ въ пристойной любви, аки отецъ чада, содержать; противно же дѣлающихъ съ приговоромъ письменнымъ начальнѣйшей братіи и своею децизіею правилно наказывать и смирять духомъ кротости; о развращенныхъ же и по наказаніи неисправныхъ намъ доносить и прилѣжное смотрѣніе имѣть, дабы всѣ того Кіевобратскоучилищнаго монастыря братія церковнаго ко Господу Богу моленія не оставляли, и безъ вѣдома с монастыря не исходили, и по мирскимъ домамъ не скиталисябъ Особливо же въ Академіи нашей, дабы преподаваніе ученія къ пользѣ церквы святой доброй успѣхъ могло имѣть, по долгу своему ректорскому, какъ надъ учащимы, такъ и учащимися рачительный надсмотръ имѣть: и для того успѣха о устроеніи в ученіяхъ порядковъ во всемъ поступать по данному отъ насъ о томъ особливому его преѳелебности

указу. В протчемъ же во всемъ ему превелебнѣйшему архимандриту и ректору Георгію, за силу учиненной его превелебностію въ катедральной нашей церкви присяги исправлятся по закону Божію, правилам святыхъ Апостолъ, Богоносныхъ отецъ, Регламенту Духовному, указамъ Ея Императорскаго Величества, нашимъ пастырскимъ предложеніямъ и по силѣ сей данной ему отъ насъ граммати непремѣнно. И быть ему образомъ добродѣтельнаго житія, да тако за труди своя вѣнецъ блаженства отъ руки Господнія купно со всею о Христѣ братіею воспріиметъ, глаголющи: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ*. О чемъ будучи извѣстни какъ всечестніи Академіи нашея учители, такъ и честніи Братскоучилищнаго монастыря братія должны ему превелебнѣйшему архимандриту и ректору Георгію всякое при подобающей чести отдавать послушаніе безъ роптанія и вся по благому его совѣту дѣйствовать. Въ знаменіе же того нашего пастырскаго опредѣленія сія его превелебности граммата за подписаніемъ руки нашея Архіерейскія, при печати катедральной, дана въ катедрѣ нашей митрополитанской кіевской 1752 года августа 14 дня«.

214. Подлинникъ, за собственноручною скрѣпою митрополита, находится въ Актахъ Кіевской Академіи Томъ 1. *№* 42.

215. Представляемъ сполна *мнѣніе* Конисскаго, »чего въ которой школѣ учить: I. Въ *Аналогіи:* 1) учить, въ русской бы рѣчи умѣлъ дитина разобрать между частьми рѣчи; 2) оттуду вести къ латинскому языку; 3) латинскаго языка наклоненій и спряженій правилныхъ ясно читая учить. 4) Малую, что нарицаютъ Syntaxin, показать. 5) Генеральныи регулы de partibus orationis, de generibus nominum, de declinatione, de praeteritis et supinis показывать. Можно совокуплять и латвѣйшіи speciales тіжь регулы, толко читать на латинскомъ языкѣ, для экзерціи въ чтеніи велѣть и ради мѣстной памати надлежитъ: а силу рускимъ языкомъ внушать 6) Наклоненія и спряженія читать з формованными цѣлими рѣчми. В сію школу годится Comeni vestibulum latinitatis, что можетъ служить ради такъ нарыцаемыхъ оккупацій и экзерцицій. 7) Между всѣмъ тѣмъ прилѣжно привычать къ правописанію II. Въ *Инфимѣ*: 1) Вся реченная промовить поскоряе 2) De partibus orationis, de generibus nominum, de declinatione, de praeteritis, регулы всѣ и изъемныи показать. 3) Регулы генеральныи, самонужнѣйшіи з великаго, какъ называютъ, Алвара протолковать 4) Здѣ годится Orbis pictus. III. Въ *Гра-*

матикѣ. 1) Вышеписанная скорѣе промовлять. 2) Регулы великаго Алвара употребленія частаго, хотя бы и pro suprema classe были, толковать. 3) И в сей уже школѣ можно регулы на латинскомъ языкѣ разбирать по разуму и по регуламъ 4) Переводъ назначать изъ Евангелія Castellionis ово изъ латинскаго на русскій, ово изъ русскаго на латинскій. 5) Можно и Colloquia напримѣръ Лангіевы присовокуплять; »въ добавку 6) »очень хорошо Sebastiani Castellionis sacros Dialogos изъяснять и перево»дить и выучивать сентенціи наизустъ«.—*(добавлено рукою митрополита).* IV. Въ *Синтаксисѣ*: 1) Реченная промовлять, 2) такъ чтобы ничего въ Алварѣ неразумѣваемо не оставалось, совокупляя и рѣдкаго употребленія регулы. 3) Sintaxin figuratam учить. 4) Читать исторію, напримѣръ Sulpitii и удобнѣйшіи Цицероновы епистолы наизустъ, прежде росказавши вкратцѣ науку о періодахъ и о силѣ партикулъ. Въ сихъ школахъ, какъ и вездѣ, хорошо не оставлять чтенія Евангелія на латинскомъ и русскомъ языкѣ. V. Въ *Поэтикѣ:* 1) Sintaxim ornatam промовить и Цицероновы епистолы и науку о періодахъ и ихъ разборѣ. 2) Промовлять просодію, тутъ представляя и причины всякихъ обыкновенныхъ ударенiй. 3) Предложить науку о хріи и читать епистоли, мало трудпѣйшіи 4) Предложить науку de generibus carminum и читать на примѣръ на русскомъ Ѳеофановы или Ломоносовы, на латинскомъ Буханановы или Sannazarii или ex Fasciculo Freyeri избранные стихи и роди стиховъ. 5) Тропи и фигуры протолковать. VI. Въ *Риторикѣ.* 1) Елемента риторическія и по наукѣ оныхъ praxin показать. 2) Цицероновы епистоли читать врядъ и сколко возможно переводить на русскій языкъ разумно и чисто При такомъ чтеніи показать ихъ artificium и расположеніе. Какіе тамъ періоды, тропи и фигуры объявить. Какіе въ нихъ phrases elegantiores, acumina rariora, res notatu digniores, что примѣчанія достойное 3) Послѣ прочтенія нѣсколько епистолъ означить имитацію на россійскомъ языкѣ, которую бы ученики verbis et phrasibus Ciceroni usitatis изобразили. 4) Horatii poëmata (exceptis nonnullis obcaenioribus) на россійскій языкъ переводить то стихомъ, то прозою. 5) Тѣже poëmata переводить in prosam orationem по латинѣ. 6) Показать, какое artificium такихъ поэмъ, какимъ способомъ они распространены и чимъ они красивы; также какая разность есть solutae et ligatae orationis. 7) Дошедши чтеніемъ до изобрѣтенія и расположенія и еліокуцій большихъ орацій, нѣсколько Муретовыхъ рѣчей выучить, а прежде оныя разобрать по ди-

спозиціи и елiокуціи, и онiя велѣть ученикамъ изъ катедры виговорить, чтобы научиться можно было, что есть пристойная пронунціація. 8) При такомъ чтеніи внушать, какъ надлежитъ авторовъ читать и имитовать. 9) Понеже, nemo est rhetor nisi philosophus, Dialecticam вкратцѣ предложить. VII. Въ *Греческой школѣ*: 1) Первую часть синтаксеосъ промовить и послѣднюю протолковать. 2) О діалектахъ и просодіи прочитать. 3) Посселiевы colliquia читать. 4) Евангеліе читать. 5) Епиграмы назначать. 6) Исократово увѣщаніе перевесть«.— Подлинникъ, писанный рукою Конисскаго и скрѣпленный митрополитомъ Щербацкимъ, находится въ Актахъ Кіевской Академіи № 46.

216. Програма составлена на языкѣ латинскомъ. Подлинникъ хранится въ Альбомѣ Кіевской Академіи.

217. Програмъ подобнаго рода, относящихся впрочемъ къ позднѣйшему времени, сохранилось довольное число.

218. Такъ въ 1750 году прибыли изъ Сербіи іеромонахъ *Исаія Новаковичъ* и свѣтскій *Павелъ Вушичъ*; 1752 изъ турецкихъ владѣній монахи Козійскаго монастыря *Софроній и Діонисій* и многіе другіе. Впрочемъ всѣ они не отличились постоянствомъ въ ученіи и скоро возвратились во свояси.

219. Иностранцы, не понимавшіе значенія диспутовъ. выводили изъ этого весьма невыгодныя для православнаго училища заключенія. Іосифъ Леонардъ Рюифъ, ссылаясь на одинъ нѣмецкій журналъ, прямо говоритъ: Petro adhuc observandum, quod recentissime ann. 1784 in Academia Kioviensi a Graecis publice propugnata sit sequens propositio: verosimile est, quod Spiritus sanctus etiam a Filio procedat. Lineae Historico-Theologicae Pars II. pag. 184.

220. Полный конспектъ богословской системы Конисскаго можно видѣть въ Исторіи Кіевск. Акад стран 141 и 142

221. Конспектъ философскій Конисскаго сполна помѣщенъ въ Исторіи Кіевск. Акад. стран. 145—148.

222. Граматы Петра Великаго и Елисаветы Петровны. См. Памятники Кіевск. Коммис Томъ II. стран. 329 и 365.

223. Рѣчь о значеніи русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи. См Московск. Вѣдомости 1849 года стран. 339.

224. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи Том. XIV стр. 285.

225. Моск Вѣдом. 1849 г. стран. 337.

226. Исторія Моск. Универс. стран. 12.

227. Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ стран. 544.

228. Описаніе Кіевософ. собора. Прибавл. стран 200.

229. Грамата эта напечатана въ Прибавл. къ Описанію Кіевософ. собора № 39.

230. Изъ старинной описи вещамъ, находившимся въ конгрегаціонной академической церкви, открывается, что митрополитъ Тимоѳей дѣлалъ много и другихъ пожертвованій въ храмъ училищный Такъ въ 1748 году подаренъ имъ бархатный епитрахиль красный шитый золотомъ и серебромъ съ изображеніемъ 12 апостоловъ; въ 1755 большой воздухъ краснаго бархата, шитый золотомъ и серебромъ съ изображеніемъ Вознесенія Господня и при ономъ два малыхъ, обложенныхъ только сѣткою; а также Евангеліе, покрытое свѣтло-краснымъ бархатомъ, украшенное сребропозлащенными изваяніями, на углахъ одной стороны 4 Евангелистовъ и посрединѣ—Благовѣщенія, а на другой—Распятія. Въ 1759 г. будучи уже московскимъ митрополитомъ, Тимоѳей прислалъ въ Конгрегацію Евангеліе въ листъ, съ сребропозлащенными круговыми съ обѣихъ сторонъ досками и чеканью; на одной сторонѣ вычеканено Воскресеніе Христово, по угламъ Евангелисты, а на другой сребропозлащенное древо съ пророкомъ Іессеемъ.

231. Впрочемъ окончательно она достроена при митрополитѣ Іероѳеѣ (1796 г.) подрядчикомъ, кіевскимъ купцомъ *Ѳедоромъ Рябчиковымъ*

232. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран 548.

233. Митрополитъ Тимоѳей погребенъ въ Чудовѣ монастырѣ.

234. Описаніе Кіевософ собора стран. 226.

235. »Буди, писалъ митрополитъ Тимоѳей въ своемъ предложеніи, »кто съ васъ чувствуетъ *въ себѣ въ чемъ недостаточество*, или чрезъ тое »какое поврежденіе *внутреннему* и внѣшнему здравію, то таковаго же »ланіе за *совѣстный* резонъ признать мощно Ежели же кто таковаго »препятствія къ тому не имѣетъ, и *можетъ* какъ въ ученіи учениковъ нале»жаще, сколко званіе учительское требуетъ, такъ и въ наставленіи онихъ »къ добродѣтельному житію и богоугоднымъ нравамъ достаточно удовле»творить: то таковому не надлежитъ, сокривая свищие (свыше) дарованій »ко славѣ Божіей и къ ползѣ ближнему талантъ, отъ таковаго бого»угоднаго званія удалятся«. Предложеніе это, скрѣпленное собственно-

ручной подписью митрополита, дано было всѣмъ учителямъ, начиная отъ реторическаго класса до аналогическаго. Всѣ наставники, согласно сему предложенію, подписали каждый противу имени своего: *желаю.*

236. Изъ многочисленныхъ сочиненій и переводовъ *Амбодика*, кромѣ диссертаціи: de hepate humano, извѣстны слѣдующія: *Врачебное Веществословіе*, снабженное рисунками. 1782 г. *Анатомикофизіологическій Словарь* на русскомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ. 1783 г. *Искуство Повиванія* или *Наука о Бабичьемъ дѣлѣ* 1784. *Физіологія* или *Естественная Исторія о человѣкѣ* 1787 г. *Ботаники первоначальныя основанія* съ рисунками въ двухъ частяхъ. 1796 г. и *Новый Ботаническій Словарь* на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Важнѣйшіе изъ его переводовъ указаны въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ изд. Плюшара подъ статьею *Амбодикъ*.

237. Словарь достопамят. людей Русской земли. Издан. 1836 г. Часть I. стран. 38. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Томъ I. стран. 3.

238. Не указываемъ этихъ сочиненій, по чрезвычайной ихъ многочисленности. Любопытные могутъ видѣть въ Словарѣ Достоп. людей Русской земли. Изд. 1836 г.

239. Подлинникъ находится въ Актахъ Кіевск. Акад. Томъ III. № 31.

240. Обширнѣйшая біографія Н. Н. Бантышъ-Каменскаго изложена въ Словарѣ Достопамятн. людей Русск. земли Часть I. стран. 42.

241. Тамже.

242. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 187, 557.

243. Во всякомъ малороссійскомъ повѣтѣ находился Подкоморскій Судъ, завѣдывавшій собственно дѣлами о размежеваніи земель. Предсѣдательствовавшій въ этомъ Судѣ назывался подкоморіемъ, а помощникъ его коморникомъ. Опытъ повѣств. о древностяхъ Русскихъ стран. 736.

244 *Повытчикъ, повитчикъ, повытчикъ*, отъ слова *повѣтъ*, по малороссійски: *повитъ* — уѣздъ.

245. Обширнѣйшая біографія графа П. В. Завадовскаго помѣщена въ Сынѣ Отечества за 1831 годъ. Томъ XIX.

246. Сочиненія Золотницкаго слѣдующія: *Состояніе человѣческой жизни, заключенное въ нѣкоторыхъ нравоучительныхъ примѣчаніяхъ, касающихся до натуральныхъ человѣческихъ склонностей* 1763 г. *Новыя нравоучительныя басни* 1763 г. *Сокращеніе Естественнаго Права*, вы-

бранное изъ разныхъ авторовъ. 1764 г. *Общество разновидныхъ лицъ* 1766 г. Разсужденіе *о безсмертіи человѣческой души* 1768 г. Переводы: съ французскаго — *Духъ Сенеки* или правоучительныя разсужденія сего великаго философа 1765 г. Съ нѣмецкаго: *Исторія разныхъ героинь и другихъ славныхъ женъ* въ 2 част. 1767 и 1768 г.

247. Словарь Русскихъ свѣтск. писателей. Томъ I. стран. 232.

248. Исторія Моск. Академіи стран. 209.

249. Словарь достопамяти. лицъ Русской земли. Часть II. стран 163.

250. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Томъ I. стран. 296

251. Тамже.

252. Исторія Росс. іерархіи. Часть I стран 212, 255. Часть IV. стран 611.

253. Славенскою епархіей названа въ годъ своего учрежденія (1775) епархія екатеринославская, архипастыремъ которой въ эту пору былъ Евгеній Булгаръ.

254. Словарь историч. Часть II. стран. 291—294.

255. Тамже Часть II. стран. 23.

256. Словарь Русск. свѣтскихъ писателей Часть II. стран. 151.

257. Тамже стран 163.

258. Акты Кіевской Академіи а также Исторія Кіевской Академіи стран. 157.

259. Изъ напечатанныхъ переводовъ Сѣчкарева особенно замѣчательны слѣдующія: *Златоустовы Бесѣды* къ антіохійскому народу 1778 г. *Василія Великаго Шестодневъ* 1785 и нѣсколько мелкихъ статей съ греческаго. *Физика* для народныхъ училищъ и *Натуральная Исторія* съ нѣмецкаго. *Забавный Философъ* 1762. *О прививаніи оспы* 1786. *Описаніе европейскихъ темницъ* 1771. *Изслѣдованіе христіанства* 1790, съ англійскаго. Остающіеся въ рукописяхъ переводы Сѣчкарева показаны въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей. Часть II. стран. 165.

260. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 447.

261. Словарь историч. Часть I. стран. 10

262. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 183, 582.

263. Тамже стран 582.

264. Сочиненія И. Хмельницкаго суть слѣдующія: *Разсужденіе объ основаніяхъ философскихъ* на лат. яз. напеч. въ Кенигсбергѣ 1762 г.

Разсужденіе о рабствѣ по законамъ естественнымъ и праву всенародному. Переводы его изчислены въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей. Часть II. стран. 240.

265. Исторія Росс. іерархіи Часть II. стран. 481, 489. О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній съ Китаемъ и о заведеніи въ Пекинѣ Россійской Церкви и Духовной миссіи. Стран. 188. Нѣкоторые пишутъ, что онъ былъ настоятелемъ Кіевокириловскаго монастыря и тамъ скончался.

266. Тамже стран. 488. О началѣ торговыхъ и проч. стран. 189.

267. Изъ вызванныхъ Тихономъ студентовъ Академіи извѣстны: *Петръ Ѳедоровъ, Яковъ Костенскій* и *Владиміръ Доримендовскій.*

268. Воронежск. Губ. Вѣдом. 1848 г. № 30. Послѣ *Тихона Якубовскаго* епархія суздальская соединена съ владимірской. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 93, 183.

269. Въ Опытѣ Историческаго Словаря Новикова говорится, что *Эминъ* учился у іезуитовъ, потомъ какъ-то попалъ къ Туркамъ, принялъ магометанскую вѣру, наконецъ бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ явился въ русское посольство и, принявъ крещеніе, прибылъ въ Петербургъ. Такой же разсказъ съ немногими измѣненіями напечатанъ и при изданіи книги *Эмина*: *Путь ко спасенію.* Въ собственной же просьбѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ *Эминъ* о своемъ родѣ и похожденіяхъ разсказываетъ цѣлый романъ, мало сходный съ прежними показаніями и даже съ паспортомъ, выданнымъ ему отъ князя Голицына и приложеннымъ при прошеніи. О всемъ этомъ см. подробнѣе въ Словарѣ Русск. свѣтск. писателей Часть II. стран. 214—220. Всѣ толки эти повторяются до сихъ поръ историками нашей литературы. См. учебную книгу Росс. Словесн. *Греча* Часть IV. стран. 491. Издан. 1822 г. Столѣтіе Русской Словесн. *Н. Мизко* стран. 147. Представляемая нами біографія есть сводъ фактовъ, критически повѣряемыхъ и приводимыхъ подъ правила логической вѣроятности.

270. Не Щепинъ ли, долженствовавшій быть товарищемъ Эмина?

271. »Замѣчательно, говоритъ митрополитъ Евгеній, что *Эминъ*, »по пріѣздѣ въ Петербургъ, почти невѣроятно скоро выучился по-рус»ски, черезъ два года сдѣлался русскимъ писателемъ, и въ 9 лѣтъ сво»его въ Россіи пребыванія издалъ болѣе 25 книгъ переводовъ и сочи»неній въ разныхъ родахъ«. Можно ли даже предположить, скажемъ

мы, чтобъ этого могъ достигнуть человѣкъ, родившійся отъ венгерца, проживавшій съ дѣтства до зрѣлаго возраста у Турокъ, носившій даже имя Магомета или Мехмета Эминя и только развѣ изрѣдка имѣвшій возможность и случай слышать русскую рѣчь? Положительно можно сказать, что *Эминъ* нарочно роспускалъ о себѣ подобные толки для приданія своей особѣ большей занимательности и съ хитрой цѣлію играть роль повыше той, какую обѣщало ему незнатное его происхожденіе.

272. Обстоятельство это приводитъ къ той мысли, не выдавалъ ли себя *Эминъ*, еще при поступленіи въ Академію, принадлежащимъ къ грекороссійской церкви, тогда какъ онъ, по рожденію былъ можетъ быть римскокатолическаго закона? Судя по страсти его къ ученію, это очень легко могло быть. Такая, по іезуитской логикѣ, pia fraus случилась и съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, выдавшимъ себя за католика, чтобъ слушать уроки въ Римѣ Изъ всѣхъ показаній *Эмина* во всемъ разнорѣчивыхъ, одно только неизмѣняемо, что родители его не были православнаго исповѣданія. Въ такомъ случаѣ *Эминъ* принималъ только повторительное крещеніе, нисколько не зазрѣвая себя въ совѣсти: ибо примѣровъ этому онъ могъ видѣть великое множество между Греками, обыкновенно перекрещивавшими приступающихъ къ православію.

273. Шлецеръ говорилъ объ Исторіи *Эмина*, что »она стыдъ дѣлаетъ вѣку и Русской литературѣ. Это, замѣчаетъ митрополитъ Евгеній, можетъ быть слишкомъ уже строго«.

274. Изъ переводовъ *Эмина* напечатаны: *Безщастный Флоридоръ* или *Исторія о принцѣ Ракалѣгутскомъ*, романъ политическій и правоучительный—съ итальянскаго. 1763 г. *Любовный вертоградъ* или *непреоборимое постоянство* 1765 и въ другой разъ 1780. *Горестная любовь маркиза де Толедо.* 1765. *Польская Исторія* Солиньяка въ двухъ томахъ 1768 съ французскаго.

275. Въ указѣ повелѣно было Арсенію объявить себя митрополитомъ при народномъ собраніи въ Соборѣ. Описаніе Кіевософ. Собора стран. 228.

276. Акты Академіи Кіевской.

277. Объ этомъ написано было цѣлое »Разсужденіе на примѣчанія противъ мнѣнія Академическаго, Его Преосвященству митрополиту »Арсенію представленныя 1763 года сентября 26 въ Академіи учиненнаго«. Не видно, кто былъ авторомъ этого сочиненія: по судя по

мысли, по прежнимъ представленіямъ Нащинскаго, даже по манерѣ выраженія, безошибочно можно приписать это ему. Особое мнѣніе Академіи, противное этому пункту, показываетъ, что Нащинскій, въ бытность свою ректоромъ, дѣйствовалъ именно такъ, какъ тутъ написано, и что послѣ него преподаватели богословія опять хотѣли возвратиться къ прежнему порядку. Умный и горячій ревнитель просвѣщенія—онъ, конечно, слѣдилъ за этимъ, и изъ своего Гамалѣевскаго монастыря прислалъ митрополиту замѣтки, оправдывавшія прежній образъ его дѣйствованія.

278. Всякое представленіе сеніора митрополитамъ прежде утверждалось скрѣпою ректора или префекта, и потомъ уже шло по своему назначенію.

279. Прежняя Бурса была близъ Братской Богоявленской церкви съ южной стороны между улицами, идущею мимо монастыря и Духовскою, которая шла отъ Свято-Духовской церкви, стоявшей на самомъ берегу Днѣпра, тамъ гдѣ недавно былъ домъ дворянина Ходоловскаго.

280. Акты Кіевск. Акад. Том. II. № 26.

281. Штрафныя деньги были взыскиваемы съ священноцерковнослужителей за разныя неисправности и упущенія по службѣ. Деньги эти, состоявшія въ вѣдѣніи Консисторіи, до учрежденія въ 1823 году попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, обращаемы были на содержаніе Академіи.

282. Въ 1766 году мая 17 послѣдовало отъ сеніора великой бурсы *Луки Стеблинскаго* »съ прочими товарищи такое *донощеніе* къ игумену Кіевовыдубицкаго монастыря Сиѳу: »мы нижайшіе, обучающіеся »въ Академіи, живучіе въ Студентскомъ Сиротинномъ Домѣ, всегда въ »нашихъ необходимыхъ нуждахъ по высокомилостивому вашего высо»копреподобія благопризрѣнію снабдѣваеми были; а особливо того по»лучали мы нижайшіе ежегодно на покупку для отопливанія въ зимнее »время ізбъ дровянихъ плитовъ денги. А понеже и нынѣ совершено »уже приспѣло такое время, въ которое и на слѣдующую зиму дро»вяніе плити покупкою заготовлять удобно: того ради вашего высоко»преподобія всенижайше просимъ на покупку онихъ плитовъ не оста»вить видать намъ нижайшимъ и нынѣ по своему высокомилостивому »разсмотрѣнію денегъ« Подлинникъ находится въ Архивѣ Кіевовыдубицкаго монастыря.

283. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Кіевовыдубицкаго монастыря.

284. Напередъ замѣчаемъ, что оба эти диспута, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ студенту богословія *Алексѣю Ожаровскому*, а другой студенту философіи *Евѳимію Черниховскому*, относятся уже къ позднѣйшему времени: по по тону, выбору предметовъ и характеру своему они нимало не разнятся отъ древнихъ, исключая слога, который здѣсь правильнѣй и слѣдовательно понятнѣй будетъ для читателя.

285. Подобныхъ опытовъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ сохранилось очень много въ библіотекѣ Кіевской Академіи.

286. *Маргаску* получалъ отъ митрополита Гавріила Кременецкаго 100 р. отъ Самуила Мославскаго, тогда уже епископа Бѣлоградскаго, 50 р. и столько же отъ благодѣтеля своего Амвросія Зертисъ-Каменскаго.

287. Обязанности этихъ проповѣдниковъ состояли собственно въ преподаваніи уроковъ нравственности и истолкованіи слова Божія, »для народной въ тѣхъ мѣстахъ пользы«. Права, имъ предоставленныя, были слѣдующія: 1) быть соборными и первыми по намѣстникамъ; 2) получать порцію, опредѣленную соборному іеромонаху; 3) монастырь обязывался ежегодно выдавать своему проповѣднику 50 рубл. на одежду. Проповѣди, сказываемыя по монастырямъ, черезъ каждые три года, были представляемы митрополиту.

288. Приводимъ проповѣдь эту съ строжайшимъ соблюденіемъ правописанія, точно такъ какъ есть въ подлинникѣ, исключая знаковъ препинанія.

289. Съ преобразованіемъ Академіи оркестровъ не стало: за то вокальное церковное пѣніе, преемственно переходящее отъ лѣтъ древнихъ къ позднѣйшимъ воспитанникамъ сего училища, донынѣ остается единственнымъ въ своемъ родѣ. Стекаясь изъ разныхъ мѣстъ обширнѣйшаго нашего отечества, студенты каждаго академическаго курса, не смотря на крайнюю малочисленность его, образуютъ сами собою пѣвческій хоръ, замѣняя иногда недостатокъ голосовъ всегда разумнымъ пониманіемъ дѣла и искренностью христіанскаго чувства. При нынѣшней Академіи, уже не составляющей, по прежнему, одного съ семинаріей и бурсой, содержатся нѣсколько мальчиковъ для пѣвческаго хора, выбираемыхъ изъ воспитанниковъ низшихъ духовныхъ училищъ.

Извѣстность и слава студентской капеллiи такъ велики, что рѣдкiй изъ посѣщающихъ святыню Кiева упуститъ случай послушать прекрасное пѣнiе »Братскихъ пѣвчихъ«.

290. Исторiя Малой Россiи Б. Каменскаго. Часть I. стран. 133—136.

291. На этомъ мѣстѣ построенъ теперь новый Кадетскiй Корпусъ.

292. Исторiя Росс. iерархiи Часть I. стран. 211, 642.

293. Тамже стран. 192, 620. Часть VI. Том. II. стран. 644.

294. Генеральный писарь было лицо знатное въ малороссiйской администрацiи. Онъ считался четвертымъ между генеральною старшиною, а въ засѣданiяхъ генеральной войсковой канцелярiи третьимъ. Онъ не былъ чѣмъ либо въ родѣ секретаря, а только тогда, и то по важнѣйшимъ дѣламъ, докладывалъ и принималъ на себя должность прокурора, когда самъ гетманъ присутствовалъ въ канцелярiи; въ другое же время равнялся прочей генеральной старшинѣ, и по генеральномъ обозномъ былъ вторымъ членомъ. Исполненiе всѣхъ гетманскихъ рѣшенiй по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ принадлежало исключительно обязанности генеральнаго писаря. Опытъ повѣств. о древн. Русскихъ стран. 747.

295. Судья генеральный былъ первымъ между статскими чиновниками и предсѣдательствовалъ въ генеральномъ судѣ. Тамже.

296. Въ Опытѣ повѣств. стран. 752 находится слѣдующее описанiе Бунчуковыхъ Товарищей: »Гетманъ Мазепа, дабы придать болѣе чести, великолѣпiя и защиты своей гетманской корогвѣ и бунчукамъ, учредилъ въ малороссiйскомъ войскѣ новый и до того небывалый чинъ Бунчуковыхъ Товарищей, написавъ въ оные молодыхъ людей изъ сыновъ Генеральной Старшины, Полковниковъ и знатнѣйшаго шляхетства, которые во время походовъ должны были безотлучно находиться при Гетманѣ, при его корогвѣ и бунчукахъ, подъ предводительствомъ Генеральнаго Бунчужнаго, а въ мирное время или жили дома, или при Гетманѣ попеременно находились и поручаемыя отъ него дѣла и коммиссiи исправляли. При всемъ томъ чинъ Бунчуковыхъ и при немъ Мазепѣ всегда почитаемъ былъ ниже Знатныхъ Войсковыхъ Товарищей. Можетъ быть, сверхъ вышеписанной причины, они и съ тѣмъ намѣренiемъ учреждены были, что таковые молодые люди, яко неиспытанные въ войскѣ своею службою и дѣлами, и не заслуживали наименованiя

Войсковаго, а кольми паче Знатнаго Войсковаго Товарища; со всѣмъ тѣмъ, при бывшихъ послѣ Мазепы гетманахъ, сего чина люди, какъ непрестанно при гетманахъ и при дѣлахъ ихъ находившіеся, столько усилились, что предпочтены были Войсковымъ Товарищамъ, и имя и чинъ Знатнаго Войсковаго Товарища вовсе сдѣлалось неизвѣстнымъ до учрежденія Подкоморскихъ Судовъ. Они по Полковникѣ, а по учрежденіи оныхъ Судовъ, по Подкоморіи, почитались первыми, не имѣли никакой опредѣленной должности, а въ потребныхъ случаяхъ употребляемы были къ военнымъ и гражданскимъ дѣламъ: въ отсутствіе Полковниковъ командовали полками, предсѣдательствовали въ полковыхъ канцеляріяхъ, по гражданскимъ дѣламъ присутствовали въ генеральномъ Судѣ и въ особыхъ Коммиссіяхъ, и ихъ отчасти къ военнымъ, а отчасти къ статскимъ чиновникамъ причислять можно«.

297. Вотъ номинальное перечисленіе договоровъ и актовъ, въ которыхъ участвовалъ Безбородко, какъ непосредственный дѣятель и даже творецъ весьма многихъ изъ нихъ:

I. Актъ, которымъ Генеральные Штаты соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій приступили къ морскимъ конвенціямъ, заключенный съ Королями Датскимъ и Шведскимъ. С.-Петербургъ 24 декабря 1780 г.

II. Актъ для сохраненія свободы торговли и мореплаванія нейтральныхъ народовъ, заключенный съ Королемъ Прусскимъ въ С.-Петербургѣ $^{8}/_{19}$ мая 1781.

III. Морская конвенція для охраненія свободы нейтральнаго торговаго мореплаванія, заключенная съ Королевою Португальскою въ С.-Петербургѣ $^{2}/_{13}$ іюля 1782.

IV. Трактатъ о дружбѣ и торговлѣ къ короною Датскою, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{8}/_{19}$ октября 1782.

V. Актъ, которымъ Король обѣихъ Сицилій приступилъ къ системѣ морскаго нейтралитета, въ С.-Петербургѣ $^{10}/_{21}$ февраля 1782.

VI. Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія, заключенный съ Королемъ Французскимъ въ С.-Петербургѣ 31 декабря 1786.

VII. Договоръ дружбы, торговли и мореплаванія, заключенный съ Королемъ обѣихъ Сицилій въ Царскомъ Селѣ $^{6}/_{17}$ генваря 1787.

VIII. Договоръ дружбы, плаванія и торговли, заключенный съ Королевою Португальскою въ С.-Петербургѣ $^{9}/_{20}$ декабря 1787.

IX. Трактатъ вѣчнаго мира съ Портою Оттоманскою, заключенный въ Яссахъ 29 декабря 1791 г.

X. Оборонительный союзный договоръ съ Королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{3}/_{14}$ іюля 1792.

XI. Союзный и оборонительный договоръ съ Королемъ Прусскимъ, заключенный въ С. Петербургѣ 27 іюля 1792.

XII. Союзный и оборонительный договоръ съ Королемъ Великобританскимъ, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{7}/_{18}$ февраля 1795.

XIII. Конвенція съ державнымъ орденомъ Мальтійскимъ и Гроссмейстеромъ, заключенная въ С.-Петербургѣ $^{4}/_{15}$ генваря 1797 г. объ учрежденіи въ Россіи Великаго Россійскаго пріорства.

XIV. Сепаратныя статьи къ тойже Конвенціи, заключенныя $^{4}/_{15}$ генваря 1797.

XV. Прибавочныя статьи къ тойже Конвенціи, заключенныя $\frac{28 \text{ ноября}}{9 \text{ декабря}}$ 1797 г.

XVI. Конвенція между Императоромъ Всероссійскимъ и королемъ Прусскимъ, за приступленіемъ къ оной Императора Римскаго, объ окончательномъ раздѣлѣ Польши между взаимными ихъ державами, заключенная въ С. Петербургѣ $^{15}/_{26}$ генваря 1797 г.

XVII. Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи съ Королевою Великобританскою, заключенный въ С.-Петербургѣ $^{10}/_{21}$ февраля 1797.

XVIII. Договоръ дружбы, мореплаванія и торговли съ королевою Португальскою, возобновленный въ С.-Петербургѣ $^{16}/_{27}$ февраля 1798 г.

298. Князь А. А. Безбородко женатъ не былъ.

299. Отечеств. Записки 1822 г. Изд. Свиньина Часть X. стран. 99.

300. Энциклоп. Лексиконъ. Изд. Плюшара. Словарь достопамятн. людей Русск. земли. Часть I. стран. 28.

301. С.-Петербургск. Вѣдомости 1855 г. № 63.

302. Энциклоп. Лексик. Словарь достопамятн. люд. Русск. земли Часть I. стран. 86. Словарь Русскихъ свѣтск. Писат. Том. I. стран. 35.

303. Изъ многочисленныхъ твореній *Березовскаго* сохранились слѣдующія, четырехголосныя: a) полная литургія b) *Хвалите Господа съ небесъ*, въ трехъ номерахъ. c) *Творяй ангелы своя духи.* d) *Въ память вѣчную.* e) *Чашу спасенія пріму.* f) *Во всю землю изыде.* g) *Знаменася на насъ.* h) *Радуйтеся праведніи.* i) *Блажени, яже избра.* Все это, такъ называемые, причастны. Концерты же его суть:

a) *Тебе Бога хвалимъ.* b) *Не отвержи мене во время старости.* c) *Слава въ вышнихъ Богу.* d) *Вси языцы восплещите руками* — два номера. e) *Пріидите и видите дѣла Божія.* f) *Отрыгну сердце мое.* g) *Милость и судъ воспою.* h) *Богъ ста въ сонмѣ боговъ.* i) *Не имамы иныя помощи.* Двухорные: *Вкусите и видите* — причастенъ: *Внемлите, людіе мои* и осмиголосный концертъ: *Не отвержи мене во время старости.*

304. Исторія Росс. іерархіи Часть V. стран. 639.

305. Тамже Часть I. стран. 150. Часть VI. Том. II. стран. 815.

306. Тамже Часть I. стран. 570

307. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Том. I. стран. 144. Частнѣйшія свѣдѣнія о *Голеневскомъ* сообщены мнѣ еще въ 1836 году престарѣлымъ мѣщаниномъ *Середою*, который однакожъ по преданію лишь восхищался пѣніемъ *Голеня* (такъ называлъ его) и утверждалъ, что Ведель только подражалъ ему.

308. Словарь достопамят. людей Русск. земли Часть II. стран. 456.

309. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 173. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива.

310. Всѣ эти свѣдѣнія сообщены мнѣ кіевскими старожилами, у которыхъ и въ санѣ протоіерейскомъ и на прославленной имъ каѳедрѣ проповѣдничества *Леванда* все слылъ подъ именемъ *Сикачки.*

311. Въ собраніи словъ и рѣчей *Леванды* первое относится къ 12 февраля 1761 года.

312. Слова и рѣчи Леванды Част. III. стран. 197.

213. Тоже изъ преданій старожиловъ.

314. *Иванъ Васильевичъ Леванда* погребенъ въ Софійскомъ Соборѣ въ придѣлѣ Благовѣщенскомъ въ углу при южной сѣнѣ.

315. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ доселѣ остаются не напечатанными. Изданныя же въ трехъ томахъ въ С.-Петербургѣ 1821 года въ типографіи Императорскаго театра очень неисправны. »Издатель, говоритъ митрополитъ Евгеній, не имѣлъ вѣрнаго и полнаго списка, и потому не достаетъ и въ семъ изданіи весьма многихъ поученій и рѣчей, а находящіяся въ ономъ во многомъ несходны съ подлинниками сочинителя, а еще неисправнѣе напечатаны. Есть еще собраніе его писемъ разнаго содержанія, готовыхъ уже къ изданію«: но

къ крайнему сожалѣнію, доселѣ еще не изданныхъ. Словарь Историч. Часть I. стран. 289.

316. Акты Кіевск. Акад. Том. II.

317. Исторія Росс. іерархіи. Часть V. стран. 839. Часть VI. Том. II. стран. 905.

318. *Θеодосій Голосницкій* самъ былъ воспитанникомъ Кіевской Академіи. Въ 1761 году онъ былъ хиротонисанъ изъ архимандритовъ Псковскаго Святогорскаго монастыря въ епископа Великоустюжскаго, а 1766 переведенъ въ Тамбовъ, гдѣ и скончался 23 декабря 1786 года. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стр. 207.

319. Въ томъ же 1779 году, по ходатайству Θеодосія, положено было на тамбовскую семинарію жалованья по 2,000 р. Тамже стран. 450.

320. Акты Кіевской Академіи.

321. Исторія Росс. іерарх. Часть I. стран. 157, 452. Часть II. стран. 380. Часть V. стран. 179. Часть VI. Том. II. стран. 906.

322. Тамже Часть I. стран. 216, 624, 625. Часть VI. Томъ II. стран. 820.

323. Тамже Часть I. стран. 628, 630. Часть V. стран. 89.

324. Тамже Часть I. стран. 155, 156, 212. Исторія Русс. Церкви Синод. Управл. стран. 110.

325. Акты Кіевск. Акад. Том. III. Изъ дѣлъ Лаврскаго Архива и надгробной надписи, находящейся въ Кіевопечерской Лаврѣ съ правой наружной стороны великой Успенской церкви.

326. Сочиненіе *Тихорскаго* называется такъ: Dissertatio pathologico-medica inauguralis de vera s. proxima causa Podagrae. Оно въ томъ же году было напечатано въ Лейденѣ.

327. Словарь Русскихъ свѣтск. писателей Том. II. стран. 209.

328. Рѣчь эта напечатана въ Зеркалѣ свѣта *№* 71 стран. 343

329. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 169 издан. 1827 г. и изъ записокъ священника *Ивана Евсевскаго*.

330. Акты Кіевск. Акад. Том. III. *№* 36.

331. Легенда эта послужила сюжетомъ для одной изъ Украинскихъ мелодій Н. *Маркевича*. Издан. 1831 г. стран. 31. Очевидно, что эта легенда есть композиція тѣхъ же невѣждъ, которые постоянно оказывали нерасположенность свою къ училищу.

332. Изъ указа 1785 года видно, что Коммиссія, долженствовавшая начать свои дѣйствія въ іюнѣ 1755 года, не была еще составлена и въ 1785 году.

333. *Анатолій* тамъ и скончался 2 февраля 1775 года.

334. *Серафимъ Анинъ* умеръ 7 декабря 1779 года въ томъ же Лубенскомъ монастырѣ.

335. Въ 1788 году во время войны съ Шведами, *Никодимъ* испросилъ себѣ отъ Императрицы дозволеніе быть главнымъ начальникомъ духовенства Русскаго сѣвернаго флота, и во время одного сраженія получилъ смертельную рану, отъ которой и скончался.

336. По этому раздѣлу 1773 года получили:

Ректоръ и профессоръ богословія	50 р.	
Префектъ и профессоръ философіи	41 р.	33 к.
Учитель реторики и нѣмецкаго языка	21 р.	67 к.
Учитель піитики	16 р.	
Учитель синтаксимы и инфимы	15 р.	
Учитель граматики и аналогіи	25 р.	
Учитель польскаго языка и ариѳметики	12 р.	50 к.
Учитель еврейскаго и греческаго языковъ	37 р.	
Учитель французскаго языка	15 р.	
За великую инструкцію	7 р.	
За малую инструкцію	5 р.	
И того	245 р.	40 к.

337. Въ 1773 году сборъ этотъ простирался до 6,231 р. съ копѣйками.

338. Въ представленіи св. Синоду съ точностію обозначены и количество тогдашнихъ училищно-монастырскихъ доходовъ и мѣра участія въ нихъ наставниковъ. Изъ этого отчета видно, что въ 1772 и 1773 годахъ Кіевобратское училище имѣло доходовъ: 1,344 двойницъ и двѣ четвертки хлѣба да 4,363 рубля и 30 коп. деньгами.

339. Письмо это приведено нами въ біографіи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго см. стран. 186.

340. Акты Кіевск. Акад. Томъ III. № 31.

341. Тамже № 40.

342. Академія 1777 года положила въ Сохранную Казну 10,000:

1778 — 22,000: въ іюлѣ того же года 2,000; въ сентябрѣ столько же, и въ 1779 году 10,000.

343. Деньги эти, по размѣнѣ въ 1814 году на ассигнаціи, равнялись уже 228,441 рублю. (Каждый рубль сер. былъ размѣненъ на три рубля 91 коп. ассигн.).

344. Копія съ обширной рукописи неизвѣстнаго очевидца имѣется у меня. *Авторъ.*

345. Здѣсь не достаетъ описанія Тріумфальныхъ воротъ: въ подлинникѣ оставлено пустое мѣсто.

346. Государыня Марія Ѳеодоровна въ этотъ разъ изволила пожаловать въ Лавру для украшенія церкви Печерской икону въ четверть листа въ драгоцѣнномъ окладѣ въ бриліантахъ и дорогихъ каменьяхъ, изображающую Христа Спасителя, изцѣляющаго больнаго. Напутственную рѣчь Ихъ Высочествамъ говорилъ типографъ и проповѣдникъ лаврскій *Ѳеофанъ*.

347. Любопытна замѣтка современнаго лѣтописца о пребываніи въ эту пору въ Васильковѣ Павла Петровича. »Въ Васильковъ пріѣхали »въ пятомъ часу по полудни. Тамъ Его Высочество прохаживаясь въ »въ оном городку и отлучась одинъ съ придворнымъ лакеемъ взошелъ »въ одинъ убогій домишокъ, гдѣ церковный паламаръ (пономарь) жи»ветъ, изволилъ тому паламару сказать: »поведи-де мене къ самимъ »бѣднымъ у васъ живущимъ людямъ«. Паламаръ, вѣдая своихъ убогшихъ »людей, къ нимъ и повелъ, и первого мужичка застали хижину свою »накрывающаго соломою, котораго Его Высочество изволилъ спросить: »чій онъ подданный? — отвѣтствовалъ: Печерского монастыря. »Хорошо »ли вамъ жить? — отвѣтствовалъ: добре, пане. И сему пожаловалъ им»періала. Отсюду къ другому мужику, и сему пожаловалъ полъимпериала. »Назадъ воротясь, изволилъ зайти опять къ паламару, которому пожа»ловалъ имперіала. На выѣздѣ изъ Василькова старой отставной солдатъ »купилъ на базарѣ на двѣ копейки ржаной хлебъ и ступку соли, под»несъ Ихъ Высочествамъ на пути уже ѣхавшимъ, за что оному сол»дату пожаловали имперіала«.

348. Подлинникъ, написанный старинным почеркомъ, скрѣпленъ подписью какого-то *Никиты Яковлевича Старова;* а между тѣмъ нѣкоторые утверждаютъ, что эта рукопись принадлежитъ бургомистру *Димитрію Александровичу*. Судя по подробностямъ, которыхъ здѣсь много

выпущено и по ближайшему знанію всѣхъ обстоятельствъ этого событія, сказаніе это скорѣе можно и должно приписать *Александрáвичу*, а не *Старову*, который, вѣроятно, былъ только переписчикомъ.

349. Полное Собр. Законовъ № 10,216.

350. Подробности о переходѣ *Антонскаго* по степенямъ училищной службы можно видѣть въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ московскаго университета Часть I. стран. 13 и 14. Изъ этого же Словаря заимствована и предлагаемая біографическая статья.

351. Тамже Часть I. стран. 39—42. Словарь Русск. свѣтск. писат. Томъ I. стран. 6. Изъ сочиненій *Аршеневскаго* напечатаны два торжественныя слова, говоренныя имъ въ публичныхъ собраніяхъ Московскаго Университета: 1) *О началѣ связи и взаимномъ пособіи математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ* (1794 г.). 2) *О связи чистой математики съ физикою* (1808 г.).

352. Энциклоп. Лексиконъ изд. Плюшара. Словарь Русскихъ свѣт. писат. Томъ I. стран. 25. Тамже изчислены всѣ его сочиненія и переводы.

353. Акты Кіевск. Акад. Томъ III. № 41.

354. О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ стран. 189 и 190.

355. Исторія Росс. Іерархіи Часть VI. Том. II стран. 821.

356. Тамже Часть IV. стран. 285. Христ. Чт. 1854 г. Часть II. стран. 79.

357. Описаніе Кіевософ. собора стран. 232.

358. *Лебединскій* перевелъ и дополнилъ книги: *Нетленная пища* и *Приточникъ Евангельскій*, изъ коихъ первая имѣла два изданія. Словарь Историч. Часть II. стран. 208.

359. Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 212.

360. Акты Кіевск. Акад. Томъ III. № 41.

361. *Панкевичъ* въ своей диссертаціи разсмотрѣлъ вопросъ: De praecipuis machinis hydraulicis, quibus elasticorum ferventis aquae vaporum ponderisque athmospherae ope, a qua ad insignem altitudinem elevari potest. Все это объяснено надлежащими чертежами. Кромѣ этого напечатаны еще двѣ рѣчи его по случаю торжественныхъ собраній университета.

362. Біографіи проф. Моск. Универс. Часть II. стран. 202—208.

363. Тамже стран. 435 и дал. Словарь Русскихъ свѣтск. писат. Томъ II. стран. 174. Тамже изчислены сочиненія и переводы его.

364. Акты Кіевск. Акад.

365. Тамже.

366. Исторія Росс. іерархіи Часть V. стран. 427. Часть VI. Том. I стран. 189. Том. II стран. 914.

367. Слышалъ отъ В. И. Л—ба и Н. Л. М—ого.

368. См. Опытъ біографіи Н. В. Гоголя стран. 10.

369. Словарь достопамятн. людей Русск. земли Часть V. стран. 150—156.

370. Акты Кіевск. Акад. Истор. Росс. іерархіи Часть I. стран. 165.

371. Замѣчательно, что почти всякій изъ воспитанниковъ *Фальковскаго* непремѣнно отличный знатокъ математики.

372. Напечатанныя сочиненія *Фальковскаго* суть слѣдующія: 1) Christianae Orthodoxae Dogmatico-polemicae Theologiae Compendium. 2) Толкованіе на посланія св. Апостола Павла къ Римлянамъ и Галатамъ. 3) Сокращеніе церковной хронологіи. 4) Два Календаря съ историческими статьями. Рукописи его хранятся частію въ Библіотекѣ Софійскаго собора, частію въ Лаврѣ, а частію въ монастырѣ Михайловскомъ.

373. Словарь Историч. Часть I. стран. 208 и далѣе.

374. Тамже Часть II. стран. 75.

375. Москвитянинъ 1855 г.

376. Полн. Собран. законовъ Томъ XLIV стран. 190.

377. Показанный годъ рожденія Самуила Мисловскаго значится въ подписи, находящейся на портретѣ его, хранимомъ въ Софійскомъ соборѣ. Въ рукописи же, составленной 1803, года говорится, что онъ родился въ 1727 году. Первое гораздо вѣрнѣе.

378. Панагія эта донынѣ хранится въ ризницѣ Кіевософійскаго собора.

379. Въ послѣдствіи *Сигиревичъ* былъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіевософійскаго собора, вторымъ послѣ Леванды, имѣлъ камиланку, наперсный крестъ, орденъ св Анны 2 степ. и право употреблять при служеніи митру; скончался 11 генваря 1824 года.

380. Въ Исторіи Кіевской Академіи на стран. 129 представлено росписаніе, какимъ образомъ часы въ Академіи распредѣлены, взятое

будтобы изъ Инструкціи Самуила Мирославскаго. Имѣвъ въ рукахъ самый подлинникъ, считаю нужнымъ объяснить, 1) что это росписаніе отнюдь не есть какая либо инструкція, а просто замѣтка ученика, сдѣланная имъ себѣ для того, чтобъ знать, какой классъ за какимъ слѣдуетъ и 2) оно относится не къ эпохѣ Мирославскаго, а къ эпохѣ Щербацкаго или по крайней мѣрѣ Могилянскаго: ибо состоитъ въ явномъ противорѣчіи съ распоряженіями митрополита Самуила.

381. Прибавлено жалованья:

Учителю исторіи, географіи и польскаго языка Семигиновскому – – – – – – – – – – – – – – – – – – 50 р.

Учителю французскаго языка *Форенелю* полнаго жалованья 400 р

Учителю нѣмецкаго языка – – – – – – – – – – 60 р.

Учителю математики *Брульону* годоваго жалованья- – 200 р.

382. Такіе отзывы просвѣщеннѣйшаго министра о воспитанникахъ какъ будто немного несогласны съ тѣмъ аподиктически высказываемымъ положеніемъ, какое мы находимъ въ Исторіи Русской Церкви (Синод. Управл. стран. 50) якобы »Московская Академія съ половины XVIII вѣка »по успѣхамъ своимъ стояла уже выше Кіевской«, положеніемъ, которое повторяетъ и авторъ Исторіи Кіевской Академіи (стран. 170) и авторъ Исторіи Московской славяно-греко-латинской Академіи (стран. 191). Факты—великая вещь!..

383 Полное собр. Закон. Томъ XXII. № 16,375.

384. За всѣ эти свѣдѣнія я обязанъ благодарностію старшему учителю нѣжинской гимназіи *П. И. Евсевскому*, который заимствовалъ ихъ изъ рукописныхъ замѣтокъ роднаго дѣда своего протоіерея Стефана Гречины, родившагося 1738, а умершаго 1812 года 20 генваря.

385. Иностранцу и архимандриты показались архіепископами.

386. Письма и мысли Принца де Линь Часть I. стран. 75—77.

387. Фундаментомъ для дворца служило нынѣшнее зданіе Минеральныхъ водъ.

388. Князь Потемкинъ въ это время останавливался въ Лаврѣ.

389. Тотчасъ по пріѣздѣ Императрицы въ Кіевъ, тогдашняя полиція распорядилась, чтобы жители сидѣли смирно по домамъ и не смѣли собираться передъ дворцемъ или во время выѣздовъ Государыни. Замѣтивъ пустоту на улицахъ, Она, какъ говорятъ, сказала: »вѣрно, здѣшній »народъ меня не любитъ, что я не вижу его предъ собою«. Къ счастію,

кто-то изъ приближенныхъ доложилъ Императрицѣ. настоящую причину этого. Государыня сдѣлала строгій выговоръ полиціи и послѣ сего народъ уже всюду провожалъ ее несмѣтными толпами.

390. Вѣсу въ этой лампадѣ, кромѣ кисти, 6 фунтовъ, 12 золотниковъ.

391. Серебра въ паникадилѣ 7 пудовъ и 33 фунта съ нѣсколькими золотниками.

392. Полн. собр. Закон. Томъ XXII. № 16,517.

393. Зеркало свѣта № 87. стран. 561.

394. Современное стихотвореніе. См. Зеркало свѣта № 80. стр. 474.

395. Письма и мысли принца де Линь Част. I стран. 77.

396. Зеркало свѣта № 74. стран. 355.

397. Тамже № 71. стран. 344.

398. Письма и мысли принца де Линь. Часть I. стран. 79, 84.

399. Всѣ подробности этого достопамятнаго событія сообщены мнѣ письменно почтеннѣйшимъ о. протоіереемъ Кіевоподольскаго Успенскаго собора *Петромъ Максимовичемъ*, который былъ очевидцемъ всему этому.

400. О древнихъ правахъ и преимуществахъ малороссійскаго духовенства находится полнѣйшее и превосходнѣйшее сказаніе въ Описаніи Кіевософ. собора стран. 242—267.

401. Полное собр. Закон. Томъ XXII. № 16,374.

402. Впрочемъ Кіевопечерская Лавра имѣла крестьянъ и въ другихъ губерніяхъ.

403. Полное собр. Законовъ Томъ XXII. № 16,375.

404. Всѣ эти пункты означены въ Инструкціи, данной по указу св. Синода, митрополиту Самуилу отъ 4 іюля 1785 года.

405. Все это прописано въ синодальномъ указѣ митрополиту Самуилу отъ 31 мая и другихъ указахъ 1789 года.

406. Одинъ братъ Потоцкій сочинялъ и защищалъ конституцію, а другой былъ непримиримымъ врагомъ ея. Слѣдствіемъ этого была такъ называемая Тарговицкая конфедерація, вышедшая на кровавую борьбу съ ненавистной конституціей.

407. Слова и рѣчи I. Леванды Томъ III. стран. 9.

408. Стихотвореніе Рубана имѣется въ Библіотекѣ Академической.

409. См. Энциклопед. Лексиконъ Плюшара и Біографіи профессс. Моск. Универс. Часть I. стран. 4. Также изчислены и сочиненія *Андріевскаго.*

410. Она пожертвована мною Кіевской Академіи и хранится нынѣ въ тамошней библіотекѣ.

411. *Ведель* доказывалъ, что тріо въ этомъ случаѣ было прямымъ нарушеніемъ церковнаго устава, гдѣ ясно сказано, что пѣвецъ поетъ *одинъ*, а квартетъ допускается только въ хорахъ.

412 Двѣ любимѣйшихъ пѣсни *Веделя*, изъ которыхъ одна, напечатанная однакожъ не вполнѣ, принадлежитъ Г. С. Сковородѣ, помѣщены мною въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1854 г. № 10 стран. 65.

413. Концерты *Веделя* для четырехъ голосовъ суть слѣдующіе: a) *Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу.* b) *Спаси мя, Боже, яко внидоша воды,* c) *Доколѣ, Господи, забудеши мя,* d) *Пою Богу моему, дондеже есмь* e) *Блаженъ разумѣваяй на нища и убога.* f) *Помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь.* g) *Воскресни, Господи, да судятся языцы предъ тобою.* h) *Услыши, Господи, гласъ мой.* i) *Боже, законопреступницы возсташа на мя* и k) *ко Господу внегда скорбѣти ми.*

414. Всѣ біографическія свѣдѣнія собраны мною изъ разсказовъ старожиловъ кіевскихъ, знавшихъ *Веделя* лично и заимствованы изъ рукописи, сообщенной мнѣ въ 1843 году іеромонахомъ Кіевопечерской Лавры *Варлаамомъ*, который подписался »пѣвчимъ и ученикомъ *Веделя Василіемъ Зубовскимъ*«.

415. Акты Кіевск. Акад. Том. III.

416. Также. Описан. Кіевософ. Собора стран. 233. Истор. Росс. іерарх. Часть VI. стран. 93.

417. Біографическія свѣдѣнія о *Подолинскомъ* заимствованы изъ послужнаго его списка. Отецъ *Подолинскаго*, бывшій изъ дворянскаго сословія, служилъ священникомъ въ с. Зязимьи, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

418. Извлечено изъ сочиненія В. Савостьянова: *Жизнь преосвящ. Антонія, архіепископа Воронежскаго и Задонскаго.* С.-Петербургъ. 1852 г.

419. Авторъ Исторіи Кіевской Академіи относитъ Іероѳея Малицкаго къ числу воспитанниковъ кіевскихъ (стран. 173). Это напра-

сно. Въ этомъ случаѣ мы больше соглашаемся вѣрить митрополиту Евгенію. См. Описан. Кіевософ. Собора стран. 278.

420. Слова и рѣчи Леванды. Часть III. стран. 13.

421. Такихъ стихотвореній поднесено было воспитанниками Академіи *сорокъ четыре*, изъ коихъ есть нѣсколько на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Всѣ онѣ напечатаны въ типографіи Академіи Кіевской при Кіевопечерской Лаврѣ.

422. Полное Собр. Закон. Том. XXIV. № 17,594.

423. Тамже № 18,142.

424. Тамже № 18,166.

425. О всемъ этомъ пространно изложено въ Описаніи Кіевософ. Собора стран. 281—283.

426. Слова и рѣчи Леванды. Часть III. стран. 40.

427. Акты Кіевск. Акад. Том. III. № 112.

428. Исторія Русс. Философіи архим. Гавріила стран. 98.

429. Сообщено роднымъ братомъ его, протоіереемъ П. Г. Визерскимъ.

430 Изъ послужнаго списка.

431. Біографіи проф. Моск. Универс. Часть I. стран. 286 и Акты Кіевск. Акад. Тамже изчислены и сочиненія его.

432. Въ одномъ изъ Академическихъ Сборниковъ помѣщено много печатныхъ его стихотвореній въ честь митрополита Іероѳея.

433. Біограф. професс. Моск. Университ. Часть II. стран. 350.

434. Тамже стран. 486—514.

435. Подлинная Инструкція экономy *Вавилѣ* хранится въ Актахъ Кіевской Академіи Том. IV. № 1. По сдачѣ ему академической кассы, оказалось въ наличности: a) штатной суммы 2,818 руб. 5 коп. b) процентной 12,444 р. 25 к. и въ долгахъ c) въ продажѣ книгъ 1,368 р. 6 к. d) отправленныхъ въ Москву къ Бантышъ-Каменскому 204 р. e) на кіевскомъ городовомъ Магистратѣ 8,000 руб.

436. Такъ назывался правитель Канцеляріи Академическаго Правленія.

437. *Масловскій* тоже воспитанникъ здѣшняго училища, окончившій образованіе въ Московской медико-хирургической Академіи.

438. Акты Кіевск. Акад. Том. IV. № 7.

439. Инструкція эта дана Академической Бурсы учителю *Соколовскому Каллистрату.*

440. Инструкція эта дана студенту богословія и инспектору приходовъ Воздвиженскаго, Василіевскаго и Притиско-Николаевскаго *Михаилу Волюховичу.*

441. Въ педагогическое училище поступили: *Новицкій Василій*, протоіерейскій сынъ; *Воронковъ Николай* изъ дворянъ, *Малецкій Иванъ, Кульматицкій Иванъ, Шаргородскій Даніилъ, Козачковскій Ананія, Петрушевскій Ѳома, Левандовскій Прокопій, Гурскій Антонъ*— священническія дѣти; *Дичинскій Филиппъ*—изъ мѣщанъ.

442. Поступили въ Медицину священническія дѣти: *Карпинскій Василій, Сингалевичъ Яковъ* и *Швабичъ Андрей.*

443. Слова и рѣчи І. Леванды Часть ІІІ. стран. 79.

444. Описаніе Кіевософ. Собора стран. 287.

445. Полное біографическое извѣстіе о митрополитѣ Серапіонѣ см. въ Описаніи Кіевософ. Собора стран. 288.

446. Повышены: *Іоанникій*, іеромонахъ, въ преподаватели поэзіи, *Серафимъ*, іеромонахъ, учителемъ высшаго класса латинской граматики; *Соколовскій Каллистратъ* учителемъ средняго класса. Вновь опредѣлены: учителемъ перваго россійскаго класса, діаконъ Андреевской церкви, *Чапскій Иванъ* и учителемъ втораго россійскаго класса, студентъ богословія, *Галинскій Аванасій;* удаленъ учитель третьяго россійскаго класса, іеромонахъ *Ѳеодосій*, за небреженіе къ своей должности.

447. Акты Кіевск. Академіи Том. IV. *№* 16.

448. Таиже *№* 17.

449. *Должность ректора.* 1) Ректору ввѣряется правленіе всей Академіей по всѣмъ ея частямъ, и получать ему непосредственно о всѣхъ распоряженіяхъ важныхъ и нужныхъ и по намѣреніямъ благоизобрѣтеній повелѣнія отъ архипастыря. 2) Онъ же по воскреснымъ днямъ имѣетъ изъяснять Апостольскія посланія. 3) По учебнымъ предметамъ имѣть ему всевозможное стараніе, чтобы учители, занимающіеся оными, рачительно исполняли свою должность, и къ поступленію въ оную вновь избирать съ испытаніемъ и представлять на архипастырское утвержденіе самыхъ способнѣйшихъ и преимущественно успѣвшихъ въ проповѣданіи слова Божія, въ латинскомъ языкѣ и въ другихъ предметахъ, къ преподаванію которыхъ избираются. 4) Всѣ учители должны пода-

вать ему, равно какъ и прочими академическими должностями занятые ежемѣсячные о сихъ предметахъ рапорты. 5) Всѣ академическія распоряженія, производимыя съ доклада архипастырскаго и съ утвержденныхъ имъ положеній, должны быть исполняемы за его ректора вѣдомствомъ и письменнымъ приказаніемъ. 6) Ходить, когда важность дѣла укажетъ, во всякое время и для вѣдѣнія порядковъ въ ученіи и во всемъ снабдѣніи питомцевъ, въ Бурсацкій академическій домъ и больницу по послѣдней мѣрѣ однажды въ каждую недѣлю. 7) Ходить еженедѣльно по классамъ, слушать лекціи и экзаменовать учениковъ такъ, чтобы въ двѣ недѣли обозрѣвалъ всѣ предметы и порядки преподаваемыхъ предметовъ и присутствовать всегда на мѣсячныхъ и полугодичныхъ экзаменахъ. 8) Поступающіе вновь въ Академію, какъ священническіе, такъ и разночинческіе дѣти должны принимаемы быть за разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ ректора. 9) Учители во всѣхъ своихъ надобностяхъ должны относиться къ ректору, и живущіе въ Академіи безъ вѣдома его никуда не отлучаться и самимъ собою ни жильевъ не занимать, ни къ себѣ никого не принимать, ни экипажей академическихъ не употреблять: но изъ города отпущать въ случаѣ надобности съ доклада архипастырю. 10) Въ случаѣ усмотрѣнія какихъ недостатковъ со стороны ученія и поведенія учителей всемѣрно ректору стараться оныя отдалять во первыхъ благоразумнымъ внушеніемъ и напоминаніемъ; во вторыхъ благопристойнымъ выговоромъ. Если же сіи средства не воздѣйствуютъ, не терпя никакихъ противныхъ благовоспитанію и успѣхамъ происхожденій, представлять архипастырю. 11) Студентовъ, замѣченныхъ въ небреженіи о своей должности или въ худомъ поведеніи, если они послѣ напоминаній учительскихъ и префектовскихъ не исправились, во первыхъ также наставленіями, а потомъ выговоромъ исправлять ему; буде же не воздѣйствуютъ таковыя и его внушенія, взыскивать указными истязаніями и штрафами, призывая въ Правленіе, и самыя взысканія записывать въ журналы; за не исправленіемъ же потомъ и послѣдняго наказанія имѣетъ быть представляемъ архипастырю къ исключенію таковаго изъ Академіи. 12) Ректоръ о благосостояніи Академіи словесно имѣетъ докладывать архипастырю два раза въ недѣлю, а о всѣхъ порядкахъ главные подавать рапорты каждый мѣсяцъ. 13) Особенный долгъ его есть смотрѣть, чтобы во всѣ посты студенты и ученики, такъ какъ и самые учители всенепремѣнно говѣли, и по исповѣди св.

таинъ пріобщались, и наблюдать, дабы въ сіе говѣнія время всѣ безъ изъятія ходили въ церковь Божію и стояли въ оной порядочно и благоговѣйно.

450. *Должность Префекта.* 1) Префекту со всякимъ раченіемъ надсматривать за учителями, суперъ-интендентами и всѣми исполняющими учительскія и економическія должности въ Академіи, стараться подробно знать о всемъ, что у нихъ ни происходитъ. 2) Имѣть въ виду ревность учителей въ преподаваніи классовъ, а студентовъ и учениковъ исправность хожденія въ оные, исправленіе своихъ должностей, и всѣхъ вообще благонравіе, благопристойное обращеніе, учтивство, человѣколюбіе, скромность, къ начальству покорность и послушаніе; а потому 3) какъ по собственному своему примѣчанію, такъ чрезъ учителей и надсматривателей стараться ему сколько возможно прозорливѣе знать учениковъ какъ успѣхи, такъ и поведеніе, и какъ въ классахъ, такъ и домашнее занятіе и обращеніе. 4) Стараться, чтобъ въ ученіи никакое не было упущеніе, а для сего какъ съ ректоромъ ходить въ классы для усмотрѣнія учащихъ и учащихся порядковъ, способностей и успѣховъ, такъ и самому коль можно чаще посѣщать классы. 5) Знать всегда о состояніи учителей, чтобы въ случаѣ главной какой вины и невозможности быть учителю въ классѣ, предварительно докладывать ректору, чтобы за вѣдомомъ и приказаніемъ ректора другой учитель или кандидатъ могъ за отсутствіемъ учителя исправить оную должность. 6) Во время свободы отъ ученія отпущать учениковъ духовнаго и свѣтскаго состоянія, и всѣмъ вообще, кто будетъ отпущенъ, давать билеты, и за возвращеніемъ и явкою ихъ оные отбирать, и мѣстопребываніе ихъ въ Академіи дѣлать распоряженіе и опредѣлять для оныхъ домашнихъ учителей. Но на казенномъ содержаніи находящихся никуда, а на своемъ какъ духовныхъ, такъ свѣтскихъ во время учебное, безъ вѣдома ректора, не отпущать. 7) Буде усмотритъ префектъ учителей или смотрителей въ должностяхъ или поступкахъ неисправными, таковымъ во первыхъ имѣетъ сдѣлать напоминаніе ихъ долга, а когда то не подѣйствуетъ, о таковыхъ представлять ректору. 8) Студентовъ, замѣченныхъ въ упущеніи своей должности или въ худомъ поведеніи исправлять наставленіями, потомъ выговорами, а въ случаѣ дальнѣйшей ихъ неисправности представлять ректору. 9) Смотрѣть, чтобы всѣ студенты и ученики всегда вообще довольствуемы были всемъ надлежа-

щимъ содержаніемъ, сколько можно исправно, имѣли по распоряженію опредѣленную выгодную пищу, надлежащее одѣяніе и бѣлье и наблюдали опрятность и чистоту какъ въ одѣяніи, такъ и въ жильѣ, и для того были бы завременныя всего нужнаго заготовленія, и въ чемъ надобность, о всемъ томъ представлять ректору. 10) Для присматриванія и вниканія съ крайнею тщательностію въ образованіе и содержаніе и поведеніе находящихся на казенномъ иждивеніи питомцевъ, ходить въ академическій бурсацкій домъ и въ больницу съ ректоромъ кромѣ самому еженедѣльно осматривать всѣ порядки. 11) О всемъ благосостояніи получать отъ смотрителей ежедневные словесные рапорты, а самъ имѣетъ, кромѣ другихъ произшествій, о семъ словесно рапортовать ректору три раза въ недѣлю. 12) Покупка всѣхъ вещей для Академіи съ вѣдома ректора должна быть производима подъ присмотромъ его – префекта, а потому, чтобы искупленное все принимаемо было самое лучшее, а худаго ничего бы не было, его особенному смотрѣнію препоручается. 13) Вся денежная академическая сумма въ его смотрѣніи и обереженіи состоять имѣетъ, но съ тѣмъ притомъ, чтобъ оная была хранима за его ключемъ и за печатью ректора, такъ что оба и ректоръ и префектъ за цѣлостію оныя отвѣтствовать обязаны.

451. Скончался 1852 года каѳедральнымъ протоіереемъ Каменецъ-подольскаго собора; имѣлъ камилавку, наперсный крестъ и орденъ Анны 3 степ. былъ присутствующимъ тамошней консисторіи и членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ.

452. *Сербжинскій* сдѣлался извѣстнымъ потомъ, какъ составитель книги: *Начальныя основанія Алгебры*, доселѣ остающейся въ употребленіи въ нашихъ духовныхъ училищахъ.

453. *Біантовскій Иванъ*, *Волошановскій Варѳоломей* и *Козловскій Михаилъ*.

454. *Гловацкій Василій*, *Петрушевскій Григорій*, *Сорокинъ Павелъ* и *Рыбчевскій Семенъ*.

455. *Зарудницкій Ѳедоръ*, *Базилевичъ Елевферій*, *Ефремовъ Иванъ*, *Охховскій Тимофей*, *Кондрацкій Лука* и *Яроцкій Яковъ*.

456. *Калинскій Іосифъ*, *Гулевскій Кириллъ* и *Княгницкій Иванъ*.

457. *Понятовскій Андрей* и *Крыжановскій Александръ*.

458. *Вайцеховскій Іосифъ*, *Гловацкій Иванъ*, *Волянскій Викторъ*, *Левандовскій Антонъ*, *Семперовичъ Андрей* и *Волошевичъ Василій*.

459. *Корбала Григорій, Сцислављскій Петръ, Мазюкевичъ Василій, Войцеховскій Иванъ* и *Семеновскій Димитрій.*

460. *Забудовичъ Матвей, Кондрацкій Семенъ, Левицкій Іоасафъ, Топачевскій Стефанъ* и *Щербацкій Іосифъ.*

461. Разумѣется пожаръ 1780 г.

462. Улей 1811 г. № VII. Часть II стран. 146.

463. Подробнѣе объ этомъ изложено мною въ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1854 г. № 4; стран. 23 и д.

464. Монахи Братскаго монастыря и учители до времени были помѣщены въ митрополитскомъ домѣ.

465. *Семенъ Ивановичъ Сѣшьницкій*, родомъ изъ дворянъ, по окончаніи курса въ Кіевской Академіи, былъ потомъ въ Московскомъ Университетѣ, и по выходѣ изъ училища несъ государственную службу въ Государственной Адмиралтействъ-Коллегіи до 1809 года. Акты Кіевск. Академіи Том. IV. № 34.

466. Тамже.

467. На этомъ балѣ, одна изъ дамъ, кажется, графиня Браницкая, просила у Государя позволенія взять одно перо изъ султана его шляпы. Когда получено было на это Высочайшее согласіе, то минуты черезъ двѣ не осталось у шляпы ни одного пера. *Сообщено И. И. Рушковскимъ, который былъ тогда секретаремъ Дворянскаго Депутатскаго Собранія.*

468. Въ память сего событія, Александръ I въ слѣдующемъ же году изволилъ прислать великолѣпную икону, отличнѣйшей живописи и осыпанную бриліантами и другими драгоцѣнными камнями, находящуюся нынѣ въ Кіево-михайловскомъ монастырѣ. »Образъ сей, сказано въ надписи,— святаго Архистратига Михаила Его Императорское Величе»ство, Государь Императоръ Александръ Павловичъ Высочайше соиз»волилъ принести въ даръ сему первокласному Кіевозлатоверхомихай»ловскому монастырю, который несенъ былъ торжественно изъ каѳе»дральнаго Кіевософійскаго Собора съ крестнымъ ходомъ его высоко»преосвященствомъ Серапіономъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, »священно-архимандритомъ Кіевопечерскія Лавры и разныхъ орденовъ »кавалеромъ, и по отправленіи благодарственнаго молебствія, вмѣстѣ съ »настоятелемъ сея обители, преосвященнымъ Иринеемъ, коадъюторомъ

»митрополіи Кіевскія, епископомъ Чигиринскимъ и Анны 1 степ. кавалеромъ на семъ мѣстѣ поставленъ. Апріля 29 дня 1817 года«.

469. Она помѣщалась тогда надъ нынѣшней теплой Братской церковію. Комната, въ которой была библіотека, недавно обращена въ верхній ярусъ храма.

470. Впрочемъ она осталась въ тѣхже самыхъ зданіяхъ, какія занимала и прежде; въ старомъ академическомъ корпусѣ были классы, а въ бурсѣ жили казеннокоштные воспитанники и находилась больница. Классы были размѣщены слѣдующимъ порядкомъ: тамъ гдѣ недавно была столовая, учредили классъ словесности; противоположная камера (№ 2), за уничтоженіемъ бывшаго тамъ класса поэзіи, обращена въ аудиторію для лингвистики. Въ среднихъ камерахъ (№№ 3 и 4), изъ коихъ въ первой помѣщался прежде Синтаксисъ, назначенъ для высшаго отдѣленія уѣзднаго училища, а вторая, гдѣ учили граматикѣ, занята нижнимъ греческимъ классомъ Въ двухъ крайнихъ камерахъ (№№ 5 и 6) изъ коихъ въ пятомъ въ давнее время была *Фара*, опредѣленъ для приходскаго класса, а въ шестомъ, гдѣ была прежде *Инфима*, учреждено Низшее уѣздное училище. Въ верхнемъ этажѣ этого корпуса помѣщались классы философіи и богословія. *Сообщено И. П. Максимовичемъ, орд. проф. Кіевской Академіи.*

471. Въ 1815 году куплено Академіей у протоіерея І. Леванды 570 книгъ; кромѣ того весьма много прибыло въ нее отъ другихъ лицъ, или воспитывавшихся нѣкогда въ Академіи или питавшихъ къ ней особенное уваженіе.

472. »Академія доставила Московскому Университету многихъ отличныхъ профессоровъ« — сказано въ жизнеописаніи Панкевича. См. Рѣчи професс. Моск. Универс. 1820 г. изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности.

473. См. эпиграфъ къ 1 части сего сочиненія.

474. Одна Московская славено-греко-латинская Академія, кромѣ изчисленныхъ нами знаменитыхъ лицъ, приносившихъ ей въ свое время силы и способности своего ума, имѣла слѣдующихъ учителей и проповѣдниковъ изъ воспитанниковъ Кіевскихъ. Эпохи митрополита Тукальскаго: *Прибыловичъ Стефанъ*, префектъ Московской Академіи; *Томиловичъ Іоасафъ* тоже. Эпохи Кроковскаго: *Грембецкій Гедеонъ*, префектъ; *Колпецкій Іеронимъ*, проповѣдникъ; *Виговскій Василій*, преподаватель

философіи; *Скалуба Давидъ*, учитель піитики; *Арежницкій Іосифъ*, учитель граматики; *Стацьёвичъ Адамъ*, учитель фары; *Рудзинскій Іустинъ*, учитель реторики. Эпохи Вонатовича: *Селецкій Викторъ*, проповѣдникъ; *Райковскій Діонисій*, тоже; *Хмарный Исаакій*, учитель синтаксимы; *Тыльовскій Паисій*, учитель граматики; *Илилевичъ Серапіонъ*, учитель инфимы; *Яновичъ Парѳеній*, учитель піитики; *Іосифовичъ Іеровей*, учитель граматики; *Шумскій Стефанъ*, учитель реторики; *Квѣтницкій Ѳеофилактъ*, учитель синтаксимы; *Конашевичъ Германъ*, учитель граматики; *Лещинскій Іона*, тоже; *Кувичинскій Антоній*, ректоръ. Эпохи Заборовскаго: *Данилевичъ Давидъ*, проповѣдникъ; *Русичевскій Іустъ*, тоже; *Шмигельскій Симеонъ*, тоже; *Борецкій Симеонъ*, тоже; *Завалевичъ Иларіонъ*, учитель піитики и проповѣдникъ; *Зеленскій Владиміръ*, проповѣдникъ; *Ясинскій Лаврентій*, тоже; *Сулима Ѳеофанъ*, сначала проповѣдникъ, а потомъ архимандритъ костромскаго монастыря; *Земинскій Софроній*, учитель реторики; *Рубчановскій Самуилъ*, учитель піитики; *Врубльовскій Іоиль*, учитель синтаксимы; *Бенклевскій Ѳеофилъ*, учитель граматики; *Григоровичъ Кириллъ*, учитель реторики. Эпохи Щербацкаго: *Борковскій Константинъ*, учитель реторики, потомъ архимандритъ въ Казани; *Щербацкій Георгій*, префектъ и наставникъ богословія; *Моисей*.... учитель греческаго и еврейскаго языковъ. Эпохи Могилянскаго: *Исаевичъ Савватій*, проповѣдникъ; *Сильвестръ*.... сначала учитель реторики и поэзіи, а потомъ проповѣдникъ; *Лавровскій Игнатій*, учитель граматики; *Ярошевскій Іоасафъ*, наставникъ философіи и проповѣдникъ; *Гловацкій Варлаамъ*, преподаватель философіи, и множество другихъ, имена которыхъ въ Исторіи Московской славено-греко-латинской Академіи г. *Смирнова* скрываются подъ скромными названіями »уроженцевъ Мало»россіи, постриженцевъ Кіевопечерской Лавры, Софійскаго или Братскаго »монастырей, а также выходцевъ изъ Кіева«. Казанская и С.-Петербургская Академіи, имѣвшія въ самомъ началѣ своего основанія ректоровъ, префектовъ и наставниковъ изъ воспитанниковъ Кіевскихъ, стали наконецъ довольствоваться или учителями, получаемыми ими изъ семинарій, образовавшихся подъ вліяніемъ сей же Академіи, или своими воспитанниками. Вообще, не смотря на тщательныя розысканія, нѣтъ никакой возможности указать *всѣхъ* знаменитыхъ лицъ іерархіи церковной и службы гражданственной, которые или первоначальнымъ, или окончательнымъ образованіемъ своимъ обязаны Кіевской Академіи. Съ грустію повторишь

слова историка С.-Петербургской Духовной Академіи: »къ сожалѣ»нію, у насъ нѣтъ доселѣ полной исторіи іерархіи, а біографіи по»лезныхъ отечеству лицъ изъ духовенства у насъ не вошли еще въ »обычай«. Христ. Чт. 1854 г. Часть II. стран. 92.

475. Оставляя въ сторонѣ жалкія нападки на Кіевскую Академію нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ, мы упомянемъ только объ одномъ, нѣкогда даже пользовавшемся короткое время ея уроками, издателѣ *Корифея, Галинковскомъ*. Произнося постыдныя хулы противъ принятаго ею метода воспитанія юношества, *Галинковскій* между прочимъ говоритъ: »Академія, при всей своей худой системѣ, производила великихъ пре»латовъ, знаменитыхъ ученыхъ: но она не вывела на сцену ни одного »великаго гражданина«. (Корифей 802 г. Часть I. стран. 149 и 150). А будто прелаты, или по православному, святители, не граждане нашего великаго отечества? А развѣ знаменитые ученые составляютъ что нибудь status in statu въ цѣлостномъ организмѣ государства? А Безбородко, Завадовскій, Бантышъ-Каменскіе, Трощинскій, Козицкій и другіе развѣ не великіе граждане, хоть бы даже и по понятію *Галинковскаго?* Впрочемъ, можетъ быть, авторъ Корифея подъ вліяніемъ европейскаго прогресса девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ понятіемъ о гражданахъ соединялъ что нибудь другое: тогда дѣйствительно, Кіевская Академія виновата: она не производила никогда и ничего похожаго на тѣхъ публицистовъ и мнимоученыхъ говоруновъ, отъ которыхъ страдало и страдаетъ благосостояніе государствъ и гражданскихъ обществъ. »Сей »методистъ, говоритъ преосвященный *Амвросій* о *Галинковскомъ*,—самъ »немного въ Кіевской Академіи учившійся, сердится на старинную но»нашескую систему ученія (дѣйствительно не похожую на новоходныя, »ежегодно почти перемѣняющіяся) и требуетъ, чтобы Академія сія во»спитала правдивыхъ законовѣдцевъ, добрыхъ судей, хорошихъ полко»водцевъ,—можно бы прибавить еще: купцовъ, промышленниковъ, ре»месленниковъ и проч. и проч. Умствовать такимъ образомъ значитъ »не знать круга наукъ, приличныхъ каждому званію. Послѣ этого, про»должаетъ *Амвросій*, нельзя не удивиться антипатріотическому ли духу »или не менѣе того постыдному своего отечества незнанію нѣкоторыхъ »нашихъ писателей, изъ коихъ одинъ въ публичной рѣчи (см. Вѣстникъ »Европы 1807 г. Часть X. стран. 45), выговорилъ, что труды и жертвы »Конашевичей и Могилъ для отечества не приносятъ нынѣ плодовъ сво-

»ихъ, что насажденія ихъ не возродили между нами ни Кодровъ, ни »Леонидовъ, ни Фокіоновъ въ любви къ отечеству, ни Гомеровъ, ни »Димосфеновъ, ни Цицероновъ въ талантахъ, ни Невтоновъ ни Бюфо»новъ въ учености. Сей декламаторъ вѣрно не зналъ, что геніи не »обязаны бываютъ собою никакому училищу, или по крайней мѣрѣ не »зналъ, что Яворскіе, Прокоповичи, Конисскіе, Козицкіе и многіе другіе »геніи наши, въ живыхъ еще находящіеся, воспитывались въ Кіевской »Академіи«. (Исторія Росс. іерархіи Часть I. стран. 497 и 498). Пусть раздѣляющіе мнѣніе *Галинковскаго* припомнятъ еще себѣ и отзывъ митрополита Евгенія о семъ училищѣ, взятый нами эпиграфомъ къ сему сочиненію.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Іоасафъ Кроковскій.

1707—1718.

Кроковскій представленъ въ коадъюторы. Неуспѣхъ этого. Дѣйствія уніатовъ. Кончина Варлаама. Избраніе Кроковскаго въ митрополиты. Приготовленія къ пріему его въ Москвѣ. Отъѣздъ Кроковскаго. Посвященіе его въ митрополиты. Грамата царская. Встрѣча новаго митрополита. Замѣчательная картина. Измѣна и проклятіе Мазепы. Петръ I въ Кіевѣ. Моровая язва. Мощи св. великомуч. Варвары. Акаенстъ. Саранча. Буйство Орлика. Кіевъ въ опасности. Угнѣтеніе православныхъ. Постановленіе сейма. Грамата Скоропадскаго. Состояніе Академіи. Число воспитанниковъ въ 1715 г. Костюмъ тогдашняго студента. Ректоры Академіи. Вызовъ Кроковскаго въ Петербургъ и кончина его. Завѣщаніе. Администрація кіевской іерархіи. Пожаръ въ Лаврѣ. Моровая язва. Буйства уніатовъ. Повелѣніе избрать новаго митрополита. Неуспѣшность избранія . . . . . 5—24.

ГЛАВА II.

Варлаамъ Вонатовичъ.

1722—1730.

Посвященіе Варлаама. Его біографія. Упраздненіе коадъютора. Лже-епископъ. Администрація Кіева. Магистраты. Кіевская губернская канцелярія. Малороссійская коллегія. Внѣшнее состояніе Академіи. Универсалъ Скоропадскаго. Кончина Петра Великаго. Екатерина I и Меньшиковъ. Петръ II и его распоряженія касательно Ма-

лороссіи. Анна Іоанновна. Гетманъ Даніилъ Апостолъ. Канцелярія гетманскаго уряду. Вонатовичъ лишенъ святительскаго сана. Мнѣніе объ этомъ митрополита Евгенія. Мнѣніе Георгія Конисскаго. Сужденіе о томъ и другомъ. Освобожденіе Варлаама. Управленіе кіевской іерархіей по удаленіи Вонатовича. Академія бѣдствуетъ. Указъ 1728 г. Универсалъ гетмана Апостола. Состояніе наукъ въ кіевскомъ училищѣ. Ректоръ Иларіонъ Левицкій. Воспитанники сей эпохи: Барскій Василій. Богдановичъ-Любимскій Досиѳей. Вишневскій Гедеонъ. Волчанскій Іеронимъ. Волчанскій Іосифъ. Дубневичъ Амвросій. Горка Лаврентій. Горленко Іоасафъ. Григоровичъ Иларіонъ. Зертысъ-Каменскій Амвросій. Калиновскій Стефанъ. Козачинскій Михаилъ. Кондратовичъ Кириакъ. Конюскевичъ Павелъ. Концевичъ Германъ. Кременецкій Гавріилъ. Кроликъ Ѳеофилъ. Кулябка Сильвестръ. Левитскій Платонъ. Лескоронскій Сильвестръ. Литошевичъ Серапіонъ. Малиновскій Платонъ. Мацѣёвичъ Арсеній. Мигалевичъ Софроній. Могилянскій Арсеній. Неруновичъ Иннокентій. Петрункевичъ Платонъ. Святоша Іоанникій. Скаминцкій Варлаамъ. Сребницкій Никодимъ. Флоринскій Кириллъ. Хотунцевскій Іоасафъ. Щербацкій Тимофей. Яновскій Ѳеодосій. 27—74.

ГЛАВА III.

Рафаилъ Заборовскій.

1731—1747.

Нареченіе Рафаила архіепископомъ кіевскимъ. Пріѣздъ его въ Кіевъ. Состояніе Украйны. Академія, какъ предметъ его попеченій. Приходо-расходный отчетъ Академіи. Постройка бурсы. Обновленіе обветшалыхъ академическихъ зданій. Второй этажъ Мазепина корпуса. Картина, поднесенная отъ Академіи Рафаилу. Пріемъ заграничныхъ воспитанниковъ. Ломоносовъ въ Академіи. Причина скораго выбытія его отсюда. Правительство требуетъ переводчиковъ. Высылка студентовъ въ Смоленскъ. Письма Гедеона. Рафаилъ посылаетъ студентовъ за границу. Свидѣтельства. Паспорты. Нерасположенность войтовъ и магистрата кіевскаго къ Академіи. Причины этого. Кончина Императрицы Анны. Императрица Елисавета Петровна. Малороссійскіе депутаты. Грамата Елисаветы, пожалованная Академіи. Возвышеніе жалованья. Льготы Кіеву. Приготовленія къ прибытію Государыни въ Кіевъ. Распоряженія мѣстнаго начальства и письмо архимандрита Щербацкаго. Заготовленіе запасовъ и подводъ. Прибытіе Государыни въ Украйну. Императрица въ Кіевѣ. Встрѣча отъ Академіи. Встрѣча у тріумфальныхъ воротъ. Достопамятное слово Императрицы. Пребываніе ея въ Лаврѣ. Посѣщеніе китаевской пустыни. Схимникъ Досиѳей. Диспутъ въ Академіи въ Высочайшемъ присутствіи. Привѣтствіе отъ Академіи. Царскіе дары. Приношенія отъ Лавры. Пожертвованія Императрицы. Заложеніе Андреевской церкви. Просьба чиновъ и войска малороссійскаго. Проэктъ Рафаила о греческомъ училищѣ. Кончина Рафаила. Признательность Академіи. Ин-

струкція Рафаила. Духовный регламентъ. Наставники Академіи 1740, 1743 и 1746 г. Системы богословія и философіи. Учебники реторики и поэзіи. Преподаваніе языковъ. Число воспитанниковъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Андріевскій Гешадій. Аскаронскій Дамаскинъ. Блонницкій Іаковъ. Бродскій Константинъ. Вольховскій Аѳанасій. Игнатовичъ Ѳеофилъ. Илляшевичъ Антоній. Карпинскій Іакинѳъ. Козловичъ Іоаннъ. Комаровскій Ираклій. Конисскій Георгій. Ляшевецкій Кириллъ. Лящевскій Варлаамъ. Любарскій Варѳоломей. Миткевичъ Іоасафъ. Могилянскій Евстафій. Нащинскій Давидъ. Огинскій Гавріилъ. Сковорода Григорій. Сломинскій Гедеонъ. Слотвинскій Митрофанъ. Собковскій Парѳеній. Тодорскій Симонъ. Топольскій Аѳанасій. Фальковскій Веніаминъ. Чарнуцкій Ѳеофанъ. Щепинъ Константинъ. Ямницкій Іосифъ . . . . . 77—148.

ГЛАВА IV.

Тимоѳей Щербацкій.

1747—1757.

Избраніе Щербацкаго въ митрополиты. Настольная грамата. Предостереженіе митрополиту отъ раскольническихъ толковъ. Состояніе Малороссіи. Генеральная Войсковая Канцелярія. Гетманъ Разумовскій. Администрація Малороссіи. Администрація Кіева. Состояніе Академіи. Ректоръ Сильвестръ Лискоронскій. Удаленіе его отъ должности. Кротость Щербацкаго. Тяжебное дѣло о грунтахъ Берковецкихъ и Кленачскихъ. Академическіе и монастырскіе доходы. Распредѣленіе жалованной суммы. Содержаніе наставниковъ и ихъ доходы. Несогласія между академическими начальствующими. Споры ученой братіи съ монастырскою. Наставники Академіи сей эпохи. Грамата ректору Конисскому. Инструкція академическая. Отчетность учебная. Инструкція Конисскаго. Преподаваніе Закона Божія. Торжественность диспутовъ. Програма 1747 г. Инструкція для учениковъ, жившихъ по приходскимъ школамъ. Воспитанники изъ-за границы. Поступленіе студентовъ Академіи въ наставники училищъ. Замѣчаніе митрополита о преподаваніи богословія. Богословская система Конисскаго. Баумейстеръ. Введеніе его системы во всѣ духовныя училища. Французскій языкъ. Недостаточность Академіи, какъ универсальнаго училища. Основаніе московскаго университета. Невыгоды отъ ненмѣнія въ Кіевѣ типографіи. Разрѣшеніе на это св. Синода. Пожертвованія Щербацкаго. Поступленіе въ Академію вдовыхъ священниковъ. Постройка Братской колокольни. Просьба Щербацкаго объ увольненіи. Онъ переводится въ Москву. Составъ академическаго начальства. Характеръ Тимоѳея Щербацкаго. Воспитанники сей эпохи: Амбодикъ Несторъ. Бантышъ-Каменскій Николай. Бантышъ-Каменскій Иванъ. Братановскій Иринѣй. Завадовскій графъ Петръ. Золотницкій Владиміръ. Каллиграфъ Владиміръ. Козицкій Григорій. Кондратовичъ Иларіонъ. Мочульскій Ѳеоктистъ. Петровичъ Макарій. Рубанъ

Василій. Симоновскій Петръ. Сѣчкаревъ Лука. Флоринскій Авраамій. Формаковскій Іероним. Халчинскій Геннадій. Хмельницкій Иванъ. Цвѣтъ Николай. Шишковскій Іоаним. Якубовскій Тихонъ. Эминъ Ѳедоръ . . . . . 151—216.

ГЛАВА V.

Арсеній Могилянскій.

1757—1770.

Утвержденіе Арсенія митрополитомъ. Испрошеніе коадъютора. Ученое сословіе. Кончина ректора Академіи Манассіи Максимовича. Страшный ударъ грома. Избраніе ректора голосами. Утвержденіе Нащинскаго ректоромъ. Распоряженія его. Представленіе бурсацкаго сеніора. Проэктъ о постройкѣ бурсы. Просительная грамата. Пожертвованія на постройку бурсы. Постройка ея. Обновленіе и перекрышка академическихъ зданій. Новое назначеніе царскаго жалованья. Убожество бурсаковъ. Новый коадъюторъ. Требованіе академическихъ отчетовъ. Отчеты по богословію, по философіи, по реторикѣ, по синтаксимѣ, по грамматикѣ, по инфимѣ, по каѳедрѣ языка еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго. Образцы диспутовъ богословскаго и философскаго. Изученіе живыхъ языковъ. Состояніе языковъ древнихъ. Церковное краснорѣчіе. Студентская проповѣдь 1779 г. Нотное пѣніе и музыка. Академическіе пѣвческіе хоры. Постороннія занятія Академіи. Присяга Екатеринѣ II. Щедрость Арсенія. Заботливость его о будущности питомцевъ. Вдовые и женатые священнослужители въ Академіи. Требованіе студентовъ въ медицинскую Академію. Прибытіе въ Академію иностранцевъ. Тяжебное дѣло между Братскимъ и Софійскимъ монастырями. Измѣненія въ самомъ Кіевѣ. Кіевъ окончательно входитъ въ семью русскихъ городовъ. Кончина митрополита Арсенія. Ректоры, префекты, профессоры и учители Академіи. Число воспитанниковъ. Образчики списковъ ученическихъ. Базилевичъ Іовъ. Барановичъ Лаврентій. Безбородко князь Александръ Андреевичъ. Березовскій Максимъ. Борковскій Константинъ. Вольховскій Аѳанасій 2. Германовскій Исаія. Голеневскій Иванъ. Ильицкій Іосифъ. Колосовскій Аггей. Леванда Іоаннъ. Лехницкій Кассіанъ. Любарскій Платонъ. Никифоровичъ Іоанникій. Островскій Іоаннъ. Петровъ-Лавровскій Варлаамъ. Садковскій Викторъ. Синьковскій Варлаамъ. Слонцкій Ѳеофилактъ. Тихорскій Ѳома. Шіяновъ Ѳеофанъ. 219—294.

ГЛАВА VI.

Гавріилъ Кременецкій.

1770—1783.

Назначеніе Гавріила митрополитомъ. Моровая язва въ Кіевѣ. Училище распущено. Легенда. Прибытіе Гавріила въ Кіевъ. Снисходительность Екатерины II къ

католикамъ и уніатамъ. Комиссія для уравненія правъ вѣроисповѣданій. Неблагодарность католиковъ и уніатовъ. Изгоняемые священнослужители прибѣгаютъ въ Кіевъ. Восточные іерархи въ Малороссіи. Россійскіе епископы на покоѣ въ Кіевѣ. Гавріилъ старается объ увеличеніи академическихъ доходовъ. Раздѣлъ Высочайше жалованной суммы. Выдача денегъ Академіи изъ кошелькового сбора. Гавріилъ принимаетъ въ свое вѣдѣніе доходы монастыря и Академіи. Состояніе академической библіотеки. Пожертвованія. Отъѣздъ ректора Вербицкаго въ Петербургъ. Пожаръ 1775 года. Денежныя пожертвованія. Пожаръ 1780 года. Потери Академіи. Новыя пожертвованія въ ея библіотеку. Прибытіе въ Кіевъ Павла Петровича съ супругою. Приготовленія къ пріему ихъ. Пріемъ царственныхъ гостей. Посѣщеніе ими святыни Кіева. Ужинъ въ магистратѣ. Посѣщеніе Павломъ I Академіи. Отъѣздъ царственныхъ гостей. Кончина Гавріила. Академія въ упадкѣ. Воспитанники сей эпохи: Антонскій-Прокоповичъ Антоній. Аршеневскій Василій. Барсукъ-Моисеевъ Ѳома. Блонскій Іеронимъ. Грибовскій Софроній. Келембетъ Амвросій. Киждобрянскій Николай. Корчановъ Аѳанасій. Лебединскій Сильвестръ. Леонтовичъ Амфилохій. Мирославскій Варлаамъ. Панкевичъ Михаилъ. Сохацкій Павелъ. Ставицкій Анатолій. Ставицкій Иннокентій. Терешкевичъ Аполлосъ. Трощинскій Димитрій. Устимовичъ Димитрій. Фальковскій Ириней. Шпанскій Михаилъ. Ясиновскій Даніилъ . . . . . 297—334.

ГЛАВА VII.

Самуилъ Мирославскій.

1783—1796.

Учрежденіе кіевскаго намѣстничества. Гербъ города Кіева. Неустройство въ городѣ отъ его мѣстоположенія. Учрежденіе управы благочинія. Раздѣленіе Кіева на части и кварталы. Планъ города. Біографія митрополита Самуила. Прибытіе его въ Кіевъ. Раздача книгъ и денегъ студентамъ. Преобразованіе Академіи по гимназической програмѣ. Заботы Самуила о преподаваніи русскаго языка. Возвышеніе каѳедры русской словесности. Отправка студентовъ въ московскій университетъ. Назначеніе репетитора въ Бурсу. Заботы митрополита о языкахъ новѣйшихъ. Преподаватели-иностранцы. Посылка студентовъ за границу. Упраздненіе каѳедры французскаго языка. Французъ Брульонъ, преподаватель математики. Надзоръ за иностранными учителями. Высылка студентовъ въ виленскій университетъ. Преподаваніе польскаго языка. Иринеи Фальковскій, преподаватель математики. Классъ рисованія. Введеніе другихъ наукъ. Устройство библіотеки. Уничтоженіе сбора подаяній. Прибавка жалованья наставникамъ. Прибытіе въ Академію воспитанниковъ изъ-за границы. Отправка студентовъ въ медицинскія училища. Поступленіе академистовъ въ учители народныхъ училищъ. Отзывы графа Завадовскаго. Посту-

пленіе академистовъ въ гражданскую службу. Требованія отъ разныхъ лицъ на счетъ студентовъ. Упраздненіе Братскаго монастыря. Указъ о переводѣ Академіи. Скорбь ея. Прибытіе Екатерины II въ Кіевъ. Торжества по сему случаю. Дары Императрицы Лаврѣ. Ходатайство Самуила объ Академіи. Государыня посѣщаетъ Академію. Рѣчь ректора Варлаама. Милости Государыни. Увеселенія въ Кіевѣ. Прощальная рѣчь митрополита Самуила. Отъѣздъ Государыни. Приношенія частныхъ лицъ въ пользу Академіи. Обновленіе конгрегаціонной церкви. Поправка академическихъ службъ. Дѣло съ магистратомъ. Наставники Академіи. Преобразованіе кіевской епархіи въ штатное положеніе. Принятіе отъ Печерской Лавры и монастырей принадлежавшихъ имъ имѣній. Митрополиту присвояется званіе священноархимандрита Кіево-печерской Лавры. Состояніе церкви православной на юго-западѣ. Гоненія отъ католиковъ и уніатовъ на всѣхъ диссидентовъ. Послѣдній раздѣлъ Польша. Слѣдствія этого. Кончина митрополита Самуила. Извѣстнѣйшіе воспитанники сей эпохи: Андріевскій Иванъ. Ведель Артемій. Лагановскій Іакинѳъ. Писнячевскій Меѳодій. Подолинскій Иванъ. Смирницкій Антоній. . . . . 337—384.

ГЛАВА VIII.

Іероѳей Малицкій.

1796—1799.

Краткая біографія Іероѳея. 26 мая 1796 года. Кончина Екатерины II. Возвращеніе прежнихъ правъ Малороссіи. Контракты въ Кіевѣ. Заботы Павла I о православіи. Путешествіе его по ново-пріобрѣтеннымъ губерніямъ. Высочайшія распоряженія. Заботы Іероѳея объ Академіи. Содержаніе учителей. Внѣшнее состояніе училища. Возстановленіе Кіево-братскаго монастыря. Подтвержденіе о своевременномъ прибытіи студентовъ въ Академію. Учрежденіе академическаго правленія. Высылка студентовъ въ разныя училища. Открытіе въ Академіи новыхъ классовъ. Учебное росписаніе. Распорядокъ учебныхъ часовъ. Академія принимаетъ характеръ собственно духовнаго училища. Ректоры. Кончина митрополита Іероѳея. Характеръ его. Число воспитанниковъ Академіи. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Веллянскій Данилъ. Визерскій Іеронимъ. Галинскій Авксентій. Данилевскій Алексѣй. Ризенко Василій. Тимковскій Романъ . . . . . 387—412.

ГЛАВА IX.

Гавріилъ Банулеско.

1799—1803.

Біографія Гавріила. Устройство экономической части въ Академіи. Содержаніе студента. Распредѣленіе жалованья учителямъ. Прочіе хозяйственные расходы.

Введеніе въ Академію преподаванія врачебной науки. Открытіе класса котлаго пѣнія. Отчетъ Фальковскаго о внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи Академіи. Инструкція суперъ-интендентамъ. Инструкція инспекторская. Высылка студентовъ въ разныя училища. Отвытіе Гавріила . . . . . 415—444.

ГЛАВА X.

Серапіонъ Александровскій.

1803—1819.

Безпокойства отъ уніатовъ. Привытіе Серапіона. Увольненіе Фальковскаго. Перемѣны между наставниками Академіи. Нѣкоторыя распоряженія по училищу. Митрополитъ Платонъ въ Кіевѣ. Переписка его съ Серапіономъ о преобразованіи духовныхъ училищъ. Проэктъ Серапіона. Постройки въ Академіи. Награжденіе студентовъ книгами. Увеличеніе оклада академическаго. Пожертвованія частныхъ лицъ. Комплектъ наставниковъ Академіи. Закрытіе класса медицины. Высылка студентовъ въ разныя мѣста. Пожаръ 1811 года. Приношенія въ пользу погорѣвшаго училища. Обновленіе Академіи. Росписаніе жалованья. 1812 годъ. Студенты поступаютъ въ ополченіе. Учебный отчетъ Академіи за 1814 годъ. Выписка журналовъ и газетъ. Привытіе Александра I въ Кіевъ. Онъ посѣщаетъ Академію. Ода августѣйшему посѣтителю. Указъ 1817 года. Академія Кіевская обращена въ семинарію. Приведеніе въ порядокъ библіотеки. Требованіе списковъ о дѣтяхъ священно-церковно-служительскихъ. Проэктъ ректора Мелетія. Составъ преподавателей въ послѣднее время. Прежніе учители оставляютъ Академію. Общій взглядъ на исторію Кіевской Академіи . . . . . 447—491.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ ВОСПИТАННИКОВЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ПЕРВОМЪ И ВТОРОМЪ ТОМѢ СЕЙ КНИГИ.

	Ч.	Стр.
Амбодикъ Несторъ	II.	183
Андріевскій Геннадій	II.	113
Андріевскій Иванъ	II.	372
Антоній *(іеромонахъ)*	I.	215
Антонскій-Прокоповичъ Антонъ	II.	316
Аршеневскій Василій	II.	319
Аскаронскій Дамаскинъ	II.	114
Базилевичъ Іовъ	II.	269
Базилевичъ Іустинъ	I.	215
Бантышъ-Каменскій Иванъ	II.	190
Бантышъ-Каменскій Николай	II.	185
Барановичъ Лаврентій	II.	269
Барановичъ Лазарь	I.	162
Барскій Василій	II.	39
Барсукъ-Моисеевъ Ѳома	II.	319
Безбородко Александръ *(князь)*	II.	269
Березовскій Максимъ	II.	276
Берутовичъ Германъ	I.	293
Блонницкій Іаковъ	II.	114
Блонскій Іеронимъ	II.	320
Боболинскій Леонтій	I.	249
Богдановичъ-Любимскій Досиѳей	II.	44
Борковскій Константинъ	II.	279
Братановскій Ириней	II.	191
Бродскій Константинъ	II.	116
Бужинскій Гавріилъ	I.	293
Ведель Артемій	II.	373
Велланскій Даніилъ	II.	406
Визерскій Іеронимъ	II.	408
Вишневскій Гедеонъ	II.	45
Волатковскій Варнава	I.	294
Волчанскій Іеронимъ	II.	46
Волчанскій Іосифъ	II.	—
Волынскій Сильвестръ	I.	249
Вольховскій Аѳанасій I	II.	116
Вольховскій Аѳанасій II	II.	279
Галинскій Авксентій	II.	408
Галятовскій Іоаникій	I.	160
Германовскій Исаія	II.	280
Гизель Иннокентій	I.	158
Гловацкій Сильвестръ	I.	295
Голеневскій Иванъ	II.	280
Голенковскій Варлаамъ	I.	215
Головчичъ Сильвестръ	I.	211
Голосницкій Ѳеодосій	II.	288
Горка Лаврентій	II.	47

Горленко Іоасафъ – – – – II. 47
Грибовскій Софроній – – – II. 320
Григоровичъ Иларіонъ – – – II. 50
Гугуревичъ Ѳеодосій – – – I. 243
Данилевскій Алексѣй – – – II. 409
Дзикъ Мелетій – – – – – I. 210
Домецкій Гавріилъ – – – – I. 163
Дубневичъ Амвросій – – – II. 50
Жураковскій Иларіонъ – – – I. 295
Заборовскій Рафаилъ – – – I. 296
Завадовскій Петръ *(графъ)* – II. 191
Земка Тарасій – – – – – I. 102
Зертысъ-Каменскій Амвросій – II. 50
Золотницкій Владиміръ – – – II. 199
Игнатовичъ Ѳеофилъ – – – II. 116
Илляшевичъ Антоній – – – II. 117
Ильицкій Іосифъ – – – – II. 281
Іовлевичъ Игнатій – – – – I. 163
Калачинскій Прокопій – – – I. 291
Калиновскій Стефанъ – – – II. 53
Каллиграфъ Владиміръ – – – II. 199
Карпинскій Іакинеъ – – – II. 117
Карповичъ Леонтій – – – – I. 64
Келембетъ Аѳанасій – – – II. 321
Киждобрянскій Николай – – – II. —
Козачинскій Михаилъ – – – II. 54
Козицкій Григорій – – – – II. 200
Козловичъ Іоаннъ – – – – II. 118
Колосовскій Аггей – – – – II. 281
Комаровскій Ираклій – – – II. 118
Конашевичъ Лука – – – – I. 297
Кондратовичъ Иларіонъ – – – II. 202
Кондратовичъ Кириакъ – – – II. 57
Конисскій Георгій – – – – II. 118
Кононовичъ-Горбацкій Іосифъ – I. 158
Концевичъ Германъ – – – – II. 58
Конюскевичъ Павелъ – – – II. 59
Копыстенскій Захарія – – – I. 65
Корниловичъ Захарія – – – I. 215
Корчановъ Аѳанасій – – – – II. 322
Косовскій Варлаамъ – – – – I. 249
Коссовъ Сильвестръ – – – – I. 101
Крайскій Сильвестръ – – – I. 216
Краснопольскій Рафаилъ – – I. 250
Кременецкій Гавріилъ – – – II. 62
Кроковскій Іоасафъ – – – – I. 216
Кроликъ Ѳеофилъ – – – – II. 63
Кульчицкій Иннокентій *(святый)* I. 297
Кулябка Сильвестръ – – – – II. 63
Лагановскій Іакинеъ – – – – II. 379
Лазаревичъ Іосифъ – – – – I. 216
Литушевичъ Серапіонъ – – – II. 64
Лебединскій Сильвестръ – – II. 322
Леванда Іоаннъ – – – – – II. 282
Левитскій Платонъ – – – – II. 65
Лежайскій Иларіонъ – – – – I. 216
Леницкій Варлаамъ – – – – I. 300
Леонтовичъ Амфилохій – – – II. 323
Леонтовичъ Ѳеофанъ – – – I. 251
Лехницкій Кассіанъ – – – – II. 287
Лещинскій Филоѳей – – – – I. 217
Линцевскій Гервасій – – – – I. 301
Лопатинскій Ѳеофилактъ – – I. 301
Любарскій Варѳоломей – – – II. 126
Любарскій Платонъ – – – – II. 288
Ляскоронскій Сильвестръ – – II. 65
Ляшевецкій Кириллъ – – – II. 126
Лящевскій Варлаамъ – – – – II. 127
Максимовичъ Іоаннъ – – – – I. 212
Малиновскій Платонъ – – – II. 65
Мацѣёвичъ Арсеній – – – – II. 66
Мигалевичъ Софроній – – – II. 68
Мигура Иларіонъ – – – – – I. 304
Милославскій Аѳанасій – – – I. 218
Мирославскій Варлаамъ – – – II. 323
Миткевичъ Іоасафъ – – – – II. 127

Могилянскій Арсеній – – – II. 68
Могилянскій Евстафій – – – II. 128
Моравскій Павелъ – – – – I. 180
Мочульскій Θеоктистъ – – – II. 202
Нащинскій Давидъ – – – – II. 128
Неруновичъ Иннокентій – – – II. 69
Никифоровичъ Іоанникій – – – II. 288
Огинскій Гавріилъ – – – – II. 129
Одиновскій Антоній – – – – I. 218
Одорскій Гедеонъ – – – – I. 291
Оксеновичъ-Старушичъ Игнатій I. 158
Островскій Іоаннъ – – – – II. 290
Панкевичъ Михаилъ – – – – II. 323
Петровичъ Макарій – – – – II. 204
Петровъ-Лавровскій Варлаамъ – II. 290
Петрункевичъ Платонъ – – – II. 71
Писячевскій Меѳодій – – – II. 380
Плетенецкій Елисей – – – – I. 66
Поллузскій Пахомій – – – – I. 244
Подолинскій Иванъ – – – – II. 381
Поповскій Иннокентій – – – I. 292
Початскій Софроній – – – – I. 157
Прилуцкій Іероѳей – – – – I. 305
Прокоповичъ Θеофанъ I – – I. 211
Прокоповичъ Θеофанъ II – – I. 306
Пуцекъ-Григоровичъ Веніаминъ – I. 312
Радивиловскій Антоній – – – I. 164
Радышевскій Маркеллъ – – – I. 312
Ризенко Василій – – – – – II. 410
Рогалевскій Иларіонъ – – – I. 312
Рубанъ Василій – – – – – II. 204
Савеловъ Іоакимъ *(патріархъ)* I. 164
Садковскій Викторъ – – – – II. 290
Саковичъ Кассіанъ – – – – I. 101
Самко Іоакимъ – – – – – I. 67
Самойловичъ Иванъ *(гетманъ)* – I. 180
Сатановскій Арсеній – – – – I. 162
Сафоновичъ Θеодосій – – – I. 165
Святницкій Іоанникій – – – II. 71
Симоновскій Петръ – – – – II. 207
Синьковскій Варлаамъ – – – II. 291
Скамницкій Варлаамъ – – – II. 72
Сковорода Григорій – – – – II. 129
Славенницкій Епифаній – – – I. 160
Сломинскій Гедеонъ – – – – II. 140
Слоницкій Θеофилактъ – – – II. 291
Слотвинскій Митрофанъ – – – II. 141
Смирницкій Антоній – – – – II. 382
Сморжевскій Θеодосій – – – I. 312
Собковскій Парѳеній – – – II. 141
Сохацкій Павелъ – – – – II. 324
Сребницкій Никодимъ – – – II. 72
Ставицкій Анатолій – – – – II. 326
Ставицкій Иннокентій – – – II. —
Стаховскій Антоній – – – – I. 251
Съчкаревъ Лука – – – – – II. 207
Терешкевичъ Аполлосъ – – – II. 326
Тимковскій Романъ – – – – II. 410
Тихорскій Епифаній – – – – I. 313
Тихорскій Ѳома – – – – – II. 292
Тодорскій Симонъ – – – – II. 142
Топольскій Аѳанасій – – – II. 144
Транквилліонъ-Ставровецкій Кирил. I. 66
Трофимовичъ Исаія – – – – I. 156
Трощинскій Димитрій – – – II. 327
Туптало Димитрій *(святый)* – I. 219
Туробойскій Іосифъ – – – – I. 314
Углицкій Θеодосій – – – – I. 228
Устимовичъ Димитрій – – – II. 331
Фальковскій Веніаминъ – – – II. 144
Фальковскій Прилей – – – – II. 332
Флоринскій Авраамій – – – II. 209
Флоринскій Кириллъ – – – – II. 72
Формаковскій Іеронимъ – – – II. 209
Халчинскій Геннадій – – – – II. —
Хотунцевскій Іоасафъ – – – II. 72

Хмельницкій Богданъ *(гетманъ)* I. 67
Хмельницкій Иванъ - - - - II. 210
Цвѣтъ Николай - - - - - II. —
Чарнуцкій Ѳеофанъ - - - - II. 145
Шванскій Михаилъ - - - - II. 333
Шишковскій Іоакимъ - - - II. 211
Шіяновъ Ѳеофанъ - - - - II. 292
Шпаковскій Савва - - - - I. 314
Щепинъ Константинъ - - - II. 145
Щербацкій Тимоѳей - - - - II. 73
Юшкевичъ Амвросій - - - I. 314
Яворскій Стефанъ - - - - I. 228
Якубовскій Тихонъ - - - - II. 211
Ямницкій Іосифъ - - - - - II. 148
Янковскій Ѳеодосій - - - - II. 74
Яновскій Ѳеодосій - - - - I. 229
Ясинскій Варлаамъ - - - - I. 180
Ясновскій Даніилъ - - - - II. 333
Эминъ Ѳедоръ - - - - - - II. 212
Ѳеофанъ *(іеродіаконъ)* - - - I. 166

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Почтительно кланяясь всѣмъ просвѣщеннымъ читателямъ моимъ, усерднѣйше прошу сообщать мнѣ всевозможныя свѣдѣнія о лицахъ, когда либо воспитывавшихся въ Кіевской Академіи и стяжавшихъ себѣ вѣчную память дѣлами, касающимися Церкви православной, отечества и просвѣщенія народнаго. Грустно подумать, какъ мало мы знаемъ о людяхъ, ознаменовавшихъ жизнь свою христіанскими, многополезными дѣяніями. Былъ такой-то, умеръ тамъ-то — вотъ и все! Грѣхъ передъ Богомъ и передъ Отечествомъ за такую холодность нашу къ тѣмъ, которые подвигомъ добрымъ подвизались и теченіе свое скончали во св. Вѣрѣ и прекрасной дѣятельности!.. Христомъ Богомъ умоляю всѣхъ и каждаго сообщать мнѣ всякаго рода свѣдѣнія объ іерархахъ нашей Церкви и другихъ знаменитыхъ лицахъ, воспитывавшихся въ древнѣйшемъ нашемъ училищѣ. Не нужно мнѣ ни хитростей витійства, ни даже строгой разборчивости въ фактахъ,— все пожалуйте, за все буду благодаренъ. Буде кто отзовется на мой просительный голосъ: тотъ пусть посылаетъ свои драгоцѣнныя замѣтки *въ Кіевъ, въ Редакцію Воскреснаго Чтенія*, на имя *Коллежскаго Совѣтника В. П. Аскоченскаго*.

Авторъ.